СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

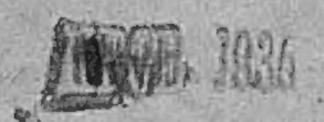
А. Д. ГРАДОВСКАГО

VI

ТОМЪ ~~ЧЕТВЕРТЫЙ~~.

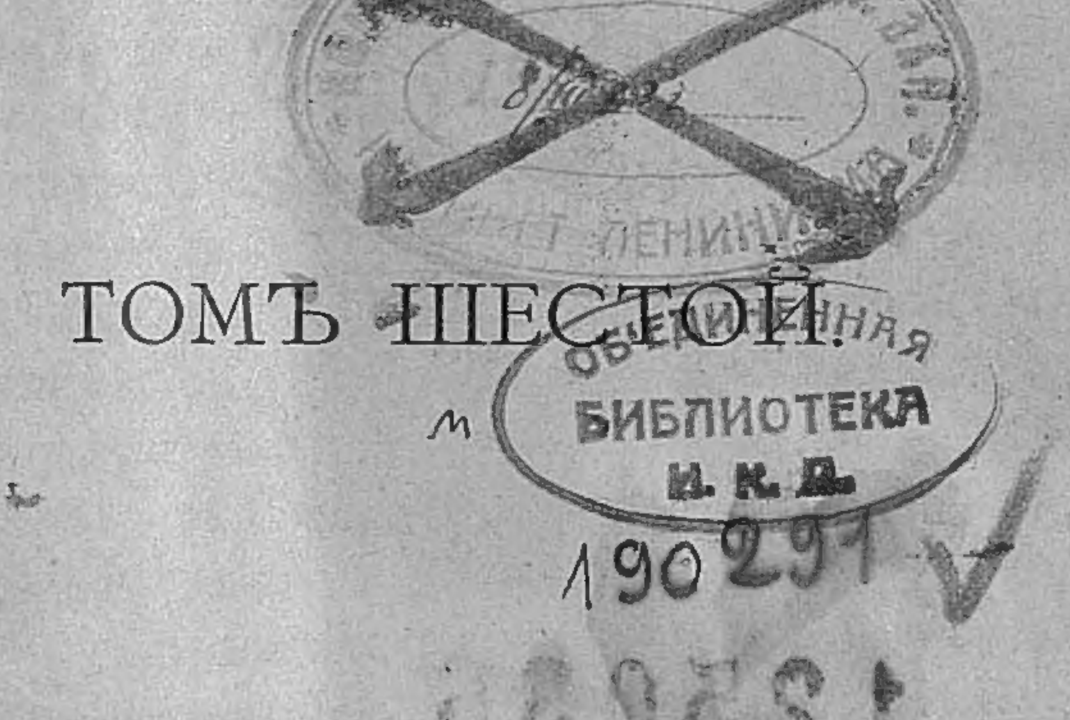
шестой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1900.



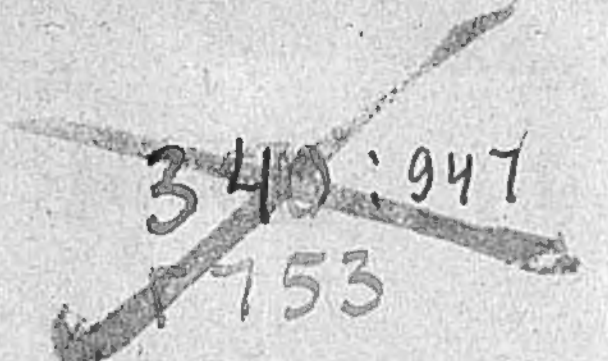
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Д. ГРАДОВСКАГО



ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1901



ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

2975

125036
КОММУН. УНИВЕР. НАЦ. МЕН.
№
КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
Ун-та Нац. Мен.
имени
Ю. Ю.
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи, вошедшія въ шестой томъ собранія сочиненій А. Д. Градовскаго, касаются въ той или другой формѣ національнаго вопроса, столь живо интересовавшаго покойнаго профессора въ теченіе всей его ученой и публицистической дѣятельности. Говоритъ ли онъ о нѣкоторыхъ наболѣвшихъ вопросахъ внутренней политики, разсматриваетъ ли культурныя и политическія задачи Россіи въ отношеніи къ славянству и Западной Европѣ, разбираетъ ли международныя осложненія, вызванныя войной 1877 года,—авторъ этихъ статей исходитъ всюду изъ тѣхъ самыхъ положеній, которыя теоретически развиты въ его изслѣдованіяхъ о національномъ вопросѣ въ Россіи. Несмотря на общность содержанія всѣхъ этихъ разнообразныхъ по характеру своему произведеній, мы не рѣшились предложить ихъ въ общемъ хронологическомъ порядкѣ. Удобство изданія потребовало выдѣленія въ особыя группы, во-первыхъ, статей, написанныхъ въ теченіе 1876—1878 годовъ и относящихся сначала къ Герцеговинскому возстанію, а затѣмъ къ Русско-Турецкой войнѣ, и, во-вторыхъ, статей, посвященныхъ польскому вопросу: эти группы примкнули къ основнымъ статьямъ, разсматривающимъ національный вопросъ въ исторіи и литературѣ. Такимъ образомъ весь томъ разбился на три отдѣла.

Въ *первый* отдѣлъ, обнимающій статьи и публичныя лекціи о національномъ вопросѣ, вошли:

I. „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ"—сборникъ, составленный въ 1873 году изъ статей—отчасти уже напечатанныхъ въ 1871 и 1872 годахъ [1]).

---

[1]) „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. А. Градовскаго. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1873 г. Тип. и лит. Траншеля. VI и 309 стр. 8°."—Первую часть сборника, Введеніе, составила статья, напечатанная въ *Бесѣдѣ* за

II. „Національный вопросъ"—статья, составленная изъ трехъ публичныхъ лекцій автора, читанныхъ въ С.-Петербургѣ 12, 14 и 17 декабря 1876 года [1]).

III. „Старое и новое славянофильство" [2]).

IV. „Прошедшее и настоящее" [3]).

V. „Сѣмя плевелъ" [4]).

VI. „Надежды и разочарованія" [5]).

VII. „Реформы и народность" [6]).

VIII. „Мечты и дѣйствительность (По поводу рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго)" [7]).

IX. „Тревожный вопросъ" [8]).

X. „Либерализмъ и западничество" [9]).

XI. „Не архитектуры, а жизни" (по поводу мнѣній газеты *Русь*) [10]).

XII. „Славянофильская теорія государства. (Письмо въ редакцію)" [11]).

1872 годъ: „Государство и народность. Опытъ постановки національнаго вопроса по отношенію его къ политикѣ, I—III. А. Градовскій", декабрь, стр. 5—27. Вторую часть сборника составили статьи, напечатанныя тамъ же: „Современныя воззрѣнія на государство и національность. А. Градовскій". Гл. I—VII, январь, стр. 43—73. Гл. VIII—XII, февраль, стр. 119—178. Здѣсь послѣдняя, XII-я глава содержитъ окончаніе, опущенное авторомъ во второмъ изданіи, въ сборникѣ *Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ*. Это окончаніе печатается въ „Приложеніи I" къ этому тому. Въ третью часть вошли три публичныя лекціи, читанныя въ мартѣ 1871 года и напечатанныя въ *Бесѣдѣ* за 1871 годъ: „Возрожденіе Германіи и Фихте Старшій. А. Градовскій". Лекціи I—III, май, стр. 52—109. Четвертую часть составили четыре лекціи, читанныя въ 1873 году и впервые напечатанныя въ этомъ сборникѣ.

[1]) Напеч. въ *Сборникѣ государственныхъ знаній*, подъ редакціей В. П. Безобразова, т. III, стр. 222—265, за подписью А. Д. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербурскаго университета. — Вошла въ сборникъ *Трудные годы*, стр. 46—96.

[2]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., фельетонъ 16 августа, № 225, за подписью В. Ж.

[3]) Напеч. въ *Русской рѣчи* 1879 г., сентябрь, стр. 165—203, за подписью А. Градовскій. Вошла въ сборникъ *Трудные годы*, стр. 292—337.

[4]) Напеч. въ *Голосѣ* 1879 г., фельетонъ 30 августа, № 239, за подписью В. Ж.

[5]) Напеч. въ *Русской рѣчи* 1880 г., январь, стр. 190—230, за подписью А. Градовскій. Вошла въ сборникъ *Трудные годы*, стр. 382—430.

[6]) Напеч. въ *Русской рѣчи* 1880 г., апрѣль, стр. 133—156, за подписью А. Градовскій. Вошла въ сборникъ *Трудные годы*, стр. 431—459.

[7]) Напеч. въ *Голосѣ* 1880 г., фельетонъ 25 іюня, № 174, за подписью А. Градовскій.

[8]) Напеч. въ *Голосѣ* 1880 г., фельетонъ 9 іюля, № 188, за подписью А. Градовскій.

[9]) Напеч. въ *Голосѣ* 1880 г., фельетонъ 27 августа, № 236, за подписью Александръ Градовскій.

[10]) Напеч. въ *Русской рѣчи* 1880 г., декабрь, стр. 93—103, за подписью А. Градовскій.

[11]) Напеч. въ *Голосѣ* 1881 г., фельетонъ 10 іюня, № 159, за подписью А. Градовскій.

XIII. „По поводу одного предисловія. Н. Страховъ. *Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ*. Спб. 1882 г.“ [1]).

XIV. „Мечтанія самобытника“ [2]).

XV. „О пессимизмѣ. (Изъ разсужденій самобытника)“ [3]).

Во *второй* отдѣлъ, озаглавленный Славянскій вопросъ и война 1877 года, вошли:

I. „Внѣшняя политика Россіи въ 1875 году“ [4]).

II. „За славянъ. (Къ русскому обществу)“ [5]).

III. „Единоборство на Балканскомъ полуостровѣ“ [6]).

IV. „Россія и славяне“ [7]).

V. „Нѣчто о мирѣ“ [8]).

VI. „Письмо къ г-ну Дизраэли, первому министру е. в. королевы Великобританніи и императрицы Индіи“ [9]).

VII. „Объ общественномъ мнѣніи“ [10]).

VIII. „Алексѣй Григорьевичъ Ерошенко. (Некрологъ)“ [11]).

IX. „По поводу полемики съ нѣмецкою печатью. (Письмо къ редактору)“ [12]).

X. „Политическое обозрѣніе“ [13]).

XI. „Черняевскій вопросъ“ [14]).

---

[1]) Напеч. въ *Вѣстникѣ Европы* 1882 г., май, стр. 271—288, за подписью Александръ Градовскій.

[2]) Напеч. въ *Голосѣ* 1883 г., фельетонъ 1 января, № 1, за подписью Вятичъ.

[3]) Напеч. въ *Голосѣ* 1883 г., фельетонъ 12 января, № 12, за подписью Вятичъ.

[4]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., передовая статья 1 января, № 1, безъ подписи.

[5]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 8 іюля, за подписью Александръ Градовскій.

[6]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 17 іюля, № 196, за подписью Александръ Градовскій.

[7]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 25 іюля, № 204, за подписью Александръ Градовскій.

[8]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 30 іюля, № 209, за подписью А. Градовскій.

[9]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 3 августа, № 213, за подписью А. Градовскій, неизвѣстный Вамъ профессоръ Петербургскаго университета, можетъ быть, также Вамъ неизвѣстнаго.

[10]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 11 августа, № 220, за подписью Александръ Градовскій.

[11]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 24 августа, № 233, за подписью А. Градовскій.

[12]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., фельетонъ 1 сентября, № 241, за подписью А. Градовскій.

[13]) Напеч. въ *Голосѣ* 1876 г., передовая статья 3 октября, № 273, безъ подписи.

[14]) Напеч. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1876 г., фельетонъ 30 ноября, № 331, за подписью А. Градовскій.

XII. „Константинопольская конференція“ [1]).
XIII. „Задача современной войны“ [2]).
XIV. „Война и ея значеніе для Россіи“ [3]).
XV. „Цѣли войны и условія мира съ Турціей“ [4]).
XVI. „Прибытіе Государя Императора въ Петербургъ“ [5]).
XVII. „Итоги 1877 года“ [6]).
XVIII. „Миръ съ Турціей“ [7]).
XIX. „Роковая минута“ [8]).
XX. „Что дѣлать съ Англіей?“ [9]).
XXI. „Что же дальше?“ [10]).
XXII. „Условія народной войны“ [11]).

XXIII. „Отрывокъ, относящійся къ рѣчи, произнесенной на чрезвычайномъ собраніи Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству 4 апрѣля 1878 г.“ — Этотъ отрывокъ найденъ въ бумагахъ покойнаго А. Д. Градовскаго. Во „II Приложеніи“ къ этому тому напечатана выписка изъ протокола этого собранія, гдѣ та же рѣчь передана въ извлеченіяхъ [12]).

XXIV. „Внутреннее противорѣчіе Берлинскаго конгресса“ [13]).
XXV. „Насиліе Берлинскаго конгресса“ [14]).

XXVI. „Письмо къ Высокопреосвященному Михаилу, Архіепископу Бѣлградскому, Митрополиту Сербскому“ [15]).

---

[1]) Напеч. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1876 г., фельетонъ 1 декабря, № 332, за подписью А. Градовскій.

[2]) Напеч. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1877 г., фельетонъ 17 апрѣля, № 105, за подписью А. Градовскій и съ указаніемъ: статья первая.

[3]) Напеч. въ *Голосѣ* 1877 г., передовая статья 25 мая, № 103, безъ подписи.

[4]) Напеч. въ *Голосѣ* 1877 г., фельетонъ 17 ноября, № 279, за подписью Александръ Градовскій.

[5]) Напеч. въ *Голосѣ* 1877 г., передовая статья 10 декабря, № 302, безъ подписи.

[6]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., передовая статья 1 января, № 1, безъ подписи.

[7]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., фельетонъ 21 января, № 21, за подписью А. Градовскій.

[8]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., фельетонъ 31 января, № 31, за подписью Александръ Градовскій.

[9]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., фельетонъ 12 марта, № 71, за подписью Александръ Градовскій.

[10]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., фельетонъ 25 марта, № 84, за подписью Александръ Градовскій.

[11]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., передовая статья 26 марта, № 85, безъ подписи.

[12]) Напеч. въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству*, вып. XL, стр. 4—6.

[13]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., передовая статья 28 іюня, № 177, безъ подписи.

[14]) Напеч. въ *Голосѣ* 1878 г., передовая статья 29 іюня, № 178, безъ подписи.

[15]) Напеч., послѣ смерти автора, въ *Благовѣстѣ* 1890 г., 15 августа, стр. 12—16,

Третій отдѣлъ, посвященный польскому вопросу, составили:

I. „Письмо къ И. С. П. По поводу польскаго вопроса". — Письмо это доставлено вдовѣ покойнаго А. Д. Градовскаго г-мъ И. С. П.

II. „По поводу польскаго легіона въ Турціи" [1]).

III. „Польскій вопросъ. Отвѣтъ на письмо эмигранта" [2]).

IV. „Письмо къ Н. И. Костомарову" [3]).

Большинство перечисленныхъ здѣсь статей подписаны именемъ автора или однимъ изъ его псевдонимовъ (В. Ж. и Вятичъ). Но нѣсколько статей, относящихся ко второму отдѣлу, были помѣщены въ *Голосѣ* безъ его подписи. Принадлежность ихъ А. Д. Градовскому любезно удостовѣрена В. А. Бильбасовымъ, взявшимъ на себя трудъ пересмотрѣть статьи А. Д. Градовскаго, помѣщенныя въ *Голосѣ*. Благодаря указаніямъ Василія Алексѣевича, мы получили возможность обогатить наше изданіе нѣсколькими цѣнными статьями, принадлежность которыхъ А. Д. Градовскому безъ этого не могла бы быть установлена. Приносимъ за это В. А. Бильбасову нашу искреннюю благодарность.

за подписью Александръ Градовскій (профессоръ). Въ переводѣ на сербскій языкъ помѣщено въ *Српске Новине* 1878 г., за № 262.

[1]) Напеч. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1877 г., 3 мая, № 121, за подписью А. Градовскій.

[2]) Напеч. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1877 г., 12 іюня, № 160, за подписью А. Градовскій.

[3]) Напеч. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1877 г., фельетонъ 4 августа, № 213, за подписью А. Градовскій.

Четвертый томъ собранія сочиненій А. Д. Градовскаго содержитъ появившееся въ 1886 году сочиненіе подъ заглавіемъ: *Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ*, томъ I, *часть историческая.* С.-Петербургъ. Типографія М. М. Стасюлевича. 1886.

Какъ видно изъ введенія къ этому сочиненію (см. ниже, стр. 37), авторъ имѣлъ въ виду слѣдующія части своего труда посвятить догматическому изложенію началъ и формъ государственнаго устройства главныхъ державъ Европы и Америки. Онъ предполагалъ во второй части остановиться на изложеніи общихъ началъ конституціоннаго государства, независимо отъ различія отдѣльныхъ его формъ, дать въ третьей части обозрѣніе учрежденій конституціонныхъ монархій, и посвятить четвертую часть—республикамъ и федераціямъ.

А. Д. Градовскому не удалось закончить задуманный имъ обширный трудъ. Уже послѣ его смерти, въ 1894 году, появились въ печати читанныя имъ въ 1885 году лекціи по государственному праву важнѣйшихъ европейскихъ державъ [1]). Эти лекціи содержатъ въ себѣ догматическое изложеніе современнаго конституціоннаго устройства и поэтому могутъ считаться продолженіемъ напечатанной еще при жизни автора исторической части. Онѣ будутъ напечатаны въ слѣдующемъ, пятомъ, томѣ собранія сочиненій А. Д. Градовскаго.

---

[1]) *Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ.* Лекціи, читанныя въ 1885 г. А. Д. Градовскимъ. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый томъ „Государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ *развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы.* Издавая его въ свѣтъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ относительно общей цѣли и плана этой книги.

Развитіе и распространеніе конституціонныхъ учрежденій въ XIX столѣтіи было результатомъ нѣкоторыхъ общихъ условій политической, національной, духовной и экономической жизни европейскихъ народовъ. Ознакомленіе съ ними необходимо для каждаго, желающаго ознакомиться не только съ юридической системой западныхъ учрежденій, но и съ условіями ихъ возникновенія. Такое знакомство будетъ всегда полнѣе и, такъ сказать, *жизненнѣе.*

При связи и взаимодѣйствіи событій новой европейской исторіи мнѣ казалось полезнымъ изложить ихъ въ *цѣльномъ* очеркѣ, а не въ отдѣльности, по странамъ. Послѣдній пріемъ представляетъ свои выгоды, давая возможность освѣщать событія бо́льшими подробностями національной исторіи. Но, независимо отъ того, что этотъ пріемъ значительно расширилъ бы рамки труда и потребовалъ бы безполезныхъ повтореній, онъ не далъ бы возможности представить читателю цѣльной и связной картины политическаго перерожденія Европы. Цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы, по прочтеніи каждой главы, относящейся къ отдѣльному періоду политической исторіи Европы, у читателя оставалось цѣльное впечатлѣніе о поступательномъ или попятномъ движеніи конституціонныхъ учрежденій во всѣхъ европей-

…ь государствахъ. Насколько достигнута эта цѣль — судить, конечно, не мнѣ.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только одна Англія не только сохранила средневѣковыя представительныя учрежденія, но и развила ихъ въ формы новой конституціонной монархіи. Прочія государства или утратили средневѣковыя учрежденія, или, сохранивъ ихъ, подобно Венгріи, остались на почвѣ прежнихъ отношеній.

Поэтому исторія развитія конституціонныхъ учрежденій въ Англіи представляетъ особый интересъ, и имъ посвящена первая половина этого тома. Хотя русская литература и обогатилась въ этомъ (1885) году переводомъ капитальнаго труда Гнейста [1]), но и предлагаемый очеркъ можетъ быть не излишнимъ. Великая заслуга Гнейста состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на органическую связь мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій Англіи, выяснилъ значеніе мѣстнаго самоуправленія, какъ основанія политической свободы Англіи, и раскрылъ значеніе общественныхъ силъ, создавшихъ и поддерживающихъ британскую конституцію. Но, увлекаясь любимою темою и часто впадая въ преувеличенія, Гнейстъ недостаточно останавливается на *политической* сторонѣ этой конституціи и мало даетъ для исторіи парламента. Можно сказать, что его исторія англійской *конституціи* (Verfassungsgeschichte) сводится къ исторіи *управленія* (Verwaltungsgeschichte).

Я старался восполнить этотъ пробѣлъ, руководствуясь для средневѣковой исторіи классическимъ сочиненіемъ Стёббса, а для періода Тюдоровъ и Стюартовъ лучшимъ до сихъ поръ трудомъ Галлама. Не мало полезныхъ указаній для средневѣковой исторіи нашелъ я и въ трудахъ нашего спеціалиста по англійскому праву, профессора Ковалевскаго. По новѣйшей исторіи Германіи, я воспользовался нѣкоторыми частями моего сочиненія: *Германская конституція*.

Исторія развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на континентѣ Европы я началъ со времени первой французской революціи. Но этому историческому обозрѣнію предпосланъ краткій очеркъ развитія политическихъ *идей*, имѣвшихъ вліяніе на направленіе умовъ въ исходѣ XVIII вѣка. Конституціонная исторія Европы доведена, главнымъ образомъ, до установленія новыхъ представительныхъ учрежденій въ Австро-Венгріи, когда конституціонное управленіе было при-

[1]) Переводъ С. А. Венгерова.

нято послѣднимъ изъ важнѣйшихъ государствъ Европы. Это не исключило указаній на важнѣйшія изъ позднѣйшихъ событій, указаній, необходимыхъ для связи исторической части моего труда съ частью догматическою.

Излагая перемѣны въ государственномъ устройствѣ какъ Англіи, такъ и континентальныхъ державъ, я, для объясненія ихъ, останавливался и на главныхъ событіяхъ общей политической исторіи. Это, конечно, увеличило объемъ моего труда и усложнило мою задачу. Объемъ этого тома заставилъ меня ограничить библіографическія указанія, такъ какъ примѣчанія были мнѣ необходимы для подробностей біографическихъ, для разъясненія фактовъ и терминовъ, заключающихся въ текстѣ, и т. д.

Трудъ, имѣющій такую обширную задачу, вѣроятно представляетъ не мало недостатковъ, которые, конечно, и будутъ указаны критикой, въ интересахъ дѣла.

А. Градовскій.

С.-Петербургъ.
20 ноября 1885 г.

m. 6

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТАТЬИ И ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВОПРОСѢ.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга представляетъ соединеніе нѣсколькихъ статей, уже напечатанныхъ съ 1871 по 1873 г. въ журналѣ *Бесѣда*; только послѣдняя статья, посвященная славянофиламъ, появляется въ первый разъ.

Всѣ эти статьи написаны въ различное время и по различнымъ поводамъ; но всѣ онѣ представляютъ, какъ мнѣ кажется, одно цѣлое, потому что связаны и проникнуты одною идеею.

Идея эта достаточно опредѣляется заглавіемъ книги. Изслѣдовать значеніе національнаго вопроса для современной политической жизни, прослѣдить условія его возникновенія — такова общая мысль этихъ, повидимому, разрозненныхъ этюдовъ.

Почему я обращался къ этой мысли всякій разъ, когда срочныя занятія оставляли мнѣ нѣсколько свободныхъ минутъ и когда мнѣ случалось обращаться къ обществу въ формѣ публичныхъ чтеній — понятно само собою. Каждый мыслящій человѣкъ не можетъ не замѣтить слѣдующаго знаменательнаго факта:

По мѣрѣ того какъ европейскія государства принимаютъ болѣе свободныя формы; по мѣрѣ того какъ въ нихъ утверждается начало равноправности, развивается просвѣщеніе, усиливается самодѣятельность общества и его участіе въ политическихъ дѣлахъ—въ каждомъ обществѣ укрѣпляется сознаніе его индивидуальныхъ особенностей, сознаніе себя какъ нравственной личности среди другихъ народовъ.

Католическая и феодальная Европа среднихъ вѣковъ не знала національнаго вопроса. Не знала его и Европа, созданная вестфаль-

скимъ миромъ, Европа искусственныхъ государствъ, сложившихся по внѣшнимъ политическимъ соображеніямъ и послѣ того передѣлывавшихся трактатами, завоеваніями, продажами и т. д.

Національный вопросъ поставленъ и формулированъ въ XIX вѣкѣ. Онъ вытекаетъ изъ факта признанія въ народѣ нравственной и свободной личности, имѣющей право на самостоятельную исторію, слѣдовательно на свое государство. Этотъ философскій и политическій принципъ подкрѣпляется выводами наукъ, созданныхъ въ наше время: антропологіи и науки о языкѣ; онъ подтверждается выводами исторіи, получившей такое развитіе въ XIX вѣкѣ. До того времени какъ сложились антропологія и наука о языкѣ, до современныхъ успѣховъ исторіи, „человѣчество" представлялось какой-то безформенной массой „недѣлимыхъ", мало чѣмъ различавшихся другъ отъ друга. Теперь человѣчество представляется какъ система разнородныхъ человѣческихъ группъ, громко заявляющихъ свое право на самобытное существованіе. Эти стремленія выразились и практически осуществились въ освобожденіи Греціи, въ освобожденіи и объединеніи Италіи, въ образованіи Германской имперіи. Тѣ же стремленія ясно замѣчаются и въ другихъ мѣстахъ.

Въ виду такихъ фактовъ можетъ ли наука о государствѣ довольствоваться прежними исходными точками, прежнимъ методомъ? Можетъ ли она ставить во главѣ своей теоріи абстрактную идею государства, выведенную изъ однѣхъ *личныхъ* потребностей *недѣлимаго*, безъ отношенія къ народности, составляющей государство? Другими словами, должно ли признавать государство „собраніемъ недѣлимыхъ" или въ немъ должно видѣть извѣстное условіе національной жизни?

Остаться при прежнихъ воззрѣніяхъ, значитъ отказаться отъ путей изслѣдованія, открытыхъ другими науками, значитъ упорствовать въ метафизическихъ пріемахъ тамъ, гдѣ другія науки указываютъ на необходимость метода положительнаго. Но такимъ путемъ мы не будемъ уже въ состояніи разрѣшить ни одного изъ существенныхъ вопросовъ нашего времени. Признать же выводы другихъ наукъ, значитъ прійти къ теоріи *національнаго государства*, увидѣть въ народности нормальную основу каждаго государства. Эта мысль проникаетъ всѣ собранныя здѣсь статьи.

Національная идея, въ томъ видѣ какъ ее выработало наше время, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нѣкоторыми началами, пользовавшимися такимъ авторитетомъ въ прежнее время.

Она противорѣчитъ началу метафизическаго космополитизма, во имя котораго доказывалось, что для человѣка все равно, къ какому бы государству онъ ни принадлежалъ, что государство можетъ быть составлено изъ какихъ угодно народностей и, наконецъ, что конеч-

ная цѣль человѣчества—составить всемірное государство. Она противорѣчитъ практическому примѣненію этихъ принциповъ—системѣ искусственныхъ государствъ и планамъ всемірной монархіи. Въ томъ и другомъ національная теорія видитъ актъ насилія, уничтоженіе народной индивидуальности.

Національная теорія противорѣчитъ теоріи узкаго индивидуализма, выставленнаго въ свое время принципомъ государственной политики. Дѣятельность государства не можетъ быть сведена къ простому *охраненію личныхъ силъ*, задачѣ отрицательной. Предметъ государственной политики—жизнь опредѣленнаго народа, во всемъ ея объемѣ, и вотъ почему государство должно быть такимъ же орудіемъ прогресса, какъ и личная предпріимчивость.

Эта теорія національно-прогрессивнаго государства одна можетъ быть противупоставлена требованіямъ нашего времени, сдержать завоеванія ученій, которыя принято называть „разрушительными", хотя они суть только „инобытіе" господствовавшей государственной теоріи.

Ясно само собою, что національная теорія государства признаетъ солидарность, неразрывную связь между всѣми элементами политической народности—какъ правительственными, такъ и общественными. Она не противуполагаетъ, въ качествѣ элементовъ враждебныхъ и исключающихъ другъ друга—*личности и государства, общества и государства*.

Признавая такое различіе, въ качествѣ принципіальнаго, мы или низводимъ государство на степень служебнаго средства личнаго своекорыстія, или превращаемъ его въ абстрактную силу, устраняющую всякое значеніе личныхъ и общественныхъ силъ въ жизни народной. Результаты различны, но исходная точка одна: раздвоеніе въ теоріи и въ практикѣ земли и государства.

Мнѣ пришлось говорить противъ этихъ двухъ различныхъ выводовъ въ двухъ статьяхъ. Разбирая теоріи западно-европейскихъ ученыхъ [1]), я возражалъ противъ торжествующаго индивидуализма, этого законнаго чада раціонализма. Разсматривая ученіе славянофиловъ, я старался показать, что одною изъ главныхъ ихъ задачъ было противодѣйствіе абстрактности государственной формы, обособлявшейся отъ земли.

Наконецъ, національная теорія видитъ условія народнаго прогресса не въ той или другой комплікаціи государственныхъ формъ, не въ томъ или другомъ сочетаніи частей государственнаго механизма, а въ возрожденіи *духовныхъ силъ народа*, въ его самосознаніи

---

[1]) *Современныя воззрѣнія на государство и національность.*

и обновленіи его идеаловъ. Такова была мысль Фихте, видѣвшаго спасеніе Германіи въ народномъ воспитаніи, такова была мысль славянофиловъ, чаявшихъ возрожденія Россіи отъ пробужденія въ обществѣ извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ.

Таковы главныя изъ началъ, развиваемыхъ въ этомъ сборникѣ. Не сомнѣваюсь, что многое здѣсь не договорено и даже не могло быть договорено по обширности и новости вопроса. Національный вопросъ ждетъ еще изслѣдованій болѣе полныхъ и обстоятельныхъ, чѣмъ предлагаемые этюды.

Я не теряю надежды, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, договорить и развить многое изъ здѣсь сказаннаго. Теперь ограничиваюсь изданіемъ этихъ этюдовъ въ ихъ первоначальной формѣ. Для дальнѣйшихъ моихъ работъ нужны новые матеріалы, которые я собираю, и добросовѣстныя возраженія, отъ которыхъ, вѣроятно, не откажутся люди, интересующіеся дѣломъ.

А. Градовскій.

25 мая 1873 г.
С.-Петербургъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Постановка національнаго вопроса по отношенію его къ политикѣ [1]).

Наблюдая *этнографическій* составъ современныхъ европейскихъ государствъ, можно замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ *однородны* въ отношеніи всѣхъ своихъ элементовъ. Высшіе и низшіе классы сознаютъ общность своего происхожденія, говорятъ однимъ языкомъ, исповѣдуютъ приблизительно одну религію; правительство, какъ одинъ изъ элементовъ общества, также ни по своему происхожденію, ни по

---

[1]) Вопросъ объ отношеніи государства къ народности породилъ обширную литературу, главнымъ образомъ послѣ движенія національностей въ 1848 г. *Главнѣйшія* указанія на эту литературу и ея содержаніе можно найти какъ въ общихъ сочиненіяхъ по государственному праву, такъ и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Назовемъ доступнѣйшія пособія:

Моль (Р. фонъ), *Encyclop. der Staatswissensch.*, § 89.—Его же статья въ сборникѣ его статей: *Staatsrecht, Völkerrecht* und *Politik*, т. II, стр. 332—362.—Шульце, *Einleitung in das deutsche Staatsrecht*, стр. 157 и слѣд.—Блунчли, *Allgem. Staatsrecht*, т. I, кн. II, гл. II—IV.—Его же статья въ *Staatswörterbuch* Блунчли и Братера, т. VII, стр. 152—160.—Милль. *Considerations on repres. gov.* (*Размышленія о представит. правл.*), гл. XVI. — Этвешъ, *Der Einfluss der herrschenden Ideen des XIX. Jahrhund. auf den Staat*, въ т. I, гл. III, V, VII, въ т. II вся I книга и отдѣльныя замѣчанія въ прочихъ.—Фихте Старшій, *Reden an die deutsche Nation* (см. мою статью о Фихте, *Бесѣда* 1871 г., май). — Меткія замѣчанія у Шталя, *Philosophie des Rechst, II, 2*, стр. 161 и слѣд.—Бюше, *Traité de politique et de science sociale*, т. I, стр. 74 и слѣд. (о Бюше см. мою статью: *Государство и прогрессъ*, помѣщ. въ сборникѣ моихъ статей: *Политика, исторія и администрація*). Не лишнее будетъ замѣтить, что слово національность (nationalité), въ современномъ смыслѣ этого слова, въ первый разъ употребилъ Бюше, въ 1830 г.

Нѣкоторыя другія сочиненія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

языку, ни по религіи не отличается отъ прочей массы народонаселенія. Таковы Италія, Испанія, отчасти Франція; къ этому же идеалу стремится приблизиться современная Германія. Другія государства представляютъ противоположное явленіе. Они состоятъ изъ различныхъ народностей, сохранившихъ воспоминаніе о своей самостоятельности и безпрерывно стремящихся къ ней. Правительство ни по языку, ни по происхожденію, не принадлежитъ ко *всей* массѣ народонаселенія. Сила его опирается на *одну* изъ народностей, входящихъ въ составъ государства, или на одинъ *классъ*, вполнѣ съ нимъ родственный; эта народность или этотъ классъ получили, поэтому, политическое *преобладаніе* въ странѣ. Таковъ характеръ современной Австріи, съ ея преобладающею нѣмецкою народностью.

Фактъ существованія такихъ государствъ наводитъ на мысль, что однородность *всѣхъ* элементовъ государства не есть необходимое условіе его существованія; что „государство", въ смыслѣ *юридической* формы общества, можетъ обнять и совмѣстить въ себѣ самые разнородные этнологическіе элементы, что, слѣдовательно, самое *понятіе* можетъ быть составлено при помощи однихъ *юридическихъ* признаковъ.

Всѣ эти основанія приводятъ къ различенію понятій *государства* и *народности:* государство, какъ юридическая форма общества, не совпадаетъ, какъ говорятъ, съ понятіемъ опредѣленнаго народа; оно то шире, то уже его.

Разобрать состоятельность этого воззрѣнія съ точки зрѣнія условій народной культуры и прогресса есть задача этого введенія [1]).

I.

Очеркъ историческаго развитія національнаго вопроса.

I. „Въ политической *практикѣ*, говоритъ Бюше, вообще обращали большое вниманіе на духъ народности. Завоеватели и законодатели знаютъ по опыту, что въ этомъ духѣ—и самая прочная поддержка учрежденій, и самое сильное имъ противодѣйствіе. Напротивъ, публицисты и юристы, занимавшіеся политикою теоретически, отъ Аристотеля и до нашихъ дней, вообще пренебрегали этимъ вопросомъ. Они не изслѣдовали—ни почему, ни какъ происходятъ вещи".

Бюше вполнѣ правъ въ томъ отношеніи, что, дѣйствительно, *ученіе о народности не играетъ почти никакой роли въ теоріяхъ государства.*

---

[1]) Нѣкоторыя (но очень немногія) мѣста этого введенія извлечены мною изъ прежнихъ моихъ трудовъ.

Съ давнихъ поръ наука о государствѣ имѣетъ дѣло съ понятіемъ *общества*, выросшаго и сложившагося подъ вліяніемъ *индивидуальныхъ* свойствъ и потребностей человѣка. Это идеальное „общество", безъ роду и племени, языка и прочихъ особенностей культуры, служило, въ глазахъ теоретической науки, основою государства. Можно сказать больше. Воображаемое „общество", аггрегатъ недѣлимыхъ, соединенныхъ своими личными потребностями, не имѣло никакой внѣшней опредѣленности, никакого самостоятельнаго бытія безъ государства, опредѣлявшаго форму и границы каждаго даннаго политическаго общества.

Такимъ образомъ, государство, по самой идеѣ своей, складывалось изъ массы безразличныхъ атомовъ; послѣдніе, соединенные государственною связью, становились обществомъ. Понятно, что подобное государство могло быть образовано изъ самыхъ разнородныхъ этнологическихъ элементовъ. Государство, образованное изъ обломковъ различныхъ народностей, считалось явленіемъ вполнѣ нормальнымъ.

Эти воззрѣнія подтверждались какъ теоретическими пріемами науки, такъ и явленіями государственной практики.

II. „Государство (civitas), говоритъ Кантъ, есть соединеніе массы людей подъ господствомъ юридическихъ законовъ" [1]).

Вотъ полное опредѣленіе государства съ юридической точки зрѣнія. Лучше сказать, это единственно возможное опредѣленіе государства, какъ *только* юридической формы общества.

Мы не встрѣчаемся здѣсь съ бытовыми, этнологическими признаками; но они и не нужны. Юридическіе законы безразлично относятся къ самой разнородной въ этнологическомъ отношеніи массѣ людей. Эта масса, въ глазахъ закона, только масса „недѣлимыхъ". Она можетъ быть составлена изъ самыхъ различныхъ этнологическихъ элементовъ, и, съ точки зрѣнія Канта, необходимо будетъ признать въ ней всѣ признаки государственнаго общенія—подчиненіе законамъ, исходящимъ отъ одной власти.

Г. Сергѣевичъ, въ своемъ основательномъ трудѣ—*Задача и методъ государственныхъ наукъ*, жалуется, что „государственное право Канта отличается крайнею бѣдностью содержанія" [2]). Но могло ли это государственное право или, лучше сказать, эта юридическая теорія государства, имѣть болѣе богатое содержаніе, когда она не обращала вниманія на то, что способно наполнить содержаніе истинной теоріи государства?

---

[1]) Кантъ, *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*, § 45: „Ein Staat (civitas) ist die Vereinigung einer Menge von Menschen unter Rechtsgesetzen".

[2]) *Зад. и мет. госуд. наукъ*, стр. 62 прим. 2.

Для политической философіи, образованной школою Канта, было ясно одно: что подобно тому, какъ *понятіе* государства можетъ быть составлено изъ однихъ юридическихъ признаковъ, такъ и для дѣйствительныхъ государствъ этнологическія условія не имѣютъ значенія.

III. То, что̀ высказывалось въ теоріи во имя раціональной философіи и строго-юридическихъ представленій, совершалось на практикѣ во имя совершенно другихъ соображеній. Историческія государства часто составлялись въ ущербъ интересамъ народности: въ большинствѣ случаевъ принципъ народности разсматривался какъ нѣчто безразличное для государства. Причина такого безразличія заключалась во взглядѣ средневѣковыхъ правительствъ на массу народонаселенія. Въ каждомъ феодальномъ владѣніи народъ былъ придаточною частью территоріи. Вмѣстѣ съ послѣднею онъ былъ объектомъ какъ бы частной собственности властителя, который могъ распоряжаться „землею и людьми" по своему усмотрѣнію. „Земля и люди" могли быть куплены, проданы, отданы въ приданое, уступлены въ обмѣнъ за другую землю, захвачены силою и т. д. Такъ составлялись „историческія" государства, въ родѣ Турціи; такъ Нидерланды сдѣлались удѣломъ Испаніи, Бельгія — Австріи; такъ послѣ часть Италіи отдана Австріи.

IV. Искусственность этнологическаго состава разныхъ государствъ поддерживалась однообразіемъ и безразличіемъ самыхъ элементовъ первоначальной цивилизаціи. Въ католическомъ единствѣ среднихъ вѣковъ народы не сознавали своей обособленности и самостоятельности. Народное творчество еще не проявлялось въ самобытныхъ произведеніяхъ поэзіи, живописи, науки, въ оригинальныхъ политическихъ учрежденіяхъ. Образъ римскаго государства, римской культуры тяготѣлъ надъ воображеніемъ и умомъ средневѣкового человѣчества. Искусственное единство культуры требовало такого же единства государственныхъ формъ. Священная Римская имперія была полнымъ выраженіемъ этихъ стремленій [1]). Эта безформенная масса народовъ, несмотря на свое искусственное единство, могла дробиться и дѣлиться на какія угодно части. Такъ, единство церковное, охраняемое папскою властью, и единство свѣтское, фиктивно представляемое императоромъ, вполнѣ уживались съ феодальнымъ раздробленіемъ западной Европы.

V. Противодѣйствіе средневѣковому строю со стороны національностей, постепенно складывавшихся, вырабатывавшихъ свою литературу, архитектуру, живопись, философію, — привело къ паденію

---

[1]) См. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'hum.*, т. VI, *La Papauté et l'Empire.*—Г. Вызинскаго, *Папство и священная Римская имперія.*

идеаловъ всемірной монархіи и церкви, съ одной, и отрицанію феодальнаго раздробленія, съ другой стороны.

Мѣстная государственная власть объявляла свою независимость отъ главенства папъ и императора; новое государство подчиняло массу феодальныхъ владѣльцевъ своимъ верховнымъ правамъ, общимъ законамъ, общему управленію.

Въ этомъ двоякомъ движеніи проявились два стремленія народностей, тѣсно связанныя между собою: первое стремленіе—къ внѣшней самостоятельности и второе—къ внутреннему единству народа. Королевская власть, представительница національнаго движенія, объявляла, что она ни отъ кого не зависитъ въ дѣлахъ внутренняго управленія страною, кромѣ Бога. Подобное заявленіе отрицало, съ одной стороны, идею папскаго главенства, въ силу которой монархическая власть считалась нѣкоторымъ порученіемъ, даромъ отъ главы церкви; съ другой стороны, оно отмѣняло ихъ вассальную зависимость отъ императора. Національное общество было объявлено полнымъ и независимымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Затѣмъ королевская власть уничтожала верховныя права мѣстныхъ владѣльцевъ, противныя народному единству. Она уничтожала право частныхъ войнъ, феодальной юрисдикціи, мѣстнаго законодательства и т. д.

VI. Процессъ образованія народностей и національной самостоятельности представляетъ два главныхъ момента, которымъ соотвѣтствуютъ и два принципа, руководившихъ этимъ замѣчательнымъ движеніемъ.

1. Первоначальный принципъ, руководившій національнымъ движеніемъ, состоялъ въ представленіи о *независимости и единствѣ верховной государственной власти.* Правомъ короля на его территорію и народъ прикрывалось и защищалось право націи на самостоятельное развитіе. Подъ защиту этого верховнаго права становилось всякое движеніе, обезпечивавшее впослѣдствіи національную независимость. Протестантское движеніе первоначально связало свое дѣло съ дѣломъ свѣтской власти. Гервинусъ, въ своемъ введеніи въ исторію XIX ст., справедливо доказываетъ, что церковныя реформы Лютера въ Германіи и Кранмера въ Англіи имѣли *монархическій* характеръ. Но, прибавляетъ онъ, „безъ помощи монархической власти реформація не могла бы утвердиться на первыхъ порахъ. Можно было предвидѣть нѣкоторыя злоупотребленія государства и монархической власти относительно новой церкви, такимъ образомъ устроенной; но они казались неизбѣжными при устраненіи постоянныхъ вмѣшательствъ старой церкви въ дѣла государства. Божественное происхожденіе, которое папство до сихъ поръ при-

своивало исключительно только себѣ, Лютеръ перенесъ и на свѣтскую власть, и этимъ много содѣйствовалъ возвышенію монархической власти и сообщилъ священный характеръ даже ея преувеличеннымъ притязаніямъ; но зато обаяніе папскаго авторитета было совершенно уничтожено".

Во Франціи королевская власть была долгое время центромъ и знаменемъ всей національной жизни; съ ея помощью третье сословіе сломило могущество ленной аристократіи [1]).

Другими словами, сила двухъ категорій авторитетовъ, задерживавшихъ развитіе національностей, т.-е. авторитетовъ, поддерживавшихъ искусственное единство Европы,—папство и императорство, съ одной стороны, и сила ленной аристократіи, обусловливавшей раздробленіе государства, съ другой стороны,—могла быть сломлена только при помощи авторитета, сознавшаго свое національное призваніе,—королевской власти.

Значеніе этого авторитета въ Европѣ продолжается до конца XVIII ст.

2. Успѣхи королевской власти не вездѣ разрѣшили національный вопросъ; короли даже не въ состояніи были дать этому вопросу правильную постановку.

Нужно имѣть въ виду, что, во-первыхъ, королевская власть приняла въ себя много элементовъ феодальнаго права и, во-вторыхъ, что она, въ дѣйствіяхъ своихъ, выдвигала на первый планъ чисто политическіе и юридическіе вопросы,—вопросы о единствѣ власти, закона и администраціи.

Собирая подъ своимъ скипетромъ разныя земли, короли не всегда руководились соображеніями національныхъ условій этихъ земель. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, королевская власть содѣйствовала образованію національныхъ государствъ. Такъ дѣйствовали французскіе короли, и то не вполнѣ. Напротивъ, другіе монархи, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, подчиняли своему владычеству самыя различныя, въ національномъ отношеніи, земли. Въ самой идеѣ юридическаго и политическаго единства разныхъ народныхъ массъ не было ничего такого, что́ противорѣчило бы разнородному составу государства. Австрійское управленіе, австрійскіе законы могутъ простираться на самые раз-

---

[1]) См. Dareste de la Chavanne, *Histoire de l'administration en France.*— C-te L. de Carné, *Les Fondateurs de l'unité française.* — Грановскаго, *Аббатъ Сугерій,* помѣщ. въ собраніи его соч.—Laferrière, *Essai sur l'histoire du droit français,* т. I, стр. 233 и слѣд.—W. Schäffner, *Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs,* т. II, стр. 262—275, равно въ другихъ мѣстахъ этого сочиненія.

личные народы, и это нисколько не будетъ противорѣчить требованіямъ юридической логики.

Можно сказать только, что въ концѣ XVIII столѣтія государственныя формы *приблизительно* распредѣлились по системамъ существующихъ народностей. Но это нисколько не устраняло самыхъ вопіющихъ отступленій отъ національнаго принципа. Право народности попиралось завоеваніемъ, частною сдѣлкой, свадьбой, куплей-продажей.

Въ новѣйшее время, особенно съ успѣхами гражданской и политической свободы народовъ, національный вопросъ получаетъ въ западной Европѣ другую постановку. Въ глазахъ новѣйшей политической философіи, въ самостоятельности государства олицетворяются какъ право верховной власти на независимость, такъ и право каждой народности на самостоятельное развитіе. Новая философія провозгласила живую, внутреннюю связь правительства и народа. Правительство выражаетъ требованія національной жизни народа, какъ собирательной личности; народность есть надежная опора каждаго нормальнаго правительства. Чрезъ государство осуществляется нѣкоторое право народности на самостоятельную международную жизнь. До того времени политическая власть опиралась на силу *внѣшняго* принципа, не связаннаго прямо съ условіями народной жизни. Политическая власть, основанная на божественномъ правѣ, на правѣ завоеванія, по отношенію къ народу была внѣшнимъ учрежденіемъ, вносившимъ въ общественную жизнь внѣшнее единство и порядокъ. Въ подобномъ единствѣ могли пребывать самыя различныя народности.

При современныхъ требованіяхъ политическая власть должна быть органически связана съ народомъ, который она представляетъ, и, наоборотъ, каждое національное общество, способное къ самостоятельной исторической жизни, имѣетъ право образовать свою политическую форму, согласно своимъ стремленіямъ и потребностямъ. Другими словами, національный принципъ отнынѣ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

„Каждая народность, т.-е. совокупность лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, языка, цивилизаціи и историческаго прошлаго, имѣетъ право образовать особую политическую единицу, т.-е. особое государство“.

II.

Основаніе и современное значеніе національнаго вопроса.

I. Такова *политическая* основа національнаго вопроса въ современномъ смыслѣ этого слова. Новый принципъ, очевидно, былъ враждебенъ системѣ *искусственныхъ* государствъ, сложившихся въ прежнее время и организованныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, т.-е. трактатами 1815 г.

Первоначально реакція противъ началъ революціи также замаскировала свое дѣло требованіями народной самостоятельности. Создана была даже цѣлая теорія „оффиціальной" народности, во имя которой совершались всевозможныя нарушенія права и свободы. Злѣйшіе реакціонеры протестовали противъ „абстрактныхъ и общечеловѣческихъ" началъ революціи, во имя народныхъ особенностей и преданій. Въ сочиненіяхъ извѣстнаго поборника реакціи, графа I. де-Местра, можно найти гимны національному началу. „Націи, говоритъ онъ въ своей *Correspondance diplomatique*, значатъ кое-что въ мірѣ; ихъ нельзя считать за ничто, огорчать ихъ въ ихъ обычаяхъ, привязанностяхъ и самыхъ дорогихъ интересахъ".

Но исторія показала, что реакція и ея теорія „*оффиціальной*" народности не повредили истинно-національному дѣлу. Національное движеніе приняло то направленіе, какое ему хотѣлъ сообщить Фихте Старшій въ своихъ *Рѣчахъ къ германскому народу*. Оно сдѣлалось солидарно съ развитіемъ гражданской и политической свободы, съ самобытностью каждой цивилизаціи.

II. Съ этой точки зрѣнія основу національнаго вопроса должно прежде всего искать въ *условіяхъ культурнаго развитія каждаго народа*. Каждая естественная народность представляетъ нѣкоторую собирательную личность, отличающуюся отъ другихъ особенностями своего характера, своихъ нравственныхъ и умственныхъ способностей, а потому имѣющая право на независимое существованіе и развитіе. Это разнообразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода *общечеловѣческой* цивилизаціи. Отдѣльный народъ, какъ бы ни были велики его способности и богаты его матеріальныя средства, можетъ осуществить только одну изъ сторонъ человѣческой жизни вообще. Лишить человѣчество его разнообразныхъ органовъ значитъ — лишить его возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа. Единство и исключительность цивилизаціи, однообразіе культурныхъ формъ противны всѣмъ условіямъ человѣческаго прогресса. Наука не отвер-

гаетъ понятія общечеловѣческой цивилизаціи въ томъ смыслѣ, что важнѣйшіе результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждаго народа становятся достояніемъ всѣхъ другихъ. Но исторія неопровержимыми данными доказываетъ, что каждый изъ этихъ результатовъ могъ быть добытъ на почвѣ національной исторіи; что статуи Фидія и философія Платона были греческимъ созданіемъ, что римское право есть продуктъ римской исторіи, конституція Англіи—ея національное достояніе. Это не мѣшаетъ имъ имѣть общечеловѣческое значеніе, вліять на развитіе искусства, философіи и политики во всемъ образованномъ мірѣ.

Во имя полноты общечеловѣческой цивилизаціи, всѣ народности призваны къ дѣятельности, къ жизни, одинаково удаленной и отъ замкнутаго отчужденія, и отъ слѣпого подражанія. Каждая народность должна дать человѣчеству то, что́ скрыто въ силахъ ея духовно-нравственной природы. *Народное творчество*—вотъ послѣдняя цѣль, указываемая каждому народу самою природой, — цѣль, безъ которой не можетъ быть достигнуто совершенство рода человѣческаго. Убить творческую силу народа — все равно, что убить силу личной предпріимчивости въ недѣлимомъ. Подчиненіе всѣхъ расъ одной „всеспасающей“ цивилизаціи такъ же пагубно дѣйствуетъ на международную жизнь, какъ „всеспасающая“ административная централизація—на внутреннюю жизнь страны.

Такова *естественно-историческая* основа національнаго вопроса.

III. Право народности на самостоятельное развитіе, на собственную, такъ сказать, *исторію*, коренится въ непреложныхъ законахъ нравственной природы человѣка, оправдывается ходомъ всемірной исторіи. Но это естественное право оставалось бы мертвою буквой, еслибъ осуществленіе его не обезпечивалось кореннымъ *внѣшнимъ* условіемъ—*политическою самостоятельностью народа.*

Для того, чтобы самобытное развитіе народа въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ было обезпечено, этотъ народъ долженъ образовать *свое государство,* имѣть свою національную верховную власть.

Опытъ исторіи показываетъ, что самостоятельное культурное развитіе народа, вошедшаго въ составъ чужого государства, пріостанавливается. Народности, утратившія свою политическую самостоятельность, дѣлаются служебнымъ матеріаломъ для другихъ расъ. Онѣ удерживаютъ еще нѣкоторое этнографическое значеніе, при нѣкоторой энергіи могутъ сохранить свои *мѣстныя особенности*; но возможность самостоятельной цивилизаціи или прекращается для нихъ навсегда, или пріостанавливается до эпохи освобожденія отъ чужеземнаго владычества. До тѣхъ поръ онѣ должны довольство-

ваться (и то при благопріятныхъ условіяхъ) сохраненіемъ своихъ мѣстныхъ особенностей. Но это — слабое утѣшеніе для народа, сознающаго въ себѣ жизненную силу. Сохраненіе мѣстныхъ особенностей есть дѣятельность, по преимуществу, консервативная. „Мѣстная особенность“—всегда остатокъ старины, которая дѣлается старше съ каждою минутой. Сохраняя свои особенности, подчиненныя народности логически приходятъ къ отрицанію прогресса, осуществляемаго чуждымъ для нихъ государствомъ. Если потребность высшей формы цивилизаціи заявитъ свои права, подчиненныя народности должны будутъ принять цивилизацію чужого народа, т.-е. отказаться отъ своей индивидуальности, сдѣлаться *другимъ* народомъ. Но не каждый народъ способенъ на такую жертву. Таково, напримѣръ, положеніе славянъ въ Австрійской имперіи. Среди господствующей народности нѣмецкой, славяне находятся въ положеніи „варваровъ“, обязанныхъ принять высшую культуру, т.-е. чужой языкъ и чужіе обычаи. Но то, что̀ называется „славянскимъ варварствомъ“, есть именно совокупность индивидуальныхъ особенностей этого племени, сохраненіе которыхъ, хотя бы въ *первобытной* формѣ, есть непремѣнное условіе существованія этой обширной части человѣческаго рода. Пусть она сохраняетъ ихъ, пока освобожденіе отъ нѣмецкаго ига не дастъ ей возможности сказать свое слово во всемірной цивилизаціи!

IV. На основаніи предыдущихъ соображеній можно, кажется, прійти къ заключенію, что *народность есть нормальное, естественное основаніе государства*; что назначеніе государства, ближайшимъ образомъ, опредѣляется всесторонними цѣлями народной культуры; что, слѣдовательно, государство, въ тѣсномъ смыслѣ, есть не что иное, какъ *политико-юридическая форма народности*.

Это воззрѣніе на отношеніе государства къ народности получаетъ уже право гражданства въ наукѣ.

Господство раціонально-юридической теоріи государства было поколеблено успѣхами *исторической* школы и историческихъ наукъ вообще. Къ этому должно прибавить, что взгляды на политическіе и общественные вопросы должны видоизмѣниться подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ и *антропологіи*, которая служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между естественными и историческими науками.

Въ началѣ XIX столѣтія болѣе историческій взглядъ на науку права заставилъ видѣть и въ государствѣ нѣчто органически-связанное съ идеею народности.

Уже Савиньи, знаменитый представитель исторической школы въ XIX столѣтіи, называлъ государство „Die leibliche Gestalt der geistigen Volksgemeinschaft“.

Шталь выражаетъ эту мысль полнѣе и энергичнѣе. Здѣсь не

безполезно будетъ привести его подлинныя слова, въ которыхъ связь государства съ народностью выяснена со всѣхъ сторонъ:

„Такъ какъ назначеніе (цѣль) государства, говоритъ онъ, обнимаетъ все человѣческое бытіе, то оно есть задача (Aufgabe) *народа*. Это потому, что только въ народѣ содержатся всѣ стремленія и средства человѣческаго бытія во всей полнотѣ и единствѣ всеобщаго сознанія. Въ немъ лежитъ сила, раздѣленіе труда и нравственный масштабъ, какъ они необходимы государству. Меньшему кругу не достаетъ средствъ, разнородной массѣ — единства сознанія относительно порядка и цѣли. Народъ — естественная сила и общность, которую государство должно возвысить къ правому устройству“.

Такимъ образомъ, основою государства не можетъ быть ни малый, хотя и однородный, кругъ лицъ, ни разнородная масса (eine fremdartige Masse).

„Естественное основаніе государства“ должно быть отграничено и отъ цѣлаго человѣчества. Вотъ что́ говоритъ дальше Шталь:

„Человѣчество, въ цѣломъ, не имѣетъ ни общности и замкнутости естественныхъ потребностей, ни единства и индивидуальности нравственнаго сознанія. Поэтому, государство и не есть призваніе цѣлаго человѣчества, дабы оно составило всемірное государство, но призваніе народа“ [1]).

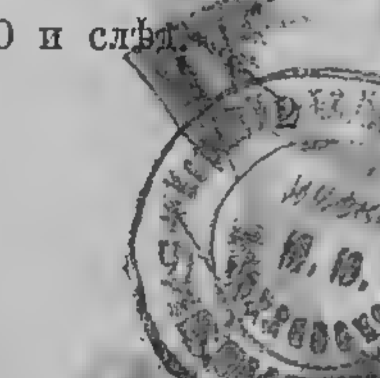
Кальтенборнъ выражается съ не меньшею опредѣленностью. Признавая, что государство, въ его *полномъ* понятіи (seinem vollendeten Begriffe nach), есть народъ, соединенный въ одну органическую общность подъ господствомъ верховной власти, для осуществленія всѣхъ общенаціональныхъ интересовъ, онъ продолжаетъ:

„Въ дѣйствительной жизни мы видимъ, конечно, государства, не выросшія естественно изъ народа; понятія государства и народа, на практикѣ (in der Empirie), не покрываются взаимно; *дѣйствительное* государство часто построено на многихъ, ему принадлежащихъ, народностяхъ, или ограничивается частью народности. Но здѣсь не видно *идеала* государства, и каждый согласится, что чѣмъ больше государство теряетъ естественное основаніе народнаго единства, тѣмъ меньше оно, по свидѣтельству исторіи, способно разрѣшить свою нравственную задачу“ [2]).

Къ мнѣніямъ германскихъ ученыхъ полезно присоединить взглядъ одного изъ замѣчательныхъ политиковъ Англіи — Корнваля Льюса. Въ сочиненіи своемъ: *A treatise on the methods of observation and reasoning in politics* (т. I, стр. 38 и слѣд.) онъ подробно разсматриваетъ причины и условія человѣческихъ общежитій и потомъ замѣчаетъ:

[1]) *Phil. des R.*, т. II, 2, стр. 161 и слѣд., изд. 1856 года.

[2]) *Einleit. in das constit. Verfassungsr.* 1863 г., стр. 10 и слѣд.



„Ассоціація (общество) предполагаетъ близость, а близость возможна единственно въ предѣлахъ извѣстнаго пространства и при извѣстныхъ условіяхъ сообщенія. Нѣтъ общества цѣлаго человѣческаго рода, какъ нѣтъ общества изъ всего рода обезьянъ, бобровъ, овецъ, антилопъ, пчелъ, муравьевъ или саранчи. Поэтому и люди, и животныя, соединяясь, образуютъ стада, табуны, стаи, тѣла ограниченныхъ размѣровъ, и общество, собственно такъ называемое, ограничивается этими соединеніями“.

Указавъ затѣмъ на осѣдлость и установленія правительствъ, какъ на условіе общественнаго единства, при которомъ прежнее соединеніе людей становится *націею*, К. Льюсъ продолжаетъ:

„*Политическое общество, слѣдовательно, по существу своему* (essentially) *національно*. Человѣческій родъ не можетъ образовать одного обширнаго общества, подъ однимъ правительствомъ: онъ раздѣленъ на безчисленныя частныя общества, изъ которыхъ, можетъ быть, большинство находится подъ политическимъ управленіемъ; затѣмъ большинство изъ нихъ образуетъ особыя націи, съ опредѣленною и усвоенною территоріею“.

То же понятіе проникло и въ международное право. Это видно преимущественно на ученіи этой науки о правѣ каждаго государства на внѣшнюю и внутреннюю самостоятельность. Прежде это право выводилось непосредственно изъ идеи *государственнаго верховенства*, изъ правъ верховной государственной власти. Право правительства прикрывало право народа. Въ настоящее время основою государственной самостоятельности въ международныхъ сношеніяхъ признается право каждой національности на самобытное историческое развитіе.

Блунчли, въ своемъ *Новомъ международномъ правѣ*, получившемъ всемірную извѣстность, категорически высказываетъ эту мысль [1]). Указавши на несостоятельность прежняго основанія права государства на самостоятельность, онъ продолжаетъ: „Въ правосознаніи произошелъ великій прогрессъ, когда, наконецъ, признали, что народы суть живыя существа... Чрезъ это юридическое понятіе было одухотворено. Прежде оно было мертво и холодно. Теперь оно сдѣлалось полно жизни и теплоты“.

Подобныя воззрѣнія развиты (даже подробнѣе) въ сочиненіи итальянскаго публициста Пасквале-Фіоре [2]).

[1]) *Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten* (1868 года), стр. 46 и слѣд. Должно замѣтить, что почтенный профессоръ въ этой книгѣ нѣсколько отступаетъ отъ воззрѣній, высказанныхъ имъ въ *Государственномъ правѣ* и *Государственномъ лексиконѣ*.

[2]) Pasquale-Fiore, *Nouveau droit international*, trad. par P. Pradier-Fodéré. T. I, часть 1-я, глава I, стр. 97 и слѣд.

III.

Разборъ нѣкоторыхъ возраженій.

I. Подобно всякой новой идеѣ, принципъ народности, въ приложеніи его къ государству, встрѣтилъ сильныя возраженія. Мы остановимся здѣсь на главнѣйшихъ изъ нихъ. Вообще всѣ воззрѣнія противъ начала народности могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ:

1) Нѣкоторыя изъ нихъ касаются самаго принципа, идеи народности.

2) Другія, не возвышаясь до критики принципа, ограничиваются указаніемъ практическихъ примѣровъ, противорѣчащихъ, повидимому, годности этого начала.

3) Третьи думаютъ опровергнуть теорію народности указаніемъ на ея опасныя будто бы послѣдствія для политической жизни народовъ.

4) Наконецъ, четвертые, признавая даже годность начала народности въ идеѣ, указываютъ на трудность ея примѣненія къ современнымъ европейскимъ государствамъ.

По этимъ рубрикамъ мы и разсмотримъ представляющіяся возраженія.

II. Возраженія, направленныя противъ самаго *принципа* народности, исходятъ какъ изъ началъ нравственной философіи, такъ и изъ чисто-научныхъ данныхъ. Разберемъ тѣ и другія.

Главное изъ такъ называемыхъ *нравственныхъ* возраженій противъ принципа народности состоитъ въ томъ, что онъ порождаетъ *вражду* между народами, призванными къ братскому общенію; что цѣль цивилизаціи состоитъ именно въ томъ, чтобы *сгладить* всѣ различія между націями и *слить* ихъ въ *организмъ человѣчества*.

Никто не станетъ отрицать, что отдѣльный человѣкъ самою природою призванъ къ общенію съ другими и что отдѣльный народъ не можетъ отказаться отъ общенія съ другими, въ видахъ даже собственной пользы. Но вотъ что́ упускаютъ изъ виду трибуны „человѣчества“.

Ни одна форма „общенія“ не предполагаетъ необходимости уничтоженія *индивидуальности* отдѣльнаго человѣка и отдѣльнаго народа. Отдѣльный человѣкъ не перестаетъ и не можетъ перестать быть *личностью* нигдѣ—ни въ семьѣ, ни въ общинѣ, ни въ государствѣ, ни въ человѣчествѣ. У каждой личности есть сфера частныхъ интере-

совъ, симпатій и антипатій, убѣжденій, вѣрованій, въ которой онъ *долженъ* быть не зависимъ, въ виду самыхъ элементарныхъ требованій свободы. Ошибка новѣйшаго *коммунизма* состоитъ именно въ томъ, что, выдвигая на первый планъ идею *общенія*, онъ забываетъ о той законной долѣ *обособленія*, на которую имѣетъ право каждая личность.

„Общечеловѣческія" теоріи суть тотъ же коммунизмъ, только въ примѣненіи къ коллективнымъ личностямъ, народамъ. Эти теоріи полагаютъ, что прогрессъ и миръ человѣчества зависятъ отъ уничтоженія самобытности націй, подобно тому, какъ нѣкогда Платонъ думалъ осуществить единство своего государства чрезъ уничтоженіе личной собственности, семьи и всего того, въ чемъ выражается человѣческое *я*.

Недостатокъ всѣхъ этихъ теорій можно выразить въ одномъ словѣ— онѣ *противоестественны*. Исходя, повидимому, изъ высшихъ требованій жизни, онѣ думаютъ убить самый принципъ жизни, субъективную независимость, свободу; какую бы цѣну имѣло „братство" людей, если бы предварительно люди были *обезличены?* Мы знаемъ такое братство — братство Іисуса, орденъ іезуитовъ; но это братство не имѣетъ ничего общаго съ братствомъ о Христѣ Спасителѣ, сказавшемъ: „милости хочу, а не жертвы", т.-е. вольнаго сознанія своихъ обязанностей, а не уничтоженія личности, въ силу котораго теряетъ цѣну и самое добро. И которая изъ двухъ церквей ближе къ идеалу христіанства: православная ли, состоящая изъ вольнаго союза многихъ помѣстныхъ церквей, или католическая, съ ея тлетворнымъ „единствомъ", поддерживаемымъ отлученіями, инквизиціями и гнусными происками?

Перейдемъ теперь къ чисто-научному возраженію.

III. Оно состоитъ въ томъ, что необходимо полагать различіе между *естественною* и *государственною* народностью. Масса людей, соединенная общностью языка, религіи, территоріи и т. д., не составляетъ еще народности въ государственномъ смыслѣ. Естественная народность можетъ даже не составить государства; она можетъ или войти въ составъ другого государства, или раздѣлиться между нѣсколькими. Напротивъ, государственная народность можетъ составиться изъ разнообразныхъ этнологическихъ элементовъ и быть все-таки народностью.

Это возраженіе, очевидно, исходитъ изъ того предположенія, что главный элементъ, образующій настоящую народность, есть общеніе *политическое*, т.-е. общность государственной жизни въ ея историческомъ развитіи. Такъ, Блунчли различаетъ понятіе Nation— естественная народность (напр., всѣ нѣмцы) и Volk—народность государственная (напр., австрійцы, пруссаки, швейцарцы). Милль также

держится того мнѣнія, что главное условіе образованія народностей есть общеніе политическое [1]).

Это возраженіе составлено, въ сущности, изъ нѣсколькихъ посылокъ или предположеній, которыя необходимо разобрать.

а) Подъ именемъ *естественной* народности разумѣютъ совокупность лицъ, общность которыхъ опредѣляется *первобытными*, такъ сказать, *независимыми отъ исторіи*, признаками и условіями. Таковы главнымъ образомъ племенное родство и общность языка.

Народность государственная образуется подъ вліяніемъ общности историческаго развитія. Поэтому она можетъ составиться изъ многихъ естественныхъ народностей. Народности эти, соединенныя въ одно государство, хотя бы искусственно, ассимилируются, становятся одною національностью. Слѣдовательно, и государство, какъ представитель этой національности, не будетъ имѣть ничего общаго съ первобытными естественными народностями.

Но это возраженіе, очевидно, направлено только противъ естественныхъ народностей. Въ немъ содержится мысль, что особенности племени и языка не даютъ еще права на самостоятельность политическую.

Это до извѣстной степени справедливо; но никто не рѣшится назвать племя, говорящее однимъ языкомъ, народностью. Народность есть понятіе *культурное*, т.-е. она предполагаетъ извѣстную общность историческаго развитія, въ которомъ проявились всѣ особенности духовной природы племени, и, кромѣ того, сильную степень народнаго *самосознанія*, т.-е. сознанія своего коллективнаго *я*. Еслибъ у *итальянской народности* не было ничего общаго, кромѣ единства происхожденія и языка, она и не имѣла бы права на это званіе. Но у нея есть вѣковая исторія, Дантъ, Макіавелли, Рафаэль и Микель Анджело, Галилей, Торичелли и т. д. Особенности племени и языка суть только *зародыши*, возможность народности. Сила и устойчивость этихъ особенностей испытываются исторіей, въ теченіе которой обнаруживается, способно ли племя къ творчеству и самобытной цивилизаціи,—слѣдовательно, къ образованію народности.

Слѣдовательно, принципъ національностей не ведетъ къ призна-

---

[1]) Просимъ читателя не забывать, что мнѣнія Блунчли, высказанныя имъ въ *Общемъ государственномъ правѣ* (*Allgemeines Staatsrecht*), отличаются рѣзко отъ идей, приводимыхъ тѣмъ же авторомъ въ его *Международномъ правѣ*. Чѣмъ объяснить это различіе? Намъ кажется однимъ: между появленіемъ въ свѣтъ *Общаго государственнаго права* (3-е изд. 1863 г.) и выходомъ *Международнаго права* (1868 г.) совершился важный фактъ — образованіе сѣверо-германскаго союза. Тогда нѣмцы и самъ Блунчли поняли, что Nation и Volk, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нимъ, нѣмцамъ, одно и то же.

нію права каждаго *первобытнаго* племени на образованіе государства; ибо тогда пришлось бы расчленять существующія народности на ихъ первобытные этнологическіе элементы, т.-е. возвращаться ко времени великаго переселенія народовъ.

Начало народностей требуетъ только, чтобы національности, достаточно окрѣпшія, не были искусственно расчленяемы и соединяемы въ государства, и чтобъ эти государства не были поддерживаемы насильственными мѣрами.

Сліяніе франковъ съ галлами во Франціи не было нарушеніемъ принципа народности, въ современномъ его смыслѣ. Но подчиненіе Ломбардіи и Венеціи австрійскому государству прямо противорѣчило этому началу.

б) Отождествленіе признаковъ народности съ первобытными элементами племенного различія наводитъ противниковъ національнаго принципа на другой аргументъ, повидимому, непреодолимый. Всѣ такъ называемыя государственныя народности Европы, говорятъ они, сложились изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ. Въ Англіи мы видимъ элементы племенъ кельтскаго (бритты), саксонскаго, скандинавскаго, галльскаго. Между тѣмъ это не мѣшаетъ англійской національности быть весьма крѣпкой и единой. Это совершенно справедливо. Но именно эта „крѣпость" англійской народности могла бы навести противниковъ принципа національности на соображенія противоположнаго свойства.

Въ Англіи мы имѣемъ дѣло не съ искусственнымъ соединеніемъ народностей въ одно государство, а съ *ассимиляціей* (уподобленіемъ) первобытныхъ племенъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложилась одна народность. Ассимиляція племенъ совершается на каждомъ шагу. Племя сильное и количественно и нравственно вбираетъ въ себя всѣ менѣе сильные народы, живущіе на одной съ нимъ территоріи. Ихъ особенности, наиболѣе крѣпкія, привходятъ, съ своей стороны, въ типъ господствующаго племени, сообщая ему больше разнообразія и оригинальности. Вотъ почему и народность, образовавшаяся такимъ путемъ, отличается необыкновенною энергіей и крѣпостью.

Принципъ національности нисколько не противорѣчитъ ассимиляціи племенъ, если изъ нихъ впослѣдствіи образуется одна народность, съ общимъ языкомъ, единствомъ нравовъ и другихъ культурныхъ признаковъ.

Принципъ національности противорѣчитъ механическому, насильственному соединенію въ одно государство *сложившихся* уже народностей, *изъ которыхъ никоимъ образомъ не можетъ образоваться новая народность.*

Можно предположить и даже видѣть, какъ изъ обломковъ ста-

рыхъ европейскихъ народностей складывается новая, почтенная и энергическая народность — сѣверо-американская. Но предположить, что изъ австрійскихъ и турецкихъ „народовъ" сложится новая и цѣльная народность, нельзя, при самомъ смѣломъ воображеніи.

c) Изъ того факта, что въ первоначально искусственно составленныхъ государствахъ образовывались новыя народности, многіе спѣшили выводить заключеніе, что главное условіе образованія народностей есть общеніе политическое, т.-е. общность государственной жизни.

Но примѣръ Австріи и Турціи могъ бы убѣдительно доказать, что одного „государственнаго общенія" для этого дѣла недостаточно. Ассимиляція — главный способъ образованія новыхъ народностей— есть процессъ естественно-историческій, не зависящій отъ воли государственной власти. Конечно, общность политическаго прошлаго— великій пособникъ въ дѣлѣ объединенія племенъ. Жители Эльзаса,— нѣмцы по происхожденію,—сражаясь вмѣстѣ съ французами за честь и свободу гражданина и отечества, стали французскими патріотами. Но врядъ ли дѣло объединенія совершится, если слава одной народности, входящей въ составъ искусственнаго государства, составляетъ позоръ и страданія другой, если все прошедшее одной части государства заставляетъ ее ненавидѣть другую. Болгаринъ никогда не проститъ турку *свое* „историческое прошлое".

IV. Другіе противники національнаго принципа думаютъ выиграть сраженіе при помощи примѣровъ такихъ государствъ, гдѣ условія благоденствія не нарушаются тѣмъ, что сіи государства состоятъ изъ многихъ *народностей*, въ настоящемъ, *культурномъ* смыслѣ.

Главнымъ боевымъ орудіемъ служитъ, конечно, примѣръ *Швейцаріи*. Вотъ, говорятъ обыкновенно, страна, ясно показывающая, что государствс нисколько не нуждается въ національной основѣ. Въ Швейцаріи мирно живутъ, съ давнихъ поръ, нѣсколько національностей, весьма опредѣленныхъ. Конституція признаетъ здѣсь три оффиціальныхъ языка — французскій, нѣмецкій и итальянскій. Несмотря на это, швейцарскіе французы не обнаруживаютъ никакого стремленія примкнуть къ французскому государству; не видно аналогическихъ стремленій и у швейцарскихъ нѣмцевъ,—они слишкомъ любятъ свою конституцію: эта конституція какъ бы ихъ общее отечество.

Съ нашей точки зрѣнія примѣръ Швейцаріи доказываетъ только одно: что различныя народности, при особенно благопріятныхъ, можно сказать, исключительныхъ условіяхъ, могутъ *ужиться* въ одной государственной формѣ, но все-таки не составятъ одной, *новой* народности.

Дѣйствительно, ни одна почти страна Европы не въ состояніи воспроизвести тѣхъ условій, въ которыя поставлены швейцарскія народности.

Во-первыхъ, ни въ одной странѣ мы не видимъ такой дѣйствительной *равноправности* всѣхъ народностей, составляющихъ Швейцарскій Союзъ. Въ другихъ странахъ имѣется обыкновенно *господствующая* народность, привилегіи которой тяжелымъ гнетомъ ложатся на народности подчиненныя.

Во-вторыхъ, швейцарское государство есть *федеративное* государство, признающее довольно значительную политическую самостоятельность кантоновъ. Слѣдовательно, существованіе *національныхъ* особенностей вполнѣ обезпечено,—итальянцу не грозитъ онѣмеченіе, а нѣмцу — офранцуженіе. Австрія не признаетъ даже значенія славянскихъ языковъ въ офиціальномъ отношеніи.

Въ-третьихъ, Швейцарія съ давнихъ поръ не испытывала нужды въ строгомъ народномъ единствѣ, благодаря тому, что европейская политика обезпечила ей вѣчный нейтралитетъ. Если бы Швейцарія, подобно большимъ державамъ, должна была участвовать во всѣхъ буряхъ внѣшней политики, — трудно сказать, какъ бы она справилась съ своимъ разнороднымъ составомъ. Существованіе Швейцаріи поддерживается, главнымъ образомъ, ея политическимъ ничтожествомъ, ея изолированностью въ европейской политикѣ. Ничтожество этой страны, конечно, не спасло бы ея, если бы сосѣднія государства рѣшились раздѣлить „союзъ" между собою. Но географическое и стратегическое положеніе Швейцаріи такъ важно, что сильные ея сосѣди не рѣшаются давать другъ другу доступа въ страну. Нейтралитетъ и самостоятельность Швейцаріи необходимы для интересовъ Италіи, Германіи и Франціи. Сила внѣшней политики поддерживаетъ, такимъ образомъ самостоятельность Швейцаріи.

Противъ всего этого можно возразить, что каждая страна можетъ признать равноправность своихъ различныхъ народностей, допустить развитіе мѣстной автономіи, обезпечить себѣ нейтралитетъ. Можетъ быть. Но почему же австрійскіе славяне не получаютъ никакихъ правъ? Почему подданные турецкаго султана не могутъ достигнуть обезпеченія даже элементарныхъ гражданскихъ правъ?

Въ итогѣ можно видѣть, что Швейцарія не составляетъ *исключенія* изъ общаго правила. Есть швейцарскіе французы, нѣмцы и итальянцы, но нѣтъ и не можетъ быть *швейцарской народности.* Французы, нѣмцы и итальянцы мирно живутъ въ Швейцаріи, но хотятъ ли они слиться въ одинъ народъ, т.-е. хотятъ ли французы-швейцарцы перестать быть французами? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ судьба ревизіи швейцарской конституціи, предложенной

недавно союзнымъ правительствомъ, въ видахъ бо̀льшаго національнаго единства, и отвергнутой народомъ, въ видахъ самостоятельности кантоновъ, т.-е. неприкосновенности мѣстной автономіи каждой народности.

V. Третье возраженіе, приводимое обыкновенно противъ теоріи національностей, состоитъ въ томъ, что осуществленіе ея *опасно*, ибо повело бы къ образованію слишкомъ большихъ и слишкомъ централизованныхъ державъ, опасныхъ для европейскаго мира и для внутренней свободы. Обыкновенно въ этомъ случаѣ европейское общественное мнѣніе пугаютъ призракомъ *панславизма*. Вотъ что̀ говоритъ по поводу панславизма переводчикъ Пасквале-Фіоре — Прадье-Фодере.

„Панславизмъ состоялъ бы въ соединеніи всего славянскаго племени подъ скипетромъ царей. Осуществленіе панславизма сдѣлало бы царей господами Европы и позволило бы имъ подавить даже соединенную Германію".

То же, только другими словами, повторяютъ и другіе. Неизвѣстно только, почему національное единство предполагаетъ непремѣнно соединеніе всѣхъ народовъ одного племени подъ одинъ „скипетръ". Осуществленіе національнаго единства мыслимо и въ формѣ федераціи, т.-е. союзнаго государства, допускающаго полную мѣстную автономію, но обладающаго достаточною силою для отраженія внѣшняго врага.

Во-вторыхъ, и это самое важное, совершенно несправедливо смѣшивать національный вопросъ съ такъ называемыми пангерманизмами, панславизмами и т. д.

Мы видѣли, что понятіе народности слагается не изъ однихъ *первобытныхъ* элементовъ племенного различія. Народность есть извѣстный культурный типъ; въ понятіе это привходитъ много признаковъ, выработанныхъ исторіею каждой отдѣльной части племени.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что можно, въ силу элементарныхъ признаковъ племени и языка, принадлежать къ цѣлой, весьма большой *расѣ* и въ то же время входить въ составъ отдѣльной народности, образовавшейся внутри этой расы. Русскіе принадлежатъ къ славянской расѣ, по первоначальному своему происхожденію и кореннымъ свойствамъ языка; въ то же время они составляютъ особую народность, выработанную многовѣковою исторіей. Мы можемъ говорить то же о другихъ славянскихъ народностяхъ.

Теорія панславизма содержитъ въ себѣ стремленіе, если вѣрить ея врагамъ, соединить въ одно политическое цѣлое именно все, что̀ принадлежитъ къ славянской *расѣ*. Идея новѣйшаго *германскаго* единства, дѣйствительно, опасна именно тѣмъ, что она требуетъ поли-

тическаго единства всей германской расы, пангерманизма, съ преобладаніемъ этой расы надъ всѣми другими.

Теорія народностей содержитъ въ себѣ одну идею—право каждой національности на политическую самостоятельность.

Уже поэтому она не можетъ требовать соединенія всѣхъ народностей, принадлежащихъ къ одной расѣ, въ одно централизованное, сплошное государство. Ея идеалъ — вольная федерація одноплеменныхъ народовъ.

VI. Четвертое возраженіе касается не столько принципа теоріи національностей, сколько способовъ осуществленія.

Предположимъ, говорятъ намъ, что европейскіе народы начали перестраивать свои государства согласно этому принципу. На первыхъ же шагахъ они встрѣтятся съ большими препятствіями. Есть, правда, нѣкоторыя народности, съ опредѣленными границами, народности компактныя и обособленныя. Но зато въ другихъ мѣстахъ народности перемѣшаны до такой степени, что нельзя сказать, къ какому „національному государству" слѣдуетъ отнести извѣстную мѣстность. Каждая народность будетъ предъявлять свое право на извѣстный участокъ земли, и притязанія эти будутъ имѣть, приблизительно, одинаковую справедливость. И вотъ источникъ нескончаемыхъ, страшныхъ войнъ, которыя и безъ того терзаютъ бѣдное человѣчество!

Нельзя не согласиться, что есть нѣкоторыя спорныя мѣстности, съ чрезвычайно смѣшаннымъ народонаселеніемъ. Кому должна достаться Моравія, Силезія, гдѣ славянская народность такъ смѣшалась съ нѣмецкою?

Но тотъ, кто знакомъ съ современнымъ положеніемъ національнаго вопроса, долженъ будетъ согласиться, что на первый разъ всѣ умы заняты *безспорными* странами, т.-е. такими, въ которыхъ *все* народонаселеніе или, по крайней мѣрѣ, *большинство* его принадлежитъ къ одной національности. Италія только недавно получила все, что принадлежало ей по праву. Конечно, никто не сталъ бы отрицать права Италіи на Ломбардію, Венецію и Римъ, на томъ только основаніи, что есть въ Европѣ нѣкоторыя мѣстности, гдѣ итальянское населеніе такъ смѣшано съ другими народностями, что нельзя сказать, кому принадлежитъ страна.

Наконецъ, политическія науки вообще не терпятъ безусловнаго, безпощаднаго примѣненія извѣстныхъ принциповъ къ практической жизни. Онѣ довольствуются приблизительнымъ осуществленіемъ начала, вѣрность котораго признана въ идеѣ. Политическая экономія давно признала, что начало личной свободы, принципъ laissez-faire, laissez-passer есть коренное условіе экономическаго прогресса. Тѣмъ

не менѣе каждый серьезный экономистъ, какъ, напр., Д. С. Милль, допускаетъ не малое количество случаевъ, когда общественная выгода требуетъ отступленія отъ этого общаго правила.

Принципъ національностей есть научное начало, а не догматъ религіи; онъ—истина относительная, а не безусловная. Мы говоримъ, что, *по общему правилу*, государство тогда только прочно, правильно обезпечено въ своемъ внутреннемъ развитіи, когда оно построено на основѣ народности и служитъ національнымъ цѣлямъ,—что искусственныя государства не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія, что они не могутъ обезпечить коренныхъ условій гражданской свободы. Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить всѣ свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они, въ силу вещей, должны бываютъ подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитіе свободы кажется имъ опаснымъ потому, что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства безпрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и внѣшняго нападенія. Малѣйшее пробужденіе общественной жизни внутри кажется предвѣстникомъ грознаго переворота. Усиленіе сосѣда вызываетъ тревожныя опасенія. Правительство такого государства поставлено въ весьма фальшивое положеніе. Оно вѣчно должно питать подозрѣніе къ собственному обществу, зависть къ сосѣдямъ.

Можетъ ли оно разрѣшить великія нравственныя и экономическія задачи, къ которымъ призвано государство?

СОВРЕМЕННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ
НА
ГОСУДАРСТВО И НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.

„La plus universelle conséquence de cette „fatale situation, son résultat le plus direct et „le plus funeste, source première de tous les „autres désordres essentiels, consiste dans „l'extension toujours croissante, et déjà ef„frayante, de l'anarchie intellectuelle, désor„mais constatée par tous les vrais observa„teurs, malgré l'extrême divergence de leurs „opinions spéculatives sur sa cause et sa ter„minaison".

A. Comte, *Cours de philosophie positive.* T. IV, стр 90.

I.

Сомнѣнія раціонализма.

Происхожденіе государства, говоритъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ политическихъ мыслителей нашего времени — Этвешъ [1]), можетъ быть объяснено даже безъ предположенія цѣли, общей всѣмъ членамъ государства. Можно предположить, съ большою вѣроятностью, что многія государства обязаны своимъ основаніемъ отдѣльнымъ личностямъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ народныя сказанія. Поэтому излишне предполагаютъ существованіе какихъ нибудь особыхъ цѣлей въ массѣ, которая относилась къ этому дѣлу пассивно.

Но вопросъ ставится иначе, когда рѣчь идетъ о *поддержаніи* государства (Erhaltung).

---

[1]) *Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19. Jahrhunderts auf den Staat.* T. II, стр. 68 и слѣд.

Поддержаніе государства никогда не можетъ быть дѣломъ единичной личности или немногихъ — это дѣло всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части членовъ общества. Если предположить, что массы не имѣютъ интереса въ поддержаніи государства или желаютъ его разрушенія, тогда государство гибнетъ, должно погибнуть, и всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ не будутъ въ состояніи поддержать его. Можно продолжить существованіе государства, связавъ съ нимъ интересы нѣкоторыхъ классовъ; продолжительная практика открыла рядъ средствъ, при помощи которыхъ государство можетъ быть поддержано на нѣкоторое время, даже противъ воли большинства; даже внѣшніе признаки внутренняго разложенія могутъ быть искусственно прикрыты. Но государство, существованіе котораго сдѣлалось для его членовъ безразлично или стѣснительно, все-таки будетъ идти къ своей погибели, и насколько гальванизмъ, приводящій въ движеніе члены трупа, не можетъ быть названъ жизнью, настолько и государство, отдѣльные члены котораго искусственно приводятся въ движеніе государственною властью, не можетъ быть отнесено къ числу живыхъ государствъ.

Итакъ, продолжаетъ Этвешъ, для того, чтобъ объяснить себѣ *разумно* великій фактъ существованія государства, мы, по необходимости, должны предположить *цѣль*, которая, по убѣжденію значительнаго большинства людей, можетъ быть достигнута *только чрезъ государство* и представляется всѣмъ достаточно важною, чтобъ они, для достиженія ея, добровольно подчинились ограниченіямъ, тѣсно связаннымъ съ существованіемъ государства.

Въ чемъ же состоитъ эта цѣль?

Для разрѣшенія этого вопроса Этвешъ прежде всего отвѣчаетъ на другой: какимъ путемъ мы можемъ дойти до выясненія государственной цѣли?

Авторъ отвергаетъ путь, по которому шла до настоящаго времени политическая философія. Ученія о цѣляхъ государства, выведенныя изъ общихъ философскихъ понятій извѣстной школы, изъ основной философской идеи, найденной тѣмъ или другимъ мыслителемъ, кажутся ему (и справедливо) непригодными для жизни, потому что они не имѣютъ ничего общаго съ ея нуждами, практическими требованіями.

Если, говоритъ Этвешъ, опредѣленіе цѣли государства должно быть практически годно, то мы должны искать и выражать въ научной формѣ не то, въ чемъ отдѣльный ученый полагалъ *высшую* цѣль государства, но то, въ чемъ большинство народа старается найти ближайшую задачу государства.

Становясь на эту „народную“ точку зрѣнія, Этвешъ приходитъ

къ двумъ, по его мнѣнію, „аксіомамъ", которыя должны служить руководящею нитью для дальнѣйшаго искания государственной цѣли. Эти аксіомы состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Недѣлимый смотритъ на государство не какъ на цѣль, но какъ на средство, чрезъ которое онъ стремится осуществить извѣстныя личныя цѣли, и принимаетъ на себя каждую жертву, необходимую для поддержанія государства лишь настолько, насколько, по его мнѣнію, эти личныя цѣли могутъ быть достигнуты только чрезъ государство.

Эта аксіома содержитъ въ себѣ *положительное* указаніе на цѣль государства. Другая даетъ указанія *отрицательныя*, т.-е. опредѣляетъ самыя границы государственныхъ задачъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ:

2) Никто не пользуется, для достиженія своихъ цѣлей, отдаленными средствами, прежде чѣмъ онъ не признаетъ недостаточность ближайшихъ, и поэтому недѣлимый обращается къ государству для достиженія только такихъ цѣлей, о которыхъ онъ думаетъ, что онѣ не могутъ быть осуществлены ни собственными силами, ни другими средствами, требующими меньшихъ жертвъ, напримѣръ, небольшими ассоціаціями.

При помощи этихъ двухъ, не столько аксіомъ, сколько теоремъ, развиваемыхъ въ двухъ обширныхъ главахъ [1]), Этвешъ безъ труда приходитъ къ заключенію, что цѣль государства, во имя которой народъ его поддерживаетъ, принимаетъ на себя расходы на его содержаніе, переноситъ даже разныя злоупотребленія, — есть *безопасность*. Въ тотъ моментъ, говоритъ онъ, когда люди убѣдились бы, что безопасность можетъ быть достигнута и безъ государства, исполнилось бы желаніе Прудона [2]), и государство перестало бы существовать.

Выводъ, къ которому пришелъ Этвешъ, не новъ: это выводъ Локка, Канта и многочисленной школы строгихъ юристовъ. Оригиналенъ только способъ доказательства, и великъ его успѣхъ не только въ германской литературѣ, но и въ другихъ странахъ [3]). Въ теоріи Этвеша какъ бы сосредоточились всѣ воззрѣнія индивидуалистовъ на государство. Вотъ почему она изложена здѣсь довольно подробно. Она требуетъ обстоятельнаго разбора; возражая на нее, мы, вмѣстѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 74—95.

[2]) Ложно понятаго Этвешемъ и нѣмецкими учеными вообще, скажемъ мы отъ себя.

[3]) См., напримѣръ, восторженный отзывъ о книгѣ Этвеша въ сочиненіи Лабуле, *L'état et ses limites*.

съ тѣмъ, будемъ говорить противъ большинства западно-европейскихъ мыслителей—публицистовъ, экономистовъ, юристовъ, философовъ.

Если бы Этвешъ говорилъ объ отдѣльныхъ, конкретныхъ государствахъ, его теорія имѣла бы извѣстное практическое и научное значеніе. Опредѣленное государство, не дающее гражданамъ ничего, *даже безопасности*, несомнѣнно вызоветъ сначала равнодушіе, потомъ вражду народа; оно разложится и погибнетъ или отъ внѣшняго врага, поддерживаемаго апатіею массъ, или отъ внутреннихъ раздоровъ. Исторія наполнена развалинами государствъ. Каждый помнитъ чудныя страницы *Развалинъ* Вольнея, гдѣ философъ-поэтъ съ горькимъ чувствомъ обращается къ прошедшему столькихъ народовъ, нѣкогда славныхъ и могущественныхъ. На развалинахъ великолѣпной Пальмиры философу пришла на память вся исторія этихъ нынѣ пустынныхъ странъ.

Обо всѣхъ этихъ царствахъ можно сказать то, что́ Вольней говоритъ о Пальмирѣ:

„Теперь вотъ что́ осталось отъ этого могущественнаго города—мрачный скелетъ! Вотъ что́ остается отъ обширнаго владѣнія—темное и тщетное воспоминаніе! Шумныя сходбища, собиравшіяся подъ этими портиками, замѣнились пустотою смерти. Могильная тишина замѣнила ропотъ улицъ и площадей. Роскошь торговаго города превратилась въ отвратительную бѣдность. Царскіе дворцы сдѣлались логовищемъ дикихъ звѣрей; стада отдыхаютъ на порогѣ храмовъ, и нечистые гады обитаютъ въ святилищѣ боговъ!... Ахъ, какъ исчезло столько славы! Какъ погибло столько трудовъ!... Такъ погибаютъ дѣла людей, такъ исчезаютъ царства и народы“ [1])!

Но одно ли отсутствіе государственнаго порядка и безопасности имѣло вліяніе на гибель „народовъ и царствъ“? *Развалины*, оплаканныя Вольнеемъ, суть продуктъ не одного неисполненія государствомъ своихъ судебно-полицейскихъ обязанностей. Подъ колоннами Ниневіи, портиками Пальмиры, зданіями Рима гибло не одно „юридическое“ государство—Rechtsstaat, гибло народное творчество, народная нравственность, предпріимчивость—цѣлая культура, создавшая опредѣленный типъ государства и погибшая вмѣстѣ съ нимъ. Общества погибшихъ государствъ не „отступились“ отъ нихъ, по правиламъ двухъ „аксіомъ“ Этвеша, но погибали вмѣстѣ съ своею политическою формою.

Конечно, и „безопасность“ играетъ въ этомъ вопросѣ не малую роль и, повторяемъ, соображенія Этвеша могутъ имѣть свой вѣсъ.

Но вотъ гдѣ начинается рядъ произвольныхъ скачковъ. Изъ того,

---

[1]) *Les ruines.*

что отдѣльныя государства разрушались, если не удовлетворяли своему назначенію, авторъ заключилъ, что государственная форма *вообще* можетъ погибнуть, если члены его убѣдятся, что главная, по мнѣнію Этвеша, цѣль государства—безопасность — можетъ быть достигнута безъ него.

На основаніи тѣхъ же соображеній, онъ заключилъ, что причина *бытія* государства вообще, *основаніе* его авторитета надъ людьми, есть та *цѣль*, которой оно служитъ.

И тотъ и другой выводъ, согласный съ установившимися представленіями огромнаго большинства лицъ, воспитанныхъ на началахъ философіи права, не выдерживаетъ критики.

„Массы", на которыя ссылается Этвешъ, не думаютъ обыкновенно, что цѣль государства состоитъ единственно въ охраненіи безопасности, и что, переступая это назначеніе, государство вооружаетъ противъ себя народъ и рискуетъ погибнуть.

„Массы", изъ гибели отдѣльныхъ государствъ, не заключали о негодности государственной формы вообще и не помышляли о возможности жить внѣ государственнаго общенія.

Здравые научные пріемы не позволяютъ искать причины бытія государства и основанія его авторитета въ понятіи его цѣли.

Эти своего рода „теоремы" нуждаются въ извѣстныхъ доказательствахъ, которыя и идутъ вслѣдъ за симъ.

II.

Требованія жизни.

Этвешъ, отводя государству сферу судебно-охранительной дѣятельности, взываетъ къ чувству и сознанію массъ. Но „массы", въ тѣ моменты, когда имъ приходилось играть дѣятельную роль на политической сценѣ, выражали мысли, не совсѣмъ согласныя съ вышеприведенными, и заслуживали серьезнаго порицанія со стороны философовъ, юристовъ и экономистовъ, раздѣлявшихъ воззрѣнія, подобныя взгляду Этвеша.

Въ числѣ политическихъ памфлетовъ Фредерика Бастіа, который подписался бы подъ каждою строкою сочиненій Этвеша, Лабуле, Жюля Симона и т. д., есть одинъ, спеціально посвященный осмѣянію воззрѣній французскихъ народныхъ массъ на государство. Онъ называется *Государство* [1]). Знаменитый экономистъ взялъ на себя трудъ составить списокъ нелѣпыхъ, по его мнѣнію, требованій гражданъ

[1]) *Oeuvres complètes*, т. IV, стр. 327—341.

отъ государства. Должно отдать ему честь, что эти требованія изложены имъ въ наиболѣе смѣшной формѣ. Но „списокъ“ заслуживаетъ большого вниманія.

„Сто тысячъ голосовъ въ печати и съ трибуны, говоритъ Бастіа, кричатъ государству:

Организуйте трудъ и рабочихъ.
Искорените эгоизмъ.
Подавите дерзость и тиранію капитала.
Дѣлайте опыты надъ навозомъ и яйцами.
Покройте страну желѣзными дорогами.
Оросите равнины.
Взростите лѣсъ на горахъ.
Устройте образцовыя фермы.
Организуйте мастерскія.
Колонизуйте Алжиръ.
Вспаивайте дѣтей.
Обучайте юношество.
Помогайте старости.
Пошлите въ деревни жителей городовъ.
Занимайте безъ процентовъ деньги желающимъ.
Освободите Италію, Польшу и Венгрію.
Воспитывайте и улучшайте верховыхъ лошадей.
Поощряйте искусство, образуйте намъ музыкантовъ и танцовщицъ“,

и. т. д.

Въ заключеніе слѣдуютъ слова Ламартина: „государство имѣетъ миссію просвѣщать, развивать, возвеличивать, укрѣплять, одухотворять и освящать душу народовъ“.

Изъ этой коллекціи нелѣпыхъ или нелѣпо-формулированныхъ требованій видно, что, по мнѣнію „массъ“, государство имѣетъ извѣстное отношеніе не только къ *безопасности*, но и ко всѣмъ сторонамъ народной жизни. Оно, по мнѣнію массъ, предназначено къ содѣйствію народному образованію, экономическому прогрессу, улучшенію путей сообщенія, къ общественной благотворительности, къ поддержанію достоинства страны во внѣшнихъ сношеніяхъ, къ выполненію историческаго призванія народа.

И какое государство не признаетъ этихъ задачъ своими? Бастіа находитъ возмутительною первую статью введенія къ конституціи 1848 года, которая содержитъ въ себѣ слѣдующее невинное заявленіе:

„Франція приняла форму республики. Принимая эту окончательную форму правленія, она поставила себѣ цѣлью идти болѣе свободно по пути прогресса и цивилизаціи, обезпечить болѣе справедливое распредѣленіе тягостей и выгодъ общежитія, увеличить благосостояніе

каждаго чрезъ постепенное уменьшеніе государственныхъ расходовъ и налоговъ и привести всѣхъ гражданъ, безъ новыхъ потрясеній, послѣдовательнымъ и постояннымъ дѣйствіемъ законовъ и учрежденій, къ постоянно возвышающемуся уровню нравственности, просвѣщенія и благосостоянія".

Къ какой странѣ, къ какой правильной формѣ правленія не шло бы это заявленіе? Еслибъ извѣстная страна организовалась въ монархію и правительство объявило бы: страна N приняла эту форму правленія для того, чтобы (слѣдуетъ введеніе къ конституціи 1848),— кому бы это заявленіе показалось нелѣпымъ и возмутительнымъ?

Нелѣпость и возмутительность заключались не въ заявленіи, а въ томъ, что слабое и неспособное правительство республики не могло его выполнить или выполнило весьма неудачно.

Но вотъ другое государство, сдержавшее свое обѣщаніе—американское. Въ конституціи этой страны, этомъ прибѣжищѣ индивидуализма, нельзя найти мысли, что государство существуетъ исключительно для огражденія безопасности.

„Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, говоритъ введеніе къ этой конституціи, издали и утвердили эту конституцію для того, чтобъ образовать болѣе совершенное единство, установить правосудіе, обезпечить внутреннее спокойствіе, содѣйствовать общей защитѣ, увеличить общее благосостояніе и упрочить какъ для себя, такъ и для потомства благодѣянія свободы".

Опредѣляя обязанности федеральнаго конгресса, конституція не сводитъ ихъ къ защитѣ внѣшней и внутренней безопасности. Конгрессъ имѣетъ право и обязанъ: регламентировать торговлю съ иностранными государствами, между отдѣльными штатами и индійскими племенами; бить монету, опредѣлять ея цѣнность, такъ же какъ и цѣнность ввозной монеты, опредѣлять образцы мѣръ и вѣсовъ; учреждать почты и почтовыя станціи; поощрять усовершенствованіе наукъ и полезныхъ искусствъ и т. д.

Американское государство сочло себя въ правѣ поднять всю страну для освобожденія негровъ, уничтоженія рабства и поддержанія единства страны:—могло ли оно встрѣтить слово порицанія?

Можно было бы сотнями привести примѣры того, что́ дѣлаетъ государство во всѣхъ странахъ, и наиболѣе свободныхъ, кромѣ охраненія безопасности. Это будетъ сдѣлано въ своемъ мѣстѣ. Но приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства, что теорія безопасности есть не убѣжденіе массъ, но достояніе извѣстнаго класса лицъ, усвоившихъ себѣ это воззрѣніе, подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ и опредѣленныхъ философскихъ и экономическихъ ученій.

Буржуазія, вступившая въ борьбу съ государствомъ въ его абсолютно-монархической формѣ, внесла въ политическій міръ и утвердила въ немъ принципъ *личной свободы.* Идея эта, какъ бы по закону логическаго противоположенія, приняла, подъ вліяніемъ буржуазіи, крайнюю форму *индивидуализма.*

Индивидуализмъ, по мѣткому опредѣленію Луи Блана [1]), „беретъ человѣка внѣ общества и независимо отъ общества и дѣлаетъ его единственнымъ судьею его самого и всего, что̀ его окружаетъ, даетъ ему преувеличенное чувство своихъ правъ, не указывая его обязанностей [2]), предоставляетъ его собственнымъ его силамъ и вмѣсто всякаго правительства провозглашаетъ полный произволъ“.

Индивидуализмъ—теорія личной свободы, безъ понятной *солидарности* членовъ общества, безъ идеи живой общности интересовъ, требующихъ иногда совокупнаго, иногда правительственнаго дѣйствія.

Понятно, какъ должна быть опредѣлена цѣль государства съ точки зрѣнія индивидуализма, хотя онъ и претендуетъ быть главною опорою государственности и истиннаго „порядка“. Замѣчательно, что въ лагерѣ лицъ, считающихся противниками „порядка“ и вождями „разрушенія“, можно найти гораздо возвышеннѣйшія воззрѣнія на цѣль государства и его значеніе для человѣчества. Таковы воззрѣнія Лассаля, хотя во многихъ отношеніяхъ съ ними нельзя согласиться. „Воззрѣніе буржуазіи, говоритъ Лассаль, состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ цѣлью исключительно лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами“.

„Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, если бы всѣ мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы и равно богаты. Но такого равенства нѣтъ и *быть не можетъ:* поэтому такая мысль *недостаточна* и по своей недостаточности приводитъ къ глубоко-безнравственнымъ выводамъ“.

Показавъ, въ чемъ состоитъ недостаточность этого воззрѣнія на цѣль государства, Лассаль замѣчаетъ иронически: „Если бы буржуазія хотѣла послѣдовательно договориться до послѣдняго слова, она должна была бы признаться, что по этой идеѣ ея, съ исчезновеніемъ воровъ и разбойниковъ, государство становится лишнимъ“.

Если читатель вспомнитъ замѣчаніе Этвеша о томъ, что, „когда люди убѣдились бы, что безопасность можетъ быть достигнута безъ государства,—оно перестало бы существовать“, то онъ увидитъ, что буржуазія даже выговорила это „послѣднее слово“.

---

[1]) *Исторія французской революціи.*

[2]) Одинъ изъ дѣятелей первой революціи, аббатъ Грегуаръ, еще въ тѣ времена замѣтилъ, что новые законодатели много говорятъ о „правахъ“ и ничего объ обязанностяхъ.

общностью происхожденія, языка, или общностью территоріи—всегда нравовъ, обычаевъ, общностью историческаго прошлаго, симпатій и антипатій и т. д.,—словомъ, подъ именемъ государства мы часто разумѣемъ „землю“ (pays), страну съ ея народомъ въ ихъ исторически сложившемся единствѣ. Съ этой точки зрѣнія „государство“ есть понятіе общественно-культурное.

Но затѣмъ подъ именемъ государства, въ противоположность этого понятія къ понятію *личности* и *общества*, разумѣютъ извѣстную совокупность учрежденій, въ которыхъ сосредоточены всѣ права и функціи *государственной власти*. Съ этой точки зрѣнія названіе „государства“ примѣняется къ одному лишь общественному элементу—элементу авторитета, власти и ея органовъ.

Эта мысль можетъ быть выражена короче. Каждое государство, какъ законченный политическій организмъ, состоитъ изъ осѣдлаго народа, управляемаго опредѣленною политическою властью. Слѣдовательно, каждое государство слагается изъ трехъ существенныхъ элементовъ: народа, государственной территоріи и политической власти. Обыденный языкъ часто раздѣляетъ эти элементы и обозначаетъ словомъ государство то опредѣленный народъ съ его территоріей, то учрежденіе власти.

Но съ научной и философской точки зрѣнія понятіе государства слагается изъ всѣхъ трехъ элементовъ, одинаково существенныхъ для его бытія. Общество, хотя бы осѣдлое, развитое, расчлененное на классы, не составляетъ государства, если въ немъ нѣтъ особой, національной политической власти. Присутствіе въ извѣстномъ національномъ обществѣ особой политической власти есть признакъ его политической независимости, его внѣшней самостоятельности среди другихъ народовъ и государствъ,—доказательство, что оно составляетъ *полноправную личность* въ международныхъ отношеніяхъ. *Ирландское общество* не самостоятельно въ политическомъ отношеніи, потому что у него нѣтъ своей, національной власти; оно не составляетъ особаго государства, признаннаго субъектомъ международныхъ отношеній.

Обусловливая внѣшнюю законченность и самостоятельность политическаго общества, государственная власть довершаетъ и внутреннюю его организацію. Существованіе въ обществѣ государственной власти, какъ *особаго* элемента, есть признакъ сравнительно высшей культуры, доказательство, что общество достигло высшей формы общежитія — сравнительно съ прежними формами.

До образованія государственной формы, права и функціи политической власти находились въ рукахъ извѣстныхъ *властей*, выработанныхъ первобытными формами общества. Права законодательства,

суда и управленія находились послѣдовательно въ рукахъ отца семейства, патріарха-родоначальника, собранія родовыхъ старшинъ, вотчинника-феодала и т. д.

Два признака отличали этотъ порядокъ вещей.

Права и функціи власти были соединены съ *частными* правами лицъ, ими облеченныхъ. Они какъ бы вытекали изъ нихъ. Родоначальникъ изъ своей отеческой власти выводилъ право на жизнь и смерть своихъ подчиненныхъ, на внутреннее управленіе дѣлами рода, на веденіе внѣшнихъ сношеній и т. д. Феодальный вотчинникъ видѣлъ въ судѣ одно изъ своихъ поземельныхъ правъ, статью дохода. Власть не была въ это время общественною должностью, предназначенною для осуществленія общественныхъ интересовъ.

При такой системѣ *частныхъ* властей, политическая жизнь представлялась чѣмъ-то разрозненнымъ. Племена, роды, феодальныя владѣнія не имѣютъ внутренней связи; они неспособны къ общности національной жизни. Самыя условія этой жизни и больше всего юридическія условія, не представляютъ однообразія, единства, необходимыхъ для правильнаго общенія.

Процессъ образованія государственной власти состоитъ въ томъ, что права и функціи политической власти постепенно конфискуются у всѣхъ частныхъ властей. Феодалы лишаются права законодательства, суда, правъ управленія финансоваго, полицейскаго, права частныхъ войнъ и т. д. Всѣ эти права сосредоточиваются въ рукахъ одного лица или учрежденія, дѣйствующаго во имя общественныхъ интересовъ, дѣлаются существенными *аттрибутами* верховной власти. Поэтому этотъ процессъ можетъ быть названъ *сосредоточеніемъ* или *централизаціею* власти. Смыслъ сосредоточенія власти не состоитъ въ томъ, что вмѣсто многихъ родоначальниковъ, вотчинниковъ и т. д. остается *одинъ*. Централизованная власть сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ только часть функцій прежнихъ властей, именно функціи, имѣющія политическое значеніе.

Единство власти приводитъ къ единству и однообразію всѣхъ условій общежитія, что допускаетъ возможность болѣе широкаго и всесторонняго общенія. Единство законодательной власти установляетъ единство и равенство въ правахъ и обязанностяхъ, централизація суда ведетъ къ единообразному примѣненію и охраненію законовъ, единство администраціи — къ общности силъ и мѣръ въ осуществленіи разныхъ общественныхъ интересовъ [1]). Такъ вмѣстѣ

---

[1]) Здѣсь мы разъ навсегда должны замѣтить, что, говоря о единствѣ и централизаціи, мы разумѣемъ централизацію *политическую*, т.-е. сосредоточеніе высшихъ элементовъ правленія. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду важныхъ вопросовъ объ *административной* децентрализаціи и самоуправленіи.

съ образованіемъ центральной политической власти образуется и самое *государство*, какъ форма человѣческаго общенія, какъ разнообразное и единое въ своемъ разнообразіи политическое общество.

Изъ этихъ немногихъ соображеній видно, что вопросъ о „разрушеніи“ государства представляется не столь простымъ, какъ въ теоріи „безопасности“, но весьма сложнымъ и труднымъ.

IV.

Образъ смерти.

Подобно тому, какъ самое понятіе „государство“ имѣетъ довольно разнообразное значеніе, такъ и выраженіе „разрушить государство“ означаетъ весьма многое.

Разрушеніе какого бы то ни было явленія органическаго и нравственнаго міра означаетъ разрушеніе всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Мы указали уже на элементы сложнаго явленія, которое называется общимъ терминомъ—государство. Какіе же изъ этихъ элементовъ имѣются въ виду, когда рѣчь идетъ о его разрушеніи?

Всѣмъ извѣстно, какими признаками сопровождается гибель государствъ. Кто не можетъ вывести ихъ a priori, тотъ пусть обратится къ несомнѣннымъ историческимъ фактамъ. Гибель государства означаетъ, что территорія его распадается, общество раздѣляется и культура его блекнетъ, творческая сила изсякаетъ, институты національной власти слабѣютъ, гибнутъ, наступаетъ всеобщее безначаліе (анархія), народность теряетъ всякое значеніе, голосъ ея не уважается въ международныхъ сношеніяхъ, права ея попираются врагами; въ концѣ этого списка признаковъ стоитъ одно слово — *смерть.*

Эта *смерть* народности имѣетъ двоякую форму—или форму смерти физической, дѣйствительной, то-есть вымиранія народности, — или форму смерти политической, завоеванія государства другимъ, раздѣленія его между сильными сосѣдями, то-есть подчиненія его чужой политической власти.

Исторія знаетъ примѣры физической смерти государствъ. Востокъ, наполненный прежде многолюдными государствами, теперь обезлюдѣлъ; великолѣпныя развалины древнихъ городовъ стоятъ въ пустынѣ. По исчисленію Іосифа Флавія и Страбона, въ одной Сиріи нѣкогда было до 10 м. жителей. Когда Вольней посѣтилъ эти мѣста, въ нихъ было едва лишь два милліона. Нужно ли говорить о вымираніи американскихъ народностей, доказательства государствен-

ной жизни которыхъ отрываются подъ землею, отыскиваются въ лѣсахъ и саваннахъ новаго міра? „Я посѣтилъ эти мѣста, бывшія театромъ такого блеска, и нашелъ только пустыню. Я искалъ древнихъ народовъ и ихъ дѣла, и видѣлъ только слѣдъ ноги, подобный слѣду ноги прохожаго въ прахѣ. Храмы распались, дворцы разорены, гавани завалены, города разрушены, и земля, не имѣющая жителей, не что иное, какъ заброшенное кладбище“ (Вольней).

Примѣры политической смерти у всѣхъ на глазахъ. Славное болгарское царство — подъ владычествомъ Турціи, Чехія подчинена Австріи, Польша раздѣлена между тремя сильными сосѣдями, громадная испанская монархія распалась сама собою.

И при каждой изъ такихъ смертей, члены политическаго общества видѣли не одну только гибель элемента „безопасности“. Они чувствовали, что съ государствомъ гибнутъ *они сами*, гибнетъ созданный ими культурный типъ, ихъ идеалы, символъ и условіе ихъ политической независимости. Даже частичное видоизмѣненіе государства болѣзненно отзывалось на политическомъ тѣлѣ. Съ какою болью, съ какимъ судорожнымъ страданіемъ оторвала отъ себя Франція Лотарингію и Эльзасъ—эти сравнительно новыя провинціи французскаго государства!

Нѣтъ! „Массы“, дѣйствовавшія въ исторіи, заявившія себя славными подвигами, никогда не думали о разрушеніи государства. Онѣ стремились или къ образованію *своего* государства, и потому *отдѣлялись* отъ какого-нибудь другого политическаго тѣла: такъ Американскіе Штаты отдѣлились отъ Англіи, Бельгія отъ Нидерландовъ;—или видоизмѣняли его форму: вводили народное представительство, установляли федерацію, централизацію, административную децентрализацію, самоуправленіе, вводили систему раздѣленія властей и т. д., но никогда не думали о разрушеніи государства, потому что въ глазахъ *историческаго* человѣчества—человѣчества, дѣйствовавшаго до настоящаго времени, разрушеніе государства означало:

1) или утрату высшей формы общежитія и отступленіе къ низшимъ,

2) или потерю международной самостоятельности и всѣхъ условій самобытности,

3) или отсутствіе всякаго организующаго начала, безначаліе, анархію,

—словомъ, или разложеніе, или смерть.

V.

Предложеніе смерти ради будущей жизни.

Но современная теорія „не хощетъ смерти народовъ, но еже спастися имъ и въ разумъ истины пріити“.

Провозглашая *возможность* разрушенія государственной формы, или *требуя* его, какъ это дѣлаютъ ораторы международнаго союза рабочихъ, ораторы новыхъ „массъ“, порожденныхъ недостатками западно-европейской культуры, новѣйшія стремленія имѣютъ въ виду начать новую эру человѣческаго развитія, для которой государственная форма непригодна какъ „отжившая и стѣснительная“.

Съ точки зрѣнія *новой ступени* развитія человѣчества, высшая форма человѣческаго общенія, государственность, должна быть разрушена во всѣхъ своихъ элементахъ.

Государственная *территорія* и государственная *народность*, съ ихъ точно опредѣленными границами, съ замкнутымъ единствомъ интересовъ, симпатій и антипатій, спорами за границы, за экономическое и военное преобладаніе, представляются препятствіями къ осуществленію болѣе широкой формы человѣческаго общенія— „организма человѣчества“, какъ обыкновенно выражаются.

Поэтому современныя политическія народности не должны болѣе составлять сильное, централизованное цѣлое, но должны быть расчленены, раздѣлены на мелкіе первоначальные союзы—общины, изъ которыхъ составятся союзы бо̀льшаго размѣра, и наконецъ *федерація человѣчества.*

Государственная *власть,* то-есть начало политическаго авторитета, стѣсняетъ развитіе личности, самостоятельность мѣстныхъ союзовъ, силою централизаціи поддерживаетъ государственное единство и обособленность націи, а потому она должна быть уничтожена или, по крайней мѣрѣ, доведена до minimum'а.

Такимъ образомъ, полемика сосредоточивается около двухъ вопросовъ:—вопроса о государственной формѣ человѣческаго общенія, то-есть о *народностяхъ* въ политическомъ мірѣ, и вопроса о принципѣ *авторитета* въ человѣческихъ обществахъ.

Для правильной оцѣнки этого явленія нельзя не обратить вниманія на слѣдующее важное обстоятельство.

Критическое отношеніе къ государству въ наше время рѣзко отличается отъ подобнаго же отношенія къ политическимъ вопросамъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Раціонально-метафизическая философія XVII и XVIII столѣтій,

полагая разумъ источникомъ и орудіемъ познанія, стремилась не къ разрушенію государствъ, а къ тому, чтобы система государственныхъ и общественныхъ отношеній была объяснена, выведена и построена на началахъ разума a priori. Съ точки зрѣнія метафизики, каждое явленіе внѣшняго міра только тогда имѣетъ достаточное основаніе, только тогда можетъ быть признано необходимо существующимъ, когда оно объясняется логически и a priori началами разума. Опытъ говоритъ только, что извѣстное явленіе существуетъ, но не можетъ доказать, что оно не можетъ не существовать или принять другую форму. Только апріорное доказательство необходимости явленія есть доказательство дѣйствительное, безусловное.

Метафизическая философія, съ своей точки зрѣнія, „оправдала существованіе государства предъ разумомъ"; она нашла раціональное основаніе бытія государства, то-есть доказала его безусловную необходимость a priori. Превращеніе эмпирическихъ, опытныхъ, основъ государства въ апріорныя, безусловныя начала разума есть *положительная* сторона ея дѣятельности.

Но дѣятельность эта представляетъ и *отрицательную* сторону, во имя которой философія XVIII столѣтія можетъ быть названа разрушительною, или, какъ выражается О. Контъ, *революціонною метафизикою*. Сводя принципы государственнаго устройства къ началамъ разума, раціональная философія сдѣлала, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумъ *судьею* всего существующаго строя и отдѣльныхъ его вліяній. Государство и его институты могутъ быть оправданы разумомъ и построены на раціональныхъ основаніяхъ. Но не все существующее въ государствѣ и не всякое государство, въ данной, исторической формѣ, соотвѣтствуетъ требованіямъ разума, а потому не имѣетъ раціональнаго права на существованіе. Философская система государства, непосредственно выведенная изъ началъ разума, во многихъ отношеніяхъ расходится съ *положительною* системою государственнаго устройства. Безъ сомнѣнія, апріорное, необходимое и безусловное должно имѣть преимущество предъ историческимъ, опытнымъ, а потому (съ точки зрѣнія метафизики)—случайнымъ. Такимъ образомъ, является возможность и необходимость осужденія и отрицанія разныхъ установившихся государственныхъ формъ и отдѣльныхъ политическихъ институтовъ.

Дѣломъ философіи XVII столѣтія было возвести систему политическихъ учрежденій къ „естественнымъ" началамъ разума и изъ этихъ началъ составить систему *естественнаго права*. Но естественное право и право положительное, принципъ разума и продуктъ опыта—жили еще въ мирѣ и согласіи между собою. Если продуктъ опыта противорѣчилъ принципу разума, то противорѣчіе, въ глазахъ мир-

ныхъ философовъ, легко и удобно разрѣшалось понятіемъ *человѣческой свободы*, которая можетъ создать для политической жизни такія условія, какія человѣкъ, по своему усмотрѣнію, сочтетъ нужными. Разумъ осуждаетъ рабство и деспотизмъ. Но, говоритъ Гроцій [1]), свободный человѣкъ можетъ добровольно сдѣлаться рабомъ другого, и цѣлый народъ можетъ отдать себя въ распоряженіе деспотической власти. Философія XVIII столѣтія не расчленяла уже до такой степени идеи человѣка и его способностей. Воля не была, въ ея глазахъ, способностью совершенно отличною отъ разума, имѣющею возможность идти съ нимъ въ разрѣзъ. Кантъ опредѣляетъ волю какъ способность дѣйствовать по *разумнымъ* представленіямъ. Воля есть *практическій* разумъ. Дѣятельность ея должна быть направлена безусловными требованіями ума, категорическими императивами. Отсюда понятно, что между началами естественнаго права и фактами права положительнаго не можетъ быть компромисса, сдѣлки. Недостатки положительнаго права потеряли свое убѣжище — добрую волю человѣка, которая можетъ съ ними помириться и дать имъ свою санкцію. Въ понятіяхъ Руссо человѣкъ уже не можетъ отказаться отъ своей свободы — безусловнаго требованія разума и нравственности. Государство должно быть устроено по извѣстнымъ принципамъ разума.

Такимъ образомъ, философія XVIII столѣтія къ прежнему вопросу: *въ чемъ состоятъ раціональныя основанія политическаго порядка* (вопросъ догматическій, разработанный философіей XVII столѣтія), — прибавляетъ другой: *какъ должно быть организовано государство согласно безусловнымъ требованіямъ разума?* (вопросъ критическій). Поэтому политическая философія принимаетъ если не форму, то характеръ проектовъ преобразованія государства на раціональныхъ началахъ. Знаменитый трактатъ объ *Общественномъ договорѣ* Руссо есть какъ бы проектъ новой конституціи обществъ, которая должна быть приведена въ дѣйствіе, когда обстоятельства это позволятъ. Такимъ обстоятельствомъ и была французская революція.

Съ французской революціи идетъ рядъ попытокъ преобразовать форму государства на раціональныхъ основаніяхъ. Форма эта преобразовывалась и преобразовывается, но метафизика, въ собственномъ смыслѣ, поставила внѣ сомнѣнія *вопросъ о необходимости существованія государства*. По ученію Канта, государство есть безусловное требованіе разума, государство должно существовать, потому что человѣкъ разуменъ. Въ ученіи Гегеля государство есть необходимый продуктъ діалектическаго развитія идеи воли. Можно смѣло сказать, что *идея государства*, по мнѣнію всѣхъ, довѣрявшихъ средствамъ

[1]) *De jure belli ac pacis.*

раціонализма, вышла изъ французской революціи торжествующею и возвеличенною, именно потому, что она окрѣпла какъ *идея*, а для общества, живущаго одними разсудочными представленіями,—фактъ, возведенный въ идею и „оправдавшій“ себя предъ разумомъ, имѣетъ безусловное право на существованіе.

Но въ самомъ существѣ раціонализма заключалось зерно разложенія только-что „оправданной“ и возвеличенной имъ идеи. Поставивъ бытіе государства въ зависимость отъ требованій разума, раціонализмъ содержалъ въ себѣ возможность такого вывода:

Государство можетъ и должно прекратить свое существованіе, если человѣческій разумъ убѣдится въ несостоятельности и негодности этой формы общежитія.

Возможность такого вывода выражена положительно въ вышеприведенныхъ словахъ Этвеша. Но Этвешъ, подобно другимъ раціоналистамъ и индивидуалистамъ, высказавъ такое предположеніе, спѣшитъ доказать необходимость государства.

Въ другой школѣ или, лучше сказать, партіи это логическое предположеніе переходитъ *въ практическое стремленіе*, требованіе, и притомъ требованіе, основанное на началахъ того же разума.

Дѣйствительно, разумъ не можетъ быть безусловнымъ основаніемъ *бытія* вещей, потому что, во-1-хъ, разумъ есть способность *субъективная*, и всѣ продукты его — представленія, мысли, по существу своему, также субъективны. Тщетно философія стремится найти и обосновать *всеобщую* субъективность, то-есть совокупность требованій разума, безусловно обязательныхъ въ мірѣ нравственномъ и политическомъ. Послѣднее слово раціонализма всегда будетъ *индивидуализмъ*, то-есть торжество частно-субъективнаго въ политикѣ и нравственности. Во-2-хъ, если даже мы допустимъ существованіе всеобщей субъективности, всеобщаго сознанія, то не иначе, какъ величины исторической, подчиняющейся условіямъ пространства и времени. Всеобщее сознаніе одной эпохи можетъ быть несогласно съ всеобщимъ сознаніемъ другой. Если эта историческая и видоизмѣняющаяся въ своемъ содержаніи величина будетъ признана творческою причиною *бытія* явленій нравственнаго и политическаго міра (а не только ихъ *формы*), въ такомъ случаѣ нельзя не признать за *волею*, направляемою сознаніемъ той или другой эпохи, права „отмѣнять“ существованіе извѣстныхъ установленій. Въ-3-хъ, „раціональныя начала“ только тогда могли бы быть признаны за основу явленій, если бы было доказано, что *законы мышленія* и *законы реальнаго бытія* тождественны, т.-е. что развитіе явленій совершается по логическимъ законамъ. Въ противномъ случаѣ то, чтó оправдываетъ разумъ, логика, можетъ быть не оправдано жизнью.

На этой почвѣ построены современныя теоріи „разрушенія" государства. Если матеріальная причина и условіе ихъ существованія заключаются во многихъ несовершенствахъ политическаго міра, то теоретическія ихъ основанія кроются въ существѣ и послѣдствіяхъ раціонализма, царящаго до настоящаго времени въ политическихъ наукахъ. Одинъ изъ *возможныхъ* выводовъ метафизической философіи или, лучше сказать, метафизическаго метода сдѣлался *положительною теоріею.*

Нельзя, конечно, сказать, чтобы раціональный индивидуализмъ не противился въ настоящее время всѣми силами практическому осуществленію этой теоріи. Версальское правительство, правительство раціональныхъ индивидуалистовъ (поддерживаемое, правда, по извѣстнымъ причинамъ, клерикалами), побѣдоносно задавило попытку разрушенія государственнаго устройства. Но побѣждена ли самая *идея*? Возможно ли побѣдить ее при существующихъ средствахъ государственной теоріи, упорно сохраняющей свой раціонально-метафизическій характеръ?

Это весьма сомнительно, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ мы постараемся показать, во-1-хъ, что́ можно возразить противъ теоріи разрушенія съ точки зрѣнія положительной науки, и во-2-хъ, что́ отвѣчаютъ на эту теорію современная наука и практика.

VI.

Раціональныя начала и законы исторіи.

Съ точки зрѣнія естественно-историческихъ условій образованія государства и общества, теорія разрушенія государства можетъ быть опровергнута безъ особеннаго труда. Говоря наиболѣе вѣжливымъ языкомъ, можно сказать, что въ практическомъ своемъ примѣненіи она встрѣтится съ такими препятствіями, на преодолѣніе которыхъ потребуются десятки столѣтій.

Мы указали выше, что разрушительная критика направлена на два принципа современнаго государственнаго устройства — на принципъ *народности* и на принципъ *централизованной верховной власти* [1]).

---

[1]) Нельзя при этомъ не замѣтить, что принципъ *народности* признается принципомъ современнаго государства его противниками только по недоразумѣнію. *Во-первыхъ*, раціонально-индивидуалистическая философія права не признаетъ народность существеннымъ основаніемъ государства: съ ея точки зрѣнія государство есть просто собраніе *недѣлимыхъ*. *Во-вторыхъ*, многія изъ современныхъ государствъ суть дѣйствительно искусственное сочетаніе разныхъ народностей. Ниже мы подробно разсмотримъ этотъ вопросъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что разрушеніе государства обусловливается уничтоженіемъ въ родѣ человѣческомъ двухъ существенныхъ элементовъ его развитія — народности и элемента власти, авторитета. И то и другое требуетъ безконечнаго ряда условій, изъ которыхъ здѣсь достаточно назвать важнѣйшія рубрики.

Національности предполагается уничтожить не для того, чтобъ онѣ распались на древнія свои составныя части, что́, съ точки зрѣнія космополитизма, было бы еще хуже, но для того, чтобъ онѣ слились въ „организмъ человѣчества“.

Подобное „сліяніе“ предполагаетъ уничтоженіе всѣхъ національныхъ особенностей, зависящихъ отъ различія племени, языка, страны, религіи, нравовъ, обычаевъ, экономическаго строя и т. д.,—особенностей, въ силу которыхъ каждая народность стремится составить политическое цѣлое, самостоятельное среди другихъ подобныхъ обществъ.

Изъ этого видно, что при разрѣшеніи вопроса о разрушеніи національностей мы имѣемъ дѣло не съ основаніями „раціональными“, съ посылками и умозаключеніями, а съ совокупностью *стихійныхъ силъ*, подчиненныхъ неизмѣннымъ естественно-историческимъ законамъ.

Процессъ образованія народности подчиненъ законамъ образованія человѣческихъ породъ, языковъ, религій, зависитъ отъ условій *среды*, т.-е. географическихъ, геологическихъ, ботаническихъ и т. п. особенностей страны, сдѣлавшейся мѣстомъ осѣдлости народа; онъ находится въ тѣсной зависимости отъ образованія экономическаго быта въ той или другой странѣ, отъ разныхъ комбинацій въ раздѣленіи занятій, въ распредѣленіи богатствъ и зависящаго отъ этихъ обстоятельствъ образованія и комбинаціи общественныхъ классовъ и т. д.

Всѣ эти условія и причины бытія народностей имѣютъ одинъ общій признакъ: они находятся внѣ власти человѣческой воли, не подчиняются формальнымъ законамъ логики. Отсюда сама собою обнаруживается несостоятельность пріемовъ теоріи разрушенія народности. Признавая возможность и необходимость своей задачи, она ставитъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Необходимо ли и дозволительно ли съ точки зрѣнія началъ разума существованіе народностей?

Отвѣчая на этотъ вопросъ отрицательно, она логически приходитъ къ необходимости разрушенія.

Подобный пріемъ былъ бы умѣстенъ только въ томъ случаѣ, если бы самое *основаніе* народностей было въ началахъ разума. Но положительная наука должна прежде всего поставить вопросъ: гдѣ основаніе національныхъ различій? Естественныя науки, антропологія,

графія, филологія и исторія дали бы ей отвѣтъ на этотъ вопросъ и однѣ онѣ могли бы дать его.

Но если основаніе народности — въ естественно-историческихъ условіяхъ страны и народонаселенія, то мы очевидно *не имѣемъ права* (т.-е. научнаго права), говоря о разрушеніи народности, поставить вопросъ о томъ, „оправдываетъ" или не оправдываетъ разумъ ихъ существованіе? Мы только въ правѣ и должны задать себѣ слѣдующій вопросъ: представляютъ ли научные факты какія нибудь данныя въ пользу того, что условія, вліяющія на образованіе національныхъ особенностей и самыхъ народностей, исчезнутъ?

Самое смѣлое воображеніе не можетъ себѣ представить, чтобы люди когда нибудь пришли къ однообразной структурѣ тѣла, къ однообразнымъ психологическимъ проявленіямъ, заговорили бы однимъ языкомъ, чтобы самая земля, съ ея физическими особенностями, не имѣла больше вліянія на различіе культуръ и т. д. Такимъ образомъ, естественно-историческія основанія народности *даны* непреходящими условіями внѣшняго міра и природы человѣка. Они, какъ и самыя народности, стоятъ внѣ вліянія „раціональныхъ" началъ и субъективной воли.

Идемъ далѣе. Если существованіе или несуществованіе народности не зависитъ отъ субъективной воли, то точно такъ же независимы отъ раціональныхъ основаній и личнаго произвола и коренныя стремленія каждой народности, которыя она проявляетъ въ своей *исторіи*. Другими словами: эти коренныя стремленія каждой народности суть также *стихійныя силы*, подобно кореннымъ условіямъ ея отличія отъ другихъ. Между такими коренными стремленіями, стихійными началами каждой народности первое мѣсто занимаетъ стремленіе каждой національности образовать *самостоятельное національное общество*, съ *своею* территоріею и *своею* государственною властью. Исторія показываетъ намъ, что каждое племя, энергическое и способное къ развитію, стремилось укрѣпиться въ извѣстной странѣ, ассимилировать племена слабѣйшія, сложиться въ цѣльную народность, выработать самостоятельныя политическія учрежденія, — словомъ, образовать свое государство. Племена, обиженныя историческими условіями, считали для себя величайшимъ несчастьемъ, если имъ не удавалось составить независимое политическое общество и приходилось жить въ *чужомъ* государствѣ.

Насколько естественныя стремленія доступны раціональному объясненію, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, настолько причина этого явленія можетъ быть объяснена слѣдующимъ образомъ.

Стремленіе къ общежитію, appetitus societatis, въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ не есть безграничная, безпредѣльная сила, ко-

торая можетъ привести его къ полному и всестороннему общенію *со всѣмъ родомъ человѣческимъ.* Сила и полнота общенія зависятъ, какъ показываетъ опытъ исторіи, отъ *количества* тѣхъ признаковъ, въ отношеніи которыхъ люди представляютъ сходство, такъ что, вслѣдствіе этого, наиболѣе *общіе* признаки, признаки, одинаково свойственные *всѣмъ* людямъ, не могутъ быть поставлены въ разрядъ *главныхъ связующихъ началъ общества.* Люди могутъ составлять общество не потому, что они сходны между собою въ элементарныхъ способностяхъ разума, элементарныхъ потребностяхъ пищи, жилища и одежды и т. д., но потому, что между отдѣльными группами людей существуютъ болѣе *частные* признаки сходства—признаки племенные, филологическіе и вообще культурные. Даже въ частной жизни легко замѣтить, что люди могутъ составить прочный союзъ только тогда, когда они согласны между собою не въ однихъ „общихъ основаніяхъ", но именно въ подробностяхъ, частностяхъ и оттѣнкахъ. Чѣмъ больше этихъ частныхъ признаковъ сходства, тѣмъ прочнѣе самыя условія общежитія. Слѣдовательно, *степень* единенія общественнаго прямо пропорціональна количеству признаковъ сходства между извѣстною группою людей. Группа лицъ, соединенныхъ въ одно цѣлое общностью происхожденія, языка, религіи и т. д., всегда представитъ больше внутренняго единства, чѣмъ извѣстная масса людей, соединенныхъ между собою только единствомъ общечеловѣческихъ признаковъ. Мы можемъ и должны сказать даже больше: значеніе истинно *общественныхъ* началъ можетъ быть признано именно за этими *частными* признаками, за этимъ сходствомъ въ *подробностяхъ.* Это видно изъ характера того умственнаго процесса, посредствомъ котораго мы доходимъ до понятія общихъ признаковъ, съ одной стороны, и частныхъ—съ другой.

Для того, чтобы составить себѣ понятіе объ *общихъ* признакахъ человѣка, какъ части человѣческаго рода, независимо отъ его видовыхъ особенностей, мы должны *исключить* изъ понятія человѣка все, что́ привходитъ въ это понятіе вслѣдствіе вліянія племени, мѣстной природы, языка, культуры и т. д. Восходя, такимъ образомъ, къ понятію общихъ признаковъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ *изолируемъ* человѣка, *отвлекаемъ* его отъ общества. Съ точки зрѣнія общихъ признаковъ, человѣчество состоитъ изъ массы однообразныхъ личностей, *атомовъ,* связанныхъ между собою только ихъ *индивидуальными* свойствами, хотя́ общими всѣмъ этимъ атомамъ. Космополитизмъ, слѣдовательно, есть послѣднее слово абстрактнаго индивидуализма.

Напротивъ, мы не можемъ составить себѣ понятія ни объ одномъ изъ частныхъ человѣческихъ признаковъ безъ представленія объ извѣстномъ общественномъ элементѣ, и даже формѣ общества—пле-

мени, говорящемъ на извѣстномъ языкѣ, занимающемъ опредѣленную часть земного шара и находящемся подъ вліяніемъ условій этой страны и т. д. Всѣ эти видовые признаки суть не только условія общенія, но и коренные *элементы* дѣйствительно существующихъ политическихъ обществъ. Они суть условіе того человѣческаго общенія, съ которымъ имѣютъ дѣло государственная и общественная науки.

Но легко замѣтить, что частные признаки, являясь условіями и элементами общенія для одной группы, въ то же время разобщаютъ ее съ другими. Единство происхожденія — элементъ *общенія* для одной группы человѣчества, но въ то же время элементъ *разъединенія*, различія ея отъ другихъ группъ. Вотъ почему, по неизбѣжному ходу вещей, извѣстная группа человѣчества, достигая полнаго внутренняго единства, подъ вліяніемъ своихъ отличительныхъ признаковъ, въ то же время выдѣляется, обособляется изъ общей массы человѣчества. Процессъ образованія общества распадается на два момента: 1) развитіе условій внутренняго *единства* въ опредѣленной группѣ людей, 2) *выдѣленіе* этой группы изъ общей массы человѣчества, подъ именемъ народности, національности.

Этотъ процессъ не исключаетъ возможности и необходимости *международнаго* общенія. Но это общеніе, какъ показываетъ самое его названіе, мыслимо въ формѣ отношеній между извѣстными и самостоятельными человѣческими *обществами*, но не въ формѣ *слiянія* этихъ народностей, ихъ *уничтоженія* въ „организмѣ человѣчества".

Резюмируемъ эти соображенія.

Степень общественнаго единства зависитъ отъ *количества* тѣхъ признаковъ и условій, въ отношеніи которыхъ люди сходны между собою. Но чѣмъ больше становится количество признаковъ, общихъ для одной группы людей, тѣмъ больше эти признаки пріобрѣтаютъ *частный* характеръ, тѣмъ тѣснѣе сливаются они съ понятіемъ опредѣленной группы людей, а потому переходятъ въ элементы *различія* этой группы человѣчества отъ другихъ. Если мы представимъ себѣ общество людей, построенное на полной общности интересовъ и ихъ солидарности, мы необходимо должны предположить въ немъ множество признаковъ и условій, отличающихъ его отъ другихъ. Другими словами: полное общеніе интересовъ и дѣйствительное внутреннее единство можно найти только въ національномъ обществѣ. Вслѣдствіе этого такая форма общенія, такое единство, будетъ всегда сильнѣе, разнообразнѣе и полнѣе, чѣмъ общеніе, построенное на такъ называемыхъ общечеловѣческихъ интересахъ, на отвлеченномъ понятіи о единствѣ человѣческаго рода.

VII.

Государство и народность.

Группа лицъ, поставленная въ условія національнаго развитія, сдѣлавшаяся народностью, неизбѣжно вырабатываетъ два понятія, имѣющія неотразимое вліяніе на ея внѣшнюю и внутреннюю жизнь,—понятіе о своемъ *единствѣ* и о своей *независимости*.

Понятіе о единствѣ есть не что иное, какъ сознаніе своей собирательной личности, своего *я* между другими народами. Понятіе независимости есть требованіе свободы, оригинальности, самостоятельности во внѣшнемъ и внутреннемъ развитіи. Другими словами: понятіе о единствѣ построено на сознаніи полной общности интересовъ и оригинальности общей всѣмъ творческой силы; требованіе независимости вытекаетъ изъ сознанія своего права на проявленіе этой творческой силы въ самостоятельной культурѣ, въ оригинальномъ историческомъ развитіи.

И то и другое понятіе растетъ вмѣстѣ съ исторіею каждаго народа, дѣйствуя первоначально какъ темный инстинктъ, потомъ какъ сознательная идея. Этотъ фактъ вѣрно подмѣченъ Мишле, въ его исторіи французской революціи:

„Своеобразность новаго міра, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что, сохраняя и увеличивая солидарность между народами, онъ укрѣпляетъ, однако, характеръ каждаго народа, опредѣляетъ его національность, пока каждый народъ достигнетъ полнаго единства, явится одною личностью, *одной душой*, освященною предъ Богомъ.

„Идея французскаго отечества, темная въ XIII столѣтіи и какъ бы затерянная въ католической всеобщности, растетъ выясняясь; она возсіяла во время войны съ англичанами, прообразилась въ дѣвственницѣ (Іоаннѣ д'Аркъ). Она затемняется снова въ религіозныхъ войнахъ XVI ст.; мы видимъ католиковъ, протестантовъ, но есть ли уже *французы*?... Да, туманъ разсѣивается, — есть, будетъ единая Франція. Національность утверждается съ необыкновенною силою; нація не есть болѣе *собраніе* разныхъ существъ, это есть организованное существо, даже болѣе—нравственная личность. Возсіяла удивительная тайна—*великая душа Франціи*.

„Личность есть вещь святая. По мѣрѣ того какъ нація принимаетъ характеръ личности и дѣлается душою, ея неприкосновенность возрастаетъ пропорціонально. Посягательство на національную личность есть величайшее изъ преступленій“ [1]).

---

[1]) Michelet, *Histoire de la révolution française*. T. IV, стр. 158.

Сознаніе народнаго единства и требованіе національной независимости внѣшнимъ образомъ проявляются въ стремленіи каждаго народа создать *свое государство*; въ государственной формѣ національная жизнь осуществляетъ свое единство и удовлетворяетъ требованію независимости.

Государственная форма общежитія отличается отъ другихъ однимъ элементомъ—верховною, т.-е. централизованною и получившею публичный характеръ, властью. Это верховенство власти упрочиваетъ внѣшнія условія единства страны, потому что установляетъ единство законовъ, суда и администраціи, единство въ повинностяхъ и податяхъ, единство въ политическихъ и общественныхъ цѣляхъ. Вліяніе государственной формы на единство народа такъ велико, что нѣкоторые писатели даже видятъ въ политической жизни одну изъ главнѣйшихъ причинъ *образованія* народности. Таково, напримѣръ, мнѣніе Милля. Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, насколько это мнѣніе можетъ быть принято.

Понятно, далѣе, что въ идеѣ верховенства власти содержится понятіе о ея независимости отъ какой бы то ни было другой власти на землѣ. Верховная власть (какова бы ни была ея форма, кому бы она ни принадлежала) не связана и не можетъ быть связана въ отправленіи своихъ политическихъ функцій какимъ либо внѣшнимъ *вмѣшательствомъ*. Начало *невмѣшательства* одного государства во внутреннія дѣла другого признано современнымъ международнымъ правомъ. Это начало имѣетъ свою жизненную основу въ правѣ каждаго народа на самостоятельную политическую жизнь; по юридическое, внѣшнее его основаніе — въ верховенствѣ, независимости одной государственной власти отъ другой. Такимъ образомъ, верховная власть есть внѣшній признакъ и условіе народной независимости. Она — внѣшнее олицетвореніе народной личности и независимости.

Итакъ, развитіе народности естественно приводитъ къ принятію ею государственной формы и установленію верховной власти.

Изъ этого простого и неоспоримаго факта вытекаютъ чрезвычайно важныя послѣдствія для теоріи и практики.

Если внутреннее основаніе государственной формы заключается въ условіяхъ образованія народности, то понятно само собою, что эта форма и власть суть явленія *производныя*, а не первоначальныя, т.-е. они не имѣютъ основаній самостоятельныхъ и лежащихъ внѣ общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ.

Между тѣмъ политическая философія долгое время относилась къ государственной формѣ и верховной власти какъ къ чему-то вполнѣ самостоятельному, даже предшествовавшему образованію чело-

вѣческихъ обществъ. *Договорная* теорія происхожденія государства надолго внѣдрила въ умы представленіе, что самое общежитіе началось съ того времени, какъ недѣлимые, по доброй волѣ, сошлись и сговорились жить вмѣстѣ и для этой цѣли составили государство. Слѣдовательно, договоръ, учредительный актъ, есть самостоятельное основаніе явленія, прежде какъ бы не имѣвшаго причинъ и условій во внѣшнемъ мірѣ [1]).

Съ тѣхъ поръ наука объ обществѣ сдѣлала значительные успѣхи. Фактъ общежитія основывается уже на понятіи естественно-историческихъ условій человѣческой жизни. „Человѣкъ немыслимъ внѣ общества", усердно повторяютъ новые—слова древняго Аристотеля. Но государственная форма общества и власть, условіе этой формы, имѣютъ ли они основаніе въ тѣхъ же неизбѣжныхъ естественно-историческихъ условіяхъ? Примѣнимо ли къ вопросу о причинѣ ихъ *существованія* понятіе договора, соглашенія, свободнаго установленія, т.-е. всего того, что̀ вытекаетъ изъ предположенія чисто раціональныхъ основаній?

Приведемъ здѣсь одно изъ наиболѣе распространенныхъ мнѣній. Въ 1865 году вышелъ хорошій этюдъ *О всеобщей подачѣ голосовъ* двухъ французскихъ публицистовъ Шарнера и Фетю [2]). Мы нарочно приводимъ взглядъ этихъ посредственныхъ публицистовъ, такъ какъ они, очевидно, высказываютъ не свое мнѣніе, но образъ мыслей огромнаго большинства образованнаго общества.

Авторы порицаютъ Руссо за его гипотезу объ „общественномъ договорѣ", въ силу котораго будто бы возникло общежитіе. Но вопросъ о происхожденіи и основаніи власти можетъ и долженъ, по ихъ мнѣнію, быть разрѣшенъ при помощи гипотезы Руссо. „Поставьте, говорятъ они, вмѣсто словъ „общественный договоръ" слова: „политическій договоръ", и вы увидите, что Руссо хорошо поставилъ вопросъ и хорошо разрѣшилъ его".

„Вопросъ, говорится далѣе, долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: власть, регламентирующая и руководящая управленіемъ гражданскаго общества, есть ли результатъ политическаго

---

[1]) Такое представленіе о реальныхъ основаніяхъ государства и государственной власти вполнѣ соотвѣтствовало метафизическому понятію о свободѣ человѣка, принимавшемуся за основаніе всѣхъ явленій нравственнаго и политическаго міра. Согласно этому представленію, человѣкъ способенъ, въ силу своей свободы, начать во внѣшнемъ мірѣ рядъ явленій, *совершенно новыхъ*, имѣющихъ основаніе не во внѣшнихъ условіяхъ, но въ чистыхъ представленіяхъ разума, направляющаго волю къ дѣятельности.

[2]) *Du suffrage universel et du droit électoral*, par V. Charner et E. Féitu. Paris, 1865. Стр. 6 и слѣд.

контракта или, если угодно, выраженнаго или предполагаемаго соглашенія воли всѣхъ и каждаго? Другими словами, государственное верховенство, коего власть есть выраженіе, помѣщается ли во всѣхъ? Или, напротивъ, власть есть фактъ таинственный, божественный, стоящій внѣ и выше всякаго человѣческаго соглашенія? Вотъ истинная формула вопроса. Всѣ человѣческіе споры объ этомъ предметѣ вращаются около этихъ двухъ идей; всѣ школы, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ системъ, сводятся къ двумъ — школѣ раціональной и школѣ теологической".

Авторы говорятъ правду. Узко-разсудочное направленіе политической философіи сводитъ всѣ явленія нравственной и политической жизни къ одному основанію, къ одной причинѣ бытія — къ понятію *воли*, проявившей себя въ извѣстныхъ учрежденіяхъ. Вся разница между „школами" заключается только въ вопросѣ о томъ, какую волю должно принять за основу явленій — волю божественную или волю человѣческую, дѣйствующую по началамъ человѣческаго разума. Въ этомъ только и состоитъ разница между школой раціональной и теологическою. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что раціональная школа есть законное чадо богословской схоластики среднихъ вѣковъ, а послѣдняя, въ существѣ своемъ, была будущимъ раціонализмомъ.

Но за этимъ метафизическимъ споромъ о той или другой *волѣ* исчезаетъ настоящій научный вопросъ о *законахъ* развитія общества и его государственной формы; а разрѣшеніе этого вопроса нуждается въ естественно-историческихъ данныхъ, разумѣется, стоящихъ внѣ человѣческой воли и „соглашенія".

Съ этой точки зрѣнія, вопросъ объ основаніяхъ государственности ставится прежде всего слѣдующимъ образомъ: *могутъ ли законы образованія власти и государственной формы быть отдѣлены отъ законовъ образованія общества?* Другими словами: долженъ ли вопросъ объ основаніяхъ власти быть разрѣшенъ на основаніи тѣхъ же данныхъ, какъ и вопросъ о развитіи общества, или къ этому вопросу, въ противоположность первому, *долженъ быть приложенъ методъ метафизическій или теологическій?*

Такимъ образомъ, положительная наука должна помѣстить и теологическую и раціональную „школы" въ одну и ту же категорію. Между послѣдними споръ идетъ *о принципахъ*; между положительною наукою и обѣими школами — *о методѣ* разрѣшенія вопроса.

Метафизическій методъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе для разрѣшенія вопросовъ общественныхъ; но онъ сохранилъ еще значеніе (вслѣдствіе отсталости государственныхъ наукъ) для разрѣшенія вопросовъ политическихъ. Вслѣдствіе этого мы слышимъ въ нашъ положительный вѣкъ вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли

государственная форма раціональной идеѣ общества, дозволяетъ ли разумъ существованіе государства, и присутствуемъ при выводѣ, что существованіе это должно быть „отмѣнено“.

Этотъ вопросъ не могъ бы явиться, если бы политическая наука искала не „принциповъ“, а законовъ общественнаго развитія, если бы она шла путемъ положительнымъ, а не метафизическимъ. Положительная наука никогда не задала бы себѣ подобнаго вопроса въ виду того закона, что каждая народность, стремящаяся къ единству и независимости, принимаетъ государственную форму, складывается въ политическое общество. Въ виду этого закона, нельзя не признать, что разрѣшеніе государственной формы общества предполагаетъ предварительное уничтоженіе извѣстной естественно-исторической, стихійной, силы, вслѣдствіе которой племена складываются въ народность, а народности стремятся къ единству и независимости.

Вопросъ объ основаніяхъ власти недоступенъ раціональному разрѣшенію, ибо онъ тѣсно связанъ съ естественными законами развитія человѣческихъ обществъ. Но общій вопросъ о власти и государствѣ представляетъ другія стороны, повидимому, вполнѣ доступныя раціональному методу, именно, вопросъ объ его функціяхъ, о кругѣ вѣдомства власти,—другими словами, о цѣляхъ государства.

VIII.

Послѣднее сомнѣніе.

Если законы общественнаго развитія, въ силу которыхъ существуетъ государственная форма, не могутъ быть измѣнены человѣческою волею, если, такимъ образомъ, фактъ существованія государства не нуждается въ „оправданіи“ предъ началами разума, то не можетъ ли, по крайней мѣрѣ, вліяніе государственнаго начала на жизнь общества быть опредѣлено извѣстными раціональными предѣлами, въ виду извѣстныхъ интересовъ личности и общества?

Этотъ вопросъ съ давнихъ поръ занимаетъ политическую литературу. Ему, между прочимъ, посвященъ извѣстный трактатъ Вильгельма Гумбольдта (*Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen*), вышеприведенное сочиненіе Этвеша, многіе трактаты и памфлеты Жюля Симона, Лабуле, Одиллона Барро, Милля и т. д. Мы разберемъ его подробно въ особомъ трактатѣ „о цѣляхъ государства“. Теперь ограничимся общими указаніями.

Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что въ политической литературѣ вопросъ этотъ поставленъ въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Сфера дѣятельности личной и общественной, съ одной, и функціи государства,

съ другой стороны, разграничиваются такъ, какъ будто дѣло шло о размежеваніи границъ двухъ враждебныхъ сферъ. Политическіе мыслители обыкновенно исходятъ изъ идеи полнаго противоположенія *личности* и *государства*, *общества* и *государства*. Вслѣдствіе этого, каждое расширеніе границъ частной дѣятельности разсматривается какъ „побѣда" личности (или общества) надъ государственной „регламентаціей", каждое распространеніе круга государственнаго вѣдомства считается пагубнымъ усиліемъ государственнаго вмѣшательства. Въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ отождествленіе государства съ *правительствомъ*, которому противополагаются все общество и отдѣльныя личности.

Но власть, правительство—это только одинъ изъ элементовъ политическаго общества: въ содержаніе его входитъ также вся масса недѣлимыхъ. „Личность" не есть нѣчто замкнутое, обособленное въ своихъ частныхъ интересахъ. Личность, сознающая себя членомъ народности, живетъ также политическими интересами. Она заинтересована національною политикой, желаетъ имѣть и часто имѣетъ вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Личность не есть нѣчто подчиняющееся государству, какъ внѣшнему порядку, соблюдающее его формы и условія, но живая, дѣятельная часть цѣлаго. „Государство есть совокупность гражданъ", говоритъ Аристотель. Граждане современныхъ государствъ должны сказать: „государство—это мы"!

Цѣли государства не отличаются ни качественно, ни количественно отъ цѣлей недѣлимаго и общества. Подобно послѣднимъ, онѣ вытекаютъ изъ условій существованія и развитія общества и недѣлимаго. Государство встрѣчается съ личностью въ области частныхъ интересовъ (когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи формъ сдѣлокъ, ихъ охраненіи и т. д.), личность встрѣчается съ государствомъ въ сферѣ интересовъ общественныхъ (защита отечества, содѣйствіе народному образованію и т. д.). *Цѣли государственныя отличаются отъ частныхъ и общественныхъ по способу ихъ осуществленія.*

Тѣ интересы, которые, вообще или въ данную минуту, признаются за частные, негосударственные, отличаются однимъ общимъ признакомъ: осуществленіе ихъ предоставлено частной и свободной предпріимчивости, или потому, что все общество не заинтересовано ихъ непремѣннымъ осуществленіемъ, или потому, что сила личнаго интереса служитъ въ данномъ дѣлѣ достаточнымъ обезпеченіемъ его успѣха.

Напротивъ, интересы, признанные, вообще или въ данную минуту, за государственные, отличаются тѣмъ, что осуществленіе ихъ считается непремѣнною необходимостью для существованія и развитія общества, а потому оно возлагается на *обязанность* органовъ власти, дѣйствующихъ *принудительными* мѣрами.

Формы этой *принудительной* дѣятельности государства различны.

1) Оно требуетъ отъ гражданъ воздержанія отъ извѣстныхъ дѣйствій, нарушающихъ коренныя условія общежитія: посягательствъ на жизнь, честь и имущество другого, на существующія государственныя учрежденія. Требованія эти оно выражаетъ въ уголовномъ законодательствѣ, охраняетъ наказаніями и осуществляетъ судомъ.

2) Оно требуетъ, чтобы граждане въ своей частной дѣятельности сообразовались съ извѣстными формами, безъ соблюденія которыхъ эти дѣйствія не будутъ признаны законными. Такъ оно опредѣляетъ всѣ формы гражданскаго оборота и отношеній.

3) Оно требуетъ отъ гражданъ извѣстныхъ дѣйствій, необходимыхъ для осуществленія разныхъ общественныхъ цѣлей—цѣлей судебныхъ, охраненія внѣшней безопасности и т. д. Вслѣдствіе этого оно налагаетъ на гражданъ воинскую повинность, обязанность исправлять должность присяжнаго, разныя натуральныя повинности.

4) Оно требуетъ отъ гражданъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія его органовъ и осуществленія разныхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для общаго блага—для поддержанія школъ, проведенія дорогъ, организаціи благотворительности, обезпеченія народнаго здравія и продовольствія и т. д.

Всѣми этими средствами государство пользуется для различныхъ цѣлей, которыя, *по своему различному характеру*, могутъ быть подведены подъ три понятія:

1. Понятіе *охраненія* пріобрѣтенныхъ правъ, существенныхъ условій общежитія—внѣшней и внутренней безопасности.

2. Понятіе *содѣйствія* дальнѣйшимъ успѣхамъ народной жизни посредствомъ внѣшняго улучшенія ея условій

3. Понятіе *положительнаго* осуществленія разныхъ общественныхъ цѣлей или даже почина (иниціативы) въ дѣлѣ общественнаго прогресса.

Такимъ образомъ, сущность государственной организаціи состоитъ въ подчиненіи извѣстной народности одной верховной власти, облеченной правами законодательства, суда и управленія для осуществленія такихъ цѣлей общежитія, которыя не могутъ быть достигнуты частною предпріимчивостью, но нуждаются въ содѣйствіи принудительной власти.

Слѣдовательно, государственная дѣятельность обнимаетъ не всѣ интересы общежитія въ одинаковой степени. Внѣ порядка цѣлей, осуществляемыхъ принудительною властью, лежитъ цѣлая совокупность личныхъ и общественныхъ цѣлей, осуществляемыхъ частною предпріимчивостью. Назначеніе власти, а слѣдовательно и ея права, a priori, имѣютъ свои границы.

Этотъ фактъ порождаетъ два рода вопросовъ. Во-первыхъ, признавая извѣстную категорію цѣлей достояніемъ частной и общественной предпріимчивости, т.-е. *свободы*, мы неизбѣжно приходимъ къ вопросу о способѣ огражденія частной и общественной свободы, неприкосновенности личности и отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ ихъ отношеніяхъ къ государству. Это вопросъ права, вопросъ *юридическій*.

Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ довольно легко, потому что онъ не касается внутренняго содержанія каждой сферы, но имѣетъ въ виду обезпеченіе разъ проведенныхъ границъ. Юридическое сознаніе каждаго народа и философія права легко доходятъ до признанія такихъ принциповъ, что никто не можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права безъ законнаго повода, признаннаго достаточнымъ независимою судебною властью, что частная собственность не можетъ быть отчуждена на общественную пользу безъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія владѣльца и т. д.

Но задача науки становится гораздо сложнѣе, когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи самаго *содержанія* каждой сферы, т.-е. опредѣленіи того, что̀ *должно* быть удѣломъ частной предпріимчивости, и что̀ нуждается въ принудительной власти государства. Этотъ вопросъ до настоящаго времени раздѣляетъ политическихъ мыслителей и дѣятелей на враждебные лагери. Въ первыхъ двухъ главахъ мы представили результаты двухъ противоположныхъ воззрѣній. Теперь остановимся на ихъ *основаніяхъ*.

Прежде всего необходимо опредѣлить границы спора.

Выше было замѣчено, что различные виды государственной дѣятельности, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время и сложились исторически, могутъ быть подведены подъ три понятія: понятіе *охраненія* правъ личности и общества, косвеннаго *содѣйствія* дальнѣйшему развитію народной жизни и, наконецъ, *почина* и *положительнаго осуществленія* разныхъ задачъ преуспѣянія.

Два послѣднія понятія рѣзко отличаются отъ перваго. Понятіе охраненія сводится на поддержаніе statu quo, существующаго. Идеи содѣйствія и почина предполагаютъ дѣятельное участіе государственной власти въ общественномъ *прогрессѣ*.

Нельзя назвать ни одного публициста или практическаго дѣятеля (разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые отрицаютъ необходимость самаго государства), который бы отрицалъ необходимость государственнаго охраненія частныхъ и общественныхъ правъ. Эти функціи до такой степени тѣсно связаны съ существованіемъ юридическаго порядка, даже просто съ физическимъ существованіемъ личности и самаго общества, что устраненіе государства даже изъ этой сферы повело бы

общество къ первобытному порядку, къ временамъ частной мести, частныхъ войнъ, набѣговъ, отсутствія опредѣленныхъ правъ, къ насиліямъ всякаго рода.

Охраненіе государственной территоріи, частныхъ правъ, внѣшней и внутренней безопасности—есть тотъ minimum задачъ, который признается за государственною властью всѣми школами, не исключая крайнихъ индивидуалистовъ.

Споръ между *индивидуалистами* и *гувернаменталистами* вращается именно около двухъ послѣднихъ категорій задачъ. Онъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *какую роль играетъ и должно играть государство въ дѣлѣ общественнаго прогресса*, т.-е. въ дѣлѣ распространенія въ наибольшей массѣ людей наибольшей суммы нравственности, достоинства, знанія и благосостоянія?

Одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ публицистовъ, Дюпонъ Уайтъ, въ своемъ трактатѣ объ отношеніи личности къ государству [1]), справедливо ставитъ споръ именно на эту почву.

„Дѣло идетъ, говоритъ онъ, о путяхъ прогресса.—Признавъ, что общества предназначены къ совершенствованію, люди спросили себя, въ чемъ состоитъ относительная доля участія государства и свободы въ осуществленіи этого закона?

„Справедливо ли утверждать, что все происходитъ здѣсь отъ недѣлимыхъ, отъ ихъ самопроизвольнаго и верховнаго дѣйствія? Цивилизація совершается ли въ сторонѣ и даже въ ущербъ общественной власти? Короче—прогрессъ не есть ли, такъ сказать, только уничтоженіе правительства?

„Для того, чтобы нація существовала и процвѣтала, говорилъ Сійесъ, нужны *двѣ вещи*—частные труды и публичныя учрежденія.

„Не нужно ли, случайно, только одной? Или, по крайней мѣрѣ, процвѣтаніе страны зависитъ ли исключительно отъ *частныхъ работъ*, отъ личныхъ усилій?“

Краснорѣчивымъ отвѣтомъ на это служатъ *повсемѣстныя государственныя мѣры* относительно охраненія народнаго здравія, заботы о народномъ продовольствіи, мѣры противъ бѣдности, попеченіе о народномъ образованіи, о путяхъ сообщенія, объ организаціи торговли и т. д. Всѣ эти стороны государственной дѣятельности сведены къ общимъ научнымъ и философскимъ началамъ, которыя излагаются въ весьма практичной и положительной наукѣ, которую одни называютъ наукою управленія (Verwaltungslehre — Штейнъ), другіе—наукою о полиціи (Polizeiwissenschaft—Моль).

Какъ согласить этотъ живой фактъ съ философскимъ началомъ,

---

[1]) *L'individu et l'état.*

гласящимъ, что только личная предпріимчивость есть источникъ прогресса, что прикосновеніе государственной власти мертвитъ всякое предпріятіе?

Нѣкоторые видные представители науки пришли къ такому соглашенію, т.-е. признали годность государственнаго начала въ дѣлѣ общественнаго прогресса, потому что согласить два начала значитъ признать относительную годность обоихъ.

IX.

Теорія соглашенія и ея послѣдствія.

Аренсъ въ своей философіи права [1]) формулируетъ свою теорію соглашенія слѣдующимъ образомъ.

Во-первыхъ, онъ отрекается отъ теоріи исключительнаго индивидуализма, „отъ теоріи, которая не видитъ ни въ человѣкѣ, ни въ обществѣ координированнаго плана дѣятельности, отвергаетъ поэтому всякое вмѣшательство правительства въ національную жизнь“. Конечно, свобода есть источникъ всякой жизни, и индивидуализмъ справедливо стремится оградить ее отъ правительственнаго вмѣшательства, нерѣдко переходящаго въ злоупотребленія. „Но насколько правительства прошедшаго времени, дурно направленныя и руководимыя эгоистическими, исключительными видами партіи, касты, династіи, приводили общество къ вреднымъ результатамъ, настолько правительства, обязанныя искреннею практикою народнаго представительства вдохновляться истинными нуждами общества, могутъ содѣйствовать, посредствомъ хорошаго законодательства и мудрой администраціи, добру и благосостоянію“.

Слѣдовательно, возраженія противъ принципа „вмѣшательства“ направлены противъ дурныхъ правительствъ и ихъ злоупотребленій, но не противъ самаго принципа. Остается только дать этому принципу должную опредѣленность и показать его границы.

Для этой цѣли Аренсъ дѣлаетъ различіе между *главною, непосредственною* цѣлью государства и его *косвенными* цѣлями.

Авторъ остается вѣренъ своему основному воззрѣнію, что государство есть учрежденіе юридическое, какъ онъ любитъ говорить— „организмъ права“. Поэтому ближайшая его задача состоитъ въ установленіи и охраненіи юридическаго порядка, въ покровительствѣ лицамъ и вещамъ противъ всякаго насилія и въ разрѣшеніи столкновеній между частными лицами посредствомъ судебной власти.

---

[1]) *Cours de droit naturel.* 6-е изданіе, Т. II, § 107, стр. 329 и слѣд.

Но право не есть само по себѣ цѣль; оно только условіе общественнаго развитія—культуры. Здѣсь *конечная* цѣль права а, слѣдовательно, и „организма права", т.-е. государства. Государство имѣетъ, слѣдовательно, свою конечную цѣль; должно ли оно осуществлять ее однѣми юридическими нормами, одною охранительною дѣятельностью? Аренсъ отрицаетъ это; онъ признаетъ за государствомъ право и обязанность содѣйствовать возвышенію національнаго благосостоянія. Въ этомъ состоитъ его *косвенная*, хотя и конечная цѣль. Но въ чемъ должны состоять средства ея осуществленія?

Аренсъ говоритъ, что государство всегда должно имѣть въ виду, что производительная сила всякой культуры, всякаго прогресса таится въ частныхъ усиліяхъ, частной предпріимчивости; что поэтому государство должно употреблять свою принудительную власть не въ качествѣ производительной, творческой силы народнаго благосостоянія, но для устраненія препятствій къ правильному развитію личныхъ силъ и притомъ такихъ препятствій, которыя въ данную минуту не могутъ быть устранены частною предпріимчивостью. „Дѣйствіе государства, говоритъ онъ,—не должно становиться на мѣстѣ причинъ благосостоянія... Государство не должно дѣлаться ни священникомъ, ни наставникомъ, ни артистомъ или ученымъ, ни земледѣльцемъ, ремесленникомъ или торговцемъ". Государство должно только поощрять и содѣйствовать развитію всѣхъ этихъ отраслей дѣятельности. Оно, по природѣ своей, есть *не причина, а условіе* прогресса культуры.

Вопросъ поставленъ ясно. Аренсъ признаетъ законными только два изъ трехъ приведенныхъ нами моментовъ государственной дѣятельности: моменты *охраненія* и *содѣйствія*. Моментъ почина и положительнаго осуществленія разныхъ общественныхъ цѣлей, т.-е. тотъ моментъ, когда государственная дѣятельность становится творческою силою народнаго преуспѣянія и развитія, отвергается имъ категорически.

Но предъ нами опять неопровержимые факты. Государство, въ разныхъ мѣстахъ, вводитъ обязательное и даровое обученіе, а даровое, въ переводѣ на деньги, значитъ, что государство содержитъ школы на общественный счетъ. Можно бы признать это актомъ государственнаго „деспотизма"; но требованія подобной мѣры народнаго образованія раздаются громко въ самыхъ демократическихъ государствахъ Европы. Государство заводитъ желѣзныя дороги тамъ, гдѣ ихъ не было, предпринимаетъ осушеніе болотъ, пріобрѣтаетъ для національной торговли новые рынки и морскія станціи, колонизируетъ новыя земли и т. д.

Чтó это—*условія* или *причины* народнаго благосостоянія? И не

превращается ли споръ объ условіяхъ и причинахъ въ споръ о словахъ, совершенно безполезный, когда рѣчь идетъ о важномъ и реальномъ дѣлѣ: о распространеніи наибольшей суммы благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія въ наибольшей массѣ людей?

Возможно ли установить прочную границу между *ближайшими* и *косвенными* цѣлями государства? Почему охраненіе моего личнаго права *ближайшая* цѣль, а пріобрѣтеніе хорошей морской станціи или надежнаго союзника—*косвенная*?

На болѣе реальной почвѣ, т.-е. на почвѣ фактовъ, наблюденія и опыта, стоитъ теорія Милля. Въ своихъ *Основаніяхъ политической экономіи* онъ говоритъ о вліяніи правительства, конечно, только въ примѣненіи къ одной сферѣ народной жизни—къ сферѣ экономической, но и при этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ установляетъ общіе принципы вопроса.

Оставаясь на почвѣ фактовъ, Милль не совсѣмъ вѣритъ въ возможность проведенія безусловныхъ, „раціональныхъ" границъ между дѣятельностью частныхъ лицъ и вліяніемъ государства. „Обозначеніе надлежащихъ границъ обязанностей и дѣятельности правительствъ, говоритъ онъ [1],—одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ политической науки и государственной практики въ нашу эпоху". Затѣмъ онъ указываетъ на различіе двухъ направленій, изъ которыхъ одно постоянно влечется расширять сферу правительства дальше надлежащихъ предѣловъ, а другое расположено ограничить сферу правительственной дѣятельности самыми тѣсными границами.

Можно бы подумать, что вслѣдъ за этимъ указаніемъ начнется исканіе раціональныхъ основаній той и другой школы, метафизика прямыхъ и косвенныхъ задачъ, причинъ и условій. Но Милль, съ истинно научнымъ спокойствіемъ, продолжаетъ:

„*По различію въ историческомъ развитіи разныхъ націй*, — различію, о которомъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь,—первая крайность, преувеличеніе правительственной сферы, особенно господствуетъ и въ теоріи, и въ практикѣ у континентальныхъ націй, а въ Англіи до сихъ поръ преобладало противоположное направленіе". Затѣмъ идетъ обѣщаніе сдѣлать попытку опредѣлить общіе принципы этого вопроса, *насколько онъ зависитъ отъ принциповъ*.

Но прежде всего, говоритъ авторъ, необходимо посмотрѣть, какія обязанности необходимо принадлежатъ правительству, т.-е. тѣсно связаны съ его идеей и исполняются всѣми правительствами безъ всякаго противорѣчія или по общей привычкѣ. Другими словами,

[1]) *Основанія политической экономіи.* Кн. V, въ началѣ.

прежде чѣмъ начинать споръ, нужно выдѣлить изъ общей матеріи вопроса безспорную ея долю, чтобы затѣмъ обратить все свое вниманіе на спорную.

Милль отличаетъ *необходимыя* функціи правительства отъ функцій, которымъ онъ даетъ названіе *произвольныхъ*. Терминомъ *произвольный*, по его собственнымъ словамъ, онъ не хочетъ выразить ту мысль, что эти функціи могутъ быть предметомъ равнодушія или произвольнаго выбора; онъ хочетъ только сказать, что „надобность исполнять такія обязанности *не простирается до необходимости* и остается предметомъ, о которомъ существуютъ или могутъ существовать разныя мнѣнія".

Опредѣляя объемъ *необходимыхъ* функцій государства, авторъ обращаетъ вниманіе на очень распространенное мнѣніе, будто функціи эти ограничиваются охраненіемъ отъ насилія и обмана. Но факты показываютъ, что область необходимыхъ функцій государства не можетъ быть введена въ тѣ очень опредѣленныя границы, которыми „часто думаютъ обнять ихъ въ поверхностной публичной полемикѣ". Притомъ многочисленный разрядъ этихъ функцій вовсе не вытекаетъ изъ идеи охраненія противъ насилія и обмана; правительства, по необходимости, дѣйствуютъ и тамъ, гдѣ нѣтъ ни того, ни другого.

Сама область гражданскаго законодательства и процесса слагается изъ нормъ, вытекающихъ изъ совершенно другихъ понятій. Неисполненіе договоровъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть подведено подъ понятія насилія или обмана, а между тѣмъ правительство обязано принуждать къ ихъ исполненію, потому что иначе прекратилась бы самая возможность гражданскихъ сдѣлокъ. Далѣе, правительства не только охраняютъ совершенные договоры, но даже опредѣляютъ, къ исполненію какихъ договоровъ можно принуждать людей. Есть такія обѣщанія, которыми не должны имѣть право связывать себя люди, — *того требуетъ общее благо*. Договоръ, по которому человѣкъ продалъ бы себя другому въ невольники, былъ бы объявленъ недѣйствительнымъ въ судилищахъ Англіи и почти всѣхъ европейскихъ земель. Законъ не только охраняетъ права, но, такъ сказать, создаетъ ихъ, опредѣляя ихъ юридическое существо. Право собственности, право наслѣдованія, *какъ юридическіе институты*, суть произведенія государственнаго законодательства. Опредѣляя юридическое существо разныхъ правъ, государство „вмѣшивается" въ общественную жизнь не только для ихъ охраненія, но и для разрѣшенія споровъ (возникающихъ безъ всякой недобросовѣстности) о принадлежности этихъ правъ тому или другому лицу. Таково назначеніе гражданскихъ судилищъ. Но мало того, что го-

сударство беретъ на себя рѣшеніе споровъ, оно заранѣе принимаетъ предосторожности, чтобы *не возникало споровъ*. Законъ предписываетъ для многихъ родовъ договора такую форму выраженій, чтобы не возникло споровъ или недоразумѣній въ ихъ смыслѣ. Государство хранитъ подлинныя доказательства фактовъ, изъ которыхъ возникаютъ юридическія послѣдствія; для этого оно ведетъ реестры этимъ фактамъ— списки рождающихся и умирающихъ, вступающихъ въ бракъ, завѣщаній, контрактовъ и судебныхъ дѣйствій. Оно же беретъ на себя попеченіе объ интересахъ такихъ лицъ, которыя не могутъ быть признаны дѣеспособными: о дѣтяхъ, помѣшанныхъ, слабоумныхъ. Законъ ввѣряетъ, конечно, попеченіе о такихъ лицахъ не своимъ чиновникамъ, а частнымъ лицамъ (напримѣръ, родственникамъ), но послѣднія дѣйствуютъ подъ строгимъ контролемъ закона.

Всѣ эти примѣры подходятъ подъ общее понятіе *юридическихъ* цѣлей, но изъ самаго перечисленія ихъ видно, что даже юридическая дѣятельность государства не исчерпывается идеею охраненія, особенно въ томъ узкомъ смыслѣ, какой ей часто даютъ.

Но затѣмъ Милль указываетъ на множество случаевъ, въ которыхъ правительство съ общаго одобренія принимаетъ на себя исполненіе обязанностей, которымъ нельзя найти другого основанія, кромѣ всеобщаго удобства. Возьмемъ, напримѣръ, обязанность и *монополію* правительствъ чеканить монету. Она присвоена правительствами ни больше ни меньше какъ для того, чтобы избавить каждаго отъ хлопотъ провѣрять вѣсъ и пробу монеты. Другой примѣръ: установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ. Далѣе слѣдуютъ устройство и улучшеніе пристаней, постройки маяковъ, топографическія и гидрографическія работы, устройство плотинъ для сдерживанія морскихъ и рѣчныхъ наводненій и т. д.

Этотъ реестръ Милль заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами.

„Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить до безконечности, не приводя ни одного сомнительнаго случая. Но довольно и приведенныхъ, чтобы показать, что безспорныя обязанности правительства обнимаютъ такое обширное поле, *котораго нельзя обвести межою никакого стѣсняющаго опредѣленія*, и что едва ли можно найти для нихъ какое-нибудь общее основаніе, кромѣ многообъемлющаго основанія, которое есть *всеобщая выгода*; наконецъ, что нельзя назначить границъ правительственному вмѣшательству никакимъ *общимъ* правиломъ, кромѣ простого и *неопредѣленнаго* правила, что вмѣшательство это должно быть допускаемо лишь тогда, когда польза отъ него очевидна“.

Таковъ принципъ, съ точки зрѣнія котораго должно разсуждать

о второй группѣ функцій, которыя Милль назвалъ произвольными или, вѣрнѣе, спорными. Этому принципу недостаетъ существеннаго признака всякаго правила—опредѣленности и общности. При такомъ свойствѣ принципа, опредѣленіе объема спорныхъ функцій государства не можетъ имѣть въ виду какого-либо всеобъемлющаго правила. Изслѣдователь долженъ обратиться къ частному анализу каждаго отдѣльнаго случая, каждой отдѣльной задачи и опредѣлить насколько она требуетъ, вообще или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, правительственнаго вмѣшательства, насколько послѣднее выгодно или вредно.

Такъ поступаетъ и Милль. Въ отдѣлѣ своей книги, посвященномъ спорнымъ функціямъ государства [1]), онъ подвергаетъ этому частному анализу отдѣльные вопросы экономической жизни. Такъ, онъ разсматриваетъ вопросъ о покровительствѣ національной промышленности, объ опредѣленіи законнаго роста (ограниченіи процентовъ), вопросъ объ искусственномъ пониженіи цѣнъ, о монополіяхъ, о мѣрахъ противъ стачекъ рабочихъ, о предварительной цензурѣ.

Оцѣнка правительственной дѣятельности приводитъ его къ справедливому убѣжденію, что примѣненіе правительственнаго вмѣшательства къ этимъ вопросамъ экономической жизни обыкновенно вредно, и что, слѣдовательно, къ нимъ примѣняется принципъ противоположный, принципъ laissez-faire, гласящій, что *каждый—лучшій судья въ своемъ дѣлѣ.*

Но безусловно ли даже это скромное положеніе? Во-первыхъ, Милль насчитываетъ не менѣе пяти крупныхъ случаевъ, когда принципъ laissez-faire не примѣнимъ къ области экономическихъ отношеній и долженъ быть замѣненъ правительственною дѣятельностью.

Во-вторыхъ, понятіе правительственнаго вмѣшательства вообще, по справедливому замѣчанію Милля, есть понятіе въ высшей степени сложное. Формы его настолько разнообразны, что иногда въ одномъ и томъ же вопросѣ сильное правительственное вмѣшательство можетъ быть согласовано съ широкимъ развитіемъ частной предпріимчивости и личной свободы.

Во-первыхъ, правительство, принимая на себя извѣстный кругъ задачъ, можетъ запрещать всѣмъ дѣлать то или другое, или дѣлать безъ его дозволенія; оно можетъ также предписывать людямъ дѣлать то или другое или не дѣлать извѣстнымъ способомъ то, что́ имъ предоставлено. Милль называетъ это вмѣшательство *повелительнымъ* и замѣчаетъ, что область его должна быть ограниченнѣе другихъ,

---

[1]) Книга V, гл. X и слѣд.

потому что, въ этомъ случаѣ, строже чѣмъ когда-нибудь должно взвѣсить его выгоду или возможный вредъ.

Но есть другое вмѣшательство, *неповелительное*, когда правительство, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общеполезной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, *но не ввѣряя дѣло исключительно ихъ заботѣ*, — рядомъ съ частными предпріятіями, устраиваетъ свои. Такъ, учреждать школы отъ правительства—одно дѣло, а требовать, чтобъ никто не становился преподавателемъ безъ разрѣшенія правительства - другое дѣло. Національный банкъ или правительственная фабрика могутъ существовать, безъ всякой монополіи, рядомъ съ частными банками и фабриками. Правительственные госпитали могутъ существовать безъ всякаго стѣсненія частной медицинской или хирургической практики. Этого рода вмѣшательство допускаетъ возможность болѣе широкаго примѣненія.

Въ результатѣ знаменитый экономистъ, какъ легко видѣть, уклоняется отъ непреклонныхъ логическихъ формулъ. Онъ самъ заявляетъ часто, очень часто, что занимающій его вопросъ не поддается всеобщему рѣшенію.

Между тѣмъ многолѣтняя ученая дѣятельность Милля достаточно ясно опредѣлила индивидуалистическое его направленіе, его постоянное предпочтеніе частной предпріимчивости и личной свободы во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ только это возможно и полезно.

Чѣмъ же объясняется его уступчивость принципу государственнаго вмѣшательства?

Это объясняется, во-первыхъ, общимъ характеромъ философіи Милля—принципомъ блага, пользы, проникающимъ всѣ его трактаты. Практическій принципъ пользы всегда побуждаетъ его стать на сторону государственнаго вмѣшательства, если выгода послѣдняго очевидна. Должна ли страна отказаться отъ извѣстнаго выгоднаго условія ея развитія только потому, что условіе это въ данную минуту не можетъ быть осуществлено предпріимчивостью и требуетъ правительственнаго дѣйствія? Вотъ вопросъ, который никогда не упускаетъ изъ виду знаменитый мыслитель.

Во-вторыхъ, Милль, кромѣ раціональныхъ основаній, даетъ большое значеніе фактамъ, опыту и наблюденію, а опытное направленіе всегда приводитъ къ компромиссамъ, сочетанію принциповъ самыхъ противоположныхъ, подобно тому, какъ опытное направленіе англійской политической жизни привело къ сочетанію и совмѣстной дѣятельности разнообразныхъ элементовъ въ англійской конституціи.

Но кромѣ этихъ, вполнѣ законныхъ основаній, самъ авторъ выставляетъ еще одно, необыкновенно важное. Онъ выдаетъ намъ

секретъ къ уразумѣнію его отвращенія къ безусловнымъ формуламъ, къ безпощаднымъ рубрикамъ, къ раціональному размежеванію.

Вотъ чтó мы читаемъ на послѣдней страницѣ его *Основаній:*

„Необходимо прибавить, что въ дѣйствительности правительственное вмѣшательство не всегда можетъ останавливаться на границѣ дѣлъ, по самой своей сущности требующихъ его. *Бываютъ такія времена* и *такія положенія націи*, что почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, потому что частные люди хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло. *Есть такія времена и мѣста*, что не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство".

Когда мы говоримъ, что кругъ положительнаго правительственнаго дѣйствія не можетъ быть обнесенъ постоянною и незыблемою границею, потому что *бываютъ такія времена, такія мѣста и націи*, когда кругъ этотъ расширяется, и *другія*, когда онъ съуживается, мы ставимъ разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ историческихъ условій. Но историческія условія не даютъ основаній для всеобщихъ рѣшеній, рѣзкихъ формулъ; они требуютъ внимательнаго изслѣдованія каждаго вопроса, хотя бы общаго, не иначе какъ въ отношеніи къ каждому явленію, каждому факту, изъ которыхъ слагается историческая жизнь народа.

Таковы различныя послѣдствія двухъ теорій „соглашенія", изъ которыхъ одна, теорія Аренса, стоитъ на почвѣ логическаго разграниченія цѣлей и во имя раціональныхъ основаній приходитъ къ отрицанію нѣкоторыхъ насущныхъ требованій жизни, а другая, теорія Милля, оставаясь на почвѣ фактовъ и опыта, отказывается отъ непреклонныхъ формулъ и ограничивается общимъ требованіемъ, чтобы историческій прогрессъ привелъ къ большему развитію частной свободной предпріимчивости.

X.

Возвращеніе къ исторіи.

Когда публицистъ утверждаетъ, что извѣстный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на почвѣ *историческихъ условій*, онъ всегда рискуетъ встрѣтиться съ сильными возраженіями или, что еще хуже, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, даже презрѣніемъ. Практическія потреб-

ности жизни часто требуютъ *догматическаго,* т.-е. прямого и безусловнаго рѣшенія вопроса: что́ дѣлать въ данную минуту и на данномъ мѣстѣ, дѣлать сейчасъ же, непосредственно? Раціональная теорія, считающая себя въ обладаніи всеобщими и точно опредѣленными формулами и предлагающая ихъ обществу, встрѣтитъ въ этомъ обществѣ гораздо больше сочувствія, чѣмъ теорія историческая. Послѣдняя можетъ быть обвинена въ томъ, что она, вмѣсто общихъ формулъ, рекомендуетъ массу частныхъ, дробныхъ и фактическихъ изысканій. Но самое главное обвиненіе, которое часто приходится слышать въ наши дни, состоитъ въ томъ, что исторія обращаетъ главное вниманіе на факты *прошедшей* жизни, условія которой непримѣнимы въ „настоящее“ время.

Другими словами, капитальное обвиненіе противъ исторіи (кромѣ отсутствія общей теоріи) состоитъ въ томъ, что самое понятіе „историческихъ условій“ примѣнимо единственно къ временамъ *прошедшимъ* и ни въ чемъ не можетъ „связывать современнаго человѣка“. Факты современной жизни, хотя вышли изъ условій историческихъ, но могутъ и должны быть регулированы согласно общимъ требованіямъ разума, по началамъ синтетическимъ.

Защитники исторіи обыкновенно очень неловко брались за опроверженіе подобнаго воззрѣнія. Они считали своею обязанностью напоминать „современнымъ людямъ“, что опытъ *прошедшихъ* поколѣній имѣетъ нѣкоторое право на вниманіе настоящаго времени, что исторія прошедшихъ заблужденій предохранитъ наше время отъ многихъ ошибокъ, равно какъ славныя дѣла предковъ вдохновятъ ихъ потомковъ. Коротко,—историческія данныя суть полезныя указанія для нашего времени, которыя могутъ быть приняты къ „свѣдѣнію“. Но объ „исполненіи“, конечно, не могло быть рѣчи. Болѣе смѣлые и основательные защитники рѣшались еще на одинъ шагъ. Они утверждали, что начала прошедшаго времени суть незыблемая основа современныхъ явленій, мѣрило практичности и годности всѣхъ реформъ и что связь настоящаго съ законами прошедшаго не можетъ быть порвана безнаказанно. Слѣдовали примѣры процвѣтанія Англіи, развивавшейся исторически, и бѣдствій Франціи, разрушившей свое прошедшее.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь шла о *защитѣ* прошедшаго отъ грозныхъ и критическихъ требованій настоящаго. Но, разумѣется, защита рѣдко достигала цѣли, потому что учрежденія прошлаго никогда не могли остаться формою послѣдующей общественной жизни: „не вливаютъ вина новаго въ мѣха старые“.

Пока вопросъ будетъ поставленъ такимъ образомъ, пока въ понятіи большинства образованнаго общества онъ будетъ представляться

въ формѣ судебнаго *процесса* между „прошедшимъ“ и „настоящимъ“ — дѣло историческаго *метода*, разумѣется, не будетъ выиграно.

Наука должна пока оставить въ сторонѣ вопросъ о значеніи историческихъ примѣровъ, о неразрывной связи прошедшаго съ настоящимъ. Это сравнительно частные вопросы, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ разрѣшенія болѣе общаго вопроса, который можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ:

Насколько движеніе самой современной жизни подчиняется общимъ законамъ исторіи? Насколько, слѣдовательно, самая современная жизнь должна быть изслѣдуема съ исторической точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія національныхъ особенностей, условій страны и т. д.?

Только въ такой формѣ вопросъ пріобрѣтаетъ научное значеніе, т.-е. перестаетъ быть вопросомъ партіи, направленія, односторонняго интереса.

Въ этой формѣ мы и попытаемся разрѣшить его.

Прежде всего мы должны составить себѣ опредѣленное понятіе объ идеѣ *историческаго развитія* вообще.

Идея эта слагается изъ двухъ понятій одинаково важныхъ и существенныхъ: 1-е) понятія *зависимости* всѣхъ данныхъ явленій общественной жизни отъ физическихъ и духовныхъ условій народности и внѣшнихъ условій страны и 2-е) понятія *движенія*, т.-е. безпрерывнаго измѣненія формъ и соотношенія всѣхъ естественныхъ силъ, дѣйствующихъ въ національной исторіи.

Раціонализмъ поставляетъ строй общественной жизни внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій, но связываетъ его съ безусловными и непреложными требованіями разума, осуществляемыми свободною волею. Отсюда его стремленіе къ безусловнымъ формуламъ, къ *абсолютному* вообще. Но если абсолютное сдѣлается основаніемъ общественнаго порядка, то порядокъ этотъ самъ, очевидно, получитъ характеръ безусловный, т.-е. *непреложный и неизмѣнный*. Отсюда стремленія раціонализма къ установленію идеальнаго statu quo идеальнаго общества, строй котораго, какъ все идеальное и абсолютное, не будетъ уже видоизмѣняться.

Историческое воззрѣніе, признавая вліяніе условій мѣста и времени, ищетъ истинъ не безусловныхъ, а *относительныхъ*, о которыхъ съ такою любовью говорилъ Бэконъ, въ своемъ *Новомъ Органонѣ*. Признавая относительность истины, т.-е. годность ея только въ условіяхъ пространства и времени, оно признаетъ возможность и необходимость видоизмѣненія извѣстнаго начала при другихъ условіяхъ.

Сущность историческаго воззрѣнія можетъ быть выражена въ двухъ словахъ — *отрицаніе абсолютнаго, признаніе прогресса*.

Когда Прудонъ, въ своей превосходной теоріи прогресса, гово-

рилъ, что вся сущность его критической работы опредѣляется этими двумя положеніями — отрицаніемъ абсолютнаго и признаніемъ прогресса, онъ тѣмъ самымъ становился на почву *критики исторической.* Всякое истинно-историческое воззрѣніе, отрицающее безусловное и принимающее принципъ прогресса въ существѣ своемъ — есть воззрѣніе критическое.

Оно не признаетъ ни „идеальнаго" общественнаго порядка, ни безусловныхъ началъ, оно видитъ въ обществѣ извѣстный процессъ развитія.

Оно не приковываетъ своего вниманія (какъ это часто утверждаютъ его противники) исключительно къ фактамъ прошедшаго, не утверждаетъ вмѣстѣ съ реакціонерами, что общество *достигло* уже наилучшей своей формы, что всякое движеніе впередъ будетъ разрушеніемъ всего „сдѣланнаго нашими предками".

Оно не пойдетъ вслѣдъ за утопіею, за стремленіемъ водворить идеальный порядокъ на землѣ, порядокъ, не имѣющій никакихъ основаній во внѣшнихъ условіяхъ, свободный отъ вліяній мѣста и времени.

Историческое воззрѣніе утверждаетъ, *что общество находится въ состояніи непрекращающагося развитія.* Если историческій методъ обращается къ *фактамъ* прошедшаго, то не съ цѣлью проповѣдывать возвращеніе къ отжившему порядку, а для лучшей оцѣнки условій *современнаго* развитія, которыя несомнѣнно суть результатъ предыдущей культуры народа. Для *этой* цѣли ему необходимо выяснить связь прошедшаго съ настоящимъ; на основаніи этихъ же данныхъ, мыслитель, усвоившій себѣ историческое воззрѣніе, будетъ заключать и о *будущемъ* страны.

Теперь понятно будетъ, какъ, на основаніи историческихъ воззрѣній и при помощи историческаго метода, должны быть разрѣшаемы всѣ вопросы общественной жизни вообще и въ частности занимающій насъ вопросъ о взаимномъ отношеніи государственной дѣятельности и частной предпріимчивости.

Что такое современность, современный порядокъ вещей, съ исторической точки зрѣнія? Это не есть порядокъ, поставленный внѣ вліянія общихъ историческихъ условій, внѣ общихъ законовъ движенія, внѣ прошедшаго и будущаго, порядокъ, къ которому могутъ быть примѣнены безусловныя требованія, раціональныя формулы.

Современность, *наше время,* есть одинъ изъ *моментовъ* общаго развитія, исторіи народа; слѣдовательно, совокупность такихъ явленій—такой порядокъ, который можетъ быть изслѣдованъ и оцѣненъ только съ точки зрѣнія *его* условій, *его* мѣста и времени.

Задача науки, вооруженной историческимъ методомъ, заключается

именно въ опредѣленіи того, *какой моментъ* наше время, по своему характеру и условіямъ, составляетъ въ общемъ ходѣ развитія народа?

Такимъ образомъ, задача и методъ положительной науки сходятся съ требованіями *практики*, которыя до настоящаго времени разсматривались, какъ нѣчто совершенно отличное отъ „началъ теоріи". Когда наука окончательно усвоитъ себѣ этотъ методъ, тогда потеряетъ свою силу ходячій афоризмъ, что „практика—одно, а теорія—другое". Тогда наука сдѣлается философіею и руководительницею практики и будетъ имѣть на это право.

XI.

Историческое рѣшеніе задачи.

Всякій современный порядокъ, сказали мы, есть одинъ изъ моментовъ народнаго развитія; характеръ и направленіе этого момента зависятъ отъ общихъ условій народнаго развитія, и, кромѣ того, отъ особенной *комбинаціи* этихъ общихъ условій въ каждый данный моментъ исторіи, опредѣляющихъ его отличительныя свойства.

Каждая мѣра, опредѣляющая границы и формы частной и государственной дѣятельности, должна быть согласована и съ тѣмъ, и съ другимъ обстоятельствомъ. Такъ, попытка Петра Великаго ввести въ русское гражданское законодательство систему единонаслѣдія не удалась, потому что законъ этотъ шелъ въ разрѣзъ съ народными воззрѣніями на семейныя отношенія и наслѣдственное право; не удалась и его попытка завести въ городахъ „гильдіи и цумты". Номинально они существовали и существуютъ, но какъ административно-финансовыя рубрики, не имѣющія жизни, подобной той, какую имѣли корпораціи западной Европы. Тщетно Екатерина II стремилась призвать нѣкоторыя сословныя корпораціи къ самоуправленію. Общество, построенное вообще на началахъ частнаго и государственнаго крѣпостного права, не способно къ самоуправленію. Если же права самоуправленія являются привилегіей извѣстныхъ корпорацій, то они дѣлаются средствомъ угнетенія непривилегированныхъ классовъ, и правительство, обыкновенно, бываетъ принуждено противопоставить привилегированнымъ классамъ силу единоличной администраціи. Въ такомъ положеніи находилось русское общество при Екатеринѣ II. Конечно, Екатерину II, съ общей теоретической точки зрѣнія, нельзя осуждать за то, что она попыталась внести начала самоуправленія въ сословныя корпораціи; заслуга ея велика уже потому, что эта идея осталась въ нашемъ законодательствѣ, чтобы осуществиться, до извѣстной степени, въ наше время. Но историческая

критика справедливо могла замѣтить законодательству XVIII ст., что „вольности“ и самоуправленія не шли къ обществу, построенному на началахъ государственнаго и частнаго крѣпостного права. Общество, переживавшее пугачевщину и раздѣлявшееся на привилегированныхъ и крѣпостныхъ, нуждалось въ системѣ сильной и единоличной администраціи, въ системѣ генералъ-губернаторствъ и губернаторствъ, что́ въ дѣйствительности и случилось. Если реформы, имѣвшія цѣлью самоуправленіе, и должны были начаться въ тѣ времена, то, естественно, въ основаніе ихъ должна была лечь предварительная отмѣна крѣпостного права. Такъ какъ правительство въ тѣ времена не считало возможнымъ приступить къ такой мѣрѣ, оно естественно должно было ограничиться только преобразованіемъ своихъ собственныхъ органовъ управленія, что́ можно было сдѣлать, не касаясь существенныхъ основъ народнаго быта. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Реформы какъ Екатерины II, такъ и ея преемниковъ вращаются главнымъ образомъ въ сферѣ административной, въ сферѣ правительственныхъ органовъ. Мы постоянно встрѣчаемся то съ учрежденіемъ губерній, то съ реформою сената, то съ введеніемъ министерствъ, учрежденіемъ государственнаго совѣта, комитета министровъ, наказомъ губернаторамъ и т. д. Только съ отмѣною крѣпостного права сдѣлались возможны общественныя реформы.

Съ этой же точки зрѣнія долженъ быть обсуждаемъ и занимающій насъ вопросъ о распредѣленіи общественныхъ задачъ между частною предпріимчивостью и государственною дѣятельностью. Наука не можетъ въ этомъ отношеніи руководствоваться никакими общими началами, о которыхъ любитъ говорить раціоналистическая философія права. Она не можетъ принять даже такихъ общихъ положеній, что „вообще желательно, чтобы, съ развитіемъ общества, сфера частной предпріимчивости увеличивалась, а область правительственная уменьшалась“.

Съ научной точки зрѣнія нельзя *желательность* извѣстнаго положенія дѣлать признакомъ его практической годности. Наука можетъ только констатировать фактъ, что въ извѣстныхъ обществахъ, преимущественно англо-саксонскаго племени, частная предпріимчивость дѣлаетъ чрезвычайно много и въ значительной степени замѣняетъ собою правительственную. Но въ то же время она можетъ указать не мало странъ, гдѣ правительственное вмѣшательство возводило страну на высокую степень благосостоянія. Такова, напримѣръ, дѣятельность Кольбера во Франціи, о значеніи которой, конечно, нельзя судить по однимъ отзывамъ экономистовъ англійской школы, но необходимо принять въ разсчетъ и болѣе безпристрастные отзывы,

каковъ, например, отзывъ Луи Блана, въ его исторіи французской революціи.

Нельзя даже сказать, какъ это постоянно говорится въ наше время, что область частной дѣятельности постоянно расширяется насчетъ правительственной, по мѣрѣ общественнаго развитія, по мѣрѣ водворенія въ немъ принципа свободы.

Здѣсь, очевидно, происходитъ нѣкоторое смѣшеніе понятій. Прогрессъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ не въ уменьшеніи круга правительственныхъ дѣйствій, а въ измѣненіи его формы. Та форма правительственнаго вмѣшательства, которую Милль называетъ вмѣшательствомъ *повелительнымъ*, очевидно, исчезаетъ. Рѣже и рѣже становятся правительственныя монополіи, воспрещенія дѣлать что либо безъ дозволенія государства или предписанія производить что нибудь не иначе какъ по образцамъ, предписаннымъ государствомъ. Но публицистъ, заключившій изъ этого факта, что принципъ государственнаго вмѣшательства исчезаетъ изъ политической практики и сфера государственной дѣятельности сокращается, былъ бы похожъ на человѣка, который бы началъ доказывать, что воспитаніе дѣтей исчезаетъ, на томъ основаніи, что прежнія суровыя дисциплинарныя средства выходятъ изъ употребленія. Правительство, имѣющее дѣло съ грубымъ неразвитымъ обществомъ, конечно, проявляетъ свою дѣятельность иначе, чѣмъ когда оно дѣйствуетъ среди гражданско и политически развитой массы.

Дѣятельность государства все болѣе и болѣе принимаетъ форму, которую Милль называетъ *неповелительною*, по той причинѣ, что она болѣе согласна съ требованіями личной и общественной свободы [1]). Но этотъ экономистъ, давшій намъ нѣсколько примѣровъ подобной формы, не опредѣлилъ достаточно ея существа. Мы должны сдѣлать это для того, чтобы показать, что государство, видоизмѣнивъ форму своей дѣятельности, удержало, однако, всѣ три ея момента (охраненія, содѣйствія и почина), о которыхъ достаточно сказано выше.

Государство продолжаетъ *охранять* личныя права, общественную безопасность, хотя уничтожило суровыя формы судебной процедуры, не стѣсняетъ въ прежней степени свободы передвиженія, допускаетъ сходки, не употребляетъ безпощадныхъ полицейскихъ мѣръ и т. д.

Оно *содѣйствуетъ* развитію промышленности, полезныхъ искусствъ, хотя не предписываетъ болѣе нормальныхъ образцовъ для разныхъ

---

[1]) Должно замѣтить, что неповелительное вмѣшательство не теряетъ общаго признака государственной дѣятельности — *принудительности*. Дѣло въ томъ, что и въ этомъ случаѣ государство, для осуществленія своихъ задачъ, пользуется общественными средствами, собираемыми въ формѣ обязательныхъ налоговъ.

издѣлій, постепенно отказывается отъ системы запретительныхъ и покровительственныхъ тарифовъ и т. д.

Оно *беретъ на себя учрежденіе* разныхъ полезныхъ установленій для народнаго образованія, благотворительности, кредита и т. д., хотя допускаетъ возможность и частныхъ предпріятій подобнаго рода.

Ко всему этому необходимо прибавить еще одну важную форму государственной дѣятельности, получившую необыкновенное развитіе именно въ наше время. Это форма *надзора* за всѣми явленіями общественной жизни. Государство требуетъ, чтобы ему были *извѣстны* всѣ сколько-нибудь важныя предпріятія и явленія общественной жизни, съ тѣмъ, чтобы оно могло принять нужныя мѣры, когда эти предпріятія или явленія станутъ грозить общественному спокойствію или частнымъ интересамъ.

Причина, почему именно въ наше время подобная форма государственной дѣятельности получила такое развитіе, заключается именно въ большемъ развитіи частной и общественной свободы. Когда ни одно предпріятіе не могло учредиться безъ предварительнаго правительственнаго разрѣшенія, когда каждый митингъ могъ быть воспрещенъ и члены его подвергнуты наказанію, очевидно, правительство могло дѣйствовать одними воспрещеніями и дозволеніями. Но съ развитіемъ свободы, правительство должно было сократить свое право разрѣшать и воспрещать и ограничиться требованіями „поставленія въ извѣстность", съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ нужды, принять свои мѣры.

Всѣ эти формы государственной дѣятельности обнимаютъ въ настоящее время гораздо значительнѣйшее число задачъ, чѣмъ въ прежнее время, такъ что внѣшній объемъ государственной дѣятельности (а не только ея внутренніе моменты) не только не сократился, но увеличился.

Иначе и быть не могло даже a priori.

Развитіе общества (кромѣ измѣненія его формы и совершенствованія содержанія) означаетъ, что интересы его усложнились, отношенія уразнообразились, условія осуществленія первыхъ и опредѣленія послѣднихъ затруднились. Дикое общество, съ своими элементарными потребностями и немногосложными отношеніями, можетъ довольствоваться патріархальнымъ управленіемъ съ его немногосложными же органами и первобытными пріемами. Это общество не найдетъ противнымъ интересамъ страны, если его правительство не озаботится даже правильною организаціею суда и будетъ довольствоваться частною местью, самосудомъ.

Но общества развитыя потребуютъ отъ правительства всесторон-

няго обезпеченія условій общежитія и дальнѣйшаго прогресса. Конечно, съ усложненіемъ человѣческихъ интересовъ увеличивается и область частной предпріимчивости; но это нисколько не означаетъ, что эта сфера расширилась насчетъ правительственной дѣятельности. Не должно забывать, во-первыхъ, что государство, отстраняясь во многихъ случаяхъ отъ положительной дѣятельности, сохраняетъ, однако, право контроля, содѣйствія, обязанность охраненія и т. д. Затѣмъ, трудно даже перечислить количество новыхъ случаевъ, въ которыхъ дѣйствіе государства проявляется положительнымъ образомъ. Такъ что въ результатѣ, частная предпріимчивость и государственное вмѣшательство росли, расширялись въ объемѣ, параллельно, взаимно пополняя другъ друга.

Лучшимъ образцомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить *Англія*, страна, гдѣ не только *юридически* данъ широкій просторъ частной предпріимчивости, но гдѣ эта предпріимчивость оказывалась способною дѣйствовать и производить великіе результаты.

Но если бы кто-нибудь былъ призванъ въ *данный моментъ*, т.-е въ настоящее время, провести точную и незыблемую границу между частною предпріимчивостью и правительственною дѣятельностью въ этой странѣ, — онъ былъ бы поставленъ въ весьма большое затрудненіе.

Конечно, съ точки зрѣнія раціоналистической, отвѣтъ былъ бы весьма легокъ. Всѣ данныя для строго-раціональнаго вывода готовы:

„частная предпріимчивость слабо развита только въ необразованныхъ странахъ и у неспособныхъ расъ;

съ развитіемъ общества частная дѣятельность всегда беретъ перевѣсъ надъ правительственною;

Англія — страна образованная, привыкшая къ самодѣятельности и самоуправленію, и кромѣ того вступила въ XIX вѣкъ.

Стало быть, здѣсь сфера частной предпріимчивости должна быть расширена, область правительственной дѣятельности стѣснена до послѣднихъ предѣловъ возможнаго“.

Но вотъ неожиданное препятствіе къ осуществленію подобнаго вывода. Большинство писателей, изучавшихъ современный бытъ Англіи, заявляютъ (нѣкоторые съ ужасомъ, другіе просто), что государственное вмѣшательство и даже бюрократія дѣлаютъ удивительные успѣхи въ Англіи, именно въ XIX столѣтіи, въ нашъ вѣкъ. „Нельзя отрицать, говорилъ по одному поводу извѣстный экономистъ и индивидуалистъ Дюнойе, что въ Англіи, по разнымъ предпріятіямъ, начали замѣнять дѣйствіемъ опеки и непосредственнаго управленія простыя уголовныя мѣры, примѣнимыя только къ вреднымъ дѣйствіямъ этихъ предпріятій. Нельзя отрицать этого факта, когда имѣемъ предъ

глазами законъ, опредѣляющій число рабочихъ часовъ на фабрикахъ; актъ, воспрещающій примѣнять женскій трудъ въ рудникахъ; третій, который подвергаетъ жителей наиболѣе населенныхъ городовъ и округовъ, въ случаѣ простого констатированія извѣстнаго числа смертныхъ случаевъ, къ тяжкимъ предпріятіямъ улучшенія жилищъ и гигіеническихъ условій; кромѣ того, подчиняетъ самое предпріятіе и направленіе этого рода работъ (часть мѣстнаго интереса) рѣшеніямъ бюро, помѣщающагося въ Лондонѣ, и т. д.“

Дѣйствительно, факты, уже въ силу одного того, что они факты, не могутъ быть отрицаемы. Весь вопросъ только въ объясненіи и оцѣнкѣ этихъ фактовъ. Способна ли на это теорія „формулъ“—это другой вопросъ. Но мы посмотримъ, что́ можетъ сдѣлать историческая критика, съ точки зрѣнія даннаго, современнаго намъ *момента* англійской исторіи.

Идея самодѣятельности составляетъ отличительную черту англійской исторіи; въ сферѣ политической она выразилась въ формѣ самоуправленія, того самоуправленія, которое справедливо считалось типомъ всякой подобной административной системы. Начало самодѣятельности и ближайшая его политическая форма были основами англійской свободы.

Эта свобода росла и укрѣплялась въ теченіе вѣковъ. Англія пережила эпоху порядочнаго абсолютизма при Тюдорахъ, прославляла его въ лицѣ Елисаветы, боролась съ нимъ при Стюартахъ и ведетъ лѣтосчисленіе своей современной свободы съ „достославной“ революціи 1688 г., когда окончательно сложились начала конституціи, которой завидуютъ континентальные народы. Нѣсколько удачныхъ биллей въ XIX ст. довершили ея образованіе. Если мы сравнимъ сумму современной свободы, предоставленной каждому англичанину, т.-е. кругъ дѣлъ, зависящихъ вполнѣ отъ его самодѣятельности, съ тѣмъ, чѣмъ пользовались англичане въ XVI и XVII ст., мы будемъ поражены успѣхами индивидуализма.

Между тѣмъ, именно въ XIX столѣтіи, кругъ государственной дѣятельности, кругъ регламентаціи и, если угодно, бюрократіи расширяется. Причину этого удивительнаго явленія, по словамъ всѣхъ наблюдателей и ученыхъ, должно искать въ одномъ фактѣ: въ быстромъ развитіи городовъ, городского народонаселенія, слѣдовательно, въ образованіи *новаго общества*, выступившаго съ своими воззрѣніями на государство и породившаго массу совершенно новыхъ явленій.

Образованіе англійскихъ городовъ, конечно, нельзя разсматривать какъ вполнѣ естественный и здоровый продуктъ движенія „промышленнаго духа“, которымъ такъ сильна современная Англія. Промышленное движеніе и промышленная политика Англіи были не

причиною, а послѣдствіемъ образованія того много-милліоннаго городского народонаселенія, составляющаго въ настоящее время бо́льшую половину всего народонаселенія собственной Англіи и Уэльса [1]).

Количество городского народонаселенія въ Англіи долгое время было невелико, и самые города (за исключеніемъ Лондона) не имѣли значительнаго политическаго вліянія. Города были призваны къ участію въ народномъ представительствѣ позже землевладѣльческаго джентри. Только со времени Эдуарда I (1272—1307) утвердился обычай призванія городскихъ представителей. Первоначально общины являются въ качествѣ „бѣдныхъ и покорныхъ городовъ его величества“ и только постепенно сдѣлались „высокопочтенными и могущественными“.

Три обстоятельства вліяли на быстрый ростъ городского народонаселенія и образованіе новыхъ городовъ: способъ уничтоженія крѣпостного права, быстрое исчезновеніе мелкихъ поземельныхъ собственниковъ и реформація.

Постепенная отмѣна феодальнаго крѣпостного права въ Англіи имѣла, какъ извѣстно, ту характеристическую особенность, что бывшіе рабы и вилланы освобождались *безъ земли*. Съ XIV столѣтія они были освобождаемы цѣлыми массами. Эти массы свободныхъ лишались, разумѣется, феодальной защиты и продовольствія, получаемаго отъ господъ. Они сами должны были заботиться о продовольствіи и, въ случаѣ неудачи, попадали въ число нищихъ, которыхъ преслѣдовали строгіе законы противъ нищенства и объ осѣдлости. Не находя убѣжища и работы на земляхъ бывшихъ своихъ владѣльцевъ, они толпами стремились искать „хлѣба и труда“ въ города.

Бѣдствія низшихъ классовъ увеличились особенно съ коренною реформою въ способѣ сельскаго хозяйства. Прежде Англія представляла большое количество мелкихъ собственниковъ (фригольдеровъ), которыхъ еще въ XVII ст. было до 160.000. Прежде ихъ было гораздо больше. Въ XV ст. Фортескью, канцлеръ Генриха VI (1422—1461), говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько мелкихъ собственниковъ, какъ въ Англіи, и считалъ это обстоятельство источникомъ ея благосостоянія. Бѣдствія войнъ Бѣлой и Алой Розы въ корень измѣнили условія экономическаго быта Англіи. Разоренные мелкіе собственники исчезаютъ; имущества ихъ, съ Генриха VII, сосредоточиваются

---

[1]) Факты, излагаемые здѣсь, заимствованы изъ сочиненій Гнейста, *Gesch. und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung* и *Das englische Verwaltungsrecht;* Фишеля, *Госуд. строй Англіи.* Леонъ Фоше, *Etudes sur l'Angleterre;* Чичерина, *Очерки Англіи и Франціи*, и т. д.

въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ,— образуется поземельная олигархія. Новые господа земли не отдаютъ ее уже въ такой степени подъ сельское хозяйство, имъ нужны луга, парки, для разведенія которыхъ предварительно сгоняются съ земли сотни рабочихъ семей. Дѣло дошло до того, что знаменитый Бэконъ подалъ въ 1597 г. нижней палатѣ проектъ мѣръ противъ распространенія парковъ и пастбищъ, какъ причины уничтоженія многихъ селеній [1]).

Реформація, много сдѣлавшая для духовнаго прогресса народа, по способамъ ея осуществленія, нанесла ему громадный матеріальный ущербъ. Она была сопряжена съ конфискаціею бывшихъ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а монастыри и церковныя власти, по правиламъ религіи и въ силу положительнаго закона, обязаны были благотворить бѣднымъ. Послѣ секуляризаціи этихъ имуществъ, они попали въ руки свѣтскихъ владѣльцевъ, большею частью въ руки любимцевъ короля-реформатора, Генриха VIII. Результатъ этой перемѣны характеризуется старымъ писателемъ Сельденомъ слѣдующимъ образомъ: „теперь, когда всѣ аббатства, съ ихъ землями, владѣніями, приходскими угодьями, находятся уже въ рукахъ людей свѣтскаго званія, я не могу похвастать, чтобы хотя полпенни досталось на долю бѣдныхъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ лежатъ эти имущества.... Правда, монахи не давали столько, сколько они могли давать; но въ тѣхъ, болѣе нежели ста мѣстахъ Англіи, гдѣ бѣдные получали ежегодно по 20 ф. ст., теперь не получатъ они и одного обѣда. Прекрасное улучшеніе!“ [2]).

Способъ отмѣны крѣпостного права привелъ къ обезземеленію массы народа.

Уничтоженіе мелкой собственности и мелкихъ хозяйствъ понизило цѣны на трудъ, отдавало рабочихъ въ распоряженіе крупныхъ собственниковъ, а иногда вовсе лишало ихъ работы и какой бы то ни было осѣдлости.

Экономическая сторона реформаціи лишила рабочихъ, впавшихъ въ бѣдность, благотворительности.

Массы народа, подъ двойнымъ гнетомъ закона противъ нищенства, разныхъ act concerning punishment of beggars and vagabonds и закона объ осѣдлости (law of settlement), стремились въ города, гдѣ по крайней мѣрѣ можно было надѣяться на промышленный трудъ. Тщетно законъ *въ пользу* бѣдныхъ, установлявшій налогъ для ихъ содержанія (1601 г.), старался облегчить положеніе массъ. И помѣщики, и сами общины наперерывъ старались сбывать не только

---

[1]) Фишель, *Госуд. строй Англіи.*

[2]) Тамъ же.

настоящихъ нищихъ, но и лицъ, экономическое положеніе которыхъ было сомнительно. Война противъ хижинъ свирѣпствовала безпощадно; землевладѣльцы наперерывъ старались скупать хижины, чтобы ихъ разрушить и замѣнить пастбищнымъ мѣстомъ. И причина этой войны понятна: „для того, говоритъ историкъ закона о бѣдныхъ, Бернсъ, чтобы понизить налогъ въ пользу бѣдныхъ, надо было обезлюдить приходъ".

Города росли съ неимовѣрною быстротою. Количество старыхъ англійскихъ городовъ (*сити*), существовавшихъ уже въ періодъ норманскаго завоеванія—довольно невелико. Но бурги (boroughs), города новѣйшаго происхожденія, чрезвычайно многочисленны. Въ собственной Англіи сити всего 12; бурговъ, съ различнымъ юридическимъ положеніемъ, 576 (по статист. даннымъ 1861 г.). О внѣшней сторонѣ возрастанія числа новыхъ городовъ мы можемъ судить по количеству королевскихъ хартій, дававшихся этимъ городамъ въ разныя царствованія [1]). До XIII ст. количество хартій, выданныхъ за каждое царствованіе, весьма скромно. Такъ, Генрихъ I, за 35 лѣтъ (1100—1135 г.) выдалъ ихъ 29; Стефанъ за 19 лѣтъ (1135—1154 г.) всего двѣ. Но уже Генрихъ III выдаетъ хартіи 52 бургамъ. Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ дѣло съ среднимъ числомъ 40—50 бурговъ, получавшихъ хартіи. Елисавета (1558—1603 г.) выдала 123, а Іаковъ I (1603—1625 г.) 110 хартій. Какъ растутъ города въ Англіи, можно видѣть на примѣрѣ современныхъ корифеевъ англійскаго бюргерства — Ливерпулѣ и Манчестерѣ. Въ Ливерпулѣ въ 1750 г., когда онъ былъ ничтожнымъ рыбачьимъ поселкомъ, было 6.000 жителей; въ 1760 г. онъ считалъ уже 25 т. Теперь, по статистич. даннымъ 1861 г., въ немъ 450.000. Манчестеръ въ концѣ XVII ст. былъ немногимъ больше Ливерпуля въ 1750 г. Теперь въ немъ также около 400.000 жителей.

Всѣ интересы этого разраставшагося и скучивавшагося народонаселенія группировались вокругъ одного понятія—*промышленности* и тѣсно связанной съ нею торговли. Мы не можемъ представить себѣ этихъ двухъ городовъ безъ хлопчатобумажной промышленности, которая даетъ жизненную силу имъ и кормъ тысячамъ рукъ. Манчестеръ и Ливерпуль стоятъ не одни; вокругъ Манчестера группируется нѣсколько другихъ хлопчатобумажныхъ планетъ, каждая съ 20—60 тыс. жителей — Бьюри, Рочдель, Галифаксъ, Болтонъ и т. д. Города, живущіе фабричнымъ дѣломъ, выстроены и

---

[1]) Этими данными нужно пользоваться съ извѣстною осторожностью, потому что короли, нуждавшіеся въ поддержкѣ городовъ противъ аристократіи, часто давали хартіи мѣстечкамъ, незаслуживавшимъ названія городовъ.

живутъ какъ фабрики. Это не центры администраціи, наукъ, искусствъ, политической жизни, удовольствій, модъ. Это—огромныя мастерскія. „Города эти, говоритъ одинъ современный наблюдатель Англіи, не отличаются изяществомъ; они представляютъ собраніе кирпичныхъ домовъ, которые всѣ имѣютъ видъ фабрикъ и закопчены дымомъ. Въ расположеніи улицъ и построекъ сообразовались единственно съ удобствами производства; потому нѣтъ здѣсь внутреннихъ парковъ и садовъ; вопросы искусства и литературы чужды этимъ огромнымъ массамъ населенія; о наукѣ нѣтъ и помину, за исключеніемъ экономическихъ вопросовъ“.

Промышленность и сбытъ произведенныхъ продуктовъ составляютъ вопросъ жизни и смерти для этого новаго общества Англіи. Оно производитъ много. „Дайте намъ ходъ на другую планету, говорилъ одинъ манчестерскій фабрикантъ, и мы беремся ее одѣть“. Похвальба, можетъ быть, не преувеличена, но она содержитъ въ себѣ не одно утѣшеніе, но и смертный приговоръ, при неблагопріятныхъ условіяхъ. Англійская промышленность не только можетъ одѣть „другую планету“, но, пожалуй, будетъ нуждаться въ этой планетѣ, чтобы дать сбытъ своимъ продуктамъ, т. е. обезпечить хлѣбъ и трудъ многимъ тысячамъ рукъ. На первый разъ она нуждается все въ новыхъ и новыхъ рынкахъ, которые она открываетъ себѣ то силою пушекъ (Китай), то силою разныхъ теорій, въ родѣ свободы торговли. Сколько Англіи нужно вывозить, свидѣтельствуетъ, кромѣ массы рабочихъ рукъ, количество ея кораблей. Уже въ 1851 г. у нея было 34.500 кораблей съ 4.400.000 тоннъ груза и 243.000 матросовъ.

Дайте ей рынки и свободу торговли!

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сбытѣ, должно замѣтить, что сила производительности возрастала въ поразительной прогрессіи. Въ половинѣ XVII ст. навигаціонный актъ организовалъ ея силу для борьбы съ заграничною производительностью. Со второй половины XVIII столѣтія техническія изобрѣтенія вооружили ее машинами. Въ томъ же XVIII столѣтіи Смитъ возвелъ на степень научныхъ принциповъ промышленный складъ Англіи и создалъ какъ бы философію индустріализма. Промышленные и торговые классы получили свою *идею*. Оставалось провести ее въ политическую жизнь. Средства къ тому скоро представились. Рядомъ со старою аристократіею, аристократіею земли и замка, скоро выработалась аристократія биржи, фабрики, банка. Долгое время она не имѣла доступа къ государственнымъ дѣламъ, благодаря избирательнымъ законамъ, какъ бы закрѣпившимъ право быть членомъ парламента за землевладѣльческою аристократіею. Но избирательная реформа открыла дорогу въ парламентъ этой новой силѣ. Съ тѣхъ поръ промышленно-торговое

государство все болѣе и болѣе вытѣсняетъ старое—феодально-землевладѣльческое.

Въ чемъ же выразилось направленіе этого новаго государства? Какъ отразилось вліяніе его интересовъ и идей на кругѣ дѣятельности правительства?

Съ внѣшней стороны общая идея „самоуправленія“ уцѣлѣла и въ новомъ государствѣ; но сущность дѣла радикально измѣнилась.

Старое общество понимало сущность самоуправленія и общія задачи администраціи иначе, чѣмъ это понимаетъ общество промышленное.

Поземельная аристократія, на которой держалось самоуправленіе, видѣла въ немъ средство *личнаго*, непосредственнаго участія въ управленіи страною. Самоуправленіе, по справедливому замѣчанію Гнейста, было какъ бы системою государственныхъ повинностей, возложенныхъ на знатнѣйшую часть народонаселенія. Каждый зажиточный землевладѣлецъ принималъ на себя какое-нибудь государственное порученіе, несъ лично и безплатно какую-нибудь обязанность. Между этими обязанностями самое видное мѣсто занимала хлопотливая и сложная должность мирнаго судьи. Разумѣется, принимая на себя подобное порученіе, „зажиточный“ пріобрѣталъ огромное значеніе, дѣлался *властью*, отъ которой часто страдали окрестные жители. Но все-таки для достиженія и сохраненія этой власти землевладѣльческая аристократія несла много тягостей. Благодаря этой системѣ почетныхъ, безплатныхъ должностей (замѣщаемыхъ правительствомъ), вся сила администраціи сосредоточилась въ мѣстности. При старомъ порядкѣ только судъ и законодательство были централизованы,—въ коллегіи вестминстерскихъ судей и въ парламентѣ. Всѣ же дѣла внутренняго управленія разсматривались какъ *мѣстные* вопросы и рѣшались мѣстными почетными властями. Въ дѣйствительности эти мѣстные вопросы долго и не получали общегосударственнаго значенія. Самый жгучій внутренній вопросъ Англіи, — вопросъ о бѣдныхъ, до развитія городского населенія, былъ дѣломъ мѣстнымъ, потому что бѣдные не составляли еще цѣльнаго, общегосударственнаго элемента, *пролетаріата*. Были *бѣдные* въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ, — приходъ и вѣдался съ ними при помощи мѣстныхъ властей. Но послѣ настало время, когда рабочій классъ и пролетаріатъ сдѣлался компактнымъ, общегосударственнымъ элементомъ.

Мѣстный характеръ администраціи имѣлъ еще особенный оттѣнокъ, вслѣдствіе того воззрѣнія на ея *цѣль*, которое имѣло старое общество. Всѣ мѣстныя учрежденія старой Англіи проникнуты одною идеею—идеею *охраненія мира*, т.-е. тишины и порядка. Общество,

вышедшее изъ слоя завоевателей, раздѣлившихъ между собою страну, прежде всего направило свои усилія на охраненіе личности и собственности. Отсюда суровые полицейскіе законы норманскаго періода. Отсюда система должностей, направленныхъ къ охраненію мира. Первоначальное названіе мирныхъ судей ясно указываетъ на сущность дѣла; при своемъ учрежденіи они названы custodes et conservatores pacis. Нигдѣ не видно, чтобы общество считало государственную власть призванною *положительно* содѣйствовать народному благосостоянію, въ особенности благосостоянію низшихъ классовъ [1]).

Совершенно иначе поставленъ вопросъ въ настоящее время.

Промышленные классы — мы говоримъ о зажиточной ихъ части, имѣющей уже положительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ—промышленные классы въ той же степени отличаются самодѣятельностью и чувствомъ свободы, какъ и старая землевладѣльческая аристократія, создавшая англійское самоуправленіе.

Но эта самодѣятельность получила другое направленіе, чувство свободы выразилось въ другихъ требованіяхъ.

Самодѣятельность всею своею силою направилась на промышленныя и торговыя предпріятія; здѣсь въ полной силѣ проявляется сила частной предпріимчивости; она обнаруживается въ безграничномъ производствѣ „предметовъ отпуска", созиданіи милліонныхъ состояній, быстрыхъ улучшеніяхъ средствъ промышленности и т. д. Въ этой сферѣ предпріимчивость не любитъ встрѣчаться съ тѣмъ, что̀ называется „государственнымъ вмѣшательствомъ или регламентаціей". Въ этой сферѣ идея свободы получила главнымъ образомъ, отрицательный характеръ; идея проявляется въ формѣ требованія полной независимости въ пользованіи своими личными силами. Что касается до другого и существеннаго понятія свободы, восполняющаго общую ея идею—понятія *личнаго участія* въ государственномъ управленіи и администраціи, то оно, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, неразвито въ промышленныхъ классахъ и по очень понятной причинѣ. Участіе въ политическихъ дѣлахъ предполагаетъ, въ извѣстной степени, отрѣшеніе отъ своихъ частныхъ дѣлъ, трату времени и силъ „непроизводительнымъ" образомъ; какъ ни оборачивать вопросъ, участіе въ государственныхъ дѣлахъ предполагаетъ принятіе на себя извѣстныхъ обязанностей, повинностей въ пользу государства. Такъ смотрѣла на дѣло земледѣльческая аристократія и безропотно принимала на себя разныя почетныя должности. Если нынѣшняя правительственная аристократія добивалась участія въ

---

[1]) Гнейстъ, *Die englische Communalverfassung,* стр. 1096 и слѣд.

парламентѣ, то потому, что участіе въ государственныхъ дѣлахъ, между прочимъ, обезпечиваетъ и личные интересы тѣхъ классовъ, которые его имѣютъ. Стало быть, на самую политическую свободу перенесено то отрицательное воззрѣніе, о которомъ мы говорили выше. Притомъ же участіе въ парламентѣ есть болѣе или менѣе высшій почетъ и всегда можно найти человѣка, „удалившагося отъ предпріятій", для занятія нехлопотливой должности члена парламента.

Но пробный камень способности къ самоуправленію, къ политической самодѣятельности есть именно мѣстное самоуправленіе. По количеству лицъ, принимающихъ на себя служеніе общему дѣлу въ мѣстности, можно судить о годности страны къ самоуправленію. Въ этомъ отношеніи оказалась полная несостоятельность новаго общества. Оно не выработало ни одной новой почетной должности, которыми такъ богатъ древній типъ самоуправленія. Вмѣсто системы почетныхъ должностей, вездѣ появляется дѣятельность *выборныхъ лицъ* и, большею частью, состоящихъ *на жалованьѣ*. Гнейстъ справедливо замѣчаетъ, что вся политическая дѣятельность новыхъ классовъ исчерпывается подачею голоса и уплатою слѣдующей съ каждаго доли на жалованье. Промышленникъ, подавшій голосъ въ пользу извѣстнаго кандидата и уплатившій ему жалованье, полагаетъ, что всѣ счеты его съ государствомъ окончились. Новое самоуправленіе приняло форму главнымъ образомъ *коммиссій*, состоящихъ изъ лицъ выборныхъ и, большею частью, оплачиваемыхъ.

Если мы обратимъ вниманіе на самыя задачи управленія, для которыхъ учреждаются коммиссіи и должности новаго самоуправленія, то намъ понятно будетъ, какъ съ послѣднимъ сочеталось другое явленіе новаго времени—правительственная опека и централизація, какъ надъ мѣстными инстанціями, къ которымъ примѣняется выборное начало, возвышаются руководящія ихъ чисто правительственныя учрежденія.

Молодая королева Викторія, въ одной изъ первыхъ своихъ тронныхъ рѣчей, сказала, обращаясь къ парламенту:

„Я видѣла, съ глубокимъ сожалѣніемъ, что смятенія въ мануфактурныхъ округахъ страны продолжаются". То же самое могли сказать ея предшественники, по меньшей мѣрѣ они могли предсказать явленія, вызвавшія горесть королевы.

Вотъ финансовая подкладка этого горя.

Еще въ 1750 г. налогъ въ пользу бѣдныхъ доходилъ только до 4.000.000 талер. з. Въ 1776 г. цифра дошла до 9, въ 1785 г. до 12, 1801 г. до 24, 1813 г. до 39, въ 1818 г. до 47 милліоновъ. Въ 1861 году цифра дошла до 8 милліоновъ фунт. ст., т.-е. 56 милл. тал.

Развитіе промышленности и городовъ-фабрикъ шло параллельно съ развитіемъ нищенства и усложненіемъ рабочаго вопроса.

До образованія „промышленныхъ округовъ“ вопросъ о бѣдныхъ былъ вопросомъ мѣстнымъ, дѣломъ каждаго прихода. Въ 19 столѣтіи вмѣсто отдѣльныхъ „случаевъ“ бѣдности образуется цѣлое государственное сословіе нищихъ. Въ 1857 г. въ однихъ работныхъ домахъ (in-door-relief) получило вспомоществованіе 34.311 мужчинъ, 35.000 женщинъ, до 50.000 дѣтей; да кромѣ того огромное число получило вспомоществованіе внѣ этихъ домовъ (out-door-relief). Таковыхъ, разумѣется, больше. Въ 1857 г. получило вспомоществованіе 762.000, а въ 1861 г.—759.000. Всего, среднимъ числомъ, приходится лицъ, получающихъ вспомоществованіе, на общее число народонаселенія $4^1/_2{}^0/_0$.

Оставить этотъ вопросъ *мѣстнымъ* дѣломъ не было возможно. Еще до 1833 г. приходамъ дозволено и рекомендовано соединяться для призрѣнія бѣдныхъ общими силами и для устройства работныхъ домовъ. Но дозволеніе и рекомендація не принесли своихъ плодовъ. Въ 1833 г. была учреждена коммиссія для изслѣдованія положенія бѣдныхъ, а въ 1834 г. явилось новое законодательство по этому предмету. Новый законъ вводитъ *обязательное* соединеніе приходовъ въ союзы для попеченія о бѣдныхъ и устройства работныхъ домовъ. Союзы эти образуются по предписанію главнаго центральнаго управленія бѣдными—poor law board. Оно же руководитъ дѣйствіями мѣстной администраціи, состоящей какъ изъ выборныхъ лицъ, не получающихъ жалованья, такъ и изъ чиновниковъ на жалованьѣ.

Но бѣдность, т.-е. невозможность содержаться на свой счетъ,—все-таки явленіе исключительное, хотя и обнимаетъ $4^1/_2{}^0/_0$ всего народонаселенія. Есть вопросъ, касающійся бо́льшей массы, о положеніи *рабочихъ* въ этихъ городахъ, „состоящихъ изъ кирпичныхъ домовъ, покрытыхъ дымомъ и приноровленныхъ къ производству“.

Остановимся прежде всего на вопросѣ о домахъ. Какъ помѣщаются въ нихъ рабочіе? Каково ихъ жилище? Давно уже до правительства доходили неблагопріятные слухи. Poor law board, выступая, впрочемъ, изъ предѣла прямыхъ своихъ обязанностей, часто публиковалъ свои „доклады“ о положеніи рабочихъ классовъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ его докладъ 1842 г.—Report on the sanitary condition of the labouring population of Great Britain. Какія свѣдѣнія заключались въ немъ, можно судить по разсказамъ путешественника, который посѣтилъ Англію около этого же времени. Вотъ что́ говоритъ онъ о Лондонѣ: „тотъ же городъ, который содержитъ въ себѣ образцовые дома, красивыя улицы и зеленѣющіе парки Вестъ-Энда, заключаетъ въ своей внутренности полуразвалившіяся

хижины, улицы безъ мостовой, безъ освѣщенія, безъ стоковъ для нечистотъ, площади, гдѣ нѣтъ выхода для воздуха, наконецъ, зловонныя трущобы, въ которыхъ никакое другое народонаселеніе не стало бы жить, и которыя, для чести человѣческаго рода, не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ". Извѣстно, какою репутаціею пользуется часть города, которой имя Вайтъ-Чапель. Здѣсь средняя продолжительность человѣческой жизни не достигаетъ 22 лѣтъ, тогда какъ въ западномъ концѣ она доходитъ до 31 года. И это еще Лондонъ, городъ не совершенно приноровленный къ „цѣлямъ промышленности". Въ Ливерпулѣ средняя продолжительность жизни понижается до 17 лѣтъ. То же въ Манчестерѣ. Отчего? „Рабочіе живутъ на тѣсныхъ дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими зданіями, наполненными всякой нечистотой, гдѣ воздухъ, никогда не перемѣняющійся, зараженъ вредными испареніями, часто въ подвалахъ. Подвалы эти такъ низки, что человѣкъ не можетъ стоять въ нихъ прямо; въ нихъ нѣтъ ни оконъ, ни половъ, такъ что здѣсь господствуютъ мракъ, сырость и зловоніе".

Въ 1843 году была учреждена королевская слѣдственная коммиссія (Commision of inquiry). Она работала два года и пришла къ слѣдующимъ результатамъ. Города не представляютъ хорошихъ санитарныхъ условій, потому что 1) они не обладаютъ дренажами для осушенія улицъ и домовъ; 2) улицы, площади и проходы плохо вымощены; 3) нечистоты и вредные предметы не вычищаются; 4) вездѣ чувствуется недостатокъ хорошей воды; 5) дома устроены вообще дурно и не обладаютъ вентиляціею.

Правительство приняло энергическія мѣры. Для тѣхъ мѣстностей Англіи, гдѣ народонаселеніе не скучено въ большіе промышленные центры, оно издало рядъ актовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ nuisances removal and diseases prevention acts (1848, 1849, 1855 гг.), въ силу которыхъ противъ домохозяевъ и другихъ лицъ, виновныхъ въ отступленіи отъ санитарныхъ правилъ, примѣняется *судебно-полицейская* власть мирныхъ судей по жалобѣ заинтересованныхъ сторонъ.

Къ большимъ городамъ и густо населеннымъ промышленнымъ округамъ примѣнена система административнаго, медицинско-полицейскаго управленія. Во-первыхъ, вся совокупность санитарныхъ мѣръ изложена въ общемъ законѣ объ общественномъ здравіи (public health act). Общее завѣдываніе этими дѣлами ввѣрено особому административному учрежденію — general board of health. Хотя въ 1853 г. это установленіе и уничтожено, но дѣла и власть его переданы особой коммиссіи, состоящей при королевскомъ совѣтѣ. Подъ ея контролемъ и распоряженіемъ дѣйствуютъ мѣстныя коммиссіи по различнымъ предметамъ народнаго здравія.

Правительство пошло и должно было идти дальше. Оно ограничило число рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Оказывая свое покровительство взрослымъ рабочимъ мужескаго пола, оно должно было, тѣмъ болѣе, оказать его женщинамъ и малолѣтнимъ рабочимъ. Оно положительно воспретило пользоваться женскимъ трудомъ для разныхъ, слишкомъ тяжелыхъ, работъ (актъ 1842 г.), и еще раньше регламентировало пользованіе трудомъ несовершеннолѣтнихъ (factory act, 1833 г.).

Народное образованіе также не ушло изъ-подъ вліянія правительства. Во-первыхъ, по закону о бѣдныхъ учреждены школы при работныхъ домахъ. Затѣмъ, въ 1839 г., при тайномъ совѣтѣ учрежденъ особый комитетъ для народнаго образованія (commitee of the privy council for education), Въ настоящее время правительство выдаетъ пособіе 5—6.000 школамъ, состоящимъ подъ надзоромъ комитета.

Но не одни интересы и противорѣчія въ жизни низшихъ классовъ расширили кругъ правительственной дѣятельности. Она была вызвана новыми условіями городской жизни и сложными отношеніями промышленности вообще. Во имя этихъ интересовъ совершились и изданы реформа полиціи, устроенной на вполнѣ административный ладъ, многочисленные законы о банкахъ, объ эмиграціи и т. д. Трудно вообще перечислить, чтó въ настоящее время исполняется правительствомъ Англіи въ виду общаго блага.

Вызываетъ ли это „вмѣшательство" противодѣйствіе со стороны новаго общества? Убѣждено ли оно въ своей способности выполнить великія общественныя предпріятія настолько, чтобы отвергать помощь государства?

Вотъ что писалъ англійскій журналъ *Экономистъ* (который никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ поощреніи правительственнаго вмѣшательства) въ 1856 г., послѣ большого кризиса желѣзнодорожныхъ предпріятій [1]):

„Эпизодъ желѣзныхъ дорогъ въ нашей общей исторіи потрясаетъ наши предвзятыя мнѣнія. Великія промышленныя предпріятія одного рода съ желѣзными дорогами стоятъ на очереди. Какъ они будутъ выполнены? *Наше довѣріе къ личному интересу понизилось.* Должны ли мы, по примѣру нашихъ континентальныхъ сосѣдей, довѣриться государству больше, чѣмъ мы дѣлали прежде? Это важный и серьезный вопросъ, *который практика разрѣшаетъ положительно, а теорія отрицательно.* Опытъ говоритъ намъ, что поставить промышленность, производящую богатство, подъ контроль законовъ —

---

[1]) См. Дюпонъ-Уайтъ, *L'individu et l'état*, стр. 138.

дѣло рискованное. *Но публика безпрестанно и настойчиво требуетъ вмѣшательства законодательной власти*".

Таковъ характеръ *момента*, переживаемаго въ настоящее время англійскимъ народомъ, таковъ одинъ изъ моментовъ его исторіи.

Пусть каждый, кто вникъ въ смыслъ приведенныхъ фактовъ, задастъ себѣ и безпристрастно рѣшитъ вопросъ: отъ кого шла и должна была идти въ настоящее время иниціатива общественнаго благосостоянія?

Промышленное общество, новое общество, для котораго изданы всѣ вышеприведенныя мѣры, обратилось къ частнымъ предпріятіямъ; оно не хочетъ знать о прежней формѣ самоуправленія, члены котораго также не признавали за государствомъ задачи положительными мѣрами содѣйствовать народному благосостоянію. Но, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ „охраненія мира" они несли на себѣ тяжесть государственнаго управленія, личнымъ трудомъ осуществляли задачи управленія. Новое общество дастъ правительству денегъ, устроитъ для него коммиссію, признанную по закону обязательною—и больше ничего.

До чего дошла общественная иниціатива въ новомъ обществѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Необходимость соединенія приходовъ въ союзы, для управленія бѣдными, чувствовалась давно. Законъ первоначально (при Георгѣ III) предоставилъ приходамъ, буде пожелаютъ, соединяться въ такіе союзы. Что же вышло? Добровольное соглашеніе привело къ образованію, на основаніи разныхъ мѣстныхъ актовъ и въ силу т. наз. Gilberts' акта, какихъ-нибудь 30 союзовъ съ 2.000.000 жителей. Когда къ этому вопросу была примѣнена принудительная власть poor law board, съ 1834 по 1858 г. образовано 628 союзовъ съ 17 милл. жителей.

Починъ и осуществленіе всѣхъ этихъ задачъ есть дѣло правительственнаго вмѣшательства, которое въ данную минуту сдѣлалось орудіемъ прогресса.

Примѣръ Англіи, справедливо гордящейся силою частной предпріимчивости, наглядно доказываетъ невозможность обнести сферу правительственной дѣятельности незыблемыми, разъ навсегда опредѣленными границами. Въ другой странѣ, гдѣ государство всегда дѣлало больше, чѣмъ на знаменитомъ островѣ, Дюпонъ-Уайтъ въ правѣ былъ сказать: „роль государства столь же разнообразна, какъ цѣли прогресса; развитіе государства совершается параллельно съ общественнымъ совершенствованіемъ".

Трудно указать, какую пользу принесла политической жизни теорія, что государство призвано единственно къ охраненію даннаго общественнаго строя — но вредъ ея осязателенъ. Она привела къ

тому, что тамъ, гдѣ правительства убѣждались въ ея истинѣ, они дѣлались элементами застоя и твердили вслѣдъ за старыми парламентами Англіи: nolumus leges Angliae mutari. Теорія историческаго прогресса должна призвать *къ совмѣстной* дѣятельности всѣ факторы національной жизни, распредѣляя между ними, на основаніи практическихъ соображеній, то, что̀ въ данную минуту можетъ быть предметомъ частной предпріимчивости, и то, что̀ нуждается въ содѣйствіи общественной власти. Съ этой точки зрѣнія совершенно справедливы слова одного изъ замѣчательныхъ мыслителей Франціи— Бюше [1]). „Когда правительства, говоритъ онъ, убѣдятся, что прогрессъ есть законъ общества, что во всѣ времена силу правительства составляли услуги, оказанныя въ необходимомъ или логическомъ порядкѣ прогрессивности, ни одно изъ нихъ не предпочтетъ безплодный и опасный путь сопротивленія направленію прогрессивному, полезному для него самого и для человѣчества“.

XII.

Насилія и безпомощность раціонализма. Заключеніе.

Итакъ, наука можетъ имѣть извѣстный положительный взглядъ на государство и разрѣшить удовлетворительно разныя сомнѣнія относительно разрушенія и уничтоженія этой формы общежитія.

Законы образованія и развитія человѣческихъ породъ, языковъ и религій; физическія и географическія особенности страны; особенности экономическаго строя извѣстнаго народа; вліяніе всѣхъ этихъ особенностей на развитіе народностей; естественное стремленіе каждой народности образовать свое государство; значеніе политической формы для обезпеченія внутренняго единства и внѣшней независимости народности — всѣ эти указанія естествознанія, филологіи, географіи, политической экономіи и исторіи могли бы дать достаточно матеріала для выясненія неизмѣнныхъ, какъ законъ природы, *основаній* бытія народности и ея политической формы.

Затѣмъ историческій методъ, ученіе о зависимости всѣхъ общественныхъ явленій отъ условій мѣста и времени, понятіе прогресса общественнаго, т.-е. постояннаго видоизмѣненія этихъ условій, необходимость разрѣшенія каждаго общаго вопроса не иначе, какъ съ точки зрѣнія опредѣленнаго историческаго *момента*, даютъ достаточно средствъ для отвѣта на вопросъ, можетъ ли *дѣятельность*

---

[1]) Buchez, *Traité de politique et de science sociale*, т. II, стр. 125.

государства быть опредѣлена, ограничена или видоизмѣнена извѣстными незыблемыми, безусловными границами.

Нужно замѣтить, что всѣ эти понятія иногда прокладываютъ себѣ дорогу и въ область политическаго раціонализма; отвлеченные мыслители иногда проговариваются реальными, историческими истинами.

Одна изъ такихъ истинъ недавно высказана извѣстнымъ государствовѣдомъ Блунчли. Въ своей послѣдней книгѣ: *Новое международное право* [1]) онъ разсуждаетъ объ основаніяхъ независимости государствъ во внутреннихъ дѣлахъ слѣдующимъ образомъ.

Ученіе о независимости государствъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ долгое время покоилось на чисто внѣшнемъ, юридическомъ основаніи—на понятіи верховенства и независимости *государственной власти*. Эта теорія династической легитимности была возведена въ международный принципъ трактатами вѣнскаго конгресса. Съ этой формальной, юридической точки зрѣнія всякія попытки къ дѣйствительной независимости народностей (попытки въ родѣ итальянскаго движенія 1859 г., въ родѣ современнаго движенія въ Австріи) разсматривались какъ революціонныя предпріятія. Отъ этого самый принципъ государственной независимости представлялся чѣмъ-то недоказаннымъ, а въ практическомъ своемъ примѣненіи онъ стѣснялъ народную жизнь.

Совершенно иначе былъ постановленъ вопросъ, когда основаніемъ права государства на независимость было признано другое высшее право каждой *народности* на самостоятельное развитіе и самоопредѣленіе (das Recht der nationalen Entwicklung und der Selbstbestimmung der Völker). „Это былъ великій успѣхъ въ правосознаніи, говоритъ онъ, когда наконецъ убѣдились, что народы суть живыя существа и что, соотвѣтственно этому, ихъ государственныя учрежденія, которыя, какъ организація и какъ бы тѣло народа, опредѣляютъ и обусловливаютъ его жизнь, должны принимать измѣненія, необходимыя для того, чтобы содѣйствовать и сопутствовать развитію этой жизни. *Чрезъ это само юридическое понятіе было одухотворено. Прежде оно было мертво и холодно. Теперь оно сдѣлалось полно жизни и теплоты*“.

Легко убѣдиться, что всѣ политическія понятія, къ которымъ мы часто относимся какъ къ „холоднымъ“ логическимъ формуламъ, сдѣлаются полны жизни, получатъ „душу живу“, когда наука станетъ на ту почву, на которой, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ историческихъ событій, поставлено понятіе о государственной независимости.

---

[1]) *Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten*, 1868 г., стр. 46 и слѣд.

Если многія противорѣчія и „отрицательныя" стремленія въ практической *жизни* государствъ могутъ быть устранены истинно національною и прогрессивною политикою государствъ, то завоеванія, дѣлаемыя въ умственной сферѣ разными „разрушительными" доктринами, могли бы быть остановлены научно-поставленною *идеею національнаго* и *прогрессивнаго* государства.

Даетъ ли современная наука эту идею современному обществу? Даетъ ли ее, въ большинствѣ случаевъ, современная практика? Могутъ ли онѣ дать ее при существующемъ методѣ изслѣдованія и воззрѣніи на государство?

Къ сожалѣнію, всѣ три вопроса должны быть разрѣшены отрицательно.

Существующій методъ не дозволяетъ видѣть истинныхъ основъ государственной формы, — основъ, опредѣляющихъ ея значеніе и принципъ ея прогрессивной дѣятельности среди національнаго общества. Скажемъ больше: государствовѣды обыкновенно отказываются наотрѣзъ отъ тѣхъ основаній государства, которыя могли бы дать имъ положительныя и историческія знанія; они ищутъ раціональныхъ, *юридическихъ основаній* государства.

Вотъ, напримѣръ, что́ говоритъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ общаго государственнаго права—учебникъ Цöпфля [1]).

„Часто, говоритъ онъ, смѣшивали и отождествляли вопросъ о *юридическомъ основаніи государства* (Rechtsgrund des Staates) съ вопросомъ о его *происхожденіи* (Entstehung)". Вопросъ о происхожденіи государства, говорится далѣе, есть вопросъ чисто историческій. Юридическіе пріемы не могутъ разрѣшить его. Но зато и историческое ученіе о происхожденіи государства не въ силахъ дать отвѣтъ на вопросъ объ основаніяхъ его существованія и власти надъ недѣлимымъ. Вопросъ этотъ, подлежащій „философской спекуляціи" (philosophische Speculation) [2]) формулируется, по словамъ Цöпфля, слѣдующимъ образомъ: „чѣмъ оправдывается (wodurch ist gerechtfertigt) бытіе (Dasein) государства и его господство надъ недѣлимымъ?" То же самое, только другими словами, говорятъ прочіе ученые.

„Какою общею разумною идеею можетъ быть оправдано существованіе государства и его господство надъ недѣлимымъ?", гово-

---

[1]) Zöpfl, *Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts*, т. I, стр. 58 и слѣд., по пятому изд. 1863 г.

[2]) Методъ спекулятивной (вѣрнѣе всего перевести *созерцательной*) философіи состоитъ въ объясненіи смысла и связи явленій чрезъ выясненіе ихъ отношенія къ общей идеѣ, найденной a priori. Всѣ частныя явленія должны быть *выведены* изъ этой идеи и объяснены ею.

ритъ Германъ Шульце въ своемъ введеніи въ общегерманское государственное право [1]).

„Понятія происхожденія и причины существованія государства, говоритъ другой, часто еще смѣшиваются; они различаются, однако, между собою тѣмъ, что понятіе причины (raison, ratio) есть *принципъ права, во имя котораго государство существуетъ*, и въ то же время *творческая сила* или *внутренній источникъ* происхожденія государства, тогда какъ различные способы проявленія этой силы въ исторіи составляютъ внѣшніе или историческіе источники происхожденія государства вообще или каждаго отдѣльнаго государства въ частности“ [2]).

„Дозволительно ли, съ юридической точки зрѣнія, существованіе государствъ?“ тоскливо допрашиваетъ Р. фонъ-Моль въ своей энциклопедіи государственныхъ наукъ [3]).

Уяснимъ себѣ прежде всего всю важность раздѣленія вопроса о происхожденіи государства отъ вопроса о его раціональномъ, юридическомъ основаніи.

Происхожденіе государства, какъ мы видѣли, зависитъ отъ множества причинъ и условій; разрѣшая этотъ вопросъ, мы имѣемъ дѣло съ законами образованія племенъ, языковъ, различныхъ культуръ, народностей, съ ихъ естественными стремленіями къ единству и независимости, съ разнообразными отношеніями, которыя нужно регулировать, со множествомъ интересовъ, нуждающихся въ удовлетвореніи, съ постоянною потребностью улучшать жизненныя условія или посредствомъ частной предпріимчивости, или посредствомъ дѣйствія власти.

Всѣ *эти* основанія общественныхъ связей, *эти* причины и условія происхожденія государства признаются *недостаточными* для объясненія его существованія. Всѣ они должны дать мѣсто rationes, выведеннымъ спекулятивно изъ идеи права или вообще изъ какой нибудь „идеи“.

На чемъ же основано убѣжденіе въ *недостаточности* такихъ, повидимому, прочныхъ основаній? Что обезпокоиваетъ раціональное государствовѣдѣніе?

Отвѣтъ налицо.

„Такъ какъ государство, говоритъ Цöпфль, въ качествѣ верхов-

---

[1]) Hermann Schulze, *Einleitung in das deutsche Staatsrecht*, Leipz., 1867, § 41, стр. 138 и слѣд.

[2]) Ahrens, *Cours de droit naturel ou de philosophie du droit*. T. II, § 105, стр. 314 и слѣд. *шестого* изданія.

[3]) R. v. Mohl, *Encyclopädie der Staatswissenschaften*. 1859 г.; § 13, стр. 56.

ной формы общежитія, ставитъ себя въ господственное отношеніе къ недѣлимому, то въ силу этого возникаетъ *противорѣчіе между государствомъ и личною свободою*; это *противорѣчіе* не могло не вызвать ряда изслѣдованій о юридическомъ основаніи, т.-е. о *юридически оправдывающемъ* основаніи этого господства государства и подчиненія недѣлимаго" [1]).

Нечего говорить о томъ, что, во-первыхъ, самое существованіе подобнаго „противорѣчія" въ государствѣ (мы говоримъ объ идеѣ національно-прогрессивнаго государства) можетъ быть доказано съ трудомъ, такъ какъ государственная форма и дѣятельность государствъ суть существенныя условія развитія свободы и всяческаго совершенствованія человѣка. Во-вторыхъ, что противорѣчіе, если бы оно существовало дѣйствительно, могло бы имѣть практическія послѣдствія только при томъ предположеніи, что самое *происхожденіе* государства зависѣло отъ дѣйствія личной воли и индивидуальныхъ силъ.

Но самые рѣшительные сторонники „юридическаго основанія" не рѣшаются объяснять происхожденіе государства чисто личными стремленіями, дѣйствіемъ индивидуальной воли. Они называютъ этотъ вопросъ *историческимъ*, т.-е. говорятъ, что происхожденіе государствъ зависитъ отъ цѣлаго ряда причинъ и условій, между которыми личная воля занимаетъ не особенно видное мѣсто.

Другими словами, они не рѣшаются примѣнить къ вопросу о происхожденіи государства того же метода, какъ и къ вопросу о его основаніяхъ. Они сурово порицаютъ, напримѣръ, теорію общественнаго договора, который видѣлъ причину происхожденія государства въ актѣ свободнаго соглашенія людей. И совершенно напрасно. Старые раціоналисты и метафизики, основавшіе теорію общественнаго договора, имѣли за собою одно несомнѣнное достоинство— единство метода. Признавъ личное сремленіе къ общежитію единственнымъ мотивомъ образованія общества и личную волю единственнымъ способомъ осуществленія этого стремленія, они примѣнили эти понятія единства и къ вопросу о „происхожденіи", и къ вопросу объ „основаніи". Общество возникло, по ихъ понятіямъ, вслѣдствіе договора, этотъ же договоръ былъ и основаніемъ государства и общества. Зато въ ихъ ученіи и не было никакихъ „противорѣчій", по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ, логическихъ.

Новѣйшая теорія предоставляетъ вопросъ о „происхожденіи" — исторіи; но къ вопросу объ основаніяхъ примѣняетъ прежній методъ, оставленный ей, въ сущности, теоріею договора. Она оправдываетъ этотъ пріемъ существованіемъ указаннаго выше „противо-

---

[1]) Цёпфль, назв. соч., тамъ же.

рѣчія“. Но легко замѣтить, что это противорѣчіе вытекаетъ не изъ существа общественныхъ отношеній, потому что иначе пришлось бы признать противорѣчіемъ необходимый историческій процессъ перехода низшихъ формъ общежитія въ высшую. Противорѣчіе возникло изъ качествъ и свойствъ *метода,* удержаннаго государствовѣдѣніемъ, несмотря на успѣхи прочихъ наукъ. Если мы говоримъ, что извѣстное явленіе имѣетъ „право на существованіе“ постольку, поскольку его основанія могутъ быть объяснены раціональнымъ путемъ,—мы невольно становимся въ *противорѣчіе* съ историческими, бытовыми основаніями явленія. Но, замѣтимъ это разъ навсегда, противорѣчіе это существуетъ между явленіемъ и *нами* или, лучше сказать, между явленіемъ и нашимъ методомъ изслѣдованія, но никакъ не въ существѣ явленія.

Конечно, это соображеніе ничего не говоритъ противъ того факта, что въ каждомъ явленіи, въ особенности частномъ, бываютъ *внутреннія* противорѣчія. Они раскрываются или вслѣдствіе того, что извѣстное явленіе утратило свою жизненную силу, разлагается, готово перейти въ другую форму, или вслѣдствіе того, что оно не ладитъ уже съ общимъ строемъ общественной жизни, въ прочихъ своихъ явленіяхъ ушедшей впередъ. Таково было положеніе крѣпостного права въ XIX ст., таково теперь положеніе палаты лордовъ въ Англіи. Но такія противорѣчія усматриваются и изслѣдуются не иначе, какъ при помощи историческихъ средствъ, т.-е. въ отношеніи извѣстнаго явленія ко всему строю общества и ко всѣмъ частнымъ его явленіямъ.

Понятно также, что исторія говоритъ о противорѣчіяхъ, раскрывающихся и уничтожающихся въ процессѣ народнаго развитія; слѣдовательно, она не имѣетъ дѣла съ противорѣчіями безусловными, „принципіальными“, но съ противорѣчіями *относительными.* Рыцарство не было противорѣчіемъ въ эпоху крестовыхъ походовъ; но оно противорѣчило складу того общества, для котораго Сервантесъ написалъ своего Донъ-Кихота.

Напротивъ, Цöпфль, Моль, Аренсъ и т. д. выводятъ необходимость теоріи „юридическаго основанія“ изъ предположенія противорѣчія принципіальнаго, вѣчнаго и безусловнаго—между абсолютною идеею личности и абсолютною же идеею государства. Конечно, и личность, и государство, какъ явленія живыя, дѣйствующія вмѣстѣ и другъ для друга, не породили его. Оно явилось вслѣдствіе того, что метафизическая философія, въ свое время и подъ вліяніемъ историческихъ условій (о которыхъ было сказано въ своемъ мѣстѣ), отвлекла и возвела въ абсолютъ *идею* личности и *идею* государства, а вслѣдъ затѣмъ противоположила ихъ другъ другу.

Но конечнымъ результатомъ такого противоположенія должно быть все-таки примиреніе, соглашеніе. Несмотря на противорѣчіе, государство должно быть дедуцировано, построено на прочныхъ основаніяхъ. Къ этой цѣли одинаково стремятся всѣ государствовѣды. Остается узнать, насколько пригодны ихъ способы для достиженія такой важной цѣли.

Прежде всего необходимо остановиться на свойствахъ этого способа.

Новѣйшая теорія ищетъ разумной причины бытія государства,—*идеи*, которая оправдывала бы его существованіе.

Какъ можетъ быть найдена эта идея, въ какомъ порядкѣ общественныхъ явленій скрывается она? Рядъ историческихъ явленій, *предшествовавшихъ* установленію государственной формы, рядъ условій, вліявшихъ на постепенное установленіе общественныхъ связей, на прогрессивное движеніе общества отъ одной формы къ другой, признается недостаточнымъ для объясненія государственной идеи. Поэтому ее должно искать въ ряду явленій, *слѣдовавшихъ* за установленіемъ государственной формы,—въ явленіяхъ, которыя могутъ считаться результатомъ государственной дѣятельности. Другими словами: мы должны искать идеи государства не въ условіяхъ и причинахъ его *образованія*, но въ *цѣляхъ* его послѣдующей дѣятельности. Бытіе государства должно быть оправдано его *цѣлью*.

Дѣйствительно, къ этому выводу приходитъ огромное большинство современныхъ государствовѣдовъ.

Они одинаково отвергаютъ естественно-историческую теорію государства, хотя несовершенно развитую въ ученіи, напримѣръ, Аристотеля. Съ точки зрѣнія этой теоріи, государство существуетъ такъ же необходимо, какъ и всѣ его элементы,—оно есть форма бытія осѣдлой народности. „Этимъ способомъ, говоритъ Цöпфль, вопросъ о юридическомъ основаніи государства совершенно заканчивается и разрѣшается; государство при этомъ не нуждается ни въ какомъ дальнѣйшемъ оправданіи; но основаніе его бытія лежитъ въ самомъ этомъ бытіи, какъ необходимый фактъ. Государство, подобно всякому недѣлимому, можетъ сказать: sum, quia sum—„есмь, потому что есмь". Теорія эта, говорится далѣе, достаточна лишь настолько, насколько она видитъ въ государствѣ проявленіе извѣстной идеи, чрезъ которую объясняются и естественно-историческіе факты.

Точно такъ же отвергаются разныя теоріи, недостаточныя для современныхъ государственныхъ формъ, но вѣрно указывающія на принципъ его первобытныхъ формъ,—напримѣръ, теоріи патріархальную, патримоніальную и т. д.

„Государство, говоритъ Шульце [1]), оправдывается его разумною

[1]) Назв. соч., стр. 166.

идеею, его *цѣлью*". Моль [1]), задавши вопросъ о „дозволительности" существованія государства, отвѣчаетъ на него утвердительно, такъ какъ, говоритъ онъ, человѣкъ только въ государствѣ можетъ обезпечить различныя сферы своей жизни и осуществить свои цѣли. Еще рѣзче высказывается тотъ же Цöпфль: „государственная цѣль, говоритъ онъ, есть разумная идея, осуществляемая чрезъ существованіе государства, и она, именно потому, что составляетъ нравственную сущность послѣдняго, является по отношенію къ членамъ государства какъ практическое требованіе разума". И дальше: „государственная цѣль есть не что иное, какъ существо самого государства" [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о цѣли государства занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ политической философіи, но далеко не то, какое думаютъ дать ему названные ученые.

Вопросъ о цѣли государства есть вопросъ о томъ, какія условія общежитія должны быть обезпечены и интересы общества осуществлены принудительною дѣятельностью государства? Это есть вопросъ о распредѣленіи разныхъ задачъ между данными и опредѣленными силами — частною предпріимчивостью и государственною властью. Ученіе о государственныхъ цѣляхъ имѣетъ въ виду выяснить общіе принципы *дѣятельности* государства, начала *управленія*, но не имѣетъ никакого отношенія къ причинамъ *бытія* государства.

Напротивъ, государствовѣды отождествляютъ вопросъ о государственныхъ цѣляхъ съ вопросомъ о причинахъ *бытія* государства. Ученіе о цѣляхъ дѣлается средствомъ объясненія и „оправданія" существованія государственной формы. Въ этомъ видѣ вопросъ о „цѣляхъ" занимаетъ неподобающее ему мѣсто въ наукѣ и приводитъ къ извращенію всѣхъ понятій о государствѣ.

Методъ объясненія бытія вещей ихъ цѣлью, въ настоящее время составляющій печальную особенность государственныхъ наукъ, въ прежнее время былъ усвоенъ почти всѣми отраслями знаній. Прежнія науки отличались вообще *телеологическимъ* характеромъ, т.-е. разсматривали каждое явленіе въ отношеніи къ его цѣли, выходя изъ той гипотезы, что все мірозданіе организовано по извѣстному предвзятому раціональному плану, сущность котораго можетъ быть выяснена изъ общихъ началъ разума. Самое понятіе цѣли, съ телеологической точки зрѣнія, вытекало не изъ *внутреннихъ* условій развитія и существованія предмета, но изъ понятія идеи, лежащей какъ бы *внѣ* его, но организующей внѣшнее соотношеніе предметовъ. Такимъ

---

1) Назв. соч., тамъ же.
2) Стр. 41 и прим. 1.

образомъ, прежнія науки имѣли дѣло съ понятіемъ *внѣшнихъ цѣлей*, данныхъ предметамъ и объясняющихъ причину ихъ существованія.

Разумѣется, этотъ взглядъ былъ развитъ больше всего въ эпоху схоластической философіи, въ періодъ теологическаго міросозерцанія. Но и послѣ упадка этой философіи теорія внѣшнихъ раціональныхъ цѣлей долгое время господствовала въ умахъ людей. Она опровергалась по частямъ, по мѣрѣ открытія положительныхъ *законовъ* мірозданія и міровой жизни. Такъ, до открытія положительныхъ законовъ всемірнаго тяготѣнія, законовъ центробѣжной и центростремительной силы, астрономы доказывали, что орбиты планетъ должны имѣть круглую форму, на томъ основаніи, что кругъ есть наиболѣе совершенная линія, а Богъ не могъ создать ничего несовершеннаго. Такъ, возвышеніе воды въ насосахъ, при образованіи безвоздушнаго пространства, объясняли тѣмъ, что природа боится пустоты. Не говоримъ уже о болѣе грубыхъ понятіяхъ, вытекавшихъ изъ этого общаго воззрѣнія: какъ, въ силу этихъ понятій. солнце существуетъ для того, чтобы освѣщать землю, какъ „вся еже есть сущаго“ сотворено на потребу человѣка, какъ волосы покрываютъ нашу голову для того, чтобы грѣть ее, какъ самъ человѣкъ существуетъ для того, чтобы осуществить высшія цѣли своего „призванія“.

Но даже въ тѣ времена теорія внѣшнихъ цѣлей на доходила до крайнихъ своихъ послѣдствій. Конечно, самый рѣшительный телеологъ, объяснявшій существованіе солнца необходимостью освѣщать землю, не рѣшился бы утверждать, что, если бы было доказано, что цѣль освѣщенія и нагрѣванія земли можетъ быть достигнута другими средствами, солнце прекратило бы свое существованіе.

Только въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ телеологическіе пріемы достигли крайняго своего развитія и по очень понятной причинѣ. Внѣшній, предметный міръ состоитъ изъ явленій, бытіе которыхъ не зависитъ отъ человѣческой воли. Телеологія считала возможнымъ объяснить причину ихъ бытія чрезъ объясненіе ихъ цѣли. Но, во всякомъ случаѣ, она относилась къ ихъ бытію какъ къ *данному*, существующему независимо отъ человѣческой воли.

Напротивъ, область политическихъ и нравственныхъ явленій признавалась чѣмъ-то вполнѣ зависящимъ отъ человѣческой воли. Бытіе ихъ, какъ полагали (и полагаютъ), можетъ быть объяснено не только ихъ цѣлью вообще, но и актомъ человѣческой воли, создавшей это явленіе, въ виду опредѣленной цѣли.

Это различіе между физическими и нравственными науками, упорно держащееся до настоящаго времени, есть главная причина того, что телеологическое воззрѣніе сохранило свое господство въ политикѣ. Между тѣмъ это различіе не имѣетъ никакого основанія.

Во-первыхъ, человѣческая воля и дѣятельность имѣютъ свое значеніе и въ предметномъ мірѣ. Если бы мы могли предположить противное, то экономистамъ пришлось бы исключить изъ своей науки весь отдѣлъ о *производствѣ*, который разсуждаетъ о томъ, какъ человѣческій трудъ видоизмѣняетъ форму матеріи и творитъ цѣнности. Ученіе о производствѣ справедливо различаетъ два факта: существованіе извѣстныхъ элементовъ матеріи, которыхъ бытіе не зависитъ отъ воли и дѣятельности человѣка, и, во-вторыхъ, извѣстную комбинацію этихъ элементовъ, посредствомъ которой производитель, знающій законы природы, видоизмѣняетъ форму матеріи и дѣлаетъ ее способною къ потребленію. Мы не можемъ ни создать, ни уничтожить ни одного атома матеріи, но можемъ видоизмѣнять ея форму согласно нашимъ потребностямъ, и то не иначе, какъ на основаніи неизмѣнныхъ законовъ природы.

То же самое должно сказать и о явленіяхъ нравственнаго и политическаго міра. Если мы не рѣшимся исходить изъ понятія абсолютной, метафизической свободы воли (на что́ врядъ ли можно рѣшиться при современномъ успѣхѣ знаній), то мы должны будемъ признать, что человѣческая воля и дѣятельность такъ же относится къ міру нравственному и политическому, какъ и къ „предметному". Міръ этотъ, какъ было указано выше, слагается изъ элементовъ, бытіе которыхъ не зависитъ отъ человѣческой воли. Мы не можемъ уничтожить ни одного атома нравственной и политической природы человѣка, ни одного изъ существенныхъ ея элементовъ: ни племенныхъ различій, ни особенностей языка, ни естественныхъ стремленій народности къ независимости и единству, ни общаго требованія государственности. Человѣческая воля имѣетъ значеніе только въ дѣлѣ комбинаціи этихъ элементовъ и видоизмѣненія ихъ формы, но и при этомъ она должна принимать въ разсчетъ естественные законы, по которымъ развиваются человѣческія общества, иначе всѣ усилія ея будутъ безуспѣшны и безплодны.

Съ этой точки зрѣнія понятно, насколько бытіе явленій нравственнаго и политическаго міра можетъ быть объясняемо ихъ цѣлью. Теорія цѣлей и цѣлесообразности непримѣнима къ отдѣльному человѣку и къ цѣлому обществу.

Относительно отдѣльнаго человѣка никто не рѣшится теперь сказать, что онъ существуетъ для осуществленія разныхъ цѣлей: каждый убѣжденъ, что вся совокупность человѣческихъ цѣлей возникаетъ изъ факта существованія человѣка, изъ условій его сохраненія и развитія. Sum, quia sum. Понятіе цѣлей не есть здѣсь нѣчто первоначальное, но по существу своему производное.

Общество со всѣми его элементами возникаетъ не изъ извѣстныхъ

цѣлей, а всѣ цѣли его возникаютъ изъ условій его существованія и развитія: sum, quia sum. Не цѣль объясняетъ бытіе общества, а цѣли общественныя объясняются его существованіемъ; не общество основано на своей цѣли, а какъ разъ наоборотъ.

Телеологическое объясненіе бытія явленій, съ научной точки зрѣнія и просто съ точки зрѣнія здраваго смысла, всегда отличалось двумя признаками: *недостаточностью* и *неубѣдительностью*.

Нечего удивляться, что и доказательства необходимости государства, представленныя политическою философіею, отличаются тѣми же признаками; они всѣмъ кажутся недостаточными и никого не убѣждаютъ.

Какимъ образомъ бытіе государства можетъ быть выведено изъ понятія о его цѣли? Это прежде всего зависитъ отъ того содержанія, которое мы дадимъ понятію цѣли.

Содержаніе государственной цѣли прежде всего опредѣляютъ идеею *права*, составляющаго, какъ говорятъ, самую безспорную и спеціальную задачу государства, его „внутреннее существо". Насколько эта идея можетъ объяснить бытіе государства?

Право, въ самомъ общемъ своемъ опредѣленіи, есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ извѣстныя человѣческія отношенія. Разсматриваемое съ точки зрѣнія личныхъ отношеній, оно подходитъ подъ опредѣленіе Канта, въ силу котораго право есть совокупность условій, при которыхъ свобода одного совмѣщается съ свободою другого, по всеобщему закону свободы. Въ сферѣ публичной право проводитъ границу между государственною властью и частною свободою. Словомъ, вездѣ и во всякомъ случаѣ право даетъ извѣстную *форму* человѣческому общежитію, человѣческимъ отношеніямъ; оно опредѣляетъ условія существованія различныхъ элементовъ политическаго общества. Но даетъ ли оно *бытіе* этимъ отношеніямъ и элементамъ? Право опредѣляетъ, въ какомъ отношеніи государство должно находиться къ подчиненнымъ организмамъ, но имъ ли создано государство и эти организмы? Другими словами: возможно ли опредѣляемое *содержаніе* выводить изъ опредѣляющей его формы?

На этотъ вопросъ очень хорошо отвѣчаетъ одинъ изъ замѣчательныхъ критиковъ современныхъ воззрѣній на государство, К. Францъ.

„Право, говоритъ онъ, не имѣетъ въ себѣ ничего творческаго, *оно не порождаетъ никакихъ связей*, оно вездѣ предполагаетъ фактически существующія связи, на которыя оно дѣйствуетъ формирующимъ образомъ, слѣдовательно, регулятивно, но не учредительно. Ни бракъ, ни община не возникаютъ изъ права, точно такъ же и государство. Даже такіе чисто внѣшніе союзы, какъ, напримѣръ, акціонерная компанія, вызываются къ бытію не правомъ, но интересами участни-

ковъ —право даетъ только форму этому союзу"... „Здѣсь заблужденія договорной (т.-е. и раціональной) теоріи, продолжаетъ онъ, обнаруживаются еще въ новомъ свѣтѣ. Она хотѣла, въ самомъ дѣлѣ, вывести цѣлое государство изъ формы, откуда могли постоянно возникать только безсодержательныя формулы. Насколько распространено это ошибочное направленіе, видно даже теперь изъ разныхъ проектовъ конституцій, исходящихъ всегда изъ „всеобщей схемы". Подробности этой схемы развивались болѣе по *логическимъ* требованіямъ, нежели по дѣйствительнымъ потребностямъ, при чемъ всякое вниманіе къ даннымъ отношеніямъ обыкновенно исчезаетъ. Дѣло часто принимаетъ такой видъ, *какъ будто государство состоитъ изъ однихъ законовъ* и изъ этихъ законовъ должно возникнуть самое состояніе общества, т.-е. содержаніе изъ законовъ... Источникъ этого зла заключается въ ложномъ взглядѣ на право, въ представленіи, что оно имѣетъ творческую силу и въ особенности можетъ и должно основать государство, при чемъ дѣйствительно творческія силы, т.-е. физическіе и нравственные элементы, оставляются почти безо всякаго вниманія. Соотвѣтственно этому и *ученіе о государствѣ* разсматривалось только какъ *государственное право*, тогда какъ послѣднее есть отрасль науки о государствѣ, — отрасль, которая не можетъ существовать сама по себѣ, но неизбѣжно сдѣлается сухою вѣтвью, къ которой будетъ прикрѣплена, подобно паутинѣ, сѣть пустыхъ формулъ".

Итакъ, идея права не можетъ быть „внутреннимъ, живымъ существомъ" государства, ни историческою причиною, ни раціональнымъ основаніемъ его бытія. Чрезъ совокупность юридическихъ нормъ государственная жизнь получаетъ опредѣленную форму, всѣ отношенія дѣлаются прочными, право неприкосновеннымъ. Но неужели вопросомъ о „формѣ" исчерпывается все содержаніе великой общественной науки? Всякій трезвый умъ пожелаетъ еще изслѣдовать, что́ станетъ *дѣлать* политическое общество, получившее извѣстную форму?

Политическая наука слишкомъ долгое время останавливалась на вопросѣ о государственномъ *устройствѣ*, насколько послѣднее зависитъ отъ юридическихъ нормъ. Вопросъ этотъ въ свое время (до французской революціи) былъ такъ важенъ, и юридическія гарантіи до такой степени были необходимы для его разрѣшенія, что умъ философовъ и публицистовъ, направленный въ сторону, увидѣлъ въ „правѣ" альфу и омегу государственной жизни, внутреннюю сущность и конечную цѣль государства.

Но XIX ст. начало утомляться спорами объ „устройствѣ"; оно выдвинуло на первый планъ вопросъ о государственномъ *дѣйствіи*. Этотъ вопросъ уже не могъ быть разрѣшенъ юридическими форму-

лами. Тщетно юристы-государствовѣды доказывали, что люди соединились въ государство единственно для права, что право есть главное связующее начало общежитія, и государство призвано для его осуществленія. Страшное развитіе промышленности, раздоры между трудомъ и капиталомъ, рабочій вопросъ, банковое дѣло, желѣзныя дороги, народное образованіе, требованіе мѣръ общественной гигіены, обезпеченіе народнаго продовольствія, помощь бѣднымъ, тарифы, національный вопросъ, движенія въ Италіи, Австріи, Турціи и т. д — все это подсказывало, что *дѣйствіе* государства имѣетъ въ виду еще и другіе интересы, и что если оно замкнется въ строго юридическую сферу, оно сдѣлается безплодно, и самое государство не будетъ имѣть никакого резона продолжать свое существованіе.

XIX ст. потребовало отъ государства *дѣйствія*; оно же стремится поставить государство на національную почву, т.-е. здѣсь ищетъ смысла и право его существованія. Среди этого всеобщаго движенія, что говоритъ наука, взлелѣянная на „раціональныхъ формулахъ"? Она, вмѣстѣ съ партіею раціональныхъ индивидуалистовъ, призываетъ *къ порядку*. Когда оказывается, что ея Rechtsgrund никого не убѣждаетъ и всѣмъ кажется недостаточнымъ, когда среди шумныхъ требованій жизни, безпрерывной передѣлки карты Европы, движенія новыхъ экономическихъ силъ, ея формулы о существѣ права оказываются недостаточными, и общество желаетъ видѣть въ государствѣ нѣчто другое, чѣмъ простую страховую компанію—Brandkasse (какъ выражался о государствѣ извѣстный Шлецеръ),—она поворачиваетъ на него пушки... настоящія пушки, заряженныя картечью, усовершенствованныя докторомъ Круппомъ.

Вездѣ раздаются крики о быстромъ распространеніи разрушительныхъ теорій; лѣтосчисленіе этихъ пагубныхъ явленій ведется съ „нечестивца" Прудона, провозгласившаго анархію.

Но припомнимъ факты. Противъ какого государства возстаетъ Прудонъ, напримѣръ, въ своей *Системѣ экономическихъ противорѣчій*? Слова его слишкомъ ясны: онъ имѣетъ въ виду именно эту пустую „форму", хотя „одухотворенную" идеею права, но которая призвана къ „бездѣйствію и охраненію". Указавъ на глубокіе, жгучіе вопросы современной жизни, отъ разрѣшенія которыхъ государство систематически устраняется, онъ продолжаетъ:

„Жалкіе актеры парламентскихъ трагедій, вотъ что вы такое—талисманы противъ будущаго! Каждый годъ приноситъ вамъ жалобы народа, и когда васъ спрашиваютъ о средствахъ противъ зла, ваша мудрость закрываетъ себѣ лицо... Вся ваша энергія стоитъ за неподвижность, вся ваша добродѣтель улетучивается въ пожеланіяхъ! Подобно фарисею, вы, вмѣсто того, чтобы кормить вашего отца, мо-

литесь за него! Я говорю вамъ, мы обладаемъ секретомъ вашего назначенія: вы существуете для того, чтобы мѣшать жить. Nolite ergo imperare, ступайте прочь!..

„Но мы, сознающіе назначеніе власти съ другой точки зрѣнія; мы, желающіе, чтобы *спеціальною задачею* правительства было *извѣдываніе будущаго, исканіе прогресса*, доставленіе всѣмъ свободы, равенства, здоровья и благосостоянія, будемъ мужественно продолжать нашу критическую задачу“.

Противъ какого государства направлены эти слова? Какую государственную идею преслѣдуетъ великій отрицатель?

Идею государства, построенную на отвлеченныхъ логическихъ формулахъ, въ силу которой государство есть не что иное, какъ внѣшнее проявленіе права, система гарантій.

Эта идея была выработана въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ стараго порядка и была весьма пригодна для обновленія государственнаго *устройства* на началахъ свободы.

Но она оказалась непригодною для практической *дѣятельности* государства; она, въ моментъ своего господства, направляла правительственныя силы на поддержаніе порядковъ, неладившихъ съ новыми требованіями жизни.

Абсолютная въ своемъ существѣ, она стояла въ противорѣчіи и враждѣ съ идеею прогресса, т.-е. съ постояннымъ видоизмѣненіемъ общественныхъ условій.

Что́ вышло изъ этого—понять не трудно.

Раціонализмъ заранѣе освятилъ возможность вывода, что если разумъ не „оправдаетъ“ существованіе государства — оно должно прекратить свое существованіе. Раціональное объясненіе „основаній государства“, придуманное въ прежнее время, оказалось несостоятельнымъ, неубѣдительнымъ и даже невозможнымъ въ виду насущныхъ и законныхъ вопросовъ общественной жизни.

Стало быть, явленіе, не имѣющее основанія, должно быть отвергнуто, какъ ненужный остатокъ прежняго времени.

Гдѣ же средство остановить подобное движеніе? Государство, превратившееся въ метафизическую формулу и приноровленное исключительно къ интересамъ „порядка“,—что́ можетъ оно отвѣчать на вызовъ?

Мы слышали нѣсколько такихъ отвѣтовъ. Іюньская рѣзня на улицахъ Парижа, осадное положеніе, государственный переворотъ 2 декабря 1851 г., наполеоновская имперія съ „порядкомъ“ внутри и внѣшними войнами—вотъ лучшіе образчики этихъ отвѣтовъ. Что́ такое былъ Наполеонъ III, какъ не призванный и коронованный порядокъ, послѣднее „доказательство“ метафизическаго принципа, провозглашеннаго индивидуализмомъ?

Въ 1869 г. большого скандала надѣлала рѣчь Наполеона III въ законодательномъ корпусѣ, когда парламентскія привилегіи были расширены и составилось „либеральное" министерство Оливье. Въ этой рѣчи говорилось, что во Франціи чрезвычайно трудно примирить *порядокъ* и *свободу*; императоръ убѣждалъ парламентъ водворить свободу и бралъ отвѣтственность за порядокъ на себя.

Либералы, подготовившіе превращеніе абсолютной имперіи въ имперію парламентарную, сильно издѣвались надъ этимъ противоположеніемъ порядка и свободы — вещей, идущихъ рука объ руку, обезпечивающихъ другъ друга. Но событія показали, что они смѣялись надъ своими собственными теоріями.

Противополагая порядокъ и свободу, императоръ, очевидно, хотѣлъ сказать, что тотъ государственный идеалъ, который таится въ душѣ каждаго француза, смотрящаго на государство съ точки зрѣнія „началъ 1789 г." [1]), можетъ быть, въ данную минуту, поддержанъ именно тѣми мѣрами, которыя употребляла имперія въ теченіи 20 лѣтъ. Свобода должна повести къ требованію другого государственнаго идеала. События оправдали это предчувствіе, и преемникамъ Наполеона пришлось взяться за его же дѣло, т.-е. за порядокъ. Долго ли онъ продержится, это трудно сказать. Но во всякомъ случаѣ, мѣры версальскаго правительства только отсрочили рѣшеніе вопроса, который *для государства* формулируется слѣдующимъ образомъ:

Должно ли государство идти навстрѣчу новымъ требованіямъ и условіямъ общества, стать во главѣ всякаго движенія, руководить имъ въ видахъ общаго блага, словомъ, расширить свою идею практическими требованіями историческаго развитія, расти вмѣстѣ съ обществомъ; или оно должно замкнуться въ кругъ прежнихъ логическихъ формулъ, отставать съ каждымъ годомъ отъ общественнаго движенія, стать не во главѣ общества, а позади его, при чемъ послѣднее будетъ развиваться въ ущербъ ему, во вредъ самому себѣ?

Каждый, кто удовлетворительно разрѣшитъ этотъ вопросъ, будь это Орлеанъ, Бурбонъ, новый Бонапартъ, республика „единая и нераздѣльная", республика федеральная, заслужитъ вѣчную благодарность Франціи и всего человѣчества.

Приведемъ еще другой примѣръ насилія раціонализма, и мы можемъ заключить этотъ отдѣлъ нашего труда.

Отвлеченная и строго юридическая формула государства оказывается несостоятельною и лишенною основанія предъ другимъ вели-

---

[1]) 2-я статья этой декларацiи говоритъ, что *цѣль* политическаго союза состоитъ въ *охраненіи* естественныхъ и прирожденныхъ правъ человѣка. Мы видѣли выше, къ какимъ выводамъ приводитъ эта идея.

кимъ движеніемъ современной исторіи—движеніемъ національнымъ. До начала этого движенія въ XIX ст., немногія европейскія государства были построены на живыхъ началахъ народности и, чтó всего замѣчательнѣе, именно эти государства достигли раньше другихъ высокой степени культуры и добились вліянія на ходъ всемірной исторіи. Таковы Франція, Англія, Голландія и нѣкоторыя другія. Прочія государства слагались путемъ чисто искусственнымъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ естественнымъ ростомъ народности и превращеніемъ ея въ государство. Трактатъ, отдача въ приданое, удачная война, завѣщаніе, обыкновенно рѣшали вопросъ о томъ, кому долженъ принадлежать тотъ или другой народъ. Составить государство, подобное Австріи, изъ обломковъ Италіи, Германіи, славянскихъ земель, венгерскаго королевства, ничего не значило въ тѣ времена, когда народы разсматривались какъ часть поземельной собственности, которою можно было распоряжаться вмѣстѣ съ ея „плодами". Съ возрожденіемъ чувства національной независимости этотъ порядокъ вещей оказался несостоятельнымъ. Раздробленная Италія, отданная въ распоряженіе десятка не-національныхъ династій, Германія, не вышедшая изъ своего феодальнаго раздробленія, разноплеменныя австрійскія народности, племена порабощенныя Турціею обнаружили вновь (на долго задержанное) стремленіе къ единству и независимости, стремленіе основать свое государство.

Движеніе это встрѣтило ли дѣйствительную, *научную* опору въ раціонально-юридической теоріи государства? Встрѣтило ли оно въ ней союзницу, которая могла бы помочь ему чѣмъ-нибудь большимъ, кромѣ общихъ соображеній о свободѣ человѣка и народа?

Такой поддержки не оказалось и быть не могло; напротивъ, національное движеніе встрѣтило извѣстную вражду именно въ этой теоріи.

Кантъ очень хорошо опредѣлилъ, чтó такое государство съ отвлеченной точки зрѣнія: „Государство (civitas), говоритъ онъ, есть соединеніе массы людей подъ господствомъ юридическихъ законовъ" [1]). Слѣдовательно, „юридическіе законы" суть единственное связующее начало этой „массы людей", и она можетъ набираться изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ. Существованіе такого государства, какъ Австрія, вполнѣ оправдывается съ этой точки зрѣнія, и всякое посягательство на ея цѣлость будетъ преступленіемъ противъ юридическаго закона. Абстрактная теорія государства сходилась въ своихъ основаніяхъ съ тѣмъ практическимъ легитимизмомъ, который на вѣнскомъ еще конгрессѣ занимался передѣломъ народовъ, соединяя подъ одинъ „юридическій законъ" самыя разнообразныя народности.

---

[1]) *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*, § 45.

Только уже въ XIX ст., послѣ великихъ войнъ за народную независимость отъ господства французскаго „юридическаго закона“ (можетъ быть и очень хорошаго), государственная теорія должна была уступить историческому движенію. Съ великимъ множествомъ оговорокъ было признано, что народность есть натуральная основа государства.

Въ этомъ отношеніи между собою сходятся всѣ почти мыслители и ученые, знаменитые и не-знаменитые. Этому успѣху общественныя науки обязаны отчасти великимъ историческимъ событіямъ начала XIX ст., отчасти усиліямъ *исторической школы*. Такъ Савиньи, въ своей *Системѣ нын. рим. права*, говоритъ (довольно фигурально), что „государство есть тѣлесный образъ духовной общности народа“. Шталь [1]) выражается яснѣе и опредѣленнѣе. „Человѣчество, говоритъ онъ, въ цѣломъ не имѣетъ ни общности, ни замкнутости естественныхъ потребностей, ни единства и индивидуальности нравственнаго сознанія. Поэтому, государство не есть призваніе (Beruf) цѣлаго человѣчества, которое не предназначено къ всемірному государству, но призваніе народа. Государство должно соотвѣтствовать каждому народу въ качествѣ устроителя и носителя его жизни“. Новые писатели еще энергичнѣе выражаютъ мысль, что народъ есть натуральная основа государства.

Но не трудно замѣтить, что вся эта теорія есть какъ бы посторонній элементъ въ общемъ ученіи о государствѣ. Сама историческая школа, оказавшая такія услуги политико-юридическимъ наукамъ, не вполнѣ покончила съ исканіемъ отвлеченной идеи государства. Народность разсматривалась ею, какъ совокупность условій, среди которыхъ *осуществляется* государственная *идея*. Что касается современныхъ трактатовъ, то весьма трудно сказать, къ чему послужило для нихъ принятое ими положеніе исторической школы. Если народность есть *основа* государства, то къ чему же искать еще другихъ основаній бытія государства, къ чему „оправдывать“ его существованіе предъ извѣстною идеею? Почему не выяснить его основаній изъ общихъ научныхъ законовъ образованія и развитія народностей, потому что здѣсь только можетъ быть найдена истинная „идея“ и животворящій принципъ государства? Другими словами, почему въ основу теоріи государства не положена теорія народности?

Что отношеніе „раціональной“ теоріи государства къ принципу народности не совсѣмъ искренно, можно видѣть изъ множества примѣровъ. Блунчли, тотъ самый ученый, который такъ хорошо говоритъ объ „одухотвореніи“ принципа невмѣшательства началомъ

---

[1]) *Philos. des Rechts.*

народности, въ своемъ *Общемъ государственномъ правѣ* (*Allgemeines Staatsrecht*), признавая значеніе народности для государства, создаетъ, однако, теорію *всемірнаго*, общечеловѣческаго государства. Онъ требуетъ подобной формы на томъ основаніи, что идея человѣка для осуществленія своего нуждается въ болѣе широкихъ формахъ общенія, чѣмъ національное государство, и самая идея государства есть идея не національная только, а общечеловѣческая. Что́ общаго между этимъ методомъ и методомъ историческимъ, который неизбѣжно приводитъ къ теоріи національнаго государства?

Далѣе, вездѣ замѣтно стремленіе какъ нибудь примирить государственную форму, основанную единственно на общности „юридическаго закона", съ естественно-историческимъ понятіемъ народности. Этой цѣли думаютъ удовлетворить тонкимъ различіемъ между понятіями нація (Nation) и народъ (Volk), или естественною народностью (Naturvolk) и народностью государственною (Staatsvolk).

Естественная народность можетъ быть разбита между нѣсколькими государствами (Германія до послѣдняго времени), или отдѣльныя части разныхъ естественныхъ народностей могутъ составлять одно государство (славяне, нѣмцы, венгерцы и до послѣдняго времени итальянцы входятъ въ составъ Австріи). Если рѣчь идетъ о *фактѣ*, въ такомъ случаѣ это различіе разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія. Но для научной теоріи этого успокоительнаго различія недостаточно.

Германія не удовлетворилась тѣмъ, что она, какъ Naturvolk, была разбита на нѣсколько Staatsvolk'овъ. Она все стремилась слить это понятіе въ одно живое цѣлое и почти достигла цѣли.

Какое утѣшеніе народностямъ Австріи, „моимъ народамъ", какъ выражаются Габсбурги, что они не существуютъ, какъ Naturvolk, но представляютъ огромный Staatsvolk?

Одно изъ двухъ—или государство имѣетъ свое основаніе въ народности, и въ такомъ случаѣ система искусственныхъ политическихъ клѣтокъ противорѣчитъ истинному, жизненному началу государства, почему карта Европы должна преобразоваться и преображается сообразно стремленію каждой народности къ единству и независимости.

Или государство имѣетъ свое основаніе въ отвлеченной и безнаціональной юридической цѣли, а потому система искусственныхъ политическихъ сочетаній должна быть поддерживаема, естественныя стремленія народовъ должно разсматривать какъ „разрушительныя" теоріи и подавлять силою.

Здѣсь нѣтъ выбора ни для теоріи, ни для практики. Пока теорія будетъ видѣть основаніе государства въ чемъ-либо иномъ, кромѣ естественно-историческихъ условій народности,—она будетъ поддер-

живать практику, насильственно замыкающую и комбинирующую разныя народности въ искусственныя политическія тѣла. Мало того, она не найдетъ истиннаго принципа государственности, не опредѣлитъ условій жизненности и нормальнаго развитія государства.

Но вѣдь существуютъ же государства, не построенныя на этомъ началѣ? Да, но отсутствіе этого принципа есть главная причина ихъ вѣчной *болѣзни*. Австрія обладаетъ хорошею и очень образованною администраціею, либеральною конституціею, доставляетъ подданнымъ правосудіе, обезпечиваетъ ихъ свободу и собственность,—словомъ, обладаетъ всѣмъ, чѣмъ должно обладать хорошее государство по его „внутреннему существу и идеѣ". Почему же оно готово развалиться каждую минуту? Почему „мои народы" употребляютъ свободу слова для распространенія идей, противныхъ единству столь просвѣщеннаго государства? Не потому ли, что всѣ они чувствуютъ, въ какой степени они „не дома", не въ *своемъ* государствѣ, и что ихъ государство далеко не здѣсь?

И вотъ просвѣщенное государство должно поддерживать свое существованіе или конституціональными уловками, или арміею, т. е. или *обманомъ*, или *насиліемъ*.

Такимъ образомъ, современная государственная теорія предъ всѣми великими движеніями вѣка оказывается безсильною и безпомощною, а руководимая ею практика должна прибѣгать къ насилію или къ обману. Нормально ли такое положеніе вещей—пусть рѣшитъ каждый безпристрастный читатель [1]).

---

[1]) См. Приложеніе I. *Ред.*

ВОЗРОЖДЕНІЕ ГЕРМАНІИ

и

ФИХТЕ СТАРШІЙ [1]).

Лекція I.

Въ 1862 году германское общество шумно праздновало столѣтній юбилей рожденія Фихте Старшаго. Немногіе изъ знаменитыхъ философовъ этой страны удостоились такой чести. Германія, конечно, не забыла ихъ. Въ обширномъ умственномъ капиталѣ своемъ, благодарное общество умѣетъ открыть вклады, принадлежащіе его великимъ мыслителямъ. Почему же именно Фихте вызвалъ такое одушевленное сочувствіе? Потому ли, что его философская система стоитъ выше другихъ? — Далеко нѣтъ. Философія Фихте, даже въ свое время, не имѣла такого всеобъемлющаго значенія, какое прежде него имѣлъ Кантъ, а послѣ Гегель. Въ свое время, система Фихте была однимъ изъ возможныхъ способовъ разрѣшенія задачъ, поставленныхъ критической философіей Канта. Она совпадаетъ со временемъ плодотворнаго, но переходнаго движенія философской мысли; субъективный идеализмъ Фихте—переходная ступень къ всеобъемлющимъ системамъ спекулятивной философіи: объективному идеализму Шеллинга и абсолютному идеализму Гегеля.

Смѣло можно сказать, что если бы Фихте оставилъ Германіи только свою философію, его имя стояло бы, въ общественномъ сознаніи, немногимъ выше именъ Рейнгольда или Якоби. Но въ дѣятельности Фихте была другая сторона, которая даетъ его личности необыкновенное обаяніе въ глазахъ не только германца, но и вся-

---

[1]) Публичныя лекціи, читанныя въ мартѣ 1871 года въ С.-Петербургѣ.

каго, кому дороги человѣческіе интересы. Въ отношеніи къ созерцательной, философской способности, онъ уступалъ Канту и Гегелю; но онъ превосходилъ ихъ стремленіемъ перевести философскія понятія въ жизнь, стремленіемъ обновить дряхлѣвшее общество посредствомъ воспитанія его, къ новой, духовной жизни. Фихте не какъ философъ, но какъ проповѣдникъ философіи, какъ народный учитель, ораторъ навсегда останется въ памяти политической Германіи. Эта сторона дѣятельности Фихте пріобрѣтаетъ особенную важность, если мы вспомнимъ, на какую цѣль она была направлена. Воспитаніе народа къ новой духовной жизни, въ глазахъ Фихте, было средствомъ подвинуть впередъ національное дѣло Германіи, сначала освободить ее отъ ига чужеземцевъ, а затѣмъ сдѣлать изъ нея могущественный органъ исторической жизни человѣчества.

Слѣдовательно, воспоминаніе о Фихте, въ глазахъ германскаго общества, неразрывно связано съ исторіей національнаго вопроса, которому онъ далъ такой могущественный толчокъ. Эта сторона дѣятельности Фихте будетъ предметомъ моихъ чтеній.

На первый разъ можетъ показаться страннымъ, почему русскій публицистъ обращаетъ вниманіе русскаго общества на трибуна чуждой и, во многихъ отношеніяхъ, враждебной намъ народности; еще страннѣе покажется то обстоятельство, что я предполагаю, посредствомъ этихъ чтеній, вызвать горячее сочувствіе къ человѣку, усилія котораго, повидимому, содѣйствовали образованію державы, вызывающей нѣкоторыя опасенія со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ. Конечно, служеніе цѣлямъ своего отечества — дѣло почтенное; хорошіе патріоты однѣхъ странъ всегда могутъ служить полезнымъ примѣромъ для другихъ, Но дѣлать изъ этихъ примѣровъ предметъ чтеній — значитъ впадать въ ненужный дидактическій тонъ, всегда непріятный образованному обществу.

Но мы обращаемся къ памяти Фихте вовсе не съ цѣлью нравоученія на примѣрахъ. Патріотическая дѣятельность Фихте не состояла только въ актахъ самопожертвованія въ пользу отечества; онъ вызывалъ общественное уваженіе и удивленіе не одними свойствами своего характера—мужествомъ, твердостью и честностью. Всѣ акты его воли и свойства его души были отданы на служеніе высшей философской идеѣ; онъ умѣлъ оставаться философомъ при разрѣшеніи самыхъ жгучихъ, практическихъ вопросовъ тогдашней политики. Не уступая въ достоинствѣ патріотическихъ актовъ лучшимъ изъ своихъ современниковъ, онъ съумѣлъ возвести вопросъ о національности на степень вопроса философскаго, слѣдовательно, общечеловѣческаго, сдѣлать изъ понятія національности принципъ *философіи исторіи*. Въ этомъ заключаются его права на вниманіе про-

священныхъ патріотовъ всѣхъ странъ и народовъ. Мы должны нѣсколько пояснить нашу мысль.

Вопросъ о національности, въ своей грубой, не-философской формѣ, представляется вопросомъ объ узкой исключительности національной жизни, исключающей всякое международное общеніе. Въ большинствѣ случаевъ, эта изолированность народа опирается на понятіе о превосходствѣ одной народности надъ другою. Если такой народъ выходитъ изъ своей изолированности, то исключительно съ цѣлью всемірнаго преобладанія, на которое онъ, какъ „призванная“ народность, имѣетъ право. Исчезновеніе, поглощеніе другихъ народностей—конечная цѣль такого взгляда; презрѣніе „призванной“ народности къ „непризваннымъ“—естественная форма ихъ отношеній. Военное могущество—единственное средство осуществить такую національную цѣль. Эти первобытные элементы національнаго вопроса не утратили своего значенія и въ настоящее время, въ самомъ отечествѣ Фихте. Мы слышимъ о томъ, что славянскій міръ осужденъ на вѣчное прозябаніе, что латинская раса отжила свой вѣкъ, что единственное спасеніе европейскаго материка заключается въ безусловномъ подчиненіи диктатурѣ „призванной“ расы.

Понятно, что такая постановка вопроса не имѣетъ никакого философскаго основанія. Во имя чего ни провозглашалось бы поглощеніе и порабощеніе народностей, — во имя ли племенныхъ достоинствъ порабощающей расы, или во имя ея высшей цивилизаціи,— въ основѣ дѣла будетъ лежать грубое физическое насиліе, смерть народностей, этихъ живыхъ организмовъ человѣческаго рода. Средства будутъ соотвѣтствовать основанію. Идеи грубаго преобладанія выражаются въ формѣ внѣшняго, политическаго могущества. Другими словами, національныя задачи сводятся къ задачамъ политическаго преобладанія, основаннаго на военной силѣ.

Философія исторіи видитъ въ національномъ вопросѣ нѣчто другое. Для философіи народность есть живая, коллективная личность, отличающаяся отъ другихъ особенностями своего характера, своихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей, а потому имѣющая право на независимое существованіе и развитіе. Это разнообразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода *общечеловѣческой* цивилизаціи. Каждый народъ, какъ бы ни были велики его способности и богаты его матеріальныя средства, можетъ осуществить только одну изъ сторонъ человѣческой жизни вообще. Лишить человѣчество его разнообразныхъ органовъ—значитъ лишить его возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа. Теорія „призванныхъ“ народностей построена на понятіи единства и исключительности цивилизаціи; ея идеалъ —

всемірное государство, наполненное „общечеловѣками“, скроенными по образцу преобладающей расы. Философская теорія народностей не допускаетъ такого однообразія цивилизаціи: подобно тому, какъ въ государствѣ она видитъ не союзъ отвлеченныхъ гражданъ, а массы живыхъ и разнообразныхъ личностей, такъ и человѣчество, въ ея глазахъ, слагается изъ совокупности коллективныхъ и разнообразныхъ личностей. Наука не отвергаетъ понятія общечеловѣческой цивилизаціи, въ томъ смыслѣ, что важнѣйшіе результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждаго народа становятся достояніемъ всѣхъ другихъ. Но философія исторіи, неопровержимыми данными, доказываетъ, что каждый изъ этихъ результатовъ могъ быть добытъ только на почвѣ національной исторіи, что статуи Фидія и философія Платона были греческимъ созданіемъ, что римское право есть продуктъ римской исторіи, конституція Англіи есть ея національное достояніе. Это не мѣшаетъ имъ имѣть общечеловѣческое значеніе, вліять на развитіе искусства, философіи и политики, воплощать въ себѣ ту или другую сторону духовной природы человѣка, въ данную эпоху ея развитія.

Философія исторіи призываетъ всѣ народности къ жизни, къ дѣятельности, одинаково удаленной и отъ замкнутаго отчужденія и отъ слѣпого подражанія. Она призываетъ каждое племя дать человѣчеству то, что скрыто въ силахъ его духовно нравственной природы. Народное *творчество* — вотъ послѣдняя цѣль, указываемая наукой каждому племени, — цѣль, безъ которой не можетъ быть достигнуто совершенство рода человѣческаго. Убить творческую силу народа — все равно, что убить силу личной предпріимчивости въ недѣлимомъ. Подчиненіе всѣхъ расъ одной всеспасающей цивилизаціи „призваннаго“ народа такъ же пагубно дѣйствуетъ на международную жизнь, какъ всеспасающая административная централизація на внутреннюю жизнь страны.

Изъ этого понятно, гдѣ философія національности ищетъ условій для осуществленія своего принципа. Національная цѣль не можетъ быть достигнута посредствомъ внѣшняго, физическаго преобладанія одной народности надъ другими. Если бы народъ завоевалъ всю вселенную, то и тогда онъ не прибавилъ бы ни одного слова къ общему достоянію цивилизаціи. Работой надъ собою, развитіемъ своихъ особенностей и способностей, воспитаніемъ къ сознательной, духовной жизни—только этимъ путемъ народъ можетъ занять прочное мѣсто въ исторіи цивилизаціи. Такимъ образомъ, вопросъ съ почвы *политической* сводится на почву *культурную, общественную*. Затѣмъ въ жизни народовъ внѣшняя и внутренняя свобода является такимъ же условіемъ творчества, какъ и въ жизни недѣлимаго. Эта свобода

можетъ быть нарушена въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, физическое насиліе, рабство для отдѣльнаго лица, завоеваніе для народа—или совершенно убиваетъ въ немъ энергію, или задерживаетъ въ немъ творческую силу на неопредѣленное время. Во-вторыхъ, плѣненіе духовное, наложенное на себя самимъ народомъ, въ виду такъ называемой высшей цивилизаціи, лишаетъ его всякой самостоятельности и обрекаетъ на пассивное *подражаніе* — эту смерть всякаго творчества. Неподкупный голосъ общественнаго мнѣнія не поставитъ высоко компилятора или переводчика, хотя бы очень талантливаго. Не долженъ ли каждый патріотъ заботиться о томъ, чтобъ его собственное отечество не оставалось на степени компилятора и переводчика чужихъ идей? Чужіе образцы и идеи — хорошее воспитательное средство, но они не должны убивать творческой силы, духовной самостоятельности человѣка, ихъ изучающаго. *Взять, что можно, отъ другихъ, на правахъ свободнаго обмѣна, сохраняя полную свою самостоятельность,* — *вотъ условіе народнаго существованія.*

Фихте, обращаясь къ своему народу, первый выяснилъ эти коренныя условія всякой національной жизни, а потому его выводы имѣютъ общечеловѣческое, научное значеніе настолько же, насколько общечеловѣчны выводы раціональной философіи XVIII ст., выяснившей права человѣческой личности. Мы обращаемся къ Фихте, какъ къ одному изъ представителей общечеловѣческаго движенія, начавшагося въ первой четверти XIX вѣка и извѣстнаго подъ именемъ *національнаго* движенія. Понять систему Фихте — значитъ уяснить себѣ, въ извѣстной степени, философскія основанія и смыслъ этого движенія.

Прежде всего мы постараемся дать нѣкоторое понятіе о личности философа. Фихте родился въ тотъ годъ, когда Руссо издалъ свой знаменитый трактатъ *Объ общественномъ договорѣ* (*Du contrat social*), въ 1762 г. Слѣдовательно, его юношескіе годы прошли подъ могущественнымъ вліяніемъ раціональной философіи, достигшей полнаго своего торжества. Особенно велико было это торжество въ Германіи. Франція уже пережила вѣкъ *системъ* философіи, періодъ исканія общихъ началъ и догматическаго построенія теорій. Руссо, умершій въ 1778 году, когда Фихте было 16 лѣтъ, былъ послѣднимъ изъ французскихъ „философовъ“ въ тѣсномъ смыслѣ. На смѣну философамъ пришли люди дѣйствія,—сначала Тюрго съ своими реформами, а послѣ Мирабо, Дантонъ и Робеспьеръ съ революціей. Сама наука сдѣлалась непосредственною руководительницею политической жизни. Теоріи „Духа законовъ“ и „Общественнаго договора“ вдохновляли ораторовъ національнаго собранія, клубовъ и площадей. На-

противъ, въ Германіи критическій раціонализмъ Канта еще творилъ систему новой логики, систему нравственной и политической философіи. Общіе вопросы о предметѣ и средствахъ познанія, о свободѣ воли, объ источникѣ нравственнаго закона и т. д. занимали германское общество XVIII ст. такъ же, какъ французское въ XVII, во времена Декарта и Малебранша. Созерцательное отношеніе къ жизни было естественнымъ послѣдствіемъ этого направленія. Въ эпоху ожесточенныхъ войнъ, когда старая „священная" имперія германцевъ рушилась подъ ударами Наполеона, Шеллингъ создавалъ свою систему *объективнаго* идеализма, а въ 1812 году Гегель печаталъ свою логику. Это явленіе имѣло свою грандіозную сторону. Въ основаніи его лежали глубокая вѣра въ человѣческій разумъ и убѣжденіе, что философіи суждено обновить міръ. „Духъ," говорилъ Гегель, „уже обнаружилъ свое могущество, такъ что въ настоящее время прочны однѣ идеи и то, что согласуется съ идеями, и только то имѣетъ цѣнность, что̀ можетъ оправдать себя предъ умомъ и предъ мыслью". Міръ управляется идеями. Но философія есть наука, изслѣдующая идеи во всей ихъ чистотѣ и отвлеченности; она есть наука объ идеяхъ попреимущетву. Кому же, какъ не ей, принадлежитъ руководящая роль въ дѣлѣ обновленія человѣчества?

Это воззрѣніе на призваніе философіи раздѣлялось всѣми мыслителями. Но ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ въ себѣ призванія лично, непосредственно влiять на жизнь, переводить идеи въ бытіе. Мыслители, подобные Гегелю, полагали, что идея, выясненная философіею, сама по себѣ, безъ внѣшняго посредства овладѣетъ всеобщимъ сознаніемъ и отсюда перейдетъ въ жизнь. Поэтому непосредственное участіе во внѣшнихъ событіяхъ казалось имъ недостойнымъ призванія философа. Что̀ такое внѣшнее событіе, какъ не случайный фактъ, нерѣдко нарушающій свободное развитіе мысли? Какъ отнесся Гегель къ событіямъ, наполняющимъ эпоху борьбы Германіи съ Наполеономъ? Эти событія, въ которыхъ современное общество видитъ зародышъ будущаго величія Германіи, разсматривались имъ какъ нѣчто *задержавшее* на время возможность истинной жизни, жизни философской. Вотъ что̀ говорилъ онъ въ 1818 г.: „Борьба, имѣвшая цѣлью возстановить и спасти государство и политическую цѣлость народной жизни, *овладѣвала* всѣми способностями духа, силами всѣхъ состояній, а также и внѣшними средствами, такъ что внутренняя жизнь духа не могла найти должнаго спокойствія. Но, продолжаетъ онъ, такъ какъ въ настоящее время *поставлена преграда этому потоку дѣйствительности...*, то наступило время, когда, вмѣстѣ съ порядкомъ въ дѣйствительномъ мірѣ, можетъ расцвѣсти въ государствѣ свободное царство мысли".

Правда, и Шеллингъ и Гегель отдали въ свое время дань „потоку дѣйствительности". Оба они были студентами въ Тюбингенѣ, когда вспыхнула французская революція. Разсказываютъ, что оба они восторгались ея началами и однажды въ воскресенье, вмѣстѣ съ Шиллеромъ, отправились за городъ и посадили на какомъ-то лугу „дерево свободы". Но этимъ, кажется, и ограничилось ихъ личное участіе во внѣшнихъ событіяхъ.

Напротивъ, Фихте весь отдался этимъ событіямъ. „Я не рожденъ быть цеховымъ ученымъ, говорилъ онъ самъ про себя; я не могу просто думать,—я хочу дѣйствовать". И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ *дѣйствующихъ лицъ* въ исторіи обновленія Германіи. Потомство поставило его рядомъ съ Штейномъ, Шарнгорстомъ и другими практическими государственными людьми того времени. Онъ продолжалъ дѣйствовать, хотя его всячески устраняли отъ вмѣшательства во внѣшнія событія, которыя, по воззрѣніямъ того времени, подлежали всецѣло вѣдомству оффиціальныхъ лицъ.

Но оффиціальныя лица какъ будто не видѣли, что ихъ практическая дѣятельность не можетъ замѣнить въ національномъ движеніи того, что́ вносилъ въ него Фихте. Въ то время, какъ они организовали матеріальныя силы для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, Фихте проповѣдывалъ идею національности, выяснялъ историческія и философскія основанія началъ народности въ цивилизаціи. Они не видѣли, что Фихте не хотѣлъ похитить у нихъ ни военной, ни финансовой, ни законодательной власти, но что онъ хотѣлъ только воспользоваться своимъ правомъ философа дѣйствовать на человѣческія убѣжденія и содѣйствовать возвышенію національнаго чувства. Онъ хотѣлъ сдѣлать *свое* дѣло, котораго не могла сдѣлать ни одна оффиціальная власть,—внести общую, руководящую идею въ массу внѣшнихъ событій.

Другими словами, онъ, участвуя въ „потокѣ дѣйствительности", оставался *философомъ*. Но онъ иначе понималъ отношеніе философа къ жизни, чѣмъ современные ему мыслители. Философъ, по его мнѣнію, долженъ былъ принимать непосредственное участіе въ созиданіи внѣшнихъ фактовъ. Онъ долженъ вліять на человѣческое творчество, на проявленіе духа во внѣшнемъ мірѣ. Какимъ же образомъ философъ можетъ участвовать въ дѣйствительной жизни?

Всѣ философы вѣрили въ воспитательное и образовательное значеніе философіи. Всѣ вѣрили въ силу разума и могущество идей. Но всѣ они видѣли соотношеніе „науки идей" только къ мыслящей части человѣческаго духа. Философія, полагали они, дѣйствуетъ на человѣка тѣмъ, что даетъ ему ясныя представленія о справедливомъ

и въ критическомъ ея періодѣ, основана на одномъ общемъ понятіи, что человѣческій разумъ есть принципъ познанія и источникъ истины. Свободный и самостоятельный духъ человѣка знаетъ прежде всего только самого себя. Наше мышленіе есть для насъ первое достовѣрное; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно есть мѣрило достовѣрности и истинности всего существующаго внѣ насъ. Поэтому первое естественное отношеніе личности къ предметному міру есть отношеніе отрицательное: оно формулировано Декартомъ слѣдующимъ образомъ: мы ничего не знаемъ достовѣрно и во всемъ сомнѣваемся—de omnibus dubito. Мы первоначально знаемъ только о своемъ собственномъ бытіи, въ которомъ убѣждаетъ насъ наше сознаніе, или, лучше сказать, фактъ мышленія. На этомъ основаніи, Декартъ сказалъ: cogito—ergo sum. Отсюда — два послѣдствія: во-первыхъ, законы внѣшняго міра могутъ быть познаны только чрезъ посредство логическихъ формъ субъективнаго мышленія, во-вторыхъ, необходимость каждаго явленія можетъ быть признана только тогда, когда оно согласно съ законами разума. Человѣкъ, при посредствѣ своего разума, можетъ познать сущность вещей и общую причину явленій. Этого познанія онъ достигаетъ слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, онъ находитъ въ предметномъ мірѣ первое данное, которое имѣетъ для него значеніе аксіомы. Это данное, бытіе котораго не зависитъ отъ чего-нибудь другого, которое существуетъ совершенно самостоятельно, есть причина и сущность міра — его *субстанція*. Затѣмъ мышленіе открываетъ свойства или аттрибуты этой субстанціи, которые въ проявленіи своемъ даютъ внѣшній міръ, міръ производныхъ явленій. Такъ созидается философская система міра. Для такого философа важенъ только одинъ вопросъ: что́ онъ долженъ признать за *субстанцію*? Но разъ субстанція дана, разумъ безъ затрудненія выведетъ изъ ея аттрибутовъ всю систему вселенной, и притомъ систему какъ физическаго, такъ и нравственнаго міра. Этимъ характеризуется періодъ *догматической* философіи.

Легко замѣтить, что эти философскія системы оставляли неразрѣшеннымъ одинъ существенный вопросъ — вопросъ о размѣрѣ способностей познающаго разума, слѣдовательно о возможности познанія сущности вещей, открытія ихъ субстанціи. Разумъ есть принципъ и средство познанія,—очень хорошо. Но какъ велики его силы, *что́ онъ можетъ знать*?

Этотъ вопросъ поставилъ себѣ Кантъ; онъ постарался опредѣлить средства этого всеобщаго орудія познанія и началъ собою періодъ *критической* философіи. Извѣстно, до какихъ результатовъ дошелъ онъ. Прежде всего былъ разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи познавательныхъ средствъ разума къ міру явленій, міру чувственному.

Здѣсь Кантъ даетъ отвѣтъ категорическій. Мы не можемъ познать сущности вещей, вещей въ самихъ себѣ: мы познаемъ только ихъ явленія (phaenomena). Внѣшнія, опытныя явленія даютъ внѣшній толчокъ нашей познавательной способности, сообщаютъ ей весь матеріалъ, которымъ она овладѣваетъ при помощи прирожденныхъ категорій разума. Другими словами, мы познаемъ только внѣшнюю сторону явленій. Познавая лишь внѣшнюю (опытную) сторону явленій, разумъ не можетъ возвыситься до теоретическаго познанія началъ, лежащихъ внѣ опыта. Поэтому бытіе и сущность такихъ понятій, какъ Богъ, свобода и безсмертіе. не подлежатъ теоретическому познанію, потому что они не могутъ быть предметомъ теоретическаго доказательства, какъ понятія сверхъопытныя, выходящія изъ міра явленій.

Между тѣмъ эти понятія недоступныя теоретическому разуму, имѣютъ весьма большое значеніе для разума практическаго, т.-е. для *воли*. Міръ нравственныхъ явленій, т.-е. *дѣяній*, создается человѣческою волею; а возможно ли говорить о системѣ нравственныхъ дѣяній безъ понятія, наприм., свободы, которая одна можетъ дать человѣческому дѣйствію нравственный характеръ? Вслѣдствіе этого, Кантъ ввелъ эти сверхъопытныя понятія въ свое ученіе о нравственности. Онъ призналъ ихъ необходимыми послѣдствіями понятія воли или, какъ онъ выражался, постулатами практическаго разума. Для каждаго индивидуальнаго разума эти понятія имѣютъ значеніе *врожденныхъ* понятій, понятій, присущихъ каждому сознанію. Они лежатъ въ основаніи всей нравственной дѣятельности человѣка. Послѣдствія кантовской философіи понятны. Строго говоря, ее нельзя назвать *системою* философіи—для этого ей недоставало одного общаго *принципа*. Человѣкъ, какъ теоретическій разумъ, не знаетъ сущности видимыхъ предметовъ: теоретическій разумъ состоитъ изъ совокупности прирожденныхъ *категорій*, съ помощью которыхъ онъ систематизируетъ явленія видимаго міра. Онъ можетъ понять соотношеніе и причинную связь *явленій*, но не знаетъ причины и сущности самихъ *предметовъ*, порождающихъ эти явленія; слѣдовательно, онъ не видитъ общаго принципа міра физическаго. Какъ разумъ *практическій*, какъ воля, человѣкъ дѣйствуетъ согласно извѣстнымъ сверхъопытнымъ представленіямъ. Они ему врождены, но онъ не знаетъ ихъ причины. Другими словами, нѣтъ общаго принципа и въ мірѣ нравственномъ. Сознательно дѣйствующая личность можетъ дать себѣ отчетъ, по какому нравственному *закону* она дѣйствовала въ данномъ случаѣ, но не можетъ отвѣтить, на чемъ основанъ самый *законъ*. Наконецъ, вся духовная дѣятельность человѣка сводится на одинъ актъ—актъ познанія или закона физическаго, или закона нравственнаго. Разъ законъ познанъ, онъ требуетъ себѣ безусловнаго повино-

венія. Слѣдовательно, надъ всею философіей Канта царило понятіе *логической необходимости.* Понятно, что специально въ отношеніи нравственной философіи эта философія не разрѣшала и коренного вопроса о человѣческой *свободѣ.* Теоретическій разумъ, съ своими прирожденными категоріями и императивами, царилъ надъ человѣческимъ духомъ, который признавался свободнымъ только въ актѣ *познанія,* но не въ *практическомъ дѣяніи.*

Фихте первый постарался дать практическое разрѣшеніе вопросамъ, поставленнымъ критическою философіей Канта, не сходя съ общей почвы критицизма. Фихте принялъ и общее положеніе догматической философіи, что наше мышленіе есть для насъ первая достовѣрность, и положеніе критической философіи, что мы не знаемъ вещей самихъ въ себѣ. Но что́ же изъ этого слѣдуетъ? Должна ли философія остаться безъ одного общаго начала? Изъ того, что мышленіе не можетъ открыть въ предметномъ мірѣ первоначальной субстанціи, слѣдуетъ ли, чтобы философія отказалась отъ своей коренной задачи — свести міръ явленій къ одному общему началу? Фихте, для разрѣшенія этого противорѣчія, рѣшился на чрезвычайно смѣлый шагъ. Онъ сказалъ себѣ: субъективный духъ не можетъ найти общей сущности въ мірѣ предметныхъ явленій; но это не потому, чтобы средства его были ограничены, а потому, что предметный міръ *не имѣетъ реальнаго бытія.* Что́ мы имѣемъ прежде всего отъ предметнаго міра?—Извѣстную совокупность *представленій.* Я вижу домъ. Это означаетъ прежде всего, что *я* имѣю представленіе объ этомъ домѣ. Слѣдовательно, первая достовѣрность для меня есть представленіе о домѣ, — и не только первая, но и послѣдняя. Я знаю только представленія — и больше ничего. Другими словами: я знаю міръ только въ моихъ представленіяхъ,—они одни имѣютъ для меня реальное бытіе. Но какимъ образомъ создаются эти представленія?.. Кантъ говорилъ, что первый источникъ представленій есть внѣшній, опытный міръ; основа каждаго представленія есть чувственное воспріятіе ощущеній внѣшняго міра; субъективный разумъ только вноситъ въ нихъ форму — пространства и времени. Фихте отвергъ и это положеніе. Представленія во всемъ ихъ объемѣ составляются субъективнымъ духомъ; они суть продуктъ творчества нашего *я.* Такимъ образомъ, реальная причина единственно реальнаго міра, міра представленій, есть наше *я.* Вслѣдствіе этого, въ ученіи Фихте *я* какъ бы замѣняетъ прежнюю субстанцію. Оно является для него не только высшимъ принципомъ и орудіемъ познанія, но и *творческою* силою, первою основою реальнаго бытія. Поэтому философія Фихте получила названіе системы субъективнаго идеализма.

Приложеніе этого начала къ системѣ нравственной философіи

понятно. Прирожденные императивы практическаго разума превращаются въ произведеніе субъективнаго мышленія. Человѣкъ не только подчиняется *сознаннымъ* имъ законамъ нравственности, но творитъ ихъ изъ своего субъективнаго мышленія. Поэтому, первое начало нравственной дѣятельности состоитъ въ согласіи внѣшнихъ дѣяній съ внутреннимъ существомъ субъективнаго *я*. Это согласіе осуществляется при посредствѣ полнаго освобожденія отъ всякихъ внѣшнихъ мотивовъ; человѣкъ побуждается къ дѣйствію не какимъ нибудь внѣшнимъ объектомъ, но самодѣятельностью духа, поставившаго себѣ извѣстный законъ. Это согласіе внѣшняго дѣйствія съ существомъ субъективнаго *я* приводитъ къ идеѣ *нравственной необходимости*, къ идеѣ *долга*, которая замѣняетъ прежнее понятіе логической необходимости. Такимъ образомъ, свобода дѣлается не только условіемъ нравственнаго характера дѣяній, но и, такъ сказать, существомъ творчества субъективнаго *я*.

Много можно возразить противъ системы Фихте; мы не будемъ дѣлать этого, потому что она скоро пережила себя. Но нельзя не замѣтить, что въ свое время она дала обществу очень много. Въ періодъ, когда ученіе о внѣшней субстанціи было разрушено, а коренные принципы нравственной жизни были объявлены бездоказательными положеніями, Фихте возвратилъ общественному міросозерцанію общее начало, указалъ ему на коренной принципъ нравственнаго порядка. Притомъ онъ внесъ въ философію удаленное изъ нея понятіе о *творчествѣ*, самодѣятельности, къ которой онъ призывалъ всякое мыслящее существо. Онъ далъ ученію о свободѣ болѣе широкое и плодотворное основаніе. Провозглашая принципъ свободы, онъ думалъ вызвать посредствомъ него творческія силы общества. Кантъ призывалъ къ разумѣнію существующихъ *неизмѣнныхъ* началъ нравственнаго порядка. Фихте призывалъ субъективное мышленіе къ новому и постоянному *творчеству*, къ созиданію „новой земли и новаго неба". Призывая субъективное мышленіе къ творчеству, онъ обращался не къ теоретическому разуму, съ его неизмѣнными категоріями, а къ волѣ съ ея свободой. Поэтому, направленіе его философіи было попреимуществу *преобразовательное*. Онъ требовалъ новыхъ условій жизни, указывалъ на новыя цѣли. Эти условія относились, главнымъ образомъ, къ возможности болѣе широкаго и плодотворнаго проявленія творчества. Но условія творчества заключаются въ развитіи силы субъективнаго мышленія, ставящаго законы нравственному міру, и въ крѣпости воли, готовой къ исполненію сознаннаго долга. И то и другое можетъ быть достигнуто посредствомъ *воспитанія*; отсюда его стремленіе пересоздать общественное воспитаніе, въ которомъ онъ видѣлъ главное условіе національнаго воз-

рожденія. Указывая обществу новыя задачи, онъ не требовалъ отъ него возвращенія къ идеальному, *естественному* порядку, выясненному изъ неизмѣнныхъ началъ разума, какъ это дѣлали Руссо и прежніе представители естественной философіи. Фихте не стоялъ на такой неисторической точкѣ зрѣнія. Признавая субъективное творчество принципомъ нравственной жизни, онъ предусматривалъ возможность внесенія новыхъ началъ и идей во всемірную исторію и преобразованія общества на основаніи этихъ началъ, созданныхъ силою его творчества.

Таковъ, мм. гг., былъ человѣкъ, столкнувшійся въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ колоссальными событіями, сначала французской революціи, потомъ войнъ республики и имперіи. Нечего и говорить, что этотъ трибунъ свободы съ жаромъ привѣтствовалъ событія начала революціи. Онъ выразилъ дѣятельное сочувствіе революціи именно потому, что видѣлъ въ ней міровое событіе, долженствующее призвать къ творческой свободѣ все человѣчество. Онъ видѣлъ, какъ палъ старый порядокъ и какъ на мѣсто его возникъ новый, вышедшій изъ общественнаго сознанія. Онъ видѣлъ силу народнаго творчества въ появленіи французской конституціи, казавшейся всѣмъ послѣднимъ словомъ цивилизаціи. Сами предводители революціи, повидимому, убѣждали въ этомъ. На весь свѣтъ и для всего міра провозгласили они „права человѣка и гражданина“. Всему міру обѣщали они любовь и свободу. Фихте съ жаромъ взялся за дѣло революціи и написалъ свои знаменитыя „размышленія о французской революціи“, въ которыхъ онъ выяснялъ ея начала германской публикѣ и опровергалъ ея противниковъ.

Но свободная и миролюбивая республика, по своей или по чужой волѣ, сдѣлалась завоевательною республикой, а послѣ завоевательною имперіей. О свободѣ не было уже и рѣчи, какъ въ самой побѣдоносной имперіи, такъ и въ земляхъ, куда она несла свою цивилизацію. Въ тѣ времена идея свободы во Франціи играла такую же роль, какъ совѣсть въ нравственно падшемъ человѣкѣ. Подъ вліяніемъ такъ называемыхъ угрызеній совѣсти, человѣкъ нерѣдко бросается въ самыя эксцентрическія внѣшнія предпріятія, забывается во внѣшней жизни отъ противорѣчій жизни внутренней. Такъ и въ наполеоновской Франціи: общество и правительство забывались отъ угрызеній падшей свободы въ безпрерывныхъ войнахъ и думали вознаградить политическое банкротство военною славой.

Тяжко приходилось сосѣднимъ народамъ отъ этихъ идеаловъ всемірной монархіи. Но для дѣйствительныхъ патріотовъ были тяжки не одни матеріальныя бѣдствія ихъ родины. Въ наступательномъ движеніи Франціи они предвидѣли не только матеріальное порабо-

щеніе, которое можетъ быть еще свергнуто матеріальною же силой, но и плѣненіе духовное, грозившее надолго задержать самостоятельное развитіе народностей. Предупредить *этотъ* результатъ было труднѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ первый. Такія лица, какъ Фихте, не могли ограничиваться желаніемъ, чтобъ ихъ родина матеріально не сдѣлалась Франціею, то-есть сохранила бы свое правительство, свое войско, полицію, бюджетъ и т. д. Чтó было для него все это, если бы, подъ напоромъ французской силы, исчезла духовная Германія,—та Германія, о возрожденіи которой недавно заботился Лессингъ, для которой жили Шиллеръ и Кантъ? Чтó если бы германскій народъ, освободившись отъ французскихъ властей, преклонился передъ французскою цивилизаціей, остался бы на степени подражателя французскихъ учрежденій и убилъ бы въ себѣ всякое творчество? Стоило ли бы даже въ такомъ случаѣ думать о *матеріальномъ* освобожденіи Германіи? Народъ, не призванный ни къ какой самостоятельной исторической роли, съ большимъ удобствомъ можетъ подчиниться чужому владычеству. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ способенъ только управлять своею страной при помощи заимствованныхъ установленій, воспитывать своихъ дѣтей на чужихъ идеяхъ, перебирать чужія научныя системы, то для чего ему самостоятельность? Она можетъ быть даже вредна во многихъ отношеніяхъ. Народъ-подражатель не сумѣетъ примѣнить чуждыхъ установленій къ дѣлу такъ, какъ народъ изобрѣтатель; великолѣпное учрежденіе окажется негоднымъ въ непривычныхъ и неумѣлыхъ рукахъ. Не лучше ли просто подчиниться „высшей расѣ“ или, по крайней мѣрѣ, выписать побольше иностранцевъ для завѣдыванія всѣми этими мудреными вещами?

Но дѣйствительно ли германскій народъ призванъ къ самостоятельной жизни? Дѣйствительно ли освобожденіе его необходимо не только съ точки зрѣнія физическаго самосохраненія, но и въ интересахъ цивилизаціи, въ интересахъ всего человѣчества?

Фихте, вступая въ борьбу за свой народъ, долженъ былъ разрѣшить себѣ этотъ вопросъ. Настоятельность подобнаго разрѣшенія почти непонятна въ наше время, когда германская имперія стоитъ на верху могущества и славы. Но тогда вопросъ ставился иначе. Право Германіи въ ея борьбѣ съ Франціей опиралось, въ сознаніи образованнаго общества, едва ли не на одну необходимость физическаго самосохраненія. На сторонѣ Франціи была высшая цивилизація, послѣдніе результаты политической философіи, новый принципъ жизни, къ которому она взывала, разрушая „старую“ феодальную Европу. Обаяніе ея было такъ сильно, что нѣмецъ, естествоиспытатель Форстеръ сдалъ французамъ безъ боя крѣпость, ввѣренную его за-

щитѣ, на томъ основаніи, что предъ нимъ стояли люди „высшей цивилизаціи“. Нужно ли говорить о прочемъ обществѣ? Еще живы были люди, думавшіе по книгамъ Вольтера и учившіеся по „энциклопедіи“: если знатная часть этого общества ненавидѣла современную Францію, —Францію, вышедшую изъ революціи, то она съ любовью лелѣяла представителей старой Франціи—эмигрантовъ, училась у нихъ языку и манерамъ, вмѣстѣ съ ними мечтала о возстановленіи Бурбоновъ, дабы все во Франціи и Европѣ было попрежнему, дабы попрежнему Франція присылала имъ моды и книги. Другая часть обратилась къ революціонной Франціи, видѣла въ ней якорь спасенія, и если сражалась съ нею, то потому, что находила ея притязанія немного преувеличенными, какъ древніе католики ворчали на жадность папской куріи, старались платить поменьше, но все-таки лежали во прахѣ передъ святѣйшимъ отцомъ.

Нигдѣ не было вѣры въ себя; никто почти не понималъ, что рѣчь идетъ о спасеніи Германіи, какъ великой культурной силы, призванной сказать свое слово во всемірной исторіи.

Трудный путь предстоялъ Фихте. Ему нужно было уяснить себѣ и доказать другимъ, что французскій государственный строй и французскія идеи не суть послѣднее слово цивилизаціи; нужно было доказать, что Европа переживала переходную эпоху, за которою должна была начаться новая эра; что германскому народу суждено играть въ ней видную роль, и что этой націи выпали на долю новыя задачи, которыхъ не разрѣшила и не могла разрѣшить Франція.

Мы увидимъ ниже, какъ онъ выполнилъ свое дѣло. Онъ взялся за него съ безграничною вѣрою въ себя и въ силу своихъ убѣжденій. Онъ думалъ вызвать разумную, сознательную вѣру въ назначеніе германскаго народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не видѣть, что ему предстоитъ бороться съ большими препятствіями. Какъ вызвать эту разумную, мужественную вѣру въ обществѣ, указать ему на будущее величіе въ Германіи, въ тотъ самый моментъ, когда Берлинъ былъ занятъ французскими войсками, когда самъ Фихте читалъ подъ французскими штыками? Но онъ мирился и съ другимъ результатомъ. На случай, еслибъ ему не удалось привести общество къ сознательному убѣжденію въ историческомъ призваніи германцевъ, онъ мирился съ тою слѣпою, наивною вѣрою, которая вела ихъ предковъ на борьбу съ Римомъ. Если вы не хотите быть лучше вашихъ отцовъ, древнихъ обитателей лѣсовъ, то не сдѣлайтесь хуже ихъ, — казалось, говорилъ онъ своимъ современникамъ. Отнеситесь къ подавляющему вліянію Франціи такъ же мужественно, какъ они отнеслись къ вліянію Рима; а, вѣдь, они имѣли меньше васъ основанія вѣрить въ свое будущее.

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь отрывокъ изъ этого величаваго обращенія къ народному самосознанію, которое полезно имѣть въ виду, и членамъ другихъ народностей, какъ тѣмъ, кто укрѣпляетъ свое патріотическое сознаніе обращеніемъ къ исторіи, такъ и тѣмъ, кто обращается къ „предкамъ" съ чувствомъ дешеваго высокомѣрія.

„Въ силу вѣры въ вѣчную жизнь своего народа, наши общіе предки, родоначальники новой цивилизаціи, мужественно противостали распространявшемуся всемірному владычеству римлянъ. Не видѣли ли они передъ глазами высокое процвѣтаніе римскихъ провинцій, ихъ тонкія наслажденія, ихъ законы, курульскія кресла, а вдобавокъ — связки розогъ съ сѣкирами? Не были ли римляне готовы дозволить имъ принять участіе во всѣхъ этихъ благахъ? Не переживали ли они владычество многихъ своихъ собственныхъ князей, которые позволяли себя убѣждать, что война противъ такихъ благодѣтелей человѣчества есть бунтъ; не видѣли ли они доказательство прославленнаго милосердія римлянъ, которые украшали покорныхъ королевскими титулами, начальническими мѣстами въ ихъ войскахъ и римскими священными повязками, давали имъ убѣжище и содержаніе въ своихъ цвѣтущихъ городахъ, когда они были изгоняемы своими соотечественниками? Не понимали ли они преимущества римской цивилизаціи, напримѣръ, для лучшей организаціи римскаго войска, въ которомъ Арминій не пренебрегъ обучаться воинскому искусству? Ихъ нельзя упрекнуть въ подобномъ незнаніи и невниманіи. Ихъ потомки усвоивали себѣ римское образованіе, когда они могли сдѣлать это безъ ущерба своей свободѣ и потери своей самобытности. За что́ же сражались они, въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, въ кровавыхъ войнахъ, постоянно возобновлявшихся съ прежнею силой? Одинъ римскій писатель заставляетъ объяснить это одного изъ ихъ предводителей: „оставалось ли имъ что нибудь, какъ или отстоять свою *свободу*, или умереть прежде, чѣмъ они не сдѣлались рабами?" *Свобода* состояла для нихъ въ томъ, чтобъ остаться германцами, чтобы продолжать вести свои дѣла самостоятельно и своеобразно, согласно своему духу, чтобы согласно съ нимъ же двигать впередъ свое развитіе и передать ту же самостоятельность своему потомству. Рабствомъ называли они всѣ благодѣянія, принесенныя имъ римлянами, потому что, подъ вліяніемъ этихъ благодѣяній, они должны были сдѣлаться не германцами, а полуримлянами; понятно само собою, что они предположили, что каждый, прежде чѣмъ онъ сдѣлается полуримляниномъ, лучше умереть, и что каждый настоящій германецъ можетъ желать жить только для того,

чтобы быть и остаться германцемъ и образовать своихъ въ такихъ же германцевъ.

„Они не всѣ умерли, не видѣли рабства и оставили свободу своимъ дѣтямъ!... Ихъ упорному сопротивленію обязанъ весь міръ за то, что онъ существуетъ въ настоящемъ своемъ. Если бы римлянамъ удалось поработить ихъ и, какъ это они дѣлали вездѣ, уничтожить ихъ, какъ націю, то все дальнѣйшее развитіе человѣчества приняло бы другое направленіе, — надо полагать, неутѣшительное. Имъ обязаны мы, ближайшіе наслѣдники ихъ почвы, языка и духа, тѣмъ, что мы еще германцы, что насъ несетъ еще потокъ самородной и самостоятельной жизни; имъ обязаны мы всѣмъ, чѣмъ мы были, какъ нація, имъ будемъ мы обязаны всѣмъ, чѣмъ мы будемъ дальше, если только намъ не суждено погибнуть, и если послѣдняя капля унаслѣдованной отъ нихъ крови въ нашихъ жилахъ не будетъ завоевана. Имъ обязаны своимъ существованіемъ другіе народы, сдѣлавшіеся теперь чужестранными, наши братья по крови. Когда наши предки завоевали Римъ, ни одного изъ этихъ народовъ еще не было; тогда была завоевана и для нихъ возможность будущаго возникновенія“.

Лекція II.

Дѣятельность Фихте, какъ представителя національнаго движенія въ Германіи, была направлена къ эманципаціи германскаго самосознанія изъ-подъ чисто чужеземной цивилизаціи. Поэтому его цѣль, очевидно, отличалась отъ тѣхъ задачъ, которыя были предметомъ всѣхъ усилій оффиціальныхъ сферъ. Послѣднія имѣли въ виду главнымъ образомъ спасеніе германскихъ *государствъ* изъ-подъ чужеземнаго владычества. Фихте обращалъ свое вниманіе на германскій *народъ*, въ которомъ онъ хотѣлъ вызвать творческія силы для новой эпохи цивилизаціи. Оффиціальныя сферы въ стремленіяхъ своихъ были попреимуществу консервативны; ихъ мечта состояла въ возвращеніи къ statu quo ante bellum, къ тому времени, когда войны республики и имперіи не измѣняли еще политическаго строя Германіи, когда Наполеонъ не уменьшалъ на половину объема Пруссіи, не создавалъ вестфальскаго королевства для своего брата. Фихте требовалъ отъ своего народа движенія впередъ, не въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ территорій, не въ смыслѣ военной славы на чужой счетъ, но въ смыслѣ созданія новыхъ основъ для общественной и государственной жизни.

Нельзя не согласиться, что подобная идея была смѣлою и даже дерзкою новостью въ 1804 г., когда Фихте въ первый разъ высту-

пилъ съ своею общественною проповѣдью. Вы помните, мм. гг., что это было время гигантскихъ войнъ законнаго, стародавняго порядка противъ революціи, которой Наполеонъ считался законнымъ наслѣдникомъ и даже исчадіемъ. Всѣ думали, что коалиція европейскихъ державъ призвана возстановить старый порядокъ и побороть дерзкія, неслыханныя новости, зародившіяся на французской почвѣ. Въ борьбѣ за освобожденіе уже подготовлялась политика, извѣстная подъ именемъ реакціи, послѣднимъ выраженіемъ которой былъ священный союзъ.

И вотъ, при господствѣ такого воззрѣнія на „французскія идеи“, Фихте рѣшается объявить, что начала революціи суть только переходная ступень къ новымъ, высшимъ принципамъ жизни; что современная ему эпоха приготовляетъ другую, въ которой германскому народу суждено играть первенствующую роль. Сказать такую вещь тогда—значило навлечь на себя обвиненіе въ преувеличенномъ національномъ чувствѣ, въ узкомъ патріотизмѣ. Но Фихте не боялся подобныхъ обвиненій. Обращаясь любовно и повелительно къ своему народу, онъ говорилъ ему: ты хочешь жить самостоятельно, и я всею душою преданъ твоему дѣлу; но неужели эта самостоятельность нужна тебѣ для того, чтобъ или возвратиться къ старому порядку, который такъ или иначе поконченъ революціей, или переводить чужія учрежденія на національные нравы? Нѣтъ, исторія даетъ самостоятельность народу для выполненія великихъ задачъ, для внесенія новыхъ элементовъ въ цивилизацію,—иначе лучше отдать свою жизнь въ чужія руки...

Начиная такое дѣло, Фихте долженъ былъ работать много, не только надъ обществомъ, но и надъ собою. Мы видѣли, что онъ самъ долгое время вращался въ кругу французскихъ понятій объ обществѣ и государствѣ. Онъ усвоилъ себѣ и проповѣдывалъ въ своемъ *Естественномъ правѣ* (вышло въ 1796 г.) ту договорную теорію государствъ, начала которой категорически выражены въ декларации правъ человѣка и гражданина. Сообразно этому воззрѣнію, государство основывается людьми единственно съ цѣлью огражденія ихъ личной свободы. Такимъ образомъ, назначеніе государства исчерпывается отрицательными задачами *охраненія*, а всѣ его установленія сводятся къ суду и полиціи въ узкомъ смыслѣ слова. Эта теорія выработана прежними учителями естественнаго права и примѣнена къ дѣлу французскою буржуазіей. Она была могущественнымъ средствомъ ограничить древній абсолютизмъ власти и упрочить участіе въ общественныхъ дѣлахъ всѣмъ правоспособнымъ лицамъ. Но она заключала въ себѣ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Въ чемъ оно состоитъ, наглядно и характерно опредѣляетъ одинъ извѣстный ученый и ораторъ:

„Воззрѣніе буржуазіи на цѣль государства", говоритъ онъ, „состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ цѣлью исключительно лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами".

Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, если бы всѣ мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы и богаты. Но такого равенства нѣтъ *и быть не можетъ;* поэтому эта мысль недостаточна и, по своей недостаточности, приводитъ къ глубоко безнравственному выводу. Она приводитъ къ полной безпомощности слабѣйшихъ и чрезмѣрному господству сильнѣйшихъ.

Не соглашаясь съ извѣстными выводами той школы, которая объявила войну принципамъ буржуазіи, нельзя не замѣтить, что она во многомъ восполнила взглядъ политики на задачи государства, именно—внесла въ нихъ положительный элементъ, который дѣлаетъ все бо́льшие успѣхи. Государство не только охраняетъ порядокъ, но идетъ съ своею помощью навстрѣчу общественнымъ бѣдствіямъ и несовершенствамъ, заботится о народномъ образованіи, организуетъ общественную благотворительность, улучшаетъ условія всесторонняго развитія всѣхъ и каждаго.

Это внутреннее противорѣчіе началъ торжествующей революціи Фихте увидѣлъ еще въ началѣ XIX столѣтія. Онъ увидѣлъ, что революція разрѣшила такъ или иначе политическій вопросъ, но почти не коснулась вопроса общественнаго. Одинъ изъ лучшихъ критиковъ Фихте, Целлеръ, утверждаетъ, что Фихте, „можетъ быть, первый въ Германіи обратилъ серьезное вниманіе на общественный вопросъ". Идеи его относительно этого предмета изложены и систематизированы въ трактатѣ—*Уединенное торговое государство* (*Der geschlossene Handelsstaat*). Онъ вышелъ въ 1800 г. Здѣсь Фихте радикально видоизмѣнилъ свое прежнее воззрѣніе на государство. Вмѣсто охранительно-судебнаго установленія, оно является у него уже организующею силой, обезпечивающею матеріальное благосостояніе общества. Въ этомъ трактатѣ и позднѣйшей *Системѣ нравоученія* (*System der Rechtslehre*) Фихте провозгласилъ такія начала, которыя считаются неудобоисполнимыми даже въ настоящее время. Въ немъ виденъ уже сильный соціалистическій оттѣнокъ, оттѣнокъ протеста не только противъ старой Европы, но и противъ новой, вышедшей изъ революціи. Нельзя согласиться со многими его выводами, нельзя не пожалѣть, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, о его наклонности къ государственной диктатурѣ во имя экономическаго блага; но каждый согласится, что Фихте сознательно указалъ на цѣлый рядъ вопросовъ, которые не были разрѣшены страшнымъ политическимъ переворотомъ, казавшимся послѣднимъ словомъ цивилизаціи для однихъ, или концомъ временъ для другихъ. Фихте одинъ изъ первыхъ ука-

залъ на страшную язву, разъѣдающую западъ Европы,—на пролетаріатъ, на хозяйственную безпомощность низшихъ классовъ, и сказалъ, что будущая эпоха цивилизаціи должна обратить вниманіе прежде всего на этотъ вопросъ. Словомъ, онъ имѣлъ философское мужество, подъ громъ побѣдъ торжествующей революціи, отнестись къ ея началамъ отрицательно, во имя высшихъ формъ общественной жизни.

Высокій, поучительный примѣръ для патріотовъ всѣхъ странъ и народовъ! Въ великой международной борьбѣ не то важно, чтобы вооруженная сила врага встрѣтила сопротивленіе въ хорошо организованной матеріальной силѣ націи, но чтобы самая цивилизація этого врага столкнулась съ безпощаднымъ анализомъ философствующаго духа, разлагающаго ея элементы и указывающаго ея внутреннія противорѣчія. Важно то, чтобы предъ глазами народа раскрылась нравственная несостоятельность его врага, чтобы его возгласы о высшей цивилизаціи, о его правахъ на всемірное владычество превратились въ дымъ, въ фразу, лишенную всякаго смысла. Важно, наконецъ, то, чтобы тотъ же философствующій духъ указалъ народу на живые источники его національнаго развитія, его творчества и силы въ будущемъ. Таковъ уже законъ историческаго развитія народовъ, ихъ превращенія въ самостоятельныя части человѣчества. Отдѣльная личность выдѣляетъ себя изъ общей массы человѣчества и другихъ предметовъ видимаго міра, прежде всего, посредствомъ противоположенія своего внутренняго *я* предметному міру. Первое отношеніе духа, начинающаго себя сознавать, къ предметному міру есть отношеніе отрицательное. То же самое видимъ мы и въ исторіи обособленія народностей. Какимъ образомъ въ Европѣ началась національная жизнь? Средневѣковая Европа представляла массу безформенныхъ народностей, слитыхъ въ одно цѣлое идеею католической церкви и императорской власти. Средневѣковое единство было прямымъ отрицаніемъ національностей. Но вотъ внутренняя несостоятельность императорства обнаруживается; мѣстныя власти отрицаютъ этотъ идеалъ во имя своихъ верховныхъ правъ,—онѣ поддерживаются народами и вырабатываютъ національную королевскую власть. Въ XVI ст. наступаетъ новый періодъ отрицанія. Несостоятельность католической іерархіи порождаетъ реформацію, и протестантскіе народы рѣзко отдѣлили себя отъ народовъ, оставшихся вѣрными католическому идеалу. XVIII столѣтіе испытываетъ нѣчто подобное. Сильнѣйшее распространеніе французскихъ идей, французской псевдо-классической литературы, модъ, обычаевъ, даже разврата, приготовило этой странѣ духовное владычество надъ Европой. Но владычество это столкнулось съ самобытнымъ геніемъ людей,

подобныхъ Лессингу, и они скоро замѣтили внутреннее противорѣчіе блистательной литературы, разрушили ея обаяніе и выставили противъ нея свое искусство. Это искусство не было жанромъ, проявленіемъ не узко-національнаго духа, по одной изъ сторонъ духа общечеловѣческаго, громко заявившей свое право на существованіе.

Это отрицательное отношеніе къ посторонней цивилизаціи, какъ первый моментъ національнаго возрожденія, находится въ глубокомъ соотвѣтствіи со всѣми требованіями нравственнаго закона. Ни одна цивилизація не имѣетъ права на безусловное владычество надъ чуждыми національностями, потому что ни одна изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ абсолютной истины. Никто не отрицаетъ, что каждая самобытная цивилизація призвана дать другимъ народамъ многія начала, которыя возводятся потомъ всѣми на степень началъ общечеловѣческихъ. Но хотя это законное вліяніе переходитъ въ неограниченное преобладаніе, когда относительная истина хочетъ играть роль безусловной, никогда не умирающее чувство индивидуальности въ народѣ заявляетъ свой протестъ. Этотъ протестъ состоитъ въ указаніи тѣхъ внутреннихъ противорѣчій въ каждой цивилизаціи, въ силу которыхъ она должна остаться на степени относительной, а не безусловной истины.

Подобное отрицательное отношеніе къ чужой цивилизаціи во имя народной самобытности выразилось и въ теоріяхъ нашихъ *славянофиловъ*. Они первые, послѣ полуторасталѣтняго поклоненія Западу, указали на его болѣзни и противорѣчія. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми изъ ихъ выводовъ, можетъ быть, преждевременными и рискованными, но нельзя не видѣть, что со времени ихъ появленія начинается поворотный пунктъ въ исторіи русскаго мышленія, начинается сознательная критика западныхъ явленій съ твердой, національной точки зрѣнія. „Хомяковъ и его братчики", говорилъ Герценъ, „глубоко вдавили свой слѣдъ въ русскую жизнь". Этотъ слѣдъ далъ уже свои плоды. Съ ихъ точки зрѣнія были защищены и проведены идеи крестьянскаго надѣла и общинное устройство крестьянъ, противъ которыхъ стояли всѣ западныя понятія о собственности и личности.

Такимъ образомъ, въ философскомъ развитіи Фихте проявился одинъ изъ коренныхъ законовъ національнаго развитія. Освобожденный отъ предразсудка „единой и всеспасающей цивилизаціи", онъ смѣло выступилъ съ своею патріотическою проповѣдью.

Между тѣмъ внѣшнія событія принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Могущество Наполеона достигло высшей степени. Въ 1804 г. побѣдоносный консулъ принялъ императорскій титулъ и повелъ Францію къ новымъ побѣдамъ. Еще въ 1803 году Наполеонъ

почти безъ сопротивленія занялъ Ганноверъ. Южно-германскіе государи находились отъ него въ полнѣйшей зависимости. При проѣздѣ его черезъ Ахенъ, Кельнъ и Майнцъ, народъ и князья осыпали его изъявленіями покорности. Въ Италіи его владычество было обезпечено, и въ мартѣ 1805 г. онъ вѣнчался въ Миланѣ знаменитою желѣзною короной; Испанія обязалась новымъ договоромъ доставлять Франціи военныя суда и денежныя вспоможенія. Къ довершенію всего, Пруссія, на которую Фихте возлагалъ всѣ свои надежды, вела себя съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ германскому дѣлу. Несмотря на всѣ усилія патріотической партіи, на всѣ представленія барона Штейна, король, окруженный совѣтниками, преданными Франціи, Гаугвицомъ, Ломбардомъ и Бейме, не рѣшался пристать къ коалиціи, составленной изъ Россіи, Австріи, Швеціи и Неаполя. При такихъ условіяхъ Наполеонъ могъ спокойно готовиться къ задуманному имъ походу 1805 г. Семь большихъ корпусовъ, подъ предводительствомъ опытнѣйшихъ генераловъ, двинулись къ Дунаю и направились къ Австріи. Курфюрсты баденскій, баварскій и виртембергскій, герцоги гессенскій и нассаускій присоединили свои войска къ французскимъ, думая снискать этимъ благорасположеніе новаго императора. Значительная часть Германіи была не только оторвана отъ народнаго дѣла, но и обращена противъ него. Австрія не выдержала. Войска ея, лишенныя способныхъ полководцевъ, отданныя подъ начальство злополучнаго Мака, проигрывали одно дѣло за другимъ и окончили извѣстною капитуляціей при *Ульмѣ*.

Наконецъ, и прусскій король, пропустившій благопріятное время, присоединился къ коалиціи и дозволилъ русскимъ и шведамъ перейти чрезъ свои владѣнія въ Ганноверъ. Въ то же время онъ возобновилъ „союзъ вѣчной дружбы“ съ императоромъ Александромъ. Эта клятва была произнесена при самой торжественной обстановкѣ— надъ гробомъ Фридриха Великаго въ потсдамской гарнизонной церкви. Но теперь было не время думать о сопротивленіи побѣдителю. Чрезъ десять дней послѣ „клятвы“ короля прусскаго Вѣна была уже въ рукахъ французовъ, а 2 декабря 1805 г. разыгралась аустерлицкая битва. Австрійское правительство рѣшилось заключить *пресбургскій* миръ, вслѣдствіе котораго она лишилась Верхней Австріи, Тироля, Венеціанской области; Неаполь и Голландія получили королей изъ дома Бонапарта. Въ то же время Пруссія, въ силу шенбрунскаго договора, вступила въ оборонительный и наступательный союзъ съ Франціею, т.-е. обязалась имѣть съ Франціей однихъ друзей и враговъ, а первымъ изъ этихъ враговъ былъ германскій народъ...

Бѣдная философская мысль, которая въ это время стремилась выяснить основы будущаго величія Германіи и доказать преходящее

значеніе французской цивилизаціи! Нельзя безъ особеннаго удивленія смотрѣть на тотъ фактъ, что въ то время, когда предъ Европой развертывались событія 1804—1805 г., Фихте предпринимаетъ критическую оцѣнку тѣхъ идей, которыя торжествующая Франція вносила въ Европу. Мало того, Фихте не ограничивается простою критикою чужихъ понятій, онъ стремится подчинить ихъ новымъ идеямъ и эти идеи положить въ основаніе новой *философіи исторіи*.

Такова была задача его публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ во время зимняго семестра 1804—1805 г. въ Берлинѣ, на тему *Основныя черты настоящаго времени (die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters)*. Въ это время его извѣстность, какъ философа и оратора, была уже достаточно велика. Весь ученый и образованный міръ зналъ его философію, а также тѣ преслѣдованія, которыя вызвала его преподавательская и литературная дѣятельность. Извѣстно, что онъ началъ свою профессорскую дѣятельность въ Іенѣ. Здѣсь ему часто приходилось сталкиваться съ оберконсисторіей, которая была недовольна тѣмъ, что иногда онъ читалъ по воскресеньямъ. Мало-помалу ученые пасторы взвели на него обвиненіе въ атеизмѣ. Съ своей стороны, веймарское правительство было недовольно его либеральными стремленіями. Ближайшій другъ веймарскаго герцога, Гёте поддерживалъ это гоненіе, и, наконецъ, Фихте долженъ былъ оставить университетъ. Говорятъ, что когда ученое сословіе выразило свое сожалѣніе по этому поводу Гёте, онъ сказалъ: одна звѣзда заходитъ, другая восходитъ, и прибавилъ къ этому въ письмѣ къ своему другу: я бы подалъ голосъ противъ моего собственнаго сына, еслибъ онъ говорилъ такъ о правительствѣ. Пять лѣтъ оставался Фихте безъ мѣста, но новыя сочиненія расширили его извѣстность. Въ 1804 году онъ получилъ два предложенія: одно отъ Россіи, приглашавшей его для харьковскаго университета (тогда предположеннаго къ открытію), другое отъ Баваріи. Онъ не принялъ ни того, ни другого предложенія и предпочелъ остаться въ Пруссіи, пріютившей его въ годы бѣдствій. Наконецъ, Пруссія пригласила его въ эрлангенскій университетъ. Но въ Эрлангенѣ Фихте читалъ во время лѣтняго семестра; зимній оставался у него свободенъ. Друзья и просвѣщенная публика побудили его открыть курсъ частныхъ лекцій въ Берлинѣ. Это и были тѣ чтенія, о которыхъ мы будемъ говорить. Успѣхъ ихъ былъ очень великъ; въ рядахъ многочисленной публики сидѣли извѣстные государственные люди—Шретеръ, Альтенштейнъ, даже Бейме и Меттернихъ, бывшій тогда посланникомъ въ Берлинѣ.

Задача этихъ чтеній опредѣляется самимъ авторомъ слѣдующимъ образомъ: „представить философское изображеніе современной эпохи

(ein philosophisches Gemälde des gegenwärtigen Zeitalters)". Но философскимъ можетъ быть названо только такое воззрѣніе, которое сводитъ разнообразіе, данное въ опытѣ, къ одному общему принципу и затѣмъ выводитъ разнообразіе фактовъ изъ этого общаго принципа и объясняетъ ихъ съ достаточною полнотою".

Такимъ образомъ, Фихте рѣшился подняться до общаго принципа, изъ котораго вытекаютъ и которымъ объясняются всѣ явленія современной ему эпохи. Но каждая эпоха, съ точки зрѣнія Фихте, составляетъ одинъ изъ моментовъ въ общемъ процессѣ развитія человѣчества. Слѣдовательно, философское отношеніе къ ней предполагаетъ не только выясненіе ея принципа, но и уразумѣніе этого принципа въ связи съ общею идеей, управляющею развитіемъ человѣчества. Философъ, анализирующій явленія эпохи, долженъ имѣть въ виду то, что́ Фихте называетъ *міровымъ планомъ.* Міровой планъ предполагаетъ одну общую идею, изъ которой онъ исходитъ и къ осуществленію которой стремится человѣчество, какъ къ своей цѣли. Принципъ каждой отдѣльной эпохи есть только частное проявленіе общей идеи, отдѣльный моментъ ея развитія, — слѣдовательно, не можетъ заключать въ себѣ всей идеи и, въ своей ограниченности, содержитъ внутреннее противорѣчіе, раскрытіе котораго предвѣщаетъ наступленіе новой эпохи.

„Такимъ образомъ", говоритъ Фихте, „мы имѣемъ передъ собою слѣдующее: во-первыхъ, единое понятіе всей совокупности жизни, которая распадается на различныя эпохи, понятныя только въ ихъ взаимной связи; затѣмъ, каждая изъ этихъ отдѣльныхъ эпохъ представляетъ, въ свою очередь, общее понятіе, проявляющееся въ разнообразіи явленій".

Я обращаю ваше вниманіе, мм. гг., что Фихте говоритъ въ своихъ лекціяхъ объ идеѣ и цѣли жизни *цѣлаго* человѣчества, а не отдѣльнаго лица. „Мы", объяснялъ онъ своимъ слушателямъ, „говоримъ о прогрессѣ жизни *рода* (Gattung), а не о недѣлимыхъ, и просимъ васъ не терять изъ виду этого воззрѣнія". Дѣйствительно, имъ объясняются всѣ подробности его „основныхъ чертъ".

Въ чемъ же состоитъ эта общая идея „міроваго плана" жизни человѣчества? Фихте, формулируя ее, поступаетъ нѣсколько геометрическимъ способомъ. Онъ выставляетъ ее въ качествѣ аксіомы, какъ поступалъ онъ со всѣми воззрѣніями, перешедшими въ его убѣжденія. Итакъ, въ началѣ первой лекціи его, мы находимъ слѣдующее опредѣленіе этой идеи: *„цѣль земной жизни человѣчества состоитъ въ устроеніи ея отношеній при посредствѣ свободы по началамъ разума"*.

Разумная, то-есть сознательная организація жизненныхъ отно-

шеній предполагаетъ необходимость свободы; только чрезъ свободу можетъ осуществиться дѣйствительно разумное, то-есть согласное съ существомъ народнаго самосознанія.

Съ этой точки зрѣнія эпохи въ исторіи человѣчества могутъ быть подведены подъ двѣ логическія группы: въ первой человѣчество живетъ и существуетъ, не устроивши еще своихъ отношеній свободно и согласно съ разумомъ; во второй оно достигаетъ этой цѣли. Но одного признака — отсутствія или присутствія свободы еще недостаточно для разграниченія дѣйствительныхъ эпохъ развитія человѣчества.

Такъ, относительно первой группы, мы говоримъ, что человѣчество не устрояетъ своихъ отношеній свободно, по началамъ разума. Но отношенія, не устроенныя актомъ свободной воли, могутъ, однако, быть устроены въ извѣстной степени разумно, принудительною волею внѣшняго авторитета. „Можетъ случиться", говоритъ Фихте, „что разумъ самъ по себѣ и своею собственною силою, безъ содѣйствія человѣческой свободы, опредѣлитъ и устроитъ человѣческія отношенія".

Разумъ самъ по себѣ есть движущее начало человѣческой жизни; онъ лежитъ въ основаніи всей исторіи; различіе ея эпохъ зависитъ только отъ степени и формы его проявленія.

Дѣйствительныя эпохи развитія человѣчества, съ этой точки зрѣнія, представляютъ слѣдующую постепенность.

Разумъ *безъ свободы* дѣйствуетъ какъ темный инстинктъ. Это господство инстинкта лежитъ въ основаніи *первой* эпохи. Инстинктъ, говоритъ Фихте, слѣпъ; это — сознаніе безъ пониманія основаній. Поэтому онъ противорѣчитъ свободѣ, которая отдаетъ себѣ отчетъ въ основаніяхъ своей дѣятельности. Это внутреннее противорѣчіе эпохи приводитъ къ дальнѣйшему развитію человѣчества. Сознаніе разумнаго воплощается въ отдѣльныхъ личностяхъ съ могущественною волею; онѣ берутъ на себя великую задачу организаціи человѣческихъ отношеній и противопоставляютъ господству инстинктовъ начала разума. Общественныя формы, созданныя ими, освобождаютъ человѣчество отъ господства слѣпыхъ инстинктовъ; но это освобожденіе совершается подъ условіемъ *подчиненія* высшей разумной волѣ. Первые законодатели человѣчества, внося разумныя начала въ человѣческую жизнь, не объясняютъ и не могутъ объяснить ихъ дѣйствительныхъ основаній. Разумное сознаніе въ нихъ самихъ дѣйствуетъ *какъ инстинктъ*, какъ вѣра въ высшій порядокъ. Они не могутъ перевести этихъ началъ въ дѣйствительныя *убѣжденія* людей, въ силу которыхъ они сами собою, *свободно* дѣйствовали бы по разуму. Законодатели ограничиваются подчиненіемъ людей своимъ предписаніямъ и проводятъ разумное въ жизнь при помощи *принудительнаго авторитета*.

Фихте, описывая эту эпоху, очевидно, имѣетъ въ виду то время, когда *религіозный авторитетъ* далъ первую раціональную форму человѣческимъ обществамъ и вызвалъ первое сознательное отношеніе къ жизни, когда затѣмъ монархическій абсолютизмъ, вооруженный всѣми умственными и нравственными средствами эпохи, боролся съ грубыми инстинктами феодальной эпохи и замѣнялъ ея начала новыми, выработанными геніемъ вѣковъ.

Но дѣло развитія человѣчества только тогда станетъ на прочную почву, когда разумныя начала будутъ осуществляться при помощи свободы, т.-е. тогда, когда они сдѣлаются внутреннимъ убѣжденіемъ людей, и человѣческая воля, для объясненія своего дѣянія, будетъ ссылаться не на внѣшній авторитетъ, но на существо своего самосознанія. Для этого нужно новое движеніе въ исторіи человѣчества. Мы видѣли уже, въ чемъ состоитъ сущность второй эпохи. Человѣчество находится подъ господствомъ принудительнаго авторитета, вносящаго въ жизнь разумныя начала, познанныя, такъ сказать, непосредственно, въ силу вдохновенія, но не изслѣдованныя въ ихъ послѣднихъ основаніяхъ. Подобное изслѣдованіе можетъ быть сдѣлано только новою, *критическою* работою субъективнаго разума. Вновь должны быть провѣрены всѣ принципы жизни; разумъ долженъ выработать правила дѣятельности, и затѣмъ воля должна пріучить себя къ выполненію новаго нравственнаго долга.

Изъ этого видно, что человѣчество, прошедшее чрезъ воспитательное вліяніе внѣшняго авторитета, ожидаетъ еще длинный циклъ развитія. Во-первыхъ, оно должно пройти чрезъ періодъ, который можно назвать критическимъ и разрушительнымъ. Не желая болѣе подчиняться разумному, въ формѣ внѣшняго авторитета, человѣческое сознаніе подвергаетъ критикѣ всѣ основы прежняго порядка, все, что̀ прежде было признано истиною. Все дѣлается предметомъ сомнѣнія. Это всеобщее настроеніе освобождаетъ человѣческую волю отъ внѣшнихъ авторитетовъ, основываетъ будущую *свободу дѣятельности*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческій разумъ въ эту эпоху направленъ не столько къ исканію истины, сколько къ своему освобожденію отъ ея прежнихъ авторитетныхъ формъ. Отсюда — полное равнодушіе къ истинѣ и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ правилъ.

Но человѣческое сознаніе не останется въ этомъ состояніи сомнѣнія и отрицанія. Разумъ направится къ исканію положительныхъ истинъ; настанетъ эпоха *науки разума* (der Vernunftwissenschaft); въ эту эпоху истина будетъ признана за высшее въ человѣческой жизни и любима больше всего.

И эта теоретическая работа разума не есть послѣдняя ступень

развитія человѣчества. Познанная истина не останется на степени истины теоретической; человѣческій духъ не удовлетворится актомъ *познанія.* Онъ обратится къ средствамъ примѣненія истины къ жизни, выработаетъ совокупность практическихъ правилъ нравственности, выработаетъ то, что Фихте называетъ *искусствомъ разума* (Vernunftkunst).

Такимъ образомъ, человѣчество возвратится, въ сущности, къ своей исходной точкѣ, къ полному и безграничному господству разума. Но вначалѣ разумъ господствовалъ какъ темный инстинктъ безъ помощи свободы; „въ эпоху совершенства, человѣчество должно", говоритъ Фихте, „идти къ тому же пути, но на своихъ ногахъ". Поэтому оно должно было первоначально уклониться отъ прямого пути, пережить эпоху владычества внѣшняго авторитета и всеразрушающаго сомнѣнія.

Нельзя не видѣть, что въ ученіи Фихте господство разума отождествлено съ господствомъ нравственнаго, и всему процессу развитія человѣчества приданъ нѣкоторый религіозный оттѣнокъ. Поэтому, для обозначенія различныхъ эпохъ развитія человѣчества, онъ употребляетъ термины религіознаго свойства.

Первую эпоху, періодъ *инстинктивнаго* господства разума и безсознательнаго подчиненія инстинкту, онъ называетъ состояніемъ *невинности* человѣческаго рода. Во вторую эпоху, когда разумный инстинктъ превращается въ припудительный авторитетъ, періодъ положительныхъ ученій и системъ жизни, не восходящихъ къ послѣднимъ основаніямъ, а потому не дѣйствующихъ на свободное убѣжденіе, но требующихъ слѣпой вѣры и безусловнаго повиновенія, — Фихте называетъ *состояніемъ начинающагося грѣха.* Третій періодъ, періодъ освобожденія отъ авторитета, равнодушія къ истинѣ и отсутствія нравственныхъ правилъ, называется *состояніемъ довершенной грѣховности* За нимъ слѣдуетъ эпоха неустаннаго исканія истины, науки, разума; Фихте называетъ ее состояніемъ *начинающагося оправданія.* Наконецъ, послѣдняя эпоха, когда устанавливаются твердыя правила практической дѣятельности, вырабатывается „искусство разума", носитъ названіе *состоянія совершеннаго оправданія и освященія.*

Къ какой же эпохѣ относилось, по мнѣнію Фихте, то время, когда онъ взывалъ къ германскому самосознанію?

Внѣшніе факты подсказывали ему готовый отвѣтъ. Онъ жилъ въ эпоху *революціи*; революція провозглашала освобожденіе человѣческой личности, индивидуальной воли отъ всей системы внѣшнихъ авторитетовъ, руководившихъ въ прежнее время жизнью человѣчества. Не вездѣ было довершено это освобожденіе; но во многихъ

мѣстахъ уже было провозглашено верховенство индивидуальнаго разума. Церковь и феодальное государство колебались въ своихъ основаніяхъ; система религіозныхъ истинъ и предписаній положительнаго закона была отвергнута; на мѣсто ихъ не установилось ничего прочнаго. Вникая въ духъ и смыслъ своего времени. Фихте объявилъ, что оно стоитъ между двумя эпохами—второю и третьей. Оно заканчиваетъ владычество авторитета и начинаетъ особую эпоху свободы; но движеніе свободы приняло здѣсь ту критическую разрушительную форму, съ которой должно было, по ученію Фихте, начаться освобожденіе человѣчества.

Но этихъ общихъ соображеній, очевидно, недостаточно для уясненія принципа эпохи во всѣхъ его подробностяхъ. Къ этой задачѣ мы и приступимъ теперь вмѣстѣ съ Фихте. Гдѣ и какъ мы можемъ лучше всего изучить этотъ принципъ? Принципъ каждой эпохи можетъ быть лучше всего понятъ на цивилизаціи того народа, который въ данную минуту стоитъ во главѣ цивилизаціи вообще, — народа, выражающаго собою, такъ сказать, мысль эпохи. Конечно, эта цивилизація распространяется и на другія народности; онѣ также должны быть приняты въ соображеніе философомъ, изучающимъ эпоху въ ея дѣлахъ и въ подробностяхъ. Нечего говорить, что въ эпоху революціи главное вниманіе наблюдателя обращала на себя Франція — эта руководительница революціоннаго движенія. Фихте нигдѣ не высказывается; но вчитываясь въ его удивительныя характеристики подробностей эпохи, нельзя не убѣдиться, что образъ великой націи постоянно стоялъ передъ нимъ.

Въ чемъ же состоитъ принципъ этой замѣчательной эпохи?

Прежде всего намъ необходимо понять смыслъ и цѣль ея *умственнаго движенія,* потому что ими опредѣляется ея міросозерцаніе. Фихте назвалъ третью эпоху эпохою *освобожденія,* но никакъ не періодомъ свободы. Человѣчество еще не дѣлается свободнымъ отъ того, что извѣстные авторитеты, прежде владычествовавшіе надъ нимъ, пали. Только нѣкоторыя личности, которыя ведутъ дѣло освобожденія, становятся вполнѣ свободными: прочія слѣдуютъ за ними, какъ за своими вождями. *Орудіемъ* подобнаго освобожденія является сопоставленіе авторитетной истины, поддерживаемой внѣшнею силою, съ понятіями индивидуальнаго разума, при чемъ все, несогласное съ послѣднимъ, объявляется несостоятельнымъ. Авторитетная истина, требовавшая слѣпой вѣры и безусловнаго повиновенія, не обращалась къ понятіямъ людей; въ эпоху освобожденія люди объявляютъ, что они согласны подчиняться только тому, что̀ они *понимаютъ* безъ труда своимъ индивидуальнымъ разсудкомъ. Другими словами: эпоха освобожденія объявляетъ господство обыкновенныхъ, общихъ понятій,

такъ сказать, прирожденныхъ индивидуальному разсудку; это то, что обыкновенно называемъ *здравымъ смысломъ*, но что вѣрнѣе было бы назвать *общимъ смысломъ* (sens commun).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы спросимъ первыхъ эманципаторовъ человѣчества, въ чемъ состояло ихъ оружіе въ борьбѣ со старымъ порядкомъ,—мы убѣдимся въ справедливости словъ Фихте. Вольтеръ осмѣивалъ затѣйливыя и часто непонятныя учрежденія католицизма и старой монархіи съ точки зрѣнія здраваго смысла (du sens commun). Руссо, ужасаясь сложностью современныхъ ему отношеній, взывалъ къ первобытной простотѣ, къ общему смыслу. Учители естественнаго права, какъ Томазій въ Германіи, строили систему общества и государства на началахъ общаго смысла (sensu communi).

Отдѣляясь отъ „непонятнаго", признавая необходимость только понятнаго, то-есть доступнаго индивидуальному разуму безъ всякихъ усилій съ его стороны, освободители провозглашали вмѣстѣ съ тѣмъ *непогрѣшимость* этихъ общихъ понятій и возможность постигнуть все необходимое при ихъ помощи. „Наше время", говорилъ Фихте, „*все знаетъ*, ничему не учившись, и можетъ разрѣшить безъ всякаго затрудненія все, что ни попадется ему подъ руку. То, чего я не понимаю при помощи прирожденныхъ понятій, того и нѣтъ, говоритъ всякій. При полномъ убѣжденіи въ непогрѣшимости „общихъ понятій", они дѣйствуютъ на массу какъ нѣкоторый авторитетъ. Она *вѣритъ* въ нихъ и слѣпо слѣдуетъ за каждымъ учителемъ „общаго смысла". Всякій знаетъ, какъ *вѣрили* дѣятели французской революціи въ философію Вольтера, въ contrat social Руссо; каждый старался воплотить въ себя произведеніе знаменитаго демократа и ссылался на него, какъ на символъ вѣры. „Да, человѣчество", говорилъ Фихте, „вступило въ эпоху освобожденія, потому что оно старается дѣйствовать по понятіямъ; но оно еще не свободно".

Посмотримъ теперь, какіе принципы вноситъ эпоха освобожденія въ общественную философію. Предъ нами лежитъ одно изъ произведеній знаменитаго Вольнея, автора *Развалинъ* (*Les Ruines*),— *О естественномъ законѣ* [1]). „Въ чемъ", спрашиваетъ онъ, „состоитъ первый принципъ естественнаго закона въ отношеніи къ человѣку?"— „Въ правилѣ самосохраненія", отвѣчаетъ онъ безъ замедленія. Фихте находитъ, что, дѣйствительно, въ этомъ состоитъ вся сущность политическаго міросозерцанія третьей эпохи, а потому она не совершенно разумна.

Принципы истинно разумной жизни, говоритъ онъ, имѣютъ въ виду жизнь и отношенія рода, цѣлаго. Предыдущія эпохи, такъ или

---

[1]) *La loi naturelle ou principes physiques de la morale* etc.

иначе, исходили изъ этого понятія; послѣдующія направятъ истинно свободныя усилія людей къ этой великой цѣли. Но третья эпоха, освободившись отъ разумнаго въ его авторитетной формѣ и не выработавши разумнаго въ его свободной формѣ, осталась при понятіи, подсказанномъ ей „общимъ смысломъ". Прирожденный разумъ, обращаясь только къ „понятному", открылъ одну *реальность — жизнь недѣлимаго,* дальше которой онъ ничего не видѣлъ. Поэтому движущимъ началомъ новаго общественнаго устройства было признано „естественное" стремленіе къ самосохраненію и цѣлью его личное благо. Другими словами: начало личнаго своекорыстія сдѣлалось принципомъ общественнаго строя. „Личность, движимая личнымъ своекорыстіемъ", продолжаетъ философъ, „никогда не возвысится до сознанія чистой идеи, не достигнетъ до познанія a priori: во всемъ она будетъ руководиться опытомъ въ самой грубой его формѣ. Отсюда вытекаетъ слабость ея политическихъ идеаловъ, которые основаны на бездоказательныхъ положеніяхъ „общаго смысла" и приноровлены къ огражденію личныхъ интересовъ".

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, слѣдить за всѣми подробностями аргументаціи философа, которая содержитъ въ себѣ характеристику нравственной, умственной и политической жизни эпохи. Мы ограничимся только сопоставленіемъ принциповъ этой эпохи съ началами будущей, истинно разумной, — сопоставленіемъ, сдѣланнымъ самимъ Фихте.

„Разумная жизнь", говоритъ онъ, „состоитъ въ томъ, чтобы личность забывала себя въ родѣ, полагала свою жизнь въ жизни рода и отдавала бы ей въ жертву свое существованіе; неразумная — въ томъ, чтобы личность не мыслила ничего кромѣ самой себя, не любила бы ничего, кромѣ самой себя и въ отношеніи къ себѣ, а полагала бы цѣль жизни въ своемъ личномъ благополучіи. Но такъ какъ все разумное можно назвать хорошимъ, а неразумное дурнымъ, то на свѣтѣ есть только одна добродѣтель — забывать себя какъ личность, и только одинъ порокъ—думать только о себѣ. Нравственное же ученіе нашей эпохи здѣсь, какъ и во всемъ, понимаетъ дѣло обратно и дѣлаетъ единственною добродѣтелью то, что̀ есть единственный порокъ, и единственнымъ порокомъ то, что̀ есть единственная добродѣтель".

Но эпоха своекорыстія и относительности истинъ пройдетъ, своекорыстіе уничтожитъ само себя, а разумъ отъ простыхъ истинъ „общаго смысла" обратится къ болѣе высокимъ задачамъ философіи.

Простое отрицаніе „неизвѣстнаго" во имя небольшой суммы „извѣстнаго", отреченіе отъ обширной области „непонятнаго" во имя банальностей „понятнаго" не можетъ быть окончательною формою

разумной жизни. Разумная, научная жизнь четвертой эпохи, предсказываемой Фихте, сходна съ жизнью третьей эпохи въ томъ отношеніи, что, подобно послѣдней, стремится къ господству *понятій* и знаетъ, что разумная дѣятельность возможна только въ виду понятнаго. Но вотъ гдѣ Фихте видитъ коренную разницу между двумя эпохами. Она заключается въ томъ *употребленіи*, какое дѣлаютъ обѣ эпохи *изъ понятій*. Въ четвертой эпохѣ понятіе будетъ средствомъ овладѣть всею сферою познанія, всѣмъ содержаніемъ предметнаго и нравственнаго міра. Эта эпоха не будетъ отрицаться ни отъ неизвѣстнаго, ни отъ непонятнаго; она будетъ направлять свой испытующій духъ во всѣ сферы, хотя бы для того, чтобъ убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли ею изведано все понятное. Напротивъ, третья эпоха считаетъ *понятіе* за самое *знаніе*. Для человѣка третьей эпохи кажется, что та небольшая сумма понятій, которыя онъ называетъ прирожденными, исчерпываетъ всю массу знанія. Отсюда—господство общихъ мѣстъ, фразъ и даже любимыхъ словъ. Для человѣка третьей эпохи достаточно услышать слова „свобода, популярность, гуманность", чтобы прійти въ восторгъ и кинуться на какое нибудь дѣло. Фихте и называетъ третью эпоху эпохою безсодержательной свободы. Напротивъ, четвертая эпоха будетъ знать, что одни понятія не дадутъ ей ничего, что имъ необходимо дать извѣстное содержаніе, а этого нельзя достигнуть безъ великаго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка.

Такимъ образомъ, область познанія расширится; стремленія человѣческаго духа будутъ соотвѣтствовать безпредѣльности этой области. Отдѣльная личность выйдетъ изъ состоянія мелкаго самодовольства своими „общими понятіями" и устремится къ познанію *идеи* во всей ея безпредѣльности. Когда это стремленіе прочно утвердится въ жизни,—измѣнится и самое понятіе о *цѣли* жизни.

Мы видѣли выше, что третья эпоха разрушила значеніе авторитетной истины, не замѣнивъ ея владычествомъ идеи. Она неспособна уже была кинуться въ крестовый походъ по слову римскаго первосвященника, но не была еще готова отдать себя на служеніе раціональной идеѣ. Понятіе *безконечнаго* совершенно изгладилось изъ умовъ, и, вмѣсто него, утвердилось господство конечнаго, а конечное въ общественномъ отношеніи есть недѣлимый съ его личными цѣлями. Поэтому принципъ *своекорыстія* и провозглашенъ началомъ общественной жизни, если только онъ играетъ такую роль и не составляетъ прямого отрицанія всякаго общественнаго начала. Напротивъ, философское направленіе четвертой эпохи приведетъ всѣхъ и каждаго къ убѣжденію, что духовная жизнь недѣлимаго совпадаетъ съ жизнью идеи; но жизнь и развитіе идеи не могутъ быть

замкнуты въ узкую сферу индивидуальнаго бытія. Идея медленно и постепенно раскрывается въ исторіи цѣлаго человѣческаго общества. Поэтому каждый философствующій духъ, посвятившій себя служенію идеѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ себя обществу, ибо только въ немъ раскрывается идея съ ея безконечнымъ содержаніемъ. *Идея въ обществѣ*—вотъ первое и коренное представленіе новой эпохи, которой суждено уничтожить принципъ своекорыстія въ самомъ его корнѣ. Она противупоставитъ ограниченности и конечности „прирожденныхъ понятій" и безпредѣльность, и абсолютность идеи; она возвратитъ недѣлимому понятіе о вѣчной жизни, жизни неоканчивающейся предѣлами единичнаго существованія, но продолжающейся безконечно въ человѣческомъ родѣ, въ обществѣ. Сдѣлаться участникомъ въ вѣчной жизни идеи, слѣдовательно, въ жизни общества, такова будетъ новая цѣль жизни; воспитать все общество къ свободному, сознательному и разумному участію въ жизни идеи, поддержать его въ стремленіяхъ къ безконечному—такова цѣль будущаго государства.

Такую цѣль указывалъ Фихте германскому обществу. Отсюда понятно его отличіе отъ тѣхъ оффиціальныхъ сферъ, которыя, подобно ему, относились къ событіямъ и началамъ своей эпохи отрицательно. Но точка зрѣнія, идеалъ, съ которыхъ производилось это отрицаніе, лежали не тамъ, гдѣ искалъ своего идеала Фихте. У нихъ была своя точка зрѣнія — интересы стараго порядка, свой идеалъ—средневѣковая Европа. Спросимъ самаго виднаго представителя реакціи, графа де-Местра, чего онъ проситъ у Бога и у властей предержащихъ. Обращаясь къ властямъ и народамъ, онъ говоритъ: ваше *паденіе* началось очень давно. Во-первыхъ, человѣческая дерзость поколебала первый и основной авторитетъ, подъ владычествомъ котораго жили народы,—авторитетъ папской власти. Революція—первая повела народы къ ужасной пропасти. Свѣтскія власти, по недальновидности своей, рукоплескали паденію стѣснявшей ихъ власти. Но они не подозрѣвали, что въ лицѣ папской власти падалъ принципъ, на которомъ, въ итогѣ, держалась ихъ собственная власть. Послѣдствія доказали это. Шагъ за шагомъ эманципированная мысль разрушала всѣ авторитеты и теперь бросила народы во всѣ ужасы анархіи. Какъ выйти изъ этого положенія — понятно. Пусть воскреснетъ старый порядокъ въ его первоначальной формѣ, когда папская власть стояла во главѣ человѣчества и авторитетомъ своимъ освящала прочія власти. Фихте отрицалъ начало „третьей эпохи" съ точки зрѣнія новаго, высшаго идеала. Онъ не искалъ золотого вѣка за предѣлами современной исторіи. Онъ могъ сказать то, что̀ впослѣдствіи сказалъ Сенъ-Симонъ: „золотой вѣкъ не сзади,

а впереди насъ; наши отцы его не видѣли, и мы его не увидимъ; но дѣти наши увидятъ, и мы должны подготовить это время“.

Кромѣ общихъ достоинствъ такого взгляда, онъ имѣлъ еще важное значеніе для той эпохи, когда писалъ Фихте. Ничто такъ не можетъ содѣйствовать возрожденію націи и человѣчества, какъ выясненіе новой цѣли, новой задачи, которую они призваны выполнить. Ничто такъ не возбуждаетъ человѣческій духъ къ дѣятельности, какъ новый и высокій идеалъ жизни, и чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ могущественнѣе вліяніе. Одно изъ величайшихъ условій вліянія христіанства состояло въ томъ, что оно потребовало отъ человѣка высокой степени нравственнаго совершенства. „Будьте совершенны, какъ отецъ вашъ небесный“, говорилъ божественный основатель нашей религіи. Другими словами, всякій идеалъ, дѣйствительно могущественный, заключаетъ въ себѣ большую долю *безконечнаго*; только такой идеалъ можетъ призвать людей къ упорной работѣ надъ собою, держать въ напряженіи всѣ силы ихъ духа и побуждать ихъ къ актамъ высокаго самопожертвованія.

Общественный голосъ Германіи оправдалъ Фихте въ этомъ отношеніи. Въ такъ называемой борьбѣ за освобожденіе (Befreiungs-krieg) высказывались мотивы совсѣмъ другого свойства, чѣмъ простая преданность законамъ своего отечества и прежнему порядку. Борьба за освобожденіе, сдѣлавшись народнымъ дѣломъ, вызвала въ обществѣ то чувство самоуваженія, которое естественно привело къ требованіямъ свободы и лучшаго порядка вещей, — требованіямъ, которыя только впослѣдствіи были задавлены усиліями реакціи. И если это чувство самоуваженія проснулось въ обществѣ, то Фихте могъ считаться однимъ изъ первыхъ его авторовъ.

Этого мало. Выясненіе народу новой и высокой цѣли, которой онъ призванъ служить, пробуждаетъ въ немъ чувство національнаго достоинства, независимости относительно другихъ народностей. Оно выводитъ его изъ эпохи зависимости, подражанія, заимствованія, ставитъ его, какъ говаривалъ Фихте, на свои ноги. Подобный пріемъ имѣетъ, такъ сказать, общечеловѣческое значеніе, въ томъ смыслѣ, что люди, начинающіе національное возрожденіе, всегда указываютъ своему народу на такія задачи человѣческой жизни, которыя не тронуты общественною дѣятельностью другихъ народовъ. Такъ и наши славянофилы указывали въ свое время, что Россія, вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, должна внести во всемірную исторію новые элементы, не выработанные чуждыми намъ цивилизаціями. Первоначально эти заявленія оставались въ области отвлеченныхъ идеаловъ, но мало-по-малу, получивъ практическое значеніе, входятъ во всеобщее сознаніе. Теперь мы знаемъ, напримѣръ, что

новая сила Россіи заключается въ устроеніи экономическаго быта крестьянъ, въ противоположность западно-европейскому пролетаріату, что идея *крестьянскаго надѣла* есть ея національная идея и ея призваніе въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, которыя еще живутъ подъ господствомъ экономическихъ идей запада.

Но выяснить и поставить передъ лицомъ народа высокій идеалъ не значитъ еще выполнить всю задачу возрожденія; нужно еще вызвать къ дѣятельности силы, способныя осуществить его. А это весьма сложная и трудная задача. Во-первыхъ, должно указать народу на эти силы, которыми онъ можетъ располагать; во-вторыхъ, должно побудить его къ дѣятельности, къ желанію воспользоваться своими силами.

Здѣсь начинается второй элементъ патріотической дѣятельности Фихте, который мы можемъ назвать элементомъ *обличенія.* Высокій идеалъ поставленъ, общество призывается къ его осуществленію; но какое страшное, поразительное разстояніе между этимъ идеаломъ и дѣйствительнымъ состояніемъ общества! Вмѣсто единства общественныхъ силъ—ихъ раздробленіе; вмѣсто высокаго сознанія общественнаго интереса—господство грубаго своекорыстія; вмѣсто твердости и мужества воли, готовой на служеніе общему дѣлу,—распущенность, трусость и продажность. Пусть же слово обличенія падетъ на это общество, пусть неподкупный голосъ проповѣдника укажетъ обществу ту бездну „мерзости запустѣнія", въ которой оно лежитъ. Нужно заставить общество посмотрѣть въ глаза истинѣ. „Почему бы", говоритъ Фихте, „намъ бояться этой опасности? Зло не сдѣлается меньше отъ неизвѣстности; отъ извѣстности оно не сдѣлается больше, но излѣченіе его возможно только при извѣстности. Пусть же лѣнь и своекорыстіе бичуются горькими рѣчами обвиненія, ѣдкою насмѣшкою и презрѣніемъ!"

Дѣйствительно, въ *Рѣчахъ къ германскому народу* чрезвычайно много этого элемента; но мы должны заранѣе понять истинный его смыслъ. Есть два рода *обличенія.* Одно возникаетъ изъ чувства своего превосходства надъ народомъ, вслѣдствіе того, что обличающему удалось схватить нѣсколько свѣдѣній, которыхъ не имѣетъ масса. Цѣль такого обличенія состоитъ въ приведеніи своего народа къ „единой, всеспасающей цивилизаціи". Результатъ его—убѣжденіе, что народъ ничего не можетъ сдѣлать самъ собою, что его можетъ спасти только заимствованіе,—словомъ, мы приходимъ *къ презрѣнію* ко всѣмъ народнымъ началамъ. Второй видъ обличенія возникаетъ въ сердцѣ людей, которые живутъ и страдаютъ съ народомъ, вѣрятъ въ его силу и которыхъ поражаетъ разстояніе между тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть народъ въ силу своей собственной цивилизаціи,

и тѣмъ, что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Цѣль такого обличенія— вызвать народъ къ самодѣятельности, результатъ его—уваженіе къ началамъ народной исторіи.

На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Фихте. Онъ видѣлъ безпримѣрное разложеніе Германіи, но чувствовалъ и силу ея; въ его обличеніяхъ всегда слышится вѣра въ лучшее будущее. Посмотримъ, какъ онъ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ настоящему и будущему Германіи.

„Пусть", говоритъ Фихте, „наше время выслушаетъ видѣніе древняго ясновидца, относившееся къ не менѣе печальному положенію дѣлъ. Такъ говоритъ пророкъ у водъ хебарскихъ, утѣшитель народа, плѣненнаго не въ своей, но въ чужой землѣ [1]): „рука Господня нашла на меня и вывела меня духовно и поставила меня на обширное поле, исполненное костей, и повела меня кругомъ, и всюду видѣлъ я, что много костей лежало на полѣ, и были онѣ весьма изсохши. И Господь сказалъ мнѣ: ты, сынъ человѣческій, думаешь ли, что эти кости будутъ опять жить? Я отвѣчалъ: Господи, это ты знаешь. И Онъ сказалъ мнѣ: пророчествуй объ этихъ костяхъ и скажи имъ: вы, изсохшія кости, слушайте слово Господне. Такъ говоритъ Господь объ васъ, изсохшихъ костяхъ: Я хочу васъ связать опять жилами и повелѣть мясу расти на васъ и одѣть васъ кожею и вложить въ васъ духъ, чтобъ опять жили и знали, что я—Господь. И я пророчествовалъ, какъ мнѣ было повелѣно, и начался шумъ и трясеніе, и кости приблизились другъ къ другу, каждая на свое мѣсто, и на нихъ выросли жилы и мясо, и одѣлись онѣ кожею. Но духа не было. И Господь сказалъ мнѣ: пророчествуй къ вѣтру и скажи ему: такъ глаголетъ Господь: вѣтеръ, прійди сюда отъ четырехъ вѣтровъ и дунь на этихъ мертвецовъ, чтобъ они опять ожили. И я пророчествовалъ, какъ мнѣ было приказано. Тогда пришелъ въ нихъ духъ, и онѣ ожили и встали на ноги, и было ихъ большое войско".—„Пусть", восклицаетъ Фихте, „составныя части нашей духовной жизни останутся такими же изсушенными и связи нашего національнаго единства такъ же разорваны и лежатъ въ дикомъ безпорядкѣ, какъ мертвыя кости пророка; пусть онѣ выцвѣтаютъ и изсыхаютъ подъ бурями, потоками дождей и палящими лучами солнца: животворящій духъ духовнаго міра не пересталъ еще вѣять. Онъ охватитъ и соединитъ вымершія кости нашей національности, чтобъ онѣ величественно возстали къ новой просвѣтленной жизни".

---

[1]) Пророкъ Іезекіиль, XXXVII, 1—10.

Лекція III.

Мы будемъ свидѣтелями торжественнаго зрѣлища — зрѣлища патріотическаго духа одинокаго философа, который укрѣпляется въ вѣрѣ въ свой народъ, призываетъ его къ возрожденію и высокой исторической роли—именно въ то самое время, когда этотъ народъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ паденія. Мало того, мужество и вѣра этого удивительнаго философа растутъ вмѣстѣ съ несчастьями народа. Кажется, это величіе вѣрующаго духа и могло быть создано только величіемъ несчастья. Живи Фихте въ такъ называемое мирное время, когда общество жалуется на мелкія злоупотребленія своихъ чиновниковъ, на взяточничество и расхищеніе казны, на плохой выборъ должностныхъ лицъ, и т. д.,—онъ, вѣроятно, безмолвствовалъ бы и предоставилъ бы слово обличителямъ второго и третьяго разряда. Но теперь обстоятельства были по плечу только такимъ людямъ, какъ онъ. Эпоху войнъ республики и имперіи справедливо называютъ борьбою гигантовъ; эта эпоха вызывала на свѣтъ всѣ титаническія силы обществъ, давала дѣло могущественнымъ характерамъ. Наполеонъ во Франціи, Питтъ и Боркъ въ Англіи, Фихте и Штейнъ въ Германіи, Кутузовъ въ Россіи—таковы личности, вызванныя въ то время судьбою на удивленіе всему человѣчеству. Однѣ изъ нихъ были вызваны къ дѣлу національнымъ торжествомъ, какъ Наполеонъ съ его маршалами, другія—народными несчастьями.

Посмотримъ же, что́ вызвало въ Фихте новый порывъ патріотическаго чувства.

Курфюрсты баварскій и виртембергскій, за свои услуги Наполеону противъ Германіи, были возведены въ королевское достоинство. Благодарные за эту милость, они уже были болѣе сановниками французской имперіи, чѣмъ германскими князьями. Опираясь на нихъ и на своекорыстіе другихъ германскихъ владѣтелей, Наполеонъ рѣшился разорвать Германію на двѣ части, изъ которыхъ одна находилась бы въ полномъ подчиненіи у Франціи. 12 іюля 1806 г. былъ учрежденъ знаменитый рейнскій союзъ, подъ покровительствомъ Наполеона. Члены рейнскаго союза обязались за это покровительство держать наготовѣ для будущихъ войнъ Наполеона 63 тыс. войска. Нѣмецкій курфюрстъ, архиканцлеръ Дальбергъ былъ избранъ въ намѣстники Наполеона и надѣленъ городомъ Франкфуртомъ. Про него говорятъ, что онъ былъ просвѣщенный покровитель наукъ и искусствъ, но человѣкъ преданный *космополитическимъ* идеямъ той эпохи до совершеннаго забвенія чувствъ патріотизма. Самая идея германской имперіи—и прежде слабая—рушилась. Австрійскій импе-

раторъ Францъ отказался отъ титула нѣмецкаго императора и принялъ званіе императора австрійскаго. Имперскіе законы и учрежденія были отмѣнены. Началось преслѣдованіе патріотовъ. Извѣстный патріотическій писатель Арндтъ, по волѣ Наполеона, былъ изгнанъ изъ Германіи, скитался по Швеціи и Россіи и лишь украдкою являлся въ свое отечество. Патріотъ книгопродавецъ Пальмъ былъ приговоренъ и казненъ за изданіе книги, непріятной Наполеону.

Настала очередь и Пруссіи. Чтó ни дѣлалъ прусскій король, руководимый Гаугвицомъ, другомъ французовъ и цивилизаціи, чтобы заслужить расположеніе Наполеона,—ничто не помогало. Наконецъ, дѣло дошло до формальнаго разрыва. Пока Пруссія медленно и методически готовилась къ войнѣ, Наполеонъ уже вторгся въ Германію, гдѣ къ нему присоединился курфюрстъ саксонскій. Старый предводитель прусскихъ войскъ, герцогъ брауншвейгскій, былъ разбитъ въ знаменитой битвѣ подъ Іеной. Послѣ того крѣпости, находившіяся въ рукахъ „заслуженныхъ", но дурныхъ генераловъ, сдавались безъ сопротивленія. Эрфуртъ, Шпандау, Потсдамъ, Штеттинъ, Кюстринъ и Магдебургъ были въ рукахъ французовъ. Черезъ тридцать дней послѣ битвы подъ Іеной Наполеонъ уже вступилъ въ Берлинъ. Король прусскій бѣжалъ въ Кенигсбергъ и униженно молилъ побѣдителя о мирѣ, изъявляя даже готовность приступить къ рейнскому союзу. Но Наполеонъ отвергъ эти ходатайства. Тогда король обратился къ Россіи. Извѣстно, что и эта помощь не доставила выгодъ Пруссіи. Послѣ битвы подъ Фридландомъ былъ заключенъ тильзитскій миръ. Пруссія потеряла половину своихъ владѣній въ пользу герцогства варшавскаго и вестфальскаго королевства, вновь учрежденнаго.

Нужно ли говорить о положеніи Фихте въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ? Едва началась война 1806—1807 г., какъ онъ подалъ прусскому правительству прошеніе о томъ, чтобъ его допустили въ главную квартиру въ качествѣ оратора и нравственно-политическаго проповѣдника. Король велѣлъ Бейме благодарить его и сказать, что, можетъ быть, его краснорѣчіе будетъ полезно послѣ *побѣды.* Дѣлать было нечего. Пруссія не дождалась побѣды, а краснорѣчію Фихте пришлось сдѣлать свое дѣло послѣ окончательнаго низложенія Пруссіи. Во время войны Фихте принужденъ былъ бѣжать сначала въ Кенигсбергъ, а потомъ въ Копенгагенъ. Только послѣ заключенія тильзитскаго мира возвратился онъ въ Берлинъ, чтобъ утѣшать народъ въ его глубокомъ униженіи. Въ зимній семестръ 1807—1808 г. онъ прочелъ здѣсь, съ величайшею для себя опасностью, свои знаменитыя *Рѣчи къ германскому народу* (*Reden an die deutsche Nation*).

Друзья указывали ему на всю опасность его предпріятія; доказывали ему, что Наполеонъ можетъ изгнать его подобно Арндту, Гарденбергу и многимъ другимъ. Онъ не сдался на эти доводы. „Добро“, говорилъ онъ, „состоитъ въ воодушевленіи, въ возвышеніи; моя личная опасность не можетъ быть принята во вниманіе, — она была бы даже полезна“. Въ другой разъ онъ говоритъ: „я зналъ очень хорошо, чѣмъ я рискую. Я знаю, что меня, подобно Пальму, можетъ постигнуть свинецъ. Но я этого не боюсь и охотно умру для цѣли, мною избранной“.

Это высокое патріотическое настроеніе дало ему возможность сдѣлать изъ *Рѣчей къ германскому народу* непреходящій памятникъ философскаго творчества. Онѣ дали ему право на вѣчную благодарность потомства; во имя ихъ праздновался столѣтній юбилей его рожденія. Въ нихъ окончательно отрѣшился Фихте отъ прежнихъ космополитическихъ воззрѣній, которыя проглядываютъ еще въ *Основныхъ чертахъ нашего времени*. Въ этихъ чертахъ мы находимъ еще слѣдующую страницу: „Гдѣ отечество истинно просвѣщеннаго христіанина-европейца? Вообще — Европа, а въ особенности, въ каждую эпоху, то европейское государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи. То государство, которое ошибочно пойдетъ по опасному пути, съ теченіемъ времени, погибнетъ, а потому не будетъ уже стоять во главѣ цивилизаціи. Но именно потому, что оно погибнетъ и должно погибнуть, появляются другія, и между ними одно въ особенности выдвинется впередъ. Пусть же земнорожденные, признающіе въ земной корѣ, рѣкахъ и горахъ свое отечество, остаются гражданами погибшаго государства; они получатъ то, чего желали и что̀ дѣлаетъ ихъ счастливыми. Но солнцеподобный духъ неудержимо притягивается и направляется туда, гдѣ свѣтъ и правда. И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ мы можемъ успокоиться о судьбѣ и дѣяніяхъ государства“.

Но это успокоивающее, всемірно-гражданское чувство было нарушено реальнымъ фактомъ—чужеземнымъ завоеваніемъ. Фихте увидѣлъ, что „земная кора, горы и рѣки“—также отечество, что гражданинъ „погибшаго государства“ не можетъ найти утѣшеніе въ космополитической философіи. Чужеземное завоеваніе, это огненное крещеніе, искупляющее отъ грѣха космополитизма, двинуло его на патріотическое дѣло, подъ рискомъ пули или изгнанія.

Новыя рѣчи Фихте были уже обращены не ко всему цивилизованному міру, участвующему въ жизни „нашего времени“, но только къ германцамъ. „Я“, говоритъ онъ въ своей первой лекціи, „говорю для нѣмцевъ и о нѣмцахъ“.

Рѣчи къ германскому народу составляютъ, по словамъ самого

Фихте, „продолженіе его чтеній объ основныхъ чертахъ настоящаго времени". Дѣйствительно, для уясненія философскаго ихъ смысла, необходимо имѣть въ виду главныя положенія этихъ чтеній. Въ этихъ рѣчахъ героемъ, такъ сказать, является принципъ эпохи, выясненный въ чтеніяхъ. Фихте хочетъ доказать, что этотъ принципъ уже переживаетъ себя, что пора германцамъ взяться за подготовленіе новой эпохи.

Мы видѣли, что Фихте призналъ общественнымъ принципомъ современной ему эпохи начало личнаго своекорыстія. Но принципъ каждой эпохи переживаетъ себя, когда результаты его будутъ доведены до конца, когда эпоха губитъ сама себя.

Въ какомъ же положеніи находится этотъ принципъ?

„Наше время", говоритъ Фихте, „идетъ исполинскими шагами. Въ послѣдніе три года наша эпоха во многихъ мѣстахъ уже закончилась; кое-гдѣ своекорыстіе, развившись вполнѣ, уже уничтожило себя, потеряло свою самостоятельность; думая служить только себѣ и своимъ личнымъ цѣлямъ, оно сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ чуждой, насильственной власти. Мы должны признать нашу эпоху за прошедшее и думать о будущемъ".

„Но для того, чтобы доказать, что принципъ эпохи дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, нужно обратить вниманіе общества на эти страшные признаки разложенія: пусть оно увидитъ свою смерть, умретъ духовно для прошлаго и воскреснетъ для будущаго!"

Эти признаки разложенія, по мнѣнію Фихте, состоятъ въ слѣдующемъ:

„Своекорыстіе достигаетъ своей высшей степени, когда оно обхватываетъ, за немногими исключеніями, правительства и, укрѣпившись въ нихъ, переходитъ и на управляемыхъ. Такое правительство познается, прежде всего, во внѣшней политикѣ, въ пренебреженіи всѣхъ связей, чрезъ которыя его безопасность обусловливается безопасностью другихъ, принесеніемъ цѣлаго, котораго оно составляетъ часть, въ жертву тому, чтобы сохранить свое лѣнивое спокойствіе, и въ ложномъ убѣжденіи своекорыстія, что оно пользуется миромъ, пока его границамъ не грозитъ видимая опасность. Во внутренней политикѣ это разложеніе обнаруживается въ слабости управленія, которая, по-иностранному, называется гуманностью, популярностью, а по-нѣмецки—сонливостью и недостойнымъ поведеніемъ". Мы знаемъ, имѣлъ ли право Фихте сказать, что германскія правительства, продававшія Германію за королевскій титулъ, своекорыстны; мы знаемъ, имѣлъ ли онъ право назвать испорченными такихъ либеральныхъ и гуманныхъ правителей, какъ Дальбергъ и ему подобные.

Такими же мрачными красками, взятыми изъ дѣйствительности, описываетъ Фихте и нравственное паденіе народовъ. Здѣсь также

онъ не видитъ никакихъ связей, соединяющихъ недѣлимыхъ съ государственнымъ тѣломъ. Своекорыстіе подсказываетъ имъ только страхъ и уваженіе къ иноземцамъ; утративши всякое чувство долга, они охотно и съ веселымъ лицомъ отдаютъ иноземцамъ значительную долю имущества, въ которой они отказывали защитникамъ отечества, ни дать ни взять, какъ французы въ нынѣшнюю войну [1]) прятали съѣстные припасы отъ своихъ войскъ, для того чтобъ отдать ихъ пруссакамъ. И, въ концѣ концовъ, это испорченное племя вступаетъ въ иностранное войско, чтобы сражаться противъ собственнаго отечества.

„Такъ", заключаетъ Фихте, „своекорыстіе уничтожаетъ само себя, и тѣ, которые полагали самихъ себя цѣлью жизни, принуждены служить цѣлямъ другихъ".

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Здѣсь, мм. гг., мы приближаемся къ самому корню ученія Фихте.

„Никакая нація", говоритъ онъ, „ниспавшая до состоянія зависимости отъ чужеземцевъ, не можетъ подняться изъ нея при помощи обыкновенныхъ и до сихъ поръ употреблявшихся средствъ. Если ея сопротивленіе было безплодно, даже тогда, когда она еще обладала всѣми своими силами, — что́ можетъ сдѣлать она теперь, когда она лишилась большей части изъ нихъ? Другими словами: общество, построенное на принципѣ своекорыстія, могло ожидать своего спасенія только отъ силы правительства. Правительство и дѣлало, что́ могло; но результаты не оправдали его усилій. Теперь общество лишилось сильнаго правительства и ничего не можетъ ожидать отъ него. То, что́ прежде могло помочь, когда правительство твердо держало бразды правленія, теперь непримѣнимо, потому что эти бразды только повидимому находятся въ рукахъ правительства, и самая эта рука направляется чужеземнымъ завоевателемъ .. Если такая падшая нація можетъ быть спасена, то при помощи новыхъ, до сихъ поръ не употреблявшихся средствъ—чрезъ созданіе новаго порядка вещей".

„Общій планъ этого новаго порядка вещей долженъ быть направленъ къ измѣненію существующихъ отношеній между недѣлимымъ и цѣлымъ обществомъ". „Въ настоящее время", говоритъ Фихте, „участіе недѣлимаго въ цѣломъ было основано на участіи его къ самому себѣ, т.-е. на такихъ связяхъ, которыя весьма легко могли быть разорваны, на страхѣ и надеждѣ недѣлимаго относительно условій его личной жизни. Соотношеніе недѣлимаго къ вѣчной жизни цѣлаго было затемнено; напрасно стараются замѣнить эту идею любовью къ національной славѣ и чести. Эти обманчивыя представленія никогда не могутъ замѣнить истинной общественной связи".

[1]) Войну 1870 года.

„Эта общественная связь можетъ быть построена не на чувственныхъ стремленіяхъ надежды и страха за свое личное существованіе, но на духовномъ стремленіи нравственнаго удовлетворенія или неудовлетворенія или на высшемъ аффектѣ удовольствія или неудовольствія относительно своего и чужого состоянія. Чувственный глазъ, привыкшій къ чистотѣ и порядку, будетъ испытывать неудовольствіе отъ грязи и безпорядочно лежащихъ вещей, хоть это и не причиняетъ ему физической боли; такъ и духовный глазъ человѣка можетъ быть воспитанъ такимъ образомъ, что простой взглядъ на безпорядочное, недостойное и безчестное существованіе своего народа будетъ причинять ему боль, страданіе, независимо отъ личныхъ надеждъ и страховъ. Обладатель такого глаза будетъ страдать и радоваться вмѣстѣ со своимъ народомъ, потому что онъ будетъ чувствовать себя его частью и ему будетъ житься хорошо, если только цѣлое будетъ совершенно и благоустроено. Воспитаніе въ недѣлимыхъ такого воззрѣнія на общественную жизнь и есть главное, даже единственное средство къ обновленію общества, которое гибнетъ отъ своекорыстія. Слѣдовательно, хорошая система общественнаго воспитанія—вотъ единственное спасеніе Германіи".

Повидимому, Фихте высказывалъ мысль не особенно новую. Кто же изъ знаменитыхъ политическихъ мыслителей, начиная съ Платона, не говорилъ о необходимости воспитанія и не предлагалъ даже своихъ проектовъ? Особенно XVIII столѣтіе богато проектами общественнаго воспитанія. Руссо во Франціи и Швейцаріи съ своимъ Эмилемъ и Базедовъ въ Германіи произвели сильнѣйшее движеніе, о которомъ мы не можемъ даже составить себѣ понятія. Но Фихте и не говорилъ *о пользѣ* воспитанія; онъ говорилъ о новыхъ его началахъ и формахъ, приноровленныхъ къ общественному возрожденію Германіи.

Чѣмъ эти принципы и формы должны отличаться отъ прежней системы?

Нельзя не согласиться, говоритъ Фихте, что современное воспитаніе представляетъ глазамъ воспитанниковъ картину религіознаго, нравственнаго, политическаго образа мыслей, всяческаго порядка и добрыхъ нравовъ, и даже кое-гдѣ напечатлѣло эти образы въ жизни. Но, за немногими исключеніями, воспитанники руководятся въ дѣйствительной жизни не этими представленіями, а своими естественными, своекорыстными стремленіями, возросшими безъ всякаго воспитанія. Такимъ образомъ, современное воспитаніе не дѣлаетъ своего дѣла. Его нравоученіе, правила скользятъ по уму, какъ блѣдная картина, не направляя воли, не подчиняя себѣ дѣйствительной жизни.

Во-вторыхъ, даже эта ограниченная система воспитанія распро-

страняется на незначительное количество лицъ, которыя и составляють, такъ называемый, „образованный классъ“, а большинство, на которомъ собственно и держится общественный строй, народъ, остается безъ всякаго воспитанія.

Такимъ образомъ, воспитаніе требуетъ реформы въ двухъ направленіяхъ: относительно своего содержанія и относительно его объема. По своему *содержанію,* оно должно служить средствомъ дѣйствительнаго образованія человѣческой нравственной личности; по своему *объему,* оно должно сдѣлаться *народнымъ* просвѣщеніемъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. „Мы“, говоритъ Фихте, „хотимъ чрезъ воспитаніе образовать нѣмцевъ такъ, чтобъ они составили одно цѣлое, которое было бы одушевляемо и руководимо во всѣхъ своихъ частяхъ одними условіями“. Никто не можетъ быть исключенъ отъ пользованія этимъ духовнымъ благомъ; этого требуетъ благо отечества; только при такомъ условіи высшіе классы не будутъ отдѣлять себя отъ низшихъ и не будутъ признавать своимъ духовнымъ отечествомъ чужую страну, не будутъ измѣнять родинѣ, какъ это сдѣлали высшіе классы во время борьбы съ Наполеономъ. Для того, чтобы предупредить возможность Бейме или Гаугвица, нужно. чтобы послѣдній крестьянинъ былъ озаренъ свѣтомъ знанія.

Намъ предстоитъ, слѣдовательно, разсмотрѣть два вопроса: вопросъ о самой *системѣ* новаго воспитанія и о примѣненіи ея къ наибольшему количеству лицъ.

Чѣмъ грѣшитъ система прежняго воспитанія? Почему она даетъ уму только теоретическія представленія, не переходящія въ убѣжденія и не овладѣвающія всѣмъ нравственнымъ существомъ человѣка? Причина этого, по мнѣнію Фихте, заключается въ томъ, что старая школа требуетъ отъ ученика *пассивнаго познаванія* готовыхъ научныхъ истинъ, но не заставляетъ его принимать дѣятельное участіе въ самомъ *созиданіи* этихъ положеній, такъ чтобъ они, такъ сказать, выходили изъ его творческой дѣятельности. Между тѣмъ мы видѣли, что, по ученію Фихте, только та истина можетъ перейти въ наше убѣжденіе, которая родилась изъ нашего самосознанія. „Большая разница“, говоритъ онъ „*принять* что либо, не имѣя ничего противъ этого, такъ что пассивное воспріятіе вытекаетъ изъ пассивнаго подчиненія, и большая разница—усвоить себѣ истину, выработанную на нашихъ глазахъ, при участіи всѣхъ нашихъ силъ“. Если, напримѣръ, вы скажете ученику, что мы можемъ получить замкнутое пространство при помощи, по крайней мѣрѣ, трехъ линій, и заставимъ *заучить* его эту истину, какъ догматическое положеніе, онъ заучитъ ее, но и забудетъ ее такъ же скоро, потому что, что́ ему до нея? Она, вѣдь, не его открытіе, не его собственность. Напротивъ,

заставьте вы ученика самого начертить замкнутое пространство; онъ найдетъ, что ему нужно не менѣе трехъ линій, и тогда то положеніе, къ которому *вы вели его*, станетъ его дѣйствительнымъ достояніемъ, которое будетъ ему дорого, какъ все, добытое его усиліями.

Вызвать въ воспитанникахъ *творческую* силу, заставить ихъ искать истины, вести ихъ къ этой истинѣ, и такъ, чтобъ она вышла изъ ихъ самосознанія, таково первое средство новаго воспитанія. Если бы только въ этомъ состоялъ его результатъ, то и тогда эта система имѣла бы все право на предпочтеніе, сравнительно съ пассивнымъ заучиваніемъ. Но подобная система имѣетъ еще другую сторону, особенно важную съ общественной точки зрѣнія.

Система пассивнаго усвоенія приводитъ къ полному разъединенію школы, къ совершенной изолированности воспитанниковъ. Ученикъ, усвоивающій истины по книгѣ, совершенно уединенъ отъ своихъ товарищей. Предъ нимъ его книга и учитель,—до остальнаго школьнаго міра ему нѣтъ дѣла. Если онъ и думаетъ о своихъ товарищахъ, то развѣ по поводу желанія отличиться предъ ними, вызвать бо̀льшую благосклонность учителя и т. д. Новая система воспитанія, призывая всѣхъ къ творческой дѣятельности, уничтожаетъ это разобщеніе. Всѣ участвуютъ въ исканіи правила, закона; всѣ помогаютъ другъ другу. Между учениками установляется общность духовныхъ цѣлей, общія затрудненія, радости и горести. Другими словами: духовное общеніе народа, которое уничтожаетъ принципъ личнаго своекорыстія, должно быть подготовлено въ школѣ. Фихте идетъ дальше. По его плану школьная жизнь должна быть дѣйствительнымъ преддверіемъ къ государственной жизни. Старая школа, говоритъ онъ, давала ученикамъ теоретическое понятіе о государствѣ, объ его устройствѣ, законахъ и т. д. Все это пассивно познается учениками; умъ ихъ подчиняется познаннымъ понятіямъ въ школѣ, а потому послѣ школы ихъ воля такъ же пассивно относится къ государственной практикѣ, какъ въ школѣ умъ ихъ относился къ теоріи. Фихте доказываетъ, что еще въ школѣ ученики должны участвовать въ выработкѣ политическихъ идеаловъ, испытывать ихъ годность въ предѣлахъ товарищескихъ отношеній; они должны выходить изъ школы хорошо подготовленными гражданами.

Духъ общенія, выработанный въ каждой школѣ, долженъ сплотить въ одно цѣлое и весь народъ, чрезъ распространеніе образованія во всей націи. Весь народъ долженъ пройти чрезъ школу, которая вызоветъ въ немъ творческія силы, любовь къ духовной жизни. Наконецъ, подобная система воспитанія вызоветъ къ жизни и къ дѣятельности всѣ особенности не только недѣлимыхъ, но и народовъ. Только при ней возможно будетъ *плодотворное разнообразіе научныхъ*

системъ, дѣйствительное богатство міросозерцанія и самобытность духовной жизни.

Мы представили здѣсь планъ Фихте въ самыхъ общихъ чертахъ не по одному недостатку мѣста и времени, но потому, что общія идеи и цѣли, указанныя имъ, могутъ быть осуществлены самыми разнообразными способами. Другими словами: эта общая идея можетъ вызвать различные *техническіе* планы воспитанія. Что касается этой технической стороны дѣла, то Фихте, какъ извѣстно, рекомендовалъ своему обществу планъ знаменитаго Песталоцци. Между этими двумя личностями было чрезвычайно много общаго. То же преобразовательное стремленіе, тѣ же мечты объ обновленіи человѣчества чрезъ воспитаніе вдохновляли Песталоцци и поддерживали его страдальческую жизнь. Бѣднякъ, нерѣдко изгнанникъ, онъ посвятилъ себя трудной задачѣ перевоспитанія самыхъ испорченныхъ дѣтей. Его можно назвать народнымъ учителемъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Школа Песталоцци была наполнена заброшенными дѣтьми, сиротами всѣхъ состояній и возрастовъ. Съ ними онъ дѣлалъ такія чудеса, что гордые аристократы стали поручать ему своихъ дѣтей. Подобно Фихте, онъ не вѣрилъ въ силу обученія по книгамъ и пассивнаго усвоенія знаній. Онъ самъ былъ книгой для своихъ учениковъ и опять-таки не въ томъ смыслѣ, что они получали отъ него отвѣты на разные вопросы. Сила этой „книги“ заключалась именно въ томъ, что она умѣла вдохновить ребенка, заставить его искать истину и полюбить ее больше всего на свѣтѣ. Какъ только это вѣяніе познанія прикасалось къ душѣ ребенка, хотя бы испорченнаго, для него начиналась новая жизнь. Пропадали низкіе инстинкты, своекорыстіе; установлялось общеніе съ другими. Въ школѣ Песталоцци не бывало тѣхъ печальныхъ столкновеній между учениками, которыя порождаются разобщеніемъ и взаимною ненавистью. Неудивительно, если въ подобной школѣ Фихте видѣлъ образецъ, типъ той школы, которая нужна была для народнаго образованія въ его отечествѣ.

Средство обновленія указано; мы знаемъ, какъ могутъ быть вызваны и направлены къ благой цѣли творческія силы народа. Но школа все-таки не болѣе какъ средство вызвать и образовать живыя силы народа, не тронутыя еще временемъ, не изсохшія въ исторической борьбѣ. Есть ли такія силы въ германскомъ народѣ? Способенъ ли онъ къ обновленію?

Вопросъ о „силахъ“ народа обыкновенно относится къ числу самыхъ темныхъ и даже „пустыхъ“ вопросовъ, особенно когда рѣчь идетъ о силахъ *даннаго* народа. Еще о народныхъ силахъ, взятыхъ in abstracto, можно говорить при помощи общихъ мѣстъ. Мы можемъ

говорить о богатствѣ, о плодородіи почвы, о живости характера, врожденномъ умѣ и т. д. Но нельзя не сказать, что съ подобными опредѣленіями мы не пойдемъ далеко. Для практической дѣятельности въ данномъ государствѣ необходимо указать на опредѣленныя силы извѣстной народности,—тѣ силы, которыми она отличается отъ другихъ. Эту задачу, въ отношеніи къ германскому народу, принялъ на себя Фихте.

При опредѣленіи силъ *своего* народа, живыхъ источниковъ *его* жизни, онъ употребляетъ методъ различенія, старается уяснить, чтó имѣютъ германцы въ отличіе отъ другихъ народностей, съ которыми они вели борьбу. Поэтому онъ прежде всего задаетъ себѣ общій вопросъ: въ чемъ состоитъ различіе между нѣмцами и другими народами германскаго происхожденія?

Нѣмцы, говоритъ онъ, составляютъ часть германскаго племени вообще; поэтому они родственны всѣмъ почти племенамъ, основавшимъ свои государства въ областяхъ бывшей римской имперіи. Но между нѣмцами и прочими племенами существуютъ два капитальныхъ различія. Во-первыхъ, они одни остались на первоначальномъ мѣстѣ осѣдлости германскихъ племенъ, — другіе ихъ оставили. Во-вторыхъ, одни нѣмцы сохранили и развили первоначальный *языкъ* своихъ предковъ, — прочіе усвоили себѣ чужой языкъ и видоизмѣнили его по-своему. Вслѣдствіе этого, нѣмцы могутъ быть названы *самородною* націей, или, какъ выражается Фихте, Urvolk, т.-е. ихъ исторія складывалась подъ вліяніемъ естественныхъ условій, составляла прямое развитіе *первоначальныхъ* данныхъ.

Изъ этихъ двухъ различій Фихте придаетъ особенный вѣсъ второму, то-есть различію въ языкѣ. Это совершенно понятно. Во-первыхъ, такой идеалистъ, какъ Фихте, не могъ придавать особеннаго значенія вліянію физическихъ условій, надъ которыми человѣкъ можетъ господствовать. Во-вторыхъ, языкъ есть первый органъ духовной жизни народа, которая чрезъ него проявляется и въ немъ отражается. Если вы хотите получить понятіе о степени самородности націи, узнайте прежде всего, на какомъ языкѣ она говоритъ. Поэтому и различія народныя прежде всего опредѣляются различіемъ въ языкѣ.

Языкъ не есть совокупность условныхъ звуковъ, посредствомъ которыхъ извѣстная группа людей сговорилась обозначать тѣ или другія представленія. Подобно тому, какъ представленія складываются согласно неизмѣннымъ условіямъ человѣческой природы, такъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, они переходятъ и въ звуки. Языкъ (мы говоримъ о языкѣ самобытномъ) всегда выражаетъ совокупность представленій, выработанныхъ и пережитыхъ народомъ. Поэтому

онъ и является могущественною общественною связью. Каждое слово самобытнаго языка не только *обозначаетъ* предметъ видимаго или сверхчувственнаго міра, какъ ярлычки въ минералогическомъ кабинетѣ, но выражаетъ собою результатъ вѣковой духовной жизни народа, результатъ его творчества въ мірѣ представленій, говоритъ народному сознанію, возбуждаетъ въ каждомъ сознательный процессъ мысли, приводитъ въ движеніе всю его нравственную природу. Поэтому члены одного народа понимаютъ другъ друга, понимаютъ своихъ предковъ, потому что каждое слово, выражающее современное представленіе, зародилось въ аналогическихъ представленіяхъ прежняго времени и росло, развивалось вмѣстѣ съ народомъ. Иностранное слово, напротивъ, ничего не говоритъ сознанію; оно не дѣйствуетъ на народныя представленія, и народъ остается къ нему глухъ, пока представленіе, обозначаемое такимъ словомъ, не войдетъ въ сферу народной жизни.

Въ результатѣ, только народъ, говорящій *своимъ* языкомъ, сознательно относится къ этому органу духовной жизни и способенъ развить его согласно условіямъ своей природы.

Въ совершенно другомъ положеніи находится народъ, отказавшійся отъ своего языка въ пользу другого, болѣе развитого, особенно въ сверхчувственной его части, какъ это сдѣлали народы романской расы. Онъ долженъ *выучивать* чужіе звуки, выражающіе не имъ выработанныя представленія. Первоначально онъ становится въ положеніе дѣтей, обучаемыхъ звукамъ, истиннаго смысла которыхъ они не понимаютъ. Относительно звуковъ, выражающихъ чувственныя представленія, дѣло еще улаживается при помощи нагляднаго объясненія. Но звуки, выражающіе духовныя представленія, не поддаются такому объясненію. Для уразумѣнія ихъ, человѣку нужно обращаться къ прошедшей исторіи народа, выработавшаго соотвѣтствующія имъ представленія, вникать въ его идеалы, подчиняться его міросозерцанію. Вслѣдствіе этого, духовная жизнь такого человѣка становится въ зависимость отъ чужихъ представленій, сводится на простое *подражаніе*. Сила самобытнаго творчества изсякаетъ и самая роль языка теряетъ прежнее значеніе. Когда до смысла каждаго слова нужно доходить при помощи ученыхъ изысканій, этотъ смыслъ доступенъ немногимъ; для массы такія слова—просто звуки, мертвыя буквы. Поэтому мы въ правѣ назвать такой языкъ мертвымъ. Мертвый языкъ—несамостоятельность духовной жизни, отсутствіе творчества и самобытныхъ идеаловъ.

Фихте освѣщаетъ свою аргументацію примѣрами. Любопытные читатели найдутъ въ четвертой рѣчи его превосходный анализъ трехъ модныхъ словъ, пущенныхъ въ обращеніе Франціею: либе-

ральность, гуманность и популярность. Онъ показываетъ, какъ эти слова, выработанныя римскою жизнью, мало говорятъ народному самосознанію другихъ племенъ. Не останавливаясь здѣсь на этомъ разборѣ, замѣтимъ, что, дѣйствительно, въ исторіи такъ называемыхъ романскихъ народовъ нельзя не замѣтить нѣкотораго отсутствія дѣйствительнаго народнаго творчества. Что такое католическая церковь, отвергнутая другими народами, какъ не перенесеніе идей императорскаго Рима въ церковное устройство? Что такое былъ первый политическій опытъ романской Франціи, имперія Карла Великаго, какъ не продолженіе имперіи римской? Что такое французская централизація, какъ не римское единство, а преобладаніе „вѣчнаго“ Парижа не есть ли воспроизведеніе господства „вѣчнаго“ Рима?

Не останавливаясь на этихъ соображеніяхъ, мы послѣдуемъ за Фихте въ анализѣ различій между народомъ, говорящимъ своимъ языкомъ, и народомъ, усвоившимъ себѣ языкъ мертвый, — другими словами, между тѣмъ случаемъ, когда слово связано съ представленіями, выработанными самимъ народомъ, слѣдовательно, съ его творческими силами, и тѣмъ, когда языкъ и мысль не связаны между собою органически.

Первое послѣдствіе такого порядка очевидно. Въ народѣ, говорящемъ живымъ языкомъ, духовное образованіе входитъ въ жизнь и постоянно вліяетъ на нее. Въ противномъ случаѣ, духовное образованіе отдѣляется отъ жизни; жизнь и мысль идутъ каждая своимъ путемъ. Истинно философская жизнь, жизнь духа во всемъ ея объемѣ, доступна только самородной націи, потому что только тогда понятіе выражаетъ собою дѣйствительную мысль и чувство мыслящаго. Только такое понятіе можетъ быть усвоено и можетъ перейти въ убѣжденія. Но понятіе не перейдетъ въ жизнь, если оно выражаетъ мысль другого народа и составляетъ продуктъ чуждой жизни. Въ такомъ случаѣ разрывъ между понятіемъ и жизнью неизбѣженъ.

При такомъ различіи въ отношеніи идеи къ жизни, различно и отношеніе мыслящаго субъекта къ идеѣ, къ духовной жизни. Мыслитель, принадлежащій къ самобытному народу, видитъ въ мысли нѣчто важное, долженствующее увеличить умственный капиталъ народа и сдѣлаться элементомъ дѣйствительной жизни. Онъ знаетъ, что его *всѣ поймутъ*, что онъ мыслитъ для всего народа. Поэтому онъ относится къ своему дѣлу серьезно и трудолюбиво. Напротивъ, мыслитель, овладѣвшій чужими понятіями, не разумѣющій ихъ связи съ жизнью (которой и нѣтъ въ самомъ дѣлѣ). направляетъ свои силы не столько къ творчеству представленій, сколько къ толкованію заимствованныхъ понятій, даже словъ, и единственная его цѣль въ

подобномъ словотолкованіи и словопреніи — отличиться *остроуміемъ*. Первый мыслитель заботится о хорошемъ содержаніи своихъ представленій, при чемъ *форма* понятій иногда не дается ему; второй видитъ свою славу и заслугу именно въ этой формѣ, въ блескѣ изложенія, въ краснорѣчіи. При такомъ отношеніи къ дѣлу, онъ не обращаетъ серьезнаго вниманія на содержаніе мысли. Въ философіи онъ впадаетъ въ парадоксы, въ поэзіи — въ каррикатуру. Можетъ быть, Фихте и преувеличиваетъ эти результаты. Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, всѣ подъ именемъ философіи разумѣютъ, главнымъ образомъ, трактаты германскихъ и англійскихъ мыслителей, при словѣ поэзія—вспоминаютъ прежде всего Шиллера, Гёте, Шекспира, и величіе Данта объясняютъ тѣмъ, что онъ началъ писать не на латинскомъ, а на италіанскомъ языкѣ? Почему французскихъ ораторовъ и адвокатовъ обвиняютъ въ страсти къ блестящему построенію фразы, къ краснорѣчію и остроумію?

Направленіемъ умственной жизни опредѣляются ея объемъ и характеръ. Духовная жизнь, тѣсно связанная съ условіями жизни народной, будетъ обнимать всѣ классы общества. Каждый новый шагъ въ области мысли будетъ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ цѣлаго народа; каждый мыслитель въ своихъ изысканіяхъ будетъ имѣть въ виду *всѣхъ* своихъ соотечественниковъ; величайшую свою честь онъ будетъ полагать въ томъ, чтобы сдѣлаться народнымъ мыслителемъ, какъ народны были Лютеръ, Лессингъ и Фихте. Напротивъ, духовное просвѣщеніе у народа, говорящаго чужимъ языкомъ, недоступно всему народу,—оно дѣлается достояніемъ высшихъ классовъ, для которыхъ и думаютъ, и пишутъ всѣ мыслители. Отсюда—раздѣленіе высшихъ классовъ, какъ образованныхъ, отъ низшихъ, какъ непросвѣщенныхъ; отсюда — высокомѣрное отношеніе „просвѣщеннаго“ къ „невѣждѣ“, сознательное освященіе общественнаго неравенства при помощи, грустно сказать, науки... Отсюда, наконецъ,—возможность гибели какъ для низшихъ, такъ и для высшихъ классовъ; потому что послѣдніе основываютъ свое просвѣщеніе не на живыхъ силахъ народной жизни, а въ первыхъ убивается всякая возможность творчества.

Эти теоретическіе выводы могутъ быть провѣрены на фактахъ дѣйствительной, исторической жизни народовъ. Фихте посвятилъ этому изслѣдованію цѣлую рѣчь (шестую). Мы не будемъ исчислять здѣсь всѣхъ этихъ примѣровъ; остановимся на одномъ, къ которому съ особенною любовью обращается и самъ Фихте, на протестантизмѣ. Въ чемъ заключается смыслъ этого движенія, какъ въ немъ выразились особенности германскаго народа?

Германцы, во всѣхъ своихъ отрасляхъ, приняли христіанство

отъ Рима. Проповѣдники христіанства, воспитанные на римскихъ началахъ, не сообщили ихъ новообращеннымъ. Латинскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ церкви, но не народа; римское просвѣщеніе не было, такъ сказать, дано въ руки народамъ, но преподавалось имъ въ духѣ и смыслѣ новыхъ просвѣтителей. Разрывъ народностей и оффиціальной церкви былъ неизбѣженъ. Церковь, державшаяся на римскихъ идеалахъ и требовавшая себѣ слѣпого повиновенія, сама давала оружіе противъ себя. Какъ только, въ эпоху возрожденія, въ руки народовъ достались подлинные источники классическаго образованія, они тотчасъ увидѣли внутреннее противорѣчіе церковнаго устройства. Къ этому присоединился и страшный упадокъ нравственной жизни въ духовенствѣ. Но уясненіе противорѣчія въ томъ, что́ прежде было предметомъ слѣпой вѣры, ведетъ къ смѣху. Вся Европа разразилась страшнымъ смѣхомъ. Люди, отгадавшіе загадку римскаго двора, смѣялись и кощунствовали; „смѣялось само духовенство, увѣренное", говоритъ Фихте, „что все-таки не многіе поймутъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ средство къ уразумѣнію загадки, классическое образованіе, было недоступно массѣ".

Но что́ же дальше?... Когда очарованіе было разрушено, народамъ представлялось два выхода: или ограничиться смѣхомъ, отказаться отъ прежнихъ вѣрованій, т.-е. отрѣшиться отъ всякой религіи, или, сохраняя религіозное чувство, выработать для него новую форму церковной жизни. Но къ послѣднему выходу былъ способенъ только народъ, сохранившій въ себѣ силу первоначальнаго творчества, способный начать новую жизнь, когда противорѣчія прежней стали ясны. Это и былъ германскій народъ. Въ то время, когда романскіе народы отъ смѣха переходили къ невѣрію, какъ Франція, или, испугавшись прежней дерзости, кинулись снова въ объятія католичества, германскіе реформаторы предприняли создать новыя формы церковной жизни, которыя были бы основаны на возрожденіи религіознаго чувства въ народѣ. Для этого они прежде всего дали народу въ руки Библію, переведенную на нѣмецкій языкъ. Успѣхъ былъ полный. Въ то время, какъ романскіе скептики принялись защищать власть папы, протестанты, воодушевленные новою проповѣдью, при пѣніи псалмовъ, обновили церковную и національную жизнь. Торжество протестантизма было также первымъ сознательнымъ торжествомъ принципа національности въ политикѣ.

Результатъ всѣхъ этихъ соображеній ясенъ. Если новое воспитаніе, долженствующее обновить человѣчество, должно прежде всего воспитать народъ къ творчеству, то воспользоваться такимъ воспитаніемъ способенъ прежде всего народъ, сохранившій свою національную самобытность, какъ основу всякаго творчества. Мало того; каж-

дая отдѣльная личность можетъ быть воспитана къ дѣйствительно творческой, духовной жизни только при помощи національнаго воспитанія. Только тогда, когда, при первомъ шагѣ школьной жизни, человѣкъ почувствуетъ себя членомъ великаго цѣлаго, когда духъ общности и сознаніе началъ духовной жизни народа будутъ воспитаны и укрѣплены въ нихъ постояннымъ общеніемъ съ товарищами всѣхъ классовъ и состояній—замолкнетъ въ немъ духъ своекорыстія, и онъ воскреснетъ для духовной жизни, которая есть въ то же время жизнь національная.

Человѣкъ, лишенный чувства національности, неспособенъ къ разумной, духовной жизни. Мы видѣли выше, что, по ученію Фихте, разумная жизнь состоитъ въ посвященіи всѣхъ своихъ индивидуальныхъ силъ осуществленію идеи, развивающейся въ обществѣ. Но для того, чтобы посвятить себя служенію идеѣ, нужно носить въ себѣ сознаніе безконечной жизни, не оканчивающейся предѣлами жизни индивидуальной. Къ подобному сознанію способенъ только человѣкъ, живущій національною жизнью.

Вѣра каждаго благороднаго человѣка, говоритъ Фихте, въ вѣчное продолженіе его дѣятельности на этой землѣ основана на вѣрѣ въ вѣчное существованіе того народа, изъ котораго онъ самъ развился, и въ его самобытность, обезпеченную отъ всякаго посторонняго вмѣшательства и порчи. Эта самобытность есть *вѣчное*, которому онъ ввѣряетъ свою собственную вѣчность,—вѣчный порядокъ вещей, въ которомъ онъ полагаетъ свою вѣчность. Его продолженія онъ долженъ желать, потому что онъ есть единственная связь, соединяющая его кратковременную жизнь съ земною вѣчностью. Его вѣра и стремленіе насадить непреходящее,—понятіе, въ которомъ онъ разумѣетъ свою жизнь какъ вѣчную,—есть связь, соединяющая съ нимъ весь его народъ, *а чрезъ него* все человѣчество. Въ этомъ состоитъ его любовь къ своему народу,—любовь, его уважающая, ему довѣряющая, имъ радующаяся и гордящаяся происхожденіемъ отъ него.

Не все въ ученіи Фихте безспорно. Онъ не далъ еще, по многимъ причинамъ, надлежащаго развитія началу народности. Самобытность Германіи мыслилась имъ въ формѣ ея *гегемоніи* надъ другими странами [1]). Но имъ вѣрно указанъ *путь*, который ведетъ народность къ независимости и свободѣ.

Неопровержимо то, что главное средство спасти и образовать творческую силу народа состоитъ въ хорошей системѣ воспитанія, которое должно быть народнымъ, т.-е. организовано для всѣхъ и распространено на всѣхъ. *Народная школа*—вотъ мечта каждаго

[1]) См. первую лекцію о славянофилахъ. *Поздн. прим.*

патріота, и каждый патріотъ знаетъ, что малѣйшая сумма, издержанная на народное образованіе, возвратится сторицею, не только потому, что народъ получитъ нѣсколько свѣдѣній, необходимыхъ для его домашняго быта, но и потому, что она вызоветъ къ дѣлу непреодолимыя творческія силы, которыя сохранятъ и образуютъ народную самобытность.

Неопровержимо, наконецъ, то, что самая система національнаго воспитанія безсильна, если она не опирается на живые источники народной жизни, на національный языкъ и на любовь къ отечеству. Только народъ, говорящій своимъ языкомъ, способенъ къ прогрессу въ умственной жизни; потому что слово, содержаніе котораго чуждо народнымъ представленіямъ, останется мертвою буквой и ничего не вызоветъ въ мыслящемъ духѣ. Только человѣкъ, побѣдившій въ себѣ чувство своекорыстія и бездушнаго космополитизма, отдавшій себя народному дѣлу, вѣрящій въ силу и призваніе своего народа, способенъ къ творчеству и къ истинно великимъ дѣламъ; потому что онъ дѣйствуетъ въ виду живой вѣчности народа, со всѣмъ его прошедшимъ и будущимъ.

При такихъ условіяхъ, народъ, привыкшій къ серьезной упорной работѣ надъ собою, не будетъ стремиться къ внѣшнему преобладанію; всеобщій трудъ вызоветъ дѣйствительное уваженіе одного народа къ личности другого, и національная свобода сдѣлается закономъ общечеловѣческой жизни.

Національность и трудъ, національность и творчество, національность и школа, національность и свобода—эти слова должны сдѣлаться однозначащими.

Но они еще не сдѣлались таковыми: еще теперь, во имя ложно понятой національной независимости, народы несутъ къ другимъ войну, грабежъ, контрибуціи и деспотизмъ. Пусть эти бранные клики умолкнутъ у предѣловъ Россіи, какъ разбилась о нее великая армія Наполеона. Мы отстояли свою независимость, когда вся Европа была порабощена; мы сдѣлались сильны, когда другіе были слабы. Но мы понесли имъ слово свободы; въ самое отечество нашихъ враговъ мы не внесли ни мщенія, ни контрибуціи, ни раздробленія. Мы оставили имъ ихъ землю въ цѣлости, дали имъ миръ внѣшній и внутренній и хартію свободы. Пусть и впредь будетъ такъ. Пусть и впредь о Россію сокрушается всякая завоевательная политика, какую бы маску она ни носила, во имя чего она ни требовала бы себѣ покорности. Мы твердо вѣримъ, что матеріальная и духовная самостоятельность Россіи имѣетъ общечеловѣческое значеніе, какъ оплотъ свободы народовъ противъ всякаго посягательства. Пусть же она укрѣпляетъ въ себѣ эту самостоятельность неуклонною работою надъ

собою, непрерывнымъ обновленіемъ своей внутренней жизни, народною школою, равноправностью, правдою въ податяхъ, въ судѣ и въ народномъ хозяйствѣ.

И когда же взяться за эту работу, какъ не теперь, когда однѣ національности, нами же освобожденныя, уже сдѣлали свое дѣло, когда другія ждутъ нашей помощи; когда самостоятельное развитіе наше является не только полезнымъ дѣломъ для насъ, но и обязанностью по отношенію къ другимъ? Если свобода и самобытность народностей сдѣлались принципомъ жизни во всей западной Европѣ, то неужели славянскій Востокъ составитъ исключеніе въ этомъ отношеніи? Или онъ въ самомъ дѣлѣ рожденъ для зависимости?

Вспомнимъ слова Хомякова:

„О Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идешь на Божескій призывъ!“

ПЕРВЫЕ СЛАВЯНОФИЛЫ [1]).

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Мм. Гг.

Я не намѣренъ особенно много оправдывать передъ вами выборъ моей темы для предстоящихъ чтеній. Труды небольшого кружка лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ славянофиловъ, заслуживаютъ вниманія уже по одной новости и оригинальности идей, которыя они внесли въ русское общество. Что идеи эти были во многихъ отношеніяхъ благотворны, сознаютъ даже лица, относящіяся къ славянофильству отрицательно. „Славянофильская тенденція,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ критиковъ славянофильства,—имѣла, безъ сомнѣнія, высокую нравственную цѣну относительно массы общества, какъ стараніе пробудить въ немъ *какое-нибудь нравственное сознаніе*; она имѣла цѣну и для литературы, для той части общества, гдѣ шло уже извѣстное броженіе понятій, какъ требованіе *большаго вниманія къ народному быту, большаго уваженія къ собственнымъ* понятіямъ и желаніямъ народа, на который дѣйствительно всего чаще смотрѣли съ извѣстной долей самодовольнаго снисхожденія“ [2]).

Кажется, и этого бы довольно для ихъ правъ на полное вниманіе потомства. Но мы намѣрены взывать здѣсь не „къ памяти“ общества, не къ чувству благодарности. Задача этихъ чтеній иная. Они должны показать не то, что̀ „сдѣлали“ славянофилы въ свое время, а то, что̀ труды ихъ *дѣлаютъ* въ настоящее время; мы будемъ изслѣдовать ихъ идеи не со стороны ихъ вліянія на свое время, а со стороны ихъ дѣйствія на наше.

Становясь на такую точку зрѣнія, мы признаемъ, слѣдовательно, славянофильскія идеи за часть умственнаго капитала современнаго

---

[1]) Публичныя лекціи, читанныя въ мартѣ 1873 г., въ С.-Петербургѣ.

[2]) *Вѣстн. Европы*, декабрь 1872, ст. г. Пыпина, стр. 676; ноябрь, стр. 60 и друг. мѣста.

русскаго общества; мы утверждаемъ, стало быть, что эти идеи или часть ихъ живутъ во многихъ русскихъ людяхъ, руководятъ ихъ стремленіями, проявляются въ ихъ дѣйствіяхъ, заставляютъ ихъ то радоваться, то страдать, что они крѣпко сжились съ нравственнымъ существомъ многихъ. Мы утверждаемъ даже бо̀льшее. Славянофильство, говоримъ мы, живетъ и проявляется не только въ опредѣленномъ кружкѣ лицъ, которыя могутъ быть названы „нынѣшними славянофилами". Нѣтъ! Подобно всякому сильному и живучему ученію, славянофильство видоизмѣнило общій духъ времени, т.-е., говоря опредѣленно, оно подѣйствовало не только на *сознаніе* извѣстнаго круга людей, но и на *инстинкты* значительной массы общества. Славянофильство отчасти предугадало, отчасти пробудило тѣ стремленія русскаго общества, которыя заставляютъ его иначе относиться къ разнымъ явленіямъ и событіямъ, чѣмъ относилось къ нимъ общество прежнее.

Утвержденія наши идутъ еще дальше. Мы утверждаемъ, что стремленія, пробужденныя славянофильствомъ, будутъ имѣть неотразимое вліяніе на *будущее* русскаго общества; что вліяніе это будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сознательнѣе, свободнѣе, самостоятельнѣе будетъ относиться русскій человѣкъ ко всѣмъ политическимъ, общественнымъ и международнымъ вопросамъ.

Но имѣемъ ли мы право, научное право, выставлять такія предположенія, разсматривать славянофильство именно съ этой точки зрѣнія?

Всѣ, даже противники славянофильства (мы говоримъ о противникахъ добросовѣстныхъ) признаютъ и одобряютъ вліяніе славянофильства въ предѣлахъ своего времени. Но заключала ли въ себѣ эта теорія зародыши дальнѣйшаго развитія, или она, вспыхнувъ какъ метеоръ, должна разлетѣться въ прахъ? Таково именно заключеніе весьма многихъ. По ихъ мнѣнію, коренныя начала славянофильства, *какъ теоріи*, а не какъ направленія, ложны. Поэтому въ настоящее время оно анахронизмъ, мертвенный остатокъ прошлаго, которое никогда не возвратится.

Вотъ, слѣдовательно, выводъ, требующій возраженія и возраженія не ради простого спора. Спорить просто—занятіе, можетъ быть, пріятное, но безполезное. Съ нашей точки зрѣнія предполагаемый споръ имѣетъ болѣе серьезное значеніе. Онъ будетъ новымъ предлогомъ для провѣрки того, что̀ *многіе дѣлаютъ, чему многіе служатъ, во что̀ многіе вѣрятъ.* Конечно, каждый изъ нихъ и безъ того служитъ своему дѣлу съ сознаніемъ и вѣрою. Но, можетъ быть, ихъ сознаніе затемнено, можетъ быть, ихъ вѣра слѣпа. Поэтому ничто не можетъ такъ выяснить этого сознанія и этой вѣры, какъ провѣрка

возраженія, исходящаго отъ противниковъ добросовѣстныхъ и твердо убѣжденныхъ въ правотѣ *своего* дѣла.

Предпринимая это возраженіе, я долженъ оговориться. Все, что̀ здѣсь будетъ сказано, есть выраженіе моего личнаго взгляда на ученіе первыхъ представителей славянофильства. Мое выраженіе не есть апологія Кирѣевскаго, Хомякова и К. Аксакова. Оно будетъ такою же *критикою* славянофильства, какъ и критика ихъ противниковъ. Можетъ быть, мнѣ удастся указать на нѣкоторые бо̀льшіе „грѣхи" школы, чѣмъ имъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я льщу себя надеждою, что мнѣ суждено будетъ указать на такія нача̀ла ученія, которымъ не суждено погибнуть, которыя войдутъ въ плоть и кровь каждаго русскаго, которыя способны подвинуть многихъ на высокіе подвиги во славу земли.

Эти оговорки нужны мнѣ и еще для одной цѣли. Онѣ дадутъ мнѣ возможность сразу показать, что первые представители славянофильства и ихъ противники стояли, въ сущности, *на одной почвѣ*, и что отъ *этого* зависѣло появленіе въ славянофильствѣ многихъ крайнихъ ученій, которыя мы должны оставить въ настоящее время; но что, независимо отъ этихъ крайностей, въ славянофильской теоріи кроется зародышъ плодотворнаго стремленія, которому не суждено погибнуть въ нашемъ обществѣ, если только общество это призвано къ самостоятельной, національной жизни.

Мы должны развить и доказать эту мысль теперь же, для того, чтобы развязать себѣ руки для дальнѣйшей оцѣнки славянофильства.

Два врага.

I.

Почему славянофилы названы этимъ именемъ? Кажется потому же, почему противники ихъ названы *западниками*. Оба эти названія имѣли свой очень опредѣленный смыслъ въ свое время. Славянофилы провозгласили право славянъ, т.-е. племенъ или политически порабощенныхъ другими расами, или духовно ими плѣненныхъ—играть роль во всемірной цивилизаціи; т.-е. они доказывали культурную годность началъ, составляющихъ особенность славянскаго племени. Они сдѣлали больше. Теорія ихъ доказывала не только годность, но *превосходство* культурныхъ началъ славянскаго міра надъ таковыми же началами міра романо-германскаго. Она не только защищала *самобытность* славянства, но и *осуждала* содержаніе и форму западно-европейской цивилизаціи. Отсюда знаменитая теорія „гніенія запада".

Противники славянофильства видѣли всѣ просвѣтительныя начала, т.-е. начала, способныя образовать человѣка, въ цивилизаціи романо-

германской. Народы, въ которыхъ не было именно этихъ началъ, признаны были некультурными народами. Они могли пріобщиться къ цивилизаціи только путемъ *заимствованія* нравовъ, учрежденій, методовъ и т. д. народовъ просвѣщенныхъ. Мало того. Не простое внѣшнее заимствованіе рекомендовалось „варварамъ". Заимствованное начало должно было пройти въ плоть и кровь народа, слѣдовательно, по законамъ физики, вытѣснить всѣ природныя особенности его. Цивилизовавшійся путемъ заимствованій человѣкъ долженъ былъ обновиться, сдѣлаться *новымъ* человѣкомъ—какимъ это все равно. Отсюда критическое и даже враждебное отношеніе ко всему, что̀ составляетъ особенность народа, подлежавшаго цивилизаціи. То, что̀ въ глазахъ славянофила было началомъ самостоятельной культуры, въ глазахъ западника было помѣхою истинной цивилизаціи.

Насъ, въ данную минуту, не занимаетъ вопросъ о томъ, кто изъ двухъ противниковъ былъ правъ и кто виноватъ. Важно то, на какой почвѣ стояли противники, откуда шелъ ихъ споръ. И для разрѣшенія этого вопроса для насъ драгоцѣнно̀ именно то, что̀ обыкновенно называютъ *крайностями* школъ. Для человѣка, понимающаго дѣло, *крайность* есть прямое послѣдствіе и послѣдній аргументъ исходной точки ученія. Французская революція не была бы понятна безъ Робеспьера, этой величайшей крайности теоріи „общественнаго договора", какъ реакція 1815 г. была бы непонятна безъ Меттерниха, какъ идеализмъ не былъ бы понятенъ безъ Гегеля и т. д.

Въ чемъ же состояли „крайности" двухъ школъ?

Послѣднее слово славянофильства, какъ мы видѣли, состояло не въ *критикѣ* западно-европейской культуры (законность и необходимость этой критики мы постараемся доказать), а въ безповоротномъ *осужденіи* ея, въ предреченіи близкой гибели западнаго міра.

Крайность западничества заключалась (какъ показалъ примѣръ Чаадаева) не только въ критикѣ особенностей народа не-европейскаго, а въ отрицаніи его способности сдѣлать что либо безъ полнаго заимствованія всѣхъ началъ чуждой культуры, безъ *отреченія* отъ самого себя.

Фактъ знаменательный и поучительный! Онъ наведетъ насъ на настоящую дорогу изслѣдованія двухъ школъ. Во имя чего, спрашивается, славянофиламъ *нужно* было осудить западъ, предречь ему гибель и превознести культурныя начала славянства? Во имя чего, съ другой стороны, западники безповоротно осудили все, что̀ не подходило подъ мѣрку европейской цивилизаціи?

Разгадка, сколько намъ кажется, налицо. *Обѣ школы исходили изъ одинаковаго воззрѣнія на цивилизацію и спорили только о мѣстѣ, которое суждено занять славянскому племени въ этой цивилизаціи.*

Воззрѣнія на цивилизацію и тамъ и здѣсь были одинаковы и по источнику и по содержанію.

Во-первыхъ, по источнику. Обѣ школы или, лучше сказать, оба кружка получили одинаковое высшее образованіе, т.-е. одинаково развились подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи шеллингіанской и главнымъ образомъ гегельянской. Это фактъ общеизвѣстный. О немъ свидѣтельствуютъ всѣ современники и всѣ біографіи замѣчательныхъ людей того времени.

Во-вторыхъ, по содержанію. Нѣмецкая философія, болѣе чѣмъ какая нибудь другая, установила понятіе *общечеловѣческой* цивилизаціи, и это понятіе было принято какъ славянофилами, такъ и западниками. Вотъ какое невинное, повидимому, обстоятельство, явилось источникомъ безпощадной вражды, ожесточенной полемики и взаимнаго отлученія отъ церкви...

Въ наше время подобная вражда изъ-за теоретическаго принципа кажется непонятной. Но не надо забывать, что теперь много людей, расходясь въ теоріи, могутъ примириться и соединиться въ жизни общественной. Тогда не было общественной жизни, не было и поприща совмѣстной дѣятельности. Теоретическій догматъ грозно и безпощадно раздѣлялъ людей, какъ жезлъ Моисея волны Чермнаго моря! Прошло ли это время теперь—не знаю; но знаю и вѣрую, что оно пройдетъ, когда общественная жизнь соединитъ людей въ одну великую русскую „землю“ и смоетъ наши смѣшные „кружки“.

Теперь помиримся съ этимъ фактомъ. Теорія раздѣляла — надо разсмотрѣть почему, надо допросить эту теорію по пунктамъ.

II.

Что такое *общечеловѣческая* цивилизація? На этотъ вопросъ каждая эпоха отвѣчала по-своему. Мы, съ своей стороны, постараемся разрѣшить его въ слѣдующихъ лекціяхъ. Но теперь намъ важно опредѣлить, какъ онъ былъ разрѣшенъ въ ту эпоху, когда выступили наши славянофилы.

Яснѣе всего это будетъ видно изъ словъ двухъ крупныхъ представителей идеализма начала нынѣшняго столѣтія—Фихте Старшаго и Гегеля.

Фихте въ своихъ лекціяхъ, озаглавленныхъ *Основныя черты нашего времени* [1]), высказываетъ общепринятое тогда положеніе, что цивилизація, т.-е. жизнь человѣчества, расположена по одному общему плану, осуществляющему одну общую идею. Но эта общая идея

[1]) *Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters;* читаны въ 1804—1805 году.

осуществляется постепенно; исторія человѣчества распадается на отдѣльныя эпохи, изъ которыхъ каждая представляетъ особую, частную идею. Частная идея эпохи воплощается въ опредѣленномъ народѣ, который, вслѣдствіе этого и становится во главѣ цивилизаціи своего времени.

Какъ же относится этотъ народъ къ другимъ? Какъ долженъ относиться къ нему всякій просвѣщенный человѣкъ? Это видно изъ слѣдующихъ словъ Фихте:

„Гдѣ отечество истинно просвѣщеннаго христіанина-европейца? Вообще—Европа, *а въ особенности, въ каждую эпоху, то европейское государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи.* То государство, которое ошибочно пойдетъ по опасному пути, съ теченіемъ времени, *погибнетъ,* а потому не будетъ уже стоять во главѣ цивилизаціи. *Но именно* потому, что оно погибнетъ и должно погибнуть, появляются *другія* и между ними *одно* въ особенности выдвинется впередъ. Пусть же *земнородные,* признающіе въ земной корѣ, рѣкахъ и горахъ свое отечество, остаются гражданами *погибшаго* государства; они получатъ то, чего желали и что̀ дѣлаетъ ихъ счастливыми. Но солнцеподобный духъ неудержимо притягивается и направляется *туда,* гдѣ свѣтъ и правда. И въ этомъ *всемірно-гражданскомъ* чувствѣ мы можемъ успокоиться о судьбѣ и дѣяніяхъ государства“.

Эта мысль еще рельефнѣе выставлена у Гегеля. Читатели, знакомые съ гегелевой философіей, помнятъ, что, съ его точки зрѣнія, общественная жизнь вообще есть моментъ объективнаго бытія воли, какъ аттрибута духа. Воля, въ своемъ объективномъ бытіи, проходитъ разныя ступени или моменты развитія — семью, гражданское общество, государство. Въ государствѣ воля дѣлается субстанціальной, вполнѣ свободной, сознательной. Жизнь государства, какъ законченнаго организма, выражается во внутренней политикѣ и въ международныхъ сношеніяхъ. Но во внутренней жизни государства и въ международномъ союзѣ, жизнь духа выражается еще въ частныхъ явленіяхъ и понятіяхъ, которыми ограничивается его абсолютность. *Особенности* извѣстнаго народа, учрежденія *даннаго* государства, таланты его правителей, частныя стремленія обществъ, борьба политическихъ партій, страданія и интересы извѣстнаго класса наполняютъ жизнь отдѣльныхъ государствъ. *Субстанціальный духъ проявляется какъ опредѣленный, ограниченный духъ извѣстныхъ народовъ.* Послѣдній не можетъ воплотить въ себѣ *абсолютной* идеи, возвыситься на степень *абсолютнаго* духа.

Только во *всемірной исторіи* духъ достигаетъ послѣдняго момента своего развитія, своего могущества и свободы. Во всемірной исторіи, въ торжествующемъ саморазвитіи безусловнаго, разрѣшаются

всѣ частныя противорѣчія, примиряются въ безпрерывно мѣняющихся синтезахъ, *сглаживаются всѣ особенности* отдѣльныхъ народовъ и сливаются въ одну общую идею безконечнаго развитія. Предъ саморазвивающимся абсолютомъ всѣ частныя права, особенности, свойства народовъ не имѣютъ *никакого* значенія. Если народы недостаточно сильны, чтобы участвовать въ движеніи абсолюта, *если ихъ особенности противорѣчатъ единству общей идеи, всемірная исторія осуждаетъ ихъ, подобно тому, какъ судебный приговоръ осуждаетъ единичную волю, уклоняющуюся отъ воли общей.* Вотъ почему Гегель называетъ всемірную исторію *всемірнымъ судомъ* (Weltgericht).

Но кто же явится представителемъ абсолюта? Кто будетъ исполнителемъ его всемірно-историческихъ приговоровъ?

Въ исторіи являются народы, въ которыхъ какъ бы воплощается всемірно-историческая идея въ данную минуту ея развитія. Такой народъ даетъ общій характеръ своей эпохѣ; поэтому онъ и является *господствующимъ* народомъ между всѣми другими. Относительно его безусловнаго права, быть представителемъ даннаго момента развитія всемірнаго духа, духъ другихъ народовъ *безправенъ* (rechtlos). Эти народы не считаются болѣе во всемірной исторіи (sie zählen nicht mehr in der Weltgeschichte). Четыре государства до настоящаго времени имѣли такое господствующее значеніе во всемірной исторіи: древне-восточное, греческое, римское и германское. *Послѣднее завершаетъ собою всемірную исторію; оно есть послѣднее слово саморазвивающагося духа.*

III.

Вопросъ поставленъ, кажется, ясно. Намъ остается сдѣлать только надлежащіе выводы и примѣнить ихъ къ взаимному отношенію нашихъ литературныхъ партій.

Центръ тяжести теоріи общечеловѣческой цивилизаціи состоялъ именно въ томъ, что въ каждую данную эпоху есть *одинъ народъ*, воплощающій въ себѣ идею всемірной культуры и притомъ идею безусловную для даннаго времени. Поэтому такой народъ долженъ считаться господствующимъ, а другіе предъ нимъ безправны, т.-е. должны или политически, или духовно подчиниться ему. Ихъ особенности есть какъ бы оскорбленіе для саморазвивающагося абсолюта, воплотившагося въ избранномъ народѣ.

Какой представляется отсюда выходъ для человѣка, считающаго себя просвѣщеннымъ—понятно.

Если онъ вѣритъ въ силы *своего* народа, т.-е. считаетъ его способнымъ стать со временемъ во главѣ человѣчества, онъ станетъ

доказывать, что народъ, стоящій теперь во главѣ цивилизаціи, отживаетъ свой вѣкъ, и что пришла пора для его согражданъ. Такъ поступилъ Фихте. Изъ событій первыхъ годовъ XIX вѣка онъ увидѣлъ, что Франція, стоявшая во главѣ цивилизаціи прежней эпохи, умираетъ вмѣстѣ съ этою эпохой. Онъ, въ своихъ „Рѣчахъ къ германскому народу“, кликнулъ патріотическій кличъ, возвѣщавшій, что настала пора приблизиться къ Синаю, взять скрижали новаго завѣта и стать „сынами Божіими“.

Если, напротивъ, человѣкъ не вѣритъ въ силы своего народа, онъ, во-первыхъ, отнесется къ нему отрицательно. Онъ отрѣшится отъ него, отъ этихъ „земнородныхъ“, потому что „солнцеподобный духъ неудержимо стремится туда, гдѣ свѣтъ и правда“. Онъ посовѣтуетъ ему бросить свои особенности и сдѣлаться „сосудомъ абсолютнаго“, т.-е. воспріять иноземное, потому что оно выраженіе общечеловѣческаго. Онъ будетъ даже любить и просвѣщать свой народъ—но его любовь будетъ хуже ненависти, а благодѣянія хуже обиды—ибо въ каждомъ его дѣйствіи будетъ виденъ пріемъ высокомѣрнаго педагога. Такъ поступали многіе — имя имъ легіонъ. Но въ особенности ярко воплотилось это направленіе въ „Философическомъ письмѣ“ Чаадаева.

Мы говоримъ, что въ письмѣ Чаадаева воплотилось это направленіе; но мы ошибаемся. Чаадаевъ утверждалъ бо̀льшее: *онъ сомнѣвался въ способности русскаго народа къ культурѣ вообще.* Приведемъ, въ доказательство, слѣдующія замѣчательныя мѣста Философическаго письма (*Телескопъ*, 1836, стр. 283 и слѣд.).

„Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились до настоящаго времени. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ прошедшее сильно, картинно, живо. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, *безъ прошедшаго и безъ будущаго.* Если же иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлью достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага; а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается

и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія...

„Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда въ умахъ нашихъ. *Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что̀ могла бы опереться мысль наша...*

„Не знаю, въ крови у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію.

„Послѣ этого, скажите, справедливо ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе?“

Вотъ, слѣдовательно, корень вопроса и ключъ къ разрѣшенію загадки.

Представимъ себѣ молодыхъ, пылкихъ юношей, которымъ говорятъ, что абсолютная идея абсолютной цивилизаціи воплотилась въ германскомъ народѣ; что цивилизація этого народа есть послѣднее слово саморазвивающагося духа, какъ гегелева философія есть послѣднее слово разума; что славянство призвано къ подражанію и къ духовному плѣну, и что величайшее для него благо — перестать быть славянствомъ. Прибавимъ къ этому, что у нихъ оффиціально были отняты и тѣ надежды, какими питался Фихте Старшій. Фихте имѣлъ право надѣяться, что враждебная ему Франція падетъ и уступитъ мѣсто новому свѣтилу — Германіи. Славянофиламъ возвѣщали, что германская культура есть послѣднее слово саморазвивающагося духа, что за этимъ словомъ остается только ожидать трубнаго звука архангела, призывающаго на страшный судъ.

Спрашивается, что̀ имъ было дѣлать? Что̀ имъ было дѣлать особенно въ виду того *факта*, что Россія успѣла развиться въ громадное государство безъ особенной помощи „абсолюта“, воплощеннаго въ иныхъ народахъ.

Сойди они съ точки зрѣнія *абсолютной* цивилизаціи, мы бы сказали, что̀ имъ нужно было сдѣлать,—и увидимъ это ниже. Но, оставаясь на одной почвѣ съ своими противниками, они *не могли сдѣлать* ничего, кромѣ того, что̀ сдѣлали и что̀, раньше ихъ, сдѣлалъ Фихте для *своего* народа. Они подвергли, опять-таки съ точки зрѣнія *абсолютной* годности, критикѣ всѣ начала европейской цивилизаціи. Они осудили ее, предсказали ей близкую смерть. Имъ не для чего было бы прибѣгать къ такому пріему, если бы они стали на точку зрѣнія свободы всѣхъ національныхъ культуръ. Для того, чтобы доказать *относительную* годность того или другого культурнаго начала даннаго народа, вовсе не нужно доказывать его *общечеловѣческаго* значенія. Напротивъ, славянофилы, съ своей точки зрѣнія, иначе не могли доказать *годности* культурныхъ началъ сла-

вянскаго племени, какъ доказавъ предварительно ихъ безусловное, общечеловѣческое значеніе. „Вы, говорили они, ищете просвѣтительныхъ началъ въ католичествѣ и протестантствѣ; но католичество и протестантство суть одностороннія, а потому фальшивыя выраженія абсолютной христіанской идеи. Вселенская истина не здѣсь, а въ православіи. Вы видите послѣднее слово политической мудрости въ западныхъ парламентахъ и разныхъ гарантіяхъ, а мы видимъ его въ „земскомъ единствѣ“ Россіи“.

И т. д., и т. д., этотъ споръ можно бы вести до безконечности, потому что какое же данное учрежденіе данной эпохи воплощаетъ вселенскую истину?

Такимъ безплоднымъ характеромъ отличалась вся полемика двухъ школъ. Напримѣръ, Кирѣевскій доказываетъ упадокъ европейскаго просвѣщенія тѣмъ, что „разсудочная мысль“ запада изжилась въ системахъ Шеллинга и Гегеля. Его опровергаютъ тѣмъ (совершенно вѣрнымъ) замѣчаніемъ, что „разсудочная мысль“ послѣ Гегеля вступила на лучшую дорогу и проявилась въ полезныхъ открытіяхъ. Но это возраженіе нисколько не устраняетъ причины спора. Чрезъ нѣсколько времени можетъ явиться другой Кирѣевскій, который покажетъ, что и новое направленіе „разсудочной мысли“ изжилось, а новый критикъ покажетъ ему, что это заблужденіе— и т. д., ad infinitum.

Чтó же изъ этого выйдетъ? То, чтò обыкновенно выходитъ, когда противники не понимаютъ причины своего спора — взаимное, безплодное раздраженіе. А непониманіе причины спора зависитъ отъ того, что оба противника, въ сущности, стоятъ на одной почвѣ.

Пояснимъ нашу мысль нагляднымъ примѣромъ. Въ знаменитой коммиссіи для составленія новаго уложенія 1767 г. шли пренія по поводу способовъ пріобрѣтенія дворянства. Одна партія, во главѣ которой стоялъ князь М. М. Щербатовъ, доказывала, что дворянство, какъ „особенное нарицаніе чести“, можетъ быть пріобрѣтаемо, кромѣ естественнаго происхожденія отъ „доблестныхъ начальствовавшихъ въ древности мужей“, особеннымъ пожалованіемъ отъ монарха, въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Щербатовъ возражалъ противъ табели о рангахъ, допускавшей возможность пріобрѣтенія дворянства по „чину“. Эта мѣра Петра Великаго, говорилъ князь, открыла доступъ къ дворянству лицамъ изъ „подлаго“ народа, оскверняющихъ благородное названіе дворянина.

Противная партія, съ депутатомъ Мотонисомъ во главѣ, доказывала, что предъ лицомъ отечества нѣтъ „подлыхъ“, и что заслуга должна каждаго выдвигать въ дворянство.

Читая эти пренія въ *Сборникѣ Историческаго Общества*, можно

на время даже умилиться духомъ; но по зрѣломъ обсужденіи дѣла окажется, что и Щербатовъ и его противники, съ нынѣшней точки зрѣнія, одинаково стояли на ложной точкѣ зрѣнія. И по очень простой причинѣ. Оба они въ сущности добивались *привилегій*; разница была только въ способахъ пріобрѣтенія этихъ привилегій и въ томъ, на кого онѣ должны были распространяться. Въ настоящее время, когда въ нашемъ законодательствѣ утверждается начало *равноправности*, всякій споръ о привилегіяхъ, какъ бы онѣ ни пріобрѣтались, кажется празднымъ препровожденіемъ времени.

То же самое представляетъ и занимающій насъ споръ. Въ немъ участвовали свои Щербатовы, доказывавшіе, что привилегія воплощать „единую, вселенскую и абсолютную“ цивилизацію принадлежитъ только избраннымъ народамъ; это были, не во гнѣвъ имъ буди сказано, западники. Были и свои Мотонисы, доказывавшіе, что и „подлые“ народы могутъ отличиться и сдѣлаться сосудомъ всемірной цивилизаціи—это были славянофилы.

Но мы живемъ въ минуту, когда горькій опытъ исторіи показалъ и показываетъ, къ чему приводятъ эти идеи вселенской истины и избранныхъ расъ; если не научила Европу гегемонія Франціи, то научитъ командирство иныхъ. Теперь народы все больше и больше сознаютъ свою *равноправность*, свои права на внутреннюю свободу и самостоятельное развитіе. Теперь гегелевская идея о безправности „подлыхъ“ народовъ предъ „избраннымъ“ сосудомъ — просто возмутительна.

Мечтанія славянофиловъ о томъ, что западъ погибнетъ, а на развалинахъ сего Вавилона заиграетъ новая жизнь славянскихъ народовъ, были естественнымъ, законнымъ протестомъ противъ безпощадной теоріи божественнаго права западныхъ народовъ.

Смѣяться надъ ними за этотъ протестъ нельзя, нельзя приписывать имъ „самонадѣянности и гордыни“ *такъ какъ они стали только въ оборонительное положеніе* противъ весьма оскорбительной теоріи.

Можно сказать только одно—ихъ теоріи о гибели запада и абсолютности восточной культуры отжили свой вѣкъ вмѣстѣ съ противоположной теоріею, ихъ вызвавшею. Снесемъ старыхъ борцовъ вмѣстѣ на одно кладбище и поставимъ надъ ними общій крестъ.

Но не надо забывать одного — покойники возвращаются, пока бродятъ по свѣту другіе покойники—ихъ старые враги. Пока будутъ повторяться толки о „единой, святой и апостольской“ цивилизаціи, до тѣхъ поръ, періодически, будутъ возобновляться толки о „гніеніи запада“ и „призваніи славянства“. Короче говоря, пока критика славянофильства и даже національныхъ стремленій будетъ стоять на идеѣ, часто развиваемой многими писателями, до тѣхъ поръ въ

литературѣ будутъ дѣлаться бунты противъ „культурныхъ“ папъ, подобно тому какъ возстанія крестьянъ періодически возобновлялись до отмѣны крѣпостного права. Повторяемъ—покойниковъ надо похоронить вмѣстѣ.

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть на „крайности“ славянофильства, на ихъ „гордыню и самонадѣянность“. Эти крайности, съ другими крайностями, ихъ вызвавшими—принадлежатъ прошедшему.

Но въ славянофильствѣ, сказали мы, было не только это; отбрасывая крайности, вытекавшія изъ безпощадной метафизики двухъ школъ, мы легко открываемъ въ славянофильствѣ зародышъ *націо-нальной теоріи*. Явившись въ качествѣ реакціи безусловному космополитизму, славянофильство, само собою, логически, должно было прійти къ признанію національнаго принципа въ теоріи и въ жизни. Въ этомъ заключалось его громадное преимущество предъ противной партіей, которая не могла, въ большинствѣ случаевъ, измѣнить своего направленія и оставалась на почвѣ чистаго космополитизма.

Наиболѣе дальновидные славянофилы скоро почувствовали, куда влечетъ ихъ начатое ими противодѣйствіе господствующимъ мнѣніямъ. Такъ, Хомяковъ, въ которомъ вообще „крайности“ славянофильства чувствовались меньше, прежде другихъ призналъ *народность* общечеловѣческимъ, философскимъ принципомъ.

„Народность, говоритъ онъ, есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа; съ одной стороны, какъ общечеловѣческое, она собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіи и Платонѣ, то въ Рафаэлѣ и Вико, то въ Бэконѣ или Вальтеръ-Скоттѣ, то въ Гегелѣ и Гёте; съ другой стороны, какъ *живое*, а не *отвлеченное проявленіе человѣчества*, она живитъ и строитъ умъ человѣка. Въ то же время она, по своему общечеловѣческому началу, принимаетъ въ себя все человѣческое, отстраняя чуженародное своею неподкупною критикою, тогда какъ отдѣльному лицу нельзя не поддаваться самымъ *формамъ* чуженародности и не смѣшивать ихъ съ тою общечеловѣческою стихіею, которая въ нихъ таится“.

Та же идея воплощена въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній:

„Мы—родъ *избранный*“, говорили
Сіона дѣти въ старину,
„*Намъ* Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину.
Для *насъ* Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь.
Намъ камень лилъ воды потоки,

Дождили манной небеса,
Для *насъ* законъ, у *насъ* пророки,
Въ *насъ* Божьей силы чудеса!"
Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„*Мы*—соль земли, *мы*—столбъ святыни,
Мы—Божій мечъ, *мы*—Божій щитъ!"

. . . .

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ.
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ;
Онъ съ тѣмъ, кто *духа и свободы*
Ему возноситъ ѳиміамъ:
Онъ съ тѣмъ, *кто всѣ зоветъ народы*
Въ духовный міръ, въ Господенъ храмъ!

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Протестъ.

I.

Славянофильство, какъ легко видѣть изъ предыдущаго, было нѣкоторымъ протестомъ противъ установившихся воззрѣній на цивилизацію; и живая сила этого протеста не умретъ въ русскомъ обществѣ, она, волею-неволею, течетъ въ нашихъ собственныхъ жилахъ.

Для уразумѣнія смысла этого протеста необходимо прежде всего отвѣтить какъ слѣдуетъ на вопросъ, противъ чего онъ былъ направленъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ нельзя безъ указанія на исходную точку всего славянофильства. И это мы постараемся сдѣлать въ немногихъ словахъ.

Мы *должны* сдѣлать это въ немногихъ словахъ—за недостаткомъ времени—хотя не ручаемся, чтобы это было полезно для дѣла. Не ручаемся потому, что при краткости объясненій идея можетъ быть непонятна. Мы говоримъ *можетъ быть*! Она *будетъ* непонятна, если мы не отрѣшимся отъ нѣкоторыхъ ходячихъ воззрѣній нашего времени, отъ поклоненія силѣ, внѣшнему блеску, выправкѣ и дисциплинѣ: если не забудемъ на минуту, что, по убѣжденію пророковъ нашего времени, всѣ великіе вопросы жизни должны разрѣшаться „желѣзомъ и кровью".

Сдѣлаемъ, мм. гг., это усиліе, и тогда мы разомъ возвысимся до исходной точки проповѣди Хомяковыхъ, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ.

Славянофильство было *нравственною* философіею по преимуществу, т.-е. оно утверждало, что человѣчество управляется извѣстными сознательными началами, нравственными идеями.

Что́ было ему дороже всего въ человѣческомъ обществѣ, въ народѣ? Не трудно разрѣшить этотъ вопросъ, потому что отвѣтъ на него есть на каждой страницѣ сочиненій Хомякова и Аксакова; онъ проникаетъ и одухотворяетъ каждую ихъ статью. Для нихъ *первое* въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ народѣ были его нравственные идеалы, выработанные его свободнымъ сознаніемъ, т.-е. творчествомъ. Они могли примѣнить къ себѣ извѣстное евангельское выраженіе: какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но отдастъ свою душу, т.-е. продастъ за внѣшнее величіе и благосостояніе свои нравственные идеалы?

Каждый народъ, говорили они, какъ личность коллективная, имѣетъ свою нравственную идею, которая и даетъ ему значеніе какъ *народу*, т.-е. единству сознательному, а не механическому, стадному. Эта идея постепенно выражается въ народной исторіи. Какъ все нравственное—идеалы эти тогда только имѣютъ значеніе, когда они суть нѣчто свободно сознанное и усвоенное народомъ; всякая идея, *навязанная* народу, не даетъ въ немъ плодовъ: она остается сухою вѣтвью. Слѣдовательно, исторія народа должна быть дѣломъ самого народа. Конечно, они не отрицали и роли государства въ этомъ отношеніи. Но они видѣли въ государствѣ внѣшнюю, принудительную силу, которая только тогда можетъ дѣйствовать во благо, когда ею руководитъ *народная мысль*. Историческое развитіе тогда правильно, когда оно совершается согласнымъ дѣйствіемъ двухъ силъ—народа и государства или, какъ говорилъ К. Аксаковъ— „народу сила мнѣнія, правительству сила власти".

Съ этой точки зрѣнія понятно, противъ чего должны были направиться протесты славянофиловъ. Эти протесты разсѣяны во всѣхъ ихъ трудахъ, но они легко могутъ быть собраны въ одно цѣлое и сведены къ слѣдующимъ тремъ началамъ:

1) Они протестовали противъ принесенія въ жертву національныхъ идеаловъ идеаламъ чуждыхъ намъ народовъ; 2) они протестовали противъ осуществленія чуждыхъ намъ идеаловъ принудительнымъ, государственнымъ порядкомъ, мимо народа и часто противъ него; 3) они протестовали, наконецъ, противъ того, что̀ было естественнымъ результатомъ двухъ предыдущихъ явленій—противъ *раздвоенія* земли и государства, т.-е. противъ превращенія государства въ какое-то безличное абстрактное начало, и земли, народа—въ нравственно пассивную массу.

Каждый изъ этихъ протестовъ заслуживаетъ внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія.

II.

Съ точки зрѣнія научныхъ и культурныхъ интересовъ, конечно, нужнѣе всего доказать законность *перваго* протеста. Законность остальныхъ оправдается сама собою. Другими словами, относительно перваго протеста намъ должно доказать законность самой его идеи; говоря о послѣднихъ, мы должны будемъ доказать только дѣйствительность тѣхъ *фактовъ*, о которыхъ говорили славянофилы.

Итакъ, законна ли, съ точки зрѣнія науки и разума, мысль перваго протеста, т.-е. протеста противъ извѣстныхъ культурныхъ началъ, прививаемыхъ намъ извнѣ? Неужели славянофилы были противъ заимствованія *какихъ бы то ни было началъ*, выработанныхъ западно-европейскою цивилизаціею, которой мы всѣ обязаны столь многимъ? Неужели они были противъ тѣхъ требованій цивилизаціи, противъ тѣхъ ея началъ, которыя мы всѣ привыкли (и справедливо) называть *общечеловѣческими*? Возставали ли они противъ общечеловѣческой цивилизаціи?

Что они не могли возставать противъ общечеловѣческой цивилизаціи, это доказывается тѣмъ, что они, какъ мы видѣли, исповѣдывали ту же философію исторіи, какъ и ихъ противники. Они дорожили славянскими началами именно потому, что видѣли въ нихъ общечеловѣческое. Въ этомъ отношеніи они дошли даже до извѣстныхъ крайностей.

Слѣдовательно, для того, чтобы понять смыслъ ихъ протеста, намъ нужно разсмотрѣть его съ точки зрѣнія не того понятія объ общечеловѣческой цивилизаціи, которое имѣли они и ихъ противники (что одно и то же), а того, которое мы имѣемъ или должны имѣть *въ настоящее время*.

Что такое общечеловѣческая цивилизація, необходимость которой никто, конечно, не намѣренъ отрицать?

Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо, сколько мнѣ кажется, произвести маленькую перестановку въ словахъ или, лучше сказать, сдѣлать къ нимъ небольшую прибавку. Именно, вмѣсто того, чтобы говорить объ общечеловѣческой цивилизаціи, правильнѣе, кажется, говорить объ *общечеловѣческомъ въ цивилизаціи*, т.-е. совокупности такихъ условій культуры, которыя *должны быть* усвоены цѣлымъ кругомъ народовъ, какъ бы эти народы ни расходились во всемъ остальномъ.

Это измѣненіе термина оправдывается очень простымъ соображеніемъ. Самый рѣшительный сторонникъ общечеловѣческой цивили-

заціи въ старомъ смыслѣ не станетъ доказывать, что одинъ народъ долженъ усвоить *всю* культуру другого народа, болѣе его образованнаго. Самые отчаянные космополиты нашего времени очень справедливо смѣялись надъ *англоманіей* нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, а эти постоянно издѣвались надъ *галломаніей* другихъ. Мы теперь очень недоброжелательно относимся къ *германоманіи*, господствующей въ нѣкоторыхъ сферахъ нашего общества. Какая же мысль проглядываетъ въ этомъ отношеніи къ разнымъ „маніямъ“? Очень простая и вѣрная: что каждый цивилизующійся народъ долженъ и можетъ усвоить себѣ только *нѣчто* изъ результатовъ чужой культуры, что это *нѣчто* есть именно общечеловѣческое, т.-е. подлежащее усвоенію, а остальное должно быть предоставлено свободному творчеству каждаго народа. Для опредѣленія этого „нѣчто“ необходимо возстановить въ нашемъ представленіи тотъ умственный процессъ, посредствомъ котораго мы доходимъ до понятія „общечеловѣческаго“.

Названіе общечеловѣческое прилагается, во-первыхъ, къ совокупности такихъ цѣлей и требованій жизни, которыя мы *выводимъ непосредственно* изъ природы человѣка, взятой *абстрактно*, т.-е. *безъ отношенія его къ данной народности*, особенностями которой опредѣляются психическое и умственное направленіе каждаго *дѣйствительнаго* человѣка. Говоря объ общечеловѣческомъ, мы составляемъ понятіе человѣка съ точки зрѣнія *логики*, *анатоміи*, *физіологіи*, т.-е. мы опредѣляемъ человѣка, какъ *особь*, въ которой отражаются коренные признаки *цѣлаго рода*. Но мы *не беремъ* его со стороны *антропологіи* и *исторіи*, въ которыхъ проявляются особенныя свойства и стремленія людей, какъ членовъ конкретной расы или данной народности.

Каково же отношеніе между этими двумя понятіями—общечеловѣческимъ и народнымъ? Такое же, какъ между общимъ логическимъ понятіемъ и реальнымъ явленіемъ. Наше представленіе объ общечеловѣческомъ есть продуктъ логическаго и философскаго обобщенія всѣхъ частныхъ явленій. Поэтому, человѣкъ, желающій признать, что дѣйствительное значеніе, дѣйствительное бытіе имѣетъ только общечеловѣческое, а частное, народное есть только призракъ, ничтожный съ точки зрѣнія общечеловѣческаго, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ стать на почву чистой метафизики. Онъ долженъ признать вмѣстѣ съ Гегелемъ, что міръ есть проявленіе отвлеченной идеи, а отдѣльные народы и люди суть только преходящіе и ничтожные „сосуды“ абсолютнаго. Онъ долженъ признать, какъ это сдѣлалъ Платонъ, что идея предмета существуетъ не только *независимо* отъ этого предмета, но что одна она и имѣетъ бытіе. На дѣлѣ представляется другое. Идея есть *представленіе* мыслящаго субъекта; она суще-

ствуетъ *въ немъ и чрезъ него*; то, что̀ мы называемъ общечеловѣческими стремленіями, не имѣетъ реальнаго бытія. На дѣлѣ эти общечеловѣческія стремленія воплощены, выражены въ учрежденіяхъ, поэзіи, искусствѣ, философіи и т. д. разныхъ народовъ; въ нихъ и чрезъ нихъ только они получаютъ дѣйствительное бытіе. Эти различныя выраженія народной мысли и нравственныхъ стремленій не могутъ быть замѣнены *однообразными* учрежденіями и формами, построенными на отвлеченныхъ представленіяхъ о человѣческихъ стремленіяхъ и способностяхъ, ибо въ мірѣ существуютъ не слова и понятія, а народы и люди. Что̀ сказали бы мы, напримѣръ, еслибы кто-нибудь предложилъ уничтожить всѣ различныя формы семьи и замѣнить ихъ единообразной формой, на томъ основаніи, что де семья удовлетворяетъ единообразнымъ стремленіямъ человѣческой природы? Не сказали ли бы мы, что хотя, дѣйствительно, каждая форма семьи основана на извѣстномъ общечеловѣческомъ стремленіи, слѣдовательно, въ каждой семьѣ есть нѣчто общечеловѣческое, но что изъ этого никакъ нельзя вывести необходимости *уничтожить* конкретныя формы семейнаго быта, созданныя культурою отдѣльныхъ народовъ? Въ самомъ дѣлѣ, что̀ нужно было бы сдѣлать для этого? Мы должны были бы уничтожить не только внѣшнія формы семьи, которыя можно уловить и опредѣлить юридически, но коснуться и неуловимыхъ, но важныхъ мелочей семейнаго быта, жизни, которыя составляютъ сущность живыхъ семей англійской, французской, нѣмецкой, польской, русской. Точно такъ же въ *языкѣ* есть нѣчто общечеловѣческое—это потребность человѣка выражать свои мысли словами и способность этого выраженія; но возможенъ ли общечеловѣческій языкъ?

Но неужели же, по нашему мнѣнію, общечеловѣческое есть только логическая фикція, плодъ абстракціи, не имѣющая никакого значенія въ жизни народовъ? О нѣтъ! Это значило бы отрицать достоинство одной изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей человѣческаго духа и ума — способности къ обобщенію, къ составленію общихъ понятій. Если мы нападаемъ на злоупотребленія, часто дѣлаемыя изъ общихъ понятій, то мы никакъ не намѣрены отрицать ихъ великаго достоинства въ цивилизаціи.

Роль этихъ общихъ понятій, съ нашей точки зрѣнія, проявляется въ *двоякомъ* отношеніи.

Во-первыхъ, представленіе объ общечеловѣческомъ раскрываетъ намъ совокупность тѣхъ коренныхъ условій, безъ которыхъ немыслима нормальная жизнь человѣка и цѣлаго народа, каковы бы ни были особенности ихъ культуры. Такими условіями мы можемъ назвать, напримѣръ, личную безопасность, свободу совѣсти, свободу мысли и

слова, правосудіе, обезпеченіе условій народнаго здравія, народнаго продовольствія, образованія и т. д. Эти условія должны быть признаны необходимыми для всѣхъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, для цѣлаго круга народовъ. Съ этой точки зрѣнія, понятіе „общечеловѣческаго" является даже основаніемъ для критики національныхъ несовершенствъ, если эти несовершенства думаютъ оправдать мнимыми потребностями даннаго народа. Съ этой точки зрѣнія отвергались и отвергаются разныя фарисейскія заявленія ложной теоріи народности; своекорыстные возгласы, напримѣръ, американскихъ рабовладѣльцевъ, доказывавшихъ, что рабство есть естественное призваніе негра, или русскихъ крѣпостниковъ, доказывавшихъ, что крѣпостное право есть необходимое національное достояніе Россіи. Въ этомъ смыслѣ справедливо знаменитое восклицаніе В. Гумбольдта, повторенное братомъ его Александромъ въ Космосѣ: „Нѣтъ племенъ болѣе благородныхъ, чѣмъ другія. Всѣ одинаково созданы для свободы, для той свободы, которая въ первобытномъ обществѣ принадлежитъ лицу, но у націй, обладающихъ настоящими политическими учрежденіями, есть право цѣлаго общества".

Во-вторыхъ, общечеловѣческими, т.-е. не принадлежащими къ существеннымъ особенностямъ отдѣльныхъ народовъ, являются внѣшнія, такъ сказать, техническія условія осуществленія человѣческихъ цѣлей, или выраженія нашихъ идеаловъ, каково бы ни было ихъ внутреннее содержаніе. Таковы, напримѣръ, пути сообщенія, орудія экономическаго обмѣна, орудія производства, машины и т. д.; техника въ поэзіи, искусствѣ и т. п. Для того, чтобы нарисовать картину, нужно знать много техническихъ пріемовъ, какъ для того, чтобы написать поэму, нужно знать правила версификаціи. Эти техническіе пріемы и правила имѣютъ такое же общечеловѣческое значеніе, какъ и желѣзныя дороги, машины и т. д., т.-е. усвоеніе ихъ не предполагаетъ *отреченія* отъ своей народности, отказа отъ самостоятельности мысли и духа. Существенное въ картинѣ, статуѣ, поэмѣ, музыкальномъ произведеніи, конечно, не *правила*, при *помощи* которыхъ они созданы, но *идея*, вложенная въ нихъ художникомъ, т.-е. живымъ человѣкомъ *своего времени*, *своего народа*. По степени самостоятельности, самобытности идеи, вложенной въ художественное произведеніе, мы судимъ о ея достоинствѣ. Дантъ, Шекспиръ, Гомеръ никогда не были бы великими поэтами, еслибы въ нихъ не воплотилась мысль ихъ народа и ихъ эпохи. Не осудимъ ли мы художника, если въ его твореніяхъ видно только воспроизведеніе, копировка чужихъ понятій, рабское подражаніе? Никто не станетъ отрицать пользы и необходимости изученія великихъ образцовъ мысли, поэтическаго чувства, художественнаго вдохновенія. Но это изученіе приноситъ пользу только тогда, когда оно возбуждаетъ

изучающаго къ самодѣятельности, обогащаетъ содержаніе *его* духа, расширяетъ *его* кругозоръ, превращаетъ его изъ ученика въ мастера.

Такимъ образомъ, *общечеловѣческимъ въ цивилизаціи* можетъ быть названа совокупность общихъ, преимущественно внѣшнихъ условій жизни народа и отдѣльнаго человѣка. Изученіе, усвоеніе этихъ условій вполнѣ необходимо. Но величайшимъ заблужденіемъ было бы думать, что изученіемъ и усвоеніемъ общечеловѣческаго въ цивилизаціи исчерпывается задача культурнаго народа. Напротивъ, эта работа только приготовительная. За нею начинается настоящая культурная жизнь народа; внѣшнія условія культуры не создаютъ ея содержанія. Содержаніе это вырабатывается или должно вырабатываться самими народами, и въ особенностяхъ каждой культуры раскрывается все разнообразное содержаніе человѣческаго духа, котораго ни одинъ народъ своею частною цивилизаціею не можетъ исчерпать. *Содержаніе* человѣческой мысли и духа мы можемъ видѣть только въ культурахъ разныхъ народовъ. И въ дѣлѣ раскрытія внутренняго содержанія каждаго народа общечеловѣческія условія играютъ вспомогательную служебную роль. Они не могутъ быть *цѣлью* народной дѣятельности. Мы дорожимъ, говоря безъ фразъ и околичностей, формами европейской жизни потому, что онѣ даютъ, по нашему мнѣнію, наибольшія гарантіи для личной и общественной свободы, т.-е. открываютъ широкій просторъ личной предпріимчивости и народному творчеству. Еслибы мы не дорожили своимъ внутреннимъ содержаніемъ, то для чего, спрашивается, нужна была бы самая гражданская свобода? Для подражанія, для заимствованія самого *содержанія* чужой жизни свобода не нужна: для этого нужна жестокая рука неумолимаго педагога. Выиграло бы само человѣчество отъ однообразія въ *содержаніи*, разныхъ культуръ? Величайшее счастье европейца до настоящаго времени состоитъ въ томъ, что онъ можетъ изучать философію въ разныхъ ея *направленіяхъ*, соотвѣтствующихъ особенностямъ отдѣльныхъ народовъ, т.-е. философію англійскую, нѣмецкую, французскую, наслаждаться поэзіею и искусствомъ разныхъ народовъ. Величайшее несчастье постигнетъ его, когда онъ вездѣ будетъ видѣть *одно и то же*, т.-е. когда свободное творчество разныхъ народовъ погибнетъ въ мертвенномъ единствѣ.

Итакъ, понятіе *цивилизаціи*, слишкомъ, нужно замѣтить, общее понятіе, представляется намъ въ двоякомъ видѣ и значеніи; во-первыхъ, со стороны внѣшнихъ условій жизни и способовъ труда, цивилизація представляется намъ общечеловѣческою; со стороны ея *содержанія*, она разбивается на культуры различныхъ народовъ, изъ которыхъ каждая самостоятельно проявляетъ одну изъ сторонъ, одинъ изъ оттѣнковъ человѣческаго духа. Другими словами, со сто-

роны своего содержанія, человѣческая цивилизація представляется намъ въ формѣ совокупности частныхъ національныхъ культуръ; поэтому ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана *общечеловѣческою* цивилизаціею; на этомъ фактѣ основаны наши законныя насмѣшки надъ англоманіею, галломаніею и т. д. Изъ этихъ соображеній, наконецъ, раскрывается глубокій смыслъ славянофильскаго протеста. Они протестовали противъ заимствованія самаго *содержанія* чужой національной культуры, которой придано было значеніе культуры абсолютной, т.-е. общечеловѣческой. Мы вообразили, что самое содержаніе жизни шведской или нѣмецкой или французской должно быть пересажено къ намъ и вытѣснить начала нашей культуры, т.-е. убить нашу самостоятельность. Вотъ сторона реформы Петра Великаго, вызвавшая ихъ протестъ и только она одна. Противъ чего возставалъ главнымъ образомъ К. Аксаковъ? „Петръ сталъ принимать *все* отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую *жизнь* иностранную, со всѣми случайными ея подробностями; онъ перемѣнялъ всю систему управленія государственнаго и весь образъ жизни; онъ измѣнялъ на иностранный ладъ русскій языкъ; онъ принудилъ перемѣнить самую русскую одежду на одежду иностранную; переломленъ былъ весь строй русской жизни, перемѣнена была самая *система*. Такимъ образомъ, даже самое полезное, что̀ принимали въ Россіи и до Петра, непремѣнно стало *не свободнымъ заимствованіемъ, а рабскимъ подражаніемъ*. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно *насиліе*, неотъемлемая принадлежность дѣйствій Петра“ (Сочин., I стр. 41 и слѣд.).

Сказать ли, кто въ этомъ отношеніи подаетъ имъ руку? Одинъ изъ знаменитыхъ „общечеловѣковъ“ XVIII вѣка, Ж. Ж. Руссо! Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ *Contrat social* [1]); „Петръ захотѣлъ дѣлать нѣмцевъ, англичанъ, когда нужно было дѣлать *русскихъ*; онъ помѣшалъ своимъ подданнымъ *навсегда* сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они могли бы быть, увѣривъ ихъ, что они то, чѣмъ они не были.

„Такъ, французскій наставникъ образуетъ своего воспитанника для того, чтобы блеснуть въ дѣтствѣ и затѣмъ быть ничѣмъ“.

Ниже (въ 3-й лекціи) мы укажемъ на крайности взгляда славянофиловъ относительно реформы Петра Великаго. Здѣсь мы хотимъ только показать, противъ какой *идеи* былъ направленъ ихъ протестъ, и какъ эта идея опредѣляла самыя *орудія* ихъ борьбы.

---

[1]) II, VIII.

III.

Такимъ образомъ, первый протестъ славянофиловъ былъ направленъ противъ *обезличенія* народа. Они первые у насъ, въ философской формѣ, высказали мысль, что усвоеніе началъ общечеловѣческой цивилизаціи не предполагаетъ *отреченія* отъ своей народности.

Въ полемикѣ славянофиловъ можно замѣтить двоякую струю. Первая изъ нихъ состоитъ въ изслѣдованіи и указаніи *различія* греко-славянскаго міра отъ западнаго; вторая заключается въ превознесеніи этихъ особенностей и осужденіи, во имя ихъ, началъ западной цивилизаціи.

Конечно, вполнѣ законна была только первая часть работы; но она и останется на-вѣки. Ее будетъ продолжать каждый *русскій* мыслитель. И понятно почему.

Указаніе коренныхъ *особенностей* народа есть простое требованіе логики и самое могущественное средство для народнаго самосознанія.

Требованія логики, во-первыхъ. Я не могу изучать міръ какъ безразличное и безусловно-однообразное. Міръ есть *система*, т.-е. цѣлое въ своемъ разнообразіи, цѣлое, представляющее правильное соотношеніе и связь частей. Я долженъ прежде всего различить части, т.-е. категоріи вселенной, и тогда уже представить цѣлое. Поэтому начало истиннаго знанія есть *различеніе*; оно состоитъ въ указаніи тѣхъ признаковъ, которыми одинъ предметъ или категорія предметовъ отличается отъ другихъ. На основаніи признаковъ я строю *понятіе* предмета; сравнивая между собою совокупность признаковъ разныхъ предметовъ, я постепенно восхожу къ ихъ общей *идеѣ*.

Средство для народнаго самосознанія, во-вторыхъ. Я не могу сознать себя *личностью*, прежде чѣмъ не противоположу себя, съ своими особенностями, всему остальному міру. Народъ не можетъ сдѣлаться личностью, прежде чѣмъ не сознаетъ особенностей, отличающихъ его отъ другихъ народовъ. Безъ сознанія своей личности каждымъ человѣкомъ, народъ былъ бы *стадомъ*; безъ сознанія своихъ особенностей каждымъ народомъ, такимъ стадомъ было бы все человѣчество. Другими словами, безъ народной индивидуальности, человѣчество было бы не *системой*, а *безразличной стихіей, хаосомъ*.

Исторія человѣчества состоитъ именно въ томъ, что изъ первоначальнаго безразличія дикихъ народовъ постепенно выдѣляются личности народовъ цивилизованныхъ. Велика заслуга тѣхъ, которые дали толчокъ этому движенію. У насъ эта заслуга принадлежитъ славянофиламъ.

Они, на первый разъ въ общихъ чертахъ, указали на особенности славянскихъ народностей, провозгласили право этихъ особенностей и потребовали общаго къ нимъ уваженія.

Въ чемъ должно было состоять это общее уваженіе? Во имя чего требовали его славянофилы?

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Архитектура имѣетъ свои *общечеловѣческія, техническія* правила. Правила эти держатся на еще болѣе общихъ законахъ физики и механики. Гдѣ бы ни были открыты эти законы и правила — они должны стать и становятся общечеловѣческимъ достояніемъ. Нельзя выстроить ни одного большого зданія, не зная существенныхъ техническихъ правилъ архитектуры. Для этого нужно учиться у другихъ народовъ, опередившихъ насъ въ этомъ искусствѣ. Но кромѣ общечеловѣческой техники, въ архитектурѣ мы открываемъ элементъ не всеобщій, но *частный*, народный—именно *стиль*, въ которомъ выражается художественная идея; *и однообразіе техническихъ правилъ не должно вести за собою однообразія стиля въ архитектурѣ.*

Реформа Петра Великаго въ архитектурномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, имѣла двоякія послѣдствія. Она не только открыла намъ возможность изученія научныхъ, техническихъ правилъ архитектуры, но и ввела къ намъ обязательный, казенный стиль, усердно проводимый разными полицейскими правилами. Что̀ изъ этого вышло, понять не трудно.

Развитіе русскаго самобытнаго стиля, выразившагося въ архитектурѣ изящныхъ избъ и перенесеннаго на терема, пріостановилось. Вмѣсто него явился однообразный, казарменный стиль, предписанный и утвержденный. И города наши, со стороны архитектуры, превратились въ казармы. Въ особенности это должно сказать о Петербургѣ. Здѣсь нѣтъ домовъ—а есть какія-то *людскія помѣщенія.* Абстрактность и казенность нашего стиля зависятъ именно отъ того, что мы возвели въ догматъ стиль чужой и воплотили его въ „вѣчныя“, непреходящія формы. Отъ этого мы ничего не можемъ *создать.* Мы подражаемъ или ново-европейскому или старо-русскому стилю; у насъ есть постройки въ европейскомъ вкусѣ или въ русскомъ XVII вѣка; *но нѣтъ русскаго стиля XIX вѣка.*

Могутъ сказать, что архитектура еще не особенно важная вещь— не все ли равно въ какомъ домѣ жить?

Но есть вопросъ и поважнѣе архитектуры. Казенный стиль тронулъ нашъ общественный бытъ и не всегда во благо.

Здѣсь мы касаемся второй стороны славянофильскаго вопроса, направленной противъ *принудительнаго,* чрезъ *силу государства,* проведенія къ намъ *содержанія* чуждой общественной жизни. Въ сочи-

неніяхъ славянофиловъ, особенно Хомякова, эта мысль выражена въ формѣ осужденія ненормальныхъ отношеній *закона писаннаго къ обычаю.*

Хомяковъ, разсуждая объ отношеніи нашего „вигизма“ къ русскому быту, замѣчаетъ слѣдующее: „онъ (обычай) весь составленъ изъ мелочей, не имѣющихъ, повидимому, никакой важности: но кремнистыя твердыни воздвигнуты изъ микроскопическихъ остатковъ Эренберговыхъ инфузорій, а изъ мелочныхъ подробностей быта слагается громада обычая, единственная твердая опора народнаго и общественнаго устройства. Его важность еще не довольно оцѣнена. Обычай есть законъ; но онъ отличается отъ закона тѣмъ, что законъ является чѣмъ-то *внѣшнимъ*, случайно примѣшивающимся къ жизни, а обычай является силою *внутреннею*, проникающею во всю жизнь народа, въ совѣсть и мысль всѣхъ его членовъ... *Цѣль всякаго закона, его окончательное стремленіе—есть обратиться въ обычай, перейти въ кровь и плоть народа и не нуждаться уже въ письменныхъ документахъ*... Но, продолжаетъ Хомяковъ, кто же изъ насъ не признается, что обычай *не существуетъ* для насъ, и что нашъ вѣчно измѣняющійся бытъ даже не способенъ обратиться въ обычай? *Прошедшаго для насъ* (т.-е. образованныхъ) *нѣтъ*: вчерашній день—старина, а недавнее время пудры, шитыхъ камзоловъ и фижмъ едва ли уже не египетская древность. Рѣдкая семья знаетъ что-нибудь про своего прапрадѣда, кромѣ того, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ дикаря въ глазахъ своихъ образованныхъ правнуковъ“ [1]).

Итакъ, ненормальное, скоротечное измѣненіе нашего быта, подъ вліяніемъ *закона*, оторваннаго отъ *обычая*, вотъ одна изъ существеннѣйшихъ болѣзней нашего общества, которое само теряетъ всѣ условія устойчивости. Для поясненія словъ Хомякова, необходимо остановиться на соотношеніи этихъ двухъ понятій: *обычая и закона*. Мы никогда не поймемъ смысла славянофильскаго протеста, если не уяснимъ себѣ идеи „обычая“, т.-е. будемъ соединять съ этимъ словомъ тѣ представленія, какія обыкновенно соединяются съ нимъ въ обыденныхъ и поверхностныхъ разговорахъ и статьяхъ.

Что такое обычай? Какіе признаки лежатъ въ этомъ понятіи? Обыкновенно подъ именемъ обычая разумѣютъ нѣчто *стародавнее*, остатокъ старины. Такъ, дѣйствительно, и бываетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ сила обычая подавлена, гдѣ обычай преданъ презрѣнію, какъ „остатокъ старины“. Но самъ по себѣ обычай не есть *только* старина; его корни, дѣйствительно, въ старинѣ; но, опираясь на старину, сохраняя съ нею связь преданія, онъ *безпрерывно развивается*, если

---

[1]) *Полное собраніе соч. Хомякова*, т. I, стр. 164 и слѣд.

только общественная жизнь достаточно свободна. Англійское common law опирается и на обычаи древнихъ саксовъ и на законы Альфреда Великаго и на учрежденія Эдуарда Исповѣдника; но оно безпрерывно развивается, сообразно новымъ условіямъ народной жизни и содержанію народныхъ убѣжденій.

Значеніе и сила обычая именно въ томъ, что онъ есть результатъ народнаго творчества, въ его преемственномъ развитіи, что онъ опирается на всеобщее убѣжденіе, а не на писанный документъ.

Напротивъ, законъ есть обыкновенно выраженіе личной воли опредѣленнаго законодателя. Опора закона, взятаго an und für sich, не во всеобщемъ убѣжденіи, а въ сознаніи законодателя, который стремится подчинить своему сознанію убѣжденія другихъ. Это стремленіе бываетъ успѣшно и плодотворно тогда, когда законъ, такъ сказать, только формулируетъ нѣчто, находящееся уже во всеобщемъ сознаніи, или, если и вноситъ нѣчто новое, то согласное съ общимъ строемъ народныхъ убѣжденій. Обычай есть мѣрило для оцѣнки истиннаго достоинства закона и его практичности. Хорошій законъ перейдетъ въ обычай.

Но когда законъ останется только закономъ, отрѣшеннымъ отъ обычая; когда онъ захочетъ подчинить себѣ все содержаніе народной жизни—послѣдняя приметъ направленіе ненормальное.

Такой именно характеръ приняло законодательство наше въ такъ называемый *петербургскій періодъ*, періодъ, относящійся теперь уже къ прошедшему, ибо реформы нынѣшняго царствованія пробуждаютъ въ обществѣ самостоятельность и самодѣятельность. Тѣмъ свободнѣе и безпристрастнѣе можемъ мы говорить объ этой *прошлой* системѣ. Мы можемъ даже объяснить и оправдать эту систему до извѣстной степени. Петру Великому нужно было создать условія самостоятельности Россіи чрезъ исправленіе русской государственной машины. На служеніе *государству* ушли всѣ силы великаго преобразователя. Многое изъ того, что онъ дѣлалъ, могло быть сдѣлано только путемъ *уставовъ*, *законовъ* организовавшихъ новую систему.

Но несчастье наше состояло въ томъ, что *послѣ* Петра, временныя орудія его реформы были возведены въ общій принципъ. Законодательство наше шло часто путемъ абстрактнымъ, отрѣшеннымъ отъ основъ народнаго обычая. Оно поставило субъективную волю, выраженную въ законѣ, выше всего содержанія народной жизни; законъ принялся создавать не только формы, но самое содержаніе этой жизни. Убѣжденіе, что закономъ можно все передѣлать, все улучшить, все отмѣнить — часто входило въ плоть и кровь людей, изготовлявшихъ законы. Отсюда сильное развитіе бюрократіи; отсюда—появленіе законовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ коренными

началами нашей общественной жизни и облекавшихъ эту жизнь въ крайне неудобныя формы. Если вспомнить при этомъ, что законодательство, отрѣшенное отъ историческихъ обычаевъ народа, само было подчинено содержанію чужой жизни, принятой за образецъ, то намъ понятенъ будетъ тотъ фактъ, что законодательство часто было орудіемъ принудительнаго проведенія въ нашъ бытъ чужеродныхъ началъ. За примѣрами ходить не далеко.

IV.

Мы не остановимся для доказательства нашихъ мнѣній на временахъ, отъ которыхъ съ ужасомъ отворачиваются и противники славянофиловъ—на временахъ владычества нѣмецкой партіи, воплощенной въ Биронѣ. Мы должны дѣйствовать добросовѣстно: пусть говорятъ за насъ факты, взятые изъ великаго и, во многихъ отношеніяхъ, національнаго царствованія Екатерины II.

Остановимся, напримѣръ на новой, т.-е. на совершенно новыхъ началахъ построенной организаціи *сословій.*

Москва также знала различные „чины", т.-е. сословія; она ихъ и создала. Но въ то время всѣ „чины" имѣли одно *общее* основаніе—*государственное тягло,* наложенное на всѣ состоянія. Различіемъ тягла и степенью его достоинства (съ государственной, конечно, точки зрѣнія) опредѣлялось и положеніе сословія, несшаго это тягло. Имъ опредѣлялись *преимущества* сословія. Такъ, съ государственной точки зрѣнія, *служилое сословіе* должно было пользоваться разными преимуществами. Оно освобождалось отъ податей и натуральныхъ повинностей, потому что несло *обязательную* государственную службу; оно сосредоточило въ своихъ рукахъ почти исключительное право владѣть населенными имѣніями, потому что эти земли были предназначены государствомъ для обезпеченія правильнаго и „безсъѣзднаго" отбыванія государственной службы. Такимъ образомъ, мы не найдемъ въ московскомъ законодательствѣ *привилегій,* въ собственномъ смыслѣ этого слова, привилегій, какъ *чистыхъ изъятій изъ общаго права.* Каждое преимущество вытекало изъ общей системы государственныхъ тяголъ, до извѣстной степени оправдывалось ею и, логически, должно бы прекратиться вмѣстѣ съ тягломъ.

Петербургскій періодъ началъ эпоху привилегій въ собственномъ смыслѣ. Когда въ 1762 г. съ дворянства была снята обязательная служба, его преимущества потеряли прежнее общее основаніе, прежній смыслъ. Чѣмъ же законодательство думало теперь объяснить оставленныя и даже расширенныя имъ преимущества разныхъ состояній?

Оно отыскало себѣ точку опоры въ западно-европейскомъ понятіи *сословной чести*, разныхъ нравственныхъ достоинствъ, присущихъ, будто бы, тому или другому сословію и потому требующихъ разныхъ юридическихъ отличій въ пользу такихъ сословій. „Дворянство, говоритъ наказъ Екатерины II, есть почетный титулъ (titre d'honneur), отличающій отъ обыкновенныхъ людей тѣхъ, кои онымъ украшены" (ст. 360). „Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе *благородное*", говоритъ жалованная грамота дворянству (ст. 1). Дворянинъ, слѣдовательно, долженъ пользоваться разными привилегіями, потому что онъ *благородный*. Онъ не можетъ платить податей, нести какую-нибудь обязательную службу, потому что это несогласно съ достоинствомъ благорожденнаго. Онъ одинъ можетъ владѣть населенными имѣніями, какъ благородный. Дворянская грамота уничтожила даже единственный видъ равенства предъ закономъ, существовавшій въ прежнее время. Она стремится ввести къ намъ иноземное и несродное намъ начало—*суда пэровъ*. „Да не судится благородный окромѣ своими равными". „Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго". Конечно, отмѣна тѣлесныхъ наказаній даже для нѣкоторыхъ сословій вещь похвальная. Но логичнѣе было бы, признавъ невыгоды плетей и розогъ, отмѣнить ихъ для всѣхъ сословій.

Даже для полупривилегированныхъ сословій была изобрѣтена своя „честь". Возьмите городовое положеніе 1785 г. „Городовыхъ обывателей средняго рода людей, или мѣщанъ названіе есть слѣдствіе трудолюбія и добронравія, чѣмъ пріобрѣли отличное состояніе" (ст. 80).

Вотъ настоящій принципъ привилегій, принципъ изъятія изъ общаго законодательства, изъ прежней единой земли. И каждый согласится, что этотъ принципъ не русскій. Идеи наказа (въ другихъ отношеніяхъ гуманныя и либеральныя) и жалованныхъ грамотъ прямо заимствованы изъ *Духа законовъ* Монтескьё, который чрезвычайно вѣрно характеризовалъ и идеализировалъ начала тогдашней *французской* монархіи. Въ кн. III, гл. VI, Монтескьё указываетъ, что честь, т.-е. *предразсудокъ*, который каждый имѣетъ относительно своего лица и своего сословія, есть движущее начало монархіи; „поэтому, говоритъ онъ дальше (гл. VII), монархическій образъ правленія предполагаетъ преимущества, разряды и даже наслѣдственное дворянство. Честь по природѣ своей требуетъ предпочтеній и различій".

Оторвать свою личную честь и честь своего сословія отъ достоинства земли—вотъ, конечно, новая идея, невѣдомая старой Руси!

Послѣдствія этой новой идеи были неисчислимы. Вокругъ государства сгруппировалась часть русскаго общества, получившая отъ него свою честь, свое „отличное" состояніе. Опираясь на эту честь, оно уже принципіально противоположило себя остальной массѣ народонаселенія, получившей тогда характеристическое названіе „подлаго" народа. Положеніе этого „подлаго" народа въ XVIII ст. стало юридически хуже, чѣмъ въ XVII вѣкѣ. Говоря конкретно, крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ принимаетъ все худшій и худшій видъ.

По уложенію царя Алексѣя Михайловича за крѣпостными крестьянами признаются нѣкоторыя личныя и гражданскія права, и во имя этихъ правъ ограничивается власть помѣщиковъ [1]). Прикрѣпленіе крестьянъ имѣло характеръ финансовой мѣры государства, а не отдачи ихъ въ частную и полную власть землевладѣльцевъ. Государство не разрывало своей связи съ крестьянствомъ, оно не было заслонено отъ него массою привилегированныхъ. Оно считало, поэтому, своею обязанностью защищать крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщиковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже такой пристрастный очевидецъ какъ Котошихинъ [2]). Въ XVIII ст. весь центръ тяжести крѣпостного права переносится именно на *власть* помѣщиковъ; крестьяне дѣлаются собственностью владѣльцевъ, и государство въ значительной степени отъ нихъ отворачивается.

Гражданскія права крестьянъ, рядомъ послѣдовательныхъ указовъ, были почти уничтожены, а власть помѣщиковъ усилилась. Въ 1747 г. за помѣщиками утверждено право продавать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли; въ 1760 г. помѣщики получили право ссылать неугодныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь. Въ 1765 г. они получили право отдавать крѣпостныхъ даже въ каторжную работу. Наконецъ, крестьянамъ даже формально запрещено было подавать жалобы на своихъ помѣщиковъ. И это случилось въ 1767 г., именно въ тотъ годъ, когда собралась знаменитая коммиссія для составленія новаго уложенія! Вотъ заключеніе этого указа: „А буде и по обнародованіи сего указа, которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки императрицы, подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты".

---

[1]) См. классическое изслѣдованіе г. Бѣляева, *Крестьяне на Руси*, стр. 149 и слѣд.

[2]) *О Россіи въ царств. Алекс. Мих.* XI, 3.

Кажется, къ этимъ фактамъ прибавлять нечего. Можно спросить только, при чемъ тутъ „западныя" начала? А вотъ при чемъ. Западъ, построенный на феодальныхъ началахъ, выработалъ то положеніе, что извѣстныя сословія не только должны пользоваться разными преимуществами, но и быть властью по отношенію къ другимъ сословіямъ, составлять наслѣдственно правящій классъ. Пруссія только теперь, благодаря реформѣ мѣстнаго устройства, отдѣлилась, кажется, отъ этого начала. Въ XVIII ст. эти идеи были рѣзче, полнѣе. Самъ Монтескьё упорно защищаетъ вотчинную юрисдикцію и полицію дворянства въ монархическихъ государствахъ [1]). Соединеніе права землевладѣнія съ правомъ управленія есть продуктъ феодальной Европы и занесено къ намъ законодательствомъ XVIII вѣка.

Понятно само собою, какъ при этихъ условіяхъ должно было организоваться *выборное начало*, введенное будто бы законодательствомъ XVIII вѣка.

Во-первыхъ, выборное начало есть начало весьма знакомое русской старинѣ. Все мѣстное управленіе держалось на системѣ выборныхъ должностей. Но тогда эти выборныя должности имѣли гораздо больше земскаго, общесословнаго значенія. Такова, напримѣръ, должность губныхъ старостъ. Выборныя должности, созданныя XVIII вѣкомъ, имѣли значеніе привилегій, данныхъ преимущественно дворянскому сословію. Благодаря именно этимъ должностямъ, въ рукахъ дворянства, до послѣдняго времени, сосредоточивалась судебная и полицейская власть надъ крестьянствомъ. Они были, слѣдовательно, средствомъ для учрежденія владычества высшихъ сословій надъ низшими.

Во-вторыхъ, было бы ошибкою смѣшивать это выборное начало съ *самоуправленіемъ*. Самоуправленіе предполагаетъ передачу извѣстныхъ административныхъ задачъ въ *самостоятельное* завѣдываніе общественныхъ должностей, подъ условіемъ правительственнаго контроля. Такой смыслъ имѣютъ, напримѣръ, наши земскія учрежденія. Но выборное начало собственно петербургскаго періода имѣло одинъ смыслъ—права, предоставленнаго нѣкоторымъ сословіямъ замѣщать своими выборными людьми извѣстныя *правительственныя* должности. Избранный поступалъ на службу государству, пользовался отъ него содержаніемъ и наградами. Онъ, такъ сказать, не принадлежалъ уже землѣ и, тѣмъ болѣе, всей землѣ. De jure онъ представлялъ интересы правительственные, de facto интересы одного, избравшаго его, сословія.

Станемъ ли говорить о другихъ явленіяхъ? О томъ, какъ наша промышленная жизнь была закована въ рамки гильдій и цеховъ, заимствованныхъ изъ Европы въ эпоху ихъ упадка? Какъ въ про-

[1]) Кн. II, гл. IV.

тивность всѣмъ историческимъ началамъ нашего наслѣдственнаго права, признающаго равноправность всѣхъ братьевъ, къ намъ пытались ввести западно-европейскіе майораты? Какъ для улучшенія быта казенныхъ крестьянъ, вмѣсто того, чтобы утвердить начала крестьянскаго самоуправленія, выработанныя обычаями, имъ дали административную опеку въ лицѣ палатъ государственныхъ имуществъ и множества окружныхъ начальниковъ съ помощниками?

Освободившись отъ обычая „земли", превратившись на далекомъ сѣверѣ въ безусловный и недосягаемый абстрактъ, государство русское почувствовало въ себѣ призваніе просвѣтительной дѣятельности, пріобрѣло увѣренность, что жизнь народная не пойдетъ безъ его уставовъ. На сколько бы статей сократился нашъ сводъ законовъ, еслибы этой увѣренности не было? Кто повѣритъ, а это правда, что въ законодательствѣ нашемъ встрѣчались и встрѣчаются подробнѣйшія наставленія о сельскомъ хозяйствѣ, о домашнемъ обиходѣ, даже о взаимномъ обхожденіи людей?

Отсюда понятно, что славянофилы называли *раздвоеніемъ земли и государства*, совершившимся, по ихъ мнѣнію, въ петербургскій періодъ. Государство безъ мысли народной; законъ, быстро создаваемый, быстро преходящій, ничего не черпающій изъ обычая, а потому самъ не переходящій въ обычай. Отсюда расколъ между жизнью оффиціальною, жизнью по закону и жизнью народною, жизнью по обычаю. Законъ безпрерывно творитъ новыя формы, и подъ силою его принужденія изсякаетъ живая сила обычая, пріостанавливается народное творчество. Отсюда нерѣдко замѣчавшееся отсутствіе преданія и самостоятельности въ внѣшней и внутренней политикѣ самого государства. Потерявъ опредѣленную точку опоры въ народности и его исторіи, оно часто обречено на подражаніе и притомъ даже подражаніе безъ опредѣленнаго и твердаго плана.

Какъ часто переходили мы отъ поклоненія типу шведскому, германскому къ поклоненію типу французскому и наоборотъ? Сколько разъ приходилось намъ служить пассивнымъ орудіемъ чужихъ политическихъ цѣлей?

Затѣмъ государственный механизмъ, сферы оффиціальныя какъ бы выдѣлились изъ массы „земли", народа. Часто провозглашалась и проводилась мысль, что „государство" и „общество" суть два организма, даже лагеря, живущіе своими интересами. „Земское единство", при которомъ *всѣ* элементы общества, какъ оффиціальные, такъ и неоффиціальные подчиняются общему интересу земли, при которомъ успѣхи общественной самостоятельности не считаются дѣломъ опаснымъ для „государства", а, напротивъ, желательнымъ и полезнымъ — дѣйствительно, было нарушено.

Нечего говорить, что это раздвоеніе перешло и въ жизнь общественную. Высшіе классы общества, оторванные отъ обычая, оставили этотъ обычай классамъ низшимъ, которые могли только *хранить* его, но не могли *развивать* его дальше, сообразно историческому росту общества. Коротко говоря—они могли только *коснѣть* въ обычаѣ. Высшіе классы, принявъ оффиціальную одежду, моды, нравы, стремленія, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ занялись обезличеніемъ своего нравственнаго существа, прилаживаніемъ его къ тому или другому типу. Это обезличеніе и подражательность дали свой плодъ; они привели къ общественному безсилію этихъ классовъ; на чемъ могли бы основаться ихъ сила и вліяніе? Были ли они земскою силою, элементомъ народнымъ? Они владѣли народомъ чрезъ крѣпостное право или при помощи разныхъ занимаемыхъ ими должностей; но они не *выражали* его, не имѣя съ нимъ дѣйствительной связи. Ихъ мнѣніе не могло имѣть и не имѣло вѣса въ глазахъ государства, потому что они сами шли за чужимъ мнѣніемъ и не представляли самобытной нравственной величины. Къ чему было ихъ мнѣніе, когда государство могло выслушивать болѣе авторитетное мнѣніе, мнѣніе Европы? Чтó значитъ мнѣніе школьника предъ мнѣніемъ учителя?

Обреченное на такое совершенно законное бездѣйствіе, общество это не могло отдать силъ своихъ практическимъ насущнымъ задачамъ страны. Оно просто не видѣло ихъ. Чтò пользы изъ того, что многіе *мечтали* о томъ и другомъ? Мечта оставалась мечтою, внося только болѣзненный разладъ въ жизнь невольныхъ мечтателей. Кто не помнитъ этихъ „больныхъ и лишнихъ“ русскихъ людей, этихъ Бельтовыхъ и Рудиныхъ, Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, погибшихъ неизвѣстно за что?

Но не всѣ даже въ состояніи были почувствовать горечь своего внутренняго разлада. Ее чувствовали только выдающіеся люди, люди способные критически относиться къ себѣ. Люди, не имѣвшіе этой способности, видѣли въ этомъ разладѣ нѣчто весьма для себя утѣшительное. Они видѣли въ немъ *доказательство своего превосходства надъ окружающею ихъ жалкою средою.* Въ раздвоеніи ихъ мысли и ихъ дѣла или дѣла чужого они видѣли явный признакъ величія ихъ умственныхъ способностей. „Какія великія мысли роятся у меня въ головѣ! Какіе планы человѣческаго благополучія зрѣютъ въ моей душѣ!“ Удивительные люди: они полагали, что *подумать*, даже выдумать какую-нибудь вещь, хотя непригодную для живого дѣла, есть уже великая заслуга. Даже въ негодности мысли они видѣли великое ея достоинство. „Меня не понимаютъ, я умру непонятымъ!“ Быть „непонятымъ“, какая честь, какая заслуга! И

это говорилъ не какой-нибудь Коперникъ или Кантъ, а рядовой чиновникъ, у котораго въ головѣ былъ Фурье, а въ рукахъ „доходное мѣсто“.

Не въ правѣ ли были славянофилы спросить этихъ господъ—чѣмъ вы живете, что̀ вы изъ себя представляете? Во имя чего становитесь вы выше народа? Не въ правѣ ли былъ Хомяковъ обратиться къ нимъ съ слѣдующими замѣчательными словами:

„За страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе! Общеевропейское, общечеловѣческое!... но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно. А думаютъ же иные обезнародить себя и уйти въ какую-то чистую, высокую сферу. Разумѣется, имъ удается только уморить всю жизненность и, въ этомъ мертвомъ видѣ, не взлетѣть въ высоту, а, такъ сказать, повиснуть въ пустотѣ“, т.-е. изобразить изъ себя „*Магометовъ гробъ*“.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Орудія борьбы.

I.

Отъ указаній *предмета* славянофильскаго протеста, обратимся къ *орудіямъ* ихъ борьбы. Общая цѣль этой борьбы—*возвышеніе народнаго самосознанія*, самосознанія общественнаго. Этой цѣли они думали достигнуть двоякимъ путемъ: указаніемъ роли, которую игралъ народъ русскій въ своей исторіи, и критикою общихъ началъ западной культуры сравнительно съ этими же началами культуры русской. Другими словами, они искали разрѣшенія волновавшихъ ихъ вопросовъ въ смыслѣ русской исторіи и въ критическомъ разборѣ того просвѣщенія, которое съ давнихъ поръ сдѣлалось нашимъ образцомъ. Между общими началами этого просвѣщенія главное вниманіе ихъ было обращено на начало религіозное.

Между этими двумя вопросами раздѣлялись труды главныхъ славянофиловъ. Съ трудами по русской исторіи тѣсно связано имя К. Аксакова; критика религіозныхъ основъ европейскаго просвѣщенія поглотила силы А. С. Хомякова и И. В. Кирѣевскаго. Такимъ образомъ, вниманіе славянофиловъ было обращено на культурные вопросы; они мало и недостаточно думали о вопросахъ политическихъ, что̀ зависѣло, конечно, и отъ ихъ взгляда на государство, и отъ политическихъ обстоятельствъ того времени.

Мы остановимся сегодня на историческихъ трудахъ этой школы; слѣдующая лекція будетъ посвящена оцѣнкѣ религіозной полемики славянофиловъ.

Характеризовать задачу, поставленную себѣ К. Аксаковымъ въ его историческихъ изслѣдованіяхъ, довольно легко; онъ самъ указываетъ свои тайныя желанія въ одной замѣчательной полемической статьѣ, написанной имъ по поводу VII т. исторіи г. Соловьева. „Теперь, говоритъ онъ, когда вышло уже семь томовъ исторіи Россіи, можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е. о всемъ написанномъ. Въ „Исторіи Россіи“ авторъ не замѣтилъ одного: *русскаго народа.* Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ“.

Вотъ капитальный упрекъ, дѣлаемый К. Аксаковымъ исторіямъ, существовавшимъ въ его время; вотъ пробѣлъ и, кажется, важный, который онъ самъ хотѣлъ дополнить.

Но я знаю, что это выраженіе слишкомъ общее; оно требуетъ многихъ и многихъ поясненій. Что̀ значитъ *не замѣтить народа въ исторіи*? Вѣдь и Карамзину и г. Соловьеву было извѣстно, что въ Россіи издревле жили люди, называвшіе себя русскими, и что совокупность ихъ составляла русскій народъ. Но какую роль игралъ этотъ народъ въ своей исторіи? Былъ ли онъ въ ней *дѣятелемъ*, творцомъ идеаловъ или только смотрѣлъ на чужія дѣйствія, безмолвно подчиняясь имъ? Была ли та совокупность послѣдовательныхъ событій, которыя мы называемъ русскою исторіею, произведеніемъ *одного изъ элементовъ* общественной жизни, именно государства, въ тѣсномъ смыслѣ слова, *или двухъ*, государства и народа? Ясно, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ нашъ взглядъ на всю исторію даннаго народа.

И вотъ какой отвѣтъ даетъ на него одинъ изъ капитальнѣйшихъ историковъ нашихъ, всѣми уважаемый профессоръ Соловьевъ [1]).

Предъ появленіемъ князей и ихъ дружины, славяне, занявшіе восточную равнину Европы, не знали историческаго движенія; они знали только первобытныя формы общежитія — бытъ *родовой.* Въ этихъ формахъ нѣтъ никакихъ общественныхъ понятій и интересовъ: родственныя начала исчерпываютъ все міросозерцаніе мелкихъ племенъ. Изрѣдка это безмятежное однообразіе нарушается набѣгами степныхъ хищниковъ. Промчится буря—и все опять тихо и однообразно попрежнему. Но пробилъ часъ: историческое движеніе, историческая жизнь началась и для восточной Европы. Ильменскіе славяне не выдержали неудобства родового быта и призвали себѣ князя изъ-за моря. Затѣмъ княжеская сила двинулась изъ Новгорода по водному пути къ морю Черному. „Платите намъ дань“, повторяютъ пришельцы въ каждомъ селеніи, у каждаго острожка славян-

---

[1]). Мы излагаемъ этотъ взглядъ проф. Соловьева приблизительно собственными словами автора. См. *Исторія Россіи*, т. XIII, гл. I.

скаго. „Требованіе не новое: несутъ мѣха, лишь бы только поскорѣе избавиться отъ гостей. Но на этотъ разъ гости не исчезаютъ, какъ авары, не уходятъ въ донскія и волжскія степи, какъ хозары. На высокомъ западномъ берегу Днѣпра поднимается городъ, стольный городъ княжескій, мать городовъ,—Кіевъ. Князь усаживается здѣсь съ дружиною; окрестнымъ племенамъ уже нѣтъ болѣе покоя: по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ ходитъ князь съ дружиною, собираетъ дань; куда не придетъ самъ князь,—придетъ мужъ княжой съ своею дружиною за данью; смотрятъ—гости рубятъ городки и усаживаются въ нихъ, садятся въ старыхъ городахъ, которые повыгоднѣе стоятъ и которые побольше. Кличутъ кличъ: кто хочетъ селиться около городовъ,—будетъ защита и льгота; кто знаетъ нужное ремесло,—будетъ пожива, дорого будутъ платить ратные люди, которымъ не самимъ же все на себя дѣлать. И города населяются, начинаются въ нихъ торги, стягивается народъ отовсюду; пустѣютъ села; князекъ-родоначальникъ не досчитывается многихъ своихъ: ушли въ городъ, а все были люди хорошіе, досужіе на всякое дѣло. Но села опустѣютъ еще больше; кличутъ кличъ: „князь идетъ въ походъ, собирайтесь, кто сможетъ!“ Молодежь поднимается, рубятъ лодки, уходятъ и долго нѣтъ вѣсти; наконецъ, возвращаются — другіе люди! Были они въ самомъ Царѣградѣ, какія чудеса тамъ видѣли! Какія диковинныя вещи съ собою привезли! Грековъ побѣдили, несмотря на всѣ ихъ хитрости, заставили дань платить. А кто отличился,—тотъ въ дружинѣ у князя или боярина; чудное житье въ дружинѣ: пиръ да ловы съ утра до вечера—всего много у князя, ничего не жалѣетъ для дружины,—а какой почетъ!

„Такимъ образомъ, исторія Россіи... начинается богатырскимъ или героическимъ періодомъ, т.-е. вслѣдствіе... появленія варяго-русскихъ князей и дружинъ ихъ, темная, безразличная масса народонаселенія потрясается, и происходитъ выдѣлъ изъ нея лучшихъ людей, по тогдашнимъ понятіямъ, т.-е. храбрѣйшихъ, одаренныхъ большою матеріальною силою и чувствующихъ потребность упражнять ее... Это мужи, люди по преимуществу, тогда какъ остальные въ глазахъ ихъ остаются полулюдьми, маленькими людьми, мужиками“.

II.

Вотъ что̀ значитъ говорить безъ недомолвокъ. „Темная и безразличная масса“ живетъ безъ сознанія и смысла, пока *внѣшній* фактъ появленія князей не заставилъ ее начать свою собственную исторію. Чѣмъ же, спрашивается, князья втянули эту массу въ политическую и историческую жизнь? Идеей, пробужденіемъ какихъ

нибудь нравственныхъ стремленій? Нѣтъ, не этимъ; прежде всего *платежомъ дани*; потомъ ратные люди князя позволили мужикамъ продавать себѣ разныя вещи, и тѣмъ началась торговля; наконецъ, князья начали водить съ собою мужиковъ на войну, и это обстоятельство выдѣлило изъ ихъ среды лучшихъ людей—богатырей. Чтò движетъ этими богатырями, сдѣлавшимися героями народныхъ пѣсенъ и былинъ? Какое либо нравственное начало? Нѣтъ, опять-таки чисто матеріальное обстоятельство. Г. Соловьевъ думаетъ, что смыслъ богатырства опредѣляется слѣдующимъ отрывкомъ изъ старой русской пѣсни: „Сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается, грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени". Къ сожалѣнію, русскій народъ, слагая свои пѣсни про богатырей, усмотрѣлъ въ нихъ кое-что другое, кромѣ „грузной силушки".

Но пусть будетъ такъ. Пусть исторія наша началась этимъ фискально-богатырскимъ движеніемъ. Послѣдствія будутъ понятны, и проф. Соловьевъ не остановится ни предъ какимъ выводомъ. Животворная сила русской исторіи въ государствѣ и въ тѣхъ, кто изъ „безразличной массы" вышелъ въ государство — въ кіевской Руси, въ качествѣ богатыря-дружинника, послѣ въ качествѣ служилаго человѣка и приказнаго, наконецъ, въ послѣднія времена, въ качествѣ армейца и чиновника. Процессъ историческаго развитія будетъ состоять въ постепенной побѣдѣ государства надъ темными силами, затаившимися въ мужичествѣ. Масса коснѣетъ въ своемъ родовомъ бытѣ, государство понемногу разбиваетъ эти формы и прививаетъ къ народу новыя, лучшія. Отсюда все, чтò ни идетъ отъ государства, хорошо и разумно; все. чтò ни идетъ отъ народа, дико, противообщественно и противогосударственно. Государство становится на почву цивилизующихъ началъ, народъ упорно держится старины, пошлины. Вся исторія русская проходитъ въ этой борьбѣ началъ государственныхъ съ противогосударственными, т.-е. народными. На кіевской Руси эта борьба выражается въ формѣ отношеній между княжескою властью и вѣчевымъ началомъ; послѣ въ формѣ протеста противъ государственнаго закрѣпощенія сословій, въ усиліяхъ дружины отстоять свои вольности, въ бѣгствѣ крестьянскомъ, въ казачествѣ; въ эпоху реформы, въ тупомъ протестѣ противъ бритья бородъ, саксонскаго платья и т. д. Тотъ представитель власти, кто больше всего подламывалъ эту старину, выдвигается въ этой исторіи, какъ величайшій герой. Достаточно вспомнить, что личность кровожаднаго тирана, Ивана Грознаго, превозносится г. Соловьевымъ за то, что онъ сломилъ какіе-то остатки старой Россіи. Немного придется сказать намъ противъ этого взгляда послѣ того, чтò уже сказано К. Аксаковымъ и Н. И. Костомаровымъ.

Вотъ, слѣдовательно, что̀ значитъ *не замѣтить народа въ исторіи*. Это значитъ не замѣтить его роли въ созиданіи своихъ судебъ, не понять значенія и смысла его идеаловъ, это значитъ все время относиться къ нему *отрицательно*. Карамзинъ не замѣтилъ народа, но онъ не замѣтилъ его просто потому, что остановился на внѣшнихъ фактахъ исторіи. Народъ въ его исторіи есть, если хотите, въ качествѣ декораціи или даже хора въ пьесѣ. Но г. Соловьевъ замѣтилъ эти народныя начала нашей древней исторіи, но замѣтилъ для того, чтобы осудить ихъ. И онъ написалъ исторію не Россіи; онъ не написалъ даже исторіи „государства россійскаго", какъ Карамзинъ; онъ написалъ, какъ замѣтилъ Хомяковъ, исторію *государственности въ Россіи*, т.-е. судьбу какого-то политическаго начала, случайно зашедшаго въ необозримыя равнины нашего отечества.

Вдумываясь въ эти „судьбы", невольно наталкиваешься на вопросъ, для чего явилось и во имя чего существуетъ это государство? Гдѣ его смыслъ, въ чемъ его призваніе? Никакое государство не имѣетъ смысла *въ самомъ себѣ*; оно не составляетъ цѣли само для себя. Смыслъ всякаго государства, какъ *внѣшняго* учрежденія, въ тѣхъ живыхъ народныхъ силахъ и стремленіяхъ, которыя ограждаются силою государства и опредѣляютъ его призваніе. Для того, чтобы понять смыслъ англійскаго государства, должно изучить свойства племенъ, изъ которыхъ составилась англійская народность, ихъ первоначальные нравы, убѣжденія, міросозерцаніе, выразившееся въ пѣсняхъ и первыхъ произведеніяхъ литературы; должно прослѣдить характеръ его религіи и церковныхъ учрежденій; прослѣдить условія его экономическаго развитія, порядокъ распредѣленія поземельной собственности, направленіе промышленности, положеніе всѣхъ классовъ обществъ; сравнить всѣ эти факты и условія съ фактами и условіями исторіи другихъ народовъ. Тогда предстанетъ нашимъ глазамъ *опредѣленный народъ, живая сила*, а не форма, нравственная личность, которой интересы, убѣжденія и стремленія руководятъ политикою государства или непосредственнымъ, юридическимъ вліяніемъ, или силою мнѣнія, или самымъ существованіемъ своимъ. Тогда мы поймемъ смыслъ англійской политики, ея реформацію, ея вѣковыя войны съ Франціею, силу ея колонизаціи, ея парламенты, мѣстныя учрежденія и т. д.

Вотъ что̀ значитъ *видѣть народъ въ исторіи*. Это значитъ искать истиннаго, *реальнаго смысла* во всѣхъ событіяхъ, наполняющихъ его существованіе, и искать его *тамъ*, гдѣ онъ дѣйствительно заключается. Да, скажутъ намъ, для исторіи Англіи этотъ пріемъ необходимъ: тамъ народъ дѣйствовалъ въ исторіи. Но въ Россіи возможна только исторія государственности, потому что народъ былъ только

пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Еслибы это было такъ, тогда не стоило бы писать исторіи Россіи. Стоитъ ли заниматься тѣмъ, что́ не имѣетъ смысла? Во имя чего, спрашивается, живемъ мы, и живемъ не какъ люди вообще, an und für sich, но именно какъ *Россія*? Для чего сложились мы въ громадное государство? Для того ли началъ народъ свою историческую жизнь, чтобы нести государственныя повинности и ходить на войну, какъ это дѣлали наши предки, по увѣренію г. Соловьева? Но это не есть жизнь историческая. Невольно приходитъ здѣсь на память насмѣшливое замѣчаніе Хомякова по поводу исторіи Соловьева: „читатель изъ всего чтенія выноситъ одно сомнѣніе: была ли бы для человѣчества какая-нибудь утрата, еслибы все пространство отъ Чернаго моря до Бѣлаго и отъ Нѣмана до Урала оставалось пустынею, населенною бродячими вогулами, остяками или даже медвѣдями?“ (598).

III.

Эти вопросы невольно должны были предстать уму людей, искавшихъ въ исторіи прежде всего *нравственной идеи* и видѣвшихъ *источникъ* этихъ нравственныхъ идей въ народномъ сознаніи. К. Аксаковъ ясно увидѣлъ, что нужно покончить періодъ „исторіи государства россійскаго“ и начать исторію русскаго народа. Вспомнимъ, съ благодарностью, что эта мысль была высказана и Н. А. Полевымъ. Его трудъ прямо называется исторіею русскаго народа. Но у Полевого это требованіе не было результатомъ непосредственнаго изученія русской исторіи въ ея источникахъ: его мысль была плодомъ теоретическихъ соображеній, почерпнутыхъ изъ иностранной литературы. Поэтому его система носитъ на себѣ слѣды нѣкоторой искусственности. Его исторія—какъ бы антитеза исторіи Карамзина. Напротивъ, К. Аксаковъ вездѣ исходитъ изъ непосредственнаго изученія источниковъ русской исторіи и притомъ источниковъ, которые мало еще обращали на себя вниманіе—пѣсенъ и сказокъ народныхъ.

Должно замѣтить, что всѣ его труды относятся, главнымъ образомъ, къ *начальной* народной исторіи. Причинъ къ этому было двѣ. Во-первыхъ, извѣстно, что славянофилы искали идеалы русской жизни въ старинѣ, не измѣненной позднѣйшими перемѣнами и заимствованіями — это чисто субъективная причина, разбирать которой мы здѣсь не будемъ. Во-вторыхъ, и эта причина существенная, изслѣдованіе древнѣйшей исторіи имѣетъ ту важность, что элементами этой исторіи опредѣляется характеръ дальнѣйшаго развитія народа. Это фактъ общеизвѣстный. Исторія западно-европейскихъ государствъ начинается съ факта *завоеванія* областей

бывшей римской имперіи варварскими дружинами — и этотъ фактъ опредѣлилъ весь характеръ послѣдующей исторіи европейскихъ обществъ. На немъ выросъ феодализмъ. Изъ феодализма вышло общество позднѣйшихъ монархій. Имъ объясняется долгое преобладаніе класса поземельныхъ собственниковъ. Его отзвуки слышатся въ борьбѣ труда и капитала. Станемъ ли говорить, какое значеніе для Европы имѣлъ такой фактъ, что она сдѣлалась католическою? Какъ для историка литературы важны первыя произведенія человѣческой мысли? На это отвѣтитъ превосходная исторія англійской литературы Тэна.

Итакъ, споръ, поднятый К. Аксаковымъ, о фактахъ первоначальной исторіи Россіи представляетъ не одинъ отвлеченный научный интересъ. Отъ исхода этого спора зависѣла *философія русской исторіи*, весь взглядъ на ея характеръ. Припомнимъ, что̀ вышло изъ гипотезы Эверса о родовомъ бытѣ, гипотезы, доведенной до крайнихъ послѣдствій г. Соловьевымъ. Весь ихъ взглядъ на роль народа въ исторіи опредѣлился ихъ взглядомъ на ту форму общежитія, въ которой жили наши предки въ эпоху призванія князей.

Вотъ почему К. Аксаковъ, сознательно или инстинктивно, напалъ прежде всего именно на этотъ взглядъ. Онъ сдѣлался главнымъ представителемъ такъ называемой школы *общиннаго* быта, въ противоположность школѣ быта *родового*. Этими названіями обозначились два направленія въ наукѣ русской исторіи. Тѣ, которыхъ мы называемъ *западниками*, въ русской исторіи являются защитниками теоріи *родового быта*; напротивъ, лица, извѣстныя подъ именемъ славянофиловъ, становятся на сторону теоріи *общиннаго быта*. Первые видятъ высшее *цивилизующее* начало въ *государственномъ* элементѣ, вторые въ началахъ *культурныхъ, свободно* выработанныхъ народомъ. Мы заявляемъ только фактъ, достовѣрность котораго каждый можетъ провѣрить.

Въ чемъ же состояла эта теорія общиннаго быта? Въ чемъ заключались ея послѣдствія?

Теорія родового быта заключала въ себѣ *отрицаніе* въ славянскихъ племенахъ двухъ существенныхъ элементовъ и условій культурнаго развитія—*начала личности* и *сознанія общественности*, т.-е. способности разумѣнія высшихъ общественныхъ цѣлей и связей, стоящихъ выше *элементарныхъ*, такъ сказать, стихійныхъ интересовъ, порождаемыхъ кровнымъ родствомъ.

Личное самосознаніе, слѣдовательно, личная предпріимчивость, сознаніе своей свободы, не могли выработаться въ условіяхъ патріархальнаго родового быта. Мы видѣли, что это личное начало, по означенной теоріи, появляется только вмѣстѣ съ элементомъ го-

сударственнымъ, *дружиною,* въ которую *выдѣляются* лучшіе люди, мужи, изъ темной и пассивной массы *мужиковъ.*

Сознаніе общественное не могло возвыситься выше разумѣнія кровныхъ или quasi-кровныхъ родовыхъ интересовъ и выработанныхъ родомъ обычаевъ. Высшія цѣли, высшія и болѣе общія связи были указаны, выработаны и осуществлены государствомъ, не только безъ содѣйствія народа, но даже противъ него.

Вотъ, слѣдовательно, что̀ предстояло найти славянофильской исторіи и что̀ было ею найдено.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ, прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ весь ходъ этихъ замѣчательныхъ работъ, между которыми обширная статья К. Аксакова, *О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности,* занимаетъ первое мѣсто. Остановимся только на общихъ результатахъ. Мы противопоставимъ только одной философіи русской исторіи, изложенной нами въ началѣ лекціи, другую философію исторіи, формулированную К. Аксаковымъ.

Шагъ за шагомъ, путемъ подробнаго разбора лѣтописей, филологическаго объясненія терминовъ, сравненія нашихъ обычаевъ съ обычаями другихъ славянскихъ народовъ разрушались одинъ за другимъ доводы защитниковъ теоріи родового быта. Постепенно, вмѣсто родового начала, выступали *лично-семейственное* и *общинно-земское,* выразившіяся въ *вѣчевомъ* строѣ древней Россіи.

Съ точки зрѣнія этихъ двухъ началъ, ходъ русской исторіи представляется К. Аксаковымъ въ слѣдующемъ видѣ.

„Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найти нѣчто себя высшее, а предстоитъ только преуспѣвать, очищаться и возвышаться... Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей, и являющихъ общее ихъ согласіе... Община представляетъ, такимъ образомъ, нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ *не теряется личность,* но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно самоотверженныхъ личностей... Выраженіе человѣческаго разума есть слово; оно выражаетъ согласіе общины; итакъ, выраженіе ея совокупной нравственной дѣятельности есть *совѣщаніе* (вѣче, сходка, соборъ, дума)... Самое начало Русской исторіи есть такое совѣщаніе. Славяне, кривичи и чудь совѣщаются между собою и на совѣщаніи рѣшаютъ призвать Рюрика съ братьями, а въ лицѣ ихъ государственную власть. Потомъ, когда цѣлый родъ Рюриковъ княжилъ въ Россіи, когда князья этого рода безпрестанно переходили изъ города въ городъ, въ каж-

домъ городѣ видимъ мы вѣче, совѣщанія. Князь совѣщается съ дружиною, князь совѣщается съ вѣчемъ. Князь (власть государственная), *добровольно* призванный, сталъ необходимостью для народа. Даже новгородцы безъ князя обойтись не могутъ. Но при этой власти княжой, община живетъ полною жизнью, думаетъ, совѣщается.— Постоянное бродяжничество князей ставитъ общину въ необходимость, не ограничиваясь однимъ словомъ, принимать участіе въ дѣлѣ самомъ для того, чтобы обезопасить себя отъ разоренія и войны, а иногда для того, чтобы поддержать князя, который имъ любъ; но такое внѣшнее распоряженіе Россіи необходимо вызывается исторической эпохой, положеніемъ дѣлъ.

„Наконецъ, государственная разрозненность Россіи, представляемая множествомъ князей, разрозненность, мѣшавшая ея земскому, народному единству, ...соединилась въ одно цѣлое и надъ единою цѣлою землею явилось единое государство. ...Тогда-то, когда земля и государство явились, и та и другое, въ своей цѣлости, явились ясно и сознательно: земля и государство, государево и земское дѣло.

„Иванъ IV оставилъ (прежнее) названіе великаго князя, напоминающее удѣлы и раздѣленіе государственное Россіи, и какъ единый великій князь наименовался царемъ, единымъ государемъ Россіи. Какъ скоро только русская земля собралась вся во-едино и подъ единою властью государственною царя, такъ сейчасъ былъ созванъ Земскій Соборъ. Первый царь созываетъ земскій соборъ. Земля и государство стали въ ясныя отношенія другъ къ другу, поняли взаимные свои предѣлы и значеніе, и явилось понятіе и названіе: государево и земское дѣло, служилые и земскіе люди... Земля получила вполнѣ подобающій ей смыслъ совѣта, мнѣнія, мысли и слова; смыслъ, изъятый отъ всякой государственной примѣси, не имѣющій ни тѣни принудительной силы—но силу убѣжденія, свободную, духовную. Не вновь воздвиглось, а только очистилось и выяснилось гражданское устройство Россіи, отношенія земли и государства между собою: т.-е. государству—неограниченное право дѣйствія и закона, землѣ—полное право мнѣнія и слова. И вотъ на земскомъ соборѣ раздались такія рѣчи: „Государь, какъ поступить это отъ тебя зависитъ, а наша мысль такова".

„Право духовной свободы, продолжаетъ Аксаковъ, другими словами, свобода мысли и слова есть неотъемлемое право земли; только при немъ никакихъ правъ политическихъ она не хочетъ, предоставляя государству неограниченную власть политическую. Сила нравственная, эта свобода мысли и слова, есть элементъ, въ которомъ живетъ и движется земля".

Подтвердились ли эти пророческія работы позднѣйшими изслѣдо-

ваніями? Не было ли въ выводахъ славянофиловъ увлеченій, преувеличеній? Конечно, были, какъ всегда бываетъ въ томъ случаѣ, когда, взамѣнъ одной теоріи, является другая, построенная на прямо противоположномъ началѣ; мы и укажемъ эти преувеличенія. Но въ общихъ основаніяхъ славянофильская теорія восторжествовала.

Возьмемъ дѣло сначала со стороны отрицательной; отвѣтимъ на вопросъ: опровергнута ли теорія родового быта? На это должно отвѣчать утвердительно. Возьмемъ, напримѣръ, замѣчательное вообще и лучшее въ настоящее время изслѣдованіе о государственномъ строѣ древней Россіи г. Сергѣевича: *Князь и Вѣче.* Оно все построено на признаніи господства въ древне-политической жизни *личнаго* начала, которымъ объясняется у него развитіе начала *вѣчевого.* Этого мало. Первые славянофилы, отрицая существованіе родового быта въ народѣ, допустили, однако, или готовы были допустить его въ отношеніяхъ между-княжескихъ. Г. Сергѣевичъ разбилъ и эту иллюзію, доказавъ, что и здѣсь личное начало господствовало, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Возьмите превосходныя историческія монографіи профессора Костомарова, напримѣръ, его *Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси,* мысли, къ сожалѣнію, еще не утилизированныя русскою наукою, потому что къ нимъ отнеслись не столько научно, сколько полицейски. Что́ выступаетъ въ этихъ монографіяхъ? Цѣлыя *земли,* на которыя была раздѣлена древняя Русь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильная, по тому времени, земская жизнь, имѣвшая большое политическое значеніе.

Обращаясь къ положительной сторонѣ работы славянофиловъ, мы должны замѣтить слѣдующее. Ихъ идеи о семейно-общинномъ бытѣ получили право гражданства въ наукѣ. Г. Бестужевъ-Рюминъ, послѣ основательнаго и добросовѣстнаго сличенія всѣхъ мнѣній о бытѣ древнихъ славянъ, приходитъ къ слѣдующему выводу: „основою общественнаго развитія славянъ служила семейная община (вервь, задруга), соединенная отчасти общимъ происхожденіемъ и еще болѣе общимъ сожительствомъ — общимъ землевладѣніемъ и своимъ собственнымъ судомъ въ своихъ предѣлахъ“. Но нельзя не согласиться, что славянофилы, особенно К. Аксаковъ, нѣсколько идеализировали этотъ общинный бытъ. Они перенесли на эту общину свои собственные религіозные и даже церковные идеалы. Въ ихъ теоріи „община, міръ“ выходитъ какимъ-то церковнымъ „согласіемъ“, соединеннымъ силою любви и высшихъ, немного мистическихъ интересовъ. Конечно, эти субъективныя прибавки могутъ быть отброшены безъ особеннаго ущерба для науки.

IV.

Но великое дѣло было сдѣлано. Коренные вопросы русской исторіи должны были получить новую постановку. Народъ явился въ исторіи не пассивнымъ и противнымъ цивилизаціи матеріаломъ, обнаруживающимъ это сопротивленіе свое, то пассивно, то активно, то неисполненіемъ предписаннаго, то открытымъ сопротивленіемъ, за что́ его слѣдовало бы, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ историковъ, подвести подъ 262 и слѣд. ст. Уложенія о наказаніяхъ. Нѣтъ, онъ является дѣятельною и благотворною силою въ исторіи, самостоятельнымъ ея элементомъ.

Элементъ этотъ имѣетъ свою форму, свое значеніе, свой кругъ дѣйствій: онъ носитъ названіе *вѣча*. Вѣче есть народная сила, не смѣшивающаяся съ княземъ, дѣйствующая рядомъ съ нимъ, иногда направляющая и контролирующая его дѣйствія. Князь не можетъ обойтись безъ содѣйствія вѣча; онъ долженъ дѣйствовать согласно съ нимъ. Это вызывалось слабостью княжеской власти, утрачивавшей свое значеніе въ междоусобіяхъ. „Народные интересы, говоритъ г. Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія и хотя сами измѣняли свой характеръ, но зато и характеръ княжескихъ отношеній сообразовался съ ними“.

Роль вѣча проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что оно охраняетъ силу народнаго обычая, народныхъ правъ отъ злоупотребленій княжеской администраціи. Оно стоитъ на стражѣ земской *пошлины, старины*. Князь, обыкновенно человѣкъ пришлый, призванный, не знаетъ обычаевъ земли, которою онъ долженъ управлять. И вотъ вѣче, прежде чѣмъ князь сѣлъ на престолъ, заключаетъ съ нимъ *рядъ*, договоръ, и въ самомъ началѣ ряда ставитъ „а землю держать тебѣ въ старинѣ, по пошлинѣ“. Разсмотрите какъ различенъ смыслъ этихъ словъ: съ точки зрѣнія первой теоріи, требованіе охранять старину, пошлину, заключало въ себѣ явное противодѣйствіе цивилизующему началу, таившемуся въ княжеско-дружинномъ началѣ. Странное дѣло! Тѣ же самые историки, которые преклоняются предъ уваженіемъ англичанъ къ *своей* старинѣ, восхищаются ихъ ссылками на common law, на добрые законы Эдуарда Исповѣдника, Альфреда Великаго, не могутъ понять смысла вѣчевыхъ рядовъ! Теорія общиннаго быта видитъ въ этой пошлинѣ живое народное начало, представляющее не только старину, но способное къ дальнѣйшему развитію. Припомнимъ сказанное нами въ прошлую лекцію. Мы не должны обманываться словами „обычай, пошлина“.

Обычай безпрерывно наростаетъ, способенъ къ видоизмѣненію. „Обычай“, выразившійся въ Псковской Судной Грамотѣ, этомъ превосходномъ памятникѣ вѣчевого законодательства, шире, разнообразнѣе, чѣмъ обычай, выразившійся въ Русской Правдѣ, хотя основы его тѣ же.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ взгляда на „пошлину“ видоизмѣняется взглядъ на представителей земскаго и общественнаго движенія въ древней Руси. Съ точки зрѣнія родового быта богатырство было выдвинуто сознаніемъ физической силы, отъ которой имъ было „грузно“. Выдвинувшись въ дружину, удалецъ уже разрывалъ свою связь съ „темной массой“. И вотъ К. Аксаковъ положилъ твердое основаніе другому взгляду на богатырей и дружину. Онъ посвятилъ особенную статью на изслѣдованіе русскихъ былинъ, и въ этой статьѣ богатыри выступаютъ не только удальцами, думающими о личномъ возвышеніи, но борцами за землю, представителями извѣстныхъ нравственныхъ стремленій. Возстанавливается и связь между дружиною и земщиною.

Мало того; объясняется полнѣе и значеніе самихъ князей. Князь перестаетъ быть чисто внѣшней, хотя и „цивилизующей“ силой. Онъ существенный земскій элементъ: ни вѣче не можетъ обходиться безъ князя, ни князь безъ вѣча. Вольный, привыкшій къ свободѣ Новгородъ не можетъ жить безъ князя. И только тотъ князь превозносится лѣтописями, пѣснями, преданіями, въ комъ жива эта связь, кто воплощаетъ это „одиначество“ власти и вѣча. Таковы Владиміръ Святой, Владиміръ Мономахъ, два Мстислава Новгородскіе и т. д.

Итакъ, сила власти, направляемая народною мыслью и преданіемъ—таковъ смыслъ древнѣйшей русской исторіи, исходныя точки нашего политическаго развитія, по мнѣнію Аксакова.

Опредѣлить *такимъ* образомъ значеніе *исходныхъ началъ* нашей исторіи, значитъ совершить рѣшительный переворотъ въ историческомъ міросозерцаніи, въ общихъ воззрѣніяхъ на исторію. Къ сожалѣнію, славянофиламъ не суждено было провести свои взгляды чрезъ всю исторію. Они не успѣли написать своей исторіи Россіи, хотя въ сочиненіяхъ К. Аксакова напечатано множество приготовительныхъ работъ по этому предмету. Только по отдѣльнымъ вопросамъ до-петровской исторіи удавалось высказывать имъ свое мнѣніе, и въ этихъ мнѣніяхъ ясно видно, какое высокое значеніе имѣли для объясненія исторіи, ихъ основные взгляды.

Остановимся, напримѣръ, на замѣчательномъ періодѣ, извѣстномъ подъ именемъ *смутнаго времени*. Періодъ этотъ, кромѣ своей внутренней важности, замѣчателенъ еще тѣмъ, что историки всѣхъ

направленій одинаково превозносятъ роль народнаго движенія въ дѣлѣ освобожденія земли отъ иноземцевъ и возстановленія государственнаго порядка. Но подъ этимъ видимымъ единомысліемъ таится глубокое разномысліе разныхъ школъ.

Возьмите, напримѣръ, VIII т. исторіи Россіи г. Соловьева, посвященный описанію событій смутнаго времени. Онъ весьма добросовѣстно, а иногда мастерски выдвигаетъ значеніе народнаго движенія; описываетъ подвиги героевъ тогдашняго времени; выставляетъ эти подвиги въ должномъ свѣтѣ. И къ какой же морали приводитъ его это добросовѣстное, во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе? Въ одной изъ статей своихъ онъ восклицаетъ: „вотъ что выиграла Русь *отреченіемъ* отъ вѣчевого быта!“ Другими словами, по его убѣжденію, Россія могла совершить свой подвигъ въ 1612 г. потому, что она была, такъ сказать, воспитана государственнымъ началомъ, убившимъ въ ней начало вѣчевое, т.-е. не только вѣче какъ форму политическую, но даже какъ привычку самодѣятельности, совѣщанія. Доводя эту мысль до крайнихъ, но весьма законныхъ послѣдствій, мы должны сказать: земля русская поднялась въ 1612 г. потому, что въ ней не было никакихъ энергическихъ началъ. Это вѣрно замѣчено Хомяковымъ:

„Г. Соловьевъ, говоритъ онъ, не замѣчаетъ, что окруженная врагами, разорванная внутри призракомъ угасшей династіи, безъ царя и безъ правительства, старая Русь могла только потому и совершить свое великое дѣло, что она не *отрекалась* отъ вѣча, сходки, міра, общины, выборовъ, самопредставительства и прочихъ живыхъ своихъ силъ и живыхъ выраженій своей силы. Кто сдѣлалъ Минина выборнымъ всей земли русской? Пожарскаго военачальникомъ? Кто посылалъ грамоты городовыя? Кто, какъ не вѣче или сходка или міръ? Кто могъ это все строить? Обычай и исконная привычка къ жизни гражданской въ городахъ и *селахъ*. Почти совѣстно это доказывать“.

Въ томъ же смыслѣ высказывается и К. Аксаковъ, въ своемъ превосходномъ разборѣ VIII т. исторіи Россіи. Мало того. То же говоритъ, въ порывѣ истиннаго увлеченія правдой, и г. Соловьевъ, который, къ величайшей своей чести, часто отступаетъ отъ своей безпощадной теоріи. Вотъ эти слова:

„Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Дмитрій (Пожарскій), Кузьма (Мининъ) и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ былъ очищенъ *послѣдними* людьми, такъ и въ московскомъ государствѣ, *послѣдніе* люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, это были послѣдніе люди московскаго

государства, *коренные, основные* люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться".

Вяжутся ли эти замѣчательныя слова съ теоріею *отреченія* отъ старыхъ обычаевъ, о которой мы говорили выше? Не идутъ ли они больше къ слѣдующимъ словамъ К. Аксакова—„великое время междуцарствія представляетъ рѣшительное торжество начала Земскаго, начала нравственнаго, свободнаго. Все могущество внѣшнее, государственное, было сокрушено и безсильно. Очищаясь и возвышаясь нравственно, наконецъ, встала сама земля, и, исполненная силы духа, одолѣла всѣхъ враговъ".

Что дѣло дѣйствительно происходило такъ, это доказываетъ превосходное изслѣдованіе г. Забѣлина: *召Мининъ и Пожарскій*.

Значеніе этой силы славянофилы любили изслѣдовать во всѣхъ ея проявленіяхъ. Можно сказать, что во всѣхъ событіяхъ и явленіяхъ до-петровской Россіи ихъ занимала именно эта общественная сторона, это проявленіе народной мысли, дѣйствовавшей совмѣстно съ государствомъ. Такъ, К. Аксаковъ очень часто возвращается къ вопросу о *земскихъ соборахъ*, которымъ онъ думалъ посвятить особое изслѣдованіе. Онъ, какъ видно изъ его введенія, хотѣлъ показать, что земскіе соборы органически, необходимо были связаны съ историческими идеалами русскаго народа. Показать это было необходимо, потому что другіе историки видѣли въ земскихъ соборахъ явленіе незначительное и *случайное*. Пѣвцы государственности! Глашатаи административнаго просвѣщенія! Они видѣли логику, необходимость, строгую послѣдовательность только тамъ, гдѣ дѣйствовало государство; тамъ же, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ народными силами, они видѣли *случай*. Но отдѣльныя мысли, высказанныя К. Аксаковымъ, подтверждены спеціальнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ г. Бѣляева[1]).

V.

Если мы вдумаемся въ общій смыслъ этихъ изслѣдованій, то намъ понятно будетъ глубокое различіе между исторіею, изложенною съ точки зрѣнія такъ называемыхъ западниковъ, и исторіею, какъ понимали ее славянофилы. Исторія перваго рода будетъ *апотеозою государственности*, понимаемой въ довольно узкомъ смыслѣ, т.-е. апо-

---

[1]) *Московскія университетскія извѣстія;* январь 1867 г.

теозою дѣятельности государственнаго механизма, вдохновляемаго, такъ сказать, своими собственными началами, внѣ всякаго общественнаго вліянія. Славянофильская, такъ сказать, исторія будетъ исторіею жизни народной, совершающейся при *содѣйствіи* государственнаго начала. Главный источникъ прогресса славянофильство видитъ въ самодѣятельности народной; государство не должно брать на себя *творческую* роль, становиться на мѣсто живыхъ народныхъ силъ. Иначе предъ нами будетъ не жизнь, а внѣшнее подобіе жизни.

Отсюда вытекаютъ слѣдующія послѣдствія:

1) Только тѣ культурныя пріобрѣтенія прочны, которыя усваиваются обществомъ свободно, т.-е. безъ *внѣшняго принужденія*. „Все, говорилъ К. Аксаковъ, имѣетъ только цѣну, во сколько что̀ дѣлается искренно и свободно". Въ особенности это должно сказать о началахъ бытовыхъ, культурныхъ, въ собственномъ смыслѣ. Они нисколько не возставали противъ *заимствованій* отъ другихъ народовъ. Они возставали противъ *принудительнаго* проведенія разныхъ заимствованій, которымъ отличается періодъ петербургскій, который поэтому и не могъ создать ничего прочнаго, не могъ, говоря словами Хомякова, перевести своихъ законовъ въ обычай. Онъ создавалъ *моды*, т.-е. внѣшнее увлеченіе тѣмъ или другимъ вліяніемъ, но не дѣйствительныя потребности. Таковы были наши англоманіи, галломаніи и разныя другія маніи.

2) Признавая необходимость и пользу *заимствованія*, они возставали противъ слѣпой *подражательности*, и по очень понятной причинѣ. Заимствованіе *не убиваетъ* человѣческой самостоятельности. Заимствуя разумно, мы должны проникнуть въ смыслъ заимствуемаго, возвыситься къ его принципамъ, отдѣлить внѣшнюю и часто случайную форму отъ сущности дѣла; видоизмѣнить, переработать даже эту форму примѣнительно къ условіямъ собственной жизни. Работа не легкая, и предполагающая большую самодѣятельность. Напротивъ, подражаніе, простая копировка чужого, пересаживаніе чужихъ учрежденій не требуетъ никакого умственнаго напряженія; увлекаясь легкою задачею подражанія, общество даже *отвыкаетъ* отъ дѣйствительной работы, засыпаетъ, убиваетъ въ себѣ нравственную энергію. Затѣмъ, и это самое важное, заимствованіе не убиваетъ *оригинальности* человѣка и народа; оно даже обогащаетъ его нравственныя силы, потому что заимствованное усваивается, входитъ въ плоть и кровь. Чрезъ разумное заимствованіе человѣкъ получаетъ даже бо̀льшую возможность развить, возвести на степень общечеловѣческаго свои собственныя культурныя начала. Такъ, *заимствованіе* классической мудрости Европой дало ей возможность проявить свои собственныя силы въ національныхъ литературахъ, философіяхъ, искусствахъ

разныхъ народовъ—французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и т. д. Подражаніе убиваетъ народную самостоятельность, ибо предметъ подражанія принимается *безъ критики*, безъ разсужденія, какъ *безусловно высшее начало*, какъ законъ. Мысль эта лучше всего выражена Кирѣевскимъ: „Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе его до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія".

3) Развитіе народное должно быть *преемственно*, т. е. не разрывать связи съ преданіемъ, потому, во-первыхъ, что въ преданіи, „громадѣ обычая", выражается индивидуальность народная и, во-вторыхъ, потому, что въ обычаѣ заключается твердая точка опоры для самостоятельной критики всякихъ реформъ, заимствованій, всякаго шага впередъ. Тогда только и развитіе или, говоря по иностранному, *прогрессъ* будетъ процессомъ внутреннимъ, дѣйствительнымъ, а не внѣшнимъ и потому мнимымъ. Съ этой точки зрѣнія Хомяковъ возстаетъ противъ глашатаевъ не столько прогресса, сколько слова „прогрессъ", не понимающихъ дѣйствительнаго его значенія. Иногда, говоритъ онъ, можно подумать, что, по мнѣнію этихъ господъ, „все, что̀ случилось въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ годомъ *позже*, есть уже прогрессъ противъ того, что̀ было годомъ раньше, и что завоеваніе Константинополя турками есть прогрессъ греческой области"... Нужно задать себѣ вопросъ — *чей* прогрессъ, прогрессъ *чего именно*? Иначе выйдетъ, что вся жизнь римской имперіи до послѣдняго дня была прогрессомъ. „Можетъ усовершенствоваться наука, а нравы могутъ упадать и страна гибнуть; можетъ разграфляться администрація и, слѣдовательно, повидимому, приходить въ порядокъ, а народъ упадать и страна гибнуть. Можетъ скрѣпляться случайный центръ, а члены всѣ болѣть и слабѣть и страна опять-таки гибнуть. Гдѣ же тутъ прогрессъ страны?... *Прогрессъ есть слово, требующее субъекта.* Безъ этого субъекта прогрессъ есть отвлеченность, или, лучше сказать, чистая безсмыслица".

Таковы твердыя точки опоры, на которыхъ славянофилы думали основать свою критику ходячихъ воззрѣній на русскую исторію. Понятно, какъ съ этой точки зрѣнія они должны были отнестись къ реформѣ Петра Великаго. Мы уже выяснили это отношеніе въ прошлой лекціи.

Здѣсь справедливость требуетъ замѣтить, что ихъ мнѣнія объ этомъ историческомъ событіи, конечно, преувеличены. Конечно, рѣзкое осужденіе реформы Петра было естественнымъ результатомъ того, въ свою очередь, преувеличеннаго мнѣнія людей противоположнаго

лагеря, которые серьезно полагали, что *историческая жизнь Россіи началась только съ Петра.* Конечно, далѣе, они, по самой своей, такъ сказать, критической позиціи, склонны были останавливаться только на отрицательныхъ сторонахъ реформы.

Но это не снимаетъ съ нихъ отвѣтственности за многія увлеченія и крайности, замѣченныя, впрочемъ, самимъ Хомяковымъ, въ его превосходной статьѣ *О старомъ и новомъ.*

Это не снимаетъ съ нихъ упрека въ неполномъ пониманіи личности Петра, котораго они не умѣли выдѣлить изъ послѣдующей исторіи. Они не увидѣли *народныхъ* чертъ въ преобразователѣ Россіи и его, во многихъ отношеніяхъ, свободнаго отношенія къ Западу. Мало того. Они не дали себѣ труда отвѣтить на вопросъ—дѣйствительно ли исторія XVIII ст. такъ оторвана отъ исторіи предыдущей, и не былъ ли разрывъ болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ? Этого, правда, они и не могли сдѣлать, потому что исторія XVIII ст. едва начинаетъ выступать изъ мрака, благодаря обилію издаваемыхъ теперь матеріаловъ.

Съ другой стороны, они слишкомъ идеализировали древнюю Русь, въ томъ смыслѣ, что уваженіе свое *къ принципамъ* древней жизни они переносили иногда на *самыя формы*, а иногда и на *отсутствіе формъ*, гдѣ онѣ были бы нужны. Такъ, К. Аксаковъ упорно проповѣдуетъ безполезность юридическихъ гарантій разныхъ правъ личныхъ и общественныхъ и видитъ въ безформенности древней Руси нѣкоторую заслугу, даже высшій принципъ, возвышающій насъ надъ Западомъ, слишкомъ увлеченнымъ формой. Онъ забываетъ, что отсутствіе формъ и гарантій въ самой древней Руси было не повсемѣстно. Новгородъ и Псковъ, развитые больше другихъ частей, выработали свои „гарантіи".

Во-вторыхъ, отсутствіе гарантій въ другихъ мѣстахъ было признакомъ несовершенства общественнаго, даже, можетъ быть, отсутствія гражданственности.

Въ этихъ увлеченіяхъ опять-таки можно видѣть естественное послѣдствіе противоположныхъ увлеченій. Другіе превозносили всякое послѣдующее событіе надъ предыдущимъ потому только, что оно послѣдующее. Они часто впадали въ другую крайность.

Но, несмотря на эти увлеченія, нельзя не сознаться, что въ ихъ историческихъ трудахъ гораздо меньше того формализма, какимъ часто отличаются труды ихъ противниковъ. Они ищутъ идеала, внутренняго смысла событій для того, чтобы изъ исторіи вышла руководительница народной жизни. Труды ихъ противниковъ часто могутъ быть названы *теоріею внѣшняго прогресса*—основанною на мысли, что разрушеніе стараго ведетъ къ новому и непремѣнно лучшему. Па-

деніе кіевской Руси весьма радостно, ибо надъ нею возвысилась Русь суздальская, представлявшая другіе порядки; отрицаніе московской Руси Русью петербургской тоже радостно и т. д. К. Аксаковъ справедливо называетъ такой взглядъ поклоненіемъ *не исторіи, а времени*. Нѣтъ ничего легче какъ писать такую исторію; для этого не нужно имѣть никакой мысли кромѣ той, что новое лучше стараго, а потому наблюдателю остается только бѣжать за временемъ. Для работы, предпринятой славянофилами, нужно кое-что другое.

„Легче и несравненно легче, говоритъ Хомяковъ, давать себя увлекать теченію, чѣмъ стараться отклонить самое теченіе въ лучшее русло. Работа мыслящаго ума тяжелѣе работы пишущей руки: тотъ, кто въ современной, подспудной жизни народа и въ непонимаемой, хотя и описываемой старинѣ отыскиваетъ тѣ живыя стихіи, тѣ умственные типы, въ которыхъ заключается и прошедшій идеалъ и развитіе будущей судьбы народа, — трудится много болѣе, чѣмъ тотъ, кто

Безсиленъ къ смѣлому возврату
Иль шагу смѣлому впередъ
И по углаженному скату
Лѣниво подъ гору ползетъ...

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Орудія борьбы.

(Окончаніе).

I.

Сегодня мнѣ предстоитъ говорить о вопросѣ, важность котораго, признаюсь, приводитъ меня въ смущеніе; именно, я обращу ваше вниманіе на богословскую полемику Хомякова, полемику, которая представляетъ замѣчательную и единственную у насъ *критику религіозныхъ основъ западно-европейскаго просвѣщенія.*

Вопросъ этотъ приводитъ меня въ смущеніе потому, что, не будучи спеціалистомъ по богословію и церковной исторіи, я не могу оцѣнить взгляды Хомякова по истинному ихъ достоинству. Во-вторыхъ, я затрудненъ еще однимъ обстоятельствомъ. Чтенія мои, какъ всякій могъ замѣтить, представляли критику славянофильства съ чисто *научной* точки зрѣнія. Вопросъ же, поставленный на очередь сегодня, повидимому, переходитъ за область научныхъ изслѣдованій и относится къ тому міру, гдѣ безсиленъ разумъ и сильна одна только вѣра.

Но неужели въ богословскихъ вопросахъ, поднятыхъ какъ Кирѣевскимъ, въ его знаменитой статьѣ *О различіи просвѣщенія* и т. д., такъ и еще полнѣе Хомяковымъ, нѣтъ ничего, что не только можетъ, но *должно* быть изслѣдуемо науками историческими, общественными и политическими? На вопросъ этотъ врядъ ли можно отвѣчать отрицательно. Религіозная жизнь проявляется не только въ формѣ невидимыхъ, внутреннихъ отношеній отдѣльнаго человѣка къ Богу. Она выражается въ формѣ общенія массы людей, связанныхъ единствомъ вѣры, т.-е. въ *общеніи церковномъ*. Формы *церкви*, какъ установленія общественнаго, неизбѣжно подчиняются законамъ историческаго разнообразія, составляютъ часть формъ жизни общественной вообще, находятся въ связи съ особенностями цѣлыхъ расъ и даже отдѣльныхъ народовъ. Слѣдовательно, формы и жизнь *церкви* должны быть изслѣдованы исторически.

Этого мало. Коренныя основы церковнаго устройства и жизни неизбѣжно и неотразимо вліяютъ на весь строй общественной и политической жизни. Развитіе отдѣльныхъ типовъ государства находится въ тѣснѣйшей связи съ формами церковнаго быта, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, какъ показываетъ опытъ исторіи, церковное общество слагается раньше общества политическаго и свѣтскаго; поэтому въ церкви вырабатываются основные общественные идеалы каждой народности. Свѣтское общество и государство развиваются первоначально подъ руководствомъ церкви, изъ нея заимствуютъ свои верховныя начала. Впослѣдствіи свѣтское государство эманципируется изъ-подъ церковной опеки, но это эманципація болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Разбирая начала отдѣльнаго государственнаго строя, мы легко можемъ опредѣлить, изъ какого церковнаго типа они вышли. Такъ, напримѣръ, мы можемъ назвать Францію *католическимъ* государствомъ, не потому только, что большинство французовъ *католики*, но потому, что формы этого государства остаются вѣрны формамъ католицизма. Мы можемъ сказать здѣсь нѣчто похожее на парадоксъ, для людей не довольно знакомыхъ съ духомъ разныхъ государственныхъ учрежденій, но совершенно понятное для людей, знающихъ дѣло. Общество и государство остаются вѣрны церковному типу, изъ котораго они вышли, даже тогда, когда они впадаютъ въ *невѣріе*, т.-е. отказываются отъ религіи. Формы французскихъ учрежденій временъ республики, закрывшей христіанскіе храмы, были вѣрны католицизму, т.-е. церкви, построившей свои установленія на идеѣ внѣшняго и принудительнаго единства, съ раздѣленіемъ управляющихъ и управляемыхъ на два противоположные лагеря и безмѣрною централизаціею. Не знаетъ ли всякій, изучавшій Токвилля, Банкрофта, Лабулэ и т. д.,

что корень нынѣшнихъ установленій С. Америки въ религіозныхъ стремленіяхъ первыхъ пуританъ, основавшихъ здѣсь свои колоніи?

Съ этой точки зрѣнія, намъ понятна будетъ важность сочиненій Хомякова для общественнаго развитія Россіи. Оставляя въ сторонѣ богословско-догматическое значеніе ихъ, оцѣнить которое я не считаю себя призваннымъ, остановимся на нихъ какъ на критикѣ религіозныхъ основъ западно-европейскаго просвѣщенія и формъ церковной жизни.

Избрать такую точку зрѣнія дастъ намъ право самое содержаніе главныхъ сочиненій Хомякова. Ихъ содержаніе полемическое, и полемика эта направлена главнымъ образомъ противъ *церковныхъ* идеаловъ западно-европейскаго міра. Основою критики является очень опредѣленный церковный идеалъ, выработанный первыми вѣками христіанства и сохраненный православною церковью.

Какъ опредѣлимъ исходную точку этой замѣчательной критики? Кажется, она заключается въ слѣдующихъ словахъ Хомякова. „Церковь—*авторитетъ*, сказалъ (протестантъ) Гизо въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ сочиненій, а одинъ изъ его (католическихъ) критиковъ, приводя эти слова, подтверждаетъ ихъ; при этомъ ни тотъ, ни другой не подозрѣваетъ сколько въ нихъ неправды и богохульства. Бѣдный римлянинъ, бѣдный протестантъ! Нѣтъ, церковь не авторитетъ, какъ не авторитетъ Богъ, не авторитетъ Христосъ; ибо *авторитетъ* есть нѣчто для насъ *внѣшнее*. Не авторитетъ, говорю я, *а истина*, и въ то же время жизнь христіанина, внутренняя жизнь его...“ [1])

Смыслъ этихъ словъ ясенъ: вѣрующая совѣсть отдѣльнаго человѣка относится къ церкви, къ Богу, къ Христу, не какъ къ *авторитету*, т.-е. внѣшней, принудительной силѣ, а какъ къ *истинѣ*, когда рѣчь идетъ о Богѣ, или какъ къ *выраженію* и *хранителю* истины, когда дѣло идетъ о церкви. Какая же разница между авторитетомъ и истиною?

Авторитетъ предписываетъ вѣрованіе и требуетъ себѣ *подчиненія*; онъ выдаетъ себя за *признакъ* истины, за такой признакъ, безъ котораго истина не можетъ быть истиною. Стало быть, авторитетъ предполагаетъ не непосредственное отношеніе къ истинѣ и не непосредственное ея познаніе, а внѣшнее ей *подчиненіе* чрезъ повиновеніе установленному авторитету. Поэтому авторитетъ убиваетъ *свободу вѣры* или, лучше сказать, самую *вѣру*, ибо вѣра есть свободное движеніе человѣческаго духа, такое же свободное, какъ самая мысль. Христосъ не сказалъ: *повинуйтесь* мнѣ, но *вѣруйте* въ меня; онъ,

---

[1]) *Богословскія соч.*, стр. 49.

не сказалъ: подчинитесь моимъ словамъ, но „познайте истину и истина свободитъ вы“. Когда ученики, еще несовершенно проникшіеся духомъ новаго ученія, просили у него позволенія низвести огонь на городъ, не принявшій ихъ, онъ сказалъ имъ: „не знаете какого вы духа!“

Ю. Ѳ. Самаринъ, объясняя мысли Хомякова, справедливо говоритъ: „Я *признаю*, *подчиняюсь*, *покоряюсь*,—стало быть, я не *вѣрую*. Церковь предлагаетъ только вѣру, вызываетъ въ душѣ человѣка только вѣру и меньшимъ не довольствуется; иными словами: она принимаетъ въ свое лоно только *свободныхъ*; кто приноситъ ей рабское признаніе, не вѣря въ нее, тотъ не въ церкви и не отъ церкви“.

Что́ же такое церковь? Каково ея отношеніе къ вѣрующей совѣсти отдѣльнаго человѣка? Церковь менѣе всего есть внѣшній авторитетъ, связывающій совѣсть, предписывающій къ вѣрованію тѣ или другія истины. Церковь *хранитъ* истину въ своемъ преданіи, *распространяетъ* ее своимъ *ученіемъ*, осуществляетъ совмѣстною жизнью всѣхъ своихъ учениковъ. Основаніе церкви—взаимное довѣріе, любовь; жизнь церкви въ совмѣстномъ и согласномъ служеніи истинѣ. Поэтому церковь предполагаетъ полное и постоянное общеніе въ дѣлахъ вѣры; возможность общенія есть признакъ истины; въ церковномъ *согласіи* должно искать ея критеріума; изъ этой *дѣятельной* жизни вѣры никто не можетъ быть исключенъ—всѣ члены церкви суть *братья* о Христѣ—и это слово *братья* не должно быть фарисейскимъ, суетнымъ выраженіемъ, подобнымъ тому, какъ мы съ гордостью говоримъ иногда „о меньшихъ братьяхъ“, не зная еще, кто далъ намъ право называться „бо̀льшими братьями“.

Истина выражается *всею* церковью, живетъ *во всей* церкви, и если даже *вся* церковь не можетъ быть авторитетомъ, т.-е. внѣшнею принудительною властью, то тѣмъ менѣе можемъ мы говорить объ авторитетѣ *въ церкви*, т.-е. объ авторитетѣ извѣстной *ея части*. Въ церкви есть только *вѣрующіе*, но нѣтъ властей, въ смыслѣ *видимыхъ главъ церкви*, которыхъ бы слово было непогрѣшимымъ авторитетомъ для всѣхъ другихъ. Церковь вѣруетъ въ единаго, невидимаго главу своего; она вѣруетъ затѣмъ, что воля этого невидимаго главы выражается въ согласномъ убѣжденіи всѣхъ вѣрующихъ, т.-е. въ соборныхъ постановленіяхъ и церковномъ преданіи. Поэтому въ нашемъ символѣ вѣры помѣщены слова: „вѣрую *въ соборную* церковь“. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы церковь не возлагала отправленія разныхъ обрядовъ, совершенія таинства и обязанностей поученія на отдѣльныхъ лицъ. Но эти лица не становятся властями, т.-е. ихъ слова не становятся церковною истиною.

Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Если церковь признаетъ внѣш-

ній авторитетъ (какъ это сдѣлала римско-католическая церковь), каждое слово этого авторитета будетъ обязательно для всей церкви. Не подчиняться этому властному слову—значитъ отпасть отъ церкви, сдѣлаться раскольникомъ, еретикомъ. Такъ случилось съ благородными людьми, не признавшими нелѣпаго догмата папской непогрѣшимости. Возьмемъ же другое положеніе вещей, когда въ церкви нѣтъ видимой власти; что̀ можетъ сдѣлать лицо или группа лицъ, возмнившихъ, что они власть? Предположимъ, что такая власть издастъ правило, нарушающее чистоту церковнаго ученія. Будетъ ли церковь имѣть право не повиноваться такому правилу? О, конечно! Ибо такая церковь можетъ сказать авторитету, посягнувшему на преданіе: „не мы отпадаемъ отъ церкви, не повинуясь твоему произвольному уставу, а ты отпадаешь отъ нея; ты вносишь смуту туда, гдѣ прежде было согласіе и единство“. Разница огромная! Въ такомъ положеніи именно находится православная церковь. Эта вѣра выражена въ отвѣтѣ Хомякова іезуиту изъ русскихъ — Гагарину. Гагаринъ высказалъ смѣлое предположеніе, что соединеніе римской и православной церкви очень легко—стоитъ только русской церковной администраціи сойтись съ папскимъ престоломъ. Разъ это случится, восклицаетъ патеръ, тогда кто можетъ помѣшать примиренію? „Кто, въ самомъ дѣлѣ? иронически спрашиваетъ Хомяковъ. Провинціальная ли церковь востока, угнетенная исламомъ и обстрѣливаемая западомъ? Провинціальная ли церковь маленькаго королевства греческаго, которая считается за ничто въ мірѣ? Народъ ли русскій, голосъ котораго не слышенъ въ правительственныхъ вопросахъ? Кто же? Если нужно, я скажу іезуиту кто... Пусть духовенство измѣнитъ (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго), и тогда милліоны душъ останутся непоколебимыми въ истинѣ; милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь церкви и образуютъ чинъ мірянъ; найдется же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ, по крайней мѣрѣ, два или три епископа, которые не измѣнятъ Богу; они благословятъ низшіе чины, составятъ изъ себя все епископство, и церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ; она останется каѳолическою церковью, какою была и во времена апостоловъ“.

II.

Вотъ идеалъ церковной жизни, съ точки зрѣнія котораго Хомяковъ разсмотрѣлъ значеніе двухъ церквей, раздѣляющихъ западный міръ— католичества и протестантства. Уже самый поводъ, по которому вышли эти статьи, заслуживаетъ вниманія. Въ 1852 г., извѣстный

писатель нашъ Ѳ. И. Тютчевъ, напечаталъ въ Revue des deux mondes, статью, заключавшую въ себѣ критику римско-католическихъ церковныхъ учрежденій. Статья эта вызвала отвѣтъ католическаго писателя г. Лоренси, заключавшій въ себѣ не столько оправданіе католицизма, сколько нападки на церковь православную. Эти нападки и взялся опровергнуть Хомяковъ. Задача не новая, ибо много уже духовныхъ писателей нашихъ пробовали свои силы на этомъ поприщѣ. Но полемика Хомякова представляла новую сторону. Онъ не ограничился защитою православія, даже далъ этой защитѣ довольно мало мѣста въ своихъ трудахъ; онъ могъ быть кратокъ въ этомъ отношеніи, потому что имѣлъ дѣло съ довольно поверхностными возраженіями людей, почти *не знавшихъ* православной церкви. Полемика Хомякова имѣла то значеніе, что она раскрыла, съ точки зрѣнія идеала православной церкви, внутреннее значеніе двухъ западныхъ вѣроученій, католицизма и протестантизма, *въ ихъ взаимной связи*... Да, въ ихъ взаимной связи. Хомяковъ первый показалъ, что протестантизмъ, въ которомъ католики видятъ отпаденіе отъ истинныхъ началъ вѣры, былъ логическимъ послѣдствіемъ католицизма, что смыслъ протестантизма въ католицизмѣ, что исходныя ихъ точки одинаковы и одинаково ложны съ точки зрѣнія соборной церкви.

III.

Что̀ такое протестантизмъ? спрашиваетъ Хомяковъ. Опредѣляется ли его смыслъ актомъ *протеста*, предъявленнаго по дѣламъ вѣры? Но тогда протестанты были апостолы, протестовавшіе противъ юдаизма и идолопоклонства? Не заключается ли сущность протестантизма въ *свободѣ изслѣдованія*? Но апостолъ сказалъ: *испытуйте* писаніе, стало быть, изслѣдуйте; но свободное изслѣдованіе, такъ или иначе понятое, составляетъ единственное основаніе *всякой* вѣры. Спрашивается, наконецъ, не въ *реформѣ* ли, не въ актѣ ли преобразованія искать сущности протестантства? Но вѣдь и церковь постоянно реформировала свои обряды и правила, и никому не приходило на мысль назвать ее ради этого протестантскою.

Міръ протестантскій отнюдь не міръ свободнаго изслѣдованія; ибо свобода изслѣдованія принадлежитъ всѣмъ людямъ. Протестантизмъ есть міръ, отрицающій другой міръ, т.-е. спеціально католическій. Отнимите у него этотъ другой міръ, и протестантство умретъ, ибо вся жизнь его въ отрицаніи. Стало быть, протестантизмъ *другая сторона* католицизма, его *инобытіе* (Anderssein), какъ сказалъ бы Гегель; исторически говоря, онъ его законное послѣдствіе. Смыслъ протестантскаго раскола въ началахъ раскола, совершеннаго като-

лицизмомъ. Въ чемъ же заключается *тайна* католицизма? Въ томъ ли, что онъ установилъ у себя нѣкоторые новые догматы и каждый день устанавливаетъ новые? Но каждому извѣстно, что нашъ символъ вырабатывался постепенно, и постепенно вносились въ него новыя начала, согласныя, однако, съ общимъ духомъ Христова ученія. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, кто и какъ установлялъ догматы? До раздѣленія церквей догматы вѣры обсуждались вселенскими соборами, какъ представителями всей церкви; затѣмъ вся церковь принимала или отвергала опредѣленія соборовъ, смотря по тому, находила ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и присвоивала названіе соборовъ вселенскихъ тѣмъ изъ нихъ, въ постановленіяхъ которыхъ признавала выраженіе своей внутренней силы. Что̀ же произошло въ моментъ раздѣленія церквей? Одна *мѣстная* церковь сочла себя въ правѣ внести во всеобщій символъ вѣры свое мѣстное преданіе или мнѣніе. Мѣстная церковь поставила себя на высоту всей церкви. Этимъ самымъ міръ западный отвергъ значеніе въ дѣлахъ религіи всѣхъ восточныхъ церквей и заявилъ, говоря словами Хомякова, что весь востокъ не болѣе, какъ міръ илотовъ въ дѣлахъ вѣры и ученія. Здѣсь зародышъ презрѣнія запада къ востоку.

„Частное мнѣніе... присвоившее себѣ въ области вселенской церкви право на самостоятельное рѣшеніе догматическаго вопроса, говоритъ Хомяковъ, заключало въ себѣ постановку и узаконеніе протестантства, т.-е. свободы изслѣдованія, оторванной отъ живого преданія о единствѣ, основанномъ на взаимной любви“.

Но это отрицаніе церковнаго единства не выразилось еще въ формѣ истинно протестантской, т.-е. въ религіозномъ индивидуализмѣ. Для западнаго міра необходима все-таки церковь, ибо онъ хотѣлъ, хотя наружно, сохранить преданіе. Но какъ создать эту церковь, т.-е. единство вѣрующихъ? Отказавшись отъ условій единства внутренняго и потому свободнаго, нужно было создать единство внѣшнее, основанное на внѣшнемъ авторитетѣ, слѣдовательно, принудительное. Міръ западный нашелъ этотъ внѣшній авторитетъ, пріурочивъ монополію боговдохновенности къ одному епископскому престолу, древнѣйшему на западѣ—престолу римскому. Епископъ римскій, прежде представитель одной изъ мѣстныхъ церквей, равный всѣмъ другимъ епископамъ христіанскаго міра, сталъ римскимъ папою, т.-е. владыкою церкви. Личная воля одного, руководимая личнымъ разумомъ этого одного, стала на мѣсто вселенскаго сознанія. Западная церковь думала завоевать себѣ независимость отъ церкви соборной; вмѣсто того она создала *духовнаго государя*, превратилась въ *государство*, скроенное по образцу и подобію римской имперіи.

Какъ во всякомъ государствѣ, явились управляющіе и управляемые: церковь раскололась на клиръ, во главѣ котораго стоялъ духовный государь, и мірянъ, иначе говоря, на начальствующихъ и подданныхъ. „Христіанинъ, нѣкогда членъ церкви, нѣкогда отвѣтственный участникъ въ ея рѣшеніяхъ, сдѣлался подданнымъ церкви". Онъ подчинился опредѣленіямъ этой церкви, уже не какъ нравственному, а какъ *юридическому* закону. Самъ законъ этотъ сдѣлался выраженіемъ не живого нравственнаго начала, а чисто *разсудочныхъ* стремленій, руководимыхъ соображеніями внѣшней пользы. Представимъ примѣръ такихъ соображеній. Что̀ нужно для спасенія человѣка: одна ли вѣра или и добрыя дѣла? Православный христіанинъ не задастъ даже себѣ подобнаго вопроса. Христосъ сказалъ ему: „люби Бога и ближняго"; эта любовь предполагаетъ и вѣру въ Бога и добрыя дѣла для ближнихъ. Христіанинъ, проникнутый этимъ живымъ христіанскимъ началомъ, даже не станетъ разсуждать, *нужны ли* ему добрыя дѣла; его *живая* вѣра проявится во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Разсудочный христіанинъ мыслитъ такъ: мнѣ нужно спастись; какъ я это сдѣлаю? Конечно, вѣра въ Бога великое дѣло— Христосъ сказалъ каявшейся грѣшницѣ: „иди, вѣра твоя спасетъ тя". Но апостолъ говоритъ; „вѣра безъ дѣлъ мертва". Стало быть, необходимы добрыя дѣла. Но тутъ новое затрудненіе. Что̀ будетъ съ тѣми, кто хотя добрыхъ дѣлъ не совершилъ, но предъ смертью покаялся и получилъ отпущеніе за свою вѣру? Онъ не долженъ погибнуть, ибо и вѣра оправдываетъ человѣка. Здѣсь уже за отдѣльнаго человѣка, за подданнаго церкви, начинаетъ разсуждать „государство—церковь". Конечно, говоритъ она, у меня есть много вѣрующихъ грѣшниковъ, правда, кающихся, но которымъ недостаетъ добрыхъ дѣлъ. Но зато въ лонѣ моемъ были и есть святые, у которыхъ такое количество добрыхъ дѣлъ, что они способны оправдать не только ихъ, но и многихъ другихъ. Эти излишнія заслуги суть достояніе церкви, которая можетъ отпускать изъ нихъ потребное количество другимъ, даромъ или за деньги. Но за деньги лучше. И вотъ является продажа индульгенцій, переводы заслугъ одного человѣка на другого.

IV.

Идея, сдѣлавшаяся формальною, стала нуждаться въ формальномъ учрежденіи, въ *знаменіи церковности*, котораго никогда не искала христіанская церковь, пока сознавала свое внутреннее единство. Это „знаменіе церковности" католицизмъ нашелъ въ папѣ, государѣ церкви. „Государство отъ міра сего, говоритъ Хомяковъ, заняло

мѣсто христіанской церкви. Единый, живой законъ единенія въ Богѣ вытѣсненъ былъ частными законами, носящими на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношеній. Раціонализмъ развился въ формѣ властительскихъ опредѣленій; онъ изобрѣлъ чистилище, чтобъ *объяснить* молитвы за усопшихъ; установилъ между Богомъ и человѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ; началъ прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, проступки и искупительные подвиги; завелъ переводы съ одного человѣка на другого; узаконилъ обмѣны мнимыхъ заслугъ; словомъ: онъ перенесъ въ святилище вѣры полный механизмъ банкирскаго дома. Единовременно, церковь-государство вводила государственный языкъ—языкъ латинскій; потомъ, она привлекла къ своему суду дѣла мірскія; затѣмъ, взялась за оружіе и стала снаряжать, сперва нестройныя полчища крестоносцевъ, впослѣдствіи постоянныя арміи—рыцарскіе ордена, и, наконецъ, когда мечъ былъ вырванъ изъ ея рукъ, она выдвинула въ строй вышколенную дружину іезуитовъ"... „Отыскивая источникъ протестантскаго раціонализма, продолжаетъ Хомяковъ, я нахожу его переряженнымъ въ формѣ римскаго раціонализма и не могу не прослѣдить его развитія. О злоупотребленіяхъ нѣтъ рѣчи; я придерживаюсь началъ. Вдохновенная Богомъ церковь для западнаго христіанина сдѣлалась чѣмъ-то внѣшнимъ, какимъ-то прорицательнымъ авторитетомъ, авторитетомъ какъ бы вещественнымъ: *она обратила человѣка себѣ въ раба и вслѣдствіе оэтго нажила себѣ въ немъ судью*".

Да, судью и судью, не замедлившаго произнести свой приговоръ. „Какъ только авторитетъ сдѣлался внѣшнею властью, говоритъ Хомяковъ, а познаніе религіозныхъ истинъ отрѣшилось отъ религіозной жизни, такъ измѣнилось и отношеніе людей между собою. Въ *церкви* они составляли одно цѣлое, потому что въ нихъ жила одна душа; эта связь исчезла, ее замѣнила другая: общеподданническая зависимость всѣхъ людей отъ верховной власти Рима".

Такимъ образомъ, западная церковь думала основать свою силу и твердость на *внѣшнемъ знаменіи* церковности, т.-е. папской власти; но это „знаменіе" сдѣлалось причиною новаго *раскола* въ однѣхъ странахъ и *невѣрія* въ другихъ. Рано или поздно долженъ былъ возникнуть вопросъ: на чемъ основанъ авторитетъ папы, его верховенство надъ церковью? Подобнаго вопроса никогда не могло бы возникнуть въ соборной церкви, потому что эта церковь не есть внѣшній авторитетъ и не нуждается во *внѣшнихъ* доказательствахъ своихъ правъ. Основаніе ея силы въ ней самой; она уронила бы свое достоинство, еслибы стала искать внѣшнихъ основаній и доказательствъ и, тѣмъ болѣе, поддерживать свое значеніе принужденіемъ, рыцарскими орденами и инквизиціей. Но для папства, какъ

власти внѣшней, необходимы были внѣшніе признаки и доказательства его законности, т.-е. нѣчто основывающееся не на непосредственномъ убѣжденіи совѣсти, а на логическихъ и даже юридическихъ силлогизмахъ и доказательствахъ. Но гдѣ ихъ найти? Мы говоримъ именно *найти*, потому что основанія папской власти не вытекали изъ истиннаго существа церкви. И папство, не имѣя возможности основать свою силу на церкви, ибо церковь отрицаетъ папство, принялось изобрѣтать, подбирать доказательства своей законности, какъ истецъ, собирающійся выиграть тяжбу. Всякій знаетъ, что́ было пущено въ ходъ для этой цѣли: и преданіе о мнимомъ преемствѣ отъ апостола Петра, и Исидоровы декреталіи, подложность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, и т. д. и т. д. Послѣдствія этихъ пріемовъ угадать не трудно. Признавъ для себя необходимость внѣшнихъ доказательствъ, провѣряемыхъ разумомъ, папство подчинило авторитетъ церкви толкованіямъ субъективнаго раціонализма. „Римъ, говоритъ Хомяковъ, пустилъ разумъ на волю, хотя, повидимому, и попиралъ его ногами. Какъ только возникло первое сомнѣніе въ законности этой власти, такъ единство католицизма должно было рушиться“.

„И разумъ человѣческій воспрянулъ, гордясь созданною для него независимостью логическаго самоопредѣленія и негодуя на оковы, произвольно на него наложенныя. *Такъ возникло протестантство*, законное по своему происхожденію, хотя и непокорное исчадіе романизма. Въ извѣстномъ отношеніи, оно представляетъ собою своего рода реакцію христіанской мысли противъ заблужденій, господствовавшихъ въ продолженіе вѣковъ; но, повторяю, по происхожденію своему оно не секта первобытнаго христіанства, а расколъ, порожденный римскимъ вѣрованіемъ“.

Протестантство было и осталось *отрицаніемъ католицизма* и поэтому оно имѣло и имѣетъ смыслъ только для странъ, нѣкогда принадлежавшихъ къ католицизму. Этимъ Хомяковъ справедливо объясняетъ тотъ фактъ, что протестантская проповѣдь остановилась у предѣловъ православнаго міра — для него она не имѣла смысла. Даже и теперь, если бываютъ случаи отпаденія отъ православія, то отпадающій обращается въ католицизмъ; но я не знаю случая перехода въ протестантизмъ.

Для уразумѣнія смысла протестантизма не должно спрашивать, что́ онъ утверждаетъ самъ по себѣ, но что́ онъ *отрицаетъ* или, въ крайнемъ случаѣ, что́ онъ признаетъ *въ противность католицизму*. Такъ, римская церковь говоритъ: „неминуемо произойдетъ разъединеніе, если не будетъ налицо власти для рѣшенія догматическихъ вопросовъ“. Протестантизмъ говоритъ: „непремѣнно наступитъ ум-

ственное рабство, если каждый будетъ считать себя обязаннымъ пребывать съ другими въ согласіи". Римлянинъ говоритъ о необходимости внѣшняго единства церкви, протестантъ отрицаетъ его и доходитъ до отрицанія самой церкви, основанной на внутреннемъ согласіи. Католицизмъ говоритъ: „человѣкъ оправдывается своими дѣлами"; протестантъ возглашаетъ—„нѣтъ, онъ оправдывается одною вѣрою".

Протестантизмъ есть извѣстное отрицаніе церкви, какъ хранительницы и представительницы церковной истины. Повидимому, онъ вполнѣ освобождаетъ человѣческій разумъ. Но нѣтъ ли и у него *внѣшняго* авторитета, именно авторитета, а не истины? О, конечно, есть, и онъ налицо: *буква библіи,* какъ мѣтко замѣтилъ Шерръ, т.-е. священнаго писанія. Отрицая живую церковную истину, онъ призналъ истину документальную, внѣшнюю — въ буквѣ писанія. Но увы! и этотъ авторитетъ, какъ всякій внѣшній авторитетъ, нуждается во внѣшнихъ доказательствахъ своей законности и подлинности. Представимъ себѣ вѣрующаго, который хочетъ основать извѣстную часть своихъ вѣрованій на томъ или другомъ посланіи апостола Павла. Но разумъ немедленно подсказываетъ мнѣ вопросъ: да въ самомъ ли дѣлѣ это ученіе Павла? *Подлинно ли* это посланіе? И вотъ начинается ученое изслѣдованіе о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ такое-то посланіе отъ Павла. И что̀ если вдругъ откроется, что нѣтъ? Что̀ если вдругъ окажется сомнѣніе въ подлинности самихъ евангелій? На чемъ тогда основать свою вѣру?

Въ православной церкви такой вопросъ, конечно, можетъ возникнуть — пусть критическая наука дѣлаетъ свое дѣло. Но онъ не будетъ имѣть никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій, ибо, по основному нашему положенію учитъ *вся церковь,* сила каждаго слова основана на согласномъ убѣжденіи всей церкви. „Еслибы сегодня, говоритъ Хомяковъ, было доказано, что всѣ посланія, приписываемыя ап. Павлу, не отъ него, церковь сказала бы—они отъ *меня,* и завтра эти посланія читались бы въ церквахъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ".

Въ этой живой силѣ церкви Хомяковъ видѣлъ единственный оплотъ противъ невѣрія, оплотъ, котораго не могли создать ни папизмъ съ своимъ внѣшнимъ авторитетомъ, основаннымъ на юридическихъ доказательствахъ, ни протестантизмъ, съ своею буквою писанія, нуждающеюся въ ученыхъ доказательствахъ. Что̀ же вышло изъ этой церковной жизни? Глубоко справедливы слѣдующія слова Ю. Ѳ. Самарина: „передъ каѳедрою римскаго первосвященника, сильно покачнувшеюся на бокъ, послѣдняя горсть неисправимыхъ ея поклонниковъ ломается и кривляется, пародируя выдохшееся молитвенное одушевленіе; самъ папа, прикованный къ роковому на-

слѣдію притязаній, отъ которыхъ нельзя отречься, посылаетъ всему міру безсильныя проклятія, а проклинательная формула, на дрожащихъ устахъ его, превращается въ отходную надъ папизмомъ. Съ другой стороны, протестантство бѣжитъ на всѣхъ парусахъ отъ нагоняющаго его невѣрія, бросая черезъ бортъ свой догматическій грузъ, въ надеждѣ спасти себѣ библію, а критика, съ язвительнымъ смѣхомъ, вырываетъ изъ оцѣпенѣвшихъ рукъ его страницу за страницею и книгу за книгой"...

Отвергло ли протестантство *внѣшнее принужденіе*, это естественное послѣдствіе вѣры, ищущей внѣшняго авторитета? Оно отвергло принужденіе въ католической его формѣ, но изобрѣло другое. Протестантская церковь, если она можетъ называться этимъ именемъ, стала подъ защиту *свѣтской власти*; католицизмъ, во времена своего могущества, былъ *господствующею* религіею, т.-е. заставлялъ государство служить своимъ цѣлямъ, ставилъ себя выше государства. Протестантство, побѣдившее врага при содѣйствіи свѣтской власти, вошло въ государство, усиленно создало изъ себя часть государственныхъ учрежденій, стало *государственною церковью*, Staatskirche. И не видимъ ли мы государственной церкви въ Англіи, гдѣ король есть глава церкви? Не видимъ ли мы какъ германскія государства управляютъ дѣлами церкви чрезъ консисторіи и оберъ-консисторіи? Не видимъ ли мы какъ нерѣдко государства эти поддерживаютъ „протестантское правовѣріе?" Протестантское правовѣріе! Какая логика!

Таковы основы для критики религіозной жизни запада, выставленныя Хомяковымъ. Повторяемъ, сила его полемики состоитъ именно въ томъ, что онъ взглянулъ на эту церковную жизнь *сверху*, т.-е. съ высоты своего идеала. И всякій, кто понимаетъ связь между общественными явленіями; всякій, кто знаетъ, какое значеніе имѣютъ церковные идеалы въ общественной и политической жизни, увидитъ, что Хомяковъ положилъ основаніе для критики многихъ другихъ явленій западной жизни.

Конечно, онъ не довелъ своей дѣятельности до конца; онъ заслужилъ во многихъ отношеніяхъ справедливый упрекъ своихъ противниковъ въ томъ, что онъ не посмотрѣлъ съ высоты своего идеала на *фактическую* жизнь и обстановку своей собственной церкви. Гдѣ то православіе, о которомъ говорилъ Хомяковъ, спрашиваютъ весьма многіе. Не встрѣчаемъ ли мы въ жизни нашей церкви многое изъ того, на что́ указывалъ Хомяковъ въ другихъ церквахъ? И можемъ ли мы безбоязненно дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Можемъ только до извѣстной степени. Идеалъ церкви, выставленный Хомяковымъ, дѣйствительно, составляетъ формальное

основаніе нашей церкви. Нужно желать только, чтобы онъ сдѣлался дѣятельнымъ ея принципомъ, былъ призванъ къ жизни. И въ дѣлѣ возбужденія этого церковнаго сознанія заслуга Хомякова безмѣрно велика.

V.

Мм. гг., теперь, когда мы указали на главныя точки отправленія славянофильства и на главныя орудія ихъ борьбы, оцѣнимъ, въ общихъ чертахъ, дѣло ими совершонное и покажемъ, почему умственное направленіе, возбужденное Хомяковыми и Аксаковыми, имѣетъ право на великую будущность.

Дѣятельность первыхъ славянофиловъ, какъ легко замѣтить, была главнымъ образомъ *критическою*; но критика ихъ была основана на *положительныхъ идеалахъ* русской народности, выработанныхъ ея исторіею. Вотъ въ чемъ заключается великое достоинство ихъ критики. Мы не станемъ отрицать, чтобы и противники ихъ не относились къ западной жизни критически, т.-е. критически по-своему. Критицизма въ русской натурѣ довольно; мы никогда не подчиняемся извѣстному направленію настолько, чтобы не быть въ состояніи завтра же отвергнуть его, осыпавъ насмѣшками. Мы даже *выбираемъ* между разными направленіями европейской мысли и политики.

Но въ чемъ заключалась эта критика и этотъ выборъ? Въ томъ ли, что, ставъ на твердую почву своихъ собственныхъ идеаловъ, мы усвоивали и выбирали нѣчто согласное съ ними? Нѣтъ — мы просто *приставали* къ тому движенію европейской мысли, которое въ данное время считалось *господствующимъ* въ Европѣ, считали его продуктомъ неудержимаго прогресса европейской жизни и со смѣхомъ относились къ направленію, только что пережитому нами вмѣстѣ съ Европой. На насъ *налетали* разныя направленія европейской мысли, временно порабощали насъ, но также быстро улетали, уступая мѣсто другимъ. Налетѣло на насъ вольтеріанство и улетѣло, уступивъ мѣсто масонству и мистицизму; налетѣлъ псевдоклассицизмъ, потомъ романтизмъ, байронизмъ; подчинялись мы экономизму, парламентаризму, соціализму, радикализму и милитаризму; переживали догматическій раціонализмъ, идеализмъ, реализмъ, матеріализмъ. Чтó переживемъ мы еще, извѣстно единому Богу. Несомнѣнно только одно: подъ этой кажущейся свободой выбора и критики, подъ этимъ умѣньемъ приставать и отставать отъ чего угодно, скрывалось полное отсутствіе какой бы то ни было самостоятельности, полное рабство или, говоря мягче, духовное плѣненіе. Задали ли мы себѣ хоть разъ вопросъ не только о томъ, примѣнимо ли из-

вѣстное направленіе къ условіямъ русской жизни (этого и нельзя было сдѣлать при отсутствіи собственнаго идеала), но даже о томъ, не есть ли извѣстное явленіе европейской мысли плодъ извѣстныхъ *ненормальныхъ* общественныхъ отношеній, плодъ нѣкоторой болѣзни общества? Не смѣя подумать, что Европа можетъ болѣть, хотя временно, мы считали всякое *послѣднее* ея слово за вѣщаніе высшей мудрости потому только, что оно послѣднее.

А между тѣмъ, Европа можетъ переживать страшные кризисы; между тѣмъ, въ самой Европѣ часто раздаются голоса, указывающіе на эти язвы самыхъ сильныхъ обществъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, честный и глубокій мыслитель, Прудонъ, написалъ о своей странѣ слѣдующія знаменательныя слова:

„Что̀ есть справедливаго въ современномъ кризисѣ? *Франція потеряла свои нравы.* Это не значитъ, что люди нашего поколѣнія хуже своихъ отцовъ; исторія прежнихъ временъ, извѣстная теперь лучше, энергически опровергла бы насъ. Поколѣнія слѣдуютъ другъ за другомъ и улучшаются.... Когда я говорю, что Франція потеряла свои нравы, я разумѣю нѣчто другое—*именно, она перестала вѣрить въ свои принципы.* Она не имѣетъ болѣе ни разумѣнія, ни сознанія нравственнаго, она потеряла самое понятіе о нравахъ.

„Мы дошли, отъ критики до критики, къ слѣдующему печальному заключенію: что справедливое и несправедливое, которыя, какъ намъ прежде казалось, мы могли распознавать, суть термины условные, темные и неопредѣленные; что всѣ эти слова: *право, долгъ, нравственность, добродѣтель,* по поводу которыхъ такъ шумятъ каѳедра и школа, служатъ только для прикрытія чистыхъ гипотезъ, тщетныхъ утопій, бездоказательныхъ предразсудковъ. Чтобы все сказать однимъ словомъ, *скептицизмъ,* опустошивъ религію и политику, опрокинулся на нравственность: въ этомъ состоитъ современное разложеніе. Подъ изсушающимъ вліяніемъ сомнѣнія, хотя преступленія не сдѣлались чаще, ни добродѣтель рѣже, французская нравственность въ корнѣ своемъ разрушена. Ничто не устояло: разгромъ полный. Нѣтъ мысли о справедливости, никакого уваженія къ свободѣ, никакой солидарности между гражданами. Нѣтъ установленія, пользующагося уваженіемъ, нѣтъ начала, которое бы не отрицалось и не поносилось. Нѣтъ авторитета ни духовнаго, ни свѣтскаго — вездѣ души погружены въ свое *я,* безъ точки опоры, безъ свѣта. Намъ не о чемъ клясться и нечѣмъ клясться — наша присяга не имѣетъ смысла. Подозрѣніе, поражающее принципы, падаетъ и на людей: нѣтъ вѣры ни въ неподкупность судей, ни въ честность власти. Съ нравственнымъ чувствомъ даже самый инстинктъ сохраненія исчезъ. Общее направленіе, предавшееся эмпиризму;

аристократія биржи, кидающаяся на общественное достояніе; средній классъ, умирающій отъ трусости и глупости; масса, коснѣющая въ бѣдности и дурныхъ стремленіяхъ; женщина, воспламененная роскошью и сладострастіемъ; безстыдное юношество; старческое дѣтство; духовенство, наконецъ, опозоренное скандаломъ и мщеніемъ, не имѣющее вѣры въ самого себя и едва возмущающее общественное молчаніе своими мертворожденными догматами—таковъ профиль нашего вѣка!"

Любопытно, что еслибы Хомяковъ или кто другой осмѣлился написать что-нибудь подобное о западѣ, какимъ нареканіямъ, подвергся бы онъ? А между тѣмъ, слова Прудона были правдою въ обществѣ, переживавшемъ скандалы второй имперіи; они были правдою и въ постыдную для Франціи войну 1870 г. и въ неменѣе печальную парижскую революцію 1871 г. Конечно, Франція, пройдя чрезъ эти испытанія, подымется и уже подымается. Но въ другихъ странахъ, не имѣющихъ своихъ Прудоновъ, нѣтъ ли многаго, напоминающаго вышеприведенную картину? Не нужно ли, спрашиваемъ, имѣть кое что *внутри себя*, чтобы умѣть найтись среди колебаній европейской жизни и мысли?

Невольно приходятъ мнѣ на память слова одного изъ моихъ друзей: „Наши отношенія къ Европѣ составляютъ самый трудный и опасный предметъ для писателя. Вотъ гдѣ у мѣста были бы величайшая осмотрительность, скептицизмъ, недовѣріе, духъ пытливости; вотъ авторитетъ столь громадный, что усиливать его не предстоитъ никакой надобности, а, напротивъ, нужно всячески озаботиться, чтобы привести его вліяніе въ надлежащія границы, чтобы отбросить безчисленныя преувеличенія и фантасмагоріи этого вліянія. Между тѣмъ, что̀ у насъ дѣлаютъ? Гордая, самоувѣренная Европа иногда теряется, приходитъ въ ужасъ и сомнѣніе; но прежде, чѣмъ она успѣетъ оправиться, совладать съ собою, мы, поклонники ея, уже рукоплещемъ, уже восхищаемся, уже находимъ красоту, мудрость, глубину, новый прогрессъ, новую жизнь тамъ, гдѣ еще ничего не видно, кромѣ зла, болѣзни, глубокаго разстройства самыхъ существенныхъ силъ. Мы слѣпы и глухи для недостатковъ нашего кумира и самый бредъ его принимаемъ за вѣщаніе высочайшей мудрости".

Чѣмъ трезвѣе, самостоятельнѣе русское общество будетъ относиться къ явленіямъ европейской жизни, тѣмъ съ большею благодарностью будетъ оно вспоминать о людяхъ, въ которыхъ раньше другихъ проснулся этотъ законный скептицизмъ.

Направленіе, возбужденное славянофилами, принесетъ намъ пользу еще въ одномъ отношеніи. Оно дастъ намъ уразумѣть, что то обще-

ніе съ Европой, необходимость котораго никто не отрицаетъ, не предполагаетъ сліянія, исчезновенія въ массѣ общеевропейскаго человѣчества, которое само раздѣлено на отдѣльныя и живучія народности. Мы часто готовы принести свою индивидуальность въ жертву идеалу или, лучше сказать, слову—*братству народовъ.*

Дѣйствительно, въ самой западной Европѣ идея братства народовъ выставлялась часто какъ нѣчто противорѣчащее независимости народностей, какъ нѣчто предполагающее полное ихъ обезличеніе въ абсолютномъ единствѣ. Подобныя стремленія возникли прежде всего въ католической церкви, которая, во имя братства о Христѣ, создала свое внѣшнее, принудительное единство, недопускавшее народной самостоятельности. Эта идея выразилась въ стремленіяхъ священной римской имперіи римскаго народа, построенной на понятіи владычества императора надъ вселенною. Эта идея была воспѣваема въ стихахъ и въ прозѣ; ей служилъ великій Данте. Съ почвы религіозной она была перенесена на почву философіи, въ томъ числѣ и протестантскій универсализмъ, который быстро привелъ къ космополитизму и къ стремленію къ всемірному государству. На западѣ національная идея явилась какъ *реакція*, какъ протестъ противъ искусственнаго единства папства и имперіи, и, несмотря на это, идеалы всемірной монархіи какъ-то въ крови у западной Европы, воспитанной на католическихъ преданіяхъ. Монархія Карла V, завоевательныя стремленія Людовика XIV, политика Наполеона I у всѣхъ на виду. Чтó пользы, если потомъ стали мечтать о всемірной республикѣ, предполагающей предварительное обезличеніе народовъ во имя ихъ братства?

Славянофилы, исходя изъ другихъ культурныхъ идеаловъ, иначе понимали начало братства. Братство, по ихъ понятію, есть начало, такъ сказать, *хоровое*, предполагающее свободное общеніе самостоятельныхъ *личностей*, физическихъ или собирательныхъ, слѣдовательно, живое разнообразіе въ идеальномъ единствѣ. Начало общенія не должно убивать законнаго стремленія къ обособленію, вытекающаго изъ сознанія своей личности, своихъ особенностей. Слѣдовательно, у нихъ національная идея является первенствующимъ, законнымъ послѣдствіемъ всѣхъ нашихъ культурныхъ началъ.

Еслибы ихъ противники поняли, какъ слѣдуетъ, идею, одушевлявшую славянофиловъ, они никогда не приписывали бы имъ какихъ-то завоевательныхъ стремленій, никогда не давали бы такъ называемому *панславизму* того значенія, какого онъ не хотѣлъ имѣть самъ. Иностранные враги панславизма, а за ними и враги домашніе думали и думаютъ, что онъ долженъ осуществиться чрезъ *завоеваніе Россіею* всѣхъ славянскихъ земель. Мы назвали бы такой

выводъ недобросовѣстнымъ, еслибы онъ не заключалъ въ себѣ доли добросовѣстности. О панславизмѣ заключали по *аналогіи* съ другими *пан:* пангерманизмами, панскандинавизмами и т. д. Наполеонъ I, дѣйствительно, осуществлялъ идеи панлатинства чрезъ подчиненіе Франціи Италіи, Испаніи, Бельгіи; пангерманизмъ осуществляется чрезъ завоеваніе Пруссіею всей Германіи, завоеваніе прямое и косвенное. Привыкнувъ судить обо всемъ по формамъ чужой жизни, противники славянофиловъ разсуждали такъ: они мечтаютъ о всеславянствѣ, стало быть, они желаютъ, чтобы Россія завоевала то и это. Европа боится призрака, созданнаго ея собственною дѣйствительностью. Но пусть найдутъ хоть одно слово, напоминающее о панславизмѣ въ означенномъ выше смыслѣ! Славянофилы выражали желаніе, чтобы Россія пребывала въ братскомъ общеніи съ племенами родственными, чтобы она, по возможности, содѣйствовала ихъ *освобожденію* отъ чужеземнаго ига. Что же потомъ? Потомъ,

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, чешскихъ странъ глава,
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва...
. . . .
. . . .
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Ихъ часто упрекаютъ еще въ томъ, что они стремились исключить изъ своего всеславянскаго общенія одинъ славянскій народъ, чья вѣковая тяжба съ народомъ русскимъ, дѣйствительно, наводитъ на мысль о *непримиримой* враждѣ,—народъ польскій.

Дѣйствительно, въ „вѣковой“ и грустной тяжбѣ, славянофилы защищали интересы Россіи противъ, часто безмѣрныхъ, притязаній противниковъ. Но возводили ли они вражду въ принципъ, проповѣдывали ли они истребленіе, разрушеніе, полный разрывъ? Пусть послужатъ намъ отвѣтомъ слѣдующія слова Хомякова, написанныя имъ въ тяжелый для Россіи и Польши 1831 г.

„Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;

Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ:—гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!..

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ [1]).

I.

Мнѣ приходится говорить о національномъ вопросѣ не въ первый разъ. Въ 1871 году, въ виду только что завершившагося образованія германской имперіи, я затронулъ этотъ вопросъ въ публичныхъ лекціяхъ о Фихте Старшемъ. Мнѣ хотѣлось найти нравственный зачатокъ этой сильной и воинствующей Германіи еще въ то время, когда главный ея оплотъ—Пруссія—была раздавлена подъ французскимъ владычествомъ. Мнѣ хотѣлось показать, какъ одинокій, но сильный духомъ философъ, въ минуту страшнаго упадка своего народа, не отчаялся въ его будущности. Не только не отчаялся: подъ угрозою французскихъ штыковъ, онъ предвозвѣстилъ его будущее величіе и міровое значеніе. Два года спустя, въ новомъ рядѣ публичныхъ лекцій, я возвратился къ этой темѣ. На этотъ разъ я затронулъ его со стороны, болѣе близкой къ нашему обществу. Рѣчь зашла о первыхъ славянофилахъ нашихъ—Хомяковѣ, Кирѣевскихъ и К. Аксаковѣ. Мнѣ хотѣлось показать, какъ началась въ нашемъ сознаніи нѣкоторая реакція противъ крайнихъ выводовъ теоріи такъ называемаго западничества. Теперь я снова рѣшаюсь обратить вниманіе нашего общества на этотъ предметъ.

Своевременно ли? На это отвѣчаютъ, кажется, нынѣшнія событія. Года полтора тому назадъ горсть славянскихъ удальцовъ начала борьбу противъ турецкаго ига. Несмотря на всѣ усилія дипломатіи уладить дѣло мирнымъ путемъ и для сохраненія европейскаго мира—дѣло разросталось. За первымъ актомъ трагедіи послѣдовалъ второй:

[1]) Статья эта составлена изъ трехъ публичныхъ лекцій автора (12, 14 и 17 декабря 1876 г., въ С.-Петербургѣ) и печатается въ томъ видѣ, въ какомъ были прочтены эти лекціи.

Черногорія и Сербія приняли участіе въ борьбѣ. Тысячи жертвъ пали съ обѣихъ сторонъ; десятки дипломатическихъ комбинацій смѣняли другъ друга, не разрѣшивъ дѣла. Начинается и третій актъ, гдѣ всѣ силы Европы готовятся быть въ игрѣ; мудрѣйшій изъ мудрыхъ не въ силахъ предвидѣть исхода дѣла. Невидимая рука ведетъ его отъ сложныхъ формъ къ другимъ, болѣе сложнымъ. Ружейные выстрѣлы босняковъ и герцеговинцевъ смѣнились болѣе внушительными залпами сербскихъ и черногорскихъ орудій, а за ними слышатся уже раскаты иной артиллеріи:

Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Мы инстинктивно сознаемъ, что движущее начало всей этой грозной борьбы есть *національный вопросъ*, права народностей, попранныя самымъ дикимъ и возмутительнымъ образомъ. Мы чувствуемъ, что въ данную минуту отъ насъ требуется напряженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ. Мы не желали войны, но мы не отступимся предъ нею, если того потребуетъ наша честь. Не съ похвальбою и тщеславіемъ возьмемся мы за оружіе, а въ сознаніи многихъ и многихъ несовершенствъ нашихъ.

Таковы наши чувства; чувства, за которыя намъ нечего краснѣть предъ міромъ. Но однихъ чувствъ, одной вѣры въ правоту своего дѣла мало. Наше время двигается не одними чувствами, но и идеями. Для насъ недостаточно сказать credo; мы хотимъ еще сказать *знаю*— и тогда убѣжденія наши укрѣпятся, силы наши удесятерятся. Мало *сочувствовать* борьбѣ за національную независимость; нужно еще *знать*, что національность, какъ всемірно-историческое явленіе, имѣетъ глубокія основанія въ законахъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ. Въ противномъ случаѣ нашему *чувству* народности, нашему сочувствію къ народамъ единоплеменнымъ грозятъ серьёзныя испытанія. Представимъ себѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

Человѣкъ, вкусившій культуры, начавшій опредѣленную умственную жизнь, не можетъ уже жить одними инстинктивными стремленіями, наивною вѣрою въ извѣстное начало, какъ живетъ человѣкъ некультурный, непричастный къ жизни умственной. Человѣкъ цивилизованный доискивается разумныхъ основаній не только каждаго общественнаго явленія, но каждаго непроизвольнаго даже движенія души своей. Все проходитъ предъ судомъ новаго и строгаго судьи— разума: любовь и ревность, патріотизмъ и самоотверженіе, война и миръ, церковь и государство. Все подвергается тщательной, иногда придирчивой критикѣ. Человѣкъ проходитъ чрезъ тяжелыя испытанія. Прощайте многіе золотые сны, сладкія надежды, наивныя, но

утѣшительныя вѣрованія! Настаетъ пора сомнѣній, горькихъ разочарованій. Человѣкъ вкусилъ отъ древа *познанія* добра и зла — и изгоняется изъ первобытнаго рая. Всѣ его нравственныя силы должны выдержать борьбу съ разсудочностью. Не всѣ ее выдерживаютъ. Много слабыхъ натуръ останавливается на полдороги. Зачатки разсудочности (рефлексіи) какъ бы раздвояютъ ихъ нравственное существо, парализируютъ ихъ волю. Подъ вліяніемъ полузнанія вырабатываются тѣ дряблыя натуры, которыя всѣмъ намъ знакомы изъ произведеній лучшихъ беллетристовъ нашихъ. Эти натуры стыдятся каждаго сильнаго и искренняго движенія своей души. Какъ огня боятся онѣ настоящей любви, ёжатся при каждомъ сильномъ общественномъ движеніи, пугаются каждой смѣлой и оригинальной мысли. Золотая середина, „умѣренность и аккуратность", выражаясь словами нашего знаменитаго сатирика—единственный ихъ идеалъ. Фальшивое разочарованіе, напускной и ходульный скептицизмъ, дешевое отрицаніе—таковы отличительные признаки этихъ людей.

Но пусть люди не останавливаются предъ этою опасностью нравственной порчи. Пусть помнятъ они, что человѣкъ есть существо *разумно-нравственное*, что задача нашего развитія — полная гармонія всѣхъ нашихъ силъ, что наши инстинкты, стремленія могутъ сдѣлаться *убѣжденіями* только тогда, когда они овладѣютъ всѣмъ существомъ нашимъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливы слова Шеллинга, цитированныя покойнымъ Хомяковымъ:

„Только отъ частаго обращенія души къ общимъ началамъ, управляющимъ міромъ, образуются *мужи* въ полномъ смыслѣ слова, способные всегда становиться предъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе предъ мелочностью и невѣжествомъ"...

Счастлива страна, способная выработать такихъ мужей! Но первое для этого условіе—спокойное и свободное изслѣдованіе всѣхъ общественныхъ явленій. Мы нуждаемся въ этомъ спокойствіи и свободѣ духа для изслѣдованія занимающаго насъ вопроса. Современное движеніе въ пользу славянъ чрезвычайно сильно; оно охватило всѣ слои общества; оно оттѣснило на задній планъ всѣ другіе интересы. Можетъ быть, этого напряженія хватитъ для болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія балканскаго вопроса въ данную минуту. А потомъ? Потомъ, за временнымъ и сильнымъ напряженіемъ настанетъ періодъ усталости, даже разочарованія. Между тѣмъ славянскій вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть разрѣшены вдругъ въ полномъ объемѣ. Даже при наилучшихъ результатахъ нашихъ усилій въ данную минуту, намъ и дѣтямъ нашимъ останется страшно много дѣла — и для дѣла этого нужно

постоянное напряженіе силъ, постоянное стремленіе къ одной цѣли, непрерывная, часто черная работа.

Чтò будетъ вдохновлять насъ для этой работы, если современныя стремленія наши впослѣдствіи подвергнутся строгой критикѣ, если критика эта обратитъ неизбѣжное охлажденіе въ полное разочарованіе? Этотъ вопросъ слишкомъ серьёзенъ, и, въ сознаніи такой его важности, я рѣшился предпринять настоящій трудъ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какія испытанія ожидаютъ наши національныя и славянскія стремленія въ недалекомъ будущемъ. Для этого нѣтъ нужды прибѣгать къ предположеніямъ. Стòитъ только возобновить въ своей памяти то, чтò вообще говорилось противъ начала народности. Каждый слышалъ и читалъ это много разъ. Ограничимся общими чертами этихъ возраженій.

Начало народности, говорили намъ и будутъ говорить еще, есть начало, противное интересамъ цивилизаціи. Культура едина; результаты ея вездѣ должны быть одни и тѣ же. Каждый народъ, хотя бы своимъ путемъ, но долженъ придти къ одинаковымъ результатамъ. Если результаты должны быть общіе, то зачѣмъ хлопотать о различныхъ путяхъ? Не лучше ли, не проще ли усвоить себѣ учрежденія, методы и средства народовъ, дальше насъ ушедшихъ въ цивилизаціи? Къ чему напрягать умъ свой, когда другіе думали о томъ же предметѣ раньше и лучше насъ? Начало національности, льстящее нашему самолюбію, поведетъ насъ къ отчужденію отъ обще-культурнаго движенія цивилизованнаго человѣчества. Мы придемъ къ убѣжденію, что все наше, потому только что оно *наше*, безмѣрно выше всего чужого, потому только, что оно чужое. Самый источникъ чувства народности сомнителенъ. Не заключается ли онъ въ затаенной враждѣ къ другимъ народностямъ? Цивилизація должна привести всѣ народы къ общенію и къ возможному единству. Цивилизація дастъ намъ всеобщій миръ, упрочитъ всеобщее благосостояніе. Чтò же дѣлаетъ ваше начало народности? Оно порождаетъ вражду и зависть между племенами, оно источникъ безконечныхъ войнъ, оно отвлекаетъ народы отъ производительной работы надъ своими внутренними задачами. Подавимъ въ себѣ эти чувства, приличныя развѣ племенамъ дикимъ. Изгонимъ его во имя высшихъ требованій культуры!

Таковы ходячія мнѣнія; таковы возраженія, которыя недавно еще можно было слышать на каждомъ шагу; мы услышимъ ихъ — будьте увѣрены! — въ недалекомъ будущемъ. Но не на эти только ходячія мнѣнія намѣренъ я возражать. Намъ необходимо дойти до корня дѣла, остановиться на томъ, чтò даетъ душу этимъ ходячимъ мнѣніямъ, которыя являются только особымъ отзвукомъ, симптомами, такъ сказать, болѣе глубокаго міросозерцанія. На этомъ міросозер-

цапіи, на этой *системѣ понятій* я и намѣренъ остановить ваше вниманіе, прежде чѣмъ позволю себѣ представить вамъ *теорію народности.*

Теорія народности есть дитя новаго времени. Этимъ объясняются и многія ея несовершенства, ея незаконченность. Система противоположная ей, которую я назову для удобства системою *космополитическою*, всечеловѣческою, гораздо старше и законченнѣе. Она ведетъ свое происхожденіе отъ древне-греческой философіи; она господствуетъ въ учебникахъ, въ политическихъ и историческихъ теоріяхъ. Она такъ близко знакома всѣмъ и каждому, что достаточно будетъ напомнить ее въ общихъ чертахъ.

Нечего напоминать, что она прежде всего зиждется на предположеніи *единства* всего человѣческаго рода. Основныя черты человѣка, его главныя потребности, страсти, формы мышленія вездѣ однѣ и тѣ же. Различія между отдѣльными расами далеко не существенны и весьма измѣнчивы. Поэтому мы можемъ представить себѣ всемірную исторію, т.-е. ходъ всеобщаго развитія человѣчества, идущаго отъ одного и того же источника, къ одной и той же цѣли. Отдѣльныя формы общественной жизни, черты нравовъ, отдѣльныя понятія въ одной странѣ могутъ отличать ее отъ другой. Но существо дѣла вездѣ остается одно и то же. Понятно, какіе результаты получатся отъ приложенія этихъ взглядовъ къ общественной и политической теоріи. На чемъ зиждется фактъ общественности? Почему люди соединяются въ общество? Съ указанной выше точки зрѣнія, фактъ общежитія объясняется извѣстными побужденіями и нуждами человѣка *вообще*, одинаковыми подъ всѣми широтами и долготами. Человѣкъ имѣетъ извѣстныя потребности; онѣ развиваются непрерывно, и онъ не можетъ удовлетворить ихъ своими силами. Вотъ почему онъ соединяется съ другими людьми. Въ сообществѣ съ другими онъ пріобрѣтаетъ возможность защиты отъ враговъ и дикихъ звѣрей; въ общеніи съ другими онъ достигаетъ раздѣленія труда, совершенствуетъ и увеличиваетъ производство, накопляетъ бо̀льшую массу богатствъ, получаетъ досугъ для умственной и нравственной жизни, кладетъ основаніе культурѣ и возможности дальнѣйшаго совершенствованія.

Основы общежитія сведены къ простымъ и яснымъ мотивамъ. Опираясь только на нихъ, мы дѣйствительно не можемъ не соединить въ одно цѣлое весь родъ человѣческій. Если потребности людей вездѣ одинаковы, если средства къ ихъ удовлетворенію также вездѣ должны быть одинаковы, то къ чему это различіе человѣческихъ обществъ, эти народности, составляющія притомъ особыя государства? Къ чему эти Англіи, Франціи, Италіи, Германіи—главное,

къ чему эта Россія со всѣми ея особенностями? Не являются ли эти національныя особенности оскорбленіемъ общечеловѣческой идеи, тормазомъ общаго хода культуры, препятствіемъ для сближенія, источникомъ предразсудковъ, безцѣльной вражды, особенно когда „предразсудки" переносятся на политическую почву? Къ чему это множество и разнообразіе государствъ?

Общество, съ разсматриваемой точки зрѣнія, есть соединеніе людей, связанныхъ одинаковыми потребностями. Одною изъ такихъ потребностей является установленіе и охраненіе юридическаго порядка. Для осуществленія ея служитъ государство, во главѣ котораго поставлена опредѣленная верховная власть. Слѣдовательно, государство есть извѣстная масса лицъ, подчиненныхъ одной верховной власти, ради обезпеченія внѣшней безопасности и пользованія выгодами юридическаго порядка. Но какъ велика будетъ эта „масса лицъ"? Изъ кого она составится? Это рѣшительно все равно. Турокъ и сербъ, черногорецъ и мадьяръ, англичанинъ и французъ одинаково могутъ составить политическое общество для „пользованія юридическимъ порядкомъ". Если подобныхъ „общеній" не составляется или если, составившись, они ведутъ къ внутреннимъ смутамъ, это должно объяснить „національными предразсудками", косностью массъ, невѣжествомъ, фанатизмомъ, всѣмъ, что̀ оскорбляетъ общечеловѣческое начало.

Цивилизованный, культурный человѣкъ долженъ стать выше этихъ предразсудковъ. Живя духовною, интеллектуальною жизнью, онъ не можетъ считать своимъ отечествомъ землю и воду данной страны, ея лѣса, поля и горы, съ населяющими ихъ косными и невѣжественными массами. Его отечество—весь цивилизованный міръ, а въ этомъ мірѣ онъ долженъ найти страну, стоящую въ данную минуту во главѣ цивилизаціи. Къ ней должны быть обращены его взоры, его помышленія. Отъ нея долженъ онъ ожидать указаній на то, что̀ дѣлать, въ какомъ направленіи идти. Конечно, онъ долженъ обращать свое вниманіе на породившую его страну. И его роль въ ней ясно опредѣлена. Онъ предназначенъ служить посредникомъ между нею и цивилизованнымъ міромъ. Оставаясь въ непрерывномъ общеніи съ источникомъ общечеловѣческой культуры, онъ долженъ вносить цивилизацію и въ окружающую его среду, прививать къ ней культурныя понятія, нравы и учрежденія. Счастливъ онъ, если усилія его увѣнчаются успѣхомъ! Если же нѣтъ, если родная страна не послушается его увѣщаній и назиданій, онъ будетъ знать, что̀ дѣлать. Завернувшись горделиво въ свою мантію, онъ отвернется отъ общественнаго движенія и явится живымъ протестомъ противъ всего совершающагося мимо его воли. Если и этого будетъ мало, онъ уйдетъ

окончательно въ себя, броситъ родину, удалится туда, гдѣ солнце цивилизаціи блещетъ ярче, гдѣ все понятно его уму и сердцу, гдѣ формы жизни вполнѣ соотвѣтствуютъ его душевному настроенію. Правда, онъ явится „туда“, какъ человѣкъ чужой, которому нечего дѣлать, на котораго каждый мѣстный житель смотритъ съ подозрительнымъ равнодушіемъ. Но у него явится досугъ мечтать о томъ времени, когда національныхъ перегородокъ между странами уже не будетъ, и каждый вездѣ найдетъ себѣ одинаковое дѣло.

Съ такимъ міросозерцаніемъ справиться нелегко. Оно сложилось вѣками, оно ясно, оно построено безъ логическихъ противорѣчій и представляетъ множество другихъ удобствъ. Скажемъ больше: оно представляетъ многія вѣрныя стороны и, если я предпринялъ говорить о національномъ вопросѣ, *то вовсе не съ тою цѣлью, чтобъ исключить начало общечеловѣческое* изъ общественной и политической теоріи. Напротивъ: если я выступаю адвокатомъ народности, то именно потому, что въ ней я вижу одно изъ великихъ и непреложныхъ *общечеловѣческихъ* началъ, столь же великихъ, какъ и начало человѣческой *личности*. Мнѣ кажется даже, что послѣ признанія и торжества національнаго начала многіе общечеловѣческіе вопросы разрѣшатся полнѣе, лучше и справедливѣе, нежели при космополитическихъ взглядахъ.

Остановимся на одномъ изъ нихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній космополитической теоріи есть идея *вѣчнаго мира*. Вопросъ этотъ уже породилъ громадную литературу, и въ ней встрѣчаются благороднѣйшіе умы человѣчества, начиная съ С.-Пьера и Канта. Но до сихъ поръ эта теорія остается мечтой; до сихъ поръ усилія лучшихъ умовъ не могутъ смягчить ужасовъ войны. И до сихъ поръ причину войны видятъ въ національномъ эгоизмѣ и предразсудкахъ. Это справедливо въ томъ только отношеніи, что дѣйствительно національное начало не получило должнаго примѣненія въ политической системѣ европейскихъ государствъ Защитники вѣчнаго мира искали условій его не тамъ, гдѣ слѣдовало: они надѣялись на успѣхи однообразія культуры, т.-е. на успѣхи обезличенія народностей, между тѣмъ какъ его слѣдовало искать именно въ томъ, въ чемъ видѣли помѣху культуры: въ свободномъ развитіи національностей.

Есть еще одна сторона космополитическаго ученія, на которую я желалъ бы обратить вниманіе. Построенное на отвлеченномъ понятіи личности человѣческой, ученіе это должно, повидимому, дать широкое развитіе своему основному началу. Оно, повидимому, даетъ прочное основаніе для требованій свободы, равенства и братства всѣхъ людей; оно призываетъ все человѣчество на пиръ всеобщаго

мира и всеобщей свободы. Но всеобщій миръ остается мечтою, а успѣхи политической и гражданской свободы и равенства, несомнѣнные въ различныхъ государствахъ Европы, какъ-то не даютъ должнаго удовлетворенія человѣческой личности, жаждущей иныхъ стремленій и цѣлей. Человѣческая личность не состоитъ изъ „свободы и равенства", несмотря на всю важность этихъ условій, какъ внѣшнихъ средствъ правильнаго развитія человѣка въ обществѣ. Но всеобъемлющая общественная и политическая теорія, кромѣ формальныхъ условій человѣческаго бытія, должна подумать еще о *содержаніи* личности, стало быть и о той средѣ, подъ вліяніемъ которой вырабатываются стремленія, идеалы и принципы личности. А эта сторона дѣла, сколько мнѣ кажется, упущена изъ вида теоріею космополитическою. Даже ходячее мнѣніе расходится въ этомъ отношеніи съ означенными воззрѣніями. На каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ общимъ мѣстомъ, что каждый человѣкъ есть дитя своего народа и времени и, замѣтьте это, такой взглядъ на человѣка примѣняется, главнымъ образомъ, къ личностямъ выдающимся, коротко говоря — къ *великимъ людямъ*.

Вникнемъ въ смыслъ этой формулы, повидимому, простой и ясной— каждый человѣкъ дитя своего народа и времени. Не значитъ ли это, что каждый человѣкъ, независимо отъ элементарныхъ стремленій и свойствъ, присущихъ человѣку вообще, выражаетъ требованія своего времени, что въ немъ отражаются всѣ особенности его народа, особенности, сложившіяся вѣками и подъ вліяніемъ множества естественныхъ причинъ? Если такъ, то внутреннее развитіе личности не можетъ быть поставлено внѣ зависимости отъ народа, къ которому она принадлежитъ. Непрерывное общеніе съ народомъ есть условіе ея развитія; отъ него получаетъ она міросозерцаніе, которымъ живетъ, идеалы, къ которымъ стремится, указанія на цѣли, которыя необходимо осуществить. Оторванная отъ народа, личность замыкается въ своемъ одиночествѣ, теряетъ творческую силу, обрекается на безплодіе и бездѣятельность. Она будетъ жить недосягаемыми принципами, безплодными порываніями, фантастическими стремленіями, но никогда она не дастъ народу чего-либо практически осуществимаго, насущнаго, такого, въ чемъ народъ призналъ бы *свою* нужду и свои идеалы.

Я замѣтилъ уже, что ходячее мнѣніе о тѣсной связи человѣка съ его народомъ примѣняется больше всего къ людямъ выдающимся и особенно къ великимъ. Въ самомъ дѣлѣ, великіе люди познаются именно потому, что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ стремленія, всѣ нужды ихъ народа и времени. Они, болѣе чѣмъ кто бы то ни было, живутъ съ народомъ, отзываются на всѣ его ра-

дости и горести, идутъ навстрѣчу всѣмъ его требованіямъ, умѣютъ облечь въ плоть и кровь всѣ его стремленія и осуществить ихъ по мѣрѣ возможности. Поэтому они имѣютъ право дать эпохѣ свое имя. Мы понимаемъ, что̀ значатъ выраженія: „время Петра Великаго, эпоха Лютера, Фридриха II“ и т. д. Наоборотъ, въ нихъ, болѣе чѣмъ въ комъ нибудь другомъ, отражаются всѣ особенности ихъ народа. Люди посредственные, мелкіе, вездѣ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Различія между англійскими, французскими, нѣмецкими и русскими посредственностями—чисто внѣшнія. Посѣтители салоновъ Парижа, Лондона и Петербурга представляютъ трогательное сходство. Но фигура великаго человѣка не укладывается въ общепринятыя формы. Лютера никакъ нельзя смѣшать съ Кальвиномъ; между Вашингтономъ и Лафайетомъ, Кантомъ и Адамомъ Смитомъ, Тюрго и Штейномъ нельзя не замѣтить глубокой разницы. Разница эта опредѣляется не временемъ — я сопоставляю современниковъ или почти современниковъ, не различіемъ занятій — я сопоставляю людей, преслѣдовавшихъ одинакія цѣли, — даже не индивидуальными особенностями, а тѣмъ фактомъ, что каждое изъ названныхъ лицъ воплощало въ себѣ особенности своего народа въ данную эпоху его исторической жизни.

Проиграли ли отъ этого интересы человѣчества? Пострадало ли оно отъ этихъ особенностей, воплощавшихся въ лучшихъ представителяхъ отдѣльныхъ народностей? Напротивъ. Человѣчество всегда выигрывало и будетъ выигрывать отъ самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ народностей и представляющихъ ихъ личностей. Общій уровень культуры былъ поднятъ трудами Смитовъ, Локковъ, Кантовъ, Гегелей, Тюрго и другихъ, но каждый изъ нихъ могъ выработаться только на почвѣ своей народности. Гегель, въ самомъ дѣлѣ, былъ могущественнымъ выразителемъ нѣмецкой системы мышленія, но чрезъ его логику въ свое время прошли всѣ образованные европейцы. Кто не чувствуетъ, что теоріи Платона и Аристотеля выражали греческое міросозерцаніе, а развѣ не на нихъ воспитывалось европейское человѣчество? Развѣ наше юридическое образованіе основывается не на *римскомъ* правѣ? Развѣ *англійскія* политическія учрежденія не вліяютъ на континентъ Европы?

Исторія человѣчества не есть цѣльная и законченная система, задуманная по одному плану и проведенная съ безпощадною логикою. Ни одна личность не можетъ имѣть претензіи представить собою исчерпывающее воплощеніе цѣлаго человѣчества; не можетъ воплотить его въ себѣ и ни одна нація. Каждый народъ въ своей исторіи выражаетъ и доводитъ до опредѣленнаго результата только нѣкоторыя стороны всеобщаго содержанія человѣческаго духа. Обще-

человѣческое начало есть начало, такъ сказать, *хоровое*, въ которомъ каждому голосу, каждому звуку должно быть мѣсто, иначе мы съузимъ понятіе общечеловѣческаго до такихъ элементарныхъ и однообразныхъ рамокъ, что въ нихъ не будетъ уже мѣста личному *творчеству*. Если мы желаемъ сохранить личность, какъ начало творческое, какъ нравственное бытіе, то мы должны стремиться къ свободному развитію національностей, которыя однѣ даютъ основу и личному развитію.

Вотъ идеи, которыя я намѣренъ защищать въ предпринятой мною работѣ. Есть основаніе думать, что онѣ найдутъ себѣ отзвукъ въ современномъ настроеніи нашего общества. Но я предпринялъ эту работу вовсе не съ цѣлью воспользоваться извѣстнымъ общественнымъ настроеніемъ и воздѣйствовать на чувства слушательницъ и слушателей. Я имѣлъ цѣлью представить результатъ моихъ *научныхъ* занятій и убѣжденій, слѣдовательно, я обязанъ представить *научныя доказательства* моихъ воззрѣній. Конечно, я постараюсь представить эти доказательства въ формѣ наиболѣе доступной и понятной; но постараюсь сдѣлать это не въ ущербъ научному характеру статьи.

Еще одно замѣчаніе. При разсмотрѣніи занимающаго насъ предмета, я намѣренъ оставаться на почвѣ точныхъ и неоспоримыхъ фактовъ. Отвлеченныя размышленія бо̀льшею частью недоказательны, особенно при изслѣдованіи такого культурно-историческаго явленія, какъ народность. Поэтому я позволю себѣ предложить вниманію публики *историческое* изслѣдованіе происхожденія національнаго вопроса. Мнѣ предстоитъ, другими словами, въ самомъ сжатомъ видѣ изложить весь ходъ европейской исторіи.

Задача трудная, но я надѣюсь выполнить ее при помощи сочувствія публики. Провѣрка своихъ чувствованій и инстинктивныхъ стремленій путемъ научныхъ изслѣдованій; обращеніе своихъ стремленій въ сознательное убѣжденіе есть работа, къ которой призвано каждое общество, живущее историческою жизнью. Содѣйствовать, хоть сколько-нибудь, образованію такихъ убѣжденій, по вопросу чрезвычайной важности, по вопросу, изъ-за котораго уже льется кровь— такова моя задача; скажу больше: такова обязанность каждаго, у кого голова и сердце на мѣстѣ. Пусть пройдетъ безвозвратно то время, когда всякія отвлеченныя мысли, теоріи и системы ходили въ головѣ, нисколько не дѣйствуя на нравственныя чувства человѣка; когда, съ другой стороны, добрые порывы не находили опоры въ сознаніи. Мы вступаемъ въ одну изъ серьезнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Намъ нужны *цѣльные* люди, люди, у которыхъ нѣтъ чувствъ непродуманныхъ и мыслей непрочувствованныхъ. Съ такими людьми страна выполнитъ свои задачи, какъ бы онѣ ни были трудны.

II.

Если бы намъ пришлось бесѣдовать съ образованнымъ человѣкомъ XVIII столѣтія о происхожденіи человѣческихъ обществъ, мы услышали бы много вещей, не совершенно понятныхъ нашему уму, воспитанному на знаніяхъ этнографическихъ, антропологическихъ, лингвистическихъ и историческихъ. Мы услышали бы, что образованію человѣческихъ обществъ и государствъ предшествовало такъ-называемое *естественное состояніе*, когда каждая личность была предоставлена себѣ самой и жила въ рѣшительномъ отчужденіи отъ другихъ. Такое состояніе представляло множество невыгодъ, и человѣкъ вышелъ изъ него актомъ своей воли. Онъ вступилъ въ соглашеніе съ другими людьми, заключилъ съ ними *договоръ* и путемъ этого договора основалъ государство.

Конечно, первое возраженіе, которое можно бы сдѣлать человѣку XVIII ст., состоитъ въ томъ, что заключеніе государственнаго договора превышаетъ умственныя силы дикарей, только-что вышедшихъ изъ „естественнаго состоянія". Дѣйствительно, какъ представить себѣ массу первобытныхъ людей, собравшихся для обсужденія слѣдующаго вопроса: „найти форму общества, покровительствующаго и защищающаго общею силою личность и имущество каждаго его члена, и въ которомъ каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, только себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ и прежде". Между тѣмъ Руссо заставляетъ своихъ первобытныхъ людей разсуждать именно на эту тему.

Но человѣкъ XVIII вѣка не понялъ бы нашего возраженія. Почему? Ясный и убѣдительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ разсмотрѣніе общества, съ которымъ имѣла дѣло эта политическая литература, преимущественно общества французскаго, дававшаго тонъ всей Европѣ. Оно еще недавно анализировано Тэномъ въ его замѣчательномъ трудѣ: *Les origines de la France contemporaine.* Разбирая духъ и ученія французскаго общества XVIII ст. (а духъ и ученія этого общества давали тонъ всей Европѣ), Тэнъ говоритъ, что они опредѣлялись, между прочимъ, *классическимъ* направленіемъ и формою. Подъ именемъ классическаго направленія не должно разумѣть вліянія греческихъ и римскихъ писателей. Франція выработала свой классическій языкъ, свои академическія, такъ сказать, формы рѣчи, господствовавшія въ ней въ теченіе двухъ столѣтій. Образованіе этихъ классическихъ формъ зависѣло прежде всего отъ того, къ какой публикѣ обращались философы, поэты, ученые. Публика эта— дворъ и все, такъ или иначе прикосновенное къ придворнымъ сфе-

рамъ, къ блестящимъ гостинымъ, гдѣ собирались „благородные и благовоспитанные“ люди насладиться разговоромъ о всѣхъ возможныхъ предметахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы литература XVIII вѣка не имѣла огромнаго вліянія на всю массу общества, чтобы она не была популярной. Я хочу сказать только, что тонъ, пріемы и языкъ писателей опредѣлялись, главнымъ образомъ, требованіями аристократическихъ сферъ. Французская аристократія, оттѣсненная королевскимъ абсолютизмомъ и бюрократіею отъ участія въ жизни политической, посвятила свой невольный досугъ обществу. Жизнь этого класса сосредоточилась въ гостиной. Надо отдать честь этимъ гостинымъ. Умственныя наслажденія, бесѣды о всѣхъ отрасляхъ знанія занимали здѣсь почетное мѣсто. Всякій выдающійся умъ, всякое открытіе обращало на себя вниманіе этихъ изящныхъ маркизъ и великосвѣтскихъ господъ. Вольтеры, Гельвеціи, Гольбахи, Кондильяки имѣли въ нихъ самыхъ внимательныхъ и понятливыхъ слушателей. Но даря философовъ и поэтовъ своимъ вниманіемъ, они предъявляли имъ и свои требованія. Каждый долженъ былъ приноравливаться къ требованіямъ аудиторіи. Въ чемъ же состояли эти требованія? Какъ отразились они на состояніи литературы?

Во-первыхъ, пусть философы и ученые не требуютъ отъ такой аудиторіи значительной подготовки, основанной на изученіи разныхъ источниковъ, философскихъ тонкостей и т. д. Философъ или ученый долженъ давать своимъ слушателямъ то, что̀ доступно ихъ *непосредственному* пониманію, апеллировать не къ ихъ учености, а къ тому, что̀ получало характеристическое названіе „здраваго смысла“, т.-е. извѣстной совокупности общихъ представленій и понятій, усвоенныхъ каждымъ во время его обращенія въ свѣтѣ. Во-вторыхъ, всякія теоріи и мнѣнія должны быть изложены общедоступнымъ языкомъ. Всякія техническія названія, спеціальные термины тщательно изгоняются изъ салонной рѣчи. Мало того: всякіе образные и поэтическіе обороты, провинціализмы, пословицы; рѣзкія и откровенныя выраженія также исключаются изъ употребленія. Писатель, желающій быть понятъ и оцѣненъ своею взыскательною аудиторіею, долженъ излагать свои мысли въ общихъ выраженіяхъ. Языкъ упрощается и обезцвѣчивается до послѣдней степени. Онъ выигрываетъ въ легкости, точности, правильности, но проигрываетъ со стороны образности, разнообразія, силы. На такомъ языкѣ нельзя уже передать ни Библіи, ни Гомера, ни Данта, ни Шекспира. Знаменитый монологъ Гамлета въ переводѣ Вольтера является отвлеченною декламаціею. Сравните описаніе природы въ *Одиссеѣ* Гомера и въ *Телемакѣ* Фенелона. Тамъ неприкрашенныя, но правдивыя картины дѣйствительной природы, здѣсь все приведено въ систему и поря-

докъ, подобно версальскому саду, съ его подрѣзанными деревьями и симметрическими дорожками.

Понятно, что въ этихъ разсужденіяхъ исчезаютъ всѣ различія временъ, обстоятельствъ, расы, даже степени образованія. Въ драмахъ, поэмахъ, трагедіяхъ всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ языкомъ, какъ всѣ благовоспитанные люди того времени; авторы знаютъ, кто смотритъ пьесу и чего требуютъ отъ сочинителя. Нечего говорить, что всѣ дѣйствующія лица такихъ пьесъ не могутъ быть реальны. „Въ живомъ характерѣ, справедливо замѣчаетъ Тэнъ, два рода чертъ. Однѣ—немногочисленныя — общи ему со всѣми лицами даннаго класса, и всякій зритель или читатель легко можетъ ихъ различить. Другія — весьма многочисленныя — принадлежатъ только ему,—этому живому характеру,—и ихъ нельзя уловить безъ нѣкотораго усилія. Классическое искусство обращаетъ вниманіе только на первыя черты. Оно беретъ не опредѣленнаго человѣка, а извѣстное его положеніе: на сцену выводятся цари, наперсники, принцы и принцессы, жрецы, военачальники и т. д. Этимъ личностямъ приписываются извѣстныя общія качества или стремленія—любовь, честолюбіе, коварство, вѣрность и т. д. Затѣмъ ихъ заставляютъ дѣйствовать сообразно этимъ общимъ положеніямъ и качествамъ. Для этихъ лицъ не нужно собственныхъ именъ. Оргоны, Дамисы, Доранты и т. п. совершенно достаточны для обозначенія общихъ свойствъ и общихъ положеній. Не нужно и различія временъ и націй: греки и римляне, турки и арабы, евреи и негры, всѣ говорятъ одинаковымъ языкомъ— вѣжливымъ, выглаженнымъ, приноровленнымъ къ требованію салона. Греки временъ Эдипа говорятъ другъ другу вы, Madame, Seigneur. Негръ декламируетъ не хуже Гольбаха или Гельвеція.

Неудивительно, что, при этихъ условіяхъ, общественныя теоріи не были обязаны обращать вниманіе на особенности первобытныхъ людей, заключавшихъ между собою предполагаемый „договоръ". Если „наперсникамъ" древнихъ греческихъ царей приписывались идеи, свойственныя современникамъ Монтескьё, то почему бы не вложить въ умы „естественныхъ" людей и политическія теоріи XVIII вѣка?

Итакъ, аргументъ противъ договорной теоріи, приведенный выше, не былъ бы понятъ человѣкомъ XVIII вѣка. Попробуемъ предложить ему другой, болѣе затруднительный для него вопросъ: на какомъ *языкѣ* объяснялись между собою люди, сошедшіеся для заключенія договора, какъ формулировали они его статьи? Мы знаемъ, что общность языка въ настоящее время играетъ большое значеніе въ національномъ вопросѣ. Общность языка соединяетъ опредѣленныя массы людей и выдѣляетъ ихъ изъ общей массы человѣчества. Самостоятельность языка есть одно изъ первыхъ условій самостоятель-

ности національной культуры. За право пользоваться своимъ языкомъ многія народности ведутъ упорную борьбу и готовы на всякія жертвы.

Но и этотъ аргументъ остался бы непонятенъ человѣку XVIII вѣка. Въ его время законы языковъ, ихъ классификація не были еще предметомъ дѣйствительно научныхъ изслѣдованій. Лингвистика не выдѣлилась еще изъ филологіи въ качествѣ науки естественной. Человѣкъ XVIII вѣка не зналъ еще многаго другого. Антропологія, критическое и сравнительное изслѣдованіе религій были еще въ зародышѣ. Самая исторія находилась въ дѣтствѣ, особенно по своимъ основнымъ точкамъ зрѣнія, средствамъ и методамъ изслѣдованія. Пытливые и неутомимые изслѣдователи не дотрогивались еще до того громаднаго матеріала, въ которомъ можно найти основанія народныхъ особенностей—народныхъ обычаевъ, повѣрій, поэзіи, нравовъ. Время ли было думать объ этомъ, когда всѣ низшіе классы разсматривались какъ безразличная, косная и темная масса, нуждавшаяся въ просвѣтителяхъ сверху?

Я остановился на понятіяхъ образованнаго человѣка XVIII вѣка не безъ цѣли. Я не остановился на міровоззрѣніяхъ ни XVI, ни XVII вѣковъ. Указаніе на политическую теорію ближайшаго къ намъ столѣтія имѣло цѣлью навести на мысль, что идея народностей есть *идея новая*, принадлежащая *нашему* столѣтію. Да, идея эта не есть старый предразсудокъ, завѣщанный намъ предками; она не есть старое преданіе, возродившееся въ наше просвѣщенное время, въ силу атавизма. Она есть наше достояніе, результатъ нашего просвѣщенія, несомнѣннаго прогресса въ области политическихъ и общественныхъ понятій. Не знаю, насколько эта мысль—хотя въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго—согласна съ общепринятыми у насъ мнѣніями. Во всякомъ случаѣ, я считаю своею обязанностью доказать ея справедливость.

Если идея народности нова, если она принадлежитъ нашему столѣтію, то естественно спросить, почему она не возникала, почему она не могла возникнуть во времена предыдущія?

Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ необходимо обратиться къ ново-европейской исторіи и прослѣдить шагъ за шагомъ ея важнѣйшіе моменты, начиная съ первыхъ. Обратимся къ этимъ исходнымъ точкамъ западно-европейской исторіи и разсмотримъ, заключались ли въ нихъ хотя какія нибудь условія для появленія національной идеи. Но, для того, чтобы анализъ этихъ фактовъ былъ понятнѣе, я позволю себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, обозначить самые существенные элементы народности. Я не намѣренъ пока давать *опредѣленія* народности. Такое опредѣленіе должно явиться *результатомъ* разсмотрѣнія историческаго происхожденія національной идеи. Поэтому

я обращусь къ нему въ концѣ чтеній. Но мы можемъ теперь же указать на существенные и ясные для всѣхъ элементы народности и ихъ коренныя свойства. Подъ элементами народности мы разумѣемъ такія условія, которыя, съ одной стороны, *соединяютъ* извѣстную массу людей въ одно цѣлое, а съ другой, *обособляютъ* эту массу отъ другихъ человѣческихъ группъ. Слѣдовательно, элементы народности являются какъ бы признаками, *отличающими* данное общество отъ другихъ. Одни изъ этихъ элементовъ даются намъ самою природою. Мы можемъ назвать ихъ естественными. Таковы: языкъ, нравственныя и умственныя особенности племени, вліяніе географическихъ и климатическихъ условій. Другія условія являются результатомъ исторической жизни, жизни каждаго народа. Но между этими историческими условіями должно различать двѣ группы. Одни изъ нихъ являются первоначальными основами національной исторіи, конкурируютъ, такъ сказать, съ элементами естественными въ дѣлѣ образованія національной личности. Сюда относятся религія, въ смыслѣ положительнаго и опредѣленнаго культа, первоначальные идеалы народной поэзіи, складъ семейныхъ отношеній, первоначальные юридическіе обычаи и т. д. Вторая группа условій содержитъ въ себѣ совокупность тѣхъ общественныхъ стремленій, симпатій и антипатій, идеаловъ, нравовъ, которые выработались и окрѣпли въ народности, въ теченіе долгой *исторической* жизни и выразились въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ экономическомъ бытѣ страны, въ наукѣ, поэзіи, искусствѣ. Эта часть національныхъ элементовъ наиболѣе прогрессивна. Она даетъ смыслъ и содержаніе всѣмъ прочимъ. Каждое значительное явленіе въ области науки и искусствъ, каждый прогрессъ въ политической жизни, каждое международное столкновеніе увеличиваютъ сумму національныхъ особенностей и уясняютъ идею каждой народности. Прогрессъ цивилизаціи тѣсно связанъ съ успѣхами національнаго начала. „Дикари, презрительно говаривалъ англичанинъ Джонсонъ, всѣ похожи другъ на друга". Въ этихъ словахъ много правды. Типъ современнаго англичанина гораздо рѣзче отличается отъ типа современнаго француза, нежели типъ сакса пятаго столѣтія отъ типа франка того же времени.

Изъ этого простого перечисленія элементовъ народности можно видѣть, что она есть результатъ долгаго историческаго процесса и многовѣковой культуры. Въ начальной европейской исторіи мы не только не находимъ народностей, но встрѣчаемся съ элементами, прямо препятствовавшими ихъ образованію. Правда, и въ тѣ отдаленныя времена были уже готовы естественныя основы будущихъ народностей. Съ географической и этнографической точекъ зрѣнія нынѣшнія Франціи, Англіи, Германіи и т. д. существовали уже въ

зародышѣ. Но эти элементы будущихъ народностей были еще простымъ *пассивнымъ* матеріаломъ, безъ дѣятельной исторической роли. Что же препятствовало развитію народностей?

Съ тѣхъ поръ, какъ элементы европейскихъ обществъ сколько нибудь опредѣлились и уяснились послѣ хаотическаго времени великаго переселенія народовъ, три факта, одинаково важныхъ, вліяли на ихъ дальнѣйшее развитіе. Факты эти: *завоеваніе* одних племенъ другими, основавшими ново-европейскія государства, *феодализмъ*, какъ политическая и общественная форма быта, и *католицизмъ*, какъ форма церковной жизни Европы. Ни тотъ, ни другой, ни третій фактъ не только не благопріятны развитію народностей, но находились съ ними въ прямомъ противорѣчіи.

Начнемъ съ *завоеванія*, какъ способа возникновенія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Нужно ли доказывать, что завоеваніе одного племени другимъ вносило *раздвоеніе* въ жизнь каждаго общества, тогда какъ идея народности предполагаетъ полную *солидарность* между всѣми слоями общества отъ высшаго и до низшаго? Сколько мученій пережили западныя общества въ первое время ихъ образованія! Исторія завоеванія бриттовъ саксами, саксовъ норманнами—цѣлый мартирологъ. Великое произведеніе Тьерри открываетъ намъ этотъ страшный процессъ. Англо-саксы искореняютъ и изгоняютъ бриттовъ; норманны не могутъ искоренить саксовъ, но ставятъ ихъ въ тяжкую зависимость. Презрѣніе побѣдителя къ побѣжденному не знаетъ границъ. Тяжеловѣсный и грубоватый саксъ разсматривается какъ человѣкъ низшей породы сравнительно съ офранцуженнымъ норманномъ. Всѣ насилія надъ побѣжденнымъ заранѣе оправдываются и даже возводятся на степень политической необходимости. Между двумя классами нѣтъ точекъ соприкосновенія или ихъ очень мало. Норманнъ-завоеватель не считаетъ Англію своимъ отечествомъ и саксовъ своими соотечественниками. Онъ скорбитъ о прекрасной Нормандіи, гдѣ общество такъ цивилизовано, и посѣщаетъ ее сколько возможно часто, чтобы не огрубѣть и не отупѣть среди саксовъ. Онъ боится, что его сынъ испортитъ свой языкъ отъ соприкосновенія съ саксонской прислугой и посылаетъ его во Францію обучиться настоящему языку и хорошимъ манерамъ. Понятно, что французскіе бароны ему гораздо ближе завоеванныхъ саксовъ. То же явленіе повторяется и въ другихъ странахъ. Нужны были столѣтія, чтобы изъ норманновъ и саксовъ, франковъ, галловъ и другихъ племенъ образовались цѣльныя и сплоченныя народности. Но и послѣ того, какъ завоеватели слились съ побѣжденными, старое завоевательное начало не осталось безъ вліянія; оно видоизмѣнило только его форму. Оно выразилось въ формѣ стараго *аристо-*

кратизма, принципы котораго съ такою силою проникаютъ всю западно-европейскую исторію. И подчиненные классы, и вожаки революціи 1789 года не забыли этого по истеченіи многихъ и многихъ столѣтій.

Незадолго до революціи, извѣстный Шанфоръ писалъ слѣдующее: „Самое почтенное основаніе правъ французской аристократіи состоитъ въ непосредственномъ происхожденіи отъ какихъ-нибудь 30 т. людей, покрытыхъ шлемами, панцырями, наручниками, набедренниками и которые, на лошадяхъ, покрытыхъ броней, попирали 8 или 10 милліоновъ нагихъ людей, предковъ нынѣшней націи“. „Почему третье сословіе, восклицалъ Сійесъ, не вышлетъ во Франконскіе лѣса всѣ эти семейства, претендующія на происхожденіе отъ породы завоевателей и на наслѣдованіе по праву завоеванія?“ [1]). Конечно, историческіе факты не совершенно подтверждаютъ эту генеалогію. Но для насъ важны взгляды этихъ выразителей политическихъ страстей, какъ живое воспоминаніе о временахъ давно минувшихъ

Завоевательное начало облеклось въ плоть и кровь, выразилось въ цѣлой политической системѣ, именно въ системѣ *феодальной*. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе историческаго достоинства этой системы. Не подлежитъ сомнѣнію, что она имѣла смыслъ въ свое время; въ ней нельзя не видѣть полезной переходной формы европейскихъ обществъ. Нельзя смотрѣть на „феодала“ только какъ на грубую силу, тяготѣвшую надъ низшими классами, только какъ на хищника, обременявшаго подчиненныхъ поборами. Въ „феодалѣ“ развилось и много почтенныхъ качествъ. По чувству личной независимости, удали, по многимъ идеальнымъ стремленіямъ, воплотившимся въ рыцарствѣ, личность „феодала“ справедливо вдохновляла поэтовъ. Но насъ феодализмъ занимаетъ вовсе не съ этой стороны; мы хотимъ указать его отношеніе къ вопросу національному. Съ этой точки, нельзя не признать, что феодализмъ, по *существу* своему, противорѣчилъ національному принципу. Существо феодализма состояло въ соединеніи правъ суда и управленія съ правами землевладѣнія. Землевладѣніе давало право на управленіе, на отправленіе правосудія землевладѣльцемъ въ предѣлахъ своей территоріи. Всякій, кто жилъ на этой территоріи, ipso jure подпадалъ подъ юрисдикцію владѣльца. Народонаселеніе разсматривалось какъ часть земли, которою можно было располагать вмѣстѣ съ землей и какъ землей. Другими словами, феодальная система построена на началѣ *вотчинномъ*, и между правомъ частнымъ и правомъ публичнымъ не было существенной разницы. Населеніе, вмѣстѣ съ землею, могло

---

[1]) Тэнъ, тамъ же.

быть предметомъ частныхъ сдѣлокъ—купли-продажи, даренія, дачи въ приданое. Населеніе, какъ земля, было предметомъ захвата, завоеванія и т. д. При всѣхъ этихъ захватахъ и миролюбивыхъ сдѣлкахъ, желанія населенія, его симпатіи и антипатіи не только не принимались въ разсчетъ, но попирались; даже не попирались, потому что „попраніе" предполагаетъ нѣкоторое признаніе попираемаго какъ самостоятельнаго субъекта, а въ данномъ случаѣ никто даже не подозрѣвалъ, что у населенія, этой „части земли", *могутъ* быть какія нибудь желанія и симпатіи. Кажется, нѣтъ нужды уяснять подробнѣе отношеніе феодализма къ національной идеѣ, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ признаніе за народностями *права* выражать свои симпатіи и желанія, права для босняковъ и герцеговинцевъ не быть подъ владычествомъ турокъ.

Даже своими свѣтлыми сторонами феодальный типъ нисколько не смягчалъ этого вотчиннаго начала. Мы готовы признать поэтическія стороны рыцарства, признать интересъ поэмъ и романовъ, гдѣ выведены эти отважные искатели приключеній. Но въ этихъ типахъ мы не видимъ ничего національнаго, *земскаго*, такъ сказать. Что̀ вдохновляетъ этихъ рыцарей? Что̀ ставится имъ въ заслугу? Рыцарство вдохновляется общими религіозными и нравственными идеями. Оно становится на службу папскому престолу, оно предпринимаетъ крестовые походы—это въ лучшемъ случаѣ. Обыкновенно рыцарь—отважный воитель, ищущій въ сраженіяхъ дѣла для своей личной удали. Иногда онъ пускается въ невѣроятныя предпріятія, чтобы завоевать сердце своей дамы. Миннезингеръ, трубадуръ воспоетъ его вѣрность, его горячую любовь, его неукротимую отвагу. Но всѣ эти прекрасныя качества не наполнятъ пробѣла между рыцаремъ и тою сѣрою массой, которою онъ владѣетъ. Она останется ему чужою. Рыцарство — учрежденіе *космополитическое*. Рыцарь признаетъ свое братство со всѣми рыцарями въ мірѣ. Французскій рыцарь видитъ *своего* въ рыцарѣ нѣмецкомъ; ему понятны его нравы, образъ жизни, даже отчасти языкъ. Но сколько столѣтій пройдетъ до тѣхъ поръ, пока потомки этихъ рыцарей признаютъ за братьевъ потомковъ тѣхъ крестьянъ и горожанъ, которыхъ такъ чуждались ихъ предки?

Еще въ XVII столѣтіи, въ 1614 году, на собраніи послѣднихъ земскихъ чиновъ Франціи, произошелъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ изъ ораторовъ третьяго сословія, Саваронъ, осмѣлился въ рѣчи своей, обращенной къ королю, назвать дворянство и духовенство старшими братьями своего сословія, а Францію ихъ общею матерью. Это было сочтено за дерзость, и ораторъ дворянства, баронъ Сенси, разразился слѣдующею филиппикою: „сословіе, составленное изъ населенія го-

родского и сельскаго, это послѣднее, зависимое отъ первыхъ двухъ сословій и подчиненное ихъ юрисдикціи; первые — мѣщане, купцы, ремесленники и нѣкоторые чиновники; эти-то люди, забывая свое положеніе и безъ согласія своихъ избирателей, хотятъ равнять себя съ нами... Они называютъ насъ своими братьями. Въ какое плачевное положеніе пришли мы, если эти слова справедливы!“ [1]). Еще предъ началомъ революціи, когда просвѣщеніе достаточно сблизило всѣ классы, въ изящномъ салонномъ языкѣ сохранились оттѣнки старыхъ различій. Тотъ же Шанфоръ разсказываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ салонѣ m-me Дюдефанъ, т.-е. самомъ либеральномъ и самомъ литературномъ изо всѣхъ салоновъ. Въ гостиной, кромѣ хозяйки, находились президентъ Гено, г. Понъ-де-Вейль и извѣстный д'Аламберъ, находившійся тогда на верху своей славы. Является новый посѣтитель — медикъ Фурнье. Изъ того, какъ онъ привѣтствовалъ хозяйку и гостей, видно было, какъ сословные оттѣнки были крѣпки въ его умѣ,—какъ въ умѣ каждаго француза. Г-жѣ Дюдефанъ онъ сказалъ: m-me, j'ai l'honneur de vous présenter mon très humble respect (сударыня, я имѣю честь представить вамъ мое нижайшее почтеніе); президенту Гено: m-r, j'ai bien l'honneur de vous saluer (имѣю честь вамъ кланяться); г. Понъ-де-Вейлю: m-r, je suis votre très humble serviteur (я вашъ покорнѣйшій слуга);—а д'Аламберу досталось простое: „bonjour, monsieur“ (здравствуйте, сударь). Маленькій медикъ поставилъ каждаго на свое мѣсто [2]).

Какъ встрѣтятся эти люди съ своими братьями въ 1789 г.? Исторія сохранила намъ извѣстіе объ одной выходкѣ Мирабо, страшнаго, несокрушимаго оратора третьяго сословія. Послѣ знаменитой ночи 4 августа, когда уничтожены были всѣ привилегіи, въ томъ числѣ и титулы, онъ возвращается домой, хватаетъ за ухо встрѣтившаго его камердинера и шутливо восклицаетъ: „Ну, дуракъ, надѣюсь, что для тебя я все-таки ваше сіятельство!“ [3]). Графъ не умеръ въ ораторѣ третьяго сословія...

Остается *католицизмъ*. Католицизмъ, какъ отрасль христіанской религіи, естественно долженъ былъ отвергнуть всѣ національныя различія. Проповѣдь Христа и апостоловъ обращалась къ цѣлому міру, къ „обрѣзанію и необрѣзанію, эллину и іудею“. Вселенскій характеръ христіанской проповѣди вытекалъ изъ существа новаго ученія. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы христіанство отрицало различіе народностей или требовало ихъ уничтоженія. Основа-

---

[1]) Авг. Тьерри, *Hist. du Tiers état.*
[2]) Тэнъ, тамъ же.
[3]) Тэнъ, тамъ же.

тель „царства не отъ міра сего“ относился равнодушно къ дѣламъ „міра сего“. Онъ не вмѣшивался въ политику, но не отрицалъ государства; онъ призывалъ людей къ *братству*, но не требовалъ уничтоженія личности человѣческой въ искусственномъ и насильственномъ единствѣ: „*милости* хочу, а не *жертвы*“, сказалъ Онъ; „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка“. Защищая начало народности, мы нисколько не желаемъ сойти съ почвы ученія христіанскаго, какъ начала общечеловѣческаго, вселенскаго. Напротивъ, защищая національный принципъ, мы призываемъ народы къ *братству*, къ общенію вольному, *хоровому*, такъ сказать, въ которомъ бы не пропадала личность народная, а, напротивъ, развивалась и укрѣплялась на пользу всего человѣчества.

Иначе повелъ дѣло католицизмъ. Вселенскій принципъ братства онъ истолковалъ и примѣнилъ въ смыслѣ насильственнаго и искусственнаго единства вѣрующихъ путемъ безусловнаго подчиненія ихъ авторитету папъ. Нельзя отрицать, что между вѣрующими онъ установилъ чрезвычайно сильную связь. Среди всеобщаго раздробленія, разноязычія и разноплеменности средневѣковой Европы, католическая церковь была сильнымъ связующимъ началомъ. Та же месса, на томъ же латинскомъ языкѣ слушалась одинаково и въ Римѣ, и въ Лондонѣ, и въ отдаленныхъ уголкахъ Германіи и Скандинавіи. На этомъ языкѣ писались всѣ богословскія и ученыя сочиненія. Подъ вліяніемъ церкви, наука сдѣлалась общеевропейскимъ достояніемъ. Дунсъ-Скоттъ, Ѳома Аквинскій, Абеляръ писали для всей Европы, т.-е. для всѣхъ культурныхъ ея классовъ. Подъ вліяніемъ католицизма выросла и идея римско-нѣмецкаго императорства, впослѣдствіи вступившаго въ борьбу съ папствомъ за первенство во вселенной.

Но чѣмъ сильнѣе было это единство, тѣмъ меньше въ немъ могло быть мѣста развитію народностей; даже сознанія народности врядъ ли можно было ожидать. Правовѣрный католикъ-французъ сознавалъ свое братство съ католикомъ-нѣмцемъ или италіанцемъ, но французъ-еретикъ былъ въ его глазахъ чѣмъ-то отверженнымъ и презрѣннымъ. По зову римскаго престола сѣверъ Франціи поднялся на альбигойцевъ и истребилъ ихъ такъ, какъ нѣкогда израильтяне истребляли жителей Ханаана. Лоллардисты не знали пощады въ Англіи. Костры инквизиціи опустошали цѣлые города. Въ тяжелую для Италіи минуту Макіавелли послалъ проклятіе римскому престолу, какъ помѣхѣ къ обновленію родной страны.

„Такъ какъ нѣкоторыя лица, говоритъ Макіавелли, утверждаютъ, что счастье Италіи зависитъ отъ римской церкви, я сошлюсь на нѣкоторые доводы противъ этой церкви, представляющіеся моему

уму, и между которыми два чрезвычайно важны, такъ что противъ нихъ, по моему мнѣнію, нѣтъ возраженій. Во-первыхъ, преступные примѣры римскаго двора погасили въ этой странѣ всякое благочестіе и всякую религію, что̀ влечетъ за собою множество неудобствъ и безпорядковъ... Слѣдовательно, церкви и священникамъ мы, италіанцы, обязаны отсутствіемъ правовъ и религіи. Но мы обязаны имъ еще большимъ благомъ—источникомъ нашей гибели. Церковь всегда поддерживала и постоянно поддерживаетъ разъединеніе этой несчастной страны... Причина, по которой Италія не можетъ достигнуть единства и не подчинена одному правительству — монархическому или республиканскому — *только церковь*. Вкусивъ свѣтской власти, она не имѣла, однако, ни достаточно силы, ни довольно мужества, чтобы овладѣть остальною Италіею. Но, съ другой стороны, она никогда не была настолько слаба, чтобы не быть въ состояніи, изъ боязни утратить свою свѣтскую власть, призвать какого нибудь государя на помощь противъ того, кто сдѣлался бы опасенъ для остальной Италіи; прошлыя времена даютъ намъ многочисленные тому примѣры. Сначала, при помощи Карла Великаго, она изгнала лонгобардовъ, овладѣвшихъ уже почти всею Италіею; въ наше время она вырвала могущество изъ рукъ Венеціи при помощи французовъ, которыхъ потомъ она отразила при помощи швейцарцевъ. Такимъ образомъ, церковь, не будучи сильна настолько, чтобы занять всю Италію, и не дозволяя другимъ овладѣть ею, является причиной, почему эта страна не могла соединиться подъ однимъ вождемъ и осталась порабощенною многимъ господамъ. Отсюда это раздѣленіе и эта слабость, сдѣлавшія ее добычею не только могущественныхъ варваровъ, но перваго, кто почтитъ ее нападеніемъ. Церкви обязана Италія этимъ одолженіемъ, а никому другому...“

Папство сыграло большую всемірную роль, но въ Италіи оно, конечно, никогда не играло роли національной. Если Италія объединилась, то именно въ противность вѣковымъ стремленіямъ папъ, и теперь папа щедро расточаетъ свои проклятія виновникамъ италіанскаго единства. Нужно ли упоминать о клерикалахъ во Франціи, для которыхъ свобода и честь родной страны ничто въ сравненіи съ интересами римской куріи?

Таковы исходные факты западно-европейской исторіи. Они находятся въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ народности. Дальнѣйшая исторія Европы убѣдитъ насъ въ томъ, что національная идея развилась въ видѣ *реакціи* противъ указанныхъ выше фактовъ. Останавливаясь на ходѣ этой реакціи, я долженъ предпослать разсмотрѣнію отдѣльныхъ ея моментовъ одно общее замѣчаніе.

Развитіе народностей, какъ легко замѣтить изъ предыдущаго,

было задержано причинами двоякаго рода. Однѣ изъ нихъ поддерживали въ націяхъ искусственное раздѣленіе и раздробленіе, препятствуя ихъ внутреннему объединенію. Таковы послѣдствія *завоеванія* и *феодальной системы*. Напротивъ, католицизмъ, во многихъ отношеніяхъ, поддерживалъ искусственное и часто насильственное единство, содѣйствуя въ то же время и внутреннему раздѣленію народовъ. Отсюда понятно само собою, что силы, подготовившія образованіе европейскихъ народностей, должны были разрушить прежній порядокъ съ двухъ концовъ. Онѣ должны были устранить причины, препятствовавшія объединенію національностей; имъ предстояло также разбить искусственное католическое единство. Силы, подорвавшія прежній порядокъ и открывшія широкую дорогу новымъ стремленіямъ, можно раздѣлить также на два разряда. Однѣ можно назвать естественно-историческими, другія культурно-политическими. Къ первому разряду я отношу ассимиляцію (уподобленіе) племенъ и образованіе ново-европейскихъ языковъ. Ко второму — движеніе общинъ, постепенную эманципацію низшихъ классовъ, усиленіе королевской власти, протестантизмъ и постепенное развитіе религіозной свободы. Къ этимъ условіямъ присоединялись и другія, о которыхъ я упомяну ниже.

Гизо, въ своей *Исторіи цивилизаціи въ Европѣ*, относитъ начало національно-объединительнаго движенія къ XV вѣку. Отличительнымъ характеромъ XV вѣка, говоритъ онъ, является стараніе создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить кругъ замкнутости, мѣстности... образовать то, чего до тѣхъ поръ не существовало въ большихъ размѣрахъ—образовать „правительства и народы“. Мнѣніе Гизо приблизительно вѣрно. Но вообще жизнь народовъ не укладывается въ рамки опредѣленныхъ столѣтій. Объединительное движеніе началось не во всѣхъ странахъ одновременно; нѣкоторые симптомы его даже повсемѣстно замѣчаются раньше; затѣмъ результаты его, по замѣчанію самого Гизо, обнаружились гораздо позже. Но основные моменты этого движенія вообще состоятъ въ слѣдующемъ.

Племенное раздѣленіе завоевателей и завоеванныхъ мало-по-малу утрачиваетъ свою силу подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ враждебныхъ элементовъ. Совмѣстное жительство, общіе труды, вліяніе массы завоеванныхъ на завоевателей и культуры послѣднихъ на массу оказывали свое дѣйствіе. Изъ бриттовъ, англо-саксовъ и норманновъ образовывались *англичане*, говорившіе уже языкомъ одинаковымъ для низшихъ и высшихъ слоевъ. Франки, бургунды, вестготы, вмѣстѣ съ романизированными галлами, сливаются въ единую французскую націю, и изъ прежняго многоязычія выступаетъ французскій языкъ, на которомъ будутъ говорить Раблэ, Монтень, Бо-

денъ, ораторы лиги. Въ Италіи многочисленные діалекты туземные и привнесенные, оставшіеся безъ центральнаго языка послѣ паденія Рима, вырабатываютъ ново-италіанскій языкъ, языкъ Боккачіо и Данта, Петрарка и Макіавелли. Въ этомъ движеніи заключался уже протестъ противъ искусственнаго единства католическаго міра, протестъ не шумный, потому что онъ совершался постепенно и незамѣтно, но протестъ дѣйствительный и прочный, потому что онъ былъ явленіемъ естественнымъ. Умственная жизнь страны свергла съ себя путы оффиціальнаго языка религіи и науки, т.-е. языка латинскаго. Наука, поэзія, политическая литература заговорили на *родномъ* языкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нимъ какъ бы возвратилась оригинальность мысли, которую мы напрасно будемъ искать въ средневѣковой схоластикѣ. Переведите на этотъ языкъ библію, и вы увидите, какой пожаръ начнется въ зданіи римско-католической церкви!

Но не станемъ забѣгать впередъ. Остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ политической исторіи, сопровождавшихъ указанный выше естественный процессъ: онъ не былъ только естественнымъ, но состоялъ только въ скрещиваніи породъ. Сближеніе завоевателей и завоеванныхъ совершилось не только подъ вліяніемъ совмѣстнаго жительства и семейныхъ связей, но и потому, что завоеванные приблизились къ завоевателямъ *политически*.

Почти одновременно съ торжествомъ феодализма, въ нѣдрахъ феодальнаго общества зародился страшный врагъ, которому суждено было нанести ему смертельный ударъ. Это были городскія и отчасти сельскія общины. Движеніе общинъ можно назвать революціею въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Оно не было простымъ возстаніемъ противъ *злоупотребленій* феодализма. Возстаніе исходило во имя самостоятельной идеи и шло противъ самаго *принципа* феодализма. Въ европейскихъ городахъ зародилось новое общество, новый классъ, съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ,—буржуазія, не отдѣлявшая себя еще отъ остальной массы населенія. Въ средѣ городскихъ общинъ практически и даже теоретически выработались новыя начала государственнаго управленія. Здѣсь, въ противоположность феодальному порядку, *общій интересъ* въ первый разъ выступаетъ на первый планъ. Власть впервые дѣлается отвѣтственною и общественною должностью. Оживленіе торговли и ремеселъ, образованіе, изученіе римскаго права, сложныя отношенія и новыя потребности, неизвѣстныя первобытному „хозяйству“ феодала, повели къ уясненію новыхъ отраслей администраціи. Новыя организаціи суда, сложныя полицейскія установленія, мудрое финансовое управленіе—все это родилось въ городахъ. Движеніе общинъ подорвало

вотчинное государство въ коренныхъ его основаніяхъ. Значеніе его въ исторіи народовъ велико еще потому, что оно дало твердую точку опоры для зарождавшейся королевской власти.

Освобожденіе общинъ имѣло двоякій смыслъ. Во-первыхъ, оно дало городамъ мѣстную самостоятельность, создало изъ нихъ полуполитическія единицы. Но эта сторона движенія имѣла временный характеръ. Муниципальныя вольности не устояли предъ потребностью національнаго объединенія. Затѣмъ общины, эманципируясь изъ-подъ власти феодальныхъ владѣльцевъ, становились подъ непосредственную защиту власти центральной. Фактъ чрезвычайно важный! Въ феодальномъ обществѣ король былъ только главою своего „вассальства“, на которое онъ имѣлъ весьма условныя и призрачныя права. Масса вассальства заслоняетъ отъ него народъ. Въ союзѣ съ общинами король дѣлается главою *націи*, т.-е. государемъ, самостоятельнымъ элементомъ въ обществѣ, съ своимъ призваніемъ и идеею. Изъ среды третьяго сословія вышли тѣ легисты, администраторы, финансисты, судьи, которые шагъ за шагомъ утвердили всемогущество королевской власти и выковали ей оружіе на враговъ. Опираясь на новую силу, короли утвердили и развили свою власть въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, они конфисковали политическія права феодальной аристократіи, вытѣснили ее даже изъ административной и судебной области, создали свой судъ и свою администрацію. Во-вторыхъ, они сломили притязанія папъ ко вмѣшательству въ политическія дѣла страны. Ихъ притязанію быть намѣстниками Бога на землѣ они противопоставили свое „Божіею милостію“.

Королевская власть дѣлается символомъ національнаго единства и независимости. Правомъ короля на его территорію и народъ прикрывалось и защищалось право народа на самостоятельное развитіе; подъ его защиту становилось всякое движеніе, обезпечивавшее впослѣдствіи національную независимость.

Такъ было и съ движеніемъ протестантскимъ. Протестантизмъ, въ существѣ своемъ, былъ ученіемъ, отрицавшимъ церковный авторитетъ папъ. Но при данныхъ историческихъ условіяхъ онъ не могъ достигнуть этой цѣли иначе, какъ въ союзѣ и подъ покровомъ свѣтской власти. Первые вожди протестантизма въ Германіи и въ Англіи усиленно возвеличивали значеніе власти свѣтской; они добились признанія права каждаго государя допускать въ своихъ владѣніяхъ тѣ исповѣданія, какія онъ сочтетъ нужными. Въ смыслѣ національнаго движенія эта мѣра была важнымъ шагомъ впередъ. Хотя протестантскія церкви во многихъ отношеніяхъ столь же мало были воодушевлены терпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ и ка-

толицизмъ, но ихъ нетерпимость никогда не доходила до такихъ результатовъ, и притомъ она смягчалась съ каждымъ поколѣніемъ. Различіе религій не являлось уже помѣхою національному единству. Въ протестантскихъ земляхъ нѣмецъ-католикъ могъ быть такимъ же добрымъ гражданиномъ своей страны, какъ и нѣмецъ-протестантъ. Но этимъ результатомъ не исчерпывалось національное значеніе протестантизма. Если Данты, Макіавелли, Монтени и т. д. вытѣснили преобладающее значеніе латинскаго языка изъ области науки и литературы, то Лютеры, Кранмеры и другіе вытѣснили его изъ церкви. Они перевели библію и дали ее въ руки народу; народъ услышалъ богослуженіе на родномъ языкѣ; проповѣдь сдѣлалась ему понятною. Онъ пересталъ видѣть въ духовенствѣ лицъ, чуждыхъ ему, связанныхъ исключительно съ какимъ-то далекимъ престоломъ. Наоборотъ, само духовенство национализировалось, сдѣлалось неразрывною частью того общества, которому оно призвано было проповѣдывать слово Божіе. Самый католицизмъ съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ бо̀льшее національное значеніе. Со времени реформаціи проводится рѣзкое различіе между міромъ протестантско-германскимъ, съ одной стороны, и католико-романскимъ, съ другой. Если протестантское начало содѣйствовало развитію религіозной свободы *внутри* каждой страны, если различіе вѣроисповѣданій не препятствовало единенію всѣхъ членовъ одной народности, то въ дѣлѣ различій между *цѣлыми народами* протестантское движеніе было новымъ шагомъ впередъ. Начало индивидуальности, личной самостоятельности, таившееся въ мірѣ германскомъ, прорвалось наружу, выразилось въ формахъ церковной жизни, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ поэзіи и политикѣ. Народамъ латинскимъ, оставшимся вѣрными католицизму, суждено было развить другія стороны человѣческихъ воззрѣній.

Вотъ какимъ вліяніямъ и силамъ обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ идея народности, вѣрнѣе сказать — фактъ народностей. Это именно тѣ культурныя силы, которымъ вся Европа обязана своею цивилизаціею. Народность есть результатъ тѣхъ силъ, которыя могли залѣчить раны, нанесенныя завоеваніемъ, сломить феодализмъ, поколебать чрезмѣрный авторитетъ папскаго престола, положить твердыя основанія свободы совѣсти, выработать основныя начала новаго государственнаго устройства. Эти ли результаты мы не назовемъ культурными и обще-человѣческими, въ лучшемъ смыслѣ этого слова?

Но мы находимся еще въ первомъ моментѣ возникновенія національнаго вопроса. Мы присутствовали пока при накопленіи матеріала, изъ котораго составились народности. Мы еще нигдѣ не видимъ *національной идеи.* Она вспыхиваетъ пока въ отдѣльныхъ

эпизодахъ исторіи, во время вѣковой борьбы Англіи съ Франціею, въ образѣ Орлеанской дѣвы, отчасти въ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніею и т. д., но нигдѣ еще она не формулирована въ видѣ самостоятельнаго политическаго принципа. Она сливается пока то съ интересами возставшей буржуазіи, то съ династическими интересами королей, то съ религіозными движеніями и стремленіями. Гдѣ найдетъ она самостоятельную точку опоры? Какъ она будетъ формулирована? Какъ опредѣлится ея существо? Мишле, одинъ изъ величайшихъ историковъ Франціи, т.-е. страны, раньше другихъ развившей и укрѣпившей свое національное единство,—указываетъ на эпоху революціи, какъ на время, когда можно говорить о французской національности, въ точномъ смыслѣ этого слова.

„Идея французскаго отечества, говоритъ Мишле, темная въ XIII вѣкѣ и какъ бы затерянная въ католической всеобщности, растетъ выясняясь; она возсіяла во время войны съ англичанами, преобразилась въ Іоаннѣ д'Аркъ. Она затемняется снова въ религіозныхъ войнахъ XVI вѣка; мы видимъ католиковъ, протестантовъ, но есть ли уже *французы*?.. Да, туманъ разсѣивается, есть, будетъ единая Франція. Національность утверждается съ необыкновенною силою; нація не есть болѣе собраніе разныхъ существъ; она есть организованное существо, даже болѣе—нравственная личность".

Да! Народность есть нравственная личность. Но, подобно тому, какъ дѣйствительное бытіе всякой нравственной личности опредѣляется ея сознаніемъ,—cogito—ergo sum,—такъ и бытіе народностей начнется съ того момента, когда онѣ скажутъ свое cogito—ergo sum.

III.

Мы оставили народность въ періодѣ физическаго, такъ сказать, ея образованія. Она не выступала еще въ видѣ опредѣленнаго и *самостоятельнаго* принципа политической жизни народовъ. Напротивъ, она развивается подъ прикрытіемъ иныхъ принциповъ, далеко не тождественныхъ съ началомъ народности. Между всѣми этими принципами первое мѣсто занимаетъ начало *верховенства* и *независимости* государственной власти каждой страны. Изъ этого начала выводится право каждаго государства на самостоятельную жизнь. Нужно ли доказывать, что ни одно чужое правительство не имѣетъ права указывать отечественной власти, какіе законы она должна издавать для своихъ подданныхъ, какъ должны дѣйствовать ея административные органы, какія религіи должны быть терпимы на ея территоріи и т. д.; достаточно сослаться на право верховной власти и не столько на право, сколько на логическіе признаки, со-

держащіеся въ понятіи верховенства. Анализируя логически понятіе верховенства, я нахожу въ немъ признакъ независимости, ибо власть, зависимая отъ другихъ, логически не будетъ уже верховною.

Но достаточно ли этого логическаго и юридическаго понятія для утвержденія національнаго начала въ политикѣ? Тождественны ли эти два принципа, взятые сами по себѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть послужатъ несомнѣнные историческіе факты. Королевская власть, какъ ни различны были ея принципы отъ началъ феодальнаго порядка, сохранила, однако, на себѣ слѣды старыхъ вотчинныхъ началъ. Они видоизмѣнили формы своего проявленія, но ихъ дѣйствіе и результаты въ значительной мѣрѣ напоминали старый порядокъ.

Старое вотчинное начало, въ смыслѣ соединенія политическихъ правъ съ землевладѣніемъ, было вытѣснено успѣхами королевской власти, но затѣмъ оно преобразилось въ начало династическое, во имя котораго счастливая династія могла соединять подъ своимъ владычествомъ самыя разнородныя страны. Внѣшняя и внутренняя политика опредѣлялась не насущными и дѣйствительными потребностями данной народности, а выгодами и честолюбивыми намѣреніями тѣхъ или другихъ династій. Исторія Европы наполнена примѣрами борьбы династій за первенство. Припомните соперничество французскихъ королей съ испанскимъ, потомъ съ австрійскимъ домомъ. Это соперничество проникаетъ, можно сказать, всѣ факты новоевропейской исторіи. Понятно, какъ съ этой точки зрѣнія мало имѣли значенія народные интересы. Въ борьбѣ за преобладаніе династій карта Европы передѣлывалась и мѣнялась ежечасно, соединяя въ одно государство народы, не имѣющіе между собою ничего общаго.

Такимъ образомъ *завоевательное* начало также не утратило своего значенія въ новое время, съ тою разницею, что рѣчь шла не о завоеваніи одного *племени* другимъ, а о подчиненіи одного государства или его части другому. Затѣмъ не уничтожились также другіе, частно-гражданскіе способы пріобрѣтенія новыхъ территорій: купля-продажа, дача въ приданое и т. д. Стоитъ вспомнить, сколько одинъ австрійскій домъ „примыслилъ“ новыхъ земель посредствомъ счастливыхъ брачныхъ союзовъ. Наконецъ, не должно думать, чтобы и всѣ слѣды феодальнаго порядка были уничтожены успѣхами королевской власти. Королевская администрація очень ревниво охраняла свои политическія права, энергически конфисковала ихъ у вассаловъ, вытѣснила ихъ изъ области государственнаго управленія. Но затѣмъ она оставила имъ различныя общественныя преимущества, поскольку они не стѣсняли ея верховныхъ правъ. Феодализмъ, вымершій какъ политическое учрежденіе, сохранилъ свое значеніе, какъ явленіе *со-*

ціальное. Изъятіе отъ повинностей, преимущества по службѣ, значительная доля вотчинной юрисдикціи, масса повинностей и сборовъ, отбывавшихся низшими классами въ пользу высшихъ,—все это поддерживало старый сословный строй, разъединеніе между элементами одного и того же народа, стало быть, препятствовало внутреннему объединенію націй.

Таковы существенныя черты порядка вещей, непосредственно предшествовавшаго французской революціи. Теперь намъ предстоитъ оцѣнить значеніе этого важнаго событія въ его отношеніяхъ къ занимающему насъ вопросу.

Въ началѣ предыдущей главы намъ пришлось указать на характеръ ученій, опредѣлившихъ, такъ сказать, теорію революціи, давшихъ ей нравственное знамя. По общему своему направленію ученія эти не могли возбудить національнаго вопроса и вовсе не имѣли этого въ виду. Существенная цѣль, поставленная себѣ революціею—эманципація человѣческой личности отъ стѣснительныхъ учрежденій стараго порядка и притомъ на основаніяхъ, равныхъ для всѣхъ членовъ общества. Свобода и равенство—таковы два ея лозунга, къ которымъ впослѣдствіи прибавился третій—братство. Но идея свободы утверждалась на понятіи прирожденныхъ и неотчужденныхъ правъ человѣка вообще, взятаго внѣ условій пространства и времени. Понятіе прирожденныхъ правъ одинаково для всѣхъ людей — отсюда требованіе равенства. Такимъ образомъ, революціонная теорія явилась, такъ сказать, вселенскою проповѣдью человѣческихъ правъ. Декларація 1789 года провозгласила эти права въ видѣ всемірной истины. Она объявила, что цѣль *всякаго* политическаго общества — сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Обращаясь къ человѣку вообще, революціонная теорія менѣе всего могла имѣть въ виду человѣка историческаго, т.-е. принадлежащаго къ опредѣленной націи, со всѣми ея естественными и историческими особенностями. Ко всему прошедшему вожаки революціи не могли относиться иначе, какъ отрицательно. Въ прошломъ они видѣли только забвеніе и поруганіе тѣхъ естественныхъ правъ, во имя которыхъ они начали борьбу.

Могла ли подобная теорія вызвать къ жизни начало народности, основанное именно на сознаніи *особенностей* разныхъ націй? Но историческія судьбы народовъ и практическія послѣдствія извѣстныхъ началъ не зависятъ отъ намѣреній лицъ, ихъ провозгласившихъ. Историческое движеніе имѣетъ свои законы, и практическое приложеніе извѣстныхъ началъ часто приводитъ къ неожиданнымъ результатамъ.

Философское движеніе XVIII столѣтія и затѣмъ французская ре-

волюція имѣли несомнѣнное вліяніе па пробужденіе національной идеи уже по одному тому, что они довершили процессъ разложенія средневѣкового порядка. Во-первыхъ, такъ называемая просвѣтительная литература XVIII вѣка поколебала и даже подорвала множество понятій, уцѣлѣвшихъ отъ среднихъ вѣковъ. Гуманныя идеи, распространенныя французскою, главнымъ образомъ, литературою во всѣхъ частяхъ западной Европы, произвели могущественную реакцію противъ завоевательнаго начала. Послѣ многихъ столѣтій безконечныхъ войнъ, рождается и устанавливается на раціональныхъ основаніяхъ вопросъ о законности *завоевательныхъ* стремленій въ какой бы то ни было формѣ. Затропуть подобный вопросъ значило затропуть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о самостоятельности искусственной системы европейскихъ государствъ, основанной именно на этомъ началѣ. Затѣмъ реакція противъ религіозной нетерпимости, противъ суровыхъ формъ уголовнаго судопроизводства, противъ привилегій нѣкоторыхъ классовъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ на остальныхъ, пробужденіе въ обществѣ юридическаго сознанія, — все это вмѣстѣ взятое, конечно, возвысило значеніе личности, побудило ее искать лучшихъ формъ жизни и вызвало критическое отношеніе къ искусственнымъ перегородкамъ, раздѣлявшимъ каждую націю на замкнутыя сословія. Весь средневѣковый порядокъ теоретически былъ осужденъ навсегда. Онъ вымиралъ постепенно, терялъ подъ собою почву и какъ бы ждалъ рѣшительнаго удара, чтобы отойти въ вѣчность. Одряхлѣвшая французская монархія, омертвѣвшая германская имперія, Италія съ ея странными „потентатами“, съ гнетущимъ вліяніемъ римской куріи и иноземныхъ династій — все это находилось въ ожиданіи катастрофы.

Начало французской революціи породило множество надеждъ, часто преувеличенныхъ. Ожидали, что вожаки революціи произнесутъ то *практическое* слово, котораго всѣ жаждали послѣ столѣтія теоретической подготовки. Здѣсь не мѣсто разсматривать всѣ дѣйствія революціи и оцѣнивать ихъ съ нравственной, политической и другихъ точекъ зрѣнія. Наша задача гораздо у́же. Мы должны разсмотрѣть результаты революціи относительно занимающаго насъ вопроса.

Революція представляетъ два періода. Первый изъ нихъ посвященъ провозглашенію и упроченію новаго порядка внутри страны и защитѣ его противъ европейской коалиціи. Второй можно назвать завоевательнымъ, когда торжествующая Франція выбросила въ Европу батальоны Наполеона I. И тотъ и другой періодъ имѣли большое вліяніе на пробужденіе національнаго чувства, хотя въ совершенно различныхъ отношеніяхъ.

Въ первомъ періодѣ Франція представила континентальной Европѣ примѣръ страны, въ которой свободныя учрежденія сплотили народъ и правительство, въ которой старыя провинціальныя особенности уступили мѣсто однообразному департаментскому устройству, дѣленіе на сословія пало предъ началомъ гражданской равноправности, религіозная свобода уничтожила различіе между французомъ-католикомъ и французомъ-протестантомъ, общая опасность отъ коалиціи вызвала къ дѣлу могущественныя національныя силы, въ количествѣ 1.200.000 человѣкъ. Другими словами, Франція явила примѣръ страны, говорившей, чувствовавшей и дѣйствовавшей какъ *нація*, и какъ нація крѣпко сплоченная и организованная. Такой примѣръ не могъ пройти безслѣдно, особенно если принять въ разсчетъ самую обстановку революціи, въ которой не было ничего обыденнаго. Акты высокаго патріотизма и героизма, перемѣшанные съ примѣрами чудовищныхъ звѣрствъ и возмутительнаго насилія; скромный и возвышенный патріотизмъ Гоша и бѣшеная ярость Карье или Марата; мужественная защита границъ полуодѣтыми и голодными „патріотами“ и сентябрьскія убійства; философскій полетъ Кондорсе и гильотина; возвышенное краснорѣчіе Верньо и бѣшеная декламація Баррера—все это представляло такую драму, отъ которой способно было перевернуться все европейское общество.

Но пока Европа оставалась зрительницею вольною или невольною. Изъ Франціи долетали до нея отрывочные слухи то о пышныхъ принципахъ, то о безчеловѣчныхъ декретахъ комитета спасенія, то о великихъ подвигахъ, то о звѣрскихъ убійствахъ. Коалиціи должны были уступать предъ натискомъ французскихъ батальоновъ. Наконецъ, Франція совсѣмъ выступила изъ береговъ. На первый разъ она выступила и поступила „по декларацін правъ“. Но потомъ война выродилась въ *завоеваніе*, со всѣми его аттрибутами.

Знаменитая италіанская кампанія Наполеона Бонапарта опредѣлила окончательно характеръ этихъ войнъ, предпринятыхъ яко-бы ради освобожденія народовъ. Италія первая испытала на себѣ силу этихъ освободительныхъ стремленій. Освобожденные народы должны были поплатиться громадными контрибуціями, расхищеніемъ музеевъ, картинныхъ галлерей, тяжкими повинностями на военныя нужды. Этого мало. Миръ, заключенный въ Кампо-Форміо, доказалъ, что завоевательное начало всегда остается вѣрнымъ себѣ, что завоеватель смотритъ на территорію и народы какъ на безгласную добычу, которою можно располагать по своему усмотрѣнію. Наполеонъ не задумался отдать Австріи область Венеціанской республики, которую онъ захватилъ, поправъ всѣ права нейтралитета. Съ этого времени Европа могла уже знать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и продолженіе было

достойно начала. Воля французскаго завоевателя передѣлывала карту Европы, создавала эфемерныя республики, потомъ столь же эфемерныя королевства. Италія, Бельгія и Нидерланды, значительная часть Германіи подпали посредственному и непосредственному его владычеству. Пруссія была уменьшена на половину и поставлена подъ контроль французскаго правительства. Австрійскій дворъ сохранилъ номинальную независимость. Но вездѣ, во всѣхъ углахъ континента западной Европы чувствовалась всесильная рука французскаго императора. Даже въ Италіи былъ поставленъ престолъ для его брата.

Только на двухъ противоположныхъ концахъ Европы, въ Англіи и Россіи, сохранялись пока независимыя державы, о которыя сломилось могущество Наполеона. Въ Англіи проснулся старый духъ соперничества съ Франціею, старая вражда, двигавшая нѣкогда войско Эдуарда III и Генриха V, руководившая политикою Вильгельма Оранскаго; проснулось желаніе отместки за участіе Франціи въ войнѣ за независимость Сѣверной Америки; пробудились аристократическіе инстинкты, смущенные французскою демократіею; заговорили коммерческіе интересы, задѣтые континентальною системою. Англія издавна начала свою борьбу съ республикой и вела ее настойчиво, безъ устали, подбирая сухопутныхъ союзниковъ, сыпала деньги, не брезгала даже поддѣлкою французскихъ ассигнацій.

Безъ всякаго патріотическаго увлеченія мы можемъ сказать, что цѣли Россіи были шире и человѣчнѣе. Борьба, начатая Александромъ I въ 1812 году, была истинною войною за независимость отечества и развилась въ борьбу за независимость Европы. Еще раньше Испанія подала примѣръ мужественнаго сопротивленія иноземному насилію. Но столкновеніе Наполеона съ Россіею имѣло обще-европейскія послѣдствія. Въ 1812 году цѣлость и независимость Россіи были спасены. Съ 1813 года отечество наше становится во главѣ европейской войны за независимость. Народы, дремавшіе подъ гегемоніею Наполеона, какъ прежде они дремали подъ отжившими учрежденіями германской имперіи, проснулись. Война за освобожденіе долго еще останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній германскаго народа, несмотря на всѣ новѣйшіе его успѣхи. Союзники достигли своей цѣли. Владычество завоевателя было свергнуто. Франція введена въ прежнія свои границы. Народы освобождены. Но какая судьба ожидаетъ ихъ? При опредѣленіи этой судьбы обнаружилось роковое раздвоеніе между элементами, одинаково принимавшими участіе въ борьбѣ противъ Наполеона. Остановимся нѣсколько на существѣ этихъ элементовъ, такъ какъ они уяснятъ намъ дальнѣйшее развитіе національнаго вопроса.

Часть европейскихъ обществъ, горячо привѣтствовавшихъ паденіе

Наполеона, выступила противъ него вовсе не какъ представителя идей 1789 года. Напротивъ, она была воспитана на литературѣ XVIII вѣка; она съ надеждою смотрѣла на первые дни революціи; она относилась къ старому порядку съ такими же чувствами, какъ Лафайетъ или Мирабо. Широкое развитіе и обезпеченіе человѣческой личности чрезъ воспитаніе и хорошія политическія учрежденія составляли главную цѣль ихъ стремленій. Въ освобожденіи и организаціи національностей они видѣли залогъ лучшаго политическаго и общественнаго развитія Европы. Таковы были чувства и идеи, органомъ которыхъ въ Германіи явились Фихте, Арндтъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Штейнъ, Гарденбергъ и другіе. Прибавимъ къ этому, что великое національное движеніе 1813—1814 годовъ породило множество свѣтлыхъ надеждъ; участіе въ великой борьбѣ возбудило въ европейскомъ обществѣ чувство *самоуваженія*, съ которымъ совершенно не ладили учрежденія стараго порядка.

Другая часть общества и, въ данную минуту, самая вліятельная, полагала, что вся суть борьбы съ Наполеономъ состоитъ въ реакціи противъ идей 1789 года, что цѣль ея есть возвращеніе къ старому порядку. Но возвратиться къ старому порядку значило утвердить политическую систему европейскихъ государствъ на томъ началѣ, которое лежало въ основѣ прежней системы. Начало это, какъ мы видѣли, династическое, понимаемое въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, или начало легитимитета, какъ наименовалъ его Талейранъ, превратившійся изъ якобинца въ союзника реакціи. Съ этой точки зрѣнія, система государствъ могла быть скомбинирована по соображеніямъ чисто внѣшняго удобства, хотя бы по соображеніямъ пресловутаго „политическаго равновѣсія", о которомъ такъ хлопотала и хлопочетъ Англія — конечно, не для другихъ. Но соображенія національныхъ различій, симпатій и антипатій остаются въ сторонѣ. Мало того: національныя стремленія представляются неблагонадежными съ полицейской точки зрѣнія. Стоитъ вспомнить, какъ неблагопріятно было въ началѣ встрѣчено возстаніе Греціи противъ турецкаго владычества, какъ преобразователь Пруссіи—Штейнъ, кончилъ свою жизнь въ числѣ „подозрительныхъ", какъ патріотъ Арндтъ былъ смѣщенъ съ каѳедры исторіи по неблагонадежности и т. д. Австрійскій императоръ Францъ выдалъ свой секретъ одному французскому дипломату. „Мои народы, сказалъ онъ, чужды другъ другу и тѣмъ лучше. Они не заболѣваютъ одновременно тою же болѣзнью. Когда лихорадка начинается во Франціи, она охватываетъ всѣхъ васъ. Я же ввожу венгровъ въ Италію, италіанцевъ въ Венгрію. Каждый стережетъ своего сосѣда; всѣ не понимаютъ и ненавидятъ

другъ друга. Изъ ихъ антипатій рождается порядокъ, изъ ихъ ненависти—всеобщій миръ".

Жаль, что французскій дипломатъ не предсказалъ Францу I, что настанетъ время, когда italіанцы не будутъ сторожить венгровъ, когда Австрія развалится на двѣ половины,—Австрію и Венгрію,— когда взаимная вражда не будетъ уже рождать порядка, — когда венгерское юношество, въ припадкѣ бѣлой горячки, будетъ пѣть диѳирамбы звѣрствамъ турокъ въ Болгаріи...

Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, эти идеи, нашедшія себѣ могущественнаго истолкователя и исполнителя въ лицѣ австрійскаго министра Меттерниха, восторжествовали. Европа была раздѣлена, размежевана, уравновѣшена и укрѣплена нотаріальнымъ порядкомъ дипломатами вѣнскаго конгресса. Правда, „вводъ во владѣніе" не вездѣ обошелся благополучно. Но эти отдѣльныя вспышки не нарушали общаго порядка. Около сорока лѣтъ наружное спокойствіе Европы сохранялось. Германія была заключена въ узкія формы страннаго союзнаго устройства. Италія—отдана на жертву иноземному преобладанію, раздробленію и клерикальному владычеству. Мало того. Идеѣ народности, возвѣщенной такими людьми, какъ Фихте, Штейнъ и другіе, была противопоставлена другая теорія, теорія такъ-сказать *оффиціальной* народности. Эта теорія относится къ первой, какъ лицемѣріе къ истинному благочестію.

Но глухая работа незримо и постоянно подкапывала основаніе этого прочнаго, повидимому, зданія. Сильныя вспышки то здѣсь, то тамъ доказывали, что наружное спокойствіе не свидѣтельствуетъ еще о внутренней прочности системы. 1848 годъ разомъ потрясъ ее во всѣхъ основаніяхъ. На первый разъ движеніе было задержано. Но съ 1859 года оно дѣлаетъ быстрые и неудержимые успѣхи. Въ какія-нибудь двадцать лѣтъ Италія достигаетъ того, о чемъ не смѣли мечтать старые карбонаріи—полнаго единства и Рима, въ которомъ вѣковѣчный его владѣлецъ папа явится почетнымъ гостемъ. Нужно ли говорить, чего въ то же время достигла Германія? Нужно ли изслѣдовать, что̀ осталось отъ трактатовъ вѣнскаго конгресса?

Остановимся на этомъ моментѣ; дальнѣйшее обозрѣніе фактовъ будетъ уже безполезно, ибо они относятся къ современной исторіи, достаточно извѣстной всякому. Но теперь мы можемъ позволить себѣ сдѣлать нѣкоторые выводы и общія замѣчанія относительно развитія и значенія идеи народности. Этимъ выводамъ и замѣчаніямъ необходимо, однако, предпослать небольшое объясненіе.

Почему мы остановились на развитіи національной идеи на западѣ Европы? Почему мы не обратились къ исторіи народовъ славянскихъ? Причинъ на это много и очень уважительныхъ. Назовемъ

нѣкоторыя изъ нихъ. Во-первыхъ, для значительнаго большинства нашего общества съ именемъ западной Европы соединяется—и совершенно правильно – представленіе о культурѣ и притомъ культурѣ общечеловѣческой. Слѣдовательно, показать, какъ идея народности выросла и укрѣпилась на почвѣ западной культуры, какъ она росла и укрѣплялась по мѣрѣ развитія этой культуры, показать это значитъ выполнить добрую долю задачи моихъ чтеній — доказать, что идея народности есть идея культурная и общечеловѣческая. Во-вторыхъ, если мы получимъ твердое убѣжденіе, что національная идея присуща европейской культурѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы найдемъ добрую точку опоры для критическаго сужденія о тѣхъ „культурныхъ" народахъ, которые отказываютъ славянскимъ племенамъ въ томъ, за что̀ они сами пролили много крови, что̀ они сами считаютъ своимъ существеннымъ благомъ. Въ-третьихъ, наконецъ, намъ, строго говоря, нечего доказывать себѣ, т.-е России и славянскому міру, все значеніе національной идеи. Вся вѣковая исторія наша есть не что иное, какъ упорная борьба за цѣлость нашей народности. Въ то время, какъ западная Европа уже могла отдаться задачамъ внутренней культуры, мы должны были выдерживать натискъ монгольскихъ ордъ, смотрѣть во всѣ стороны, жить на военномъ положеніи, шагъ за шагомъ открывать себѣ доступъ къ морю, пробиваться къ Европѣ, по клочкамъ собирать землю, переживать и крѣпостное право, и крутую администрацію Москвы и еще болѣе крутую реформу Петра Великаго. Кто изъ насъ не пожелаетъ, чтобы кончилась когда-нибудь эта страшная работа, чтобы намъ дано было больше времени для работы внутренней, для экономическаго обновленія нашего, для просвѣщенія массъ, въ которомъ мы нуждаемся не меньше, чѣмъ въ хлѣбѣ насущномъ, для разрѣшенія многихъ задачъ, еще ожидающихъ творческой руки преобразователя? Кто? Конечно, всѣ! Но это благодатное время настанетъ не прежде, чѣмъ когда мы разрѣшимъ вопросъ о положеніи славянскаго міра въ Европѣ, когда будетъ, наконецъ, признана и утверждена наша дѣйствительная равноправность съ прочими членами европейской семьи...

Что̀ же такое національная идея? Повидимому, отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣленно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія процесса образованія народностей. Внимательное изученіе этихъ событій показываетъ, что они совершались подъ вліяніемъ стремленій двоякаго рода: съ одной стороны, ими двигали стремленія, которыя чужды всякаго національнаго отпечатка, стремленія къ улучшенію формъ общественнаго и государственнаго быта; съ другой — люди двигались чувствомъ національной независимости, и это чувство было могущественною реакціею противъ искусственнаго созданія государствъ

или системы государствъ, какими являлись, напримѣръ, старый германскій союзъ или раздробленная Италія.

Политическій и общественный прогрессъ сочетался съ національнымъ движеніемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. И тамъ и здѣсь мы видимъ полное единство основанія. Основаніе это—постепенное развитіе и укрѣпленіе начала *личной свободы* и *независимости.* Чувство свободы—чувство цѣльное, недробимое и недѣлимое. Оно находитъ себѣ удовлетвореніе не въ какомъ-либо одномъ условіи, даже не въ одномъ разрядѣ условій, а въ цѣлой ихъ системѣ, обезпечивающей самобытное развитіе труда, мысли, вѣры, науки, искусствъ, области экономическихъ и нравственныхъ отношеній. Тѣ внѣшнія, формальныя условія свободнаго развитія личности, которыя могутъ быть названы общечеловѣческими, т.-е. могутъ и обыкновенно должны быть усвоены цѣлымъ кругомъ культурныхъ народовъ, — условія эти не могутъ дать человѣку *всей* свободы. Судебныя гарантіи, право передвиженія, религіозная терпимость, свобода печати—чрезвычайно важныя условія для личнаго и общественнаго развитія, но условія только внѣшнія, безсильныя дать человѣку самостоятельное *внутреннее* содержаніе.

Послѣдняя цѣль, послѣднее слово человѣческаго развитія—*творчество,* какъ самостоятельный актъ нашей нравственной личности, какъ высочайшее проявленіе нашего разума, нашего воображенія, религіознаго чувства и т. д. Эта великая цѣль не можетъ быть достигнута и обезпечена одними внѣшними условіями. Для того, чтобы человѣческое слово могло сдѣлать свое дѣло, мало дать человѣку возможность говорить и писать, — нужно еще, чтобы у него было *что̀* сказать; другими словами, чтобы у него было внутреннее содержаніе. Содержаніе это, въ свою очередь, должно быть самостоятельно, иначе вся духовная дѣятельность человѣка выродится въ *подражаніе,* въ пассивное усвоиваніе чужихъ мыслей, даже чужихъ чувствъ. Врядъ ли такой результатъ желателенъ. Человѣческая культура, какъ совокупность воспитательныхъ средствъ личности, не должна походить на іезуитскую коллегію, образовывавшую одинаково мыслящихъ, одинаково чувствующихъ и поступающихъ автоматовъ. Душа человѣческая, т.-е. ея нравственное содержаніе, ея идеалы, ея стремленія дороже цѣлаго міра, ибо что̀ же будетъ для насъ этотъ міръ послѣ нашей нравственной смерти? „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но погубитъ свою душу?“

Гдѣ же и при какихъ условіяхъ можетъ выработаться это самостоятельное содержаніе личности? Здѣсь проявляется великое значеніе народности. Народность даетъ человѣку все, что̀ можетъ сдѣ-

лать его самостоятельною нравственною личностью. Она даетъ ему языкъ, какъ форму для выраженія его мыслей. И не форму только. Языкъ въ такой степени связанъ съ мыслью, что люди думаютъ словами. А слово не есть достояніе того или другого лица, изобрѣтенное имъ для собственнаго употребленія. Слово есть выраженіе пережитаго представленія народа о предметахъ и отношеніяхъ видимаго и невидимаго міра. Въ языкѣ выражаются особенности народныхъ понятій, особенности, такъ сказать, порядка народнаго мышленія. Стòитъ вдуматься въ особенности языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, италіанскаго и другихъ, чтобы убѣдиться, что онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ особенностямъ нравовъ, характера, міросозерцанія и т. д. тѣхъ народовъ, которые на нихъ говорятъ. Вотъ почему вполнѣ самобытнымъ, творческимъ, можетъ быть только писатель, овладѣвшій въ совершенствѣ языкомъ своего народа, знающій всѣ его изгибы, тонкости, всѣ формы. Заставьте его писать на другомъ языкѣ, и вы получите декламатора, способнаго красиво говорить общія мѣста, но не способнаго выразить дѣйствительно оригинальную мысль со всѣми ея оттѣнками.

Пойдемъ дальше. Народность поддерживаетъ и развиваетъ самобытность личности особенностями своей культуры. Каждый человѣкъ, взятый самъ по себѣ, принадлежитъ къ опредѣленной породѣ, къ одной изъ тѣхъ породъ, на которыя распадается родъ человѣческій. Но въ отдѣльномъ человѣкѣ, не тронутомъ еще культурою, особенности его породы находятся въ зачаточномъ, зоологическомъ, такъ-сказать, состояніи. Только въ исторической жизни народа онѣ получаютъ опредѣленность и устойчивость, видимую форму въ учрежденіяхъ, нравахъ, литературѣ, вѣрованіяхъ. Онѣ дѣлаются устойчивѣе, потому что только въ исторической жизни дѣлается возможнымъ *постоянное* вліяніе тѣхъ географическихъ, климатическихъ и другихъ внѣшнихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ цѣлый народъ; потому, далѣе, что только въ исторической жизни обнаруживаетъ свою силу начало преемственности, наслѣдственности, устанавливается масса опредѣленныхъ *преданій*. Особенности эти дѣлаются опредѣленнѣе, потому что облекаются въ видимую и осязательную форму нравовъ и учрежденій, выражаются въ поэзіи, начиная съ народныхъ пѣсенъ и былинъ и кончая произведеніями литературы; онѣ облекаются въ плоть и кровь въ произведеніяхъ скульптуры и живописи. Отдѣльная личность охватывается этими воплощеніями всенародной мысли, нравственности, фантазіи. Она наталкивается на нихъ каждую минуту, на каждомъ шагу. Въ типѣ семейной жизни и формѣ собственности, характерѣ сельскаго хозяйства и общественнаго управленія, въ пѣснѣ рабочаго и романѣ изъ національной

жизни, складѣ церкви и характерѣ школьныхъ отношеній, вездѣ и во всемъ народность выдастъ ему свой типъ, свой нравственный и политическій складъ, воспитываетъ его въ извѣстномъ направленіи служитъ для него обильнымъ источникомъ вдохновенія и разочарованія, радости и горя, гордости и униженія. Каждый невольно сознаетъ, что только въ общеніи съ своимъ народомъ онъ есть нѣчто, т.-е. самобытное и творческое. Попробуйте оторвать человѣка отъ его народа, и вы увидите, какъ изсякнутъ самыя живыя силы, самое могущественное творчество!

Коротко говоря, народность дѣйствуетъ воспитательно на человѣческую личность потому, *что она сама есть собирательная и нравственная личность*. Подобно тому, какъ самобытное я каждой личности опредѣляется не тѣми свойствами и стремленіями, которыя общи ей со всѣми другими личностями, а именно ея *особенностями*, такъ и народная личность опредѣляется тѣми *особенными* условіями, которыя выражаются въ народномъ типѣ. Какъ образуется этотъ типъ? Подъ вліяніемъ какихъ условій образуется чувство и сознаніе народности? Это вопросъ крайне сложный и требующій соображеній болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, какія я могу здѣсь представить. Мы можемъ, однако, указать на нѣкоторыя общія черты этого процесса.

Прежде всего мы должны имѣть въ виду, что понятіе народности есть понятіе *культурное*, слѣдовательно, историческое. Простые физическіе, физіологическіе, такъ сказать, элементы не составляютъ народности. Не должно смѣшивать народность съ *племенемъ*. Народность можетъ составиться изъ многихъ ассимилированныхъ племенъ. Огромное большинство европейскихъ народностей въ источникѣ своемъ разноплеменны. Мы можемъ указать только въ каждомъ народномъ типѣ преобладающія черты того или другого племени. Языкъ въ большинствѣ случаевъ является главнѣйшимъ признакомъ народности; по крайней мѣрѣ это вѣрно относительно главнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ народностей Европы. Но языкъ становится такимъ признакомъ только послѣ долгой исторической работы, послѣ того, какъ среди первоначальнаго разнообразія діалектовъ является центральный, такъ-сказать, языкъ съ своею національною литературою. Затѣмъ примѣръ Швейцаріи показываетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ можетъ образоваться разноязычная народность. Религія можетъ сдѣлаться признакомъ той или другой націи въ виду историческаго ея положенія среди другихъ. Историческое значеніе Англіи, Пруссіи, Швеціи долго опредѣлялось тѣмъ, что онѣ государства *протестантскія*. Положеніе славянъ въ Турціи и нынѣшней ихъ борьбы главнымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что они націи

христіанскія, въ противоположность мусульманской Турціи. Затѣмъ, отвлекаясь даже отъ религіозной борьбы народовъ, явленія крайне прискорбнаго, нельзя не замѣтить, что оттѣнки тѣхъ или другихъ религій, складъ церковной жизни той или другой страны отражаются на политическомъ и общественномъ складѣ народовъ. Вліяніе католицизма на Францію, протестантизма на Англію и С. Америку не подлежитъ сомнѣнію. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нація не должна была терпѣть въ своихъ предѣлахъ разныхъ религій, чтобы она отвергала „невѣрныхъ" своихъ соотечественниковъ. Напротивъ, мы указали выше, что образованіе національностей совпадаетъ именно съ разрушеніемъ искусственнаго католическаго единства, съ устраненіемъ религіозной нетерпимости. Здѣсь рѣчь идетъ объ *естественномъ* вліяніи религіи, исповѣдуемой *большинствомъ* народонаселенія, на его историческія судьбы.

Но мы должны бы представить еще длинный списокъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагаются народности. Если въ высшей степени трудно перечислить обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка, если мы должны будемъ воспроизвести въ своемъ умѣ всѣ біографическія его подробности, всю физическую его обстановку со дня рожденія и по данный моментъ, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это по отношенію къ цѣлому народу, исторія котораго длиннѣе біографіи отдѣльнаго лица, жизненная обстановка котораго сложнѣе условій отдѣльнаго человѣка.

„Національность, говоритъ извѣстный французскій мыслитель Бюше, есть *результатъ* общности вѣрованій, преданій, надеждъ, обязанностей, интересовъ, предразсудковъ, страстей, языка, и наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ, даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою отправленія общую цѣль, а центромъ опредѣленную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній". „Самая могущественная причина образованія національностей, говоритъ Милль, — тождество политическаго прошлаго, обладаніе національною исторіею, слѣдовательно, общность воспоминаній, гордости и униженія, радостей и сожалѣній, соединенныхъ съ одинаковыми событіями въ прошломъ".

Слѣдовательно, національность не есть какое-нибудь отвлеченное начало, сразу раздѣлившее человѣческій родъ на части. Народъ зарабатываетъ, завоевываетъ ее, какъ отдѣльный человѣкъ, борьбою и трудомъ достигаетъ самостоятельности и оригинальности. „Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой". Такъ, подъ вліяніемъ долгихъ историческихъ испытаній образуется національный типъ, и въ этомъ типѣ воплощается одна какая-либо сторона общечеловѣческихъ стремленій, свойствъ ума или фантазіи. Для сохраненія этой самобытности, этого

нравственнаго *я* народъ способенъ на всѣ жертвы, лишенія, отчаянную борьбу. Съ этой точки зрѣнія, государство является средствомъ охраненія и укрѣпленія народности. Добиваясь *своего* государства, каждая нація въ сущности ищетъ средствъ обезпеченія своей самобытности; она понимаетъ, что безъ самостоятельности политической, она утратитъ возможность самостоятельной культуры, что она сдѣлается простымъ служебнымъ матеріаломъ для другой народности, что она должна будетъ или усвоить *чужую* культуру, т.-е. утратить свою личность или застыть въ старыхъ своихъ формахъ, т.-е. отказаться отъ всякаго историческаго развитія.

Провозглашеніе національнаго принципа есть дѣло вѣковой культуры, общей работы всѣхъ народовъ Европы. Онъ провозглашенъ во имя цивилизаціи и для цивилизаціи. Провозгласить національный принципъ не значитъ сказать народамъ: „успокойтесь, засните въ своемъ самодовольствѣ, вамъ нечего заимствовать у другихъ, нечему учиться; оставайтесь такими, какими засталъ васъ первый день творенія!“

Напротивъ, провозглашеніе національнаго принципа налагаетъ на народъ новыя и серьезныя обязанности. Всѣ существенные результаты, добытые цивилизаціею другихъ народовъ, должны быть восприняты каждымъ культурнымъ народомъ. Но такое воспріятіе не можетъ состоять въ пассивномъ заимствованіи внѣшнихъ формъ чужой жизни. Воспріятіе общихъ результатовъ цивилизаціи имѣетъ цѣлью обогатить данный національный культурный типъ. Просвѣщеніе (понимая подъ этимъ словомъ улучшеніе экономическихъ, умственныхъ и общественныхъ условій) должно вызвать въ народѣ его *творческія* силы, побудить его къ самостоятельной работѣ,— работѣ надъ самимъ собой. Тотъ, кто призываетъ народъ къ такой работѣ, не станетъ льстить народнымъ инстинктамъ, подхваливать народное самодовольство, убѣждать его, что все свое хорошо, потому что оно свое. Напротивъ, его уму постоянно будетъ представляться разница между тѣмъ, что̀ народъ *есть* въ данную минуту, и тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы быть по своимъ условіямъ и свойствамъ. Слово *обличенія* въ его устахъ будетъ могущественнымъ средствомъ народнаго пробужденія. Самая сатира сдѣлается возвышеннѣе и плодотворнѣе. Все будетъ направлено къ тому, чтобы поддержать въ народѣ живыя начала самодѣятельности и самосознанія.

Самосознаніе! Вотъ великое слово, въ которомъ нуждается нашъ славянскій міръ, разсѣянный и разсыпанный подобно песку морскому! Когда, наконецъ, проснется и зашевелится это великое тѣло, въ полномъ сознаніи своей солидарности?

СТАРОЕ И НОВОЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО.

Въ послѣднее время „миролюбивая и культурная“ партія обрушилась на все, что̀, по ея мнѣнію, питало воинственные замыслы Россіи и отвлекало ее отъ внутреннихъ вопросовъ. Въ числѣ этихъ вредныхъ элементовъ названы были представители стараго славянофильства въ Москвѣ и неославянофилы, народившіеся въ Петербургѣ. Безпристрастный публицистъ обязанъ раскрывать пустоту этихъ пустыхъ словъ и суемудріе сомнительныхъ мудрецовъ.

Строго говоря, всѣ обвиненія „славянофильства“ въ томъ, что оно толкнуло Россію въ войну и отвлекло насъ отъ „внутреннихъ вопросовъ“, устранятся очень легко, если мы предложимъ прокурорамъ отъ „культуры“ вопросъ: какимъ внутреннимъ задачамъ помѣшала наступившая война? какіе внутренніе вопросы были поставлены на очередь?

Шла ли рѣчь о преобразованіи финансовой системы, готовились ли какія-нибудь другія государственныя реформы? Повѣдайте объ этомъ, и тогда, можетъ быть, славянофилы и неославянофилы посыплютъ пепломъ главу и скажутъ: mea culpa! Насколько мы помнимъ, въ послѣдніе годы мы присутствовали при преніяхъ о возстановленіи вотчинной власти подъ эгидою всесословной волости, да наслаждались оргіей, устроенной *Московскими Вѣдомостями* и *Русскимъ Вѣстникомъ* по поводу пересмотра университетскаго устава. Если война отвлекла отъ такихъ именно вопросовъ, то объ этомъ едва ли слѣдуетъ скорбѣть. Впрочемъ, любители „культуры“ могутъ и утѣшиться: не успѣли прочно установиться слухи о мирѣ, какъ *Санктпетербургскія Вѣдомости* завели уже безконечную пѣсню о „богатыхъ и бѣдныхъ“ студентахъ и объ устраненіи бѣдныхъ при помощи государственныхъ экзаменовъ.

Но не будемъ злоупотреблять такими аргументами. Между „культурниками“ есть люди серьезные, почтенные. Пусть они не забываютъ, впрочемъ, что и люди, имъ совершенно нелюбезные, оправдываютъ свои стремленія примѣромъ той же Европы и ея вѣковой культуры: статьи г. Любимова объ университетскомъ уставѣ всѣ спечены на Велькерахъ, Дюбуа Реймонахъ, на примѣрѣ Берлина, Гейдельберга и Лейпцига; рѣчи защитниковъ вотчинной опеки держались на Токвилляхъ, Гнейстахъ и другихъ свѣтилахъ западной науки; покойная *Вѣсть* гремѣла во имя Европы, проповѣдуя обеземеленіе низшихъ классовъ; Шедо-Ферроти былъ завзятый европеецъ.

Кажется, этихъ примѣровъ довольно, чтобъ отдѣлить тѣхъ „европейцевъ“, съ которыми мы не хотимъ говорить, и тѣхъ, чье мнѣніе намъ желательно обсудить въ интересахъ истины.

Мы обращаемся къ людямъ серьёзнымъ и честнымъ и будемъ имѣть въ виду ихъ серьёзные аргументы и принципы. Главное обвиненіе, выставленное ими противъ защитниковъ національнаго принципа, состоитъ въ томъ, что „націоналы“ отрицаютъ общечеловѣческую культуру, что, поэтому, они потакаютъ народному самомнѣнію и проповѣдуютъ китайскую замкнутость.

Обвиненіе тяжелое, еслибъ только оно было справедливо. Къ сожалѣнію или къ счастью, всѣ обвиненія подобнаго рода составляются путемъ своевольнаго извлеченія крайнихъ выводовъ изъ посылокъ противной партіи. Это похоже на то, какъ еслибъ „націоналы“ вздумали обвинять западниковъ въ томъ, что они желаютъ обратить православную Русь въ протестантизмъ.

Да не подумаютъ, впрочемъ, что мы желаемъ защищать одно ученіе противъ другого, выступать съ апологіей славянофильства или неославянофильства. Настоящее время не создано для партій и тѣмъ болѣе для сектъ. Конечно, любой трактатъ о политикѣ и всякій учебникъ государственнаго права твердятъ, что партіи суть продуктъ и признакъ нормальной политической жизни. Но едва ли можно твердить о продуктѣ и признакѣ вещи несуществующей; едва ли возможно именовать „партіями“ нѣсколько чисто теоретическихъ направленій, нѣсколькихъ „генераловъ безъ солдатъ“.

Если въ Россіи и можно говорить о партіяхъ, то совершенно въ иномъ смыслѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что, вмѣсто всѣхъ наименованій западниковъ и славянофиловъ, консерваторовъ и либераловъ, нигилистовъ и церковниковъ, соціалистовъ и экономистовъ, мы можемъ поставить два названія — людей честныхъ и плутовъ, при чемъ въ обѣ эти категоріи войдутъ одинаково люди всѣхъ теоретическихъ оттѣнковъ, и категорія плутовъ будетъ гораздо много-

численнѣе партіи честныхъ людей, и каждая изъ нихъ сойдется на общемъ дѣлѣ.

Припомнимъ, какъ славянофилы и западники, въ лицѣ лучшихъ представителей, сошлись во время освобожденія крестьянъ, и какъ всѣ они одинаково взглянули на вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею, хотя идея „крестьянскаго надѣла“ нисколько не вытекала изъ историческаго опыта западной Европы. Припомнимъ, что „принципы“ крѣпостниковъ возвѣщались какъ людьми, опиравшимися на преданія своихъ отцовъ, такъ и лицами, бравшими въ примѣръ западную Европу. Кто изъ нихъ былъ противнѣе—рѣшить не беремся. Думаемъ только, что какой-нибудь степной помѣщикъ, защищавшій крѣпостное право во имя того, что и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ его владѣли Ѳедьками и Тишками, былъ менѣе плутъ, чѣмъ „цивилизованный“ крѣпостникъ, декламировавшій о джентри въ Англіи и вотчинной полиціи въ Пруссіи.

Возьмемъ примѣръ болѣе близкій къ нашему времени. Въ 1871 году, земскія собранія были спрошены по вопросу о преобразованіи податей. То же зрѣлище; лучшіе изъ западниковъ и лучшіе изъ славянофиловъ сошлись въ желаніяхъ и планахъ и одинаково боролись противъ своекорыстныхъ противниковъ, во имя чего ни ратовали бы они—во имя ли преданій національной исторіи или во имя западной „культуры“, истолкованной на свой ладъ. Славянофилъ Самаринъ послѣдніе дни своей жизни посвятилъ вопросу о податной реформѣ, въ которой онъ видѣлъ необходимое дополненіе къ „Положенію о крестьянахъ“.

Итакъ, въ трудныя и важныя минуты нашей внутренней жизни немногіе лучшіе люди, безъ различія партій, сходились для общаго дѣла. Такова была ихъ роль, такова она есть въ настоящее время, такою она останется и для ближайшаго будущаго: служить безкорыстно своей родинѣ, представлять изъ себя оплотъ противъ нечистыхъ происковъ, дѣлать бреши въ стѣнѣ плутовъ.

Какъ велика, какъ плодотворна эта роль особенно въ наше время, время эпидемическаго хищничества, дутыхъ предпріятій, растратъ, банковыхъ операцій надъ карманами вкладчиковъ и пайщиковъ, воровства грубаго, воровства тонкаго, воровства поголовнаго, такого, что честный человѣкъ начинаетъ сомнѣваться даже въ своей честности! Бросимъ теоретическіе споры, вопросы о единствѣ и множественности культуры, о происхожденіи видовъ и рефлексовъ головного мозга, о связи органическаго міра съ неорганическимъ, о православіи и нигилизмѣ, о разрушительныхъ и охранительныхъ началахъ, о крупной и мелкой собственности, о значеніи неправильныхъ глаголовъ для умственнаго развитія и герундива для нрав-

ственнаго совершенства—оставимъ все это и сплотимся противъ воровъ! Неужели же не хватитъ въ нашемъ обществѣ достаточной нравственной силы хотя бы для такого нехитраго дѣла?

Когда Лотъ просилъ Господа пощадить Содомъ, Господь обѣщалъ исполнить его просьбу, если въ городѣ найдется хотя десять *праведниковъ*. Онъ не сказалъ десять консерваторовъ, или охранителей, или благонамѣренныхъ, или благорожденныхъ. Нѣтъ, онъ сказалъ именно десять *праведниковъ*, людей чистыхъ, непотонувшихъ въ массѣ мошенничествъ и воровства. Ихъ не нашлось въ Содомѣ. Неужели не найдется ихъ и въ Россіи?

О, здѣсь ихъ множество! И эти безстрастные солдаты, безропотно совершающіе величайшіе подвиги, несмотря на гнилые сухари, и эти офицеры, „горѣвшіе какъ свѣча“ предъ своими батальонами и умиравшіе какъ мученики, и эти сестры милосердія и врачи—золотыя сердца, это ли не праведники?

Но, вѣдь, роль „праведниковъ“ состоитъ не только въ томъ, чтобъ не красть самимъ и благодарить за это Бога, подобно горделивому фарисею. Фарисейская добродѣтель противна Богу и людямъ. Небольшую пользу принесетъ человѣкъ, „не слышай и не имый въ устахъ своихъ обличенія“.

Въ разныхъ странахъ свѣта составлялись общества трезвости; не составить ли въ Россіи „общество безкорыстія“, хотя бы ради оригинальности? Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что лучшіе представители какъ „западничества“, такъ и „славянофильства“ имѣютъ право считаться естественными учредителями такого общества. Поэтому они могутъ и должны относиться другъ къ другу съ уваженіемъ и обсуждать свои разногласія спокойно. Представимъ здѣсь попытку такого спокойнаго обсужденія дѣла.

Исходная точка русскихъ европейцевъ содержится въ аксіомѣ, что каждый народъ, желающій успѣховъ въ исторіи, обязанъ быть *цивилизованъ*. Подъ этою истиною подпишутся представители всѣхъ партій. Ни одинъ славянофилъ, ни старый, ни новый, никогда не проповѣдывалъ невѣжества, какъ цѣли или средства народнаго развитія. Но вотъ гдѣ начинается разногласіе.

Западники подъ именемъ цивилизаціи разумѣютъ *только* цивилизацію европейскую, потому что она, по ихъ мнѣнію, есть цивилизація общечеловѣческая и тотъ путь, по которому обязанъ идти всякій народъ, претендующій на названіе народа цивилизованнаго. Въ этомъ, опять-таки, есть большая доля истины, и славянофилы не отставали отъ своихъ противниковъ въ изученіи западной цивилизаціи. Никому изъ нихъ не приходило въ голову обратить Россію въ Китай или въ Коканъ. Они не отставали отъ своихъ противни-

ковъ и въ томъ, что подъ именемъ цивилизаціи они разумѣли нѣкоторый общечеловѣческій элементъ. Но они не считали и не считаютъ западноевропейскую культуру конечнымъ выраженіемъ всего общечеловѣческаго.

Въ этомъ отношеніи, исторія ихъ полемики раздѣляется на два періода, соотвѣтствующіе и двумъ эпохамъ въ міросозерцаніи ихъ противниковъ.

Въ сороковыхъ годахъ, философія исторіи была построена на гегелевой системѣ. Что̀ проповѣдывалъ Гегель—достаточно извѣстно. Признавая общечеловѣческій характеръ цивилизаціи, Гегель утверждалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ каждую эпоху исторіи человѣчества одинъ избранный народъ былъ выразителемъ культуры даннаго времени и, вслѣдствіе этого, становился во главѣ всего человѣчества. Человѣчество должно было слѣдовать за нимъ въ качествѣ послушнаго подражателя. Этого мало. Развивая свою теорію первенствующихъ народовъ, Гегель утверждалъ, что современная намъ культура есть *послѣднее* выраженіе человѣческаго духа, и что мѣсто первенствующаго народа въ этомъ послѣднемъ періодѣ исторіи принадлежитъ германскому племени.

Отсюда два вывода. Во-первыхъ, что человѣчество не изобрѣтетъ уже ничего новаго и что ему остается только тихонько доживать свой вѣкъ, усвоивая до тла культуру, принадлежащую цивилизованнымъ народамъ. Во-вторыхъ, что конечная цѣль развитія человѣчества состоитъ въ уподобленіи германскому племени.

Противъ этихъ двухъ выводовъ и протестовали *первые* славянофилы. Они приняли гегелеву теорію о единствѣ культуры и о первенствующемъ въ каждую эпоху народѣ. Но они отвергли его мысль, что человѣчество вступило въ послѣдній фазисъ своего развитія, и что германское племя сказало послѣднее слово цивилизаціи. Они отвергли эту мысль, потому что предъ ними раскинулось огромное племя, еще не игравшее первенствующей роли въ исторіи, но въ будущность котораго они вѣрили. На пророчество Гегеля они отвѣтили другимъ. Они сказали: „Нѣтъ, германское племя не сказало послѣдняго слова цивилизаціи; владычество его падетъ и будетъ отдано племени славянскому, въ качествахъ котораго таятся условія новаго роста *общечеловѣческой* цивилизаціи“. Отсюда ихъ теорія о „гніеніи Запада“ и будущемъ величіи славянства.

Эта теорія, равно какъ и теорія Гегеля, можетъ быть опровергнута простою алгебраическою формулою $a+b$ больше a. Никакой народъ не можетъ сдѣлаться представителемъ всего человѣчества. Какъ бы ни была высока его культура, она все-таки будетъ *частью* общечеловѣческой цивилизаціи. Германское племя никогда

не могло считаться главою человѣчества, равно какъ и славяне никогда не станутъ во главѣ его, въ качествѣ исключительныхъ носителей истины: $a+b+c+d+f$ больше a, каково бы ни было достоинство и красота этого a.

Теорія Гегеля пала; старое славянофильство видоизмѣнилось. Съ паденіемъ гегелевой теоріи видоизмѣнился и взглядъ на цивилизацію. „Теорія“ была проста: она предписывала всему человѣчеству коротать свой вѣкъ въ созерцаніи „абсолюта“, воплотившагося въ германскомъ племени. Теперь „кланяться“ было некому. Цивилизація, оставаясь общечеловѣческою, явилась, однако, продуктомъ цивилизаціи многихъ народовъ — французскаго, италіанскаго, нѣмецкаго, англійскаго и т. д. Стало быть, опредѣленнаго объекта для поклоненія уже не было. Кланяться приходилось или всѣмъ, или по выбору. Кто кланялся нѣмецкому идеализму, кто французской централизаціи, кто англійскому самоуправленію или американской свободѣ.

Цивилизація, прежде существо конкретное, потому что оно сидѣло въ Берлинѣ, въ аудиторіи Гегеля, вдругъ сдѣлалась существомъ собирательнымъ и отвлеченнымъ. Положеніе становилось затруднительнымъ. Предметы для поклоненія приходилось обозначать въ общихъ выраженіяхъ. Такими выраженіями явились: культура и Западъ. Но возраженіе было уже готово. Оно было подсказано политическимъ движеніемъ послѣдняго времени. Изъ полицейскаго однообразія, установленнаго вѣнскимъ конгрессомъ, вдругъ выдвинулись элементы разнообразія — народности. Италія стала опровергать теорію Гегеля на представителяхъ нѣмецкой культуры въ этой несчастной странѣ; сама Германія усомнилась въ томъ, что „абсолютъ“ уже сказалъ свое послѣднее слово, и попробовала сказать нѣсколько новыхъ словъ. На свѣтъ Божій народилось новое явленіе, и это явленіе сдѣлалось однимъ изъ элементовъ общечеловѣческаго движенія.

Теперь нѣтъ уже мѣста теоріи призванныхъ народностей; народности не хотятъ уже первенства и господства, а желаютъ чего-то лучшаго — свободы. Теперь никакая завоевательная война не будетъ признана инструментомъ цивилизаціи, какъ это было даже во время войнъ революціонной Франціи. Всякая война только тогда будетъ оправдана чувствомъ народовъ, когда она предпринята или для защиты своей народности, или для освобожденія другой. Съ каждымъ годомъ въ народахъ укрѣпляется сознаніе, что общечеловѣческая культура есть результатъ дѣйствія многихъ народовъ, обогащающихъ ее именно своимъ различіемъ, свободнымъ проявленіемъ своихъ духовныхъ силъ. Поэтому, порабощеніе одного

изъ народовъ есть преступленіе противъ человѣчества, потому что такое порабощеніе лишаетъ культуру одного изъ ея элементовъ.

Съ этой точки зрѣнія, и славянскій вопросъ получилъ новую постановку. Рѣчь шла уже не о томъ, чтобъ разрушить Европу панславизмомъ, а чтобъ дать славянству то, что получила уже вся Европа, въ чемъ она видитъ условіе своего прогресса—свободу народности.

Вотъ почва, на которой стоятъ „новые славянофилы", и съ этой почвы ихъ мудрено будетъ сбить. Но не всѣ возраженія идутъ съ этой стороны. Большинство ихъ отправляется отъ другихъ „точекъ".

„Новые славянофилы",—говорятъ намъ,—„требуя національной свободы для племенъ, имъ любезныхъ, отвергаютъ въ то же время значеніе культуры, выработанной народами западной Европы. Они безъ устали твердятъ о какомъ-то самостоятельномъ развитіи, свысока третируя величайшіе результаты западнаго просвѣщенія".

Одного, кажется, не отвергаютъ противники славянофиловъ— что они усердно желаютъ своему народу полнѣйшаго развитія. Въ этомъ отношеніи всѣ „партіи" согласны между собою. Но если это такъ, то позволительно спросить, какое иное можетъ быть развитіе, кромѣ развитія самостоятельнаго? Это безспорно и относительно отдѣльнаго человѣка, и относительно народовъ.

Когда ученикъ будетъ заниматься исключительно зубреніемъ учебниковъ въ гимназіи и записокъ въ университетѣ, изъ него не выйдетъ развитого человѣка, способнаго къ самостоятельному дѣйствію. Если народъ вызубритъ и переиметъ всю культуру другого народа, изъ него не выйдетъ творческой силы всемірной исторіи, а образуется автоматъ, орудіе для другихъ цѣлей. Вѣдь, это азбука! Удивительно только, что одни и тѣ же люди гремятъ противъ рутинной дрессировки въ школѣ и оправдываютъ такую дрессировку въ политикѣ.

Но дрессировочное направленіе имѣетъ и худшія стороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство „западниковъ" принадлежитъ къ такъ называемому либеральному лагерю. Они отъ души желаютъ всякихъ хорошихъ учрежденій своей родинѣ, и въ этомъ нельзя имъ не сочувствовать. Но они не предвидятъ очень простого вопроса изъ „охранительнаго" лагеря: „Во имя чего—могутъ имъ сказать— желаете вы всѣхъ этихъ вещей для народа, мало способнаго къ культурѣ и хорошаго только до тѣхъ поръ, пока его держатъ на возжахъ? Чего ради хотите вы благодѣтельствовать разныхъ Тишекъ, Прошекъ и Савосекъ, которыхъ ваши же литераторы представляютъ въ состояніи, близкомъ къ скотскому? Но отъ скотовъ развѣ можетъ произойти что̀-нибудь, кромѣ скотскаго? Положитесь же на интелли-

гентную власть и предоставьте ей осуществленіе культурной задачи".

Коротко, ясно и, что̀ самое главное, возразить нечего. Когда народъ представляется существомъ безъ всякой внутренней силы, безъ присущихъ ему способностей и особенностей, достойныхъ уваженія, въ видѣ нѣкоторой tabula rasa, пригодной только для начертанія общихъ формулъ цивилизаціи, тогда къ чему для него „самостоятельность"? Ведите его, куда угодно, дѣлайте изъ него, что̀ хотите— охранителя ли всеевропейскаго порядка или передовой отрядъ соціальной революціи, все равно!

Вотъ отчего „неославянофилы" такъ жмутся при видѣ безусловнаго поклоненія чужимъ образцамъ, въ которомъ они находятъ зародышъ всякихъ попытокъ вертѣть страною, какъ „податливымъ тальникомъ".

„Общечеловѣческая" культура есть, въ сущности, извѣстное число условій образованія, подлежащихъ чисто математическому измѣренію. Большое число школъ, большое количество желѣзныхъ дорогъ, шоссе, больницъ, благотворительныхъ заведеній и т. д. Но что̀ такое общечеловѣческая культура въ нравственномъ смыслѣ? Преобладаніе духовныхъ стремленій надъ животными, говоритъ профессоръ Блунчли. Совершенно справедливо. Но „духовныя" стремленія до крайности различны у разныхъ народовъ, и именно этимъ разнообразіемъ объясняется богатство содержанія человѣческой культуры; именно поэтому славянофилы желаютъ, чтобъ духовному элементу ихъ народности дано было развиться ко благу всего человѣчества.

Да что̀ же сдѣлали славяне, гдѣ ихъ права̀ на свободу, на сочувствіе „образованныхъ" людей?

Мм. гг.! Мы слышали уже подобное возраженіе въ эпоху освобожденія крестьянъ. Не говорили ли тогда, что крестьянъ нужно сначала „образовать", едва ли не провести чрезъ университетъ, а потомъ уже освободить? Тогда же основательно возражали, что „образованіе" недоступно рабамъ, и что къ образованію способенъ только свободный человѣкъ. Теперь повторяютъ то же по отношенію къ племенамъ славянскимъ. Пусть явится болгарскій Ньютонъ, или черногорскій Дарвинъ, или боснійскій Гейне, и тогда уже можно будетъ подумать о славянскихъ „братьяхъ". Логика рабовладѣльцевъ,перенесенная на международныя отношенія!

Давайте народу школы, пути сообщенія, больницы, кредитныя установленія; облегчайте ему возможность пріобрѣтенія земли, переселенія на лучшія земли, обезпечьте его личность отъ насилія; чѣмъ больше будетъ сдѣлано въ этомъ направленіи, тѣмъ лучше.

Но не посягайте на его нравственную личность. Не дѣлайте изъ него того, другого или третьяго. Пусть онъ *самъ* сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему угодно.

Когда европейски образованный инженеръ проводитъ желѣзную дорогу, не обсчитывая рабочихъ и не подготовляя тилигульскихъ катастрофъ, мы рукоплещемъ его дѣлу. Но когда „европейски образованные" гг. Чичеринъ и Герье доказываютъ „неославянофилу", князю Васильчикову, пользу отмѣны общиннаго землевладѣнія во имя „европейской науки", мы говоримъ имъ: дальше! Когда они, сверхъ того, доказываютъ свое превосходство тѣмъ, что имъ извѣстны вполнѣ латинскія спряженія и мелкіе факты средневѣковой исторіи, въ насъ рождается чувство, близкое къ презрѣнію.

Нѣтъ, не имъ побѣдить свѣтъ; не имъ свернуть съ дороги исторію; не имъ задавить національное движеніе, это лучшее пріобрѣтеніе новѣйшей общечеловѣческой культуры. Вліяніе мощнаго духа чувствуется всюду. Его не хотятъ признавать только книжники.

И это не ново. Когда въ Палестинѣ явился Мессія, народъ поклонился ему; но іерусалимскіе профессора не признали и потребовали „да распятъ будетъ". И вотъ подъ крестомъ распятаго снова собрались народы, требуя себѣ свободы. Посмотримъ, надолго ли новѣйшіе „профессора" отсрочатъ исполненіе предназначеннаго?

ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

I.

1856 и 1879 годы.

Двадцать три года тому назадъ заканчивалась тягостная для насъ крымская война. Никогда еще, несмотря на геройское самоотверженіе нашихъ войскъ, на безпримѣрную оборону Севастополя, русское государство не испытывало такого пораженія. Сердце надрывалось отъ страшныхъ вѣстей; жгучею болью отозвалось извѣстіе о гибели черноморскаго флота: горьки были тяжкія условія парижскаго мира. Между тѣмъ, не все былъ мракъ, не все было горе. Въ воздухѣ носилось что-то свѣжее, ободряющее, что-то напоминающее „смертію смерть поправъ". Бросая взглядъ назадъ, припоминая все видѣнное и слышанное, мы можемъ выразить тогдашнее положеніе вещей въ немногихъ словахъ: положеніе вещей было печально, но *весьма опредѣленно*. Всѣ знали въ чемъ дѣло. Мы *несомнѣнно* были побѣждены, и несомнѣнность эта подтверждалась ясными какъ день статьями парижскаго трактата. Всѣ знали также, *почему* и *какъ* мы были побѣждены: каждый ясно видѣлъ язвы отечества. Всѣ лучшіе люди знали, наконецъ, за что̀ нужно браться. Все, потребное для новыхъ дней, было продумано и прочувствовано задолго до рокового дня сдачи Севастополя. Отъ этого тогдашніе лучшіе люди выступили въ полномъ сіяніи и блескѣ своихъ ясныхъ идей, точно бабочка, прогрызшая стѣнки своей куколки и несущаяся навстрѣчу восходящему солнцу. Ничто не можетъ такъ охарактеризовать тогдашняго состоянія лучшихъ умовъ, какъ слѣдующее мѣсто изъ *Записки о крѣпостномъ состояніи* Ю. Ѳ. Самарина. Мы позволимъ себѣ привести это мѣсто цѣликомъ, не опасаясь утомить вниманіе читателя.

„Съ самаго начала восточной войны, — говоритъ записка, — когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи гораздо менѣе, чѣмъ наше внутреннее неустройство.

„Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ *внѣшними* силами западнаго союза, а передъ нашимъ *внутреннимъ* безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство *незаконнаго самодовольствія*, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; *но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки.*

„Мы слишкомъ долго, слишкомъ исключительно жили для Европы, для внѣшней славы и внѣшняго блеска, и, за свое пренебреженіе къ Россіи, мы поплатились утратою именно того, чему мы поклонялись, —утратою нашего политическаго и военнаго первенства.

„Теперь, когда Европа привѣтствуетъ миръ, какъ давно желанный отдыхъ, намъ предстоитъ воротить упущенное. Съ прекращеніемъ военныхъ подвиговъ, *передъ нами открывается обширное поприще для трудовъ мирныхъ, но требующихъ не менѣе мужества, настойчивости и самоотверженія.* Мы должны обратиться на себя самихъ, изслѣдовать коренныя причины нашей слабости, выслушать правдивое выраженіе нашихъ внутреннихъ потребностей и посвятить все наше вниманіе и всѣ средства ихъ удовлетворенію.

„*Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ*; ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ численности арміи, но болѣе всего отъ цѣльности и крѣпости общественнаго организма. Чѣмъ бы ни болѣла земля: усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому — всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ.

„Эта истина, подъ тяжкими ударами судьбы, постепенно проникаетъ въ общественное сознаніе, и оттого въ минуты, подобныя настоящей, охотнѣе, чѣмъ въ спокойное время, выслушивается горькая правда, совѣсть общественная говоритъ громче, больнѣе отзываются старые, запущенные недуги и, казалось бы, въ той же мѣрѣ

должна возрастать рѣшимость на всякую жертву для коренного исцѣленія".

Такъ говорилъ этотъ цѣльный человѣкъ въ одну изъ горчайшихъ минутъ, какія когда либо переживала Россія. Въ его словахъ много горя, но горя бодраго, горя не старика, похоронившаго послѣдняго сына, а юноши, съ покорностью волѣ Божіей похоронившаго отца и бодро принимающагося за исполненіе высокаго жизненнаго долга. Не слышно въ его рѣчи тоски безъисходной; отъ нея вѣетъ лучшими чувствами человѣка — вѣрою, надеждою и любовью. Въ Самаринѣ говорила лучшая часть русскаго общества, имѣвшая твердую надежду, что ихъ „горькая правда" будетъ выслушана, вѣрившая въ пробужденіе „общественной совѣсти" и умѣвшая дать волю своей неподдѣльной любви къ родинѣ. Какъ-то завидуешь этой ясности мысли, цѣльности воззрѣній и прямотѣ ихъ выраженія.

Перенесемся черезъ двадцать три года, послѣ того какъ Самаринъ написалъ свою записку, прямо къ настоящей минутѣ и постараемся дать добросовѣстный отвѣтъ на вопросы: такъ ли ясно современное положеніе вещей? Возможны ли такіе прямые отвѣты на запросы нашего времени, какъ тѣ, что давали Самарины и Милютины на запросы своего?

Отвѣтъ несомнѣненъ. Современное положеніе печально своею неясностью; отвѣты на всѣ вопросы представляются крайне затруднительными.

Какъ въ 1856 году, такъ и теперь закончена война. Побѣдили ли мы? Повидимому,—да. Турецкія арміи разбиты, значительная часть Болгаріи освобождена отъ турецкаго ига, Сербія и Черногорія добились извѣстныхъ правъ, Карсъ и Батумъ отданы въ нашу власть. Но наша вынужденная остановка передъ Царьградомъ, но характеръ прелиминарнаго Санстефанскаго договора, но постановленія договора берлинскаго громко говорятъ, что мы отступили—и не предъ силою оружія, а предъ однимъ давленіемъ западно-европейскихъ державъ. Кончилась ли самая война? Повидимому, — да. Мирный договоръ подписанъ, ратификованъ и обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе. Но неясность положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ попрежнему грозитъ серьезными столкновеніями, попрежнему требуетъ напряженія народныхъ силъ. Радоваться или печалиться? Подвиги нашихъ войскъ, беззавѣтное самоотверженіе нашихъ солдатъ и офицеровъ, слова: Шипка, Карсъ, Балканы, Плевна, говорятъ — радуйтесь; но состояніе балканскихъ дѣлъ, но тяжкое финансовое и экономическое положеніе наводятъ на грустныя размышленія. По общему сознанію, величина жертвъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ полученнымъ результатамъ. Есть даже основаніе сказать, что въ этой

смѣси элементовъ пораженія гораздо больше, чѣмъ элементовъ побѣды.

Что̀ же, однако, случилось въ теченіе этихъ двадцати трехъ лѣтъ *внутри* Россіи? Спали ли мы, отложивъ въ сторону всѣ наши внутреннія дѣла? Нѣтъ и нѣтъ! Крестьяне освобождены, суды преобразованы, мѣстное самоуправленіе основано, печать находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ 1855 году, армія преобразована, десятки тысячъ верстъ покрыты желѣзными дорогами, количество школъ умножилось, средства кредита увеличились и т. д.

Между тѣмъ, провѣряя наше внутреннее положеніе, мы не испытываемъ чувства довольства и по поводу внѣшнихъ неудачъ готовы повторить и въ дѣйствительности повторяемъ слова Самарина: „мы сдались не предъ внѣшними силами западнаго союза, а предъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ“. Повидимому, мы въ правѣ сказать эти горькія слова даже въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ Самаринъ. Послѣдній произнесъ ихъ тогда, когда мы были *побѣждены*, побѣждены превосходною военною силою европейской коалиціи. Теперь же Россія, явившись на Берлинскій конгрессъ побѣдительницею на поляхъ сраженій, сдалась предъ одною *угрозою* коалиціи, за зеленымъ столомъ конгресса. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о нашемъ внутреннемъ положеніи громче севастопольскаго погрома. И дѣйствительно, нигдѣ, ни въ одномъ уголкѣ Россіи нельзя найти полнаго довѣрія къ окружающимъ насъ условіямъ. Это недовѣріе питается различными чувствами, выражается въ различныхъ формахъ, даже дѣйствуетъ различно. Въ иной средѣ, болѣе образованной, оно формулируется ясно; въ другой—оно чувствуется, какъ нѣкоторый гнетъ, причины котораго не видно.

Нѣтъ довѣрія къ экономическимъ силамъ края, нѣтъ увѣренности въ финансовыхъ способахъ, нѣтъ вѣры въ новыя и старыя учрежденія, нѣтъ даже вѣры другъ въ друга. Всякій жмется, боязливо озирается кругомъ, трепещетъ за свое достояніе, вяло ведетъ свои дѣла, живетъ изо дня въ день, боясь заглянуть въ будущее, точно это будущее есть какая-то глубокая яма, на днѣ которой лежитъ грозное чудовище. Эти чувства присущи людямъ всѣхъ такъ называемыхъ „партій“: консерваторамъ, ретроградамъ, либераламъ всѣхъ оттѣнковъ. Можно было бы назначить весьма высокую премію за указаніе человѣка спокойнаго, счастливаго и свѣтло смотрящаго на будущее. Скажемъ больше: озлобленіе входитъ какъ-то въ моду, желчь цѣнится дорого, гораздо дороже всѣхъ другихъ человѣческихъ „ингредіентовъ“; довольный, если таковой найдется, покажется уродомъ, пришлецомъ съ того свѣта, мертвымъ, а не живымъ человѣкомъ.

Но неужели же желчь, недовольство и озлобленіе такія пре-

красныя, такія желательныя вещи? Неужели мужественное отношеніе къ будущему, вѣра въ себя и въ свою страну, наконецъ, взаимное довѣріе такія скверныя, уродливыя и позорныя вещи?

На это можно возразить, что ни одно общество въ мірѣ не слагается изъ довольныхъ; что самыя просвѣщенныя, самыя богатыя общества кишатъ недовольными, обрушивающимися на окружающія ихъ условія; что общества эти перестали бы идти впередъ съ той минуты, какъ элементы эти застыли бы въ *самодовольствѣ*. Совершенно вѣрно! Но мы различаемъ два рода недовольства или, точнѣе, два рода скептическаго отношенія къ окружающей „средѣ".

Одно „отрицаніе" вытекаетъ изъ сознанія *несоотвѣтствія* дѣйствительныхъ силъ и наличныхъ стремленій даннаго общества съ формами, въ которыхъ оно живетъ,—изъ сознанія, что общество переросло такія-то установленія, такія-то формы своего быта. Это отрицаніе здоровое: въ немъ нельзя не видѣть одного изъ существенныхъ условій прогресса. Въ основаніи его лежитъ живая вѣра въ силы своего народа, убѣжденіе, что онъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, по размѣру таящихся въ немъ силъ, достоинъ лучшаго, и что для осуществленія этого лучшаго найдутся люди. Такъ, въ 1856 году „отрицаніе" охватило и фундаментъ тогдашняго общества, т.-е. и крѣпостное право, и суды, и мѣстное управленіе, и условія печатнаго слова. Говорилось громко и сильно; многіе пугливые умы приходили въ ужасъ отъ „бомбы отрицанія", попавшей въ наше общество. Но въ этой „бомбѣ" содержалась великая вѣра и въ силы страны, и въ ея будущее.

Много великихъ заслугъ должно быть признано за дѣятелями той эпохи, но едва ли не самая важная заслуга ихъ заключалась въ этой *вѣрѣ*, которая жила въ нихъ и которую они умѣли пробуждать въ другихъ. Глубоко вѣрили въ свой народъ люди, предложившіе *только что* освобожденной массѣ крѣпостныхъ формы общиннаго самоуправленія безъ той чиновничьей опеки, что царствовала въ области „самоуправленія" государственныхъ крестьянъ. Горячо вѣрили въ общество люди, замѣнявшіе старыя формы суда судомъ гласнымъ съ участіемъ присяжныхъ. Они не хандрили и не плакались, говоря, что „людей нѣтъ и не будетъ", что „какъ же вдругъ", что мы „недоросли" и т. д.

Такое отрицаніе, говоря словами одного нѣмецкаго философа, похоже на свѣтлую улыбку юноши, вступающаго въ жизнь въ полномъ сознаніи своихъ силъ. Инымъ характеромъ запечатлѣно другое отрицаніе. Оно исходитъ изъ предположенія *несостоятельности* общества, изъ недовѣрія къ народнымъ силамъ, изъ убѣжденія, что народъ неспособенъ къ высшимъ формамъ жизни. Это уже отрица-

ніе въ полномъ смыслѣ слова, ибо въ основаніи его лежитъ *нуль*. Это не „свѣтлая улыбка юноши“, а искаженное лицо агонизирующаго старика; это—„суета-суетствій“ Экклезіаста.

Какъ ни прискорбно, но мы должны признать, что мнѣнія, ходящія въ значительной части нашего общества, подходятъ именно подъ вторую категорію отрицанія; несмотря на то, что „отрицается“ теперь гораздо меньше (мы говоримъ о массѣ общества), чѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Что̀ тогда не отрицалось? Кто не жилъ этимъ отрицаніемъ, подъ которымъ билась, однако, кипучая жизнь, рвались неизвѣданныя еще силы? Теперь, говорю я, отрицается гораздо меньше. Напротивъ, „интеллигентное“ большинство жадно хватается за разные „якори спасенія“, не прочь поговорить и о пользахъ самоуправленія, и о преимуществахъ новыхъ судовъ, и о святости семейныхъ узъ, и о неприкосновенности собственности и т. д. Но глазъ сколько нибудь опытнаго наблюдателя видитъ, что все это дѣлается изъ приличія и въ видахъ самоутѣшенія, но что въ сущности никто не вѣритъ и въ дѣйствительность „утверждаемаго“. Если вамъ случится поговорить съ этими людьми немного поближе, когда они оставятъ всѣ условныя приличія, то непремѣнно услышите отъ нихъ безотрадныя фразы — людей нѣтъ, силъ нѣтъ, потребностей нѣтъ, разумѣнія нѣтъ, т. е. нѣтъ всего духовнаго человѣка, какъ единичнаго, такъ и коллективнаго. Что же остается за этимъ вычитаніемъ? Остается масса физическихъ организмовъ, какъ-то и зачѣмъ-то живущихъ, безъ всякой цѣли, безъ всякаго опредѣленнаго призванія, какъ бы исключительно въ силу того, что ихъ родители обладали силою воспроизведенія, и для того, чтобы воспроизвести себѣ подобныхъ.

Съ этой точки зрѣнія позволительно спросить: не было ли бы для человѣчества безразлично, если бы, говоря словами Хомякова, страна отъ Вислы до Урала, отъ Бѣлаго моря и до Чернаго была населена вогулами, вотяками или бѣлыми медвѣдями?

Къ такому выводу приходятъ, кажется, наши западные друзья, прилежно указывающіе на полную несостоятельность нашего отечества, на рѣшительную неспособность его не только къ дальнѣйшему совершенствованію, но и къ поддержанію того новаго, что̀ создалось послѣ тяжкихъ дней крымской войны.

Итакъ, послѣ двадцати-трехъ лѣтъ трудовъ Россія для себя и для другихъ остается загадкою, загадкою тягостною, мучительною. Будущее темно не только потому, что никто не можетъ предвидѣть *результатовъ* современнаго состоянія—въ этомъ отношеніи будущее всегда и для всѣхъ темно,—но потому, что *пути*, по которымъ мы идемъ, остаются загадочными.

Между тѣмъ мы переживаемъ такую важную историческую минуту, что ясность сознанія и опредѣленность плана дѣйствій представляются безусловно необходимыми, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ дѣлъ нашихъ.

Только что кончившаяся война оставила намъ слѣдующій назойливый вопросъ: должны ли мы, послѣ великихъ трудовъ и жертвъ, утвердить законную долю нашего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, въ видахъ обезпеченія судьбы молодыхъ славянскихъ государствъ и собственныхъ интересовъ? Или мы работали исключительно для расширенія „сферъ“ австрійскаго, англійскаго и всякихъ другихъ „вліяній“, кромѣ русскаго? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ настоятельнѣе теперь, чѣмъ когда либо прежде, именно потому, что событія послѣдняго времени завели восточныя дѣла далеко за предѣлы „проблемъ“. Мы находимся уже на Балканскомъ полуостровѣ; Турецкая имперія уже расшатана; лучшіе ея друзья думаютъ не о томъ, чтобы возстановить и поддержать ее, а о томъ, чтобы, захвативъ извѣстныя ея части, утвердить свое „вліяніе“. „Оккупація“, совершенная Австріею, и захватъ Кипра, совершенный Англіею, лучшая иллюстрація къ этому положенію. Это еще не все! Силою русскаго оружія на Балканскомъ полуостровѣ созданъ рядъ новыхъ государствъ. Во что̀ обратятся они? Будутъ ли они естественными союзниками Россіи, сдѣлаются ли они спутниками враждебной намъ планеты? Что это вопросы не праздные, доказывается тѣмъ, что не только Румынія, но и Сербія тяготѣютъ уже къ Австріи и вообще къ Западу больше, чѣмъ къ Россіи. Не будетъ ли того же, въ ближайшемъ будущемъ, и съ Болгаріей?

Столь же опредѣленно, не человѣческимъ сознаніемъ, а событіями, ставятся вопросы по внутреннимъ дѣламъ нашимъ. Не должно забывать, что съ 1856 года, по волѣ Государя и завѣту лучшихъ русскихъ людей, мы, дѣйствительно, завоевывали себѣ утраченное внѣшнее положеніе не *внѣ*, а *внутри* Россіи, цѣлымъ рядомъ реформъ: реформою крестьянскою, земскою, судебною и т. д. Именно *эта* обновленная Россія завоевывала себѣ довѣріе и уваженіе, несмотря на то, что проведеніе реформъ, осложненное польскимъ возстаніемъ, требовало великихъ усилій, тратъ и не давало времени на внѣшнія предпріятія. Несомнѣнно, однако, что обновленіе Россіи было встрѣчено съ симпатіями, что оно поддерживало въ русскомъ обществѣ вѣру въ себя и бодрость, необходимую для всякой активной роли.

Какая же именно Россія останется на историческомъ поприщѣ теперь? Подъ какимъ флагомъ будетъ она идти? Вопросы въ высшей степени сложные, пока не рѣшенъ другой, болѣе общій и болѣе сложный вопросъ: дѣйствительно ли новыя учрежденія, полученныя

Россіею, являются чѣмъ-то *необходимымъ*, вытекающимъ изъ всего нашего прошлаго, а не случайнымъ подаркомъ фортуны, слѣпой и капризной? Прямой и искренній отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ и для уясненія себѣ нашего внутренняго положенія, и для опредѣленія нашего мѣста въ Европѣ. Внутри Россіи мы часто слышимъ, что въ 1861 году мы не только не вышли на прямую дорогу, а *сбились съ пути*, и что теперь намъ слѣдуетъ искать истинной дороги изъ Мекки въ Медину. Дѣйствительно ли это такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ Россія пустилась въ „новое" безъ исторіи и безъ преданій? Въ самомъ ли дѣлѣ она можетъ оставить эту дорогу, избранную якобы случайно и по капризу, съ тою легкостью, съ какою бросаются случайныя тропинки, проложенныя въ дремучемъ непроходимомъ лѣсу?

II.

Россія и Европа.

Вопросительно смотритъ на насъ западная Европа, съ недоумѣніемъ смотримъ мы сами на себя. Но загадочность положенія тяжко отзывается на судьбѣ отдѣльнаго человѣка, а тѣмъ болѣе на судьбахъ великой націи. Отъ степени *опредѣленности* положенія зависитъ степень *довѣрія* къ ней другихъ народовъ и *вѣры* въ самое себя; а довѣріе и вѣра суть первѣйшія и необходимыя условія, коими опредѣляется вѣсъ и значеніе націи въ человѣчествѣ.

„Власть мнѣнія, — говорилъ Р. Пиль,—все болѣе и болѣе возвышается надъ владычествомъ физической силы. Довѣріе, хорошая репутація дѣлаются все больше и больше самымъ вѣрнымъ средствомъ поддержать величіе каждаго народа".

Да, намъ нужно довѣріе другихъ народовъ, „хорошая репутація" въ ихъ средѣ. Мы не сторонники „европейской" политики въ смыслѣ служенія чуждымъ намъ интересамъ, какъ это бывало во времена священнаго союза: такая политика служила намъ во вредъ и портила нашу репутацію. Мы не поклонники знаменитой фразы: „что скажетъ Европа?"—въ томъ смыслѣ, какой она часто имѣла въ нашихъ общественныхъ и правительственныхъ кругахъ. Дѣло идетъ, конечно, не о томъ, чтобы пустить Европѣ пыль въ глаза роскошью нашихъ празднествъ, безумными тратами за границею, мнимыми успѣхами нашего просвѣщенія; не о томъ также, чтобы въ угоду кому бы то ни было заводить у себя вещи для насъ безполезныя и даже вредныя. Такъ смотрѣли на дѣло въ эпоху нашихъ, такъ сказать, *ученическихъ* годовъ, въ то время, когда мы только что

прорубили окно въ Европу и съ любопытствомъ ребенка присматривались къ тому, что̀ тамъ дѣлается, жадно перенимая и подражая безъ разбора и безъ толка.

Время такого ребяческаго космополитизма прошло. Въ самой Европѣ національное начало сдѣлало быстрые успѣхи именно подъ вліяніемъ просвѣщенія, и ни одинъ изъ народовъ западной Европы не принесетъ своей самобытности въ жертву „мнѣнію“, которое о немъ будутъ имѣть его сосѣди. Національная самобытность каждаго европейскаго народа есть плодъ великихъ трудовъ цѣлыхъ поколѣній въ области политической, религіозной, научной, литературной и эстетической. Эти великіе труды выковали національный характеръ, выработали индивидуальный типъ каждой націи.

Но рядомъ съ этимъ совокупнымъ трудомъ цѣлаго *круга* народовъ выработались извѣстныя понятія, представленія и вѣрованія, сдѣлавшіяся *общими* для всѣхъ одинаково. Ихъ называемъ мы общечеловѣческими. Этотъ осадокъ вѣковой цивилизаціи и является масштабомъ, критеріумомъ, которымъ народы европейскіе опредѣляютъ принадлежность той или иной націи къ своему кругу, на основаніи котораго они относятся къ Персіи или къ Бирмѣ иначе, чѣмъ къ Италіи или къ Англіи. На этомъ, наконецъ, основаніи международный европейскій союзъ составляется изъ весьма опредѣленнаго круга народовъ, съ исключеніемъ остальныхъ.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ „что̀ скажетъ Европа?“ получаетъ весьма опредѣленный и почтенный смыслъ. Онъ означаетъ, что Россія, какъ держава въ культурномъ смыслѣ *европейская*, должна въ дѣлахъ своихъ сообразоваться съ извѣстными общими требованіями европейской цивилизаціи. Законность этого вопроса вполнѣ установлена реформою Петра Великаго. Заслуга Петра, несмотря на всѣ его увлеченія и крутой образъ дѣйствій, состояла именно въ томъ, что онъ вдвинулъ насъ въ кругъ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ и тѣмъ *спасъ* насъ именно какъ *націю*, давъ намъ возможность самобытнаго существованія на ряду съ другими народами Европы. Безъ него мы остались бы страною дикою и *неравноправною*, съ европейской точки зрѣнія; Европа относилась бы къ намъ такъ, какъ англичане относятся къ Индіи, какъ испанцы, французы, голландцы и англичане относились къ Америкѣ: какъ къ „объекту“ колонизаціи и эксплуатаціи, какъ къ объекту, а не какъ къ *субъекту* международнаго права. Если мы существуемъ теперь, какъ *русскіе*, т.-е. какъ великая нація съ голосомъ въ международномъ союзѣ, то мы обязаны этимъ Петру, вдохнувшему въ насъ европейское просвѣщеніе, давшему намъ мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ. И мы можемъ развиваться *какъ Россія* до тѣхъ поръ,

пока сохранимъ это мѣсто, пока насъ не собьютъ съ него, отогнавъ въ Азію, чему мы нерѣдко сами помогаемъ.

Уваженіе Европы нужно намъ, несмотря на то, что по существеннымъ вопросамъ внѣшней политики мы расходимся съ нею, что по славянскому вопросу мы сталкиваемся съ ея противодѣйствіемъ. Именно теперь, когда вопросы поставлены рѣзко, необходимо, чтобы не было сомнѣній въ качествахъ знамени, находящагося въ нашихъ рукахъ, въ нашей способности поддержать его и довести дѣло до конца. Необходимо, чтобы и на поприщѣ славянскаго вопроса въ насъ видѣли силу европейскую, а не какую-либо иную, чтобы въ насъ видѣли соперника равнороднаго, а не пришельца изъ другой части свѣта. Необходимо это потому, что нравственныя силы, несмотря на теорію „бисмаркизма“, не утратили своего значенія, и система „желѣза и крови“, нѣкогда возвѣщенная Бисмаркомъ, подвергается теперь тяжелому испытанію въ самой Германіи.

Но степень уваженія и довѣрія къ народу зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ того, въ какой мѣрѣ онъ, въ своихъ учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ, осуществляетъ общія требованія культуры, считающіяся признаками цивилизованнаго народа; 2) отъ того, въ какой мѣрѣ онъ представляетъ нѣчто цѣльное, неразрозненное внутри. Остановимся сначала на первомъ условіи.

Съ того времени, какъ Россія стала воспринимать европейское просвѣщеніе, т.-е. со времени Петра Великаго, наши внутреннія преобразованія, въ ихъ исторической послѣдовательности, представляютъ *три типа* и три эпохи, отмѣченныя именами Петра Великаго, Екатерины II и нынѣ царствующаго Государя Императора Александра II. Каждый изъ этихъ типовъ представляетъ особенности, тѣсно связанныя съ послѣдовательными перемѣнами въ западно-европейскихъ обществахъ, служившихъ для насъ образцами, и съ условіями самого русскаго общества.

Петръ Великій *дома* имѣлъ дѣло съ *закрѣпленными* сверху до низу сословіями, не игравшими никакой *общественной* роли и имѣвшими смыслъ только въ государствѣ и чрезъ государство. Первое изъ этихъ сословій,—будущее дворянство,—служилые люди были только матеріаломъ, изъ котораго составлялись разныя государственныя установленія, которымъ наполнялись армія и вновь созданный флотъ. Поэтому задача Петра Великаго состояла именно въ исправленіи *правительственнаго* механизма, дабы привести его въ нѣкоторый уровень съ механизмомъ государствъ, съ какими онъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ: спеціально Швеціи и Пруссіи. Но въ этихъ государствахъ, особенно же въ Германіи, онъ видѣлъ сильное развитіе такъ называемаго *полицейскаго* государства,

построеннаго на принципѣ государственнаго всемогущества, направленнаго къ осуществленію всеобщаго блага и воплощеннаго въ хорошо организованной, дисциплинированной и зорко контролируемой системѣ правительственныхъ учрежденій. Къ воспроизведенію этой системы и направились всѣ усилія Петра. Ударивъ мощною рукою по обветшавшимъ приказамъ, „гдѣ судьи дѣлали, что̀ хотѣли, ибо излишнюю мощь имѣли", онъ старательно укладывалъ „служилыхъ людей" въ формы коллегіальнаго производства, создавалъ массу новыхъ должностей въ центрѣ и въ провинціи, сочинялъ для нихъ регламенты и инструкціи, учреждалъ надъ ними строгій надзоръ, училъ точному „исправленію законовъ" и самъ трудился съ ними, какъ послѣдній изъ служащихъ. Несмотря на всѣ частныя уклоненія, на всю ненадежность его слугъ, плохо мирившихся съ „исправленіемъ законовъ", въ общемъ ему удалось выдержать и довести до конца основную мысль его реформы. Онъ создалъ изъ Россіи государство, по строю своему соотвѣтствовавшее ближайшимъ государствамъ Европы, способное бороться съ ними, разговаривать на равныхъ правахъ. Изъ своей новой правительственной машины онъ создалъ страшный таранъ, пробивавшій Россіи все новые и новые пути въ Европу. Она дѣлала свое дѣло даже послѣ того, какъ руки Петровой не было, когда при преемникахъ его многое было испорчено и расшатано; старая репутація Петра жила въ его твореніи, давая авторитетъ его учрежденіямъ и бодрость лучшимъ русскимъ людямъ. Правъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, говоря, что непреходящее дѣло совершилъ великій преобразователь:

„Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славна и быти не перестанетъ".

Время шло; въ глухую и неприглядную, во многихъ отношеніяхъ, пору, наставшую послѣ кончины Петра Великаго, общество, однако, не стояло на мѣстѣ. Московскіе „чины", дисциплинированные Петромъ для государственной службы, стали понемногу открѣпляться. Обязательная служба дворянства, служба „вѣчная", постепенно ограничивается и, наконецъ, вовсе отмѣняется. 18 февраля 1762 года дворянству дается первая жалованная грамота. Сначала фактически, а потомъ и юридически открѣпившееся сословіе наполняетъ мѣстности, образуя ядро будущаго дворянскаго „корпуса", который заявитъ о своихъ нуждахъ въ большой коммиссіи 1767 года и будетъ призванъ къ участію въ мѣстномъ управленіи Екатериною II.

Правда, уже въ законахъ Петра Великаго можно найти стремленіе организовать мѣстное управленіе съ участіемъ въ немъ со-

словій. Уѣздные коммиссары должны были избираться дворянствомъ и дѣйствовать подъ контролемъ избравшаго ихъ общества. Городское управленіе, по регламенту главному магистрату, ввѣрялось выборнымъ отъ городскихъ сословій учрежденіямъ. Но эти попытки не ладили съ общимъ строемъ тогдашнихъ установленій и съ общимъ положеніемъ сословій. Для того, чтобы сословіе могло дѣйствовать какъ общественная сила, необходимо, во-первыхъ, чтобы общее его положеніе въ государствѣ было точно опредѣлено, и, во-вторыхъ, чтобы законодательство обезпечило извѣстныя *личныя* права его членовъ, признало за ними извѣстное „достоинство". Ни того, ни другого не было во времена Петра Великаго. Изъ своего знакомства съ Западомъ онъ вынесъ главнымъ образомъ теорію *правительственнаго* механизма, на который онъ обратилъ особенное вниманіе, такъ какъ онъ былъ ему нуженъ для цѣлей его реформы и для международной борьбы. Не должно забывать притомъ, что въ его время, въ эпоху сильнаго развитія государственнаго абсолютизма, *общественный* строй Европы былъ заслоненъ отъ глазъ человѣка, мало знакомаго съ дѣломъ, механизмомъ правительственнымъ.

Екатерина II находилась въ другихъ условіяхъ. Она близко знала Западъ въ его правительственной и *общественной* организаціи. Она, изучавшая творенія великихъ мыслителей XVIII вѣка и въ особенности Монтескьё, владѣла *теоріею* сословнаго государства, была проникнута самою идеею сословій, какъ опредѣленныхъ элементовъ общества и государства. Эти идеи и опредѣлили направленіе ея законодательства. При этомъ должно имѣть въ виду, что она восприняла теорію западнаго государства не въ средневѣковой ея формѣ, а въ видѣ, измѣненномъ теоріями XVIII вѣка, которыя впослѣдствіи привели къ разрушенію сословнаго государства. Отъ этого въ знаменитомъ „Наказѣ" императрицы можно найти много противорѣчія между его общими идеями и практическимъ ихъ примѣненіемъ къ вопросамъ государственнаго устройства. Идеи „естественной свободы", съ которыхъ начинаетъ императрица, выражаются затѣмъ въ формахъ сословной организаціи. Но это объясняется и формою общества, въ которомъ жила императрица, и тѣмъ, что самъ Монтескьё мыслилъ монархію только въ формѣ государства сословнаго.

Несмотря на то, что общія идеи Екатерины II выразились въ довольно узкой формѣ, онѣ дали сильный толчокъ нашему общественному развитію. Россія услышала отъ нея то, чего она никогда еще не слышала; Европа съ уваженіемъ смотрѣла на преобразовательницу.

Законы Екатерины II не только призвали извѣстныя сословія

къ участію въ мѣстномъ управленіи, но и открыли этимъ сословіямъ возможность дѣйствія, путемъ точнаго опредѣленія ихъ *корпоративныхъ* и *личныхъ* правъ. Дѣйствительно, сословіе, какъ цѣлое, не имѣетъ возможности дѣйствовать, пока законъ не установитъ его какъ корпорацію, имѣющую право проявлять свою коллективную волю; затѣмъ сословная корпорація будетъ безсильна, если всѣ отдѣльные ея члены не будутъ обезпечены въ своихъ личныхъ правахъ, въ своей личной безопасности. Корпорація, составленная изъ лично-безправныхъ членовъ, есть абсурдъ, внутреннее противорѣчіе.

Императрица постаралась опредѣлить права дворянскаго общества, какъ корпораціи губернской, и городского общества, какъ корпораціи мѣстной. Кромѣ того, она подробно остановилась на личныхъ правахъ отдѣльныхъ членовъ этихъ корпорацій. Послѣднія имѣютъ и свое общее теоретическое основаніе въ „Наказѣ“ и ближайшее практическое опредѣленіе въ двухъ жалованныхъ грамотахъ дворянству и городамъ 1785 года.

„Наказъ“, руководствуясь ученіемъ Монтескьё, указываетъ на общую, идеальную, такъ-сказать, основу правъ личныхъ. „Въ чемъ состоитъ,—спрашиваетъ „Наказъ“, — цѣль верховной власти (de la souveraineté)? Не въ томъ, чтобы лишить людей естественной ихъ свободы, но въ томъ, чтобы направить ихъ дѣйствія къ величайшему изъ всѣхъ благъ“. Христіанская религія „возбуждаетъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ желаніе видѣть всякаго согражданина подъ покровительствомъ законовъ, которые, не стѣсняя его благосостоянія, защищали бы его отъ всякаго дѣйствія, противнаго этому правилу“. „Законы,—продолжаетъ „Наказъ“,—должны, сколь возможно, охранять безопасность каждаго гражданина въ частности... Политическая свобода въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, вытекающее изъ мнѣнія, которое каждый имѣетъ о своей безопасности; и для того, чтобы граждане имѣли эту свободу, нужно, чтобы правительство было таково, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другого, но всѣ боялись бы однихъ законовъ“.

Эти общія положенія практически выразились, какъ того и слѣдовало ожидать, въ *сословномъ* государствѣ, въ видѣ различныхъ *привилегій*, пожалованныхъ сословіямъ, согласно ихъ *чести* и *достоинству*. Эта идея сословной чести была, въ свое время, важнымъ средствомъ для утвержденія въ человѣкѣ чувства независимости, личнаго достоинства и безопасности, безъ которыхъ немыслимо общественное значеніе и дѣятельность сословій.

„Безъ суда да не лишится благородный жизни, чести и имѣнія; да не судится благородный окромѣ своими равными; дѣло благород-

наго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества; тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго; подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу"—таковы характерныя постановленія дворянской жалованной грамоты [1]).

„Мѣщанинъ (т.-е. вообще городской обыватель) безъ суда да не лишится добраго имени, или жизни, или имѣнія; мѣщанинъ судится мѣщанскимъ судомъ; подтверждается и строго запрещается, да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора въ силу законовъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у мѣщанина имѣніе или оное разорять; запрещается мѣщанамъ учинить безчестіе; первая и вторая гильдія освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія"—таковъ тонъ жалованной грамоты городамъ [2]).

Перечитывая эти документы теперь, въ эпоху развитія началъ равноправности, когда самое слово „привилегія" звучитъ непріятно въ ухѣ современнаго человѣка, можно, повидимому, отнестись весьма скептически къ мысли законодателя, создавшаго такія преимущества. Дѣйствительно, многія изъ привилегій, содержащихся въ жалованныхъ грамотахъ, странны даже не съ современной точки зрѣнія— въ родѣ привилегіи ѣздить цугомъ или парой, смотря по „сословію". Но историкъ не можетъ относиться къ дѣяніямъ прошлаго съ точки зрѣнія современныхъ требованій. Онъ долженъ понять смыслъ законовъ и мѣръ въ общемъ процессѣ историческаго развитія даннаго народа, опредѣлить ихъ мѣсто въ поступательномъ движеніи страны.

Въ этомъ движеніи сословныя привилегіи занимаютъ важное и почетное мѣсто. Мы говоримъ, конечно, не о всѣхъ „преимуществахъ", но сумѣемъ оцѣнить то, что̀ составляло цѣнное пріобрѣтеніе для всей страны. Намъ кажется несправедливою привилегія, въ силу которой одно сословіе, въ силу своего „достоинства", было изъято отъ податей и повинностей, тогда какъ низшіе классы несли на себѣ все бремя государственныхъ тягостей. Съ этимъ мы вполнѣ согласны; въ такихъ „преимуществахъ" ярко обнаруживаются невыгоды сословнаго строя *вообще*. Но были другія преимущества, въ которыхъ выразились лучшія *общечеловѣческія* начала, въ силу чего они и не могли остаться удѣломъ только одного сословія, но расширяли понемногу свое дѣйствіе.

Такъ, дворянская и городовая грамоты, провозглашая свободу

---

[1]) Ст. 9—13, 15, 17.

[2]) Ст. 84, 85, 87, 91, 107, 113.

нѣкоторыхъ классовъ отъ *тѣлеснаго наказанія,* сами того не замѣчая, осудили тѣлесное наказаніе *вообще*; признавая его несогласнымъ съ „достоинствомъ“ дворянина, именитаго гражданина, купцовъ первой и второй гильдіи, грамоты не могли удержать человѣческій умъ отъ весьма логическаго заключенія, что тѣлесное наказаніе несовмѣстно съ достоинствомъ *человѣка*, что оно *позорно вообще*.

Такимъ образомъ, эта „привилегія“ была первою реакціею противъ владычества кнута, противъ тѣхъ порядковъ, когда Лопухина, вслѣдствіе интриги, была истерзана кнутомъ и, съ урѣзаніемъ языка, сослана въ Сибирь. Благодаря этой привилегіи, въ извѣстной части общества народился *человѣкъ*, явились понятія о человѣческомъ достоинствѣ, и эти понятія дали свой плодъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ русскихъ людей. Недаромъ при самой Екатеринѣ *пытки* были отмѣнены для всѣхъ сословій. Но развитіе понятій пошло дальше.

Жалованныя грамоты были изданы въ концѣ XVIII вѣка; въ первой четверти XIX, незабвенный графъ Мордвиновъ выступилъ съ грознымъ мнѣніемъ противъ *кнута*, оставленнаго для непривилегированныхъ сословій.

„Съ того знаменитаго для человѣчества и правосудія времени,— такъ начинается мнѣніе доблестнаго старика, — когда европейскіе народы отмѣнили пытки, они истребили и *орудія*, коими производимы были мученія. Одна Россія сохранила у себя кнутъ, орудіе, бывшее въ употребленіи при пыткахъ, одно названіе котораго поражаетъ ужасомъ русскій народъ и даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи, безъ просвѣщенія и *нравственныхъ понятій о человѣкѣ, существѣ въ высшей степени чувствительномъ*“.

„Законъ христіанскій, исповѣдуемый нами,—говоритъ онъ дальше, — возбраняетъ мученія, научаетъ кротости и милосердію, и началомъ всѣхъ добродѣтелей ставитъ любовь къ ближнему, къ *человѣку*, который носитъ на себѣ печать величія и благости Творца“.

Съ такою же силою возстаетъ онъ и противъ наложенія клеймъ на лицѣ *преступника*.

„Лицо человѣка,—говоритъ Мордвиновъ,—Творецъ оживотворилъ чувствами души и знаменіями ума. Эта одушевленная часть тѣла не долженствовала бы быть мѣстомъ поруганія, тѣмъ болѣе, когда однажды положенное пребываетъ неизгладимымъ“.

Да это азбука, скажутъ намъ. Азбука?! Но вѣдь и азбука была *изобрѣтена* въ свое время, и это изобрѣтеніе произвело великій переворотъ въ человѣчествѣ! Вѣдь и великія заповѣди „не укради“

и „не убій“ точно такъ же „азбука“, но для вразумленія народовъ эти азбучныя истины нужно было произнести въ громѣ и молніи на горѣ Синайской. Азбука! Но отчего же эта азбучная истина не осуществилась до 17 апрѣля 1863 года? Почему и теперь не излишне твердить, что законъ христіанскій „возбраняетъ мученія“?

Велика была заслуга людей, проповѣдывавшихъ такія „азбучныя“ истины; но и они не могли бы выработать въ себѣ такихъ понятій, если бы сами не принадлежали къ „привилегированному“ сословію, для котораго были произнесены слова императрицы: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“, если бы они не вдохнули въ себя европейское просвѣщеніе съ его „азбучными“ истинами. Московскій бояринъ, котораго сѣкли за всякія провинности, большія и малыя, никогда не произнесъ бы такой истины.

Такова была роль этихъ привилегій; благодаря имъ, хотя на первый разъ въ узкой формѣ, въ наше законодательство и въ наше общество проникали понятія о законности, объ уваженіи къ правамъ, о невыгодахъ произвола. Подъ ихъ вліяніемъ выросли люди, сумѣвшіе возвести частное къ общему, отрѣшиться отъ узко-сословнаго раздѣленія на „права“, отвернуться отъ самихъ привилегій и посмотрѣть на самое право, какъ на условіе всенародной жизни. Послушайте, какія ноты слышатся въ обществѣ, гдѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ изъ знати набирались шуты, увѣковѣченные на картинѣ Якоби.

Графъ Мордвиновъ, критикуя учрежденіе министерствъ и указывая на вліяніе исполнительной власти на отправленіе правосудія, говоритъ, вслѣдъ за Монтескьё и царственнымъ авторомъ *Наказа*: „Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что *раздѣленіе властей* составляетъ совершенство правительства: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы и обязанности другой... Нераздѣленіе властей въ *турецкомъ* правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно же водворилась дикость, уныніе и нищета. Нынѣ же въ Аѳинахъ [1]) живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми. Столь пагубно смѣшеніе властей, поставленныхъ для созиданія общественнаго и

---

[1]) Писано въ 1827 году.

частнаго благосостоянія и для удержанія въ здоровьѣ и силѣ царствъ земныхъ".

Конечно, графъ нѣсколько преувеличилъ значеніе „раздѣленія властей". Но во всей этой тирадѣ нельзя не видѣть горячей любви къ законности, отвращенія къ произволу, воспроизведенія знаменитаго афоризма Бентама: „трудъ производитъ, законъ сохраняетъ".

III.

Переломъ.

Реформы Екатерины II дали законное мѣсто извѣстнымъ общественнымъ силамъ; послѣднія получили опредѣленное строеніе съ возможностью коллективнаго дѣйствія; сословныя привилегіи нѣсколько подняли сознаніе личныхъ правъ и уваженіе къ нимъ; подъ ихъ вліяніемъ сложился общественный классъ, лучшіе представители котораго способны были воспринять болѣе широкія идеи, выработанныя на западѣ Европы, и стать въ челѣ поступательнаго движенія въ первые годы царствованія Александра I. Изъ привилегированнаго общества вышли первые бойцы *противъ* привилегій, противъ сословнаго строя и въ особенности противъ владычества одного сословія надъ другимъ, т.-е. противъ *крѣпостного права.* Имена Радищева, Новикова, братьевъ Тургеневыхъ, Сперанскаго, Румянцова, и т. д. громко свидѣтельствуютъ о силѣ разъ даннаго движенія, которому не суждено было уже останавливаться, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія.

Но эти идеи и эти люди были элементами *будущаго.* Конкретная форма екатерининскаго государства выражала, какъ уже замѣчено, эти идеи въ болѣе узкой, односторонней формѣ.

Привилегіи, созданныя главнымъ образомъ для высшаго въ государствѣ сословія, оставляли массу въ состояніи безправія, подъ владычествомъ „привилегированныхъ". Крѣпостное право, противъ котораго поднялись теоретическія возраженія со стороны самой императрицы, въ коммиссіи для составленія новаго уложенія и въ литературѣ, на практикѣ было столь же грубо, какъ и въ XVII вѣкѣ, если не грубѣе. Скажемъ больше: если лучшіе люди, дѣйствительно переработанные просвѣщеніемъ, усвоившіе себѣ понятіе о человѣческомъ достоинствѣ не только для себя, но и для другихъ, возставали противъ этой язвы, то „европейцы" поверхностные, налощенные европейскими „манерами", но оставшіеся дикарями въ своемъ существѣ, относились къ этой массѣ „мужиковъ" такъ же, какъ настоящіе европейцы относились къ неграмъ въ американскихъ

колоніяхъ. Не говоримъ уже о людяхъ „непосредственныхъ“, изъ всѣхъ правъ дворянства разумѣвшихъ одно: право владѣть крѣпостными людьми. Они были настоящими мелкими тиранами, изъ рядовъ которыхъ выходили Солтычихи, Каннабихи и т. д.

Понятно, само собою, что власть такого сословія и при такихъ условіяхъ не могла быть положена въ основаніе даже мѣстнаго управленія. Сила крѣпостного права была обратно пропорціональна дѣйствительному значенію дворянства въ управленіи. Такимъ фундаментомъ общественнаго зданія легко объясняется и оправдывается, напримѣръ, 84 ст. учрежденія о губерніяхъ, на основаніи которой государевъ намѣстникъ: „имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, *обуздывать* излишество, безпутство, мотовство, *тиранство* и *жестокости*“, или по ст. 82 онъ: „долженъ показать въ поступкахъ своихъ добродѣтельство, любовь и соболѣзнованіе къ народу“.

Къ этому должно присоединить, что низкій еще уровень образованія даже въ „первенствующемъ“ сословіи давалъ полный поводъ къ административной опекѣ; что вновь созданныя учрежденія сами ждали „указаній“, наставленій и разрѣшенія всякихъ недоумѣній; что даже коронныя учрежденія, построенныя на началахъ *коллегіальныхъ*, по своему личному составу, въ силу злоупотребленій и страсти къ „богопротивному лакомству“, также нуждались въ зоркомъ надзорѣ со стороны генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, властей единоличныхъ съ „правомъ исправленія“.

Велики были частные недостатки вновь созданныхъ установленій не столько въ идеѣ, сколько на практикѣ, опредѣлявшейся всѣми привычками, нравами и преданіями мало цивилизованнаго общества. Но въ общемъ—типъ государства, созданнаго Екатериною II и просуществовавшаго до реформъ послѣдняго времени, подходилъ къ типу ближайшихъ намъ державъ. Существо его можетъ быть выражено однимъ словомъ: это было государство *сословно-бюрократическое*, т.-е. то самое государство, которое мы видѣли, въ лучшихъ, конечно, формахъ, въ Пруссіи до 1848 г.

Въ Россіи соотношеніе этихъ двухъ элементовъ: сословій и бюрократіи, должно было опредѣлиться иначе, чѣмъ на Западѣ, т.-е. въ пользу бюрократіи, начала приказнаго. Это зависѣло отъ многихъ причинъ.

Во-первыхъ, на Западѣ сословія и ихъ корпораціи создались въ эпохи *слабости* центральной власти; они были сильнымъ политическимъ элементомъ, который лишь постепенно былъ побѣжденъ королевскою властью. Но и послѣ побѣды надъ ними, какъ силою политическою, они—особенно въ Германіи—сохранили свое большое

значеніе въ мѣстномъ управленіи. Въ Россіи сословія явились первоначально въ формѣ *чиновъ*, созданныхъ политикою московскихъ государей, ради удобнѣйшаго расположенія разныхъ государственныхъ тяглъ. Затѣмъ нѣкоторымъ изъ нихъ были *пожалованы* извѣстныя права, личныя и общественныя. Такія права, очевидно, должны были уступать при коллизіи съ старинною силою приказнаго начала.

Во - вторыхъ, приказная, государственная служба попрежнему представлялась дворянству болѣе привлекательною, чѣмъ служба мѣстная, по „выборамъ". Вслѣдствіе этого лучшія силы изъ первенствующаго сословія, уходя на государственную службу, оставляли мѣсто силамъ, далеко не лучшимъ и неспособнымъ поддержать значеніе выборнаго начала.

Въ-третьихъ, общее направленіе законодательства въ XIX столѣтіи клонилось на пользу приказнаго начала и административной опеки. Екатерина II создала только *формы* мѣстныхъ сословныхъ учрежденій, но *способы ихъ дѣйствія* въ области мѣстнаго хозяйства и благоустройства остались безъ опредѣленія. Задача эта выпала на долю позднѣйшаго законодательства. Уставы о земскихъ повинностяхъ, о городскомъ хозяйствѣ, уставы строительный, пожарный, врачебный и т. д. были созданы въ духѣ сильной административной опеки, не допускавшей сколько-нибудь самостоятельнаго дѣйствія со стороны городовъ и дворянскихъ обществъ.

Въ-четвертыхъ, наконецъ, сила приказнаго начала несомнѣнно увеличилась въ XIX вѣкѣ учрежденіемъ *министерствъ*, разрушившихъ формы коллегіальнаго устройства, содѣйствовавшихъ бо̀льшей централизаціи управленія и отодвинувшихъ на задній планъ учрежденія мѣстныя, въ которыхъ Екатерина II видѣла основаніе хорошаго государственнаго устройства.

Это сословно-бюрократическое государство выдержало свою окончательную пробу во время крымской войны. Оно не имѣло возможности провѣрить себя, какъ слѣдуетъ, раньше, вслѣдствіе благопріятныхъ для него внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. Въ политической системѣ европейскихъ государствъ, созданной вѣнскимъ конгрессомъ и закрѣпленной актомъ Священнаго союза, Россія занимала подходящее и даже почетное мѣсто. Она, вмѣстѣ съ ближайшими къ ней державами — Австріею и Пруссіею, считалась опорою всеевропейскаго мира и порядка. Великое утомленіе — результатъ тяжкихъ войнъ временъ революціи и имперіи, породило тѣ стремленія къ миру, благодаря которымъ миръ дѣйствительно поддерживался въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ. Но состояніе мира, въ ко-

торомъ находилась Европа, далеко не совпадало съ принципами того „порядка“, которые провозглашены были вѣнскимъ конгрессомъ.

Подъ покровомъ мира, даже въ ближайшихъ къ намъ государствахъ—не говоря уже о Франціи, которую мы какъ будто не принимали въ разсчетъ, — шла невидная, но серьезная работа мысли. Преданія Штейна, Вильгельма Гумбольдта, Арндта, Яна не были забыты въ Германіи. Въ теченіе этихъ многихъ лѣтъ она выслушивала философскую проповѣдь Гегеля, примкнула къ „лѣвымъ“ гегельянцамъ, воспитывалась ѣдкою сатирой Гейне и Берне, историческими трудами Шлоссера и Гервинуса, политическими сочиненіями Роттека, Моля, выслушивала гуманную проповѣдь криминалиста Миттермайера и серьезно готовилась къ неизвѣстному еще, но великому будущему.

Мы проглядѣли эту работу. Убаюканные ловкостью Меттерниха, мы спокойно смотрѣли на Германію, какъ на отечество невиннаго идеализма и романтизма, полагали, что этотъ романтизмъ весь выражается въ „балладахъ“, переводившихся для насъ Жуковскимъ, и не подозрѣвали, что онъ былъ симптомомъ сильнаго *національнаго* движенія, прорвавшагося, наконецъ, въ 1848 году. Во Франціи мы видѣли только шаловливаго ребенка, къ которому можно относиться снисходительно, но котораго слѣдуетъ изолировать въ отведенной для него комнатѣ, дабы онъ не сбивалъ съ толку другихъ. И дѣйствительно, Франція, обнесенная кордономъ крѣпостей германскаго союза, стерегомая прусскими генералами и австрійскими дипломатами, казалась безопасною, хотя въ ней кипѣла политическая жизнь, хотя въ ней дважды падала династія, хотя пѣна изъ этого котла попадала и въ Германію, производя вспышки то тамъ, то здѣсь.

Спокойствіе наше не смущалось; столкновенія съ Европой намъ не грозили, да и не боялись мы ихъ, благодаря памяти 1812 года. Упражняя свои военныя силы въ войнахъ съ Турціею и съ Персіею, мы къ прежнимъ лаврамъ прибавляли новые. Когда политическое броженіе слишкомъ близко подошло къ нашимъ границамъ, мы скоро положили ему конецъ, остановивъ германскія увлеченія Фридриха Вильгельма IV и усмиривъ венгровъ, не предполагая, какою цѣною отплатитъ намъ спасенная Австрія.

Но послѣ долгихъ лѣтъ всеобщаго мира, въ 1854 году намъ въ первый разъ пришлось снова столкнуться съ европейскою коалиціею. Разсказываютъ, что одинъ солдатъ, на вопросъ, отчего враги насъ бьютъ, отвѣчалъ: „да какъ же, ваше в—діе, у нихъ ружья аглицкія, а у насъ казенныя“. Въ этомъ отвѣтѣ простого человѣка, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся суть дѣла. Наши „казенныя“ ружья были англійскими въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Но съ тѣхъ поръ

духъ изобрѣтательности и усовершенствованія всякаго рода создали это англійское ружье, тогда какъ въ нашихъ рукахъ осталось орудіе, не обновлявшееся съ 1815 года, тщательно охраняемое отъ всякихъ улучшеній, но стиравшееся и ржавѣвшее отъ времени, утрачивавшее всякую силу и только сохранившее *форму* ружья.

IV.

Новая Россія.

Конецъ крымской войны былъ сигналомъ къ преобразованію Россіи. Реформы эти были вызваны, конечно, нашими внутренними потребностями, нашими наболѣвшими язвами. Прежде всего, предстояло устранить то, что̀ болѣе всего стѣсняло развитіе государства и общества, что̀ болѣе всего вносило лжи и тлѣнія въ наши отношенія— крѣпостное право. Затѣмъ должно было измѣнить систему нашего мѣстнаго управленія по двоякой причинѣ: во-первыхъ, вся система веденія мѣстнаго хозяйства, даже въ существовавшихъ его рамкахъ, въ коихъ вращались разные комитеты, коммиссіи и приказы, оказалась несостоятельною; во-вторыхъ, существовавшія установленія не представляли ручательствъ въ томъ, что они въ состояніи будутъ удовлетворить потребностямъ *новымъ*, возникновеніе которыхъ предвидѣлось съ освобожденіемъ крестьянъ и иными условіями быта мѣстнаго населенія. Затѣмъ система судоустройства, построенная на началѣ сословномъ, и судопроизводства, державшаяся на началахъ узко-инквизиціоннаго процесса, не выдерживала уже самой снисходительной критики. Наконецъ, отсутствіе гласности, отсутствіе какой бы то ни было легальной возможности обсуждать самые насущные общественные вопросы, оставляло само правительство безъ той помощи, какая ему всегда необходима для успѣшнаго веденія его труднаго дѣла. Этими дѣйствительными требованіями были вызваны важнѣйшія реформы наши: крестьянская, земская, городская, судебная, университетская и по дѣламъ печати.

Но если эти реформы были вызваны требованіями нашей домашней жизни, если учрежденія, созданныя этими реформами, носятъ на себѣ національный отпечатокъ, то нельзя не замѣтить, что въ нихъ восприняты и многія изъ началъ, выработанныхъ европейскою жизнью, и отъ воспріятія которыхъ зависѣла степень принадлежности Россіи къ кругу европейскихъ державъ.

Для пониманія общаго смысла нашей эпохи, мы должны внимательно разсмотрѣть всѣ принципы, изъ которыхъ сложилось нынѣшнее міросозерцаніе наше, и всѣ начала, которыя легли въ основаніе

новыхъ учрежденій. Но для этой цѣли мы должны прежде всего опредѣлить *типъ* того государственнаго и общественнаго порядка, начала которому были положены въ 1861 году.

Руссо замѣтилъ, что нужно много философіи для наблюденія предметовъ, къ намъ близкихъ. Дѣйствительно, гораздо легче опредѣлить типъ учрежденій отжившихъ, каковы, напримѣръ, учрежденія Петра и Екатерины II, чѣмъ опредѣлить то, что̀ совершается въ наше время. Но если насъ не обманываетъ видимость явленій, если мы вѣрно понимаемъ смыслъ новыхъ законовъ, правильно опредѣляемъ смыслъ всѣхъ новыхъ стремленій, вѣрованій и надеждъ, то мы можемъ опредѣлить вырабатывающійся нынѣ типъ новыхъ учрежденій, въ сравненіи его съ прежними типами, слѣдующимъ образомъ:

Типъ петровскаго государства былъ *приказный*, улучшенный по западно-европейскимъ образцамъ, но съ отсутствіемъ начала общественнаго; типъ государства, созданнаго Екатериною II, былъ *приказно-сословный*; новый типъ, вырабатываемый нашимъ временемъ, можно назвать *всесословно-общественнымъ*.

Этимъ терминомъ, сколько намъ кажется, лучше всего опредѣляются основные *признаки* сдѣланныхъ преобразованій, равно какъ и тѣ *условія*, при которыхъ новыя начала могутъ утвердиться и привести къ благимъ послѣдствіямъ.

Начнемъ съ первой части указаннаго термина, т.-е. съ начала *всесословности*. Отмѣна крѣпостного права не только уничтожила власть одного сословія надъ другимъ, но и внесла новый духъ въ общее движеніе нашего законодательства, поставила ему новую цѣль —именно установленіе *равноправности*. Подъ именемъ равноправности мы не разумѣемъ здѣсь того отвлеченнаго и шаблоннаго *равенства*, написаннаго на знаменахъ революціонныхъ партій. Мы разумѣемъ здѣсь то здоровое и историческое начало, соотвѣтствующее какъ духу современныхъ европейскихъ законодательствъ, такъ и серьезнымъ потребностямъ нашего отечества.

Практическое значеніе равноправности въ нашемъ законодательствѣ состоитъ въ устраненіи того различія, которое предыдущія времена провели между податною, тяглою Россіею и Россіею привилегированною и которое обнаруживалось не только въ неравномѣрномъ распредѣленіи государственныхъ тягостей, но и въ неравенствѣ личныхъ правъ разныхъ сословій и неодинаковыхъ средствахъ ихъ защиты.

Въ этомъ смыслѣ равноправность не только удовлетворяетъ чувству и сознанію *правды*, давая всѣмъ членамъ общества одинаковыя права и равные способы ихъ защиты, но и способствуетъ развитію *государственной силы*, устраняя рознь сословій и дѣлая

изъ нихъ единое цѣлое. Сословное, средневѣковое государство не только менѣе современнаго удовлетворяло *юридическимъ* требованіямъ, но и было *слабѣе* новыхъ государствъ. Разрозненныя сословія были неспособны къ общему дѣйствію, они мало сознавали свое *національное единство,* и государственная власть должна была прибѣгать къ диктатурѣ, дабы направить эти центробѣжныя стремленія къ общей цѣли. Начало равноправности содѣйствовало сліянію сословій въ единое земское, народное тѣло; современныя государства Европы, національныя и крѣпкія своимъ единствомъ, были бы немыслимы при старомъ сословномъ строѣ общества, гдѣ каждая корпорація больше думала о своихъ „привилегіяхъ", чѣмъ о благѣ государства.

Вся Европа прошла чрезъ этотъ обновительный процессъ отъ сословнаго государства къ безсословному или всесословному. Россія, вступивъ на эту дорогу въ 1861 году, ясно доказала свою принадлежность къ великой семьѣ европейскихъ народовъ, удовлетворяя въ то же время и существеннымъ условіямъ своего національнаго развитія. Составляя земскія и городскія учрежденія изъ представителей всѣхъ сословій, давая въ судебныхъ уставахъ одинаковыя для всѣхъ средства защиты своего права, призывая разныя сословія къ отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя, налагая на всѣхъ военно-служебную повинность,—законодательство наше создаетъ постепенно такія формы общественнаго быта, въ которыхъ всѣ классы нашего общества могутъ быть воспитаны въ сознаніи своей солидарности, своей принадлежности къ великому цѣлому, въ чувствахъ дѣйствительной общности своихъ интересовъ.

Замѣтимъ при этомъ, что начало равноправности проникло въ наше законодательство въ весьма привлекательной формѣ. Задача законодателя состояла вовсе не въ томъ, чтобы „урѣзывать сюртуки", дабы сравнять ихъ съ „куртками". Напротивъ, онъ оставилъ сюртуки и удлинилъ куртки. Говоря безъ аллегорій, установленіе равноправности шло рука объ руку съ *расширеніемъ* личныхъ правъ разныхъ сословій. Всѣ сословія, напримѣръ, подчинены не только равному, но и *лучшему* суду. Уравненіе сословій состояло не въ томъ, что всѣ были одинаково подчинены „кнуту", а въ томъ, что кнутъ былъ отмѣненъ, для всѣхъ одинаково, незабвеннымъ указомъ 17 апрѣля 1863 года, при чемъ изъятіе отъ другихъ видовъ тѣлеснаго наказанія было распространено на новыя категоріи лицъ. Воинская повинность не только сдѣлана всесословною, но и смягчена въ своихъ формахъ, сравнительно съ прежнею рекрутчиной. Если это направленіе не можетъ быть названо здоровымъ, то послѣ этого мы не знаемъ, гдѣ искать признаковъ здоровья.

Второй признакъ новыхъ учрежденій есть ихъ *общественный* характеръ. Этотъ признакъ едва ли не важнѣе перваго. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что прежняя безусловная вѣра въ дѣйствительность *приказнаго* начала понизилась и что правительство признало необходимымъ обновить государство новымъ элементомъ, дотолѣ не дѣйствовавшимъ самостоятельно — элементомъ общественнымъ. Эта именно мысль проникаетъ наше земское и городовое положеніе; она весьма ясно и опредѣленно выражена въ трудахъ коммиссіи, вырабатывавшей земское положеніе, и въ матеріалахъ по составленію городового положенія. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и на путь, по которому можетъ идти наше законодательство.

Вникнемъ въ существо этой мысли, разсмотримъ условія ея осуществленія.

Когда мы говоримъ, что *общество* призывается къ завѣдыванію своими мѣстными пользами и нуждами, мы должны имѣть въ виду, что этимъ создается сила, долженствующая дѣйствовать иначе, чѣмъ установленія, построенныя на началѣ приказномъ. Послѣднія установленія разсматриваются и должны быть разсматриваемы какъ исполнительные органы, дѣйствующіе не только на основаніи законовъ, но и въ силу распоряженій, предписаній и циркуляровъ, получаемыхъ отъ ихъ непосредственнаго начальства. Напротивъ, общественныя установленія, поставленныя въ границы *закона*, являются поприщемъ личной инціативы, личной изобрѣтательности и предпріимчивости, дѣйствующей въ духѣ общественнаго служенія. Только при этихъ условіяхъ общественныя учрежденія могутъ достигнуть своей цѣли. Вотъ почему развитіе такихъ учрежденій зависитъ отъ того, насколько общія мѣры законодательства будутъ направлены къ воспитанію и укрѣпленію *человѣческой личности*, къ воспитанію ея въ духѣ права и разумѣнія общественной пользы.

„Привилегіи" Екатерины II были направлены именно къ этой цѣли. Призывая дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи, она стремилась возвысить значеніе личности каждаго дворянина, дабы она росла въ сознаніи своей чести, связанной съ пользами государства. Въ этомъ отношеніи ея мнѣнія сходились съ идеями представителей самого дворянства. Одинъ изъ депутатовъ въ коммиссіи для составленія новаго уложенія, Стромиловъ, говорилъ слѣдующее: „*понятно всякому*, что въ обширной монархіи надо быть особливому роду, который имѣлъ бы обязанность служить государству и изъ среды своей замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ, и который, будучи предназначенъ къ тому природою, воспитывался бы въ правилахъ и знаніяхъ, приличныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ, и пред-

метомъ своего награжденія составилъ бы только честь и славу, оставляя изъ вида покой и обогащеніе. Родъ этотъ и есть дворянство".

То, что̀ было „понятно всякому" въ 1767 году, т.-е. въ эпоху сословнаго государства, неумѣстно уже въ государствѣ, принимающемъ иную форму. Законодательство, призывающее всѣ слои общества къ участію въ дѣлахъ своей мѣстности, должно воспитывать ихъ „въ правилахъ и знаніяхъ", „приличныхъ всѣмъ состояніямъ", а не одному избранному сословію.

И въ этомъ отношеніи наше законодательство вступило уже на надлежащій путь. Такъ, судебные уставы имѣютъ не только процессуальное, но и великое *общественное* значеніе. Судъ съ присяжными, право гласной и устной защиты, состязательный характеръ самаго процесса, процедура предварительнаго слѣдствія, постановленія о выемкахъ и арестахъ, — все это направлено къ тому, чтобы обезпечить *личность* человѣка въ ея отношеніяхъ къ обществу, воспитывать самое общество въ сознаніи права. Во-вторыхъ, общественная дѣятельность нуждается въ возможно широкой *гласности*. Послѣдняя нужна не только для того, чтобы освѣщать отношенія общественныхъ дѣятелей къ инымъ органамъ, не только для того, чтобы служить средствомъ выраженія общественныхъ пользъ и нуждъ, но и для того, чтобы воспитывать и сдерживать самихъ общественныхъ дѣятелей. Гласность служитъ великимъ побудительнымъ средствомъ для лучшихъ общественныхъ дѣятелей, ибо они находятъ себѣ поддержку и награду именно въ общественномъ мнѣніи. Безъ гласности лучшія силы глохнутъ, уступая мѣсто силамъ далеко не перваго разбора и руководимымъ не всегда похвальными побужденіями. Во тьмѣ развиваются самые скверные инстинкты человѣческой природы; безъ сдержки со стороны общественнаго мнѣнія, они расширяются, какъ въ безвоздушномъ пространствѣ, порождая самыя печальныя явленія — хищничество, растраты и вполнѣ халатное отношеніе къ дѣлу. Въ-третьихъ, наконецъ, общество, призванное къ самодѣятельности, не будетъ идти по прямой дорогѣ безъ образованія, какъ спеціальнаго, такъ и общаго. Необходимъ извѣстный уровень образованія, котораго достигали бы по возможности всѣ, иначе „темная масса" всегда будетъ находиться въ рукахъ немногихъ вожаковъ, которые будутъ пользоваться ея невѣжествомъ и легковѣріемъ для своихъ цѣлей.

Нельзя сказать, чтобы орудіе гласности — печать, и орудіе образованія массъ — народная школа, находились у насъ въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ. Но важно то, что польза, необходимость, даже неизбѣжность ихъ сознаются всѣми одинаково. Доказывать русскому обществу пользу печати и школы излишне. Въ общемъ

сознаніи существующія ограниченія печати и фактическія „препоны“ народному образованію являются остаткомъ прежнихъ порядковъ, рано или поздно долженствующихъ уступить мѣсто новымъ требованіямъ. Споръ идетъ только о томъ — *рано или своевременно* расширить права печати и средства образованія. Но мы не видимъ вокругъ себя *принципіальныхъ* защитниковъ цензуры, подобныхъ Шишкову, и противниковъ школы, подобныхъ „душевладѣльцамъ“ прежняго времени. Важнѣе всего то, что нынѣшніе сторонники цензурныхъ стѣсненій не могутъ отстаивать ихъ съ тѣмъ духомъ, какъ Шишковъ. Послѣдній — человѣкъ искренній и честный, — *вѣрилъ* въ цензуру, какъ въ средство воспитанія общества въ „добрыхъ мысляхъ“. Кто же *вѣритъ* въ нее теперь?

Начала *всесословности* и *общественности* суть два условія, подъ вліяніемъ которыхъ на западѣ Европы окрѣпло и утвердилось значеніе третьяго начала — начала *народности* или *національности*. Мы говоримъ здѣсь не о процессѣ *образованія* національностей, которыя сложились подъ вліяніемъ множества физическихъ и историческихъ условій; мы говоримъ не о фактическихъ различіяхъ между англичанами и французами, нѣмцами и италіанцами, славянами и мадьярами — ибо это различіе установилось давно, задолго до того времени, какъ начало національности получило *политическое* значеніе. Насъ занимаютъ именно условія, при которыхъ начало народности выступило на политическую сцену.

Оно не могло получить такого значенія пока, во-первыхъ, нація была разбита на нѣсколько *сословій*, отличныхъ и даже противоположныхъ въ своихъ правахъ, обязанностяхъ и интересахъ. Какое сознаніе общности могло утвердиться между гордою поземельною аристократіею, съ ея привилегіями, церковною іерархіею, съ ея „изъятіями“ и вольностями, буржуазіею, съ ея цеховыми и гильдейскими правами, и массою приниженнаго крестьянства? Во-вторыхъ, національность не могла получить самостоятельнаго значенія для *государства*, пока послѣднее разсматривалось какъ механическое и искусственное соединеніе разныхъ областей, сословій и корпорацій подъ властью центральнаго правительства. Такое государство было внѣшнимъ порядкомъ, *системою*, иногда весьма искусно составленною, но не *организмомъ*, ибо понятіе организма предполагаетъ живое тѣло, чувствующее, мыслящее, радующееся и страдающее, развивающееся и болѣющее, имѣющее свою физическую и духовную природу. Такимъ тѣломъ, въ области политики, является народность, съ ея физическими и нравственными особенностями, національнымъ языкомъ, исторіею, преданіями, правами, унаслѣдованными стремленіями, со всѣмъ тѣмъ, что образуетъ *личность* народную.

Когда пали сословныя перегородки, когда расширилось участіе общества въ управленіи, развились и укрѣпились начала личной и общественной свободы, — разрозненные элементы стараго общества сдвинулись, сознали свою общность, и національная личность появилась на политическомъ поприщѣ, требуя признанія своего достоинства и самостоятельности. Система искусственныхъ государствъ, созданныхъ или завоеваніемъ или иными мирными способами: браками, наслѣдствомъ, куплей, дипломатическими сдѣлками, — пошатнулась. Народность и государство, политическая форма и ея естественное содержаніе сблизились, и прежнее механическое государство постепенно обновлялось новымъ живымъ началомъ.

„Въ правосознаніи,—говоритъ Блунчли,—произошелъ великій прогрессъ, когда наконецъ признали, что народы суть живыя существа... Чрезъ это юридическое понятіе государства было *одухотворено*. Прежде оно было мертво и холодно. Теперь оно сдѣлалось полно жизни и теплоты“.

Дѣйствительно, „жизнь и теплота“ проникли въ обновленную національнымъ движеніемъ Италію; изъ „географическаго термина“, какъ ее называли, она сдѣлалась живымъ и осязательнымъ цѣлымъ. Объединилась Германія; воскресаютъ замершія народности Австріи; забилась новая жизнь въ славянскихъ областяхъ Турціи. Государство все болѣе и болѣе становится политическою формою опредѣленной народности; національная политика становится нравственною обязанностью и требованіемъ простого разсчета.

Не трудно замѣтить, что какъ только Россія сдѣлала первые шаги на пути къ уравненію сословій, къ развитію личной и общественной свободы, идея національности, какъ основы и мѣрила политики, сдѣлала у насъ существенные успѣхи. Поведеніе ея по существеннымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики измѣнилось, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ заранѣе можно было бы предсказать, какъ отнесется Россія къ италіанскому движенію и къ политикѣ графа Кавура. Мы усмотрѣли бы въ этомъ движеніи колебаніе всѣхъ основъ европейскаго порядка и ринулись бы на помощь „консервативной“ Австріи, заслуживая ненависть цѣлыхъ народовъ. Въ 1859 году мы отнеслись къ освобожденію Италіи съ явною симпатіею и не провозгласили Кавура карбонаріемъ и якобинцемъ. Можно объяснить этотъ поворотъ желаніемъ возмездія Австріи за ея „неблагодарность“. Но мы не могли питать чувствъ дружбы и къ Наполеону III, сражавшемуся за Италію; мы видѣли 15.000 италіанцевъ въ лагерѣ нашихъ враговъ во время Крымской кампаніи. Почему же именно Австрія была выбрана предметомъ „возмездія?“ Памятно, далѣе,

какъ отнеслась Россія къ объединенію Германіи. Отношеніе это, на первый взглядъ, можно также объяснить разными „ближайшими" мотивами, какъ, напримѣръ, родственными и дружескими связями династій. Но эти мотивы существовали и въ тотъ моментъ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV готовился стать во главѣ національнаго движенія Германіи въ 1848 г. Тѣмъ не менѣе мы энергически поддержали Австрію и содѣйствовали дипломатическому пораженію Пруссіи. Очевидно, наше поведеніе тогда и теперь зависѣло отъ болѣе общей причины: отъ различія эпохъ и соотвѣтственнаго имъ политическаго міросозерцанія. Сознательно или безсознательно, но въ области европейской политики мы стали на почву національныхъ стремленій, и они сдѣлались масштабомъ нашихъ собственныхъ отношеній къ сосѣднимъ государствамъ. Доказательства налицо.

Съ 1815 по 1848 годъ наши отношенія къ Австріи опредѣлялись идеями всеевропейскаго консерватизма, закрѣпленнаго актомъ священнаго союза. Мы видѣли въ ней опредѣленную консервативную силу и за консерватизмъ готовы были простить ей все, что угодно. Теперь наши отношенія складываются и опредѣляются именно на почвѣ *славянскаго* вопроса. Какую политическую форму приметъ Австрія, какую силу будетъ она представлять въ европейской механикѣ—это безразлично. Она можетъ быть консервативна или либеральна, ретроградна или радикальна, сколько ей угодно: это ни на шагъ не подвинетъ рѣшеній того вопроса, который лежитъ между нею и нами—вопроса славянскаго. Намъ безразлично, какая форма правленія утвердится во *Франціи*; мы не истратимъ ни копѣйки на водвореніе Бурбоновъ или на искорененіе республики; насъ не тревожатъ ни Шамборы, ни Гамбетты, ни Бланки; насъ занимаетъ отношеніе *всякаго* французскаго правительства къ насущнымъ интересамъ русской политики. Самыя отношенія наши къ Германіи опредѣляются уже ничѣмъ инымъ, какъ интересами германской народности—съ одной, и положеніемъ Россіи, какъ славянской державы—съ другой стороны. Если это отношеніе было неясно до послѣдняго времени, то поведеніе князя Бисмарка на Берлинскомъ конгрессѣ должно было раскрыть его въ полной мѣрѣ.

Хотимъ или не хотимъ мы этого, но силою вещей и всѣмъ ходомъ современной исторіи наши отношенія къ европейскимъ государствамъ перенесены на почву *національныхъ* требованій и стремленій, присущихъ современнымъ народамъ. Было бы весьма странно оставаться на почвѣ вѣнскихъ трактатовъ 1815 года, когда все кругомъ перестроилось на иныхъ основаніяхъ. Это значило бы видѣть въ современной Пруссіи государство Фридриха-Вильгельма III, въ Германіи—старый Германскій союзъ, въ Австріи—державу Фран-

па I и его наперсника Меттерниха. Все это было и прошло и быльемъ поросло. По библейскому преданію, Іисусъ Навинъ остановилъ солнце на нѣсколько часовъ, но нѣтъ преданія, чтобы онъ велѣлъ быть вчерашнему дню сегодняшнимъ. Вмѣстѣ съ многими союзниками, мы задерживали въ Европѣ теченіе времени, стояли на стражѣ событій и идей, но теперь уже не въ нашей власти приказать настоящему сдѣлаться прошедшимъ.

Что же остается намъ дѣлать? Не будучи въ силахъ приказывать другимъ, не имѣемъ ли мы возможности приказать себѣ оставаться на прежней точкѣ? Нельзя ли намъ, въ то время, какъ другія государства переработались на новыхъ началахъ, оставаться на почвѣ вѣнской системы „искусственныхъ“ государствъ? Если бы это зависѣло отъ одного нашего хотѣнія, то предпріятіе было бы возможно. Исторія знаетъ примѣры народовъ, говорившихъ другимъ: идите себѣ на новые пути, мы же остаемся на мѣстѣ. Они доживали свой вѣкъ и оканчивали жизнь мирно или насильственно. Польша твердо вознамѣрилась остаться въ средневѣковыхъ формахъ, проглядѣла возвышеніе Пруссіи, преобразованіе Россіи и проснулась только послѣ перваго раздѣла. Но намъ не даютъ остановиться другіе. Назойливо, неустанно твердятъ въ западной Европѣ о славянскихъ стремленіяхъ Россіи, вызываютъ призраки панславизма, кричатъ о старо-русской партіи и т. д. Иные видятъ въ этомъ большое горе и всѣми силами открещиваются отъ славянства и „старо-русскаго“. Мы же видимъ въ этомъ большое благо. Уста недруговъ и противниковъ напоминаютъ намъ о требованіяхъ времени; пальцы враговъ указываютъ намъ на почву новыхъ отношеній. Враги и противники логичны; они прилагаютъ къ намъ мѣрку, установленную современною исторіею для всей Европы. Современная исторія научила нѣмца видѣть въ Германіи нѣчто бо̀льшее, чѣмъ систему административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ учрежденій; онъ видитъ въ ней политическую форму германскаго народа, нѣкоторое жилище, подъ кровлею и въ стѣнахъ котораго обитаетъ живое существо, съ своими потребностями и стремленіями. Логически—онъ и въ русскомъ государствѣ долженъ видѣть политическую форму русскаго народа, какъ существа живого, съ его вѣрованіями, стремленіями, надеждами, симпатіями и антипатіями? Было бы грустно, если бы онъ видѣлъ въ Россіи только машину безъ пружинъ, домъ безъ жильца, форму безъ содержанія.

V.

Злоба дня.

Личность человѣческая и личность народная — какое отношеніе имѣютъ эти два начала къ врачеванію нашихъ язвъ, особенно къ тому, что̀ теперь занимаетъ всѣ умы, что̀ приковываетъ къ себѣ исключительное вниманіе всякаго—къ *русскому соціализму*? Эта „безыменная Русь“ (говоря словами Тургенева) является какъ бы крайнимъ симптомомъ нашихъ неустройствъ, нашей внутренней болѣзни. Всѣ понимаютъ, притомъ, что поимка и осужденіе отдѣльныхъ представителей этого направленія не есть средство радикальнаго исцѣленія и что послѣдняго должно искать въ оздоровленіи общества, въ воспитаніи его на началахъ, противоположныхъ нашей соціалистической доктринѣ. Какія же это начала и гдѣ ихъ искать?

Послушаемъ прежде всего враговъ: изъ ихъ рядовъ слышатся часто наилучшіе совѣты. Противъ чего направлены всѣ филиппики русскаго соціализма? Что̀ болѣе всего претитъ ему, что̀ возбуждаетъ сильнѣйшее его отвращеніе? Отвѣтъ находится чуть не на каждой страницѣ произведеній нашей тайной литературы. Эти предметы ненависти, отвращенія и ужаса суть именно—*собственность*, *семья* и *народность*.

Собственность и семья — два института, являющіеся условіями самостоятельнаго развитія *человѣческой личности* въ области матеріальныхъ и нравственныхъ отношеній. Народность, т.-е. народная, исторически сложившаяся личность, стремящаяся къ самостоятельной и своеобразной жизни среди другихъ народовъ — вотъ что̀ является препятствіемъ къ осуществленію соціалистическаго идеала. Конечная цѣль соціализма, разсматриваемаго съ этой точки зрѣнія, состоитъ въ *обезличеніи* отдѣльнаго человѣка и народности. Отдѣльный человѣкъ, безъ семьи и собственности, входитъ въ „общность“ не какъ человѣкъ, а какъ единица, какъ *нумеръ* въ общемъ числѣ „рабочихъ силъ“, находящихся въ распоряженіи цѣлаго. Идеальная „общность“, въ свою очередь, не есть живая народность. Она, въ качествѣ пассивнаго матеріала, входитъ въ содержаніе величайшей „общности“, т.-е. *человѣчества*, обновленнаго „соціальною революціею“, разрушившею „всѣ государства въ мірѣ“.

Если врагъ, осаждающій нашъ городъ, говоритъ, что главное свое зло онъ видитъ въ такомъ-то фортѣ или въ такомъ-то редутѣ,

то отсюда по здравой логикѣ, слѣдуетъ, что осажденные должны съ особеннымъ стараніемъ укрѣплять этотъ фортъ и стойко оборонять этотъ редутъ.

У насъ обыкновенно слѣдуютъ иной логикѣ. Органы и представители „охранительнаго" направленія усердно объясняютъ, что все, сдѣланное въ теченіе нынѣшняго царствованія на пользу личной свободы, общественнаго участія въ управленіи и укрѣпленія начала народности въ политикѣ, все это питало нашу соціальную революцію. Крестьяне подготовляются къ воспріятію соціальныхъ ученій отмѣною крѣпостного права и начатками народныхъ школъ; общество подготовляется къ революціи новыми судами и земскими учрежденіями; учащаяся молодежь искажается „распущенною" университетскою каѳедрою; наконецъ, все и вся растлѣвается разнузданною печатью. Словомъ, все, въ чемъ слышится біеніе нѣкотораго свободнаго пульса, все, въ чемъ проявляется хотя нѣсколько свободная личность, все это въ глазахъ названныхъ политиковъ является поливкою для революціонныхъ всходовъ.

Мы затрудняемся объяснить происхожденіе и ходъ этой удивительной аргументаціи. Le trait caractéristique de la bêtise c'est qu'elle ne s'explique pas, сказалъ одинъ умный человѣкъ.

Бываютъ, однако, времена, когда каждое „мнѣніе", какъ бы нелѣпо оно ни было, должно быть принимаемо въ разсчетъ, когда съ нимъ слѣдуетъ вести борьбу по всѣмъ правиламъ искусства. Нельзя не сознаться, что охранительные софизмы въ настоящее время такъ распространены и имѣютъ такихъ стойкихъ адептовъ, что опроверженіе ихъ сдѣлалось совершенно необходимымъ. Къ счастью, эта задача не представляетъ особенныхъ затрудненій.

Дѣло идетъ, какъ мы видѣли, о защитѣ главныхъ основъ общества и общественнаго порядка—собственности, семьи и государства. Мы сказали бы еще о *религіи*, если бы религія вообще могла быть защищаема руками человѣка и не стояла превыше всякихъ посягательствъ. Остановимся на томъ, что̀ создается руками человѣка и можетъ быть защищаемо силою человѣческаго ума, мнѣнія и общественной власти. На первый разъ мы выберемъ институтъ собственности, ибо онъ, главнымъ образомъ, сдѣлался мишенью соціалистической пропаганды.

Русское общество призывается къ защитѣ *собственности.* Но что такое собственность, не въ узко-юридическомъ, а въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ этого слова? Собственность есть возможность усвоенія человѣкомъ его исключительнаго господства надъ предметами видимаго міра. Но общество, признающее за отдѣльнымъ человѣкомъ такое право, предварительно признаетъ въ немъ *лич-*

ность, т.-е. свободный и самостоятельный субъектъ права. Учрежденіе собственности есть одно изъ условій проявленія и бытія личности во внѣшнемъ мірѣ, одно изъ обезпеченій ея самостоятельности и свободы. La propriété c'est la liberté. Отсюда слѣдуетъ, что начало собственности можетъ быть признано въ полномъ объемѣ только тамъ, гдѣ уже освящено и признано начало личности вообще.

Обратитесь къ исторіи, и она подтвердитъ вамъ это. Когда въ Россіи было провозглашено дѣйствительное начало собственности? Вмѣстѣ съ изданіемъ *жалованныхъ грамотъ* дворянству и городамъ, т.-е. вмѣстѣ съ признаніемъ цѣлой совокупности личныхъ и общественныхъ правъ за дворянами и „мѣщанами". Почему, въ теченіе долгаго времени, принципъ собственности, провозглашенный въ грамотахъ и занесенный въ сводъ гражданскихъ законовъ, не имѣлъ надлежащаго примѣненія къ значительной части народонаселенія Россіи? Потому что одна часть крестьянства находилась подъ крѣпостною властью помѣщиковъ, а другая—подъ крѣпостною властью самого государства.

Таковъ аргументъ положительный. Приведемъ и отрицательный. Екатерина II, въ своемъ Наказѣ, думала улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, обезпечивъ имъ нѣкоторыя *имущественныя* права. Но въ то же время она желала сохранить неприкосновенною власть помѣщика надъ *личностью* крестьянина. Внутреннее противорѣчіе этого плана было скоро раскрыто въ коммиссіи для составленія новаго уложенія. Не краснорѣчивые, но разсудительные депутаты безъ труда доказали, что крестьянская „собственность" будетъ ничто, пока не освободится самая личность крестьянина.

Основаніемъ собственности является именно начало человѣческой личности и притомъ въ *полномъ ея объемѣ*, а не въ отдѣльномъ ея элементѣ. *Уваженіе*, которое люди, живущіе въ просвѣщенномъ обществѣ, имѣютъ къ собственности, вытекаетъ изъ общаго уваженія ко всей личности человѣка, во всѣхъ законныхъ ея проявленіяхъ. Трудно, невозможно даже заставить людей уважать личность въ одномъ отношеніи въ то время, какъ она не уважается во всѣхъ другихъ. Почему уваженіе будетъ требоваться къ одной *имущественной* личности, когда имъ не будетъ пользоваться личность *мыслящая*, личность *вѣрующая*, личность *художественная* и т. д.? Развѣ всѣ эти личности не составляютъ одного неразрывнаго цѣлаго, одного нераздѣльнаго человѣческаго я? Какимъ же образомъ отъ этого *я*, сотвореннаго Богомъ по образу своему и подобію, можетъ быть оторвана одна *имущественная* его сторона, съ забвеніемъ всѣхъ остальныхъ? Вѣтвь, отрѣзанная отъ ствола, не можетъ процвѣсти и дать добрыхъ плодовъ.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, къ чему приведетъ попытка построить институтъ собственности на понятіи одной имущественной личности человѣка.

Тамъ, гдѣ институтъ этотъ держится на признаніи *всей* человѣческой личности — уваженіе къ собственности является простымъ и логическимъ послѣдствіемъ уваженія къ человѣку, какъ существу нравственно разумному. Люди уважаютъ въ собственности не одинъ *матеріальный интересъ* своего ближняго, а его личность вообще. Они уважаютъ это матеріальное условіе его самостоятельности и свободы такъ же, какъ они уважаютъ его мысль, его вѣрованія, его убѣжденія, его домашній покой, его личную безопасность. Наоборотъ, собственникъ не видитъ тогда въ своемъ имуществѣ только средства удовлетворенія его матеріальныхъ нуждъ. Онъ видитъ въ немъ матеріальную основу бытія всей его личности, не только физической, но и нравственной, не только какъ „особи“, но и какъ члена общества. Поэтому, во-первыхъ, онъ *бережетъ* свою собственность, ибо она нужна ему не только для матеріальныхъ утѣхъ, но и для того, чтобы сохранить его общественное значеніе, его вліяніе на общественныя дѣла и чтобы изъ рода въ родъ передавать это вліяніе своимъ потомкамъ. Онъ бережетъ свои лѣса, удобряетъ почву, обращаетъ въ зеленые луга разныя топи, любитъ свой уголъ и какъ бы сознаетъ свои *обязанности* къ землѣ. Во-вторыхъ, онъ видитъ въ своей собственности не одно только право на *доходъ*. Тѣсно связанный съ обществомъ во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, онъ сознаетъ и обязанности, налагаемыя собственностью. Онъ становится во главѣ общеполезныхъ предпріятій, учреждаетъ школы, больницы, пріюты, беретъ на себя должности по управленію и суду, служитъ обществу и государству. На него привыкаютъ смотрѣть какъ на естественнаго представителя мѣстныхъ интересовъ, какъ на прирожденнаго участника во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Матеріальное понятіе собственности одухотворяется, получаетъ нравственное и общественное освященіе. Съ этимъ понятіемъ соединяется представленіе о великихъ услугахъ, оказанныхъ обществу поколѣніями собственниковъ, является убѣжденіе, что услуги эти не могли бы быть оказаны безъ учрежденія собственности, какъ основанія личной свободы, условія предпріимчивости, образованія цѣльныхъ и крѣпкихъ характеровъ, смѣлыхъ, независимыхъ и воспитанныхъ въ уваженіи къ праву.

Иные результаты получатся въ томъ случаѣ, если мы выдѣлимъ изъ личности ея „хозяйственный“ элементъ и попробуемъ основать институтъ собственности только на немъ. Во-первыхъ, мы сразу умалимъ значеніе самой личности человѣка. Почему, повторяемъ,

эта личность будетъ уважаема въ ея хозяйственныхъ проявленіяхъ, если ей будетъ отказано въ уваженіи въ другихъ, болѣе высокихъ ея проявленіяхъ — въ проявленіяхъ мысли, вѣры, общественнаго служенія и т. д.? Напротивъ, уваженіе къ личности умалится въ общественномъ сознаніи, потому что личность представится ему съ самой непривлекательной стороны, съ точки зрѣнія „интересовъ“ наиболѣе низкихъ, со стороны области, гдѣ разыгрываются самыя неприглядныя страсти. Личность и личное не замедлятъ сдѣлаться синонимомъ „эгоизма“, „наживы“, „безсердечія“ и т. п. И характеръ умаленной собственности отчасти оправдаетъ такой взглядъ.

Въ глазахъ самихъ собственниковъ, собственность, построенная на идеѣ чисто имущественнаго интереса, обратится въ орудіе „частныхъ“ интересовъ, понимаемыхъ въ самомъ узкомъ, матеріальномъ смыслѣ. Въ ней увидятъ только источникъ „дохода“ и притомъ дохода скораго, извлекаемаго всѣми средствами, ибо аппетиты „матеріальной“ личности велики и порывисты. Такая личность не сохранитъ лѣсовъ, а продастъ ихъ поскорѣе на срубъ, ради какого-нибудь „удовольствія“; она не насытитъ землю удобреніемъ, а истощитъ почву до тла; она не создастъ новаго луга, а скорѣе обратитъ въ пустыню существовавшія поля. Въ собственникѣ проснется *хищникъ*, съ налету бросающійся на поля, луга, лѣса, стада, высасывающій изъ нихъ все, что̀ можно, затѣмъ бросающій все на произволъ судьбы и пристраивающійся къ „мѣсту“, частному, общественному или казенному, гдѣ онъ будетъ чинить „растраты“, „не боясь Бога и не стыдясь людей“.

Трудно предположить, чтобы зрѣлище такой собственности способно было возбудить къ ней уваженіе и воспитать остальное общество въ чувствахъ нравственныхъ. Напротивъ, страшное развитіе матеріальныхъ аппетитовъ въ „собственникахъ“ разовьетъ ихъ и въ *несобственникахъ*, особенно если принять въ разсчетъ, что „матеріализировавшіеся“ собственники выставляютъ свои аппетиты на показъ, кичатся своими удовольствіями, гордятся своею безумною роскошью. „Удовольствіе“ и средства къ его достиженію становятся цѣлью жизни, мѣрою людей и вещей, единственнымъ признакомъ счастья, ибо такіе „собственники“, отлученные отъ всего духовнаго, общественнаго, замкнутые въ область своихъ „частныхъ“ интересовъ, въ самомъ дѣлѣ не знаютъ никакого другого мѣрила человѣческаго достоинства и благополучія. Если такъ, то удивительно ли, что въ людяхъ, „смотрящихъ“ на собственность только со стороны оргій и удовлетворенія матеріальныхъ инстинктовъ собственниковъ, просыпаются тѣ же инстинкты, только въ иной формѣ. Въ подобномъ собственникѣ „матеріальный“ инстинктъ проявляется въ видѣ широ-

чайшихъ „наслажденій“, прыжковъ и шалостей разгулявшагося звѣря; а въ несобственникѣ—въ видѣ зависти, рычанія и выпусканія когтей звѣря дикаго и раздраженнаго. Собственникъ мечтаетъ о *наживѣ*; несобственникъ—о *раздѣлѣ* имуществъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ человѣкѣ просыпается *звѣрь*, котораго въ просвѣщенныхъ обществахъ, въ теченіе вѣковъ, взнуздывали—церковь, школа, семья, философія, политика и исторія. Вѣками совершался этотъ великій процессъ обращенія человѣка *изъ звѣря въ личность*, разумную, нравственную, сознающую свои права, уважающую права другихъ, ходящую въ мирѣ и творящую правду.

Теперь насъ стараются увѣрить, что институтъ собственности можетъ быть поддержанъ и защищенъ умаленіемъ человѣческой личности, правильному развитію которой положено начало реформами современнаго царствованія! Нѣтъ, милостивые государи, мудрецы и охранители! Все, что̀ ведетъ къ умаленію человѣческой личности въ одной области, не поведетъ къ возвышенію ея въ другой. Умаленная въ области своихъ нравственныхъ способностей и стремленій, она не воскреснетъ въ области „имущественной“. Шагъ за шагомъ она будетъ низведена на степень звѣря, а звѣрь ничего не „уважаетъ“. Выгоните человѣческую личность изъ обществъ, обращайтесь не къ благороднымъ, а къ низкимъ инстинктамъ человѣка, и вы скоро услышите жадное чавканіе насыщающихся звѣрей — съ одной, и грозное рычаніе звѣрей голодныхъ — съ другой стороны. Этого ли желать Россіи? Entfesseln sie die Bestie nicht— *не разнуздывайте звѣря!* скажемъ мы словами Шульце-Делича. Звѣрь охотно и безъ труда послушаетъ проповѣди насилія, разрушенія, убійствъ и пожаровъ: ему сто̀итъ только дать волю своимъ „инстинктамъ“.

Но въ данную минуту воспитывать человѣка и обуздывать звѣря значитъ слѣдовать по пути, проложенному въ 1861 году. Тогда открылась для Россіи *прямая* дорога, — дорога, достойная великаго европейскаго народа. Пусть не сворачиваетъ она съ этой дороги; пусть безсильны будутъ слова какъ тѣхъ, которые влекутъ ее въ канцелярію стараго типа, такъ и тѣхъ, которые приглашаютъ ее въ „казачьи круги“. „Не уклонися ни на десно, ни ошую: отврати же ногу твою отъ пути зла“, какъ говорилъ Соломонъ.

Велика смута, заведенная въ настоящее время и справа, и слѣва; велико помраченіе умовъ, велика слабость сердецъ. Въ искусственномъ мракѣ страна какъ бы сбилась съ дороги, забыла о своемъ прошломъ, блуждаетъ направо и налѣво. Но великая страна не можетъ долго оставаться на распутіи; все значеніе недавняго прошлаго, вся тѣсная, органическая связь его съ временами Петра и Екате-

рины, вся картина поступательнаго движенія ея въ сонмѣ европейскихъ народовъ—представятся ея духовнымъ очамъ. Тогда она почувствуетъ подъ ногами своими твердую, прямую дорогу, по которой она призвана была идти, „осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ“, въ 1861 году. Россіи нѣтъ нужды начинать; ей слѣдуетъ продолжать.

СѢМЯ ПЛЕВЕЛЪ.

Въ газетѣ *Новое Время* была недавно напечатана статья „Плевелы на народной почвѣ"—статья во многихъ отношеніяхъ вѣрная. Тѣмъ не менѣе, она оставляетъ открытымъ очень важный вопросъ, который играетъ въ ней самую большую роль.

Авторъ видитъ главную причину воспріимчивости извѣстной части нашей молодежи къ соціалистическимъ ученіямъ въ издавна установившемся „раболѣпствѣ" передъ Европой, въ презрѣніи къ русскому, въ отвлеченномъ космополитизмѣ. Онъ проводитъ параллель между фантазерами, желающими преобразовать Россію по рецепту Бебеля, и „солидными администраторами", педагогами и публицистами, желающими внѣдрить въ Россіи такіе же отвлеченные „принципы", только другого цвѣта. Онъ ищетъ спасенія въ началѣ народности.

„Обществу—говоритъ онъ—надо возстановить связь съ народомъ, которая порвалась у него въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ. Иначе, кто же поручится, что мы вновь не пойдемъ на Западъ, не поклонимся какому-нибудь новому богу, не принесемъ его на Русь и не станемъ пропагандировать его культъ и плевать на святая святыхъ русскаго народа?"

Да, „сближеніе съ народомъ" не только настоятельно, но и желательно. Но авторъ, затронувъ важный вопросъ, все-таки оставляетъ его безъ разрѣшенія.

Что разумѣетъ онъ подъ именемъ „сближенія съ народомъ"? Вѣроятно, онъ не желаетъ, чтобъ его слова были поняты въ смыслѣ рекомендаціи претвориться въ народъ, съ его міросозерцаніемъ, нравами и обычаями. Выполнить такой рецептъ не возьмется никто, не исключая его самого. Затѣмъ, вѣроятно, онъ не желаетъ ограни-

читься простою рекомендаціей, чтобъ русская интеллигенція „не плевала" на святая святыхъ русскаго народа. Для блага Россіи этого было бы слишкомъ мало. Когда я только „не плюю" на человѣка, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я жилъ съ нимъ одною жизнью, радовался его радостями и печалился его печалями. Я могу даже „уважать" его, но все-таки считать существомъ страннымъ и держаться отъ него въ сторонѣ.

Насколько можно понять статью, кажется, что авторъ желалъ бы сдѣлать *интеллигенцію* нашу болѣе народною, чтобъ она, силою своего умственнаго развитія, могла и умѣла выражать дѣйствительныя нужды Россіи, жить Россіей и видѣть въ ней цѣль своихъ трудовъ. Такая интеллигенція не поклонится, конечно, народу за его дѣйствительные недостатки; но она перестанетъ видѣть въ немъ пассивный матеріалъ, который должно гнать на служеніе разнымъ „принципамъ", выхваченнымъ изъ книжекъ или изъ разговора съ берлинскимъ штатсратомъ или „соціалъ-демократомъ". Она не будетъ подделываться къ народу, лицемѣрно соблюдая посты и притворно раздѣляя его взгляды на причины грозы, потому что гдѣ лицемѣріе, тамъ и ложь, а гдѣ ложь, хотя бы искусно скрытая, тамъ нѣтъ и не можетъ быть довѣрія. Но, откинувъ все второстепенное, ложное и темное въ народныхъ взглядахъ, она проникнется основными стремленіями народа, выразившимися въ его исторіи, уразумѣетъ его настоятельныя нужды, пойметъ, что народъ есть живое существо, имѣющее свою духовную жизнь, свои историческія задачи, и что она, какъ *часть этого народа,* должна служить именно *этимъ* задачамъ, а не искать для себя „лозунговъ" на сторонѣ. Коротко говоря, интеллигенція наша должна все болѣе и болѣе проникаться началомъ *народности*, въ самомъ лучшемъ, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова.

Вотъ объ этомъ-то „смыслѣ" мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ. Авторъ горько сѣтуетъ, что начало народности очень слабо развито въ нашемъ обществѣ. Онъ указываетъ на фактъ, говоритъ о немъ много, но вовсе не указываетъ на его причину. Правда, онъ говоритъ объ излишне-теоретическомъ характерѣ нашего образованія; но и этотъ характеръ есть не причина, а *слѣдствіе*, и слѣдствіе очень серьезной причины.

Припомнимъ кое-какіе факты.

Начало народности не есть какая-нибудь спеціально-русская потребность. На западѣ Европы оно сознано раньше, чѣмъ у насъ, и примѣнено уже къ жизни. Въ то время, какъ у насъ оно *нарождалось* въ школѣ славянофиловъ, нарождалось даже въ довольно причудливой формѣ,—въ Италіи и Германіи шла глухая и упорная ра-

бота, завершившаяся, въ шестидесятыхъ годахъ, въ такой формѣ, которая свойственна была историческому развитію этихъ странъ. Въ то время, какъ въ Россіи Хомяковъ находился въ положеніи „чудака", въ Италіи понимали, что вожаки національнаго сознанія вовсе не чудаки, и что въ нихъ бьется сила, долженствующая обновить государственную систему Европы.

Несмотря на это, въ самой Европѣ національное движеніе, сравнительно говоря, *ново.* Его не могла знать средневѣковая Европа, разбитая на феодальныя вотчины, въ которыхъ народъ разсматривался какъ часть земли; его не могли знать старыя монархіи Европы, сколоченныя завоеваніемъ, куплями-продажами, счастливыми наслѣдствами и дачами въ приданое. Начало народности выступило на историческую сцену именно какъ *реакція* противъ системы искусственныхъ государствъ, противъ начала завоеванія; оно было динамитомъ, взорвавшимъ владычество Наполеона; оно подкопало и пустило ко дну „систему", установленную вѣнскимъ конгрессомъ; оно явилось именно въ тотъ моментъ, когда явилось сознаніе, что народы суть живыя существа, и что государство есть какъ бы форма, обликъ этого существа, съ его идеалами, стремленіями, симпатіями и антипатіями. Вотъ почему національное движеніе всегда и вездѣ шло объ руку съ движеніемъ освободительнымъ, подавало руку всему, что расширяло область человѣческаго труда, мысли и чувства. Возраставшее уваженіе къ *человѣческой* личности переносилось и на *народную* личность.

Теперь я позволю себѣ спросить автора разбираемой статьи: могло ли чувство сознанія народности развиться въ Россіи до 1861 года? Гдѣ была къ тому удобная почва? Возможно ли было вообразить, что помѣщикъ, и особенно помѣщикъ „просвѣщенный", откроетъ въ массѣ крѣпостныхъ нѣкоторую народную личность, да еще достойную уваженія? Думаемъ, что такое предположеніе ничего не можетъ вызвать, кромѣ смѣха.

Поставимъ вопросъ такъ. Если, въ глазахъ помѣщика, его Ваньки, Ѳедьки и Степки были именно только Ваньками, Ѳедьками и Степками, т.-е. простою рабочею силою, мало чѣмъ отличавшеюся отъ вола, почему же совокупность этихъ Ванекъ и Степокъ съ прибавкою Филекъ, Сенекъ и Дашекъ явилась бы чѣмъ-то почтеннымъ и даже священнымъ? Фильки, Сеньки были для него тѣмъ, чѣмъ для „бѣлаго человѣка" были его негры. Они давали ему доходъ, на который онъ жилъ и „просвѣщался", разсуждалъ о Гизо и Рашели, о Викторѣ Гюго и Жоржѣ Зандѣ, зачитывался Дюма-фисомъ, восхищался благородствомъ собственныхъ чувствъ и говорилъ вмѣстѣ съ Чичиковымъ: „Какая, однако, разница между благородною дво-

рянскою физіономіею и грубою мужицкою рожей!“ И вы удивляетесь, что въ этомъ человѣкѣ не проснулось чувство народности? Нужно удивляться другому: какъ въ этомъ непроглядномъ мракѣ нашлись люди, признавшіе въ мужикѣ человѣка и посвятившіе всю свою жизнь на борьбу съ крѣпостнымъ правомъ!

Но объ этихъ людяхъ мы скажемъ ниже. Теперь обратимся къ нашему „культурному“ помѣщику. Перенесите его изъ вотчины, гдѣ онъ читалъ Дюма-пера или фиса и сѣкъ своихъ Ванекъ, въ глубину петербургской канцеляріи. Здѣсь уже онъ не имѣетъ дѣла съ Кузьками и Фильками непосредственно: онъ имѣетъ дѣло съ Россіей. Но что такое въ его глазахъ эта матушка Русь? Географическій терминъ, столько-то десятковъ тысячъ квадратныхъ миль, населенныхъ какими-то странными, дикими и пьющими существами, которыхъ онъ призванъ наставлять на путь истинный. Конечно, не у нихъ онъ спроситъ объ этомъ „пути“; на то есть другіе источники. Нужно ли произвести перемѣну въ такой-то отрасли управленія, мы допросимъ и коранъ, и талмудъ, и нѣмецкій лербухъ, и послѣднюю статью французскаго журнала, пошлемъ чиновника совѣщаться съ нѣмецкими ассессорами и французскими совѣтниками, но забудемъ сдѣлать одно—изучить дѣйствительныя нужды Россіи. Отъ этого и выходили у насъ учрежденія, напоминавшія „комитетъ сельскихъ дѣлъ“ полковника Кошкарева. Вѣдь, онъ-то и предлагалъ „самовѣрнѣйшее средство“ просвѣтить Россію: „одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи; ничего больше, какъ *только* это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ, какъ по маслу: науки возвысятся, торговля поднимется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи“.

И „одѣвали“, и куралесили съ спокойною душою и даже въ сознаніи „цивилизаторской“ роли, зная притомъ, что за всякую блажь расплатится тотъ же Филька своимъ тощимъ карманомъ!

Перенеситесь еще на одну ступень и заставьте такого „мужа“ думать о всемірной политикѣ Россіи. Могъ ли онъ открыть задачу, призваніе, вытекавшія изъ всей нашей исторіи, изъ нашихъ національныхъ условій? Русская исторія! Пхе! Какіе-то Рюрики да Святополки, сарматы да печенѣги! Русскій народъ долженъ за счастье почитать примазаться къ какому-нибудь европейскому интересу, пропонтировать въ какой-нибудь всеевропейской ставкѣ, хотя бы это стоило жизни тысячѣ Филекъ и Степокъ, хотя бы мы, примазавшись къ чужому дѣлу, заслужили потомъ громкое порицаніе народовъ. И шли мы „освобождать“ Италію отъ французовъ, давали себя обрабатывать вѣнскимъ щелкоперамъ, становились на стражѣ всеевро-

пейскаго „порядка“, дразнили пробудившееся и щекотливое національное чувство и проснулись только послѣ Крымской войны.

Вотъ онъ настоящій источникъ того „космополитизма“, на который справедливо можетъ жаловаться авторъ! Но былъ и другой „космополитизмъ“, который имѣетъ право на иное къ себѣ отношеніе. Были люди, впитавшіе въ себя истинныя начала *общеевропейскаго* просвѣщенія, люди серьезные, чистые сердцемъ, узрѣвшіе въ Филькахъ человѣка и горячо возставшіе противъ міра мертвыхъ душъ. Они внесли въ наше общество ту долю просвѣщенія, которая была необходима для выполненія реформъ императора Александра II-го, для освобожденія крестьянъ, для земской и судебной реформы, для улучшенія положенія печати.

Пусть скажутъ намъ, что они совершали это съ „общечеловѣческой“, даже „космополитической“ точки зрѣнія. Какое намъ дѣло до ихъ точки зрѣнія! Намъ важна прямота ихъ намѣреній, горячая любовь къ Россіи, добросовѣстное исполненіе возложенной на нихъ задачи и, наконецъ, результаты ихъ дѣлъ.

А результатъ этотъ нижеслѣдующій. Благодаря этимъ „космополитическимъ“ реформамъ, освободившимъ массу русскаго народа, давшимъ лучшее обезпеченіе личности, больше свободы мысли, больше простора самодѣятельности—благодаря всему этому и сдѣлалось возможнымъ развитіе Россіи въ *національномъ* смыслѣ. Факты налицо: сознаніе нашей національности сдѣлало быстрые успѣхи на нашихъ глазахъ и рука объ руку съ ходомъ реформъ. Напротивъ, поверните машину ко временамъ мертвыхъ душъ, и вы создадите тотъ „космополитизмъ“, отъ котораго приходилъ въ отчаяніе Хомяковъ.

Кстати: въ періодъ освободительныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, славянофилы и западники сошлись на этомъ общемъ дѣлѣ, и Самаринъ сѣлъ среди ветерановъ западничества. Онъ понималъ, что̀ такое народность.

Авторъ разбираемой статьи также понимаетъ это. Онъ рѣзко отзывается о мудрецахъ, ищущихъ исцѣленія нашихъ бѣдъ въ дореформенныхъ порядкахъ. Но онъ не привелъ въ связь своей антипатіи къ повороту вспять съ исповѣдуемымъ имъ началомъ народности. Между тѣмъ, это необходимо было сдѣлать въ виду того, что начало народности, подобно всякимъ другимъ началамъ, имѣетъ своихъ лжепророковъ.

Въ 1823 году извѣстный Магницкій, съ точки зрѣнія началъ „народности“, противоположилъ просвѣщеніе европейское тому, которое онъ завелъ въ *Казани*, гдѣ онъ былъ попечителемъ. Въ письмѣ къ императору Александру I-му онъ писалъ, между прочимъ: „Проповѣдуютъ (на Западѣ) въ географіи, что наука сія разсматриваетъ

землю въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ Творца; сіе богохульное отверженіе грѣхопаденія въ *Казани* не имѣетъ мѣста. Проповѣдуютъ въ исторіи, что міръ существуетъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ; въ *Казани* слѣдуютъ хронологіи книгъ священныхъ" и т. д. и т. д.

Нѣтъ господа! Начало народности есть великая, животворящая сила, но оно не есть „казанское просвѣщеніе".

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНІЯ.

I.

Старые и новые западники.

Въ 1836 году, въ Москвѣ, въ журналѣ *Телескопъ* появилось знаменитое *философическое письмо* Чаадаева, надѣлавшее страшно много шуму и причинившее не мало непріятностей его автору. Что̀ говорилъ и что̀ доказывалъ онъ своимъ современникамъ? Какая нота проходитъ чрезъ все это *философическое письмо* и почему произвело оно такой диссонансъ въ общемъ, торжественномъ тогда настроеніи русскаго общества?

Сущность дѣла можно выразить въ двухъ словахъ. *Авторъ выразилъ сомнѣніе въ способности русскаго народа къ цивилизаціи.* Сравнивая основные элементы нашей исторіи съ „игрою нравственныхъ народныхъ силъ на западѣ Европы“, онъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ

вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, *въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ безъ прошедшаго и будущаго*. Если же иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлью достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія... Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда на умахъ нашихъ. *Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что̀ могла бы опереться наша мысль*... Не знаю, въ *крови* у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Послѣ этого скажите, справедливо ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе".

Извѣстно, какая судьба постигла Чаадаева и его обличительное слово. Не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе, кто былъ правъ и кто виноватъ въ данномъ случаѣ. Ограничимся простымъ утвержденіемъ факта, что Чаадаевъ былъ первымъ и крупнымъ представителемъ, такъ сказать, *воинствующаго западничества*, избравшаго учрежденія и явленія западно-европейской жизни, какъ выразительницы началъ *общечеловѣческихъ*, для оцѣнки, а въ иныхъ случаяхъ и для осужденія явленій русскаго общественнаго быта.

Съ тѣхъ поръ такъ называемое *западничество* было разсматриваемо, какъ направленіе „протестующее" и обличительное, какъ ученіе, видѣвшее въ западной Европѣ идеалы общественнаго быта, источникъ просвѣщенія и добра. Словомъ „западникъ" злоупотребляли впослѣдствіи такъ, какъ еще позже злоупотребляли словомъ „нигилистъ". Каждый, кто желалъ воздѣйствія западно-европейской культуры на русскую жизнь, хотя бы въ самой законной мѣрѣ, кто, для оцѣнки разныхъ общественныхъ явленій, принималъ масштабъ, выработанный вѣковымъ опытомъ Европы,—былъ западникомъ, достойнымъ судьбы нечестиваго сына Ноя.

Если бы въ тѣ времена кто-нибудь предсказалъ, что западничество особаго рода пропитаетъ людей, подобныхъ тѣмъ, какіе въ свое время содрогнулись отъ дерзости Чаадаева, что его слова пойдутъ имъ на пробу для иныхъ цѣлей,—онъ навлекъ бы на себя подозрѣніе въ умопомѣшательствѣ, какъ навлекъ его Чаадаевъ. Между тѣмъ мы присутствуемъ при этомъ любопытномъ явленіи.

Послѣ того, какъ четверть вѣка, съ 1855 по 1880 годъ, ушло на преобразованія, благодаря которымъ Россія сблизилась съ Европою больше, чѣмъ она успѣла сдѣлать это въ первыя шестьдесятъ лѣтъ нашего столѣтія, и развить свои *національныя* силы, вдругъ раз-

дались голоса, выражающіе мнѣніе о такомъ неизмѣримомъ разстояніи между Россіею и Европою, что первая является недостойною пользоваться даже крохами европейскаго просвѣщенія. Кому принадлежатъ эти голоса? Стариннымъ ли западникамъ, уходившимъ въ свое время въ дерзкое отрицаніе? О, нѣтъ! Эти западники до земли поклонились совершившимся преобразованіямъ, и если желали чего-нибудь, то именно возможно полнаго и широкаго ихъ примѣненія. На этой почвѣ они сошлись съ славянофилами, вмѣстѣ съ ними радостно привѣтствовали новое время и вмѣстѣ трудились надъ положеніемъ о крестьянахъ. Принадлежатъ ли они „разрушителямъ“ новѣйшаго типа? Тоже нѣтъ! Они, какъ извѣстно, отвергли западную „культуру“ начисто, гораздо радикальнѣе, чѣмъ дѣлалъ это нѣкогда Шишковъ. — Эти голоса принадлежатъ именно людямъ, которые въ былое время выступили бы въ числѣ самыхъ ревностныхъ, самыхъ надежныхъ противниковъ Чаадаева.

Чѣмъ объяснить такое неожиданное превращеніе? Это явленіе не такъ загадочно, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Стòитъ только сравнить условія двухъ эпохъ, пережитыхъ русскимъ обществомъ въ XIX столѣтіи, т.-е. эпохи дореформенной, и періода, открывшагося знаменитымъ рескриптомъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова.

Въ моментъ появленія *философическаго письма* международное положеніе Россіи могло быть названо блестящимъ. Слава ея, какъ военной державы, утвержденная подвигами полководцевъ Екатерины II, искусною и обдуманною политическою силою императрицы, не только не поколебалась, но возросла. О русскую мощь разбилось могущество величайшаго изъ современныхъ завоевателей; вмѣстѣ съ этимъ могуществомъ разлетѣлась въ прахъ вся политическая система французской революціи. Память 1812 года была громкимъ свидѣтельствомъ „объ игрѣ народныхъ силъ“, спасшихъ государство; память 1813—1815 годовъ свидѣтельствовала о великой роли Россіи въ устройствѣ судебъ Европы. Она не только сокрушила великую гегемонію Франціи, но и сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ новой политической системы, основанной вѣнскимъ конгрессомъ и закрѣпленной актомъ Священнаго союза. Рука ея чувствовалась всюду; ей принадлежалъ вѣскій и рѣшительный голосъ въ разныхъ международныхъ усложненіяхъ. Безъ соперниковъ внѣшнихъ, она безпрепятственно могла утверждать свое военное могущество, гдѣ считала это нужнымъ. Разгромъ Персіи, славная турецкая война, счастливый исходъ польскаго возстанія, все, повидимому, убѣждало насъ въ непреложности словъ — „никто же на ны!“ Величайшая военная держава Европы, признанная хранительница всеевропейскаго порядка

и тишины, какъ могла Россія смотрѣть на этотъ Западъ, особенно на Западъ, не шедшій съ нами и нашими союзниками?

Въ этой Европѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ мы видѣли только симптомы анархіи, безпорядка и разложенія. То съ сожалѣніемъ, то съ презрѣніемъ смотрѣли мы на этотъ сбившійся съ пути „Западъ". Въ *себѣ* видѣли мы носителей истинныхъ общественныхъ началъ и хранителей непреложныхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Съ гордостью противопоставляли мы свой крѣпкій строй разлагающейся цивилизаціи Европы. Съ нѣкоторою увѣренностью указывалась минута, когда отъ этой исторической Европы останутся только прахъ и тлѣніе, если мы не спасемъ ее отъ конечнаго разрушенія. И съ неподдѣльною искренностью выступали мы въ роли спасителей Запада, не подозрѣвая пока, какъ горько насмѣется онъ надъ нами въ минуту разсчета за нашу многолѣтнюю службу.

Что же при всѣхъ этихъ условіяхъ могло значить письмо Чаадаева? Но, главное, какой смыслъ могли и послѣ того имѣть указанія людей, нѣсколько иначе смотрѣвшихъ и на крѣпостное право, и на военныя поселенія, и на старые суды, и на подцензурную печать, и на административные порядки, и на прочее, въ чемъ, по мнѣнію жившаго „восторгомъ" большинства, заключалось наше „преимущество" предъ западною Европою? Въ то время всякое посягательство на стародавнія учрежденія, особенно если эти посягательства подкрѣплялись доводами изъ области „западнаго просвѣщенія", могли быть отвергнуты догматически, безъ всякихъ разсужденій, при помощи очень простого силлогизма, составленнаго такъ:

большая посылка: всякое подражаніе западно-европейскимъ образцамъ вредно для Россіи;

малая посылка: такое-то предложеніе свидѣтельствуетъ о подражаніи Западу;

заключеніе: слѣдовательно, оно должно быть отвергнуто.

Такой „силлогизмъ" рѣшалъ дѣло просто и закрывалъ путь къ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Но всякому силлогизму свое время. Настала минута, когда Россія жестоко поплатилась за свои „преимущества" предъ Западомъ. Понадобились новыя, невѣроятныя усилія, чтобы привести ее въ нѣкоторый уровень съ западными державами; пришлось снова взяться за дѣло, завѣщанное Петромъ Великимъ. За это великое дѣло взялся тотъ, къ кому, при самомъ рожденіи его, были обращены вдохновенныя слова поэта:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ*.

Не станемъ перечислять этихъ дѣлъ. Они слишкомъ памятны каждому. Отмѣтимъ только существенныя черты недавняго преобразовательнаго движенія. *Во-первыхъ*, оно исходило изъ глубокаго сознанія *несостоятельности* стараго порядка, несостоятельности, громко и откровенно засвидѣтельствованной не „философическими письмами", а оффиціальными заявленіями коммиссій, коимъ поручены были работы по преобразованіямъ. *Во-вторыхъ*, къ этому отрицательному отношенію къ учрежденіямъ прошлаго прибавилась глубокая, сильная *вѣра* въ силы своего народа и притомъ въ двоякомъ отношеніи: въ томъ, что онъ *достоинъ* лучшихъ формъ быта, и въ томъ, что онъ сумѣетъ отнестись къ новымъ учрежденіямъ не какъ къ „гремушкѣ", а какъ къ существенно необходимому благу. *Въ-третьихъ*, наконецъ, убѣжденіе въ несостоятельности прошлаго и вѣра въ силы народа указывала на возможность и необходимость *„свободныхъ заимствованій"* различныхъ учрежденій отъ народовъ, опередившихъ насъ въ отношеніи своего гражданскаго развитія. Такъ поступали *всѣ* европейскіе народы, и благодаря такому воздѣйствію одной культуры на другую, выработалась и установилась извѣстная *общность* европейской цивилизаціи.

Такимъ образомъ, судьба стараго „силлогизма" была рѣшена безповоротно, и онъ былъ брошенъ всѣми (за немногими и незамѣтными исключеніями). Напротивъ, всякое мнѣніе, всякій проектъ, всякая брошюра и статья, изъ какого бы лагеря они ни исходили, непремѣнно подкрѣпляются ссылками на Европу. Не говоримъ уже о статьяхъ или брошюрахъ западническаго толка въ старомъ смыслѣ— онѣ продолжаютъ старыя преданія. Какими аргументами подкрѣпляютъ свои мнѣнія и свои стремленія публицисты и люди самаго охранительнаго направленія? Безпрерывными, неудержимыми, кстати и некстати приводимыми ссылками на примѣръ Европы. „Въ Европѣ этого не могло бы случиться, говорятъ они; Европа не допустила бы того и другого; вѣковой опытъ Европы свидѣтельствуетъ о томъ и другомъ" (т.-е. о томъ, чего хочется такому-то лицу). Авторитетъ Европы, повидимому, возросъ въ глазахъ этихъ людей до такой степени, что истому западнику стараго закала приходится защищать достоинство Россіи противъ вылазокъ этого лагеря. Совершилось удивительное превращеніе. Прежніе охранители тридцатыхъ годовъ, проникнутые сознаніемъ величія Россіи, съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, даже съ омерзѣніемъ смотрѣли на Западъ. Теперь, люди аналогическаго направленія, взобравшись на „европейскую" точку зрѣнія, тѣми же чувствами смотрятъ на Россію, забывая, конечно, что въ Европѣ бываютъ всякія явленія, и что въ ней можно найти „образцы" какой угодно политики.

Но этотъ неожиданный поворотъ имѣетъ очень опредѣленные мотивы. Онъ громко свидѣтельствуетъ о томъ, что старый „силлогизмъ“ утратилъ свою силу, и что въ настоящее время нельзя аргументировать противъ заимствованій изъ Европы ссылками на безусловную самобытность русской культуры. Эти аргументы утратили всякій кредитъ. Осталось одно: перемѣнить тактику и обернуть въ свою пользу Чаадаевскіе аргументы, т.-е. говорить: „Европа высока, неизмѣримо высока сравнительно съ полуварварскою Россіею, но именно это и свидѣтельствуетъ противъ возможности заимствованія европейскихъ учрежденій“. Отсюда понятно, что чѣмъ больше мы будемъ превозносить Европу и унижать Россію, тѣмъ удобнѣе будетъ достигнута завѣтная цѣль: доказать, что Россія недостойна реформъ. Коротко говоря: не имѣя уже возможности говорить относительно достоинства совершавшихся преобразованій *по ихъ существу*, противники ихъ съ великимъ усердіемъ выдвинули тезисъ ихъ *неприложимости* къ Россіи.

„Какъ прекрасны, сами по себѣ, реформа крестьянская, реформа судебная, реформы земскія и городскія—и посмотрите, что̀ изъ нихъ вышло!“ Вотъ обыкновенная тема всѣхъ этихъ разсужденій, сѣтованій, замѣчаній, намековъ, доношеній и всего прочаго, что̀ оглушаетъ современнаго русскаго человѣка и заставляетъ его боязливо озираться кругомъ. „Не доросло, не дозрѣло русское общество; *несвоевременны*, а потому *несостоятельны* преобразованія“. Эти громкія слова замѣняютъ теперь нехитрый „силлогизмъ“ нашихъ дѣдовъ.

Какъ ни новъ, повидимому, этотъ аргументъ у насъ въ Россіи, но онъ былъ уже предусмотрѣнъ въ знаменитой *Книгѣ софизмовъ* Бентама и носитъ тамъ названіе „софизма болѣе удобнаго будущаго“. „Этотъ способъ возраженія,—говоритъ Бентамъ,—есть орудіе лицъ, которыя, желая провалить предложеніе, не смѣютъ, однако, нападать на него открыто. Повидимому, они даже покровительствуютъ ему. Они расходятся съ противниками только относительно выбора момента. Ихъ истинное намѣреніе—провалить предложеніе навсегда; но, чтобы не встревожить и не вооружить противъ себя общество, они ограничиваются требованіемъ простой отсрочки... Серьезное опроверженіе такого ложнаго и легкомысленнаго предлога было бы потерею времени; препятствіе не въ разумѣ, а въ волѣ. Если слишкомъ рано сдѣлать добро сегодня, это будетъ рано и завтра, или будетъ слишкомъ *поздно*. „Позволительно ли дѣлать добро въ субботу“ (Матѳ. гл. XII), таковъ былъ вопросъ лицемѣрныхъ фарисеевъ Іисусу Христу. Ни Его примѣръ, ни Его отвѣтъ не исправили щепетильности ихъ преемниковъ“.

Конечно, Бентамъ говорилъ о примѣненіи указаннаго софизма къ моменту обсужденія *новой* мѣры, еще имѣющей обратиться въ законъ. Наши софисты произносятъ свои сужденія послѣ десяти-пятнадцати лѣтъ опыта, послѣ практическаго дѣйствія состоявшихся реформъ. Но и это обстоятельство нисколько не измѣняетъ софистическаго характера ихъ разсужденій. Можетъ быть, послѣдній выступаетъ въ болѣе непригляднομъ свѣтѣ, чѣмъ софизмы бентамовскихъ мудрецовъ.

Во-первыхъ, когда я утверждаю, что извѣстная настоятельная реформа *будетъ* несвоевременна, я могу придать своимъ разсужденіямъ нѣкоторый видъ вѣроятности, ибо разсуждаю о событіяхъ *будущаго*, которое столь же загадочно для меня, какъ и для авторовъ реформы. Но наши „публицисты" разсуждаютъ о *прошедшемъ*, слѣдовательно, на нихъ лежитъ обязанность доказать, что крѣпостное право было отмѣнено несвоевременно, суды преобразованы не во-время, земская и городская реформа подоспѣла слишкомъ рано, и показать, когда именно должны были совершиться эти преобразованія, настоятельность коихъ въ свое время была признана всѣми, за исключеніемъ „меньшинства", тщащагося теперь получить значеніе „большинства".

Во-вторыхъ, выраженія „незрѣлость", „неумѣлость" сами по себѣ ровно ничего не доказываютъ. „Незрѣлость" есть понятіе не абсолютное, а *относительное*. Когда я говорю, что извѣстный народъ „не дозрѣлъ", то я долженъ сказать, *до чего именно*. Такъ, я могу сказать, что кафры или зулусы не дозрѣли до американскихъ учрежденій, и всѣ меня поймутъ. Но и такая „истина" не имѣетъ ровно никакой цѣны въ области практической политики. Здѣсь указанію, до чего не дозрѣлъ извѣстный народъ, должно сопутствовать указаніе, до чего онъ *дозрѣлъ*, т.-е. какая система учрежденій ему соотвѣтствуетъ, ибо каждый народъ долженъ же имѣть какую-нибудь форму общественнаго и государственнаго быта. Къ сожалѣнію, этихъ *положительныхъ* указаній мы не встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ новѣйшихъ „европейцевъ". Они очень много говорятъ о томъ, что имъ не нравится, но до сихъ поръ мы не слышали о томъ, что имъ угодно.

Въ-третьихъ, наконецъ, простой фактъ незрѣлости извѣстнаго общества, т.-е. неумѣнье его обращаться съ тѣми или другими учрежденіями, самъ по себѣ ничего не говоритъ противъ этихъ учрежденій. Когда я говорю, что такой-то полкъ не умѣетъ еще стрѣлять изъ ружей новой системы, это не свидѣтельствуетъ ни о негодности ружей, ни о необходимости возвратиться къ старымъ кремневымъ ружьямъ, или, тѣмъ паче, къ лукамъ и пращамъ. На-

противъ, всѣ усилія военнаго начальства должны быть направлены къ тому, чтобы выучить, наконецъ, свои полки обращаться съ новымъ оружіемъ; иначе они, всеконечно, будутъ побѣждены непріятелемъ.

Государственныя и общественныя установленія въ политической жизни играютъ ту же роль, какъ оружіе въ войскѣ. Они являются средствами проявленія государственной и народной *мощи*, всѣхъ тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, коими располагаетъ данный народъ. Народъ, располагающій учрежденіями XVII вѣка, будетъ подавленъ народами новой формаціи, точно такъ же, какъ армія, вооруженная дальнобойными ружьями, непремѣнно побьетъ полчище, вооруженное томагавками, пращами и луками.

Поэтому, если уже и предстоитъ надобность говорить о „незрѣлости“ нашего общества, то вовсе не для того, чтобы вернуть его къ „дореформенной“ губерніи, а для того, чтобы изслѣдовать, почему до настоящаго времени общество наше не выучилось или не могло владѣть орудіями, данными ему въ руки въ началѣ нынѣшняго царствованія, и при какихъ условіяхъ они пойдутъ ему на пользу.

Такая работа необходима и „своевременна“ именно теперь. Мы переживаемъ чрезвычайно трудную минуту. Въ виду разныхъ прискорбныхъ событій, правительство сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, распространившимся на всѣ части и отрасли нашего управленія. Но въ заглавіи этихъ мѣръ поставлено выразительное слово: онѣ названы *временными*. Въ этомъ словѣ содержится предсказаніе *организаціонныхъ* работъ, долженствующихъ учредить извѣстный *постоянный* порядокъ взамѣнъ нынѣшняго *временнаго* положенія. Слѣдовательно, само правительство не видитъ въ нынѣшнихъ мѣрахъ своего послѣдняго и окончательнаго слова. Оно вопросительно смотритъ на будущее и знаетъ, что въ этомъ будущемъ все благо и все достоинство Россіи.

Что̀ же явится основаніемъ этого будущаго порядка? То ли, что̀ было учреждено въ первыя десять лѣтъ нынѣшняго царствованія, или принципы „новыхъ европейцевъ“, т.-е. странная и безсвязная амальгама новыхъ русскихъ учрежденій съ тѣмъ, что̀ уже оставлено или оставляется западною Европою, какъ ненужное наслѣдіе минувшихъ временъ? За невозможностью совершить такую амальгаму, останемся ли мы безъ всякихъ учрежденій, продолжая свое существованіе со дня на день, какъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, „безъ прошедшаго и безъ будущаго“, по словамъ Чаадаева? Но для такого исхода нужно придти къ заключенію, что послѣдняя четверть вѣка

прожита нами даромъ, что все это время, которое рука историка готовилась занести въ славнѣйшія страницы нашей исторіи, было періодомъ ея заблужденія, самообольщенія относительно своихъ духовныхъ силъ.

„Въ *крови* у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію", говорилъ Чаадаевъ, глядя на общество, воспроизведенное въ безсмертной комедіи Грибоѣдова. „Въ крови у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію", твердятъ грибоѣдовскіе герои, обратившіеся въ „ново-западниковъ". Такъ ли это? Если грѣхъ „въ крови", тогда о немъ и толковать нечего. Измѣнить „кровь" ни одинъ человѣкъ не властенъ, и мы должны терпѣливо ждать того времени, когда народы „высшей крови" снесутъ насъ съ лица земли, которую мы заражаемъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Склонимъ голову и произнесемъ фаталистическое ΑΝΑΓΚΗ (неизбѣжность). Но мы полагаемъ, что грѣхъ не въ крови, а въ *исторіи*, гдѣ человѣческой волѣ, разумѣнію и сердцу Богъ отвелъ достаточно много мѣста. А для человѣка съ волею, разумомъ и сердцемъ всегда будетъ дорого слово стараго философа — perfice te! (совершенствуй себя).

II.

Права и функціи.

Однако, новыя учрежденія наши, особенно тѣ, которыя предполагаютъ дѣйствіе общественныхъ силъ, заставляютъ желать многаго. Они производятъ впечатлѣніе чего-то безцвѣтнаго, дряблаго. Дѣятельность ихъ мало даетъ себя чувствовать во всякомъ направленіи. Тотъ, кто надѣялся, благодаря земскимъ учрежденіямъ, увидѣть Россію покрытою хорошими дорогами, школами, больницами и т. д., конечно, разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Самая бездѣятельность земствъ и городскихъ установленій (за немногими исключеніями) давно сдѣлалась „общимъ мѣстомъ". Нѣтъ почти ни одной газетной корреспонденціи, которая не заключала бы въ себѣ горькихъ жалобъ на то, что такая-то управа заснула, а такое-то земство всегда спало, а такую-то думу не разбудить никакими увѣщаніями. Если кое-гдѣ иная дума или иное земское собраніе соберутся съ духомъ и соорудятъ школу или больницу, корреспонденты восклицаютъ: „Наконецъ-то такая-то дума или такое-то земское собраніе проснулись и заговорили, но надолго ли?"

Все это, конечно, даетъ весьма сильное оружіе въ руки недоброхотовъ новыхъ общественныхъ учрежденій. „Вотъ,—говорятъ они,—

какъ россіяне пользуются дарованными имъ правами!“ И, съ своей точки зрѣнія, они правы. Дѣйствительно, то, что̀ они называютъ *правами* общественныхъ учрежденій, представляетъ почтенный объемъ. Начнемъ хотя бы съ земскихъ учрежденій. Они замѣнили многія *учрежденія*, вѣдавшія, въ прежнее время, разными отраслями мѣстнаго управленія, подъ руководствомъ губернатора, „яко хозяина губерніи“. Къ функціямъ, унаслѣдованнымъ отъ этихъ учрежденій, прибавилось нѣсколько новыхъ. Земство вѣдаетъ имуществами, капиталами и денежными сборами земства, назначеніемъ и раскладкою земскихъ сборовъ, раскладкою иныхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ; на немъ лежитъ значительная доля мѣстной строительной части, пути сообщенія, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, завѣдываніе взаимнымъ земскимъ страхованіемъ и частью санитарною, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, участіе въ дѣлахъ по народному образованію, по содержанію тюремъ, завѣдываніе по отправленію разныхъ государственныхъ повинностей; оно избираетъ мировыхъ судей, составляетъ списки присяжныхъ засѣдателей, избираетъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; кромѣ того, оно, отчасти собственною иниціативою, расширило предоставленный ему первоначально кругъ дѣлъ. Такъ, оно учреждаетъ земскіе банки, принимаетъ участіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, заводитъ земскія почты. Не станемъ перечислять здѣсь предметовъ, предоставленныхъ городскимъ учрежденіямъ: это значило бы воспроизводить то, что̀ уже сказано о земскихъ установленіяхъ. Но, кромѣ того, извѣстная 103 ст. городового положенія даетъ городскимъ думамъ право на изданіе обязательныхъ постановленій по предметамъ городского благоустройства, — право, которымъ земскія учрежденія пользуются только въ трехъ случаяхъ: по части пожарной, и относительно мѣръ къ предотвращенію заразъ и къ истребленію вредныхъ для посѣвовъ насѣкомыхъ и животныхъ.

Кажется, всего этого довольно; дай Богъ всякому учрежденію управиться съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ кругомъ дѣлъ. Компетенція, предоставленная общественнымъ установленіямъ, указываетъ на мѣру надеждъ, возлагавшихся на нихъ при ихъ учрежденіи. Но надежды эти сбылись въ весьма слабой степени. Это фактъ, который мы не имѣемъ ни возможности, ни охоты отрицать. Остается вопросъ относительно его *объясненія*. Здѣсь мы, вѣроятно, разойдемся съ обычными порицателями нашихъ общественныхъ учрежденій.

Прежде всего необходимо устранить одно заблужденіе, проистекающее отъ *терминологіи*, отъ неправильнаго употребленія словъ,

что̀, какъ извѣстно, ведетъ къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Перечисляя предметы вѣдомства, предоставленные нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, обыкновенно говорятъ: „Вотъ какія *права* даны имъ". Отсюда слѣдуетъ и элегическій выводъ: „вотъ какъ дурно воспользовались они своими *правами*". Сколько-нибудь образованный юристъ, конечно, съ улыбкою выслушаетъ и ироническую посылку объ обширности *правъ*, и печальное заключеніе о дурномъ пользованіи этими „правами". Юристу очень хорошо извѣстно, что всѣ предметы, перечисленные во 2-й ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ и во 2-й ст. городового положенія, *суть не права*, а *функціи* этихъ установленій, т.-е. предметы ихъ *дѣятельности*, *цѣли*, указанныя имъ закономъ, и къ осуществленію коихъ они должны стремиться. Вся суть дѣла не въ этихъ „правахъ", которыя ровно ни о чемъ не свидѣтельствуютъ, а въ условіяхъ дѣйствующаго субъекта въ данномъ случаѣ, въ тѣхъ *людяхъ*, изъ коихъ составляются наши думы, собранія и управы. Когда лошадь не можетъ везти положеннаго въ телѣгу груза, вопросъ сводится, главнымъ образомъ, къ качествамъ лошади, къ тому, что она оказывается вообще безсильною, или плохо накормленною, или пугливою, или „съ норовомъ" и т. д. Такъ и здѣсь! Не ставьте вопроса въ фальшивой формѣ: почему земства не пользуются своимъ „правомъ" заводить школы, учреждать больницы, строить дороги и т. д.? Спросите просто: почему земскіе дѣятели отличаются апатіею, почему они вяло относятся къ возложенному на нихъ дѣлу?

Между тѣмъ въ возгласахъ о непользованіи „правами", предоставленными земствамъ и городамъ, есть свой смыслъ. Когда дѣла идутъ нехорошо въ томъ или другомъ департаментѣ, никому не придетъ въ голову сказать: какъ дурно пользуются департаментскіе чиновники своими „правами". Всѣ, однако, говорятъ о втунѣ лежащихъ „правахъ" земскихъ собраній и городскихъ думъ. Неправильное употребленіе слова цѣлымъ обществомъ, ошибка, дѣлаемая большинствомъ людей, показываютъ, что въ основаніи этой ошибки лежитъ какая-нибудь истина, хотя и несознаваемая людьми, неправильно употребляющими то или другое слово. Постараемся найти эту истину или, вѣрнѣе, эту долю истины.

Почему одни и тѣ же люди, говоря о плохомъ веденіи дѣла въ иномъ департаментѣ, не скажутъ, что чиновники не пользуются своими правами, но непремѣнно употребятъ это выраженіе, если рѣчь зайдетъ о „дремлющемъ" земскомъ собраніи? Дѣло объясняется просто. Отъ чиновника въ департаментѣ требуется *исполненіе* разныхъ уставовъ, инструкцій и приказовъ подъ непосредственнымъ

руководствомъ начальника. Чиновникъ можетъ прожить весь свой вѣкъ, не имѣя ни единой самостоятельной мысли, никакого своеобразнаго стремленія, желанія, чувства, словомъ, ничего такого, что̀ мы называемъ *инициіативою*. Законы для него не что иное, какъ опредѣленныя рамки его дѣятельности. Но какимъ *содержаніемъ* наполняются эти рамки—вопросъ прямо его не касающійся; содержаніе это создается не имъ, а массою инструкцій, предписаній, указаній, приказаній, исходящихъ не отъ него. Напротивъ, земскія и городскія учрежденія были призваны наполнить самостоятельнымъ, ими выработаннымъ содержаніемъ тѣ общія законныя рамки, которыя извѣстны подъ именемъ положеній земскаго и городского. Законъ, правительство и общество разсчитывали именно на силу личной *инициіативы* членовъ собраній и управъ, на ихъ *самодѣятельность*, на ихъ энергію, словомъ — на все то, что̀ дѣлаетъ изъ человѣка творческую силу и отличаетъ его отъ автомата. Съ этой точки зрѣнія, городовое положеніе и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ разсматривались какъ законныя *условія* свободнаго дѣйствія представителей мѣстнаго населенія, какъ гарантія ихъ самостоятельности и самодѣятельности въ извѣстной сферѣ, слѣдовательно, какъ обезпеченіе нѣкоторыхъ общественныхъ *правъ*.

Но, понятно само собою, что дѣло не въ этихъ правахъ, а въ томъ, почему на дѣлѣ оказалось мало самостоятельности, самодѣятельности, предпріимчивости и всего прочаго, что̀ ожидалось при появленіи новыхъ общественныхъ учрежденій. Почему не народился на свѣтъ тотъ типъ русскихъ энергическихъ людей, которые могли бы наполнить содержаніемъ легальныя рамки, созданныя для земства и городовъ? Вопросъ только въ этомъ, и ни въ чемъ иномъ. Пусть отъ земства *отойдетъ* половина предоставленныхъ ему функцій, но если остальная половина будетъ выполняться людьми крѣпкими, то она положитъ основаніе русскому самоуправленію, въ которомъ мы видимъ истинный фундаментъ будущаго развитія Россіи. Наоборотъ, пусть нынѣшній кругъ вѣдомства этихъ учрежденій увеличится десятками новыхъ предметовъ или „правъ", но если ихъ обстановка останется въ нынѣшнемъ видѣ, то русская земля не почувствуетъ даже ихъ существованія, какъ мало чувствуетъ она его въ настоящее время.

Почему не народились еще въ Россіи эти люди? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ другимъ: почему они не нарождались въ прежнее время? Наше поколѣніе не находится въ положеніи римлянъ временъ упадка имперіи, которымъ приходилось потуплять глаза при одномъ воспоминаніи о доблестяхъ Камилловъ, Фабіевъ, Сципіоновъ и Катоновъ. Мы не получили въ наслѣдство великаго нравственнаго

капитала и не растратили его легкомысленно съ блудницами и развратниками. Въ отношенiи запаса гражданской доблести мы были пущены на свѣтъ босыми и нагими, и всякое прiобрѣтенiе на этомъ пути будетъ прiобрѣтенiемъ нашимъ или нашихъ потомковъ. Заслуга наша предъ послѣдними будетъ уже велика, если мы передадимъ имъ меньшую сумму грѣховъ, чѣмъ мы сами получили отъ отцовъ нашихъ. Что же касается насъ, то наши грѣхи и пороки суть грѣхи и пороки нашихъ отцовъ, и въ ихъ горькомъ и печальномъ житiи должны найти мы ту страницу, на которой крупными буквами написанъ главный, коренной недугъ прошлыхъ вѣковъ. Наше заблужденiе и самообольщенiе, даже въ теченiе всей послѣдней четверти нашего вѣка, состояло именно въ томъ, что мы полагали, будто всякая связь наша съ отцами порвана, вмѣстѣ съ отмѣною разныхъ учрежденiй и съ замѣною ихъ новыми. Мы полагали, что съ отмѣною крѣпостного права исчезъ изъ русской земли и крѣпостническiй *духъ*, заражавшiй въ свое время всѣ отношенiя и учрежденiя всякихъ порядковъ и разрядовъ; мы полагали, что новыя внѣшнiя формы учрежденiй выбьютъ старый приказный духъ, воспитанный и вскормленный вѣками; читая въ газетахъ и журналахъ „новыя слова", мы полагали, что они дѣйствительно суть выраженiе новой общественной *психики* (если можно такъ выразиться), и что „общество" дѣйствительно такъ думаетъ и такъ будетъ поступать. Полагая, что мы возродились и преобразились въ крещенiи отъ реформъ, что мы въ самомъ дѣлѣ новые люди,—мы забыли о грѣхѣ, веселились, ликовали, чаяли новаго неба и новой земли, въ то время, какъ грѣхъ жилъ въ насъ, дѣлалъ свое дѣло и, наконецъ, прорвался наружу. Сѣдая старина грозно взглянула на насъ своими помертвѣлыми очами. Уйди, ужасный призракъ!

— Нѣтъ, не уходи! Ты не призракъ, а дѣйствительность; ты живуча, ты живучѣе нашей новизны. Ты мѣшаешься въ рядъ свѣтлыхъ русалокъ, подобно злой вѣдьмѣ, въ хороводѣ майской ночи. Дай разглядѣть тебя пристально, разсмотрѣть въ тебѣ то черное, что шевелится подъ твоею свѣтлою оболочкою...

III.

Одинъ изъ опытовъ самоуправленiя.

У Петра Великаго, въ области гражданскихъ дѣлъ, была одна задушевная мысль: возвышенiе и благосостоянiе нашихъ городовъ. Конечно, великiй преобразователь исходилъ въ данномъ случаѣ вовсе не изъ теоретическихъ представленiй о значенiи городского само-

управленія. Хорошо устроенные города были нужны ему какъ источникъ государственнаго благосостоянія, какъ средство увеличить доходы казны. Значеніе западно-европейскихъ городовъ, обогащавшихъ тогдашнее государство своею торговлею и промышленностью, опредѣлило его собственную политику относительно городовъ русскихъ. Но если онъ *отправлялся* отъ соображеній чисто государственной, даже казенной пользы, то онъ *пришелъ* къ необходимости дать городамъ самоуправленіе. Еще старый опытъ московскаго государства убѣдилъ его, что города должны быть, даже въ видахъ соблюденія казенныхъ интересовъ, изъяты изъ-подъ очень неудобнаго вѣдомства воеводъ и прочихъ правителей, чинившихъ городскимъ обывателямъ немалыя тяготы. Послѣ неудачнаго опыта учрежденія бурмистерскихъ палатъ (1699 г.), онъ, въ 1721 году, приступилъ опять къ собиранію „разсыпанной храмины". Города должны были получить самостоятельное устройство, свои выборныя учрежденія, долженствовавшія отправлять свою должность подъ наблюденіемъ и руководствомъ главнаго магистрата. Назначеніе послѣдняго состояло какъ въ главномъ завѣдываніи всѣми городами государства, такъ и въ береженіи городскихъ обывателей отъ обидъ всякихъ вѣдомствъ, мѣстныхъ правителей и сильныхъ особъ.

Учрежденіе магистратовъ, по замыслу своему, въ высшей степени замѣчательно. Можно смѣло сказать, что оно, по плану своему, гораздо выше городового положенія Екатерины II. Магистраты, дѣйствительно, были возведены на высоту настоящей городской власти. Предметы ихъ вѣдомства или „права", какъ сказали бы теперь, были чрезвычайно обширны.

„Понеже магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству,—говоритъ регламентъ,—то онаго должность состоитъ въ томъ, еже *судити* гражданъ, содержати въ своемъ смотрѣніи *полицію*, положенные съ нихъ *доходы* сбирать и отдавать по указамъ, куда отъ камеръ-колегіи будетъ опредѣлено, учреждать всю *экономію* (или домостроительство) города, яко купечество, всякое ремесло, художество и прочее, и чинить о всякихъ нуждахъ, и что къ гражданской пользѣ принадлежитъ, потребныя предложенія до главнаго магистрата".

Итакъ, часть судебная, полиція, раскладка и взысканіе податей, городское хозяйство, попеченіе о торговлѣ и ремеслахъ, широкое право ходатайства, — все это соединено въ рукахъ магистрата „яко главы и начальства всему городу". Въ числѣ этихъ предметовъ вѣдомства особенное вниманіе обращаетъ на себя *полицейская* функція, которой Петръ Великій думалъ дать большое развитіе. Надъ X главою регламента, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ, много

смѣялись, даже глумились. Причиною тому витіеватый, странный и не совсѣмъ понятный *языкъ* этого документа. Но мы ведемъ теперь серьезную бесѣду, и, право, намъ не до смѣху. Поэтому мы надѣемся, что и читатели воздержатся отъ улыбки, услышавъ какъ Петръ Великій понималъ полицейскія обязанности магистрата.

„Оная (полиція), — говоритъ регламентъ, — споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудіи, рождаетъ добрые порядки и нравоученіи, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ, непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ, и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и честному промыслу, чинитъ добрыхъ досмотрителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей, городы и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ, и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшеніи, призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ, по заповѣдямъ Божіимъ, воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; въ кратцѣ же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности“.

Изъ этой выписки оказывается, что всѣ полицейскія функціи, т.-е. полиція *безопасности* и полиція *благосостоянія*, были одинаково поручены городскому начальству, т.-е. магистрату. Подлѣ магистрата не было поставлено особой полиціи, въ „собственномъ смыслѣ этого слова“. Можно находить, что понятіе о полиціи, выраженное въ регламентѣ, слишкомъ широко; можно и должно утверждать, что въ призваніе полиціи не входитъ „принуждать каждаго къ трудамъ“ или „воспрещать излишество въ домовыхъ расходахъ“. Но не въ этомъ дѣло: полиція въ началѣ XVIII вѣка понималась именно въ этомъ объемѣ, не только у насъ, но и вездѣ, и въ этомъ же объемѣ она была поручена магистратамъ подъ общимъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ.

Снабженные такими полномочіями, магистраты должны были стоять внѣ дѣйствія постороннихъ начальствъ. „Магистраты губернаторамъ и воеводамъ не должны быть подчинены въ томъ, что до градскаго суда и экономіи касается... Такожъ никакому коменданту не должно *квартиры* въ городахъ по своей волѣ располагать, но надлежитъ сіе чинить такъ, какъ въ XIII главѣ объяснено“.

А „объяснена“ въ XIII главѣ очень важная вещь, если принять въ соображеніе, какую тягость составляла тогдашняя (да и позд-

нѣйшая) квартирная повинность. „Понеже,—говоритъ регламентъ,—когда въ городахъ армейскіе и гарнизонные полки имѣютъ квартиры у градскихъ жителей, тогда онымъ (жителямъ) отъ непорядочнаго отводу квартиръ бываетъ не безъ тяжкихъ обидъ, и въ торгахъ и въ промыслахъ не безъ остановки: того ради главному магистрату для порядочнаго розводу квартиръ, дабы одинъ предъ другимъ никто отягощенъ и облегченъ не былъ, велѣть во всѣхъ городахъ магистратамъ выбирать изъ гражданъ особыхъ квартирмейстеровъ". Безъ этихъ квартирмистровъ и магистратовъ никто не осмѣливался занять обывательскій домъ; и имъ же велѣно было смотрѣть, чтобы квартирующіе не чинили обывателямъ никакихъ насильствъ и обидъ.

Если дать волю воображенію и предписанія закона принять за дѣйствительность, то какую прекрасную картину нарисуетъ это услужливое воображеніе! Вмѣсто деревянныхъ, крытыхъ соломою домиковъ, грязныхъ и неудобопроходимыхъ улицъ, съ сваленными на нихъ нечистотами, неосвѣщенныхъ, небезопасныхъ, намъ представятся высокія каменныя зданія западно-европейскаго города, и жильцами этихъ зданій явятся не приниженные многолѣтнимъ тягломъ купцы и посадскіе люди, а важные бюргеры, просвѣщенные въ наукахъ, искусные въ торговлѣ и ремеслахъ, огражденные въ своихъ правахъ, обогащающіе государство своими полезными трудами, принятые вездѣ, какъ достойные граждане, гордящіеся своимъ положеніемъ и ревниво берегущіе свою честь. Вѣдь такими хотѣлъ видѣть Петръ Великій своихъ горожанъ?

Но есть наука, скоро спускающая человѣка съ неба на землю и показывающая истинную судьбу всякихъ законовъ. Нечего пояснять, что мы говоримъ объ *исторіи*. Незабвенный и оплакиваемый нами историкъ С. М. Соловьевъ представилъ прекрасный комментарій къ приведеннымъ выше постановленіямъ регламента о правахъ магистратовъ, о невмѣшательствѣ воеводъ въ городскую „экономію" и въ отводъ квартиръ.

„Въ продолженіи многихъ вѣковъ,—говоритъ онъ,—служилое сословіе привыкло непосредственно *кормиться* на счетъ промышленнаго народонаселенія"... Старинныя отношенія *мужей къ мужикамъ* оставались въ силѣ, вслѣдствіе чего „служилый человѣкъ презрительно относился къ промышленному человѣку и позволялъ себѣ на его счетъ всякаго рода насилія,—эти старинныя отношенія давали себя безпрестанно чувствовать, при чемъ *самоуправленіе*, данное промышленному сословію, *усиливало* нерасположеніе къ нему въ людяхъ, у которыхъ вырывали изъ рукъ богатую добычу".

Мы сейчасъ увидимъ, что эту „добычу" вырвать не удалось.

Соловьевъ представилъ тому неопровержимые факты. Предоставимъ слово ему.

„Костромскіе ратманы доносили въ главный магистратъ: въ 1719 году, послѣ пожарнаго времени, костромская *ратуша* построена изъ купецкихъ мірскихъ доходовъ, и ту ратушу отнялъ безъ указу самовольно бывшій костромской воевода Стрѣшневъ, а теперь въ ней при дѣлахъ полковникъ и воевода Грибоѣдовъ“. Итакъ, магистратъ, „глава и начальство гражданству“, былъ самовольно изгнанъ изъ собственнаго своего помѣщенія. Онъ попробовалъ извернуться и придумалъ слѣдующую комбинацію. „За такимъ утѣсненіемъ (т.-е. послѣ подвиговъ Стрѣшнева и Грибоѣдова) взятъ былъ вмѣсто податей у оскудѣлаго посадскаго человѣка подъ ратушу дворъ (должно быть, хорошъ былъ „дворъ“), и тотъ дворъ въ 1722 году отнятъ подъ полковника Татаринова на квартиру, и теперь въ немъ стоитъ безъ отводу самовольно ассессоръ Радиловъ“. Но куда же дѣвался магистратъ? Рапортъ костромскихъ ратмановъ продолжаетъ: „и за такимъ отнятіемъ ратуши дѣваться имъ съ дѣлами негдѣ; по нуждѣ взята въ наемъ Николаевской пустыни, что на Бабайкахъ, *монастырская келья*, самая малая и утѣсненная, для того, что иныхъ посадскихъ дворовъ въ близости нѣтъ, и отъ того утѣсненія сборовъ сбирать негдѣ, также и въ дѣлахъ не малая остановка“. Любопытно бы знать, помѣщались ли когда-нибудь бургомистры и ратсгеры какого-нибудь Нюрнберга или Аугсбурга „въ утѣсненной монастырской кельѣ“, по волѣ полковника Татаринова или ассессора Радилова?

Не безъинтересно также узнать, почему костромскіе ратманы, скрѣпя сердце, перекочевывали изъ собственнаго дома въ домъ „оскудѣлаго посадскаго человѣка“, а изъ этого послѣдняго въ малую келью монастыря, „что на Бабайкахъ“, и не принимали болѣе рѣшительныхъ мѣръ для огражденія городской собственности? Почему они не объявили, напримѣръ, воеводѣ Стрѣшневу, что они не могутъ очистить для него городского дома, безъ указа отъ главнаго магистрата, что̀ было бы вполнѣ законно и согласно съ XIII статьею регламента? Соловьевъ разъяснитъ намъ и это недоумѣніе.

„По одному дѣлу велѣно было послать въ Зарайскъ изъ коломенскаго магистрата одного бурмистра; но коломенскій магистратъ донесъ: этому бурмистру въ Зарайскѣ быть невозможно, потому что въ Коломнѣ, въ магистратѣ, у отправленія многихъ дѣлъ одинъ бурмистръ, а другого бурмистра, Ушакова, ѣдучи мимо Коломны въ Нижній-Новгородъ, генералъ Салтыковъ билъ смертнымъ боемъ, и оттого не только въ Зарайскъ, но и въ коломенскій магистратъ ходитъ съ великою нуждою временемъ“.

А съ другимъ бурмистромъ былъ такой случай. „Оберъ-офицеръ

Волковъ, которому велѣно быть при персидскомъ послѣ, прислалъ въ магистратъ драгунъ, и бурмистра Тихона Бочарникова привели къ нему, Волкову, съ ругательствами, и велѣлъ Волковъ драгунамъ, повался бурмистра, держать за волосы и за руки, и билъ тростью, а драгунамъ велѣлъ бить палками и топтунами и эфесами, потомъ плетьми смертно, и отъ того бою лежитъ Бочарниковъ при смерти. По приказу того же Волкова, драгуны били палками ратмана Дьякова, также били городоваго старосту, и за отлучкою этихъ битыхъ, въ Коломнѣ, по указамъ, всякихъ дѣлъ отправлять не могутъ". Тутъ еще только бьютъ. Но вотъ и лучше. „Въ 1716 году воинскіе люди убили изъ ружья Евдокима Иванова, а кружечнаго сбора бурмистра били такъ, что онъ умеръ. Въ 1718 году драгуны застрѣлили изъ фузей гостиной сотни Григорья Логинова въ его домѣ" [1]).

Представимъ себѣ теперь, что костромской магистратъ рѣшился бы не удовлетворить мѣстному воеводѣ. Если проѣзжіе генералы и даже оберъ-офицеры били бурмистровъ смертнымъ боемъ, то что̀ же могъ сдѣлать осѣдлый полковникъ и воевода? Когда человѣку представляется на выборъ уступить какое-нибудь общественное „право" или быть битымъ смертнымъ боемъ, то выборъ несомнѣненъ. Драки же были явленіемъ повальнымъ и касались не однихъ бурмистровъ съ городовыми старостами. Не уходили отъ нея и сами служилые люди низшихъ ранговъ при разговорахъ съ высшими. Такъ, нѣкій майоръ Алябьевъ, находившійся при канальной ладожской канцеляріи, писалъ Меньшикову, въ 1723 г.: „Вашей свѣтлости всепокорно доношу, какъ въ бытность въ селѣ Назьѣ, господинъ генералъ-лейтенантъ Минихъ трясъ меня дважды за воротъ и называлъ меня при многихъ свидѣтеляхъ дердивелемъ (der Teufel), и шельмою и бранилъ м. . . . . . по-русски" [2]).

Но не станемъ удивляться, что на этой почвѣ не выросло ничего похожаго на „самоуправленіе", ибо не было и не могло образоваться *личности* человѣческой, творящей это самоуправленіе, переводящей законъ въ жизнь, дѣлающей изъ него народную привычку и его неотъемлемое достояніе. Самоуправленіе, созданное Петромъ Великимъ, нуждается въ командирѣ и заступникѣ, какимъ долженствовалъ быть „главный магистратъ", хотя и тотъ не могъ сдѣлать много. Именно, онъ еще при Петрѣ представилъ длинный списокъ „купецкихъ людей", которые были захвачены разными вѣдомствами и судебными мѣстами и, несмотря на промеморіи главнаго магистрата, ни сами они, ни дѣла ихъ не были пересланы въ

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XVIII, стр. 165—167.

[2]) Тамъ-же, стр. 165.

это учрежденіе, и нѣкоторые изъ нихъ умерли въ „жестокомъ заключеніи“.

Что же сдѣлалось съ городскими учрежденіями послѣ смерти Петра, когда главный магистратъ, купно съ разными другими учрежденіями, былъ отмѣненъ, когда губернаторы и воеводы получили полную власть надъ „купецкими людьми?“ При Аннѣ Ивановнѣ само правительство свидѣтельствовало, что „многіе воеводы какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ великія обиды и разоренія и другіе непорядочные поступки и берутъ взятки“. Въ концѣ царствованія Анны Ивановны с.-петербургское гражданство и ратуша подали „доношеніе“ объ учрежденіи здѣсь магистрата, а до сочиненія его опредѣлить въ ратушу одного непремѣннаго члена съ жалованьемъ.

Для чего понадобился этотъ непремѣнный членъ? сенатъ, которому кабинетъ предписалъ „имѣть разсужденіе и представить свое мнѣніе“, разъяснитъ намъ это.

Члену съ жалованьемъ,—говорится въ докладѣ сената,—„необходимо быть надлежитъ для того, что въ нынѣшней ратушѣ, безъ *главнаго командира*, бурмистры съ погодною перемѣною обрѣтающіеся, какъ къ распорядкамъ гражданскимъ попеченія, *такъ и къ ихъ самихъ защищенію—смѣлости не имѣютъ, отъ чего здѣшнее гражданство пришло въ крайнее изнеможеніе*“. Итакъ, нуженъ былъ *командиръ*, снабженный достаточною „смѣлостью“ для защиты бурмистровъ и гражданства. Дѣйствительно, ратуша получила такого командира въ лицѣ пермскаго пѣхотнаго полка полковника Языкова, который тогда же былъ переименованъ въ статскіе совѣтники [1]).

Помогъ ли новый статскій совѣтникъ петербургскому гражданству — не знаемъ. Но изъ позднѣйшихъ фактовъ, относящихся къ другимъ мѣстностямъ, мы можемъ вывести иное заключеніе. Напримѣръ, въ 1745 году, „въ Москвѣ, купцы Автономовъ, Ивановъ и крестьянинъ Матвѣевъ объявили прямо въ сенатской конторѣ, что оберъ-полицiймейстеръ Нащокинъ, пріѣхавъ съ командою на Полянку, приказалъ у торгующихъ съѣстными припасами и мелочью въ шалашахъ ломать шалаши и обирать товары, при чемъ кричалъ командѣ: „берите, что̀ помягче!“, и у купца Иванова лавку и пять шалашей, которые построены по приказу самого Нащокина, разломалъ до основанія“ [2]).

„Берите, что̀ помягче!“ Вотъ, конечно, крикъ, неспособный содѣйствовать развитію „самоуправленія“.

---

[1]) *Полное собраніе законовъ*, № 8283.
[2]) Соловьевъ, т. XXII, стр. 111 и слѣд.

Если люди не имѣютъ „смѣлости“ къ собственной защитѣ, то едва ли отъ нихъ можно ожидать смѣлости и охоты къ веденію общественныхъ дѣлъ. Городскія должности, поставленныя въ извѣстныя намъ условія, оказались, конечно, не почестью и нравственною наградою, а тяжкимъ бременемъ, отъ котораго купецкіе люди уклонялись, какъ только могли. Бѣгство отъ общественныхъ обязанностей есть также старый русскій недугъ, который въ старину былъ сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ 1773 году Екатерина II, укоряя московскій магистратъ за небрежное веденіе судебныхъ дѣлъ, замѣчаетъ, что „сіе ни отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ неудачнаго выбора присутствующихъ въ оный магистратъ, въ который выбираются иногда такіе, кои вмѣсто того, чтобы почитать себѣ *за честь* судейство въ магистратѣ и стараться быть обществу полезными, всячески домогаются отбыть отъ присутствія, даже до того, что и то *съ охотою пріемлютъ и за стыдъ не почитаютъ, если за неисполненіе должности отъ судейства отрѣшены бываютъ*“ [1]).

Но эти люди, „не почитавшіе за стыдъ быть отрѣшенными отъ должностей“, были еще самыми невинными людьми. Они просто старались сбросить съ себя тяжелое и „при ихъ „простотѣ“, опасное бремя. Были люди и похуже, которые шли подъ это бремя сознательно и охотно.

Человѣческое *я* живуче. Когда условія его развитія таковы, что оно не направлено и не можетъ быть направлено на пользу общую, когда въ человѣкѣ убито это великолѣпное zoon politikòn, на которое молился Аристотель, — въ немъ просыпается и даетъ себѣ полную волю это гадкое, себялюбивое, ненасытное *я*, которое есть самое злое зло и самый развратный развратъ въ мірѣ. Оно жадно захватитъ въ свои руки „общественныя дѣла“, которыя явятся для него одновременно золотымъ дномъ и тяжкимъ обухомъ, коимъ онъ станетъ усердно гвоздить по головамъ своихъ „согражданъ“. Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить дѣло президента бѣлгородскаго магистрата Морозова, довольно подробно разсказанное Соловьевымъ.

Морозовъ, вмѣстѣ съ своими товарищами Нижегородцевымъ и Лашинымъ, были выбраны въ магистратъ особымъ выборомъ. Въ бѣлгородскомъ купечествѣ состояло 516 дворовъ, въ нихъ 1,350 душъ мужескаго пола, а къ выбору Морозова подписалось всего 74 человѣка. Главный магистратъ, вѣроятно, имѣвшій какія-нибудь основанія покровительствовать Морозову, утвердилъ его, не справившись,

---

[1]) *Полное собраніе законовъ*, № 14079.

почему другіе купцы „не подписались къ выбору“ и несмотря на то, что на Морозова съ товарищами „было представлено подозрѣніе“. Нѣкоторые бѣлгородскіе купцы попробовали-было протестовать. Они представили сенату о „фальшивомъ выборѣ“ новаго президента, заявивъ при этомъ, что Морозовъ поступалъ противозаконно, будучи у таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ, и что Лашинъ находится подъ слѣдствіемъ, въ приводѣ съ неявленнымъ и утаеннымъ отъ пошлинъ товаромъ. Кромѣ того, они представили о выборѣ, съ общаго согласія, достойныхъ и неподозрительныхъ людей, Андреева съ товарищами, въ президенты и бургомистры магистрата.

Сенатъ уважилъ жалобу просителей и послалъ указъ бѣлгородскому губернатору объ устраненіи Морозова съ товарищами отъ должности, о производствѣ новыхъ выборовъ и о временномъ допущеніи новоизбранныхъ къ должности; на главный же магистратъ былъ наложенъ штрафъ за утвержденіе фальшивыхъ выборовъ. Но главный магистратъ не дремалъ. Онъ донесъ сенату, что находится вынужденнымъ взять Андреева „къ отвѣту въ непорядочныхъ поступкахъ“, не объясняя, въ чемъ состоятъ эти поступки, хотя сенатъ и потребовалъ такого объясненія. Бѣлгородское же купечество подало новую жалобу, гдѣ объясняло, что „Андреева требуютъ въ главный магистратъ по проискамъ Морозова; самъ главный магистратъ имѣетъ злобу на Андреева и на все бѣлгородское купечество за наложеніе изъ-за нихъ на главный магистратъ штрафа; кромѣ того, желаетъ взятіемъ Андреева прикрыть воровство Морозова“. Но это не все. Пока Андреева „бездѣльно волочили“, Морозовъ „съ товарищи“ вступилъ, по распоряженію главнаго магистрата, снова въ управленіе и тутъ показалъ себя во всю ширь. „Тѣхъ купцовъ, которые доносили на нихъ въ похищеніи казеннаго интереса, всего до 60 человѣкъ, безъ всякаго суда розыскивали, иныхъ и публично плетьми и батожьемъ наказывали, а нѣкоторымъ и уши рѣзали и вымучили дать Морозову векселя, а у иныхъ, сбивъ съ лавокъ замки, товары и деньги выбрали“.

Сенатъ велѣлъ розыскать все дѣло бѣлгородской губернской канцеляріи. Чѣмъ кончилось дѣло, не знаемъ. Но съ увѣренностью можно сказать, что у 60 купцовъ, коихъ били плетьми, съ урѣзаніемъ ушей и разграбленіемъ имуществъ, надолго пропала охота протестовать „противъ фальшивыхъ выборовъ“.

Въ *Калугѣ* былъ случай, также характеристичный. Калужское купечество выбрало нѣсколько персонъ въ бургомистры и ратманы магистрата, въ томъ числѣ и нѣкоего Осипа Шемякина (несчастное прозвище!). Шемякину, однако, показалось недостаточнымъ такого „довѣрія согражданъ“. Онъ хотѣлъ сдѣлаться единственнымъ градо-

правителемъ. Для этой цѣли онъ отправился въ Москву и, „произыскавъ у главнаго магистрата кредитъ, исходатайствовалъ себѣ новый чинъ, *президентскій* (котораго не полагалось въ Калугѣ), и какъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу и вступилъ въ магистратское управленіе, то, въ надеждѣ на главный магистратъ, прочихъ членовъ и до дѣлъ не допускалъ, а дѣлалъ не малое время всякія дѣла одинъ, и когда прочіе члены о томъ съ учтивостью стали ему предлагать, то Шемякинъ, озлясь, подалъ въ магистратъ несправедливое доношеніе и происками своими склонилъ главный магистратъ, что безъ всякаго слѣдствія его товарищамъ нанесъ тягость несносную штрафами“

Можно было бы удесятерить количество этихъ фактовъ, разсказанныхъ Соловьевымъ и другими изслѣдователями русской старины и просто содержащихся въ оффиціальныхъ актахъ того времени. Всѣ они одинаково свидѣтельствуютъ о слѣдующей нехитрой истинѣ: *никакія общественныя установленія не могутъ развиться, ни даже пустить корней, если человѣческая личность не обезпечена въ своихъ элементарныхъ правахъ, если*, говоря словами Екатерины II, „гражданинъ не имѣетъ спокойствія духа, происходящаго отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію“.

IV.

Накануне реформъ.

Слѣдить за всѣми попытками водворить у насъ самоуправленіе, разсматривать, насколько онѣ были серьезны, было бы и долго, и безполезно. Но не безполезно и даже необходимо взглянуть на состояніе нашихъ „общественныхъ“ учрежденій наканунѣ реформъ, предпринятыхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Это необходимо по нижеслѣдующему соображенію. Въ общественныхъ учрежденіяхъ стараго порядка воспиталось и выросло то поколѣніе, которому суждено было самому дѣйствовать на болѣе широкомъ поприщѣ и наслѣдниками котораго являемся мы. Въ нихъ оно усвоило свои взгляды и привычки, перенесенныя имъ на другое поле, и отъ которыхъ съ великимъ трудомъ отдѣлываются ихъ преемники.

Разсказъ будетъ недологъ. Онъ касается только двухъ сословій, призванныхъ къ участію въ администраціи и въ судѣ: дворянскаго и городского. Крестьянское сословіе лежало подъ спудомъ, неся тяготу или крѣпостного права, или стараго казеннаго управленія. Но указанныя два сословія были снабжены грамотами, получили корпоративное устройство и пользовались выборнымъ правомъ.

Если, однако, припомнить, что̀ говорилось объ этихъ старыхъ „общественныхъ“ учрежденіяхъ въ послѣднее время ихъ существованія; если принять въ разсчетъ истинное положеніе судовъ, полиціи и мѣстнаго хозяйства, какъ оно описано въ оффиціальныхъ актахъ и въ свидѣтельствахъ современниковъ, — то не трудно придти къ заключенію, что долговременное участіе сословнаго элемента въ администраціи незначительно измѣнило тотъ общій приказный складъ управленія, какой сложился у насъ вѣками и, въ существѣ своемъ, не измѣнился, несмотря на свои новыя формы.

Дѣйствительно, въ теченіе многихъ десятилѣтій существованія нашихъ дворянскихъ собраній вліяніе и дѣйствіе ихъ было неощутительно. Самое *назначеніе* дворянскихъ собраній по закону ясно указывало, что они не призваны къ серьезной *общественной* роли. Назначеніе это категорически опредѣлялось въ IX томѣ свода законовъ, гдѣ изображено слѣдующее: „главный предметъ обыкновенныхъ дворянскихъ собраній состоитъ въ выборѣ *чиновниковъ* въ разныя должности“. Другія общественныя дѣла собраній немногочисленны, незначительны и являются въ видѣ какого-то незамѣтнаго дополненія къ этому „главному“ предмету, для котораго дворянство съѣзжалось въ три года разъ въ свой губернскій городъ. Недаромъ разговорный языкъ того времени обозначалъ этотъ „съѣздъ“ дворянства именемъ выборовъ: поѣхали на „выборы“, съѣхались на „выборы“ и т. д.

Итакъ, участіе выборныхъ отъ дворянства въ судѣ и администраціи было особымъ видомъ *государственной службы*, что̀ несомнѣнно подтверждалось и уставомъ о службѣ по выборамъ, гдѣ значилось: „служащіе по выборамъ дворянства считаются на *дѣйствительной* государственной службѣ“. Законъ гласилъ, что эти лица „считаются“ на государственной службѣ, но практика и жизнь гласили большее: именно, что служащіе по выборамъ *обращаются* въ настоящихъ чиновниковъ. Разверните *Ревизора* и попробуйте провести границу между городничимъ и судьею, почтмейстеромъ и „смотрителемъ богоугодныхъ заведеній“; откройте *Мертвыя души* и установите различіе между полиціймейстеромъ и предсѣдателемъ палаты и всякими выборными и невыборными должностями — предпріятіе невозможное, ибо во всѣхъ этихъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же духъ, одна и та же мысль.

Такая общая постановка дѣла была обильна важными послѣдствіями. Во-первыхъ, если и служба по выборамъ та же „служба“, что и служба въ департаментѣ, то въ умахъ дворянства и въ жизни вообще—быстро и несокрушимо установилось іерархическое различіе между этими двумя видами службы. Все искавшее дѣй-

ствительнаго почета, вліянія и власти бросилось въ столицы, наполняло центральныя учрежденія, заручалось протекціею и связями и оттуда являлось въ губернію настоящими властями: губернаторами, вице-губернаторами, предсѣдателями казенныхъ палатъ, управляющими государственными имуществами. Служба по выборамъ: должности уѣздныхъ судей, исправниковъ, засѣдателей, даже предсѣдателей двухъ судебныхъ палатъ, доставались на долю дворянъ „худородныхъ", или непреуспѣвшихъ почему-либо на „настоящей" службѣ. Только одна должность предводителя дворянства привлекала къ себѣ своимъ сравнительно независимымъ и почетнымъ положеніемъ. Но кого же могла привлечь служба капитанъ-исправника или засѣдателя при общихъ условіяхъ нашей полицейской службы? Кого манила должность судьи, при крайней зависимости старыхъ судовъ отъ администраціи?

Законъ былъ безсиленъ измѣнить жизненную обстановку учрежденій и остановить быстрое вырожденіе дворянскихъ учрежденій. Сначала приписывали причину зла участію въ выборахъ „мелкаго дворянства", безчинствовавшаго въ собраніяхъ. Законъ 1831 года ограничилъ это участіе, давъ право самостоятельнаго голоса только „великопомѣстнымъ" (стодушевой цензъ) и дозволивъ мелкопомѣстнымъ участвовать въ выборахъ только чрезъ уполномоченныхъ. Дѣло пошло не лучше. „Великопомѣстные" избиратели съѣзжались на выборы, но выбирали именно тѣхъ, кого законъ хотѣлъ устранить отъ дворянскихъ должностей, т.-е. попросту *раздавали* эти должности дворянамъ, нуждавшимся въ пропитаніи. Тяпкины-Ляпкины продолжали свое дѣло, и увѣщанія высшаго правительства не помогали.

„Изъ свѣдѣній, доходившихъ до Меня, — говорилъ императоръ Николай I въ указѣ 1832 года, — Я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянства не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. *Лучшіе* дворяне или *уклонялись* отъ служенія, или *не участвовали* въ выборахъ, или съ *равнодушіемъ* соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ порученій. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ— запутанность и упущенія, поставляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона".

Это авторитетное свидѣтельство устраняетъ необходимость приводить другіе отзывы о томъ, во что̀ превращались выборныя должности на мѣстахъ, и какъ дореформенная Россія не оставила намъ

ни суда, ни полиціи. Впрочемъ, и въ другихъ свидѣтельствахъ нѣтъ недостатка.

Графы Перовскій и Закревскій жаловались въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ на то, что „званіе чиновъ земской полиціи унижено въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе чего „лучшіе люди“ уклоняются отъ нихъ“. Жаль только, что эти доклады не объясняли, отъ чего зависитъ такое „униженіе“ и въ одномъ ли „общественномъ“ мнѣніи унижена должность исправника и засѣдателей? Повидимому, старыя отношенія губернаторовъ къ выборнымъ исправникамъ, по закону и особенно на практикѣ, могли бы также разъяснить, почему „лучшіе люди“ уклоняются отъ этой должности, предоставляя ее людямъ, не особенно щекотливымъ относительно своего личнаго достоинства. Но мы обратимся къ такой сторонѣ дѣятельности выборныхъ отъ сословій, гдѣ *общественный* элементъ выступалъ, повидимому, на первый планъ.

Въ числѣ предметовъ, требовавшихъ участія выборныхъ отъ сословій, очень важное мѣсто занимало завѣдываніе *земскими повинностями*. Для этой цѣли было учреждено особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ (губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатели палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, городской голова губернскаго города) и комитетъ. Послѣдній, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоялъ: изъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, предсѣдателей указанныхъ выше палатъ, окружныхъ начальниковъ, депутатовъ отъ дворянства и городовъ. Комитетъ собирался въ три года разъ. Собирались и „отдѣльныя присутствія“ сословныхъ комитетовъ для предварительной разработки вопросовъ, собиранія и доставленія всякихъ свѣдѣній.

Кажется, онъ былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ депутатовъ и представителей разныхъ вѣдомствъ для того, чтобы ему можно было *довѣрить* составленіе смѣты и чтобы онъ *могъ* какъ составить ее, такъ и наблюдать за ея исполненіемъ. На дѣлѣ не было ни перваго, ни второго, ни третьяго.

Законъ, въ дѣйствительности, не *довѣрялъ* составленіе смѣты ни особому присутствію, ни комитету. Онъ допускалъ только тѣ статьи расходовъ, которыя въ настоящее время называются *обязательными*; нынѣшніе необязательные (факультативные) расходы вовсе не были извѣстны. Итакъ, мѣстнымъ представителямъ давались въ руки заранѣе и разъ навсегда разграфленные, по указанію закона и предписаніямъ центральной власти, образцы. Эти „графы“ предварительно наполнялись соотвѣтствующими цифрами въ особомъ присутствіи и предлагались на разсмотрѣніе комитета. Послѣдній „раз-

сматривалъ", но рѣшающаго голоса не имѣлъ, ибо *утвержденіе* смѣты принадлежало центральному правительству.

Исполненіе по утвержденной смѣтѣ, по бо̀льшей части статей, сосредоточивалось въ рукахъ центральныхъ учрежденій и ихъ мѣстныхъ органовъ, безъ всякой отчетности по отношенію къ „комитетамъ". Послѣдніе, такъ сказать, просто *отпускали* опредѣленныя суммы вѣдомствамъ: военному, путей сообщенія и т. д. Второй разрядъ суммъ расходовался на мѣстахъ: ихъ отпускали или на содержаніе разныхъ учрежденій, или на мѣстныя хозяйственныя распоряженія, зависѣвшія отъ губернатора, обще съ особымъ присутствіемъ и иными „коммиссіями". Кассовая и бухгалтерская отчетность велись правительственными установленіями, и только по истеченіи трехъ лѣтъ, „генеральный счетъ представлялся для кратковременной и недѣйствительной провѣрки" дворянскому депутатскому собранію и комитету о земскихъ повинностяхъ.

Таковъ былъ этотъ порядокъ, установившійся во время полнаго господства административной опеки. Между тѣмъ означенный комитетъ есть одинъ изъ предтечъ новыхъ земскихъ учрежденій. Послушаемъ, какую отходную прочитала всему этому порядку коммиссія вырабатывавшая проектъ земскаго положенія.

„Изъ замѣчаній, сообщенныхъ начальниками губерній, изъ свѣдѣній, собранныхъ въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, какъ особыми чиновниками, такъ и по возникавшимъ дѣламъ видно: что общія собранія комитетовъ земскихъ повинностей, лишенныя всякой дѣйствительной власти и распоряженій, собирающіяся лишь въ три года разъ, и то на короткое время, не имѣютъ физической возможности не только разобрать отчеты и смѣты, но даже и *прочесть* ихъ; что смѣты утверждаются и измѣняются высшимъ правительствомъ безъ всякаго соображенія съ мнѣніями комитетовъ раскладки, имъ предоставленныя, почти всегда перемѣняются по усмотрѣнію центральной власти; что немногія замѣчанія, которыя успѣваютъ сдѣлать члены комитета, бо̀льшею частью даже *не разсматриваются; что затѣмъ представители мѣстности потеряли всякую энергію и заботливость о своемъ дѣлѣ и только почти* машинально *подписываютъ бумаги комитета*". Конечно, такая „машинальная" работа мало кого привлекаетъ. Предводители дворянства, прибывъ въ комитетъ, думаютъ только о скорѣйшемъ отъѣздѣ. Депутаты норовятъ вовсе не пріѣхать. „Городскіе депутаты суть лица ровно ничего не дѣлающія и безгласныя". „Это положеніе,—читаемъ мы дальше,—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ развилось до того, что предъявленіе замѣчаній противъ приготовленныхъ заранѣе отчетовъ, смѣтъ и раскладокъ считается *безпорядкомъ* и лишнею

тратою времени". И въ самомъ дѣлѣ лишнею. „Такимъ образомъ комитетъ, въ сущности, дѣлается только мѣстомъ формальной канцелярской работы, а его *дѣлопроизводитель*—главнымъ дѣйствующимъ лицомъ".

Но, можетъ быть, *особыя* присутствія находятся въ лучшемъ положеніи? „Они,—продолжаетъ коммиссія,—состоя изъ лицъ должностныхъ, имѣющихъ свои особыя и важныя занятія, предоставляютъ бо̀льшую часть дѣла *канцеляріи*. Самъ начальникъ губерніи, хотя въ данномъ случаѣ почти всегда рѣшаетъ дѣло по своему личному усмотрѣнію, не можетъ слѣдить за всѣмъ и входить въ подробности, иногда весьма важныя, по отвлеченію его прямыми обязанностями его власти".

Отдѣльныя присутствія „существуютъ только въ законѣ, на бумагѣ". Губернская строительная и дорожная коммиссія, „пользуясь своимъ положеніемъ... распоряжается суммами и хозяйствомъ земства по всѣмъ строительно-дорожнымъ сооруженіямъ крайне произвольно и безъ всякаго вниманія къ интересамъ земства; непосредственное подчиненіе коммиссіи главному управленію путей сообщенія дѣлаетъ безплодными всѣ усилія мѣстныхъ представительныхъ властей земства ограничить произволъ и невыгодныя для земства дѣйствія коммиссіи". Участіе *казенной палаты*, въ отношеніи повѣрки отчетности, „оказывается лишь излишнею и затрудняющею формою, ибо она повѣряетъ только по книгамъ и документамъ *формальную* правильность и законность приходовъ, расходовъ и остатковъ, но не можетъ производить существенной хозяйственной повѣрки". Уѣздныя дорожныя коммиссіи „ровно ничего не дѣлаютъ". Городскія квартирныя коммиссіи „по положенію своему находятся почти въ совершенной зависимости отъ полиціи (въ нихъ предсѣдательствуютъ городничіе) и въ подчиненіи губернскаго начальства. Два городскихъ депутата, въ нихъ присутствующіе, не имѣютъ вообще самостоятельнаго значенія, и чаще всего дѣломъ распоряжается письмоводитель". Кромѣ того, „сильное вліяніе *полицій* на исполнительную и даже отчасти распорядительную часть повинностей оказывается крайне вреднымъ, какъ по склонности полицій извлекать изъ этого рода дѣлъ личныя для себя выгоды, такъ и по совершенному незнанію и непониманію ими мѣстныхъ интересовъ и пользъ" [1]).

Заглядывая въ другія отрасли мѣстнаго „хозяйства", мы находимъ то же, если не худшее. Съ одной стороны, мы видимъ, по закону необыкновенную сложность формъ, установленныхъ ради надзора и надлежащей опеки; съ другой, на практикѣ, дѣло сводится

---

[1]) *Труды коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ*, ч. II, кн. II, стр. 55—60.

къ „письмоводителю“, обыкновенно ищущему своего „прибытка“. Напримѣръ, по части *продовольственной*, дѣло о ссудахъ хлѣбомъ проходило *шесть* инстанцій; на дѣлѣ „учрежденіе сельскихъ (запасныхъ) магазиновъ служитъ собственно не для обезпеченія народнаго продовольствія, а для содержанія попечителей и ихъ письмоводителей“ [1]).

Относительно *больницъ*: „вообще нельзя не сознаться, что всѣ наши городскія больницы, съ изъятіемъ ихъ изъ завѣдыванія городскихъ учрежденій, увеличили лишь на много свои *бюджеты*, но нисколько не подвинулись въ теченіе 10 лѣтъ, при правительственномъ ихъ управленіи, въ своемъ благоустройствѣ“ [2]).

По части поощренія торговли и промышленности: „въ практическомъ примѣненіи изложенныхъ правилъ закона, сколько можно судить по извлеченнымъ изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, возникаютъ жалобы, съ одной стороны, отъ частныхъ лицъ, на стѣсненіе затруднительными формальностями и долгими разрѣшеніями хозяйственныхъ предпріятій; съ другой стороны, отъ обществъ, на безусловное разрѣшеніе такихъ торговыхъ или промышленныхъ учрежденій, которыя вредятъ общему благосостоянію мѣстности“ [3]).

Такова „область“, гдѣ дѣйствовало или гдѣ могло дѣйствовать „первенствующее“ въ имперіи сословіе: — ни полиціи, ни суда, ни мѣстнаго хозяйства. Что же думать о былыхъ „посадскихъ и купецкихъ“ людяхъ, также получившихъ свою жалованную грамоту съ „самоуправленіемъ?“ Правда, новое городское устройство уже далеко отъ мысли Петра Великаго — сдѣлать изъ магистрата „главу и начальство всему гражданству“. Общій куполъ „градскаго зданія“ раздваивается, и надъ „градомъ“, въ стилѣ готическомъ, высятся двѣ башни: одна подъ именемъ полиціи, теперь правительственной, другая — подъ именемъ ратуши или думы. Но послѣдняя быстро умаляется въ своихъ размѣрахъ, будучи значительно подавлена размѣрами первой и сильною опекою губернскихъ и центральныхъ учрежденій. Результаты были тѣ же, что и въ первомъ случаѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, комитету министровъ былъ предложенъ слѣдующій знаменательный вопросъ: „какъ возвысить служеніе гражданъ и возбудить въ нихъ желаніе заниматься онымъ?“ [4]). Вопросъ очень умѣстный, ибо не только въ двадцатыхъ годахъ, но и позже „граждане“ дѣйствительно уклонялись отъ вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 85—87.

[2]) Тамъ же, особое приложеніе, стр. 22.

[3]) Тамъ же, стр. 107.

[4]) Дитятинъ, *Городское самоуправленіе въ Россіи*, 1877 г., стр. 244.

боровъ и всякаго служенія [1]). Но дѣло въ томъ, что рѣшеніе его требовало предварительнаго отвѣта на другой, не менѣе важный вопросъ: отчего городскіе обыватели уклоняются отъ „служенія“? Между тѣмъ, подумавъ немного, можно было бы дать категорическій отвѣтъ.

Городская служба, при тогдашнихъ условіяхъ, вообще была дѣломъ рискованнымъ съ точки зрѣнія личной безопасности, и нежеланіе „попасть въ отвѣтъ“ достаточно объясняло всякія „уклоненія“. Но, кромѣ того, всякая общественная должность можетъ исполняться съ успѣхомъ только тогда, когда она находитъ опору въ хорошо организованной корпораціи и дѣйствуетъ подъ ея контролемъ. Но такого необходимаго „тѣла“ не было въ тогдашнихъ городахъ, т.-е. извиняемся, оно было на бумагѣ, а въ дѣйствительности... но предоставимъ говорить фактамъ.

Екатерина думала организовать городское представительство подъ именемъ *общей думы*, предоставивъ исполнительную власть думѣ шестигласной. И именно эта „общая дума“ не только не развилась, но растаяла, исчезла безслѣдно, если не считать „слѣдомъ“ упоминаніе о ней въ сводѣ законовъ. Когда дѣло дошло, въ 1844 г., до фактической провѣрки нашихъ городскихъ учрежденій, оказалось, что ея нѣтъ *нигдѣ*. Правда, въ Петербургѣ гражданскій губернаторъ открылъ ее послѣ тщательныхъ розысковъ. Но эта „дума“, справедливо замѣчаетъ Дитятинъ, оказалась въ положеніи поистинѣ странномъ. „Въ распоряженіи шестигласной думы состоитъ 38 гласныхъ, избираемыхъ изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ на три года для составленія общей городской думы. Имъ, по *назначенію* шестигласной думы, дѣлались разныя порученія въ хозяйственномъ и торговомъ отношеніи: четверо изъ нихъ назначены для сбора $^1/_2$%-ныхъ денегъ; двое—для сбора съ судовъ, проходящихъ чрезъ мосты; одинъ—для наблюденія за торговлей иногородныхъ и т. п.; одинъ—для смотрѣнія за домомъ военнаго генералъ-губернатора“ и т. д. Что̀ сказали бы члены нынѣшней думы, если бы городская управа „назначала“ ихъ на разныя „службы“ и если бы, кромѣ этихъ службъ, они никакого значенія не имѣли?

Во всякомъ случаѣ это „знаменательнѣе“ извѣстій о несостоявшихся засѣданіяхъ думъ въ томъ или другомъ городѣ; здѣсь пропадаютъ цѣлыя учрежденія, пропадаютъ безъ слѣда и отзвука; широко раскрываются глаза ревизоровъ, „не обрѣтающихъ“ думъ, хотя сами думцы не находили въ томъ ничего удивительнаго.

Лишенная всякой общественной опоры, знаменитая „шестиглас-

---

[1]) Поразительные факты см. тамъ же, стр. 246 и слѣд.

ная дума“ быстро обратилась въ простое отдѣленіе разныхъ губернскихъ канцелярій и полицейскаго управленія. Она ничѣмъ не управляетъ, ничего не предпринимаетъ, но только „пріемлетъ и нимало вопреки глаголетъ“, по выраженію нашего знаменитаго сатирика, т.-е. попросту исполняетъ чужія предписанія. Такое „живое“ дѣло, очевидно, отражается и на дѣйствующихъ субъектахъ, т.-е. ведетъ къ тому же „уклоненію“, которое мы видѣли и въ другихъ комитетахъ.

Въ 1843 году петербургскій губернаторъ доносилъ, что „опредѣленнаго закономъ полнаго присутствія думы не существуетъ“, ибо члены думы ежедневно—внѣ присутствія; между прочимъ—для исполненія порученій высшаго начальства. Являясь въ думу, они „подписываютъ“ бумаги, „не читая ихъ“. Въ Москвѣ дѣло велось столь же просто. Игнатьевъ, ревизовавшій московскую думу въ 1860 году, доносилъ слѣдующее: „шестигласная дума давно утратила свой коллегіальный характеръ и приняла видъ какой-то канцеляріи, безпрекословно исполнявшей всѣ предписанія и требованія начальства, нимало не заботясь о городскихъ интересахъ“. Гласные думы также только „подписывали“ бумаги, приготовленныя въ канцеляріи, начальникомъ которой былъ назначенный отъ правительства *секретарь*.

Повидимому, при такихъ „простыхъ“ условіяхъ дѣлопроизводства дѣла могли идти чрезвычайно быстро. Приказано — исполнено, безъ всякихъ затруднительныхъ преній, возраженій, протестовъ. На дѣлѣ, однако, выходило не то. С.-петербургскій губернаторъ, описавъ порядки мѣстной думы, замѣчаетъ, что они дѣлали изъ нея „образецъ медленности, упущеній, запутанностей, безпорядковъ и злоупотребленій“.

Эпитетовъ много, и всѣ они выразительны. Но отъ чего зависѣлъ такой образцовый порядокъ? Конечно, не „гласные“ затрудняли теченіе дѣлъ, ибо они подписывали не читая. Но быстрота въ подписываніи не всегда ведетъ къ быстротѣ въ дѣлахъ, какъ это показалъ опытъ старыхъ думъ и ратушъ. Силою вещей все дѣло было положено на душу секретаря, „иногда лѣниваго, пьянаго и безтолковаго, а чаще всего недобросовѣстнаго“, какъ выразился одинъ изъ ревизоровъ.

Эта всемощная персона и вела ратушскія и думскія дѣла „лѣниво и безтолково, а чаще всего недобросовѣстно“, несмотря на то, что за ними наблюдали и губернскія правленія, и казенныя палаты, и хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но этотъ многократный и многообразный „надзоръ“ не только не помогалъ дѣлу, но тормозилъ его даже пуще секретарской лѣни.

Пустѣйшія дѣла по цѣлымъ годамъ лежали не только безъ рѣшенія, но и безъ доклада. Въ Ярославлѣ развалился цѣлый домъ

присутственныхъ мѣстъ только потому, что смѣты на починку его восходили и нисходили въ теченіе многихъ лѣтъ, а силы природы дѣйствовали, не спрашиваясь „указаній“. Зданіе валится — это еще ничего, тутъ губительное дѣйствіе времени. А вотъ когда губительныя человѣческія силы начнутъ дѣйствовать вопреки всякимъ уставамъ и надзорамъ, тогда выходитъ совсѣмъ нехорошо. Городъ Херсонъ, имѣя 48.000 (!) десятинъ земли, получаетъ съ нея крайне ничтожный доходъ, да и не могъ получить бо̀льшаго, ибо городскія власти находились въ невѣдѣніи относительно количества городскихъ земель, а тѣмъ временемъ мѣщане и даже сосѣдніе помѣщики захватывали „въ пустѣ лежавшія земли“ и обращали ихъ въ частныя владѣнія. Въ Минскѣ городскіе головы самовольно занимали для города деньги у частныхъ лицъ подъ *залогъ* городскихъ земель, просрочивали закладныя, и земли оставались въ рукахъ кредиторовъ. Въ одномъ изъ городовъ ярославской губерніи арендная плата за городскія земли не измѣнялась съ 1796 года (!). И это факты не единичные, а общіе, засвидѣтельствованные оффиціально, въ донесеніяхъ ревизоровъ и другихъ лицъ.

Но чего же смотрѣли власти: казенныя палаты, губернскія правленія, хозяйственный департаментъ? Онѣ же призваны были наблюдать, требовать отчетовъ, ревизовать, преслѣдовать за медленность и упущенія? Конечно! Но право ревизовать не ведетъ еще къ дѣйствительности контроля. Секретарь лѣнивъ и пьянъ, но онъ лукавъ и сумѣетъ отписаться отъ всякихъ назойливыхъ требованій „отчетовъ“. Онъ просто ихъ не дастъ и, зная всѣ канцелярскіе извороты лучше всякаго начальства, хотя бы самаго грознаго, обведетъ его десять разъ и заставитъ сдѣлать по-своему. Вся сила уставовъ счетнаго и о городскомъ хозяйствѣ, вся мощь громадной административной машины, вся эта іерархія губернская и центральная, осѣкалась на незамѣтной для простого глаза песчинкѣ — на этомъ секретарѣ, „лѣнивомъ и пьяномъ“.

Невольно приходятъ на память слова одного изъ умершихъ публицистовъ нашихъ: „посмотришь на этого сальнаго протоколиста, который кланяется въ ноги исправнику и стоитъ дрожа предъ губернаторомъ,—вѣдь все это одна комедія. Онъ равно смѣется въ душѣ надъ исправникомъ, какъ надъ губернаторомъ, онъ обманываетъ ихъ подлостью, и они не имѣютъ средствъ его миновать, онъ понимаетъ свое превосходство предъ ними, свою необходимость“.

И выходило на практикѣ, что „въ 1848 г. у думъ нѣкоторыхъ городовъ требуютъ отчеты за 1828 и 1829 годы“, т.-е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ власти терпѣливо дожидались, пока секретарямъ угодно будетъ предстать предъ ними въ видѣ думскихъ книгъ и

отчетовъ. Да и гдѣ были въ 1848 году секретари 1828 года? Иные, можетъ быть, спились съ кругу, но большинство навѣрное уготовало себѣ теплое пристанище, съ приличнымъ доходомъ, и ждали они безбоязненно всякой „ревизіи счетовъ".

Оглядываясь назадъ на это „доброе старое время", начинаешь какъ-то веселѣе смотрѣть на настоящее. Говорятъ о вялости и небрежности разныхъ нашихъ общественныхъ управленій; говорятъ о расхищеніи общественныхъ сундуковъ. Все это прискорбно, и не мы, конечно, будемъ оправдывать такія „явленія". Но сдѣлайте невозможное предположеніе: представьте себѣ, что въ тѣ сумрачныя времена печать имѣла бы хотя ту долю свободы, какою она пользуется теперь; что телеграфы сообщали бы обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ столь же быстро, какъ въ наши дни; что читающая публика имѣла бы хотя ту степень чуткости къ общественному интересу, какую она имѣетъ теперь, и что „растрата", совершенная въ Скопинѣ, болѣзненно отзовется и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ, и въ Ростовѣ-на-Дону, и въ Одессѣ;—предположите все это и тогда дайте волю вашему воображенію. Пусть оно нарисуетъ вамъ картину того, что̀ бы мы услышали и увидѣли въ эти златые дни „мертвыхъ душъ".

V.

Наслѣдственный порокъ.

„Уклоненія отъ службы", „неучастіе въ выборахъ", „равнодушіе къ общественному дѣлу",—что̀ такое всѣ эти вещи, вмѣстѣ взятыя, какъ не грозные симптомы одного общаго недуга, неизвѣстнаго, быть можетъ, въ медицинѣ, но весьма знакомаго лицу, занимающемуся науками общественными. Недугъ этотъ называется *обезличеніе человѣка*. Его нарождала прежняя система учрежденій, и въ этомъ состоялъ ея главный порокъ.

Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ черты людей, составлявшихъ эти прошлыя поколѣнія, чередовавшихся подъ дѣйствіемъ старой системы; вы не прочтете въ нихъ ни своеобразной мысли, ни живого, свободнаго чувства, ни пылкой вѣры, ни крѣпкой воли, ничего *своего*, ничего такого, что̀ *различаетъ* людей, но въ то же время побуждаетъ ихъ къ общенію, образуетъ внутренняго человѣка и влечетъ его къ обнаруженію этого я въ области мысли, вѣры, поэзіи, науки, дѣлъ общественныхъ. Тамъ всѣ похожи другъ на друга, какъ старыя потертыя монеты „одного достоинства". Семенъ какъ Иванъ, Иванъ какъ Петръ, Петръ какъ Василій. Кажется, что даже *собственныя*

имена давались этимъ людямъ по недоразумѣнію. Зачѣмъ были имъ эти собственныя имена, когда никто изъ нихъ не имѣлъ ничего собственнаго.

Богъ, сотворившій человѣка по образу своему и подобію, сказалъ о себѣ: „Азъ есмь сый", т.-е. *сущій*. И человѣкъ не иначе можетъ быть подобіемъ Божіемъ, какъ если онъ будетъ *сущимъ*, въ высокомъ, нравственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. живою личностью. Иначе съ кѣмъ заключилъ бы Господь свой завѣтъ? Кто могъ бы ощутить Его величіе, познать Его мудрость, испытать дѣйствіе Его благодати, отвѣтить ему на любовь любовью и поступать по Его слову?

Конечно, не этотъ „безличный человѣкъ", не видящій вѣры изъ-за обряда, и во всей религіи усматривающій только обрядъ, длинный и утомительный, только букву закона, только извѣстное число часовъ, обязательно проводимыхъ въ храмѣ. Но и религія можетъ быть сведена къ обряду, къ мертвой буквѣ, если исповѣданіе вѣры будетъ вынуждаться, и если на мѣстѣ духовнаго завѣта человѣка съ Богомъ станетъ земной стражъ, посягающій на святѣйшіе и сокровеннѣйшіе помыслы человѣка. Тогда всѣ помышленія человѣка обратятся на то, чтобы удобнѣе покончить свои внѣшніе счеты съ церковью, къ которой онъ уже равнодушенъ. Вѣрующая личность погибаетъ, но вмѣстѣ съ нею погибаетъ и церковь, ибо церковь есть союзъ *вѣрующихъ*, а изъ невѣрующихъ церкви не образуется. Но нѣтъ вѣры тамъ, гдѣ есть только внѣшнее подчиненіе и вынужденное исполненіе обрядовъ. „Я признаю, я подчиняюсь, но я не вѣрую". И лучшіе члены церкви отсѣкаются отъ нея, уходя или въ свой внутренній духовный міръ, или въ чистое невѣріе. Но зато широкое поле открывается для лицемѣровъ, для притворно-вѣрующихъ и ищущихъ своего прибытка. „Сія же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше".

Перенесите этого „обезличеннаго" человѣка въ область явленій общественныхъ, и вы получите то же самое. Обезличенный человѣкъ въ наукѣ — это источникъ бездарнѣйшихъ компиляцій, примиренія непримиримаго, соглашенія несогласимаго; это безтолковая передача чужихъ мнѣній, собираемыхъ отовсюду, безъ разбору, системы и пользы, и заколачиваніе науки въ омертвѣвшія формы; въ области семейной — это формальное исполненіе супружескихъ и отцовскихъ обязанностей, подъ которымъ глохнетъ всякое чувство родительское и супружеское, и семья разрушается съ момента своего возникновенія; въ области общественной — это внѣшнее и вялое исполненіе самонужнѣйшихъ и неотвратимыхъ обязанностей, отъ которыхъ нельзя увернуться никакими законными обходами и незаконными просьбами.

Но присмотритесь къ этимъ тусклымъ, безцвѣтнымъ, въ духовномъ отношеніи, лицамъ, выглаженнымъ, вычищеннымъ на одинъ образецъ, „всѣ какъ одинъ“ — не откроете ли въ нихъ чего-нибудь другого? О, да! Эти скучные молчальники, равнодушно-молчащіе въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, подписывающіе всякіе счеты и бумаги, не читая ихъ, боящіеся проронить слово, обличающее какую-нибудь *свою* мысль, эти люди, забывшіе образъ Божій, не забыли и твердо помнятъ другой образъ — *звѣриный*. Вытертая, истертая даже въ смыслѣ духовномъ, человѣческая личность съ тѣмъ бо̀льшею силою развивается въ отношеніи плотоядномъ.

Въ этомъ безцвѣтномъ человѣчкѣ, съ полупотухшими глазками, съ обрюзглымъ лицомъ и апатичнымъ видомъ, кроется семейный тиранъ, лихоимецъ, развратникъ, хищникъ, способный загубить сотни существованій, расхитить всякое частное и общественное достояніе, и достаточно хитрый, чтобы пролѣзть на всякое „мѣсто“, обмануть своимъ вяло-добродушнымъ видомъ всякое довѣріе и способный продать все, начиная съ самого себя.

Можетъ ли изъ такихъ людей создаваться государство, т.-е. самый высокій, самый нравственный изъ всѣхъ видовъ человѣческаго общенія, болѣе всѣхъ другихъ требующій любви, доходящей до самопожертвованія, разумѣнія — переходящаго въ геній, воли — возвышающейся до героизма? Или государство есть только общеніе въ интересахъ матеріальныхъ? Но на почвѣ „матеріальной“ человѣкъ менѣе всего способенъ къ общенію; здѣсь мѣсто тому эгоизму, который подъ псевдонимомъ „личнаго интереса“ гуляетъ по бѣлому свѣту, побуждая людей поѣдать другъ друга и смотрѣть на самое общество только съ точки зрѣнія своего безграничнаго аппетита. Человѣкъ, не связанный съ государствомъ высшими способностями своей духовной природы, не связанъ съ нимъ вовсе и не способенъ дать ему ничего, кромѣ равнодушія, искусно соединеннаго съ хищеніемъ и обманомъ.

„Государство, говоритъ Боркъ на своемъ картинномъ языкѣ, есть нѣчто высшее, чѣмъ товарищество по торговлѣ перцемъ или кофе, миткалемъ или табакомъ... Государство должно быть разсматриваемо съ другой точки зрѣнія, потому что оно не есть общеніе въ вещахъ, потребляемыхъ, служащихъ только для животнаго существованія. Государство есть общеніе во всякой наукѣ, во всякомъ искусствѣ, во всякой добродѣтели и во всякомъ совершенствѣ“.

Вотъ мысль, сознаніе, чутье, инстинктъ, назовите это какъ хотите, двинувшіе всѣхъ и все въ приснопамятную эпоху начала нашихъ преобразованій. Тогда не спрашивали о томъ, къ какой категоріи относятся пороки, оставленные намъ старымъ временемъ,

къ категоріи ли „прирожденныхъ“ грѣховъ нашей „расы“ или къ преходящимъ историческимъ прегрѣшеніямъ, исправляемымъ доброю волею людей. Всѣ понимали, что Россія, какъ государство, какъ нація, какъ часть человѣческаго рода, наконецъ, не можетъ существовать въ своихъ прежнихъ общественныхъ формахъ; что крѣпостное право развращало одинаково и господъ, и подвластныхъ имъ; что вотчинный взглядъ, впитавшійся въ администрацію и въ судъ, порождалъ хищниковъ, своекорыстныхъ угодниковъ и вытѣснялъ всякое пониманіе гражданскаго долга; что самое слово „правосудіе“ сдѣлалось посмѣшищемъ въ тѣ времена; что жестокая система наказаній не только не достигала своей цѣли, но каждый ударъ плети озвѣрялъ толпы праздныхъ зрителей наказанія; что цѣлыя массы людей „первенствующаго“ и другихъ сословій коснѣютъ въ невѣжествѣ и лѣни; что, при отсутствіи законности, никакая добропорядочная личность не можетъ выступить на общественное служеніе и всегда должна уступить мѣсто людямъ противоположныхъ качествъ; что, при отсутствіи какой бы то ни было гласности, а слѣдовательно и отвѣтственности, хотя бы нравственной, человѣческіе пороки раздуваются и расширяются подобно живымъ тѣламъ въ безвоздушномъ пространствѣ; что все это, вмѣстѣ взятое, способно сдѣлать изъ государства не „общеніе во всякой добродѣтели и во всякомъ совершенствованіи“, какъ говоритъ Боркъ, а „общеніе“ въ самыхъ непохвальныхъ качествахъ человѣческой природы.

Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ въ общемъ сознаніи или, по крайней мѣрѣ, въ общемъ чувствованіи, то, спрашивается, какая иная формула могла быть найдена для его разрѣшенія, какъ не та, какая напрашивалась сама собою, т.-е. *облагородить человѣка*, ибо безъ облагороженнаго человѣка не можетъ быть и облагороженнаго государства?

Но развѣ человѣкъ не благороденъ самъ по себѣ? Да, онъ благороденъ, ибо въ него вложены Богомъ такіе зачатки къ совершенствованію, какихъ нѣтъ ни въ одной земной твари. Ему сказано: „будь совершенъ, какъ Отецъ твой Небесный“. Но *будь* не то же, что *есть*, иначе Спасителю не нужно было бы приносить себя въ жертву искупленія. Возьмите въ руки исторію всякаго народа, прочтите ее внимательно и воспроизведите въ своемъ умѣ тяжелый, но торжественный процессъ перехода племенъ отъ стаднаго существованія, отъ грубаго варварства, къ совершеннѣйшимъ формамъ общества. Развѣ понятія о правѣ, о собственности, о семьѣ, о религіи, объ обществѣ и государствѣ явились съ появленіемъ человѣка на свѣтъ? Развѣ онъ не началъ съ людоѣдства, съ безпорядочнаго полового общенія, съ грубѣйшаго суевѣрія, съ рабства? Развѣ нрав-

ственныя истины не открывались точно такъ же, какъ истины математическія, юридическія и законы естественные?

Окиньте взоромъ всѣ періоды поступательнаго движенія человѣчества—и вы откроете, что не только учрежденія и формы общественнаго быта измѣнялись, но видоизмѣнялся и самый человѣкъ въ нравственныхъ качествахъ и умственныхъ способностяхъ. Безъ послѣдняго невозможно было бы и первое. Кто хотѣлъ новаго общества—долженъ былъ хотѣть и новыхъ людей.

А первѣйшее условіе для образованія новаго человѣка есть признаніе и обезпеченіе *его личности*, ибо только при этомъ условіи человѣкъ способенъ развить и проявить свои творческія силы. Это начало давнымъ давно признано въ области экономической; въ области хозяйственной политики никто уже не утверждаетъ, что развитіе производительныхъ силъ страны возможно при рабствѣ и крѣпостномъ состояніи, при необезпеченности частной собственности, при отсутствіи свободы въ выборѣ занятій и т. д. Какимъ же образомъ то, что признается аксіомой, когда дѣло идетъ о накопленіи матеріальнаго капитала страны, признается сомнительнымъ, какъ только дѣло заходитъ объ увеличеніи ея нравственнаго капитала?

Не такъ смотрѣли на дѣло въ то время, когда начинались наши преобразованія. Всѣ великіе и незабвенные акты того времени были направлены къ этой общей цѣли: облагородить человѣка, чрезъ признаніе и огражденіе его личныхъ правъ, чрезъ пріобщеніе его къ общественному дѣлу, чрезъ увеличеніе средствъ къ образованію. Какую другую цѣль имѣли крестьянское положеніе, судебные уставы, земскія и городскія учрежденія, правила о печати, призывъ земства къ дѣлу народнаго образованія и т. д.?

Теперь намъ говорятъ, что всѣ эти великія начинанія были *несвоевременны*. Въ какомъ же именно смыслѣ? Въ томъ ли, что русскій народъ и общество слѣдовало *подготовить* къ воспріятію реформъ? Безцѣнная, великая, несравненная мысль! Мысль, достойная всѣхъ Геростратовъ временъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ!

Подготовлять крестьянъ къ самостоятельной гражданской жизни, оставляя ихъ *пока* въ крѣпостномъ состояніи, т.-е. въ положеніи безправныхъ вещей; внушать имъ понятіе о собственности, оставляя „пока“ за помѣщиками право на ихъ трудъ и на ихъ личность; обучать ихъ грамотѣ, пріобщать ихъ къ духовной жизни, оставляя за помѣщиками право ссылать ихъ безъ суда за малѣйшее проявленіе какой-нибудь мысли; пріучать ихъ къ веденію общественныхъ дѣлъ, оставляя все сельское общество поглощеннымъ во власти помѣщика и въ личности бурмистра; словомъ, чрезъ *безправіе* воспитывать къ *праву*—такова эта великая, несравненная мысль...

Чрезъ то же безправіе должно было бы подготовляться къ праву и общество, потерявшее понятіе о правосудіи при старыхъ судахъ и прежней слѣдственной части; оно должно было пріучаться къ *самодѣятельности*, *бездѣйствуя* во множествѣ комитетовъ, сводившихся по закону къ единоличной власти губернаторовъ, а на практикѣ — къ „дѣятельности“ секретаря, „безтолковаго, лѣниваго, а чаще всего недобросовѣстнаго“; ему слѣдовало „пріучаться“ къ *гласности* при безмолвіи подцензурной печати, при канцелярской тайнѣ всякихъ видовъ дѣлопроизводства и судопроизводства; ему слѣдовало воспитаться въ чувствѣ *отвѣтственности* и привычкѣ къ *отчетности* тамъ, гдѣ отвѣтственность существовала на бумагѣ, а требованіе отчетовъ казалось оскорбленіемъ; оно должно было пріучаться къ *равноправности*, къ равенству предъ закономъ, при законахъ, проводившихъ глубочайшее различіе между сословіями... risum teneatis amici!

Оставимъ эту геніальную „мысль“ и обратимся къ другой. Реформы несвоевременны, ибо онѣ не дали еще „ожидаемыхъ плодовъ“. Напротивъ, въ русскомъ обществѣ оказались черты страшно неприглядныя, свидѣтельствующія о крайне низкомъ нравственномъ его уровнѣ. Растраты и прямыя расхищенія общественныхъ суммъ, разгулъ многихъ дикихъ инстинктовъ, потрясающія семейныя драмы, картины мотовства, вялая дѣятельность общественныхъ учрежденій — все это факты, надъ которыми съ грустью задумывается современный русскій человѣкъ.

Но на эти грустныя размышленія мы отвѣтимъ слѣдующею аллегоріею. Большой, но плохо содержавшійся городъ пригрѣтъ лучами весенняго солнца; таетъ снѣгъ, полились потоки, обнажается земля, пуская паръ подъ дѣйствіемъ животворящаго свѣтила. Да здравствуетъ весна! Но какая масса нечистотъ открывается изъ-подъ таящаго снѣга; какія зловонныя испаренія несутся изо всѣхъ дворовъ, изъ никогда не вычищавшихся помойныхъ ямъ; какія плодятся лихорадки, какіе губительные тифы и иныя заразительныя болѣзни! Откуда все это? Вѣдь зимою, при двадцатиградусномъ морозѣ, ничего не воняло, ничто не испускало зловредныхъ міазмовъ: комки навоза мирно и безвредно лежали на улицахъ; дохлыя собаки и кошки покоились въ видѣ мерзлой массы; выгребныя ямы „содержали“ всякія нечистоты безъ вреда для окрестныхъ жителей. Что-же: проклятіе весеннему солнцу, и да здравствуетъ двадцатиградусный морозъ? Не благоразумнѣе ли будетъ, однако, оставивъ въ сторонѣ весеннее солнце, которое дѣлаетъ свое дѣло, постараться вычистить и убрать эти нечистоты, принявъ за правило, что и на будущее время городъ слѣдуетъ содержать въ чистотѣ?

Нечего удивляться, что, при первомъ вѣяніи общественной весны, дурные инстинкты и привычки, накопленныя въ поразительномъ количествѣ за прежнее время, проявляются, можетъ быть, съ бòльшею силою, даже въ болѣе неприглядной формѣ, чѣмъ прежде, при трескучемъ морозѣ. Это неудивительно уже потому, что всѣ эти нечистоты, подъ дѣйствіемъ весенняго солнца, *разлагаются*, пуская свои испаренія во всѣ стороны, временно заражая воздухъ. Тяжело жить въ этой атмосферѣ; но глазъ уже видитъ пробивающуюся травку, налившіяся почки, а умъ знаетъ, что, подъ дѣйствіемъ тепла, всѣ нечистоты разложатся быстро, тогда какъ на морозѣ онѣ лежали бы неприкосновенными цѣлые вѣка, подобно трупу мамонта, найденному въ сибирскихъ льдахъ. Весна возьметъ свое, трава выраститъ, деревья покроются цвѣтами и дадутъ плодъ, если сумѣютъ сохранить ихъ отъ весеннихъ заморозковъ.

РЕФОРМЫ И НАРОДНОСТЬ.

I.

Магометовъ гробъ.

„Либерализмъ есть отреченіе отъ народности". Это великое открытіе сдѣлано въ наши дни, въ дни великихъ открытій. Какъ только оно было сдѣлано, изъ него само собою вытекло другое, еще важнѣйшее: былъ открытъ тотъ родникъ, изъ коего течетъ „живая вода" для нашей смуты.

Послушаемъ, какъ и на какихъ основаніяхъ развивается эта удивительная тема. „Откуда,—говорятъ намъ,—берется и чѣмъ питается у нашихъ анархистовъ то глубочайшее презрѣніе къ народнымъ идеаламъ, то безшабашное отрицаніе всѣхъ историческихъ началъ русскаго быта? Они, очевидно, договариваютъ только послѣднее слово изъ тѣхъ рѣчей, какія слышатся всюду; тамъ, гдѣ другіе только посмѣиваются и „критикуютъ" въ четырехъ стѣнахъ, они ненавидятъ, кипятъ яростью и стрѣляютъ; то, къ чему другіе относятся съ снисходительнымъ равнодушіемъ, отрицается ими на чистоту. Равнодушіе и молчаливое презрѣніе однихъ является какъ бы условіемъ, дающимъ смѣлость и дерзость другимъ. Либерализмъ самъ по себѣ не преступенъ, но онъ есть почва, на которой взростаютъ самыя дикія преступленія, оскорбляющія народное сознаніе. Если бы наша анархическая партія встрѣтилась съ обществомъ, съ интеллигенціею, крѣпкими національнымъ чувствомъ, вѣрными народнымъ понятіямъ, она была бы заглушена и задавлена сразу. Но когда предъ нею стоитъ общество, само *отрекшееся* отъ народности, когда въ этихъ десяткахъ тысячъ грудей бьются не русскія сердца, а въ этихъ головахъ утвердилось не русское міросозерцаніе, что̀ помѣшаетъ лю-

дямъ „живого“, такъ сказать, отрицанія рушить направо и налѣво? Кто ополчится за вѣру, переставшую быть вѣрою?“

Вотъ рядъ умозаключеній, съ внѣшней стороны безукоризненно вѣрныхъ. Остается узнать, вѣрны ли они *внутренно*, по существу. Произвести такое изслѣдованіе весьма „благовременно“ теперь, когда ложныя разсужденія могутъ имѣть серьезныя практическія послѣдствія, когда политическія статьи легко обращаются въ обвинительные акты и даже пишутся, какъ таковые.

Итакъ, „либерализмъ есть отреченіе отъ народности“. Почему и въ какомъ смыслѣ? О какомъ либерализмѣ идетъ здѣсь рѣчь? Какая народность имѣется въ виду?

Обвиненіе въ отреченіи отъ своей народности выставляется, конечно, не противъ либерализма вообще, иначе пришлось бы обвинять барона Штейна и Вильгельма Гумбольдта, Пальмерстона и Гладстона, Кавура и Массимо д'Азеліо въ измѣнѣ народностямъ нѣмецкой, англійской и италіанской. Рѣчь идетъ о либерализмѣ *русскомъ*. Но здѣсь мы наталкиваемся на великое недоразумѣніе. Какимъ образомъ строй мыслей и совокупность стремленій, бывшихъ во всѣхъ другихъ странахъ вполнѣ *народными*, у насъ дѣлаются противными народности? Начиная съ 1815 г. (чтобы говорить только о временахъ ближайшихъ), на западѣ Европы національныя движенія были тѣсно связаны съ движеніями либеральными; все, что̀ мечтало о германскомъ и италіанскомъ единствѣ, все, что̀ работало надъ развитіемъ національнаго сознанія, все, что̀ изучало народные идеалы въ исторіи, воспроизводило ихъ въ области поэзіи и искусства, — принадлежало къ либеральному лагерю. Напротивъ, все, что̀ поддерживало разъединеніе Германіи, разъединеніе и порабощеніе Италіи,—принадлежало къ лагерю противоположному. Почему же начало, производившее *тамъ* одно дѣйствіе, *здѣсь* производитъ не только иной, но и противоположный эффектъ?

Одно изъ двухъ: или Россія въ самомъ дѣлѣ такая страна, что въ ней все дѣлается навыворотъ, или въ самой оцѣнкѣ занимающаго насъ факта есть какая-нибудь фальшь. Кажется, что послѣднее предположеніе наиболѣе вѣроятно.

Фальшь бьетъ въ глаза сама собою. Обличители такъ называемаго либерализма желаютъ, повидимому, стать на одну почву съ *славянофилами*, обратить ихъ проповѣдь на пользу своихъ „цѣлей“. Но формула славянофиловъ была составлена иначе. Они говорили: *западничество*, европейничанье, есть отчужденіе отъ своей народности; а подъ именемъ западничества они разумѣли извѣстный строй мыслей, выражавшійся не въ одномъ „либерализмѣ“ на западный образецъ, но и въ пріемахъ тѣхъ людей, которые въ тѣ времена при-

числялись къ противоположному лагерю. Эти послѣдніе для славянофиловъ были даже менѣе симпатичны, чѣмъ „либералы“. Не даромъ корифеи славянофильства прямо были записаны по „либеральной части“, вмѣстѣ съ кружкомъ Бѣлинскаго.

Если подражать славянофиламъ и отстаивать народность, то нужно посмотрѣть на болѣзнь, противъ которой они шли, такъ же всесторонне и добросовѣстно, какъ они. Нужно сдѣлать большее: нужно посмотрѣть на корень болѣзни, чего не могли сдѣлать славянофилы, видѣвшіе только *симптомы* зла, но не его источникъ.

Западничество, въ самомъ дѣлѣ, было болѣзнью русскаго общества и во многихъ отношеніяхъ остается его болѣзнью и донынѣ. Но теперь, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдуетъ остановиться на ея источникѣ и объемѣ.

Западничество было явленіемъ *крѣпостной*, *до-реформенной* Россіи, продуктъ отсутствія всякой *общественной* жизни. Обыкновенно источникъ западничества ищутъ въ томъ разрывѣ привилегированной и служилой Россіи съ Россіею тяглою и податною, который совершился во времена Петра Великаго. Это вѣрно только до извѣстной степени. Петръ Великій вдвинулъ Россію въ сонмъ западныхъ государствъ, опередившихъ насъ своимъ просвѣщеніемъ на нѣсколько вѣковъ. Громадный нравственный и умственный авторитетъ вдругъ возсталъ предъ живымъ и переимчивымъ ученикомъ. Но этимъ ученикомъ была только *часть* русскаго общества, призванная къ власти и къ какой-нибудь гражданской жизни. Она жадно усвоивала манеры, языкъ, нравы, взгляды и стремленія другихъ народовъ, но ничего не проводила въ массу, отдѣленную отъ нея тягломъ, крѣпостнымъ правомъ и подушною податью. Масса оставалась неподвижною, а вершины двигались не сами собою, а подъ чужимъ вліяніемъ, подчиняясь то нѣмецкимъ, то французскимъ вѣяніямъ. Этимъ путемъ въ просвѣщенную часть общества проводилось много добраго; она становилась мягче, разумнѣе; она теоретически сочувствовала народу и мало-помалу подготовлялась къ воспріятію освободительныхъ идей. Формы государственнаго управленія становились лучше, уголовные законы человѣчнѣе, научныя свѣдѣнія примѣнялись къ улучшенію условій жизни. Но раздѣльная черта между народомъ и интеллигенціею оставалась рѣзкою; духовнымъ отечествомъ послѣдней все болѣе и болѣе становилась Европа.

Это обстоятельство уже не зависѣло отъ одной только *реформы* Петра Великаго; причины его лежали гораздо глубже, и на нихъ, именно въ настоящую минуту, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

То, что̀ мы называемъ западничествомъ, какъ явленіе *болѣзненное*, характеризуется не одною страстью къ *заимствова-*

ніямъ изъ Европы, не одною *подражательностью* въ нашихъ нравахъ, въ языкѣ и т. д. Не было народа европейскаго, который не испыталъ бы на себѣ вліянія другихъ народовъ, который не пользовался бы чужою наукою, чужими техническими изобрѣтеніями, не заимствовалъ бы чужихъ учрежденій и т. д. Чрезвычайно трудно опредѣлить, что̀ въ данномъ нравственномъ, умственномъ и политическомъ капиталѣ каждой европейской народности есть результатъ ея собственныхъ усилій, и что̀ должно считать плодомъ вліянія и примѣра другихъ народовъ.

У насъ много смѣялись надъ нашею страстью къ французскимъ идеямъ и людямъ. Но вотъ что̀ пишетъ Маколей о вліяніи этой страны на Европу еще въ XVII вѣкѣ:

„Ея авторитетъ царилъ во всѣхъ вопросахъ хорошаго тона, отъ дуэли до менуэта. Она рѣшала, каковъ долженъ былъ быть покрой платья джентльмена, какой длины его парикъ, высоки или низки должны были быть его каблуки, широкъ или узокъ долженъ былъ быть галунъ на его шляпѣ. Въ литературѣ она была законодательницею міра. Слава ея великихъ писателей наполняла Европу... Франція имѣла тогда такую власть надъ человѣчествомъ, какой даже Римская республика никогда не достигала... Французскій языкъ быстро сдѣлался всемірнымъ языкомъ, языкомъ высшаго общества, языкомъ дипломатическимъ“.

Нужно ли напоминать о позднѣйшемъ и еще болѣе сильномъ вліяніи Франціи? Нужно ли говорить о вліяніи англійскихъ политическихъ учрежденій на западъ Европы?

Между тѣмъ, въ исторіи европейскихъ странъ, за рѣдкими и преходящими исключеніями, нельзя найти явленій, подобныхъ нашему западничеству. Причина этого довольно ясна. Какъ бы каждый отдѣльный англичанинъ, нѣмецъ или французъ ни увлекались идеями и примѣрами чужихъ странъ, сила и вліяніе общественной жизни здѣсь таковы, что каждая идея, пущенная въ ходъ французомъ-англоманомъ или англичаниномъ-галломаномъ, немедленно перерабатывается согласно условіямъ и темпераменту каждой страны. Каждый, сталкиваясь съ ежедневно-выражаемыми мнѣніями, съ обнаруживаемыми привычками и стремленіями другихъ, долженъ сообразоваться съ ними, если желаетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на общество и не остаться *пустоцвѣтомъ*. Каждый настолько связанъ съ массою народа множествомъ не личныхъ только, но и общественныхъ отношеній, что чувствуетъ себя дѣйствительно частью великаго цѣлаго и живетъ съ нимъ одною жизнью. Теоретическія увлеченія его иноземными теоріями могутъ быть велики, но внутреннее существо его остается нетронутымъ и хранится силою общественнаго вліянія отъ всякаго вырожденія во что-нибудь *чужое*.

Совсѣмъ не то видимъ мы въ до-реформенной и крѣпостной Россіи. Народная масса находилась въ состояніи полнаго безправія подъ властью помѣщиковъ или въ состояніи близкомъ къ безправію подъ опекою администраціи. Привилегированная часть общества была замкнута въ приказныя формы управленія, общій типъ котораго нисколько не нарушался подобіями общественныхъ учрежденій, въ родѣ дворянскихъ собраній и городскихъ думъ. Общественнаго голоса не слышно было нигдѣ; не было его на судѣ при формахъ прежняго процесса; не было его въ печати, стѣсненной до послѣднихъ предѣловъ; не было его въ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ сословія совѣщались бы о своихъ пользахъ; не было и самыхъ учрежденій общественныхъ. Въ условіяхъ обрядоваго, формальнаго государства каждый недѣлимый осужденъ былъ жить „особѣ", самъ по себѣ, не образуя съ другими общественныхъ соединеній, не воспитываясь въ кругу дѣлъ общественныхъ, не черпая изъ общественныхъ явленій никакихъ живыхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ образуется складъ дѣятеля общественнаго. Напротивъ, каждый уходилъ въ свою скорлупу, въ свой внутренній міръ и изъ всѣхъ общественныхъ вліяній зналъ вліяніе тѣснаго *кружка* согласно мыслящихъ.

При такой обособленности всякое *міросозерцаніе* должно было получить чисто *субъективный* характеръ; никакая идея не могла быть возведена на степень общественнаго начала, не могла быть провѣрена дѣйствительными общественными потребностями и быть переработана согласно съ послѣдними. Самые матеріалы для образованія такого міросозерцанія, очевидно, черпались изъ *иностранныхъ источниковъ*, какъ изъ общаго для всѣхъ просвѣтительнаго родника. И опять-таки черпались они не изъ *жизни* иностранной, которой мы не видѣли, благодаря необычайной трудности путешествій, а изъ *книгъ*, изъ теорій, жизненный смыслъ которыхъ для насъ оставался скрытъ.

Все наталкивало русскую интеллигенцію на путь чисто субъективнаго, головного и теоретическаго „развитія", а въ дѣлѣ этого „развитія" *книга*, разумѣется, заняла первенствующее мѣсто. *Книга* царила вездѣ и во всемъ: думали по книгамъ, чувствовали по книгамъ, даже законы и циркуляры сочиняли по книгамъ послѣдняго и самоновѣйшаго привоза. Въ этомъ есть своя смѣшная и нелѣпая сторона, но есть и сторона психологически необходимая, даже трагическая. Надъ первою уже много смѣялись, а теперь даже подводятъ подъ разрядъ преступленій. Вторую мало замѣчали, но она вполнѣ необходима для полнаго объясненія явленія.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ жить безъ идеальныхъ началъ, безъ совокупности извѣстныхъ стремленій къ высокому. Въ странахъ

съ развитою общественною жизнью эти идеальныя начала и стремленія приносятся воспитаніемъ, общеніемъ съ другими въ общемъ трудѣ надъ великими національными задачами. Въ странахъ, гдѣ отсутствуетъ такая жизнь, гдѣ каждый живетъ самъ по себѣ, идеалы, какъ мы уже сказали, выработываются на чисто субъективной почвѣ, становятся идеаломъ такого-то лица или такого-то кружка.

Правда, такіе идеалы уже теряютъ всякій *общественный* смыслъ; общество не найдетъ въ нихъ ни удовлетворенія своихъ внутреннихъ потребностей, ни разрѣшенія своихъ сомнѣній. Но они, въ извѣстной мѣрѣ, удовлетворяютъ потребностямъ лицъ и кружковъ. Во времена, о которыхъ мы говоримъ, такая потребность была налицо: уйти куда-нибудь отъ того гнетущаго міра „мертвыхъ душъ", въ которомъ замирало и пропадало все человѣческое. *Западничество явилось этимъ средствомъ искусственной, внутренней эмиграціи изъ крѣпостной Россіи.*

Въ идеальномъ мірѣ единичнаго человѣка или малаго кружка, въ міркѣ, гдѣ царствовали Жоржъ-Зандъ и Викторъ Гюго, Гегель и Шеллингъ, Шиллеръ и Гёте, Байронъ и Шекспиръ, Монтескьё и Констанъ, въ этомъ міркѣ забывался, отдыхалъ, жилъ и умиралъ человѣкъ сороковыхъ годовъ. И не только забывался и отдыхалъ— онъ, при помощи этихъ искусственныхъ средствъ питанія, сохранялъ въ себѣ человѣческую личность, нѣкоторый Божій огонь, понадобившійся въ ту минуту, когда Русскій Царь сказалъ своему дворянству: освобождайте крестьянъ!

Пока не раздался этотъ кличъ, люди эти, по внутреннему существу своему, были людьми *отчужденными.* Они могли повторить слова Фихте, сказанныя имъ при аналогическихъ условіяхъ: „гдѣ отечество истинно-просвѣщеннаго христіанина европейца? Вообще— Европа, а въ особенности, въ каждую *эпоху*, то европейское государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи".

Но, увы! Человѣкъ не может *не имѣть отечества.* Напрасно Фихте говорилъ въ 1804 году: „пусть земнорожденные признаютъ въ земной корѣ, рѣкахъ и горахъ свое отечество...,—солнцеподобный духъ неудержимо притягивается и направляется туда, гдѣ свѣтъ и правда. И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ мы можемъ успокоиться о судьбѣ и дѣяніяхъ государства". Самъ Фихте не успокоился въ этомъ „всемірно-гражданскомъ чувствѣ"; онъ самъ мощно послужилъ „земнорожденнымъ, признававшимъ въ земной корѣ, горахъ и рѣкахъ свое отечество"; онъ возбудилъ въ Германіи именно *національное* чувство, благодаря которому нѣмцы согнали съ „коры своей земли" иноземныхъ завоевателей.

Человѣкъ, отрѣшившійся отъ отечества, даннаго ему Богомъ и

природой, не получаетъ взамѣнъ ничего и не можетъ „успокоиться во всемірно-гражданскомъ чувствѣ“; ибо всемірнаго гражданства нѣтъ, а потому не можетъ быть и соотвѣтствующаго чувства. Онъ остается *единицею*, скитающеюся направо и налѣво, знающею только свое горе, скорбно ищущею, гдѣ преклонить ей голову, гдѣ „оскорбленному есть чувству уголокъ“. Словомъ, это человѣкъ — *лишній*, сознающій полную свою безполезность на землѣ. Это Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, это Бельтовъ или Рудинъ, умирающій подъ именемъ поляка за чужое дѣло на парижскихъ баррикадахъ.

Да, это *лишніе* люди, люди-страдальцы, но ради Бога не называйте ихъ преступниками и измѣнниками! Подумайте вотъ о чемъ. Ваши стрѣлы обращаются главнымъ образомъ на западниковъ *либеральнаго* толка, на людей, мыслившихъ по Монтескьё и Руссо, захлебывавшихся пѣснями Беранже и зачитывавшихся романами Гюго. Такъ ли? Ну, а русскіе люди, впитывавшіе въ себя де-Местра и Бональда, русскіе піетисты по нѣмецкому шаблону, русскіе маркизы по Полиньяку и администраторы по французской выкройкѣ и на прусской подкладкѣ — это какіе люди? Когда князь А. Н. Голицынъ и прочіе піетисты отъ „библейскаго общества“ пришли въ соприкосновеніе съ архимандритомъ Фотіемъ, какими людьми они почувствовали себя? Не былъ ли, наконецъ, западникомъ и Магницкій, этотъ слуга *западныхъ* реакціонныхъ теорій, не имѣвшихъ никакого смысла въ Россіи?

Правда, эти люди не были „лишними“ въ смыслѣ ихъ соперниковъ; они дѣйствовали, брали власть въ свои руки, судили и управляли, тогда какъ тѣ стояли въ сторонѣ и страдали. Но что̀ же они сдѣлали прочнаго, народнаго, русскаго? Какъ чувствовали они себя въ этой Россіи, на которую они смотрѣли съ снисходительнымъ презрѣніемъ ученаго аббата, французскаго аристократа или нѣмецкаго чиновника? Справедливо ли, основательно ли подвергать осмѣянію „шаблонный космополитизмъ либераловъ“ и оставлять въ сторонѣ „шаблонный космополитизмъ реакціонеровъ“, т.-е. другую сторону одного и того же явленія, другую вѣтвь одного и того же древа?

Скажите, наконецъ, не была ли въ значительной мѣрѣ *лишнею* вся государственная машина Россіи въ тотъ моментъ, когда мы задавались космополитическими цѣлями всеевропейской „легитимности“, усмиряли италіанцевъ въ пользу мѣстныхъ князьковъ, поддерживали реакцію и Меттерниха въ Германіи, заботились о порядкѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ, чуть-было не проспали греческое возстаніе, а дома, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, не могли справиться съ крѣпостнымъ правомъ?

Скорбите о „западничествѣ“, сколько хотите; это была болѣзнь,

но болѣзнь *общая*, а не одного только кружка и не нѣсколькихъ единицъ. Ею были заражены и конституціоналисты по Монтескьё, и абсолютисты по де-Местру, и піетисты, и даже милитаристы. Общая болѣзнь зависѣла и отъ общихъ причинъ: отъ обрядоваго, формальнаго, приказнаго характера государственной машины; отъ крѣпостного права, при которомъ па массѣ безправнаго народа росла кучка оторванныхъ отъ народа людей разныхъ толковъ; отъ отсутствія какихъ бы то ни было общественныхъ учрежденій, гдѣ личность человѣческая можетъ воспринимать реальныя впечатлѣнія дѣйствительной жизни, гдѣ она пріучается сознавать себя *частью* цѣлаго и перестаетъ понимать себя только какъ *единицу*, субъективнымъ стремленіямъ которой нѣтъ нигдѣ границъ.

Идите дальше. Этотъ формальный, искусственный, лишенный всякаго народнаго содержанія, а потому и безсодержательный міръ выработалъ и выпустилъ изъ себя новый мірокъ, въ которомъ отразилась вся его изнанка. Всѣ эти различныя и искусственныя теченія мысли, всѣ взятыя на прокатъ чувства, понятія и формулы, весь формализмъ административныхъ инструкцій, наказовъ и уставовъ были, наконецъ, поглощены въ одномъ словѣ — *нигилизмъ*. Странное, непонятное явленіе! Предметъ недоумѣнія для иностранцевъ! Но какъ не понять его намъ, знающимъ всю теорію и психологію нашихъ „лишнихъ людей"?

Еще Хомяковъ предрекъ судьбу того искусственнаго культурнаго міра, въ которомъ онъ жилъ. „За страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе, — говорилъ онъ. — Общеевропейское, общечеловѣческое!.. Но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно. А думаютъ же иные обезнародить себя и уйти въ какую-то чистую, высокую сферу. Разумѣется, имъ удается только *уморить всю жизненность* и, въ этомъ мертвомъ видѣ, не взлетѣть въ высоту, а, такъ сказать, повиснуть въ пустотѣ", т.-е. изобразить изъ себя „*Магометовъ гробъ*".

Распознать всю пустоту, всю ложь содержимаго въ этомъ „Магометовомъ гробѣ" было, конечно, немудрено. Найти эти положительныя, твердыя начала въ народныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ и идеалахъ было совсѣмъ мудрено, ибо къ нимъ давнымъ давно всѣ относились *отрицательно*, да и самый народъ лежалъ подъ спудомъ. Оставалось отрицаніе на обѣ стороны. Богъ, жившій въ сердцахъ народа, былъ уже давно непонятенъ; съ „философской" точки зрѣнія онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ фетиша и признавался только внѣшнимъ образомъ, ради приличія, pour les gens. Другой Богъ, искусственно составленный по Шеллингу и Гегелю или Эккартсгаузену съ Массильономъ, былъ совсѣмъ нелѣпъ и годился

только для развитія діалектики въ дружескомъ спорѣ. Государственная идея, понятія объ отношеніяхъ царя къ землѣ, жившія въ народныхъ умахъ и давшія народу силу и терпѣніе выждать своей воли, — были мертвы и непонятны для человѣка культурнаго, сталкивавшагося съ „государствомъ" только въ формахъ канцелярской переписки. Но столь же мертва была и государственная идея, составленная по Гизо, Тьеру и Одиллону Барро. Перейдите къ семьѣ, къ нравственности, даже къ экономическимъ понятіямъ, и вездѣ вы натолкнетесь на тотъ же магометовъ гробъ, висящій въ пустотѣ.

Ни европейскій фракъ, ни мужицкій кафтанъ, ни Богъ по Аввакуму, ни Богъ по Шлейермахеру не приходились этимъ „новымъ людямъ", эмигрировавшимъ вмѣстѣ съ западниками въ область общечеловѣческаго, но тутъ же замѣтившимъ всю фальшь и негодность одеждъ, въ которыя они были облечены.

Оставалось договорить послѣднее слово—и оно было договорено. Покойный Герценъ справедливо замѣтилъ, что нигилисты сбросили съ себя всѣ одежды и остались въ чемъ мать родила. Но одежды, облекавшія отцовъ, были также фиктивными одеждами, и дѣти только разглядѣли наготу своихъ спутниковъ. Они договорили то, что не было сказано отцами.

Отцы говорили: мой Богъ не есть Богъ народный или церковный; я составилъ себѣ Бога по Гегелю, прихвативъ немного и Штрауса, или по Боссюету съ Массильономъ, съ прибавкою нѣмецкихъ піетистовъ. Дѣти отвѣчали: неправда! Вашъ Богъ не есть Богъ, вы себя обманываете и тѣшитесь призраками. Намъ вашъ призракъ не нуженъ, мы договариваемъ то, чего вы не хотите или боитесь сказать себѣ—Бога нѣтъ.

Отцы, при помощи свода законовъ, дворянской жалованной грамоты и нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій, компилировали себѣ, для домашняго обихода, разныя понятія о государствѣ и политическихъ отношеніяхъ. Дѣти разглядѣли всю искусственность этихъ понятій и отвергли ихъ вмѣстѣ съ государствомъ, не поставивъ на ихъ мѣсто ничего, ибо этого *чего* взять имъ было негдѣ.

Когда Тургеневъ вывелъ на свѣтъ Божій своего Базарова, всѣ ахнули отъ изумленія. Стали толковать о разрывѣ между поколѣніями, о пропасти, отдѣляющей отцовъ и дѣтей.

Разрывъ между *поколѣніями* дѣйствительно былъ, но не было разрыва въ неизбѣжномъ развитіи идей или, вѣрнѣе, болѣзни, поразившей дѣдовъ, отцовъ и дѣтей одинаково. Нигилизмъ былъ послѣднимъ словомъ *западничества*, какъ болѣзни, послѣднимъ выраженіемъ идейной эмиграціи въ область всеевропейскаго. Придя въ эту страну вслѣдъ за отцами, они увидѣли, что всѣ зданія и

храмы въ этой странѣ суть картонныя декораціи; что боги, поставленные въ этихъ храмахъ, суть идолы съ сусальными украшеніями; что проповѣди, произносимыя въ этихъ храмахъ, суть безсодержательныя и лживыя фразы. Они бросили эти храмы, эту идеальную страну, но уже не знали, куда имъ идти.

Не даромъ Тургеневъ заставилъ своего Базарова умереть отъ тифа. Великій художникъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ Базаровымъ, ибо и самъ Базаровъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ собою. Онъ былъ тоже *лишній* человѣкъ, подобно своимъ предшественникамъ иного толка, съ тою только разницею, что послѣдніе устраивали себѣ идеальный мірокъ и въ немъ кое-какъ поддерживали свое существованіе, а Базаровъ разглядѣлъ всю тщету этого міра и легъ въ сырую землю подъ дубовымъ крестомъ.

Къ счастью для Россіи, въ то самое время, когда Тургеневъ выводилъ Базарова, уже начались тѣ реформы, которыя должны были возвратить домой этихъ невольныхъ эмигрантовъ и обратить лишнихъ людей въ служителей отечества, приведя ихъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительными силами общества. Значеніе реформъ императора Александра II оцѣнено съ многихъ точекъ зрѣнія, но не съ этой — а она представляется существенно важной. Эти преобразованія *возвратили отечество* многимъ людямъ, до тѣхъ поръ уходившимъ въ себя и стоявшимъ въ сторонѣ; они принесли первыя средства для врачеванія той тяжелой болѣзни, послѣднимъ симптомомъ которой былъ нигилизмъ.

Между тѣмъ именно преобразовательная и освободительная политика нынѣшняго царствованія, повидимому, должна была *усилить* западничество. Освобождая крестьянъ, вводя судебную и земскую реформы, давая льготы печати, свободу университетскому преподаванію и т. д., не подражала ли Россія Западу, не заимствовала ли она многое изъ общеевропейской сокровищницы? Да. Но тѣмъ не менѣе *западничество*, какъ болѣзнь, видимо уменьшается съ каждымъ годомъ, а *національное* сознаніе въ Россіи растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Мы болѣе національны теперь, въ 1880 году, чѣмъ были десять лѣтъ тому назадъ, въ годъ франко-прусской войны; въ 1870 году мы были болѣе національны, чѣмъ въ 1860, а 1860 и 1850 гг., въ этомъ отношеніи, отдѣлены цѣлою пропастью. Теперь уже сдѣлалась ходячею та истина, что у насъ уже нѣтъ „чистыхъ славянофиловъ", какъ нѣтъ „чистыхъ западниковъ". Что̀ же случилось? Выдохлись ли славянофилы? Выдохлись ли западники? Нѣтъ! Но они на чемъ-то сошлись; что-то заставило ихъ почувствовать себя жильцами одного великаго дома, и въ этомъ домѣ былые „западники" уже меньше мечтаютъ объ „Европѣ", чѣмъ прежде.

Чѣмъ же объяснить эту загадку? Чѣмъ объяснить тотъ странный, повидимому, фактъ, что, приблизившись за послѣднюю четверть вѣка къ Европѣ больше, чѣмъ въ теченіе прежняго полустолѣтія, мы сдѣлались болѣе *русскими*, чѣмъ были современники Александра I? Можетъ быть, эта разгадка найдется, если мы разсмотримъ условія, при которыхъ интеллигенція каждой страны можетъ сдѣлаться и остаться вполнѣ народной.

II.

На землю!

Что такое народность? Отвѣтить на этотъ вопросъ такъ же трудно, какъ и опредѣлить однимъ словомъ, что̀ такое человѣческая *личность?* Мы знаемъ, мы можемъ указать на *условія*, подъ вліяніемъ которыхъ у каждаго человѣка образуется особый складъ ума, особый характеръ, особенныя симпатіи и антипатіи, отличающія его отъ другихъ единицъ того же рода. Но *доказать* бытіе человѣческой личности, какъ *нравственной* особи, осязательными аргументами нельзя. Это бытіе свидѣтельствуется *самосознаніемъ* каждаго. Но это доказательство самое неопровержимое. Напрасно будемъ мы увѣрять Петра, что̀ онъ то же, что Иванъ, ибо у него, какъ у Ивана, двѣ руки, пара глазъ и носъ, что онъ такъ же, какъ и Иванъ, хочетъ ѣсть и пить и т. д. Петръ останется при мнѣніи, что онъ не Иванъ, и мы убѣдимся въ справедливости его мнѣнія, если заставимъ его любить и ѣсть тѣ же кушанья, какія ѣстъ Иванъ, думать и говорить одинаково съ нимъ, любить тѣхъ же людей, наслаждаться тою же музыкою и т. д. При такомъ насильственномъ сопряженіи Ивана съ Петромъ, одинъ изъ сопряженныхъ навѣрное останется недоволенъ и откажется отъ вынужденнаго общенія.

Точно такъ же и сознаніе *народности*, какъ *собирательной личности*, образуется подъ вліяніемъ множества условій; точно такъ же мы не можемъ *доказать* бытіе народности внѣшними признаками; но точно такъ же мы не убѣдимъ одинъ народъ, что онъ точно то же, что и другой, на томъ основаніи, что, подобно другимъ народамъ, онъ состоитъ изъ людей, желающихъ ѣсть, пить, любить, работать и веселиться. Несмотря на этотъ „неопровержимый“ аргументъ, Ломбардія и Венеція не остались подъ владычествомъ Австріи, а Болгарія очень обрадовалась своему освобожденію отъ турокъ; точно такъ же англичанинъ никогда не пожелаетъ для своего отечества французской централизаціи, хотя послѣдняя, по увѣренію Тьера, и составляетъ предметъ зависти для цѣлой Европы. Реформація охва-

тила народы германской расы и остановилась у порога странъ ново-латинскихъ; въ области философіи и искусства—мы отличаемъ школы французскую, англійскую и нѣмецкую и употребляемъ эти названія въ видѣ всѣмъ понятнаго и точнаго обозначенія разныхъ *направленій* ума и фантазіи, присущихъ этимъ національнымъ школамъ. Все это достаточно извѣстно, и едва ли нужно приводить иныя доказательства.

Но, во всякомъ случаѣ, народность *образуется* подъ вліяніемъ извѣстныхъ благопріятныхъ условій и замираетъ, чахнетъ при наличности другихъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, касающихся условій національнаго развитія, въ настоящую минуту насъ занимаетъ одинъ: объ условіяхъ національнаго направленія въ интеллигентныхъ классахъ общества. Этотъ вопросъ очень важенъ, хотя бы потому, что весьма многіе видятъ причину развитія нашей смуты въ національныхъ качествахъ нашей интеллигенціи. Не останавливаемся на обвиненіи ея въ *измѣнѣ*, какъ въ опредѣленномъ уголовномъ преступленіи, съ соотвѣтствующими статьями въ Уложеніи о наказаніяхъ. Оно слишкомъ нелѣпо и слишкомъ недобросовѣстно. Къ чести „обвинителей“ мы готовы думать, что подъ именемъ „измѣны“ они подразумѣваютъ не уголовное дѣяніе, а просто ту старую болѣзнь, о которой мы говорили выше. Они просто намекаютъ на существованіе въ нашемъ обществѣ значительнаго числа лицъ, расплывающихся въ безсодержательномъ космополитизмѣ и потому не могущихъ выставить ничего въ защиту тѣхъ началъ, вѣрованій и убѣжденій, которыми уже много вѣковъ живетъ русскій народъ.

Такіе люди есть; но обвинители современной русской интеллигенціи ошибаются въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что это явленіе *ново* и находится въ связи съ совершившимися преобразованіями; во-вторыхъ, въ томъ, что означенное „космополитическое“ направленіе есть принадлежность только „космополитовъ“ либеральнаго толка.

Мы уже видѣли, что болѣзнь стара, что причины ея кроются въ общественномъ строѣ, видоизмѣненномъ нынѣшними преобразованіями. Явленіе это существуетъ еще и теперь, но не въ силу реформъ, а *несмотря* на нихъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Во-вторыхъ, „западничество“ какъ было, такъ и осталось болѣзнью, обнимающею людей *разныхъ* направленій, а не одного „либеральнаго“. *Отрекшимися* отъ своей народности считаютъ людей, мечтающихъ о западно-европейскихъ учрежденіяхъ въ ихъ либеральной формѣ. Но почему же не считать отрекшимися отъ этой народности и лицъ, мечтающихъ о вотчинной полиціи по старо-

прусскому образцу, объ административныхъ порядкахъ временъ Наполеона III, поклонниковъ бисмаркизма и англійскаго ландлордства? Развѣ эти мечты — мечты русскія, согласныя съ нашими историческими преданіями?

Повторяемъ, если „западничество“ должно быть признано болѣзнью „нѣкоторой части нашей интеллигенціи“, то несправедливо и недобросовѣстно подъ именемъ этой „нѣкоторой части“ разумѣть именно людей „либеральнаго“ толка, оставляя въ сторонѣ „толки“ болѣе влiятельные, а потому и болѣе опасные въ практическомъ отношеніи. Если уже желать національнаго развитія для русской интеллигенціи, желать его серьезно и искренно, то болѣзнь должно видѣть въ полномъ объемѣ и лѣчить ее *всю*, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, въ крайней лѣвой и въ крайней правой, въ центрѣ и въ окрыліяхъ.

Для такого лѣченія *всей* болѣзни уже даны первыя средства въ реформахъ нынѣшняго царствованія. Попробуемъ привести ихъ въ связь съ указаннымъ выше опредѣленіемъ народности, и мы поймемъ въ чемъ дѣло. Народность есть нѣкоторая нравственная личность, но личность *собирательная*, составленная изъ милліоновъ *единицъ*, проникнутыхъ одними *основными* вѣрованіями, убѣжденіями и чувствами. Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствительная принадлежность каждой единицы къ своей народности обусловливается степенью вліянія массы на каждую личность, вліянія ежедневнаго, въ отношеніяхъ будничныхъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ. Необходимо, чтобы каждая единица какъ можно больше видѣла предъ собою эту народность, въ формахъ осязательныхъ и доступныхъ, чтобы она испытывала давленіе ея убѣжденій, взглядовъ и стремленій и, въ свою очередь, имѣла бы законную долю вліянія на нее. Этимъ обмѣномъ вліяній обусловливается то общеніе, при которомъ каждая единица будетъ сознавать свою дѣйствительную принадлежность къ національному тѣлу и не будетъ чувствовать себя скитальцемъ и гостемъ въ родной землѣ.

Поэтому не можетъ быть рѣчи объ условіяхъ національнаго развитія при отсутствіи гражданской свободы массы народонаселенія. Закрѣпощенная или порабощенная масса не только не можетъ служить опорою и масштабомъ для составленія общественныхъ убѣжденій, но сама должна отстаивать свой „обычай“ отъ попытокъ искусственнаго и принудительнаго его измѣненія. Помѣщикъ, видѣвшій въ своихъ крѣпостныхъ только даровыхъ пахарей и косарей, даровыхъ пѣвчихъ, музыкантовъ и псарей, конечно, не видѣлъ въ ихъ привычкахъ и вѣрованіяхъ ничего достойнаго уваженія. Напротивъ, онъ сознавалъ возможность дать широкую волю своей

фантазіи, дѣлаться чѣмъ ему угодно и заставлять своихъ подвластныхъ быть чѣмъ ему угодно. Не чувствовалъ, конечно, этого вліянія и чиновникъ, призванный „попечительствовать“ надъ крестьянами непомѣщичьими на основаніи уставовъ, наказовъ и инструкцій, сочиненныхъ въ отдаленномъ центрѣ, въ тиши и глубинѣ кабинетовъ. Но всѣ эти наказы и уставы, равно какъ и всѣ распоряженія помѣщика, были результатомъ *личныхъ* взглядовъ, а иногда и личныхъ фантазій, а потому они и не могли создать чего-либо прочнаго, могущаго перейти въ убѣжденія и нравы народные, но примѣшивались къ народной жизни случайно, внося въ нее нѣкоторую тревогу и безпокойство, а затѣмъ пропадали безслѣдно. Много ли изъ всего того, что̀ было написано, параграфировано, перенумеровано и напечатано въ видѣ уставовъ, наказовъ и инструкцій, дѣйствительно вошло въ жизнь, сдѣлалось частью народнаго обычая? А между тѣмъ, какъ справедливо говорилъ Хомяковъ, „цѣль всякаго закона, его окончательное стремленіе есть — *обратиться въ обычай*, перейти въ кровь и плоть народа и не нуждаться уже въ письменныхъ документахъ“. На дѣлѣ же мы имѣемъ много документовъ, но они остались бумагою, ибо между закрѣпощеннымъ народомъ и государственною машиною не было и не могло быть живой связи. Первый оставался при „обычаѣ“, вторая механически выпускала изъ себя листы печатной и писанной бумаги, въ которую никто не вѣрилъ серьезно.

Дарованіе личной свободы крестьянской массѣ создало изъ нея самостоятельный классъ русскаго общества, уже имѣющій значеніе въ общественныхъ дѣлахъ, уже привлекающій общее вниманіе, уже указывающій на практическія и настоятельныя задачи *внутри* Россіи. Но это не все. Дарованіе одной *личной* свободы крестьянству было бы половиною дѣла, если бы крестьянство оказалось въ состояніи освобожденныхъ *единицъ*. Но великое значеніе акта 19 февраля 1861 года состояло именно въ томъ, что имъ были сохранены *крестьянскіе міры*, сельскія общества, сходы и выборныя должности. При всѣхъ частныхъ недостаткахъ крестьянскаго *самоуправленія*, оно представляется величайшимъ условіемъ для сохраненія и здороваго развитія народнаго обычая, слѣдовательно, самаго прочнаго фундамента государства и общества. Вотъ почему мы и испытываемъ болѣзненное чувство, когда къ этому „міру“ подкрадываются съ революціонною прокламаціею или подходятъ съ какимъ-нибудь скороспѣлымъ циркуляромъ, зародившимся въ головѣ щедринскаго „Зиждителя“. Принимайте законныя мѣры къ просвѣщенію крестьянъ, къ улучшенію ихъ экономическаго положенія, къ поднятію ихъ нравственнаго духа. Это право и обязанность каждаго,

имѣющаго въ своихъ рукахъ какую-нибудь долю власти. Но пусть всѣ эти мѣры имѣютъ въ виду одну общую цѣль: чтобы крестьянамъ жилось лучше именно въ *міру*, какъ вѣковой, привычной и понятной народу формѣ быта. Пусть самое существо міра останется нетронутымъ и свободнымъ. Разрушенный и разбившійся на единицы міръ сдѣлается самою удобною почвою для происковъ и разрушительныхъ попытокъ иного рода. До сихъ поръ эти попытки разбивались именно объ *міръ*, и всѣ знаютъ, чѣмъ кончилось пресловутое „хожденіе въ народъ".

Свободное крестьянство и крѣпкій въ своихъ основаніяхъ міръ— таково первое условіе національнаго развитія Россіи. Давленіе этой массы само по себѣ важно для направленія умовъ изъ области утопій къ насущнымъ и дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Но эта сила будетъ вполнѣ дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если наибольшая, по возможности, часть интеллигенціи будетъ находиться въ прямомъ общеніи съ нею. Этотъ вопросъ въ настоящую минуту столь же серьёзенъ, какъ и прежде, если не больше. При крѣпостномъ правѣ помѣщичье сословіе было внутренно отчуждено отъ крестьянскаго сословія различіемъ міросозерцанія, вкусовъ, условіями воспитанія. Но отчужденное отъ массы, оно не было вполнѣ отчуждено отъ *государства*. Оно было призвано къ исполненію многихъ важныхъ обязанностей въ мѣстности. Оно избирало изъ своей среды судей, чиновъ полиціи и много другихъ должностныхъ лицъ. Оно не сознавало себя *гостемъ* въ своей странѣ; напротивъ, ему не чуждо было хозяйское отношеніе къ дѣлу.

Послѣ освобожденія крестьянъ самъ собою поставился слѣдующій вопросъ: должна ли масса дворянства, обращавшаяся просто въ „интеллигенцію" и сливавшаяся съ другими интеллигентными слоями общества, остаться отчужденною отъ „государева и земскаго дѣла", какъ говорили наши предки? Опасность, вытекающая отъ утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, очевидна. Интеллигенція, обратившаяся въ нѣкоторое безполезное украшеніе общественнаго тѣла, играетъ при немъ странную роль.

Она находится въ положеніи человѣка, случайно попавшаго въ чужой городъ, гдѣ ему, въ силу обстоятельствъ, приходится остаться неопредѣленное время. Его сердитъ нечистота на улицахъ, неудобство квартиръ, плохое освѣщеніе, отсутствіе разныхъ необходимыхъ вещей и т. д. Сдѣлать онъ ничего не можетъ, его никто не слушаетъ, и ему остается только „критиковать", проклинать и мечтать о томъ, какъ все хорошо устроено въ такомъ-то другомъ городѣ.

Это положеніе, въ данномъ случаѣ, не только грустно, но и опасно. Въ политическомъ отношеніи нѣтъ ничего хуже досужихъ

гостей, пересуживающихъ, въ своемъ невольномъ досугѣ, все и вся, чуждыхъ всякому практическому дѣлу и опредѣляющихъ свои требованія не границами возможнаго, а увлеченіемъ собственной фантазіи. Умъ, отрѣшенный отъ дѣйствительности, предоставленный самому себѣ, т.-е. однимъ логическимъ выводамъ, всегда попадетъ въ область утопіи, а изъ нея перейдетъ къ всеобщему отрицанію.

Уроки исторіи налицо. Разрушительныя теоріи XVIII вѣка зародились въ Англіи и отсюда были перенесены во Францію. Въ Англіи онѣ не имѣли политическаго успѣха, а во Франціи имѣли успѣхъ потрясающій. Почему? Лучшіе историки, а особенно Тэнъ, даютъ намъ удовлетворительное разъясненіе.

Разсматривая, почему англійское джентри оставило втунѣ Болингброковъ и Мандевилей, хотя прежде и увлекалось ими, онъ говоритъ: „это потому, что они сами были дѣятелями общественными, призванными къ дѣйствію, принимающими участіе въ правительственныхъ дѣлахъ и наученными ежедневнымъ и личнымъ опытомъ. Практика предохранила ихъ отъ химеръ теоретиковъ; они сами испытали, какъ трудно вести и сдерживать людей. Управляя машиною, они знаютъ, какъ она дѣйствуетъ, каково ея достоинство, чего она стоитъ, и не покушаются выбросить ее, чтобы испытать другую, выставляемую за лучшую, но существующую пока только на бумагѣ... У всѣхъ въ рукахъ какая-нибудь шестерня общественной машины, малая или большая, главная или придаточная, и это дѣлаетъ ихъ серьезными, предусмотрительными и здравомыслящими. Когда работаешь надъ вещами дѣйствительными, нѣтъ искушенія парить въ мірѣ воображаемомъ; въ силу того, что работаешь на твердой почвѣ, отвращаешься отъ воздушныхъ прогулокъ въ пустое пространство. Чѣмъ больше занятъ, тѣмъ меньше мечтаешь; а для дѣловыхъ людей, геометрія *Общественнаго Договора* (Руссо)—чистая игра ума“.

Но эта „игра ума“ дала совсѣмъ другіе результаты во Франціи, гдѣ она встрѣтила общество, давнымъ давно отрѣшенное отъ всякихъ дѣлъ и ушедшее въ салоны, ради легкихъ и пріятныхъ разговоровъ о всѣхъ высшихъ предметахъ. Пока интенданты управляютъ — салоны разговариваютъ, критикуютъ, строютъ „системы“, парятъ надъ всѣми видимыми вещами. „Французъ тѣхъ временъ,— говоритъ Тэнъ, — отрѣшенный отъ *вещей*, могъ отдаться идеямъ, подобно молодому человѣку, который, выходя изъ школы, схватываетъ принципъ, выводитъ послѣдствія и строитъ систему, не заботясь о примѣненіяхъ. Нѣтъ ничего пріятнѣе такого созерцательнаго полета. Умъ, какъ будто окрыленный, паритъ по вершинамъ; однимъ взглядомъ обнимаетъ онъ самые обширные кругозоры, всю

человѣческую жизнь, экономію всего міра, принципъ вселенной, религіи и обществъ". Это тѣмъ пріятнѣе, что „парящій" и „окрыленный" не сознаетъ и не можетъ сознавать никакой отвѣтственности за свои паренія. Государственная машина отъ него далека, она заведена не имъ, держится не имъ, идетъ своимъ таинственнымъ и незримымъ ходомъ, нисколько не заботясь о томъ, что̀ говорится и думается кругомъ. Ни прелестная хозяйка салона, ни остроумные и блестящіе гости не замѣчаютъ, какъ среди ихъ разговоровъ зародился звѣрекъ, прыгающій пока невинно по колѣнямъ гостей и укрывающійся въ фижмахъ хозяйки. Но онъ подрастетъ, выбѣжитъ на улицу, и тогда наступитъ время разсчета".

Вотъ почему нельзя не признать въ высшей степени счастливою мысль, немедленно послѣ освобожденія крестьянъ, преобразовать мѣстное управленіе на началахъ выборномъ и *всесословномъ*. Земскія учрежденія, несовершенныя еще въ примѣненіи, несогласованныя еще съ другими установленіями, стоящими особнякомъ, по замыслу своему представляются однимъ изъ плодотворнѣйшихъ дѣлъ нынѣшняго царствованія. Благодаря имъ и учрежденію выборныхъ мировыхъ судей, открыты поприща для скромной, но полезной дѣятельности мѣстнымъ людямъ и на мѣстахъ ихъ осѣдлости. Дѣйствіе этихъ учрежденій важно именно тѣмъ, что люди, въ нихъ дѣйствующіе, соприкасаются съ народомъ и съ мѣстнымъ обществомъ не какъ пришлые и наѣзжіе люди, а какъ постоянная *часть* этого общества, обязанная заслужить его довѣріе и, въ силу этого довѣрія, получающая долю вліянія и власти. Такой человѣкъ уже перестаетъ быть *гостемъ* въ своей странѣ. Связи его слагаются и укрѣпляются въ ежедневныхъ отношеніяхъ; имя его связывается въ общихъ понятіяхъ съ такими-то дѣлами или съ такимъ-то родомъ дѣятельности. Онъ живетъ не мечтательными стремленіями, а дѣйствительными потребностями весьма опредѣленной массы лицъ. Онъ не думаетъ о „человѣкѣ вообще", а о такихъ-то людяхъ такой-то націи, такой-то вѣры, находящихся на такомъ-то нравственномъ уровнѣ и въ такомъ-то экономическомъ положеніи. Онъ привыкаетъ смотрѣть на эту массу не какъ на *средство* для проведенія какихъ-нибудь „идей" самоновѣйшаго издѣлія, а какъ на предметъ своего попеченія, согласно истиннымъ нуждамъ этой массы; онъ начинаетъ сознавать свою обязанность *служить* своей родинѣ, а не передѣлывать ее по тому или иному образцу. Если неотразимые факты укажутъ на необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, этотъ человѣкъ явится надежнымъ осуществителемъ сознанной потребности. Но онъ будетъ знать, что̀ и какъ сдѣлать и, конечно, позаботится о томъ, чтобы сдѣланное не осталось на бумагѣ.

Едва ли нужно останавливаться много на той очевидной для насъ истинѣ, что *развитіе земскаго начала въ нашемъ управленіи будетъ наилучшимъ средствомъ образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются всѣ попытки насильственныхъ передѣлокъ нашей родины по какимъ бы то ни было „шаблонамъ“ и особенно по шаблону соціальной демократіи.* Развивать и укрѣплять земское начало значитъ національзировать нашу интеллигенцію.

То же самое должно сказать и относительно льготъ, дарованныхъ нашей *печати* въ 1865 году. Какой немедленный эффектъ имѣли эти льготы, особенно въ тотъ періодъ времени, когда законъ 1865 г. еще не былъ видоизмѣненъ позднѣйшими узаконеніями? Вся печать, особенно періодическая, сразу спустилась изъ области общихъ соображеній, гдѣ она разработывала общеевропейскіе вопросы, къ практическому и домашнему дѣлу. Она начала изслѣдовать и разработывать внутренніе вопросы съ истиннымъ рвеніемъ, глубоко и всесторонне, особенно сравнительно съ прежнимъ временемъ. Конечно, этотъ спускъ на землю былъ далеко не полонъ. Столичная печать, освобожденная отъ предварительной цензуры, не имѣла и не имѣетъ естественной союзницы въ печати *мѣстной*, оставшейся подъ предварительною цензурою, а потому лишенной всякихъ средствъ къ развитію. Вслѣдствіе этого, обобщенія столичной печати, по недостатку мѣстнаго матеріала, выходили часто односторонними и неосновательными. Но никто не откажетъ современной печати, даже при нынѣшнихъ ея условіяхъ, въ желаніи работать именно по внутреннимъ вопросамъ, основывать свои сужденія на положительныхъ фактахъ, обсуждать всѣ вопросы съ точки зрѣнія нашихъ внутреннихъ интересовъ — слѣдовательно, быть *народною*, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Что же значило бы возвратить печать въ первобытное состояніе? Это значило бы искусственно загнать ее въ област отвлеченныхъ соображеній, утопій, безсодержательныхъ намековъ, полусловъ, т.-е. породить тотъ сумбуръ и ту умственную пустоту, отъ которой мы *начали* излѣчиваться въ послѣдніе годы. Это значило бы изгнать печать изъ Россіи и отправить ее во Францію, Англію, Америку, за поисками абстрактнаго человѣка, абстрактной семьи, абстрактнаго государственнаго строя. Съ насъ этого довольно.

Остается еще одинъ пунктъ, также немаловажный. Народность есть личность собирательная, слѣдовательно, составленная изъ единицъ, изъ людей. Въ этихъ отдѣльныхъ людяхъ первый источникъ всякой жизни, всякаго движенія, всякаго вдохновенія и изобрѣтенія. Безъ жизни въ этихъ людяхъ не будетъ, не можетъ быть и жизни въ цѣломъ. Національная жизнь не есть жизнь *стихійная и стад-*

ная; самая національность есть фактъ не зоологическій, а *нравственный*. Дикари не имѣютъ національности; дикое общество есть матеріалъ, изъ котораго *можетъ* создаться національность при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Но такое развитіе народности немыслимо безъ того, чтобы нравственныя и умственныя силы, присущія данному народу, не находили себѣ выраженія и не воплощались бы въ *типическихъ личностяхъ*, какъ представителяхъ національнаго генія въ областяхъ политики, религіи, науки, литературы, искусства. Такія личности „ставятъ точки надъ і"; черпая сами свои силы изъ народа, онѣ запечатлѣваютъ народныя особенности, возводятъ ихъ къ высшему и полному выраженію, даютъ имъ всемірно-историческое значеніе. Чѣмъ была бы германская народность безъ Лютера, безъ Лейбница, безъ Лессинга, Шиллера, Гёте, Фихте, Шеллинга, Канта, Штейна, В. Гумбольдта, не говоря уже о меньшихъ величинахъ? Въ этихъ людяхъ опредѣлился германскій духъ, чрезъ нихъ получилъ онъ почетное мѣсто въ *общечеловѣческой* цивилизаціи.

Если личность, оторванная отъ своей народности, обращается въ пустоцвѣтъ и нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, то, съ другой стороны, и народъ, не находящій личностей для типическаго выраженія своихъ идеаловъ, своихъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій, остается на степени стада, косной матеріи. Но косная матерія не только не будетъ возведена на степень народности, но ей грозитъ опасность сдѣлаться *служебнымъ матеріаломъ* въ рукахъ другихъ народностей, слѣдовательно, умереть нравственно. Мало ли племенъ погибло, вошедши въ составъ другихъ, болѣе сильныхъ народностей! Великіе представители національнаго генія имѣютъ для своей народности двоякое значеніе, одинаково важное: съ одной стороны, воплощая въ себѣ всѣ особенности національнаго духа, они являются *оплотомъ* народности противъ духовнаго завоеванія ея другими народами; съ другой стороны, воплощая національную мысль въ безсмертныхъ произведеніяхъ науки, философіи, литературы, искусствъ, въ учрежденіяхъ церкви и государства, они выводятъ свой народъ на поприще всемірной исторіи. Чрезъ нихъ онъ дѣлается вкладчикомъ въ ту дѣйствительную сокровищницу *общечеловѣческаго*, изъ котораго всѣ народы черпаютъ живительныя наставленія и примѣры. Они спасаютъ свой народъ отъ рабской подражательности иноземному, открываютъ ему пути свободнаго творчества, даютъ ему возможность разумнаго заимствованія благъ, добытыхъ другими народами. Словомъ, они возводятъ свою народность на ту степень, о которой мечталъ Хомяковъ.

„Народность,—говорилъ онъ,—есть начало общечеловѣческое, об-

леченное въ живыя формы народа: съ одной стороны, какъ общечеловѣческое, она собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіи и Платонѣ, то въ Рафаэлѣ и Вико, то въ Бэконѣ или Вальтеръ-Скоттѣ, то въ Гегелѣ и Гёте; съ другой стороны, какъ *живое*, а не *отвлеченное проявленіе человѣчества*, она живитъ и строитъ умъ человѣка. Въ то же время она, по своему общечеловѣческому началу, принимаетъ въ себя все человѣческое, отстраняя *чуженародное* своею неподкупною критикою, тогда какъ отдѣльному лицу нельзя не поддаваться самымъ *формамъ* чуженародности и не смѣшивать ихъ съ тою общечеловѣческою стихіею, которая въ нихъ таится".

Но для того, чтобы народность могла принимать въ себя все человѣческое, отстраняя чужеродное, чтобы она брала чужое не какъ платье, взятое на прокатъ промотавшимся гулякой, а какъ часть общечеловѣческаго, слѣдовательно и своего, необходимо, чтобы она сама достигла самосознанія въ великихъ представителяхъ ея духа. А такіе представители могутъ выдти только изъ ряда свободныхъ творческихъ единицъ, сознающихъ прежде всего свою собственную личность и могущихъ свободно проявлять ее во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. *Безъ сознанія своей собственной личности не можетъ быть сознанія и личности народной*, слѣдовательно, и возможности служенія родинѣ въ духѣ народномъ.

Поэтому читатель не сочтетъ парадоксальнымъ мнѣніе, что всѣ акты нынѣшняго царствованія, имѣвшіе въ виду обезпечить право, личную свободу и безопасность каждаго лица, въ то же время положили начало тѣмъ условіямъ, при которыхъ могутъ вообще развиваться и крѣпнуть творческія силы человѣка и обращаться на служеніе своему народу. Такіе акты, какъ судебные уставы, отмѣна безчеловѣчныхъ уголовныхъ наказаній и т. п. имѣютъ высокое значеніе не только съ точки зрѣнія правъ и интересовъ *каждаго*, но и какъ могущественное средство подъема національнаго духа. Послѣдній не можетъ быть поднятъ въ средѣ лицъ безправныхъ, достигающихъ сознанія своей личности только въ смыслѣ матеріальномъ, въ смыслѣ аппетита, похотей и животныхъ страстей, но никогда не возвышающихся до сознанія личности нравственной, которая одна способна къ общенію съ другими, къ образованію съ ними одной собирательной личности, какою является народность. Въ массѣ безправной нѣтъ единенія; въ ней, напротивъ, все идетъ въ раздробь, всякій ставитъ *себя* единственною цѣлью своего существованія, всякій гоняется только за средствами къ удовлетворенію *своихъ* животныхъ нуждъ, и, стремясь къ этой единственной цѣли, смѣло шагаетъ черезъ права и пользы ближняго, въ которомъ онъ видитъ только *препятствіе* для своихъ „наслажденій". Вотъ почему каж-

дый, кто желаетъ нашего національнаго развитія, долженъ желать укрѣпленія и развитія началъ, выраженныхъ въ знаменательныхъ актахъ нынѣшняго царствованія, впервые давшихъ извѣстное обезпеченіе человѣческой личности въ Россіи.

То, что̀ изложено выше—спросятъ насъ—не есть ли въ малыхъ размѣрахъ кодексъ *либерализма*? Намъ все равно, какое названіе дадутъ тому или другому предмету. Но каждый, кто прочелъ предыдущія строки, придетъ, надѣемся, къ заключенію, что главныя преобразованія нынѣшняго царствованія разсмотрѣны здѣсь *какъ условія развитія русской народности*, какъ условія, безъ которыхъ никогда и нигдѣ не можетъ развиться народность. Это для насъ главное. Пусть попробуютъ показать другія средства и пути, пусть докажутъ ихъ правильность, и мы возьмемъ свои слова назадъ.

До тѣхъ же поръ мы сохранимъ убѣжденіе, что совершонное за послѣднія двадцать пять лѣтъ создало прочную почву для развитія Россіи именно въ *національномъ* направленіи. На этой общей почвѣ могутъ образоваться и живыя народныя партіи всякаго направленія, всякаго названія. Но онѣ будутъ народны, ибо ихъ дѣятельность будетъ направляться не послѣднею рѣчью Гамбетты или Ласкера, не послѣднимъ „словомъ“ Бисмарка или Руэра, а опредѣленною общественною нуждою, такъ или иначе понятою.

Въ особенности слѣдуетъ намъ держаться совершоннаго теперь, когда вся Россія повергнута въ страхъ язвою, въ которой мы упорно видимъ наслѣдіе *стараго* времени, продуктъ общей нравственной болѣзни и нравственной пустоты, порожденной неудовлетворительнымъ общественнымъ строемъ. Справедливо замѣтили *Московскія Вѣдомости*, что крамола разыгралась, пользуясь свойствами *переходнаго времени*, длящеюся въ обществѣ борьбою стараго съ новымъ. Нигилисты обратились въ революціонеровъ; чистое и пассивное отрицаніе Базарова обратилось въ попытки разрушенія и водворенія анархіи. Но именно теперь и слѣдуетъ совершить дружное усиліе для новаго подъема общественнаго духа. Всякое „переходное“ время—время борьбы новаго со старымъ, слѣдовательно, время шаткости понятій, колебанія изъ стороны въ сторону, отсутствія твердо опредѣленнаго строя—страшно именно тѣмъ, что люди не находятъ центра единенія, путеводныхъ началъ и становятся рабами *случайности*, развращающей ихъ до мозга костей.

Послушаемъ, какъ нашъ незабвенный историкъ Соловьевъ характеризуетъ время, предшествовавшее великой московской смутѣ, время, когда эта страшная „случайность“ была возведена въ принципъ.

„Эта привычка сообразоваться со случайностями, — говоритъ Со-

ловьевъ,—разумѣется, не могла способствовать развитію твердости гражданской, уваженія къ собственному достоинству, умѣнья выбирать средства для цѣлей. Преклоненіе предъ случайностью не могло вести къ сознанію постояннаго, основного, къ сознанію отношеній человѣка къ обществу... требующаго подчиненія частныхъ стремленій и выгодъ — общественнымъ. Внутреннее, духовное отношеніе человѣка къ обществу было слабо; все держалось только формами, внѣшнею силою, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго. Во внѣшнемъ отношеніи земля была собрана, государство сплочено; но сознаніе о внутренней, нравственной связи человѣка съ обществомъ было крайне слабо; въ нравственномъ отношеніи, и въ началѣ XVII вѣка русскій человѣкъ продолжалъ жить „особѣ", какъ физически жили отдѣльные роды въ IX вѣкѣ. Слѣдствіемъ преобладанія внѣшней связи и внутренней, нравственной особности были тѣ грустныя явленія народной жизни, о которыхъ одинаково свидѣтельствуютъ и свои, и чужіе, прежде всего эта страшная недовѣрчивость другъ къ другу: понятно, что когда каждый преслѣдовалъ только свои интересы, нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ближняго, котораго, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался сдѣлать слугою, жертвою своихъ интересовъ, то довѣренность существовать не могла. Страшно было состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ, самыя нѣжныя, самыя священныя связи!"

Мы далеки отъ мысли переносить цѣликомъ эту страшную картину на наше время. Но кто не согласится, что въ нашемъ „переходномъ" времени есть многія изъ указанныхъ выше чертъ? Есть и ненадежность общаго положенія, а вслѣдствіе этого и господство случайностей; есть и преклоненіе предъ случайностями, вмѣсто твердой вѣры въ одинъ опредѣленный порядокъ; есть и разбродъ единицъ, привыкшихъ жить „особѣ" и преслѣдовать только свои корыстныя цѣли, забывая для нихъ общественное благо и порывая ради нихъ самыя священныя связи. Въ этомъ больше, чѣмъ въ чемъ-нибудь иномъ, причина успѣха самыхъ дикихъ ученій, развитія самыхъ звѣрскихъ страстей, самыхъ преступныхъ замысловъ. Нужно, наконецъ, опредѣленное и твердо поставленное знамя, вокругъ котораго собралось бы все живое, все не искалѣченное въ поклоненіи „случайностямъ" и способное къ общественному дѣлу.

Переходное время должно, наконецъ, сдѣлаться временемъ опредѣленнымъ, эпохою съ названіемъ, запечатлѣнною извѣстною мыслью, *типическою*, занимающею ясное мѣсто въ исторіи Россіи и человѣчества.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

(По поводу рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго).

Самымъ крупнымъ событіемъ на пушкинскомъ праздникѣ, по общему отзыву, была рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго. Она затмила все, произнесенное другими ораторами въ честь величайшаго нашего поэта. Она надолго останется въ памяти не только тѣхъ, кто ее слышалъ, но и тѣхъ, кто, не имѣя возможности присутствовать на праздникѣ, прочелъ ее въ печати. Такой успѣхъ рѣчи знаменитаго романиста вполнѣ понятенъ: она заключаетъ въ себѣ и оцѣнку Пушкина, какъ *народнаго* русскаго поэта, и исповѣданіе вѣры самого г. Достоевскаго, выраженное съ тою силою убѣжденія, которая подавляетъ, если и не всегда убѣждаетъ другихъ. Каждый, кто слышалъ или читалъ г. Достоевскаго, знаетъ какъ трудно не *подчиниться* ему въ то время, какъ онъ говоритъ, или пока вниманіе читателя приковано къ страницамъ его произведеній. Только потомъ возникаютъ въ умѣ читателя или слушателя разныя сомнѣнія; только потомъ испытываетъ онъ чувство нѣкоторой неудовлетворенности и желаетъ еще поразспросить и разъяснить кое-что.

Позволяемъ себѣ представить здѣсь нѣкоторыя сомнѣнія, овладѣвшія лично нами, въ надеждѣ, что ни читатели, ни самъ г. Достоевскій не заподозрятъ въ насъ намѣренія нанести какой-нибудь „ущербъ“ достоинству рѣчи. Но вопросъ, затронутый ораторомъ, имѣетъ слишкомъ большое общественное значеніе и нуждается въ разностороннемъ его объясненіи, не оставляющемъ мѣста справедливымъ сомнѣніямъ.

Рѣчь г. Достоевскаго содержитъ въ себѣ, какъ уже сказано, двѣ вещи: оцѣнку Пушкина, какъ народнаго поэта, и нѣкоторое исповѣданіе вѣры самого оратора. Во всей рѣчи чувствуется, что Пушкина

комментируетъ именно авторъ *Братьевъ Карамазовыхъ*, и отъ этого зависитъ, по нашему мнѣнію, недостаточное освѣщеніе пушкинскихъ типовъ и довольно смутный выводъ изъ рѣчи.

Пушкинскіе типы освѣщены недостаточно; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они были освѣщены *невѣрно*. Напротивъ: никому, быть можетъ, не удалось проникнуть въ суть пушкинской поэзіи такъ глубоко, какъ Ѳ. М. Достоевскому. Но онъ не далъ этимъ типамъ полнаго объясненія именно потому, что связалъ ихъ не со всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ нашей литературы, а исключительно со своимъ міросозерцаніемъ, представляющимъ много слабыхъ сторонъ.

Объяснимся. Г. Достоевскій обращается прежде всего къ тому типу, въ которомъ впервые выразилась вся мощь пушкинскаго генія, къ типу Алеко. Вотъ что̀ онъ говоритъ по этому поводу:

„Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго *скитальца* въ родной землѣ, того *историческаго* русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ *оторванномъ* отъ народа обществѣ нашемъ... Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ поселившійся“.

Это совершенно вѣрно, и нельзя не признать большой заслуги г. Достоевскаго въ томъ, что онъ установилъ историческую связь между типомъ, созданнымъ впервые Пушкинымъ въ Алеко, и тѣми типами „скитальцевъ“, которые такъ художественно были выведены авторами *Кто виноватъ*, *Рудина* и друг. Но остается объяснить, откуда взялись эти „скитальцы“, эти мученики, оторванные отъ народа?

Г. Достоевскій мало останавливается на этомъ вопросѣ, хотя важность его явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ оратора: „человѣкъ этотъ зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой петровской реформы, въ нашемъ *интеллигентномъ* обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы“. Итакъ, „скитальцы“ суть яркіе представители нѣкоторой общей болѣзни. Они сознали ее; они „забезпокоились“, по выраженію оратора, въ то время, какъ другіе сидѣли и сидятъ еще спокойно, занимаясь службою, разными предпріятіями и, даже, наукой — „и все это регулярно, лѣниво и мирно“. Но очередь дойдетъ и до нихъ.

„Всѣхъ, — говоритъ г. Достоевскій, — въ свое время то же самое ожидаетъ, *если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ*. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь избранныхъ, довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя“.

Вопросъ, стало быть, не въ избранныхъ „страдальцахъ“, а *во*

всей русской интеллигенціи. Ее нужно спасти отъ грозящей ей бѣды и бѣды большой. Но, прежде всего, посмотримъ, въ чемъ же бѣда.

Корень бѣды, говорятъ намъ, въ *отчужденіи* отъ народа. Что̀ же произвело это отчужденіе?

Изъ словъ г. Достоевскаго, что Алеки зародились во второмъ столѣтіи послѣ реформы Петра, можно бы заключить, что вина отчужденія въ этой реформѣ, втолкнувшей высшіе классы въ формы западно-европейскаго просвѣщенія. Но ораторъ, очевидно, былъ далекъ отъ такого банальнаго объясненія, потому что онъ же видитъ славу Пушкина именно въ его „всемірной отзывчивости". Притомъ, еслибъ г. Достоевскій и принялъ такое объясненіе (что̀ было бы несоотвѣтственно его уму и таланту), оно все-таки ничего не объяснило бы и не принесло бы никакой практической пользы.

Такъ или иначе, но уже два столѣтія мы находимся подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, дѣйствующаго на насъ чрезвычайно сильно, благодаря „всемірной отзывчивости" русскаго человѣка, признанной г. Достоевскимъ за нашу національную черту. Уйти отъ этого просвѣщенія намъ нѐкуда, да и незачѣмъ. Это фактъ, противъ котораго намъ ничего нельзя сдѣлать, по той простой причинѣ, что всякій русскій человѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, *непремѣнно* получитъ это просвѣщеніе изъ западно-европейскаго источника, за полнѣйшимъ отсутствіемъ источниковъ русскихъ. Затѣмъ, предусматривая даже сильное развитіе русской науки, русскаго искусства и т. д., мы должны будемъ признать, что всѣ эти вещи выростутъ на почвѣ западно-европейскаго просвѣщенія, подобно тому, какъ послѣднее выросло на почвѣ греко-римской культуры. Такимъ образомъ, практически вопросъ объ „отчужденіи" русской интеллигенціи отъ народа ставится слѣдующимъ образомъ:

Отчего просвѣщенная часть русскаго общества относилась *отрицательно* къ явленіямъ русской жизни и, поэтому, выработывала изъ себя отрицательные же типы „скитальцевъ"? Это положеніе чрезвычайно трагическое и требующее выхода, потому что „забезпокоившихся", по выраженію г. Достоевскаго, было довольно, и они не давали покоя всѣмъ другимъ. Г. Достоевскій заговорилъ объ этихъ типахъ, основываясь на поэзіи Пушкина. Но Пушкинъ, выводя Алеко и Онѣгина съ ихъ отрицаніемъ, не показалъ, что̀ именно „отрицали" они, и было бы въ высшей степени рискованно утверждать, что они отрицали именно „народную правду", коренныя начала русскаго міросозерцанія. Этого не видно нигдѣ.

Но, дѣйствительно, міръ тогдашнихъ скитальцевъ былъ міромъ, отрицавшимъ другой міръ. Для объясненія этихъ типовъ необходимы другіе типы, которыхъ Пушкинъ не воспроизвелъ, хотя и обра-

щался къ нимъ по временамъ со жгучимъ негодованіемъ. Природа его таланта мѣшала ему спуститься въ этотъ мракъ и возвести въ „перлъ созданія“ совъ, сычей и летучихъ мышей, наполнявшихъ подвальные этажи русскаго жилища. Это сдѣлалъ Гоголь — великая оборотная сторона Пушкина. Онъ повѣдалъ міру, отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, отчего скучалъ Онѣгинъ, отчего народились на свѣтъ „лишніе люди“, увѣковѣченные Тургеневымъ. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины— вотъ тѣневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многихъ иныхъ. Это фонъ, безъ котораго непонятны фигуры послѣднихъ. А вѣдь эти гоголевскіе герои были русскими—ухъ, какими русскими людьми! У Коробочки не было міровой скорби, Сквозникъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами, Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ и они насквозь видѣли его. Конечно, Алеки и Рудины всего этого вполнѣ не видѣли и не понимали; они просто бѣжали, куда кто могъ: Алеко къ цыганамъ, Рудинъ въ Парижъ, умирать за дѣло, для него совершенно постороннее.

Итакъ, намъ представляется, прежде всего, недоказаннымъ, что „скитальцы“ отрѣшались отъ самаго существа русскаго народа, что они переставали быть русскими людьми. До настоящаго времени нисколько не опредѣлены предѣлы ихъ отрицанія, не указанъ его объектъ, такъ сказать. А пока не опредѣлено это, мы не въ правѣ произнести о нихъ окончательное сужденіе.

Тѣмъ менѣе въ правѣ мы опредѣлять ихъ, какъ „гордыхъ“ людей, и видѣть источникъ ихъ отчужденія въ этомъ сатанинскомъ грѣхѣ. Нельзя, конечно, отрицать въ этихъ типахъ значительной доли гордости; мало того: нельзя не видѣть въ нихъ и великой дозы себялюбія, выразившагося въ такихъ трагическихъ чертахъ въ исторіи Алеко. Но и гордость, и себялюбіе не были ихъ первоначальными грѣхами, не были и первою причиною ихъ „скитальчества“, физическаго или духовнаго. Совершенно напротивъ: гордость и себялюбіе явились *результатомъ* ихъ отчужденія, долговременнаго отрицательнаго отношенія ко всему окружающему, плодомъ ихъ одиночества. Черты эти неприглядны — спора нѣтъ. По временамъ онѣ отвратительны, и не даромъ Пушкинъ развѣнчивалъ своихъ героевъ. Но не въ нихъ суть болѣзни: онѣ ея симптомы; ея придатокъ. Лѣчить симптомы и оставлять корень болѣзни едва ли разсудительно. Вотъ почему мы не можемъ согласиться вполнѣ съ слѣдующею моралью, выведенною г-мъ Достоевскимъ изъ исторіи Алеко:

„Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость; смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ—вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму“.

Что гордость и праздность суть пороки, это не подлежитъ сомнѣнію. Но въ данномъ случаѣ, все-таки, остается нерѣшеннымъ: гордость — относительно чего? праздность — почему? Предъ чѣмъ „гордились“ эти люди? Почему они не находили себѣ дѣла на „родной нивѣ“?

Не рѣшенъ вопросъ, предъ чѣмъ гордились „скитальцы“; остается безъ отвѣта и другой — предъ чѣмъ слѣдуетъ „смириться“. Г. Достоевскій останавливается на этихъ вопросахъ такъ, какъ будто бы вся суть дѣла въ личныхъ качествахъ „гордящихся“ и нежелающихъ „смириться“. Объясняя, что̀ долженъ познать „гордящійся скиталецъ“, онъ говоритъ ему:

„Не *внѣ* тебя правда, а въ тебѣ самомъ, *найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ*, овладѣй собою, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего *въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою.* Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь свое великое дѣло и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и *святую правду его.* Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надо заплатить“.

Въ этихъ строкахъ г. Достоевскій выразилъ „святая святыхъ“ своихъ убѣжденій, то, что̀ составляетъ одновременно и силу, и слабость автора *Братьевъ Карамазовыхъ.* Въ этихъ словахъ заключенъ великій *религіозный* идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственности, но нѣтъ и намека на идеалы *общественные.*

Г. Достоевскій призываетъ работать надъ собой и смирить себя. Личное совершенствованіе въ духѣ христіанской любви есть, конечно, первая предпосылка для всякой дѣятельности, большой или малой. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ люди, лично совершенные въ христіанскомъ смыслѣ, непремѣнно образовали совершенное общество. Позволимъ себѣ привести примѣръ.

Апостолъ Павелъ поучалъ рабовъ и господъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. И тѣ и другіе могли послушать и обыкновенно слушали слово апостола; они *лично* были хорошими христіанами, но *рабство* чрезъ то не освящалось и оставалось учрежденіемъ безнравственнымъ. Точно такъ же, г. Достоевскій, а равно и каждый изъ насъ, зналъ превосходныхъ христіанъ-помѣщиковъ и таковыхъ же крестьянъ. Но *крѣпостное право* оставалось мерзостью предъ Господомъ, и русскій Царь-Освободитель явился выразителемъ требованій не только *личной*, но и *общественной* нравственности, о которой въ

старое время не было надлежащихъ понятій, несмотря на то, что „хорошихъ людей“ было, можетъ быть, не меньше, чѣмъ теперь.

Личная и общественная нравственность не одно и то же. Отсюда слѣдуетъ, что никакое *общественное* совершенствованіе не можетъ быть достигнуто *только* чрезъ улучшеніе личныхъ качествъ людей, составляющихъ общество. Приведемъ опять примѣръ. Предположимъ, что, начиная съ 1800 года, рядъ проповѣдниковъ христіанской любви и смиренія принялся бы улучшать нравственность Коробочекъ и Собакевичей. Можно ли предположить, чтобъ они достигли отмѣны крѣпостного права, чтобъ не нужно было *властнаго* слова для устраненія этого „явленія“? Напротивъ, Коробочка стала бы доказывать, что она истинная христіанка и настоящая „мать“ своихъ крестьянъ, и пребыла бы въ этомъ убѣжденіи, несмотря на всѣ доводы проповѣдника. Пойдемъ дальше. Предположимъ, что въ тѣ времена проповѣдникъ подошелъ бы къ скептическому и невѣрующему Алеко и наполнилъ бы его душу истинами христіанства. Вышелъ ли бы изъ Алеко полезный общественный дѣятель? Едва ли. Вѣрнѣе предположить вотъ что̀: Алеко-христіанинъ не побѣжалъ бы къ цыганамъ и не сдѣлался бы мужемъ несчастной Земфиры. Онъ ушелъ бы въ монастырь и обратился бы въ старца Зосиму. Форма „отчужденія“ и скитальчества измѣнилась бы. Но много ли выиграло бы оттого общество?

Улучшеніе людей въ смыслѣ *общественномъ* не можетъ быть произведено только работой „надъ собой“ и „смиреніемъ себя“. Работать надъ собой и смирять свои страсти можно и въ пустынѣ и на необитаемомъ островѣ. Но, какъ существа *общественныя*, люди развиваются и улучшаются въ работѣ *другъ подлѣ друга*, *другъ для друга* и *другъ съ другомъ*. Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учрежденій*, воспитывающихъ въ человѣкѣ если не христіанскія, то гражданскія доблести.

Съ этой именно точки зрѣнія, причину „скитальчества“ должно искать не въ одних личныхъ качествахъ „скитальцевъ“, а въ качествахъ общественныхъ учрежденій прежняго времени. Было бы нелѣпо утверждать, что они погибали отъ своей „гордости“ и не хотѣли смириться предъ „народною правдой“. Никто никогда не отрицалъ прекраснѣйшихъ качествъ русскаго человѣка. Скажемъ больше: если въ душѣ лучшихъ изъ этихъ „скитальцевъ“ первой половины нашего столѣтія и сохранялся какой-нибудь помыселъ, то это именно былъ помыселъ о народѣ; самая жгучая изъ ихъ ненавистей была обращена именно къ рабству, тяготѣвшему надъ народомъ. Пусть они любили народъ и ненавидѣли крѣпостное право

по-своему, по-„европейски“, что ли. Но кто же, какъ не они подготовили общество наше къ упраздненію крѣпостного права? Чѣмъ могли, и они послужили „родной нивѣ“, сначала въ качествѣ проповѣдниковъ освобожденія, а потомъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ первой очереди. Значительная часть даже скитальцевъ не отрицала, что въ глубинѣ русскаго духа таится нѣчто величавое въ нравственномъ смыслѣ. Но позволительно сказать, что это „прекрасное“ было прикрыто толстымъ слоемъ грязи, и что народная „правда“ какъ-то странно выражалась въ „кривосудіи“ отжившихъ учрежденій.

Теперь мы дошли до самаго важнаго пункта въ нашемъ разномысліи съ г. Достоевскимъ. Требуя смиренія предъ народною правдою, предъ народными идеалами, онъ принимаетъ эту „правду“ и эти идеалы, какъ нѣчто готовое, незыблемое и вѣковѣчное. Мы позволимъ себѣ сказать ему — нѣтъ! *Общественные* идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ *образованія*, *развитія*. Ему еще много надо работать надъ собою, чтобъ сдѣлаться достойнымъ имени великаго народа. Еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣкового рабства, засѣло въ немъ, чтобъ онъ могъ требовать себѣ поклоненія и, сверхъ того, претендовать еще на обращеніе всей Европы на путь истинный, какъ это предсказываетъ г. Достоевскій.

Странное дѣло! Человѣкъ, казнящій гордость въ лицѣ отдѣльныхъ скитальцевъ, призываетъ къ гордости цѣлый народъ, въ которомъ онъ видитъ какого-то всемірнаго апостола. Однимъ онъ говоритъ: „смирись!“ Другому говоритъ: „возвышайся!“.

Послушаемъ, къ чему г. Достоевскій предназначаетъ Россію:

„Впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т.-е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже *окончательно*, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, *всечеловѣчной* и *всесоединяющей*, вмѣстить въ него съ братскою любовью *всѣхъ* нашихъ братьевъ, а, въ концѣ-концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго *окончательнаго* согласія всѣхъ племенъ по христову евангельскому закону“.

Словомъ, свершится то, чего не предсказываетъ и апокалипсисъ! Напротивъ, тотъ предвѣщаетъ не „окончательное согласіе“, а окончательное „несогласіе“ съ пришествіемъ Антихриста. Зачѣмъ же приходить Антихристу, если мы изречемъ слово „окончательной гармоніи“?

А пока что, мы не можетъ справиться даже съ такими несогласіями и противорѣчіями, съ которыми Европа справилась давнымъ

давно, долбимъ азбучные зады и выпускаемъ теперь изъ своей среды такихъ „апостоловъ“, которые давятъ всю Европу именно *озлобленіемъ* своимъ и даютъ странное понятіе о „всепримиряющей“ русской душѣ.

Правильнѣе было бы сказать и современнымъ „скитальцамъ“ и „народу“ одинаково: *смиритесь* предъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, пріобщились, благодаря реформѣ Петра. Впитайте въ себя все, что произвели лучшаго народы — учители ваши. Тогда, переработавъ въ себѣ всю эту умственную и нравственную пищу, вы сумѣете проявить и всю силу вашего *національнаго* генія, внести и свою долю въ сокровищницу всечеловѣческаго. Ни одинъ народъ не получалъ всемірно-историческаго значенія, не возвысившись на степень народности, и каждая народность въ свое время проходила чрезъ школу всечеловѣческаго, какъ прошли ее народы Европы въ эпоху среднихъ вѣковъ и возрожденія!

А тутъ, не сдѣлавшись какъ слѣдуетъ народностью, вдругъ мечтать о всечеловѣческой роли! Не рано ли? Г. Достоевскій гордится тѣмъ, что мы чуть не два вѣка служили Европѣ. Признаемся, это „служеніе“ вызываетъ въ насъ не радостное чувство. Время ли вѣнскаго конгресса и вообще эпохи конгрессовъ можетъ быть предметомъ нашей „гордости“? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли національное движеніе въ Италіи и Германіи и косились даже на единовѣрныхъ грековъ? И какую ненависть нажили мы въ Европѣ именно за это „служеніе“!

Нѣтъ, затвердимъ и замѣтимъ разъ навсегда, что истинно-всечеловѣческое значеніе мы можемъ пріобрѣсти только послѣ того, какъ мы разовьемся и укрѣпимся въ качествѣ народности, умѣющей и могущей дѣлать *свое* общественное дѣло, какъ мы, воспринявъ свободно начала общечеловѣческой культуры, откроемъ пути и средства для нашего творчества, которое безъ того навсегда останется въ видѣ зародыша, давая міру однихъ нелѣпыхъ „самоучекъ“, начиная отъ самоучекъ-механиковъ и кончая самоучками-„революціонерами“.

Тогда выступитъ въ полномъ блескѣ „народная правда“, на этотъ разъ уже нескрытая и неспрятанная подъ семью замками, а сіяющая, какъ солнце. Тогда не будетъ уже мѣста и скитальцамъ, или, лучше сказать, имъ будетъ мѣсто за общимъ народнымъ трудомъ. Тогда исчезнутъ и глупыя мечты о „всемірномъ счастьи“, потому что каждый пойметъ, что отдѣльный человѣкъ можетъ служить человѣчеству только *чрезъ* свой народъ и что внѣ этого народа ему нигдѣ нѣтъ мѣста. Коротко говоря: нужно только смѣло и бодро идти по пути, открытому съ 1861 года, когда устранена была главная

причина нашего „скитальчества". То, что мы видимъ теперь, есть только *наслѣдіе* временъ минувшихъ и, мы вѣримъ въ это, типы нашихъ скитальцевъ не суть типы „постоянные". Они прейдутъ вмѣстѣ съ ростомъ русскаго общества и народа.

Въ заключеніе, мы просимъ Ѳ. М. Достоевскаго извинить намъ выраженія, которыя онъ сочтетъ рѣзкими, хотя мы и старались говорить съ нимъ тѣмъ языкомъ, какого онъ въ правѣ требовать по своимъ достоинствамъ. Но живость тона показываетъ, что вопросъ, возбужденный Ѳ. М. Достоевскимъ, столь же близокъ намъ, какъ и ему.

20-го іюня 1880 г.
Вильна.

ТРЕВОЖНЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

Не со вчерашняго дня русскому обществу поставленъ слѣдующій, невѣроятно трудный и мучительный вопросъ: имѣетъ ли оно какое-нибудь значеніе въ народѣ и для народа? Вопросъ не только важный, но страшный, потому что отъ рѣшенія его зависитъ приговоръ надъ всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлало, дѣлаетъ и, вѣроятно, будетъ дѣлать такъ называемая русская интеллигенція. Между тѣмъ, рѣшеніе уже подсказывается и едва ли оно способно успокоить наше общество.

„Русское общество оторвано, отчуждено отъ народа“—эта фраза слышится и читается всюду; отъ частаго повторенія она пріобрѣла нѣкоторый видъ истины. Больше того: она *нравится*, она обращена въ безспорный пунктъ нѣкотораго обвинительнаго акта; она является одновременно и боевымъ снарядомъ, и лозунгомъ, выставляемымъ противъ всѣхъ стремленій, желаній и надеждъ нашей злосчастной интеллигенціи.

Итакъ, русское общество „отчуждено“ отъ родного народа. Это значитъ, что оно состоитъ изъ единицъ, ежедневно, ежечасно порывающихъ связь съ тою средою, въ которой онѣ, по законамъ природы и исторіи, должны бы жить и дѣйствовать, внѣ которой онѣ не имѣютъ смысла. Каждый шагъ на пути къ просвѣщенію, каждая прочитанная книга, каждое удовольствіе, каждая мысль, зародившаяся въ головѣ подъ вліяніемъ прочитаннаго или слышаннаго не въ родной средѣ, фатально отдѣляютъ „интеллигентнаго“ человѣка отъ его народа, заставляютъ его попирать ногами „народную правду“. Онъ какъ бы живетъ во грѣхѣ, отъ котораго ему нигдѣ нѣтъ спасенія. Онъ какъ бы отданъ во власть дьявола и аггеловъ его. Не-

вольно представляется уму картина, нарисованная нѣкіимъ средневѣковымъ аббатомъ и изображающая вездѣсущіе грѣха и дьявола:

„Представьте себѣ,—говоритъ онъ,—что вы погружены въ воду съ головой; вода надъ вами, подъ вами, справа, слѣва: вотъ образъ злыхъ духовъ, насъ окружающихъ. Они безчисленны, какъ атомы, играющіе на солнцѣ, и даже еще многочисленнѣе. Воздухъ не что иное, какъ собраніе демоновъ. Человѣкъ не думаетъ, не говоритъ, не дѣлаетъ ничего, не будучи искушаемъ ими. Они прикрѣплены къ намъ до такой степени, что почти отождествляются съ нами; ихъ тѣло простирается надъ нашимъ, проникаетъ въ наше и образуетъ съ нимъ одно; вотъ почему они говорятъ нашими устами и дѣйствуютъ нашими членами“.

Пусть не удивляются этой выпискѣ изъ средневѣкового мистика. Вопросъ объ отчужденіи русскаго общества отъ народа возведенъ теперь на такую именно мистическую высоту, что иного сравненія, кромѣ мистическаго, прибрать нельзя. Дѣло дошло, дѣйствительно, до того, что атмосфера, въ которой живетъ русское общество, представляется совокупностью бѣсовскихъ атомовъ. „Totus aër non est nisi spissitudo eorum“. Уйти отъ „бѣсовъ“ нѐкуда; они отождествились съ нами. Они говорятъ нашими устами и дѣйствуютъ нашими членами. Все существованіе наше есть какой-то вѣчный грѣхъ противъ родного народа, отъ „духа“ котораго мы отверглись. Послѣдствія грѣха очевидны. Подобно тому, какъ бытіе грѣшника есть бытіе призрачное, т.-е., въ сущности, не-бытіе, такъ и наше существованіе есть призракъ, постоянный обманъ. Русское общество есть не часть своего народа, а паразитное растеніе или *пустоцвѣтъ*.

Если это говорится серьезно, если въ самомъ дѣлѣ положеніе нашего общества таково, то ничего не можетъ быть страшнѣе этого. Жить въ сознаніи полной своей грѣховности, полной своей безплодности и безполезности—развѣ это не убійственно? Къ величайшему сожалѣнію, и средства къ спасенію не предвидится, хотя оно указывается довольно ясно. Возрожденіе, говорятъ намъ, возможно чрезъ общеніе съ народомъ, чрезъ проникновеніе его духомъ и его правдою. Это было бы прекрасно, еслибъ, дѣйствительно, въ глубинѣ народнаго духа было заключено нѣчто опредѣленное, незыблемое, вѣчное и ясно проявленное въ какомъ-нибудь откровеніи. Но бѣда въ томъ, что россійскіе возгласы о „народномъ духѣ“, по научному своему значенію, относятся не къ нашему времени, а ко временамъ прошлымъ.

Было время, когда и на западѣ Европы народный духъ принимался за нѣчто законченное и всегда себѣ равное. Но потомъ дѣйствительныя историческія изысканія раскрыли, что народы перерож-

даются подъ вліяніемъ развитія собственныхъ творческихъ силъ и воздѣйствія другихъ культуръ, воспринимаемыхъ и переработываемыхъ народомъ. Между французомъ временъ крестовыхъ походовъ и французомъ временъ Людовика XIV-го порядочная разница, а между современникомъ Короля-Солнца и гражданиномъ временъ Гамбетты огромное разстояніе. Членъ нынѣшняго англійскаго парламента съ трудомъ понялъ бы „представителя“ временъ Эдуарда I-го; Беннингсенъ или Гнейстъ, вѣроятно, не столковались бы съ бюргеромъ временъ Гогенштауфеновъ.

И вотъ что̀ еще замѣчательно. Чѣмъ дальше мы уходимъ вглубь исторіи, тѣмъ *меньше* различія между народностями. Ни въ эпоху великаго переселенія народовъ, ни въ средніе вѣка нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о народностяхъ. Народности образуются въ медленномъ и мучительномъ процессѣ долгой политической борьбы, упорной работы въ области мысли, искусства, поэзіи. „Національное самосознаніе“ не было первоначальнымъ, божьимъ даромъ; оно явилось, какъ *награда* за тяжкую всенародную работу, какъ плодъ вѣковыхъ усилій. Иначе оно и быть не можетъ. Если отдѣльный человѣкъ, для выработки въ себѣ опредѣленной и цѣльной *личности*, долженъ много работать надъ собою, то тѣмъ съ бо̀льшими усиліями вырабатывается личность *собирательная*, т.-е. народность. Дѣйствительное сознаніе своего *я* не сваливается человѣку съ неба; не сваливается оно съ неба и отдѣльному народу. Русскій народъ составляетъ ли исключеніе?

II.

Если ужъ говорить объ „отчужденности“ русскаго общества отъ своего народа, то необходимо имѣть въ виду не одну, а двѣ отчужденныя стороны. Проявились ли національныя качества народа, его историческое *я* до такой степени ясно и безспорно, что непризнаніе ихъ является не только грѣхомъ, но и глупостью?

Въ этомъ вопросѣ должно различать двѣ стороны. Матеріальное (если можно такъ выразиться) *я* русскаго народа безспорно и наглядно. Тяжкимъ трудомъ, великою храбростью и безпримѣрнымъ терпѣніемъ русскій народъ стяжалъ себѣ свое государственное единство. Сломивъ Орду, Турцію, Польшу и Швецію, онъ утвердился, наконецъ, въ средѣ другихъ европейскихъ народовъ. И *это* сознаніе единства проникаетъ всѣ слои, отъ верхняго края и до нижняго. Оно величественно и грозно выступаетъ всюду и всякій разъ, какъ единству Россіи или международному ея достоинству грозитъ опасность. Въ эти великія минуты все является единымъ и готовымъ къ

отпору врага. Пусть укажутъ, когда, въ такія минуты, кто-нибудь изъ членовъ русскаго „общества“ былъ бы способенъ не только къ измѣнѣ, но къ равнодушному отношенію къ общественному долгу? Россія не знаетъ измѣны. Что Базѐны въ нашей средѣ просто невозможны—объ этомъ и говорить нѐчего. Нѣтъ, пусть скажутъ, что русская интеллигенція, въ трудныя для отечества минуты, поступала не такъ, какъ подобаетъ поступать русскому человѣку? Думаемъ, что такихъ голосовъ не найдется.

Но остается вторая сторона—сторона духовнаго, настоящаго народнаго *я*. Проявилось ли оно какъ слѣдуетъ? Была ли даже возможность не только для его проявленія, но и для надлежащаго его образованія? Не думаемъ.

Русскій народъ, которому, по волѣ судебъ, пришлось образовать государство на громаднѣйшемъ пространствѣ земли, всѣ усилія котораго до сихъ поръ уходили на борьбу за матеріальное существованіе, не имѣлъ еще возможности наполнить созданное имъ государственное тѣло духовнымъ содержаніемъ, могущимъ имѣть всемірно-историческое значеніе. Напротивъ, чувствуется, что долгое время духовная жизнь народа была принесена въ жертву настоятельнымъ матеріальнымъ нуждамъ. Въ отчаянной борьбѣ за существованіе, русская народность успѣла кое-какъ создать чисто *внѣшнюю* государственную организацію, образовать государство-машину, страшно сильную для внѣшняго дѣйствія, но немогущую поощрить развитія духовныхъ силъ. Мало-по-малу, эта внѣшняя организація была перенесена и на такія сферы, гдѣ менѣе всего умѣстно механическое дѣйствіе—именно на церковь. У насъ любятъ нападать на бюрократическое устройство церкви, созданное яко бы реформою Петра. Но устройство и управленіе русской церкви до Петра вполнѣ напоминало приказную систему временъ московскихъ. Если Петръ, создавая „коллегіи“ для государства, завелъ таковую и для церкви, то неизвѣстно, почему церковь-коллегія хуже церкви-приказа. Дѣло именно въ томъ, что Петръ преобразовалъ не живой организмъ церкви, а настоящій механизмъ, порядочно уже истертый въ прежнее время. И съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что онъ улучшилъ *управленіе* церковью. Бо̀льшаго онъ и не дѣлалъ, потому что въ прежнее время церковь была только „управленіемъ“, т.-е. обрядомъ, осуществляемымъ въ іерархическомъ порядкѣ.

Это обстоятельство очень важно именно потому, что православіе есть коренная черта русской народности, главное ея нравственное знамя, а слѣдовательно, и главное духовное средство воздѣйствія народа на отдѣльныя единицы. Если это средство оказывалось недѣйствительнымъ, если эта духовная сила обратилась въ обрядъ и

управленіе, то что же думать о другихъ силахъ, не столь величественныхъ? Между тѣмъ, нельзя же не замѣтить, что, благодаря неудовлетворительному состоянію церковной жизни, значеніе православія становилось болѣе „теоретическимъ“, чѣмъ практическимъ. Православіе, какъ оно существовало, представлялось нѣкоторою загадкой, формой безъ содержанія, и только чрезъ много лѣтъ послѣ петровой реформы, сильный умъ Хомякова пошелъ вглубь и открылъ содержаніе православія. Но и онъ оставилъ намъ только идеалъ.

Въ моментъ петровой реформы мы видимъ слѣдующее: народность, сильная матеріально, но бѣдная еще духовно, вдругъ должна была, не по волѣ реформатора, а въ силу исторической необходимости, войти въ кругъ государствъ, богатыхъ и сильныхъ духовною жизнью. Случилось то, что и должно было случиться.

III.

Петръ Великій нуждался въ просвѣщеніи для *государственныхъ* цѣлей. Поэтому, онъ и велѣлъ учиться, прежде всего, тѣмъ, кто имѣлъ ближайшее отношеніе къ государственному дѣлу. Сама старая московская Россія уже подсказала Царю-Преобразователю, кого посылать за море и наряжать въ саксонское платье. Она уже раздѣлила отчетливо два главные класса людей: людей *служилыхъ* и *тяглыхъ*, или, говоря языкомъ того времени, государевыхъ холопей, съ одной, и государевыхъ сиротъ, съ другой стороны.

Просвѣщеніе водворялось въ Россіи первоначально вовсе не ради всенародной нужды, а просто потому, что государству нужны были образованные служилые люди. На нихъ и положена была обязанность учиться. „Сироты“ были оставлены въ покоѣ при своемъ тяглѣ. Послѣдующая судьба „просвѣщавшихся“ служилыхъ, т.-е. будущихъ дворянъ, приказныхъ и разночинцевъ, опредѣлилась просто. Ихъ „отчужденность“ объясняется вовсе не тѣмъ, что они стали читать чуждыя народу книги и усвоивать чуждые ему нравы, а тѣмъ, что *въ моментъ реформы и послѣ нея, вплоть до нашихъ дней, народъ не былъ пріобщенъ къ просвѣтительному движенію и оставался внѣ его.* Не былъ же онъ пріобщенъ потому, что надъ нимъ тяготѣло крѣпостное право, что онъ былъ только „податной классъ“, который долженъ былъ знать свое дѣло и не былъ предназначенъ къ ученію, точно такъ же, какъ и къ „службѣ“.

Итакъ, корень „отчужденія“ именно въ односторонней, узкой постановкѣ просвѣтительнаго вопроса. И выходъ изъ „отчужденія“ вовсе не въ томъ, чтобъ „просвѣщенные“ классы сознали какой-то грѣхъ свой и искали спасенія въ „народномъ разумѣ“, а именно въ

томъ, чтобъ народный разумъ былъ, наконецъ, пріобщенъ къ просвѣтительному движенію.

Что отчужденіе существуетъ—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но нельзя видѣть въ немъ ни грѣха „интеллигенціи", ни несчастія только для нея. Грѣха нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны, а несчастіе общее.

Просвѣщеніе, воспринимаемое только высшими классами, неусвоиваемое народною средою и неперерабатываемое ею, всегда остается просвѣщеніемъ довольно поверхностнымъ, заимствованнымъ, а люди, его воспринимающіе, всегда остаются въ положеніи учениковъ. Только геніальныя, исключительныя натуры, въ родѣ Пушкина, умѣютъ перерабатывать заимствованную культуру въ своемъ національномъ сознаніи. Масса же „образованныхъ" остается на степени подражательности.

Съ другой стороны, народная масса, несвязанная съ интеллигенціей, сохраняетъ свою самобытность, но самобытность эта выражается въ формахъ зачаточныхъ, первобытныхъ, не проявляясь въ высшихъ произведеніяхъ ума и воображенія.

Если интеллигенція лишена „почвы" и не стоитъ обыкновенно на своихъ ногахъ, то, съ другой стороны, народъ лишенъ интеллигенціи, какъ органа, чрезъ который его мысль, его стремленія и міросозерцаніе возводятся на подобающую высоту. Невыгода обоюдная, и горе общее. Дѣло не въ томъ, чтобъ *привязать* интеллигенцію къ народу, а въ томъ, чтобъ *соединить* ихъ; дѣло не въ томъ, чтобъ интеллигенція обратилась въ народъ, т.-е. чтобъ она перестала быть интеллигенціей. Напротивъ, образованное русское общество должно служить народу именно *какъ* интеллигенція, а не какъ что-нибудь другое. Русское общество не имѣетъ и не можетъ имѣть другихъ задачъ, кромѣ тѣхъ, какія имѣетъ всякая интеллигенція во всѣхъ образованныхъ странахъ.

IV.

Каждая интеллигенція, достойная этого имени, выполняетъ въ своей странѣ двоякую роль. Во-первыхъ, интеллигенція служитъ какъ бы посредникомъ между своимъ народомъ и другими образованными народами міра, воспринимая и проводя въ свою страну пріобрѣтенія общечеловѣческой цивилизаціи: это, такъ сказать, *космополитическая*, всемірно-гражданская ея задача. Во-вторыхъ, она выражаетъ въ произведеніяхъ ума, фантазіи и въ политикѣ то, что содержится въ духѣ ея народа, возводитъ „въ перлъ созданія" народныя мечты, вѣрованія и стремленія. Чрезъ это она содѣйствуетъ

развитію народнаго самосознанія, укрѣпляетъ *національное* чувство, но, въ результатѣ, опять-таки, обогащаетъ содержаніе всечеловѣческаго, внося въ него то, что̀ выработано въ народной средѣ.

Изъ этихъ двухъ задачъ наша интеллигенція выполняла только первую, потому что выполненіе второй вездѣ зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ самъ народъ пріобщенъ къ умственной и духовной жизни. Между массой лично безправной, безграмотной и бѣдной, съ одной стороны, и частью общества значительно просвѣщенной, съ другой, всегда будетъ существовать „разрывъ“, въ томъ смыслѣ, что масса будетъ лишена всякихъ средствъ воздѣйствія на высшую среду и что ея вѣрованія и стремленія, какъ бы прекрасны они ни были сами по себѣ, въ своей зачаточной и часто грубой формѣ, недоступны непосредственному пониманію людей, привыкшихъ къ формамъ болѣе развитымъ и тонкимъ.

Связь между низомъ и верхомъ можетъ возстановиться только при помощи промежуточныхъ „интеллигенцій“ разныхъ степеней и при нѣкоторомъ общемъ, удовлетворительномъ уровнѣ народнаго образованія и экономическаго благосостоянія. Этого-то и нѣтъ въ Россіи. Въ Россіи есть люди, способные понимать тончайшіе извороты философской мысли, но нѣтъ массы, владѣющей орудіемъ грамотности, а случайно научившаяся грамотѣ часть народа не имѣетъ ни потребности въ чтеніи, ни досуга къ тому. Пушкинъ могъ вмѣстить въ своей душѣ цѣлый міръ, а населеніе столичнаго города Москвы полагало, что открываемый ему памятникъ есть „идолъ“, который не приходится кропить святой водой! Какимъ же образомъ идеалы и воззрѣнія такой массы могли влiять на ходъ мысли, на направленіе фантазіи въ высшихъ сферахъ? Честь и слава Пушкину за то, что онъ сумѣлъ проникнуть въ тайны народнаго міросозерцанія; но это вліяніе народной силы на отдѣльныя единицы, хотя бы геніальныя, не обезпечиваетъ еще вліянія на всю массу общества. И самъ Пушкинъ, авторъ народнѣйшихъ произведеній, пребылъ въ неизвѣстности для массы, которую онъ такъ любилъ.

Все это сказано, конечно, не въ осужденіе „массы“. Осуждать нельзя тамъ, гдѣ нѣтъ вины, потому что, чѣмъ же народъ виноватъ, что онъ не читалъ Пушкина и что онъ вообще пребываетъ въ XIV-мъ вѣкѣ? Сказано это для того, чтобъ показать, почему русская интеллигенція до сихъ поръ выполняетъ только одну часть своей задачи, т.-е. часть „космополитическую“, проводя кое-какъ въ свое отечество результаты всеевропейскаго просвѣщенія. Больше она ничего и дѣлать не могла, благодаря положенію родного народа. Этимъ объясняется и ея космополитическое направленіе, и европейничанье, подчасъ смѣшное. Этимъ объясняется и „міровая скорбь“ русскихъ

„скитальцевъ“, въ которой, кстати сказать, мы не видимъ „основной“ черты русскаго характера, и тѣмъ болѣе черты прекрасной, а видимъ просто результатъ такого положенія вещей, когда умственная и духовная жизнь является достояніемъ одного только общественнаго слоя. Раскройте исторію, и вы увидите, что „міровыя скорби“ далеко не новость. Что̀ можетъ быть „космополитичнѣе“ французскаго и нѣмецкаго общества XVIII-го столѣтія? Гдѣ же шумнѣе и торжественнѣе говорили о l'humanité и Menschheit, о droits de l'homme, какъ не въ этихъ обществахъ?

V.

Несмотря, однако, на множество недостатковъ, присущихъ нашей интеллигенціи, которыхъ никто не отрицаетъ, нельзя же не видѣть, что она, въ установившихся для нея предѣлахъ, выполняла и выполняетъ большую задачу, очень важную для нашего *національнаго* развитія.

Во-первыхъ, нельзя не видѣть, что просвѣщеніе, явившееся у насъ первоначально какъ средство для образованія профессіональнаго, для изготовленія „шрейберовъ“ и коллежскихъ совѣтниковъ, техниковъ и инженеровъ, все-таки, обратилось въ то̀, чѣмъ должно быть просвѣщеніе: въ средство образованія *всего* человѣка. Мысль, разъ зародившаяся, хотя и въ узкихъ формахъ, быстро начала хватать за предѣлы шрейберскаго искусства и всякихъ спеціальныхъ дѣлъ. Фонвизины, Радищевы, Новиковы, Мордвиновы и т. д. уловили живой духъ цивилизаціи, усвоили общія ея начала и, что̀ важнѣе всего, дали этимъ началамъ практическое примѣненіе.

Оглядываясь на то, что̀ было сдѣлано подъ вліяніемъ русской интеллигенціи съ той минуты, какъ впервые раздался ея самостоятельный голосъ въ лицѣ Новикова и Радищева, и до сей поры, мы видимъ, что всѣ ея усилія были направлены къ установленію такихъ условій, при которыхъ возможно правильное развитіе человѣческой, а слѣдовательно, и *народной* личности.

Называйте эти условія „шаблонными“, эти начала азбучными— значеніе ихъ отъ того нисколько не умалится. Когда азбука неизвѣстна, нужно твердить азбуку; пока первыя четыре правила ариѳметики неизвѣстны, нужно преподавать ихъ, и преподавать именно по „шаблону“, потому что „нешаблонной“ ариѳметики нѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какую „азбуку“ возвѣщали представители русской интеллигенціи.

Они возвѣщали, что человѣкъ не можетъ быть *объектомъ* собственности, т.-е. вещью. Какая азбука! Кому же это неизвѣстно? А

между тѣмъ, это азбучное начало побѣдоносно отрицалось крѣпостнымъ правомъ, тяготѣвшимъ надъ многомилліоннымъ населеніемъ. Они твердили, что тѣлесное наказаніе противно человѣческому достоинству и позоритъ націю, въ которой оно существуетъ. Опять-таки, азбука. Но ей пришлось бороться съ другою азбукою, гдѣ значилось, что плети и розги суть фундаментъ личнаго и общественнаго воспитанія. Чрезъ много лѣтъ послѣ того какъ Мордвиновъ написалъ свое знаменитое мнѣніе о кнутѣ, плети отмѣнены достопамятнымъ указомъ 1863 года. Розги же и до сихъ поръ продолжаютъ гулять на просторѣ. Доказывалось и доказывается, что свобода совѣсти есть первѣйшее условіе духовной жизни въ народѣ, а между тѣмъ, эта „азбука" остается недосягаемымъ идеаломъ. Твердили и твердятъ, что безъ образованія народъ никогда не проявитъ таящихся въ немъ великихъ нравственныхъ силъ, а русская народная школа находится въ такомъ состояніи, что никакъ не рѣшить: зарождается ли она, или, едва зародившись, умираетъ. Достаточно доказано, что духовное развитіе народа находится въ тѣсной зависимости отъ его матеріальнаго благосостоянія; но до сихъ поръ это матеріальное благосостояніе встрѣчаетъ непреодолимыя преграды въ неудовлетворительной финансовой системѣ.

Этотъ списокъ „азбучныхъ истинъ" и „шаблонныхъ правилъ" можно бы продолжить еще на нѣсколько столбцовъ. Но и сказаннаго уже достаточно для опредѣленія того, какъ „интеллигенція" поняла свою задачу и по какому пути она шла. И мы не видимъ необходимости мѣнять этотъ путь. Задача русской интеллигенціи состоитъ именно въ томъ, чтобъ поставить русскій народъ въ условія правильнаго развитія всѣхъ его матеріальныхъ и нравственныхъ силъ. А потомъ ставшій на ноги народъ самъ націонализируетъ или „обнародитъ" свою интеллигенцію, потому что тогда онъ явится великою духовною силою съ безспорнымъ нравственнымъ авторитетомъ. Тогда онъ перестанетъ быть и загадкою для всѣхъ, какою является онъ теперь. Кто только ни толкуетъ о народномъ духѣ и народныхъ идеалахъ? А кто ихъ знаетъ? Другого пути для полнаго слiянія „общества" съ народомъ нѣтъ. Нужно, чтобъ самъ народъ сдѣлался дѣйствительно нравственною силою и чтобъ онъ умѣлъ и могъ имѣть вліяніе на духовную жизнь страны. Пока не будетъ этого, никакія попытки „сойтись" съ народомъ не помогутъ дѣлу и пребудутъ въ области пустословія или лицемѣрія.

Вотъ почему русская интеллигенція можетъ спокойно относиться къ обвиненіямъ въ „азбучности", въ „шаблонности" и въ „космополитизмѣ" своихъ стремленій. Она должна понять, что въ результатѣ этого „космополитизма" получится *національное* развитіе. Она должна

помнить, что „европейничанье“ не ея вина, да и вины тутъ нѣтъ никакой, потому что ея „европейскія“ стремленія вовсе не касаются русскаго народнаго духа, а относятся къ такимъ внѣшнимъ условіямъ, безъ которыхъ немыслимо развитіе какой бы ни было народности. Называть эти условія „европейскими“ — все равно, что назвать желѣзныя дороги „иноземными“ и антинаціональными путями сообщенія.

Пусть интеллигенція работаетъ надъ задачею, указанною ей всею нашею исторіей. Задача эта пока очень ограничена, очень даже азбучна. Ей самой сладко было бы сдѣлаться не только проводникомъ кое-какой всечеловѣческой „азбуки“, но и быть выразительницею самостоятельнаго національнаго генія и отплатить народамъ-учителямъ своимъ новыми сокровищами, добытыми изъ родной почвы. Но что̀ же дѣлать, когда „азбука“ еще далеко не закончена, да и идетъ довольно туго? Помню, что Ю. Ѳ. Самаринъ говорилъ, незадолго до своей кончины: „Дай Богъ вашему поколѣнію увидѣть хотя бы податную реформу...“

И для азбуки этой нужно не меньше „смиренія“ и не меньше *вѣры* въ свой народъ, чѣмъ для преклоненія предъ таинственнымъ духомъ народа. Нужно достаточно смиренія, и смиренія *истиннаго*, чтобъ ограничивать свою задачу азбукою, когда собственные помыслы и стремленія рвутся, можетъ быть, далеко за предѣлы „азбуки“. Нужно и много вѣры въ народъ для проведенія азбуки, когда она многимъ кажется опаснѣйшимъ опытомъ. Глубоко вѣрили въ народъ доблестные члены редакціонныхъ коммиссій, работавшіе надъ освобожденіемъ народа при многочисленнѣйшихъ возгласахъ, что Россію ожидаетъ революція политическая и соціальная. Глубоко вѣрили они въ народъ, предлагая даровать только-что освобожденнымъ крѣпостнымъ широкое самоуправленіе. Горячо вѣрили въ силы русской земли и другіе люди, работавшіе надъ *Судебными Уставами*, и тѣ, что̀ ввели крестьянство въ составъ земскихъ собраній. И тѣ люди, которые пойдутъ по ихъ слѣдамъ, покажутъ не меньше вѣры и преклонятся предъ ними тѣ самыя лица, которыя теперь прозрѣваютъ въ мнимомъ „европейничаньи“ нѣкоторую измѣну родному народу. Народъ нуждается не въ льстецахъ, а вѣрныхъ слугахъ и совѣтникахъ, которые говорили бы ему прямо то̀, что̀ есть, а не то̀, чего нѣтъ.

ЛИБЕРАЛИЗМЪ И ЗАПАДНИЧЕСТВО.

Вотъ два слова, искусно связанныя и связанныя, притомъ, такъ, что одно должно служить порицаніемъ другому. Что̀ такое западничество? Словечко это можно объяснить различно; мы беремъ то объясненіе, которое въ ходу у извѣстной партіи, мнящей чрезъ западничество унизить и осквернить либерализмъ:

Западникъ есть человѣкъ, презрительно относящійся къ началамъ и элементамъ русской народной жизни, видящій въ русскомъ народѣ только грубую и косную массу, которую нужно цивилизовать при помощи средствъ, цѣликомъ заимствованныхъ изъ запада Европы, и вылѣпить изъ него, какъ изъ послушной глины, нѣчто, напоминающее или англичанина, или француза. Коротко говоря, западникъ есть глупецъ, руководящійся афоризмомъ фонвизинскаго Иванушки — „все несчастіе въ томъ, что мы русскіе“. Вѣрно или невѣрно такое опредѣленіе — не наше дѣло; беремъ его, какъ ходячее, какъ истинное для тѣхъ, кто въ настоящее время искореняетъ западничество.

Сдѣлавъ такое утѣшительное опредѣленіе, они подсовываютъ его и подъ другое словцо: „либералъ“. Каждый либералъ есть западникъ; ergo, каждый либералъ есть глупецъ и уродъ, измѣняющій своимъ народнымъ началамъ, своей родинѣ, вѣрѣ своихъ отцовъ. Это какъ бы уніатъ, подчиняющійся чужой духовной власти, сохраняя только нѣкоторыя формы православія. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что всѣ стремленія „либераловъ“ клонятся къ одной конечной цѣли—къ извращенію всего склада русской жизни на западный ладъ.

Дальше этого „анализъ“ нейдетъ. Другого толкованія слово „либералъ“ не имѣетъ. Но не мало ли этого? Не имѣетъ ли это слово какого-нибудь самостоятельнаго значенія, независимо отъ западни-

ческихъ стремленій? Такого самостоятельнаго, неподставного, такъ сказать, опредѣленія намъ не даютъ. Поэтому, мы поневолѣ должны идти путемъ собиранія отдѣльныхъ признаковъ, лучше сказать, отдѣльныхъ обвиненій, обращенныхъ противъ либераловъ.

Слѣдя за либеральною печатью, мы могли замѣтить, что она постоянно и съ большимъ усердіемъ произноситъ разумныя слова *свобода* и *законность*. Правда, она произноситъ ихъ не въ цѣлокупномъ, такъ сказать, видѣ, а примѣнительно къ разнымъ отдѣльнымъ предметамъ и вопросамъ. Она много твердитъ о свободѣ совѣсти; она съ жаромъ распространяется о свободѣ печати; она старательно критикуетъ паспортную систему и рекомендуетъ бо̀льшую свободу передвиженія; она горячо привѣтствовала упраздненіе III-го отдѣленія, какъ симптомъ грядущаго обезпеченія личной свободы и безопасности каждаго; она всегда поддерживала новые суды, какъ оплотъ и орудіе законности, стало быть, опять-таки, какъ средство огражденія личныхъ правъ каждаго; она горячо стояла за земскія и новыя городскія учрежденія, какъ за лучшее средство воспитанія общества къ самодѣятельности и къ той же законности; она...

Но, позвольте, о чемъ мы говоримъ? Говоримъ ли мы о „либеральной“ печати или о печати вообще, за двумя-тремя печальнѣйшими исключеніями? Говоримъ ли мы о „западникахъ“ или о „славянофилахъ“? Выводимъ ли мы на свѣтъ тѣнь Бѣлинскаго или вызываемъ изъ гроба Константина Аксакова?

Свобода слова? Да кто же ея не хотѣлъ, начиная съ того времени, какъ проснулся умъ русскаго человѣка, и онъ выучился держать въ рукахъ перо? Славянофилы хотѣли ея въ той же мѣрѣ, какъ и западники, если не въ бо̀льшей. Перечитайте всѣ произведенія Константина Аксакова, и васъ поразитъ высокое, искреннее чувство свободы, жажда этой свободы. Ему принадлежитъ знаменитая формула: „правительству—сила власти, народу—сила мнѣнія“. Онъ вѣрилъ въ эту формулу, онъ вѣрилъ, что она вытекаетъ изъ самаго существа народнаго духа нашего, и что на ней должны быть построены истинныя отношенія власти къ народу. Посмотрите далѣе, какимъ языкомъ говорилъ его братъ, И. С. Аксаковъ, когда существовали еще его изданія, поражавшія всѣхъ смѣлостью и искренностью рѣчи. Такъ эти люди не хотѣли свободы слова?

Свобода совѣсти! Да перечтите, пожалуйста, предисловіе Самарина къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова (благо оно теперь допущено въ продажу), продумайте каждое его слово (это сто̀итъ труда), и предъ вами встанетъ величавый образъ глубоковѣрующаго человѣка, котораго оскорбляетъ каждое прикосновеніе внѣшней силы къ таинству вѣры, и который видитъ въ этомъ прикосновеніи

смерть для вѣры. Именно славянофилы хотѣли свободы совѣсти искреннѣе всѣхъ, потому что они вѣрили глубже и искреннѣе другихъ.

Земскія и городскія учрежденія! Но при одномъ словѣ „земское и городское" самоуправленіе предъ вами встаетъ тотъ же образъ Самарина, этого крѣпкаго думца и земца, проводившаго безсонныя ночи надъ общественными дѣлами и, сверхъ того, защищавшаго новыя учрежденія своимъ мощнымъ перомъ, какъ это доказываетъ его брошюра *Революціонный консерватизмъ*.

Переберите всѣ desiderata такъ называемой „либеральной партіи", и вы непремѣнно найдете, что въ числѣ лицъ, защищавшихъ эти начала, даже служившихъ имъ, встрѣтятся „славянофилы" самаго крѣпкаго закала.

Въ теченіе всего того времени, какъ наше преобразовательное стремленіе шло впередъ, мы присутствовали не при раздорахъ „славянофиловъ" съ „западниками", а, напротивъ, при постепенномъ и радостномъ *сліяніи* этихъ двухъ лагерей во имя великихъ національныхъ интересовъ. И послѣ, когда движеніе пріостановилось, когда возобладалъ „духъ пересмотра", опять-таки лучшіе представители того и другого лагеря твердо остались на своихъ мѣстахъ и стойко защищали то, что̀ имъ было одинаково дорого.

Что̀ же мы видимъ теперь? Старый споръ между двумя литературными школами, споръ „давно уже рѣшенный и взвѣшенный судьбою", переносится въ наше время, когда уже нѣтъ мѣста ни западничеству, ни славянофильству въ ихъ прежнемъ видѣ. Старыя распри поднимаются искусственно вновь и, притомъ, въ такомъ видѣ, отъ котораго покраснѣли бы старые, истые славянофилы. Припомните, ка̀къ было дѣло.

Первый актъ соглашенія между западничествомъ и славянофильствомъ состоялся ровно двадцать лѣтъ назадъ, за столомъ, соединившимъ членовъ приснопамятныхъ редакціонныхъ коммиссій. Черкасскіе и Самарины протянули руки западникамъ и пошли съ ними вмѣстѣ къ великой и народной цѣли.

Кстати: недавно мнѣ бросили упрекъ, что я приписалъ старымъ западникамъ честь подготовленія русскаго общества къ отмѣнѣ крѣпостного права и не упомянулъ о славянофилахъ. Этотъ упрекъ вполнѣ несправедливъ. При всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ славянофиламъ, я не могъ приписать имъ то, что̀ сдѣлали другіе. Первые славянофилы *не* занимались общественными вопросами и, въ качествѣ новой школы, выработывали еще общія начала своего міросозерцанія. Въ это время западники, уже рѣшившіе для себя нѣкоторые общіе вопросы, принялись за вопросы общественные, на-

сколько это было возможно. *Антонъ-Горемыка* пробилъ дорогу; за нимъ послѣдовали *Записки Охотника* и другія подобныя произведенія. Это случилось во времена ближайшія. А „западникъ“ Радищевъ заговорилъ и раньше. Славянофилы взялись за этотъ вопросъ тогда, когда онъ былъ уже поставленъ практически, и они сдѣлали свое дѣло, съ тою честностью и искренностью, которыя никогда ихъ не оставляли.

Они не только честно сдѣлали свое дѣло, но и дали великій и благотворный урокъ тѣмъ, кто въ нынѣшнее время мнитъ идти по ихъ слѣдамъ. Взявшись за труды по освобожденію крестьянъ, они не допрашивали своихъ сотрудниковъ изъ „западниковъ“, какъ и почему они „любятъ“ крестьянина. Любятъ ли они его съ „космополитической“ точки зрѣнія, какъ человѣка вообще, или какъ „носителя истиннаго просвѣщенія“? Они не залѣзали въ чужую душу, не становились нахально въ роль исповѣдниковъ и просили одного честнаго отношенія къ дѣлу, чему сами подавали примѣръ. Они сознавали, что великая народная нужда, назрѣвшая вѣками, требуетъ всѣхъ наличныхъ умственныхъ силъ для своего разрѣшенія. Когда всей интеллигенціи десять съ половиною человѣкъ и когда на ней лежитъ тяжелая міровая задача, нечего разбирать, кто „западникъ“ и кто „славянофилъ“, а нужно, чтобъ всѣ руки были за дѣломъ, такъ или иначе ставшимъ общимъ.

И собралась вкупѣ небольшая горсть хорошихъ русскихъ людей, ставшая вѣрнымъ орудіемъ царской воли и выразительницею великой народной нужды. Отвернулась она и отъ „національныхъ“ Коробочекъ, разсуждавшихъ, что владѣніе душами заведено отцами и дѣдами, и что мужику никакъ нельзя быть безъ барина, и отъ европейничающаго барства, шлявшагося по европейскимъ трактирамъ и салонамъ и размышлявшаго, что отмѣна крѣпостного права открываетъ въ Россіи эру революцій. Не испугались эти хорошіе люди обвиненій въ томъ, что они „рушатъ“ старину, что они замаскированные соціалисты и революціонеры. Не повѣрили они, что освобожденный народъ начнетъ пугачовщину и зальетъ свою родину кровью. Они вѣрили въ народъ, вѣрили всѣ безъ исключенія, вѣрили и другъ другу, и потому совершили свое великое дѣло.

Да, скажутъ намъ, но то было тогда, въ минуту рѣшенія величайшаго изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ. А теперь? А теперь не „такое“ время? Теперь, надо полагать, нѣтъ вопросовъ, достаточно общихъ, достаточно наболѣвшихъ? Мало, видно, намъ нѣсколькихъ лѣтъ угара, колоссальнѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ недоразумѣній, тягостнаго застоя во всѣхъ отправленіяхъ нашей внутренней жизни! Намъ мало того, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вся жизнь огром-

нѣйшаго государства остановилась и атрофировалась подъ вліяніемъ крамолы и усилій, направленныхъ къ ея искорененію!

Вопросовъ мало? Да составьте, пожалуйста, списокъ вопросовъ, много лѣтъ ждущихъ своего рѣшенія, вопросовъ, относительно важности которыхъ *всѣ* согласны, потому что твердятъ о нихъ безъ перерыва, до изнеможенія, до усохнутія горла: списокъ выйдетъ внушительный, и ни одна „партія“ не вычеркнетъ изъ него ни одного пункта.

И какіе это вопросы! Не теоретическіе какіе-нибудь, не умозрительнаго характера, а самые жизненные, отъ злобы дня взятые. Лучше сказать, всѣ эти вопросы, разбитые по частямъ въ нашей печати, сводятся къ одному: какъ пустить въ ходъ всѣ духовныя, умственныя и промышленныя силы нашего народа, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ явился мощною *народностью* не въ „идеѣ“ только и не въ „возможности“, а на самомъ дѣлѣ, на міру.

И вотъ „либералы“ полагаютъ, что для дѣйствительнаго проявленія нашихъ силъ необходимы болѣе льготныя условія существованія, при которыхъ могло бы развернуться національное *творчество*. Не посягаютъ они на „существо“ народности; не рекомендуютъ они ей безтолковой и механической „подражательности“. Напротивъ, они полагаютъ, что періодъ „подражательности“ потому и былъ возможенъ, что народъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ пассивную массу, изъ которой можно было лѣпить что̀ угодно. Они полагаютъ, что именно при прежнихъ условіяхъ возможно было то *обезличеніе* человѣка, какое мы видимъ вездѣ, отъ верхняго слоя до нижняго. А гдѣ обезличеніе, тамъ нѣтъ уже мѣста народному *я*, народному самосознанію, нѣтъ, слѣдовательно, мѣста и творчеству, какъ выраженію этого *я*.

Переживаемый нами моментъ нашей исторіи чрезвычайно важенъ и ужасно труденъ. Дѣло идетъ именно о томъ, чтобъ пробудить, наконецъ, народныя и общественныя силы отъ долгой спячки, чтобъ эти силы вымели и вычистили русскую землю отъ всего наноснаго и тлетворнаго, накопившагося въ нашей средѣ въ послѣднее время, и вывели наше отечество на ту дорогу, по которой подобаетъ идти сильной и великой державѣ. Не сидѣть же намъ, въ самомъ дѣлѣ, слушая соціалистическія бредни, съ одной, и мистическія завыванія, съ другой стороны. Покорно благодаримъ!

Но какъ это сдѣлать? Опять-таки, положеніе наше таково, что выходомъ изъ него можетъ быть только выполненіе и развитіе въ подробностяхъ программы, содержащейся въ освободительныхъ реформахъ нынѣшняго царствованія. Почему это такъ, понять не трудно. Ни одинъ человѣкъ, ни одинъ кружо̀къ какой-нибудь не

могутъ, не въ силахъ сказать русскому народу (понимая подъ „народомъ" всѣ его слои, безъ вреднаго и глупаго противоположенія низшихъ классовъ высшимъ), *чѣмъ онъ долженъ быть.* И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ долженъ быть?

Да поймите же разъ навсегда, что нельзя приступать къ восьмидесятимилліонному народу съ готовыми планами его „устройства" и подсовывать ему такіе „идеалы", которыхъ онъ, можетъ быть, (даже вѣроятно) не имѣетъ.

Всѣ эти планы рухнутъ при первомъ прикосновеніи жизни. Все, что̀ отдѣльные люди, имѣющіе вліяніе, властью ли, перомъ ли, словомъ ли, могутъ сдѣлать на его пользу, это—*содѣйствовать улучшенію условій, въ которыхъ онъ живетъ* и отъ качества которыхъ зависитъ развитіе его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ. Дайте развиться этимъ силамъ, и онъ самъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему „надо быть" по его природѣ, по его естественнымъ качествамъ.

Вотъ въ этомъ-то и состоитъ настоящая „злоба дня". Въ этомъ и состоитъ то общее дѣло, на которое должны бы посвятить свои силы тѣ, кому дѣйствительно дорого будущее Россіи. Пусть это дѣло „либеральное"—не виноваты же „либералы" въ томъ, что большинство тѣхъ условій, отъ которыхъ въ *настоящее время* зависитъ дальнѣйшее развитіе нашей родины, сводится, главнымъ образомъ, къ этому одному слову: *освобожденіе?* Какое другое слово слышится во всѣхъ совершонныхъ уже преобразованіяхъ? Какое другое слово примѣнимо ко всему тому, что̀ ежемѣсячно и ежедневно высказываютъ толстые журналы и тонкія газеты? Найдите, пожалуйста, другое слово, которое не производило бы такого паническаго страха. Найдите его, и, все-таки, суть дѣла останется въ этомъ, а не въ чемъ-нибудь иномъ.

Что̀ же, наконецъ, объ этомъ говорить? Развѣ не всѣ (за весьма немногими исключеніями) говорятъ то же? А если всѣ говорятъ то же, то и желанія, очевидно, тѣ же. Изъ-за чего, спрашивается, теперь, въ эту минуту поднимать старый и сданный-было въ архивъ споръ между славянофилами и западниками, какъ будто есть теперь малѣйшій поводъ къ такому спору?

Его нѣтъ. Всѣ здравомыслящіе люди знаютъ и понимаютъ, что это такъ. Теперь никто, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, не повѣритъ, что Европа „гніетъ" и развалится въ непродолжительномъ времени. Всѣ знаютъ, почему славянофилы намекали на это въ свое время, и никто не видитъ въ этомъ *сути* славянофильства. Точно такъ же никто въ настоящее время не сомнѣвается въ извѣстныхъ *самобытныхъ* качествахъ русскаго народа, и никто не станетъ проповѣдовать неразборчивыхъ заимствованій изъ Европы, которую,

кстати сказать, мы понимаемъ теперь гораздо лучше старыхъ „западниковъ“.

Да хотя бы даже кто и говорилъ противъ такой „самобытности“, то, все-таки, она *естъ*, она существуетъ сама по себѣ и, подобно стихiйной, неотразимой силѣ, обратитъ въ ничто всѣ усилiя „всечеловѣковъ“. Доказательство, и доказательство огромное, налицо. Надъ *Положенiемъ* о крестьянахъ, этимъ существеннѣйшимъ актомъ, касавшимся именно „народа“ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, работали и западники, и славянофилы. Между тѣмъ, освобожденiе крестьянъ совершилось у насъ совсѣмъ не такъ, какъ на Западѣ; между прочимъ, крестьяне были освобождены съ *землею*. Кому же собственно принадлежитъ эта мысль: западникамъ или славянофиламъ? Кажется, объ этомъ много спорили, да ничего не нашли. А дѣло просто: мысль была *общая*. Въ ту великую минуту всѣ русскiе умы думали по-русски, потому что иначе они и думать не могли. Такъ будетъ всегда и во всемъ, когда важные вопросы будутъ поставлены на очередь и когда къ рѣшенiю ихъ приступятъ русскiе люди.

Это, наконецъ, пора сознать. Пора, наконецъ, прекратить это „разсмотрѣнiе чужой души“, это выворачиванiе наизнанку чужихъ побужденiй, эту инквизицiю, положительно отравляющую существованiе каждаго, кто имѣетъ несчастье говорить объ общественныхъ вопросахъ.

НЕ АРХИТЕКТУРЫ, А ЖИЗНИ.

(По поводу мнѣній газеты *Русь*).

I.

Слава Богу! Наконецъ мы снова услышали голосъ человѣка, который можно было считать умолкнувшимъ навсегда. И. С. Аксаковъ, редакторъ многихъ изданій, получилъ возможность и, что̀ еще важнѣе, возымѣлъ *охоту* говорить. Какимъ убѣжденіемъ, какою страстью проникнуты строки, выходящія теперь изъ-подъ его пера! Притомъ это голосъ свободнаго человѣка, человѣка, дѣйствительно способнаго говорить только подъ условіемъ полной свободы для себя и другихъ. Въ его рѣчахъ не слышится призыва къ „мѣропріятіямъ" и нѣтъ намековъ на „неблагонадежность" противника.

Словомъ, это Аксаковъ, оставшійся вѣрнымъ себѣ; это бодрый боецъ, вызывающій на бой, а не ведущій противника въ „мѣсто заключенія", какъ это дѣлали и дѣлаютъ люди, прикидывающіеся тѣмъ, что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Не даромъ онъ остался вѣренъ ученію, въ свое время насмѣшливо названному *славянофильскимъ*. Не даромъ онъ принадлежалъ къ кругу этихъ людей. Вся Россія знаетъ, какіе это люди, насколько они послужили на пользу общую.

Но тѣмъ болѣе вѣса придается ихъ словамъ. Съ тѣмъ бо̀льшимъ вниманіемъ должно относиться къ ихъ мнѣніямъ, если они въ данную минуту и по данному вопросу направлены ошибочно. Поэтому мы и рѣшаемся сказать нѣсколько словъ по поводу мнѣній, выраженныхъ въ новой газетѣ И. С. Аксакова, о нашихъ текущихъ дѣлахъ.

II.

По первому же № *Руси*, изданіе это было зачислено по „ретроградной“ части. Признаемся, въ нашемъ умѣ эти два слова „Аксаковъ“ и „ретроградъ“ какъ-то не вяжутся. Мы читали и перечитывали руководящую статью перваго № и не нашли ничего, что̀ бы И. С. Аксаковъ не могъ сказать въ прежнее время, когда никому не пришло бы въ голову назвать его ретроградомъ. Весь вопросъ въ томъ, правильно ли поняты И. С. Аксаковымъ стремленія и нужды именно нашего времени? Не говоритъ ли онъ такъ, какъ слѣдовало говорить лѣтъ 25 тому назадъ? Посмотримъ, прежде всего, на основныя положенія его статьи. Со времени Петра Великаго, — говоритъ онъ,—русскій государственный бытъ строился подъ вліяніемъ образцовъ и вѣяній запада. Создавались учрежденія иностраннаго образца и съ иностранными названіями, учрежденія, никогда не проникавшія въ народное сознаніе, никогда не переходившія въ область обычая, а потому эфемерныя, отцвѣтавшія чуть-ли не въ моментъ ихъ появленія. Народъ, не участвовавшій въ государственной жизни, жилъ по-своему, по пошлинѣ, перенося только государственныя тяготы. Образованное общество, сопричисленное къ государственной жизни въ силу своихъ чиновъ и принимавшее эту жизнь за настоящую, жило также „особѣ“, все болѣе и болѣе отчуждаясь отъ народа. Его идеи мѣнялись, развивались, шли впередъ подъ вліяніемъ вѣяній или западныхъ, или внутреннихъ, но одинаково чуждыхъ народу. Слѣдуя за Европой по пути ея развитія, живя ея идеями, мы, сами того не замѣчая, творили не настоящую жизнь и настоящія учрежденія, а нѣкоторое подобіе ихъ. Все вырождалось или валилось изъ рукъ. Создаетъ Петръ Великій коллегіи, магистраты, ландратовъ, камерировъ или ландрихтеровъ,—дѣло нейдетъ; создаетъ Екатерина II учрежденія о губерніяхъ, даетъ грамоты дворянству, городамъ—еще того хуже: ни „губерній“, ни суда, ни полиціи, ни „домоводства“. Начался періодъ новыхъ реформъ, но и онѣ не даютъ еще желаннаго плода, и ни одно изъ новыхъ учрежденій не можетъ похвалиться тѣмъ, что оно сдѣлалось учрежденіемъ *народнымъ*. Земскія установленія ничуть не ближе сердцу крестьянина, чѣмъ исправникъ или становой, — начальство, какъ и всякое другое.

Эти факты и наводятъ теперь, по мнѣнію г. Аксакова, на раздумье многихъ. Чуется какой-то органическій порокъ; сознается какое-то невольное разстройство. „Мы,—говоритъ онъ,—изслѣдуемъ, допрашиваемъ, неотступно пытаемъ отвѣта: „какъ быть, что̀ дѣлать,

куда идти?“ „По пути реформъ“, „по пути мирнаго и разумнаго прогресса“ „вѣнчать зданіе“, слышится иногда въ отвѣтъ. „Вѣнчать зданіе“, повторяютъ и намъ нѣкоторые наши почтенные корреспонденты и подписчики“.

„Вѣнчать зданіе!—восклицаетъ г. Аксаковъ.—Да вѣнчать-то нечего! Зданія-то еще никакого нѣтъ! Т.-е. зданія, вполнѣ возведеннаго и довершеннаго. Приходится еще кирпичи класть“.

Останавливаясь на этомъ архитектурномъ сравненіи, увлекаясь имъ, г. Аксаковъ самъ разыскиваетъ кирпичи для кладки нашего государственнаго зданія и видитъ эти кирпичины въ *уѣздахъ* нашихъ, вполнѣ неустроенныхъ въ истинно-земскомъ смыслѣ этого слова (въ чемъ едва-ли кто будетъ сомнѣваться). Указывая на кирпичи, авторъ не оставляетъ насъ и въ невѣдѣніи относительно плана зданія. Предостерегая отъ подражаній западу, онъ говоритъ: „Мы призваны, кажется, явить современемъ міру зрѣлище небывалаго государственнаго строя—*мирно и свободно самоуправляющейся земли подъ державою живой, личной, не фиктивной и не механической, верховной власти,* связанной съ землею не только солидарностью интересовъ, но тѣснѣйшимъ органическимъ союзомъ любви, довѣрія и единаго народнаго духа“.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, то, что̀ говоритъ г. Аксаковъ. Все это совершенно логично и могло бы быть признано даже вѣрнымъ, если бы исходная точка была вѣрна. Не станемъ останавливаться пока на оцѣнкѣ прошлаго, т.-е. на временахъ Петра Великаго, Екатерины II и Александра I. Статья г. Аксакова написана для *нашего времени;* она должна отвѣчать на вопросы, насъ волнующіе; она должна коснуться нашихъ страданій; да, страданій, хотя въ статьѣ и видно ироническое къ нимъ отношеніе, какъ будто это не настоящія страданія, а напускная блажь.

Итакъ, вѣрно ли понялъ авторъ то, что̀ скрывается подъ этими, наружно ничего не значащими фразами: „по пути реформъ“, „по пути мирнаго и законнаго прогресса?“ Видитъ ли онъ ясно, что̀ скрывается подъ явленіемъ, которое онъ иронически характеризуетъ слѣдующими словами: „хотя на бо̀льшей части „органовъ общественнаго мнѣнія“ и продолжаютъ еще красоваться флаги разнообразныхъ чуждыхъ доктринъ, но они уже не развѣваются гордо и самонадѣянно, какъ бывало, а какъ-то пристыженно висятъ и мотаются, оборванные, обтрепанные пыльнымъ вихремъ событій“.

Обращаемся теперь прямо къ И. С. Аксакову.

Не смѣйтесь надъ тѣмъ, что „иностранные флаги“ висятъ „пристыженно и мотаются“; эта картина не въ вашу пользу. Она показываетъ, что вы невѣрно поняли наше время. Вамъ сдается, что,

какъ въ былые годы, врагомъ вашимъ является „европеизмъ" въ образѣ чиновнаго либерала, пишущаго уставы благоденствія подъ строжайшею правительственною опекою; вамъ сдается, что и теперь вашъ врагъ—это европейничающій сочинитель циркуляровъ, попирающій народный обычай во имя „высшей культуры?" А если нѣтъ? Если въ стремленіяхъ нашего времени *нѣтъ* этого „европейничанья"; если въ нихъ бьется столь дорогая вамъ (и мнѣ тоже) жилка *народности;* если въ этихъ стремленіяхъ, коими мы живемъ теперь, на половину виноваты *вы*, т.-е. и вы лично, и люди вамъ близкіе; если вы заронили въ насъ искру желаній, насъ воодушевляющихъ; если, слѣдовательно, вы, возставая противъ „современныхъ теченій", возстаете противъ самихъ себя? Что̀ тогда?

А между тѣмъ, это такъ. Въ вашей же статьѣ, нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется кое-что, показывающее, что наше время не похоже на то, когда писали Хомяковъ и вашъ братъ. Напримѣръ, вы сами говорите слѣдующее: „Изъ-за рушившейся стѣны крѣпостного права *тотчасъ же* высунулось, встрѣченное единодушнымъ сочувствіемъ народа, лицо *мирового посредника — перваго новаго земскаго человѣка*. Этотъ типъ земскаго человѣка не былъ знакомъ древней Руси; это уже новый, но исторически организовавшійся типъ!" Итакъ, стало быть, можно быть и „новымъ" и въ то же время „земскимъ" типомъ. Это разъ. А во-вторыхъ, почему вы не остановились надъ вопросомъ, отчего этотъ типъ, „высунувшись", потомъ спрятался и ушелъ въ нору? Не „европейничанье" же стерло его и не оно создало тѣ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, о коихъ такъ скорбитъ нашъ общій другъ А. И. Кошелевъ.

Это не все. Привѣтствуя появившійся (но спрятавшійся) типъ „новаго земскаго человѣка", вы говорите: „процессъ мучительной формаціи завершился; создались силы, *интеллигентныя земскія силы*, которыхъ именно недоставало древней сиротствующей земщинѣ. Только теперь стала возможною *организація земства* и *того земскаго самоуправленія*, въ которомъ такъ искони нуждались и земля, и государство. Вотъ значеніе реформъ *истинно освободительнаго* царствованія Александра II. *Онѣ могутъ назваться реформами только по отношенію къ законодательству XVIII вѣка*. Невольно припоминаются выраженія адреса, поданнаго Государю старообрядцами во время послѣдней польской смуты: „въ новизнахъ твоего царствованія, намъ старина наша слышится".

Это не я говорю—а вы, да еще старообрядцы, всеконечно земскіе русскіе люди. И они правы. Правы и вы, говоря, что реформы нынѣшняго Государя могутъ быть названы „реформами" *только по отношенію къ законодательству XVIII вѣка.*

Дѣло именно въ томъ, что русское государство въ два послѣдніе вѣка сложилось по образу и подобію *европейскаго* государства, процвѣтавшаго на западѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ и извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ государства *полицейскаго*, т.-е. построеннаго на началахъ безграничной государственной опеки, осуществляемой всесильною бюрократіею. Иностранное происхожденіе этого типа выдается всею присущею ему терминологіею: коллегія, регламентъ, инструкція, ревизія, инспекція, департаментъ, коммиссія, комитетъ, паспортъ, акцизъ, полиція, штатъ, команда, гарнизонъ, аттестатъ, формуляръ, контроль, квитанція, контрамарка, цензура, секретарь, прокуроръ, и т. д., и т. д.,—языкъ устанетъ перечислять все.

Здѣсь не мѣсто разсуждать, почему и какъ сложился этотъ типъ. Что онъ не былъ плодомъ случайности—это признаете и вы, по крайней мѣрѣ на половину. Вы говорите: „не подлежитъ, разумѣется, ни малѣйшему спору, что Петръ, *разбивъ ограду тѣсной, замкнутой въ себѣ національности*, въ которой пребывала старая Русь, вывелъ ее въ семью европейскихъ народовъ, на *путь общечеловѣческаго просвѣщенія*, пробудилъ насъ къ *сознанію*, и т. д., и т. д. Все это извѣстно, въ этомъ отношеніи дѣло его безсмертно и погибнуть не можетъ“.

Итакъ, нужно было разбить „ограду“ и ввести Россію въ семью европейскихъ народовъ. Но съ чѣмъ? У себя дома, по совѣсти, онъ не имѣлъ организованныхъ силъ. Народъ пребывалъ въ „тяглѣ“ и для *государственной* организаціи никакихъ силъ дать не могъ; изъ прочихъ классовъ: горожане мало чѣмъ, по положенію своему, отличались отъ крестьянства; духовенство не было политическимъ классомъ, особенно въ эпоху, предшествующую реформѣ; дворянство не было помѣстнымъ, земскимъ классомъ, а совершенно и начисто *служилымъ*. Петръ и принялся за устройство этого *служилаго* сословія для потребностей *службы*, т.-е. изъ приказовъ пересадилъ его въ коммиссіи и канцеляріи, вмѣсто воеводъ и прочихъ правителей надѣлалъ комендантовъ, ландратовъ, камерировъ, рентмейстеровъ, ландрихтеровъ и т. д. Что эти учрежденія не могли быть „вѣковѣчны“, это понятно само собою. И Петръ, и его преемники въ существѣ преобразовывали только формы *государственной службы* и порядки правительственной дѣятельности, а эти формы и порядки вездѣ въ высшей степени измѣнчивы, особенно же когда государственная машина живетъ сама по себѣ, безъ всякой опредѣленной связи съ общественною жизнью и дѣятельностью. „Европейничанье“ въ этомъ отношеніи ни при чемъ. Посмотрите, какъ мѣнялись, перетасовывались, сокращались и расширялись приказы временъ московскихъ! Со времени Петра явилось гораздо больше опре-

дѣленности и устойчивости въ правительственной дѣятельности, чѣмъ было ея до него.

Но каковы бы ни были достоинства или недостатки этого типа, нельзя отвергнуть того факта, что въ одинъ прекрасный день и правительство, и общество сознали, что Россія *переросла* его, что дальше идти по этому пути некуда. Съ 1856 года началось *перерожденіе* Россіи, т.-е. переходъ отъ одного типа къ другому, окончательныя очертанія котораго виднѣются лишь въ будущемъ, до котораго мы, вѣроятно, не доживемъ.

Итакъ, вы видите, насколько можно признать, что общественное движеніе, начавшееся двадцать лѣтъ тому назадъ, есть плодъ „европеизма". Признать это, значило бы утверждать, что въ данномъ случаѣ *европеизмъ возсталъ на европеизмъ*. На дѣлѣ этого не было. Преобразовательное движеніе было привѣтствовано всѣми нашими школами одинаково, и славянофилами, и западниками. Когда оно пріостановилось, когда почувствовался даже попятный ходъ къ „XVIII вѣку", когда изъ-за уходившаго въ землю „мирового посредника" показались совсѣмъ другія и не-земскія фигуры, то пріостановки эти болѣзненно отозвались въ сердцахъ всѣхъ. Публицистическіе труды Самарина, Кошелева и ваши собственные громко свидѣтельствуютъ о томъ. Очевидно, что и тѣмъ, и другимъ (т.-е. и славянофиламъ, и западникамъ) въ движеніи шестидесятыхъ годовъ было нѣчто одинаково дорогое, близкое. И это *нѣчто* опредѣлить очень легко: это былъ элементъ *общественности*, проникавшій, наконецъ, въ область приказнаго государства, образовавшагося по бюрократическому типу *старой* Европы.

Пора признать факты. Старое Московское государство, особенно въ послѣдній періодъ его существованія, было государствомъ *приказнымъ*. Глазъ историка не можетъ открыть въ немъ серьезныхъ общественныхъ элементовъ, способныхъ играть сколько-нибудь самостоятельную роль. Именно *это* приказное государство восприняло впослѣдствіи европейскія формы XVIII вѣка, заимствовало у Европы свою терминологію, устройство и пріемы. Оно же сдѣлалось проводникомъ того „европеизма", тѣхъ „шаблонныхъ" европейскихъ формъ, которыя вызываютъ вашъ протестъ, какъ вы сами обстоятельно показываете это въ руководящей статьѣ 2-го № *Руси*. Вы это сами признаете, но по совершенно непонятнымъ причинамъ не хотите *выдѣлить* дорогихъ намъ всѣмъ начатковъ національнаго движенія, связаннаго съ *освободительною* политикою нынѣшняго царствованія, изъ *старыхъ* вѣяній, сходящихъ уже со сцены и не имѣющихъ уже жизненной силы. Вотъ почему я рѣшаюсь утверждать, что вы невѣрно оцѣнили значеніе нашего времени.

Съ этой точки зрѣнія, какое значеніе могли имѣть *общественныя* преобразованія императора Александра II, какъ не значеніе великаго толчка къ развитію *національныхъ* элементовъ въ нашемъ обществѣ?

Въ современныхъ движеніяхъ вы преслѣдуете „европеизмъ", какъ будто кромѣ „европеизма" въ нихъ нѣтъ ничего; какъ будто побѣдою надъ европеизмомъ, какъ будто исцѣленіемъ отъ этого недуга будетъ устранено все зло навѣки-вѣковъ. Но мнѣ сдается, что вашъ молотъ поднятъ не надъ врагомъ, но и надъ другомъ; мнѣ сдается, что вашъ ударъ направленъ на едва начинающееся у насъ *національное* движеніе, явившееся на свѣтъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ. Вы сами говорите, что съ освобожденіемъ крестьянъ у насъ началось что-то другое, а затѣмъ опять твердите объ одномъ „европейничаньи". Отъ этого и выходитъ, что земскія, напримѣръ, учрежденія, съ одной стороны, оказываются у васъ „залогомъ", а съ другой, носятъ печать „европеизма". Прибивая одно, вы ударяете и по другому. Стремясь вырвать плевелы, бойтесь вырвать пшеницу,—ея у насъ немного.

III.

Вы увлеклись архитектурнымъ сравненіемъ. Васъ остановило слово „вѣнчать зданіе" и, по поводу этого слова, вы написали цѣлый архитектурный трактатъ съ „фундаментомъ", „стропилами", „державами", „кирпичами" и т. д. Мнѣ кажется, что это сравненіе ошибочно. Споръ не въ словахъ, а, какъ вы увидите, въ самой сущности дѣла.

Государство, въ смыслѣ живого, народнаго цѣлаго, не есть *зданіе,* а извѣстная форма общенія *живыхъ людей,* людей съ душою, съ пятью чувствами, съ разумомъ, съ волею, т.-е. со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ надѣлилъ человѣка Господь, создавшій его по образу своему и подобію. Все, что дѣлается въ государствѣ, дѣлается или *творится* чрезъ этихъ людей. Отъ степени развитія этихъ *творческихъ* силъ зависитъ благоденствіе или упадокъ страны. Состояніе земледѣлія, промышленности, торговли, „своевременное" поступленіе податей, боевая готовность страны, отправленіе правосудія, успѣхи наукъ, медицинская помощь и совершенство санитарной части,—все одинаково зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ человѣкъ исполняетъ и можетъ исполнить Божью заповѣдь: „въ потѣ лица съѣси хлѣбъ твой".

Вотъ почему эти *живые* люди менѣе всего могутъ быть и

должны быть разсматриваемы какъ „кирпичи“, изъ которыхъ можетъ быть сложено какое угодно государственное „зданіе“. Если государство въ самомъ дѣлѣ обратится въ *зданіе,* то наилучшее зданіе въ этомъ родѣ, будь это Миланскій соборъ, будетъ неизмѣримо хуже послѣдняго поселка, послѣдняго уѣзда. Пусть это зданіе простоитъ вѣка, пусть взоры многихъ поколѣній обращаются къ нему съ удивленіемъ, и все-таки оно будетъ говорить только о величіи зодчаго и о полномъ ничтожествѣ „кирпичей“, изъ коихъ оно сложено. Римская имперія попробовала быть „зданіемъ“ и не оглянулась, какъ ея покои наполнились „варварами“, которые, положимъ, преклонялись передъ величіемъ „сооруженія“, но тѣмъ не менѣе разнесли его по кирпичу, предварительно выгнавъ хозяина и расхитивъ всѣ его стяжанія. Византійская имперія также была „зданіемъ“, но и ея покои наполнились „варварами“, пострашнѣе вандаловъ и готовъ,—варварами, отъ которыхъ христіанскій міръ до сихъ поръ не можетъ очистить эту прекрасную землю.

Говорю это къ тому, что вы, полемизируя противъ своихъ противниковъ, отвергая ихъ архитектурный планъ, сами выступаете съ своимъ планомъ. Мнѣ кажется, что въ какомъ бы зданіи ни пришлось лежать живымъ кирпичамъ, положеніе ихъ будетъ не легче.

Государство не *строится,* а *живетъ;* живетъ въ лицѣ всѣхъ насъ, незамѣтныхъ человѣчковъ, какъ жило оно въ лицѣ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, и какъ будетъ (если Богъ поможетъ) жить въ нашихъ дѣтяхъ и внукахъ. И живетъ оно въ насъ потому, что мы нашимъ сознаніемъ восприняли отъ нашихъ отцовъ извѣстную сумму нравственныхъ понятій; будетъ оно жить, если дѣти и внуки воспримутъ эти понятія, пріумноженныя и очищенныя, отъ насъ.

Итакъ, если уже дѣло идетъ о параллеляхъ, то вмѣсто архитектурной параллели слѣдовало бы взять иную, физіологическую, что ли. Дѣло идетъ вовсе не о томъ, ка̀къ выстроить государственное „зданіе“, а о томъ, чтобы государство росло и развивалось въ насъ самихъ и чрезъ насъ, т.-е. въ нашемъ сознаніи и трудами нашихъ рукъ и нашего мозга. А для этого нужно, прежде всего, спросить, при какихъ *условіяхъ* возможенъ нашъ собственный нравственный ростъ, т.-е. при какихъ условіяхъ мы будемъ становиться нравственнѣе, трудолюбивѣе, чище, образованнѣе, крѣпче характеромъ, рачительнѣе къ пользѣ общей; при какихъ условіяхъ эта святая идея *отечества* будетъ ближе нашему сердцу и пониманію; когда русская земля выпуститъ изъ своей среды не только большихъ Мининыхъ и Пожарскихъ, способныхъ *спасти* Россію въ чрезвычайныя времена бѣдствій, а вотъ маленькихъ Мининыхъ, способныхъ, изо дня въ день, изъ году въ годъ, тянуть обществен-

ное тягло, не надѣясь на памятники, ни на другіе знаки вниманія отъ потомства, а просто по долгу совѣсти?

Въ этомъ все дѣло. Пока вниманіе законодателей или всѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, не будетъ обращено на *этотъ* предметъ— ничего не будетъ. Стройте зданіе въ какомъ хотите стилѣ—въ готическомъ, или самоновѣйшемъ французскомъ, въ стилѣ „возрожденія" или по плану Василія Блаженнаго, возвысьте его до небесъ и явите міру неслыханные и невиданные образцы,—не будетъ на немъ благословенія Божія, ибо Богъ, давшій человѣку живую душу, живой же души отъ него и требуетъ, и не есть онъ Богъ мертвыхъ, но живыхъ.

Итакъ, не архитектуры, но жизни. Особенно теперь!

Кто, въ настоящее время, рѣшится, съ полнымъ дерзновеніемъ и не страшась отвѣта въ день судный, предлагать Россіи какой-бы то ни было архитектурный планъ для ея переустройства? Довольно уже переустроивалось, надстроивалось, пристроивалось, прилѣпливалось, — пора подумать о людяхъ. Почему въ Англіи, въ этой, поистинѣ, консервативной и поистинѣ прогрессивной странѣ умѣютъ обходиться съ самыми отжившими учрежденіями, съ самыми нелѣпыми средневѣковыми обычаями, обращая самое зло въ благо? Именно потому, что страна эта начала свое политическое поприще не съ *зданія*, а съ обезпеченія человѣческихъ правъ и достоинствъ. Величайшая ошибка всей континентальной Европы и особенно Франціи состояла именно въ томъ, что она больше всего обращала вниманіе на „зданіе", а не на человѣка. Сколько она ихъ понастроила! Сколько стилей, сколько фронтоновъ, увѣнчанныхъ то красною шапкою, то императорскимъ орломъ, то обветшавшею короною Бурбоновъ, то поддѣланною короною Орлеановъ, то трехцвѣтнымъ знаменемъ! А человѣкъ и его достоинство? Для порядка и его права были занесены въ разныя деклараціи и конституціи; но на дѣлѣ не было правительства, которое бы ихъ не попирало, не глумилось надъ ними самымъ нахальнымъ образомъ, принося ихъ въ жертву величію „зданія" и чистотѣ „стиля". Что же вышло? А вышло то, что и теперь „свободолюбивая" республика занимается травлею невинныхъ монаховъ, да волочитъ по улицамъ умирающихъ старцевъ и добивается отмѣны несмѣняемости судей.

„Милости хочу, а не жертвы"; „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка", въ немъ все дѣло. И знаете ли что? Съ великою, непритворною радостью замѣчаю я, что правительственныя лица, нынѣ призванныя къ дѣлу волею монарха нашего, пошли именно по *этому* пути, т.-е. не по пути устройства зданій, а по пути подъема человѣческой личности и ея достоинствъ.

И на дѣлѣ мы видимъ вотъ что:

Главная и постоянная угроза *личной безопасности* каждаго, III-е отдѣленіе упразднено, и государственная полиція введена въ кругъ нормальныхъ установленій. Обезпечить же личную безопасность каждаго есть одинъ изъ главныхъ способовъ вызвать къ жизни *творческія силы* человѣка, ибо безъ этой безопасности человѣкъ не творитъ, а прозябаетъ.

Школьная практика, поставившая себѣ цѣлью обратить цѣлыя поколѣнія въ кирпичи „зданія“ классицизма, разомъ смягчилась, и мы можемъ надѣяться на серьезныя улучшенія въ участи нашихъ дѣтей, т.-е. можемъ надѣяться увидѣть ихъ *людьми*.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго управленія было учрежденіе коммиссіи для пересмотра законовъ о печати, съ цѣлью серьезнаго облегченія ея положенія. Стало-быть, дѣло идетъ о томъ, чтобы въ печати говорили *люди*, а не пріятно пишущія машины.

Въ министерствѣ финансовъ уже серьезно озабочены новою податною системою, дабы снять по возможности несоразмѣрныя тяготы съ народа и тѣмъ дать ему возможность хоть нѣсколько поправиться въ экономическомъ отношеніи и развить свои производительныя силы. Нѣтъ сомнѣнія, что за измѣненіемъ системы податной послѣдуетъ и измѣненіе *паспортной* системы, т.-е. обезпеченіе свободы передвиженія, а, стало-быть, и свободы труда.

Извѣстно также, что правительство занято вопросомъ объ измѣненіи отношеній къ расколу, а занимаясь этимъ вопросомъ, оно несомнѣнно придетъ и къ вопросу о свободѣ совѣсти вообще, которой вы и Ю. Ѳ. Самаринъ посвятили столько краснорѣчивыхъ страницъ.

Вотъ нѣкоторые факты, указывающіе на направленіе избраннаго пути. Онъ ведетъ къ прямой сущности дѣла, къ настоящему гражданскому воспитанію нашего общества, при которомъ современемъ можно будетъ и „зданіе“ выстроить, но кирпичами въ немъ будутъ не люди, которые, напротивъ, будутъ его строителями и жильцами. Тогда подымется и духъ народный, котораго нельзя поднять иначе, какъ поднявъ духъ отдѣльнаго человѣка, ибо не живетъ этотъ духъ гдѣ-нибудь на высотахъ, подобно платоновскимъ „идеямъ“, а живетъ онъ въ насъ; и не будетъ его въ насъ — не будетъ его нигдѣ! Можно ли говорить о „подъемѣ народнаго духа“, когда растлѣнъ духъ каждаго члена общества?

И другого слова, кромѣ растлѣнія, употребить не могу. Выражалось оно и въ грубыхъ, отвратительныхъ дѣяніяхъ разныхъ Юханцевыхъ, Артемовскихъ, и въ подвигахъ поставщиковъ и пріемщиковъ; выражалось оно и въ видѣ утонченнаго, но не менѣе гибельнаго хищничества; выражалось оно и въ томъ, что у лучшихъ людей

руки опускались и уходили они тоскливо въ свою норку, повторяя, быть можетъ, ваши же стихи:

Слабѣйте силы! вы не нужны!
Засни ты духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Поднять эти силы, разбудить этотъ духъ, собрать всѣхъ дружныхъ во имя правды и добра, — въ этомъ и заключается призванiе нашего времени, настоящей минуты. Не сдѣлается этого—и ничего не будетъ поправлено. Въ вашъ же „уѣздъ", устроенный хотя бы по народнѣйшимъ началамъ, заползутъ хищники и расточители, погонятъ новоявленныхъ земскихъ людей и гордо сядутъ на ихъ мѣсто, обративъ его въ мѣсто мерзости и запустѣнiя.

СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ТЕОРІЯ ГОСУДАРСТВА.

(Письмо въ редакцію).

Въ послѣднее время вы (и не вы одни) занимались политическими воззрѣніями славянофиловъ. Но позвольте вамъ сказать, что вы ни на одинъ волосъ не приблизились къ ихъ пониманію. Не виню васъ за это. Для того, чтобъ постигнуть это ученіе, необходимо выйти изъ того круга понятій, съ которыми мы сжились и которыя кажутся намъ нераздѣльно связанными съ общими законами логики. Для этого нужно большое усиліе, но его необходимо сдѣлать—иначе вы никогда не поймете критикуемаго вами ученія.

Яснымъ доказательствомъ такого непониманія славянофильскаго ученія о государствѣ служитъ для меня напечатанный у васъ фельетонъ (№ 149-й *Голоса*). Авторъ фельетона, приводя извѣстныя слова К. Аксакова, что „народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова", восклицаетъ: „Только одного! Больше и намъ, либераламъ, ничего ненужно"... Ему кажется, что этимъ восклицаніемъ онъ на смерть поразилъ славянофильское ученіе, уличивъ его представителей въ непослѣдовательности. Но еслибъ авторъ, не торопясь радоваться, далъ себѣ трудъ спросить, что разумѣютъ славянофилы подъ словомъ „свобода"—его торжествующій видъ замѣнился бы выраженіемъ глубокаго унынія.

Подъ свободою слова, напримѣръ, всѣ привыкли разумѣть обезпеченную закономъ возможность безпрепятственнаго распространенія своихъ мнѣній, подъ условіемъ отвѣтственности передъ судомъ за проступки, предусмотрѣнные въ законѣ.

Какъ видите, въ этомъ ходячемъ опредѣленіи, что ни шагъ, то извѣстное юридическое правило и опредѣленная юридическая форма. Законъ *обезпечиваетъ* возможность каждому лицу, незапятнанному

преступленіемъ, издавать книги, основывать газеты и журналы. Законъ установляетъ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго въ пользованіи правомъ слова. Законъ указываетъ, какой судъ долженъ примѣнять его опредѣленія и какъ этотъ судъ долженъ дѣйствовать. При этихъ условіяхъ, по общепринятымъ понятіямъ, и установляется свобода печатнаго слова.

По одному судите объ остальномъ. Когда въ умѣ обыкновеннаго человѣка возникаетъ мысль о какомъ-нибудь видѣ „свободы", въ смыслѣ общественнаго начала, тотчасъ это понятіе сопрягается съ понятіемъ *юридической* нормы, провозглашающей, установляющей и обезпечивающей этотъ принципъ. Каждый привыкъ думать, что вопросъ о свободѣ въ жизни общественной есть именно вопросъ о тѣхъ юридическихъ гарантіяхъ, которыя можетъ дать *законъ* человѣческой дѣятельности *во внѣшнихъ* ея проявленіяхъ. Этимъ именно начало свободы общественной отличается отъ свободы нравственной. Безъ этой свободы человѣкъ имѣлъ бы свободу мысли, но не имѣлъ бы свободы слова; свободу вѣрованія, но не свободу исповѣданія и т. д.

Таковы общепринятыя понятія. Но теперь я попрошу васъ перенестись въ кругъ совершенно иныхъ воззрѣній. Я затрудняюсь назвать ихъ „славянофильскими", потому что между славянофилами были и есть люди, иначе смотрѣвшіе и смотрящіе на вещи. Но я имѣю въ виду понятія, связанныя съ именемъ К. Аксакова и усердно пропагандируемыя газетою *Русь*.

Коренная черта этого политическаго ученія состоитъ именно въ *отрицаніи необходимости всякихъ юридическихъ формъ*, создаваемыхъ для обезпеченія разныхъ личныхъ и общественныхъ правъ. Эти формы даже претятъ представителямъ означеннаго ученія—почему, мы увидимъ ниже. Но прошу васъ хорошенько запомнить эту первую черту. Она многое разъяснитъ вамъ впослѣдствіи и, сверхъ того, тотчасъ же укажетъ вамъ на одно ходячее заблужденіе насчетъ этой отрасли славянофиловъ.

Именно у насъ принято думать, что славянофилы отрицаютъ „западныя формы". Но они идутъ гораздо дальше: они отрицаютъ необходимость формъ *вообще*. Ихъ политическое ученіе есть *теорія юридически-безформеннаго государства*, государства „по душѣ", государства, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ.

Этимъ и объясняется, во-первыхъ, почему славянофилы, отрицая „западныя формы" (въ чемъ они встрѣтились со многими изъ нашихъ „западниковъ"), никогда не могли дать указаній на формы „національныя" и донынѣ ограничиваются простымъ отрицаніемъ, восклицая при видѣ всякой формы, попавшей въ наше законода-

тельство: „казенщина“, „иноземщина“, „духовное рабство“, „средостѣніе“? Этимъ объясняется, во-вторыхъ, и то странное обстоятельство, что эти люди, искренно и непритворно желающіе и свободы вѣроисповѣданія, и свободы слова, и всякихъ другихъ хорошихъ вещей, топорщатся и кричатъ при малѣйшей попыткѣ дать какую-нибудь юридическую форму означеннымъ „свободамъ“.

Вамъ, конечно, представится непонятнымъ, какимъ образомъ могла сложиться столь оригинальная государственная теорія. Постараюсь вамъ помочь.

Дайте волю своей фантазіи и представьте себѣ человѣческое общество, состоящее изъ людей, настолько выше обыкновенныхъ, что ихъ, безъ всякаго кощунства, можно уподобить ангеламъ. Духовная, внутренняя жизнь ихъ настолько развита и такъ поглощаетъ всѣ ихъ помыслы, что на все „внѣшнее“ они смотрятъ съ презрѣніемъ. Они не знаютъ земныхъ интересовъ; они чужды всякихъ матеріальныхъ страстей; во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ они руководятся не своекорыстіемъ, а высочайшею любовью къ ближнему. Единственное совершенство, котораго они хотятъ—совершенство нравственное. Даже на матеріальныя занятія, каковы земледѣліе, промыслы, торговля, они смотрятъ не какъ на средства „стяжанія“, а какъ на школу къ тому же нравственному добру. Слѣдовательно, и вопросы собственности, обмѣна личныхъ услугъ и т. д. не играютъ въ ихъ жизни такой роли, какую они играютъ въ обществахъ обыкновенныхъ людей.

Вообразивъ себѣ подобное общество, скажите, нужны ли такимъ людямъ внѣшніе законы и юридическія формы, проводящіе границу между моимъ и твоимъ, раздѣляющіе людей на обособленные классы и единицы? Нужны ли законы, постоянно напоминающіе людямъ, что они не братья, живущіе въ высшемъ духовномъ единеніи, но что они подвержены страстямъ, способны къ зависти, къ мести, къ гнѣву и къ нарушеніямъ правъ ближняго? О, для такихъ людей всѣ эти формы и формулы были бы оскорбленіемъ! Они коробили бы то нравственное чувство, которымъ живутъ эти люди. Чувство это—*любовь*, стремящаяся къ *согласію*, какъ къ высшему выраженію нравственнаго тождества людей. А законъ есть вѣчное свидѣтельство ихъ *не* тождества, различія, даже раздора, которые законъ старается примирить.

Боюсь, что картина такого всесовершеннаго общества вышла не особенно яркою. Что же дѣлать! Я не славянофилъ, не поэтъ, не моралистъ. Я скромный юристъ. Но утѣшаю себя тѣмъ, что читатель настолько прозорливъ, что сквозь блѣдныя черты моей картины онъ, духовными очами своими, разглядитъ картину, въ сотни разъ

пышнѣйшую, и окончательно вознесется отъ этой грѣшной земли туда, гдѣ обитаетъ это удивительное общество.

Но для чего возноситься? Для чего искать вдали то, что̀ находится подлѣ насъ? Да, этотъ удивительный народъ есть *русскій* народъ.

Такъ говорятъ славянофилы. Нашъ народъ не только одинъ между всѣми другими народами земного шара воспринялъ истинную религію—это могло быть дѣломъ историческихъ событій, но онъ, по природнымъ качествамъ своимъ, по естеству, настоящій христіанинъ, и только христіанинъ. По всѣмъ своимъ стремленіямъ онъ—носитель и представитель высшей нравственной истины. Поэтому, онъ чувствуетъ себя предназначеннымъ къ жизни духовной, созерцательной, чуждой земныхъ дрязгъ и плотскихъ помысловъ. Поэтому, онъ, какъ говоритъ К. Аксаковъ, народъ *неполитическій*, т.-е. чуждый всякихъ попеченій о земномъ могуществѣ, которыя отвлекали бы его отъ истиннаго его назначенія. Поэтому, далѣе, онъ не любитъ внѣшнихъ, юридическихъ формъ, опредѣляющихъ жизнь, а потому ее „стѣсняющихъ". Его идеалъ—„міръ", община, члены которой живутъ братскимъ согласіемъ, единеніемъ въ духѣ, подобно общинамъ первыхъ христіанъ.

Но такъ какъ этотъ необыкновенный народъ и его общины, по волѣ судебъ, живутъ не на небесахъ, а на землѣ; такъ какъ они окружены своекорыстными сосѣдями, которые пропитаны разными земными помыслами; такъ какъ въ его собственной средѣ могутъ завестись „лихіе люди", способные путемъ „разбойныхъ, убивственныхъ и татебныхъ дѣлъ" смутить покой общины, то и этому народу понадобилось *государство*, какъ *внѣшняя* мощь, охраняющая „свободу и самостоятельность" его духовной жизни.

Но откуда взять это государство? Самъ народъ, какъ сказано, не захотѣлъ быть государствомъ, потому что это значило бы отказаться отъ своего достоинства, отречься отъ духовныхъ интересовъ. Государство нужно было *призвать* извнѣ, что̀ и было сдѣлано, если вѣрить Несторовой лѣтописи и не вѣрить изысканіямъ г. Иловайскаго. Съ этой минуты народъ сложилъ съ себя попеченіе о всемъ внѣшнемъ для того, чтобъ съ новою силою устремиться къ внутреннему и духовному.

Оставимъ его на этомъ актѣ и обратимся къ „государству". Положеніе государства нельзя не признать крайне затруднительнымъ. Государство, по ученію славянофиловъ, есть внѣшняя, матеріальная сила; она, по той же теоріи, приглашена стать въ союзъ съ элементомъ начисто духовнымъ, т.-е. съ народомъ. Еслибъ при этомъ означенной „матеріальной силѣ" было указано подавить духовную

жизнь въ народѣ, то всѣ затрудненія разрѣшились бы просто и ясно. Но тѣ же славянофилы предъявляютъ къ „матеріальной силѣ“ очень существенное требованіе — охранять свободу духовной жизни народа. Мало того: дабы „государство“ не выродилось окончательно въ грубую матеріальную силу и тѣмъ самымъ не впало бы въ бездну грѣха, оно не должно отрѣшаться отъ духовныхъ стихій народа, должно подчиняться ихъ вліянію.

Какъ это сдѣлать? Какъ найти эту квадратуру круга? На это у славянофиловъ нѣтъ сноснаго отвѣта. При самомъ сильномъ напряженіи ума невозможно понять ихъ разглагольствованій о единеніи государства съ народомъ, о воспріятіи государствомъ „народной правды“ и т. д., и т. д. Невозможно, говорю *я*, понять этого, потому что бѣдная человѣческая мысль не можетъ ни уловить, ни обнять ничего безформеннаго, не имѣющаго образа и видимости. Обыкновенно устроенный человѣкъ широко раскроетъ глаза, когда ему начнутъ доказывать о существованіи музыки безъ звуковъ, гармоніи безъ аккордовъ, тяготѣнія безъ тяжести, мышленія безъ формъ сужденія и т. д.

А между тѣмъ, что̀ же, какъ не „музыку безъ звуковъ“ проповѣдываютъ наши славянофилы, возвѣщая сочетаніе безформеннаго государства съ безформенною „духовною свободою“? Тутъ ужъ прекращаются средства обыкновеннаго сужденія и начинается область „не любо, не слушай“.

Что̀ же будете вы имъ доказывать? Въ чемъ станете убѣждать? Когда человѣкъ доказываетъ, что жилища вообще ненужны, толковать съ нимъ о сравнительныхъ удобствахъ того или другого архитектурнаго стиля—занятіе безплодное.

Мнѣ кажется, что споръ съ славянофилами только тогда будетъ поставленъ на надлежащую почву, когда имъ, прежде дальнѣйшихъ разсужденій, предложатъ слѣдующій простой вопросъ:

Нужны ли *вообще* для государственной жизни юридическія формы?

Если они поставятъ себѣ этотъ вопросъ прямо и добросовѣстно (а иной постановки отъ нихъ ожидать нельзя), то у нихъ сразу откроются глаза на многое, что̀ прежде лежало внѣ ихъ пониманія.

Рѣшая означенный вопросъ, они, во-первыхъ, неизбѣжно придутъ къ заключенію, что русскій народъ *не* есть *совершенно* особенный народъ. Съ намѣреніемъ подчеркиваю слово „совершенно“, потому что насчетъ *особенности* русскаго народа не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, точно такъ же, какъ насчетъ особенности всѣхъ другихъ народовъ. Каждый народъ—французскій, англійскій, италіанскій, нѣмецкій и т. д.—есть народъ „особенный“, въ томъ смыслѣ, что каждый изъ нихъ образуетъ самостоятельную и самобытную

личность. Въ этомъ смыслѣ народъ *не* особенный есть нелѣпость, логическое противорѣчіе. Но такую же нелѣпость представляетъ понятіе о *совершенно* особенномъ народѣ, т.-е. народѣ, составляющемъ *исключеніе* изъ всѣхъ народовъ земного шара, народѣ, не подчиняющемся въ развитіи своемъ общимъ законамъ матеріальнаго и нравственнаго міра, народѣ, являющемся воплощенною и осуществившеюся *утопіей.*

Понявъ это, они, вѣроятно, дадутъ больше опредѣленности своему желанію, чтобъ Россія не обратилась въ *Европу.* Если это желаніе должно означать, что русскіе, какъ народъ *особенный*, не должны преобразиться въ другой *особенный* народъ, напримѣръ, въ нѣмцевъ или англичанъ, то это желаніе очень похвальное, потому что утрата народомъ своей нравственной личности, обращеніе его въ этнографическій, служебный *матеріалъ* для развитія другихъ народовъ—въ самомъ дѣлѣ, величайшее несчастіе. Но совсѣмъ иное значеніе имѣетъ желаніе, чтобъ Россія *не* была *Европой*, т.-е., чтобъ она стала въ сторонѣ отъ европейскаго развитія, въ которомъ она, такъ или иначе, участвуетъ не одну сотню лѣтъ. Такое желаніе болѣе чѣмъ странно, потому что Россія *есть* Европа и русскій народъ есть народъ *европейскій.* Если славянофиламъ желательно имѣть ясное и неопровержимое тому доказательство, то, не говоря о многомъ другомъ, укажемъ имъ на одинъ „признакъ", который въ ихъ глазахъ долженъ имѣть особенное значеніе.

Русскій народъ имѣетъ крѣпкое сознаніе своей *національности* и умѣетъ твердо и мужественно отстаивать свою самостоятельность отъ всякихъ внѣшнихъ посягательствъ. Именно это качество есть отличительный признакъ народовъ европейскихъ, въ отличіе ихъ отъ народовъ восточныхъ. Восточные народы также имѣютъ свои „особенности" и крѣпко держатся за нихъ. Но у нихъ это чувство „особенности" является только началомъ *косности*, не содержитъ въ себѣ ничего не только творческаго, но и способнаго къ воспріятію и самостоятельной переработкѣ общечеловѣческаго. Отъ этого всѣ восточные народы, при столкновеніи съ европейскими народами и ихъ цивилизаціей, развращаются, разрушаются и гибнутъ. Русскій народъ, столкнувшись съ европейскою цивилизаціей, не только не развратился и не погибъ, но началъ воспринимать эту цивилизацію, какъ нѣчто *свое*, не переставая, въ то же время, быть самимъ собою. Великій Ломоносовъ является типическимъ выразителемъ этихъ свойствъ нашего народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *европейскихъ* его свойствъ. Возможенъ ли Ломоносовъ въ Китаѣ или въ Персіи? Скажемъ больше. Сознаніе нашей національности просвѣтлялось и укрѣплялось по мѣрѣ проникновенія въ нашу среду европейской цивили-

заціи. Яснымъ доказательствомъ тому служатъ сами славянофилы, въ которыхъ это сознаніе было доведено до преувеличенныхъ размѣровъ. Такая школа не могла бы появиться въ XVI-мъ или XVII-мъ вѣкѣ. Тогда національное чувство выражалось въ формѣ коснаго отрицанія всего „иноземнаго“. Напротивъ, *дѣятельное*, такъ сказать, сознаніе народности у славянофиловъ было подготовлено столѣтіемъ европейскаго просвѣщенія. Если искать для славянофильства какой нибудь „параллели“, то ее можно найти не въ московскихъ стрѣльцахъ и старовѣрахъ, а въ *нѣмецкихъ романтикахъ*, съ такою же силою выразившихъ національное чувство, возмутившееся противъ иноземнаго давленія.

Итакъ, славянофильство — явленіе европейское, и славянофилы суть такіе же „птенцы гнѣзда петрова“, какъ и презираемые ими „западники“. Безъ Петра не было бы славянофиловъ и не только потому, что славянофилы протестовали противъ крайностей петровой реформы, противъ разныхъ несообразностей правительственной системы „петербургскаго періода“, но и потому, что безъ средствъ просвѣщенія, данныхъ реформою Петра, славянофилы не достигли бы *сознанія* національности, сознанія извѣстныхъ правъ народности.

Это приводитъ насъ еще къ одному важному пункту, на который славянофиламъ придется обратить вниманіе при рѣшеніи указаннаго выше общаго вопроса. Славянофилы не безъ основанія гордятся, что въ нихъ крѣпко сознаніе личности народной. Но они могли дойти до этого сознанія не иначе, какъ чрезъ предварительное сознаніе своей *собственной* личности. Такъ оно было вездѣ. Національная проповѣдь Фихте-Старшаго вышла изъ его философіи субъективнаго идеализма, а эта философія вполнѣ соотвѣтствовала его личному характеру, стойкому, воспріимчивому и живому. Основатели нашего славянофильскаго ученія точно такъ же были люди *типичные*, характера крѣпкаго и оригинальнаго. Такимъ образомъ, простыя біографическія данныя о нашихъ первыхъ славянофилахъ могутъ лучше всего доказать ту истину, что къ сознанію народности нельзя придти иначе, какъ черезъ *самосознаніе*. Самосознаніе же — если не принимать въ разсчетъ исключительныхъ натуръ — обусловливается такими формами жизни, которыми обезпечивается матеріальная и духовная свобода человѣка. Странно было бы говорить о возможности „самосознанія“ въ крѣпостномъ крестьянинѣ или даже въ крестьянинѣ государственномъ, при прежнихъ формахъ „попечительства“ надъ этимъ сословіемъ. Напротивъ, самосознаніе у насъ впервые явилось въ средѣ привилегированныхъ классовъ, привилегіи которыхъ хоть сколько-нибудь обезпечивали ихъ личную безопасность и свободу. Въ этой средѣ зародились всѣ духовныя стремленія раз-

ныхъ направленій, которыми мы живемъ до сихъ поръ. Пушкинъ могъ выйти только изъ этой среды точно такъ же, какъ и Хомяковъ, Грановскій такъ же, какъ К. Аксаковъ, Тургеневъ такъ же, какъ Кирѣевскіе, и др.

Отсюда, кажется мнѣ, неизбѣжно вытекаетъ такое заключеніе: если славянофилы дѣйствительно желаютъ „свободы духовной жизни народа" и подъ этою свободою не разумѣютъ свободы отъ права, то они столь же естественно должны желать духовной свободы каждой отдѣльной личности. Полагаемъ, что сами славянофилы признаютъ, что „свободный народъ, состоящій изъ несвободныхъ людей", есть рѣшительный абсурдъ.

Но такая цѣль можетъ быть достигнута только тѣмъ, что̀ славянофиламъ кажется „не стоющимъ вниманія", т.-е. юридическими формами, обезпечивающими личность, и, даже больше того—*создающими* ее. Да, создающими; славянофиламъ такая мысль можетъ показаться очень странною, тѣмъ не менѣе, это своего рода 2+2=4. Доказать это довольно легко.

Что̀ такое человѣческая личность, какъ не извѣстное общественное начало, какъ элементъ государства? Она не есть совокупность костей, мяса, жилъ, крови и кожи, т.-е. разныхъ анатомическихъ и зоологическихъ элементовъ, образующихъ *животное* бытіе человѣка; она не есть и совокупность разныхъ духовныхъ и умственныхъ *способностей*, потому что способности эти пропадутъ втунѣ, если человѣкъ не будетъ имѣть законной возможности проявлять ихъ во внѣшнихъ актахъ. Личность получаетъ дѣйствительное, практическое значеніе въ обществѣ, когда она возводится на степень *лица́* (persona), а лицо образуется чрезъ совокупность законныхъ правъ, обезпечивающихъ матеріальную и духовную жизнь человѣка. Поскольку развиты эти права, постольку существуетъ и лицо, постольку же существуетъ и самъ человѣкъ, какъ Ζῶον πολιτικόν. Если законы не обезпечиваютъ собственности, свободы, труда и крѣпости обязательствъ — и человѣкъ, какъ субъектъ гражданскаго права, не существуетъ: онъ ничто. Если законы не обезпечиваютъ возможности правильнаго выраженія духовныхъ способностей человѣка, его мысли, вѣры, художественнаго творчества—онъ не существуетъ въ качествѣ элемента „духовной жизни" народа. Итакъ, нѣтъ личности безъ права, нѣтъ и права безъ личности, а безъ того и другого нѣтъ общества, а есть только стадо. Примите этотъ скромный юридическій элементъ изъ человѣческихъ обществъ, устраните изъ него эти идеи лица̀, закона, права, и общество мгновенно уничтожится; самъ человѣкъ, какъ существо общественное, перестанетъ существовать. Та гармонія духовнаго и тѣлеснаго, которая

дается ему общежитіемъ, исчезнетъ. Люди (и такова доля огромнаго большинства) обратятся въ животное состояніе или (таковъ удѣлъ немногихъ, въ томъ числѣ, конечно, и славянофиловъ) въ существа безтѣлесныя, живущія „въ духѣ“. Но это Ζῶον πολιτικόν, существо политическое и общественное, которое мы такъ любимъ по старой памяти и изъ уваженія къ великолѣпному зрѣлищу лучшихъ государствъ, древнихъ и новыхъ—это существо пропадетъ безъ слѣда.

Но, скажутъ славянофилы, развѣ права, а слѣдовательно, и личность человѣческая создаются? Развѣ человѣкъ не имѣетъ „естественныхъ“ правъ, въ числѣ которыхъ право на „духовную свободу“ есть первѣйшее? Увы! Славянофилы при всей своей „самобытности“, придерживаются, однако, очень устарѣлой и давно брошенной западной теоріи „естественнаго права“. Естественныхъ правъ, т.-е. правъ, не созданныхъ въ общежитіи, нѣтъ. Каждое общество вырабатывало долгимъ и часто мучительнымъ трудомъ этотъ юридическій элементъ, оставляя за собою безправіе, рабство, всѣ виды угнетенія, и *стойкость*. И эти драгоцѣннѣйшія блага добывались человѣчествомъ чрезъ постепенные успѣхи *государственности*. Чѣмъ выше становилось понятіе о государствѣ, чѣмъ больше очищалось оно отъ примѣсей временъ завоевательныхъ и вотчинныхъ, тѣмъ выше становилось понятіе о человѣкѣ и народѣ, и наоборотъ, возвышавшееся понятіе о человѣкѣ возвышало и идею государства, очищало воззрѣнія на его цѣль и на формы его дѣятельности.

Отсюда можно видѣть, что дѣйствіе государства на народъ гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ славянофилы, и что отношеніе его къ „народу“ не рѣшается только тѣмъ, что оно не должно „вступаться“ въ духовную жизнь народа. Нѣтъ, государство не есть только „внѣшняя сила“; оно имѣетъ и великую *нравственную* миссію—чрезъ улучшеніе формъ жизни возвышать значеніе и достоинство человѣка, а чрезъ это значеніе и достоинство всего народа. И въ этомъ, опять-таки, состоитъ характеристическая черта европейскихъ государствъ, въ отличіе ихъ отъ государствъ азіатскихъ. Отъ азіатскихъ государствъ европейскія отличаются именно степенью уваженія и достоинства, какими пользуется въ нихъ человѣческая личность. И именно потому, что Россія смогла понять это начало и воспріять его, она также есть государство *европейское*.

Такъ поступали всѣ государства, достойныя этого имени. Такъ, въ общихъ чертахъ, поступало и наше государство, особенно со временъ Петра Великаго. Много и много обвиненій лежитъ на правительственной системѣ, имъ основанной. Не будемъ говорить о нихъ, тѣмъ болѣе, что о нихъ говорится довольно. Но есть въ этой эпохѣ, въ этомъ „петербургскомъ періодѣ“ свѣтлая сторона, на которую

славянофилы упорно не хотятъ обратить вниманіе. Это—успѣхи, сдѣланные въ теченіе означенной эпохи началами *законности* и формами личныхъ правъ сравнительно съ временами московскими.

Петръ Великій, какъ извѣстно, очень заботился о развитіи коллегіальнаго начала въ управленіи и объяснялъ эту заботу тѣмъ, что „старые судьи дѣлали, что̀ хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли". Въ этихъ немногихъ словахъ содержалась цѣлая программа, и если она не осуществилась, то благодаря тому, что Петру пришлось сажать въ коллегіи „ветхихъ" людей, привыкшихъ дѣлать, „что̀ хотѣли". Затѣмъ, Екатерина II, своими грамотами дворянству и городамъ, создаетъ разряды свободныхъ людей, спабженныхъ личными и имущественными правами, которыхъ нельзя отнять у нихъ безъ суда. Личная свобода является въ первый разъ въ видѣ *привилегій*, но привилегіи эти постепенно распространяются и на другіе разряды людей и стремятся сдѣлаться общимъ правомъ.

Противъ этого можно сказать, что „законность", основанная Петромъ Великимъ, часто обращалась въ канцелярскую формалистику, не исключавшую произвола, и что „привилегіи" давали возможность однимъ классамъ угнетать другіе. Все это вѣрно. Но идея, дурно выраженная, однако, не умирала. Каждое *преобразовательное* царствованіе развивало ее, слѣдовательно, продолжало дѣло Петра.

Недавно, газета *Русь* утверждала, что система „петербургскаго періода" дошла до своего апогея въ царствованіе императора Николая. Не безъ удивленія прочли мы такое смѣлое завѣреніе. Что̀ общаго между Петромъ, преувеличенно благоговѣвшимъ предъ Западомъ, и императоромъ Николаемъ, почти воспретившимъ поѣздку за границу? Мы привыкли думать, что время императора Николая было временемъ реакціи противъ идей и стремленій, накопившихся въ теченіе XVIII-го и начала XIX-го вѣковъ.

Говоримъ это къ тому, чтобъ устранить еще одно завѣреніе *Руси*, именно, будто бы императоръ Александръ II-й, чрезъ головы Екатерины и Петра, подалъ руку царямъ Ѳедору и Борису. Совершенно напротивъ, милостивые государи. Покойный Государь явился смѣлымъ продолжателемъ Петра и Екатерины; онъ возстановилъ то теченіе нашей общественной жизни, какое она имѣла до 1815 года, и, затѣмъ, было прервано на сорокъ слишкомъ лѣтъ; онъ ввелъ Россію снова въ европейское русло, освободивъ крестьянъ, преобразовавъ судъ и мѣстное управленіе. Подъ вліяніемъ его преобразованій начало законности получило больше шансовъ на жизнь, потому что формы канцелярскаго управленія стали уступать мѣсто формамъ общественнымъ, а личныя права, таившіяся прежде подъ покровомъ привилегіи, теперь дѣйствительно обращаются въ общее

достояніе. Можно ли серьезно и не впадая въ жесточайшую поэзію, вывести освобожденіе крестьянъ, судебную и земскую реформы, зачатки гласности, всеобщую воинскую повинность, „Городовое Положеніе" и все прочее изъ идеаловъ временъ московскихъ? Это можно *сказать*, какъ это и дѣлаетъ газета *Русь*, но *доказать* невозможно. Къ чему обманывать себя и другихъ? Почему не признаться, что въ теченіе послѣднихъ двадцати шести лѣтъ мы сдѣлали больше, чѣмъ когда бы ни было, шаговъ по европейской дорогѣ? Къ чему стыдиться этого? Что̀ за позоръ такой находиться въ средѣ европейскихъ народовъ?

Послѣднее замѣчаніе. Если славянофилы согласятся со сказаннымъ выше, имъ легко будетъ понять истинный смыслъ такъ называемыхъ „западническихъ" стремленій. Они поймутъ, что самое названіе это не имѣетъ смысла, какъ (между нами сказать) утратило свой смыслъ и славянофильство.

Славянофиламъ кажется, что существо противоположныхъ имъ стремленій состоитъ въ „рабскомъ" подражаніи Западу, противъ котораго они призваны ратовать всѣми силами; имъ кажется, что конечная цѣль „западничества" состоитъ непремѣнно въ измѣненіи существующей у насъ формы правленія, и Н. Я. Данилевскій уже нарисовалъ шутовскую картину шутовского русскаго парламента.

Но пусть они поставятъ себѣ слѣдующій вопросъ: нужны ли, независимо отъ вопроса о формѣ *правленія*, извѣстныя юридическія формы, извѣстная доза законности въ *управленіи* (просимъ ихъ замѣтить это *у*) для обезпеченія тѣхъ благъ, о которыхъ они такъ много говорятъ? Они вольны, конечно, дать отвѣтъ отрицательный; но это не помѣшаетъ ихъ противникамъ утверждать, что пока свобода печати не обезпечена законами, ея *не* будетъ, пока свобода вѣроисповѣданія не ограждена законными правилами, ея *не* будетъ, и что, поэтому, прекрасныя слова К. Аксакова „народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова", останутся прекрасными словами и будутъ возвѣщать объ исканіи сухой воды, свѣтлаго мрака, холоднаго огня и тому подобныхъ полезныхъ вещей.

Но пока они будутъ заниматься этою политическою астрологіей, гг. Катковы преспокойно вытащутъ у нихъ эту „свободу жизни, духа и слова", какъ вытаскиваютъ носовой платокъ у зазѣвавшагося „звѣздочета". И вытащутъ.

Не пора ли признать, что въ настоящее время задача каждаго одареннаго Богомъ человѣка состоитъ не въ борьбѣ съ вѣтряными мельницами, а въ спасеніи той небольшой доли цивилизаціи, свободы и духовной жизни, которую удалось накопить въ Россіи, благодаря совокупнымъ усиліямъ государства и народа? Немногочисленны

эти блага, невеликъ и сосудъ, ихъ вмѣщающій; но честь и слава будутъ тому, чья мужественная рука бодро понесетъ этотъ сосудъ навстрѣчу грядущему, не страшась никакихъ опасностей, и отдастъ его будущимъ поколѣніямъ нерасточеннымъ, но преисполненнымъ новыхъ благъ для родного народа. Да будетъ такъ!

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Н. Страховъ. *Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ*. Спб. 1882 г.

Въ книгѣ г. Страхова я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ пріятныхъ знакомыхъ. Этюды о Герценѣ, Ренанѣ, Штраусѣ и другихъ—написаны авторомъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Теперь перечелъ съ удовольствіемъ еще бо́льшимъ. Тогда каждая статья г. Страхова производила впечатлѣніе разсужденій человѣка независимаго, правдиваго и чуждаго всѣхъ тѣхъ „пріемовъ", которые понемножку загрязнили нашу литературу до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Теперь, перечитывая его этюды въ виду „борьбы", въ которой все считается дозволеннымъ, какъ-то отдыхаешь умомъ и душой. Объ этой книгѣ хотѣлось бы поговорить.

Къ сожалѣнію, книга заслонена предисловіемъ. Вообще предисловія въ книгахъ не важны: ихъ обыкновенно пропускаютъ, торопясь перейти къ содержимому. Но въ данномъ случаѣ оно имѣетъ другое значеніе. Авторъ постарался при помощи этого предисловія пріурочить свою книгу къ одной изъ „злобъ дня", сдѣлать ее служебнымъ средствомъ одного, совершенно „особаго" направленія.

Авторъ старается показать, что его книга, составленная лѣтъ десять тому назадъ, написана ради уясненія и укрѣпленія теоріи нашей „самобытности" въ томъ видѣ, какъ она проповѣдуется теперь.

Въ то время, когда появлялись этюды г. Страхова, когда съ жаромъ изучались теоріи первыхъ славянофиловъ, когда подъ вліяніемъ освободительныхъ реформъ предшествующей эпохи возрождалось истинно національное чувство, нынѣшней теоріи „самобытности" не было мѣста. Тогда, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, было мѣсто одному изъ здоровыхъ направленій нашей мысли, конечную цѣль

котораго можно выразить въ двухъ словахъ: утвердить и сохранить свою народную личность въ трудномъ процессѣ воспріятія европейской культуры, которая должна сдѣлаться средствомъ развитія нашей нравственной личности и нашихъ творческихъ силъ. Эта задача всегда останется одною изъ очень плодотворныхъ.

При томъ огромномъ и вполнѣ естественномъ вліяніи, какое найдетъ Западъ, съ его блестящею и вѣковою культурою, въ Россіи, о „культурѣ“ которой можно говорить пока въ будущемъ—стремленіе завоевать и сохранить для русскихъ людей умственную свободу и духовную независимость всегда останется стремленіемъ плодотворнымъ русскому человѣку, который всегда долженъ будетъ пользоваться громаднымъ умственнымъ и духовнымъ достояніемъ Запада (хотя бы онъ и „погибъ“, какъ погибъ Римъ). Но ему всегда будетъ предстоять трудная задача разсмотрѣть, что̀ въ этой культурѣ есть истинно человѣческаго, плодотворнаго и необходимаго для развитія и обогащенія нашей *народности*, и что̀ является частнымъ, преходящимъ и даже ложнымъ. Въ особенности такая работа полезна теперь, когда современная намъ Европа переживаетъ страшный кризисъ и когда человѣкъ, вѣрящій Европѣ на слово, легко можетъ принять *болѣзненныя* явленія и патологическіе процессы за возникновеніе новыхъ, всечеловѣческихъ и зиждительныхъ началъ.

Но иное дѣло сказать, что главная и даже единственная причина всѣхъ нашихъ золъ *есть культъ Запада*; провозгласить, что спасеніе наше состоитъ не только въ критическомъ отношеніи къ Западу, но въ совершенномъ отъ него отреченіи и отчужденіи; что въ европейской культурѣ нѣтъ ничего всеобщаго и пребывающаго; что Европа все время шла ложнымъ путемъ, и что мы должны искать этого всеобщаго, всечеловѣческаго исключительно въ своихъ „началахъ“. Сказать все это — значитъ изъ представителя одного изъ важныхъ направленій нашей мысли, начавшихся чуть не съ Ломоносова, сдѣлаться служителемъ модныхъ тенденцій, вѣяній дня, начавшихся не съ Ломоносова, а съ московской рѣчи Достоевскаго, да съ передовыхъ статей *Руси*.

Таковъ г. Страховъ, какъ авторъ *предисловія*. Ему хочется увѣрить читателя, что его книга написана во исполненіе тѣхъ „задачъ“, которыя были указаны Достоевскимъ и указуются *Русью*. При всемъ нашемъ уваженіи къ г. Страхову, мы ему не вѣримъ. Нѣтъ, его очерки, въ свое время, были написаны *не* для этого, какъ *не* для этого, въ свое время, издавались *День* и *Москва*, *не* для этого писалъ Самаринъ, *не* надъ этимъ работалъ Хомяковъ. Задачи, поставленныя первыми славянофилами, и ихъ широкіе взгляды нельзя заколотить въ узенькія колодки нынѣшнихъ воззрѣній *Руси*; очерковъ г. Стра-

хова нельзя пригнать къ его „предисловію“. Первые останутся, второе пройдетъ вмѣстѣ съ дымомъ и угаромъ, напущеннымъ господами, которые относятся къ первымъ славянофиламъ такъ же, какъ Менцель и тайный совѣтникъ Кампцъ относятся къ Фихте Старшему.

Тѣмъ не менѣе намъ приходится говорить только объ этомъ предисловіи. Такъ захотѣлъ самъ авторъ, пріурочившій свою книгу къ преходящему и уродливому направленію. Говоря о немъ, мы будемъ говорить обо всей теоріи нашей „самобытности“ въ томъ видѣ, какъ она поставлена въ наши дни. Несмотря на то, что въ предисловіи всего шесть страницъ, оно стоитъ многихъ широковѣщательныхъ и туманныхъ статей нынѣшней народничающей прессы. Самое важное въ этомъ предисловіи то, что оно представляетъ логическій и неизбѣжный выводъ изъ тѣхъ предпосылокъ, дѣлаемыхъ нынѣ въ такъ называемой „борьбѣ съ Западомъ“. Г. Страховъ сказалъ дѣйствительно „послѣднее слово“, и если слово это окажется не совсѣмъ ладнымъ — не его вина: онъ былъ только послѣдователенъ. Посмотримъ, въ чемъ дѣло, и для этого предоставимъ слово г. Страхову.

„Безъ сомнѣнія, — говоритъ онъ, — наше коренное зло состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ жить своимъ умомъ, что вся духовная работа, какая у насъ совершается, лишена главнаго качества, прямой связи съ нашею жизнью, съ нашими собственными духовными инстинктами. Наша мысль витаетъ въ *призрачномъ* мірѣ; она не есть настоящая живая мысль, а только подобіе мысли. Мы—*подражатели*, т.-е. думаемъ и дѣлаемъ не то, что̀ намъ хочется, а то, что̀ думаютъ и дѣлаютъ другіе. *Вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ нашей почвы.* Поэтому *все* наше историческое движеніе получило какой-то фантастическій видъ. Наши разсужденія не соотвѣтствуютъ нашей дѣйствительности; *наши желанія не вытекаютъ изъ нашихъ потребностей; наша злоба и любовь устремлены на призраки; наши жертвы и подвиги совершаются ради мнимыхъ цѣлей.* Понятно, почему такая дѣятельность безплодна, почему она только пожираетъ силы и расшатываетъ связи, а ничего добраго произвести не можетъ“... Болѣзнь наша, — говоритъ авторъ нѣсколько ниже, — состоитъ въ томъ, что люди слѣпнутъ для дѣйствительности и тратятъ свои силы и дѣятельность на погоню за *воображаемыми* благами и на борьбу противъ *воображаемаго* зла.

Вотъ что̀ называемъ мы быть вполнѣ логичнымъ. До сихъ поръ „вредъ“ европеизма находили въ томъ, что у насъ стараются рѣшить наши внутренніе и внѣшніе вопросы *средствами*, изобрѣтенными въ томъ или иномъ европейскомъ государствѣ. Но никто до сихъ поръ не отрицалъ реальности тѣхъ *задачъ*, надъ которыми

работаетъ умъ русскаго человѣка; никто не говорилъ, что его „злоба и любовь направлены на *призраки*, и что вся его работа совершается ради *мнимыхъ цѣлей*".

Это именно и сказалъ г. Страховъ. Сказалъ ли онъ это въ видѣ философской бутады, по капризу ума? Нѣтъ, онъ слишкомъ серьезный мыслитель, чтобы давать волю капризамъ и бутадамъ. Онъ *договорилъ* то, что содержится въ самомъ существѣ нынѣшней „борьбы съ Западомъ". Характеристическій признакъ этой борьбы состоитъ именно въ отрицательномъ отношеніи не только къ *отдѣльнымъ* культурнымъ типамъ западныхъ народовъ, не къ тому, что представляется фальшью и зломъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, но и къ *человѣческимъ* началамъ, выработаннымъ совокупными усиліями Запада, наслѣдовавшаго цивилизаціи Греціи и Рима, и дающимъ этому Западу силу и значеніе, несмотря на всѣ несовершенства конкретнаго выраженія этихъ началъ, несмотря, наконецъ, на то, что европейскія государства живутъ какъ бы наканунѣ грозныхъ потрясеній.

Если отрицаніе идетъ такъ далеко, если западная культура не содержитъ въ себѣ извѣстныхъ всечеловѣческихъ началъ и фальшива въ самомъ корнѣ, то понятно само собою, что человѣкъ, увлекающійся Западомъ, не только отрывается „отъ почвы" своего національнаго развитія, но вообще попадаетъ въ міръ призраковъ, ложныхъ цѣлей и стремленій, мнимыхъ страданій и надеждъ, слѣдовательно, самъ становится человѣкомъ мнимымъ, *химерою*.

Заговоритъ ли онъ о томъ, что наше сельское хозяйство приходитъ въ упадокъ и что стоимость нашего рубля идетъ внизъ—мнимый вопросъ; скажетъ ли онъ, что мы нуждаемся въ народныхъ школахъ, больницахъ, въ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ—гоньба за призракомъ; подумаетъ ли онъ объ условіяхъ печатнаго слова и религіозной жизни — мысль мечтательная; задумается ли онъ надъ разными несовершенствами нашихъ административныхъ порядковъ— фантазія. Словомъ, вопросовъ—никакихъ нѣтъ; всѣ они подсказаны нашему объевропеившемуся обществу Западомъ. Русскій европеецъ видитъ, что на Западѣ суетятся и хлопочутъ изъ-за экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, изъ-за лучшаго устройства внутренняго управленія, изъ-за расширенія свободы слова и совѣсти, изъ-за народнаго образованія и т. д., и полагаетъ, что ему слѣдуетъ суетиться и хлопотать изъ-за того же. Въ дѣйствительности же онъ любитъ какое-то мнимое образованіе и скорбитъ о какомъ-то мнимомъ невѣжествѣ; онъ борется противъ мнимаго неустройства и стремленій къ какому-то воображаемому благоустройству. Оторвавшись отъ народа и искусственно слившись съ Европой, онъ выдумываетъ себѣ

бѣдствія и страданія и ищетъ измышленнаго, фантастическаго блага.

Вотъ выводъ очень серьезный, ибо онъ въ самомъ дѣлѣ содержится во всѣхъ посылкахъ статей и рѣчей, написанныхъ и сказанныхъ по поводу „борьбы съ Западомъ“. Если все это справедливо, если жизнь значительнаго большинства русскихъ людей, заподозрѣнныхъ въ умѣстномъ употребленіи буквы *ѣ*, есть мечтаніе, вызывающее пустую и вредную трату силъ, то изъ этой ужасной болѣзни необходимо найти выходъ. Есть ли онъ?

Есть, — говоритъ г. Страховъ. Въ чемъ это — можно догадаться по началу; можно, но не совсѣмъ. Сначала г. Страховъ указываетъ на то, о чемъ такъ много говорятъ въ послѣднее время. „Намъ, — говоритъ онъ, — ненужно искать какихъ нибудь новыхъ, еще небывалыхъ на свѣтѣ началъ; намъ слѣдуетъ только проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ нашемъ народѣ и содержитъ въ себѣ всю тайну роста, силы и развитія нашей земли“. До сихъ поръ все идетъ согласно *Руси*; но читатель ошибается, подумавъ найти у г. Страхова призывъ „назадъ“. Нѣтъ! къ ходячей формулѣ нашихъ „самобытниковъ“ онъ дѣлаетъ огромную поправку. Именно, вотъ что̀ онъ говоритъ: „эту *безсознательную* (т.-е. народную) жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого могущества, намъ слѣдуетъ привести себѣ *къ сознанію* и ею одушевить наше просвѣщеніе“. Мало того: средствомъ и побужденіемъ приведенія къ такому сознанію *должно быть* европейское просвѣщеніе, „этотъ могущественный раціонализмъ, это великое развитіе отвлеченной мысли“.

Итакъ, отъ г. Страхова далека мысль, что наше спасеніе можетъ прійти отъ непосредственнаго, такъ сказать, воспріятія „народнаго духа“. Духъ этотъ живетъ еще на степени безсознательнаго, на степени инстинкта. Онъ долженъ быть источникомъ, изъ коего должны быть, при помощи извѣстнаго умственнаго процесса, извлечены опредѣленныя начала, и главнымъ орудіемъ этой работы является тотъ же „могущественный европейскій раціонализмъ“. Въ двухъ словахъ, вотъ рецептъ: овладѣйте формами и орудіями европейской мысли для того, чтобы провести къ сознанію духовные инстинкты, таящіеся въ нашемъ народѣ.

Не станемъ настаивать на томъ, что въ этомъ рецептѣ содержится нѣкоторый внѣшній разладъ съ нынѣшними славянофильскими мыслями. Но мы понимаемъ, что̀ хотѣлъ сказать г. Страховъ, а потому останавливаемся не на рецептѣ, а на задачѣ, къ которой онъ относится.

Спасеніе мыслящей части нашего общества не можетъ, какъ мы

видѣли, совершиться чрезъ простое воспріятіе народнаго духа; и въ самомъ дѣлѣ, нельзя воспринимать „безсознательной жизни“ и „инстинкта“. Нужно, слѣдовательно, *приведеніе къ сознанію*; а для этого нужна работа мысли, для которой европейское просвѣщеніе даетъ намъ средства и орудія.

Но если *результатъ* этой работы не будетъ соотвѣтствовать тѣмъ ожиданіямъ, какія нынѣ возлагаются на нее? Если народныя начала, раскрытыя и выведенныя при помощи „могущественнаго раціонализма“, окажутся несогласными съ началами, которыя нынѣ *предполагаются* въ народѣ? „Отвлеченная работа мысли“, сдѣлавшая своимъ объектомъ народный духъ и приводившая его къ сознанію, не будетъ какою-либо новостью. Во всѣхъ странахъ, жившихъ духовною и умственною жизнью, такая работа совершалась, и нельзя сказать, чтобы ея результаты были тождественны съ содержаніемъ „безсознательной“ жизни народа и съ его „инстинктами“.

Пиѳагора, Анаксагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона и другихъ, конечно, слѣдуетъ признать *національными* греческими философами, національными и по главнымъ источникамъ ихъ философіи, и по ея духу. Они привели къ сознанію древне-греческую націю. Между тѣмъ, сколько въ этой „отвлеченной работѣ мысли“, въ этой страшной лабораторіи ума растерялось того „безсознательнаго“ и того „инстинктивнаго“, что̀ было такъ дорого, напримѣръ, Аристофану, осмѣивавшему Сократа? Не сомнѣваемся, далѣе, что у Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля никто не отниметъ правъ называться *національными* нѣмецкими философами. Они привели нѣмецкую націю „къ сознанію“; но въ этомъ „сознаніи“ не было мѣста многому изъ того, что̀ относилось къ эпохѣ „безсознательной“ жизни нѣмецкаго народа и доселѣ живетъ въ низшихъ классахъ населенія. Обычай и преданіе, выражающіе „безсознательное“ и „инстинктъ“, непремѣнно потрясаются, переработываются и теряютъ цвѣтъ почтенной старины, какъ только до нихъ дотронется „могущественный раціонализмъ“. „Раціонализмъ“ ищетъ общихъ началъ и, найдя ихъ, ставитъ ихъ какъ таковыя, освобождая это всеобщее отъ всего, что̀ ставитъ его въ зависимость отъ „безсознательнаго“, отъ „инстинкта“, отъ временнаго и случайнаго. Только при этомъ условіи „отвлеченная работа мысли“ можетъ привести къ своей конечной цѣли, т.-е. уяснить человѣку его правильную и гармоническую связь со *всеобщимъ*. *Политика* Аристотеля выросла на почвѣ греческой политической жизни, но она есть, въ то же время, теорія общихъ элементовъ государствъ, и *это* дало ей всемірно-историческое значеніе; отъ этого ее изучали и изучаютъ цѣлые вѣка; почти не проходитъ года, чтобы въ иностранной литературѣ не появилось изслѣдованіе

объ этомъ мыслителѣ, который былъ бы давно забытъ, если бы его творенія выражали только „инстинктивное“ и „безсознательное“ греческаго народа. Напротивъ, „инстинктивное“ и „безсознательное“ въ греческомъ народѣ чрезъ работу великихъ умовъ Греціи было возведено на степень *эллинизма*, сдѣлавшагося великимъ факторомъ общечеловѣческаго развитія. И этотъ *эллинизмъ* должно отличать отъ того, что̀ составляло „особенности“ разныхъ греческихъ націй. Точно такъ же каждый, кто знакомъ съ дѣйствительною исторіею „Запада“, сумѣетъ отличить *германизмъ*, какъ всемірно-культурную силу, отъ „пруссачества“, „баварства“, „мекленбургства“ и т. д. Наконецъ, можно ли смѣшивать *романизмъ*, какъ одинъ изъ элементовъ человѣческой цивилизаціи, съ бытовыми особенностями ново-латинскихъ народовъ? Вѣримъ, что содержаніе всемірной исторіи еще не исчерпано, и что *славянству* суждено занять мѣсто подлѣ другихъ факторовъ цивилизаціи: эллинизма, германизма и романизма. Но это славянство не будетъ „самобытностью“ по *Руси*, какъ эллинизмъ не былъ „самобытностью“ какихъ-нибудь греческихъ старовѣровъ.

Начиная съ Ѳалеса и кончая послѣдними представителями греческой философіи, греческая мысль постепенно освобождается отъ „инстинктивнаго“, конкретнаго, безсознательнаго, восходитъ въ область общихъ началъ и чрезъ это завоевываетъ себѣ господство надъ Европой. Историческій опытъ учитъ насъ, что каждый народъ только тогда пріобрѣтаетъ всемірно-культурное значеніе, когда онъ умѣетъ возвести свою духовную жизнь на степень общихъ началъ, въ силѣ и всеобъемлемости которыхъ уже исчезаетъ, въ извѣстной мѣрѣ, то, что̀ составляетъ его *особенность*, то, что̀ направляетъ его къ *исключительности*.

„Разумное,—говорилъ Гегель,—есть большая дорога (Landstrasse), по которой каждый идетъ и никто не отличается. Когда великіе художники выполняютъ какое-нибудь произведеніе, то мы можемъ сказать: *такъ должно быть*. Это значитъ, что особенность художника совершенно исчезла, и въ его произведеніи не проявляется никакой „манеры“. Фидій не имѣетъ никакой „манеры“; образъ самъ живетъ и выступаетъ впередъ. *Но чѣмъ хуже художникъ*, тѣмъ больше можно видѣть его особенность и произволъ“.

Такое понятіе „разумнаго“ есть, конечно, понятіе идеальное, но это не мѣшаетъ ему быть вѣрнымъ въ идеѣ и въ исторіи. Греція завоевала себѣ мѣсто во всемірной исторіи не „особенностями“ быта безчисленныхъ „политій“ своихъ, а именно тою долею всеобщаго и разумнаго, которую она указала человѣческой мысли какъ нѣкоторую „большую дорогу“. Римъ остался въ памяти человѣчества, благодаря „разумному“, осуществившемуся въ формулахъ его безсмертнаго

права. Не всѣ народы и не во всякое время способны подняться на такую высоту; но у каждаго великаго историческаго народа бываютъ такіе героическіе моменты, когда онъ какъ бы поднимается самъ надъ собою, возвѣщаетъ другимъ народамъ откровенія „всечеловѣческаго“ и дѣлается центромъ ихъ духовной жизни. Таково было значеніе Франціи въ XVIII вѣкѣ; такую роль играла Германія въ періодъ чудеснаго роста ея великихъ философскихъ системъ отъ Канта до Гегеля.

Во имя чего и чѣмъ, спрашивается, покоряли себѣ умы и сердца Декарты, Лейбницы, Монтескьё, Вольтеры, Канты, Шеллинги, Гегели? Тѣмъ ли, что ихъ умъ спускался въ глубины и мелочи „особенностей“ ихъ народовъ, и что эти „особенности“ они старались выдать за всечеловѣческое, предавая въ то же время анаѳемѣ другіе народы за то, что они не хотятъ признать этого партикулярнаго за всеобщее? Нѣтъ! Ихъ именами и ихъ ученіями отмѣчаются тѣ рѣдкія и счастливыя минуты всемірной исторіи, когда подготовленныя долгимъ и упорнымъ трудомъ понятія находили, наконецъ, себѣ выраженіе въ геніальныхъ представителяхъ эпохи, говорившихъ за эту эпоху, во имя ея надеждъ и стремленій, и смѣло предвозвѣщавшихъ будущее. Ихъ призывный кличъ не обращался къ какому либо одному народу; они не знали различія между „призванными“ и „отверженными“; въ ихъ писаніяхъ и рѣчахъ слышался призывъ ко всеобщей жизни, въ которой всѣмъ должно быть мѣсто. Вотъ почему въ такія эпохи одно слово, въ обыкновенныя, тусклыя времена, въ періодъ жизни въ разсыпную, произносимое одними изъ холоднаго приличія, а другими съ презрѣніемъ и чуть не съ ненавистью, получаетъ реальный, живой смыслъ. Слово это—*человѣчество*. Да, въ тѣ великія, синтетическія, такъ сказать, эпохи, слово это получаетъ дѣйствительную жизнь, жжетъ сердца людей и подымаетъ самыхъ пошлыхъ на высоту недосягаемую.

Въ своей сѣренькой „дѣйствительности“ мы смѣемся надъ этимъ словомъ. Мы готовы сказать, а подчасъ и говоримъ, что всѣ эти Монтескьё, Шиллеры, Канты, возглашая о человѣчествѣ, говорили безсмысленныя фразы, почти лгали себѣ и другимъ. Но позволительно сказать, что вопросъ о томъ, они ли лгали, или мы, затерявшись въ мірѣ „подробностей“, опошлились—можно считать нерѣшеннымъ.

Изъ всего сказаннаго должно, кажется намъ, сдѣлать одинъ выводъ: именно, что „отвлеченная работа мысли“, поэтической фантазіи и художественнаго творчества надъ „духовнымъ содержаніемъ“ даннаго народа только тогда даетъ истинные свои результаты, когда имъ удается вывести изъ этого содержанія такія начала, которыя

для данной, по крайней мѣрѣ, эпохи могли быть признаны *общими* и могли бы быть восприняты другими народами какъ *таковыя*. Иначе „отвлеченная работа мысли“ не имѣетъ смысла и цѣли. Для того, чтобы утвердить „особенности“ и поддержать „самобытность“, не нужно никакого „развитія отвлеченной мысли“ и „могущественнаго раціонализма“. Для этого нужно только *ничего не дѣлать* и безсознательно воспринимать окружающую насъ безсознательную жизнь.

„Отвлеченная работа мысли“ и всяческій „раціонализмъ“ начинаются именно съ того момента, какъ отдѣльные люди отрываются отъ обычая и начинаютъ допытываться основаній жизни и вещей, стремятся найти общія начала, дающія смыслъ явленіямъ жизни, и установляютъ мѣрило для оцѣнки этихъ явленій. Первое основаніе „работы мысли“ состоитъ именно въ томъ, что *нѣтъ явленій, которыя были бы понятны сами по себѣ* и разумны только потому, что они существуютъ, [illegible]

Вслѣдствіе этого, какой бы матеріалъ ни сдѣлался объектомъ подобной умственной работы, никакъ нельзя поручиться, чтобы умъ возвелъ на степень „общаго начала“ все то, что̀ существуетъ въ „безсознательной жизни“ и на степени инстинкта. Въ силу разныхъ условій, умственная работа самого г. Страхова направлена на Западъ. Къ нему онъ относится критически; надъ его учрежденіями онъ оперируетъ со всѣми „мощными орудіями раціонализма“, которыми, нужно сказать, онъ владѣетъ какъ немногіе изъ нашихъ писателей. Онъ пришелъ къ отрицательному отношенію къ Западу. Но позволительно спросить, что̀ было бы въ томъ случаѣ, если бы онъ примѣнилъ тѣ же орудія критики къ разнымъ явленіямъ русской исторіи и дѣйствительности и пользовался этими орудіями съ тою же силою, съ какою онъ примѣняетъ ихъ къ Западу? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, ибо г. Страховъ мало занимался русскими дѣлами, а славянофилы, останавливавшіеся преимущественно на общихъ и предварительныхъ соображеніяхъ, не могли дать ему обильнаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, можно предположить, что списокъ началъ, извлеченныхъ изъ „безсознательной жизни“ и „духовныхъ инстинктовъ“ и которыя можно бы возвести на степень *началъ всеобщихъ*, въ данную минуту не былъ бы особенно великъ.

Зачѣмъ же г. Страховъ ввелъ вышеупомянутую поправку къ обычной и очень удобной формулѣ нынѣшнихъ самобытниковъ? Почему онъ проповѣдуетъ не простое и пассивное воспріятіе народной истины, а требуетъ еще извѣстной работы мысли надъ этою „безсознательною“ духовною жизнью? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ книга г. Страхова не заключаетъ. Но зная всю его литера-

турную дѣятельность и его широкое философское образованіе, мы можемъ, кажется, найти отвѣтъ удовлетворительный.

Онъ поступилъ такъ, во-первыхъ, потому, что ему весьма хорошо извѣстно, что *начала* политическія, нравственныя и философскія не содержатся въ готовомъ видѣ въ сокровищницѣ народнаго духа, и что для полученія ихъ не достаточно отправиться въ эту сокровищницу и взять ихъ, какъ достаютъ платье изъ сундука. Г. Страховъ не остановился на теоріи Достоевскаго, въ силу которой въ народѣ уже все готово, все рѣшено и утверждено, и задача всѣхъ насъ состоитъ въ воспріятіи этихъ *готовыхъ* началъ, которыя суть и начала *всечеловѣческія*. Г. Страховъ понимаетъ, что эти начала еще должны быть *раскрыты* и объяснены и провѣрены испытующимъ умомъ не одного и не двухъ, но многихъ и многихъ изслѣдователей, вооруженныхъ всѣми средствами и способами для такого изслѣдованія. Это первая причина. Вторая состоитъ въ томъ, что авторъ, вѣроятно, иначе разумѣетъ цѣль, для которой должны быть раскрыты указанныя начала, чѣмъ понимаютъ ее узкіе „самобытники". Послѣдніе видятъ въ „народныхъ началахъ" средство „отдѣлаться" отъ Запада, поставить преграду между Россіею и Европой, уйти въ себя, возвратиться „домой", словомъ, оставить Россію при однѣхъ „особенностяхъ", которыя должны быть строжайше предписаны къ исполненію всѣмъ и каждому безъ разсужденія. Г. Страхову, вѣроятно, присуще сознаніе, что Россія есть великая держава, и что русскій народъ призванъ къ всемірно-исторической роли, и что роль эту онъ можетъ сыграть не внѣшнимъ расширеніемъ своихъ границъ, не военными подвигами, но обогащеніемъ сокровищницы всечеловѣческой цивилизаціи извѣстными духовными благами, которыя могли бы сдѣлаться общимъ достояніемъ. Но если вопросъ поставленъ на эту почву,—если Россія должна проявить всю силу своихъ духовныхъ началъ, не только не прерывая общенія съ другими народами, но постоянно пользуясь ихъ культурными средствами для вящшаго обогащенія своей собственной индивидуальности, то не время ли поставить вопросъ о томъ, что̀ должно разумѣть подъ тѣмъ *европеизмомъ*, противъ котораго теперь зачинается борьба?

Должно ли разумѣть подъ нимъ тѣ общія человѣческія начала, то „великое развитіе отвлеченной мысли", тотъ могущественный раціонализмъ, о которомъ говоритъ г. Страховъ, рекомендуя ихъ какъ важнѣйшее пособіе для работы надъ самимъ собою? Должно ли понимать подъ этимъ словомъ безразборчивое заимствованіе бытовыхъ частностей разныхъ народовъ, слѣпое подражаніе *внѣшности* отдѣльныхъ странъ?

Если предметомъ „борьбы" является первое, то борьба, конечно,

будетъ безплодна и безцѣльна. Она будетъ безплодна потому, что для раскрытія нашихъ собственныхъ народныхъ началъ мы не обойдемся безъ содѣйствія европейской мысли. Яркимъ образчикомъ тому служатъ сами славянофилы. Возможно ли было появленіе этой школы безъ того умственнаго возбужденія, какое произведено было въ Москвѣ изученіемъ философіи Шеллинга и Гегеля? Это очень хорошо знаютъ сами славянофилы.

Она будетъ безцѣльна потому, что, говоря по совѣсти, много ли у насъ умовъ, дѣйствительно проникнутыхъ *европейскою мыслью* и постигающихъ то, что̀ въ ней заключается общечеловѣческаго? И эти ли немногіе люди представляютъ дѣйствительную опасность для нашей національной самостоятельности, въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова?

Остается заимствованіе „внѣшности“ и „частностей“, дѣйствительно непріятное и обидное. Остается неудовольствіе нѣмецкимъ формализмомъ, французско-нѣмецкой канцелярщиной, коверканьемъ дѣтей на иностранный ладъ, пошлостью салоновъ, воспитанныхъ на французскихъ бульварахъ, желаніемъ *снаружи* походить на иностранцевъ, торопливое увлеченіе всякимъ „новѣйшимъ“ и „послѣднимъ“ словомъ, и т. д., и т. д.? *Но развѣ это актъ возмущенія противъ Европы?*

Это „возмущеніе“ противъ самихъ себя. Европа широко раскинулась передъ нашими глазами; она вся доступна нашему изученію; она сама помогаетъ намъ въ этомъ, ибо, если ее можно упрекнуть въ невѣдѣніи Россіи, то *себя* во всякомъ случаѣ она изучила очень хорошо. Она себя изучила, раскрыла, прославила и раскритиковала. Всѣ наши судьи Европы (за исключеніемъ Герцена, который самъ ее позналъ) критикуютъ ее при помощи самихъ европейцевъ. Наши пророки ближайшей гибели Европы критикуютъ ея экономическій строй по Прудону и Марксу, по Лассалю и Родбертусу. Наши крики о „буржуазіи“ суть крики, подхваченные изъ заграничныхъ листковъ; наши толки о всяческихъ язвахъ Европы опираются на свидѣтельство самихъ европейцевъ, бодро выставляющихъ всѣ эти язвы на всеобщій позоръ.

Кто же, спрашивается, помѣшалъ бы намъ взять изъ Европы то, что̀ въ ней есть всеобщаго и существенно-нужнаго, отбросивъ то, что̀ есть только преходящее, частное и внѣшнее? Кто помѣшалъ бы намъ овладѣть всѣми орудіями европейскаго просвѣщенія, всѣми истинно-полезными условіями ея гражданской жизни, и воспользоваться ими для возведенія нашихъ духовныхъ зачатковъ въ перлъ созданія?

Прежде всего, *невѣжество,* изъ котораго мы не вышли и по сей

день. Невѣжда, будь это отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ, всегда схватывается только за *внѣшнее* и потому всегда начинаетъ съ *подражанія* внѣшнему. Это—первая и существенная причина.

Во-вторыхъ, ужъ если говорить о вредѣ „заимствованій“ и „подражанія“, то должно строго разслѣдовать, что̀ именно „заимствовалось“ и чему „подражали“. Можетъ быть, при такомъ разслѣдованіи окажется, что при „заимствованіяхъ“ происходилъ нѣкоторый искусственный подборъ, составившій такую амальгаму, что настоящая Европа отражается въ насъ какъ въ кривомъ зеркалѣ. Можетъ быть, окажется, что мы никогда не заимствовали самаго существа европейской культуры, ибо это „существо“ не поработило бы насъ Европѣ, не сдѣлало бы изъ насъ „лакеевъ Запада“, а напротивъ, содѣйствовало бы нашему *національному самосознанію,* а, слѣдовательно, и *освобожденію* отъ всяческаго духовнаго рабства. Но когда самое существо дѣла остается скрытымъ и не усвоеннымъ, когда „заимствованіе“ состоитъ въ выхватываніи частнаго и внѣшняго и подчасъ въ выхватываніи тенденціозномъ, то тутъ ничего иного и выйти не могло, кромѣ „рабства“ и „лакейства“. Но развѣ это *европеизмъ?* Это *древлянство,* отъ котораго можно отдѣлаться не „отрицаніемъ Европы“, а упорной работой надъ самими собою при помощи европейскаго просвѣщенія.

Въ-третьихъ, для самосознанія, для самоопредѣленія, для истинной самобытности нужна самостоятельная работа мысли. Когда, съ какихъ поръ началась у насъ эта работа? При какихъ условіяхъ она совершалась? Если подумать хорошенько объ этомъ условіи, то оно явится условіемъ, смягчающимъ первыя два. Свою способность къ самостоятельной духовной работѣ русскій образованный человѣкъ проявилъ, гдѣ могъ. Ему была открыта область поэзіи, художественнаго творчества. И что̀ же? Начавъ съ подражанія „Флакку“ и „Рамлеру“, образованная Россія дала своей родинѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевскаго (какъ художника); русское *художество* было *освобождено;* оно уже не подражательно; оно уже показало міру великія стороны нашего національнаго генія; оно уже возвело многое изъ нашего національнаго на степень всечеловѣческаго. Въ такомъ ли положеніи находится русскій „испытующій умъ“ и его творчество относительно другихъ отраслей? Вотъ вопросъ, который должно рѣшить прежде, чѣмъ сыпать обвиненія на русское общество за то, что оно искало отвѣтовъ на разные волнующіе его вопросы въ западной литературѣ и въ западныхъ образцахъ. Нельзя же было требовать, чтобы русскій человѣкъ сказалъ себѣ: „я не стану слушать иноземныхъ совѣтовъ и отвѣтовъ на волнующіе меня вопросы, а дождусь отвѣта національнаго“. Національные от-

вѣты отсутствовали, а Западъ предлагалъ ему ихъ въ фоліантахъ, въ брошюрахъ, въ журналахъ. Онъ бралъ ихъ и, лишенный всякаго противовѣса внутри, естественно подчинялся готовому рѣшенію. Это очень грустно, но что же тутъ удивительнаго?

Желательно, чтобы наши „самобытники" немного подумали объ этихъ вопросахъ. Быть можетъ, они увидятъ тогда, что раскрытіе народныхъ началъ и возведеніе ихъ на степень принциповъ, способныхъ управлять нашимъ умственнымъ, духовнымъ и общественнымъ движеніемъ, дѣло желательное, необходимое даже, но не такое легкое, чтобы къ нему можно было подходить съ пустыми руками. „Народныхъ началъ" нельзя взять съ разбѣгу и „на ура". Германія додумалась до своихъ національныхъ началъ, пройдя всю школу схоластики и возрожденія, продѣлавъ реформацію, выдержавъ тридцатилѣтнюю войну, вынесши всю тяжелую умственную работу XVIII вѣка и, послѣ своего „бефрейюнгскрига", пройдя школу Шеллинговъ и Гегелей, да всевозможные общественные и политическіе опыты. А тутъ вдругъ, безъ труда и образованія, можно сказать— съ просонья, вдругъ обрѣсти себѣ духовную самостоятельность, да еще возвѣстить міру такія начала, во имя которыхъ должна пасть Европа и уничтожиться всякое ея вліяніе у насъ!

При такой необычайной спѣшности, нѣтъ ничего удивительнаго, если „народныя начала" считаются уже найденными, и если это „найденное" оказывается соотвѣтствующимъ не столько народному духу, сколько *личнымъ* воззрѣніямъ писателя, возвѣщающаго эти „начала".

Это показываетъ примѣръ того же Герцена, которому посвященъ этюдъ г. Страхова, и нѣкоторыя слова котораго съ такою радостью цитированы *Русью*. Что Герценъ былъ „отчаявшійся западникъ"— это не подлежитъ сомнѣнію, и прекрасно показано г. Страховымъ; что онъ во всѣ трудныя минуты возлагалъ надежды на будущее Россіи и вообще славянскаго міра,—это также вѣрно. Но *что*, по его мнѣнію, давало Россіи и славянству *право на будущее*, объ этомъ не сказано въ статьѣ г. Страхова, опустившаго очень характерное мѣсто изъ знаменитаго письма къ Мишле. Позволяемъ себѣ привести его.

„Предположивъ, — говоритъ Герценъ, — что славянскій міръ можетъ надѣяться въ будущемъ на болѣе полное развитіе (чѣмъ Европа), нельзя не спросить, который изъ элементовъ, выразившихся въ его зародышномъ состояніи, *даетъ ему право на такую* надежду? Если славяне считаютъ, что ихъ время *пришло*, то этотъ элементъ долженъ соотвѣтствовать *революціонной* идеѣ въ Европѣ (совершенно по Гегелю).

„Вы (т.-е. Мишле) указали на этотъ элементъ, вы коснулись его, но онъ ускользнулъ отъ васъ... Вы говорите, что „основаніе жизни русскаго народа есть *коммунизмъ*“, вы утверждаете, что его сила лежитъ „въ *аграрномъ законѣ*, въ постоянномъ дѣлежѣ земли“.

„Какое страшное *Мане-Факелъ* вылетѣло изъ вашихъ устъ!.. Коммунизмъ въ основаніи! Сила, основанная на раздѣлѣ земель! И вы не испугались вашихъ собственныхъ словъ?.. Развѣ въ XIX столѣтіи есть какой-нибудь серьёзный интересъ, лежащій внѣ вопроса о коммунизмѣ, внѣ вопроса о раздѣлѣ земель?“

Итакъ, вотъ въ чемъ, по мнѣнію Герцена, состоитъ „право славянскаго племени на будущее“, вотъ тò „зародышное начало“, которое соотвѣтствуетъ „революціонному періоду“ въ Европѣ и отъ котораго долженъ бы былъ дрогнуть ея историкъ—Мишле.

Существо Герценовскаго „отчаянія“, въ двухъ словахъ, состояло въ слѣдующемъ: Западъ безсиленъ осуществить соціальныя начала, а потому осужденъ на гибель; Россія и славянство содержатъ въ себѣ эти начала въ зародышномъ состояніи, а потому имъ принадлежитъ будущее. Входить въ разборъ этого взгляда мы не будемъ—и не въ этомъ дѣло.

Вышеприведенная выписка показываетъ только, что Герценъ—не совсѣмъ подходящій, для *Руси*, напримѣръ, союзникъ для „борьбы съ Западомъ“, и что вообще нужно излагать теоріи людей въ ихъ истинномъ видѣ.

Нужно ли обращаться къ другимъ „взглядамъ“ на народъ и перечислять все то, чтò выставлялось въ качествѣ „отличительныхъ признаковъ“ этого народа, сообразно настроенію и стремленіямъ лицъ, принимавшихся за такую характеристику? Для этого намъ нужно бы воспроизвести въ своей памяти всю ту калейдоскопическую смѣну разныхъ вѣяній, которыя мы пережили и сообразно съ которыми мѣнялись и характеристики.

Сегодня, народъ—зачаточный и безсознательный коммунистъ и за это одними похваляется и приглашается на пиръ всемірной революціи, а другими порицается и выставляется какъ элементъ опасный, подлежащій строжайшей опекѣ. Завтра, онъ—главный государственный фундаментъ, носитель всѣхъ преданій и хранитель всей нашей „пошлины“, которой грозитъ опасность отъ классовъ образованныхъ. Сегодня, онъ — Бабёфъ по природѣ и Марксъ по своимъ историческимъ стремленіямъ; завтра, мы похваляемся тѣмъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть соціальнаго вопроса. Сегодня, его „зародышныя начала“ приводятся въ связь съ „послѣднимъ революціоннымъ моментомъ въ Европѣ“, а завтра, онъ дѣлается противовѣсомъ не только что революціонному, но и какому бы то ни было движе-

нію. Бываютъ вещи и болѣе странныя. Находятся хитрецы, которые умѣютъ для цѣлей внутреннихъ окрасить народъ въ ультра-консервативный цвѣтъ, а для цѣлей внѣшнихъ пугнуть Европу идеею „надѣла“, лежащею яко бы въ основаніи нашей цивилизаціи. Не довольно ли фантазировать по поводу народа и выдавать свои собственныя „мысли“ и даже *страсти* за начала народныя?

Въ сущности, во всей этой шумихѣ фразъ по поводу нашей „самобытности“ можно различить не „народныя начала“, конечно, но вещи самыя простыя и противъ которыхъ едва ли кто будетъ спорить.

Вѣрно во всѣхъ этихъ взглядахъ, что русскій не удовлетворится тѣми рѣшеніями вопросовъ, какія предлагаются *отдѣльными* западными государствами, и что ему тѣсно въ формахъ западной жизни. Но то же можно сказать и про другіе народы. Французъ никогда не удовлетворится англійскимъ рѣшеніемъ вопроса, и ему „тѣсно“ въ Англіи; русскому „тѣсно“ въ Англіи и во Франціи; но и Миллю, привезенному въ Россію, также было бы въ ней тѣсновато.

Вѣрно и то, что русскій стремится къ самому широкому рѣшенію всякихъ вопросовъ; размахъ его ума едва ли не самый широкій изо всѣхъ умовъ европейскихъ. Это ставится ему въ достоинство. Во всякомъ случаѣ это достоинство требуетъ провѣрки. Очень часто „широта взглядовъ“ зависитъ отъ того, что человѣкъ практически не рѣшилъ ни одного вопроса. Всякій *рѣшенный* вопросъ кажется уже нерѣшеннаго, ибо вопросъ рѣшенный переводится въ явленіе *опредѣленное*, а потому *ограниченное*. Вотъ почему широта ума и взглядовъ часто является признакомъ человѣка, который еще ничего не рѣшалъ и ничего не дѣлалъ въ практической жизни, но весь находится въ стремленіяхъ и порываніяхъ. Въ такомъ случаѣ изъ „широты ума“ для дѣйствительной жизни ничего не выйдетъ. „Мы,—говорилъ Герценъ,—можетъ быть, требуемъ слишкомъ много, и ничего не достигаемъ“. Это, дѣйствительно, очень „можетъ быть“, особенно если мы будемъ довольствоваться одною „шириной ума“ да любоваться своими зачаточными качествами, пренебрегая всякимъ практическимъ дѣломъ, предоставляя эту „черную работу“ лукавому Западу, отъ котораго потомъ, морщась и бранясь, мы поневолѣ станемъ заимствовать плоды его трудовъ.

Итакъ, не состоитъ ли наше зло не въ томъ, что мы гоняемся за „призраками“ и рѣшаемъ фантастическіе вопросы, а въ томъ, что мы очень мало дѣлаемъ и ничего не рѣшаемъ, а потому естественно идемъ во хвостѣ тѣхъ, кто *дѣлаетъ* и *рѣшаетъ?*

Два слова въ заключеніе. Я всегда былъ и буду сторонникомъ національныхъ началъ въ литературѣ, въ жизни общественной и

государственной, во внутренней и внѣшней политикѣ. Вмѣстѣ съ славянофилами я готовъ подписать „актъ возмущенія“ противъ Европы, когда какой-либо европейскій народъ и хотя бы вся западная Европа скажетъ, что она уже возвѣстила *послѣднее слово* всечеловѣческой цивилизаціи, и что другіе народы, и особенно славянское племя, должны быть только пассивнымъ матеріаломъ *для* этой цивилизаціи и покорными слугами „призванныхъ“ народовъ. Нѣтъ! Ни одинъ народъ не можетъ исчерпать все содержаніе духовныхъ силъ человѣчества и дать имъ окончательное выраженіе. Отдѣльнымъ народамъ выпадаетъ на долю быть представителями главныхъ человѣческихъ стремленій на время, для данной эпохи. Какъ и почему призываются они къ этой временно-всемірной роли — не наша тайна: она не разгадана еще исторіею, которая знаетъ *какъ*, но не *почему* это дѣлается. Но потомъ скипетръ выпадаетъ изъ рукъ міродержавнаго племени, и его подымаетъ тотъ народъ, который сохранилъ въ себѣ свѣжесть силъ вмѣстѣ съ охотою и привычкою къ упорному духовному труду.

Несомнѣнно также и то, что условіемъ для плодотворной исторической работы является развитіе народной индивидуальности, сознаніе своей собирательной личности, ибо только при этомъ сознаніи возможно *творчество*.

Но жизнь каждаго великаго *историческаго* народа слагается изъ двухъ элементовъ—индивидуальнаго, особнаго, и всеобщаго. Сознаніе народомъ своихъ особенностей, развитіе тѣхъ изъ нихъ, которыя крѣпко связаны съ его національнымъ существомъ, необходимо для того, чтобы народъ могъ сохранить себя *какъ личность*, т.-е. какъ творческую силу. Раскрытіе всечеловѣческаго изъ собственнаго духовнаго содержанія и усвоеніе всечеловѣческаго отъ другихъ народовъ необходимо для того, чтобы народъ могъ играть *всемірно-историческую роль*.

Народъ, живущій однѣми своими „особенностями“, охраняющій ихъ безъ всякой критики, безъ всякаго разбора, не разсуждая, какая „особенность“ есть существенное для его національнаго блага, и какая есть только предразсудокъ, что̀ въ немъ есть временнаго, пригоднаго только для извѣстной эпохи, и что̀ нужно сохранить для грядущихъ его судебъ,—такой народъ не будетъ играть *всемірной* роли, ибо онъ самъ отъ нея отрекается, обрекая себя на *застой*. Это уже не историческій, а *противоисторическій* народъ, обреченный на вымираніе и претвореніе въ другую народность, болѣе сильную духовно.

Народъ, живущій однимъ „всечеловѣческимъ“ (если таковой можетъ быть), также прошелъ бы безслѣдно въ исторіи; онъ былъ бы

похожъ на человѣка, способнаго на одни общія соображенія и безсильнаго на всякое практическое дѣло.

Только при гармоническомъ сочетаніи этихъ двухъ элементовъ, другъ друга поддерживающихъ и питающихъ, возможна дѣйствительная историческая жизнь. Ея и желаю я отъ всей души моей родинѣ; я вѣрю въ возможность этой жизни потому, что вѣрю во всемірно-историческую роль Россіи. Вотъ почему мнѣ такъ больно смотрѣть на нынѣшнюю гоньбу за „самобытностью", конечно, не имѣющую ничего общаго съ здоровымъ *національнымъ* движеніемъ; послѣднее всегда исходитъ изъ великихъ *идей,* столь же національныхъ, сколько и всечеловѣческихъ. Успѣхъ же нынѣшняго „самобытничества" былъ бы не „актомъ возмущенія противъ Европы", но—*актомъ отреченія отъ всемірно-исторической роли Россіи.* Поэтому мы и не вѣримъ въ такой успѣхъ.

МЕЧТАНІЯ САМОБЫТНИКА.

„На Востокѣ мѣняются только лица, поколѣнія; настоящій бытъ—„только сотое повтореніе одной и той же темы съ маленькими варіаціями, приносимыми случайностью: урожаемъ, голодомъ, моромъ „и т. п. У такой жизни нѣтъ *выжитаго*, keine Erlebnisse. *Бытъ* „азіатскихъ народовъ можетъ быть очень занимателенъ, но *исторія*—„скучна".

Такъ говорилъ, лѣтъ тридцать пять назадъ, одинъ изъ очень извѣстныхъ нашихъ „западниковъ", стремясь за границу, гдѣ, какъ извѣстно, находится средоточіе всемірной исторіи. Но одинъ изъ настоящихъ западныхъ людей, пресыщенный, должно быть, исторіей, столѣтія полтора назадъ, воскликнулъ: „счастливы народы, не имѣющіе исторіи!" Стало быть, безъ исторіи, съ однимъ „бытомъ", хоть и скучновато, но счастливо и спокойно; а съ „исторіей", хоть и веселѣе, но... но, право, не знаю, кàкъ опредѣлить—вообще хуже.

Кто же правъ? Нашъ ли западникъ, рвавшійся изъ „быта" въ „исторію", или дѣйствительный западный человѣкъ, тосковавшій въ своей исторіи по „бытѣ"?

Чувствую себя смущеннымъ—не важностью вопроса, потому что, слава Богу, всякій считаетъ себя способнымъ рѣшать всякіе вопросы, но несвоевременностью его предложенія. Кто же, въ самый новый годъ, предлагаетъ такія философскія проблемы? Но, во-первыхъ, рѣшать вопросъ буду я, а читатель будетъ только слушать — это и необременительно, и въ духѣ времени. Во-вторыхъ, читатель предугадываетъ, кàкъ я рѣшу вопросъ, а потому можетъ вовсе не читать моего посланія, по крайней мѣрѣ сегодня.

Смѣю, однако, увѣрить, что читатель, жаждущій „исторіи" и необрѣтающій ея, найдетъ въ моихъ аргументахъ нѣкоторое утѣшеніе, а потому разсчитываю на его вниманіе.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ много развелось людей, полагающихъ, что имѣть богатую, полную содержаніемъ исторію—не только великое благо для народа, но и нѣкоторая нравственная его обязанность, не выполнивъ которой, онъ не можетъ быть зачисленъ въ разрядъ „настоящихъ" народовъ. По старой привычкѣ и въ силу неисправимаго предразсудка, народы въ нашихъ понятіяхъ дѣлятся на *историческіе* и *неисторическіе*, т.-е. на народы съ исторіей и на народы съ однимъ „бытомъ". Къ первымъ мы относимся съ уваженіемъ, ко вторымъ — свысока: народъ „неисторическій" въ нашихъ понятіяхъ то же самое, что̀ недоросль изъ дворянъ или бурсакъ, изгнанный изъ семинаріи „по великовозрастію и непобѣдимой лѣности".

Противъ этого предразсудка долженъ ополчиться всякій благоразумный человѣкъ. Посмотримъ на дѣло поближе и безъ предразсудковъ, которые мы выносимъ не столько изъ жизни, сколько изъ школы. Да, изъ школы, потому что въ ней гремятъ намъ о „законахъ историческаго развитія", объ „исторической роли народовъ", о подвигахъ, герояхъ, открытіяхъ и прочемъ, способномъ кружить человѣческія головы. Жизнь учитъ насъ не тому. Какъ только закрыта книга, какъ только мы забыли содержащіеся въ ней ложные уроки и отвыкли отъ пагубной привычки „обобщать" и находить „законы развитія", жизнь тотчасъ представится намъ не въ видѣ исторіи, а въ видѣ весьма простого *быта*.

Милліоны людей толкутся на пашнѣ, въ лавкѣ, на фабрикѣ, въ конторѣ, въ канцеляріи; каждый изъ нихъ дѣлаетъ то, что̀ дѣлали его родители, и желаетъ передать свое занятіе своимъ дѣтямъ. Умерли Петры, Иваны, Карпы — мѣсто ихъ занято Семенами, Васильями, Ѳедорами, которые, въ свою очередь, уступятъ мѣсто какимъ-нибудь другимъ соименникамъ щедрыхъ на имена святцевъ. Огромное большинство этихъ людей желаетъ одного — сохраненія того, что̀ есть, не въ матеріальномъ только отношеніи, но и въ нравственномъ. Они дорожатъ возможностью ѣсть столько и такъ именно, ка̀къ ѣли ихъ отцы и они сами съ малыхъ лѣтъ, носить такое, а не другое платье, устраивать свои отношенія къ роднымъ и ближнимъ по заведеннымъ съ незапамятныхъ временъ правиламъ, думать о причинахъ дождя, грозы, снѣга, урожая, голода и всего прочаго такъ, ка̀къ думалось споконъ вѣка. Воленъ онъ и вовсе не думать. Если хотите, человѣкъ, ограничивающійся однимъ „бытомъ", имѣетъ драгоцѣнную возможность вовсе не думать: ему все *дано* и онъ *передаетъ* это данное другимъ, не прибавляя и не будучи обязанъ прибавлять къ данному что-нибудь, добытое усиліями ума и творчества. Что̀ можетъ быть счастливѣе такого состоянія? Не думая, онъ обладаетъ всѣмъ, все знаетъ и на все можетъ дать отвѣтъ. „Исто-

рическіе“ народы вѣчно находятся въ погонѣ за какою-то истиной, ломаютъ изъ-за этихъ истинъ головы себѣ и другимъ и, все-таки, никакъ не могутъ ихъ уловить. Народы „бытовые“ на все могутъ держать отвѣтъ и опредѣленностью своихъ сужденій могутъ посрамить заѣзжаго путешественника, пріѣхавшаго съ гордымъ намѣреніемъ изучать ихъ „бытъ“ съ высоты своей культуры.

Позвольте же спросить, что̀ даетъ народу исторія? Какъ ни закутывайте это понятіе названіемъ „органическаго роста“, „естественнаго развитія“ и т. д., но все же всякая исторія предполагаетъ *перемѣну*, а всякая *перемѣна* сопряжена съ громадными лишеніями и вызываетъ многочисленныя сожалѣнія. Что-нибудь да значитъ тотъ фактъ, что для огромнаго большинства людей золотой вѣкъ находится не *впереди*, а *позади*. Недаромъ событія, заставляющія людей идти впередъ, суть обыкновенно событія бѣдственныя, и человѣкъ, зовущій впередъ своихъ современниковъ, считается человѣкомъ безпокойнымъ и даже вреднымъ.

Хуже всего въ *историческихъ* перемѣнахъ то, что онѣ проводятъ непереходимый предѣлъ между прошлымъ и настоящимъ, и гонятъ народы къ будущему, т.-е. къ новымъ перемѣнамъ. Почему? Понять это очень легко. Нашъ западникъ говоритъ, что у народовъ историческихъ много *выжитаго*. Но выжитое значитъ выстраданное. Не угодно ли подумать, сколько выстрадали народы Запада во время ихъ переселенія и вплоть до той эпохи, пока имъ удалось соорудить теократическо-феодальное зданіе среднихъ вѣковъ; сколько они страдали потомъ, когда ихъ заставили рушить это зданіе на пользу новыхъ монархій и крупныхъ государствъ; сколько горя принесла реформація, и чего сто̀ила западу французская революція!

Теперь вамъ понятно будетъ, почему историческія перемѣны, такъ сказать, безповоротны. Народы *выстрадали* ихъ, а отъ выстраданнаго не отказываются. Но каждая перемѣна фатально влечетъ къ другой, логически въ ней содержится. Народы, разъ вкусившіе перемѣнъ, уже стали на наклонную плоскость, по которой „вверхъ“ имъ не войти. Сколько бы ни сожалѣли они о прошломъ, оно навсегда останется пережитымъ, а потому недоступнымъ. И вотъ бѣдный „историческій“ народъ пробѣгаетъ мыслію времена назадъ, и ищетъ „золотого вѣка“ тамъ, гдѣ еще не начинались его Erlebnisse, и останавливается тамъ, гдѣ прекращается его историческая память. Это время окружено ореоломъ, закутано пеленой былинъ, свѣтлыхъ преданій, веселыхъ пѣсенъ. А съ другой стороны, онъ мрачно смотритъ на будущее, котораго онъ достигнетъ не иначе, какъ чрезъ новыя „Erlebnisse“, т.-е. чрезъ новыя страданія.

„Исторія“ *интересна*, слова нѣтъ. Величава фигура какого-нибудь

Петра-Пустынника, поднявшаго народы къ освобожденію св. гроба, великъ Гуссъ на кострѣ, Лютеръ, прибивающій свои „тезисы“, Мирабò на трибунѣ; величественно проходятъ предъ духовными очами „историческаго“ человѣка рыцарство, турниры, средневѣковые соборы, пуритане, арміи французской республики. Но чего *стоили* всѣ эти величавыя фигуры и грандіозныя зрѣлища?

Конечно, и *отсутствіе* исторіи представляетъ свои трагическія стороны. Величавое спокойствіе „бытовыхъ“ народовъ достигается, можетъ быть, цѣною обезличенія человѣка. Кто знаетъ, сколько мыслей, чувствъ, порывовъ и стремленій затирается и обращается въ ничто подъ тяжкимъ грузомъ „быта“ и его „условій“? Личность человѣческая мельчаетъ и дѣлается неспособною на что̀-нибудь творческое. Если даже и при этихъ условіяхъ, въ комъ-нибудь накопится силъ свыше „бытовой“ мѣры, если эти силы прорвутся наружу, то міру явится образъ всеразрушающаго завоевателя, въ родѣ Тамерлана, подобнаго степному вихрю. Прошла гроза — и опять все спокойно и безмолвно.

Но къ чему обращать вниманіе на то, чего, въ сущности, никто не видитъ? Всѣ эти томленія мысли и всяческая духовная жажда суть нѣчто незримое и невѣсомое, и если они причиняютъ страданія отдѣльнымъ людямъ, то тѣмъ важнѣе пресѣкать дальнѣйшее ихъ развитіе, чтобъ они не причиняли зла бо̀льшему числу лицъ. Исторія, сказалъ тотъ же „западникъ“, есть разложеніе массъ *идеею.* Въ извѣстномъ отношеніи это очень вѣрно. Куда зашла идея, тамъ нельзя ждать добра, и она-то бросаетъ народы во вся тяжкая исторіи.

Ужасенъ былъ для народовъ тотъ день, когда злая судьба толкнула ихъ въ „исторію“, внушивъ имъ злокачественную мысль изъ Naturvölker сдѣлаться Kulturvölker. И пусть бы этотъ удѣлъ постигъ одни народы Запада, которые самою природой, кажется, предназначены на грѣхъ, а потому на страданіе. Такъ нѣтъ же; Западъ брызнулъ и на Россію нѣсколькими каплями своей „исторической“ пѣнки. Во всѣхъ описаніяхъ нашего древнѣйшаго быта значится, во-первыхъ, что мы славяне, во-вторыхъ, что славяне вообще и русскіе особенно—народъ мирный, патріархальный и земледѣльческій, слѣдовательно, совсѣмъ Naturvolk, не наклонный ни къ какимъ Erlebnisse. Такъ бы и жили. Но нѣтъ: явились варяги, съ варягами дружина, съ дружиною „личное начало“, противоположное началу патріархально-общинному, и началась „исторія“.

Оторванный отъ общины и ея патріархальнаго уклада, движется русскій человѣкъ на Византію и на хозаръ, поляне „примучиваютъ древлянъ“, земля дробится на удѣлы, князья соперничаютъ, дружины воюютъ, прихватывая „воевъ“ и „охвочихъ“ людей изъ мир-

ныхъ поселянъ, и все кончается полнѣйшимъ разстройствомъ, благодаря которому татары живьемъ захватили едва не всю Русь.

Тутъ бы, кажется, и успокоиться. Подъ татарскимъ владычествомъ сама судьба посылала полную возможность отстать отъ „историческихъ“ шалостей, сдѣлаться совсѣмъ „бытовымъ“ народомъ, „нравы“ котораго изъ любопытства изучали бы европейскіе путешественники. Опять нѣтъ! Въ заброшенномъ среди лѣсовъ, отрѣзанномъ отъ всѣхъ морей, сдавленномъ сильными сосѣдями и грознымъ завоевателемъ народѣ не умерла-таки мысль, что онъ народъ историческій, и мало того, что историческій, но *европейскій*. Вмѣсто того, чтобъ поклониться предъ Востокомъ, представителями котораго были благодѣтельные татары, онъ почему-то счелъ своимъ призваніемъ *борьбу* съ этимъ Востокомъ и сдѣлался форпостомъ Европы, принимая на свою грудь всѣ удары монгольскихъ ордъ. Какъ только онъ немного окрѣпъ и оперился, тотчасъ, по исторической памяти, потянулъ онъ на Западъ, началъ „ссылаться“ съ европейскими „потентатами“, выписывать мастеровъ и всякихъ искусныхъ людей и крѣпко скорбѣлъ, когда сосѣди не пропускали ихъ къ нему.

Во всей его позднѣйшей исторіи проходитъ какая-то инстинктивная тоска по утраченному нѣкогда мѣсту въ *Европѣ*, и все дѣлается для того, чтобъ завоевать это мѣсто. Борьба не на жизнь, а на смерть съ мохамеданскимъ Востокомъ, борьба не на жизнь, а на смерть съ западными сосѣдями, захватившими старыя, историческія мѣста древней Россіи и мѣшавшими ей вступить въ Европу—вотъ, что̀ въ дѣйствительности, хоть и не сознательно, двигало нашими предками и заставляло выносить все, чего, казалось бы, не вынесъ никакой иной народъ.

Безъ этой исторической и стародавней тоски по Европѣ вы не поймете, *почему* Петръ Великій могъ такъ круто и быстро совершить свою реформу. Онъ далъ выходъ тому, что̀ накоплялось вѣками, изъ-за чего въ дѣйствительности бились русскіе люди задолго до него. Вотъ откуда то вѣяніе какого-то восторга, которое охватило русскихъ людей, *несмотря* на всю крутость, рѣзкость и безпощадность реформы, напоминавшей скорѣе революцію, чѣмъ преобразованіе...

Но что̀ же я дѣлаю? Кажется, я впадаю въ лирическій тонъ и готовъ увлечься не только „историческимъ движеніемъ“, но... но даже реформою Петра! Этого только недоставало.

Нѣтъ, пусть успокоятся дружественныя мнѣ тѣни и любезные мнѣ современники! Никогда не поставлю я золотого вѣка впереди и никогда не пожелаю для моего народа какихъ-нибудь новыхъ Erlebnisse. Мой золотой вѣкъ назади. Но весь вопросъ въ томъ, гдѣ его помѣстить? Признаюсь—задача не изъ легкихъ.

Перебирая всѣ *историческіе* періоды наши, я вездѣ вижу движеніе, хоть и медленное, и если не движеніе, то сумятицу. Мнѣ пришла-было смѣлая мысль перескочить чрезъ всѣ „періоды“ и перейти за тотъ рубежъ, который обозначенъ словами лѣтописи: „изъгнаша варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти“. Отсюда былъ бы естественный переходъ къ тому времени, когда предки наши „имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ, и преданья, кождо свой нравъ“. Но лѣтопись досадливо продолжаетъ, что послѣ изгнанія варягъ „не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся“. Что же это такое: и тутъ „усобицы“, положимъ, не „историческія“, а натуральныя, но все же кровопролитныя!

Положимъ также, что, по теоріи г. Иловайскаго, никакого „призванія“, слѣдовательно, и „изгнанія“ не было, и исторія наша началась не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ, подъ предводительствомъ воинственнаго Олега. Эта теорія очень любезна съ высокопатріотической точки зрѣнія, но совсѣмъ не удовлетворяетъ меня. Патріотизмъ, вѣдь, тоже „историческое“ начало, чувство выстраданное, выжитое и закаленное въ разныхъ „періодахъ“ исторіи. Притомъ, это и *слово* иностранное и трудно переводимое на русскій языкъ, потому что патріотизмъ означаетъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ карамзинскія „любовь къ отечеству“ и „народная гордость“.

Я ищу не того, и бѣдственное мое положеніе состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Я очень хорошо понимаю, что „исторія“, разъ начавшись, не можетъ остановиться, если народъ не заболѣетъ византійскою болѣзнью—застоемъ. Во-вторыхъ, я понимаю, что русскій народъ, въ теченіе всей своей исторіи, стремился завоевать себѣ положеніе народа европейскаго и что если даже монгольское иго не могло свернуть его съ этой дороги, то тѣмъ паче трудно будетъ сдѣлать это теперь, когда *мы* несемъ нѣкоторую „цивилизацію“ въ азіатскія степи.

Понимая все это, я желалъ бы, однако, воздержать свою націю отъ дальнѣйшихъ „выживаній“ и, такъ сказать, обратить свой народъ въ „исторически-бытовой“. Мысль очень странная, но не страннѣе, напримѣръ, слѣдующей:

Одному мудрецу пришла въ голову мысль воспретить дальнѣйшее печатаніе книгъ до тѣхъ поръ, пока напечатанное не будетъ прочитано. Я предлагаю, приблизительно, то же. Не отнимая у страны того, что̀ она пріобрѣла, пріостановить дальнѣйшія пріобрѣтенія, завѣривъ ее, что въ перспективѣ, безъ всякаго съ ея стороны труда, предстоитъ великая будущность и что будущность ея будетъ тѣмъ величественнѣе, тѣмъ славнѣе, чѣмъ меньше она будетъ, въ смыслѣ

„историческомъ“, дѣлать теперь. Тогда каждый обратится къ „злобѣ дня“, къ своему домашнему очагу, къ своему частному дѣлу, забудетъ всѣ такъ называемые „общіе“ вопросы, „историческіе законы“, Европу, даже самую Россію, поскольку она есть страна „историческая“. Поколѣнія будутъ мирно смѣняться, пока которому-то изъ нихъ не выпадетъ на долю „великая будущность“ — великая и на мой взглядъ, ибо въ этомъ „будущемъ“ измученная и растерзанная Европа воспріиметъ наши „начала“ и почіетъ въ нашемъ величавомъ спокойствіи. Тогда настанетъ конецъ исторіи и повсемѣстно водворится Азія съ ея „бытовыми“ народами.

Какъ вы объ этомъ думаете? Срока на отвѣтъ даю цѣлый годъ.

О ПЕССИМИЗМѢ.

(Изъ разсужденій самобытника).

Пессимистъ ли вы, читатель? Если *нѣтъ* — не дѣлайтесь имъ: это очень скверно; если *да*—старайтесь исправиться. Что пессимизмъ— вещь нехорошая, это доказать нетрудно. Разверните № 1-й газеты *Русь* за сей благодатный 1883 годъ (смѣнившій неменѣе благодатный 1882) и читайте на стр. 11-й:

„Пессимистовъ у насъ теперь *легіонъ*, но источникъ пессимизма, нашей тоски и унынія, частью выражающихся въ *газетныхъ* плачахъ и причитаніяхъ того лагеря, что̀ съ *наивнымъ самообольщеніемъ* величаетъ себя „либеральнымъ“, частью же дѣйствительно, хотя и нѣсколько иначе ощущаемыхъ *всѣмъ* русскимъ обществомъ, источникъ этотъ, повторяемъ снова, лежитъ въ чувствѣ нашей собственной духовной или интеллигентной общественной *немощи*, о̀-бокъ съ величайшею народною мощью и въ виду *задачъ*, поставленныхъ намъ исторіей“.

Прочли? Начнемъ съ внѣшняго. Вы согласитесь, прежде всего, что изможденный и немощный „пессимистъ“ не въ состояніи будетъ однимъ духомъ прочесть вышеприведенную тираду въ 62 слова, безъ единой точки и съ нѣкоторыми погрѣшностями противъ логическаго „согласованія“. Оптимистъ же, здоровый и веселый, прочтетъ и переваритъ еще не такія тирады. Вотъ вамъ первая выгода оптимизма. Но сколько выгодъ раскроется при разсмотрѣніи „тирады“ по существу!

Во-первыхъ, пессимистовъ „легіонъ“. Почетно ли состоять въ легіонѣ, т.-е. въ презрѣнной толпѣ, тогда какъ „оптимисты“ въ качествѣ, должно быть, рѣдкихъ у насъ птицъ, выдвигаются впередъ и свѣтятъ въ одиночку? Во-вторыхъ, пессимизмъ выражается въ „га-

зетныхъ плачахъ и причитаньяхъ". Почетно ли попасть въ число газетныхъ плакальщицъ, которымъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, порой достается и на орѣхи? Въ-третьихъ, „плачъ и причитанье" раздаются въ газетахъ того лагеря, который „съ наивнымъ самообольщеніемъ" величаетъ себя *либеральнымъ*. Пріятно ли (не говоря о прочемъ) состоять въ такой категоріи? Въ-четвертыхъ, источникъ „пессимизма", поскольку онъ выражается не токмо въ газетахъ (Богъ съ ними!), но даже и во всемъ русскомъ обществѣ—„лежитъ въ сознаніи нашей собственной духовной или интеллигентной общественной немощи, ὀ-бокъ съ величайшею народною мощью и въ виду задачъ, поставленныхъ намъ исторіей". Пріятно ли и почетно ли сознавать свою „немощь", глядя на величайшую народную мощь и на великія историческія задачи?

Надѣюсь, вамъ не нужно другихъ доказательствъ всей презрѣнности пессимизма; полагаю, что вы уже возгорѣлись желаніемъ сдѣлаться оптимистомъ. Но какъ совершить такое духовное свое возрожденіе? Къ сожалѣнію, статья *Руси*, весьма пространная, указала на рецептъ только въ общихъ чертахъ. Въ ней мастерски указаны причины и послѣдствія зла; но выходъ указуется, такъ сказать, въ пространствѣ, въ видѣ мѣръ неуловимыхъ. Не стану пенять на это. Нельзя же одному человѣку сдѣлать *всего*. Редакторъ газеты *Русь*, конечно, далекъ отъ такихъ притязаній, а потому не посѣтуетъ и на меня, если я позволю себѣ кое-въ-чемъ пополнить его статью.

Напомню ея содержаніе. Источникъ пессимизма—въ сознаніи нашей общественной немощи; источникъ немощи *въ искривленномъ сознаніи*, испорченномъ подражательнымъ воспитаніемъ и образованіемъ. Отсюда гоньба за мнимыми цѣлями, ложными идеалами, слѣдовательно—неминуемыя разочарованія, разбитыя надежды, недоумѣнія, сомнѣнія — словомъ, то нравственное состояніе, въ которомъ мы встрѣтили 1883 годъ. На вопросъ, какъ помочь бѣдѣ, *Русь* отвѣчаетъ: станемъ *править наше сознаніе*. Коротко, но не совсѣмъ ясно, и, притомъ, не отвѣчаетъ на занимающій *меня* вопросъ: какъ изъ пессимиста сдѣлаться оптимистомъ? какъ изъ человѣка, видъ котораго наводитъ уныніе на окружающихъ, обратиться въ человѣка, при взглядѣ на котораго всякій повторялъ бы слова маркиза Позы (не рискуя подвергнуться его участи)—„жизнь прекрасна!"

Разсматривая житейскія условія примѣнительно къ *этому* вопросу, я не совсѣмъ согласенъ съ рецептомъ, предложеннымъ *Русью*. Должно быть, почтенная газета обмолвилась или, точнѣе, ошиблась въ выборѣ лѣкарствъ, вслѣдствіе невѣрнаго опредѣленія нашей болѣзни. Именно: на страницѣ 8-й она говоритъ, что наша болѣзнь

есть *болѣзнь сознанія* и, для большей убѣдительности, напечатала эти слова курсивомъ.

Но курсивъ меня не убѣждаетъ. Мы больны не тѣмъ, что *сознаніе наше больно*, а тѣмъ, что у насъ слишкомъ много развилось „сознанія", потому что *всякое* сознаніе есть болѣзнь и сопровождается болѣзненными процессами. Всякое сознаніе сопровождается сомнѣніями, стремленіями, надеждами и разочарованіями; всякое сознаніе подобно угрызенію совѣсти, которое не даетъ покоя человѣку. Оно идетъ за нимъ по пятамъ, какъ тѣнь, и заставляетъ пускаться во вся тяжкая мышленія и критики, результатъ которыхъ очень трудно предсказать. Хорошо, если человѣкъ, въ которомъ пробудилось сознаніе, прочтетъ статью г. Соловьева (помѣщенную въ томъ же нумерѣ *Руси* и горячо рекомендуемую редакціей) и *согласится* съ нею. А если не согласится? Хорошо, если человѣкъ пойметъ теорію „государственнаго и земскаго строя", развиваемую *Русью.* А если не пойметъ и скажетъ, что она, съ позволенія сказать, чепуха?

Нѣтъ, по моему мнѣнію, насъ должно врачевать не отъ „болѣзни сознанія", а *отъ самого сознанія,* которое, какъ я сказалъ, есть зло. Посему, я несогласенъ съ *Русью* относительно средствъ выпрямленія нашего „искривленнаго" сознанія. По ея мнѣнію, главный источникъ нашей „болѣзни сознанія" въ нашемъ общественномъ воспитаніи, особенно въ *университетскомъ.* Вотъ, что̀ говоритъ почтенная газета:

„Все наше воспитаніе, особенно университетское, организовано такъ, и уже издавна, съ самаго перваго насажденія у насъ европейскаго просвѣщенія, чтобъ воспитывать людей *въ отвлеченности* и *въ отрицаніи*—въ отрицаніи русской духовной національной сущности".

Мимоходомъ я долженъ принести газетѣ *Русь* живѣйшую благодарность за то, что она указала на университеты, какъ на главный источникъ зла. Она не упомянула о разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, по правамъ своимъ равныхъ съ университетами. И, дѣйствительно, университеты — первѣйшее зло. Но зло не въ томъ, въ чемъ видитъ его газета *Русь*; она попала не туда.

По ея мнѣнію, университеты стали „кривить" сознаніе учащихся потому, что они были приноровлены къ утилитарнымъ и чиновничьимъ цѣлямъ; они воспитывали такихъ бюрократовъ, какихъ хотѣлъ ненавистный Петербургъ, т.-е. „отвлеченныхъ бюрократовъ-европейцевъ".

По моему мнѣнію, это несправедливо, хотя зло, проистекавшее отъ университетовъ, было гораздо глубже. Спеціально „утилитарныя" цѣли преслѣдовались иными учебными заведеніями, поставившими Россіи „бюрократовъ" побольше, чѣмъ ставятъ ихъ университеты.

Но не въ этомъ дѣло. Для поясненія того, что̀ дѣлали университеты, мы имѣемъ достовѣрное извѣстіе отъ самой редакціи *Руси*. Въ примѣчаніи къ интересной перепискѣ Ю. Ѳ. Самарина съ Герценомъ (помѣщенной въ томъ же нумерѣ) читаемъ слѣдующее:

„Герценъ, проживавшій съ 1842 по 1847 годъ въ Москвѣ, принималъ самое горячее участіе въ томъ сильномъ *умственномъ движеніи*, которое происходило въ образованнѣйшихъ кругахъ московскаго общества. Тогда *впервые* стали обозначаться, выработываться и слагаться въ цѣлыя *системы* два направленія, которыя вскорѣ и получили названія „восточнаго“ или „славянофильскаго“ и „западнаго“.

Понятно ли, въ чемъ дѣло? Не въ томъ бѣда, что университетское образованіе плодило „западниковъ“: Самаринъ, К. С. Аксаковъ, Кирѣевскіе, Елагины и другіе *славянофилы* тоже прошли чрезъ университетъ. Бѣда именно въ „умственномъ движеніи“, въ возбужденіи *сознанія*, которое и раздвоилось на два враждебныя „направленія“. Направленій быть не должно; умственнаго движенія избѣгать слѣдуетъ; а для этого должно всемѣрно стараться, чтобъ сознаніе пробуждалось въ людяхъ въ наименьшей степени. Разъ человѣческая мысль пробуждена, кто можетъ предсказать, куда она пойдетъ и гдѣ остановится? Развѣ Декартъ, Вольтеръ, Д'Аламберъ и прочіе остались вѣрны своимъ учителямъ? Развѣ Грановскій непремѣнно дѣлалъ западниковъ, а Погодинъ съ Шевыревымъ и Морошкинымъ славянофиловъ? Развѣ человѣкъ, нынѣ прочитавшій статью г. Соловьева, непремѣнно сдѣлается сторонникомъ его воззрѣній? Говорю это, конечно, не въ осужденіе нашего молодого философа и его послѣдняго труда. Но всякому извѣстно, что сильное и послѣдовательное изложеніе одного взгляда непремѣнно вызываетъ столь же энергическій отпоръ со стороны людей противоположнаго направленія. Можетъ быть, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ и Хомяковъ не были бы *такими* славянофилами, еслибъ противъ нихъ не стояли *такіе* западники, какъ Бѣлинскій, Грановскій и другіе. Затѣмъ, можно не согласиться и съ статьею г. Соловьева, не впадая чрезъ то во грѣхъ. Напримѣръ, мы читаемъ въ ней такое положеніе:

„Задача Россіи есть задача христіанская, и русская политика должна быть христіанскою политикой“.

Не трудно представить себѣ человѣка, который скажетъ, что формула эта немного темна и отвлеченна, и что она можетъ подать поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ; что, во избѣжаніе такихъ недоразумѣній, политика Россіи должна быть политикою *Московскихъ Вѣдомостей*, которую *Русь*, конечно, затруднится назвать христіанскою, но едва ли затруднится назвать русскою.

Пойдемъ дальше. Статья г. Соловьева рекомендуется *Русью* для внимательнѣйшаго прочтенія, также рекомендуется ею и статья г. Страхова: *Взглядъ на текущую литературу.* Согласны ли обѣ эти статьи? Думаю, что нѣтъ. Статья г. Соловьева хотя и написана съ религіозной точки зрѣнія, но она, отъ начала до конца—статья *политическая,* трактующая о задачахъ Россіи, объ Англіи и Польшѣ, Востокѣ и Западѣ и т. д. Стало быть, г. Соловьевъ въ этой, по крайней мѣрѣ, статьѣ хочетъ быть *публицистомъ.*

Въ статьѣ же г. Страхова мы встрѣчаемъ вотъ что̀: приведя выдержку изъ журнала *Устои,* выражающую сѣтованія автора на „отвлеченное", такъ сказать, положеніе русскаго публициста сравнительно съ публицистомъ иностраннымъ, который является органомъ ясно опредѣленныхъ партій, ассоціацій и т. д., г. Страховъ восклицаетъ:

„Кто же васъ просилъ быть русскимъ публицистомъ? Откуда такое призваніе?.. Очевидно, роль публициста выбирается только по наслышкѣ, по подражанію, изъ желанія стать руководителемъ, но неизвѣстно въ чемъ и неизвѣстно кого".

Позволимъ и себѣ спросить: кто просилъ г. Соловьева выступить въ роли публициста? Для чего г. Аксаковъ въ свое время редижировалъ *Парусъ, День, Москву*? Почему онъ отстаивалъ существованіе *Москвы* и съ болью въ сердцѣ положилъ перо послѣ проиграннаго процесса? Почему онъ схватился за перо, какъ только ему представилась къ тому возможность?

Повторимъ вопросъ: кто просилъ васъ быть русскимъ публицистомъ—и отвѣтимъ: *ваше сознаніе.* Вотъ гдѣ источникъ того зуда, который гонитъ васъ по славянофильской дорогѣ; но не удивляйтесь, что другіе идутъ по иной дорогѣ, побуждаемые *своимъ* сознаніемъ. Если хотите быть послѣдовательны, какъ послѣдовательны *Московскія Вѣдомости,* принимайте мѣры противъ сознанія и противъ всего, что̀ такимъ сознаніемъ пробуждается. Вы открещиваетесь отъ обвиненія въ томъ, что желаете „удержать русское общество на уровнѣ мужицкаго образованія" (стр. 11-я).

Напрасно вы дѣлаете это. Вамъ, очевидно, вспоминаются слова Фамусова:

Ученье—вотъ чума; ученость—вотъ причина...

Надъ этими словами *смѣются.* Но предположите, что Фамусовъ сказалъ бы: *сознанье*—вотъ чума! Надъ этимъ не засмѣялись бы. Въ немъ, въ этомъ сознаніи, бѣда величайшая. Оно терзаетъ, томитъ и сушитъ человѣка; оно дѣлаетъ его пессимистомъ въ томъ случаѣ, если его идеалы не осуществляются, если его стремленія и идеи не находятъ себѣ примѣненія. Страдальцевъ оно создаетъ или людей безпокойныхъ, счастья же и веселья отъ него нѣтъ.

А тутъ еще, отмахиваясь, вслѣдствіе непонятной непослѣдовательности, отъ уровня „мужицкаго образованія“, *Русь* провозглашаетъ нижеслѣдующее: „общество призвано *выводить* народный умъ изъ той области *непосредственнаго* бытія, въ которой *по необходимости* пребываютъ народныя массы, въ высшую область „*сознанія*“. Да Боже сохрани! Свою-то заразу прививать къ другому! Можно ли говорить такія вещи? А все отчего? Оттого, что *Русь* не додумала своихъ мыслей до конца. По ея мнѣнію, можетъ быть сознаніе кривое и прямое, вредное и благодѣтельное. А по моему мнѣнію, всякое сознаніе кривитъ человѣка и причиняетъ вредъ какъ ему, такъ и окружающимъ его. Вотъ, г. Катковъ—тотъ „выпрямитъ“! Честь ему и слава! Тогда и г. Страхову не придется спрашивать: „кто просилъ васъ быть русскимъ публицистомъ?“ Никто имъ и не будетъ, и всѣмъ будетъ спокойно и радостно.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ И ВОЙНА 1877 ГОДА.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

въ 1875 году.

Въ 1876 году исполнится два десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ Парижскій миръ прекратилъ ужасы Крымской войны. Въ теченіе двадцати лѣтъ Россія могла слѣдовать и, дѣйствительно, слѣдовала совершенно новымъ стремленіямъ во внѣшней своей политикѣ. Оглядываясь на эти двадцать многознаменательныхъ лѣтъ, нельзя не подивиться происшедшей перемѣнѣ и не назвать прошлаго 1875 года самымъ полнымъ выразителемъ этой перемѣны. Остановимся на ней и постараемся опредѣлить ее. Какъ смотрѣла Европа на Россію до 1856 года? Чѣмъ представлялась Европѣ эта „шестая часть свѣта“? Историки, публицисты, экономисты, журналисты, читающее и нечитающее европейское общество — всѣ одинаково видѣли въ Россіи грозную военную державу, способную каждую минуту нарушить европейскій миръ. Мало того, въ ней видѣли главный, существенный тормазъ общеевропейскаго преуспѣянія. Россія, по мнѣнію всей Европы, была главнымъ оплотомъ устарѣвшихъ идей противъ новыхъ началъ, возвѣщенныхъ 1789 годомъ. Начиналось ли въ Италіи движеніе противъ господства иноземныхъ и деспотическихъ государей—имя Россіи выставлялось, какъ пугало, для устрашенія „карбонаріевъ“. Изгонялись ли Бурбоны или Орлеаны изъ Франціи—Россія спѣшила заявить свое неудовольствіе; мечтала ли Германія о свободномъ и національномъ государственномъ устройствѣ—всѣ реакціонныя стремленія нѣмцевъ находили себѣ опору въ Россіи. Вся Европа рукоплескала словамъ Мишле, назвавшаго наше отечество *Бастиліей*, воздвигнутою между Азіей и Европой, „громадною Бастиліей, въ которой глохнетъ всякая живая мысль, и изъ которой исходятъ всѣ реакціонныя стремленія“. Извѣстно, что эти обвиненія

были преувеличены. Зная тайныя пружины новѣйшей исторіи, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что роль Россіи въ европейской реакціи была не первенствующая, а служебная. Центромъ реакціонныхъ происковъ съ 1815 до 1848 года былъ *австрійскій* кабинетъ, руководимый княземъ Меттернихомъ — этимъ оракуломъ реакціи, бывшимъ душою тогдашняго тройственнаго союза между Австріей, Пруссіей и Россіей. Въ 1848 году онъ покинулъ Австрію, спасаясь бѣгствомъ отъ революціи. Но вскорѣ торжествующая австрійская реакція выдвинула достойнаго ему преемника—князя Шварценберга, воспользовавшагося Россіей для своихъ цѣлей.

Это совершенно вѣрно. Но, къ сожалѣнію, Россія не сдѣлала тогда ничего для уясненія истиннаго положенія дѣлъ. Напротивъ, она сдѣлала все для утвержденія Европы въ разъ принятомъ ею мнѣніи; мало того: она одна являлась въ роли безкорыстнаго рыцаря легитимизма и билась за свой принципъ съ безкорыстіемъ крестоносца тамъ, гдѣ другіе дѣйствовали по разсчету и съ разсчетомъ. Достаточно одного примѣра. Только Россія сочла долгомъ отказать въ своемъ признаніи Наполеону III-му изъ рыцарской привязанности къ трактатамъ 1815 года. Другія державы поспѣшили признать счастливаго заговорщика. Мы одни и расплатились за эту привязанность. Австрія исполнила пророчество Шварценберга и „удивила міръ своею неблагодарностью". Мы остались одни передъ вооруженною Европой; мы проиграли свое дѣло на Востокѣ, и униженіе наше было привѣтствовано, какъ паденіе варварской и военной державы.

Что же теперь? Еслибъ по исторіи послѣднихъ двадцати лѣтъ судить объ исторіи вообще, то ее можно бы сравнить съ волшебнымъ представленіемъ, гдѣ декораціи мѣняются по знаку искуснаго машиниста. Видъ великолѣпнаго дворца смѣняется видомъ дремучаго лѣса, въ свою очередь, уступающаго мѣсто идиллической деревенской картинѣ.

Бокль, съ гордостью истиннаго европейца, доказывалъ въ своей *Исторіи цивилизаціи въ Англіи*, что воинскій духъ подавленъ современною культурой. „Что это варварское занятіе—говоритъ онъ— вмѣстѣ съ развитіемъ общества, быстро падаетъ, извѣстно каждому, даже поверхностно знакомому съ исторіей Европы". Но Бокль писалъ эти строки во время страшной Крымской войны, въ которой принимали участіе и культурные народы. Какъ же объяснить это участіе? Бокль далъ объясненіе, имѣвшее видъ правдоподобія въ то время.

„Особенность военной борьбы, въ которую и мы вовлечены,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, что она произошла не отъ столкновенія интересовъ странъ образованныхъ, а отъ разрыва между Россіей и Тур-

ціей, двумя наименѣе образованными государствами, остающимися теперь въ Европѣ. Этотъ фактъ весьма замѣчателенъ. Для характеристики современнаго общественнаго состоянія въ высшей степени важно, что миръ, безпримѣрно продолжительный, прерванъ не такъ, какъ прежде, ссорой между двумя образованными народами, но нападеніемъ необразованной Россіи на еще болѣе необразованную Турцію".

Такъ рѣшила мірская мудрость; но мудрость высшая опредѣлила иначе. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ недавнее, всѣмъ памятное прошлое. Наполеонъ III, нѣкогда отвергнутый русскимъ правительствомъ, заключилъ побѣдоносный миръ. Образованныя державы включили „необразованную" Турцію въ свою семью и обезпечили ей полную безопасность со стороны ея также необразованной сосѣдки. Миръ былъ заключенъ въ Парижѣ, столицѣ образованности, и все обѣщало ему долгій вѣкъ. Вышло не то. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ Европа, съ опасеніемъ взиравшая на мнимо-воинственные замыслы Россіи, теперь тревожно повернулась къ столицѣ просвѣщенія, къ Парижу, гдѣ высился престолъ, созданный измѣной и обагренный кровью согражданъ. Съ замираніемъ сердца прислушивалась Европа къ новогоднимъ рѣчамъ наслѣдника Наполеона I. Биржевыя цѣнности падали и понижались, шансы войны уменьшались и увеличивались, судя по тому, что̀ изрекъ императоръ „великой и просвѣщенной" націи. Онъ создалъ систему вооруженнаго мира, поглощающаго средства просвѣщенной Европы, онъ заставилъ свой народъ вести рядъ войнъ для поддержанія военной славы имперіи. Одна изъ этихъ войнъ вызвала общее сочувствіе — святая война за независимость Италіи. Но „въ душу злохудожну не внидетъ премудрость". Наполеонъ и тутъ сумѣлъ обмануть италіанскую націю — онъ заключилъ поспѣшный миръ и впослѣдствіи сдѣлался тормазомъ италіанскаго единства! Затѣмъ слѣдовалъ рядъ фантастическихъ и безполезныхъ войнъ, въ родѣ войны мексиканской, врядъ ли способной поддержать славу цивилизованной націи.

Но „военная слава" недолго была удѣломъ Бонапарта. Она не удержала имперіи отъ упадка, вызваннаго систематическимъ растлѣніемъ „правительственной" партіи и энергическимъ пробужденіемъ чувства свободы. Въ то время — говоритъ одинъ изъ публицистовъ — какъ французскій берегъ понижался, съ того берега Рейна показалась прусская каска. Самъ Бокль не усомнился бы признать, что каска эта надѣта на голову одного изъ „цивилизованнѣйшихъ" народовъ въ свѣтѣ. Его вождь произнесъ знаменитую фразу, что всѣ великіе вопросы разрѣшаются „желѣзомъ и кровью". Слова эти произнесены были не всуе. Желѣзо обагрило кровью поля Садовой и

Кёниггреца. Сѣверо-германскій Союзъ былъ созданъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ всею своею тяжестью опрокинулся на Францію. Преобладаніе Германіи въ Европѣ было упрочено, и никто не станетъ сомнѣваться, что преобладаніе это исключительно и чисто *военное*. Роль бывшаго обитателя тюильерійскаго дворца перешла къ варцинскому отшельнику. Онъ, вождь цивилизованной націи, держитъ въ своихъ рукахъ миръ и войну. Его сотрудники возвели военное искусство на степень науки. Наука и война—какое сочетаніе! Какое посрамленіе для тѣхъ, кто называлъ войну „варварскимъ занятіемъ“! Они еще не предвидѣли тогда, что на свѣтѣ могутъ быть ученые варвары, Аттилы, подбитые Гегелемъ...

Что̀ же дѣлала въ это время „варварская Россія“? Двадцать лѣтъ нашей политики на Западѣ должны были бы поколебать всѣ предразсудки относительно нашего отечества, еслибъ только предразсудки культурныхъ народовъ не были крѣпче предразсудковъ краснокожихъ или негровъ. Россія сочувственно отнеслась къ войнѣ за италіанскую независимость и первая признала новое Италіанское королевство. Не ея вина, что Наполеонъ поспѣшилъ заключить виллафранкскій миръ и надолго задержалъ исполненіе собственнаго обѣщанія. Россія охладила шовинизмъ германскихъ патріотовъ, требовавшихъ, чтобъ „общее отечество“ стало на сторонѣ Австріи. Всѣ помнятъ лекціи, прочитанныя въ это время княземъ Горчаковымъ Германскому Союзу. Россія не только не останавливала, но поддерживала развитіе германскаго единства. Два раза ея дружественный нейтралитетъ оказалъ неоцѣнимыя и неоцѣненныя услуги Германіи: въ 1866 году и, еще больше, въ 1870 году. Въ теченіе двадцати лѣтъ ни одна плодотворная идея, появлявшаяся въ Европѣ, не встрѣчала отпора въ Россіи.

Ея политика за все это время можетъ быть названа политикой *мира*, не вялаго и безсодержательнаго мира во что̀ бы ни стало, составляющаго позоръ Людовика-Филиппа во Франціи, но мира дѣятельнаго, сознательнаго, творческаго. Каждый разъ, когда предстояло предупреждать общеевропейскую войну, когда можно было предотвратить войну частную, Россія дѣйствовала настойчиво, ясно, безъ заднихъ мыслей. Что жъ получила она взамѣнъ?

Съ 1856 года ея вліяніе на Востокѣ было парализовано. Европа увѣрила Порту, что Турція — держава европейская и даже болѣе способная къ культурѣ, чѣмъ вполнѣ варварская Россія. Отечество наше было сбито съ почвы того законнаго вліянія, какое оно имѣло на судьбу своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи. Европа взялась цивилизовать дикую и дряхлую Порту. Отвѣтомъ на эти старанія были: рѣзня въ Сиріи, рѣзня въ Кандіи и дважды рѣзня

въ Герцеговинѣ—въ 1862 году, при Лукѣ Вукаловичѣ, и тринадцать лѣтъ позже, въ 1875 году, при Любибратичѣ, еще продолжающаяся рѣзня, приводящая въ содроганіе весь дѣйствительно христіанскій міръ...

Россія не измѣнила своей роли. Яснымъ тому доказательствомъ служатъ два факта изъ исторіи прошлаго года. Предъ лѣтнею поѣздкой Государя Императора за границу, тамъ носились уже грозные симптомы войны. Внутренняя борьба германскаго правительства съ католиками готова была перейти на болѣе широкую почву. Подъ давленіемъ грозной имперіи Бельгія принуждена была измѣнить свое уголовное законодательство. Положеніе Франціи становилось все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Конечно, ея клерикальная партія, разнузданная нынѣшнимъ правительствомъ, способна была вызвать раздраженіе въ творцѣ „протестантской имперіи". Но не въ этомъ одномъ коренились причины натянутыхъ отношеній. Носились слухи о чрезмѣрныхъ вооруженіяхъ, которыя, будто бы, предприняты были Франціей, и которыхъ она, будто бы, не имѣла права дѣлать. Толковали, что напрасно съ Франціи взято „только" пять милліардовъ, потому что она поднялась слишкомъ быстро, и т. д. Конечно, мы не знаемъ всѣхъ подробностей дѣла, но несомнѣненъ *фактъ*, что война между двумя „просвѣщенными" державами уже носилась въ воздухѣ, когда Государь Императоръ прибылъ за границу. Вслѣдъ затѣмъ всякіе толки о войнѣ утихли, и заграничная печать придала нашему Императору вполнѣ заслуженное названіе миротворца. Не знаемъ, насколько искренно отнеслась къ этому факту печать нѣмецкая, такъ какъ она, состоя „на содержаніи", едва ли можетъ говорить отъ души, но искренность французской печати несомнѣнна. Всѣ помнятъ, что̀ было высказано французскими газетами всѣхъ оттѣнковъ по поводу кончины супруги нашего посла, князя Орлова. Франція, еще въ 1863 году готовившаяся поднять европейскую войну за Польшу, видѣвшая въ русскомъ государствѣ воплощеніе принципа вооруженной орды, теперь видитъ „вооруженную орду" въ другомъ мѣстѣ и усматриваетъ въ Россіи надежный оплотъ европейскаго мира. Новорожденная французская республика не только не враждебна монархической Россіи, но внушаетъ ей глубокія симпатіи. Если что нибудь и способно возбудить сомнѣнія Россіи, то не республиканскій принципъ, а то, что̀ искажаетъ и задерживаетъ его примѣненіе—клерикализмъ, двусмысленное отношеніе кабинета Бюффѐ къ республиканскимъ установленіямъ, происки партій, величающихъ себя „охранительными" элементами страны. Такъ глубоко измѣнились отношенія Россіи къ принципамъ, которые нѣкогда были преданы ею анаѳемѣ! Другимъ, еще болѣе важнымъ доказательствомъ миролюбія Россіи является ея политика по герцеговинскому дѣлу.

Ни по одному вопросу Россія не имѣла бо̀льшаго права потребовать нѣкотораго отчета отъ Турціи и европейской дипломатіи; ни въ одномъ вопросѣ Турція и „дипломатія“ не выступали съ меньшею подготовкой, съ меньшими средствами разрѣшить дѣло. Такъ или иначе, Россія, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вела турецкихъ христіанъ къ постепенному освобожденію отъ ига мохамеданъ; политика эта была прервана Крымскою войной и Парижскимъ миромъ.

Совершился невѣроятный фактъ: полудикая Турція, по „высочайшему повелѣнію“ Европы, была признана государствомъ европейскимъ. Россіи велѣно сжечь ея черноморскій флотъ и держаться системы „невмѣшательства“ въ турецкія дѣла. Проходитъ двадцать лѣтъ—и сама Европа признаетъ полную несостоятельность Оттоманской имперіи. Европа вздрагиваетъ отъ сценъ герцеговинскаго возстанія, переносящихъ насъ къ эпохѣ каннибализма. Старый туркофилъ, Джонъ Россель, выступаетъ съ смѣшнымъ пожертвованіемъ въ пользу возставшихъ и не менѣе смѣшною рѣчью противъ Турціи... Удивляться тутъ нечему. Какихъ же иныхъ плодовъ могла ожидать Европа отъ Турціи, предоставленной самой себѣ? Что̀ было сдѣлано для „оживленія“ гніющей имперіи? Европа накупила турецкихъ облигацій и жадно получала по нимъ огромные проценты, пока Турція, почти одновременно съ учетнымъ банкомъ въ Москвѣ, не прекратила платежей. Мирныя банкирскія операціи съ трескомъ разлетѣлись предъ возстаніемъ измученныхъ славянъ. Вѣковыя страданія, голодъ, бѣдность, нестерпимыя обиды заявили, наконецъ, свои права. Просвѣщенная Европа присматривается къ мятежу и открываетъ въ немъ непонятные симптомы. Оказывается, что это не просто „недоразумѣнія“, неудовольствія, даже не бунтъ, а симптомъ несомнѣннаго разложенія „больного человѣка“. Будь это просто „бунтъ“, Европа, можетъ быть, предложила бы даже свои войска для „усмиренія“ возставшихъ. Но вопіющіе факты говорятъ иное; скрѣпя сердце, Европа рѣшила, что дальше „такъ“ идти не можетъ, и что „этому“ нужно положить конецъ.

Что̀ же такое „это“ и „такъ“? Ясно, что *такъ* управлять христіанами больше нельзя, и что *эта* турецкая администрація перешла за предѣлы возможнаго. Дѣло идетъ—ни болѣе, ни менѣе—какъ о такомъ переустройствѣ Турецкой имперіи, которое возродило бы ее, возвратило бы ей жизненныя силы и сдѣлало бы изъ нея государство европейское. Словомъ, рѣчь идетъ о квадратурѣ круга. Изо всего этого рождается событіе изумительнаго свойства. Да иначе и быть не могло—вотъ почему: въ Европѣ въ теченіе 20-ти лѣтъ никто не думалъ о восточномъ вопросѣ; Россія была выбита изъ сѣдла, двадцать лѣтъ сряду была отстранена отъ серьезнаго вліянія на

Востокѣ и невольно порвала связь съ своею традиціонною политикой. Въ Россіи не могло родиться строго обдуманнаго плана на тотъ „случай", еслибъ „больной человѣкъ" вздумалъ оставить сей міръ. Событія австро-прусской и франко-прусской войнъ по необходимости должны были отвлечь вниманіе важнѣйшихъ державъ Европы отъ внѣшнихъ дѣлъ къ внутреннимъ. Австрійская имперія обратилась въ Австро-Венгрію и должна была подумать о своемъ „перерожденіи", не закончившемся и по сей день. Франція, обобранная, униженная, раздираемая борьбою партій, занята своимъ „возрожденіемъ", которое протянется Богъ знаетъ сколько времени. Германія, недавно родившаяся, въ качествѣ „протестантской имперіи", успѣла уже бросить себѣ на руки церковный вопросъ, соціальный вопросъ, биржевой вопросъ и много другихъ вопросовъ внутренняго порядка. Англія, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, во-время унесла изъ-подъ подушки „больного человѣка" акціи — Суэцскаго канала. За устраненіемъ отъ дѣла Англіи и Франціи, попеченіе о „больномъ" выпало на долю трехъ восточныхъ имперій. Но что онѣ могли сдѣлать?

Начнемъ съ ближайшей сосѣдки, съ славяно-нѣмецко-венгерской монархіи, повидимому, весьма заинтересованной славянскимъ вопросомъ. Чего могла она желать для себя? Хлопотать объ автономіи возставшихъ областей? Но босняки и герцеговинцы сродни славянамъ, входящимъ въ составъ мудреной Австро-Венгріи, и автономія славянъ турецкихъ могла бы послужить „пагубнымъ примѣромъ" для славянъ венгерскихъ. Забрать возставшихъ подъ свою высокую руку? Но австро-венгерская печать категорически объявляетъ, что графъ Андраши не хочетъ новыхъ славянскихъ элементовъ въ своей странѣ, и это весьма правдоподобно. Остается одно—протянуть кое-какъ существованіе Турецкой имперіи, давъ ей реформы. Германская имперія не имѣетъ прямыхъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Есть основаніе думать, что если восточный вопросъ начнетъ разрѣшаться, она приступитъ къ разрѣшенію другихъ вопросовъ, не балканскихъ, а болѣе близкихъ. Стало быть, и поэтому должно бы отдалить окончательное разрѣшеніе восточнаго вопроса, занявшись предварительно „возрожденіемъ" Турціи. Остается Россія, дѣйствительно не имѣющая никакихъ ни завоевательныхъ, ни пріобрѣтательныхъ замысловъ со стороны какъ Турецкой имперіи, такъ и другихъ странъ.

Ни одинъ здравомыслящій политикъ не усомнится, что завоеваніе Россіей какой бы то ни было турецкой области теперь немыслимо. Но еслибъ и существовали относительно этого какія-нибудь сомнѣнія, они должны разсѣяться въ виду прошлогодней политики Россіи.

Въ то время, когда Англія купила Египетъ, когда въ Австріи нѣкоторая партія мечтаетъ о присоединеніи возставшихъ провинцій къ „сугубой монархіи", Россія настойчиво повторяетъ, что турецкому правительству должна быть предоставлена свобода дѣйствій, что его величество султанъ дастъ необходимыя реформы, что прочимъ державамъ необходимо только поддерживать эти благія намѣренія. Сербія и Черногорія удерживаются въ своемъ нейтралитетѣ. Все дѣло ограничивается нравственнымъ вліяніемъ и „представленіями", не имѣющими особенной силы. Всякіе помыслы о войнѣ заботливо устраняются. Рѣчь Государя Императора на праздникѣ георгіевскихъ кавалеровъ торжественно подтверждаетъ о миролюбивомъ настроеніи русскаго правительства.

Россія не только не идетъ въ разрѣзъ съ „европейскою" политикой, но сливается съ нею. Голосъ Россіи участвуетъ въ дружномъ хорѣ государствъ, требующихъ продленія „бытія" Турецкой имперіи—стало быть, отсрочки рѣшенія восточнаго вопроса. По мановенію своихъ сосѣдей, „больной человѣкъ" является въ роли не только реформатора, но утописта—Томаса Мора, Кампанеллы и Кабѐ. Онъ пишетъ проекты „наилучшаго государственнаго устройства". долженствующіе водворить золотой вѣкъ. Какъ не вѣрить послѣ этого спиритическимъ явленіямъ?

Итакъ, Турція должна жить. Можетъ быть, даже желательно, чтобъ она жила? Когда мы писали эти строки, намъ пришло на память одно мѣсто изъ *Исторіи французской революціи* Карлейля: „Мирабо былъ очень нуженъ для Франціи; онъ одинъ могъ дать революціи правильный ходъ. Но онъ не могъ жить ни одного года болѣе, такъ же, какъ и тысячи лѣтъ. Годы человѣка сочтены, и годы, данные Мирабо, истекли. Важенъ или не важенъ человѣкъ, предназначено ли ему жить въ исторіи цѣлыя столѣтія или быть забытымъ черезъ два, три дня—для неумолимаго рока все равно. Среди занятій дѣятельной и цвѣтущей жизни является блѣдный вѣстникъ и молча дѣлаетъ вамъ знакъ: обширные интересы, проекты, спасеніе французской монархіи, что̀ бы васъ ни занимало—все нужно тотчасъ оставить и идти... Всемірная исторія не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она *хотѣла бы*, *могла бы* или *должна бы* быть, въ силу той или другой *возможности*; но она просто и всегда есть то, что̀ она *есть*".

Конечно, Турція не Мирабо: она не одинъ человѣкъ и особенно не великій человѣкъ. Но и дни государства такъ же сочтены, какъ дни „одного", и къ нимъ также является „блѣдный вѣстникъ", молчаливо дѣлающій имъ роковой знакъ. Никакія усилія не удержатъ его въ этомъ мірѣ, какъ бы онъ ни былъ нуженъ, какихъ бы услугъ отъ него ни ожидали. Вся Европа видитъ этого „вѣстника": онъ

дѣлаетъ уже знакъ одряхлѣвшей имперіи въ видѣ страшнаго возстанія, неизлѣчимаго банкротства, ужасающаго разстройства администраціи, упадка народнаго духа. Или этого мало? Или нужно еще какихъ нибудь знаменій?

Что бы ни писалъ султанъ, какія бы реформы ни возвѣщались турецкимъ правительствомъ—Турція скоро должна будетъ „оставить все“ и отправиться туда, куда раньше ея попала Византійская Имперія. Протянуть существованіе Турціи можно, но дѣлать это—значитъ длить безвыходную анархію, рѣзню, готовить для всей Европы бòльшія и бòльшія трудности.

Но чѣмъ бы ни кончилось дѣло, всякій безпристрастный историкъ скажетъ, что не Россія была виновата въ великихъ европейскихъ столкновеніяхъ. Она не поддерживала ничьихъ надеждъ и нигдѣ не поселяла смуты. Не „московскіе рубли“ вызвали возстаніе герцеговинцевъ; не русское правительство побуждало ихъ упорствовать въ сопротивленіи. Все было сдѣлано голодомъ, ужасающими страданіями, черною неправдою судовъ и неслыханно жестокимъ управленіемъ. Россія произносила свое „берегись“ еще во время кандійскаго возстанія. Ея не слушали. Всѣ хотѣли Турціи единой, нераздѣльной и могущественной. „Будетъ вамъ за то война семилѣтняя, тридцатилѣтняя“... говорилъ одинъ великій публицистъ.

Намъ, русскимъ, остается только пожелать одного: мы расплатились за свой рыцарскій консерватизмъ Крымской войной; дай Богъ, чтобъ наше миролюбіе принесло намъ иные, добрые плоды.

ЗА СЛАВЯНЪ.

(КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ).

Наши братья возстали для защиты своихъ женъ и дѣтей, своей вѣры. Сказалъ бы: для защиты своего имущества—но они нищіе! Давно уже турецкое насиліе отняло у нихъ послѣднее достояніе, а бремя возстанія унесло остальное. Они лишены всѣхъ человѣческихъ правъ и думаютъ завоевать ихъ себѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Да благословитъ Богъ ихъ оружіе!

Но намъ, русскимъ, намъ, ихъ братьямъ по крови, по вѣрѣ, намъ, просвѣщеннымъ, какъ и они, святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, что̀ дѣлать? Ограничиться ли благословеніями и сочувствіемъ? Но благословеніе можетъ дать одинъ Богъ. Его всемогущая десница посылаетъ побѣду и покоряетъ враговъ. Что̀ сдѣлаетъ наше благословеніе, никѣмъ неслышимое и безсильное, если оно останется безъ дѣлъ?

Миролюбивая политика нашего правительства избавила насъ отъ войны, неизбѣжной при другихъ условіяхъ. Она сохранила кровь нашихъ дѣтей, она обезпечила намъ покой. Но не станемъ закрывать себѣ глазъ: правительство отвратило войну въ настоящемъ, но будущее никому неизвѣстно. Все зависитъ отъ исхода событій на Балканскомъ полуостровѣ. Одолѣютъ славяне — и мы останемся въ покоѣ; побѣдятъ турки, и тогда... кто станетъ смотрѣть спокойно на всѣ звѣрства, какими завершаются обыкновенно турецкія побѣды? Кто рѣшится допустить, чтобъ славяне потеряли даже ту долю правъ, какую они имѣютъ нынѣ? Кто рѣшится шагнуть къ временамъ первыхъ дней турецкаго ига?

На Балканскомъ полуостровѣ разыгрывается судьба не однихъ славянъ турецкихъ. Тамъ поставлены на карту всѣ плоды вѣковой

политики нашего правительства, все, чего оно, силою оружія, успѣло добиться отъ султановъ на пользу нашихъ единоплеменниковъ. Стало быть—славяне турецкіе бьются не только за себя, но и за честь и достоинство Россіи. Они одни, на плечахъ своихъ, должны вынести христіанское просвѣщеніе противъ мертвящаго ислама.

На нихъ лежитъ тяжкое бремя. Поможемъ имъ нести его! Откажемся отъ частицы нашихъ удовольствій, чтобъ доставить имъ необходимое. Отъ десятковъ и сотенъ рублей, ежедневно бросаемыхъ на развлеченія, отдѣлимъ по нѣскольку копѣекъ на святое дѣло освобожденія братьевъ нашихъ!

Къ вамъ, прежде всего, идетъ это обращеніе, къ вамъ, въ комъ жива нравственная личность человѣка, въ комъ зрѣлище народа, возставшаго за свою свободу и вѣру, заставляетъ сильнѣе биться сердце; къ вамъ, кто помнитъ еще горестные дни Крымской войны, великодушно начатой за тѣхъ же славянъ; къ вамъ, кто плакалъ радостными слезами въ великій день освобожденія крестьянъ, возстановленія человѣческой личности въ двадцати милліонахъ крѣпостного населенія. А что̀ значило крѣпостное право въ сравненіи съ рабствомъ славянъ? Покажите себя достойными потомками героевъ, безропотно и горделиво умиравшихъ въ Севастополѣ, подъ Карсомъ, за Дунаемъ! Или наши кошельки раскрываются труднѣе, чѣмъ раскрывалась грудь отцовъ нашихъ, подставлявшихъ ее ударамъ враговъ? Или золоту труднѣе литься, чѣмъ крови?

Но съ вами не нужно много словъ. Другое дѣло дѣти вѣка „практическаго“, какимъ считаютъ нашъ, для кого биржа и цѣнность рубля лучшее мѣрило политическихъ мѣръ. Помогать борьбѣ полузабытыхъ братьевъ нашихъ на отдаленномъ полуостровѣ, не есть ли это цѣль слишкомъ отвлеченная, слишкомъ отдаленная отъ практическихъ интересовъ?

Нужно ли доказывать, что это заблужденіе? Нужно ли напоминать, что бываютъ въ жизни народовъ минуты, когда камни вопіютъ? Нужно ли, наконецъ, говорить, что въ иныя минуты служеніе самому отвлеченному идеалу вызывается настоятельными, практическими потребностями? Да, практическими. Припомните, ка̀къ понизились цѣны на всѣ бумаги, „фонды и акціи“, при одномъ слухѣ *о возможности* войны. Что̀ же случилось бы при дѣйствительной войнѣ? Правительство отвратило войну искусною дипломатіей. Оно сдѣлало, что̀ могло. Теперь настала очередь общества. Оно можетъ отвратить войну и въ будущемъ, поддерживая славянъ, доставляя имъ денежную помощь неустанно и непрерывно, не оставляя славянъ ни на одну минуту.

Посмотрите, что̀ выйдетъ изъ этой помощи. Не говоримъ уже,

что братья наши будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ—а это облегчаетъ борьбу, стало быть, и побѣду — но это не все. Въ виду неоскудѣвающей помощи нашей, славяне утвердятся въ убѣжденіи, что за ихъ дѣло стоитъ горой все великое царство русское. Обильная помощь укрѣпитъ ихъ энергію, окрылитъ ихъ мужество, поведетъ ихъ къ новымъ побѣдамъ.

И это не все. Неумолкающій взрывъ благотворительности укажетъ и Европѣ истинное настроеніе русскаго общественнаго мнѣнія. Изъ него она увидитъ, на какія силы можетъ разсчитывать наше правительство въ ту минуту, когда ему придется возвысить свой голосъ при окончательномъ рѣшеніи „восточнаго вопроса". Наша благотворительность, въ данную минуту, избавитъ правительство отъ необходимости прибѣгать къ военнымъ демонстраціямъ, заранѣе давъ ему непреодолимый авторитетъ.

Рубли, пожертвованные теперь, сохранятъ намъ десятки, сотни рублей, которые пришлось бы тратить въ случаѣ войны.

Это ли еще не практично? Вы хотите мира, покоя, невмѣшательства. Все это въ вашихъ рукахъ. Дайте волю движеніямъ вашего сердца, увлекайтесь, безумствуйте, даже хотя бы такъ, кàкъ безумствуютъ у насъ на бенефисахъ заѣзжихъ знаменитостей, и безуміе обратится въ мудрость, увлеченіе окажется лучше всякаго разсчета.

Преданіе приписываетъ Александру I-му знаменитыя слова, сказанныя имъ въ 1812 году: „не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется въ Россіи". Онъ сдержалъ слово, и восторженный народъ пронесъ его на рукахъ чрезъ всю Европу и горделиво опустилъ въ столицѣ побѣжденнаго врага.

Пусть каждый изъ насъ скажетъ: „рука моя не оскудѣетъ, пока хоть одинъ славянинъ останется подъ турецкимъ игомъ". И славяне съ гордостью пронесутъ имя русскаго царя и народа чрезъ весь освобожденный Балканскій полуостровъ; и духовенство единовѣрное помянетъ насъ на литургіи, отслуженной въ храмѣ св. Софіи, возвращенномъ христіанству!

1-го іюля 1876 года.
Вильна.

ЕДИНОБОРСТВО

НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Князья Миланъ и Николай, вожди сербовъ и черногорцевъ, съ одной, турецкіе редифы, низамы, башибузуки, черкесы, съ другой стороны. Бойня началась. Долго ли продлится она—вѣдаетъ одинъ Богъ. Чѣмъ кончится—изъ людей никто не вѣдаетъ. Кровь, пожары, пустыри, тифы, нищета. Вотъ они, плоды европейской опеки въ Турціи!

Цѣлыя двадцать лѣтъ просвѣщенная Европа изображала нѣжнаго отца, обучавшаго своего сына плаванію. Мальчикъ пущенъ въ воду, а отецъ стоитъ надъ нимъ, разставивъ руки, умильно смотритъ, какъ сынокъ барахтается въ волнахъ, и готовъ подхватить его, какъ только онъ пойдетъ ко дну. Турціи велѣно было сдѣлаться государствомъ европейскимъ, броситься въ море реформъ, обновиться, „пристыдить“ Россію своимъ неожиданнымъ государственнымъ развитіемъ. Планы писались за планами, займы заключались непрерывно, европейскіе капиталы помѣщались выгодно, подданнымъ султана представлялась перспектива земного рая.

Лопнули планы, прекратился платежъ процентовъ, измученная райя возстала. Крикъ, толки. Но о чемъ думали вы, филантропы, руссофобы, рыцари культуры, о чемъ думали вы раньше? Вы ничего не поняли, когда вспыхнули безпорядки въ Сиріи; вы не сумѣли разсмотрѣть, въ чемъ дѣло, когда критяне изнывали въ неравной борьбѣ. Вы закрывали свои уши, чтобъ не слышать воплей измученнаго народонаселенія Болгаріи, Босніи, Герцоговины. Вы твердили одно: „русскіе замыслы, панславизмъ, равновѣсіе Европы“... вы твердили все это, чтобъ не сказать истинной мысли вашей — проценты, проценты...

Вы продали туркамъ право попирать ногами Парижскій трактатъ, по которому султанъ обязался дать христіанскимъ своимъ подданнымъ возможность *человѣческаго* существованія. Вы упорно твердили о прогрессѣ Турціи и высылали подонки вашего общества грабить полуостровъ вмѣстѣ съ башибузуками. Въ чемъ, скажите, сдѣлалась Турція Европой? Развѣ въ презрѣніи и ненависти къ славянамъ? Но въ этомъ она могла бы поучить своего опекуна.

Началось прошлогоднее возстаніе, сразу принявшее грозные размѣры. Почувствовалась даже возможность общеевропейскаго „пожара". Будь у Россіи развязаны руки, она сразу поняла бы, что̀ дѣлать. Отъ временъ Петра и Екатерины русскіе государи знали, что̀ имъ дѣлать въ Турціи. Но теперь Парижскій трактатъ налагалъ обязанность соглашенія со всѣми „державами-поручительницами".

Началось соглашеніе. Стали писать планы, вести переговоры о рѣшительномъ на этотъ разъ „обновленіи" Турціи. Для охраненія мира, Сербія и Черногорія воздерживались отъ всякаго участія въ возстаніи. Султанъ твердилъ объ „обновленіи" и выгадывалъ время. Возстаніе шло своимъ порядкомъ, жестокости совершались своимъ, планы писались особо, а фанатизмъ разгорался все больше и больше. Настала весна, и славяне увидѣли, что дѣло не подвинулось впередъ. И не только не подвинулось, но приняло худшій оборотъ. Турція собралась съ послѣдними силами, и фанатизмъ мусульманъ готовился продѣлать ужасы, которые только Шейлокъ-Дизраэли можетъ смягчать къ общему скандалу порядочныхъ англичанъ. Континентальная дипломатія рѣшилась на послѣднее усиліе: выработать коллективный меморандумъ и препроводить его султану.

Несомнѣнно, что берлинскій меморандумъ былъ проникнутъ идеями мира, общей пользы и т. д. Неизвѣстнымъ оставалось одно: что̀ станетъ дѣлать Европа, въ случаѣ неуспѣха ея представленій? Англія вывела ее изъ затрудненія. Она, по соображеніямъ, очень понятнымъ, отказалась пристать къ берлинскому заявленію. Тогда событія пошли быстро. Низверженіе и „самоубійство" Абдуль-Азиса, проектъ „конституціи" и избіеніе министровъ, англійскій флотъ въ Босфорѣ и рѣчи г-на Дизраэли о „мягкости" турокъ; въ заключеніе—появленіе Сербіи и Черногоріи на военномъ полѣ.

Объ этомъ событіи — самомъ важномъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ событій—и желательно намъ сказать нѣсколько словъ.

Въ прошломъ году, изъ желанія „локализовать" возстаніе, оба княжества были удерживаемы отъ вмѣшательства въ событія. Теперь, въ видахъ той же „локализаціи", они выпущены на отчаянную борьбу, на единоборство, если только можно назвать единоборствомъ борьбу двухъ слабыхъ княжествъ съ Турціей и Англіей, явно при-

сутствующей въ турецкомъ казначействѣ, интендантствѣ и т. д. Очевидно, что тутъ дѣло не въ одной локализаціи.

Вмѣшательство Сербіи и Черногоріи означаетъ, во-первыхъ, что всѣ усилія дипломатіи не привели къ желаннымъ результатамъ. Будь они успѣшны, возстаніе кончилось бы еще въ прошломъ году въ умиротворенныхъ и получившихъ свои человѣческія права Босніи и Герцоговинѣ. Стало быть, волненіе не локализовалось, а разрослось. Другими словами: потерпѣлъ ущербъ тотъ идолъ, которому мы молимся давно—*европейскій миръ*. Прошлый годъ волненіе ограничивалось возставшими провинціями. Этотъ годъ въ игрѣ *весь* Балканскій полуостровъ съ присовокупленіемъ Египта. Позволительно спросить, куда перенесется черта „мира“ на будущій годъ? Объ этомъ предметѣ пора, кажется, подумать.

Къ чести европейской культуры, трудно себѣ представить, что Европа будетъ хладнокровно смотрѣть на бойню, совершающуюся теперь въ Турціи. Число убиваемыхъ и убивающихъ разрослось. Они будутъ убивать и отдавать себя на убійство, пока останется хоть горсть людей, способныхъ на борьбу. Миролюбивая Европа, просвѣщенная и христіанская Европа, это ты говоришь людямъ: „убивайте другъ друга, а я посмотрю, что̀ изъ этого выйдетъ?“

Куда и на что̀ идутъ славяне? Въ этомъ, кажется, никто не отдаетъ себѣ отчета, если только въ тайникахъ дипломатіи нѣтъ ключа къ этимъ загадкамъ.

Пущены ли славяне для того, чтобъ они горькимъ опытомъ познали, что освобожденіе ихъ отъ Турціи невозможно? Но тогда проще было бы еще въ прошломъ году ввести надлежащее число „корпусовъ“ въ возставшія провинціи и „умиротворить“ славянъ „кроткими“, но энергическими мѣрами. Это было бы и дешевле, и гуманнѣе (сравнительно говоря).

Или славяне должны доказать Турціи всю несостоятельность ея государственнаго строя, разрушить ее, основать свободныя славянскія государства? Но Европа, опять-таки, въ прошломъ году могла добиться отъ Турціи всѣхъ уступокъ, безъ особеннаго пролитія крови.

Или, наконецъ, славяне пущены на удачу: бей направо и налѣво, а что̀ изъ этого выйдетъ, разберемъ послѣ?

Когда Италія бросилась на Австрію въ 1859 году, всѣ знали, куда и къ чему идетъ дѣло. Когда Пруссія затѣяла датскую войну, когда она билась подъ Садовою, когда она двинула всю Германію на Парижъ, все было измѣрено и взвѣшено заранѣе. Но теперь?

Что̀ получитъ Сербія за пролитую кровь своихъ дѣтей? Боснію? Какъ бы не такъ! Австрія не „допуститъ“ территоріальнаго увеличенія Сербіи. Князь Николай сдѣлается государемъ Герцеговины?

Невозможно! Австрія находитъ, что образованіе самостоятельныхъ славянскихъ государствъ у ея предѣловъ—дурной примѣръ для ея славянскихъ подданныхъ.

Затрогивать ли здѣсь вопросъ о судьбѣ Константинополя, о Болгаріи и т. д.? Лучше не разжигать страстей уснувшей европейской дипломатіи...

Но если Турція должна пребыть неприкосновенною; если, въ противность всѣмъ законамъ исторіи, всѣмъ законамъ нравственнымъ, всѣмъ заповѣдямъ Божіимъ, Турція должна жить, то, скажите: изъ-за чего длится славянское возстаніе, изъ-за чего льется кровь нашихъ братьевъ? На потѣху просвѣщенной Европѣ? Она смотритъ на единоборство славянъ съ турками, какъ просвѣщенный и пресыщенный гражданинъ древняго Рима взиралъ на бой гладіаторовъ, какъ испанцы смотрятъ на бой быковъ.

Можетъ быть, Европа, желая сама оставаться въ мирѣ, предоставила славянамъ совершить свое освобожденіе своими руками. Но тогда, ка̀къ объяснить тотъ предательскій, ужасный „нейтралитетъ", какимъ отличается Англія, явно помогающая Турціи? Ка̀къ объясняется блокада, учиненная Австріей? И все это называется политикою, направленною къ сохраненію мира!

Вотъ слово, которымъ злоупотребляютъ, подобно многимъ великимъ и святымъ словамъ. Умышленно или неумышленно, но Европа не хочетъ понять, что *миръ не есть только отсутствіе войны.* Или она неправильно понимаетъ слова. Говоря о мирѣ, она хочетъ наружнаго спокойствія, она говоритъ: „послѣ, а не теперь". Но миръ есть результатъ отношеній, не дающихъ повода къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Такихъ условій на Балканскомъ полуостровѣ нѣтъ. На немъ назрѣла страшная болячка деспотическаго и безнадежно выродившагося правительства, болячка нѣсколькихъ милліоновъ народа, доведеннаго до отчаянія вѣковыми страданіями, извѣрившагося въ свое правительство и полагающаго всю надежду на силу оружія. Прибавьте къ этому, что каждая часть этого несчастнаго полуострова — лакомый кусокъ для многихъ европейскихъ государствъ. Нужно ли еще доказывать, что, пока „балканскія отношенія" не будутъ улажены, Европа не можетъ быть спокойна, что настоящаго мира не будетъ, а будетъ *миръ вооруженный,* гнетущій бюджетъ каждаго государства.

Если хотѣть мира, то нужно искать мира настоящаго. Россія хочетъ такого мира, потому что можетъ его хотѣть. Она не ищетъ завоеваній; она не боится освобожденія славянъ; она, дѣйствительно, желаетъ для нихъ лучшей судьбы. Россіи, слава Богу, нечего доказывать свое миролюбіе и готовность содѣйствовать чужому благу.

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ она не нарушала европейскаго мира, въ то время, какъ въ Европѣ война разражалась за войною. Одна изъ первыхъ признала она Италію; много сдѣлала она и для германскаго единства. Теперь она желаетъ помочь славянамъ. Что̀ можетъ быть естественнѣе этого желанія? Но, при всемъ своемъ сочувствіи единоплеменнымъ народамъ, она ни разу не подала повода къ нарушенію мира. Напротивъ, она отдала полную свободу державамъ, ближе всѣхъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ Австріей и Германіей, она стремилась вызвать въ покойномъ султанѣ реформаторскія способности. Она открыла графу Андраши полную возможность проявить свои дипломатическія способности, она удерживала, до послѣдней возможности, Сербію и Черногорію отъ военныхъ дѣйствій. Если эта политика не можетъ быть названа безкорыстною и прямодушною, то мы не знаемъ другихъ примѣровъ политическаго безкорыстія.

Но всему есть предѣлъ. Россія не можетъ принести въ жертву чужимъ интересамъ свои законные интересы, свое достоинство и честь. Если Константинополь сдѣлается англійскимъ предмѣстьемъ и Дарданеллы будутъ заперты англійскимъ флотомъ; если Сербія и Черногорія, вслѣдствіе несчастной войны, обратятся въ турецкіе пашалыки; если турецкому деспотизму и фанатизму откроется полная воля—Россія не можетъ остаться равнодушною зрительницею гибели всего славянства и обращенія Чернаго и Средиземнаго морей въ англійскія озера. Такой результатъ будетъ равносиленъ низведенію Россіи на степень второстепенной державы, а на эту роль она не можетъ согласиться безъ отчаянной борьбы.

Вотъ почему европейской дипломатіи нужно взвѣсить свое теперешнее поведеніе относительно славянъ. Пора бросить пугало „панславизма“, въ смыслѣ подчиненія всѣхъ славянъ русской державѣ. О такомъ панславизмѣ можно говорить развѣ съ дѣтьми.

Нужно говорить вотъ о чемъ. Турція, хотя бы славяне были побѣждены, не будетъ уже самостоятельнымъ государствомъ, съ своею волей и мыслью, хотя бы Англія пересадила въ нее весь свой парламентскій строй. Послѣ отчаяннаго взрыва нынѣшняго фанатизма, Турція обратится въ трупъ безъ признаковъ жизни. Гдѣ трупъ, тамъ и орлы. Одни орлы захотятъ гальванизовать этотъ трупъ и управлять всѣми его движеніями. Они усядутся въ Константинополѣ и будутъ владѣть Турціей подъ псевдонимомъ султана. „Мурадъ V-й“ будетъ псевдонимомъ г-на Дизраэли или иного англійскаго премьера. Съ другой стороны, иные орлы будутъ подхватывать кусочки, падающіе отъ трупа. Можетъ быть, австрійскій орелъ возьметъ на себя эту роль. Что̀ же дѣлать русскому двуглавому орлу? Смотрѣть,

какъ его выгоняютъ изъ всѣхъ позицій, запираютъ ему Черное море, душатъ его естественныхъ союзниковъ? И вотъ „восточный вопросъ" воскреснетъ въ новой и худшей формѣ—въ формѣ, невыносимой для достоинства Россіи. Улаживаются ли этимъ отношенія? Устраняется ли опасность войны? Обезпечивается ли желанный миръ?

Тогда уже никакія усилія не успѣютъ „локализовать войны", и ни одинъ пророкъ не предскажетъ ея размѣровъ. Вотъ о чемъ нужно подумать и что̀ необходимо принять въ разсчетъ. Сколько бы ни отводили намъ глазъ, но каждый здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что въ данную минуту на Балканскомъ полуостровѣ разрѣшаются не одни мѣстно-славянскіе, но и *русскіе* интересы. Сколько бы Англія ни твердила о необходимости „самостоятельной" Турціи, но каждый сообразитъ, что англійскій кабинетъ, разрушивъ берлинскую комбинацію, стремится къ утвержденію *своего господства* на полуостровѣ, а чрезъ это къ униженію *Россіи*.

При такихъ условіяхъ *единоборство* славянъ въ Турціи пріобрѣтаетъ особенный смыслъ. Въ данную минуту возстали, можно сказать, *послѣднія* славянскія силы. Погибнутъ онѣ—и въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ не явятся другія. Останется безмолвное и забитое стадо, низведенное на степень счастливыхъ подданныхъ англійской короны въ Индіи. Россія потеряетъ всякую точку опоры на Востокѣ. Отечество наше возвратится къ тому моменту, на которомъ засталъ его Петръ Великій. Побѣда турокъ надъ славянами будетъ для насъ хуже Прутскаго мира, и намъ снова придется начать отчаянную борьбу за существованіе. Тогда, смѣемъ думать, война сдѣлается *европейскою*.

Если Европа, въ самомъ дѣлѣ, желаетъ мира, если она желаетъ сохранить дѣйствительное равновѣсіе, то ей необходимо положить предѣлъ балканской бойнѣ, энергическимъ вмѣшательствомъ *въ пользу славянъ* устроить турецкія дѣла, которыхъ не устроитъ же Турція, съ своими софтами и безумнымъ „Мурадомъ V-мъ". Славяне требуютъ немногаго. Они не имѣютъ широкихъ всемірныхъ замысловъ. У нихъ нѣтъ ни графа Кавура, ни князя Бисмарка. Посмотрите на ихъ вождей, на этихъ богатырей временъ первобытныхъ: думаютъ ли они объ основаніи могущественныхъ монархій, о панславизмѣ, о всякихъ другихъ „измахъ"? Они отстаиваютъ своихъ женъ отъ безчестія, своихъ дѣтей отъ избіенія, свое тѣло отъ мучительной смерти, свой народъ отъ безвыходнаго рабства. Тутъ не Кавуръ, а Спартакъ... И мы, послѣ стольких вѣковъ христіанства и цивилизаціи, не можемъ понять этого!

Мало того: насъ увѣряютъ, что подчиненіе славянъ Турціи *необходимо* въ видахъ европейскаго равновѣсія. Ничто не можетъ быть

возмутительнѣе подобнаго софизма. Европа много лѣтъ твердила, что свѣтская власть папы необходима въ интересахъ католицизма. Но не вправѣ ли были жители бывшей Церковной Области спросить католическую Европу: „за что̀ мы, ради вашихъ воззрѣній на католицизмъ, должны нести на себѣ тяжкое бремя власти монаховъ и поповъ? За что̀ мы лишены элементарныхъ гражданскихъ правъ? За что̀ наша собственность не обезпечена, наша мысль подавлена? За что̀ мы исключены изъ круга живыхъ народовъ?“

За что̀, спрашиваемъ мы, славяне исключены изъ царства живыхъ? Какія это высшія политическія соображенія оправдываютъ сажаніе на колъ, насилованіе женщинъ, избіеніе младенцевъ, грабежъ, голодную смерть, позорное рабство? Стыдитесь, господа! Неужели мы, при нашей, такъ-называемой, цивилизаціи не додумались до того, что каждый народъ не обязанъ жить только для другихъ, что каждый имѣетъ право жить и для себя? Мы кричимъ противъ рабства отдѣльныхъ людей; мы проливали горячія слезы при чтеніи „Хижины дяди Тома“, а на рабство цѣлыхъ народовъ смотримъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ, оправдывая, освящая его „высшими соображеніями“...

РОССІЯ И СЛАВЯНЕ.

Пора понять наше положеніе. Мы до такой степени мало *думали* о славянскихъ дѣлахъ, что о ясномъ представленіи о нихъ *въ массѣ* общества не можетъ быть и рѣчи. Мы *сочувствовали* нашимъ несчастнымъ братьямъ по племени и вѣрѣ; насъ *возмущали* звѣрства, совершаемыя турками надъ христіанами; мы *помогали* пострадавшимъ отъ возстанія семьямъ славянъ. Но въ чемъ истинный смыслъ возстанія? Ка̀къ относится оно къ Россіи? Ка̀къ затрогиваются интересы нашего отечества движеніемъ, совершающимся гдѣ-то, въ тридесятомъ царствѣ? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ мало одних чувствъ: здѣсь нужно разумѣніе, и для него настало время теперь, когда восточный вопросъ вступилъ въ грозный моментъ развитія.

Да позволено будетъ начать эти размышленія съ нѣкоторой аллегоріи. Въ Австраліи, Венгріи и Россіи плохо уродилась пшеница. Какое до этого дѣло нѣмцамъ и французамъ? Такое, что хлѣбъ, предметъ первой необходимости, дорожаетъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ продукты становятся дороже. Тысяча семействъ расплачивается за градъ, засухи, наводненія, разразившіеся надъ другими странами. Въ Америкѣ плохо родился хлопокъ—тысячи англійскихъ рабочихъ остаются безъ работы и идутъ на улицу. Лопнули два-три нѣмецкіе банка—думаете вы, что это событіе не отзовется въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ?

Что̀ выражается въ этихъ фактахъ? Всякій экономистъ скажетъ вамъ: неизмѣнный, элементарный законъ *содружества* (солидарности) интересовъ и явленій. По закону экономическаго содружества, отдѣльныя лица, цѣлые классы общества, цѣлые народы несутъ на себѣ послѣдствія того, что̀ совершается другими или у другихъ.

Перенесемъ эти понятія на область политическую, и здѣсь мы

увидимъ то же. Мы *солидарны* съ славянами, хотимъ или не хотимъ мы этого. Проникнемся этою мыслью во всей ея силѣ: солидарны, т.-е. неразрывно связаны, отвѣтственны. Дѣло не въ сочувствіяхъ, не въ сожалѣніяхъ, не въ слезахъ отъ слабости нервовъ. Нѣтъ! Мы ощутимъ на себѣ *неизбѣжно* всѣ послѣдствія событій, совершающихся теперь на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому, намъ нужно быть готовыми на все.

Богъ создалъ насъ единоплеменниками—это не наша вина; но перемѣнить это мы не можемъ. Мы просвѣщены одною съ ними вѣрой—этого также перемѣнить нельзя. Въ глазахъ *всей* Европы мы, вмѣстѣ съ сербами, босняками, словаками, хорватами — одинъ *славянскій міръ*. Говоритъ ли западно-европейскій публицистъ о „славянскомъ варварствѣ", о „славянскихъ замыслахъ", онъ говоритъ разомъ и о нихъ, и о насъ. Въ пугалѣ „панславизма" Россія играетъ видную, если не первенствующую роль. Каждое униженіе славянъ и славянскаго имени имѣетъ двоякую цѣль и двоякое послѣдствіе: подавленіе нашихъ единоплеменниковъ и *ослабленіе Россіи*. Когда отечество наше, обновленное великимъ Петромъ, сдѣлалось грозною военною державой — фонды славянъ поднялись. Послѣ несчастной Крымской войны они понизились.

Впрочемъ, странно и доказывать, что степень могущества Россіи отражается на судьбѣ славянъ. Теперь рѣчь идетъ не о томъ. Пострадаетъ ли Россія отъ подавленія славянъ?.. Кàкъ! держава такихъ размѣровъ, съ такими огромными матеріальными средствами, можетъ пострадать отъ того, что какія-то массы нищихъ, полуграмотныхъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ будутъ подавлены англотурками?..

Да, можетъ; и не только можетъ, но неизбѣжно пострадаетъ. Понять это не трудно: стòитъ только принять въ разсчетъ нѣкоторые несомнѣнные факты.

Славянскій элементъ въ граничащихъ съ нами государствахъ есть надежная для насъ точка опоры въ Европѣ. Онъ связываетъ насъ съ Европою, усиливаетъ наше вліяніе; безъ него мы были бы уединены, потеряли бы половину нашего авторитета. Эти порабощенныя, малограмотныя и бѣдныя массы дѣлаютъ то, что Европа озирается на Россію, и озирается даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Она шумитъ о „панславизмѣ", и шумитъ съ нѣкоторымъ правомъ. Конечно, она впадаетъ въ заблужденіе, когда подъ именемъ „панславизма" ей мерещится русская имперія, составленная изъ всего славянства. Но вотъ въ чемъ она права: при каждомъ движеніи славянъ русское имя произносится ими съ уваженіемъ и надеждою; каждая надежда ихъ въ значительной мѣрѣ опирается на сочувствіе

Россіи. Коротко говоря: роль Россіи въ Европѣ опредѣляется тѣмъ, что она—держава *славянская*, что каждое новое право, добытое славянами, радовало насъ, что каждая неудача ихъ причиняла намъ горе. Не даромъ же просвѣщенная Европа апплодировала теоріи Духинскаго о *туранскомъ* происхожденіи русскихъ; не даромъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, г. Дюрюи, внесъ эту теорію въ *учебники* всеобщей исторіи; не даромъ еще недавно одна англійская газета доказывала, что мы—татары, принявшіе христіанство. Все это ужасно невѣжественно, но далеко неглупо. Европѣ не хочется, чтобъ мы были славянскою державою, чтобъ мы жили однѣми радостями и горестями съ славянскимъ міромъ.

Итакъ, отстаивая славянъ, мы отстаиваемъ самихъ себя, наше вліяніе, наше призваніе, *смыслъ* нашъ, если можно такъ выразиться. При окончательномъ порабощеніи славянъ наша роль на Востокѣ кончится; мы будемъ отрѣзаны отъ Европы больше, чѣмъ еслибъ намъ заперли Балтійское море. Мы сдѣлаемся какимъ-то страннымъ народомъ, безъ роду и племени, безъ симпатій и антипатій, готовымъ прилѣпиться къ первому встрѣчному. Наше историческое *я* померкнетъ, и мы обратимся въ простыхъ „обывателей" нашей земли, проживающихъ однѣми физическими потребностями.

Для людей, дорожащихъ нравственнымъ значеніемъ и авторитетомъ своей родины, этого довольно. Но для людей болѣе „практическихъ" можно привести доказательства осязательныя.

При новомъ порабощеніи нашихъ одноплеменниковъ въ *Европѣ*, славянское имя въ глазахъ ея окончательно сдѣлается символомъ рабства, невѣжества, знакомъ презрѣнія, будетъ считаться за „тяжкій, первородный грѣхъ". Думаете вы, что этотъ взглядъ, во всей его неприкосновенности, не будетъ перенесенъ на насъ? Мы понемногу начали отвыкать отъ презрительной улыбки иностранца при имени Россіи, отъ бироновскаго „вы, русскіе!" А тогда? Или, можетъ быть, намъ покажется удобнѣе отвергнуть свое славянское имя и усвоить теорію Духинскаго въ качествѣ лестной для насъ гипотезы?

Сантиментальность, скажутъ намъ, излишняя щекотливость! Что̀ изъ того, что какой нибудь заѣзжій нѣмецъ или французъ непочтительно отзовется о русскомъ народѣ? Мы будемъ работать надъ своею почвой, просвѣтимся всякими науками, увеличимъ наши матеріальныя силы и заставимъ себя уважать! Но дадутъ ли намъ „развиваться"? Это сомнительно. Какъ ни велики наши континентальныя владѣнія, но ни одна истинно великая держава не можетъ существовать безъ морскихъ путей. Обладаніе Чернымъ моремъ и доступъ въ море Средиземное для насъ безусловно необходимы. Въ этомъ отношеніи Турція не особенно вредила намъ. Нечего скры-

вать: въ послѣднее время мы даже *поддерживали Турцію*, находя, что, дружа съ нею, мы можемъ сдѣлать кое-что̀ для славянъ, и что такое слабое государство не особенно стѣсняетъ насъ на югѣ. Я зналъ нѣкоторыхъ почтенныхъ славянофиловъ, доказывавшихъ, что существованіе Турціи *пока* даже полезно для сохраненія славянъ. Пусть, говорили они, Порта существуетъ, пока славяне не станутъ на ноги, Порта ихъ не отуречитъ, а Австрія онѣмечитъ.

Но теперь это „*пока*" прошло. Нечего толковать о томъ, что какъ было бы хорошо, еслибъ умирающій былъ здоровъ. И безъ того уже слишкомъ долго гальванизировалось тѣло Турецкой имперіи. Только слѣпой не видитъ, что послѣ нынѣшнихъ событій Турція не будетъ способна къ политической жизни. Никакія нитки не сошьютъ уже развалившагося тѣла. Весь вопросъ въ томъ: что̀ будетъ поставлено на мѣсто нынѣшней Турціи? Федерація ли греко-славянскихъ государствъ, какъ того требуютъ интересы славянства и Россіи, или англо-австрійское владычество подъ псевдонимомъ какого-нибудь Мурада или Махмуда (благо Мурадъ готовится на свиданіе съ Абдуль-Азисомъ)? Здѣсь нѣтъ никакого средняго термина.

Честь и достоинство Россіи не позволяютъ ей даже и помышлять о какихъ-нибудь пріобрѣтеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ *въ свою пользу* именно потому, что это значило бы расшириться насчетъ своихъ единоплеменниковъ, воспользоваться несчастіемъ своихъ братьевъ. Они бьются за свою свободу, они отдаютъ себя на жертву за свою вѣру. Было бы преступленіемъ жать, гдѣ мы не сѣяли, и собирать, гдѣ мы не расточали. Наконецъ, подобныя пріобрѣтенія сразу уронили бы нашъ нравственный авторитетъ въ славянствѣ, заставили бы насъ пойти на уступки другимъ державамъ, связали бы свободу нашихъ дѣйствій. Смѣемъ думать, что каждый русскій чувствуетъ и сознаетъ, что турецкіе славяне возстали *для свободы*, а нѣтъ свободы безъ политической независимости. Не мы же будемъ отнимать ее у нихъ!

Но чѣмъ безкорыстнѣе и прямодушнѣе политика Россіи на Востокѣ, тѣмъ самостоятельнѣе можетъ относиться наше отечество ко всѣмъ будущимъ комбинаціямъ. Нашей дипломатіи нечего даже изобрѣтать „руководящихъ принциповъ": это — дѣло двоедушной дипломатіи, руководящейся побужденіями своекорыстными. У нашей дипломатіи можетъ быть только одинъ „принципъ": *воля возставшаго славянскаго народа*. Она должна дать народонаселенію Балканскаго полуострова ту политическую форму, въ которой оно отнынѣ будетъ жить. Никакая искусственная, сочиненная и извнѣ навязанная комбинація не разрѣшитъ восточнаго вопроса. Италія, въ свое время, была предметомъ и жертвою всевозможныхъ комбинацій: что̀ же выходило изъ этого, кромѣ горя для Италіи и вѣчнаго предлога къ евро-

пейской войнѣ до тѣхъ поръ, пока Кавуръ и Гарибальди, дѣйствительныя орудія воли италіанскаго народа, не создали единой Италіи? Явилась ли, затѣмъ, эта единая Италія элементомъ безпокойнымъ? Нарушала ли она европейскій миръ? Напротивъ: всѣ европейскія правительства убѣдились, что единство Италіи есть одинъ изъ лучшихъ залоговъ европейскаго мира. Пора, наконецъ, понять, что зданіе мира зиждется не на однѣхъ правительственныхъ комбинаціяхъ, какъ бы онѣ ни были искусны, но и на симпатіяхъ и стремленіяхъ народныхъ, безъ которыхъ все зданіе окажется построеннымъ на пескѣ. Такою-то искусственною комбинаціей оказалась и пресловутая Оттоманская Порта. Давно уже утратила она свои жизненныя силы; въ послѣднія двадцать лѣтъ она не имѣла собственнаго бытія. Она жила жизнью, заимствованною отъ Европы, считавшею ее необходимою для европейскаго „равновѣсія“ и мира. Что̀ же вышло изъ ея „бытія“?.. Замѣчательно, что великая комбинація 1856 года возбуждала сомнѣніе даже въ членахъ той англійской партіи, которая распинается теперь за Турцію. Читатели *Голоса*, вѣроятно, помнятъ „признаніе“ лорда Дерби, сдѣланное имъ въ 1864 году, когда онъ былъ еще лордомъ Стэнли.

„Мнѣ кажется,—говорилъ онъ,—что распаденіе Турецкой имперіи—не болѣе, какъ вопросъ времени, и, вѣроятно, *весьма близкаго времени.* Турки имѣютъ свою роль въ исторіи. У нихъ были свои свѣтлые дни, *но эти дни прошли*, и, признаюсь, я не понимаю *предвзятой* мысли нашихъ ветерановъ государственныхъ людей о сохраненіи *во что бы ни стало* Оттоманской имперіи, если только не приписать этой мысли вліянію дипломатическихъ традицій. Я думаю, что чрезъ это мы возбуждаемъ ненависть племенъ, которыя не замедлятъ быть преобладающими на Востокѣ, и что мы сдерживаемъ порывъ населеній, *развитіе которыхъ особенно принесетъ пользу намъ*—намъ, самымъ большимъ коммерсантамъ въ мірѣ“.

Здѣсь не мѣсто разсуждать, насколько развитіе славянскихъ племенъ принесетъ пользу „самымъ большимъ коммерсантамъ въ мірѣ“, хотя нельзя не согласиться, что экономическое развитіе балканскихъ славянъ откроетъ всѣмъ державамъ новый и богатый рынокъ. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Образованіе вольной федераціи народовъ Балканскаго полуострова разрѣшитъ восточный вопросъ и обезпечитъ европейскій миръ.

Европа могла убѣдиться, насколько ея возлюбленная „Оттоманская Порта“ обезпечиваетъ миръ. Длить ея существованіе—значитъ длить агонію государствъ, страданія подданныхъ Порты и восточный вопросъ, который вовсе не такъ страшенъ, если приступить къ нему съ чистымъ сердцемъ.

Почему Европа, подпиравшая своими силами Порту, не можетъ поставить на ея мѣсто федерацію освободившихся отъ турецкаго ига народовъ? Почему такая федерація будетъ менѣе достойна покровительства Европы, чѣмъ мусульманская орда? Почему земледѣльческія народонаселенія Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Сербіи будутъ страшнѣе для европейскаго мира, чѣмъ „таборы“ башибузуковъ и банды черкесовъ? Почему евангеліе для Европы страшнѣе корана?

Современное положеніе дѣлъ съ поразительною ясностью указываетъ Россіи и прочимъ державамъ ихъ истинныя задачи. Онѣ сводятся къ двумъ: 1) энергическимъ вмѣшательствомъ въ пользу славянъ положить конецъ бойнѣ, совершающейся на Балканскомъ полуостровѣ, къ стыду образованнаго человѣчества; 2) дать славянамъ возможность высказать истинныя ихъ желанія относительно своего внутренняго устройства.

Въ глазахъ Европы Россія была очень долго элементомъ застоя, тормазомъ развитія, пугаломъ для либераловъ, вѣчнымъ оскорбленіемъ для формулы 1789 года: „свобода, равенство и братство“. Мишлѐ обозвалъ ее бастиліей, воздвигнутой между Европою и Азіею. Но вотъ Россія возымѣла дерзость подумать, что „великіе принципы“ 1789 года примѣнимы и къ славянскому міру, что онъ также призванъ къ свободѣ отъ мусульманскаго ига, что пора и на Балканскомъ полуостровѣ провозгласить равноправность мусульманъ и христіанъ, и что славянамъ необходимо основать вольный и братскій союзъ. Посмотримъ, кто теперь явится элементомъ застоя и кто поведетъ европейское дѣло впередъ...

НѢЧТО О МИРѢ.

Кто не хочетъ мира, кто не желаетъ сохраненія европейскаго спокойствія? Смѣло можно сказать, о сохраненіи мира молится огромное большинство европейскаго народонаселенія. О мирѣ молится промышленникъ, дрожащій за свои прибыли; мира желаетъ земледѣлецъ, опасающійся за свою жатву; миръ воспѣвается филантропами, негодующими на всѣ ужасы войны; мира хочетъ всякій, кто знаетъ, что̀ такое произнести слово *война*. Открыть свои границы для нападенія, отдать цвѣтъ своего народонаселенія на убіеніе, свое имущество на расхищеніе, сдѣлать разомъ тысячи семействъ безъ мужей и отцовъ—ни для кого не легко. Миръ—идея, какъ экономическая, такъ и нравственная. Она лежитъ въ основаніи христіанскаго ученія, какъ выраженіе *любви*, заповѣданной намъ Искупителемъ. Церковь ежедневно молится „о мирѣ всего міра".

Но ни одна, быть можетъ, страна не имѣетъ такого основанія и такого *права* желать мира, какъ Россія. Разстроенная несчастною Крымскою войной, она должна была приняться за внутреннее перерожденіе. Ей предстояло освободить милліоны крѣпостныхъ, совершить колоссальную выкупную операцію, пересоздать весь свой хозяйственный бытъ. Легко ли это? Ей предстояло, далѣе, догонять западную Европу въ иныхъ отношеніяхъ, усвоить себѣ тѣ экономическія и политическія улучшенія, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно государство, претендующее на названіе европейскаго; покрыть страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, организовать кредитъ, преобразовать школы, формы суда, систему мѣстнаго управленія, наконецъ, самое орудіе народной защиты—войско. Государство, взявшееся за такое дѣло, государство, перерождающееся внутренно, менѣе всего можетъ *желать* войны. Никто, поэтому, не можетъ удивляться миролюбивой политикѣ нашего правительства по восточному вопросу. Оно

знакомо съ внутренними затрудненіями страны и знаетъ, къ чему можетъ привести легкомысленно начатая европейская война. Сверхъ того, оно въ теченіе двадцати лѣтъ проявляло свою дѣятельность въ реформахъ мирныхъ, въ реформахъ, пропитанныхъ началами гуманными, далекими отъ плановъ завоевательныхъ. Ни одинъ добросовѣстный европеецъ не можетъ сомнѣваться въ миролюбіи Россіи и ея государя, даже въ ихъ готовности принести многія жертвы для сохраненія мира.

Тѣмъ не менѣе, всему есть предѣлы. Было бы въ высшей степени печально, еслибъ убѣжденіе Европы въ *миролюбіи* Россіи перешло въ увѣренность, что отечество наше *неспособно* къ войнѣ и *ни подъ какимъ предлогомъ* не выступитъ впередъ съ оружіемъ въ рукахъ. Было бы еще печальнѣе, еслибъ всѣ дальнѣйшіе шаги европейскихъ кабинетовъ строились на такомъ предположеніи. Это означало бы, что наша роль на Востокѣ сыграна навсегда.

Убѣжденіе Европы въ нашемъ миролюбіи, т.-е. въ *добровольномъ* отвращеніи отъ войны, въ нашемъ *уваженіи* къ другимъ народамъ, въ нашемъ желаніи добиться наилучшаго рѣшенія восточнаго вопроса путемъ мирнаго *соглашенія* европейскихъ державъ—это убѣжденіе справедливо и полезно для нашего дѣла. Слава Богу, что Россія отрѣшилась отъ хвастливаго отношенія къ другимъ народамъ, отъ глупаго самодовольства, отъ убѣжденія, что мы всѣхъ „закидаемъ шапками". Исторія Франціи показала ясно, куда ведетъ такое ослѣпленіе, и какой результатъ имѣли хвастливыя обѣщанія побывать въ Берлинѣ. Мы не кинемся въ войну зря, не примемъ громкихъ фразъ за признакъ силы и волненіе крови за доказательство мужества.

Но если Европа убѣждена въ нашемъ миролюбіи, то именно *это* убѣжденіе налагаетъ на нее обязанность своевременно уступить законнымъ требованіямъ славянъ и Россіи, отнестись къ нимъ безъ заднихъ мыслей, такъ же честно и откровенно, какъ *мы* относились ко всѣмъ европейскимъ событіямъ, къ войнѣ за независимость Италіи, къ прусско-австрійской и къ франко-прусской войнамъ.

Пусть, однако, это миролюбіе не вводитъ никого въ заблужденіе; пусть не говорятъ: „Россія не сдвинется съ мѣста, какая бы судьба ни постигла славянъ, какія бы униженія ни готовились для ея собственнаго достоинства!" Мы глубоко убѣждены, что такая комбинація не можетъ имѣть мѣста при предстоящихъ переговорахъ, именно въ интересахъ *мира*.

Такъ или иначе, но Россія приняла участіе въ возставшихъ славянахъ. Она выступила впередъ не одна, а съ другими державами. Во всѣхъ совѣщаніяхъ, при составленіи всѣхъ нотъ, она преслѣдовала самыя умѣренныя, самыя законныя цѣли, потому что другихъ цѣлей не было ни у нея, ни у самихъ славянъ. Ни она, ни славяне

не провозглашали „упраздненія“ Турецкой имперіи; ни она, ни вожди инсургентовъ не мечтали о созданіи новыхъ могущественныхъ монархій, сопряженныхъ съ опасностью для сосѣднихъ державъ. Съ самаго начала рѣчь шла объ улучшеніи экономическаго быта славянъ, о дарованіи имъ мѣстнаго самоуправленія и обезпеченіи для нихъ правъ, равныхъ съ правами мусульманъ. Она и возставшіе славяне добивались *элементарныхъ* условій гражданскаго порядка. Того же добиваются они и теперь. Требованія эти скромны, но тѣмъ обязательнѣе они для Европы, миръ которой охраняется Россіей, и тѣмъ неразрывнѣе связаны они съ достоинствомъ Россіи, которая не можетъ отъ нихъ отступить.

Еслибъ Россія задалась фантастическимъ планомъ радикальнаго изгнанія турокъ изъ Балканскаго полуострова, созданія особой славянской имперіи съ столицею въ Константинополѣ, ей легко было бы уступить предъ отказомъ Европы. Но требованія славянъ и программа нашего кабинета до такой степени умѣренны и настоятельно необходимы, что отказаться отъ нихъ значитъ отказаться отъ собственнаго достоинства и выдать славянъ головою.

Миролюбивое рѣшеніе вопроса обусловливается взглядомъ на Россію, какъ на державу *миролюбивую*—не больше. Но пусть миролюбіе наше не принимается за доказательство нашего явнаго безсилія. Это было бы ужасно для насъ и довольно вредно для самой Европы.

Прежде всего—для насъ. Убѣжденіе, что наша политика не есть дѣло возвышеннаго миролюбія, но явнаго безсилія, способно деморализовать наше общество, сдѣлать его неспособнымъ къ исполненію гражданскаго долга въ минуту опасности. Я зналъ одного больного, лѣтъ десять не встававшаго съ постели потому только, что онъ былъ убѣжденъ, что при малѣйшемъ движеніи онъ развалится на части. Психическая болѣзнь убила его волю и сдѣлала изъ него трупъ. Желать ли, чтобъ Россія уподобилась этому больному? Чтобъ на всѣ требованія современной минуты она отвѣчала старческимъ, безсильнымъ и жалобнымъ „не могу, развалюсь, побьютъ!“ Рѣчь, не совсѣмъ приличная для страны, каждый шагъ которой укрѣпленъ непоколебимымъ мужествомъ ея народа и государей, для страны, заставившей отступить всю Европу въ 1863 году. Мы сознаемъ наши несовершенства, мы глубоко хотимъ мира; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы захотѣли разыграть роль безотвѣтнаго сироты, терпѣливо сносящаго глумленіе, щелчки и оскорбленія отъ своихъ сожителей. Россія такою дорогою цѣною завоевала себѣ право быть *великою* европейскою державой, что не можетъ безъ всякаго протеста снизойти на степень ею завоеваннаго Кокана или Бухары. Мы далеки

отъ мысли „закидать всѣхъ шапками“, но имѣемъ смѣлость думать, что и насъ однѣми англійскими шляпами и турецкими фесками закидать нельзя. Мы далеки отъ *самообольщенія*, но, благодаря Бога, въ насъ не умерло же чувство *самоуваженія*, и убивать его врядъ ли возможно!

Ложное представленіе о русскомъ безсиліи, сказали мы, можетъ быть вредно и для Европы. Увлекаясь этимъ представленіемъ, она можетъ предъявить намъ такія требованія, принять наши заявленія такимъ тономъ, предложить намъ такія „уступки“, что единственнымъ отвѣтомъ на всѣ эти „демарши“ можетъ быть только мобилизація арміи—стало быть, война, размѣры и исходъ которой трудно предвидѣть. Необходимо заранѣе установить должныя границы всѣмъ „требованіямъ и уступкамъ“ и никого не вводить „въ искушеніе“. Судьбы Божіи неисповѣдимы. Слабый и безотвѣтный на видъ „сирота“ вдругъ можетъ оказаться львомъ въ минуту раздраженія, „учиниться сильнымъ“ противъ незваныхъ опекуновъ европейскаго равновѣсія. Если требованія „уступокъ“ перейдутъ должную мѣру, Россія вдругъ можетъ сообразить, что рѣчь идетъ не только о сохраненіи Турецкой имперіи, но о порабощеніи славянъ; не только о порабощеніи славянъ, но о низведеніи Россіи на степень какого-нибудь Туниса. Смѣемъ думать, что Россія работала двадцать лѣтъ надъ своимъ внутреннимъ преобразованіемъ не для того, чтобъ стать ниже уровня, на которомъ она находилась при крѣпостномъ правѣ, безъ путей сообщенія, безъ усовершенствованнаго оружія и т. д. Слава нынѣшняго царствованія такъ велика, что нельзя упрятать ее въ портфель г-на Дизраэли. Лучше не будить тѣхъ силъ, которыми Россія выбрасывала изъ Европы армію Наполеона I. А, можетъ быть, и лучше? Можетъ быть, „лордамъ казначейства“ желательно видѣть, на что̀ способенъ народъ, призываемый къ отчаянной самозащитѣ, къ послѣднимъ и высочайшимъ усиліямъ за свое мѣсто въ мірѣ, за бытіе единоплеменныхъ народовъ, только въ немъ видящихъ свою опору?

Такое зрѣлище, разумѣется, будетъ величественно; но Россія не расположена давать дорого стоющихъ представленій. Она требуетъ одного: энергическаго и всеевропейскаго настоянія, чтобъ Турція прекратила неслыханную бойню и дала христіанамъ тѣ права, безъ которыхъ не можетъ жить ни одинъ человѣкъ. Такова мысль огромнаго большинства нашего общества и правительства. Если она не осуществится, если гуманная и миролюбивая политика нашего правительства не увѣнчается успѣхомъ, то не оно будетъ виновато въ дальнѣйшихъ трагедіяхъ. Есть предѣлъ, гдѣ останавливается миролюбіе самое безпредѣльное. Не можетъ же Россія ждать, когда

просвѣщенная Европа скажетъ ей: „Ты хлопочешь о какихъ-то славянахъ. Но гдѣ они? Ищи ихъ: ищи ихъ подъ этими обгорѣвшими развалинами, на этихъ поляхъ, гдѣ бѣлѣютъ ихъ кости, въ этихъ гаремахъ, куда уведены ихъ обезчещенныя дочери; ищи, ищи — но роль твоя *здѣсь* кончена, иди въ свою Азію, къ своимъ кокандцамъ, бухарцамъ, каракалпакамъ, киргизамъ. Здѣсь мѣсто занято нами, и тебѣ никогда не видать своихъ братьевъ“...

ПИСЬМО КЪ Г-ну ДИЗРАЭЛИ,

ПЕРВОМУ МИНИСТРУ Е. В. КОРОЛЕВЫ ВЕЛИКОБРИТАННІИ И ИМПЕРАТРИЦЫ ИНДІИ.

Милостивый государь!

Вы, конечно, поймете, что это письмо къ вамъ не есть, въ сущности, письмо. Я выбралъ эпистолярную форму для того, чтобъ, подъ видомъ разговора съ вами, поговорить съ моими соотечественниками. Это моя прихоть — прихоть, какъ видите, самая невинная, гораздо невиннѣе тѣхъ „прихотей" турецкаго правительства, которыя вы защищаете въ средѣ „достопочтенныхъ" джентльменовъ нижней палаты. Я избавлю васъ даже отъ чтенія этого письма—благо, вы не знаете по-русски. Съ своей стороны, я избавлю себя отъ необходимости называть васъ „достопочтеннымъ", какъ это принято въ вашей странѣ. Уяснивъ, такимъ образомъ, наши отношенія, я начинаю.

Вы, конечно, ожидаете отъ меня „браннаго посланія", тучи упрековъ за вашу политику, крайне непріятную для моего отечества. Я — русскій, сочувствующій славянамъ и дорожащій достоинствомъ моей родины; вы считаете славянъ никуда негоднымъ стадомъ и явно стремитесь къ униженію Россіи. Какъ же мнѣ не наполнить этого посланія горькими упреками, даже бранью, насколько она допускается въ печати?

Напротивъ, милостивый государь, я преисполненъ къ вамъ величайшей благодарности и ее именно желаю выразить въ этихъ строкахъ. Чувство благодарности къ вамъ созрѣло во мнѣ довольно; но ваша рѣчь въ палатѣ общинъ переполнила мое сердце, а отъ избытка сердца уста глаголятъ.

Я мысленно поблагодарилъ васъ за отказъ пристать къ берлинскому соглашенію. До того времени всѣ считали возможнымъ раз-

рѣшить восточный вопросъ путемъ дипломатическимъ. Всѣ полагали, что Европа настолько просвѣщена и цивилизована, что ея „нравственное давленіе“ заставитъ Турцію исполнить свои обязанности къ христіанамъ. Вы ясно показали, въ чемъ дѣло, и свели всѣ отношенія на истинную почву. Истинно огорченною осталась одна Россія, безкорыстно отдавшая славянское дѣло на судъ Европы.

Австрійскіе дипломаты, кажется, радостно вздохнули отъ тяжкаго труда сочиненія плановъ и отдались естественной своей задачѣ—предохранять Венгрію отъ ужасовъ „славянскихъ замысловъ“. Германія пребыла и пребываетъ спокойною, ясно показывая, что на Востокѣ у нея нѣтъ никакихъ насущныхъ интересовъ, кромѣ, можетъ быть, легкой защиты румынскихъ притязаній.

Вашъ рѣшительный шагъ, милостивый государь, съ поразительною ясностью показалъ, что славянское дѣло — *русское* дѣло, и что именно потому Европа относится къ нему враждебно или равнодушно. Вотъ ваша великая заслуга! Вы внесли свѣтъ туда, гдѣ до сихъ поръ царствовала таинственная неизвѣстность. Вы показали всѣмъ сомнѣвающимся русскимъ людямъ, чего Россія можетъ ожидать отъ Европы всякій разъ, когда рѣчь будетъ идти о защитѣ самыхъ священныхъ, самыхъ законныхъ ея интересовъ.

Этого мало. Вы низвергли бывшаго султана, посадили на его мѣсто разслабленнаго идіота, двинули къ турецкимъ берегамъ свой флотъ, управляете Турціей черезъ своего посланника и его сотрудника, Митхада-пашу. Любопытно знать, что̀ заговорили бы въ Европѣ, еслибъ Россія продѣлала всѣ эти вещи? Какія статьи появились бы въ вѣнскихъ газетахъ, что̀ стала бы писать *Кёльнская Газета*? Какіе запросы были бы сдѣланы всѣмъ министрамъ встревоженными палатами? Какія „мѣры“ были бы приняты для „укрощенія“ русскаго честолюбія? Теперь все спокойно. Всѣ созерцательно смотрятъ на вашъ флотъ, на вашего всемогущаго посланника, безъ тревоги внимаютъ слухамъ о томъ, что вы намѣрены распорядиться Египтомъ, занять Критъ и т. д.

Какъ же васъ не благодарить? Вы заставили Европу обнаружить истинныя свои чувства по восточному вопросу. Пусть Средиземное море превратится въ англійское озеро, пусть Дарданеллы будутъ заперты вашими укрѣпленіями и броненосцами, пусть сама Турція обратится въ новую Индію, лишь бы только не представлялось ни малѣйшей опасности увеличить русское вліяніе, какъ бы ни было оно идеально и „нравственно“ — и Европа пребудетъ спокойною! Вѣдь вы ей свои, а мы чужіе. Такія откровенія цѣнятся на вѣсъ золота. Вы говорите просто и ясно: славяне могутъ получить нѣкоторую гражданскую и даже политическую свободу при томъ условіи,

чтобъ всѣ русскіе, отъ мала до велика, прибѣгли къ самоубійству, и чтобъ на мѣсто нынѣшней Россіи явилась необитаемая пустыня.

Нѣкоторые изъ вашихъ государственныхъ людей, вздыхая о скандалахъ, которые вашему правительству приходится учинять въ Ирландіи, говаривали: „лучше бы на мѣстѣ Ирландіи было море“. И въ самомъ дѣлѣ лучше. Но въ милліонъ разъ лучше, еслибъ это море, хотя бы мертвое, явилось на мѣстѣ, занимаемомъ Россіей. Какъ упростились бы всѣ вопросы! Какъ пріятно было бы совершать морскія путешествія по мѣстамъ, занимаемымъ нынѣ русскими городами!

Мы, дѣйствительно, виноваты въ своемъ существованіи; мы оскорбляемъ гармонію всеевропейскаго равновѣсія и культуры. Но никто не рѣшился высказать этого такъ прямо, какъ вы. Другіе чествовали насъ названіемъ европейской державы, привѣтствовали наше обновленіе, даже заигрывали съ нами. Вы одни сказали: „Вздоръ! Россія для Европы то же, что она была и прежде—вѣчное пугало, источникъ всяческихъ недоразумѣній“.

Вы разбили еще и другія иллюзіи. Когда, въ прошломъ году, началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, мы съ удивленіемъ и даже съ завистью читали, какъ англичане и нѣмцы сочувственно отнеслись къ движенію славянъ. Даже старый сподвижникъ Пальмерстона — Россель, и тотъ выступилъ съ сочувствіемъ и пожертвованіемъ. Многимъ изъ насъ стало совѣстно, что въ Россіи сочувствіе къ славянскому дѣлу не имѣло такихъ размѣровъ. Но вашъ рѣшительный шагъ сразу свернулъ всѣхъ на настоящую дорогу. Теперь нѣкоторыя нѣмецкія газеты печатаютъ уже о „звѣрствахъ славянъ“, и даже въ самой Россіи одна нѣмецкая газета беззастѣнчиво выступила съ обвиненіемъ противъ инсургентовъ. Не ясно ли это?

Послѣ вашего отказа пристать къ берлинскому меморандуму, многіе говорили, что отечество ваше останется изолированнымъ, при всеобщемъ негодованіи Европы. Вы, вѣроятно, посмѣивались надъ этими мечтами и чрезъ нѣсколько времени гордо говорили въ палатѣ: „Теперь Британнія уже не изолирована, такъ какъ пять державъ, послѣ различныхъ неудавшихся попытокъ съ ихъ стороны, пришли къ этому принципу (невмѣшательства), т.-е. онѣ согласились съ нами, и въ настоящее время всѣ шесть державъ дѣйствуютъ согласно, принявъ за основаніе принципъ невмѣшательства“.

Слова эти были покрыты, какъ значится въ отчетѣ, громкими рукоплесканіями. И ваше парламентское большинство знало, чему апплодировать; оно понимало, что значитъ принципъ „невмѣшательства“. Онъ означаетъ, прежде всего, полную для васъ свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ; затѣмъ онъ означаетъ полное

уединеніе сербовъ и черногорцевъ, брошенныхъ на неравную борьбу съ Турціей, фанатизированною и поддержанною вашимъ золотомъ; въ-третьихъ, онъ означаетъ полное устраненіе Россіи отъ восточныхъ дѣлъ при совершенномъ равнодушіи прочихъ державъ. „Достопочтенное" большинство имѣло полное основаніе апплодировать.

Я апплодирую вмѣстѣ съ нимъ. Какая политика могла устроить лучшую западню для мятежныхъ славянъ, выставить ихъ въ болѣе смѣшномъ свѣтѣ, да еще прикрыться великимъ принципомъ „невмѣшательства"! Вы оказали цѣнную услугу всей Европѣ. Послѣ вашего отказа Европа свалила всю вину неуспѣха своей дипломатіи на вашъ эгоизмъ; теперь она бросила весь восточный вопросъ на ваши руки. Вы сочиняете проекты турецкой конституціи, вы назначаете слѣдствіе о жестокостяхъ турокъ въ Болгаріи, ваши флоты разгуливаютъ у турецкихъ береговъ. Вы имѣли мужество взять на себя грѣхи цѣлой Европы, дать ей роздыхъ отъ тревожныхъ занятій восточнымъ вопросомъ. Она спокойно спитъ въ своемъ „нейтралитетѣ", пока вы сочиняете планы, говорите рѣчи, оправдываете турокъ, изобрѣтаете новые историческіе факты въ родѣ того, что черкесы уступлены Россіи Турціей въ 1856 году. Неудивительно, что вы потребуете себѣ приличную награду за понесенные труды. Никто не сомнѣвается, что она будетъ обильна, настолько обильна, что изъ нея можно будетъ выдать вознагражденіе и консулу вашему, обидѣвшемуся не впопадъ за арестованіе его турецкими властями.

Благодаря васъ за ясность постановки вопросовъ, нельзя не поблагодарить и за языкъ, которымъ вы говорите съ палатой. Вотъ, напримѣръ, какъ вы объясняли посылку англійскаго флота въ Безикскую бухту: „Кабинетъ нашъ пришелъ къ единогласному рѣшенію, что нашъ *авторитетъ* тамъ долженъ быть представленъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Въ этой мѣрѣ не заключалось угрозъ никому. Средиземный флотъ служитъ гарантіею нашему могуществу. Мы никогда не скрывали, что имѣемъ въ той части свѣта великіе интересы, которые всегда обязаны охранять и никогда не оставлять. Средиземный же нашъ флотъ долженъ находиться тамъ не для угрозъ какой-нибудь державѣ, *но какъ символъ нашего могущества, а также для того, чтобъ всему міру было извѣстно, что что бы ни случилось въ той части свѣта, не произошло бы значительнаго распредѣленія территоріи безъ участія и согласія Британіи*".

„Продолжительныя рукоплесканія", замѣчаетъ отчетъ. И за дѣло. *Такъ* долженъ говорить министръ великой державы. Но, позвольте мнѣ одно размышленіе. Что̀, еслибъ приведенныя выше слова были вложены въ уста русскаго правительства? Оно не можетъ, правда, двинуть къ турецкимъ берегамъ флота. Но что̀ препятствуетъ ему

двинуть къ турецкимъ границамъ обсерваціонный корпусъ, „не для угрозы какой-нибудь державы, а какъ символъ своего могущества", и „заявить всему міру", что восточный вопросъ не разрѣшится безъ ея участія? Отсюда вижу вашу улыбку. Европа, спокойно выслушавшая ваши слова, встрепенулась бы при посылкѣ русскаго корпуса. Многія державы увидѣли бы въ этомъ угрозу и заявили бы „всему міру", что Россія желаетъ расширенія своей территоріи! Вы это знали очень хорошо и потому спокойно произнесли свою рѣчь. Вы сразу поняли, что если Европа и приметъ вашъ флотъ за „угрозу", то единственно Россіи.

Конечно, вы не могли же разсчитывать на совершенное отупѣніе нравственнаго чувства въ просвѣщенныхъ государствахъ. Какъ ни равнодушны и даже какъ ни враждебны они къ славянамъ, но все же варварскія сцены, совершаемыя турецкими войсками, несогласны съ правилами приличія, которыя усвоены цивилизованными странами. Это крошечное чувство приличія вы и сочли нужнымъ успокоить слѣдующими словами: „Я не думаю, чтобъ сцены, происходившія въ этихъ турецкихъ провинціяхъ въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, могли быть допускаемы долѣе, и когда наступитъ время, мы будемъ готовы принять свою долю участія въ томъ, что̀ *я считаю* способами къ умиротворенію тѣхъ провинцій, ихъ преуспѣянію по пути цивилизаціи и общаго улучшенія ихъ положенія".

Въ какомъ печально-комическомъ видѣ выставили вы въ этихъ словахъ всю Европу! Она смотритъ благоговѣйно на „символъ вашего могущества" и терпѣливо обречена ждать минуты, когда *вы* сочтете удобнымъ приступить къ улучшенію участи христіанъ, и покорно довольствоваться мѣрами, которыя *вы* признàете удобными для этой цѣли! И все это послѣ года усиленныхъ дипломатическихъ переговоровъ!

Велики грѣхи Европы предъ турецкими славянами, но велико и наказаніе, къ которому вы ее приговорили. Она должна безучастно смотрѣть на бойню, кровавую и безчеловѣчную, совершающуюся предъ ея глазами; она не смѣетъ остановить кровопролитія и должна будетъ помириться съ тѣмъ, что̀ принято называть „совершившимся фактомъ". А этими „фактами" будутъ: истребленіе христіанъ и упроченіе вашего всемогущества на Балканскомъ полуостровѣ...

Много лѣтъ назадъ, нѣкоторые люди, о которыхъ вы, можетъ быть, слышали, именно славянофилы, имѣли дерзость провозгласить, что *Европа гніетъ*. Разумѣется, имъ не повѣрили и указали на могучую культуру Запада. Ваша политика, милостивый государь, смѣло и рѣшительно выступила на доказательство этой гипотезы. Вы заставили Европу обнаружить полный свой нравственный упадокъ, свое

преступное равнодушіе къ несчастнѣйшему изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, свое потворство Турціи изъ-за фантастическихъ опасеній русскаго могущества. Чтò же это такое? Неужели признакъ нравственнаго здоровья.

Впрочемъ, быть можетъ, похвалы мои неумѣстны. Можетъ быть, Европа, имѣвшая время сличить безкорыстную и миролюбивую политику Россіи съ вашими „символами могущества" и „мѣрами" къ улучшенію участи христіанъ, вдругъ воспрянетъ и дружными усиліями положитъ предѣлъ ужасамъ турецкихъ войскъ... Вы поймете, милостивый государь, насколько я желалъ бы ошибиться.

Позвольте мнѣ сохранить къ вамъ чувства, какихъ заслуживаетъ ваша политика.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ МНѢНІИ.

Во всѣ эпохи, когда Россіи приходилось принимать участіе въ важныхъ европейскихъ дѣлахъ, заграничная печать усердно занималась искаженіемъ понятій о внутреннихъ дѣлахъ нашего отечества. Недавно рѣчь была о томъ, что Россія миролюбива, такъ сказать, противъ своей воли и въ силу своей слабости. Теперь небезполезно остановиться на другой „мысли", также развиваемой иными иностранными газетами. Мысль эту можно выразить въ немногихъ словахъ. За границею безпрерывно получаются извѣстія о единодушномъ взрывѣ русскаго общественнаго мнѣнія въ пользу славянъ: туда доходятъ слухи о нашихъ пожертвованіяхъ, о нашихъ санитарныхъ отрядахъ и т. д. И вотъ, на утѣшеніе себѣ и на прискорбіе намъ, иностранная печать заявляетъ, что *общественное мнѣніе въ Россіи не имѣетъ никакого значенія.*

На эту тему варьируютъ всевозможныя заграничныя изданія. Полезно ли оставлять европейское общественное мнѣніе въ заблужденіи? Мы переживаемъ такую важную эпоху, что всякія недоразумѣнія могутъ имѣть плачевныя послѣдствія. Ихъ нужно устранять по возможности.

Что̀ значитъ эта фраза: русское общественное мнѣніе не имѣетъ никакого значенія? Органы европейской печати, вѣроятно, хотятъ сказать этимъ, что мнѣніе русскаго общества не имѣетъ никакого *юридическаго* значенія для правительства. Это будетъ вѣрно. Правительство наше не имѣетъ предъ собою народнаго представительства, контролирующаго его политику, вотирующаго бюджетъ, смѣняющаго министровъ и т. д. Правительству предоставлена полная свобода дѣйствій. Мнѣніе общества, въ юридическомъ смыслѣ, для него не обязательно.

Но юридическая сторона дѣла въ политикѣ не есть *все*. Въ Англіи общественное мнѣніе *по праву* имѣетъ огромное значеніе; министры отвѣтственны предъ палатами; кабинетъ составляется изъ людей, располагающихъ большинствомъ въ парламентѣ. *На дѣлѣ* мы видимъ, что г. Дизраэли, *въ противность* общественному мнѣнію (если считать общественнымъ мнѣніемъ мнѣнія лучшихъ и честнѣйшихъ людей), поддерживаетъ Турцію и покрываетъ звѣрства мусульманскихъ ордъ. Англія довольствуется *формальнымъ*, внѣшнимъ согласіемъ своего министра съ большинствомъ палаты, которое, кажется, вовсе не выражаетъ дѣйствительнаго настроенія англійскаго общества. Но есть ли согласіе внутреннее?

Объ этомъ внутреннемъ согласіи мы и желаемъ поговорить. Доказывая, что общественное мнѣніе въ Россіи не имѣетъ никакого значенія, хотятъ ли этимъ сказать, что правительство никогда не прислушивается къ народному голосу, живетъ своими интересами, составляетъ особый міръ, не имѣющій ничего общаго съ страною? Допустить вѣроятность такого предположенія значитъ допустить множество печальныхъ и нелѣпыхъ выводовъ. Какими же, спрашивается, мотивами руководится правительство въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ? Гдѣ его точка опоры? Если не *внутри* страны, то, стало быть, *внѣ*; если оно не принимаетъ въ разсчетъ голоса своей страны. то оно руководствуется или собственною мыслью, отрѣшенною отъ стремленій общества, или желаніемъ другихъ державъ. Вотъ къ какому чудовищному выводу слѣдуетъ придти, если повѣрить на̀слово заграничнымъ публицистамъ! Стало быть, крестьянская реформа, земскія учрежденія, новые суды и т. д. отвѣчали не насущнымъ потребностямъ русскаго общества, а какимъ-то отвлеченнымъ стремленіямъ и желанію понравиться Европѣ? Стало быть, при измѣнившемся настроеніи правительственныхъ сферъ можетъ быть возстановлено крѣпостное право, могутъ быть уничтожены новые суды, закрыты земскія учрежденія и т. д.? Россія, стало быть—tabula rasa, по которой досужій рѣзецъ можетъ чертить все, что̀ ему угодно...

Лестная картина! лестная и пріятная, особенно въ ту минуту, когда Россіи приходится участвовать въ разрѣшеніи величайшаго изъ современныхъ вопросовъ, когда ей одной предстоитъ защищать своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ!

Взвѣсимъ всю силу этихъ словъ. Въ ту минуту, когда честь Россіи обязываетъ ее совершить свое историческое призваніе, заграничная печать разсуждаетъ, что русскіе правительство и народъ *не солидарны* между собою по славянскому вопросу! Пусть крестьянинъ отдаетъ послѣдній грошъ свой, пусть славянскіе комитеты будутъ завалены пожертвованіями, пусть пламенныя статьи русской печати

служатъ отзвукомъ общественнаго настроенія — все это вздоръ. Но позволяемъ себѣ спросить заграничную печать, какъ объяснитъ она слова извѣстной декларацiи нашего правительства (16 октября 1875 года): „Сочувствія Россіи къ славянамъ *не могутъ* быть принесены въ жертву никакимъ европейскимъ союзамъ"?

Откуда взялись эти слова? Какія побужденія продиктовали ихъ? Для кого были они написаны?

Русское правительство не произнесло бы ихъ, не сознавая своей солидарности съ русскимъ обществомъ, горячо уже высказавшимся за права возставшихъ славянъ. Конечно, не иностранныя симпатіи подсказали ихъ! Затѣмъ, они были написаны какъ для Европы, такъ и для Россіи, ради удостовѣренія *русскаго* общественнаго мнѣнія, что правительство честно исполнитъ лежащую на немъ задачу.

Подобное внимательное отношеніе къ русскому мнѣнію — не новость для нашего правительства. Та же заграничная печать, по странному противорѣчію, ставитъ въ заслугу нашему канцлеру, что онъ первый понялъ значеніе общественнаго мнѣнія, что онъ выдвинулъ его, какъ дѣйствительную силу, въ 1863 году, что онъ оперся на него, какъ на самый вѣрный фундаментъ. Этой заслуги нашего канцлера отрицать нельзя — она у всѣхъ на глазахъ и въ памяти. Но и раньше того народный голосъ дѣлалъ свое дѣло Пусть прослѣдятъ всѣ великія эпохи нашей исторіи — и убѣдятся, что сила Россіи заключалась именно въ единеніи, тѣсномъ союзѣ правительства и народа, въ согласіи, которое теперь желаютъ отрицать.

Общественное мнѣніе у насъ не есть нормальный постоянный элементъ управленія съ своими органами, правами и т. д. Вслѣдствіе этого, по частнымъ вопросамъ администраціи, при изданіи отдѣльныхъ законовъ, можно иногда указать на несходство стремленій общества и намѣреній правительства. Но такое несходство бываетъ и въ другихъ странахъ съ конституціонными формами. Развѣ законъ о „вольныхъ университетахъ" не изданъ въ противность общественному мнѣнію Франціи? Развѣ побѣда клерикальной партіи, провалившей въ сенатѣ предложеніе Ваддингтона, вызвала всенародную радость?

Такъ вопросовъ ставить нельзя. Рѣчь идетъ не о томъ, поскольку русское общественное мнѣніе *постоянно* и *неотразимо* направляетъ правительство, а о томъ — можно ли отвергать его значеніе въ ту минуту, когда разрѣшаются міровые вопросы, когда рѣчь идетъ о сохраненіи русской чести, о спасеніи родственнаго намъ народа, о такомъ дѣлѣ, гдѣ посрамленіе народныхъ стремленій отразится на достоинствѣ правительства, гдѣ пораженіе правительства низведетъ народъ нашъ на степень племенъ отверженныхъ?

Вотъ въ чемъ дѣло. Поймите, господа европейцы, что рѣчь идетъ даже не о томъ, что̀ вы привыкли называть „общественнымъ мнѣніемъ“, т.-е. мнѣніемъ „сливокъ“ общества, мнѣніемъ „правящихъ классовъ“, а о *народномъ голосѣ*, голосѣ, гдѣ звучатъ одинаково чувства и „великаго боярина“, и скромнаго крестьянина. Рѣчь идетъ о голосѣ, выражающемъ думу *всей* земли русской, о голосѣ, въ которомъ уже не различишь „особенностей“ разныхъ партій, разныхъ классовъ, тѣмъ болѣе разныхъ лицъ. Голосъ этотъ—вся Россія и вся Россія въ немъ. И не одна *современная* Россія — о, нѣтъ! Въ этомъ взрывѣ слышится давно умолкнувшій зовъ Москвы на борьбу съ невѣрными, чудится благословеніе древнихъ митрополитовъ нашихъ, воспоминаніе о нами пережитомъ и свергнутомъ игѣ татарскомъ. Въ насъ говоритъ вся прошлая Россія и вся Россія будущая, т.-е. вѣками созданное и сознанное историческое призваніе наше. И въ такую-то минуту вы хотите оторвать правительство отъ его народа! Да развѣ это возможно?

Врядъ ли даже вы думаете, что пишете правду. Но вамъ нужно, вамъ *полезно* умалить значеніе современнаго движенія русскаго общества. Вамъ нужно потому же, почему вы на всѣ лады доказываете, что Россія не можетъ воевать и не пойдетъ на войну, какія бы оскорбленія ей ни были сдѣланы. Нужно это для того, чтобъ ободрить требованія вашей дипломатіи и лучше придушить славянъ. Но ваши разглагольствованія о *невольномъ* миролюбіи Россіи наткнулись на неожиданный взрывъ общественнаго мнѣнія, да что̀ я говорю общественнаго—на взрывъ народнаго чувства. Какъ быть? Что̀, если правительство наше, стараясь выговорить законныя льготы для славянъ и отвергая безумныя требованія Порты, пожелаетъ опереться на громко выраженныя стремленія и желанія русскаго народа? Вамъ нужно заранѣе приготовить такой отвѣтъ: „Знаемъ мы ваше общественное мнѣніе! Оно не стоитъ мнѣнія послѣдняго изъ нашихъ клубовъ. Указывая на него Европѣ, вы хотите ввести ее въ заблужденіе. Оно поднялось по вашему знаку—по вашему же и успокоится“.

Коротко говоря, вы хотите, чтобъ физическая сила Россіи—войско, и нравственная сила—народный голосъ, *не были принимаемы въ разсчетъ* при разрѣшеніи балканскаго вопроса. Вы хотите имѣть дѣло *съ однимъ правительствомъ*. Завидное положеніе хотите вы ему приготовить! Въ вашихъ мечтахъ уже носится картина, какъ оно, немощное и отрѣшенное отъ своего народа, разыграетъ на „конгрессѣ“ роль невольнаго и покорнаго „свидѣтеля“, призваннаго единственно для соблюденія формы. Оно будетъ, по указанію дѣйствительныхъ „контрагентовъ“, рукоприкладывать подъ всѣми актами, подписывать

смертный приговоръ независимости Сербіи и Черногоріи, укрѣплять Константинополь за Англіей, расписываться въ собственномъ униженіи, которое будетъ и народнымъ горемъ, потому что мы не привыкли отдѣлять себя отъ правительства ни въ славѣ, ни въ несчастіи.

А общество, а народъ нашъ? Оторванные отъ своего правительства, они должны будутъ, по картинному выраженію одного публициста, разыгрывать роль безпомощной плакальщицы, сидѣлки надъ убитыми и изувѣченными братьями.

Вотъ что̀ заключается въ этихъ немногихъ, но роковыхъ словахъ: „общественное мнѣніе въ Россіи ничего не значитъ". Вотъ картина, которую желалось бы видѣть инымъ публицистамъ! Но этотъ разсчетъ легко можетъ оказаться столь же основательнымъ, какъ и разсчетъ на „радикальную" слабость Россіи. Врядъ ли возможно строить политическія комбинаціи на такихъ соображеніяхъ. Легко ошибиться; а ошибка, въ иныхъ случаяхъ, даетъ горькіе плоды. Пусть Европа видитъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ — это необходимо въ видахъ сохраненія *міра*, если только Европа серьезно желаетъ его сохранить.

АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЕРОШЕНКО.

(НЕКРОЛОГЪ).

Вотъ и кончилась эта молодая, многообѣщавшая жизнь. Не хотѣлось вѣрить телеграммѣ, не хочется вѣрить до сихъ поръ... Турецкая пуля положила конецъ всѣмъ этимъ порываньямъ, этимъ розовымъ мечтамъ о всеобщемъ благополучіи, съ которыми покойный уѣхалъ туда, гдѣ варварство самое первобытное взято подъ охрану „культурнаго" министерства Дизраэли.

Какъ бывшій профессоръ и хорошій знакомый покойнаго Алексѣя Григорьевича, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ въ его память. Я зналъ его съ 1-курса, когда онъ пришелъ ко мнѣ по какому-то дѣлу, до окончанія „ученія", когда онъ уѣхалъ въ славянскія земли, въ качествѣ корреспондента *Биржевыхъ Вѣдомостей*. При откровенной пылкости покойнаго, его можно было узнать хорошо. Нечего говорить о томъ, что Ерошенко былъ „хорошій" студентъ, т.-е. юноша, много читавшій, живо интересовавшійся всякими вопросами и т. д. Не въ этомъ и дѣло. Мнѣ хочется поговорить о немъ, какъ о типѣ—типѣ, имѣющемъ большое значеніе въ данную минуту.

Алексѣй Григорьевичъ, по складу своихъ понятій, принадлежалъ, если хотите, къ „западникамъ", но къ тѣмъ оригинальнымъ западникамъ, которые, по удачному замѣчанію Ѳ. М. Достоевскаго, отрицаютъ этотъ Западъ и начинаютъ свое отрицаніе съ экономическихъ условій Европы. Много приходилось намъ спорить и разсуждать на тему о всеобщемъ благополучіи. Кружокъ нашихъ общихъ знакомыхъ, вѣроятно, долго будетъ помнить его юношескій задоръ, добродушный юморъ, его парадоксы, звонкій смѣхъ, подъ которыми скрывались горячее сердце и пытливый умъ.

Алексѣй Григорьевичъ читалъ жадно и съ пользою. Въ послѣднее время, онъ усердно занимался неизслѣдованнымъ еще вопросомъ о земледѣльческихъ артеляхъ и представилъ по этому предмету любопытную работу. Онъ намѣревался предпринять еще новые труды въ томъ же духѣ, пуститься въ разныя экскурсіи и т. д. Вдругъ разразилось славянское возстаніе. Не знаю, какъ отнесся къ нему Алексѣй Григорьевичъ съ самаго начала. Послѣдній годъ своего студенчества онъ работалъ очень много, а потому мы видѣлись съ нимъ рѣже. Изъ отрывочныхъ свиданій и разговоровъ можно было, конечно, заключить, что онъ сочувственно относится къ племенамъ, возставшимъ за свою свободу и право существовать по-человѣчески. Но отсюда и до вступленія волонтеромъ въ сербскую армію было еще далеко. Домашніе вопросы наши, кажется, все еще стояли на первомъ планѣ, да и окончательные экзамены требовали усиленныхъ занятій.

Въ концѣ мая, Алексѣй Григорьевичъ встрѣтилъ меня въ университетѣ и спросилъ, когда можно застать меня дома. Я уѣзжалъ черезъ день и просилъ зайти вечеромъ, наканунѣ отъѣзда. „Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ“, замѣтилъ Алексѣй Григорьевичъ. Въ этихъ „нѣсколькихъ словахъ“ и заключалось заявленіе, что онъ уѣзжаетъ въ славянскія земли.

Кажется, онъ думалъ ѣхать сначала въ Черногорію, гдѣ находился нашъ санитарный отрядъ. Сербія и Черногорія еще не объявляли войны Турціи и о „волонтерствѣ“ еще не было рѣчи. Затѣмъ, послѣ открытія военныхъ дѣйствій, онъ сдѣлался корреспондентомъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*. Но роль корреспондента, мирнаго наблюдателя чужихъ бѣдствій, не удовлетворила его. Русское сердце подсказало ему, что̀ слѣдуетъ дѣлать: онъ взялъ ружье и сложилъ свою голову за правое и святое дѣло... И не онъ одинъ, а много подобныхъ ему типовъ уносятъ свои юношескія стремленія и свѣтлыя грёзы въ славянскія земли.

Такихъ волонтеровъ нѣтъ и не можетъ быть въ арміи турецкой. Англійскіе торгаши даютъ ей свое золото; еврейскіе о̀рганы въ Вѣнѣ поютъ ей гимны; биржи поднимаютъ „курсы“ при слухахъ о турецкихъ побѣдахъ. На сторонѣ Турціи именно тѣ элементы Европы, къ которымъ такъ скептически относился покойный Ерошенко и относятся многіе въ самой Европѣ.

Вотъ гдѣ сила Россіи, вотъ почему она можетъ гордо держать свою голову на европейскихъ совѣтахъ. Пусть покажутъ намъ такую чистую кровь, проливаемую за турецкое дѣло! Пусть объяснятъ, какія безкорыстныя стремленія, какіе идеалы, какія святыя чувства *могутъ* найти себѣ удовлетвореніе въ турецкомъ лагерѣ! Развѣ *стре-*

мленіе къ лучшей эксплоатаціи христіанъ мусульманами и ихъ благодѣтелями? Развѣ *идеалъ* турецкаго ига надъ безправными славянами? Развѣ *чувство* презрѣнія культурной буржуазіи къ славянскимъ „свинопасамъ", какъ ихъ называютъ нѣкоторыя австрійскія газеты? Звѣрства турокъ въ Болгаріи—краснорѣчивый отвѣтъ на всѣ вопросы. Какая дерзость или какая наивность, скажутъ мнѣ, противопоставить всѣмъ „интересамъ" Европы на Балканскомъ полуостровѣ примѣръ безвѣстнаго русскаго студента! Но что же дѣлать, когда этотъ студентъ и много другихъ, подобныхъ ему юношей, сражающихся въ рядахъ славянъ, дѣйствительно представляютъ собою *высшую идею*, сравнительно „съ идеями" англійскаго кабинета; когда они запечатлѣваютъ своею кровью то, что думаетъ и чувствуетъ вся Россія; когда они указываютъ и доказываютъ, къ какому служенію призвана Россія въ славянскихъ земляхъ? Не наша вина, если „параллель" окажется невыгодною для англійскихъ торіевъ и венгерской знати.

15-го августа 1876 г.

ПО ПОВОДУ
ПОЛЕМИКИ СЪ НѢМЕЦКОЮ ПЕЧАТЬЮ.

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ).

„Въ политикѣ все безполезное — вредно". Это правило невольно приходится вспомнить по поводу возникшей у насъ полемики съ нѣкоторыми органами германской печати. Заслышавъ, что Россіи придется разыграть важную роль въ славяно-турецкой борьбѣ, иныя нѣмецкія газеты — прежде всего, разумѣется, *Кёльнская* — принялись „позорить" наше отечество. Наши въ долгу не остались, и началась перестрѣлка. Отстаивать интересы и достоинство своей родины, конечно, похвально. Но не каждая перчатка стòитъ того, чтобъ ее поднимали. Россія переживаетъ такую минуту, и печать наша призвана къ такому служенію по славянскому дѣлу, что тратить время на пустяки, очевидно, не приходится.

Каждому извѣстно, что въ Германіи есть элементы, враждебные Россіи; каждый знаетъ, что существуютъ и газеты, являющіяся òрганами этихъ „элементовъ". Но полемизировать съ ними стòило бы только въ томъ случаѣ, еслибъ *они* руководили политикою сосѣдней имперіи, еслибъ *ими* опредѣлялись истинныя стремленія всего германскаго народа. Но въ этомъ позволительно сомнѣваться. Интересы, связывающіе двѣ имперіи, сложились не со вчерашняго дня и кончатся не завтра. Направленіе имперской политики находится въ рукахъ людей, не привыкшихъ ввѣрять судьбу страны въ руки первой встрѣчной газеты, хотя бы и *Кёльнской*. Вотъ фактъ, который должно имѣть въ виду.

Каждый, кто помнитъ исторію образованія нынѣшней Германской имперіи, не можетъ не знать, что зданіе это сложилось не по плану

газетъ и парламентскихъ партій. Совершенно напротивъ: каждый шагъ, каждая мѣра князя Бисмарка встрѣчали горячую, даже озлобленную оппозицію въ сеймѣ и въ печати до тѣхъ поръ, пока громкіе „совершившіеся факты“ не обратили зоиловъ въ покорныхъ пѣснопѣвцевъ побѣдоноснаго князя.

Припомните „военный вопросъ“, въ разгаръ котораго Бисмаркъ сдѣлался первымъ министромъ. Припомните, что̀ выдержалъ онъ отъ „старыхъ либераловъ“, отъ „прогрессистовъ“, отъ „національферейна“ и отъ всего прочаго; припомните, ка̀къ онъ обходился безъ бюджета и слушалъ возраженія противниковъ изъ другой комнаты. Не станемъ говорить—дурно это или хорошо. Но фактъ знаменателенъ и показываетъ, что самъ Бисмаркъ искалъ общественнаго мнѣнія не въ тогдашнихъ палатахъ и менѣе всего въ газетахъ, предрекавшихъ ему участь графа Страффорда.

Припомните другую, многознаменательную минуту — датскую войну. Всякій согласится, что судьба Шлезвигъ-Гольштейна рѣшилась никакъ не по плану „національферейна“ и прочихъ вожаковъ такъ-называемаго „общественнаго мнѣнія“. Кто не помнитъ, что огромное большинство говорившихъ и писавшихъ нѣмцевъ желало сотворить изъ Гольштейна самостоятельное государство и подыскало даже „законнаго“ ему государя — курьезнаго принца Аугустенбургскаго. Умилительно было видѣть, ка̀къ рьяные демократы доказывали народнымъ массамъ законныя права доблестнаго „агната“ стародавнихъ герцоговъ. Чѣмъ же кончилось?

Далѣе, разгромъ Германскаго Союза и австро-прусская война совершились противъ того же общественнаго мнѣнія. Бисмаркъ едва не былъ убитъ; король получалъ отъ множества городовъ адресы съ прошеніями о мирѣ; палата, какъ и всегда, отвергала бюджетъ. Опять-таки — что̀ же вышло? А вышло то, что вчерашніе крики „распни“ обратились въ „осанна“.

Но и этого мало. Когда учредительному сѣверо-германскому парламенту былъ представленъ проектъ конституціи народившагося Сѣверо-германскаго Союза, вожаки либеральной партіи удивились, не найдя въ немъ „основныхъ чертъ“ союзнаго государства (Bundesstaat), къ которымъ они привыкли, благодаря книгѣ Токвилля и ученію Вайца. Возникло сомнѣніе: союзное ли это государство? Спрашивали даже: что̀ такое вообще предлагается въ проектѣ? И ничего. Проектъ, слегка измѣненный, прошелъ, а теоріи „союзнаго государства“ вызвали только насмѣшливое замѣчаніе Финке (тоже стараго либерала), заявившаго, что въ почтенномъ собраніи довольно профессоровъ, которые могутъ, современемъ, основательно изслѣдовать принятую Германіей форму правленія.

Если, такимъ образомъ, внутренній и національнѣйшій вопросъ такъ мало испыталъ на себѣ вліяніе нѣмецкаго „общественнаго мнѣнія“, то что же было по вопросамъ внѣшнимъ? Кто не помнитъ, какъ почтенная палата кипятилась, въ 1863 году, по поводу польскаго мятежа? Какъ она настаивала, чтобъ Бисмаркъ принялъ участіе въ дипломатическомъ походѣ на Россію? Чего не говорили Зибели, Вирховы и т. д.? Но князь остался на своей дорогѣ. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ предугадалъ, что, чрезъ четыре года, оппозиція будетъ въ министерскомъ большинствѣ и пылко отвергнетъ протестъ познанскихъ депутатовъ противъ причисленія ихъ области къ составу Союза.

Какое *нравственное* значеніе имѣютъ всѣ эти факты—другой вопросъ, до котораго намъ нѣтъ дѣла. Хорошо ли обращеніе Бисмарка съ палатами и съ „общественнымъ мнѣніемъ“ или очень дурно—разбирать здѣсь не мѣсто. Но культъ Бисмарка, но его „національно-либеральная“ партія ясно показываютъ, что Германія вознесла того, кого осуждала, и *за то*, что считала тяжкимъ грѣхомъ. Volenti non fit injuria.

Намъ, людямъ постороннимъ и стоящимъ лицомъ къ лицу съ практическимъ вопросомъ колоссальной важности, необходимо только знать истинное значеніе и силу фактовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Выходки южно-германскихъ и прирейнскихъ газетъ противъ Россіи врядъ ли имѣютъ существенное значеніе; врядъ ли онѣ суть проявленіе одной пылкой, непримиримой вражды къ Россіи.

Есть, кажется, полное основаніе предполагать, что и *Аугсбургская Газета*, и ея *Кёльнская* сестра декламируютъ противъ нашего отечества какъ изъ неpріязненнаго чувства къ намъ, такъ и ради нѣкоторой „оппозиціи“ имперскому правительству. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, какія ноты звучатъ въ этихъ филиппикахъ. Надѣлавшая шума статья *Аугсбургской Газеты* плачется, что-де Германія погружена въ глубокую *неизвѣстность* относительно политики ея правительства по восточному вопросу. Почему парламентъ не созванъ въ такую важную минуту? Почему правительство намеками и полунамеками не удовлетворяетъ любознательности публики? А публика чрезвычайно любознательна. Бисмаркъ часто жаловался на эту „страсть къ новостямъ“ и приписывалъ ей многіе запросы, дѣлавшіеся министерству. Конечно, въ странѣ конституціонной такое „любопытство“ имѣетъ законное основаніе. Но нигдѣ, можетъ быть, оно не развито такъ и паче мѣры, какъ въ Германіи. Притомъ, германская публика, политическая жизнь которой началась не такъ давно, не умѣетъ еще понимать слишкомъ тонкіе „намеки“, ловить на лету взгляды и слова, какъ это умѣютъ, напримѣръ, французы.

Ей нужно нарисовать черное на бѣломъ и текстъ приложить съ подлежащими комментаріями—тогда она, быть можетъ, пойметъ.

Представьте же себѣ положеніе этой „любознательной" публики. Разыгрывается страшный міровой вопросъ, общества всѣхъ европейскихъ странъ напряжены, а „варцинскій отшельникъ" хранитъ гробовое молчаніе и хоть бы слово проронилъ! Ужасно! Оскорбленная „любознательность" дѣлаетъ тотъ выводъ, что у правительства нѣтъ программы дѣйствій, что оно не стоитъ на стражѣ народныхъ интересовъ, что оно проспитъ „честь" великаго отечества и все отдастъ на жертву Россіи.

Но если публика любознательна, то газетчикъ—еще больше. Ему хочется все знать, не только для удовлетворенія *своего* собственнаго любопытства, но и для того, чтобъ доложить о всѣхъ новостяхъ своимъ „пренумерантамъ". Что же ему писать въ виду гробового молчанія имперскаго канцлера? Сугубо неудовлетворенное любопытство выражается въ сугубой оппозиціи. Правительство молчитъ—стало быть, оно спитъ; оно спитъ, очевидно, убаюканное русскими кознями и „ложнымъ" чувствомъ благодарности за 1870 годъ. Оно не видитъ замысловъ Россіи; но редакціи *Аугсбургской* и *Кёльнской* газетъ станутъ на стражѣ народныхъ интересовъ. Онѣ укажутъ обществу на грозящія опасности; онѣ положатъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Россіи; онѣ приготовили уже полный планъ изгнанія Россіи изъ Европы. И какой планъ—возстановленія могущественной Польши. Но послушайте, господа! Вѣдь этотъ планъ придется осуществлять *въ складчину*: мы дадимъ Привислянскій край, Австрія—Галицію, а вы—Познань...

Можно ли, спрашивается, относиться къ этимъ бреднямъ хоть сколько-нибудь серьезно? Можно ли предположить, что политика имперскаго правительства опредѣлится этими стремленіями? Можно ли, еще болѣе, предположить, что подобныя статьи выражаютъ истинные интересы Германіи?

Смѣшно было бы увлекаться иллюзіями о благодарности Германіи за 1870 годъ. Справедливо замѣчаютъ, что политика государствъ направляется не чувствами, а *интересами*. Но подъ словомъ „интересъ" не слѣдуетъ понимать чего-то гнуснаго, низкосвоекорыстнаго. Иначе политическій разбой былъ бы лучшею политикой. Интересы народовъ выработываются ихъ вѣковою исторіей, ихъ географическимъ положеніемъ, экономическими условіями—всѣмъ, отъ чего зависитъ народное развитіе, въ высокомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ смыслѣ, *интересы* Германіи и Россіи не расходились по всѣмъ капитальнѣйшимъ вопросамъ новѣйшей исторіи. Издавна подготовлявшееся единеніе Россіи и Пруссіи, ставшей впо-

слѣдствіи во главѣ Германіи, было закрѣплено въ великую эпоху 1813 года. Оно развивалось при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II, недвусмысленно доказавшемъ свое расположеніе къ Германіи. Нашъ дружественный нейтралитетъ, въ 1870 году, былъ именно результатомъ этого единенія интересовъ. Во имя этихъ же интересовъ, а никакъ не во имя „благодарности" за 1870 годъ, мы и теперь въ правѣ ожидать благопріятнаго для насъ поведенія Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и по восточному вопросу интересы двухъ странъ не могутъ расходиться такъ, какъ расходятся, напримѣръ, интересы Германіи и Франціи по вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи.

Германія не имѣетъ никакого основанія желать, чтобъ законная доля вліянія Россіи на Востокѣ была уничтожена; ея интересы нисколько не требуютъ, напримѣръ, чтобъ Англія сдѣлалась самовластною распорядительницею Балканскаго полуострова. Врядъ ли также она можетъ желать, чтобъ Австро-Венгрія получила новыя пріобрѣтенія съ юга. Съ другой стороны, ей нѣтъ основаній опасаться, что наше вліяніе повредитъ ея интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы не говоримъ, чтобъ наши интересы были *тождественны*, но они не требуютъ различныхъ способовъ разрѣшенія восточнаго вопроса въ данную минуту. Трудно сказать, что̀ можетъ имѣть Германія противъ улучшенія быта турецкихъ славянъ, дарованія имъ гражданскихъ и политическихъ правъ и т. д. Политику г. Бисмарка нельзя, конечно, назвать самоотверженною, но близорукою она никогда не была. Еще менѣе можно предположить, чтобъ онъ сталъ руководствоваться слѣпой и неразумной ненавистью къ Россіи, которую онъ знаетъ лучше, чѣмъ публицисты какой-нибудь *Кёльнской Газеты*.

Появленіе фельдмаршала Мантейфеля въ Варшавѣ, тостъ, предложенный однимъ изъ представителей прусской арміи — симптомы, далеко не однородные съ декламаціей иныхъ нѣмецкихъ газетъ. Недалекое, быть можетъ, будущее покажетъ, насколько нѣмецкія газеты выражаютъ истинное стремленіе германской политики. Не станемъ ждать, что германскія *войска̀* явятся подлѣ нашихъ, въ случаѣ войны съ Турціей. Но есть основаніе полагать, что имперское правительство дастъ намъ то, что̀ мы дали ему въ 1870 году. Благодаря русской политикѣ, франко-прусская война была единоборствомъ между галлами и тевтонами. Смѣемъ думать, что интересы Германіи требуютъ, чтобъ война между Россіей и Турціей (если только въ ней представится необходимость) была единоборствомъ между православнымъ міромъ и османлисами. Пойти другимъ путемъ значитъ зажечь общеевропейскую войну, что̀, очевидно, не въ пользахъ Германіи.

Эти соображенія, кажется, необходимо принять въ разсчетъ при чтеніи выходокъ германской печати. Полемика съ нею врядъ ли полезна, потому что не стóитъ же писать для убѣжденія нѣсколькихъ редакцій, которыя и сами знаютъ, что пишутъ вздоръ, но пишутъ его ради „оппозиціи“ и подъ вліяніемъ напускного шовинизма. Не выдаю себя за пророка—но мнѣ кажется, что, будь *Аугсбургская Газета убѣждена*, что императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ будутъ *противъ* Россіи, она писала бы свои статьи въ болѣе спокойномъ и самодовольномъ тонѣ. Теперь же ³/₄ выходокъ газетныхъ писакъ противъ Россіи слѣдуетъ отнести насчетъ „оппозиціи“ князю Бисмарку за его упорное молчаніе, перетолковываемое въ смыслѣ, *благопріятномъ* нашему отечеству.

Дадимъ должную цѣну ихъ неразумію. Мы знаемъ Германію лучше, чѣмъ кёльнскіе публицисты знаютъ Россію. Мы знаемъ, что̀ въ Германіи достойно уваженія, и умѣемъ уважать это. Германская наука, техника, школа, земледѣліе и многое другое долго еще будутъ служить для насъ назидательнымъ примѣромъ. Мы видимъ, что Дерптъ снарядилъ санитарный отрядъ, что изъ разныхъ городовъ Прибалтійскаго края поступаютъ пожертвованія, и заключаемъ изъ этого, что *германизмъ* не противенъ славянству настолько, насколько этого желали бы нѣкоторые нѣмецкіе публицисты. Мы хотимъ вѣрить, что масса нѣмецкаго общества пойметъ, что на обязанности культурнаго народа, какимъ считаютъ себя нѣмцы, лежитъ прекращеніе того попранія всѣхъ элементовъ культуры, какое мы видимъ въ Турціи.

Съ этой точки зрѣнія, полемика съ руссофобскими газетами представляется безполезною. Но она имѣетъ и вредную сторону. Тѣ же публицисты пользуются каждымъ словомъ нашихъ газетъ для доказательства *ненависти*, развившейся, будто бы, въ русскомъ обществѣ къ Германіи, ненависти, которой, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ. Наше молчаніе лучше всего поставитъ этихъ господъ на надлежащее мѣсто—на мѣсто эѳіоповъ, лающихъ на солнце.

Русская печать, повторяемъ, имѣетъ высокое и важное призваніе—быть выразительницею истиннаго настроенія русскаго народа. А настроеніе это доказываетъ, что страна наша твердо рѣшилась совершить свое призваніе на Востокѣ, что она не остановится ни передъ какими жертвами, какихъ потребуетъ отъ нея правительство, для достойнаго и честнаго разрѣшенія величайшаго изъ современныхъ вопросовъ. Отъ такого служенія не слѣдуетъ отвлекаться выстрѣлами по галкамъ и воронамъ, носящимся надъ славянскимъ полемъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тяжело, невыносимо тяжело становится при чтеніи телеграммъ. Не хочется вѣрить, чтобъ онѣ передавали дѣйствительные факты, а не вымыслы туркофильской фантазіи. Какъ! вчера только узнали мы дерзкія, оскорбительныя условія, предлагаемыя Портою, а сегодня уже хотятъ увѣрить насъ, что эти условія *приняты?..* Это невѣроятно. Ни событія, ни люди не могли такъ зло насмѣяться надъ священнѣйшими интересами русскаго общества, надъ судьбами славянскаго міра, надъ совѣстью всей Европы... Бываютъ моменты въ жизни народовъ и лицъ, когда разсуждать, писать невозможно, когда спокойная рѣчь замѣняется восклицаніями, когда боль сердца заглушаетъ, беретъ верхъ надъ требованіями разсудка — не такой ли моментъ должно переживать русское общество при чтеніи полученныхъ сегодня телеграммъ? Ихъ нельзя серьезно объяснять — ихъ нужно читать, дивиться и опять читать, чтобъ снова дивиться...

Никогда еще обязанности русскаго публициста не были такъ неблагодарно тягостны; никогда еще не доводилось ему обсуждать вопросъ, столь возмущающій, способный поднять желчь и лишить его необходимаго хладнокровія въ такую минуту, когда оно, быть можетъ, всего необходимѣе... Что̀ бы ни говорили, недоразумѣніе по поводу условій перемирія, предложеннаго Турціей, все еще не разъясняется. Извѣстія, полученныя сегодня изъ Землина и Парижа, допускаютъ, правда, нѣкоторыя догадки, ослабляющія отчасти впечатлѣніе отъ первоначальнаго извѣстія объ условіяхъ, предложенныхъ Портою, но, тѣмъ не менѣе, самая сущность этихъ условій сохраняетъ свой прежній, острый характеръ. Дѣйствительно, мы узнаемъ, что условія, предложенныя Портою, выражены не въ формѣ требованій sine qua non, а въ формѣ простыхъ желаній. Это, конечно, далеко не одно и то же, и подобнаго измѣненія въ формѣ условій

достаточно, чтобъ объяснить, почему консулы посредничествующихъ державъ въ Бѣлградѣ *могли* получить отъ своихъ правительствъ предписанiе настаивать передъ сербскимъ правительствомъ на принятiи пятимѣсячнаго перемирiя, предлагаемаго Турцiей. Державы могли признать возможнымъ заключенiе пятимѣсячнаго перемирiя и согласиться на то, чтобъ условiя его были опредѣлены ихъ военными коммиссарами, вовсе еще не принимая этимъ ipso facto прочихъ „желанiй“ Порты.

Если землинское извѣстiе справедливо, то его можно объяснить только этимъ соображенiемъ, потому что, какъ мы уже говорили вчера, самая сущность условiй, предложенныхъ Портою, такова, что на нихъ невозможно согласиться, не измѣнивъ ихъ поправками до полной неузнаваемости. Первое мѣсто въ этомъ отношенiи занимаетъ условiе, относящееся до запрещенiя славянскимъ княжествамъ, Сербiи и Черногорiи, защищать „сосѣднiя возставшiя провинцiи“!.. Одного этого пункта достаточно, чтобъ лишить всякаго значенiя и всякой разумной цѣли вмѣшательство державъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ вмѣшательство державъ? Цѣль его, прежде всего, въ томъ, чтобъ остановить кровопролитiе на Балканскомъ полуостровѣ; а изъ условiя, предлагаемаго Портою, ясно, что Турцiя соглашается прiостановить военныя дѣйствiя только противъ Сербiи и Черногорiи и предоставляетъ себѣ свободу дѣлать, что̀ ей угодно въ Боснiи, Герцеговинѣ и Болгарiи, возбраняя сербамъ и черногорцамъ вступаться за жителей этихъ провинцiй, если ихъ заступничество понадобится несчастной райѣ, оставленной на произволъ мусульманскаго варварства! Это требованiе до того дико, до того возмутительно, что еслибъ Турцiя вздумала на немъ настаивать, она тѣмъ самымъ доказала бы скрытное коварство своихъ мирныхъ предложенiй; еслибъ это условiе было принято державами, Европа, несомнѣнно, вскорѣ увидѣла бы снова Балканскiй полуостровъ въ огнѣ.

Почти то же самое можно сказать и о мѣрахъ противъ „прилива волонтеровъ“. Не говоря уже о крайней оскорбительности подобнаго условiя для тѣхъ правительствъ, которыя Порта главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, оно просто неосуществимо. Волонтеры, являющiеся въ Сербiю—люди, совершенно свободные располагать собою, и только недобросовѣстность англiйскихъ газетъ можетъ выставлять ихъ эмиссарами правительствъ тѣхъ странъ, откуда они прибываютъ. Подобныхъ движенiй останавливать административными мѣрами невозможно, потому что единственною, дѣйствительною мѣрою въ подобномъ случаѣ было бы полное воспрещенiе выѣзда за границу всѣхъ подданныхъ государства, согласившагося исполнить „желанiе“ Порты. А развѣ это возможно?

Очевидно, если посредничествующія державы согласились поддерживать предложеніе перемирія, сдѣланное Турціей, то согласіе это основывалось на твердой рѣшимости побудить Турцію отказаться отъ ея неосуществимыхъ „желаній“. Только этимъ и объясняемъ мы себѣ тотъ коллективный шагъ, который поручено генеральнымъ консуламъ сдѣлать въ Бѣлградѣ; только при такомъ предположеніи можемъ мы понять давленіе на сербское правительство со стороны представителей европейскихъ державъ...

Медленность, съ которою подвигаются впередъ нынѣшніе переговоры, и безпрестанно возникающія въ нихъ усложненія заставляютъ невольно призадумываться. Неужели нѣтъ никакого средства положить конецъ этому тяжелому и опасному дипломатическому imbroglio? Намъ кажется, такое средство существуетъ, и оно въ рукахъ Россіи. Безполезно было бы скрывать отъ себя тотъ очевидный фактъ, что, если примирительная политика Россіи вполнѣ достигла своей цѣли въ томъ смыслѣ, что убѣдила всѣхъ здравомыслящихъ людей въ Европѣ въ полномъ отсутствіи съ ея стороны какихъ бы ни было своекорыстныхъ видовъ на христіанскій Востокъ, то въ нѣкоторыхъ политическихъ интриганахъ туркофильскаго лагеря она поселила нѣчто въ родѣ убѣжденія, будто миролюбіе Россіи основано на ея опасеніи взяться за оружіе въ защиту балканскихъ славянъ. Въ Англіи и въ Австріи не мало людей, полагающихъ, что Россія останется, въ концѣ концовъ, равнодушною зрительницею всякой развязки славянскаго вопроса, какую угодно будетъ западнымъ туркофиламъ навязать нынѣшнимъ событіямъ на Востокѣ. Всѣ интриги и ухищренія противъ нашей восточной политики основаны на этомъ ошибочномъ взглядѣ, который пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ сторонниковъ всякій разъ, когда русское правительство, сильное сознаніемъ своей правоты, старается сгладить путь для общеевропейскаго воздѣйствія на Турцію.

Вотъ фактъ, не подлежащій, кажется, сомнѣнію. Но если онъ несомнѣненъ, то, въ интересахъ мира, для Россіи, въ данную минуту, можетъ явиться необходимость громко и осязательно доказать свою полную готовность къ защитѣ славянъ, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ. Бываютъ минуты, когда неуступчивость и энергическая настойчивость оказываются лучшею дипломатіею. Не наступила ли теперь такая минута?

Что касается насъ, мы глубоко убѣждены въ искусственности агитаціи, поднятой на Западѣ противъ Россіи съ того момента, какъ разнесся слухъ о возможности занятія Болгаріи русскими войсками. Всѣ эти крики, инсинуаціи, угрозы — не болѣе, какъ маска, подъ которою плохо, однако, скрывается весьма серьезная и искренняя

боязнь, что русскіе взгляды въ восточномъ вопросѣ могутъ восторжествовать. Западные туркофилы въ послѣдній разъ пробуютъ передернуть карты въ рѣшительной партіи, разыгрываемой европейскою дипломатіею. Для игрока, не желающаго сдѣлаться ихъ жертвою, достаточно показать, что онъ не позволитъ обмануть себя безнаказанно, и игра немедленно приметъ надлежащій характеръ.

ЧЕРНЯЕВСКІЙ ВОПРОСЪ.

Наканунѣ конференціи, когда дипломаты должны рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, когда балканскій вопросъ готовъ вступить въ новый и широкій фазисъ развитія, когда война можетъ принять всеевропейскіе размѣры, въ это время у насъ, въ нашей собственной печати, этотъ громадный вопросъ суживается, сокращается и доводится до размѣровъ вопроса *черняевскаго*.

Что̀ подумаетъ объ этомъ будущій историкъ нашего времени? Что̀ скажетъ онъ о публицистикѣ, которая, въ важнѣйшую для Россіи минуту, выбрала предметомъ своихъ разсужденій *одного* человѣка и тратитъ на него добрую часть своего времени? Какой примѣръ для современнаго общества, послѣ долгой и долгой апатіи вдругъ поднявшагося до созерцанія великой идеи, и теперь, также вдругъ, низвергнутаго въ трясину самыхъ мелкихъ біографическихъ подробностей *одного* лица, при чемъ не опускаются даже вопросы о пивѣ и винѣ, имъ выпитомъ?

Я никого не хочу обвинять спеціально; полемика съ кѣмъ бы то ни было, особенно *теперь*, врядъ ли умѣстна. Но *въ фактѣ* возбужденія черняевскаго вопроса нельзя не видѣть симптома серьезной болѣзни, прискорбнаго наслѣдія старыхъ временъ, и противъ этой болѣзни нужно ратовать всѣми силами во имя самыхъ лучшихъ и святыхъ интересовъ нашихъ.

Что такое Черняевъ самъ по себѣ? Кому можетъ онъ быть интересенъ *какъ личность*, особенно *въ данную* минуту? Спору нѣтъ, что когда-нибудь, во времена болѣе спокойныя, личность Черняева можетъ интересовать біографовъ, историковъ и т. д. Вѣроятно, *Русскій Архивъ* и *Русская Старина* напечатаютъ прелюбопытные матеріалы, касающіеся его жизни. Историки воспользуются этимъ матеріаломъ и представятъ намъ подробную оцѣнку Михаила Гри-

горьевича. Но они будутъ *въ состояніи* сдѣлать это: у нихъ подъ руками будетъ *весь* матеріалъ, необходимый для оцѣнки правдивой и безпристрастной. Теперь же мы можемъ руководствоваться только отрывочными свѣдѣніями, сообщенными или врагами, или друзьями Черняева, или людьми, хотя и „безпристрастными", но не знающими *всего*, что нужно знать. Что же можетъ дать намъ эта характеристика? Для чего она нужна?

Черняевъ одинъ изъ дѣятелей, участвовавшихъ въ сербской войнѣ; сербская война одинъ изъ эпизодовъ балканской распри—вотъ и все. Все, что Сербія можетъ сдѣлать, уже сдѣлано; все, что Черняевъ могъ сдѣлать вмѣстѣ съ сербами, онъ совершилъ. Мы уже не видимъ его въ роли „единственнаго человѣка въ своемъ родѣ". Можетъ быть, онъ еще сыграетъ какую-нибудь роль, но роль второстепенную. Черняевъ, какъ сербскій главнокомандующій, какъ центръ сербской войны, этотъ Черняевъ уже *исторія.* Для того великаго и, можетъ быть, грознаго будущаго, какое открывается предъ нами, Черняевъ не представляетъ ровно никакого интереса.

Возраженіе, повидимому, готово. Если, скажутъ намъ, Черняевъ уже исторія, то это и даетъ право судить о немъ, произнести приговоръ надъ его дѣйствіями. Во время сербской войны, молчаніе было благоразумно и тактично. Но теперь, когда Сербія и Черняевъ сошли со сцены, не время ли обсудить этотъ эпизодъ балканскаго вопроса,—„въ интересахъ истины, справедливости" и всякихъ другихъ, возвышенныхъ началъ?

Нѣтъ! Несмотря на всю кажущуюся справедливость подобныхъ возраженій, въ нихъ скрывается самый несостоятельный софизмъ. Во-первыхъ, какъ сказано выше, для *исторіи* сербской войны, купно съ дѣйствіями Черняева, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Но положимъ, что, за неимѣніемъ всѣхъ данныхъ, можно довольствоваться и нѣкоторыми свѣдѣніями. Позволяю себѣ спросить, однако: въ самомъ ли дѣлѣ рѣчь идетъ объ *исторической* только оцѣнкѣ Черняева, какъ личности, сыгравшей опредѣленную роль? Не думаю, чтобъ кто-нибудь могъ дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Еслибъ какая-нибудь газета рѣшилась объявить, что она занимается Черняевымъ ради „исторической истины"—она вызвала бы неудержимый смѣхъ. Газетѣ, газетѣ ежедневной, заниматься историческими изысканіями въ такую минуту, когда вся Россія лихорадочно ждетъ развязки балканскаго вопроса, когда вопросъ о войнѣ и мирѣ виситъ на волоскѣ, когда войска сдвигаются къ границѣ, когда главнокомандующій уже на мѣстѣ,—въ такую минуту заниматься „исторической истиною"? Полноте!

Не въ „исторіи" дѣло. Весь черняевскій вопросъ, со всѣми объ-

дами и ужинами, со всѣми штабными неурядицами, голодающими добровольцами, свитами, „корреспонденцъ-бюро̀", генераломъ Новоселовымъ и Николичемъ,—все это, очевидно, нужно для совсѣмъ иной цѣли.

О ней мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ, именно потому, что она находится въ тѣсной связи съ упомянутою выше болѣзнью. Вслѣдствіе причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться долго, не только въ печати, но и въ обществѣ, укоренилась привычка *обсуждать принципы въ лицахъ*. Въ былое время, напримѣръ, газета *Вѣсть* служила весьма удачнымъ „козломъ", на которомъ происходило сѣченіе всѣхъ принциповъ недавняго, но не особенно милаго прошлаго. Печать даже не совершенно виновата въ этомъ фактѣ. Многія внѣшнія условія не дозволяютъ ей обсуждать самые принципы, такъ сказать, лицомъ къ лицу. Поэтому она невольно обращала свои удары на *лица*, такъ или иначе воплощавшія извѣстныя начала. Лица эти дѣлались, мало по малу, просто кличками, ярлыкомъ извѣстнаго направленія. Всякій понималъ, что̀ значитъ г. Юматовъ или г. Аскоченскій и т. п. Какъ ни естественно, по многимъ причинамъ, было такое положеніе печати, но оно представляло и представляетъ свою опасную сторону. Именно, каждое почти обсужденіе вопросовъ вырождалось въ личную полемику, въ которой „вопросъ" оставлялся мало по малу въ сторонѣ и низводился на почву сплетенъ и перебранокъ.

То же случилось и съ балканскимъ вопросомъ, хотя сначала можно было думать, что всеобщій энтузіазмъ общества и подниметъ его на подобающую высоту. Но горизонтъ постепенно суживался, вслѣдствіе ли плохого знакомства съ существомъ вопроса, вслѣдствіе ли стародавней привычки воплощать принципы въ лицахъ, и вмѣсто громаднаго, міровото дѣла, передъ нами дѣло черняевское. Это очень грустно. Истинный публицистъ отличается именно тѣмъ, что онъ умѣетъ, даже не въ особенно замѣчательномъ фактѣ, найти общеинтересную сторону, связать его съ высшими началами, съ общимъ ходомъ жизни. А тутъ колоссальный фактъ пристегивается къ личности, выдвинутой событіями всего на четыре мѣсяца...

Откуда взялось такое превращеніе? Какъ оно произошло? Съ самаго начала балканской распри, о̀рганы нашей прессы раздѣлились на два лагеря. Одни изъ нихъ настаивали на энергическомъ образѣ дѣйствій со стороны славянъ и Россіи, другіе вѣровали въ силу всеевропейскаго соглашенія и всемогущество дипломатіи. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Только щедринскій администраторъ могъ написать проектъ „о водвореніи единомыслія и вредѣ разномыслія". Но старая и прискорбная привычка скоро сдѣлала свое дѣло. Балканскій вопросъ отождествился съ личностью Черняева, и аргументація пошла слѣдующимъ порядкомъ. Если я докажу, думалось

однимъ, что Черняевъ отмѣнно умный, честный и распорядительный человѣкъ, то я возбужу и поддержу сочувствіе общества къ славянскому дѣлу и докажу необходимость энергической политики. Если, говоритъ другой, мнѣ удастся доказать, что Черняевъ неспособенъ, расточителенъ, лѣнивъ и нераспорядителенъ, то я докажу необходимость мирнаго выжиданія и превосходство дипломатическихъ мѣропріятій надъ военными средствами.

Напрасное ожиданіе и самообольщеніе! Балканскій вопросъ начался не съ Черняева, а со времени завоеванія полуострова турками; онъ разрѣшится лишь тогда, когда мусульманское иго будетъ свергнуто и христіане добьются своихъ человѣческихъ правъ. Черняева не было, когда полки Екатерины II громили турецкія орды, Черняевъ не подписывалъ ни Кучукъ-кайнарджійскаго трактата, ни Ясскаго договора. Черняевъ не велъ нашихъ войскъ въ 1828 году и не подбивалъ доблестнаго Милоша Обреновича. Не онъ началъ Крымскую кампанію, не онъ поднималъ возстаніе въ Критѣ, и не подъ его руководствомъ организовалось греческое королевство. Ни его, ни насъ, быть можетъ, не будетъ тогда, когда, на мѣстѣ нынѣшней Порты, будутъ свободныя христіанскія державы. А это будетъ! Браните Черняева сколько хотите, печатайте миріады писемъ недовольныхъ добровольцевъ, распинайте Комаровыхъ, Монтеверде и какъ ихъ тамъ всѣхъ зовутъ—исторіи вы не остановите.

Другое дѣло, если мы предстанемъ на судъ этой исторіи, судъ грозный и неумолимый, съ одними „историческими“ изслѣдованіями о Черняевѣ и его штабѣ, сдѣланными въ интересахъ „правды“— вотъ что страшно! Черняевскій штабъ! Но что такое всѣ штабы въ мірѣ, въ сравненіи съ тѣмъ вопросомъ, который Россіи приходится разрѣшать съ другими державами?

Спросите всѣхъ участниковъ Крымской войны о тогдашнихъ „штабахъ“, и они вамъ разскажутъ подробности любопытнѣе бѣлградскихъ корреспонденцій. А это не помѣшало геройской оборонѣ Севастополя. Штабъ Черняева, по всей вѣроятности, останется не совсѣмъ пріятнымъ воспоминаніемъ для Сербіи, но онъ ничего не прибавитъ и не убавитъ въ общемъ ходѣ дѣла и не можетъ испортить общей репутаціи Черняева.

Качествами штаба и всѣмъ прочимъ какъ будто хотятъ доказать, что Черняевъ жалкій искатель приключеній, ради своей корысти подбившій Сербію на войну, съ цѣлью вовлечь затѣмъ въ войну и наше отечество. Кто же этому повѣритъ?

Если Черняевъ увлекъ въ войну Сербію, то кто же увлекъ Черногорію? Не Петръ же Петровъ! А Сербія? Перечитайте газеты за послѣдніе два года, и вы увидите, почему оба княжества *должны*

были броситься въ борьбу съ Турціею. Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, и Сербія, и Черногорія лицомъ къ лицу видѣли страшныя бѣдствія возставшихъ и звѣрства турокъ. И вы думаете, что непосредственный примѣръ геройскаго добыванія человѣческихъ правъ, съ одной, и отвратительной жестокости, съ другой стороны, не способны воспламенить народы единовѣрные и единокровные? Вы думаете, что Сербія не была раздражаема ежечасно турецкимъ кордономъ, нарушеніемъ своихъ границъ, убійствомъ офицеровъ? Все это происходило задолго до появленія Черняева.

Послушайте, что̀ говоритъ безпристрастный ученый, Роленъ-Жакменъ [1]): „было *человѣчески* невозможно, чтобы непосредственное зрѣлище турецкаго ига въ Герцеговинѣ и въ Босніи. геройскихъ усилій выбиться изъ-подъ него, проволочки борьбы, видъ бѣглецовъ и ихъ страданій, постоянная смѣна удачъ и неудачъ не поддерживали въ этихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братьяхъ горячечной и возрастающей агитаціи. Между тѣмъ, десять мѣсяцевъ это броженіе сдерживалось. Кѣмъ? Мудростью правительствъ, поддерживавшихъ дипломатическое дѣйствіе трехъ имперій, и, это нужно признать, особеннымъ вліяніемъ Россіи... Пока сербамъ и черногорцамъ можно было сказать: „дѣло христіанъ Босніи, Герцеговины, Болгаріи, которое вы считаете своимъ, Европа разсматриваетъ также какъ свое“, до тѣхъ поръ ихъ можно было приглашать къ терпѣнію. Но когда Англія, отказавшись пристать къ Берлинскому меморандуму и не предложивъ ничего на его мѣсто, видимо покинула дѣло христіанъ и предалась заботамъ о сохраненіи турецкаго владычества *во что бы то ни стало*, подобное разсужденіе показалось только приманкою. Война, объявленная шесть недѣль послѣ того, какъ отказъ Англіи сдѣлался извѣстенъ, была актомъ не спокойнаго разсудка, но *отчаянія*, за которое правительство несетъ нравственную и историческую отвѣтственность“.

Я нарочно выбралъ мнѣнія публициста, спеціально вѣрящаго въ силу дипломатическихъ сношеній, воздѣйствій и вліяній. И онъ призналъ, что дальнѣйшее выжиданіе княжествъ было *человѣчески* невозможно. Конечно, сербская война была результатомъ не „холоднаго обсужденія“, а *отчаянія*. Но развѣ отъ этого она перестаетъ быть законною и естественною? Большинство войнъ Наполеона I было ведено по весьма „здравомъ размышленіи“, а война испанскихъ гверильясовъ противъ того же Наполеона была, разумѣется, результатомъ „отчаянія“. Но которая же изъ нихъ законнѣе, нравственнѣе и человѣчнѣе—позвольте спросить?

---

[1]) Le droit international et la question d'Orient; пом. въ *Revue de droit international*, 1876 г. № II, стр. 341 и слѣд.

Но главное, при чемъ тутъ Черняевъ? Если хотите, онъ также „отчаянный" человѣкъ. То чувство отчаянія и состраданія, которое два мѣсяца по отъѣздѣ Черняева охватило всѣхъ русскихъ людей, проснулось въ немъ раньше, чѣмъ въ другихъ. Онъ бросился въ Сербію и предложилъ свои услуги правительству. Онѣ были приняты, и война началась послѣ того, какъ *всякая* надежда на мирный исходъ была утрачена. Если бы сербская война была только личнымъ дѣломъ этого генерала, то мы не видѣли бы того энтузіазма, который овладѣлъ всѣми русскими послѣ того, какъ сербскія войска перешли границу. Не забудьте, что въ Россіи Черняевъ никогда не былъ особенно популяренъ. Извѣстность его, какъ завоевателя Ташкента, значительно омрачилась въ послѣднее время. Редактированіе *Русскаго Міра* и дружба съ г. Ѳаддеевымъ, печатавшимъ въ этой газетѣ свое *Чѣмъ намъ быть*, отстаиваніе разныхъ странныхъ экономическихъ и общественныхъ принциповъ, — все это отдаляло отъ него симпатіи мыслящей части общества, а часть не мыслящая, вѣрнѣе не читающая, врядъ ли и слыхала о Черняевѣ. И вдругъ оказывается, что этотъ человѣкъ толкнулъ Сербію въ войну и вызвалъ лихорадочное возбужденіе въ Россіи!

Черняевъ пріобрѣлъ популярность въ Россіи *потому*, что онъ принялъ участіе въ войнѣ, а не *война* сдѣлалась популярною ради Черняева. Вся его прежняя слава не могла же сдѣлать Ѳаддеевскаго *Чѣмъ намъ быть* книжкою пріятною и любезною русскому обществу. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ дѣятельности Черняева въ Сербіи, можно доказывать, что вся его дѣятельность по *Русскому Міру* не выдерживаетъ критики, и что хорошій генералъ можетъ быть плохимъ публицистомъ. Наоборотъ, всѣ неудачи Черняева въ Сербіи, хотя бы онъ даже былъ виноватъ, какъ о немъ пишутъ, не уронятъ славянскаго движенія въ глазахъ тѣхъ, кто знаетъ и чувствуетъ, *что такое* балканскій вопросъ, вопросъ цивилизаціи, человѣчности и христіанства не для одной Сербіи.

Если намъ и придется вести войну, то не Черняевъ будетъ въ этомъ виноватъ. Съ самаго начала балканской распри правительство наше заявило очень опредѣленныя требованія. Они были предъявлены Австріи и Германіи и приняты ими еще въ то время, когда Черняевъ мирно редактировалъ *Русскій Міръ*. Они настолько существенны, настолько необходимы для сохраненія *европейскаго* мира и *нашихъ* интересовъ, что правительство не можетъ отъ нихъ отступиться. Дай Богъ, чтобъ они были уважены на предстоящей конференціи; но если нѣтъ — войска наши уже на границѣ. Успѣхъ или неуспѣхъ Черняева тутъ не причемъ. Предположимъ, что онъ дѣйствовалъ бы успѣшно и разбилъ бы турокъ. Но за успѣшною войною

послѣдовали бы мирные переговоры объ устройствѣ быта балканскихъ славянъ. Думаете ли вы, что „Европа“ устранила бы себя отъ этого дѣла, и что англійскій флотъ даромъ стоялъ въ Безикской бухтѣ? Думаете ли вы, что Россіи не пришлось бы сказать своего слова и даже поддержать его нѣкоторыми „вещественными доказательствами?“ Есть полное основаніе предполагать, что побѣда сербовъ только *отдалила* бы вмѣшательство Россіи, но *устранить* его она не могла.

Еще менѣе значенія имѣетъ другое „капитальное“ обвиненіе, выставляемое противъ Черняева—обвиненіе въ умышленномъ искаженіи слуховъ, въ сообщеніи о небывалыхъ побѣдахъ сербовъ. Этимъ, говорятъ намъ, онъ искусственно поддерживалъ возбужденіе нашего общества и подготовлялъ войну. Если Черняевъ въ самомъ дѣлѣ устроилъ „корреспонденцъ-бюро̀“ —это крупная глупость и больше ничего. Къ возбужденію общества онъ никакого отношенія не имѣлъ. Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что Черняевъ сообщалъ бы неприкрашенную правду, что мы всѣ знали бы о неурядицѣ въ его арміи. Неужели, вы думаете, что это охладило бы рвеніе русскаго народа, остановило бы наше движеніе? Думать такъ, значитъ не знать характера и смысла народныхъ движеній вообще и русскихъ въ частности. Русскій народъ пропитанъ евангельскою истиною, что „не здоровые нуждаются во врачѣ, а больные“, не сытымъ нуженъ хлѣбъ, а голоднымъ. Правдивое и неприкрашенное изображеніе всѣхъ сербскихъ бѣдствій, быть можетъ, удесятерило бы наше рвеніе... Не думайте, чтобъ это были праздныя мечтанія. Фактъ налицо и фактъ огромный. Когда правительство наше отправило свой ультиматумъ Портѣ, какъ не тогда, когда въ разгромѣ Сербіи не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія? По теоріи же вышеизложенной, правительство наше тутъ-то и должно было бросить сербовъ на произволъ судьбы.

Вообще, весь этотъ трезвонъ о корреспонденцъ-бюро̀ способенъ навести на очень грустныя размышленія. Онъ, повидимому, разсчитанъ на довольно низменные инстинкты нашего общества. Онъ, какъ будто, раздается въ предположеніи, что общество наше способно поклоняться *только успѣху и сочувствовать только выигранному дѣлу.* Такая проповѣдь обращается къ людямъ, готовымъ весело и радостно пировать съ Христомъ въ Канѣ Галилейской, но торопливо бѣгущимъ отъ Голгоѳы, отрицающимся отъ святого, но не обрѣтшаго пока успѣха, дѣла, прежде чѣмъ пѣтухъ возгласитъ трижды. Къ чести русскаго общества предполагаемъ, что такой разсчетъ окажется невѣрнымъ и что *страданіе* за правое дѣло въ его глазахъ будетъ имѣть бо̀льшую цѣну, чѣмъ торжество неправды.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Въ февралѣ 1815 года, когда, послѣ низверженія Наполеона I, монархи и ихъ уполномоченные собрались въ Вѣну для приведенія въ порядокъ *европейскихъ дѣлъ*, вниманію этой оффиціальной Европы былъ предложенъ одинъ любопытный документъ. Онъ не касался прямо интересовъ государствъ, сначала порабощенныхъ Наполеономъ, потомъ опрокинувшихся на него всею своею тяжестью. Онъ не касался даже вопроса о водвореніи въ Европѣ системы и порядка, послѣ частыхъ и неожиданныхъ передѣлокъ ея карты; онъ не былъ продиктованъ никакими осязательными интересами той или другой державы. По выраженію Александра I, его подсказали *религія, голосъ природы и чувство человѣколюбія.*

Странные голоса и чувства въ ту минуту, когда Меттернихъ и меттерниховщина готовились размежевать, уравновѣсить и закрѣпить всю Европу нотаріальнымъ порядкомъ! Но голоса эти все-таки раздались, и мы должны вспомнить о нихъ потому, что только они могутъ подсказать какое-нибудь разрѣшеніе балканскаго вопроса и предотвратить всѣ ужасы войны.

Рѣчь идетъ о мало извѣстной, а европейскимъ историкамъ вовсе, кажется, неизвѣстной, нотѣ русскаго правительства по восточному вопросу, написанной графомъ Каподистрія. Правительству казалось удобнымъ предложить всеевропейскому вниманію этотъ загадочный тогда вопросъ, который одна Россія понимала какъ слѣдуетъ. Ни Александръ I, ни Каподистрія не достигли своей цѣли. Изъ дѣлъ Вѣнскаго конгресса даже не видно, какъ отнеслись „державы“ къ этому документу, содержаніе котораго только недавно обнародовано нашимъ извѣстнымъ ученымъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ [1]). Но идеи, воз-

[1]) *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т. III, стр. 178 и слѣд.

вѣщенныя въ этомъ документѣ, похоронить нельзя. Онѣ всплыли въ наше время. Поэтому мы и остановились на нихъ.

Нота доказываетъ, что на всѣхъ христіанскихъ и цивилизованныхъ державахъ лежитъ *обязанность* (obligation) заступиться за христіанскихъ подданныхъ Порты. Общія основанія суть „религія, голосъ природы и чувства человѣколюбія". Юридическія основанія *права* вмѣшательства, по мнѣнію ноты, состоятъ въ слѣдующемъ.

„Въ Европѣ,—говоритъ она,—существуетъ кодексъ международнаго права, имѣющій законную силу какъ во время мира, такъ и во время войны. Въ немъ заключается охрана международнаго порядка, и онъ является, безъ сомнѣнія, наиболѣе драгоцѣннымъ плодомъ цивилизаціи. На основаніи этого права, всѣми принятаго, человѣкъ, схваченный съ оружіемъ въ рукахъ, не становится на всю свою жизнь собственностью своего побѣдителя; права, вытекающія изъ завоеванія, смягчены; народы уважаютъ другъ друга, и всякая излишняя и произвольная жестокость изгнана изъ области отношеній между народами. Благодаря этому возвышенному кодексу, провозглашена *равноправность для всѣхъ человѣческихъ расъ*. Основываясь на предписаніяхъ его, относящихся ко благу человѣчества, судьба *негровъ* предстала на судъ монарховъ [1]; наконецъ, во имя тѣхъ же принциповъ, главы европейской семьи имѣютъ право требовать отъ Порты прекращенія столькихъ звѣрствъ".

Аргументація „ноты" не всегда ясна и удовлетворительна, но основная ея мысль глубоко вѣрна. Когда настанетъ то время, что „голосъ природы и чувства человѣколюбія" побудятъ Европу обратить на балканскихъ славянъ то вниманіе, которымъ нѣкогда были осчастливлены негры—не знаемъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что мысль объ *обязанности* Европы положить конецъ турецкимъ звѣрствамъ овладѣваетъ лучшими ея умами. Ею проникнуты рѣчи и брошюры Гладстоновъ, Брайтовъ, Фоссетовъ, Карлейлей, Гартингтоновъ и т. д. Она получила полное и *научное* развитіе въ замѣчательной статьѣ бельгійскаго публициста Ролена-Жакмена, о которой я упомянулъ вчера [2]. Нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ выдающихся мѣстахъ этой статьи, хотя бы для доказательства той мысли, которая недавно еще могла показаться парадоксальною: что Европа начинаетъ сознавать свой *грѣхъ* передъ турецкими христіанами.

Почему, спрашиваетъ авторъ, всякое движеніе на Балканскомъ полуостровѣ такъ болѣзненно отзывается въ Европѣ? „Испанія также была театромъ междоусобныхъ войнъ, продолжительныхъ и крова-

---

[1]) Декларація 27-го января 1815 г., подписанная представителями европейскихъ державъ, отмѣнила торгъ неграми.

[2]) См. предыдущую статью, стр. 515. *Ред.*

выхъ. Партіи поддерживали принципы, имѣющіе шансъ найти въ каждой странѣ горячихъ сторонниковъ и рѣшительныхъ противниковъ: республику или монархію, единство или федерализмъ, конституцію или божественное право. Ни къ одной изъ этихъ идей мы не были равнодушны, равно какъ и къ разсказамъ о насильствахъ, совершавшихся другъ надъ другомъ, на общей почвѣ, сынами одной родины. Есть, однако, родъ чувства, котораго мы не испытывали въ виду борьбы карлистовъ и конституціоналистовъ, централистовъ и кантоналистовъ, и которое, напротивъ, мы испытываемъ при разсказахъ о томъ, что̀ происходитъ въ Болгаріи, въ Сербіи, въ Герцеговинѣ и Босніи. *Чувство это*, трудно опредѣлимое, въ общихъ чертахъ *очень похожее на неловкость, ощущаемую виновнымъ при воспоминаніи о сдѣланной ошибкѣ.* Это родъ коллективнаго *угрызенія совѣсти*, безпокойства за навлекаемую отвѣтственность, чувства *долга*, подлежащаго выполненію... Испанская война могла быть сколько угодно жестокою—Европа сознавала, что она не имѣетъ права вмѣшаться. Иначе на Востокѣ. Откуда же, спрашивается, возникаетъ это сознаніе долга и грѣха въ совѣсти лучшихъ людей Европы? Изъ простого и внимательнаго изученія того, что̀ такое Турція—во-первыхъ; изъ поверхностнаго даже знанія исторіи всѣхъ отношеній европейскихъ державъ къ Портѣ—во-вторыхъ.

„Сравнивая Турцію,—продолжаетъ Роленъ-Жакменъ,—съ другими государствами Европы, въ отношеніи однородности и состава народности, поражаешься существенною разницею. Вездѣ, даже тамъ, гдѣ племена наиболѣе различны, они умственно слиты въ нѣкоторую нравственную и политическую однородность, дозволяющую каждому лицу съ тѣмъ уже правомъ, какъ и всѣ другія, считать себя членомъ государства, къ которому онъ принадлежитъ, а правительству провозглашать себя представителемъ и прирожденнымъ покровителемъ всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ государству“.

Въ Турціи утверждать то и другое было бы горькою насмѣшкою. Слишкомъ ясно, что турецкое правительство представляетъ *только турокъ*, даже тогда, когда оно случайно пользуется чиновниками-христіанами. Слишкомъ ясно, что христіане, принадлежащіе къ турецкому государству, поставлены не рядомъ съ турками, но *ниже* ихъ. Другія государства Европы, въ цѣломъ и частяхъ, могутъ быть основаны завоеваніемъ, т.-е. насиліемъ. Но только въ Турціи, послѣ столькихъ столѣтій, остается столь же ясно, какъ и въ первый день завоеванія, фактическое и юридическое различіе между завоевателями и завоеванными. Въ другихъ странахъ существуетъ соперничество расъ. Но даже тамъ имѣются законныя и правильныя средства выраженія своихъ стремленій, и какъ бы ни было сильно это

выраженіе, оно не ставитъ—кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ—вопроса о существованіи государства. Наконецъ, часть народонаселенія, считающая себя обиженною, можетъ надѣяться на достиженіе справедливости въ нѣдрахъ государства и черезъ него. Оттоманская Порта политически похожа на дантовскій адъ: всякая надежда отнята у христіанскихъ народовъ, коихъ предки были лишены своихъ правъ послѣдователями Мохамеда.

Вотъ, слѣдовательно, что возмущаетъ юридическое, нравственное, человѣческое сознаніе лучшихъ людей Европы. Все, что выработано вѣковымъ развитіемъ европейскихъ государствъ, все, за что бились суровые пуритане, Лютеры, Мирабо, Лафайеты, Барнавы, Вашингтоны,—все это попрано и поругано въ Турціи и попрано *безъ всякой надежды* на улучшеніе со стороны турокъ, предоставленныхъ самимъ себѣ.

Почему *безъ надежды?* Турки—*мохамедане*, т.-е. послѣдователи самой исключительной и самой фанатической изъ религій. Конечно, исламъ, взятый самъ по себѣ, есть религія воинствующая и исключительная только по сравненію съ другими. Но абсолютно говоря, мохамедане не противники культуры—доказательство цвѣтущее и просвѣщенное мавританское государство. Но турки, по свойствамъ своей расы и по исторической ихъ роли, представляютъ самую жестокую и изувѣрскую сторону исламизма. Для нихъ все, не принадлежащее къ исламу, есть нѣчто отверженное и обреченное на рабство. Всѣ улучшенія, сдѣланныя въ судьбѣ христіанъ Балканскаго полуострова, были результатомъ иноземныхъ требованій, были добыты съ оружіемъ въ рукахъ. Только коллективное и рѣшительное вмѣшательство Европы можетъ установить прочно лучшій порядокъ вещей. Если до сихъ поръ результаты европейскаго вліянія крайне скудны, это объясняется отсутствіемъ такого совокупнаго дѣйствія, соперничествомъ и взаимнымъ недовѣріемъ европейскихъ державъ, ближайшимъ образомъ, недовѣріемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ державъ къ Россіи.

Такова основная мысль статьи почтеннаго бельгійскаго публициста, подтверждающаго свои мысли обильными историческими фактами. Конечно, онъ не договорился до послѣдняго слова. Онъ не выяснилъ, какъ слѣдуетъ, причины „соперничества“ державъ по балканскому вопросу. Но для этого ему надо было бы поднять другой вопросъ, побольше и поглубже вопроса балканскаго — *вопросъ славянскій*. Къ чести почтеннаго бельгійца, пропитаннаго самыми гуманными и возвышенными идеями, мы предполагаемъ, что ему даже *не могла* придти мысль, что причина этого „антагонизма“ состоитъ на $^3/_4$ въ томъ, что угнетаемые турками народы суть *сла-*

вяне, и что покровительство, оказываемое Портѣ многими европейскими правительствами, объясняется призракомъ панславизма. Тогда бы онъ понялъ, почему негры заставили Европу прибѣгнуть къ „коллективному“ дѣйствію, а участь балканскихъ славянъ, если и вызываетъ такое дѣйствіе, то въ обратномъ смыслѣ, какъ въ 1853 году. Тогда многое объяснилось бы ему очень просто. Европѣ нужны разные полицiймейстеры славянскихъ племенъ, будь это мадьяры или турки.

Но не будемъ поднимать этого жгучаго вопроса. Повѣримъ на слово всѣмъ лучшимъ представителямъ Европы, вызвавшимъ крики негодованія противъ турецкихъ звѣрствъ. „Гражданская и религіозная свобода—въ цѣломъ мірѣ“, сказалъ старикъ Россель; стало быть, гражданская и религіозная свобода—безъ различія племенъ, вѣроисповѣданій, званій. Къ ней призываются даже славяне. Съ этой точки зрѣнія вопросъ упрощается и ограничивается.

Мы не будемъ уже говорить о *славянскомъ* вопросѣ, слишкомъ тревожномъ, слишкомъ обширномъ и мало готовомъ къ разрѣшенію. Мы будемъ говорить *объ улучшеніи быта балканскихъ христіанъ*, т.-е. объ уничтоженіи проклятыхъ слѣдовъ турецкаго завоеванія, „безнадежнаго“ различія между мусульманскими и христіанскими подданными Порты, о предоставленіи послѣднимъ такихъ человѣческихъ правъ, при которыхъ они могли бы *жить*, не опасаясь болгарскихъ происшествій.

Такова общая, нейтральная, такъ сказать, почва для переговоровъ на Константинопольской конференціи. Но осмѣливаемся думать, что Россія, съ самаго начала нынѣшней распри, никогда и не предлагала ничего другого. Если ей навязывали завоевательныя стремленія, панславистическія мечты, Константинополь, Болгарію, Сербію и еще что-то — это не ея вина. Она же говорила исключительно о такомъ устройствѣ Порты, при которомъ „болгарскіе ужасы“ не могли бы повториться. По всей вѣроятности, въ *этомъ* отношеніи она и не встрѣтитъ особенныхъ возраженій на конференціи. Трудно же предположить, чтобъ маркизъ Салисбюри сталъ доказывать генералу Игнатьеву, что истребленіе деревень, замучиваніе учителей, насилованіе женщинъ и продажа дѣтей въ рабство—дѣйствія похвальныя и не противныя европейскому взгляду на вещи. Нельзя ожидать также, чтобъ представители европейскихъ державъ, съ храбростью Дизраэли-Биконсфильда, стали отрицать эти факты, тѣмъ болѣе, что они разсуждаютъ не передъ англійскою палатою общинъ, а въ своемъ интимномъ кружкѣ. По всей вѣроятности, всѣ подвиги турокъ уже осуждены въ „принципѣ“.

Но весь вопросъ не въ этомъ провозглашеніи принциповъ человѣколюбія, равноправности и т. д., а именно въ средствахъ къ ихъ

осуществленію. Судя по многочисленнымъ заявленіямъ европейской печати и многихъ ораторовъ, можно заключить, что европейское общественное мнѣніе пришло къ тому заключенію, что балканскій вопросъ, въ указанномъ выше смыслѣ, не можетъ быть разрѣшенъ самимъ турецкимъ правительствомъ, хотя бы оно возвѣстило реформы самыя человѣколюбивыя, равноправныя, свободныя и представительныя. Независимо отъ религіозныхъ и историческихъ преданій Порты, это немыслимо уже потому, что турецкое правительство не имѣетъ для того достаточно силы. Оно подняло весь мусульманскій фанатизмъ на избіеніе христіанъ, но малѣйшая „реформа", неугодная мусульманской партіи, обратитъ весь этотъ фанатизмъ на правительство, которое, конечно, не пожелаетъ испытать участи Абдулъ-Азиса. Предположимъ даже, что правительству удастся провозгласить разныя реформы, не раздражая религіознаго фанатизма и не вызывая никакой новой катастрофы. Но за провозглашеніемъ реформъ должно послѣдовать ихъ *примѣненіе*, а опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что неискреннее и фальшивое примѣненіе реформы убиваетъ ее въ самомъ корнѣ. Можно ли надѣяться на откровенное и послѣдовательное примѣненіе реформъ въ Турціи?

Исторія всѣхъ доселѣ бывшихъ упражненій въ этомъ родѣ доказываетъ противное. Турецкое правительство мастерски обманывало всѣ европейскія ожиданія, нарушало самыя торжественныя обѣщанія и удивительно выигрывало время.

Кажется, на этихъ фактахъ нечего настаивать. Врядъ ли кому нибудь можетъ придти въ голову ждать обновленія Турціи черезъ турецкое правительство. Спеціально же въ *данную* минуту такая надежда была бы чистѣйшимъ безуміемъ. Не нужно забывать, что кровавая борьба на Балканскомъ полуостровѣ только *пріостановлена*, что турецкія орды во всеоружіи и готовы снова броситься на христіанъ. Стало быть, въ данную минуту рѣчь идетъ не о прекращеніи турецкихъ неистовствъ *вообще*, а о предотвращеніи ихъ въ ближайшемъ будущемъ, т.-е. черезъ три недѣли. Эту ближайшую и настоятельную потребность никакъ нельзя упускать изъ виду.

Если, такимъ образомъ, европейскія правительства должны имѣть въ виду двѣ цѣли, неразрывно связанныя: 1) предотвращеніе бойни, имѣющей вспыхнуть тотчасъ послѣ такъ называемаго перемирія; 2) устройство быта балканскихъ христіанъ на прочныхъ основаніяхъ — если, говорю я, таковы задачи конференціи,—то естественно весь вопросъ сводится на средства осуществленія и выполненія законныхъ требованій державъ. Это средство не въ Турціи, а *внѣ* ея, т.-е. въ самихъ державахъ. Державы же не могутъ располагать другими средствами кромѣ *военнаго занятія* (оккупаціи) турецкихъ провинцій.

Врядъ ли можно придумать другое средство, равносильное этому. Врядъ ли другое окажется дѣйствительнымъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, сила можетъ внести хотя какой-нибудь порядокъ, хотя какое-нибудь обезпеченіе личности и имущества въ эти несчастныя области, растерзанныя въ послѣднее время? Какая сила можетъ провести и укрѣпить реформы?

Вотъ почему русское правительство имѣетъ полное основаніе настаивать на этой мѣрѣ, а прочія европейскія державы врядъ ли имѣютъ основаніе отказать ему въ этомъ требованіи. Говоримъ это въ томъ предположеніи, что всѣ нелѣпыя обвиненія Россіи въ посягательствѣ на чужія земли, на Дарданеллы, чуть не на весь Балканскій полуостровъ, пали сами собою, послѣ весьма недвусмысленнаго поведенія нашего отечества въ теченіе современной распри. Если, въ самомъ дѣлѣ, Европа пришла къ убѣжденію, что балканскіе славяне нуждаются въ нѣкоторыхъ элементарныхъ условіяхъ существованія, то ей пора было убѣдиться, что Россія также хочетъ только этого, и что она стоитъ на одной почвѣ съ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Успѣхъ начатыхъ переговоровъ зависитъ отъ одного, весьма элементарнаго, но рѣдкаго въ дипломатическихъ переговорахъ условія— отъ *искренности* европейскихъ кабинетовъ. Если между представителями державъ состоится искреннее соглашеніе относительно мѣръ къ улучшенію быта христіанъ Балканскаго полуострова, — то же искреннее отношеніе къ дѣлу подскажетъ имъ, что иного средства къ приведенію этихъ мѣръ въ дѣйствіе, кромѣ военнаго занятія, нѣтъ. Безъ этого конференція представится празднымъ препровожденіемъ времени, безплодною діалектикою, которая разрѣшится кровавою трагедіею.

Единственнымъ основаніемъ къ возраженію противъ оккупаціи можетъ быть только старое, избитое недовѣріе къ Россіи, будто бы жаждущей захватовъ и новыхъ провинцій. Другими словами, неуспѣхъ конференціи объясняется тѣмъ же разъединеніемъ державъ, благодаря которому всѣ турецкіе порядки не только существуютъ, но сама Турція принята въ сонмъ европейскихъ державъ.

Пусть, однако, подумаютъ, почему всѣ европейскія державы требуютъ правъ внѣземельности для своихъ подданныхъ, находящихся въ Турціи? Почему Англія не находитъ обиднымъ, что англичанинъ, находящійся во Франціи, Германіи или Россіи, подчиняется французскимъ, германскимъ или русскимъ законамъ и судамъ? Почему на Востокѣ для иностранцевъ понадобилась внѣземельность и консульская юрисдикція? Каждый юристъ дастъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Всѣ европейскія государства не терпятъ въ своихъ предѣ-

лахъ безправныхъ личностей. Современная культура, по счастливому выраженію одного юриста, окружаетъ атмосферою права каждое лицо, въ какомъ бы государствѣ оно ни находилось. Этого мало. „Атмосфера права" приблизительно вездѣ одинакова. Гражданскіе и уголовные законы обезпечиваютъ личность и имущество каждаго одинаковыми средствами. Въ Турціи же, все, не принадлежащее къ исламу, безправно. Силою оружія, европейскія державы, одна за другою, вырвали у Порты право внѣземельности и привилегированной юрисдикціи для своихъ подданныхъ. Но кто же окружитъ этою „атмосферою права" милліоны страдальцевъ, изъ вѣка въ вѣкъ несущихъ невыносимое иго? Кто дастъ имъ права, отнятыя у нихъ мусульманскимъ завоевателемъ?

Взывая къ такимъ примѣрамъ, мы высказываемъ только то, что говоритъ лучшая часть культурной Европы. Она сама поставила вопросъ именно на эту почву. Конечно, Россія твердила объ этомъ и раньше, и больше, и настойчивѣе. Но пусть честь такого открытія принадлежитъ вожакамъ европейскаго общественнаго мнѣнія; пусть Россія, выдвигая впередъ принципы человѣколюбія, только маскировала свои завоевательные планы. Допустите, что только лѣтомъ 1876 года, въ средѣ европейскихъ державъ, были открыты „безправныя народности", ко всеобщему негодованію Европы, изумленной звѣрствами въ Болгаріи. Дѣло не въ чести изобрѣтенія и открытія, дѣло въ томъ, чтобъ впредь такія „открытія" не приводили бы въ смущеніе Европы. Только этого и желаетъ Россія, дорожащая спокойствіемъ Европы и интересами культуры, можетъ быть, больше, чѣмъ думаютъ.

ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Она спѣла свою пѣсню эта сирена, эта кудесница, эта *надежда* „на мирный исходъ дѣла“ при помощи дипломатическихъ ухищреній. Пришлось-таки вынуть мечь, уже покрывавшійся ржавчиною. Война объявлена и уже началась. Честь и достоинство Россіи не были ограждены переговорами, нотами, протоколами. Наши уступки вызывали новыя оскорбленія. Томительное бездѣйствіе, страшная тоска, тоска здороваго человѣка, привязаннаго къ постели излишне ревностнымъ врачомъ, остановка во всѣхъ общественныхъ отправленіяхъ, какая-то умственная тьма, сонливость, безсильная злоба и, ко всему этому, визгливый, избитый мотивъ дипломатической шарманки—„вѣрьте и надѣйтесь“. Ужасно!

Манифестъ о войнѣ прогналъ этотъ страшный сонъ. Мы стали лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ тою дѣйствительностью, какою она была съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, дѣйствительностью неизмѣнною, непоколебленною всѣми конференціями и протоколами. *Исламъ или христіанство! Славяне или турки!* Такъ былъ поставленъ вопросъ съ 1875 года, и никакія событія не измѣнятъ этой постановки. Если война, нынѣ начатая, будетъ доведена до своей естественной, исторической цѣли, мы увидимъ рядъ свободныхъ христіанскихъ государствъ *на мѣстѣ* нынѣшней „Оттоманской имперіи“. Если война будетъ неудачна, или, если „концертъ европейскихъ державъ“ не дастъ намъ воспользоваться всѣми плодами вѣроятныхъ побѣдъ, намъ придется рано или поздно снова начать войну за ту же идею, ради той же цѣли.

Рѣдкая война можетъ быть до такой степени войною *за идею*, какъ война, начатая теперь Россіею. Мы не предвидимъ серьезныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; намъ не улыбаются контрибуціи,

которыхъ взять не съ кого, не нужно намъ и военной славы—ея и безъ того накопилось у насъ много.

Война начата за идею, но не въ смыслѣ отвлеченнаго принципа. Эту идею, безъ всякаго умственнаго усилія, можно облечь въ плоть и кровь.

Мы боремся за свое мѣсто на Балканскомъ полуостровѣ, за то мѣсто, съ котораго соединенныя усилія Европы сбили насъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Тяжкими усиліями, „многими и несносными трудами“, какъ говаривалъ Петръ Великій, Россія завоевала себѣ положеніе естественной покровительницы христіанъ и христіанства на Востокѣ. Соединенная Европа лишила насъ этого мѣста и выступила въ роли защитницы „угнетенной“ Турціи противъ „завоевательныхъ плановъ Россіи“. Она обѣщалась, правда, что животворящее вліяніе ея культуры проникнетъ и въ Турцію, и что бытъ турецкихъ христіанъ улучшится вслѣдствіе „просвѣщенія“ турецкой администраціи.

Но трактаты и громкія слова не въ силахъ измѣнить положенія вещей, созданнаго природою и исторіею. Европа ничего не прибавила къ турецкой цивилизаціи, кромѣ толпы піявицъ, высасывавшихъ кровь христіанскаго населенія, вмѣстѣ съ піявицами турецкими, которыхъ онѣ знакомили не съ европейскою культурою, а съ европейскимъ развратомъ. Страданія христіанъ не только не уменьшились, но увеличились, и только со стороны Россіи, опять-таки въ силу ея историческаго преданія, раздавался сочувственный и протестующій голосъ. Но отечество наше, сбитое съ позиціи и запряженное въ „европейскій концертъ“, разыгрывало теперь роль безсильной плакальщицы, безпомощнаго богомольца, какимъ былъ митрополитъ Филиппъ при Іоаннѣ Грозномъ. Европейскій „Іоаннъ Грозный“ дозволялъ молить и плакаться, но робко, но „гладостно и подпадательно“, а не то грозилъ „жезліемъ“ и каменнымъ мѣшкомъ. Малѣйшій серьезный укоръ или призывъ къ серьезному воздѣйствію на Порту вызывалъ крики о завоевательныхъ планахъ Россіи, о дерзости казачества, о необходимости намордника и другихъ исправительныхъ мѣръ.

Россія желаетъ выйдти изъ этого положенія. Она желаетъ говорить не какъ богомолецъ при Гамидѣ II, не какъ Василій Блаженный при Дизраэли, а какъ приличествуетъ державѣ, созданной Петромъ Великимъ и Екатериною II. Роль народа-сироты и юродиваго совершенно не идетъ къ племени, собственными усиліями занявшему почетное мѣсто во всемірной исторіи.

Мы *должны* занять прежнее мѣсто на Востокѣ не изъ одного чувства собственнаго достоинства, а просто потому, что пока восточный

вопросъ не разрѣшенъ, мы не можемъ быть спокойны у себя дома. Съ какимъ бы рвеніемъ мы ни отдавались внутренней работѣ, какими бы вопросами экономическими, финансовыми или административными ни было занято наше вниманіе, малѣйшее усложненіе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ всегда можетъ оторвать насъ отъ дѣла и заставить броситься въ войну, которой обыкновенно нельзя избѣжать.

Да, нельзя! Чего не было сдѣлано въ эти два года, чтобы избѣжать войны? „Обмѣны мыслей" простые и съ соглашеніемъ; соглашенія съ воздѣйствіемъ на Порту и безъ онаго; заявленія искреннѣйшаго миролюбія и полнаго безкорыстія; цѣлая литература, „умѣрявшая" воинственный пылъ русскаго общества, которое успѣло даже впасть въ нѣкоторый сонъ, и затѣмъ—все-таки война. Все разбилось о недовѣріе Европы, о нахальство Турціи, пользовавшейся „настроеніемъ" европейскаго концерта.

Война, начатая теперь, должна довести дѣло до конца, т.-е. дать намъ дѣйствительное обезпеченіе, что миръ не можетъ быть каждую минуту нарушенъ по прихоти турецкихъ сановниковъ, и благодаря потворству ихъ европейскихъ доброжелателей. Именно въ виду будущаго спокойствія Россіи нельзя не желать, чтобъ война была безпощадно доведена до конца, чтобъ она не окончилась какимъ нибудь „компромиссомъ", продиктованнымъ съ береговъ Темзы или съ иного, болѣе близкаго берега. Каждый „компромиссъ", т.-е. каждая недомолвка въ войнѣ, сдѣлается долговымъ обязательствомъ, тяжесть котораго падетъ на будущее, можетъ быть неотдаленное. Хотимъ или не хотимъ мы этого, а намъ придется додѣлывать то, что̀ не будетъ сдѣлано теперь. Или намъ опять желательно переживать всю тяготу нынѣшняго положенія, весь этотъ матеріальный и нравственный застой, переносить всѣ эти униженія, бѣгать по всѣмъ дворамъ, искать милости тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о *правѣ?*

Мы можемъ зажмуриваться, отворачиваться отъ восточнаго вопроса, сколько намъ угодно, но онъ останется на мѣстѣ, и если мы не хотимъ сдѣлаться его разрѣшителями, то сдѣлаемся его *жертвами.* Мы увидимъ новую Остъ-Индію на нашихъ южныхъ границахъ, увидимъ Калькутту на мѣстѣ Константинополя, Гибралтаръ на Дарданеллахъ и Черное море *навсегда* запертое для Россіи. Можемъ ли мы существовать безъ свободнаго Чернаго моря, безъ свободнаго выхода въ море Средиземное, безъ великаго воднаго пути, необходимаго для великой державы?

Въ теченіе двухъ лѣтъ мы приносили въ жертву европейскому миру чуть не все—свою честь, свое достояніе. Одинъ Богъ видитъ, сколько мы потеряли за это время. Говорю Богъ, потому что всѣмъ

статистикамъ врядъ ли удастся сосчитать всѣ наши матеріальные убытки. Земледѣлецъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ хлѣбомъ; торговецъ не смѣлъ пустить въ дѣло свой капиталъ, да капиталъ этотъ и таялъ не по днямъ, а по часамъ; фабрикантъ не зналъ, въ какомъ объемѣ можетъ онъ продолжать свое производство. Десятки фабрикъ останавливались; десятки тысячъ рабочихъ оставались безъ дѣла и хлѣба; курсы падали; банки лопались одинъ за другимъ, унося достояніе множества семействъ. И все это во время мира и ради мира.

И это еще *наглядно*. Что же сказать о не наглядномъ, о нравственномъ? Что испытывала Россія, когда нахальная орда наносила ударъ за ударомъ ея законному чувству чести? Когда, подъ припѣвъ иныхъ миролюбцевъ, въ общество начало проникать убѣжденіе, что „брань на вороту не виснетъ", что народное чувство можетъ быть оскорбляемо безнаказанно, и что мы даже заслужили такое обращеніе, вмѣшавшись не „въ свое дѣло"? Лучше не вспоминать объ этихъ минутахъ. Въ эти скорбные дни единымъ утѣшеніемъ русскаго было кремлевское слово Государя и убѣжденіе, что оно не прейдетъ... Оно не прешло! Настала минута суда Божьяго, гдѣ нѣтъ уже мѣста льстивымъ надеждамъ и наглымъ увѣреніямъ. Но не забудемъ того, что̀ мы пережили съ октября 1876 года. Если мы отдали ради мира *все*, то отъ войны мы должны желать также *всего*, т.-е. прочнаго и окончательнаго обезпеченія нашихъ интересовъ на Востокѣ.

На это можно и надѣяться. Никогда болѣе блестящая русская армія не переходила турецкой границы. Давно уже международныя отношенія, если судить по наружности, не слагались такъ благопріятно. Турція едва ли найдетъ себѣ *явныхъ* союзниковъ среди европейскихъ державъ.

Если это такъ, то когда же Россія можетъ возвратить себѣ то, что̀ было ею утрачено въ 1856 году? Когда же можетъ она устроить бытъ балканскихъ христіанъ согласно своимъ интересамъ, совпадающимъ и съ интересами цивилизаціи?

Нечего скрывать отъ себя, что и при данныхъ благопріятныхъ условіяхъ, война представитъ большія трудности. Турецкія войска многочисленны и хорошо вооружены. Они находятся на *своей* землѣ, и это огромная выгода. Не получая помощи гласной, они, вѣроятно, получили уже помощь негласную, въ видѣ фунтовъ стерлинговъ, офицеровъ, пушекъ, ружей и т. п. Можетъ быть, и венгерскіе „добровольцы" пойдутъ защищать интересы цивилизаціи подъ знаменемъ пророка.

Этихъ обстоятельствъ нечего скрывать отъ себя, да ихъ никто и не скрываетъ. Мы не идемъ впередъ съ криками „шапками заки-

даемъ": Высочайшій манифестъ о войнѣ проникнутъ инымъ духомъ. „Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ уповаліи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія".

Таковы слова Государя, вѣрно выразившія мысль всей Россіи. Уподобляясь Христу Спасителю, родина наша долго страдала и молилась, „да мимо идетъ чаша сія". Но да будетъ не такъ, какъ хотимъ мы, а какъ хочетъ Тотъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ судьбы народовъ и царствъ.

Время настало. Можетъ быть, важность предстоящей войны не всѣми еще сознана. Это и неудивительно. Россія въ данную минуту похожа на человѣка, который долго лежалъ крѣпко связанный въ темной и душной комнатѣ. Міръ какъ бы закрылся для него; только неясный и глухой шумъ доносился съ улицы; полумракъ отучилъ его отъ истиннаго свѣта; связанные члены утратили привычку и даже потребность дѣйствія; мысли блуждали безъ цѣли, самыя желанія притупились.

Но сильная рука развязала путы! Человѣкъ не знаетъ вѣрить ли ему. Онъ потягивается, робко осматривается, дѣлаетъ нерѣшительное движеніе, приглядывается къ свѣту, свѣжій воздухъ врывается въ комнату, дыханіе учащается, сердце бьется сильнѣе, и узникъ бодро кидается къ выходу, гдѣ свѣтъ и жизнь.

Встань русскій народъ! Въ сознаніи своей правоты, берись за оружіе, которымъ ты призванъ освободить милліоны страдальцевъ. Ты самъ бѣденъ, бѣденъ и деньгами и познаніями. Но вѣдь богатство и ученость Англіи не подвинули же ее на помощь христіанамъ. Не ея ли государственный человѣкъ сказалъ недавно, что отечество его не имѣетъ отъ Бога призванія защищать христіанъ? Онъ сказалъ правду. Защита христіанъ восточныхъ есть дѣло *Россіи* и, Боже сохрани, если *другіе* вырвутъ это дѣло изъ ея рукъ. Мы уже видѣли, къ чему привела двадцатилѣтняя опека Англіи въ Турціи. То ли увидимъ мы еще, если нынѣшняя война не будетъ доведена до конца, если какой нибудь новый „компромиссъ" извратитъ теченіе войны, если опять какой нибудь „европейскій концертъ" сведетъ на ничто всѣ наши усилія.

Съ Турціею сдѣлокъ нѣтъ и быть не можетъ. Она сама понимаетъ это очень хорошо и потому совершенно логично отвергла всѣ компромиссы, напрягла всѣ свои силы, поставила на карту всѣ свои средства. Она подняла свое зеленое знамя, подняла кличъ на священную войну и знаетъ, что начинается новая и грозная борьба

между тѣми элементами ея имперіи, которыхъ столѣтія не могли сплотить въ одно цѣлое.

Если она понимаетъ это, то намъ тоже пора бы придти къ сознанію этой простой истины. Въ убаюкиваніяхъ, льстивыхъ обѣщаніяхъ и обманчивыхъ надеждахъ, конечно, не будетъ недостатка. Но мы должны идти мимо всѣхъ „купующихъ и торгующихъ въ мѣстѣ святѣ“, иначе мы никогда не дойдемъ до конца и завязнемъ въ какомъ нибудь „концертѣ“, къ общей потѣхѣ и къ собственному униженію.

ВОЙНА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РОССІИ.

Кровь пролита, и эта кровь—русская. Теперь Россія дѣйствуетъ уже не совѣтами и не обмѣномъ мыслей съ прочими европейскими державами, а оружіемъ своимъ, одна, на свой страхъ и на свою отвѣтственность. Положеніе нашего отечества далеко не напоминаетъ положенія, напримѣръ, Германіи въ франко-прусскую войну. Въ 1870 году мы присутствовали при дѣйствительномъ единоборствѣ „тевтоновъ" съ „галлами", при чемъ тевтоны могли разсчитывать на вполнѣ дружественный нейтралитетъ Россіи. Ни одна европейская держава не шевельнулась и *не могла* шевельнуться противъ Германіи.

Въ иное положеніе поставлена теперь Россія. Глаза всей Европы ревниво устремлены на театръ войны. Каждый клочокъ Оттоманской имперіи соединенъ какъ бы электрическими звонками со всѣми кабинетами Европы.

Каждый нашъ шагъ въ Малой Азіи или на Балканскомъ полуостровѣ приводитъ въ дрожь чуть не всѣхъ государственныхъ людей, чуть не все европейское общество. Правда, мы имѣемъ за себя открытый нейтралитетъ могущественной и дружественной намъ Германіи; правда, мы не встрѣтимъ въ числѣ нашихъ враговъ грозныхъ нѣкогда французскихъ баталіоновъ. Но могутъ ли эти важные „нейтралитеты" удержать прочія державы отъ враждебныхъ противъ Россіи дѣйствій? „Нейтралитетъ" Англіи явно враждебенъ нашему отечеству. Лорду Дерби даже незачѣмъ было писать своей знаменитой ноты. Мы видимъ *дѣйствія* Англіи, дружественныя Турціи и враждебныя намъ. Англійская королева уже взывала къ патріотизму своего воинства и указывала на *Востокъ*, какъ на то мѣсто, гдѣ этотъ патріотизмъ можетъ найти широкое приложеніе. Австрія уподобляется вѣсамъ съ двумя чашками: на одной чашкѣ лежатъ всѣ

турецкія симпатіи венгерской народности, на другой—симпатіи не столько славянскія, сколько антивенгерскія Которая изъ этихъ чашекъ перетянетъ — рѣшитъ недалекое будущее. Что же будетъ, когда война приметъ болѣе широкіе размѣры? Удержится ли нейтралитетъ Германіи, Франціи, Италіи? Какое направленіе приметъ политика этихъ державъ?..

Такимъ образомъ, неопредѣленность политическаго положенія есть первое для насъ затрудненіе какъ теперь, такъ и въ будущемъ. Съ этою трудностью связана и другая, не менѣе важная. Съ того момента, какъ Россія взялась за оружіе, ея отношеніе къ восточному вопросу измѣнилось и должно было измѣниться. Тѣ гарантіи и формы соглашенія, какія выработывались и предлагались на разныхъ конференціяхъ, конечно, не въ силахъ будутъ ввести въ русло воюющія стороны. Россія можетъ остановиться только тогда, когда получитъ полную увѣренность, что бытъ балканскихъ славянъ дѣйствительно улучшенъ, что собственные ея интересы дѣйствительно ограждены, — въ результатѣ, что миру не грозитъ опасность въ близкомъ будущемъ. Но Россія всегда останется подъ угрозою войны, если современная война не будетъ доведена до ея естественныхъ результатовъ. Недодѣланная война—хуже пораженія, потому что она родитъ новую войну и порождаетъ ее послѣ того, какъ силы страны значительно истощены. Россія могла ждать и дѣлать уступки, пока дѣло находилось на почвѣ дипломатическихъ переговоровъ. Тогда всякое терпѣніе, всякая уступчивость имѣли свое оправданіе въ томъ, что отечество наше искренно желаетъ сохранить миръ, принести даже извѣстныя жертвы миру, этому „идеалу нашего времени“. Но разъ война объявлена, разъ идеалъ оказался неосуществимымъ, всякія новыя жертвы и уступки не будутъ уже имѣть никакого логическаго основанія. Мы начали войну потому, что всѣ попытки мирнаго соглашенія не удались, что миръ на Востокѣ не могъ быть сохраненъ этимъ путемъ. Мы обратились къ другому средству—къ оружію, и должны ждать всего добраго только отъ него, не парализуя его никакими другими средствами и воздѣйствіями.

Итакъ, Россіи предстоитъ трудная задача среди весьма сложныхъ обстоятельствъ. Серьезность положенія всѣми сознается, и никто, конечно, не пожелаетъ, чтобъ къ одной воюющей противъ насъ сторонѣ прибавилась другая и третья. Всякій понимаетъ, что незачѣмъ раздражать невыступившихъ еще впередъ противниковъ какими нибудь преждевременными заявленіями и чрезмѣрными требованіями, да и размѣръ требованій во время войны опредѣляется не заранѣе начертанною программой, а ходомъ военныхъ дѣйствій.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны предохранить себя отъ увлеченія *призрачными* опасностями, отъ *преувеличенія* нашего труднаго положенія. Напротивъ, здравое пониманіе нынѣшняго положенія должно вызвать въ насъ всю ту энергію, все то напряженіе силъ, къ какимъ способенъ великій и уважающій себя народъ. Еслибъ мы смотрѣли на современную войну какъ на веселый турниръ или на простую военную прогулку, мы совершенно потеряли бы изъ виду то, чего можемъ ожидать и требовать отъ этой войны. Веселый турниръ и военная прогулка ни къ чему не обязываютъ: они могутъ кончиться веселымъ пиромъ, подобно тому, какъ пустыя дуэли оканчиваются бутылкою шампанскаго. Но въ данномъ случаѣ похмелье послѣ такого веселаго пира можетъ быть весьма тяжко. За него придется расплачиваться даже не дѣтямъ нашимъ, но намъ самимъ, расплачиваться ежеминутнымъ ожиданіемъ новой войны, страшнымъ бременемъ вооруженнаго мира, застоемъ во всѣхъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, деморализаціею цѣлаго общества. Для того, чтобъ мы могли дѣйствительно и спокойно вернуться домой, къ своимъ внутреннимъ дѣламъ, сложить оружіе и взяться за плугъ, намъ нужна твердая увѣренность въ мирѣ, вытекающая изъ убѣжденія, что мы сдѣлали на Востокѣ все, что нужно для его умиротворенія.

Для этого намъ нужно полнѣйшее самообладаніе. Мы не должны пугаться ни трудностей, сопряженныхъ съ военными дѣйствіями въ такой странѣ, какъ Балканскій полуостровъ, ни частныхъ неудачъ, всегда возможныхъ. Не пугаясь трудностей, мы не должны—и это самое важное — пугаться и побѣдъ нашихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждое блестящее дѣло русской арміи вызоветъ страшный крикъ среди нашихъ недоброжелателей. На Балканскомъ полуостровѣ мы постоянно будемъ находиться въ положеніи человѣка, копающаго кладъ въ заколдованномъ лѣсу: при каждомъ удачномъ взмахѣ заступа подымается страшный крикъ нечеловѣческихъ голосовъ; со всѣхъ сторонъ выглядываютъ свирѣпыя лица, поднимаются грозныя видѣнія; чьи-то косматыя лапы готовы схватить руку, держащую заступъ; чьи-то огненные глаза заглядываютъ въ лицо искателю клада. Кровь стынетъ въ жилахъ, ноги подкашиваются, руки дрожатъ; но терпѣніе! Заступъ ударился о твердую крышку завѣтнаго котла, смѣлая рука выхватила его изъ земли, гдѣ онъ лежалъ много вѣковъ, и всѣ видѣнія разлетѣлись, какъ дымъ, грозные голоса смолкли и лѣсныя страшилища преклонились *предъ совершившимся фактомъ*.

Да! И въ мірѣ волшебномъ, и въ мірѣ политическомъ совершившійся фактъ великое дѣло, рѣшающее всѣ вопросы, устраняющее всяческія недоразумѣнія. Есть, правда, совершившіеся факты, за которые приходится краснѣть лицамъ, ихъ совершившимъ. Но цѣль

начатой нами войны настолько высока, интересы наши на Балканскомъ полуостровѣ настолько законны, что всѣ факты, насколько они соотвѣтствуютъ этимъ цѣлямъ и этимъ интересамъ, заранѣе получаютъ полное оправданіе. Услышимъ мы грозные голоса, увидимъ угрожающія лица. Но не они еще составляютъ всю опасность. Еще опаснѣе лица льстивыя, исполненныя притворнаго уваженія къ Россіи, потакающія слабости, невольно иногда ощущаемой въ разгарѣ тяжелой работы. Послѣ двухъ-трехъ серьезныхъ побѣдъ, намъ могутъ сказать: „Ваша честь удовлетворена; Порта достаточно наказана и готова на разныя уступки. Она готова, напримѣръ, принять условія, предложенныя ей Лондонскимъ протоколомъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми реформами и „торжественнымъ обѣщаніемъ“ другихъ реформъ; уходите со славою домой и обратитесь къ вашимъ домашнимъ дѣламъ“. Эти голоса были бы опаснѣе всѣхъ угрозъ.

Мы начали войну вовсе не изъ-за того, что Порта не приняла Лондонскаго протокола; отказъ Порты вовсе не былъ *предлогомъ* къ войнѣ, которой, какъ всѣ знаютъ, мы тщательно избѣгали. Лондонскій протоколъ былъ послѣднею мѣрою уступокъ, которую могла сдѣлать Россія послѣ двухлѣтнихъ попытокъ придти къ какому-нибудь соглашенію. Въ этомъ протоколѣ implicite заключался уже ультиматумъ державы, истомленной долгимъ ожиданіемъ, измученной всѣми переговорами, шесть мѣсяцевъ державшей подъ ружьемъ огромную армію, терпѣвшей всякія хозяйственныя невыгоды, терпѣливо переносившей всѣ удары ея законному самолюбію, даже не самолюбію, а просто сомоуваженію. Попробуйте загнать массу воздуха въ тѣсное пространство, сдавливайте, подогрѣвайте его, не давайте ему никакого выхода и потомъ удивляйтесь, что онъ разорветъ ваше „пространство“...

До объявленія войны можно было имѣть различные взгляды на способы рѣшенія восточнаго вопроса. Можно было искать средствъ мирныхъ; можно было сомнѣваться въ пользѣ и своевременности войны, можно было, съ другой стороны, рекомендовать самыя энергическія мѣры, требовать немедленнаго боя. Теперь, предъ этою кровью, народною кровью, льющеюся и на Дунаѣ, и въ Малой Азіи, всякое различіе направленій должно исчезнуть. Въ сердцѣ каждаго русскаго можетъ быть одно желаніе — чтобъ не даромъ пролилась эта кровь, чтобъ она оросила не какое-нибудь фиктивное обѣщаніе реформъ въ „отдаленномъ будущемъ“, а дѣйствительный всходъ свободы, равноправности и благосостоянія христіанъ; чтобъ наши собственные интересы на Востокѣ были ограждены настолько, что воспоминаніе объ убитыхъ, видъ увѣчныхъ, горе осиротѣвшихъ и овдовѣвшихъ отъ турецкой пули не порождали въ насъ чувства

стыда, сознанія безплодности потраченныхъ силъ, горькаго чувства отвѣтственности предъ исторіею.

Твердое и единодушное дѣйствіе всей Россіи важно не только для насъ, но и для всей Европы. Наши колебанія и сомнѣнія могутъ только расширить чужія требованія, вызвать невозможныя притязанія, т.-е. породить новыя усложненія и безъ того сложнаго вопроса. Напротивъ, твердое и спокойное отношеніе къ дѣлу введетъ въ надлежащее русло всѣ стремленія и притязанія и сдѣлаетъ возможнымъ дѣйствительное умиротвореніе Европы.

ЦѢЛИ ВОЙНЫ
И
УСЛОВІЯ МИРА СЪ ТУРЦІЕЙ.

Съ разныхъ сторонъ идутъ слухи о мирѣ. Говорятъ о немъ много и охотно: во-первыхъ, потому, что всѣ его желаютъ (при извѣстныхъ условіяхъ, конечно); во-вторыхъ, слухи о мирѣ распространяются и въ виду нашихъ военныхъ успѣховъ за послѣднее время. Карсъ взятъ, Плевна окружена и сдавлена, Эрзеруму грозитъ серьёзная опасность—неужели же турки не подумаютъ о мирѣ? Говорятъ о мирѣ, наконецъ, потому, что, въ виду нашихъ успѣховъ, съ новою силою возникли толки о *посредничествѣ* европейскихъ державъ.

Осуществятся ли надежды на скорый миръ, или войнѣ суждено затянуться на неопредѣленное время, во всякомъ случаѣ, обсужденіе условій будущаго мира полезно. Оно полезно уже потому, что при неожиданностяхъ, какими вообще изобилуетъ исторія нынѣшней войны, мирныя предложенія могутъ явиться внезапно, подобно „татю въ нощи", а всякія „посредничества" не преминутъ предложить условія, парализующія все, чего мы могли бы добиться, опираясь на одни успѣхи наши. Обществу русскому необходимо уяснить себѣ хотя бы минимумъ тѣхъ условій, на которыхъ Россія могла бы заключить миръ, достойный ея имени, сообразный великимъ жертвамъ, ею принесеннымъ, согласный, наконецъ, съ *общею цѣлью* начатой ею войны.

Для такого „обсужденія" намъ необходимо сосредоточиться, возвыситься надъ ходомъ событій, надъ отдѣльными эпизодами современной войны, стать лицомъ къ лицу съ историческимъ призваніемъ Россіи, съ тою отвѣтственностью, которую мы несемъ передъ потомствомъ и передъ тѣми, чья кровь пролилась на поляхъ Болгаріи и

Малой Азіи, передъ мужицкою копейкой, принесенной на военныя нужды, предъ отцами и матерями, братьями и дѣтьми павшихъ героевъ—словомъ, передъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть словомъ, полнымъ значенія для всѣхъ насъ—передъ *Россіею.*

Россія *вся,* какъ племя, какъ общество хозяйственное, какъ общество религіозное и какъ государство, имѣла и имѣетъ очень опредѣленную цѣль въ нынѣшней войнѣ. Цѣль эта — устраненіе такого положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, которое грозитъ постояннымъ военнымъ столкновеніемъ въ Европѣ. Съ какою бы искренностью и усердіемъ ни отдавалась Россія своимъ внутреннимъ дѣламъ, эта работа и необходимое для нея спокойствіе могутъ быть прерваны въ каждую минуту любымъ турецкимъ пашою, злоупотребленія котораго вызвали бы *возстаніе* во „ввѣренномъ“ ему пашалыкѣ.

Злоупотребленія бываютъ вездѣ; весьма часто они вызываютъ случаи неповиновенія властямъ и даже открытаго сопротивленія. Но вездѣ они остаются внутреннимъ дѣломъ государства и не подаютъ повода къ вмѣшательству прочихъ державъ. Но въ Турціи ни одно возстаніе, ни одинъ „бунтъ“ не имѣетъ характера, такъ сказать. *отдѣльнаго случая.* Каждое, сколько-нибудь значительное возстаніе немедленно затрогиваетъ общій принципъ турецкихъ порядковъ, ведется съ высоты этого принципа и, кромѣ *внутреннихъ* политическихъ, затрогиваетъ еще массу *международныхъ вопросовъ.*

Принципъ этотъ—неравноправность *народностей,* населяющихъ Турецкую имперію, и, притомъ, неравноправность въ самой грубой ея формѣ. Она выражается въ полномъ *безправіи* христіанскихъ народностей, отданныхъ въ безотчетное распоряженіе мусульманскаго населенія. Поэтому, каждое возстаніе христіанъ должно, по самой силѣ вещей, имѣть цѣлью низверженіе *турецкаго* владычества во всемъ его объемѣ, потому что всякія сдѣлки и соглашенія съ мохамеданскимъ населеніемъ оказываются невозможными, Этотъ фактъ торжественно признанъ всею Европой на Константинопольской конференціи. Мѣры, предложенныя ею для устраненія зла, конечно, недостаточны, но фактъ засвидѣтельствованъ ясно и отчетливо.

Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Предположимъ, что, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Россіи повторилась бы пугачовщина. Какъ бы ни были велики ея размѣры, иностранныя державы не имѣли бы никакого права на вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Такое возстаніе не шло бы противъ русскаго государства, противъ всѣхъ его учрежденій, противъ верховной его власти. Оно шло бы противъ одного института — противъ крѣпостного права, противъ одного сословія—помѣщиковъ. То или другое

разрѣшеніе этого внутренняго вопроса нисколько не затрогивало бы интересовъ европейскихъ державъ.

Возьмемъ другой примѣръ, на этотъ разъ историческій. Въ 1789 году во Франціи весь прежній государственный порядокъ былъ разрушенъ и замѣненъ другимъ. Европейскія державы, подъ разными внѣшними предлогами, начали войну съ Франціей; но едва ли онѣ могли оправдать свое вмѣшательство. Каждая нація имѣетъ право установлять у себя тотъ или иной государственный порядокъ. Затѣмъ, французская революція нисколько не ставила вопроса о существованіи самого французскаго государства изъ-за непримиримаго несогласія племенъ или вѣроисповѣданій. Напротивъ, революція провозгласила начало равноправности всѣхъ гражданъ и всѣхъ вѣроисповѣданій. Она утвердила государственное единство на новыхъ и широкихъ основаніяхъ. Рѣчь шла исключительно о замѣнѣ одной *формы* государственнаго устройства другою формою, до которой другимъ державамъ не было никакого дѣла, пока Франція сама оставляла въ покоѣ ихъ государственныя *формы.*

Въ Турціи вопросъ поставленъ иначе. Тамъ всякое возстаніе имѣетъ въ виду не отмѣну отдѣльнаго учрежденія и не измѣненіе государственной формы, потому что, въ противномъ случаѣ, христіанскіе подданные султана могли бы возликовать по поводу обнародованія пресловутой „конституціи". Здѣсь рѣчь идетъ о низверженіи владычества *мусульманъ* надъ *христіанами*—владычества, которое всегда будетъ угнетеніемъ и деспотизмомъ, какія бы новыя конституціи ни были придуманы турецкими сановниками для ублаженія Европы. Предположимъ, что султанъ вовсе откажется отъ власти, что на мѣстѣ „конституціонной" нынѣ имперіи установится „республика". И въ этой республикѣ положеніе христіанъ будетъ тождественно съ положеніемъ негровъ въ южныхъ штатахъ Америки до отмѣны рабства, потому что таковъ законъ Мохамеда, котораго не можетъ нарушить ни „конституціонная имперія", ни республика.

Силою вещей вопросъ поставленъ на такую почву, что участь христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ можетъ быть улучшена только при совершенномъ устраненіи турецкаго надъ ними владычества. Это понимаютъ также всѣ—понимаютъ Гладстонъ, Фримэнъ, Карлейль и Дарвинъ, которые, *поэтому,* сочувствуютъ политикѣ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Понимаетъ Биконсфильдъ, который, *поэтому,* не желаетъ улучшенія участи христіанъ и усиливается поддержать владычество турокъ.

Коротко говоря, при каждомъ движеніи христіанъ въ Турціи, самъ собою, силою вещей, выдвигается вопросъ о *существованіи*

Турецкой имперіи, какъ государства, *неспособнаго къ органическому развитію* путемъ постепеннаго слiянiя и равноправности составляющихъ ея племенъ. Но разъ выдвигается такой вопросъ, понятно само собою, что дѣло балканскихъ христiанъ переносится на почву международныхъ интересовъ. Если Турцiя распадется, то что̀ явится на мѣстѣ этого государственнаго тѣла? Это вопросъ очень важный для европейскихъ державъ вообще и для Россiи особенно.

Для нея должно знать, кто будетъ владѣть Босфоромъ и Дарданеллами, потому что отъ этого зависитъ пользованiе морскими путями, утилизированiе и безопасность нашихъ черноморскихъ прибрежiй, возможность противодѣйствовать безмѣрному расширенiю англiйскаго могущества, стремленiямъ этой державы сдѣлать всѣ страны мiра своими данницами и подручницами. И теперь, благодаря Парижскому трактату и инымъ причинамъ, наши черноморскiя прибрежья существуютъ, кажется, только для того, чтобъ профессоръ Айвазовскiй рисовалъ съ нихъ свои чудесныя картины. Глядя на нихъ, какой русскiй не скажетъ: „какъ красиво и какъ безплодно для насъ это чудное море!“

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ.

Все мертво, тоскливо глядится великая страна въ великое водное зеркало, ожидая минуты, когда она вырвется изъ плѣна. Смотрите, господа, почаще на картины Айвазовскаго: онѣ раскроютъ вамъ больше, чѣмъ цѣлые трактаты. Но что̀ же будетъ тогда, когда ключъ къ воднымъ путямъ, безъ которыхъ немыслимо наше *экономическое* развитiе, наша государственная и общественная сила, попадетъ въ руки всемiрнаго сторожа морей, именуемаго Великобританнiей?

Далѣе, Россiя не можетъ равнодушно относиться къ вопросу о системѣ государствъ, могущей утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ. Она прямо заинтересована въ томъ, чтобъ въ основанiе этихъ государствъ легли тѣ племенныя, религiозныя и общественныя силы, которыя силою вещей тяготѣютъ къ намъ, а не къ враждебнымъ намъ государствамъ Намъ нѣтъ дѣла до того, *любятъ ли* насъ сербы и болгары. Въ политикѣ менѣе всего мѣста объясненiямъ въ любви. Пусть они насъ бранятъ, пусть имъ не нравятся разныя наши личныя качества, но пусть они понимаютъ, что оплотъ ихъ, и, притомъ, оплотъ единственный — Россiя. Мы нуждаемся въ естественномъ *тяготѣнiи* къ намъ разныхъ народностей Балканскаго полуострова, а безъ любви обойтись можно.

Россiя нуждается, наконецъ, въ установленiи прочнаго и оконча-

тельнаго порядка на полуостровѣ и порядка, построеннаго на принципѣ, необходимость котораго признана всею Европою, на самостоятельности *христіанскаго населенія*, избавленнаго, наконецъ, отъ владычества *турокъ*—турокъ, говоримъ мы, не какъ государства, а именно, какъ *племени*. Иные европейскіе дипломаты полагаютъ, что такая цѣль можетъ быть достигнута безъ нарушенія „цѣлости и неприкосновенности“ Турецкой имперіи. Блаженны вѣрующіе. Но не въ нихъ дѣло.

Такова естественная и законная *цѣль* всей русской политики на Балканскомъ полуостровѣ. То заступничество за христіанъ, которое многимъ кажется безцѣльнымъ донкихотствомъ „въ нашъ вѣкъ просвѣщенія“, плодомъ славянофильскихъ агитацій, которыя полезно бы прекратить „мѣрами строгости“, заступничество это оказывается связаннымъ со всѣми насущными интересами Россіи и результатомъ общаго международнаго положенія Европы. Цѣль эта вытекаетъ изъ природы вещей; она существуетъ „объективно“, такъ сказать, независимо отъ хода событій. Современная война можетъ разрѣшить ее вполнѣ, отчасти, можетъ вовсе не разрѣшить—эти *факты* ни въ чемъ не измѣнятъ общаго значенія цѣли.

Предположимъ (что̀ совершенно невѣроятно), что нынѣшняя война кончится полною нашею неудачей, что послѣ этой неудачной войны возьметъ верхъ политика „раскаянія“ и „отрезвленія“, т.-е. что общественное мнѣніе попадетъ въ руки людей, посыпающихъ главу пепломъ по поводу „легкомысленно“ начатой войны и возбуждающихъ гнѣвъ общества и правительства противъ „безсовѣстныхъ“ агитаторовъ, созданныхъ для нарушенія общественнаго спокойствія и подлежащихъ удаленію въ „мѣста не столь отдаленныя“. Предположимъ, что эта политика „отвратитъ лицо свое“ отъ балканскихъ дѣлъ и будетъ смотрѣть исключительно на дѣла̀ внутреннія; что она, пародируя извѣстное выраженіе—fiat justitia, pereat mundus, скажетъ себѣ: „да свершатся мои внутреннія дѣла, хотя бы весь міръ валился кругомъ меня!“ Предположимъ все это, и въ результатѣ получится слѣдующее: мы проспимъ рѣшеніе балканскаго вопроса не въ пользу христіанства; проспимъ свободу выхода изъ Чернаго моря – существенное условіе нашего государственнаго развитія; проспимъ самое Черное море и безопасность собственныхъ береговъ нашихъ. Но настанетъ время, когда мы проснемся, окруженные враждебнымъ кордономъ, когда наши границы будутъ охвачены желѣзнымъ кольцомъ пострашнѣе того, что̀ нынѣ окружаетъ Плевну, и тогда мы должны будемъ сказать себѣ. что одна изъ существеннѣйшихъ цѣлей нашей внѣшней политики была оставлена нами безъ вниманія, что мы принуждены идти навстрѣчу великому истори-

ческому вопросу, подобно пяти неразумнымъ дѣвамъ, съ пустыми свѣтильниками.

Эта цѣль неизмѣнна. Она стоитъ выше отдѣльныхъ историческихъ событій, выше и *нынѣшней войны.* Вотъ почему мы отдѣляемъ вопросъ объ общей *цѣли* войны отъ *условій мира*, возможныхъ въ *данную минуту.* Степень осуществленія общей цѣли при помощи нынѣшней войны зависитъ отъ хода *военныхъ дѣйствій*, практически говоря, отъ степени уничтоженія оборонительныхъ средствъ Турціи—ея армій. Продиктовать всѣ условія мира въ настоящую минуту невозможно, потому что для этого нужно предвидѣть всѣ военные результаты кампаніи и всѣ международныя осложненія, могущія возникнуть даже совершенно для насъ неожиданно. Такого дара предвидѣнія никто не имѣетъ и претендовать на него не можетъ.

Тѣмъ не менѣе, можно и должно опредѣлить минимумъ тѣхъ условій, при которыхъ Россія можетъ положить оружіе. Это должно сдѣлать потому, что отъ осуществленія *этихъ* условій зависитъ вѣроятность или невѣроятность войны въ *ближайшемъ будущемъ,* т.-е. спокойствіе и благо нашей родины. и безъ того уже потратившей много дорогой крови и матеріальныхъ средствъ. Гнилой, неудовлетворительный миръ—это угроза миру въ будущемъ. Такимъ образомъ, мирныя условія, сообразно ходу военныхъ дѣйствій и международныхъ обстоятельствъ, могутъ имѣть въ виду осуществленіе и не *всей* цѣли нашей на Востокѣ. Но они должны обезпечить намъ ближайшее будущее, т.-е. двадцать, тридцать лѣтъ для нашего спокойнаго *внутренняго* развитія, въ которомъ мы нуждаемся болѣе, чѣмъ какой-нибудь изъ народовъ Европы.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ мыслями, высказанными г-мъ Nemo, въ его статьѣ „Миръ съ Турціей“ (*Голосъ*, № 273). По нашему мнѣнію, авторъ очень хорошо опредѣляетъ минимумъ тѣхъ условій, безъ соблюденія которыхъ всякій миръ съ Турціей былъ бы не только невыгоденъ для Россіи, но и безплоденъ, потому что заключалъ бы въ себѣ зародыши новой войны въ ближайшемъ будущемъ.

Не останавливаясь на всѣхъ подробностяхъ этой замѣчательной статьи, обратимся къ ея основнымъ мыслямъ. Причина нынѣшней войны коренится въ невозможномъ, безправномъ положеніи христіанскихъ подданныхъ Порты. Мы уже видѣли выше, почему это положеніе имѣетъ общеевропейское значеніе, независимо отъ общаго чувства человѣколюбія и христіанско-европейскаго правосознанія. Поэтому, первыя условія мира должны касаться обезпеченія участи христіанскаго населенія, а цѣль эта можетъ быть достигнута *только* при освобожденіи христіанъ отъ владычества турокъ.

Авторъ нѣсколько иронически относится къ плану полнаго изгнанія турокъ изъ Европы. Но нѣтъ сомнѣнія, что это средство наиболѣе надежное, и мы питаемъ увѣренность, что, рано или поздно, оно совершится силою вещей. Но авторъ говоритъ только объ извѣстномъ минимумѣ въ условіяхъ мира, и въ этомъ отношеніи принципы его вполнѣ справедливы.

Христіанское населеніе, прежде всего, должно имѣть на мѣстѣ, т.-е. на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, надежный оплотъ въ лицѣ *независимыхъ* христіанскихъ государствъ. Такими государствами явятся Черногорія и Сербія. Авторъ не говоритъ, въ какой мѣрѣ эта независимость должна быть обезпечена новыми территоріальными пріобрѣтеніями этихъ державъ. Относительно Сербіи сказать это довольно трудно, такъ какъ она до сихъ поръ не принимала активнаго участія въ войнѣ. Но Черногорія имѣетъ на это несомнѣнное право и, притомъ, на двоякомъ основаніи: во-первыхъ, мужественные жители Черногоріи оказали огромныя услуги христіанскому дѣлу и уже *завоевали* разныя турецкія земли; во-вторыхъ, экономическое развитіе Черногоріи немыслимо безъ новыхъ пріобрѣтеній и особенно безъ свободнаго выхода въ Адріатическое море. Неужели же за всѣ великія заслуги черногорцевъ предъ всѣмъ христіанствомъ и славянствомъ ихъ оставятъ при такой обстановкѣ, при которой можетъ жить (и то съ грѣхомъ пополамъ) какое-нибудь первобытное племя?

Затѣмъ, участь болгаръ, босняковъ и герцеговинцевъ не можетъ быть обезпечена безъ *политической* автономіи, хотя бы въ предѣлахъ полунезависимости, предоставленной въ свое время Румыніи и Сербіи. Конечно, наибо́льшія трудности, по справедливому замѣчанію автора, возникаютъ относительно забалканской Болгаріи. Но и здѣсь, по мнѣнію г. Nemo, возможно опредѣлить минимумъ обезпеченій. Такимъ минимумомъ является *административная* автономія этой мѣстности, по образцу предоставленной Букарештскимъ миромъ Валахіи и Молдавіи.

Вотъ условія, положенныя авторомъ „во главу угла". Другія относящіяся спеціально къ Россіи, составляютъ ихъ логическое послѣдствіе. Обезпеченіе быта балканскихъ христіанъ зависитъ отъ условій двухъ разрядовъ. Первый разрядъ заключаетъ въ себѣ условія, касающіяся *внутренняго* устройства христіанскихъ областей. О нихъ сказано выше. Второй разрядъ условій обезпечиваетъ для *Россіи* возможность наблюденія за вѣрнымъ исполненіемъ условій и охраненіе своей собственной безопасности, въ случаѣ новой войны съ Турціей.

Россіи теперь, какъ и всегда, приходится нести всю тяжесть войны за права̀ балканскихъ христіанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждое

новое замѣшательство на полуостровѣ вовлечетъ въ войну также прежде всего наше отечество. Но возможно ли намъ стоять на стражѣ интересовъ христіанства, если наши черноморскіе берега и дорогой для насъ Кавказъ будутъ находиться подъ вѣчною угрозой турецкаго флота или турецкаго вторженія въ предѣлы Закавказья? Мы должны стать твердою ногой въ Малой Азіи, подобно тому, какъ Германія создала себѣ сильный оплотъ противъ Франціи присоединеніемъ Эльзаса и Лотарингіи. Но Россія не можетъ создать себѣ такого оплота безъ присоединенія Ардагана, Карса и Батума, естественной гавани Карса. Послѣ того, какъ Карсъ три раза былъ взятъ нашими войсками (1828, 1855 и 1877 годы), можно было убѣдиться, какую важность имѣетъ эта крѣпость въ нашихъ столкновеніяхъ съ Турціей, и было бы недостойно повторять комедію „возвращенія" ея Турціи, чтобъ при новой войнѣ начинать дѣло съизнова. Мы должны, потомъ, обезпечить себя со стороны проливовъ—иначе наша безопасность будетъ зависѣть отъ прихоти какъ Турціи, такъ и Англіи. Г. Nemo совѣтуетъ добиться закрытія проливовъ для военныхъ судовъ *всѣхъ* державъ, за *исключеніемъ* Турціи и Россіи.

Какъ достигнуть этой цѣли? Какъ обезпечить исполненіе подобнаго условія? На это авторъ не даетъ отвѣта, да врядъ ли и можетъ быть данъ отвѣтъ въ настоящую минуту. Отвѣтъ выработается во время мирныхъ переговоровъ, и на мѣстѣ лучше можно будетъ видѣть, какіе способы удобнѣе для достиженія цѣли, во всякомъ случаѣ, неотложной и безусловно необходимой.

Проходимъ мимо вопроса о вознагражденіи Россіи за военные убытки и издержки. Онъ ясенъ самъ собою. Но нельзя не остановиться на вопросѣ первостепенной важности въ данную минуту.

Читатели, внимательно слѣдящіе за газетами, вѣроятно, припомнятъ, что толки о мирѣ имѣли своимъ ближайшимъ поводомъ слухи о предполагаемомъ *посредничествѣ* разныхъ державъ. Возможно ли такое посредничество?

Не станемъ обсуждать значенія о посредничествѣ съ теоретической точки зрѣнія. Допустимъ, что бываютъ случаи, когда оно полезно и даже необходимо. Но при данныхъ условіяхъ легко понять, что всякое посредничество имѣло бы цѣлью заступничество за Турцію, слѣдовательно, явилось бы оскорбленіемъ Россіи.

Припомнимъ, что единственная дружественная намъ держава, съ ея рыцарскимъ императоромъ во главѣ — Германія, постоянно отвергала всякую мысль о посредничествѣ, и что страна, наиболѣе намъ враждебная—Англія, носится съ этою мыслью. Припомнимъ, что мысль о посредничествѣ всплываетъ наверхъ всякій разъ послѣ *нашихъ* военныхъ успѣховъ. Никто не говорилъ объ этомъ предметѣ

послѣ плевнинскихъ неудачъ. Но достаточно было сраженія подъ Авліяромъ, взятія Дубняка и Телиша, а тѣмъ болѣе занятія Карса, чтобъ все „туркофильство“ встрепенулось съ однимъ общимъ лозунгомъ—посредничество!

Посредничество — это замаскированное вмѣшательство въ войну, но вмѣшательство безъ риска, безъ арміи и безъ военныхъ издержекъ. Посредничество—это ударъ Мефистофеля въ дуэли между Фаустомъ и Валентиномъ. Посредничество — это оковы, налагаемыя на побѣдителя, чтобъ не дать ему воспользоваться плодами побѣды, арканъ, накидываемый сзади на сильнаго борца для спасенія побѣжденнаго.

Европа, т.-е. *вся* Европа имѣла бы право на посредничество, еслибъ она признала въ Россіи своего уполномоченнаго для приведенія въ дѣйствіе ея приговора надъ турецкими порядками. Но тогда условія мира нужно бы выговорить заранѣе, скрѣпить согласіемъ Европы и Россіи, дабы Россія знала, на что̀ она идетъ, что̀ ожидаетъ ее въ случаѣ удачи и неудачи.

Но развѣ такой договоръ существуетъ? Развѣ мы признаны уполномоченными Европы? Развѣ лордъ Дерби не отвергъ категорически всякую мысль о томъ, что мы начали войну съ одобренія Европы, какъ это было заявлено въ циркулярѣ князя Горчакова? Россія начала войну на свой страхъ, тратила свои деньги, лила свою кровь и теперь никому не обязана отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Посредничество не имѣло бы никакой цѣли, кромѣ желанія извлечь изъ *нашихъ* побѣдъ извѣстныя выгоды для Англіи или для Венгріи (умышленно не говоримъ *Австріи*). Эти выгоды могли бы осуществиться только на нашъ счетъ; русская кровь была бы пролита для Биконсфильда или для Кошута или Клапки!

Пойдемъ дальше. Посредничество, какъ мы замѣтили, означало бы фактическое вмѣшательство одной державы, напримѣръ, Англіи, въ войну. Нѣтъ сомнѣнія, что она прежде всего старалась бы обезпечить свои „интересы“, т.-е. свое могущество на Востокѣ. Но были ли бы ея „интересы“ согласны съ видами другихъ державъ, напримѣръ: Италіи и Германіи? Если нѣтъ, то и имъ пришлось бы принять участіе въ „посредничествѣ“, т.-е. мало-по-малу вмѣшаться въ войну. Война локализованная, война между Россіей и Турціей легко приняла бы размѣры *европейской* войны, въ которой уже всѣмъ интересамъ грозитъ существенная опасность.

Если Европа хочетъ скораго и прочнаго мира, пусть она предоставитъ рѣшеніе вопроса двумъ воюющимъ сторонамъ. Сдѣлать это легко. Пресловутое „посредничество“ не состоится, если Англія не найдетъ союзниковъ на континентѣ Европы. Въ этомъ все дѣло.

Говорятъ, однако, что дѣло не въ этомъ одномъ. Напечатанъ слухъ, что *русская* дипломатія настаиваетъ на установленіи мирныхъ условій всею Европою. Къ этому слуху нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ недовѣріемъ. Можно ли повѣрить, чтобъ русская дипломатія желала того, чего желаютъ злѣйшіе враги Россіи, чтобъ рука, недавно еще высоко державшая наше народное знамя, вдругъ протянулась къ нашимъ врагамъ? Во имя чего? Умъ отказывается искать мотивовъ къ этому поступку, а сердце съ негодованіемъ отвергаетъ самую мысль о такой сдѣлкѣ! Представители нашей дипломатіи на мѣстѣ видѣли, какъ льется русская кровь; они почти воочію видѣли, какъ звѣрствуютъ турки; они знаютъ, какія жертвы принесены Россіей. И насъ хотятъ увѣрить, что дипломатія пойдетъ навстрѣчу коварному врагу, что она не дрогнетъ предъ зрѣлищемъ доблестныхъ мертвецовъ, павшихъ подъ Плевною, на Шипкѣ, подъ Карсомъ, подъ Дубнякомъ? Мы отказываемся вѣрить этому. Наша дипломатія такъ стара, что не можетъ не знать стараго упрека, часто обращавшагося къ другимъ дипломатіямъ: „что̀ сдѣлано мечомъ, то̀ испорчено перомъ“. Мы увѣрены, что она избѣгнетъ его.

ПРИБЫТІЕ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Завтра, 10-го декабря, столица будетъ встрѣчать августѣйшаго Вождя русскаго народа,—Петербургъ будетъ принимать русскаго царя, возвращающагося изъ Болгаріи.

Нужно ли говорить, какими чувствами воодушевленъ будетъ городъ при этой встрѣчѣ? Это тѣ же чувства, какія вдохновляютъ теперь всю Россію. Мы переживаемъ такую минуту, когда каждый, говоря отъ себя, отъ своего лица, можетъ быть увѣренъ, что говоритъ то же, что̀ думаютъ, что̀ чувствуютъ всѣ русскіе люди.

Печатныя извѣстія о пребываніи государя въ Болгаріи, не по винѣ печати, были скудны. Но не даромъ же за Дунаемъ находится наша армія—нѣтъ, не армія, а живая сильная часть русскаго народа, связанная тысячью нитей съ нашею восьмидесятимилліонной семьей. Разными, безчисленными путями проникали въ Россію извѣстія о томъ, что̀ дѣлаетъ тотъ, кто взялъ въ свои руки народное знамя и въ странѣ вѣкового рабства произнесъ слово освобожденія...

Всѣ мы знали, что въ бѣдномъ болгарскомъ домикѣ ведется тяжелая, невидная, но плодотворная работа. Вдохновлять войско, не вступая, однако, въ роль военныхъ властей; предоставлять этимъ властямъ необходимую свободу дѣйствій, но вступать въ права государя всякій разъ, когда недоумѣнія, пререканія и несогласія могли бы вредить великому дѣлу; нести на себѣ бремя политической работы по внѣшнимъ сношеніямъ, для того, чтобъ армія могла спокойно дѣлать свое дѣло, не оглядываясь съ опаскою въ тылъ; быть дѣйствительнымъ, фактическимъ средоточіемъ всего дѣла, не принимая на себя оффиціальнаго, внѣшняго руководительства, предоставленнаго другимъ—такова была великая, трудная, тяжелая задача.

И вся Россія признáетъ и скажетъ вмѣстѣ съ нами, что задача эта была выполнена вѣрой и правдой, насколько *одинъ* человѣкъ можетъ ее выполнить.

Всѣмъ намъ привелось переживать тяжелыя минуты великихъ опасеній и глубокаго горя. Но опасенія наши значительно уменьшались отъ сознанія, что Государь за Дунаемъ, что онъ не преклонитъ нашего народнаго знамени предъ вѣковымъ врагомъ! Глубоко было наше горе, но мы знали, что еще горьше горе того, кто до послѣдней крайности берегъ дорогую для него русскую кровь, въ комъ видъ убитыхъ и раненыхъ, вѣсть даже о случайныхъ, временныхъ неудачахъ нашего оружія возбуждала не только человѣческое горе, но и сознаніе великой отвѣтственности предъ человѣчествомъ, передъ исторіей.

Теперь врагъ на половину сломленъ. Страшный тормазъ, задержавшій всю кампанію на пять мѣсяцевъ, вынутъ. Побѣда надъ арміей Османа-паши можетъ поспорить съ лучшими подвигами, извѣстными военной исторіи. Государь возвращается къ намъ радостный и готовый подѣлиться радостью съ своимъ народомъ.

Но одна ли побѣда можетъ радовать его сердце? Еслибъ съ именемъ Александра II исторія соединяла титулъ „Завоевателя“, то, конечно, паденіе Карса и Плевны могло бы сдѣлаться источникомъ самостоятельной, обильной радости. Но исторія заранѣе нарекла его—„Освободителемъ“. Всѣ побѣды, какія Провидѣніе еще пошлетъ нашему оружію, послужатъ не для *завоеваній*, а для *освобожденія* балканскихъ христіанъ, послужатъ обезпеченіемъ мира для Россіи, столь нуждающейся въ мирѣ для своего внутренняго развитія.

Да и кто изъ насъ смотритъ на дѣло иначе? Кто не видитъ длиннаго и труднаго пути, предстоящаго еще Россіи въ дѣлѣ ея внутренняго усовершенствованія? Не сама ли война указала на многія несовершенства, раскрыла много ранъ, прикрывавшихся внѣшнимъ лоскомъ въ мирное время и обнажившихся теперь во всей ихъ неприглядности? Трудно рѣшить, отъ чего больше сжималось сердце русскаго человѣка — отъ временныхъ ли неудачъ нашего оружія подъ Зевиномъ и Плевною, или отъ картины внутреннихъ несовершенствъ, раскрытыхъ войною.

Но событія той же войны указываютъ и твердую точку опоры для нашего дальнѣйшаго развитія. Пребываніе Государя Императора въ арміи имѣло чрезвычайное значеніе не только для военныхъ и внѣшнихъ, но еще бóльшее для внутреннихъ дѣлъ нашихъ. Онъ видѣлъ, какъ войско, вышедшее изъ рядовъ имъ освобожденнаго народа, способно сражаться съ врагомъ. Онъ могъ на дѣлѣ провѣрить справедливость словъ одного изъ публицистовъ: „русскіе не

только сражаются какъ *герои*, но и *свидѣтельствуютъ какъ мученики*". Герои Баязета, Авліяра, Карса, Шипки, Мечки и Плевны свидѣтельствовали, что старыя и вѣчно памятныя намъ чувства долга, любви къ отечеству, безграничной преданности престолу не умерли въ войскѣ, не умерли въ народѣ, изъ котораго вышли тысячи безстрашныхъ солдатъ, въ которомъ родились Радецкіе, Скобелевы, Шестаковы, Дубасовы. Эти чувства не только не умерли, но *оживились*, получили высшій полетъ, согрѣтыя благотворнымъ духомъ „Положенія" о крестьянахъ, возрожденныя великимъ днемъ 19-го февраля 1861 года.

Предъ этимъ живымъ и кровавымъ свидѣтельствомъ — живымъ, въ лицѣ воинственныхъ армій, въ лицѣ всѣхъ сословій, отдающихъ свои сбереженія и даже послѣднее достояніе на военныя нужды; кровавымъ въ лицѣ тысячъ храбрецовъ, сложившихъ свои головы за правое дѣло — предъ этимъ свидѣтельствомъ должны смолкнуть возгласы противниковъ началъ, положенныхъ въ основу животворнаго акта 19-го февраля 1861 года. Всѣ, самыя крупныя и самыя мелкія событія современной войны должны показать міру, насколько неправы были люди, стремившіеся „заподозрить" реформы, кричавшіе о „пересмотрѣ" всего, что̀ сдѣлано въ первую половину нынѣшняго царствованія, пытавшіеся устроить нѣкоторую Плевну для всесословнаго земства и воинства, для гласнаго суда, для печати, для всего, въ чемъ живетъ „духъ живъ", для всего, что̀ даетъ человѣку образъ и подобіе Божіе, что̀ воспитываетъ его въ правдѣ и истинѣ. Подобно древнему Ироду, они заботливо преслѣдовали Христа, стучавшагося въ двери старой Россіи, которая падала подъ бременемъ крѣпостного права, общественнаго неравенства, неправосудія и произвола.

Теперь всѣмъ ясно, какъ неправы были эти зловѣщіе во̀роны, утверждавшіе, что великій духъ, повѣявшій надъ Россіей съ 1856 г. и наполнившій сердце человѣколюбивѣйшаго изъ государей, приведетъ Россію къ гибели, что съ тѣхъ поръ надъ Россіей пронесся не духъ Божій, а духъ тьмы, что на святой Руси народился въ послѣднихъ преобразованіяхъ не Христосъ, а антихристъ...

Самъ Господь не пожелалъ оставить Россію въ сомнѣніи. Онъ послалъ ей тяжкое испытаніе, въ которомъ должны были проявиться всѣ скрытыя ея силы; Онъ вывелъ изъ Россіи цвѣтъ русскаго народа, лучшую его часть, и заставилъ ее проявить ярко, блистательно то, что̀ присуще всему народу; по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, Онъ поставилъ русскую власть лицомъ къ лицу съ этою частью русскаго народа, далъ власти увидѣть истинные плоды ея трудовъ въ народѣ и, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, исполнилъ ее высокаго довѣрія

и къ своимъ дѣламъ, и къ народу, ради котораго совершались эти дѣла.

Въ этомъ-то величайшій результатъ войны. Живая, непосредственная связь народа съ его державнымъ вождемъ еще болѣе укрѣпилась, довѣріе еще болѣе утвердилось, и теперь сомнѣніямъ и колебаніямъ уже не можетъ быть мѣста.

„Русскіе сражаются, какъ боги“, телеграфировалъ англійскій корреспондентъ. Нѣтъ, не русскіе сражаются, какъ боги, а Провидѣніе избрало ихъ орудіемъ своей проповѣди. Въ бояхъ Шипки и Авліяра, Дубняка и Плевны какъ бы слышится голосъ свыше: „Идите безбоязненно и твердо по разъ избранному пути. Не слушайте лжепророковъ, не подражайте лукавому рабу, про котораго сказано „глаголетъ лѣнивый посланъ въ путь: левъ на путехъ, на стогнахъ же разбойницы“. Помните, что заповѣдь о совершенствованіи дана всѣмъ людямъ!“.

ИТОГИ 1877 ГОДА.

Въ мирное время, когда жизнь идетъ ровно и спокойно, люди охотно оглядываются назадъ, пересматриваютъ „дневникъ происшествій“ и подводятъ итоги сдѣланному за „прошлый годъ“, хотя бы для того, чтобъ увѣрить себя и другихъ, что годъ прошелъ не безъ пользы, и что были приняты „всѣ зависящія мѣры“ для „умноженія общей пользы“. Въ мирное время такіе итоги подвести не трудно. Сосчитайте десятокъ-другой изданныхъ законовъ, сотни двѣ-три верстъ выстроенныхъ желѣзныхъ дорогъ, десятка два открывшихся или лопнувшихъ банковъ, двѣ-три вновь учрежденныя гимназіи, и итогъ готовъ.

Только что пережитый нами годъ не имѣетъ итога. Не имѣетъ онъ его потому, что принесъ намъ войну, а война эта еще не кончилась; не имѣетъ и потому, что, за трудностью внѣшнихъ дѣлъ, въ дѣлахъ внутреннихъ произошла остановка, и намъ нельзя посчитать законовъ, банковъ, школъ, дорогъ, музеевъ и т. д., увидѣвшихъ свѣтъ подъ авспиціями 1877 года. Новаго нѣтъ нигдѣ, не въ одной Россіи, но даже и во Франціи, гдѣ Мак-Магону не удалось устроить нѣкоторой „новости“ для республиканскихъ учрежденій. Наконецъ, прошлый годъ не имѣетъ итоговъ и потому, что онъ самъ есть *итогъ*, и итогъ громадный къ очень большому періоду времени.

Онъ итогъ для всей международной системы, созданной Парижскимъ трактатомъ 1856 года, по которому Европа обязалась цивилизовать Турцію, разлить въ ней просвѣщеніе и равноправность, съ тѣмъ только, чтобы Россія не вступалась и не мѣшала дѣлу цивилизаціи. Въ результатѣ Россія должна была вступиться и начать на свой страхъ тяжкую войну. Оказалось, что если Россія не займетъ прежняго своего положенія на Востокѣ, участь балканскихъ христіанъ *навѣки* останется необезпеченною. Эта мысль присуща теперь

всякому русскому, и въ этомъ сознаніи заключается одинъ изъ важныхъ итоговъ 1877 года.

Какъ ни важенъ этотъ внѣшній итогъ, но еще важнѣе итоги внутренніе.

Прошлый годъ явился пробнымъ камнемъ для всего, что было сдѣлано съ 1856 года. Правда, и въ прежніе годы намъ указывали на разные „пробные камни" всѣхъ реформъ. Такими камнями являлись количество выпитаго народомъ вина, упадокъ „земледѣлія и сельской промышленности", количество недоимокъ и т. д. Рѣдко кому приходило въ голову провѣрить доброкачественность этихъ „пробныхъ камней" и сосчитать число камней преткновенія, препятствовавшихъ народу воспользоваться всѣми благами реформъ. Говорили о недоимкахъ, но забывали сопоставить ихъ съ количествомъ платежей, лежавшихъ на податныхъ классахъ, и съ общими началами податной системы. Толковали о развитіи пьянства, но не упоминали о необходимыхъ противовѣсахъ кабаку—церкви, школѣ и обезпеченномъ кускѣ хлѣба. Говорили объ „упадкѣ земледѣлія", но забывали о неестественномъ сосредоточеніи рабочихъ рукъ въ одномъ мѣстѣ и отсутствіи ихъ въ другомъ, благодаря неимѣнію системы переселеній и стѣснительнымъ паспортнымъ правиламъ. Благодаря этой забывчивости, явилась цѣлая теорія исправленія реформъ, путемъ отмѣны общиннаго землевладѣнія, расширенія власти губернаторовъ и полиціи, установленія вотчинной полиціи подъ именемъ всесословной волости и т. д. Эта теорія готова была получить свой вѣнецъ, благодаря появленію вздорныхъ ученій и „хожденію въ народъ" иныхъ реформаторовъ, чуждыхъ народу. Они оказали довольно цѣнную услугу „охранителямъ", возгласившимъ, что „послѣ этого" необходимъ полный пересмотръ всѣхъ новыхъ уставовъ, что вся Россія находится въ разложеніи и жаждетъ соціально-демократическаго переворота.

1877 годъ подвелъ итогъ и этимъ „мечтаніямъ". Патріотизмъ русскаго народа попалъ на такой пробный камень, какого не было и въ 1812 году. Тогда народъ былъ призванъ отражать врага, вторгшагося въ предѣлы Россіи, истреблявшаго русскія деревни, ругавшагося надъ русскою святынею даже въ Москвѣ. Тогда каждый русскій былъ оскорбленъ непосредственно, осязательно, въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ, въ своей церкви. Теперь русскій народъ призванъ бороться за другихъ, за чужихъ женъ и дѣтей, за чужое духовенство, бороться вдали отъ своей родины, бросая дома всѣхъ близкихъ. Не забудемъ, притомъ, что за Дунай пошла армія не въ прежнемъ смыслѣ, т.-е. не часть народонаселенія, отрѣзанная отъ массы народа долгою казарменною службою, полковыми привычками

и суровою дисциплиною, армія, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣвшая на „мужиковъ“, которыхъ она знала только по „экзекуціямъ“. Нѣтъ, за Дунай отправилась армія-народъ, армія-общество; пошли люди, еще вчера бывшіе „мужиками“, еще вчера сидѣвшіе на школьной скамьѣ, гдѣ они, будто бы, пропитывались разными „вредными ученіями“, отправилась армія, развращенная, будто бы, упадкомъ дисциплины и утратившая славныя преданія былыхъ временъ... Итогъ извѣстенъ.

Еще не имѣется достаточныхъ фактовъ для произнесенія полнаго приговора о стратегическихъ и тактическихъ распоряженіяхъ начальствующихъ лицъ, о мѣрахъ по части продовольственной, по вооруженію и обмундированію. Но одинъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію и перейдетъ въ потомство въ томъ видѣ, какъ мы говоримъ о немъ теперь—фактъ безпримѣрнаго мужества русской арміи и ея безпредѣльной преданности своему Верховному Вождю. Никто не сомнѣвается, какимъ именемъ историкъ назоветъ защиту Баязета, осаду Плевны и зимній переходъ чрезъ Балканы, и имя это не будетъ, конечно, „распущенность, упадокъ дисциплины, антиправительственныя стремленія“ и т. д.

Если отъ этой арміи, отъ этой части народа, мы обратимся къ самому народу, ее выставившему, то и здѣсь увидимъ довольно „странное“ явленіе. Не говоримъ о всякихъ пожертвованіяхъ на нужды арміи, о горячемъ сочувствіи успѣху дѣла — все это разумѣется само собою. Мы говоримъ о *сознательномъ* отношеніи къ войнѣ и къ ея задачѣ. Всѣ помнятъ настроеніе общества въ эпоху Крымской войны. Конечно, и тогда большинство народа желало успѣха русскому оружію, но желало его такъ, какъ оно пожелало бы его и во всякой другой войнѣ. Подъ этими формальными, оффиціальными пожеланіями не таилось никакой живой силы, не слышалось никакой внутренней связи между человѣкомъ и его славословіями. Война имѣла чисто государственный характеръ, и если взывала къ какому-нибудь чувству, то развѣ къ тому, что̀ мѣтко названо было „оффиціальною народностью“.

Въ 1877 году Россія выступила, какъ *живая народность*, въ сознаніи своего историческаго значенія. Этотъ признакъ современнаго настроенія есть великое пріобрѣтеніе. Духу, ожившему въ насъ, не суждено уже умереть, чѣмъ бы ни кончилась начатая война. Но если мы спросимъ себя, что̀ воспитало въ насъ этотъ духъ, намъ придется перечислить все, что̀ сдѣлано Царемъ-Освободителемъ ради возвышенія человѣческаго достоинства въ народѣ. Развѣ крѣпостной крестьянинъ могъ бы такъ соболѣзновать о безправіи болгарскаго крестьянина, онъ, котораго имущество, трудъ, семейная честь нахо-

дились въ безконтрольномъ распоряженіи господина? Развѣ неравноправность христіанъ съ мусульманами могла бы возмущать общество, привыкшее къ практикѣ старыхъ уѣздныхъ судовъ и палатъ, къ страшному зрѣлищу наказанія плетьми, къ допросамъ съ „пристрастіемъ“, ко всему, что̀ теперь отошло въ область преданій? Коротко говоря: Высочайшій манифестъ къ болгарамъ былъ бы невозможенъ двадцать лѣтъ назадъ.

Эта одухотворенная народность выступила на врага, предводимая тою великою историческою силой, которая въ свое время сплотила Россію, ввела ее въ кругъ европейскихъ народовъ и сдѣлалась рычагомъ всѣхъ внутреннихъ преобразованій. Россія выступила, предводимая своимъ Царемъ, тѣмъ самымъ, который одухотворилъ ее. Новый итогъ и неизмѣримо важный! Существовала цѣлая теорія, доказывавшая, что зачатки самоуправленія, гласный судъ, нѣкоторая свобода печати и т. д. суть явленія, несовмѣстныя съ достоинствомъ и значеніемъ государственной власти. Доказывалось, что реформы 1861—1871 годовъ дали оружіе какому-то „обществу“ и ослабили значеніе правительства; что настало время вооружить и правительство разными способами, необходимыми для борьбы съ воображаемымъ врагомъ. 1877-й годъ показалъ, насколько состоятельна эта теорія, противополагавшая другъ другу общество и правительство. На дѣлѣ— народъ и Царь выступили въ своемъ историческомъ единствѣ и органической связи. Оказалось, что авторитетъ власти не только не поколебался отъ реформъ, но власть эта сдѣлала успѣхи вмѣстѣ съ народомъ, участвовала въ его развитіи, выросла нравственно, вмѣстѣ съ нравственнымъ возрожденіемъ страны.

Великій организмъ дѣлалъ свое историческое дѣло, и ретивые охранители оказались въ положеніи дѣтей, полагающихъ, что огромная машина дѣйствуетъ потому, что они сидятъ подлѣ и помахиваютъ своими кнутиками и палочками. Спасителямъ отечества данъ великій урокъ. На будущее время имъ слѣдуетъ помнить, что ихъ теоріи ведутъ не только къ комическимъ положеніямъ, но и къ грустнымъ выводамъ для того дѣла, которому они думаютъ служить. По ихъ теоріи, государственная власть не можетъ „вынести“ ни малѣйшей доли того, что̀ имъ угодно называть „уступками обществу“. Такая теорія довольно выгодна въ томъ отношеніи, что каждый „охранитель“ можетъ стяжать себѣ славу и даже мѣсто спасителя отечества, сопряженное съ разными выгодами. Но едва ли она окажется выгодною для спасаемаго. Государственная власть, особенно въ Россіи, есть историческій элементъ нашей народности и, какъ *историческій* элементъ,—способна жить, крѣпнуть и развиваться вмѣстѣ съ народностью, примѣняясь къ условіямъ и требованіямъ времени. Это

и доказано всѣми событіями новѣйшей исторіи. По охранительной же теоріи выходитъ, что государственная власть неспособна къ развитію, что въ самомъ существѣ ея лежитъ начáло застоя, и что послѣднее ея слово — non possumus, прославленное римскимъ первосвященникомъ!

Практическое примѣненіе подобныхъ началъ причинило, въ свое время, не мало частнаго вреда, но въ общемъ оно не давало достаточно серьёзныхъ результатовъ. Народный организмъ жилъ своею жизнью и былъ твердъ вѣрѣ въ своего Верховнаго Вождя. Но настали времена, болѣе серьёзныя, когда всякій обязанъ провѣрить свое міросозерцаніе, посмотрѣть на дѣло прямо и приготовиться къ дѣйствительной работѣ.

Чѣмъ бы ни кончилась начатая нами война, никто не можетъ сомнѣваться, что Россія принуждена будетъ работать много и долго надъ своими внутренними дѣлами. Экономическій бытъ, финансы, народное образованіе, часть медицинская, пути сообщенія, торговля, паспорты, тюрьмы — все потребуетъ серьёзной работы, дѣйствительныхъ, энергическихъ мѣръ исправленія. Здѣсь не будетъ уже мѣста пустой игрѣ въ слова, въ „охранительныя“ или „разрушительныя“ побрякушки, въ застращиванье или въ пропаганду, въ роль спасителей отечества или вожаковъ соціализма. Россія будетъ нуждаться въ *дѣлѣ*, въ истинныхъ рабочихъ силахъ, честно исполняющихъ свой долгъ. А такую работу нельзя вести безъ величайшаго взаимнаго довѣрія, безъ уваженія человѣка къ человѣку, безъ тѣснаго союза власти съ обществомъ. Система полумѣръ, взаимное подозрѣніе, торопливыя операціи надъ тѣмъ, что̀ едва родилось на свѣтъ, измѣненіе на практикѣ того, что̀ существуетъ по буквѣ закона, организованное недовѣріе ко всему, что̀ носитъ на себѣ признаки жизни— все это убьетъ живыя силы страны, заставитъ прятаться всѣхъ лучшихъ людей и выброситъ наверхъ тѣхъ, кому не съ руки бодрая, сильная, разумная Россія, а нужна Россія сѣренькая, вялая, полуграмотная, потому что въ такой Россіи и они могутъ играть роль людей.

Не мѣсто и не время говорить о *формахъ*, въ которыхъ проявится эта новая работа. Не въ формахъ и дѣло. Наилучшія формы, какъ показываетъ ежедневный опытъ, могутъ быть обращены во вредъ дѣлу. Мы говоримъ о *направленіи*, о духѣ той работы, отъ которой зависитъ возрожденіе Россіи Для оцѣнки же направленія мы имѣемъ надежное мѣрило. Взывайте къ лучшимъ, благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка, дайте просторъ его разуму и душевнымъ силамъ, и вы сдѣлаете общественное дѣло личнымъ дѣломъ каждаго, привлечете на службу отечеству лучшія его силы. Наоборотъ: отно-

ситесь къ людямъ, какъ къ предполагаемымъ врагамъ, поселяйте вездѣ недовѣріе и страхъ, смотрите на самыя скромныя выраженія неудовольствія, какъ на измѣну отечеству—вы оттолкнете все доброе и живое, и страна сдѣлается игралищемъ недостойныхъ искателей приключеній, хищниковъ, честолюбцевъ, прикрытыхъ громкимъ именемъ „охранителей".

„Мы ничего лучше не дѣлаемъ, — говорила Екатерина II въ своемъ Наказѣ,—какъ то, что̀ дѣлаемъ вольно, непринужденно, и слѣдуя природной нашей склонности". Величайшая задача политики заключается именно въ томъ, чтобъ обратить „природныя склонности" людей на пользу страны.

МИРЪ СЪ ТУРЦІЕЙ.

Можетъ ли побѣдоносная Россія заключить миръ съ побѣжденною Турціею соотвѣтственно цѣлямъ войны и своимъ интересамъ?

Этотъ странный и неожиданный вопросъ возникъ въ области дипломатіи какъ разъ въ ту минуту, когда русскія войска совершили безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ переходъ чрезъ Балканы, плѣнили шипкинскую армію и стали угрожать Константинополю.

Въ эту минуту, когда страшная борьба готова была придти къ концу, заговорили разные „интересы" третьихъ лицъ, и Россіи было заявлено, что она, положившая чуть не 100.000 храбрыхъ воиновъ, истратившая сотни милліоновъ рублей, не можетъ заключить мира, котораго желаетъ *сама Турція.* Такъ поступила Англія, сразу нарушившая свой „честный нейтралитетъ" введеніемъ безикскаго флота въ Дарданеллы. Болѣе тяжелаго оскорбленія не получалъ еще ни одинъ народъ.

Нѣтъ, бывали подобные „случаи" и съ другими державами. Но они никогда не вели къ добру. Наполеонъ III остановилъ, въ 1866 году, побѣдоносное шествіе Пруссіи въ Германіи; онъ провелъ между сѣверомъ и югомъ Германіи майнскую линію. Что̀ же вышло? Что̀ вышло изъ того, что вся Германія увидѣла во Франціи главную помѣху для достиженія ея національной цѣли? На это отвѣтили событія 1870 года.

Теперь вся Россія будетъ знать и помнить, кто стоитъ на ея пути, кто „заинтересованъ" рабствомъ христіанскихъ народовъ на Востокѣ, кто измѣннически старается воткнуть намъ шпагу въ спину. Разсчетъ наступитъ рано или поздно. Политика Биконсфильда упрочила въ сердцахъ русскихъ тѣ чувства, о которыхъ могутъ пожалѣть его преемники.

Но это дѣло будущаго. Въ данную минуту Россія должна рѣшить для себя предложенный выше вопросъ: имѣетъ ли она право заключить миръ *сама*, или должна принять его, въ видѣ милости, отъ нѣкотораго европейскаго ареопага?

Повидимому, апелляція Англіи къ „ареопагу" имѣетъ свои основанія, если принять въ разсчетъ 7-ю ст. Парижскаго трактата. Статья эта гласитъ, что державы, подписавшія трактатъ, обязуются уважать независимость и территоріальную неприкосновенность Порты, совмѣстно обезпечиваютъ точное исполненіе этого обязательства и потому будутъ разсматривать каждое дѣйствіе, направленное противъ него, какъ вопросъ общаго интереса.

Такая статья, очевидно, не могла имѣть того практическаго значенія, какое вытекаетъ изъ ея буквальнаго смысла. „Точное" исполненіе такого „условія" требовало бы провозглашеніи *вѣчнаго нейтралитета* Турціи съ установленіемъ надъ нею покровительства всѣхъ державъ-поручительницъ. Но этого не было и не могло быть сдѣлано. Въ сущности, ни одна изъ европейскихъ державъ не отказывалась отъ мысли такъ или иначе вмѣшаться въ турецкія дѣла, и никто, съ другой стороны, не воспрещалъ Турціи *вести войну*.

Мало того: трактатъ не только не воспрещаетъ, но дозволяетъ подобныя войны. На это ясно указываетъ 8-я статья трактата. Вотъ ея содержаніе:

„Еслибъ между Высокою Портою и одною или многими державами, подписавшими трактатъ, возникли несогласія, грозящія сохраненію ихъ отношеній, то Высокая Порта и каждая изъ этихъ державъ, *прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ*, дадутъ прочимъ сторонамъ возможность предупредить эту крайность мѣрами посредничества".

Эта статья весьма знаменательна. Въ ней нельзя не видѣть *санкціи* 7-й статьи и, притомъ, санкціи *единственной* во всемъ трактатѣ. Ничего другого „высокія договаривающіяся стороны" не могли ни сказать, ни придумать. Логическое послѣдствіе 7-й статьи, повторяемъ, было бы провозглашеніе вѣчнаго нейтралитета Турціи съ установленіемъ нѣкотораго всеевропейскаго надъ нею покровительства. Но такъ какъ подобная мѣра была невозможна, такъ какъ за Турціей было оставлено право войны, то это же право должно было оставить и за другими „сторонами", потому что ни одна изъ нихъ не могла же обязаться, въ угоду Англіи, даже не защищаться отъ Турціи и сносить отъ нея всѣ оскорбленія. Разъ право войны было оставлено, что̀ оставалось дѣлать? То именно, что̀ сдѣлала 8-я статья трактата.

Державы обязались, въ случаѣ „возникновенія несогласій" между ними и Турціей, *прежде начатія войны*, дать прочимъ сторонамъ

возможность уладить несогласіе своимъ посредничествомъ. Но если „посредничество" не состоится? Если война будетъ объявлена, въ силахъ ли Парижскій трактатъ отмѣнить общеизвѣстные законы и права войны? Война есть война. Ни одинъ народъ, начавшій кровопролитіе, положившій тысячи жизней и принесшій неисчислимыя жертвы, не можетъ быть связанъ, въ своихъ требованіяхъ при заключеніи мира, ничѣмъ другимъ, кромѣ указаній собственнаго благоразумія.

Въ такомъ именно положеніи находится Россія. Она *свято исполнила Парижскій трактатъ* и спеціально его 8-ю статью. Съ 1875 года, она не только „дала возможность прочимъ сторонамъ уладить несогласіе", но не сдѣлала ни одного шага безъ Европы. Въ первый разъ она выступила вмѣстѣ съ Австріей и въ робкихъ выраженіяхъ напомнила Турціи о принятыхъ ею на себя обязательствахъ относительно христіанъ. Потомъ послѣдовалъ Берлинскій меморандумъ, подписанный тремя восточными имперіями и предложенный прочимъ державамъ. Англія отвѣтила на него посылкою своего флота въ Безикскую бухту. Затѣмъ, послѣ сербско-турецкой войны, оконченной, благодаря русскому ультиматуму, послѣдовала константинопольская конференція. Она тянулась, тянулась, истощая терпѣніе и матеріальныя силы Россіи, принужденной мобилизовать свою армію. Горькія минуты переживала тогда Россія. Она видѣла, какъ предъ нахальною надменностью турокъ дипломатія пятилась назадъ, и нашъ посолъ дѣлалъ уступку за уступкой. Но конференція принесла свою пользу. Вся Европа признала и подписала, что турецкіе порядки невозможны. Такое заявленіе не разрѣшило, однако, вопроса. Грустно разошлась конференція; съ еще большею грустью смотрѣлъ на ея „успѣхи" русскій народъ. Чаша униженія не была еще выпита до дна. Предвидѣлся лондонскій протоколъ, уже ничего не разрѣшавшій, ничего не обѣщавшій, и новый оскорбительный отказъ Турціи.

Я привелъ здѣсь эти воспоминанія вовсе не для того, чтобъ заставить читателей вновь пережить горькія минуты недавняго прошлаго. Я привелъ ихъ, какъ доказательство, что Россія выполняла 8-ю статью Парижскаго трактата не только *честно*, но свыше мѣры, часто въ ущербъ собственному самолюбію. Вмѣсто „посредничества", она встрѣтила оскорбленія, пламенныя статьи туркофильской печати, интриги Биконсфильда. Послѣ того, какъ все для нея дорогое было поругано, война была объявлена.

Гдѣ же, спрашивается, основанія требовать, чтобъ она заключила миръ не иначе, какъ на условіяхъ, предварительно одобренныхъ другими державами? Если мы гдѣ нибудь и можемъ найти эти основанія, то никакъ не въ Парижскомъ трактатѣ—его предписанія вы-

полнены до конца. А другихъ *законныхъ* основаній къ вмѣшательству въ наши переговоры съ Турціей нѣтъ.

Спора нѣтъ, что отдѣльныя державы, подписавшія трактатъ, могутъ найти *предлогъ* къ объявленію войны Россіи въ области своихъ собственныхъ *интересовъ*. Пессимисты рисуютъ уже картину того, какъ Англія увлекаетъ Австрію, и обѣ державы идутъ на насъ одна въ тылъ, а другая во фронтъ отъ Галлиполи! Никто не знаетъ еще намѣреній Австріи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что ея интересы не были до сихъ поръ затронуты, да и не могли быть затронуты, по той причинѣ, что они группируются въ земляхъ, непосредственно прилегающихъ къ этой державѣ. Поэтому, она всегда можетъ быть удовлетворена безъ ущерба для главной цѣли начатой нами войны.

Что касается Англіи, то, конечно, ея „интересы" до того неопредѣленны, до того требуютъ себѣ всемірнаго жертвоприношенія, что они уже давно затронуты и будутъ задѣты вездѣ, гдѣ ни покажется Россія! Но врядъ ли ея вмѣшательство приведетъ къ желанной цѣли. Если она хочетъ спасти Турцію, то пусть не препятствуетъ заключенію мира, въ условія котораго, какъ ей извѣстно, не входитъ завладѣніе Константинополемъ. Вся нынѣшняя ея политика клонится именно къ тому, чтобъ затянуть время, заставить насъ заключить долговременное перемиріе, дать нашей арміи немножко растаять, а туркамъ немножко собраться съ силами, себѣ дать время собрать на насъ европейскую коалицію и т. д. Мы можемъ попасть въ серьезную ловушку. Единственное средство выйти изъ западни—идти на Константинополь и немедленно занять Галлиполи. Тогда, минировавъ какъ слѣдуетъ Дарданеллы, мы можемъ спокойно разговаривать съ Англіей и добиться необходимыхъ для насъ условій мира.

Еслибъ мы имѣли дѣло съ одними турками, походъ на Константинополь, при всей своей эффектности, могъ бы оказаться безполезнымъ. Турція готова подписать наши условія, потому что мы, всетаки, оставляемъ ее въ живыхъ. Но вмѣшательство Британніи *вынудитъ* насъ на этотъ походъ, потому что мы не можемъ оставить неразрѣшеннымъ вопросъ, стоившій намъ столько крови и матеріальныхъ жертвъ.

Въ 1866 году, Наполеонъ III остановилъ Пруссію и положилъ извѣстные предѣлы Сѣверо-Германскому Союзу. Но, во-первыхъ, Пруссіи были сдѣланы уступки по главнымъ пунктамъ: по исключенію Австріи изъ Германіи и по образованію изъ центральныхъ и сѣверныхъ государствъ союза на новыхъ началахъ. Во-вторыхъ, несмотря на это, послѣдствіемъ „майнской линіи" была война 1870 года, стоившая дороже всѣхъ той же Франціи.

Теперь намъ предлагаютъ уйти изъ Турціи *ни съ чѣмъ.* Побѣдоносному народу, совершившему чудеса храбрости и искусства, говорятъ: твои побѣды — не побѣды, твое самоотверженіе смѣшно, твоя кровь дешевле воды, твое мужество ничего не доказываетъ, твои интересы не имѣютъ значенія. Вы племя илотовъ! Вы вздумали освобождать какихъ-то презрѣнныхъ варваровъ, которыхъ даровой трудъ необходимъ для нашихъ промышленныхъ выгодъ. Мы позволили вамъ подурачиться, побиться лбомъ въ стѣну — теперь идите домой, а мы посмотримъ, что̀ можно для васъ сдѣлать...

Не расшевеливайте, господа, этого народа! Не ставьте его судьбы на карту! Посылая его домой, вы указываете ему дорогу на Константинополь. Подумайте о томъ, что Радецкому и Скобелеву ближе идти на Царьградъ, чѣмъ возвращаться черезъ Дунай, особенно, если вы заставите ихъ идти съ пустыми руками...

20-го января 1878 г.

РОКОВАЯ МИНУТА.

Биконсфильдъ былъ встрѣченъ оваціями, въ домѣ Гладстона выбиты стёкла, оппозиція сблизилась съ министерствомъ, англійскій флотъ вошелъ въ Босфоръ... Что̀ это? простая демонстрація, запугиваніе или начало новаго фазиса войны? Богъ знаетъ! Великія историческія событія—говорилъ покойный Самаринъ—не приходятъ съ развернутыми знаменами и съ барабаннымъ боемъ. Разсказываютъ, ради смѣха, что, въ 1756 году, Фридрихъ II-й потрепалъ по плечу одного изъ своихъ старыхъ гренадеровъ и сказалъ: „Ну, пріятель, начинается семилѣтняя война!“ Въ такое же положеніе можетъ попасть всякій „оракулъ“, рѣшающійся предречь, что̀ выйдетъ изъ такого или другого положенія вещей. Исторія идетъ своимъ ходомъ, потому что въ ней дѣйствуютъ силы, накопленныя цѣлыми поколѣніями, разрѣшаются вопросы, поставленные вѣками. Гдѣ были мы, когда зарождался, множился и развивался русскій народъ? Гдѣ были даже ближайшіе наши предки, когда Константинополь былъ взятъ турками и православные народы Востока подпали подъ мусульманское иго? Не мы поставили Россію лицомъ къ лицу съ мусульманскою ордою; не мы указали нашему отечеству путь къ Черному морю; не мы связали его судьбу съ судьбами христіанства и славянства на Востокѣ. Въ хорошія и дурныя времена нашей исторіи, и тогда, когда въ челѣ народа стояло правительство, проникнутое сознаніемъ интересовъ Россіи, и тогда, когда государственная власть принадлежала людямъ почти нерусскимъ, великая сила влекла насъ къ Черному морю и на Балканскій полуостровъ. Предъ нами проходятъ тѣни и Петра Великаго, и Миниха, и Екатерины съ ея сподвижниками, и Кутузова, и Дибича-Забалканскаго... Какая же личная воля можетъ сказать громадной странѣ: стой! все уже сдѣлано, и ты не пойдешь дальше?

Люди не создаютъ исторіи; они могутъ служить ей, дѣлаясь орудіями дѣйствующихъ въ ней силъ, стремясь къ разрѣшенію ею указанныхъ цѣлей. Они не могутъ стать выше исторіи. Если, въ дѣтскомъ своемъ тщеславіи, они возмечтаютъ подняться надъ нею, исторія накажетъ ихъ. Она пройдетъ *мимо* ихъ; бытіе ихъ обратится въ призракъ, въ отрицательную величину, какъ бы ни были велики ихъ таланты и умъ. Исторія прошла мимо Меттерниха, несмотря на то, что это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени и оставался во власти болѣе сорока лѣтъ. Благодаря ему, сама Австрія едва не обратилась въ призракъ. Его политика подготовила исключеніе ея изъ Германскаго Союза, потерю лучшихъ ея областей и раздѣленіе на Австро-Венгрію. Истинный историческій дѣятель долженъ служить исторіи, а служить исторіи значитъ вѣрно и безбоязненно служить своему народу, быть съ нимъ заодно, не отдѣляться отъ него ни въ радостяхъ, ни въ горестяхъ. Тогда человѣкъ самъ сдѣлается историческою силою, потому что въ исторіи никто не бываетъ крѣпокъ своею собственною силою: она дается человѣку народомъ и общеніемъ съ нимъ. Тщетно люди думаютъ своими руками задержать ходъ исторіи—она никого не спрашиваетъ.

Вотъ почему, не будучи пророкомъ, можно сказать, что предполагаемой конференціи не удастся задержать событій. Если балканскому вопросу суждено получить какое нибудь разрѣшеніе, то, конечно, не на конференціи. Припомнимъ событія хотя бы послѣднихъ двухъ лѣтъ. Началось герцеговинское возстаніе. Для „разрѣшенія вопроса“ сочиняется извѣстная нота Андраши, подписанная Австріей и Россіей; за нею послѣдовалъ Берлинскій меморандумъ. Но оба эти акта оказались только интермедіей между герцеговинскимъ возстаніемъ и сербско-турецкою войною. Русскій ультиматумъ остановилъ разгромъ Сербіи. Послѣдовали константинопольская конференція и лондонскій протоколъ—новая интермедія между сербско-турецкою и русско-турецкою войною. Теперь новая конференція. Чѣмъ ей суждено быть? Опытъ подсказываетъ, что—новою интермедіей между русско-турецкою и *всеевропейскою войною*, если только Европа не рѣшится признать условій мира, предложенныхъ Россіей Турціи, или если Россія не рѣшится на отказъ отъ всего, что̀ куплено ея дорогою кровью и кровавымъ по̀томъ. Но конференція имѣетъ и серьёзную сторону. Время дипломатическихъ переговоровъ заставитъ насъ пережить всѣ тѣ горькія минуты, какія мы испытали во время константинопольской конференціи и обсужденія лондонскаго протокола, но съ слѣдующею капитальною разницею:

Тогда война была еще въ области предположеній. Ее можно было желать и не желать. Горьки были оскорбленія, испытанныя нами отъ

Турціи, но, для своего утѣшенія, можно было принять извѣстную теорію о раздѣленіи обиды между шестью державами, участвовавшими на конференціи. Теперь война—совершившійся фактъ. На глазахъ у всѣхъ громадныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ. Нѣтъ уже людей, разсуждающихъ за и противъ войны, но всѣ помышленія остановились на одномъ вопросѣ: извлечетъ ли Россія всѣ выгоды отъ своихъ великихъ побѣдъ и безчисленныхъ жертвъ, или суждено заключить позорный миръ съ тѣмъ, чтобъ снова начать войну чрезъ нѣсколько лѣтъ.

Это вопросъ не самолюбія и не отвлеченной чести. Это вопросъ *законный*, потому что наши требованія относительно Турціи опредѣленны и точно соотвѣтствуютъ цѣлямъ начатой нами войны. Читателямъ извѣстны уже предварительныя условія мира, подписанныя, вмѣстѣ съ заключеніемъ перемирія, въ Адріанополѣ. Всѣ могли замѣтить, что эти условія выдвигаютъ на первый планъ интересы христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Требованія, относящіяся до вознагражденія Россіи, высказаны въ общихъ и довольно упругихъ выраженіяхъ. Стало быть, мы остались вѣрными принятой на себя задачѣ. Противъ *этой* цѣли не протестовала ни одна европейская держава, да и не могла протестовать, потому что тѣ же великія державы, на той же константинопольской конференціи, признали полную несостоятельность турецкаго управленія въ христіанскихъ областяхъ.

Для чего же предложена конференція? Здѣсь возможны *три* предположенія. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя европейскія державы, дѣлая видъ, что согласны съ Россіей относительно бѣдственнаго положенія турецкихъ христіанъ, разглагольствуя въ томъ же духѣ на константинопольской конференціи, имѣли въ виду только *втравить* Россію въ войну съ тѣмъ, чтобъ, дождавшись нѣкотораго истощенія нашего, вдругъ нагрянуть на насъ съ фронта и съ фланга и потомъ надолго покончить и съ нами и съ этими противными славянами. Зрѣлище торжественное! Русскія войска, атакованныя англичанами и австрійцами, принуждены бѣжать и даже капитулировать, турецкіе башибузуки снова вводятся въ Болгарію и начинаютъ лѣтописную рѣзню во славу Англіи и подъ звуки австрійской музыки... Нужно сказать, что такое предположеніе довольно распространено. Много есть людей, блѣднѣющихъ отъ такой перспективы. Спора нѣтъ, что такой „маневръ“ *физически* возможенъ. Но есть нѣкоторыя вещи, невозможныя нравственно. Англія, конечно, не прочь провести болгарскихъ гіенъ и шакаловъ подъ звуки своего народнаго гимна и во славу консервативныхъ принциповъ, такъ удачно представляемыхъ министерствомъ Биконсфильда. Но

одна Англія не можетъ сдѣлать этого. Какъ ни великъ ея задоръ, ея войска врядъ ли могутъ помѣряться съ нашими одинъ на одинъ. Англіи нужна Австрія. Положимъ, что планъ изгнанія русскихъ и избіенія всѣхъ славянъ улыбается разнымъ венграмъ. Но, кромѣ венгровъ, въ Австріи есть и другія народности, и съ ихъ симпатіями приходится вести счеты. Не придется ли ради избіенія болгаръ начать кое-какія избіенія и у себя дома? Положимъ, что и эта мысль не противна венгерскимъ политикамъ. Но Австрія не отказывается отъ мысли имѣть извѣстный „престижъ" на Востокѣ, а едва ли такому престижу будетъ содѣйствовать іезуитская комбинація въ родѣ вышеизложенной и роль всеславянскаго палача. Притомъ, Австріи слѣдуетъ помнить, чѣмъ она расплатилась за подобный маневръ, совершенный въ 1854 году. Князь Горчаковъ—тогда нашъ посланникъ въ Вѣнѣ — вышелъ, говорятъ, блѣдный изъ вѣнскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1856 году. Пусть оглянется Австрія на все совершившееся съ того времени и разсудитъ, что̀ принесла ей утрата русскаго союза. Не надо забывать, наконецъ, что въ 1854 году мы только начинали войну и не имѣли еще никакихъ успѣховъ. А теперь русскія войска находятся почти въ стѣнахъ Константинополя, послѣ цѣлаго ряда неслыханныхъ подвиговъ. Отнять у насъ результаты этихъ побѣдъ нельзя безнаказанно. Не теперь, такъ въ близкомъ будущемъ мы сведемъ счеты и не въ Адріанополѣ, а гдѣ-нибудь поближе къ нашей западной границѣ.

Обращаемся ко второму предположенію. На первый взглядъ оно покажется парадоксальнымъ, но въ дѣйствительности имѣетъ за себя больше вѣроятія, чѣмъ первое. Конференція предложена потому, что условія мира, представленныя нами Турціи, оставляютъ это государство въ живыхъ и въ обладаніи Константинополемъ. Еслибъ Россія, разгромивъ Турцію, предложила заинтересованнымъ державамъ *раздѣлъ* этой страны, нѣтъ сомнѣнія, такое заявленіе нашло бы себѣ полное сочувствіе и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ. И тамъ, и здѣсь, повидимому, вкоренилось убѣжденіе, что обѣ державы непремѣнно должны *выиграть* отъ русско-турецкой войны, что для Австріи послѣдуетъ округленіе границъ, а для Англіи пріобрѣтеніе Египта. А вотъ предварительныя условія мира стремятся разрѣшить вопросъ между балканскими христіанами, съ одной, и Портою, съ другой стороны, безъ всякой „доли" для другихъ державъ. Inde irae. Но если вопросъ ставится на такую почву, почему же австро-англійская политика претендуетъ спеціально на названіе *туркофильской*? Не придется ли черезъ нѣсколько времени услышать обвиненіе Россіи въ томъ же преступленіи? Это даже весьма вѣроятно, потому что Россія можетъ сблизиться съ Турціей на почвѣ предложенныхъ ей мирныхъ

условій, а Великобританнія не можетъ въ данную минуту „обезпечить свои интересы“ иначе, какъ занявъ Константинополь, и занявъ его надолго. Насколько это будетъ согласно съ интересами другихъ державъ, спеціально Италіи и Франціи—мы не знаемъ. Знаемъ только, что это будетъ противно интересамъ Турціи, и, можетъ быть, намъ придется вводить въ Константинополь свои войска, для защиты турокъ отъ *англичанъ* и для огражденія всей Европы отъ безмѣрныхъ притязаній Британніи.

Изъ условій мира ясно, что Россія желаетъ оставить неприкосновенными земли Балканскаго полуострова, что ни одна доля ихъ не должна достаться какой бы то ни было европейской державѣ, что, по ея мнѣнію, балканскій вопросъ долженъ разрѣшиться путемъ уступокъ, сдѣланныхъ турками христіанскимъ народностямъ, обитающимъ на полуостровѣ, и что въ этомъ дѣлѣ должны быть только двѣ стороны.

Иныя европейскія державы, повидимому, другого мнѣнія. По ихъ воззрѣнію, изъ балканскаго вопроса возможно два выхода: или турки должны остаться господами на всемъ полуостровѣ, или Европейская Турція подлежитъ раздѣлу между европейскими державами. Россія идетъ къ другому выходу: она полагаетъ, что балканскія земли должны получить другое устройство, согласное съ интересами христіанскихъ народностей Турціи, но что онѣ должны остаться внѣ территорій разныхъ европейскихъ государствъ. Такое рѣшеніе вопроса, очевидно, самое справедливое, потому что, въ противномъ случаѣ, христіане промѣняли бы однихъ господъ на другихъ и навсегда лишились бы возможности существовать самостоятельно.

Этотъ общій планъ нисколько не видоизмѣняется тѣмъ, что Россія требуетъ для себя извѣстныхъ вознагражденій. Во-первыхъ, эти требованія касаются самыхъ законныхъ ея интересовъ на Черномъ морѣ; во-вторыхъ, ни одна изъ балканскихъ земель не будетъ принесена въ жертву этой цѣли. Опираясь на правоту своихъ намѣреній, Россія можетъ спокойно выслушивать крики о ея властолюбіи и завоевательныхъ помыслахъ.

Остается третье предположеніе. Оно состоитъ въ томъ, что конференція предложена ради спасенія „престижа“ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ и ради того, чтобъ немного попортить предложенныя нами условія мира, не касаясь существенныхъ его пунктовъ. Съ этой точки зрѣнія она не представляетъ ничего особенно страшнаго въ данную минуту. Но она опасна для будущаго. Такая конференція созывается во имя соблюденія Парижскаго трактата 1856 года, т.-е. такого акта, который долженъ быть уничтоженъ и уже разорванъ по клочкамъ, какъ символъ зависимости Россіи и

рабства балканскихъ христіанъ. Сохраните Парижскій трактатъ, и вы откроете возможность „державамъ-поручительницамъ“ вмѣшиваться въ балканскія дѣла на *легальномъ* основаніи. Между тѣмъ, теперь рѣчь идетъ именно о томъ, чтобъ Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія, Боснія и Герцеговина жили и развивались самостоятельно, безъ указки непрошенныхъ опекуновъ, безъ полицеймейстеровъ европейскаго равновѣсія.

Россія взяла въ свои руки это знамя и донесетъ его до конца. Она можетъ пойти на конференцію только въ томъ случаѣ, если большинство европейскихъ державъ заранѣе согласится на предложенныя ею условія мира, и конференція соберется только для провозглашенія вѣчной памяти Парижскому трактату, позорному для Россіи, гибельному для христіанскихъ областей Турціи и губительному для Европы, потому что въ немъ зародышъ и нынѣшней войны.

Что такое Парижскій трактатъ? Попытка заживо похоронить нѣсколько милліоновъ турецкихъ христіанъ и положить подъ спудъ громадную страну съ 80-милліоннымъ населеніемъ, т.-е. сдѣлать невозможное, противоестественное, неисторическое. Для того, чтобъ Парижскій трактатъ могъ быть исполненъ „въ точности“, нужно было бы вырѣзать всѣхъ турецкихъ христіанъ и запретить русскому народу размножаться, собираться съ силами, улучшать свой внутренній бытъ. Нужно было бы запретить русскому царю освободить крестьянъ, улучшать войско, строить желѣзныя дороги, основывать самоуправленіе—словомъ, дѣлать все, что̀ уже сдѣлано въ послѣднія двадцать лѣтъ. Коротко говоря, нужно было бы остановить исторію.

Теперь Россія вырвалась изъ путъ. Она стоитъ передъ Европою въ сознаніи своего права и своей силы. Все, чего она требуетъ, законно и разумно. Все, что̀ говорятъ ей, исполнено лжи и лицемѣрія. Она не дастъ себя заковать вновь.

„Намъ нужно быть готовыми“, сказалъ государь на разводѣ. Будемъ же готовы *на все*, въ твердой увѣренности, что въ Россіи не найдется руки, способной подписать гнилой и постыдный миръ.

ЧТО ДѢЛАТЬ СЪ АНГЛІЕЙ?

Journal de St.-Pétersbourg тоже разсердился! Въ очень горячей, даже пламенной статьѣ, онъ доказываетъ, что поведеніе Англіи, наконецъ, ни на что не похоже. Онъ взываетъ къ Европѣ, прося ее воздѣйствовать на продерзостнаго нарушителя общественнаго спокойствія Европы. Какъ, напримѣръ, внушительны заключительныя слова „сердитой“ статьи:

„Время дипломатическихъ изворотовъ и иносказательныхъ заявленій миновало, восклицаетъ газета (слава Богу!). Всѣ желаютъ мира. *Одна* Англія этому препятствуетъ. Потерпитъ ли это Европа? Если нѣтъ, то пусть привлечетъ она Англію *къ отвѣту* предъ ея судилищемъ (гдѣ оно?) и заставитъ ее возстановить свои нарушенныя права выходомъ изъ проливовъ, съ обязательствомъ болѣе не входить туда. Если же потерпитъ, то свободѣ европейскаго континента наступитъ конецъ, и всеобщій миръ *будетъ* (а теперь нѣтъ?) поставленъ въ зависимость отъ британской политики“.

Во-первыхъ, мы осмѣливаемся думать, что еслибъ русскія войска своевременно заняли Галлиполи, публицистамъ нашей французской газеты не предстояло бы нужды сочинять свои іереміады и кричать „караулъ“ тамъ, гдѣ слѣдовало крикнуть „впередъ!“ и гдѣ это „впередъ“ было бы въ точности выполнено храбрѣйшею и самоотверженнѣйшею арміей въ мірѣ.

„Время дипломатическихъ изворотовъ и иносказательныхъ заявленій—гремитъ публицистъ французской газеты—миновало“. Да, миновало послѣ того, какъ Англія успѣла ввести свой флотъ въ Мраморное море, начать укрѣпленія на Тенедосѣ и вообще приготовить для себя такой „совершившійся фактъ“, отъ котораго Россіи долго придется отдѣлываться. Послѣ того, говорю я, какъ Англія стала

твердою ногою въ Мраморномъ морѣ и въ Дарданеллахъ, публицистовъ французской газеты неожиданно осѣнило откровеніе.

Теряясь въ догадкахъ, зачѣмъ Англія хозяйничаетъ въ Турціи, и побѣдоносно опровергая одну догадку за другою, публицистъ говоритъ наконецъ:

„Не безъ глубокаго сожалѣнія мы должны заявить, что странное положеніе, соблюдаемое англійскимъ правительствомъ, выдерживаетъ лишь одно объясненіе. Скомпрометированный своею нерѣшительною и неблагонамѣренною политикою, съ самаго возникновенія восточнаго кризиса и во все продолженіе войны, сентджемскій кабинетъ видитъ въ утвержденіи мира въ томъ видѣ, въ какомъ подготовили его санъ-стефанскія *предварительныя* условія, *успѣхъ для Россіи* и *ущербъ для британскаго обаянія на Востокѣ*. Ему необходимо или нанести пораженіе Россіи, или взять свое, противопоставляя совершеннымъ Россіею фактамъ факты, совершенные Англіей въ исключительную ея пользу“.

Да когда же, позвольте спросить, сентджемскій кабинетъ *иначе* смотрѣлъ на конечные результаты войны и успѣховъ Россіи? Что̀ же другое могъ онъ усмотрѣть въ этихъ результатахъ, какъ не возвышеніе вліянія Россіи и умаленіе англійской диктатуры на Востокѣ? Для чего подняла на насъ Англія всю Европу въ 1854 году? Почему она съ опасливымъ подозрѣніемъ смотрѣла на наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи? Почему... но этихъ „почему“ можно набрать безконечно много изъ фактовъ современной исторіи, не говоря уже о современной войнѣ. Англія въ этомъ отношеніи всегда была послѣдовательна и *рѣшительна*. Когда Англіи нужно было сорвать соглашеніе, состоявшееся по поводу Берлинскаго меморандума, она очень рѣшительно послала свой флотъ въ Безикскую бухту и заставила всю Европу смотрѣть, сложа руки, на избіеніе болгаръ и сербовъ, прекращенное только русскимъ ультиматумомъ, проговорить множество дней на константинопольской конференціи и потомъ толковать о лондонскомъ протоколѣ. Это ли не рѣшительно?

Началась русско-турецкая война. Почему Англія сразу не приняла въ ней участія? Во-первыхъ, у нея не было союзниковъ; во-вторыхъ, она, въ сущности, вовсе не была расположена воевать за „цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи“; въ-третьихъ, она разсчитывала, что турки, если не побѣдятъ Россіи, то ослабятъ наши денежныя и военныя средства, послѣ чего Англія воспрянетъ на защиту *не Турціи*, а своихъ интересовъ. Такъ она и поступила. Мы истратили милліардъ; мы потеряли множество войска. Потеря въ деньгахъ и людяхъ отозвалась на общемъ экономическомъ положеніи нашемъ. Тогда Англія выступила изъ своего „условнаго нейтрали-

тета" и выступила опять-таки *рѣшительно,* прорвавшись въ Мраморное море съ явнымъ намѣреніемъ основаться въ проливахъ и захватить на свою долю часть Турціи.

Итакъ, политика Англіи послѣдовательна и рѣшительна. „Благонамѣренна" ли она — это другой и совершенно праздный вопросъ, положительно не идущій къ дѣлу. Какъ въ частномъ быту, такъ и въ политикѣ „брань на вороту не виснетъ". Мы были бы очень счастливы, еслибъ Англія поносила насъ изо всѣхъ силъ за занятіе Галлиполи, подобно тому, какъ мы сердимся на нее за захватъ Мраморнаго моря. Гнѣвъ противника—признакъ собственнаго успѣха.

Мы хотѣли держаться въ границахъ благонамѣренности; мы смиренно подошли къ Константинополю; мы полюбовались издали на Галлиполи; мы заключили не окончательный миръ, а предварительныя его условія, подлежащія разсмотрѣнію конгресса, конференцій или чего-то въ этомъ родѣ; мы очертили границы будущихъ славянскихъ державъ и самой Турціи зигзагами, напоминающими кружева и графически доказывающими, какъ заботливо мы „обходили" всякіе интересы. Мы стоимъ предъ результатами тяжелой геройской и славной войны съ тѣмъ же недоумѣніемъ, съ какимъ стояли въ тяжелые дни плевнинскихъ неудачъ.

Позволяемъ себѣ спросить публициста французской газеты, можно ли примѣнить къ этимъ дѣйствіямъ названіе поступковъ вызывающихъ? Мы вполнѣ согласны съ возможными здѣсь возраженіями и сами поспѣшимъ сдѣлать ихъ. Мы признаёмъ, что проблематичность мирныхъ условій, кружевныя границы предположенныхъ государствъ, безмолвіе предъ Константинополемъ, все это происходило отъ нашего вполнѣ безкорыстнаго отношенія къ дѣлу, отъ желанія показать наше уваженіе къ чужимъ интересамъ.

Но мы думаемъ также, что уроковъ, полученныхъ нами, слишкомъ довольно, и дальнѣйшее слѣдованіе по тому же пути подвергаетъ серьезной опасности всѣ добытые нами результаты войны.

Пора намъ понять, прежде всего, чего мы, кажется, не сознавали прежде, что Англія противилась и противится освобожденію балканскихъ славянъ не потому, чтобъ она „любила" турокъ и „не любила" славянъ, а потому, что прежняя Турція была *покорнымъ орудіемъ ея владычества на востокѣ Европы.* Поэтому паденіе Турціи логически означаетъ паденіе англійской диктатуры на Балканскомъ полуостровѣ и возвышеніе русскаго вліянія на Востокѣ. Это Англія понимаетъ очень хорошо, и мы не увѣримъ ея въ противномъ никакими клятвами. Мы не должны пугаться этого результата, а должны идти ему навстрѣчу прямо. Мы должны сказать себѣ, что Россія также имѣетъ право на существованіе, и что оно несовмѣстно съ диктатурою Англіи,

держащей весь свѣтъ въ своихъ путахъ черезъ Гибралтаръ, Мальту, Суэцскій каналъ, Perимъ и т. д. Теперь вопросъ состоитъ въ томъ: допустимъ ли *мы*, чтобъ Англія устроила *намъ* новый Гибралтаръ въ Дарданеллахъ?

Въ данномъ случаѣ всякія апелляціи къ „Европѣ" неумѣстны. Европа весьма основательно можетъ сказать намъ, что у нея нѣтъ войскъ подъ Константинополемъ, близъ Галлиполи и у Босфора, и что если мы не можемъ сдѣлать ничего, то что̀ же можетъ сдѣлать она? И Европа будетъ права.

Мы должны обратиться не къ Европѣ, а къ собственному мужеству. Еслибъ въ Европѣ у насъ былъ искренній другъ, онъ ничего не могъ бы посовѣтовать намъ кромѣ слѣдующаго:

1) Не выводить изъ Турціи ни одного солдата до подписанія *окончательнаго* мирнаго договора, на что̀ мы имѣемъ право и въ силу предварительныхъ условій, гдѣ прямо сказано, что возвращеніе русскихъ войскъ послѣдуетъ по подписаніи *окончательнаго* договора.

2) Немедленно обратиться къ Портѣ съ категорическимъ требованіемъ, чтобъ она потребовала отъ англійскаго правительства удаленія его флота изъ Мраморнаго моря и вообще изъ предѣловъ турецкихъ морей.

3) Для обезпеченія этого требованія немедленно занять Босфоръ, укрѣпить его всѣми имѣющимися у насъ средствами и заявить турецкому правительству, что если англійскія суда не оставятъ его морей въ теченіе 48 часовъ, то наши войска вступятъ въ Константинополь.

4) Занять Галлиполи, для устройства тамъ укрѣпленій, на случай войны съ Англіею.

5) Если до свѣдѣній русскихъ властей дойдетъ, что положеніе его величества султана Абдуль-Гамида въ опасности, вслѣдствіе происковъ г. Лайарда, подготовляющаго ему участь Абдуль-Азиса— вступить въ Константинополь немедленно. Въ противномъ случаѣ Россіи не съ кѣмъ будетъ подписать *окончательный* мирный договоръ.

Такія мѣры могутъ быть дѣйствительными, и онѣ однѣ могутъ склонить Англію къ уступчивости. Она желаетъ выиграть время и заставить насъ держать наготовѣ огромную армію, словомъ, *разорять* насъ страшными тратами, требуемыми неопредѣленнымъ положеніемъ. Мы не можемъ доставить ей этого удовольствія. Страна такъ уже много жертвовала на *дѣло*, что теперь ей не приходится жертвовать въ ущербъ этому же дѣлу. Мы должны поставить вопросъ ребромъ и одни можемъ сдѣлать это. Никакіе европейскіе трибуналы, къ которымъ хочетъ притянуть Англію *Journal de St.-Pétersbourg*, не помогутъ намъ. Напротивъ, такіе возгласы служатъ до-

казательствомъ не силы, а безсилія. Подвиги нашихъ войскъ даютъ Россіи право говорить инымъ языкомъ—языкомъ державы, вѣрующей въ правоту своего дѣла и нравственныя силы своего народа. Россія и не привыкла къ другому языку. Она помнитъ ультиматумъ по поводу сербской войны, помнитъ кремлевское слово Государя Императора, блистательно оправданное геройскою арміей.

Если истинныя намѣренія Англіи обнаружились только теперь, объ этомъ нечего жалѣть, какъ это дѣлаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*. Напротивъ, этому должно радоваться и смѣло идти навстрѣчу дерзкимъ захватамъ всемірнаго опекуна. Въ этомъ вѣрнѣйшее средство не только достигнуть своихъ цѣлей, но *и избѣжать войны*, которой никто никогда не избѣгалъ уступками и робкими воплями о спасеніи.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Выходъ графа Дерби изъ состава англійскаго кабинета, очевидно, имѣлъ рѣшающее вліяніе на политику Англіи. Правительство королевы рѣшилось высказаться начистоту. Циркуляръ маркиза Сэлисбёри отчетливо опредѣлилъ взглядъ кабинета на предварительныя условія мира, заключеннаго нами съ Турціей. Правда, правительство не опредѣляетъ, чего оно *хочетъ*; но зато оно съ необыкновенною ясностью показываетъ, чего оно *не хочетъ*.

Оно не хочетъ большого славянскаго государства съ портами на Черномъ морѣ и Архипелагѣ,—государства, въ которомъ греческое меньшинство затерялось бы среди славянскаго большинства, — государства, чрезъ которое Россія могла бы получить прочное вліяніе на Востокѣ. Словомъ, оно не хочетъ прежде всего свободной и крѣпкой Болгаріи.

Оно не хочетъ, далѣе, присоединенія къ Россіи Бессарабіи и Батума, такъ какъ чрезъ это Россія получила бы „преобладающее вліяніе на Черномъ морѣ".

Оно не хочетъ военнаго вознагражденія, назначеннаго Россіей въ свою пользу, такъ какъ, при неопредѣленности выраженій, въ которыхъ выражено это требованіе, „уплата эта можетъ быть потребована немедленно для того, чтобъ въ теченіе долгихъ лѣтъ тяготѣть надъ независимостью Порты, а также можетъ быть замѣнена болѣе обширною территоріальною уступкою или повести къ спеціальнымъ обязательствамъ, которыя турецкую политику во всемъ подчинятъ политикѣ русской".

Вотъ чего не хочетъ англійское правительство. Этимъ оно косвенно, но очень прозрачно указываетъ и на то, чего оно хочетъ. Оно хочетъ, чтобъ нынѣшняя война оказалась *безъ всякихъ резуль-*

татовъ какъ для славянскихъ народностей вообще, такъ и для Россіи. Оно хочетъ, чтобъ Россія вышла изъ нынѣшней войны ослабленною страшнымъ кровопусканіемъ, обезсиленною экономически, скомпрометированною во мнѣніи своихъ единоплеменниковъ и униженною въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Какъ ни оскорбительно подобное желаніе, но нельзя не быть благодарнымъ маркизу Сэлисбёри за то, что онъ выразилъ его такъ отчетливо. Въ его циркулярной нотѣ чувствуется струя свѣжаго воздуха, отъ котораго мы совсѣмъ отвыкли во времена затхлыхъ переговоровъ съ министерствомъ Дерби. Прямодушный маркизъ высказался начистоту. Теперь дѣло не за нимъ, а *за нами.*

Мы знаемъ, какихъ результатовъ войны не желаетъ Англія. Мы должны столь же прямодушно отвѣтить *себѣ*, желаемъ ли ихъ мы.

Желаемъ ли мы, да или нѣтъ, Болгарскаго княжества, въ границахъ, указанныхъ Санъ-стефанскимъ договоромъ? Желаемъ ли мы, да или нѣтъ, упроченія нашего преобладанія на Черномъ морѣ? Желаемъ ли мы, да или нѣтъ, справедливаго и необходимаго вознагражденія за жертвы, понесенныя нами во время войны, если только этимъ „вознагражденіемъ“ могутъ считаться проблематическіе триста милліоновъ, да армяно-грегоріанская пустыня, называемая Карскимъ пашалыкомъ? (Не говоримъ о Батумѣ, дѣйствительно важномъ и необходимомъ).

Если нѣтъ, то будемъ играть отбой. Сознаемся, если существуетъ такое убѣжденіе, что мы сдѣлали ошибку, начавъ войну съ Турціей безъ предварительнаго разрѣшенія Европы, что мы пошли наугадъ, сами не зная зачѣмъ и для чего, что мы втянулись въ войну, какъ неопытный юноша втягивается въ разорительныя предпріятія, какъ школьники тайкомъ курятъ папироску и потомъ блѣднѣютъ, заслышавъ шаги школьнаго учителя. Сознаемся, что мы будемъ рады, если насъ выпустятъ живыми изъ этой передряги. Но если „сознаваться“, то надо дѣлать это скорѣе. Каждый день стоитъ намъ дорого, тогда какъ Англіи онъ ничего не стоитъ. Мы должны содержать на чужой сторонѣ громадную армію; Англіи же рѣшительно все равно, гдѣ находятся ея броненосцы: у береговъ ли Соединеннаго королевства, въ Безикской ли бухтѣ или въ Мраморномъ морѣ. Англія держитъ весь денежный рынокъ въ своихъ рукахъ и, въ то время, какъ мы содержимъ армію еще безъ войны, она безъ арміи, пользуясь неопредѣленностью нашего положенія, обезцѣниваетъ наши кредитные билеты и наши бумаги. Подождемъ еще немного, и мы увидимъ, какъ сбудется пророчество англичанина, пребывающаго въ Петербургѣ: „Мы доведемъ васъ до того, что вы будете платить 1.000 рублей за пару сапоговъ!“

Но сдѣлаемъ другое предположеніе, болѣе вѣроятное, потому что оно подтверждается всѣми документами, относящимися до войны. Предположимъ, что Россія начала войну сознательно, съ полнымъ разумѣніемъ ея первыхъ причинъ и конечныхъ цѣлей; что Россія сознавала необходимость освобожденія христіанскихъ народностей и упроченія своего положенія какъ на Черномъ морѣ, такъ и на Востокѣ; что мирныя условія Санъ-стефанскаго договора выражаютъ минимумъ тѣхъ требованій, которыя Россія могла предъявить Турціи; что, при заключеніи этихъ условій, мы непрерывно оглядывались на разные „интересы“ и соблюли ихъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ; что дальнѣйшія уступки способны разрушить плоды всѣхъ нашихъ усилій, всей пролитой крови и матеріальныхъ средствъ; что, отступая предъ результатами войны, мы прямо осуждаемъ ея цѣль, ея побудительную причину, всѣ чувства, воодушевлявшія русскій народъ во времена тяжелыхъ испытаній. Мы осуждаемъ Россію въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, и осуждаемъ въ ту минуту, когда, послѣ многихъ лѣтъ, надежды славянства снова обратились къ намъ. Мы осуждаемъ ее какъ народъ, безумно, будто бы, волновавшійся цѣлый годъ, и какъ государство, имѣвшее слабость уступить „неразумнымъ“ увлеченіямъ. Мы осуждаемъ Россію, какъ великую державу, занимающую свое мѣсто въ кругу родственныхъ племенъ и имѣющую право требовать, чтобъ ея интересы были уважаемы другими.

Если мы сознаемъ все это (а въ этомъ врядъ ли можетъ быть сомнѣніе), то программа дѣйствій ясна. У насъ въ рукахъ опредѣленные результаты войны. Они выражены въ мирномъ договорѣ, правда не окончательномъ, а предварительномъ. Но измѣненію могутъ подлежать только подробности, а никакъ не основные его принципы. Между тѣмъ, рѣчь идетъ теперь именно объ основныхъ принципахъ, о томъ, чтобъ Санъ-стефанскій договоръ былъ перечеркнутъ сверху до низу, чтобъ Россія возвратилась къ началамъ Парижскаго трактата, и тогда Англія готова будетъ толковать о судьбѣ балканскихъ христіанъ, т.-е. продѣлать снова всю комедію константинопольской конференціи.

На это Россія согласиться не можетъ. Уничтожьте Санъ-стефанскій договоръ, хотя бы мысленно, и посмотрите, что изъ этого выйдетъ.

Санъ-стефанскій договоръ—единственное юридическое основаніе для пребыванія нашихъ войскъ въ Европейской Турціи и во всѣхъ занятыхъ нами мѣстностяхъ. Уничтоживъ его, мы должны будемъ или вывести наши войска изъ Турціи, или объявить ей новую войну.

Затѣмъ, договоръ этотъ даетъ намъ право требовать удаленія турецкихъ войскъ изъ Болгаріи и другихъ мѣстъ, нами занятыхъ. Уничтоживъ договоръ, мы даемъ Турціи право ввести въ Болгарію и повсюду свои войска и возстановить свое управленіе. Коротко говоря: уничтоженіе договора есть возвращеніе къ statu quo ante bellum, т.-е. возвращеніе къ тому моменту, когда войска наши не переходили за Дунай. Мартъ 1878 года дѣлается мартомъ 1877 года; вся война и ея результаты вычеркнуты однимъ почеркомъ пера.

Но, скажутъ намъ, сама Россія заключила *прелиминарный*, а не окончательный договоръ именно въ виду того, что признавала извѣстныя его условія подлежащими всеевропейскому обсужденію. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе того, слѣдовало или не слѣдовало ограничиваться заключеніемъ прелиминарнаго договора. Дѣло сдѣлано, Европѣ оказано надлежащее уваженіе и вернуться назадъ нельзя.

Но Россія, вѣроятно, не смотритъ на договоръ, какъ на бѣлую бумагу. Она признала за державами право пересмотра нѣкоторыхъ его условій. Но теперь рѣчь идетъ, повторяемъ, объ отмѣнѣ договора *въ полномъ его составѣ*. Россіи предстоитъ писать *новый* договоръ подъ чужую диктовку, а каково будетъ содержаніе этого „новаго" договора, легко догадаться изъ ноты маркиза Сэлисбёри.

„Оттоманская юрисдикція—пишетъ онъ—имѣетъ географическій интересъ для Англіи въ Дарданеллахъ, Эгейскомъ и Черномъ моряхъ, въ Персидскомъ заливѣ, у береговъ Леванта и поблизости Суэцскаго канала. Англія крайне озабочена тѣмъ, что форпосты сильной державы подвигаются къ району этой юрисдикціи (т.-е. владычества) такъ близко, что независимость и самое существованіе этой юрисдикціи становятся почти невозможными. Обсужденіе дѣла на конгрессѣ, ограниченномъ пунктами, которые выбраны одною державою, было бы обманчивымъ средствомъ противъ опасностей, грозящихъ англійскимъ интересамъ и европейскому миру".

Яснѣе говорить нельзя. Непонятно, конечно, почему въ этой тирадѣ явился „европейскій миръ", но остальное понятно до очевидности. Интересы Англіи требуютъ, чтобъ проектированная Болгарія не подвигалась ни до Чернаго, ни до Эгейскаго морей, и чтобъ Россія не становилась ни на устьяхъ Дуная, ни въ Батумѣ. Наши „форпосты" должны оставаться въ нынѣшнемъ положеніи, т.-е. подъ ударами „оттоманской юрисдикціи", руководимой Англіей для своего блага.

Вѣроятно, Россія упала чрезвычайно низко въ общественномъ мнѣніи Европы! Иначе нельзя объяснить себѣ такого языка. Но мы переживаемъ такую минуту, когда все становится непонятнымъ.

Припомните превосходную сцену въ „Королѣ Лирѣ“, когда старикъ, обездоленный и униженный всѣми, начинаетъ, наконецъ, сомнѣваться: онъ ли это? Лиру такъ не отвѣчаютъ; на него такъ не смотрятъ; съ нимъ такъ не поступаютъ. Очевидно, это не онъ, а кто-то другой, ему невѣдомый, иное жалкое существо, вдругъ занявшее его мѣсто. Россія имѣетъ нѣкоторое основаніе предложить себѣ подобный вопросъ...

Мы понимаемъ, что подобный тонъ можетъ внести смуту даже въ самыя твердыя души. На умы же колеблющіеся онъ дѣйствуетъ губительно. Массы легко повинуются громкому голосу и рѣзкой, рѣшительной рѣчи. Уже теперь въ нѣкоторыхъ сферахъ нашего общества заронилась и быстро развивается мысль, что мы виноваты въ чемъ-то передъ Англіей, передъ этой благородной и справедливой націей, cette juste Angleterre; что мы, въ самомъ дѣлѣ, требуемъ слишкомъ многаго, и что пора бы идти на существенныя уступки. Замѣтьте хорошенько: указанныя „сферы“ говорятъ это вовсе не потому, чтобъ онѣ боялись войны съ Англіей, а потому, что въ ихъ души закралось сомнѣніе относительно правоты своего дѣла, т.-е., виноватъ, не ихъ дѣла (потому что у нихъ его очень мало), но правоты русскаго дѣла, относительно справедливости предъявленныхъ Россіей требованій, относительно ея правъ предъ „англійскими интересами“. Это нѣчто худшее, чѣмъ честный страхъ предъ войною, въ виду великихъ жертвъ, ею требуемыхъ. Это нравственное разложеніе, полная потеря сознанія народнаго достоинства.

Одно упускается изъ вида: въ то время, какъ нѣкоторая часть нашего общества мучится „сомнѣніями“, которыя нельзя назвать гамлетовскими, Россія переживаетъ величайшій моментъ своей новѣйшей исторіи — моментъ, отъ котораго зависитъ ея положеніе въ славянскомъ мірѣ, въ Европѣ и въ ея отношеніяхъ къ самой себѣ.

Никогда сама Россія такъ ясно не опредѣляла задачъ своей борьбы съ Турціей; никогда она не заходила такъ далеко: когда же войска наши были подъ Константинополемъ? Никогда главная соперница Россіи на Востокѣ не опредѣляла такъ ясно истинныхъ своихъ отношеній къ восточному вопросу. Никогда мы не дѣлали такъ много. Но, съ другой стороны, больше, чѣмъ когда-нибудь, при малѣйшемъ колебаніи, мы можемъ пасть такъ низко, какъ не падала ни одна изъ великихъ державъ. Разоренные, униженные, обнесенные со всѣхъ сторонъ англійскимъ кордономъ, утративъ всякую почву въ славянствѣ, презираемые сосѣдями, какъ возвратимся мы къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, для которыхъ также нуженъ бодрый духъ и крѣпкая воля?

Князь Бисмаркъ, при основаніи Сѣверо-Германскаго Союза, привелъ учредительному рейхстагу слѣдующія слова поэта:

> Was du vom Augenblicke ausgeschlagen,
> Bringt keine Ewigkeit zurück!

На настоящей минутѣ виситъ все будущее Россіи. Такія минуты рождаются вѣками, и никто не знаетъ, возвратятся ли онѣ.

УСЛОВІЯ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ.

Въ трудныя и торжественныя минуты жизни, отдѣльный человѣкъ ищетъ для себя наставленія въ чужихъ совѣтахъ, въ примѣрахъ, въ опытѣ другихъ людей. Народы счастливѣе отдѣльныхъ лицъ: они могутъ черпать примѣръ, наставленіе и утѣшеніе въ своей собственной исторіи, этомъ накопленномъ опытѣ поколѣній, въ этомъ завѣтѣ отцовъ. Даже недавнее прошлое можетъ послужить наставленіемъ, потому что оно есть отголосокъ той же исторіи, того же непрерывнаго и живого преданія. Пусть оно дастъ намъ совѣтъ и въ переживаемую Россіей тяжелую минуту.

Что минута эта тяжела, доказывать едва ли нужно. Цѣлый годъ Россія напрягала свои усилія, лила свою кровь, тратила свое достояніе, чтобъ сломить сопротивленіе Турціи. Наконецъ, Турція сломлена. Русскіе богатыри стали предъ Константинополемъ. Русскій человѣкъ готовъ былъ набожно перекреститься и вознести теплую молитву Тому, Кто одинъ даровалъ побѣду. Но вдругъ двѣ державы, стоявшія въ сторонѣ и, повидимому, равнодушно слѣдившія за перипетіями борьбы, говорятъ Россіи: „Всѣ твои труды должны остаться втунѣ; плодами твоихъ побѣдъ воспользуемся мы, а не ты. Иди домой и будь довольна, что съ тобою не случилось худшаго!“

Вопросъ поставленъ ясно, и Россіи предстоитъ рѣшить: отдастъ ли она *всѣ* плоды своихъ побѣдъ и геройскихъ усилій *безъ борьбы*, или уступитъ только силѣ, обратившись къ тому же Божьему суду, который уже рѣшилъ ея дѣло съ Турціей.

Принять первое рѣшеніе способна держава, рѣшившаяся на самоубійство; остается второе, и каждый русскій человѣкъ думаетъ, что иного рѣшенія и не можетъ быть принято.

Вотъ сущность переживаемой нами минуты. Каждый видитъ, что намъ предстоитъ, можетъ быть, новая и тяжкая борьба, гдѣ будутъ

въ игрѣ вся честь и все будущее Россіи. Но никто еще не видитъ кругомъ себя никакой твердой точки опоры и ничего не слышитъ, кромѣ оскорбительныхъ криковъ и наглаго смѣха противниковъ.

Россія молчитъ, и общее молчаніе нарушается только шумными демонстраціями венгровъ, рѣзкимъ голосомъ англійскаго кабинета, битьемъ стеколъ въ домѣ Гладстона, т.-е. всѣмъ и всѣми, кромѣ Россіи.

Когда въ 1870 году германская армія стояла предъ Парижемъ, вся Европа съ замираніемъ сердца прислушивалась къ малѣйшему звуку голоса, къ ничтожнѣйшему жесту тѣхъ, кто держалъ судьбы войны и мира — императора Вильгельма, князя Бисмарка и графа Мольтке.

Теперь, побѣдительница - Россія трепетно прислушивается къ звуку рѣчей не только Биконсфильда и графа Андраши, но послѣдняго уличнаго оратора въ какомъ-нибудь венгерскомъ городкѣ, къ малѣйшей демонстраціи пьяной сволочи, подпоенной Биконсфильдомъ.

Подъ градомъ оскорбленій, насмѣшекъ, угрозъ, *не встрѣчающихъ никакого отпора*, можетъ угаснуть самое пылкое народное чувство, сжаться самое мужественное сердце. Истомленная Россія ждетъ твердаго, рѣшительнаго, освѣжающаго слова, способнаго разсѣять всѣ недоумѣнія, заставить народъ встать мощною силою, положить предѣлъ дерзкимъ вызовамъ.

Кто же можетъ произнести это мощное, святое слово? Печать? Но что̀ значатъ наши статьи, забываемыя, быть можетъ, тотчасъ по ихъ прочтеніи? А дальше кто? Никто, т.-е. никто въ обществѣ и изъ общества.

Но есть въ Россіи одинъ голосъ и только онъ одинъ, который раздается на всю Россію и которому всѣ вѣрятъ, потому что этотъ голосъ—голосъ народный. Это слово можетъ сказать только русскій Царь.

Пусть вспомнятъ, какое живительное дѣйствіе произвело, всѣмъ намъ памятное, кремлевское слово! Вся Россія какъ бы выросла въ этотъ день, сплотилась и приготовилась на все. Въ чемъ же сила этого слова? Отвѣтить на это легко.

Оно раздалось среди народа и для народа. Въ эту торжественную минуту непосредственно соприкоснулись двѣ силы—сила народная и та, въ которой народъ видитъ олицетвореніе Россіи—верховная власть. Здѣсь не было посредниковъ, не было бумаги; раздался живой и мощный голосъ, на зовъ котораго привыкла собираться вся Россія.

Совершилось то, чего не ожидали враги наши. Россія повѣрила

въ себя, и вѣра эта дала ей силы на ужасную борьбу, низложившую ея врага. Война сдѣлалась народною, и въ каждомъ воинѣ проснулся гражданинъ.«

Теперь намъ посылаются еще тягчайшія испытанія. Тогда мы сомнѣвались въ побѣдѣ—теперь у насъ отнимаютъ безспорные плоды побѣдъ. Тогда мы властны были начинать или не начинать войну—теперь мы не можемъ, не отрекшись отъ своего достоинства, отказаться *безъ борьбы* отъ взятаго мечомъ. Тогда мы имѣли въ перспективѣ войну съ одною Турціею—теперь намъ слышатся угрозы съ разныхъ сторонъ. Минута грозная: мы должны идти на борьбу въ полномъ сознаніи всѣхъ ея трудностей и всѣхъ ожидающихъ насъ бѣдствій.

Но именно этой-то борьбѣ, больше чѣмъ какой нибудь, слѣдуетъ дать силу и смыслъ борьбы *народной*. Все общество ясно или инстинктивно сознаетъ, что Россія переживаетъ труднѣйшую изъ своихъ историческихъ эпохъ, что враждебныя намъ силы собираются поставить вопросъ о всей нашей будущности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ каждомъ русскомъ таятся силы, достаточныя для упорной борьбы за отечество.

Но эту скрытую пока силу, силу, о которой еще не слышала Европа и не можетъ слышать подъ шумъ собственныхъ рѣчей, эту силу должно вызвать къ жизни и призвать къ живому дѣлу.

Вызвать къ жизни, во-первыхъ. Твердое царское слово положитъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и колебаніямъ, конецъ той страшной неизвѣстности, въ которой томимся всѣ мы. Оно снова соберетъ всѣхъ вокругъ общаго дѣла, ободритъ сомнѣвающихся, оживитъ уставшихъ, дастъ новыя силы бодрымъ. Оно пронесется по всей землѣ, какъ благовѣстъ, и земля отзовется на него такъ, что притязаніямъ враговъ будетъ положена мѣра.

Отчего явились колебанія въ нашемъ обществѣ? Оттого, что *Англія* заговорила громко, рѣшительно, на весь свѣтъ, заговорила не какъ печать только, а какъ общество. Кто же слышалъ Россію?

Силу, вызванную къ жизни, необходимо призвать и къ дѣлу. Дѣла этого много, и оно ясно указано намъ послѣднею войною. Припомнимъ одинъ изъ примѣровъ того, какъ вредно отозвалось отсутствіе всякой общественной силы на интересахъ арміи и всего государства. Государство тратило страшныя суммы на содержаніе арміи, тратилъ ихъ и народъ. Давалъ богачъ, давалъ бѣднякъ; учреждались вычеты изъ жалованья, часто скуднаго, отдавалась нерѣдко послѣдняя копѣйка. Все это давалось на солдата, и все шло въ карманъ къ подрядчикамъ, къ интендантамъ, ко всему, о чемъ непріятно и горько вспомнить.

Вотъ страшная и давнишняя язва, одна изъ существеннѣйшихъ

причинъ того утомленія, которое чувствуется въ нашемъ обществѣ, того недовѣрія, которое оно имѣетъ къ своимъ силамъ. Но призовите земскія и городскія общества къ этому великому и святому дѣлу пещись объ арміи, которая бьется за честь и спасеніе родины. Вырвите эту святыню изъ нечестивыхъ рукъ, обирающихъ казну и морящихъ солдатъ голодомъ!

Положеніе о воинской повинности 1874 года обратило армію въ силу народную. — Предоставьте же народу, въ лицѣ своихъ законныхъ уполномоченныхъ, заботиться о своихъ братьяхъ, сыновьяхъ и родныхъ; дайте ему увѣренность, что все имъ пожертвованное и уплаченное дѣйствительно дойдетъ до мѣста и будетъ употреблено въ дѣло. А кто теперь имѣетъ эту увѣренность? Не говоримъ о мужикѣ, не знавшемъ и не знающемъ, куда идетъ его копейка: поднимитесь по лѣстницѣ жертвователей и плательщиковъ такъ высоко, какъ вамъ угодно, и отвѣтъ будетъ одинъ: „не знаемъ". А „не знаемъ" въ дѣлахъ такого рода ужасно! Мы знаемъ, чего оно стоило солдату, и догадываемся во что̀ обошлось оно казнѣ. Но хуже всего то, что этимъ путемъ война была оторвана отъ народной почвы, сдѣлалась отдаленною и непонятною административною операціею, прикрытою толстою завѣсой, изъ-за которой только изрѣдка выглядывали наглыя и разжирѣвшія лица дѣльцовъ и слышались стоны голодныхъ и коченѣвшихъ отъ холода солдатъ.

Призовите къ дѣлу людей отъ народа, дѣйствующихъ подъ его контролемъ, при условіяхъ широкой гласности и отвѣтственности — вы удесятерите этимъ средства арміи и уменьшите во сто кратъ расходы казны. Вы сдѣлаете войну всенароднымъ дѣломъ, возстано̀вите всеобщее довѣріе и вѣру въ свои собственныя силы.

ОТРЫВОКЪ,

относящійся къ рѣчи, произнесенной на чрезвычайномъ общемъ собраніи Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, 4 апрѣля 1878 г. [1]).

Милостивые Государи! Мы собрались здѣсь въ трудную и торжественную для Россіи минуту.

Минута эта торжественна потому, что никогда еще Россія не была такъ близка къ рѣшенію своей вѣковой тяжбы съ Турціею какъ теперь; никогда еще русская армія не была подъ Константинополемъ; никогда еще Турція не испытывала такого полнаго разгрома.

Но минута эта тяжела, невыносимо тяжела потому, что нѣкоторыя европейскія державы напрягаютъ свои усилія къ тому, чтобы отнять у насъ всѣ плоды нашихъ побѣдъ, продиктовать свои условія мира, занять мѣсто Россіи, которое она завоевала себѣ великими усиліями и геройскими жертвами.

Умъ русскаго человѣка уже измѣряетъ глубину паденія своего отечества, онъ невольно сравниваетъ радостныя времена побѣдъ при Авліярѣ, Карсѣ, Плевнѣ, Шипкѣ, перехода чрезъ Балканы съ тѣмъ временемъ, когда намъ говорятъ: все это было напрасно!

Мы какъ бы снова возвращаемся къ тяжкому времени, слѣдовавшему за константинопольскою конференціею, когда тяжесть оскорбленій увеличивалась сознаніемъ полной неизвѣстности будущаго, томительнымъ ожиданіемъ катастрофы, подъ которымъ изнывала русская промышленность, торговля, земледѣліе и нравственное чувство русскаго человѣка.

---

[1]) См. приложеніе II. *Ред.*

Теперь, какъ и тогда, мы слышимъ угрозы, но никто не можетъ отвѣтить на вопросъ, что̀ насъ ожидаетъ—радостный миръ или война, ибо Россія не можетъ заключить мира позорнаго.

Одна мысль воодушевляетъ и должна воодушевить русское общество: мысль, что почипъ въ уступкахъ не можетъ идти отъ него. Голосъ русскаго народа долженъ поддерживать правительство въ тѣхъ требованіяхъ, которыя оно предъявило въ видѣ санъ-стефанскаго мирнаго договора. Этимъ договоромъ указана мѣра уступокъ Россіи предъ интересами другихъ державъ, граница, отъ которой она не можетъ отступить безъ ущерба собственному достоинству. Весь русскій народъ долженъ стать на стражѣ этой границы и сказать себѣ: до сихъ поръ и ни шагу назадъ!

Эта мысль воодушевляетъ всѣхъ насъ. На служеніе ей готовъ отдать себя каждый, отвлекаясь отъ предмета своихъ обыденныхъ занятій. Вотъ почему и „Общество для содѣйствія русскому торговому мореходству“, общество, предназначенное для служенія цѣлямъ мирнымъ, обратилось къ Россіи съ предложеніемъ воинственнаго характера. Оно предлагаетъ національную подписку на пріобрѣтеніе и вооруженіе *крейсерскихъ* судовъ.

Предложеніе это должно было выйти именно отъ нашего общества, такъ какъ его дѣятельность паходится въ тѣсной связи съ тѣмъ *единственнымъ* средствомъ, коимъ располагаетъ Россія для борьбы съ ея главнымъ, вѣковѣчнымъ врагомъ, съ душою нынѣшней европейской оппозиціи противъ Россіи—съ *Англіею.*

Вамъ извѣстна, мм. гг., роль Англіи въ ея отношеніяхъ къ Россіи. Я не стану распространяться объ этомъ предметѣ. Каждый изъ васъ можетъ оживить въ себѣ воспоминанія о 1853—1856 годахъ; каждый изъ васъ чувствуетъ руку Англіи и въ настоящую минуту. Слово: „британскіе интересы“ для насъ не новость. Каждый изъ насъ думаетъ только *о борьбѣ* съ этими пресловутыми и вездѣсущими интересами. Но гдѣ средства къ этой борьбѣ? Англія, благодаря своему географическому положенію, неуязвима съ суши. Какъ бы ни были велики арміи сухопутныхъ державъ, онѣ не могутъ нанести никакого вреда владычицѣ морей. Англія царствуетъ на моряхъ и владѣетъ міромъ чрезъ океанъ. Но на этомъ же океанѣ, покрытомъ англійскими судами, можетъ быть нанесенъ ударъ величію Британніи. И здѣсь, однако, Англія уязвима только съ одной стороны. Нечего думать о возможности бороться съ ея *военнымъ* флотомъ. Онъ равняется флотамъ всѣхъ европейскихъ державъ, вмѣстѣ взятымъ. Англія можетъ быть поражена только въ ея *коммерческомъ флотѣ*, отъ котораго зависитъ ея всесвѣтная торговля и ея національное богатство.

Въ тотъ моментъ, когда англійскіе купеческіе корабли съ ихъ богатыми грузами, вмѣсто того чтобы увеличивать національное богатство Британніи, будутъ попадать въ руки русскихъ моряковъ,—какъ въ океанѣ появятся нѣсколько ходкихъ крейсеровъ, пересѣкающихъ торговые пути англійскимъ судамъ,—общественное мнѣніе Англіи измѣнится къ лучшему. Тѣ же торговцы и промышленники, поддерживающіе теперь воинственную политику Биконсфильда, проникнутся мирными чувствами, понявъ, что рядомъ съ „британскими“ интересами существуютъ столь же законные интересы другихъ народовъ.

Сами англичане ясно видятъ, гдѣ можетъ быть нанесенъ ударъ ихъ преобладанію. Опытный морякъ и членъ парламента *Линдсей*, въ брошюрѣ своей *О комплектованіи военнаго и коммерческаго флота* (1877 г.) хорошо объясняетъ, почему Англіи *выгодно* держаться Парижской деклараціи 1856 года, уничтожившей каперовъ. Если Англія, говоритъ онъ, во время войны пожелаетъ сохранить нейтралитетъ, она, имѣя обширную морскую торговлю, прямо заинтересована въ томъ, чтобы ея коммерческія суда и перевозимые на нихъ грузы были покровительствуемы ея флагомъ. Принявъ участіе въ войнѣ, Англія покровительствуется парижскою деклараціею въ томъ отношеніи, что безъ нея „вся ея обширная морская торговля была бы отдана въ распоряженіе крейсеровъ каждаго государства, хотя бы незначительнаго, и была бы совершенно уничтожена вооруженіемъ полудюжины ходкихъ пароходовъ, подобныхъ Алабамѣ“.

Если бы я, мм. гг., имѣлъ дѣло не съ русскимъ обществомъ, мнѣ можно бы было кончить мою рѣчь на этомъ мѣстѣ. Англія уязвима только на морѣ, только со стороны ея торговаго флота, слѣдовательно, Россія обязана вооружить крейсеровъ и выпустить ихъ на торговый флотъ Великобританніи. Это средство единственное и потому законное.

Но, мм. гг., говоря съ русскимъ обществомъ, я обязанъ разсмотрѣть одно возраженіе, которымъ я горжусь, какъ русскій. Средство, предлагаемое вамъ для борьбы съ Англіею, дѣйствительно. Но законно ли оно въ нравственномъ смыслѣ этого слова? Русскій человѣкъ привыкъ разбирать средства; онъ не отвѣчалъ звѣрствами на звѣрства башибузуковъ. Онъ отвернется отъ безнравственнаго средства, какъ бы дѣйствительно оно ни было. Вотъ почему мы должны здѣсь остановиться на этой сторонѣ вопроса.

Не будемъ много говорить о тѣхъ возраженіяхъ, которыя построены не на чистыхъ требованіяхъ нравственности, а на соображеніяхъ того, „что скажетъ Европа“? Въ этомъ отношеніи мы можемъ быть спокойны. Мы имѣемъ дѣло съ врагомъ, который всегда отличался крайнею неразборчивостью въ средствахъ, который до-

стоинство средствъ опредѣлялъ ихъ цѣлесообразностью. Приведу одинъ примѣръ, достаточно убѣдительный.

Чрезъ три года по заключенiи парижской декларацiи, въ 1859 году, 300 бременскихъ торговцевъ постановили ходатайствовать, чтобы ея принципы получили дальнѣйшее развитiе въ смыслѣ признанiя полной неприкосновенности частной собственности на морѣ, какъ для подданныхъ нейтральныхъ, такъ и воюющихъ сторонъ. Агитацiя въ этомъ смыслѣ перешла въ Англiю. Депутаты отъ торговцевъ Ливерпуля, Бристоля, Манчестера, Лидса, Гулля, Бельфаста и Глочестера представились 3 февраля 1860 года лорду Пальмерстону съ петицiею, составленною въ этомъ духѣ...

ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРѢЧІЕ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

Черезъ нѣсколько дней Берлинскій конгрессъ окончитъ свои занятія. Въ общихъ чертахъ, мы можемъ составить себѣ довольно точное понятіе о точкѣ зрѣнія, усвоенной конгрессомъ, и о вѣроятныхъ итогахъ его разсужденій. Итоги эти, прежде всего, великія уступки, которыя Россія принуждена сдѣлать подъ давленіемъ едва ли не цѣлой Европы, и, потомъ, организація Балканскаго полуострова согласно государственнымъ интересамъ державъ, вовсе не принадлежащихъ къ Балканскому полуострову. Теперь не время разсуждать, можетъ или не можетъ Россія противодѣйствовать такимъ „итогамъ". Для этого нужно имѣть точныя свѣдѣнія о боевыхъ силахъ Россіи, о ея финансовыхъ рессурсахъ и о множествѣ другихъ вещей, съ точностью неизвѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что наши уступки вызваны дружнымъ давленіемъ Европы. Онѣ горьки, онѣ дадутъ свои плоды въ будущемъ, но мы отказываемся произнести свой приговоръ надъ ними теперь. Напротивъ, мы будемъ благодарны нашимъ уполномоченнымъ за все, что̀ имъ удастся выторговать отъ алчности Биконсфильда и Андраши.

Насъ занимаетъ иной вопросъ—вопросъ о *прочности* зданія, воздвигаемаго конгрессомъ, и мира, имъ утверждаемаго. Признаемся: мы плохо вѣримъ въ то и другое. Въ основаніе новаго зданія положена пороховая мина, которая, рано или поздно, произведетъ взрывъ. Пока дипломаты Берлинскаго конгресса занимаются зданіемъ, разсмотримъ его основаніе или, вѣрнѣе, ту мину, которую они подложили подъ фундаментъ.

Народы Балканскаго полуострова разсматриваются конгрессомъ, какъ пассивный матеріалъ, изъ котораго можно выкраивать какія

угодно провинціи, создавать какія угодно области — независимыя, зависимыя, полузависимыя. Эта перекройка совершается съ точки зрѣнія уравновѣшенія различныхъ „вліяній“, а никакъ не съ точки зрѣнія пользъ и нуждъ самихъ народовъ Балканскаго полуострова. Говорится о „сферѣ австрійскаго вліянія“, объ „области англійскихъ интересовъ“; всѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются сузить „сферу русскаго вліянія“. Но немногіе, кажется, думаютъ о томъ, что во всѣхъ этихъ „сферахъ“ живутъ народы со своимъ историческимъ прошлымъ, со своимъ народнымъ обликомъ, со своими преданіями, вѣрою, народы, выстрадавшіе себѣ право на свободу и самостоятельную политическую жизнь. Въ результатѣ мы видимъ отрицаніе *національнаго права* и новое утвержденіе принципа искусственныхъ государствъ. И то, и другое мы видѣли на Вѣнскомъ конгрессѣ и на цѣлой серіи конгрессовъ, слѣдовавшихъ за Вѣнскимъ. И теперь мы можемъ ожидать тѣхъ же результатовъ, какіе получились тогда.

Вѣнскій и прочіе конгрессы, въ виду обезпеченія мира и прочихъ условій „спокойной жизни“, обезпечили за Австріей „сферу вліянія“ въ Италіи и Германіи. Но обѣ „сферы“ волновались до тѣхъ поръ, пока Австрія не была изгнана и изъ Италіи, и изъ Германіи. Весь католическій міръ находилъ, что въ его „интересахъ“ необходимо, чтобъ народонаселеніе Папской области находилось подъ гнетомъ теократіи: священные интересы католицизма представлялись въ Римѣ французскимъ гарнизономъ. Гдѣ теперь этотъ гарнизонъ и гдѣ лицо, его пославшее?

Франція находила, что послѣ 1866 года южно-нѣмецкія государства должны находиться въ „сферѣ ея вліянія“ и отдѣлила ихъ отъ Сѣвернаго Союза смѣшною майнскою линіей. „Что такое майнская линія? — воскликнулъ депутатъ Микель въ учредительномъ рейхстагѣ 1867 года.—Станція, гдѣ запасаются водою, углемъ и ѣдутъ дальше!“ Такъ и вышло; вышло даже больше того: нѣмецкій народъ, запасшись „водою и углемъ“ съ 1867 по 1870 годъ, переѣхалъ не только за Майнъ, но и за Рейнъ, гдѣ и расправился съ главнымъ виновникомъ никольсбургскихъ ограниченій.

Австрія, въ 1856 году, настояла, чтобы Молдавія и Валахія были раздѣлены, въ тѣхъ видахъ, чтобъ изъ нихъ не образовался новый Пьемонтъ. Конечно, этимъ княжествамъ не удалось образовать Пьемонта, но они образовали Румынію, въ противность постановленіямъ Парижскаго трактата.

Всѣ усилія европейской дипломатіи съ 1815 года были направлены къ разъединенію Германіи. Всякія національныя стремленія въ этой странѣ были приравнены къ революціоннымъ и, какъ та-

ковыя, обложены наказаніемъ. Но чѣмъ крѣпче сковывалась связь между нѣмецкими племенами, тѣмъ упорнѣе работали патріотическія общества, пока, наконецъ, князь Бисмаркъ не сказалъ своего слова.

Не станемъ перечислять всѣхъ фактовъ новѣйшей исторіи; не будемъ упоминать о Бельгіи и прочихъ странахъ западной Европы. Но для всякаго неослѣпленнаго человѣка ясенъ тотъ фактъ, что *принципъ національностей* провозглашенъ на западѣ Европы самымъ торжественнымъ, недвусмысленнымъ образомъ; что всякія задержки, поставленныя для его развитія, оказывались тщетными и обращались во вредъ тѣмъ, кто ихъ ставилъ; что съ принципомъ національностей связано все, что̀ дорого народу и отдѣльному человѣку—гражданская свобода, равенство въ правахъ, внутреннее и внѣшнее развитіе, ростъ наукъ и искусствъ, экономическое процвѣтаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, возведите въ принципъ право завоеванія и насилія въ отношеніяхъ *народныхъ*, и тогда спросите, во имя какой логики можно требовать признанія неприкосновенности *отдѣльной* человѣческой личности? Если вы пожелаете раздѣлить народы на призванные къ господству и предназначенные къ рабству, то не будетъ ли актомъ высочайшаго лицемѣрія провозглашать равноправность отдѣльныхъ человѣческихъ единицъ. Кромѣ лицемѣрія, не видно ли тутъ и безумія? Спрашиваемъ всѣхъ логиковъ въ мірѣ, какимъ образомъ разрѣшить слѣдующую задачу: „*всѣ люди* должны быть равноправны, но не всѣ *народы* могутъ пользоваться одинакими съ другими правами?“ Биконсфильдъ, въ качествѣ *человѣка*, не можетъ продать въ рабство послѣдняго изъ болгаръ; но Биконсфильдъ, въ качествѣ перваго министра Британскаго королевства, можетъ продать болгарскій народъ въ рабство турецкому народу? Итакъ, болгаринъ будетъ рабомъ не потому, что онъ человѣкъ, такъ какъ современная философія и англійская конституція воспрещаютъ порабощеніе человѣка человѣку; но онъ будетъ рабомъ въ качествѣ болгарина, т.-е. человѣка низшей *расы*. Какое утѣшеніе! Какое торжество цивилизаціи!

Вотъ съ чѣмъ не можетъ помириться простая логика, здоровое человѣческое чувство и съ чѣмъ никогда не мирилось чувство народовъ. Освободительная война противъ Наполеона вызвала на свѣтъ это народное чувство, подготовлявшееся издавна. Потомъ оно было упрятано подъ спудъ, похоронено подобно миѳическому титану и, подобно ему, своими судорожными движеніями оно потрясало „систему европейскаго равновѣсія“, пока не вырвалось наружу, сметая остатки пресловутыхъ трактатовъ 1815 года, закрѣпостившихъ Италію, Бельгію, Германію.

Былъ на свѣтѣ одинъ ученый, утверждавшій, что всемірная

исторія закончилась ахенскимъ (или аахенскимъ, какъ онъ говорилъ) конгрессомъ, потому что конгрессъ этотъ окончательно закрѣпилъ систему политическаго равновѣсія Европы. Но исторія „не завершилась“; много крови и слезъ пролилось, много заключенныхъ перебывало въ тюрьмахъ Австріи и Германіи до тѣхъ поръ, пока западъ Европы рѣшился признать народное право. Европа, наконецъ, признала его; она признавала его честно и откровенно во времена бельгійской революціи, признавала съ оговорками послѣ вилла-франкскаго мира, признавала плутовски, во время возсоединенія Ниццы и Савойи съ Франціей, но, все-таки, признавала и признала.

Теперь рождается вопросъ: если извѣстный принципъ признанъ для *всѣхъ* народовъ западной Европы, то гдѣ же основаніе отрицать его для народовъ славянскихъ? Почему то, что̀ считается истиною въ примѣненіи къ италіанцамъ и нѣмцамъ, оказывается „вреднымъ заблужденіемъ“ примѣнительно къ славянскому востоку?

Вотъ въ чемъ коренной порокъ всѣхъ сужденій Берлинскаго конгресса и всего воздвигаемаго имъ зданія. Онъ стремится создать нѣсколько искусственно приλаженныхъ политическихъ тѣлъ; онъ старается распредѣлить „сферы вліянія“ надъ этими тѣлами между разными европейскими державами. Послѣдствія понятны. Искусственно созданныя области и княжества населены живыми людьми и историческими народностями. Черезъ нѣсколько времени имъ покажутся крайне неудобными созданныя для нихъ „границы“. Начнутся внутреннія смуты, которыя въ „интересахъ мира“ придется подавлять *силою*. Каждая держава получитъ свою „сферу вліянія“. Но сфера вліянія нѣчто весьма неопредѣленное и еще болѣе искусственное, чѣмъ искусственныя границы новыхъ балканскихъ областей. Поэтому, столкновенія между „вліяющими“ державами не только возможны, но и неизбѣжны, а всякія столкновенія между народами обыкновенно рѣшаются *войною*. Итакъ, *насиліе* и *война* — вотъ что̀ содержится въ минѣ, подложенной подъ фундаментъ зданія, воздвигаемаго конгрессомъ въ интересахъ мира...

НАСИЛІЕ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

Коренной порокъ Берлинскаго конгресса—неуваженіе національнаго принципа, вслѣдствіе чего конгрессъ прибѣгнулъ къ насилію, всегда приводящему только къ войнѣ. Такія начала, которыми руководствуется Берлинскій конгрессъ, не могутъ привести къ миру. Могутъ ли они хоть въ чемъ-нибудь помочь дѣлу, представляемому Россіей на Берлинскомъ конгрессѣ? Нѣтъ, конечно. Указаніе и разрѣшеніе этихъ началъ кажется намъ, однако, необходимымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, они необходимы для того, чтобъ освѣтить истинное значеніе уступокъ, которыя принуждена теперь дѣлать Россія. Уступки эти выставляются какъ результатъ давленія Англіи—какъ представительницы „европейскаго права“, на Россію, какъ державу, провинившуюся въ завоевательныхъ замыслахъ. Республиканецъ Гамбетта привѣтствовалъ Англію именно какъ представительницу и защитницу „правъ Европы“. Эти уступки являются результатомъ *насилія* европейскихъ державъ и, какъ таковыя, не имѣютъ никакой нравственной обязательной силы въ будущемъ. Если въ будущемъ народы Балканскаго полуострова разорвутъ въ клочки всѣ эти трактаты, и если Россія поддержитъ ихъ—и мы, и они будемъ правы съ точки зрѣнія святыхъ правъ народности. Уступать насилію въ данную минуту можетъ быть актомъ благоразумія, но никогда насиліе не создаетъ права, а навсегда останется его отрицаніемъ.

Во-вторыхъ, они необходимы и для уясненія истиннаго смысла только что конченной войны съ Турціей. Всякое общество способно быстро измѣнять свое мнѣніе, особенно въ виду успѣха или неуспѣха начатаго дѣла. Всѣмъ памятно увлеченіе, съ какимъ встрѣчено было начало послѣдняго славянскаго движенія. Никто не станетъ отрицать, что теперь множество изъ восторгавшихся переходитъ въ ла-

геръ „посыпающихъ главу пепломъ“. Дѣло невыигранное кажется массѣ дѣломъ несправедливымъ и даже преступнымъ. Появляются даже обширныя разсужденія о томъ, что поддержаніе славянства не составляетъ *историческаго* призванія Россіи, на томъ основаніи, что въ старыя времена никто у насъ не понималъ славянскаго вопроса. Но мало ли чего „не понимали“ въ старыя времена! Любопытно было бы даже знать, какимъ образомъ крѣпостная Россія могла бы понять *право народности*? Мало того: будь у кого нибудь лишнее время, онъ могъ бы написать обширное изслѣдованіе о томъ, что объединеніе Германіи не было *историческимъ* призваніемъ Пруссіи, на томъ основаніи, что въ старину не только не говорили объ этомъ предметѣ, но даже повсемѣстно господствовали *партикуляристическія* стремленія. Подобныя разсужденія даютъ право думать, что наши мудрецы подъ словомъ „историческая задача“ понимаютъ задачу, сознанную еще во времена Рюрика.

Пріемъ забавный Вообразите, что, во времена Ивана III, кто нибудь провозгласилъ бы, что борьба съ татарами не есть „историческое призваніе Москвы“ на томъ основаніи, что современники Ярослава Мудраго ничего объ этомъ не говорили! Исторія развивается постоянно и постоянно рождаетъ новые вопросы и цѣли. Дѣйствовать *исторически* значитъ дѣйствовать съ пониманіемъ условій своего времени, т.-е. условій, созданныхъ предшествующею исторіей. Когда національный вопросъ былъ поставленъ исторіей въ западной Европѣ, Пруссія *исторически* была вовлечена въ германское движеніе, а Пьемонтъ *исторически* сталъ во главѣ Италіи. Полагаемъ, что графъ Кавуръ и князь Бисмаркъ съ улыбкою встрѣтили бы возраженіе, что „въ прежнее время“ національныя движенія не только не поощрялись, но за нихъ сажали даже на цѣпь.

Когда національный принципъ былъ провозглашенъ на западѣ Европы, онъ неизбѣжно долженъ былъ получить свое примѣненіе и на ея востокѣ, Россія неизбѣжно оказалась во главѣ движенія и окажется тамъ всякій разъ, какъ вновь подниметcя славянскій вопросъ.

Эту истину должно сознать; съ нею должно помириться. Она налагаетъ на насъ серьезныя обязанности: она требуетъ отъ насъ упорной внутренней работы надъ нашими внутренними дѣлами, она призываетъ насъ къ развитію нашего экономическаго благосостоянія, къ улучшенію условій нашей гражданской жизни.

Только этимъ путемъ мы можемъ завоевать себѣ нравственное право на первенство въ славянскомъ мірѣ. Но исключить эту истину изъ нашего сознанія мы уже не въ силахъ. Мы не можемъ *одни* вернуться къ преданіямъ меттерниховской политики, когда *все* кругомъ насъ измѣнилось.

„Наши отношенія къ славянству—читали мы на дняхъ—должны основываться на признаніи ихъ *національной личности* и *права*". Мы вполнѣ согласны съ этимъ, но желали бы, чтобъ требованіе о признаніи „національной личности и права" славянскихъ народностей было обращено не къ однимъ намъ, а ко всѣмъ державамъ западной Европы. Кто что ни говорилъ бы, вся почва Балканскаго полуострова пропитана кровью русскихъ людей, шедшихъ туда для *освобожденія* славянъ. А чѣмъ „пропитала" Балканскій полуостровъ западная Европа? Не она ли оставляла весь свой либеральный лексиконъ на границахъ Турецкой имперіи? Не она ли теперь, признавъ всю несостоятельность Турецкой имперіи, вмѣсто святого слова *освобожденіе*, произнесла братоубійственное слово *раздѣлъ*? А пока это слово останется въ политическомъ словарѣ, до тѣхъ поръ не будетъ мира на землѣ. И не мы будемъ въ томъ виновны.

ПИСЬМО

къ Высокопреосвященному Михаилу, Архіепископу Бѣлградскому, Митрополиту Сербскому.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Не имѣя чести лично быть знакомымъ Вашему Высокопреосвященству, я рѣшаюсь, однако, обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ, вызваннымъ важными причинами. Впрочемъ, едва ли обращеніе къ Вамъ незнакомаго человѣка можетъ показаться неумѣстнымъ,—въ славянскомъ дѣлѣ всѣ славяне знакомые незнакомцы.

Н. В. посѣтилъ меня въ бытность свою въ Петербургѣ. Изъ бесѣды съ нимъ, я еще болѣе убѣдился въ чувствахъ сильнаго неудовольствія, царствующаго въ сербскомъ обществѣ по отношенію къ Россіи. Это и заставляетъ меня писать къ Вамъ. Славянскій міръ долго былъ порабощенъ отъ разъединенія; онъ можетъ подняться только единеніемъ. Не *единствомъ*, говорю я, ибо единство есть связь внѣшняя, основанная на силѣ и поддерживаемая силою же. Единство—принципъ католическій, папскій. Церковь православная унаслѣдовала иное начало, начало вольнаго братскаго единенія, гдѣ не пропадаетъ ни одинъ членъ великаго тѣла; гдѣ каждый чувствуетъ свою свободу, но признаетъ и свою связь съ цѣлымъ. „Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ", говоритъ Святый Апостолъ Павелъ. „Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу?.. Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе?.. А если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно" [1]). Вотъ, высокопочитаемый Владыко, начало единенія православнаго! Католицизмъ погрѣшилъ именно тѣмъ, что въ католическомъ тѣлѣ одинъ членъ захотѣлъ быть

---

[1]) Коринө. I, гл. 12, ст. 14—20.

всѣмъ тѣломъ и прочіе члены обратить въ ничто. Римъ захотѣлъ стать всею церковью! но гдѣ же это тѣло церковное?

Да не будетъ такъ въ мірѣ православномъ и славянскомъ. То, что враги наши называютъ *панславизмомъ*, не должно быть и не будетъ соединеніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ въ одно государство.

Но не впадемъ и въ грѣхъ противоположный. Если Апостолъ запрещаетъ уху называться всѣмъ тѣломъ, то онъ запрещаетъ также говорить рукѣ: „я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ". А къ этому-то послѣднему грѣху особенно наклонны мы, славяне. Отчего Россія была завоевана татарами, какъ не отъ того, что какой нибудь князь черниговскій говорилъ: „я не принадлежу къ Руси, потому что я не князь кіевскій". Отчего погибли славянскія государства на Балканскомъ полуостровѣ, какъ не отъ того, что каждый былъ „самъ по себѣ"?

Думаете ли вы, что теперь въ эту важную для всего славянства минуту дѣло выиграетъ отъ розни и взаимныхъ нареканій? Къ нимъ я и перехожу теперь. Въ Сербіи не были довольны Санъ-стефанскимъ договоромъ; еще больше недовольны договоромъ берлинскимъ. Уже есть нѣкоторые политики, готовые сказать: „отвернемся отъ Россіи и бросимся въ объятія Австріи", т.-е. злѣйшаго и непримиримаго врага славянства, той страны, гдѣ славянство, говоря словами нашего поэта, считается „за тяжкій первородный грѣхъ".

Мнѣ кажется, что эти политики мало думали объ *историческомъ* развитіи славянскаго вопроса и не способны видѣть въ берлинскомъ договорѣ историческое, т.-е. *преходящее* явленіе.

Не скрою отъ Васъ, что Санъ-стефанскій договоръ меня не удовлетворилъ, а берлинскіе переговоры заставляли меня, да и всѣхъ русскихъ чуть не плакать отъ печали. Если Вы обратили вниманіе на правительственное сообщеніе (*Правительственнаго Вѣстника*), то Вы могли убѣдиться, что и правительство далеко не удовлетворилось результатами берлинскихъ переговоровъ. Гдѣ же довольные?

Но въ эти тяжелые для русскихъ и славянъ дни, я искалъ успокоенія въ размышленіи о судьбахъ славянскаго вопроса и пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которыми считаю небезполезнымъ подѣлиться съ Вашимъ Высокопреосвященствомъ.

Славянскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи *національнаго* начала, т.-е. того начала, которое дало жизнь Италіи и Германіи въ наши дни. Коренной недостатокъ берлинскаго договора состоитъ именно въ томъ, что онъ отвергъ это начало и далъ мѣсто чисто искусственнымъ политическимъ комбинаціямъ. Но можно ли сваливать всю вину на русскую политику? Можно ли говорить о предательствѣ, объ обманѣ, о своекорыстіи? Разсудимъ хладнокровно.

38*

Для того, чтобы политика извѣстнаго государства руководствовалась національнымъ началомъ, необходимо, чтобы оно было сознано во всей его полнотѣ и чистотѣ. Но этого сознанія въ славянскомъ мірѣ вообще и въ Россіи особенно я не вижу до настоящихъ дней.

Колебательную политику нашего времени любятъ сравнивать съ рѣшительными дѣйствіями, напримѣръ, Екатерины II. Но неужели Вы, Ваше Высокопреосвященство, не видите всей несостоятельности такого сравненія?

Во времена Екатерины II не только не было сознанія національнаго начала, но самый національный вопросъ не возникалъ, ни въ жизни, ни въ теоріи. Во времена Екатерины сами *славяне* не имѣли представленія о своемъ единствѣ и если симпатизировали другъ другу, то въ качествѣ *единовѣрцевъ-христіанъ*. Борьба Екатерины II съ Портою была борьба русскаго *государства* съ турецкимъ *государствомъ*, хотя къ этой борьбѣ примѣшивалось попеченіе о *христіанахъ*. Но подъ именемъ христіанъ разумѣлись одинаково и *славяне* и *греки*. Скажу больше: греки, въ силу воспоминаній о погибшей Византійской имперіи, стояли на первомъ планѣ, а славяне смѣшивались съ греками. Когда Екатерина расшатала Турцію, когда, увлеченная своими побѣдами, она придумывала, чѣмъ замѣнить Порту, отвѣтъ былъ готовъ: Турцію должна замѣнить *Византійская имперія*, возстановленная изъ своихъ развалинъ. Такова была мысль Екатерины II и Потемкина. Гдѣ же здѣсь *славянская* идея?

Обратитесь къ временамъ Александра I. Внукъ Екатерины II, онъ унаслѣдовалъ отъ нея борьбу съ Турціею. Онъ думалъ о *христіанахъ* Балканскаго полуострова; на Вѣнскомъ конгрессѣ онъ пытался поднять вопросъ о судьбѣ турецкой райи. Но о славянахъ не было произнесено ни единаго слова.

Императоръ Николай остался въ кругу тѣхъ же идей. Документально извѣстно, что и онъ, въ минуты турецкихъ кризисовъ, возвращался къ мысли о Византійской имперіи, съ греческимъ королемъ Оттономъ во главѣ.

Въ наше время правительственная мысль не могла уже остаться *вполнѣ* въ кругу прежнихъ представленій. Планы Екатерины II и Николая I вполнѣ соотвѣтствовали *прежней* системѣ европейскихъ государствъ, системѣ механической, искусственной, опредѣленной цѣлями пресловутаго *политическаго равновѣсія*. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы славянская идея не дѣлала извѣстныхъ успѣховъ и въ то время. Покровительство, оказываемое „христіанамъ" Балканскаго полуострова, ихъ освободительная борьба съ Турціею, совершавшаяся подъ эгидою Россіи, вызывали къ жизни заживо погребенныя народности, подготовляли ихъ самостоятельное бытіе въ

будущемъ. Войны съ Турціею сближали насъ, русскихъ, съ нашими южными братьями. Мы начинали понимать, что подъ нарицательнымъ названіемъ „христіанъ“ слѣдуетъ разумѣть не однихъ грековъ, но и другія болѣе близкія намъ племена. Тѣмъ не менѣе, во все это время, славянская идея выступала анонимно, или, лучше сказать, подъ *чужимъ* именемъ, подъ именемъ „греческаго“ дѣла или общехристіанскаго.

Послѣ Крымской войны настали новыя времена. Принципъ народностей, загнанный въ эпоху меттерниховской политики вглубь тайныхъ обществъ, въ пещеры карбонаріевъ, вышелъ на свѣтъ Божій и сдѣлался краеугольнымъ камнемъ политики такихъ трезвыхъ государственныхъ людей, какъ графъ Кавуръ и князь Бисмаркъ.

Россія пережила эпоху возрожденія Италіи и объединенія Германіи. Національный принципъ былъ услышанъ нами не изъ устъ гонимыхъ карбонаріевъ или робкихъ нѣмецкихъ патріотовъ, а изъ устъ величайшихъ государственныхъ людей нашего времени; его комментировали не страстныя, но безсильныя рѣчи Мадзини и ораторовъ франкфуртскаго парламента, а громъ пушекъ подъ Маджентой, Сольферино, Кенигтрецомъ, Гравелотомъ, Рейхсгофеномъ и Седаномъ.

Объединеніе Италіи и Германіи сдѣлало возможнымъ и необходимымъ провозглашеніе національнаго принципа и для міра славянскаго. Когда весь европейскій міръ перестраивается по новому принципу, во имя вновь сознаннаго права, то гдѣ же основаніе отрицать это право и для другихъ народовъ, столь же христіанскихъ, столь же европейскихъ, какъ и сама Европа?

Дѣйствіе этихъ идей не замедлило отразиться и на ходѣ послѣднихъ событій. Когда въ 1876 г. Сербія объявила войну Турціи, русское общество кинулось помогать сербамъ, именно какъ *сербамъ*, какъ народу славянскаго племени, какъ *братьямъ*, не прикрывая ихъ именемъ „христіанъ“, а тѣмъ болѣе „грековъ“.

Послѣ объявленія войны, русскіе знали, что они идутъ сражаться за *славянское* дѣло.

Въ политикѣ и объявленіяхъ нашего правительства Вы могли замѣтить то же самое. Сравните прокламаціи Николая I съ манифестами нынѣ царствующаго Государя. Тамъ—ни слова о славянахъ; здѣсь славянское дѣло выдвинуто на первый планъ. Правда, слова „единовѣрный, христіане“ повторяются и здѣсь преимущественно передъ „единокровный“ и „славяне“. Но Вы невольно чувствуете, что эти слова употребляются по разсчету, изъ уваженія къ Австріи и къ Англіи, къ Европѣ, гдѣ славянство признается за „тяжкій первородный грѣхъ“. Но всѣ мы чувствовали и понимали, что̀ слѣдуетъ

разумѣть подъ словомъ „христіане“, когда оно исходило изъ устъ Александра II.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы принципъ народности овладѣлъ вполнѣ и могъ овладѣть въ данную минуту нашею политикою. Мы живемъ въ переходное время, когда новое не вступило еще во всѣ свои права, а старое еще живо и хочетъ дѣйствовать на ряду съ новымъ. Принципъ народности продолжаетъ уравновѣшиваться преданіями старой государственной системы, старыхъ дипломатическихъ счетовъ и разсчетовъ; принципъ освобожденія борется съ принципомъ равновѣсія, Кавуръ съ Меттернихомъ, Хомяковъ съ Нессельроде.

Вотъ гдѣ первый источникъ несовершенно-послѣдовательной, часто колебательной политики дипломатіи. Но несправедливо было бы искать его въ „коварствѣ“ или „макіавеллизмѣ“, какъ это любятъ дѣлать въ настоящее время. Положа руку на сердце, Вы можете сказать, что мы грѣшили скорѣе откровенностью, чѣмъ „макіавеллизмомъ“,

Во-вторыхъ, должно принять въ разсчетъ, что Европа относится къ славянскому міру иначе, чѣмъ къ любому западно-европейскому государству. Если по отношенію къ Италіи она усвоила точку зрѣнія Кавура, то къ славянству она относится, какъ Меттернихъ. Она признаетъ, что западныя европейскія государства должны быть устроены по національному началу, но для славянъ она считаетъ вполнѣ цѣлесообразнымъ государство искусственное, государство старой школы. Почему это такъ, Вы понимаете лучше меня. Стоитъ только вдуматься въ существо австрійскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ „интересовъ“, чтобы понять это.

Если, такимъ образомъ, Россія явилась на Берлинскомъ конгрессѣ на-половину Хомяковымъ и на-половину Нессельроде, то Европа выступила тамъ чистымъ, безпримѣснымъ Меттернихомъ и заставила Россію сдѣлать извѣстныя Вамъ уступки. Но важно уже то, что вся Россія и русское правительство видятъ въ статьяхъ берлинскаго договора именно рядъ *уступокъ* и уступокъ именно всеевропейскому Меттерниху. Печальный для данной минуты берлинскій договоръ будетъ содѣйствовать нашему національному сознанію.

Наконецъ, самая важная бѣда въ томъ, что славянская идея не укрѣпилась въ нашемъ обществѣ. На общемъ фонѣ народовъ мы различаемъ уже другъ друга; мы не смѣшаемъ уже славянина съ грекомъ или словака съ венгерцемъ. Но близости, близости непосредственной у насъ мало. Если бы сербы лучше знали русскихъ и нашу исторію, они не посылали бы намъ незаслуженныхъ обвиненій. Они понимали бы, почему въ 1878 году явился берлинскій

договоръ, и не видѣли бы въ немъ „предательства". Напротивъ, они въ войнѣ 1877 года увидѣли бы плодъ несомнѣннаго успѣха народной идеи сравнительно съ временами прошлыми. Они поняли бы, что именно теперь настало время истиннаго сближенія съ русскимъ обществомъ, время единенія, а не пора раздора.

Съ этимъ я и обращаюсь къ Вамъ, Ваше Высокопреосвященство. Наставьте лучшихъ людей Сербіи, благословите ихъ въ путь въ Россію; пусть они узнаютъ, какъ бьется русское сердце; пусть они услышать, какъ думаетъ русскій народъ, никогда ихъ не выдавшій и всегда готовый встать на защиту славянскаго дѣла. Тогда они поймутъ, что берлинскій договоръ только *моментъ* въ развитіи славянскаго вопроса, что всѣ колебанія политики суть только временныя задержки на пути, по которому насъ ведетъ рука Всемогущаго. Узнавъ Россію, они *повѣрятъ* въ будущность всего славянства. А это главное.

23 сентября 1878 г.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

ПИСЬМО КЪ И. С. П.

ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКАГО ВОПРОСА.

Милостивый Государь! Позвольте принести Вамъ искреннюю благодарность за Ваше сочувственное письмо, даже свыше мѣры превозносящее мои наброски по славянскому вопросу. Можетъ быть, Вамъ пришлась по душѣ ихъ искренность; во имя этой искренности я позволяю себѣ высказать нѣсколько соображеній по поводу присланныхъ Вами статей.

Я вполнѣ согласенъ, что выходки *Московскихъ Вѣдомостей* противъ польскаго общества крайне безтактны и несвоевременны. Безтактны потому, что ихъ противники не могутъ, со всею откровенностью, привести своихъ аргументовъ противъ г. Каткова. Несвоевременны потому, что затѣвать новую „свару" въ славянскомъ мірѣ, въ данную особенно минуту, ужасно безтолково.

Въ своихъ писаніяхъ я систематически воздерживался отъ польскаго вопроса въ славянскомъ дѣлѣ. Возбужденіе такого вопроса въ данную минуту страшно осложнило бы и безъ того сложныя обстоятельства. Притомъ, дѣло поставлено теперь такъ, что въ возбужденіи вопроса польскаго не предвидится нужды. Рѣчь въ данную минуту идетъ *объ улучшеніи участи балканскихъ христіанъ*, а это дѣло необходимо отличать отъ такъ называемаго *славянскаго вопроса*, который и шире и глубже дѣла балканскихъ христіанъ.

Конечно, оба вопроса находятся въ тѣсной связи между собою. Если „улучшеніе быта" балканскихъ христіанъ удастся, если они добьются хотя нѣкоторой самостоятельности, вопросъ славянскій уже будетъ поставленъ. Славянскія провинціи Турціи, при несомнѣнномъ трудолюбіи и природныхъ способностяхъ ихъ жителей, будутъ на-

ливаться силою, а гнилое дупло—Турція, будетъ гнить еще больше, пока вовсе не свалится. Какъ только на мѣстѣ этого трупа явятся независимыя христіанско-славянскія державы, вопросъ о политическомъ будущемъ славянъ венгерскихъ и австрійскихъ возстанетъ самъ собою. Вотъ къ какому моменту нужно готовиться польскому обществу, вотъ о чемъ ему слѣдуетъ серьезно подумать!

Позвольте сказать Вамъ, что присланный Вами переводъ двухъ статей изъ *Газеты Польской* нисколько не доказываютъ, что польская интеллигенція хоть сколько нибудь достигла до разумѣнія славянскаго вопроса. Одна изъ этихъ статей довольно голословно опровергаетъ голословныя же обвиненія *Московскихъ Вѣдомостей*. Другая, болѣе основательная, вѣрно указываетъ, что поляки слишкомъ долго надѣялись на иноземные „союзы“ то съ бонапартистско-клерикальною Франціею, то съ иными, также сомнительными друзьями. Намъ нужно, говоритъ статья, надѣяться на свои собственныя силы.

Совершенно вѣрно. Но для чего понадобятся эти „собственныя силы?“ Какое употребленіе дастъ имъ польское общество безъ истиннаго разумѣнія конечной цѣли своего развитія? На этотъ вопросъ обѣ статьи не отвѣчаютъ даже намекомъ. Въ нихъ рельефно проглядываютъ два чувства, которыми живетъ современный полякъ: чувство самосохраненія и чувство разочарованія. Полякъ боится дальнѣйшаго развитія стѣснительныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ за событіями 1863 года; поэтому онъ старается выказать свою благонадежность, такъ сказать, и устранить отъ себя упрекъ въ какихъ либо „тенденціяхъ“. Съ другой стороны, польское общество разочаровалось въ европейскихъ благодѣтеляхъ, надувавшихъ его самымъ безжалостнымъ образомъ. Оно убѣдилось, наконецъ, что Франція не пойдетъ съ „двунадесятью языками“ возстановлять Польшу въ границахъ 1772 года.

Но ни чувство разочарованія, ни болѣе содержательное чувство самосохраненія не даютъ, однако, *содержанія* общественной жизни. Польское общество должно возвыситься до разумѣнія своего положенія въ *славянскомъ* мірѣ, сознать себя, какъ часть *этого* міра, и идти заодно съ нимъ.

А этого я до сихъ поръ не вижу. Польша предала себя западной Европѣ больше, чѣмъ какое-нибудь славянское племя. Нигдѣ католицизмъ и католическая церковь не тиранствовали такъ, какъ здѣсь. Нигдѣ панство до такой степени не уподоблялось феодальной аристократіи, какъ въ Польшѣ. Никогда, въ эпоху высочайшаго могущества Польши, отъ нея не исходило попытки хоть сколько нибудь улучшить участь угнетенныхъ славянскихъ народовъ. Напротивъ: среди православныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ она разыгры-

вала роль турокъ и венгровъ. Ея іезуиты ничѣмъ не лучше софтовъ и башибузуковъ.

Изъ Вашего письма я вижу, что Вы нѣсколько знаете польскій бытъ. Скажите откровенно не мнѣ, а самому себѣ—эти католическіе, панскіе и прочіе идеалы вымерли ли въ Польшѣ современной? Еще въ 1867 году, въ германскомъ рейхстагѣ, познанскій депутатъ Неголевскій поставилъ Польшѣ въ величайшую заслугу, что она служила нѣкогда оплотомъ Европы противъ *Россіи*.

Только тогда, когда польское общество пойметъ, что оно есть часть славянскаго міра, что, въ сущности, вся Европа относится къ Польшѣ такъ же, какъ и къ Россіи, т.-е. съ злобою и презрѣніемъ, что если разные европейскіе политики наигрываютъ на „польскомъ вопросѣ", то вовсе не ради Польши, а въ видѣ угрозы для *нашего отечества*—тогда, говорю я, наступитъ для него минута истиннаго отрезвленія.

Коротко говоря, польское общество должно сознать себя какъ часть славянской національности, а отъ этого сознанія оно еще страшно далеко. Поляки мечтаютъ не о *народности* своей, а о польскомъ *государствѣ*, построенномъ, какъ Вамъ извѣстно, на *подчиненіи* цѣлой массы православнаго люда сравнительно небольшому числу поляковъ. Вотъ что̀ губитъ польское общество, вотъ что̀ заставляетъ русскихъ подозрительно относиться къ каждому движенію на берегахъ Вислы. *Государственный* вопросъ между Россіею и Польшею уже рѣшенъ. Старой „Рѣчи-Посполитой" уже не будетъ и быть не можетъ именно во имя національнаго начала. Мы не отдадимъ Малороссіи, нашего Кіева, нашей Волыни, нашихъ бѣлоруссовъ подъ ярмо господствующихъ классовъ Польши. Мы, а не они, надѣлили крестьянъ землею и освободили крестьянскую личность.

Но затѣмъ остается вопросъ о сохраненіи народности польской въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она въ самомъ дѣлѣ является преобладающею. Пусть подумаютъ поляки, въ какомъ союзѣ сохранится ихъ народность—въ союзѣ ли съ иноземными благодѣтелями, или съ Россіею, которая не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ державою *славянскою?*

Вотъ на какой почвѣ и при какихъ условіяхъ можетъ состояться дѣйствительное сближеніе съ обществомъ русскимъ общества польскаго. Si oui, oui—si non, non.

Извините, что письмо мое вышло такъ длинно. Но Ваше искреннее отношеніе къ славянскому дѣлу дало мнѣ на это право. Когда настанетъ время, я постараюсь высказать тѣ же мысли и въ печати.

7-го декабря 1876 года.

ПО ПОВОДУ
ПОЛЬСКАГО ЛЕГІОНА ВЪ ТУРЦІИ.

Недавно телеграфъ извѣстилъ наше общество о событіи весьма серьезномъ—болѣе серьезномъ, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Именно телеграфъ повѣдалъ намъ, что Порта намѣрена образовать „польскій легіонъ“ въ 40.000 человѣкъ и что начало этому легіону уже положено.

Папа благословилъ знамя Лангевича; первосвятитель католической церкви протянулъ руку турецкому султану, а свободолюбивая польская эмиграція побраталась съ башибузуками. Удивляться этому нечего. Всѣ гнилые и темные элементы Европы встали какъ одинъ человѣкъ противъ того, что они считаютъ своимъ общимъ врагомъ—противъ Россіи и славянства.

Одни и тѣ же чувства вдохновляютъ и торійскій кабинетъ Биконсфильда, и венгерскихъ магнатовъ, и „ватиканскаго узника“, и польскихъ выходцевъ. То же чувство, та же злоба прорываются и въ нотѣ графа Дерби, и въ папской аллокуціи 1-го мая, и въ возгласахъ буда-пештской молодежи. Католическая Европа клянетъ „схизматиковъ“, не признающихъ власти папы; торійская Англія клянетъ „соціалистическое“ славянство; венгерская аристократія громитъ славянскую демократію; польская эмиграція опрокидывается на „быдло“, поддерживаемое ненавистною Россіею.

Все это неудивительно, этого всегда нужно было ожидать. Но серьезная сторона дѣла заключается вовсе не въ этомъ. Порта хочетъ образовать польскій легіонъ въ 40.000 человѣкъ. Но отъ хотѣнія до дѣла—разстояніе большое. Если въ 1863 году, при полномъ напряженіи всѣхъ польскихъ силъ, полякамъ не удалось выставить

въ поле порядочной арміи, то откуда же Порта наберетъ 40.000 польскихъ волонтеровъ? Не придется ли ей комплектовать этотъ „легіонъ“ своими башибузуками? Не будутъ ли разные беки и беги разыгрывать роль Дембинскихъ, Сѣраковскихъ, Калиновскихъ и иныхъ?

Конечно, этотъ печальный маскарадъ не долженъ срамить насъ. Печально развѣ то—разумѣется не для насъ, а для польской эмиграціи—что нынѣшній „диктаторъ“ Польши, гр. Платеръ, рѣшился дать польское имя глупой турецкой затѣѣ. Вл. Чарторыскій, свергнутый съ своего эфемернаго престола, вѣроятно, не рѣшился бы на такой пассажъ.

Для насъ, повторяю, важно не это; важно то, что въ данную, великую для славянства минуту, мы должны сознательно и трезво опредѣлить наши взаимныя отношенія. А этого до сихъ поръ не сдѣлано. Знаемъ ли мы, какое движеніе совершается теперь въ польскихъ умахъ? Знаемъ ли мы, что̀ чувствуютъ поляки, которыхъ такъ много въ нашемъ отечествѣ?

Предъ нашимъ воображеніемъ еще носится Польша 1863 г., неисправимая заговорщица, вздыхающая о границахъ 1772 г., Польша, слоняющаяся по всѣмъ западнымъ дворамъ и проповѣдующая крестовый походъ противъ Россіи, Польша, подстрекаемая Бонапартами и ласкаемая въ англійскомъ парламентѣ. Цѣла ли *эта* Польша? Если судить по остаткамъ 1863 года, по тѣмъ экземплярамъ, которые и намъ приходилось встрѣчать, она цѣла. Можетъ быть, изъ нея и составится часть пресловутаго турецкаго легіона. Но развѣ, кромѣ этой Польши, нѣтъ никакой другой? Развѣ въ эти 15 лѣтъ не наросло другого поколѣнія съ инымъ образомъ мыслей?

Вотъ вопросъ, очень важный и вовсе не изслѣдованный нашею литературою. Этимъ и объясняется та запальчивость, съ которою нѣкоторыя газеты высказались по поводу слуховъ о польскомъ легіонѣ. Одна газета рискнула даже заявить такую мысль:

„Никто не можетъ помѣшать польскимъ легіонерамъ сражаться за одно съ турками дѣло; но русскія военныя власти имѣли бы полное право объявить ихъ стоящими *внѣ закона военноплѣнныхъ*!“

Прискорбное восклицаніе! Или мы гунны? Или мы турки? Такими „мыслями“ можно только повредить нашему святому дѣлу. Взаимное раздраженіе, въ данную минуту, можетъ имѣть грустныя послѣдствія. Россія выступила впередъ какъ славянская и христіанская держава, и наше дѣло поставить всѣ вопросы честно и откровенно. Къ этому есть теперь полная возможность, въ виду нѣкоторыхъ событій, весьма важныхъ.

Намъ приходилось знакомиться съ нѣкоторыми представителями

нынѣшней польской молодежи, съ мнѣніями нѣкоторыхъ газетъ. Изъ знакомства съ тѣми и другими можно вынести такое впечатлѣніе. *Польша силится возвратиться домой.* Сейчасъ объясню смыслъ этого выраженія.

Съ тѣхъ поръ, какъ Рѣчь-Посполитая стала клониться къ упадку, ея внутреннія дѣла постоянно направлялись соображеніями и даже силами внѣшней политики. Каждая изъ партій, боровшихся за королевскую власть, искала опоры заграницею; каждое изъ сильныхъ иностранныхъ государствъ участвовало въ избраніи короля и затѣмъ во внутренней его политикѣ. Въ Польшѣ завелись партіи: французская, австрійская, бранденбургская и т. д. Извѣстно, къ чему привели эти партіи. Послѣ паденія Польши, всѣ надежды польскихъ патріотовъ были перенесены на далекій Западъ. „Полякамъ, казалось,—писала недавно одна польская газета,—что всѣ европейскіе престолы заняты Собѣскими, готовыми, по первому призыву, явиться въ Варшаву и защищать Польшу". Извѣстно, однако, что всѣ эти „Собѣскіе" обманывали Польшу, начиная съ перваго — Наполеона старшаго. Правда, послѣ революціи 1830 года, французская палата депутатовъ постоянно помѣщала въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь извѣстную фразу о Польшѣ. Правда, каждый либеральный французскій публицистъ считалъ своею обязанностью наговорить Россіи множество непріятностей по поводу Польши. Въ угоду польской идеѣ, теорія Духинскаго о туранскомъ происхожденіи Россіи получила доступъ во французскія школы. 15 мая 1848 года, цѣлыя толпы народа вломились въ зданіе національнаго собранія съ полонофильскими восклицаніями. Наполеонъ III и особенно его доблестный „кузенъ", принцъ Наполеонъ, постоянно оживляли надежды польской эмиграціи. Чѣмъ же все кончилось?

Въ 1863 году, для европейскихъ друзей Польши настала минута осуществить свои обѣщанія. Но все разрѣшилось, и ничѣмъ инымъ разрѣшиться не могло, какъ смѣшнымъ дипломатическимъ походомъ на Россію. Сотни, даже тысячи горячихъ головъ, повиновавшихся таинственнымъ знакамъ изъ Парижа, или погибли въ лѣсу, съ оружіемъ въ рукахъ, или влачили жалкое существованіе въ ссылкѣ. Всѣ европейскіе союзы оказались мечтою. Tous se ruinent à promettre, et s'acquittent à ne rien tenir, замѣтила одна польская газета.

Кровавый призракъ 1863 года, самъ по себѣ, способенъ былъ отбить охоту къ возстановленію Польши при помощи европейскихъ кабинетовъ. Опытъ ясно показалъ, что „польскій вопросъ" былъ *орудіемъ* въ рукахъ разныхъ дипломатовъ, орудіемъ, направленнымъ не въ пользу Польши, о которой никто не думаетъ серьёзно, а про-

тивъ Россіи, что̀ далеко не одно и то же. Но разочарованія, какъ бы они ни были сильны, никогда не приносятъ полнаго отрезвленія. Какъ ни обманчивы увѣренія разныхъ кабинетовъ, но вѣра, особенно вѣра, укрѣпленная многолѣтними иллюзіями и привычками, упорна. Еслибъ положеніе Европы не измѣнилось радикально, польское общество, попрежнему, прислушивалось бы къ говору европейской печати, сторожило бы каждое слово выдающагося оратора или болтливаго дипломата и вѣрило бы, вѣроятно, до одуренія, до самозабвенія. Но событія послѣднихъ десяти лѣтъ измѣнили *положеніе* Европы, измѣнили его до такой степени, что никакимъ иллюзіямъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Франція—этотъ первый и самый пылкій сторонникъ Польши—потеряла свое первенствующее мѣсто въ Европѣ. Наполеониды, шевелившіе польскій вопросъ въ видѣ угрозы Россіи, подобно тому, какъ они ворочали краснымъ призракомъ ради устрашенія французской буржуазіи, сошли со сцены. Сама Франція поняла, наконецъ, что союзъ съ польскою эмиграціею обходится ей немного дорого, и что передѣлки европейской карты кончились легкою передѣлкою карты французской. Франція желаетъ посидѣть дома, гдѣ ей довольно дѣла.

Затѣмъ, между Франціею и Польшею воздвиглась громадная Германская имперія, построенная чисто и ясно на принципѣ *нѣмецкой народности*. Этотъ принципъ проведенъ здѣсь строго и безъ всякихъ колебаній. Польскія провинціи Пруссіи, не входившія въ составъ прежняго Германскаго союза (1815—1866 г.), теперь включены въ составъ имперской территоріи и включены безповоротно. Каждый клочекъ имперской земли будетъ охраненъ всею силою, страшною силою *всей* Германіи. Прежде баварецъ, саксонецъ, ган峰верецъ и т. д. могли сказать, что имъ нѣтъ дѣла до польскихъ, т.-е. не-нѣмецкихъ земель Пруссіи. Теперь вся нѣмецкая армія, по первому знаку императора, *обязана* будетъ двинуться на востокъ, если Познани придетъ въ голову „выйдти“ изъ имперскаго союза. Польскія провинціи Пруссіи сдѣлались *нѣмецкими* землями и сдѣлались ими не въ шутку, не de jure только, а и de facto, при чемъ это „de facto“ является результатомъ значительнаго онѣмеченія провинцій и колоссальной военной силы Германіи.

Не въ авантажѣ находится и другой союзникъ польской эмиграціи—католическій клерикализмъ. Прежде польскіе публицисты могли возбудить не мало симпатій къ своему дѣлу возгласами о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ, будто бы, католическою церковью въ Россіи. Либеральная Европа, обсуждавшая дѣло исключительно съ формальной и довольно отвлеченной точки зрѣнія свободы совѣсти, била въ набатъ. Но теперь она сама ведетъ свой „культуркампфъ“ противъ

плотнаго союза клерикаловъ. „Желѣзный канцлеръ“ первый повелъ атаку. Германская нація на дѣлѣ увидѣла, что многія изъ тѣхъ дѣйствій, которыя она прежде считала порывами „свободы совѣсти“, суть явныя поползновенія къ *преобладанію*, къ *владычеству* не только духовному, но и свѣтскому. Сопоставляя поведеніе своихъ епископовъ съ тѣмъ, что̀ дѣлало польское духовенство въ 1861—1863 годахъ, она пришла къ иной оцѣнкѣ поведенія послѣдняго. Настала очередь и Франціи. И здѣсь молодая республика трепещетъ отъ происковъ „черныхъ“. „Клерикализмъ—вотъ настоящій врагъ!“ воскликнулъ недавно Гамбетта, вторя Бисмарку. Наконецъ, это зрѣлище папы, благословляющаго знамя, подъ которымъ отребье польской эмиграціи будетъ сражаться за исламъ, развѣ это не позоръ для христіанскаго міра, развѣ это не раскроетъ глаза всѣмъ, у кого голова и сердце на мѣстѣ?

Я назвалъ клерикализмъ союзникомъ польской агитаціи. Это выраженіе должно взять назадъ. Нѣтъ, не союзника, но безсердечнаго подстрекателя польскихъ женщинъ и юношей нужно видѣть въ клерикализмѣ. Не для блага и не для свободы Польши поднимался восьмиконечный крестъ и слались благословенія изъ Ватикана, а для той же завѣтной цѣли папства, для безграничнаго и безусловнаго владычества надъ міромъ, обращеннымъ въ безсмысленное и безсловесное стадо. Что̀ дала клерикальная пропаганда Польшѣ? Не она ли воздвигла кровавое и безсмысленное гоненіе на православную Малороссію, отпавшую, наконецъ, отъ Рѣчи-Посполитой? Она создала диссидентскій вопросъ; она не дала слиться побѣдителямъ-полякамъ съ православнымъ русскимъ населеніемъ; она задавила въ Польшѣ зачатки свободнаго просвѣщенія и, вмѣсто всѣхъ человѣческихъ чувствъ, воспитывала и воспитываетъ лишь чувство злобы и мщенія. Она, послѣ паденія Польши, вложила ей свое знамя, не какъ знамя мира, а какъ знакъ вражды вѣчной, непримиримой. Проповѣдуя мятежъ, посылая сотни юношей на явную гибель, она имѣла смѣлость прикрываться громкимъ словомъ „свободы вѣры“. Теперь, когда событія заставили ее быть откровенной, она беззастѣнчиво выступила врагомъ всего, что̀ дорого европейскому человѣчеству. Можно ли ей вѣрить? Войдите же въ чувство польскаго общества, пережившаго событія послѣднихъ десяти лѣтъ. Или вы думаете, что оно не чувствовало и не думало? Что оно не извѣрилось въ европейскіе союзы, что оно не относится критически къ глаголамъ „ватиканскаго узника“ и его орудій? Страшно подумать о томъ, сколько чувствующій и думающій полякъ долженъ былъ пережить за это время, и многое свидѣтельствуетъ объ этомъ разочарованіи, объ этомъ исканіи новыхъ путей.

Не станемъ же обращать вниманія на турецкихъ „легіонеровъ“. Пусть эти жалкіе остатки былыхъ временъ кончаютъ свой вѣкъ, какъ имъ угодно. Пусть они услаждаютъ свою ненависть къ Россіи и гибнутъ въ турецкихъ рядахъ подъ презрѣніемъ всего истинно просвѣщеннаго человѣчества. Намъ важны не они, а важна и дорога та Польша, что осталась у насъ, Польша, переживающая серьёзный нравственный кризисъ. Вотъ къ кому нужно придти на помощь. „Недуженъ быхъ и посѣтисте мя!“

Нынѣшняя Польша поставлена между двоякимъ движеніемъ: между завершающимъ свое національное развитіе міромъ германскимъ и начинающимъ свою политическую жизнь міромъ славянскимъ. Съ каждымъ годомъ вопросъ становится опредѣленнѣе и яснѣе. Куда идти польскому обществу? Хочетъ ли оно сдѣлаться частью міра германскаго, увеличить собою территорію сосѣдней имперіи, усвоить ея учрежденія, заговорить ея языкомъ, т.-е. прекратить свое существованіе въ качествѣ не только польскаго племени, но и славянской народности? Или оно, послѣ долгихъ скитаній по бѣлу-свѣту, возвратится къ себѣ домой, пожелаетъ жить не мечтаніями о старомъ польскомъ государствѣ, а своими дѣйствительными интересами, въ живомъ общеніи со всѣмъ славянствомъ.

Всякій, кому дороги интересы Россіи, пользы славянства, обязанъ сознать важность настоящей минуты. Польскому обществу необходимо открыть всѣ пути къ примиренію и соглашенію. Какъ это сдѣлать путемъ законодательныхъ, административныхъ и общественныхъ мѣръ—теперь не время говорить. Первая злоба нашего дня—война, начатая съ Турціею, для освобожденія подъяремныхъ христіанъ. Но и въ эту минуту, когда все наше вниманіе поглощено военнымъ вопросомъ, есть одна „практическая“ мѣра относительно польскаго общества. Мѣра эта—воздержаніе отъ всякихъ неумѣстныхъ выходокъ, затрогивающихъ народную честь, отъ всякихъ оскорбительныхъ намековъ, отъ всякихъ заподозрѣваній и огульныхъ обвиненій. Словомъ и дѣломъ мы должны дать понять польскому обществу, что если Богъ благословитъ наше оружіе, если мы выйдемъ побѣдителями изъ всѣхъ затрудненій, польская народность, наравнѣ съ другими славянскими народностями, найдетъ въ насъ надежную опору для всѣхъ ея законныхъ стремленій и готовность принять протягиваемую намъ руку. Будущее покажетъ, что̀ и въ какихъ предѣлахъ можемъ мы сдѣлать для взаимнаго соглашенія и умиротворенія. Грядущія событія укажутъ мѣру взаимныхъ уступокъ и опредѣлятъ нашъ modus vivendi. Теперь нужно только понять „форму и давленіе времени“, говоря словами поэта. Остальная вся приложатся намъ.

Можетъ быть, все, что̀ здѣсь написано, сочтутъ за утопію. Но

утопія эта продиктована привязанностью къ славянскому племени, со всѣми его отпрысками, желаніемъ, чтобъ кончилась когда нибудь эта рознь, постоянно губившая славянскій міръ на радость и пользу его враговъ, чтобъ этотъ міръ всталъ, наконецъ, въ сознаніи своего нравственнаго единства, не какъ угроза для Европы, а какъ вольный и полноправный членъ великой европейской семьи.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

Отвѣтъ на письмо эмигранта. (См. № 148 *С.-Петерб. Вѣдом.*) [1].

Изъ далекаго изгнанія вы отозвались на слово примиренія; вы обратились ко мнѣ съ письмомъ, проникнутымъ мыслью о соглашеніи и единеніи. Эта мысль одухотворяетъ васъ; вамъ уже видится великая, свѣтлая будущность польской народности, въ ея единеніи съ Россіею и славянствомъ. Въ частномъ письмѣ ко мнѣ, вы говорите: „Можетъ быть, суждено вамъ и намъ содѣйствовать самому громадному происшествію въ славянскомъ мірѣ—*примиренію Россіи съ Польшею*“. Вы сознаете необходимость такого примиренія. „Съ 1870 года, сказано въ вашей статьѣ, мы прозрѣли окончательно, понявъ, что сохраненіе нашего *славянскаго* быта отнынѣ подчинено условіямъ славянской общности, силы и замкнутости“.

Вы легко поймете, съ какими чувствами должны отнестись къ такимъ заявленіямъ мы, взросшіе въ этихъ мысляхъ и чувствахъ? Если я позволяю себѣ отвѣчать на ваше письмо, то вовсе не ради полемики. Мы стоимъ на одной и той же почвѣ. Мнѣ хотѣлось бы только комментировать вашу статью, договорить недосказанное, вызвать новыя заявленія. Переживаемая нами минута слишкомъ важна, чтобы не воспользоваться ею во всей полнотѣ, не сдѣлать всего, что̀ есть въ нашихъ силахъ.

Примиреніе Россіи съ Польшею — вотъ тема вашей статьи. Вы справедливо утверждаете что оно необходимо, какъ для интересовъ обѣихъ странъ, такъ и для пользы всего славянства. Но условимся прежде всего въ смыслѣ самаго слова „примиреніе“. Мириться мо-

---

[1]) Въ № 148 *С.-Петерб. Вѣдом.* напечатано письмо польскихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Парижѣ, къ А. Д. Градовскому. *Ред.*

гутъ и два врага, даже оставаясь врагами. Такъ, въ 1871 году, Франція „помирилась“ съ Германіею. Два врага, ослабленные долгою борьбою, могутъ кое-какъ размежеваться, сдѣлать взаимныя уступки, устроить формальное соглашеніе, закрѣпленное договорами и... поссориться при первомъ удобномъ случаѣ. Конечно, ни вы, ни мы не можемъ имѣть въ виду такого *юридическаго* соглашенія. Ваша статья требуетъ бо̀льшаго и идетъ дальше. Въ вашей горячей и искренней рѣчи ясно выражается желаніе устранить *нравственные* мотивы раздора, видоизмѣнить самое *міросозерцаніе* русскихъ и поляковъ. Остальное все придетъ само собою. Безъ такой перемѣны самыя лучшія „юридическія“ соглашенія останутся безплодными. Въ этомъ, а не въ чемъ другомъ, состоялъ коренной порокъ системы маркиза Вельепольскаго. Она была задумана, именно, для внѣшняго примиренія двухъ враждебныхъ лагерей, притомъ въ сознаніи, что они враждебны и должны быть таковыми. Чѣмъ кончилось дѣло—вы знаете хорошо. Уступка, дѣлаемая врагу, *какъ врагу*, не способна обратить его въ друга, и система Вельепольскаго была столь же нелюбезна полякамъ, какъ „система“ Паскевича.

Вы откровенно становитесь на иную почву и ищете иныхъ путей. Вотъ ваши слова: „Мы упорно отстаиваемъ лишь право *народности*, устраняя рѣшительно все, соприкосновенное съ политикою. Мы не только кое-чему выучились, но и многое позабыли. Все, что содѣйствовало когда-то помраченію умовъ: французскія симпатіи, коварныя поощренія Англіи, вся революціонная дурь, все это отжило свое время, и мы, расплатившись честно со всѣми увлеченіями прошедшаго, готовы стать на той славянской почвѣ, за право которой ополчилась Россія“.

Нельзя требовать лучшей постановки вопроса, лучшей въ смыслѣ ясности и внутренняго достоинства. Позвольте же мнѣ остановиться на этомъ нунктѣ, ибо въ немъ, по моему мнѣнію, вся суть дѣла.

Вы заявляете, что лучшая часть польскаго общества „разсчитала политику“, и что она требуетъ только признанія законныхъ правъ польской народности. Въ этихъ словахъ—два заявленія. Одно изъ нихъ относится къ польскому обществу, которое говоритъ: „Мы отказываемся отъ мечты возстановить старое польское *государство*“. Другое заявленіе обращено къ обществу русскому; ему говорятъ: „признайте право польской *народности*“. Признайте, говорится въ вашей статьѣ, что надо же, прежде всего, покончить съ вопросомъ нашей неотвязчивой народности. Избаловали вы грековъ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ, а теперь идете освобождать болгаръ. Хвала вамъ за это. Но позвольте же полюбопытствовать: „мы-то подъ запрещеніемъ, что ли?“

Если вопросъ будетъ поставленъ или уже поставленъ на такую почву, то всѣ недоразумѣнія устраняются въ самомъ ихъ источникѣ. Начнемъ съ первой части вашей формулы, съ заявленія, что вы „разсчитали политику". Но причиною раздора между Россіею и Польшею всегда былъ только вопросъ *государственный*, а никакъ не національный. Идея, одушевлявшая польскихъ революціонеровъ, не имѣла ничего общаго ни съ правами народности, противъ которой, до 1863 года, не было принимаемо никакихъ серьёзныхъ мѣръ, ни съ такъ-называемыми идеями 1789 года, вдохновлявшими западно-европейскихъ либераловъ. Идея, двигавшая революціонерами 1830 и 1863 годовъ, не столько идея, сколько *воспоминаніе* о старо-польской державѣ, съ Литвою и Малороссіею. Рѣчь шла не о правахъ польской народности, а о томъ, кто будетъ *владѣть* тѣми мѣстностями, гдѣ польской народности очень мало—русское или польское *государство?*

Вотъ гдѣ источникъ раздора, а не въ чемъ другомъ. Въ этомъ же и коренная причина *безсилія* польскихъ революцій. Возстановленіе польскаго государства! Но какого? Польши „отъ моря до моря", отвѣчали нѣкоторые вожаки возстанія. Эту формулу нашли невозможною, даже неразумною. По-моему, это самая *разумная* формула, ибо если уже возстановлять Польшу, какъ государство, способное къ жизни, да еще при условіяхъ жизни нынѣшнихъ государствъ Европы, то возстановлять надо именно „отъ моря до моря", съ Малороссіею, Галиціею, Познанью, Восточною Пруссіею и т. д. Но гдѣ же условія для возстановленія *такой* Польши? Замѣтьте притомъ, что для Польши „отъ моря до моря" понадобились бы разныя мѣстности, никогда не бывшія подъ польскимъ владычествомъ. Не даромъ, въ 1863 году, поговаривали объ *Одессѣ*, какъ о „польскомъ" городѣ. Это совершенно логично—но и невозможно. Въ результатѣ оказалось, что польскій вопросъ есть вопросъ *мѣстный*, который только фантазія вожаковъ революціи да лукавая политика наполеонидовъ раздувала до размѣровъ вопроса міроваго.

Вы сами говорите это: „покамѣстъ мы боролись и страдали, судьба Европы потекла не узкими ручьями, а широкимъ русломъ. А мы-то боролись какъ разъ за *ручьи*. Вышло на повѣркѣ, что не быть ручьямъ, а быть могучимъ рѣкамъ".

Весь вопросъ, стало быть, въ томъ, къ какой „могучей рѣкѣ"—германской или славянской пристать вамъ? Этотъ вопросъ разрѣшаете вы сами. Вамъ, да и всякому понятно, что, попавъ въ рѣку германскую, вы лишитесь того, изъ-за чего бьется теперь сердце ваше—*народности*. А этого блага никогда не отниметъ у васъ Россія. Въ славянской рѣкѣ вы имѣете свой смыслъ, свое назначеніе и

призваніе. Гибель польской народности будетъ прямымъ ущербомъ для міра славянскаго, а для германскаго—пріобрѣтеніемъ.

Вы жалуетесь на различныя мѣры, стѣснительныя для вашей народности. „Наскучилъ намъ безконечный нашъ ропотъ, наскучили безплодныя сѣтованія, а все же мы должны отстаивать права нашей народности. Ставъ вразумительны, можетъ быть, даже черезчуръ, мы увѣрили себя, что жестокія покушенія на народность нашу были только дѣломъ размаха первой поры вашего гнѣва, но что все же вы не способны умерщвлять умышленно и устойчиво самое священное явленіе въ мірѣ—народность". Увѣряйте себя въ этомъ побольше и увѣрьтесь окончательно! Для этого не нужно большихъ усилій. Подумайте только о томъ, изъ какого источника вытекаютъ тѣ исключительныя мѣры, какія были примѣнены къ Польшѣ послѣ 1863 года? Вытекаютъ ли онѣ изъ свойствъ русскаго народнаго характера, объясняются ли онѣ нашимъ міросозерцаніемъ, нашимъ отношеніемъ къ не-русскимъ вообще?

Пусть отвѣтятъ на это поляки, жившіе въ Россіи, хотя бы въ ссылкѣ—какъ относилось къ нимъ мѣстное русское общество? Пусть скажутъ иноземцы, проживающіе у насъ—гдѣ встрѣчали они бо̀льшее уваженіе къ своей народности? Это старая истина. Нѣтъ народа болѣе способнаго уживаться со всѣми народностями, болѣе неспособнаго къ національной враждѣ, какъ именно народъ русскій. Перебирая въ головѣ всѣ воспоминанія моего дѣтства, всѣ впечатлѣнія зрѣлаго возраста, я не могу припомнить факта, въ которомъ выразилась бы принципіальная и прирожденная ненависть русскаго къ поляку! Безъ опасенія ссылаюсь на всѣхъ, знающихъ дѣло—пусть укажутъ такіе факты! Пусть скажутъ, что русскій народъ ненавидитъ поляковъ за ихъ вѣру, за ихъ языкъ, за нравы, обычаи, за все, что̀ составляетъ существо народности.

Истинная суть русскаго духа сказалась именно въ его отношеніяхъ къ балканскимъ христіанамъ, когда всѣ слои нашего общества встрепенулись, какъ одинъ человѣкъ, на защиту независимости угнетенныхъ. Вы признаете все величіе, всю святость этого движенія и спрашиваете только: „Мы-то, поляки, подъ запрещеніемъ, что ли?" Да развѣ вы не видите, что всѣ „исключительныя мѣры", на которыя вы жалуетесь, суть отраженіе той же *государственной*, а не *національной* борьбы?

Это различіе глубоко и чрезвычайно важно. Если бы всѣ означенныя мѣры были плодомъ національной вражды и народнаго характера, то въ нихъ можно бы было видѣть нѣчто роковое, неизбѣжное и непреходящее. Такъ, болгары, босняки и герцеговинцы не имѣютъ никакой надежды на смягченіе турецкаго ига, потому что

ихъ униженное положеніе въ „Оттоманской имперіи“ вытекаетъ логически изъ существа турецкаго національнаго характера и основныхъ началъ ислама. Напротивъ, въ Польшѣ, разныя чрезвычайныя и исключительныя мѣры суть средства государственной защиты, средства, объяснимыя даннымъ направленіемъ политики, опредѣленными обстоятельствами и условіями, т.-е. причинами временными и преходящими. Всѣ онѣ коренятся въ томъ, что до сихъ поръ между Россіею и Польшею лежитъ государственный вопросъ, вопросъ о томъ, кому быть — Россіи или Польшѣ, не какъ народностямъ, замѣтьте, а именно какъ государствамъ „отъ моря до моря“.

Можно жалѣть объ этихъ мѣрахъ, находить ихъ суровыми, но нельзя не видѣть истиннаго ихъ источника, нельзя смѣшивать вещей, глубоко различныхъ. Васъ поражаетъ, что Россія возвышаетъ свой голосъ за болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ и босняковъ, и что только поляки внушаютъ ей нѣкоторое опасеніе. Но сдѣлайте нѣкоторое умственное усиліе, предположите, что государственный вопросъ исчезъ изъ нашихъ счетовъ, и тогда спросите себя, уцѣлѣютъ ли всѣ эти „исключительныя мѣры“? Нѣтъ, потому что онѣ не будутъ имѣть смысла и вообще не согласны съ характеромъ русскаго народа.

Или вы думаете, что онѣ любезны намъ самимъ? Исторія всѣхъ странъ учитъ, что необходимость исключительныхъ мѣръ въ одной части государства всегда отражается на цѣломъ. Припомните, сколько вреда для нашего внутренняго развитія причинили событія 1863 года! Какъ эта плачевная борьба отразилась на ходѣ нашихъ реформъ! Да и теперь многое и многое задерживается у насъ въ виду нашихъ „западныхъ окраинъ“. Всѣ эти преграды исчезнутъ какъ дымъ при болѣе близкомъ знакомствѣ нашемъ. Вотъ чего недостаетъ намъ. Вы знаете всѣ города и уголки Европы, хотя нѣтъ того уголка, гдѣ бы васъ не обманули самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и не знаете сердца, всегда готоваго отозваться на всѣ ваши законныя нужды, раскрытаго на первое любовное слово ваше, не знаете, говорю я, сердца русскаго народа.

Вы до сихъ поръ судите о насъ по превратнымъ и лживымъ толкамъ европейской журналистики. Это и ввело васъ въ довольно странное заблужденіе. Въ статьѣ вашей вы говорите о распространеніи среди насъ какихъ-то ученій, грозящихъ русской гражданственности. Это даетъ вамъ поводъ предлагать намъ услуги польскаго консервативнаго элемента. Печальное заблужденіе! Есть у насъ послѣдователи разныхъ соціалистическихъ теорій, есть и пропагандисты. Но, во-первыхъ, ихъ гораздо меньше, чѣмъ въ той же Европѣ; во-вторыхъ, они едва ли представляютъ серьёзную опасность „гра-

жданственности". Кто эти молодые люди и въ чемъ ихъ значеніе, объ этомъ долго говорить, да врядъ ли мы и поймемъ *теперь* другъ друга. Не въ этомъ и дѣло. Но ваша ссылка на польскій консерватизмъ уже дала поводъ *Новому Времени* написать рѣзкую статью противъ вашего письма (№ 452). Конечно, это не должно смущать васъ, потому что та же газета, два-три нумера назадъ, привѣтствовала вашу статью, доказывая, что ваша программа сходится съ програмою Гильфердинга и другихъ славянофиловъ, которыхъ я имѣю честь считать своими друзьями. Но въ дѣлѣ, начатомъ вами, нужно избѣгать всякихъ недоразумѣній, способныхъ выставить васъ въ ложномъ свѣтѣ. А ихъ можно устранить только внимательнымъ изученіемъ русской жизни, въ ея *народныхъ* проявленіяхъ.

Кончаю это письмо, въ надеждѣ, что оно не будетъ послѣднимъ. Горячая искренность и честность вашей статьи даютъ мнѣ право надѣяться, что обмѣнъ мыслей, начавшійся между нами, не остановится на первомъ словѣ. Нужно, повторяю, пользоваться этимъ временемъ, чтобы высказать все, что есть на душѣ. Мы люди небольшіе, но не суждено ли намъ быть первыми каплями мощной тучи, готовой оросить нашу землю, жаждущую мира и братскаго согласія?

5-го іюня 1877 года.

ПИСЬМО КЪ Н. И. КОСТОМАРОВУ [1]).

Вы легко поймете, многоуважаемый Николай Ивановичъ, что ваше обращеніе къ „полякамъ-миротворцамъ" (*Новое Время*, № 478) не можетъ остаться безъ отвѣта. Оно подписано вами—глубокимъ знатокомъ русской и польской исторіи. Слѣдовательно, вашъ голосъ неотразимо подѣйствуетъ на многихъ и многихъ. Позвольте противопоставить ему нѣкоторыя соображенія въ пользу другого взгляда.

Ваша статья посвящена развитію слѣдующей мысли. Письма поляковъ, напечатанныя въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, разсчитаны, по вашему мнѣнію, именно на довѣрчивость и наивность русскаго общества. Опираясь на многочисленные историческіе факты, вы доказываете, что обманъ и притворство всегда были оружіемъ поляковъ противъ Россіи. Въ настоящее время они такъ же, какъ вы полагаете, воспользовались славянскимъ движеніемъ, чтобы „ввезти къ намъ троянскаго коня".

Не стану спорить, что излишняя довѣрчивость въ политикѣ неумѣстна и опасна. Мы всѣ пережили событія 1863 года и живо помнимъ, сколько бѣдъ натворила намъ эта „довѣрчивость". Не знаю только, что́ больше винить — коварство ли поляковъ или наивность русскихъ. Во всякомъ случаѣ, вы имѣли полное право отнестись съ недовѣріемъ къ письмамъ поляковъ. Право это принадлежитъ вамъ, прежде всего, какъ историку, близко знакомому со всѣми изворотами борьбы Россіи съ Польшею. Во-вторыхъ, это право дано вамъ самими авторами писемъ, такъ какъ въ ихъ заявленіяхъ, дѣйствительно, содержится нѣсколько фальшивыхъ нотъ. Позвольте мнѣ остановиться на этихъ двухъ „титулахъ" вашихъ на право не довѣрять заявле-

---

[1]) Въ № 478 *Новаго Времени* помѣщена статья Н. И. Костомарова, озаглавленная *Полякамъ-миротворцамъ*. *Ред.*

ніямъ поляковъ. Прежде всего на правѣ *историка*. Исторія показываетъ вамъ, что коварство и интриги весьма часто были оружіемъ Польши противъ нашего отечества. Отсюда вы заключаете, что и въ настоящее время поляки ухватились за славянское движеніе, какъ за новый предлогъ отвести намъ глаза и навредить впослѣдствіи. Мнѣ кажется, однако, что одно никакъ не слѣдуетъ изъ другого.

Вы предполагаете, что, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, наклонность къ обману сдѣлалась, такъ сказать, національною чертою польскаго характера. Предполагая даже, что событія послѣднихъ ста лѣтъ воспитали въ польскомъ обществѣ такія непохвальныя наклонности, нельзя, сколько мнѣ кажется, видѣть въ нихъ единственное основаніе для оцѣнки современныхъ историческихъ явленій и выводить изъ нихъ правило для нашей политики. Оставаясь на такой почвѣ, мы легко придемъ къ „философіи" одного моего знакомаго. „Жидъ, говорилъ онъ, всегда останется эксплоататоромъ, а полякъ конспираторомъ". При подобномъ взглядѣ на дѣло остается желать, чтобы еврейскій и польскій вопросы были рѣшены такъ, какъ нѣкогда вопросъ еврейскій былъ рѣшенъ въ Египтѣ—„исходомъ" непримиримаго племени въ какую нибудь новую обѣтованную землю. Но въ наше время врядъ ли можно ожидать такихъ рѣшеній. Народамъ, поневолѣ, приходится жить вмѣстѣ, а потому имъ должно думать объ установленіи какого нибудь modus vivendi. Точкою опоры въ этомъ случаѣ являются обстоятельства даннаго времени, даже данной минуты. Не относитесь пренебрежительно къ „минутѣ", иная минута больше значитъ въ исторіи народовъ, чѣмъ десятки лѣтъ вялаго и соннаго „теченія исторіи". Въ этомъ пренебреженіи къ данной минутѣ и заключается, по моему убѣжденію, недостатокъ вашего письма. Вы очень подробно остановились на исторіи польскихъ возстаній противъ Россіи, но ничего не сказали о значеніи событій послѣднихъ десяти лѣтъ для польской народности. Позвольте возстановить смыслъ этихъ событій.

Поляки мечтали о возстановленіи старой Рѣчи-Посполитой; притязанія свои въ глазахъ Европы они оправдывали тѣмъ, что нація ихъ есть какъ бы форпостъ европейской культуры противъ русскаго варварства. Не даромъ Духинскій заставилъ насъ произойдти отъ „туранскаго" племени, врага цивилизаціи. Европа вѣрила имъ или, вѣрнѣе, притворялась, что вѣритъ. Въ 1863 году, европейская журналистика гремѣла на эту тему. Вы знаете, однако, что ни одинъ солдатъ не былъ выставленъ Европою на защиту своего „форпоста". Напротивъ, въ 1867 году, польскія провинціи Пруссіи были включены въ составъ Сѣверо-Германскаго союза, какъ его нераздѣльная часть.

Тщетно Контакъ и Неголевскій протестовали противъ такой инкорпораціи все во имя тѣхъ же культурныхъ заслугъ Польши. Вы припомните, что̀ отвѣчалъ князь Бисмаркъ на эти заявленія. Инкорпорація состоялась и состоялась на грозныхъ для польской народности условіяхъ. Сѣверо-Германскій союзъ, впослѣдствіи Германская имперія, построился во имя начала національнаго единства, ради усиленія и развитія германской *народности*. Слѣдовательно, для польскихъ провинцій Пруссіи включеніе ихъ въ составъ союза (послѣ имперіи) означало новое торжество онѣмеченія негерманскихъ земель. До 1866 года, отъ польскихъ провинцій Пруссіи требовалось политическое подчиненіе прусской державѣ; теперь требуется подчиненіе культурное и народное. Правда, и прежде германизація дѣлала огромные успѣхи въ польскихъ областяхъ, подвластныхъ Пруссіи. Но теперь фактъ возведенъ на степень права, даже догмата. Насталъ 1870 годъ, и эта новая сила Германіи обрушилась на сторону, гдѣ польская эмиграція находила самую твердую точку опоры—на Францію. Новое разочарованіе для польскаго общества.

Наконецъ, вся мыслящая и политически развитая Европа возстала противъ того, что̀ нѣкогда служило главнымъ двигателемъ европейской исторіи—противъ выродившагося папства и его приспѣшниковъ, нѣкогда поднимавшихъ всю Европу на защиту „католицизма" въ Польшѣ.

Соедините эти три вещи — образованіе *національной* Германской имперіи, паденіе Франціи и явное вырожденіе папства, соедините все это и подумайте, не видоизмѣнился ли польскій вопросъ глубже, чѣмъ это кажется? Не слѣдуетъ ли воспользоваться этими обстоятельствами для блага нашего отечества?

Смыслъ ихъ очевиденъ. Они показали, насколько возможно возстановленіе Рѣчи-Посполитой; они уяснили цѣну европейскихъ симпатій къ Польшѣ; они раскрыли внутреннюю слабость духовнаго начала, связывавшаго Польшу съ католическими землями—папизма. Польша разбита на всѣхъ пунктахъ, именно тамъ, гдѣ она видѣла для себя твердую точку опоры противъ Россіи—въ Европѣ.

Не спорю противъ того, что той или другой европейской державѣ можетъ придти въ голову поднять „польскій вопросъ"; но всякій мыслящій полякъ, сообразивъ всѣ обстоятельства времени, догадается, что вопросъ поднимется не ради Польши, а противъ Россіи и на пользу данной европейской державы. Не спорю и противъ того, что еще долго иные члены польскаго духовенства будутъ пользоваться своимъ вліяніемъ на польскихъ женщинъ и нашептывать имъ въ исповѣдальняхъ слова ненависти противъ „схизматиковъ". Долго еще, вѣроятно, будутъ справедливы слова извѣстнаго оратора нашего, что

польскій юноша дѣлается революціонеромъ потому, что старая Польша встаетъ предъ нимъ „въ дивномъ величіи и златѣ“. Долго еще, наконецъ, нельзя будетъ говорить о *любви* поляковъ къ Россіи.

Чувства и стремленія, воспитанныя вѣками, не исчезаютъ вдругъ, особенно въ Польшѣ, да и вообще на Западѣ. Мы, русскіе, способны перемѣниться разомъ, круто повернуть фронтъ, возненавидѣть недавнихъ друзей и возлюбить вчерашнихъ враговъ. Въ этомъ наша сила и слабость. Поляки же слишкомъ держатся своихъ преданій, чтобъ отъ нихъ можно было ожидать внезапныхъ превращеній. Но это не даетъ намъ права смотрѣть на націю, какъ на величину всегда себѣ равную и неизмѣнную, неподдающуюся никакимъ *новымъ* историческимъ условіямъ. Напротивъ, здравая политика обязана зорко слѣдить за измѣненіемъ историческихъ комбинацій, принимать въ разсчетъ всѣ новыя явленія и извлекать изъ нихъ всевозможную выгоду для своего отечества.

Обстоятельства сложились такъ, что польское общество явно не можетъ идти по прежней дорогѣ. Утративъ свое значеніе въ Европѣ и для Европы, оно должно искать для себя иной точки опоры. Небольшая группа лицъ сознала это и ищетъ спасенія въ примиреніи съ Россіею, какъ съ главною представительницею славянскаго міра. Кажется, русская публицистика не можетъ отнестись къ этимъ фактамъ равнодушно. Она обязана заботиться о томъ, чтобъ мнѣнія меньшинства сдѣлались убѣжденіемъ большинства. Серьёзное и трезвое отношеніе къ этому дѣлу со стороны русскаго общества и русской печати дало бы этому меньшинству твердую точку опоры и имѣло бы рѣшительное вліяніе на колеблющіеся умы, которыхъ такъ много въ польскомъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ.

Конечно, вы избавите меня отъ труда разбирать вопросъ: почему сближеніе Россіи съ Польшею выгодно въ интересахъ обѣихъ странъ и всего славянства. Вы знаете это лучше меня, да никто и не оспаривалъ такой выгоды. Здѣсь необходимо остановиться на другомъ источникѣ вашего недовѣрія къ заявленіямъ польскихъ эмигрантовъ—на нѣкоторыхъ фальшивыхъ нотахъ, звучащихъ въ польскихъ письмахъ.

Письма эти найдены были высокомѣрными и неискренними. „Вы хотите мириться, а говорите тономъ педагога или человѣка высшей породы“. Вотъ главное возраженіе. На мой взглядъ эти „фальшивыя ноты“ объясняются очень просто—полнымъ незнакомствомъ съ убѣжденіями и стремленіями современнаго русскаго общества. Авторы писемъ, преисполненные хорошихъ намѣреній, никакъ не могутъ попасть въ тонъ, а потому иныя мысли ихъ какъ-то рѣжутъ ухо русскаго человѣка. Но предположимъ, что всѣ эти диссонансы, дѣй-

ствительно, плодъ нѣкотораго самомнѣнія, нѣкотораго покровительственнаго отношенія къ русской народности. Положа руку на сердце, нельзя не сказать, что значительная доля вины падаетъ на насъ. Отношеніе другихъ народовъ къ намъ, въ большой мѣрѣ, опредѣляется тѣмъ, какъ мы относимся къ себѣ. Припомните же отношеніе значительной части русскаго общества къ русской народности за послѣднія двадцать лѣтъ! Не говорю о необходимой во всякомъ обществѣ критикѣ существующихъ порядковъ, о здоровыхъ стремленіяхъ къ замѣнѣ отжившаго новымъ и т. д. Нѣтъ, я говорю объ отношеніи къ русской *народности*, взятой въ ея коренныхъ свойствахъ, въ капитальныхъ явленіяхъ нашей исторіи, умственной и духовной жизни.

Не будемъ называть именъ — грѣхъ общій, но признайте достовѣрность слѣдующаго факта. Еслибъ полякъ или всякій другой иноземецъ захотѣлъ составить себѣ понятіе о русскихъ историческихъ дѣятеляхъ по инымъ историческимъ сочиненіямъ и статьямъ (имя имъ легіонъ), онъ пришелъ бы къ заключенію, что русская земля не родила ничего, кромѣ злодѣевъ, идіотовъ или умалишенныхъ. Въ то время какъ поляки, часто страдавшіе противоположнымъ грѣхомъ, то и дѣло находили въ своей литературѣ польскаго Шекспира, польскаго Гейне, Диккенса и т. д., наша „литературная критика“ усердно занималась „сбрасываньемъ съ пьедестала“ корифеевъ нашей письменности. Какое имя, какія заслуги уцѣлѣли у насъ отъ поруганія, отъ травли самой безпощадной? И послѣ этого мы удивляемся, что „иностранцы и инородцы“ не интересуются ни нашею исторіею, ни нашею литературою. Это немного наивно.

Пойдемъ дальше. Всѣ мы живемъ теперь однимъ желаніемъ, одною надеждою — чтобъ русское оружіе сломило, наконецъ, турецкую орду и дало свободу славянамъ. Скажите, пожалуйста, можно ли было безнаказанно, не подвергаясь упрекамъ въ „отсталости, глупости, квасномъ патріотизмѣ“ и т. д., выражать эти мнѣнія и желанія лѣтъ пять-шесть тому назадъ. И вы, и я, и всѣ мы помнимъ, что слово „братья славяне“ употреблялось въ нашемъ обществѣ не иначе, какъ въ ироническомъ смыслѣ. До сихъ поръ помню я одну фразу, принадлежащую очень извѣстному и талантливому литературному критику. Позволяю себѣ привести ее потому, что писатель этотъ измѣнилъ съ тѣхъ поръ свои взгляды и печатаетъ прекрасныя корреспонденціи съ театра войны. Въ 1869 году печатались превосходныя статьи Н. Я. Данилевскаго *Россія и Европа* (вышедшія послѣ отдѣльною книгою). Критикъ, разбирая которую-то изъ статей Данилевскаго, замѣтилъ, что авторъ желаетъ учредить въ Царьградѣ „депо всеславянской глупости“. Фраза очень знаменательная, если

принять въ разсчетъ, что критикъ былъ вѣрнымъ выразителемъ мнѣнія значительнаго большинства нашего „интеллигентнаго общества".

Васъ, какъ и всѣхъ насъ, смущаютъ воспоминанія о печальномъ 1863 годѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что событія этого года плодъ „мечтаній" польскаго общества о старой Польшѣ, мечтаній, отъ которыхъ тщетно предостерегалъ поляковъ нашъ Государь. Но, собравъ наши воспоминанія объ этомъ времени, мы должны будемъ признать, что наше поведеніе давало большую пищу этимъ мечтаніямъ. Припомните только настроеніе нашей „интеллигенціи" въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Смѣло можно сказать, что взрывъ патріотизма, послѣдовавшій въ 1863 году, былъ рѣшительною *неожиданностью* для поляковъ и европейцевъ, судившихъ о настроеніи русскаго общества по верхнимъ его слоямъ. Вы знаете, что разсчеты поляковъ и ихъ европейскихъ друзей были основаны, между прочимъ, на томъ, что *русское* общество сочувствуетъ возстановленію Польши, и что одновременно съ польскимъ возстаніемъ начнется русская революція.

Обратимся къ послѣднимъ событіямъ. Я думаю, вы безъ труда согласитесь, что, съ одной стороны, образъ дѣйствій Россіи въ восточномъ вопросѣ былъ бы рѣшительнѣе и быстрѣе, а притязанія „иныхъ державъ" умѣреннѣе, если бы въ извѣстныхъ сферахъ нашего общества не носилось убѣжденіе, что Россія не въ силахъ взяться за рѣшеніе вопроса. Во многихъ мѣстахъ слышался одинъ и тотъ же вопросъ: „куда намъ!" — и это „куда намъ" имѣло разнообразные источники. Одни твердили это восклицаніе потому, что, по ихъ мнѣнію, Россія изъѣдена и разслаблена реформами, что освобожденіе крестьянъ подорвало экономическую силу Россіи, а преобразованіе арміи сломило дисциплину, что, въ результатѣ, Россія, при первомъ движеніи, развалится. Другіе восклицали то же, „принимая во вниманіе", что Россія сама недостаточно ушла по пути прогресса, а потому едва ли въ правѣ помогать другимъ. Третьи говорили, что Россія „вообще" не готова, да и вопросъ „не созрѣлъ" и т. д. Чѣмъ же могла казаться Россія черезъ призму этихъ взглядовъ. Слабенькимъ, еле живымъ государствомъ, населеннымъ безличнымъ, вялымъ народомъ, не сознающимъ ни своего призванія, ни своей силы. Такое государство можно протянуть черезъ всѣ каудинскія фуркулы разныхъ конференцій, почтительнѣйшихъ представленій и протоколовъ.

И вдругъ изъ этого полуживого государства, по первому слову Государя, выходитъ могущественная армія и совершаетъ всѣ военныя операціи на диво иностранцамъ; вдругъ изъ этого дряблаго народа выходятъ сказочные герои, безстрашные и самоотверженные. Русской народной гордости опять есть на комъ остановиться съ ува-

женіемъ и любовью. Дубасовы, Шестаковы, Драгомировы, Тергукасовы уже сдѣлались народными героями.

Но на долго ли? Кончится война, и мы опять, можетъ быть, предадимся самоуниженію и самооплеванію, опять будемъ со всею страстностью нашей натуры искать „темныя пятна“ въ герояхъ минувшей войны, опять будемъ твердить свое „куда намъ!“ и раболѣпно склонимъ голову передъ Европою, ожидая отъ нея „дальнѣйшихъ указаній“...

Вотъ существенный врагъ нашъ, врагъ болѣе страшный, чѣмъ всякое „польское коварство“, потому что послѣднее питается первымъ. Въ своей статьѣ вы говорите, обращаясь къ полякамъ: „если, въ самомъ дѣлѣ, вы почувствовали, наконецъ, что вы славяне и хотите принять участіе въ дѣлѣ освобожденія и возрожденія славянскаго міра, то дѣлайте это прежде примиренія съ нами, а самое примиреніе пусть произойдетъ, какъ послѣдствіе вашихъ славянскихъ симпатій“.

Не стану останавливаться здѣсь на предлагаемой вами градаціи „примиренія“. Замѣчу только мимоходомъ, что врядъ ли поляки могутъ войти въ славянство, не примирившись съ Россіею, потому что главное основаніе не-славянскаго направленія Польши есть ея нелюбовь къ Россіи. Но вотъ интересный вопросъ: настолько ли мы сами прониклись славянскою идеею, чтобы требовать отъ другихъ внезапнаго и рѣшительнаго погруженія въ „славянское море“? Настолько ли мы срослись съ нашею задачею, чтобы никогда, въ самыхъ мелочахъ нашей обыденной жизни, не отворачивать отъ нея лица нашего, работать для выполненія ея не только порывами и оружіемъ, а плугомъ, перомъ, сердцемъ и мыслью изо дня въ день?

Недалекое будущее дастъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дай Богъ, чтобы мы не сожгли сразу то, чему поклоняемся теперь, чтобы славянское движеніе не сдѣлалось снова синонимомъ „обскурантизма“ въ глазахъ однихъ и „замаскированною революціею“ въ глазахъ другихъ. Только тогда, когда знамя будетъ твердо въ нашихъ собственныхъ рукахъ, оно сдѣлается центромъ соединенія для другихъ.

Я говорю не о *самомнѣніи* народномъ—источникѣ застоя и всякаго зла, а о *самоуваженіи,* безъ котораго немыслима ни частная, ни народная личность. Но нѣтъ самоуваженія безъ наличности твердыхъ и опредѣленныхъ идеаловъ, безъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи, окруженныхъ уваженіемъ и любовью народа за то, что онѣ по мѣрѣ силъ своихъ были носителями и выразителями этихъ идеаловъ.

Вотъ что̀ намъ нужно понять, и тогда никакіе „Валленроды“ не будутъ намъ страшны. Мы обижаемся теперь за то, что съ

нами говорятъ „сверху“. Но что же дѣлать, когда мы сами десятки лѣтъ говоримъ со всѣми „снизу“, въ сознанiи нашей дрянности и убожества. Не имъ, а намъ нужно перемѣнить позицію, и тогда мы заговоримъ какъ равный съ равнымъ.

Примите увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженiи и преданности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I [1]).

Въ первомъ изданіи статьи *Современныя воззрѣнія на государство и національность* находится слѣдующее, не вошедшее во второе изданіе окончаніе:

„Весь отдѣлъ этого труда постоянно говоритъ о „теоріи разрушенія“ государства, но легко теперь замѣтить, что не противъ нея была направлена наша аргументація и собранные здѣсь факты.

Эта теорія есть, какъ мы старались показать, прямое и законное послѣдствіе неудовлетворительности разныхъ сторонъ общественной жизни и совершенно неудовлетворительныхъ научныхъ пріемовъ, продолжающихъ свое господство въ политическихъ наукахъ.

Можно ли возражать противъ послѣдствій, когда не устранены причины? Можно ли опровергнуть теорію, которой корни въ общепринятомъ міросозерцаніи?

Разрушительныя теоріи даже приносятъ своего рода пользу: онѣ указываютъ на слабыя стороны практики и науки, онѣ указываютъ на недостаточность практическихъ средствъ и на неудовлетворительность научнаго метода, потому что въ методѣ—вся наука.

Для своихъ изслѣдованій мы избрали этотъ послѣдній вопросъ: доказать несостоятельность научныхъ пріемовъ, господствующихъ въ настоящее время въ политическихъ наукахъ, показать, въ чемъ долженъ состоять методъ, соотвѣтствующій современнымъ научнымъ требованіямъ, и сдѣлать нѣкоторыя его приложенія къ важнѣйшимъ вопросамъ политическихъ наукъ.

Мы начнемъ съ основного вопроса государственной теоріи, съ вопроса объ образованіи государствъ и обществъ, т.-е. съ изслѣдованія тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ установляются общественныя связи, развиваются формы обществъ и образуется существенный элементъ политическаго общества—власть государственная. Эта исторія образованія общества будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованіемъ его „основаній“, равно какъ и основаній власти.

---

[1]) См. выше, стр. 106 и прим. на IV-й стр. Предисловія.

Методъ, которому мы намѣрены слѣдовать, въ значительной степени выясненъ въ предыдущихъ главахъ. Изъ нихъ можно видѣть, какъ мы смотримъ на задачу науки. Здѣсь можно еще привести замѣчательныя слова Прудона, на котораго часто ссылаются, какъ на вождя „разрушителей"; сошлемся на него, какъ на человѣка *науки*.

„Наука, говоритъ онъ, есть систематическое и освѣщенное разумомъ познаніе того, что *есть*.

„Прилагая это основное понятіе къ обществу, мы скажемъ: общественная наука есть систематическое и освѣщенное разумомъ познаніе не того, чѣмъ общество *было*, не того, чѣмъ оно *будетъ*, но что оно *есть* во всей его жизни, т. е. во всей совокупности его *послѣдовательныхъ* явленій: потому что только *здѣсь* можетъ быть разумъ и система. Общественная наука должна обнимать человѣческій порядокъ, не въ томъ или другомъ періодѣ его существованія, не въ нѣкоторыхъ только его элементахъ, но во всѣхъ его принципахъ и цѣлостности (интегральности) его бытія—такъ, какъ будто развитіе общества (évolution), разлитое во времени и пространствѣ, было вдругъ собрано и запечатлѣно въ картинѣ, которая, показывая разрядъ (série) возрастовъ и послѣдовательность явленій, раскрывала бы ихъ связь и единство.

Такова должна быть наука о всякой *живой и прогрессивной* дѣйствительности; такова несомнѣнно наука общественная" [1]).

Въ глазахъ Прудона разумъ имѣетъ, слѣдовательно, въ наукахъ общественныхъ то же значеніе, какъ и въ опытныхъ наукахъ, орудія выясненія *законовъ* и *системы* существующаго; авторъ *Экономическихъ противорѣчій* говоритъ въ сущности то же, что основатель реальной философіи—Бэконъ.

„Человѣкъ, истолкователь и слуга природы, расширяетъ свои познанія и свое дѣйствіе только по мѣрѣ того, какъ онъ открываетъ естественный порядокъ вещей чрезъ наблюденіе или размышленіе; онъ не знаетъ и не можетъ ничего больше знать... . . . .

Природу можно побѣдить, только повинуясь ей" [2]).

Правда, Прудонъ, особенно въ *Системѣ экономическихъ противорѣчій*, усвоилъ себѣ діалектическій методъ Гегеля. Но не надо забывать, во-первыхъ, что и въ ученіи Гегеля философія есть познаніе существующаго; не даромъ упрекали его (не понимая) за извѣстный афоризмъ, что „все существующее разумно, и все разумное существуетъ" [3]). Во-вторыхъ, Прудонъ сдѣлалъ изъ этой діалектики совершенно другое употребленіе, чѣмъ Гегель. Въ ученіи послѣдняго, „понятія" были не только орудіемъ познанія и системы, но причиною и источникомъ бытія вещей. . . . . .

Въ глазахъ Прудона, мы познаемъ чрезъ понятія дѣйствительно существующія явленія, развивающіяся по моментамъ діалектическаго процесса, т. е. по извѣстному закону раскрытія и примиренія противорѣчій.

Эта послѣдняя формула теперь несостоятельна, потому что она нуждается въ предварительномъ доказательствѣ *тождества законовъ мышленія и законовъ бытія*, т.-е. логическихъ законовъ развитія понятій и законовъ развитія органическихъ существъ, что, какъ извѣстно, опровергается всѣми данными опытныхъ наукъ. Кромѣ того, еще необходимо доказать, что законы развитія

---

[1]) *Système des contradictions économiques*. T. I, стр. 43, третьяго изданія.

[2]) *Novum organon*. I. I—III.

[3]) Разъясненіе этой формулы см. въ моемъ этюдѣ о политической философіи Гегеля, помѣщенномъ въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* за іюль 1870 г.

мысли и понятій формулируются въ діалектическомъ процессѣ, противъ чего такъ же стала бы возражать современная логика и психологія. Но, несмотря на все это и даже именно потому, взглядъ Прудона на характеръ и задачу общественныхъ наукъ остается вѣренъ.

Наука объ обществѣ и политической формѣ должна познать, что они есть не въ отвлеченномъ понятіи, абсолютномъ и неподвижномъ, но во всей совокупности ихъ видоизмѣняющихся жизненныхъ явленій.

Это познаніе и будетъ задачей предлагаемаго труда. Мы сознаемъ, конечно, что подобная задача превышаетъ средства единичныхъ усилій, и что, слѣдовательно, научная критика раскроетъ много несовершенствъ въ предполагаемой книгѣ. Но, во-первыхъ, наша задача ограничивается, на первый разъ, установленіемъ *новой точки зрѣнія* на предметъ и новаго метода его изслѣдованія. Затѣмъ, если примѣненіе этого метода къ подробностямъ вопроса, совокупность частныхъ доказательствъ не будутъ во всемъ удовлетворительны, то, мы приведемъ на память слова Ог. Конта: „то, что не можетъ быть выполнено единичнымъ умомъ и въ теченіе одной жизни, то можетъ быть *предложено* просто и ясно“.

Если этотъ „призывъ“ найдетъ сочувствіе въ зарождающихся *научныхъ* силахъ Россіи, цѣль наша будетъ достигнута“.

II [1]).

Выписка изъ протокола чрезвычайнаго Общаго собранія Императорскаго Общества для содѣйствія Русскому Торговому Мореходству 4 апрѣля 1878 г.

Членъ общества, профессоръ государственнаго права С.-Петербургскаго Университета А. Д. Градовскій, обратился къ собранію со слѣдующею рѣчью:

„Мм. Гг.! Мы сошлись здѣсь въ тяжелую и торжественную минуту. Торжественную потому, что никогда еще Россія не подходила такъ близко къ разрѣшенію вѣковой тяжбы славянства съ Турціей. Тяжкую по той причинѣ, что нѣкоторыя постороннія державы напрягаютъ всѣ усилія, чтобъ лишить Россію результатовъ войны, добытыхъ драгоцѣнною кровью нашихъ героевъ-воиновъ, потерею столькихъ денегъ! Тяжкою и потому еще, что Россія, послѣ такихъ гигантскихъ усилій, въ настоящее время находится въ полной неизвѣстности, добьется ли она признанія предложенныхъ ею мирныхъ условій! До сихъ поръ еще, какъ извѣстно, не рѣшенъ вопросъ: миръ или новая война? Въ такую-то страдную минуту, русское общество обязано помнить, что починъ уступокъ долженъ идти не отъ насъ! Пусть другіе сдѣлаютъ ихъ, а не девяностомилліонный русскій народъ! Такая мысль должна быть въ сознаніи каждаго, должна одушевлять всѣхъ! Вотъ причина, почему и наше скромное общество, предназначенное для преслѣдованія мирныхъ цѣлей, рѣшается сдѣлать воззваніе къ русскому народу, воззваніе, имѣющее въ виду цѣли военныя. Почему же именно оно должно было сдѣлать такое воззваніе? Да потому, что дѣятельность его находится въ прямой связи съ тѣмъ средствомъ, которое одно можетъ быть страшнымъ для главнаго и самаго опаснаго противника Россіи—

---

[1]) См. выше, стр. 583 и Предисловіе, стр. VI.

для Англіи, которая только въ одномъ морѣ и уязвима. Но и на морѣ она уязвима съ одной стороны, и не болѣе. Ни одна изъ морскихъ державъ не можетъ бороться съ ея военнымъ флотомъ. Тѣмъ менѣе можетъ бороться съ нимъ Россія, далеко не располагающая достаточными для этой цѣли средствами. Итакъ, Англія можетъ быть уязвлена только со стороны ея торговаго флота. Въ тотъ моментъ, когда выйдутъ въ море ходкіе русскіе крейсеры, когда англійскія торговыя суда вмѣсто того, чтобъ увеличить національныя богатства Великобританіи, будутъ попадать въ руки русскихъ моряковъ, Англія почувствуетъ, что рядомъ съ пресловутыми и вездѣсущими британскими интересами существуютъ интересы и другихъ державъ, также имѣющіе права на вниманіе и уваженіе, и тогда тѣ же самые голоса англійскихъ торговцевъ и промышленниковъ, которые такъ рьяно поддерживаютъ теперь воинственную политику Биконсфильда, эти самые голоса еще ревностнѣе возопіютъ о сохраненіи мира. Что это именно такъ, не иначе, лучшимъ доказательствомъ служитъ мнѣніе объ этомъ самихъ англичанъ. (Здѣсь, въ подтвержденіе своихъ словъ, ораторъ приводитъ пространное мнѣніе объ этомъ предметѣ Линдслея). Для того, чтобъ нанести серьезный, дѣйствительный ущербъ англійской торговлѣ, надо снарядить массу крейсеровъ, а на это потребны колоссальныя средства. Откажетъ ли намъ въ нихъ русскій народъ? Откажетъ ли онъ въ нихъ въ виду борьбы съ исконнымъ врагомъ своимъ, который только, повторяемъ, на морѣ и уязвимъ? Конечно, нѣтъ! Добывъ сильное, дѣйствительное средство для борьбы съ Англіей, мы должны поставить вопросъ: законны ли, однако, эти средства? Русскій человѣкъ привыкъ раздумывать о средствахъ къ достиженію цѣли, даже и въ борьбѣ съ врагомъ. Итакъ, законны ли, нравственны ли эти средства? Парижская декларація, такъ сильно наложивъ руку на крейсерство, ослабила тѣ средства, которыя имѣла Европа для борьбы съ Англіей. Но послушайте, однако, какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ самъ лордъ Пальмерстонъ. 3 февраля 1860 года онъ разсуждалъ такъ: „Существованіе Англіи зависитъ отъ ея морского преобладанія, а отсюда слѣдуетъ, что она не можетъ отказаться отъ права захватывать корабли чужихъ державъ и брать въ плѣнъ ихъ экипажи. Война, говорилъ онъ, конечно, страшное бѣдствіе, но самосохраненіе требуетъ иногда ея веденія, и держава, находящаяся въ положеніи Англіи, не можетъ отказаться ни отъ какого средства ослабить своего противника на морѣ. Матросы, которыхъ Англія не брала бы въ плѣнъ на купеческихъ корабляхъ враждебной державы, стали бы служить на военныхъ корабляхъ ея. Притомъ, частная собственность не болѣе уважается во время войны на сушѣ, какъ и въ войнѣ морской. Армія во враждебной странѣ беретъ все то, что̀ ей нужно или что̀ она хочетъ, не обращая никакого вниманія на право собственности. Это, конечно, только частное мнѣніе и не болѣе, но, вѣдь, англичане поддерживаютъ его и на практикѣ“. Далѣе, почтенный ораторъ выяснилъ значеніе торговой политики Англіи и затѣмъ продолжалъ: „итакъ, средство это законно для борьбы съ врагомъ потому, во-первыхъ, что оно признано за таковое и имъ самимъ. Законно оно, во-вторыхъ, и потому, что оно единственное въ нашемъ положеніи“.

Разсмотрѣвъ затѣмъ, будетъ ли предстоящая война поединкомъ между правительствами, и только, и отвергая такое положеніе, ораторъ справедливо указываетъ, что Англія думаетъ начать борьбу не противъ русскаго правительства, не противъ формъ его, а противъ идей, возвѣщенныхъ актомъ 12 апрѣля 1877 года, актомъ, освященнымъ волею народа и его симпатіями. Политика Англіи направлена противъ народныхъ интересовъ Балканскаго

полуострова и самой Россіи. Государственная Россія, доставивъ своему правительству крейсеровъ, можетъ нанести ущербъ торгово-морскимъ интересамъ Англіи.

„То, что̀ предлагается „Обществомъ мореходства", вполнѣ нравственно, законно и человѣчно. Оно нравственно и законно, ибо предлагается учрежденіе крейсерства, иначе—*морского ополченія,* снаряженіе и предводительствованіе которымъ поручено будетъ доблестнымъ, беззавѣтно храбрымъ и честнымъ русскимъ морякамъ. Оно *человѣчно,* наконецъ, потому, что въ немъ въ сущности заключается единственное средство, если не предотвратить войну, то по крайней мѣрѣ сократить ее, буде она начнется". Въ подтвержденіе послѣдняго положенія, ораторъ снова указалъ на великое значеніе крейсеровъ въ войнѣ съ такою державою, какъ Англія, торговля которой по преимуществу морская. Высказавъ все это, г. Градовскій остановился и на вопросѣ, что̀ дѣлать съ крейсерами въ случаѣ, если сборъ на покупку ихъ будетъ сдѣланъ уже, а самой войны, а стало быть и надобности въ нихъ, не будетъ, на который и отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ деньги эти употреблены будутъ на созданіе торговаго флота. Пламеннымъ призывомъ русскаго народа на энергическое, опредѣленное выраженіе его воли и силы закончилъ ораторъ свою блестящую рѣчь, и среди всеобщихъ поздравленій и рукопожатій сошелъ съ каѳедры.

Рѣчь эта была много разъ прерываема и покрыта единодушными рукоплесканіями.

КОНЕЦЪ VI-ГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
12	3 снизу	Laferrifère	Laferrière
126	12 „	нравоученія	правоученія
165	16 сверху	земнородные	земнорожденные
165	20 „	граджанскомъ	гражданскомъ
167	15 снизу	до настоящаго времени	совсѣмъ и донынѣ
167	14 „	не имѣли	не имѣли возраста
167	6 „	прошедшее	протекшее
528	22 „	безпощадно	безпощадна,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Славянскій вопросъ и война 1877 года.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Польскій вопросъ.